

132
810-88
11579-2
МОРДОВСКІЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

СОСТАВЛЕНЪ

А. А. Шахматовымъ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ОПИСАНІЕ СЕЛА ОРКИНА САРАТОВСКАГО УѢЗДА А. Н. МИНХА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1910.

Предисловіе.

Матеріалъ, вошедшій въ составъ настоящаго сборника, въ значительнѣйшей части собранъ въ 1905 и 1906 гг. въ двухъ мордовскихъ селахъ Саратовскаго уѣзда *Сухомъ Карбулакъ* и *Оркинъ*. Сухой Карбулакъ (мордва называетъ его Арчиловъ, Арчилоўвеле)¹⁾ находится верстахъ въ шестидесяти отъ Саратова къ сѣверу, въ направленіи къ г. Вольску; Оркино (иначе Кучугуры)²⁾ отстоитъ отъ Саратова приблизительно въ такомъ же разстояніи въ сѣверозападномъ направленіи и расположено верстахъ въ пяти отъ большой дороги, ведущей изъ Саратова въ г. Петровскъ. Оба эти села населены мордвой — эрзей, при чемъ русскихъ въ обоихъ селахъ сравнительно очень немного. Недалеко отъ Оркина, верстахъ въ трехъ отъ него, имѣется еще мордовское поселеніе въ деревнѣ Косолаповкѣ; здѣсь мордва живетъ вмѣстѣ съ русскими, составляющими половину населенія этой деревни; въ Косолаповкѣ я не былъ, но отъ тамошнихъ жителей мнѣ пришлось записать нѣсколько пѣсень, помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ вмѣстѣ съ оркинскими. Другихъ мордовскихъ поселеній, кромѣ трехъ названныхъ, въ Саратовскомъ уѣздѣ нѣтъ; но весьма вѣроятно, что нѣкогда мордва была въ этомъ

1) По имени грузинскаго царевича Арчила, которому нѣкогда принадлежали земли, занятые впоследствии мордовскимъ селеніемъ.

2) Оркино по имени одного изъ первыхъ поселенцевъ, мордвина Орьки; названіе Кучугуры встрѣчается въ малорусскихъ мѣстностяхъ; напр. въ Конопскомъ уѣздѣ Черниговской губ. есть д. Кучугуры или Кочугуры (Списки насел. мѣстъ, Черниговская губернія, № 1321); въ Сосницкомъ уѣздѣ той же губерніи Кучугуры (тамъ же, № 2948). Въ словарѣ украинской мовы, изд. редакціей «Кіевской Старины», слово кучугура приведено со значеніемъ холмъ, куча; кучугури со значеніемъ холмистая мѣстность.

уѣздѣ распространеннѣе; возможно, что окончательному обрусѣнію мордвы въ другихъ селеніяхъ Саратовскаго уѣзда содѣйствовало то обстоятельство, что селенія эти не заключали въ себѣ столь густого мордовскаго населенія, какъ Оркино и Сухой Карбулакъ. Въ пользу предположенія о нѣкогда болѣе широкомъ распространеніи мордвы въ Саратовскомъ уѣздѣ можно указать на нѣкоторыя географическія названія: на тракѣ изъ Саратова въ Вольскъ, верстахъ въ тридцати отъ Саратова, имѣется рѣчка Мордово и селеніе съ тѣмъ же названіемъ (извѣстное болѣе подъ именемъ Вольновка); въ другую сторону отъ Саратова недалеко отъ тракта Саратовъ - Петровскъ, верстахъ въ тридцати отъ самаго Саратова, имѣется деревня Губаревка: названіе это всего вѣроятнѣе возводитъ къ мордовскому слову губор-губыр (холмъ, бугоръ), при чемъ это подтверждается другимъ названіемъ Губаревки, бывшимъ раньше болѣе обычнымъ среди исключительно русскаго населенія этой деревни, — Бугарѣвка, Бугрѣвка (отъ бугоръ)¹⁾. Мордва жила нѣкогда и въ Аткарскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь ея нѣтъ совсѣмъ; это доказывается географическими названіями; приведу, на примѣръ, названіе рѣчки Колышлей; одноименная рѣчка извѣстна и въ Пензенскомъ уѣздѣ (лей — по-мордовски рѣка). Отмѣчу въ Камышинскомъ уѣздѣ въ Золотовской волости русскую деревню Мордово. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время Оркино и Сухой Карбулакъ оказываются наиболѣе южными поселеніями морды на правой сторонѣ Волги (впрочемъ, П. И. Мельниковъ въ своихъ очеркахъ указывалъ на двѣ мордовскія деревни въ Астраханской губерніи: вѣроятно, мордва явилась здѣсь въ результатъ позднѣйшаго переселенія).

Описаніе Оркина съ надлежащими этнографическими и статистическими указаніями дано ниже, на стр. 681 и слѣд. сборника, въ статьѣ А. Н. Минха, извѣстнаго изслѣдователя этнографіи и археологіи Саратовскаго края; статья эта была составлена еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія; я глубоко

1) Мѣстное преданіе сообщаетъ о томъ, что названіе Губаревки произошло отъ имени казака Губарева, перваго поселенца въ этой мѣстности.

признателенъ А. Н. Минху за то, что онъ предоставилъ ее въ мое распоряженіе и далъ мнѣ возможность включить ее въ составъ моего сборника. Кромѣ описанія, даннаго Минхомъ, укажу еще на описаніе Оркина, записанное мною со словъ мѣстнаго жителя и помѣщенное въ I отдѣлѣ сборника. Тамъ же дано описаніе и Сухого Карбулака, при чемъ рассказчики охотно дѣлились и сохранившимися преданіями о началѣ селеній и о послѣдующихъ ихъ судьбахъ. Не буду поэтому повторять данныхъ, приведенныхъ тамъ, относительно Оркина и Сухого Карбулака; укажу только, что въ настоящее время въ Оркинѣ насчитывается до 6000 душъ обоюго пола, а въ Сухомъ Карбулакѣ до 3000.

При собираніи образцовъ народнаго творчества въ обоихъ названныхъ селахъ я оказался въ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ. Свои занятія мордовскимъ языкомъ я началъ съ Романомъ Ѳедоровичемъ Учаевымъ, бывшимъ въ то время учителемъ Новопольской церковно-приходской школы Саратовскаго уѣзда. Р. Ѳ. Учаевъ уроженецъ Сухого Карбулака; біографическія данныя о немъ см. въ настоящемъ сборникѣ, на стр. 636—642, 646—649. Замѣтивъ его прекрасныя способности и условившись съ нимъ относительно подробностей транскрипціи мордовскихъ звуковъ (Р. Ѳ. Учаеву вообще не приходилось или приходилось очень рѣдко передавать родную рѣчь на письмѣ), я просилъ его съѣздить въ Сухой Карбулакъ и тамъ записать изъ устъ народа преданія, сказки, пѣсни и т. п. матеріалъ. Р. Ѳ. Учаевъ весьма удачно справился со своей задачей; къ концу лѣта 1905 года онъ доставилъ мнѣ большое собраніе фольклористическаго матеріала, при чемъ, будучи музыкантомъ, присоединилъ къ пѣснямъ и записи мотивовъ. Весь этотъ матеріалъ, провѣренный мною въ отношеніи точной передачи звуковъ при перечитываніи текстовъ вмѣстѣ съ Р. Ѳ. Учаевымъ, напечатанъ въ настоящемъ сборникѣ почти безъ измѣненій или точнѣе съ тѣми измѣненіями, необходимость которыхъ выяснилась при совмѣстномъ моемъ съ Р. Ѳ. Учаевымъ ихъ обсужденіи. Въ прошломъ году я посѣтилъ самый Сухой Карбулакъ и убѣдился изъ весьма значительнаго

числа собственных своих записей¹⁾, насколько точно Р. Θ. Учаевъ передавалъ свою рѣчь. Впрочемъ, и раньше мнѣ пришлось слышать сухокарбулацкій говоръ не отъ одного Р. Θ. Учаева; между прочимъ кое-что записано было мною въ 1906 году отъ его матери, старушки лѣтъ 60-ти; эти мои записи помѣщены въ сборникѣ вмѣстѣ съ записями самого Р. Θ. Учаева, но отличены латинскимъ шрифтомъ (Р. Θ. Учаевъ пишетъ только русскими буквами), см. стр. 155—157, 646—650 сборника. Латинскимъ же шрифтомъ я напечаталъ то, что записалъ со словъ самого Р. Θ. Учаева для того, чтобы отличить мои записи отъ его записей, см. стр. 43—46, 636—645, 650—653 сборника.

Съ оркинскимъ говоромъ я познакомился въ августѣ 1905 года, когда впервые посѣтилъ Оркино и записалъ тамъ много сказокъ и пѣсень. Потомъ я тщательно изучалъ особенности этого говора при помощи Василя Степановича Саюшкина, оркинскаго уроженца, бывшаго въ то время сельскимъ писаремъ въ д. Бѣгучахъ Петровскаго уѣзда. Въ концѣ августа предложилъ мнѣ свои услуги Юсифъ Александровичъ Цыбинъ, постоянный житель Оркина, бондарь по профессіи. І. А. Цыбинъ оказался человѣкомъ въ высокой степени одареннымъ; необыкновенная память и развитая фантазія дѣлаютъ его неистощимымъ рассказчикомъ; подъ его диктовкой я исписалъ много листовъ бумаги; часть этихъ записей помѣщена въ настоящемъ сборникѣ. І. А. Цыбинъ пытался передавать мордовскую рѣчь на письмѣ русскими буквами, но это ему не удавалось дѣлать такъ точно и отчетливо, какъ Р. Θ. Учаеву, несмотря на придуманныя имъ діакритическіе знаки (ѣ, ѡ для обозначенія глухихъ р, л; ѣ для обозначенія задненѣбнаго); для образца я помѣстилъ въ сборникѣ нѣкоторыя изъ записей І. А. Цыбина, см. стр. 430—431, 446—449, 489—492, 630—635, 667—674. Мои записи по Оркину не ограничивались однимъ І. А. Цыбинымъ; кое-что я записалъ отъ В. С. Саюшкина, отъ Татьяны Учуськиной, отъ

1) Эти записи (подкрѣпленные частью и фонографическими отпечатками) не вошли въ составъ настоящаго сборника, и такъ чересзмѣрно разросшася.

Анастасьи Кожайкиной, а также еще отъ нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ. Въ I приложеніи къ сборнику я помѣстилъ двѣ пѣсни, записанныя въ 1904 году учителемъ Ложкинымъ (стр. 674—679), а въ отдѣлѣ оркинскихъ пѣсень записи, сдѣланныя въ концѣ семидесятыхъ годовъ учителемъ Леонтьевымъ по порученію А. Н. Минха, см. стр. 431—434, ср. еще стр. 483—484, 486—487.

Во всякомъ случаѣ я особенно обязанъ за помощь и руководство Р. Ѳ. Учаеву и І. А. Цыбину; приношу имъ здѣсь свою глубокую благодарность.

Оркинская мордва меньше, чѣмъ сухокарбулацкая, поддавалась вліянію русскаго населенія; это видно между прочимъ изъ того, что въ Оркинѣ мордва не разсталась со своимъ національнымъ костюмомъ; по крайней мѣрѣ въ 1906 году женщины еще почти совсѣмъ не носили платьевъ русскаго покроя, хотя и горько жаловались на насмѣшки, которымъ онѣ подвергаются въ русскихъ селеніяхъ (напримѣръ, въ большомъ торговомъ селѣ Озеркахъ, отстоящемъ отъ Оркина въ пяти верстахъ). По этимъ жалобамъ а также по сѣтованіямъ на неурожай марены, изъ которой добывается красильное вещество, необходимое для изготовленія нѣкоторыхъ частей женской одежды, я въ 1906 году дѣлалъ заключеніе о томъ, что время перехода оркинскаго населенія къ русскому платью весьма близко. Въ связи съ общей приверженностью оркинской мордвы къ старинѣ стоитъ и то, что пѣсни и старинные обряды держатся здѣсь гораздо устойчивѣе, чѣмъ въ Сухомъ Карбулакѣ. Оркино не теряетъ связей съ другими мордовскими селеніями, расположенными въ сосѣднемъ Петровскомъ уѣздѣ, хотя оркинцы и отличаютъ свое нарѣчіе даже отъ ближайшихъ сосѣдей, которыхъ называютъ «мурзями»; подобныя связи служатъ причиной сохраненія въ Оркинѣ мордовской старины и ограждаютъ оркинцевъ отъ слишкомъ быстраго обрусѣнія. Напротивъ, Сухой Карбулакъ окруженъ русскими поселеніями; ближайшія мордовскія селенія Вольскаго уѣзда отстоятъ отъ Сухого Карбулака верстахъ въ сорока; мордовская старина стала тамъ забы-

ваться, и уже въ очень давнее время жители Сухого Карбулака бросили свой національный костюмъ. Забываются также и свои пѣсни; мордва поетъ русскія пѣсни, а мордовскія развѣ только въ пьяномъ видѣ, какъ сообщаютъ мѣстные наблюдатели. Въ старину, какъ припоминаютъ старые люди, пѣсень было больше и ихъ пѣли охотнѣе; въ настоящее время рѣдко кто знаетъ больше двухъ-трехъ мордовскихъ пѣсень; многіе помнятъ только отдѣльные обрывки тѣхъ или иныхъ пѣсень.

Живѣе сохраняются въ Сухомъ Карбулакѣ преданія. Замѣчательно, что въ 1909 году мнѣ рассказывали тѣ самыя преданія о началѣ Сухого Карбулака, которыя въ 1905 году записалъ Р. Θ. Учаевъ, при чемъ употребляли одинаковыя выраженія, приводили одинаковыя подробности. Одно изъ помѣщенныхъ мною въ сборникъ преданій — о томъ, какъ мордовская земля перешла во владѣніе русскаго князя (стр. 46—48), несомнѣнно книжнаго происхожденія; въ немъ упоминаются Волжскіе Болгары; преданіе это появилось въ печати въ семидесятыхъ годахъ. Но замѣчательна наивная передача его: въ концѣ рассказчикъ дѣлаетъ замѣчаніе, изъ котораго можно заключить, что подъ русскимъ княземъ онъ разумѣетъ бывшаго своего помѣщика.

Что касается сказокъ, то бѣольшая часть ихъ не представляетъ чего-либо оригинальнаго; эти сказки извѣстны и русскимъ, хотя возможно, что мордва сохранила весьма древнія черты при передачѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Не привожу при сказкахъ ихъ русскихъ параллелей, хотя и сознаю всю важность подобныхъ указаній въ систематически подобранномъ сборникѣ; не дѣлаю ссылокъ и на обнародованныя уже мордовскія сказки во II выпускѣ Образцовъ мордовской народной словесности (Казань 1883), а также въ «Proben der mordwinischen Volksliteratur. Gesammelt von Н. Раasonen» (Helsingfors 1894), и другихъ изданійхъ. Весьма желательно появленіе работъ, посвященныхъ вопросу о сказочномъ репертуарѣ мордвы — эрзи и мокши, а также систематическихъ собраній этихъ сказокъ. Уже теперь видно, что нѣкоторыя сказки заимствованы мордвой не отъ русскихъ, Любо-

пытнo опредѣлить происхожденіе нѣкоторыхъ именъ, встрѣчающихся въ сказкахъ, какъ напр. Дячка Най-Най въ сказкѣ, помѣщенной на стр. 356—370, Мазы Дамай, Карясъ въ сказкѣ, напечатанной въ Обр. морд. нар. слов. II, стр. 118.

При пѣсняхъ я сдѣлалъ нѣсколько ссылокъ на однородныя или тождественныя пѣсни, извѣстныя изъ другихъ сборниковъ мордовской словесности. Специально относительно весьма распространенной пѣсни о Литювѣ (стр. 521—526) напомню, что разборъ ея былъ предложенъ М. Г. Халанскимъ въ его изслѣдованіи «Южнославянскія сказанія о кралевицѣ Маркѣ» (стр. 365 и сл.). Въ пѣсняхъ мордва обнаружила несомнѣнно самостоятельное творчество. Содержаніе ихъ весьма разнообразно, такъ же разнообразны и размѣры; преобладаетъ десятисложный стихъ, укладывающійся въ четырехъ стопахъ. Важно отмѣтить обиліе пѣсенъ историческаго содержанія; систематическое собраніе и разработка ихъ со стороны сюжета были бы благодарнѣйшими задачами для изслѣдователя. Въ Оркинѣ, а въ особенности въ Сухомъ Карбулакѣ пѣсни, какъ отмѣчено, забываются; но замѣчательно, что выдающіяся событія въ жизни села вызываютъ и до сихъ поръ попытки облечь рассказы о нихъ въ пѣсенную форму; мнѣ извѣстна одна оркинская пѣсня, составленная въ 1905 году по поводу случившагося въ селѣ убійства, и одна сухокарбулацкая, описывающая народное волненіе 1906 года; та и другая пѣсня оказываются подражаніями существующимъ стариннымъ пѣснямъ. Есть полное основаніе думать, что въ мѣстахъ съ болѣе густымъ мордовскимъ населеніемъ сохранилось обильное количество старыхъ пѣсенъ, неизвѣстныхъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Житель Сухого Карбулака И. О. Мироновъ сообщилъ мнѣ нѣсколько интересныхъ пѣсенъ съ историческимъ содержаніемъ. Въ нихъ упоминается о борьбѣ эрзи съ мокшей; называются имена мордовскихъ князей или военачальниковъ; по провѣркѣ оказалось, что И. О. Мироновъ записалъ эти пѣсни отъ своей тещи родомъ изъ Аслановки Вольскаго уѣзда; поэтому онѣ не вошли въ настоящій сборникъ. Обращаю вниманіе на весьма распространенную въ Сухомъ Карбулакѣ

пѣсню объ императорѣ Павлѣ Петровичѣ (стр. 558—560), известную и въ другихъ мордовскихъ поселеніяхъ.

Нѣкоторыя пѣсни пришлось записать прозой въ виду того, что сообщавшія ихъ лица затруднялись передать ихъ поточнѣе.

Загадочна пѣсня о Лушѣ, проклятой еще въ утробѣ матери (стр. 434—436; 556—558); варіантъ къ ней въ записи А. Вальда 1849 года, помѣщенъ въ приложеніи I, стр. 679—680. Особенною симпатіей пользуются: пѣсня объ Агутьѣ (стр. 533—534), известная мнѣ теперь въ нѣсколькихъ варіантахъ, пѣсня о Дарюшѣ (стр. 553—555), о Кемельте (стр. 562—564), о Сюмургѣ (стр. 564—568). Весьма распространена пѣсня «Лугава яке сыре алаша» (стр. 429—434, 555—556).

Выше указано, что именно вошло въ составъ двухъ первыхъ приложеній къ сборнику. Въ III приложеніи я помѣстилъ краткій очеркъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей говоровъ Сухого Карбулака и Оркина. Съ большою признательностью называю здѣсь книгу Г. Паасонена *Mordvinische Lautlehre* (Helsingfors, 1903), которая помогла мнѣ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ фонетики. Не могъ я согласиться признать за Паасоненомъ (см. его *Mordw. Lautlehre*, стр. VII—VIII, а также *Mordvinische Chrestomatie*, Helsingfors, 1909) долгими или полудолгими, шумныя глухія согласныя въ положеніи ихъ между гласными, а также между г, л, п, т и гласными; напр. въ словахъ *buka*, *aŋa*, *modasa* я слышалъ краткія *k*, *t*, *s* въ противоположность напр. словамъ *poloka* (по пологу), *vetä* (о водѣ), *gamaŋa* (пусть онъ купитъ), гдѣ *k*, *t*, *s* дѣйствительно долги.

Относительно передачи мордовскихъ звуковъ въ текстахъ замѣчу слѣдующее: *l* обозначаетъ *Ĺ*, т. е. русское л несмягченное; *l̥* и *ŋ* обозначаютъ глухія *l* и *ŋ*, извѣстныя въ оркинскомъ говорѣ передъ глухими мгновенными; *ŋ* обозначаетъ задненёбное *n* (болѣе подходящимъ знакомъ было бы *ɳ*); *ë* означаетъ *e* среднего ряда, передъ которымъ согласныя произносятся твердо; *z* означаетъ сочетаніе *dz*, звонкую аффрикату, соотвѣтствующую глухому *s*; *ô* означаетъ *o* среднего ряда (звукъ между *o* и *ö*). Другіе знаки

не нуждаются въ оговоркахъ. Удареніе я обозначалъ точкой за буквой, выражающею гласную. Не всегда при скорой записи мнѣ удавалось обозначить мѣсто ударенія въ слогѣ, а потому многія слова оказываются приведенными безъ ударенія. Передавалъ я звуковую сторону рѣчи такъ, какъ я ее слышалъ; на основаніи этого я воспроизводилъ и тѣ особенности, которыя вызываются положеніемъ слова въ связной рѣчи; я писалъ *tuín zuvíl* (свинина), хотя *z* замѣнило *s* въ началѣ слова *suvíl* (мясо) только благодаря положенію послѣ звонкой согласной; но иногда (въ особенности въ Оркинѣ) слышится и *tuín suvíl*; это отмѣчено и въ моихъ записяхъ. То же относится и къ конечнымъ гласнымъ *a*, *e*, вмѣсто которыхъ (при томъ условіи, когда *a* восходитъ къ *α*) слышится *u*, *i* въ связной рѣчи. Р. Θ. Учаевъ держался тѣхъ же приемовъ.

А. Шахматовъ.

Апрѣль 1910 г.

Отдѣлъ I. Преданія.

А. Оркино.

Mi-ník válinť ta-rkasa šediki-lä ulni-šť rozbo-jnekeń statt. Mon maři-n syři lo-mańin peldä vä-χkiń ta-rkada, šty šesa-ärä-š Šteńka-Ra-žin. Še ta-rkaš nejga-k pek parćtä soda-vä: ozór-ně-jška pa-nda karda-zyń po-nasa, ľämi-za i nejga-k: Käví-n ka-rdaz; kunčkávi-cynza gu-byr, gu-byryńť prá-sa tumavírnä, a šefť ku-nčkasa, gu-byryńť prá-sa ko-lmy ki-liχť, ki-liχńin ala ľisma-prá. Afa-ťná kortě-t, šty še ta-rkasyńť sama-j ärä-šť roz-bo-jneknä, a uša pekseza pa-ndyńť väχkiń pe-lej prok o-řta. A krugo-myza a-slyn ka-rdaz. Sa-maj pa-ndyńť prá-va ašcy ví-řná prok la-ta, a alksy-za prok kä-viin šte-na. Še šte-nańti měřet

На мѣстѣ нашей деревни были нѣкогда разбойничьи притоны. Я слышалъ отъ старыхъ людей насчетъ одного мѣста, что тамъ жилъ Стенька Разинъ. Это мѣсто и теперь можно очень хорошо узнать: огромная гора, похожая на дворъ, имя ея и теперь: Каменный дворъ; на серединѣ ея бугоръ, на бугрѣ дубовый лѣсокъ, а на самой серединѣ, на вершинѣ этого бугра три березы, подъ березами родникъ. Старики говорятъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ жили разбойники, а наружная сторона той горы съ одной стороны похожа на ворота. А вокругъ нея какъ есть дворъ. По самой вершинѣ горы—лѣсокъ, словно крыша, а низъ ея словно

Kāvi-ń ka-rdaz ča-ma. Karda-zyńt ājsta vā pe-lej ašcy-t kafta pantt sā-tiχt, a pona-st prok tā-χtīrīn potť. Ne pantnyń lāmi-st Karau-ľnyj pantt. Atātńā jofńe-t, za-rda ārās Šte-ńka Ra-zin, to ņe pa-ntnyń laŋksa syń vanfńi-št kija-va juty-čat i bu-ta to-sta mo-dańt pačk ulńi-š vetaf čep. Kodak ņeje-t ju-tyčat, to syń i nockofcēz še čepent, a še čepent pā-sa ulńi-š sulma-f ba-jaga. Jalga-st, koda-k maŋa-syž še ba-jagańt, i liši-t kila-ŋks. A sedī tovō-la pokš ki pe-lej ulā la-tka, lāmi-za Ba-ńa la-tka, byta syń še-zēn jakši-št bańa-s paŋa-ma. A še latkyńt tomba-lā uli Čakš la-tka. Še la-tkyńti jakši-št mīnīk dēdu-žynyk Paznyń kašā-ń pīdīmā: ištama synst ulńi-š koje-st. Eščo vā-χkiń ta-rkasa ulā panda lāmi-za Koze-lēn-strup. Še pa-ndyńt a-ly la-tka, lāmi-za Koze-lēn-strup-la-tka. I vot mā-št jofńe-t mīni-k ruzy-ń ata-nyk: kyda- vāli-š tesa-ara-sil, še latksyńt ārā-št rozbo-jněkt; ulńi-št ze-mľaŋka-st. Žemľaŋka-syńt syń ārci-št i ulńi-š maryl-st vā-χki tā-χtīr. Kyda vāli-tnā karmašt oza-ma malaŋ, syń duma-št kadu-mynza

каменная стѣна. Эту стѣну называютъ лицевою стороною Каменнаго двора. Въ сторонѣ отъ этого двора расположены двѣ высокія горы, а видъ ихъ словно дѣвичьи тѣткы. Имя этихъ горъ—Краульныя горы. Старики рассказываютъ, что когда жилъ Стенька Разинъ, то разбойники на этихъ горахъ подкарауливали проѣзжавшихъ по дорогѣ, и будто оттуда сквозь земли была протянута цѣпь. Какъ только увидятъ проѣзжающихъ, они и дернуть эту цѣпь, а къ концу этой цѣпи былъ привязанъ колоколь. Какъ услышатъ ихъ товарищи тотъ колоколь, они и выйдутъ на дорогу. А еще дальше къ большой дорогѣ есть оврагъ по имени Банный оврагъ: будто они ходили туда париться въ баню. А по другой сторонѣ этого оврага Горшковый оврагъ. Въ этотъ оврагъ наши дѣды ходили варить кашу для Бога: такой у нихъ былъ обычай. Еще въ одномъ мѣстѣ есть гора по имени Козлиный срубъ. Подъ этой горой оврагъ по имени «оврагъ Козлинаго сруба». И вотъ что рассказываютъ наши русскіе старики:

te tarka·ńt i tuji·ms daľšy. Dumašć i syrga·št, a še tā·χtirińť kady·ž zemlaŋka·ńti, pekstěž i tušt. A tāχti·rińť pokšěst pek vėčke·ľcā. Žaľ dānga ma·rāvā. Kyda· molćť vāpe·ľej, son mēřā: ēχ, bratecy, vėd' mon sońcčavi·cā pėrčatkam stufty·ńā; tyń azida sa·sta, a mon čyjnan, nať, sajsa· i sasa·tadyž. Molć zemlaŋkańti, ľi'fi·žā tāχti·rińť i mēřc tānga: «mīń nej tuta·na te·sta, a ton nesa·k ona še tuža pa·ndyńť; še pandyńť ala u·lā ruz vā·ľińā, moľť še vāľińti i āra·k, a biđi ľiśa·t mīrdi·ńiń i karmī·t āra·vuma tāt jarma·kt, sak teĵ; panžyk zemla·ŋkańť i kučyk mīrdi·t jarma·k mā·ľga; ža·ra tāŋk ā·rāvīt, śnara i saji·da, a tońc iľa· sua, a biđi tońc su·va·t zemla·ŋkańti, to ton tesk kadu·vat. I tuś jalga·nga sasa·ma. A te tuś Loχa· pē·ľej: še vāľińińť ľā·miza ulńi·ś Lo·χa. Molć to·zeń i ara·ś vā·χki loma·ńiń i āra·ś kecē·nga robō·tnekeks. A vāχki u·ľiś še vā·ľisyńť kodamy biđi Paznyń o·znēcā cō·ra. Rusny mēřnešt tānga· Byhamo·l.

A mīńik vā·ľiś karma·ś toža oza·ma: pē·rvěj saś O·řka a·ta

когда здѣсь не было этого села, въ этомъ оврагѣ были разбойники; у нихъ были землянки. Въ тѣхъ землянкахъ они жили, и была съ ними одна дѣвушка. Какъ по близости стали населяться села, они рѣшили оставить это мѣсто и уйти подальше. Рѣшили и собрались, а ту дѣвушку оставили въ землянкѣ, заперли ее и ушли. А дѣвушку очень любилъ ихъ атаманъ. Ему стало жаль ея. Когда они ушли далеко, онъ говорить: «эхъ, братцы, вѣдь я позабылъ свою перчатку самобойную; вы, идите потихоньку, а я, зная, сбѣгаю, возьму ее и догону васъ». Пришелъ онъ къ землянкѣ, вывелъ дѣвушку и сказалъ ей: «мы теперь отсюда уйдемъ, а ты видишь вотъ ту желтую гору; подъ той горой есть русская деревушка, иди въ ту деревню и живи, а если выйдешь за мужъ и нужны будутъ тебѣ деньги, приходи сюда; отопрѣ землянку и пошли своего мужа за деньгами; сколько вамъ понадобится, столько возьмите, а сама ты не входи; а если ты сама войдешь въ землянку, то ты тамъ останешься». И пошелъ онъ догонять

kolmy čora·nga mar̄ta i ul̄ni·št̄ t̄ä·χti·ringa. M̄ajl̄a saš K̄lim. Še K̄limys̄, jof̄net̄, pek̄ zdoro·u ul̄ni·s̄. Ǟrä·s̄ son tatar v̄ä·lisa i m̄ä·ziñ kisa biđi so·nga čavyksyliž. Son sajs̄ du·bina i v̄ät vo·rgeč̄ i sašto·ža tej. Son O·rka a·t̄än t̄ä·χti·ringa sa·jižä koža·jkaks i karma·s̄ ǟra·ma. M̄ä·jl̄a saš Uču·s̄ afa.

Vot v̄äli·s̄ karma·s̄ ala·myñ a·lamyñ puru·myma, a še t̄ä·χti·riš, kona· Loxa·s̄ tuš, ǟraš̄ ǟraš̄ robótnekeks, koža·jkaks kijak ä·synza a·sajä. Son sa·jižä Bahamol čo·rañt̄ i kořtezä äšt̄a·nga, ur̄vaksčt̄ i tušt̄ ǟra·ma O·rka v̄ä·l̄ij. Vot išta a·lamyñ a·lamyñ i pru·ms̄če·la v̄ä·l̄ä.

Mon ikil̄i kořtēñ: Koželen·strup·latksta kyda· tušt̄ rozbo·jñe·kñä i kyda t̄ä·χti·riñt̄ no·ldež, koda Loxas pačkyč, koda· ǟraš̄, koda· v̄enčä·s̄ i koda· tej m̄äkiy ǟra·ma saš Kučaguryñti. Karmašt̄ ǟra·ma. Syñ m̄äždiya·k äšt̄ pišt̄. Koda·k t̄äst̄ ǟrävit̄ jarma·kt, kil̄di·t̄ ala·ša, mo·let̄ zemlan̄ka·ñti, peščet̄ žary t̄äst̄ ǟrä·v̄ä; ñet̄ li·šit̄, e·ščo mo·le·t̄. Išta· i ǟrašt̄. Čačč̄ čo·rast̄ Mi·ška, ul̄ni·s̄ pek̄ pi-

товарищей. А эта пошла къ Лоху: имя той деревушки было Лохъ. Пришла она туда и опредѣлилась къ одному человѣку и жила у него работницей. А въ той деревнѣ жилъ какой-то (постоянно) молившійся Богу мужчина. Русскіе называли его Богомоломъ.

А наше село также стало населяться: первымъ пришелъ старикъ Орька съ тремя своими сыновьями, и были у него (также) дочери. Послѣ пришелъ Климъ. Тотъ Климъ, сказываютъ, былъ очень сильный. Онъ жилъ въ татарской деревнѣ, и его за что-то захотѣли убить. Онъ взялъ дубину, убѣжалъ ночью и также пришелъ сюда. Онъ взялъ въ жены дочь старика Орьки и сталъ жить. Потомъ пришелъ старикъ Учусъ.

Вотъ село и стало понемножку собираться, а та дѣвушка, которая ушла въ Лохъ, жила въ работникахъ; въ жены никто ея не бралъ. Она взяла и приговорила себѣ Богомола; они поженились и ушли жить въ Орькину деревню. Вотъ такъ понемногу и собралось цѣлое село.

ja-níca, syń sońdänza kazna-ńt äziź nef'ňä. Miška-ń ćora-nza ul'ni-šť ko-lma: Petruḡa, Ignaška da Še-mka. Petruḡań ćora-za ul'niš a-ńcik vāḡki: Iva-n, Iva-nyń ćora-nza vā-tā: vāši salda-tt. Pokšē-ńt lām Mi-ška, ombō-ćeń še-mka, kolmō-ćeń Zaḡa-rka, nili'ciń Davy-dka, vāti-ćiń Ġri-ška. Ġriška-ś, Davytkaś i Zaḡarkaś nejgak služba-syt, a net ku-cyt. Vot syń zynć jo-fnešť i tarkańt nef'neź, a syńdäst baba-st nef'ne-žā ko-sy kazna-ś aščā. Mon jofne-ń tāt Klī-mda, koda son saś, koda urvakśē, sajs koža-jka Orka-ń dā-ḡtiř. Klīmy-ń ćora-nza ul'ni-šť nilā: pokšē-ńt lāmī-za La-ra, ombō-ćeń Troša, kolmōćeń Ba-lgor, nili'ciń Va-sil. Larā-ń ćora-nza ul'nišť ka-fta: Fēda-j i Mi-ša. Miša-ń ćora-nza nilā: Aki-m, Oḡa-, E-ḡsej, Pa-vol. Fēdāń ćora-nza vāfā: Ilja-, Zota-, Vaša-, Pka-, Dro-ňā. Net vāši žif't Ilja-da ba-ška. Troša-ń ul'ni-ś ćora-za I-van, Iva-nyń ćora-nza ni-lā: pokšēnt lāmīza Onta-, ombōceksēnt Maksi-m, kolmō-ćeńt Kīfor, nili'cińt Iva-n. Onta-ń ćo-ranza kafta: Iogy-ř i Lo-va. Iogy-ryń ćora-nza ka-fta: Miki-l,

Я раньше говорилъ, какъ разбойники ушли изъ «оврага Козлинаго сруба» и какъ они оставили дѣвushку, какъ она дошла до Лоха, какъ жила, какъ повѣнчалась и какъ пришла сюда опять жить въ Кучугуры. Стали они жить. Они ни въ чемъ не нуждались. Какъ становились имъ нужны деньги, запрягутъ лошадь, поѣдутъ къ землянкѣ, насыплютъ сколько имъ нужно; эти деньги выйдутъ, поѣдутъ еще. Такъ они и жили. Родился у нихъ сынъ Михаилъ, онъ былъ большимъ пьяницей, они ему не показывали клада. У Михаила было три сына: Петръ, Игнатій и Семень. У Петра было только одинъ сынъ Иванъ, у Ивана пять сыновей: всѣ они стали солдатами. Старшему имя Михаилъ, второму Семень, третьему Захаръ, четвертому Давыдъ, пятому Григорій. Григорій, Давыдъ и Захаръ и теперь на службѣ, а эти дома. Вотъ они сами рассказали и показали мѣсто, а имъ показала ихъ бабушка, гдѣ находился кладъ. Я рассказалъ тебѣ про Клима, какъ онъ пришелъ, какъ поженился, взялъ въ жены Орькину

Šta·pan. Miki·lyń čora·za ara·ś. Štapa·nyń vā·χkā. Ivan a·tāń
ńili čora·nga: Iuka, Da·ńil, A·ndřej, Io·gyr, i sońć žiū, godē·nga
kauksyńgāniń vātiška ¹⁾.

Minik vā·lisa uli·t lomatt eščo· sedī pek syri·t, i ne lo·matniń

дочь. У Клина было четыре сына: старшему имя Ларіонъ, вто-
рому Трофимъ, третьему Балгоръ, четвертому Василий. У Ларіона
было два сына: Ѳеодоръ и Михайлъ. У Михайла четыре сына:
Акимъ, Аванасій, Евсѣй, Павелъ. У Ѳеодора пять сыновей: Илья,
Зоть, Василий, Иларіонъ, Андронъ. Эти всѣ, кромѣ Ильи, живы.
У Трофима былъ сынъ Иванъ, у Ивана четыре сына: старшему
имя Антонъ, второму Михайлъ, третьему Никифоръ, четвертому
Иванъ. У Антона два сына: Егоръ и Леонтій. У Егора два сына:
Николай и Степанъ. У Николая нѣтъ сына. У Степана одинъ
сынъ. У старика Ивана четыре сына: Ивка, Данила, Андрей, Егоръ,
и самъ онъ живъ, лѣтъ ему около восьмидесяти пяти. ¹⁾.

Въ нашемъ селѣ есть люди еще болѣе старыя, и рассказывать

1) Къ этимъ родословнымъ въ послѣдствіи мнѣ была сообщена поправка:
«Куяшовъ пришелъ изъ Яблонки Вольскаго или Хвалынскаго уѣзда. Онъ былъ
русскій. Звали его Сергѣемъ. У него былъ сынъ Петръ. Петра прозвали Бого-
молотъ, потому что онъ все славилъ Бога, когда его билъ отецъ; отъ него
пошли Богомолоты. У Петра былъ сынъ Василий. У Василия—Василій, Иванъ,
Тимоей. Василій принялъ къ себѣ въ домъ зятя, а мужского потомства не
имѣлъ. Тимоей пошелъ на службу и померъ. У Ивана сыновья: Семень, Ми-
хаилъ, Андрей, Захаръ, Давыдъ, Григорій (Андрей померъ, остальные живы).
Еще пришелъ Виртянь; его окрестили и назвали Василиемъ а отца его звали Ѳе-
доромъ. У Василия были сыновья: Дрига (Григорій), Онта, Гавря, Мирѣнь. Ми-
рѣнь былъ слѣпой. Дрига померъ бездѣтнымъ. У Антона сыновья: Обрамъ, Сема,
Елисѣй, Сема. У Обрама—Алексѣй, Прока, Васька. Прока и Васька померли. У
Алексѣя сыновья: Василій, Трохимъ, Стяпанъ (Стяпанъ померъ бездѣтнымъ,
Трохимъ живъ). Василій померъ; съ сыновья: Максимъ, Иванъ, Сема (живы).
У Гаврилы сына Василиева сынъ Иванъ, а у Ивана Емелька, Фѣдоть, Акимъ
Мирѣнь; ихъ сыновья живы сейчасъ всѣ.—Антонъ и потомки ихъ получили
фамилію «Вертянкины», а Гаврилу прозвали «Кимий» (дорога назадъ); теперь
фамилія ихъ «Кечайкины».

mon tāt jofnēmest aka-rman. Vāši loma-tñā vāχti-vāχti a jo-fne-
vet. Iofta-n tāt vāχkā. Mīnik vā-linyk pokš: āsy-nza kolēngā-mīn
šada lo-mań čo-rat da ava-t žary-ja. Mon robótakšnan paft i
mońdāń kańni-kšnyt šedikilīń čuft. Vā škańā kanēt tāń do-ska,
kāli-za kolmy va-ksyška, krugo-myza pa-myřif'. Karmī-ń lakši-mā
i vanu-ma, slojga-nza ašyza ara-š. Mon dē čufetyńt saji-ń přef't,
ko-sta ištama čuft-y-š saji-ūš. Saš te atā-s pařint mālga; mon o-zēń,
targa-ftyńā i karmī-ń kākšni-minga, a syřā atā-tñā přek vėcksez
jofne-mańt nēnēń, ki parčti āsy-st kulcy-nā. Mon i kākšti-ńā so-n-
ga: «Dē-daj! kosta ton dē doska-ńt saji-k?» — «Te doska-ńt? Te dos-
ka-š avyl va-syldyn». — «A ko-stēń?» — «Dy vot kostēń; vant, mon
tāt nēfca.» Štās i řisć lata-lga i nēfć su-rea pa-nda ča-mas i
mērc: «Vot te-sta». Mon mēra-n tānga: «Dy son kosta prašsezēń?
Še-sa řir gak ara-š; tesa goř zatt». Son i mēřā: «Tesy ulñi-š řir».
Mon mēra-n dānga: «A vėd mon apo-mńasa». — «Xm! kosta toń-
dāt, čora-m, pomńa-ms; mon vājksy-ńgāmiń vāti godan i to

тебѣ объ этихъ людяхъ я не буду. Обо всѣхъ людяхъ по одиночкѣ
не расскажешь. Расскажу тебѣ объ одномъ. Наше село большое;
въ немъ тридцать сотенъ человекъ мужеска полу да женщинъ
много. Я дѣлаю кадушки и мнѣ приносятъ старинный лѣсъ. Од-
нажды мнѣ принесли доску, шириной около трехъ четвертей, со
всѣхъ сторонъ обкрошенную. Я сталъ тесать ее и осматривать,
по слоямъ ея бѣли нѣтъ. Я заинтересовался этимъ деревомъ; от-
куда взялось такое дерево. Пришелъ этотъ старикъ за кадушкой, я
сѣлъ, угостилъ его папирсой и сталъ его спрашивать, а ста-
рые люди очень любятъ рассказывать тѣмъ, кто хорошо ихъ
слушаетъ. Я и спросилъ его: «Дѣдушка! откуда ты взялъ эту
доску?» — «Эту доску? Доска эта не издалека». — «А откуда?» —
«Да вотъ откуда; смотри я покажу тебѣ». Онъ всталъ и вышелъ
изъ подъ сарая и показалъ пальцемъ на уклонъ горы и сказалъ:
«Вотъ отсюда». Я говорю ему: «Да какъ она туда попала? Тамъ нѣтъ
даже лѣса; здѣсь одни сады». Онъ и говорить: «Здѣсь былъ лѣсъ».

apo·míasa, a moń dedužym jofne·ś mońdä·ń; son váši sodasy·ń·žä, kodatt tija vířt ulńi·št, kua·rozbo·jnékt ulńi·št, kosy kalmy·st ulńi·št, kyda·apak ländä ulńišt. Mon käüksti·nä: «Kosa?» Son nef'ć tăn surca: «Vona še·sa; seks i méřet še pandyčamańti: ka·l·mazyr. Še pandyčamasyńt, vona še ta·rkasyńt nejga·k koda·k čudiki·lkska vá·dīs moľä·, lija·sta kandylast štaftä. Moń dedužym täfta·za tej ärama saś. Kyda·rozbojnéknä te·sta stract, teze·ń sašt äri·cat. Ofka a·täs saś véřepe·ldä, końovózy jak modań kualma ulńi·ś; a osta·tka loma·tnä sašt kona kosta porǵs: at, Bahamol saś Loxa·sta, Ramado·ŋkoŋ saś, kortet, Čibírcta, a Capli·n zaś—še vídipara Čibírcta uś vorge·ć. Išta·váli·ś i prumś. Kona saldatčy·ďä vorge·ć, a konat rozbojdi májlä kaduŋšt; a kyk čérkoant fajimi karmašt, koda·bidi narodēs äž satnä čérkova·ńti, pokš kila·ŋga jak kuńci·št E·řzat da karmańišt tesa·ära·ma. Neń uś kuńci·ž avy·ř

Я ему говорю: «А вѣдь я не помню». — «Гм! Откуда тебѣ, сынъ мой, помнить; мнѣ девяносто пять лѣтъ, и то я не помню, а мнѣ разсказывалъ мой дѣдушка; онъ все зналъ, какіе по этимъ мѣстамъ были лѣса, по какимъ мѣстамъ были разбойники, гдѣ было ихъ кладбище, когда они были некрещены». — Я спросилъ: «Гдѣ?» Онъ показавъ мнѣ пальцемъ: «Вотъ тамъ; оттого и называютъ этотъ склонъ горы кладбищемъ. На томъ склонѣ горы, вотъ въ томъ мѣстѣ и теперь, когда вода идетъ ручьями, она другой разъ вымываетъ гробы. Отецъ моего дѣдушки пришелъ сюда на жительство. Когда разбойники разошлись отсюда, сюда пришли жители. Старикъ Орьяка пришелъ съ верхней стороны, у него была и бумага на землю, а остальные люди пришли кто откуда попался; вотъ Богомоль пришелъ изъ Лоха, Рамадѣнковъ пришелъ, говорятъ, изъ Сибири, а Цаплинъ пришелъ—тотъ ужъ прямо убѣжалъ изъ Сибири. Такъ и собралось село. Кто убѣжалъ отъ солдатчины, а кто остался послѣ разбойниковъ; а какъ стали строить церковь, если народу не хватало для церкви, ловили Эрзяковъ даже на большой дорогѣ и заставляли жить здѣсь. Этихъ ловили ужъ не мужики, а въ то время

mužykt, a še po·rava ul'ni·ś starystanyk Maža·rkiŋkaŋ ro·dén; še pėrvoj stary·stanyk ul'ni·ś.

«Kyda vāli·ś eščo arašil, tesy āřāšt rozbo·jnékt, a Pėtróskejes ul'ni·ś. Rozbo·jnéknā tesa grabāšt, a goró·tea ul'ništ ištatt loma·nist: uskši·št tāst vīna·, poròxt, ružy·jat, syvi·lt, i biđi saldatt syť vāšni·mā rozbo·jnekeŋ, ŋet syť jofta·ma. A ton kiť duma·t ul'ništ jalga·st? Po·pós dy go·lovaš. Vot popò·śi golo·vaš pėk šupa·lgačť pėldest i duma·št kodaja·k kadu·myst. Popò·ś saš i me·rā: «Vot māšt, bra·tcy, aži·da tēsta·, ato syťsaldat·tt, kuŋcítadyž, mi·ŋďāŋiŋk kak golovaŋť mārta aŋe·ŋems; a biđā aku·lcynysaŋiž, pėŋa·čada āš la·ŋgyzyŋk, a mon āsty·ŋk otkā·zan». — «Koda otkaza·t?» — «Išta·k i otkā·zan». — «A mīŋ jofta·tadyž.» — «A tyŋk akā·mťadyž.» — «Kāmsa·mīž». — «A mon molan da šičas jofta·tadyž, vot tyŋk i kuŋci·tadyž». Synst ke·žest sašt, sa·již i po·vė·ž po·póŋť. Vot šeks i me·re·ť: Pópōŋ čē·lŋa la·tka. So·nzy čēlŋazy ja·k tesk ul'ni·ś. A golo·vaš māšt tājś? Uskś bočke·ŋā pu·rā, uskś pi·va, a jutky-

у насъ былъ староста изъ Мазяркинова роду; тотъ былъ нашимъ первымъ старостой.

«Когда села еще не было, здѣсь жили разбойники, а Петровскъ (уже) существовалъ. Разбойники грабили здѣсь, а въ городѣ у нихъ были такіе люди: привозили имъ вина, пороху, ружья, мяса, и если приходили солдаты искать разбойниковъ, то эти (люди) приходили сказать. А кто, ты думаешь были ихъ товарищами? Попъ и голова. Вотъ тотъ попъ и тотъ голова сильно разбогатѣли отъ нихъ и рѣшили какъ нибудь ихъ оставить. Попъ пришелъ и говоритъ: «Вотъ что, братцы, идите отсюда, а то придутъ солдаты, истребятъ васъ и намъ съ головой не вырваться; а если вы меня не слушаете, пеняйте на себя, а я отъ васъ отрекусь?» — «Какъ ты отречешься?» — «Такъ и отрекусь». — «А мы скажемъ про тебя.» — «А вамъ не повѣрять?» — «Намъ повѣрять.» — «А я пойду да сейчасъ скажу про васъ; вотъ васъ и переловятъ». Они разсердились и повѣсили попа. Вотъ поэтому и называютъ: «оврагъ попова пчельника». У него былъ

zyst špirt kaja-ś, saś tãst i karma-ś mary-st gulã-jama. Išta ší-mđiňgã, vãši praksnyšt kulyi-řictyt. Son saji-ňgã, prást i kãř-ćiňgã. A-ńćik vanfty-ćast, ko-na ulńiś vãpe-ľã, še-ki kadu-ųś. Še pandyńti, kosa kãřćiňgã, Božadom mēre-ť. A vot kyda- vãľi-ś karma-ś ářa-ma, oza-šť ona še ľej čy-řińti; šeks i mēre-ť: Ářa-ma-ľej, a son šesty ja-k koške-ľ.

«Mažarkań čelńa la-tksa ulńi-ś pokš ľi-śma; syń vaľi-ż zo-nza, a Čakš la-tksa išta-myška, keľi, ulńi-ś ľi-śma; rozbo-jńekńã sra-zu õ-bóz pona toze-ń jaći-šť i řekstēž, kizda-sy mã-źińiń. A kyda- mĩń ka-rmĩńik ářa-ma, řesy vãď ara-šil, nu oze-rat řek lama ulńi-šť; a šija- ulńi-šť istatt vãtt, avyl utka-t dy maćiřť, ľebett ka-k ářći-šť. A Po-jkaľ e-řkeńt sodasak? — «Soda-sa». — Mãži ájstynza soda-t? — «Mon pomńan ší-ľďij ko-řett to-sta». — Aa! šilďi-j goře-tt, a mon pomńa-n, šija- ulńiś išta-myška pojpu-la, a

тамъ и пчельникъ. А что сдѣлалъ голова? Привезъ боченокъ меду, привезъ пива, а въ нихъ влилъ спиртъ; пришелъ къ нимъ и сталъ съ ними гулять. Такъ напоилъ ихъ, что всѣ попадали мертвецки пьяными. Онъ взялъ ихъ и срубилъ имъ головы. Только карауль-ный, который былъ въ отдаленіи, тотъ остался. Ту гору, гдѣ онъ ихъ зарубилъ, называютъ Божедомомъ. А вотъ какъ стало засе-ляться село, они садились вотъ по тому берегу рѣки; оттого и называютъ ее «Жительская рѣка», а она и тогда была сухая.

«Въ «оврагѣ Мазяркина пчельника» былъ большой родникъ; они его завалили, а въ «Горшковомъ оврагѣ» былъ, говорятъ, такой же родникъ; разбойники втискали туда сразу обозъ шерсти и запру-дили его неизвѣстно для чего. А когда мы стали жить, здѣсь не было воды, но было очень много озеръ. А по тому мѣсту были такія воды, что водились не только утки и гуси, но даже лебеди. А знаешь Осинное озеро? — «Знаю». — Что ты о немъ знаешь? — «Я помню тамъ кочки». — Аа! кочки, а я помню, по тому мѣсту былъ такой осинникъ, а какъ пойдешь черезъ осинникъ къ озеру, туда нельзя ступить, пропадешь. Вся земля трясется. Тамъ то-

pojplynt pačk koda·k ju·tat e·rkeñt pe·lej, tozè·n čalga·ms nelža·, juma·t. Vášī mo·daš te·rñä. Šezèn skaļt vajši·št; koda·k tozè·n čalgä i tu·jä mo·dañti, baraχta·ma karmä, šedija·k tujä· i šnarc bara·χtä, žarc souše·m aju·mä. Vot koda·tt ulñi·št oze·rat tija·!

A vāli·nyk karma·s oza·ma Āra·ma lejeñt to·na bo·kas. A tija· ulñi·s bo·lōta. Še·sa o·na ulñi·s Orkañ karda·zyza, čela de·štena, vāšij dy·ncy pīra·f, i mošta·f vā·si u·lñiis ču·fca. A kyda· karma·št āra·ma naro·dēs bo·ļšy, šesta· tija·jak bolōta·tnä karma·št koške·mā, ti·ja jak karma·št oza·ma. A jagy·datñä ulñi·št šedikilä χyt ledež leŧt, a vīr ja·gydatñiñ kijak āš ko·čksä jak: ulñi·št i iñgi·χt i čeŧk i atama·ft i vādī·ñgiχt, a sara·zyn žālñi·tniñ laŧks kijak āz va·nny jak. A paŋknä, Vo·spodi! moñ pomñamga jak χyt ko·jmesa kyrga·k. A vīri·s kodam' ulñi·s! Ko·sy nej va·na od ka·lmytnä, še·sa išta·tt kilī·χt ulñiis oχva·ta po·tři. A kosy nej va·na Kālila·tkys, šesa išta·my ulñi·s tumyvi·r, stra·s ža·ryška āčki·za, a Ġrišalatks āšt ja·ksi jak. Ġrišališmañt avy·l pek umyk mu·již gak. Ona Gor-

нули коровы; какъ ступить туда и пойдетъ подъ землю; начнетъ выкарабкиваться, пойдетъ дальше и до тѣхъ поръ будетъ выкарабкиваться, пока совсѣмъ не пропадетъ. Вотъ какія были озера по этому мѣсту.

«А село наше стало населяться по ту сторону «Жительской» рѣки. А по этому боку было болото. Тамъ вонъ былъ дворъ Орьки, цѣлая десятина, весь онъ былъ огороженъ тыномъ и весь вымощенъ деревомъ. А какъ стало селиться больше народа, тогда и тутъ болота начали высыхать и стали селиться и по этому боку. А ягодъ было въ старину хоть косою коси, а лѣсныхъ ягодъ никто даже и не собиралъ; была и малина и калина и вишня и водяная малина, а на костянику никто и не смотрѣлъ. А грибы, Господи! и на моей памяти хоть лопатой гребѣ. А какой былъ лѣсъ! Гдѣ вотъ теперь новое кладбище, тамъ были такія березы, въ три обхвата. А гдѣ теперь вотъ Широкий оврагъ, тамъ былъ дубовый лѣсъ, страсть какой толстый, а въ «Гришинъ оврагъ» даже не ходили

bačyn kārāfys, te-sk i lišmaþrānt kak sodasa-k. Polo-žym, nej son ko-šks. A a-žika Igiŋka-nin, synst ulā anduma očkēst tu-myn to-sta u-skuf, dēdu-žyst u-skizā, žary-ška; dy vot i mini-k ton kā-ŋksnat doskaŋt ājsa. Son vot ko-sty saji-f'. (Dēdu-žym jofne-žā). Vāli-s palc bez ma-lava datla., a Iurta-jiŋkaŋ ka-dušt; synct ulni-št utu-myst. Vot min vā-žkiŋ i raŋi-nik. Son čapu-ft vany te pandy ča-mastynt. Šesty āst pi-lcā vi-riŋt ājsa, a doska-ks la-znyž lazny-št, i vot ne do-skatnā kadu-št se u-tumstynt. Tosy-ulni-št kijaksyks i suŋsi-kiks. Utumys na-ksac, a kija-ksys kadu-šs. Nej vana vādģāmin god, koda min dā-jiŋik lija. u-tum i se kija-ksynt kāpi-diŋik te utumy-nti. Doska-tin piłci-nik troks kaftuŋ kaftuŋ, i to vačkamstyst kotēnek ku-nciŋik.

«A vot mon stuffy-nā tāt jofta-ms. Kyda-ulni-s utu-mys ce-la, tija-Puga-čt juta-št. Syn bojar dy pop poŋse-št jala. Kro-potovoŋ boja-rynt poa-ksyliž, a son kudynza kadyžā, da tej. Alašānt no-l-

Гришинъ родникъ не очень давно и нашли. Вотъ Горбачева порубка, тутъ же узнаешь и голову родника. Положимъ, онъ теперь высохъ. А пойдѣ-ка къ Игнатъевымъ, у нихъ есть дубовая колода, вывезенная оттуда, ихъ дѣдушка вывезъ давно; да вотъ ты спрашиваешь о нашей доскѣ. Она вотъ откуда взята. (Мнѣ это разсказалъ дѣдушка). Село сгорѣло безъ малаго до тла, а Юртаевы остались: у нихъ были амбары. Вотъ мы и купили одинъ амбаръ. Онъ срубленъ вотъ съ того склона горы. Тогда не пилили лѣсъ, а, раскалывая его, кололи на доски, и вотъ эти доски остались отъ того амбара. Тамъ онѣ и служили половицами и сусѣками. Амбаръ сгнилъ, а полъ остался. Теперь вотъ пятьдесятъ лѣтъ, какъ мы выстроили другой амбаръ, и тотъ полъ мы перенесли въ этотъ амбаръ. Доски мы распилили поперекъ на двое; и то мы брались вшестеромъ, чтобы ихъ накладывать.

«А вотъ я забылъ разсказать тебѣ. Когда амбаръ былъ цѣлъ, по этой мѣстности проходили Пугачевцы. Они все вѣшали господъ, и поповъ. Они хотѣли повѣсить барина Кропотова, но онъ оставилъ

děžä, sońc mĩndāńĩk mēřä: «Kēkšēmez; mońc kak pary tāńk tājan». Dēdužym i ke-kšēžä utumy-ńti, dy to-n duma-k, koda äži-ž muk, votko-sy pä-jdĩmaš. Dēdam suvaftyžä u-tums, a suŋsi-kńĩ ulńĩ-št pe-škšet šu-ryda. Son su-ušĩks šurypo-c va-ližä laŋks, a kurgy-zynza maksē nu-dĩj, ila-zy lepe-ja. Puga-čńĩ i kākksńĩ-št i vāš-ńĩ-št, äž mujiũ dāst. Utu-myńtiĩ gak, keļĩ, suŋsi-št. Vany-t, pe-škšä šu-ryda, mājija-k ara-s, i tušt. A songa mājļa no-ldež. Eščo. Xrancu-st suŋsi-št tāńĩ-k, kudga. āřä-št, mājli koŋ bi-dā saji-ž.

«Čerko-vanyk vašņa. ulńĩ-s ona še-sa, kosy nej časo-ŋneš a-ščä, a ko-sy nej Maža-rkiŋkat, šesa ulńĩ-s išta-myška bo-lōta, a jo-fta-vĩ jak. Sezē-n jala vĩr valä-št.

«Vot mon dāt jofne-sa, koda. karma-s vāli-s pokšelga-duma i straduma, tomba-lđä vašņa. oza-št kaļguryš, ištaža vā po-řatkas, i karmašt še pořa-tkańti mēre-mā Kaļgu-ra. Saraj a-ta oza-s to-

свой домъ, да сюда. Лошадь онъ пустилъ, а самъ къ намъ; говорить: «Спрячьте меня, и я вамъ сдѣлаю добро». Дѣдушка мой и спряталъ его въ амбаръ; да ты подумай, вотъ гдѣ было смѣху когда его не нашли. Дѣдушка ввелъ его въ амбаръ, а сусѣки были полны хлѣба. Онъ завалилъ его въ сусѣкѣ въ хлѣбъ, а въ ротъ далъ ему камышевую дудку, чтобы онъ не задохнулся. Пугачевцы и спрашивали и искали, не нашли. Говорятъ, они заходили и въ амбаръ. Видятъ, полонъ хлѣба, ничего въ немъ нѣтъ, и ушли. А его потомъ выпустили. Еще заходили къ намъ французы, жили по избамъ, потомъ куда-то ихъ взяли.

«Церковь у насъ сначала была вотъ тамъ, гдѣ теперь часовенка, а тамъ, гдѣ теперь Мазяркины, было такое болото, что и не расскажешь. Въ это болото постоянно валили лѣсъ.

«Вотъ я скажу тебѣ, что, когда село стало увеличиваться и разселяться, сначала селились на той сторонѣ, у ивовыхъ кустовъ, также въ одномъ порядкѣ и стали называть этотъ порядокъ Каль-

vò-loḡ i karma-št me-re-mä Sara-jin po-ratka. Mäjli oza-š Ku-daš
ata i karma-št me-re-mä Kuda-šin ku-riṅka. Mäjli karma-št
oza-ma Ära-my le-jent te bo-kas, a tesy- ulñi-š, mon dät me-reñ,
bo-lóta, a bolóta-ñt veri päš karmašt me-re-mä Verëpä-; a kyda-
bolò-taš karma-š koške-mä, karmašt tija ja-k oza-ma u-léasa i
pučt tänga lām Pro-(v)al u-léa. Mäjli čuust li-šma po-kš; vädī-š
äjsy-nga para, nu soñc verä; karmašt šezë-ñ gak oza-ma i pučt
lām še u-léañti Verili-šma u-léa.

«A vot mon mä-št tät jofta-n: ton zoda-sak mäks Le-kariṅ-
ka-niin me-ret i-šta, a fami-lijast Popo-ft, a Subo-tkiṅkañ älä
Zolò-ṅkañ Podmafo-ft? — «Ara-š» — Vot kulcy-nyk, mon dät jof-
ñe-señ. Šediki-lä popñä- syñc ka-k sokse-št. Vot popò-ñt ulñi-š
čora-za. Kizda-sy, mäks popò-ks äzi-ž putt. A so-n, kyda- čätaza
ku-lys, son karma-š leca-ma, i karma-št tängy me-re-mä: «le-kañ»
a songy- äjdinga lekañlänkst. A fami-lijasa šorma-lisyž Popo-f.

гура (ивовый кустъ). Старикъ Сарай сѣлъ на ту сторону и стали
называть: Сараевъ порядокъ. Потомъ поселился старикъ Кудашъ
и стали называть Кудашевымъ курмышомъ. Потомъ стали селиться
на этой сторонѣ «Жительской» рѣки, а здѣсь было, какъ я тебѣ го-
ворилъ, болото, а верхній конецъ болота стали называть Верхнимъ
концомъ; а когда болото стало высыхать, стали селиться и на
этомъ мѣстѣ улицей и дали ей имя Провальная улица. Затѣмъ вы-
рыли большой родникъ, вода въ немъ хорошая, но самъ онъ глу-
бокъ; стали селиться и здѣсь и назвали эту улицу улицей Верх-
няго родника.

«А вотъ что я тебѣ расскажу: знаешь-ли почему Лѣкаревыхъ
такъ прозываютъ, а фамилія ихъ Поповы, а почему Суботкиныхъ
или Золинкиныхъ, а фамилія ихъ Пономаревы?—«Нѣтъ».—Вотъ
послушай, я расскажу тебѣ. Въ старину и попы сами пахали. Вотъ
у попа былъ сынъ. Неизвѣстно почему, его не сдѣлали попомъ. А
онъ, когда отецъ его померъ, сталъ лѣчить, и его стали называть
лѣкаремъ, а дѣтей его лѣкарятами. А по фамиліи ихъ всегда писали

A Zolô·ŋkañ deda·st ulñi·śponama·r. Ćora·za toža išta·k kadu·ŋś.
Karmaś sokše·mă, a pygavo·rkaza ulñi·ś «zylato·j». Soñć pokš
ulñi·ś i karma·št tãnga· méremă Zo·la, a Ćora·za čačć a·lkiñi da
kă·lij. Prăvi·nga kizda·sy koda·tt; mo·žna mérems čo·žža pră·ŋ.
Pućť tã·nga pro·ďešća: voz mo·na, ośme·na pa·pa, i šăjrit tãnga
i·šta u·lćasa: Zo·la, voz mo·na, ośme·na pa·pa. Koda·k liši ulća·ŋ,
ă·ŋñi i šărgi·ďit išta·, a son mă·lgast čyjñă, da soună, valgi·jza
ă·čkă. Songa la·ŋksa koda apă·jdīt, taba·kyñ ģis karma·feyz mo·
ra·ma — mo·ră, karma·feyz mora·ftuma — mora·ftă, karma·feyz
kišcy·mă — ki·ščă».

A moñ po·mñamga, mon ďăt jofta·sa, tăjšt od u·lća, čotna·nt
toze·ń puty·z, a tašty·nt miji·z ku·dyks. Šedi mă·jlă vălī·stynt
palćť ŋilīsatt ku·da, šesta vă·lñt vă·ši odo·ŋ ara·fñiz. Še·sta a·ta
palć, ăŋť žara biďă palćť, a ža·ra skote·na palć, žara sarast

Поповыми. А дѣдушка Золинькиныхъ былъ пономаремъ. Сынъ его
тоже остался безъ должности. Онъ сталъ пахать, а поговоркой его
было слово «золотой». Онъ выросъ и его стали называть Золой, а
сынъ у него родился низенькій и широкій. Умъ его, кто его
знаеть, какой; можно сказать, что онъ идиотъ. Дали ему прозвище:
возъ м., осьмина х., и кричатъ ему такъ на улицѣ: Зола, возъ м.,
осьмина х. Какъ онъ выйдетъ на улицу, дѣти и кричатъ такъ,
а онъ бѣгаетъ за ними и бранится, голосъ у него густой. Когда
надъ нимъ не смѣются, его заставляютъ за табакъ пѣть — онъ
поетъ, заставляютъ пѣть духовныя пѣсни — поетъ, заставляютъ
плясать — пляшетъ».

А и на моей памяти, скажу я тебѣ, сдѣлали новую улицу, по·
ставили тамъ контору (сборную); а ту старую продали подъ домъ.
Послѣ этого изъ деревни выгорѣло 400 домовъ, тогда всю деревню
перепланировали за ново. Тогда сгорѣлъ старикъ, сгорѣло сколько

palčt! Šesta. né tošto mačti·mā āli māžingak ličti·mā, vāsi narodēs a·ńčik kapša·ś vorģe·dēmā kińi·ń goṇ pa·ra. Vot še požardyńt mā·jlä, tä·jst kolmy ulčat, ulča·tńiń kă·lijsta kady·ž, oza·fńimā karma·št lado·m: koda·k ģiļi ku·dyt, jala pro·vólka. Raužy kudy·tńiń toža po·mńasyń, avyġ bek umy·k tävi·ś ulńi·ś. Tajst vāli·zynyk u·čyġna, a vašna. po·p tona·fńiś. Ńej mińiķ cėrkovanyk kak od, kă·viń; teńga·k pokšelga·ftyž i mora·fńimā arci·kšńi·tana, reģentėnek kak mińcińiķ, a re·ģentėnt řaġa·za psalo·mšeķeks ři·ść, a Kosė·jiřkań čora·st tiligrafi·styks ři·ść. Mājlä moń po·mńamgak ulńi·ś ska·lyń gu·luma, řek lama skalt ku·lcišt, a sedġ mājlä ulńi·ś loma·ńiń gu·luma, da pomńa·n: vāšt loma·ń čaušt i kaji·ž bujaraks; řāmi·za ulńi·ś Doda·j Vaņa. Sedġ mā·jlä vāřki poašt i řiřtiž pa·ksas; kozė·ń po·ve·ž še ulčapi·ńińti nejga·k ģeřet Dušy·lořka. Da vot Ńej avyġ umyk čaušt loma·ń, řāmi·za ulńi·ś Mi·kil, prodešča·za «Čykyda·j».

то дѣтей, а сколько скотины сгорѣло, сколько куръ! Тогда не то что тушить, или что нибудь вытащить, но весь народъ только спѣшили убѣжать кому куда можно. Вотъ послѣ этого пожара сдѣлали три улицы, оставили улицы широкими, стали селить въ порядкѣ: какъ четыре дома, всякій разъ проулокъ. Черныя избы я также помню, дѣло было не очень давно. Построили въ нашемъ селѣ школу, а сначала училъ попъ. Теперь у насъ и церковь новая, каменная, и эту расширили и мы становимся пѣть, и регентъ изъ нашихъ; а старшій братъ регента вышелъ въ псаломщики, а сынъ Косынькиныхъ вышелъ въ телеграфисты. Потомъ и на моей памяти былъ падежъ коровъ, очень много пало коровъ, а потомъ былъ людской моръ, и помню я: однажды убили человѣка и бросили въ баракъ. Имя его было Додай Ваня. Послѣ этого одного человѣка задушили и вытаскивали въ поле; конецъ улицы, гдѣ его задушили, и теперь называютъ Душиловкой. Да вотъ теперь недавно убили человѣка, имя его было Николай, прозваніе его «Чикидай».

A vot moñdän jofne·s eščo syrä a·ta: šedikili starystatñi jak arašiłt vä·lisynt, a go·lovatñä äšt ma·rciñ gak, a ulñi·s váliša pokšes; ulñis ištama a·ta pek prá·vij, i meñne·št tänga· tátu·ž. Son váli·synt ulñi·s i stary·sta i táta·, son i čavil, son i žali·l. Mäšt xote·l, neñ i tajs. Miñ toža godaqlinik bo·jarnyñ gak, kaby a·vul zon. Väst Vázni·nyñ moda·nt kărämsta sas bojar čep ma·rta i karmaš čepen targa·mynga vi·cta mini·k pakšä·nt lanks. Son koda·k a·rc tože·ñ, meřc: «Lotka·da, koç molda·da? te mini·k pakšäs, tej ila·dy jaka·». Boja·rys meřä: «Ton mä·žat?» A son meřä: «Mon ištamyža loma·ñan, koda·mat i ton». — «Ton moñ marta išta· ila· korta·; mon mary·t korta·ma aka·rman». — «A ne xoeš mary·n gořta·ma, vela·ft i stupa·j festa at grexa·». Boja·rys šäl·gi·žä čama·s, vela·fc i tuš. Ištak i pakša·nyk kaduųš. Ombó·cedä Soky·ryñ boja·rys váli·nt lađa·kšnyžä ala luga·nt miji·ms i miji·ksyliž. Tátu·ž kyda· ma·raš, kosty biđa sas, i äši 1) makst. Boja·rys

А вот мнѣ разсказывалъ еще древній старикъ: въ старину въ деревнѣ не было и старость, а о головахъ и не слышали, а былъ сельскій старшина; былъ такой очень умный старикъ, и называли его «тятюжъ». Онъ былъ на селѣ и староста и отецъ, онъ и наказывалъ, онъ и жалѣлъ. Что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Мы тоже угодили бы барину, если бы не онъ. Однажды, во время обмѣра Вязминской земли, пришелъ баринъ съ цѣпью и сталъ тянуть цѣпь прямо на наше поле. Онъ, какъ прискакалъ туда, сказалъ: «Остановитесь, куда вы идете? Это наше поле, не ходите сюда». Баринъ говоритъ: «Ты кто?» А онъ говоритъ: «Я такой же чело-вѣкъ, какъ и ты». — «Ты со мной не говори такъ; я не стану гово-рить съ тобой». — «А не хочешь со мной говорить, вели повернуть и ступай отсюда отъ грѣха». Баринъ плюнулъ ему въ лицо, по-вернулъ и ушелъ. Такъ и осталось наше поле. Въ другой разъ Со-курскій баринъ уговорилъ было міръ продать ему нижній лугъ и продали было. Когда тятюжъ услышалъ, онъ откуда-то вернулся,

1) äši.

pek keže·jafé laryzynza; korta·ś išta·tt Kokla·ét; Kokla·cna
karma·št mary·nza příja·ctva vé·fama, karma·št gošte·ks tanza
sa·kšnuma, i so·n zyndašt karma·ś jakši·mā. Syn so·nza líf·ti·z
pa·ksau i po·véz, i nejga·k še lišmañti mēre·t: Tatuž li·śma, a
lišma·ś Sokyryn domba·lā; vašna· ulñi·ś lā·miza Pojga·l li·śma.

Nej sedi mā·jlā vāli·nyk pokše·lgac, i tājšt od u·čylña, kolmy
u·čylit ajsy·nza: vā·χkiś u·čylil, dy kaft' učylila·vat. Biblio-
tekanyk ulā· čotña·sa; čajny·nyk ulā·; čajny·synt gramafo·n.

Vaşna· sady·ñ toro·χ vāli·synt arasil't. Šeft pe·rvoj pučt
umafčufta sad Bayamo·lovenkat. Syndašt majlā Morò·z Dri·ga.
Neñdēdā majlā pučt Kandry·ŋkat; neñdēdā majlā Dedury·ŋkat:
neñ sady·st atama·riñ. Sedi majlā Mardza·j Fe·tka atama·riñ
i uma·riñ, sedi majlā Tu·lka Fi·lka. Tu·lka Fi·lkañ zady·za pokš
i vadřa·; tefe·dā maksñizā kolmy časñiñ ā·stynza i sa·js kisynza

не отдалъ. Баринъ очень разсердился на него; поговорилъ та-
кихъ хохловъ; хохлы стали вести съ нимъ пріязнь, стали при-
ходить къ нему въ гости, и онъ сталъ похаживать къ нимъ. Они
вытащили его въ поле и задушили, и теперь еще тотъ родникъ
называютъ «Тятюжевымъ родникомъ», а родникъ на той сто-
ронѣ Сокура; сначала имя его было «Осиновый родникъ».

Теперь, послѣ того паше село расширилось, построили новое
училище; въ немъ три учителя: одинъ учитель да двѣ учительницы.
Библіотека у насъ въ конторѣ; у насъ есть чайная; въ чайной
граммофонъ.

Сначала въ селѣ совсѣмъ не было у насъ садовъ. Прежде
всѣхъ разсадили яблоневый садъ Богомолovy. Послѣ нихъ Гри-
горій Морозъ. За нимъ разсадили Кондратьевы; за этими Дѣдуш-
кины; ихъ садъ вишневый. Потомъ Ѳеодоръ Мардзяй вишневый
и яблоневый, потомъ Филиппъ Тулка. Садъ Филиппа Тулки боль-
шой и хорошій; въ нынѣшнемъ году онъ сдалъ три части въ немъ

kafta šatt komš vä-tiji ce-lkovo. Syndedest mäjlä pučt sad Gavrišynkat, neñdedä mäjlä Päräšnik Vaška; soñdedenža mäjlä Vašynkat; neñdedest mäjlä Atakški-ŋkat; Atakški-ŋkada mäjlä Kulumi-ŋkat; Kulu-mirka mäjlä Topo-ŋkat, a neñdedä mäjlä Kosë-jirkat, a neñdedä mäjlä karmašt išta ozafnimä ärva tunda, ärva šokšnä, ki žarys kä-nirä. Nej väŋki pandyčamanyk vä-ši pižy-l-dä prok ro-una vir.

Kada väli-š karma-š puru-muma i puru-mš po-kšsta vätiša-tt lo-matt; še-sta karma-št šilko-m lämda-ftumyst. Täjšt täst ce-f-kova i merët täst: «ramsida pa-zavat». Syn ramši-št väši Mi-kilat i merne-št fänža ru-zyñ Verepaz. Popo-š karma-fniš äsy-st ozno-ma, a syn äšt o-znešä. Išta täviš kua-ć molć. Po-poš mä-št dumaš ponama-riŋža marža? Vot koda son dajš. So-ñc suvi ku-duu lömañi-ñti, a ponama-riŋža kekšcë pazavau-gylyñt ekšc. Suvi ku-dyñti, käükscy kudaa-zyryñt: «ozne-šat ru-zyñ Vere-

и взял за нихъ 225 рублей. Послѣ нихъ разсадили садъ Гаврюшины, послѣ тѣхъ Василий Пришникъ, послѣ него Васильевы; послѣ нихъ Кочетковы; послѣ Кочетковыхъ Кулумины, послѣ Кулуминыхъ Топонькины а послѣ нихъ Косые, а послѣ нихъ стали разсаживать каждую вѣсну, каждую осень, кто сколько успѣетъ. Теперь одинъ склонъ нашей горы весь зеленѣется, словно лѣсъ.

Когда село стало собираться и увеличилось до пятисотъ чело-вѣкъ, тогда заставляли ихъ креститься силкомъ. Построили имъ церковь и сказали имъ: «накупите иконъ». Они всѣ купили иконы св. Николая и называли его русскимъ Богомъ. Священникъ заставлялъ ихъ молиться, а они не молились. Такъ продолжалось долго. Что же придумали священникъ съ пономаремъ? Вотъ какъ онъ сдѣлалъ. Самъ онъ войдетъ въ домъ къ чело-вѣку, а пономаря спрячетъ за уголь, гдѣ икона. Войдетъ въ домъ, спроситъ хозяина

pa·zyńti?» Te me·rā: «oznē·śan». — «A ma·ńcat äsyn?» — «Ara·ś, kăukšti·k sońce·nza». Te a·rē koľer·kalaŋks, če·kă·pokă i śăr·gidă: «Микола милостивый, скажи мнѣ, молится тебѣ сей рабъ съ чадами, или нѣтъ?» A še u·gylyńt e·kšsta i me·rā: «нѣтъ!» Še·sty po·pōś še lo·mańiń pēldă sajă. vāti ce·lkovyxt śēngi·s, šty son ao·znē. A bidă ombō·cedă sy, šesta kă·mīn. Văxkilomań măšt tăjs? Po·pōś kyda tuś ke·ctēnza, son keženba·čk Mi·kilańt śă·l·mīnza saji·ńgă dy ta·rġińgă. Popō·ś saś, vany Mi·kilańt śălmī·nza targa·ft. Šesta po·pōś sa·jś pēldenza komś vā·tija ce·lkovoj i tuś. Rama·fc od pa·zava. Te ra·maś od. Popō·ś saś, va·nyză. «Ra·mīt?» — «Ra·mī·ń». — «Oznē·śat?» — «Oznē·śan». Popō·ś tagy kăukšti·ză Mi·kilańt, tagy me·rā: «нѣтъ!» Pētnacat ruble·j pēlde·nza sajs. Măjlă te măšt tă·jś lo·mańiś? Saji·ză paza·vańt, lifti·ză ka·rdazu. Sōnza ulniśt anduma·sa ko·lmy tu·vynza. Son še pa·zavańt tu·vyń pilga·luu ka·ji·ză. Po·pōś saś, paza·vaś ara·ś. Kăukšnă: «Dy pa·zavat kosa?» — «A ki so·dasy? Čăj mon äsynza a

дома: «молишься ты русскому Богу»? Тотъ скажетъ: «молюсь». — «Не обманываешь меня?» — «Нѣтъ, спроси его самого». Потомъ становится на колѣни, перекрестится и закричитъ: «Никола милостивый, скажи мнѣ, молится сей рабъ съ чадами или нѣтъ?» А тотъ изъ за угла и скажетъ «нѣтъ»! Тогда священникъ возьметъ съ челоуѣка пять рублей за то, что онъ не молится. А если придетъ въ другой разъ, то десять. Что же сдѣлалъ одинъ челоуѣкъ? Когда священникъ ушелъ отъ него, онъ въ сердцахъ взялъ и вырвалъ у Николы глаза. Пришелъ священникъ, видитъ, что глаза у Николы вырваны. Тогда священникъ взялъ съ него двадцать пять рублей и ушелъ. Заставилъ купить новую икону. Этотъ купилъ новую. Священникъ пришелъ, осмотрѣлъ ее. «Купилъ?» — «Купилъ». — «Молишься?» — «Молюсь». Священникъ спросилъ опять Николу, (тотъ) опять говоритъ: «нѣтъ»! Взялъ съ него пятнадцать рублей. Что же сдѣлалъ потомъ этотъ челоуѣкъ? Взялъ икону, вытащилъ ее на дворъ. У него откармливались три

ki·rdan; sońceń Pazyń vo·laza, koŋ dumä, toŋ mo·lä». Popò·ś pädäs ä·zynza: «bidi, mērä, atusak tej, ša·dy ce·lkovoj pē·ldet saja·n.» — «Dy ko·sta mon sajsa? Vēd' mon Vērepa·zynt maṛta aja·ksan. Ki·zdasy· koŋ son tuś. Äñni· neje·ž by·ta songa, iša·k jaka·ś ka·r·dazga, a·koŋ duś ne zna·j. Adada, paža·lyj, vāšni·syñik». Liśēt, karmašt vāšni·mä; vāšni·št, vāšni·št; ara·ś košēja·k. Popòs i mērä: «Koda· so·dat vāšni·k, nu muji·k; a biďä amu·sak, to ša·dy ce·lkovoj pēldet, dava·j šiča·s». Te vancy· tāt̃t̃ apart. Molc kar·dynt ma·las i šä·rgiē: «vantta·, bačka·, o·na še·doska u·gylnys ruda·jsynt avy·l li son?» — «Ta·rgika!» Ta·rgiž. Vany·t, pra·vdyj son. Popòs mē·rä: «Dy ton mäks te·zēn kajik?» — «Ara·ś, te mērä. «Dy e·na mäks son te·sa?» — «Dy vēd' mon azda·sa; vany·k, gulājās vāt; dy kudu·u samsta kudykāñkšys až mu·jiū, suva·ś te kāñkšynti i·rietyñ pačk i praś ru·dazynti; a tu·vytnä kodatt! Syñ ša·jtan ito čalksi·t. A mon dīva·n, koda ešcy āzi·ž säü koñ·me·neceñ!» Popòs i mē·rä: «mäšt keñge·lat? miñik Vērepa·zynyk

свинья. Онъ бросилъ ту икону свиньямъ подъ ноги. Пришелъ священникъ, иконы нѣтъ. Спрашиваетъ: «а икона твоя гдѣ»? — «А кто ее знаетъ? Чай я ея не держу; своя Божья воля, куда задумаетъ, туда пойдетъ». Священникъ присталъ къ нему: «если, говоритъ, ты ее не принесешь сюда, я возьму съ тебя сто рублей». — «Да откуда я его возьму? Вѣдь я не хожу съ Богомъ. Кто знаетъ, куда онъ ушелъ. Дѣти, кажется, видѣли его вчера, онъ ходилъ по двору, а куда ушелъ; не знаю. Пойдемте, пожалуй, поищемъ». Вышли, стали искать; искали, искали; нигдѣ нѣтъ. Священникъ и говоритъ: «какъ знаешь, ищи, но найди, а если не найдешь, то сто рублей съ тебя, давай сейчасъ». Этотъ видитъ — дѣло плохо. Подошелъ къ хлѣву и закричалъ: «смотри·ка, батюшка, вотъ этотъ уголокъ доски въ грязи, не онъ ли?» — «Вытащи·ка!» Вытащили. Смотрятъ, правда она (икона). Священникъ говоритъ: «да ты отчего ее сюда бросилъ»? — «Нѣтъ», отвѣчаетъ тотъ. «Такъ какъ же она тамъ»? — «Да вѣдь я не знаю; видно, гулялъ

vina·da asi·mä». — «Nu moža ugarijäs da lisć vä·nilij». — «Tagy·keŋgelat, ved' son ču·fťyn, a·ńčik šo·rmađuf lomańli·ks, a son a ši·mä, a ja·rcä, a u·garijä, a ja·kä». — «A mäks ena kortä, a čuf'nä· ako·řčnet, a son atkeŋgelä tăt, buta mon ao·znan dāzga». Še·di mājlä popó·ś pańda išta kākššims. Ala·myń a·lamyń kar·ma·št naro·dēs kak čarkyđimä i ozno·ma. A nej oznē·t pek i sode·t kińi·ń oznē·t; ārvä·čki pa·zavańt ľämi·za sońceń.

A vot mon jofta·n dăt, koda·my ulńi·ś kulu·ma, ľämi·nga jak a·zdasa. Ton loma·ńis jaly měret sode·cat, azda·sak ři, koda·ma še kulu·maś? Loma·ńis koda·k pry, väši ra·uškadä i ku·lä. Šesta vot koda kulci·št; kalma·ma jak ašt kă·ńirkšnä. Mă·jľa válinť čury·z·pírřz, ala·myń a·lamyń lo·tkas. A eščo· ulńi·ś ku·luma,

ночью, да идя домой, не нашелъ избной двери, вошелъ въ эту дверь съ пьяна и упалъ въ грязь; а свиньи какія! онѣ шайтана и того затопчуть. А я дивлюсь, какъ онѣ его кормильца еще не съѣли». Священникъ и говоритъ: «зачѣмъ ты клеветишь? нашъ Богъ не пьетъ вина». — «Но, можетъ быть, онъ угорѣлъ и вышелъ на дворъ». — «Опять клеветишь, вѣдь она (икона) деревянная, только расписана по образу человѣка, а она не пьетъ, не ѣстъ, не угораеть, не ходить». — «Такъ какъ же она говоритъ, а деревья не говорятъ; а она вотъ клевететь тебѣ, будто я ей не молюсь». Послѣ этого священникъ пересталъ такъ спрашивать. Понемногу народъ сталъ также понимать и молиться. А теперь много молятся и знаютъ, кому молятся; у каждой иконы свое имя.

А вотъ я расскажу тебѣ, какой былъ моръ, и имени его я не знаю. Ты человѣкъ знающій—всѣ говорятъ, не знаешь ли, что это за моръ? Человѣкъ, какъ заболѣеть, весь почернѣеть и помереть. Тогда вотъ какъ помирали; не поспѣвали даже хоронить. Потомъ село «окружили», и (моръ) понемногу прекратился. А еще

gara·zda mājļa: lomaņi·ñti pādā psku·n i uksuu·ma i saņy·nga targa·tyt; loma·ñis pišcy·ftā kafty·kolmy cy i kulā, a lija·viļi·mā. Aty vot avy·l umyk ulñis, teñ ton gak po·mñasa·k! — «Da, teñ mon pomñā·sa, mon eščo beñāñ godēñt kak pomñāsa, kyda jarcy·ñik ańcik katfa·ñ pača·lksidā dy kotoñe·ktā». — X'e, brat, ara·zdā te beñāñ god? Sura u·lñis, muška vadraļ, katfatñā partyļt, te āfa·mys ešcy ma·šińca iki·liñ beñāñ go·tnēñ ko·ras. Moñ po·mñamga vāšt ulñisť kolmy gott řac beñā·tt. Tašty šu·ryťñiñ sā·viž, miñ ma·rēty ja·reynik, a dedu·žym jo·fñes: še šisirn gott ulñisť, šesta loma·tnā sē·řada jarca·št. Lomatñā jaka·št prok su·liļ 1). Tožy, brat, lamy·tāf'ni· ulñisť; ikili víd' avyl išta āfā·št, koda·nej: šu·ryt la·ma, miji·k—ja·rmakñiñ žeps; šu·ryt araš, moļt baza·ruņ, ramak. A baza·rys ulñi·š šediki·lā ańcik Pētroške·jsa, a šury·š ulñi·š pondē·š pā·tak, a pifcy·cātñā ulñisť ģri·vna čys. Dy ju-

быль моръ гораздо позже: къ челоуѣку привяжеться поносъ и рвота, и судорога ведеть его; челоуѣкъ пострадаетъ два три дня и помретъ, а другой оправится. А то вотъ недавно былъ, и ты его (этотъ моръ) помнишь!—«Да, я его помню, я еще помню и плохой годъ, когда мы ѣли только картофельные блины и тертый картофель».—Хе, братъ, развѣ плохой былъ этотъ годъ? Былъ ячмень, конопли были хорошіе, картофель хорошій, это житьё еще масляница противъ прежнихъ плохихъ годовъ. На моей памяти однажды три года подъ рядъ были плохи. Старый хлѣбъ съѣли, мы ѣли лебеду, а дѣдушка мой рассказывалъ: тѣ семь лѣтъ были (плохими), тогда люди ѣли желуди. Люди ходили какъ тѣни. Тоже, братъ, много было дѣла; вѣдъ раньше жили не такъ, какъ теперь: хлѣба много; продай—деньги въ карманъ; хлѣба нѣтъ, иди на базаръ, купи. А базаръ въ старину былъ только въ Петровскѣ, а хлѣбъ былъ по пятаку за пудовку, а молотильщики по гривнѣ на день. Да проѣхать нельзя никакъ; черезъ лѣса (ѣхать) боишься: либо звѣрь

1) su. lixt.

ta.ms kak a koda., vi.r'x'nín bačk pála:t. líby z'ver šežné.tanzat,
líby loma.ń žauđa.nzat. Šediki.ŷa avyŷ baza.rt, me.línecat kak
ara.síl't, sopožnékt ka.k ara.síl't; m'ášť kak ášť ramša, ášť mí.kšní
jak.

тебя съѣсть, либо человѣкъ убѣть. Въ старину не то, что база-
ровъ, а даже мельницъ не было, и сапожниковъ даже не было;
и ничего не покупали и не продавали. ¹⁾

1) Мнѣ не пришлось записать другихъ преданій, связанныхъ съ с. Ор-
кинымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, записанныя въ семидесятыхъ годахъ прош-
лаго столѣтія, помѣщены ниже въ приложеніи, въ очеркѣ А. Н. Минха.
Впрочемъ, Мордва вспоминаетъ еще Тющаня (T'uščān ílazuŷ), подъ поддан-
ствомъ котораго она находилась. «Царь Тющанъ, рассказываютъ они, ушелъ
съ народомъ за большія воды, а мы подались сюда, но откуда онъ ушелъ не-
извѣстно. Старики и сейчасъ вспоминаютъ Тющаня, говоря такъ: «B'ídā T'u-
ščān kápidā vojna, šesta p'ingís kuryk jumā; son b'ídā karmā ošovama v'ášij maz-
tyŷnín šadsuŷžā; māj'l'a'í p'ingís kak jumā» (т. е. если Тющанъ начнетъ войну,
тогда міръ скоро погибнетъ; если онъ начнетъ воевать, онъ разоритъ всѣ
страны; потомъ и міръ погибнетъ). Ор. пѣсню «Тюштя азоръ» въ Обр. морд.
нар. сл. I, № XX.

Б. Сухой Карбулакъ.

Мон терьдень эстянь кафты сизыгемень годца атят, и от месть сынъ монянь ёфьнестъ:

Миникъ велесь, Арчиловось, ащи уш колмошка сяды готт. Васня сон ульнись ольнэй, а мелъи тееўсь барцкыикс. Те велень народэсь пурнаўсь лия-лия сторонаста — улить састъ Алофкаста, Селябаста, Топорофкаста, Губажста и Яксярцта. Губажинь народэсь ульнисть татарт и кувать сынъ эрясть апак лемть. Мон атятъиниъ кеўкъстенъ — косы ащить се велетьне, косты састъ миникъ покщанык, ну сынъ и сынъць аздасызь.

Б. Сухой Карбулакъ.

Я призвазь къ себѣ двухъ семидесятилѣтнихъ стариковъ и вотъ что они мнѣ рассказали:

Наше село Арчиловъ существуетъ уже около трехъ сотъ лѣтъ. Сначала оно было вольнымъ, а потомъ барскимъ. Населеніе этого села собралось съ разныхъ сторонъ — есть пришедшіе изъ Аловки, Селябы, Топоровки, Губажа и Яксяра. Губажевскіе были татары и они долго жили некрещеными. Я спросилъ стариковъ, гдѣ находятся тѣ деревни, откуда пришли наши дѣды, но они и сами не знали.

Миникъ покщанык састъ эсь олясыст, а ауль боярт ускизь, эль дерьдезь. Сынь года састъ тезэнь зряма, теса эсть зря кить как. Таркась те ульнись чава; соказь мода эзь ульни. Ульнисть тесы аныцяк эрькть, вирьть, ветьть и лугат. Миникъ покщатыне сётыки содасть, шты те таркась ульнись боярынь.

Ве монянь ёфнеця атяньть покщанса покщаз, лемезы ульнись Паул атя, ульнись васинь зыця миникъ веленьтень ¹⁾. Кода покщанык пурнаўсть миникъ велень дарканьтинь ²⁾ и кармасть думама велень зрояма, Паул атясь и мере: «атянят-цёранят, лац-ли минь дейтяна? ³⁾» ведь де модась боярынь—нузякс ломанинь. А бояртны ведь а роботэть, ломань видисы пряст трить; бути минь дезэнь ⁴⁾ озатана, то миникъ эйтьни кармить боярынь зепень бещеме, боярынь гарьцими-орчама, боярынь андума». Атятьни мереть: «Паул атя! тонь валыт виде; аныцяк ⁵⁾ от месьть: тесы таркась пара, ведь-вирь-луга лама. Минь эсь

Наши предки пришли по собственной волѣ; ихъ не приводили и не призывали господа (помѣщики). Когда они пришли жить сюда, здѣсь никто не жилъ. Мѣсто это было пустое; земля была не вспахана. Здѣсь были только озера, лѣса, рѣки и луга. Наши предки всётаки знали, что это господское.

Дѣдъ дѣда одного изъ стариковъ, рассказывавшихъ мнѣ (это), по имени старикъ Павелъ, былъ первымъ прибывшимъ въ нашу деревню. Когда наши предки собрались на мѣсто нашего села и начали думать о постройкѣ села, старикъ Павелъ и говорить: «старик-мужики, хорошо ли мы дѣлаемъ? вѣдь эта земля принадлежитъ барину—лѣнивому человѣку. А баре вѣдь не работаютъ, кормятся благодаря людямъ; если мы здѣсь поселимся, то дѣти наши будутъ наполнять господскій карманъ, будутъ обувать-одѣвать барина, будутъ кормить барина». Старики говорятъ: «Дядя Павелъ! твое слово правильное; но только вотъ что: здѣсь мѣсто хорошее, воды,

1) веленьтей. 2) тарканьтий. 3) тейтянак. 4) тезэй. 5) аныцки.

прянык анцыникъ, и боярыньтинъ ¹⁾ ули мези максумс». И миникъ покщанык пуцьть кудыт и кармасть эряма.

Коты вайгильбенъ даркашка Арчилоудэньть розбойникинь отамап Плетнёвъ, ве шкани Арчиловонъть маргы сроясь вели Ключъ. Ключъ велесэньть ней-гак эреть Плетнёвонъть родэнса.

Москоусы эрясь сюпау бояр Опраксин; сонсы ульнисть ламы модансы, и конанъ модансы ланке састъ эрямы миникъ покщанык и появась Ключъ велесъ. Марясь Опраксин Арчилоудэньть ды Ключтынъть, радувась, шты састъ тендзы истяк роботэцят и прянь зиньдизь напустясь Арчиловоу. Сась, пурныньси миникъ атятънинъ и мери: «атянят! мон радувинъ, жды тынь зыди монъ мода ланкс; эряды, сокады — видиды, мон дынкъ пельди мези як а саян». Мерьць истя ²⁾ Опраксинць ³⁾ и тусъ. Эрясть ащистъ аламус покщанык, пуцьть кудынить, тейсть кардаскить.

лѣсу, луговъ много. Мы прокормимъ себя, и будетъ что дать барину». И наши предки поставили дома и стали жить.

Въ шести верстахъ отъ Арчилова разбойничій атаманъ Плетнёвъ построилъ въ одно время съ Арчиловомъ село Ключи. Въ селѣ Ключахъ и теперь живутъ потомки Плетнёва.

Въ Москвѣ жилъ богатый баринъ Апраксинъ ¹⁾; у него было много земли, и ему принадлежали земли, на которыя пришли, (съ тѣмъ чтобы) поселиться наши предки и на которыхъ появилось село Ключи.

Узнавъ Апраксинъ про Арчиловъ и Ключи, обрадовался, что къ нему пришли даровые работники, и сломя голову пустился въ Арчиловъ. Пришелъ, собралъ нашихъ стариковъ и говоритъ: «старички! я обрадовался, что вы пришли на мою землю; живите, пашите, сѣйте, я съ васъ ничего не возьму». Сказалъ такъ Апраксинъ и уѣхалъ. Пожили-пожили немного наши предки, построили домишки, устроили дворишки.

1) боярыньтинъ. 2) истяня. 3) Опраксиньсы.

¹⁾ Степанъ Степановичъ.

Сась Опраксин боярысь, ванцы покщанык тейсть кой мечь и думе: «ней эряви путумс лангтызыст авуль бокш пандума, вишка пандумадыньть атуить, кудыст - кардазыст а кацызь». Пурныньси Опраксин боярысь атятьнинь и мере: «атянят, тынь эрятады монь мода ланкса, а монянь мези як а пантада, тынь пандыды монянь хуть ¹⁾ ортаста!» Атятьни алуфтасть. Се шканьть Павул атясь арасиль кудыса, мельи сась, сонянзы ёфтасть, шты боярысь веши пандумы ортаста, сон и мере: «атянят! ней де нузякс пинись карми миникъ зепенэк урядама, сётыки эряви теемс от мечь; кафты кардайс колмы кардайс теемс ве орта». Атятьни кулцынызь Паул атяньть. Арчилоўсэнъть кудытьни ульнисть ищё алама, ащистъ ве порядкаса, и атятьни васыдызь кардазыст вейц и порятканьть кунчкас тейсть ве орта и кармасть лисними и суўсими ве ортава.

Ютасть зяры бути готт, сась Опраксин боярысь Арчиловоу,

Пріѣхалъ баринъ Апраксинъ, видить, что наши предки построили кое-что, и думаетъ: «теперь нужно положить съ нихъ небольшую плату; отъ небольшой платы они не уйдутъ, не оставятъ своихъ домовъ и дворовъ». Собралъ баринъ Апраксинъ стариковъ и говоритъ: «старички, вы живете на моей землѣ, а мнѣ вы ничего не платите; вы платите мнѣ хоть съ воротъ!» Старики обѣщали. Въ то время старика Павла не было дома; потомъ онъ вернулся, и ему рассказали, что баринъ просилъ платы съ воротъ, онъ и говоритъ: «старички! теперь этотъ лѣнивый кобель будетъ обчищать наши карманы; всётаки надо вотъ что сдѣлать: на два-три двора ставить одни ворота». Старики послушали старика Павла. Въ Арчиловѣ домовъ-то было еще немного, стояли они въ одномъ порядкѣ, и старики соединили свои дворы въ одно и въ серединѣ порядка поставили одни ворота и стали выходить и входить одними воротами.

Прошло сколько-то лѣтъ; пріѣхалъ баринъ Апраксинъ, со-

1) куть, хыш, кыш.

пурныньси атятънинь и мере: «мон зынь ярмак мельга». Атятъни мереть: «зяры сави максыныкъ». Боярысь мере: «зяры ортанк?» Атятъни мереть: «вейке!» — «Кода вейке?» — «Истя и вейке». Тусь боярысь орта лоўнома и лоўнэсь аныцяк ве орта. Опраксин боярысь кежеяўсь и мере: «мон кармафтадызь пандумы турбаста». Атятъни мереть: «мези аразьди, карматана пандумы турбаста». Боярысь тусь. Атятъни синтризь турбаст и тейсть раужы кудыт. Ютасть зяры бути готт, сась бояр Опраксин ярмак мельга; атятъни пурнаўсть. Боярысь кеўкъстенъси атятънинь, зяры турбаст. Атятъни мереть: «миникъ турбанык арасть». — «Кода арасть?» — «Истя и арасть». Тусь Опраксин боярь турба лоўнома, эзь мук ве турба-як. Седияк кежеяўсь боярысь, кармафтынъси цѣратънинь пандумы вальмаста. Цѣратъни тейсть лазынь вальма вельтямут. Сась боярысь ярмак мельга. Цѣратъни пекснэзь вальмаст и мереть: «миникъ вальманык арасть». Тусь боярысь вальма вешнеме, эзь мук ве вальма-як. Боярысь ванцы,

бралъ стариковъ и говорить: «я пришелъ за деньгами». Старики говорятъ: «сколько приходится, мы отдадимъ». Баринъ спрашиваетъ: «сколько у васъ воротъ?» Старики отвѣчаютъ: «одни!» — «Какъ одни?» — «Такъ и одни». Пошелъ баринъ считать ворота и насчиталъ только одни ворота. Баринъ Апраксинъ разсердился и говорить: «я заставлю васъ платить съ трубъ». Старики говорятъ: «такъ что же, будемъ платить съ трубъ». Баринъ ушелъ. Старики сломали свои трубы и устроили черныя избы. Прошло сколько-то лѣтъ; пріѣхалъ баринъ Апраксинъ за деньгами: старики собрались. Баринъ спросилъ стариковъ, сколько у нихъ трубъ. Старики отвѣчаютъ: «у насъ нѣтъ трубъ». — «Какъ нѣтъ?» — «Такъ и нѣтъ». Пошелъ баринъ Апраксинъ считать трубы, не нашелъ ни одной трубы. Еще больше разсердился баринъ, заставилъ мужичковъ платить съ оконъ. Мужички сдѣлали дощаныя оконныя ставни. Пріѣхалъ баринъ за деньгами. Мужички закрыли свои окна и говорятъ: «у насъ нѣтъ оконъ». Пошелъ баринъ искать окна, не

атятъни сонъдедэнзы превейтъ, и пуць лангызыст оброк, сизъгемень вети цолковой насыгнацю эрва ойменьтъ ланкс.

Опраксин боярынть ульнисть кафты тейтеренса. Покш тейтереньть лемезы Наталья Стѣпануѡна, а вишкининьтъ — Софья Стѣпануѡна. Опраксин боярысь максынъси тейтеренсы мирьдининь Московоѡ; покш тейтереньтъ — князь Голицынынъ экшс, вишкининьтъ — князь Щербатувунъ экшс.

Опраксин боярысь, тейтеренсы максумады икили, сась Усофка велес; се велесэньтъ сонзы ульнисъ отчинный гантораза; пурнынъси веси олостенъ атятънинъ и мери тест: «атянят, монъ моданьтъ вакссы ули ламы мода, конанъ хозяинынъси вишка пакшат сирѣтат, прозваньяст Шахматуфъ; раминкъ сынцт моданьтъ и ульяды тыньць хозяинтъ» ¹⁾. Атятъни Опраксин боярынтьинъ мереть: «минъ апак дума а рамасыникъ, васня думатана». Лисьсть атятъни боярынть кецты и тусть Шахматуѡ боярнытьинъ мо-

нашелъ ни одного окна. Баринъ видитъ, что старики умнѣ его, и положилъ на нихъ оброкъ, семьдесятъ пять рублей ассигнаціями на каждую душу.

У барина Апраксина были двѣ дочери. Имя старшей дочери Наталья Степановна, а младшей Софья Степановна. Баринъ Апраксинъ отдалъ своихъ дочерей замужъ; старшую дочь — за князя Голицына, младшую — за князя Щербатова.

Баринъ Апраксинъ, прежде чѣмъ отдать замужъ дочерей, прїѣхалъ въ село Усовку; въ томъ селѣ была вотчинная контора; онъ собралъ стариковъ со всей волости и говоритъ имъ: «старички, около моей земли большой земельный участокъ, хозяевами котораго состоятъ маленькія дѣти, сироты, по фамиліи Ш-вы; купите ихъ землю и вы будете сами хозяевами». Старики говорятъ барину Апраксину: «мы не сообразивши не купимъ; сначала подумаемъ». Вышли старики отъ барина и пошли посмотрѣть

1) азырт.

даст ваннума. Модась атятъинь мельц тусь, сынъ мольцьтъ Опраксин боярыньтинъ и мереть: «минъ думиникъ Шахматувунъ моданьтъ рамамс».

Шахматуу боярыньтинъ-сирѣтатинъ ульнисть Опраксин боярыньтъ родэнзы эль содаўксынзы, эль жабранзы учасканъ гувалт. Сон мольць Шахматуфнининъ, рамизи модаст цѣратъининъ лемс, а купчининъ теефтези соньцензы лемс. Сесты шкась ульнисъ истяма: цѣра лемс купчий теемс ульнисъ нельзя. Секс Опраксин боярць теефтези купчининъ соньцензы лемс, куш моданьтъ рамизи цѣратъининъ лемс, и купчининъ Опраксин боярць путызи отчинный ганторас (Усофкас). От истя Арчиловонъ, Усофканъ, Кумарофканъ, Ключинъ, Андрѣфканъ и Софьинанъ атятъини рамизъ Жахматуўскый бустышининъ, эль Жахматуу боярыньтъ моданса. Моданьтъ эйсты ульнисъ кемготова тысяця вети сятт ведьгемень destino. Те моданьтъ атятъини рамизъ и ярмакнинъ Опраксин боярыньтъ вельди пандызь.

землю барчать Ш-выхъ. Земля понравилась старикамъ; они пришли къ барину Апраксину и говорятъ: «мы надумали купить землю Ш-выхъ».

Барчата сироты Ш-вы были родственниками барина Апраксина, или его знакомыми, или сосѣдами по участку. Онъ отправился къ Ш-вымъ, купилъ ихъ землю на имя крестьянъ, а купчую велѣлъ сдѣлать на свое имя. Тогда время было такое: на имя крестьянъ нельзя было дѣлать купчей. Отъ того баринъ Апраксинъ велѣлъ сдѣлать на свое имя, хотя и купилъ землю на имя крестьянъ, а купчую баринъ Апраксинъ положилъ въ вотчинную контору (въ Усовку). Вотъ такимъ образомъ старики Арчилова, Усовки, Комаровки, Ключей, Андреевки и Софьина купили Шахматовскую пустошь или землю барина Ш-ва. Земли было 16550 десятинъ. Старики купили эту землю и уплатили деньги черезъ барина Апраксина.

Седы мельи Онраксин боярысь тусь Московоу и тосы максыньи тейтеренсы мирьдининь; теды мон уш кортэнь.

Опраксин боярыньть цёрансы арасильть, сон явизи веси модансы и хресьянынсы катты содамунсы юткува. Князь Голицыннын¹⁾ максызи Арчиловонть, Ключинть ды Кумарофканть. А Щербатуу гнязиньтинь остатка²⁾ велетьнень. От истяня Арчиловонь атятни тееусть князь Голицынын хресьяныкс. Князь Голицын боярысь ульнись пара, сон чурысты сакшныкшнысь хресьянынсы туртуу. Мельи князь Голицынысь кулысь, эстедэнсы мельи эйтъ эзь гатт. Князь Голицында мельи кудынь-бряфтыкс кадууь сонсы козяйказы Наталья Степанууна. Наталья Степануунась пекъ кежэйсты пурнась оброковъть, и цёратьни кармасть вешечи барщина. Бояравась радувань и Арчиловонь народэсь куруксты тееуь барцкыикс; колмы чить наро-

Послѣ этого баринъ Апраксинъ отправился въ Москву и тамъ отдалъ дочерей замужъ; объ этомъ я уже говорилъ.

У барина Апраксина не было сыновей, онъ раздѣлилъ всю свою землю и своихъ крестьянъ между двумя своими зятьями. Князю Голицыну онъ далъ Арчиловъ, Ключи и Комаровку, а князю Щербатову остальные деревни. Вотъ такимъ образомъ Арчиловскіе старики сдѣлались крестьянами князя Голицына. Князь Голицынъ былъ добрый, онъ рѣдко пріѣзжалъ къ своимъ крестьянамъ. Потомъ князь Голицынъ померъ, не оставилъ послѣ себя дѣтей. Послѣ князя Голицына хозяйкой осталась его жена Наталья Степановна. Наталья Степановна очень строго собирала оброкъ, и крестьяне стали просить барщины. Барыня обрадовалась, и Арчиловскіе крестьяне вскорѣ стали барскими; три дня крестьяне работали на барыню, а три дня на себя. Прошло шестьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ Арчиловскіе крестьяне стали барскими. Потомъ наступили голодные года, и народу нечего было ѣсть.

1) Голицынынътинь, Голицынынътий. 2) кадувикс.

дэсь работась бояраваньтинь, а колмы чить эстянса. Кодгемень год ютась се шкастыньть, кода Арчиловонь народэсь тееўсь барцкыикс. Мельи састь голодь готт и народнэнь немезьды ульнись ярцамс. Пурнаўсть Наталья Степануўнань үресьянынзы сонянзы и мереть: «скюрынык миникь а чаче, ант эйсэнэк». Наталья Стёпануўнась мере: «мон дынкь андуманк а карман, мон дынкь митядызь», и миньси, тантарали туивиль....

От месть ёфьнесь монянь ве баба. Арчилоў велень дарканьть муизи васинь гулый Гараськась. Муизи Гараська крута пандынть и пандынть вакссы роўна тарка, роўна таркась велень даркакс пара, и думась Гараська тезэнь велень зрояма. Стяўсь

Крестьяне Натальи Степановны собрались кь ней и говорятъ: «у насъ не родится хлѣбъ, корми насъ». Наталья Степановна отвѣчаетъ: «я не стану васъ кормить, я васъ продамъ», и продала, провалилась бы она сквозь землю....¹⁾.

Вотъ что мнѣ рассказала одна старуха. Мѣсто села Арчилова нашель Герасимъ «первоумершій»²⁾. Нашель Герасимъ крутую гору и около горы ровное мѣсто; ровное мѣсто было удобно подь постройку села, и Герасимъ рѣшилъ построить здѣсь

1) Слѣдующій за симъ рассказъ касается событій, слишкомя близкихъ кь намъ по времени, а посему опускается. 2) Первымъ въ селѣ Сухомъ Карбулакѣ померъ нѣкто Герасимъ, котораго, въ дни поминовенія усопшихъ, поминають всѣ старухи.

Гараська сэрэй цуфта, валксь чутфыньть пряс гулькине. Гараськась думе, шты те содаўксысь пара; голопкась—пизынь бурный. Тусь Гараськась перьть велева якама, народэнь бурнама. Пурнаўсь народ; велень даркась мельц тусь; сроясть веле. Крута панцтыньть лисьсь сал ды калыга. Атятни пурнаўсть ве таркас и мереть: «Атянят, дайти салыньть ды калыганьть валясыныкь ды ассыныкь, ата бояр деды мари ды город дезэнь зрое, а миникь паньцамизь». Рамасть атятни кошма, вельтезь салыньть ды калыганьть и азызь.

Лия ёфнесь. Велень дарканьть муизи Учай атя. Учай атясь ульнись васинь гулый Гараськаньть ляляза, а монь покищам. Монь вамильям «Учаеў» — предпрадедадын, Учай атядыньть.

село. Поставилъ Герасимъ высокое дерево, сѣлъ на дерево голубь. Герасимъ рѣшилъ, что это хорошій знакъ; голубь—собира-тель гнѣзда. Пошелъ Герасимъ по окрестнымъ селамъ собирать народъ. Собрался народъ; понравилось мѣсто подъ село; построили село. Изъ крутой горы выходили соль и калыга¹⁾. — Старики собрались въ одно мѣсто и говорятъ: «старички, давайте завалимъ соль и калыгу да проклянемъ, а то объ этомъ узнаетъ баринъ и построить здѣсь городъ, а насъ прогонить». Старики купили кошму, покрыли соль и калыгу и прокляли.

Другая рассказала слѣдующее. Мѣсто села нашелъ старикъ Учай. Старикъ Учай былъ старшимъ братомъ первоумершаго Герасима, а моимъ предкомъ. Моя фамилія Учаевъ отъ прапрадѣда, старика Учая.

1) Синяя краска.

Миникъ таркатънинъ эйсы ульнисть колмы учаскат. Князь Грузин заревичинъ авуль бокш участка, Стѣпан Стѣпанычинъ Опраксининъ авуль бокш участка, Ш. боярынъ бокш участка. Арчиловонъ народэсь ульнисть апак лемьть, а Грузин заревичинъ ульнись мелезы сынцт лемьдемс. Сон бурнынъзи атятънинъ и мери тест: «атянят, лемьдеда, мон денгъ модам максса». Атятъни лемьсть и Грузин заревичинъ модантъ саизъ. Мелъи атятъни рамизъ и Ш. боярынъть моданса. Грузин заревич ульнись безроднэй¹⁾, апак урьвакст, курук кулысь, и модаза кадуўсь атятънининъ.

Одзѣра, оддейтеръ, довець, дова ланкс урок путумс ульнись нельзя. Секс князисъ покш тейтеръть макснисъ цѣра пакша экшс: тейтересъ эсь пайнсы роботасъ и мирьдинъть пайнъть роботасъ. Макснисъ князисъ тейтеръть сыри атя экшс; тейтересъ роботасы

1) роцтома.

Въ нашихъ мѣстахъ было три участка: небольшой участокъ Грузинскаго царевича, небольшой участокъ Степана Степановича Апраксина, большой участокъ барина Ш. Арчиловскіе крестьяне были некрещеные, а Грузинскому царевичу хотѣлось ихъ крестить. Онъ собралъ стариковъ и говоритъ имъ: «старички, креститесь, я вамъ отдамъ свою землю». Старики крестились и взяли землю Грузинскаго царевича. Потомъ старики купили землю барина Ш. Грузинскій царевичъ былъ безродный, неженатый, онъ скоро померъ, и земля его осталась старикамъ.

На молодого парня, молодую дѣвушку, вдовца и вдову нельзя было класть урока. Поэтому баринъ выдавалъ немолодыхъ дѣвушекъ за ребятишекъ: дѣвушка сработаетъ свою долю и сработаетъ долю мужа. Баринъ выдавалъ дѣвушекъ за старыхъ людей; дѣ-

соньцензы пайнть и сыри мирьдинть частинть. Теды ульнисть ламы прянь юмафтумат. Бути тейтереньть мирьдизы пакша, эль атя, тейтереньть мелезы моли мирьдинть кис роботамс, и сон эль эсыпрянзы юмаўсэ, эль юмаўсы мирьдинть. Те парьцты нефьтезь морэса «Машутыне» и «Исинь заифьть одерьвась». Мелы князись кармась одзёратьнинь, оддейтерьтненень, довецьненень и доватьнинь пурнакшнумаст олоснай управас. Пурनावить одзёрат и оддейтерьть пакшат, а довецьть и доват сыть уш сырить. И тесы князись эзь гочка: сыри баба макссы цёрапакшанинь; тейтерьбакша макссы сыри атянинь; уш аздан, года Пазысь кырць. Кона одзёраньть эль оддейтереньть тятязы а макссы сенень, конанинь гнязись макссэ, кундасы се ломаниньть князись сакалда, ветьни-ветьни сакалды управаваньть, макссы розгасы ча(в)умс. Ащить истятт анык ломатть и розгат, чаўсызь пеликулумс ломаниньть розгаса.

вушка сработаетъ свою собственную долю и часть мужа. Вслѣдствіе этого было много убійствъ. Если у дѣвушки мужъ мальчикъ или старикъ, дѣвушкѣ надоѣсть работать за мужа, и она или самое себя убьетъ, или убьетъ мужа. Это очень хорошо показано въ пѣсняхъ «Машуточка» и «Вчера взятая молодушка». Потомъ баринъ сталъ собирать молодыхъ парней, молодыхъ дѣвушекъ, вдовцовъ и вдовъ въ волостное правленіе. Соберутся молодые парни и молодые дѣвушки (еще) дѣти, а вдовцы и вдовы придутъ уже старые. И тутъ баринъ не выбиралъ: старую бабу выдастъ за мальчика; дѣвочку выдастъ за стараго старика; ужъ не знаю, какъ терпѣлъ Богъ. Если который отецъ не отдаетъ мальчика или дѣвочку за того, за кого отдаетъ баринъ, возьметъ этого человѣка баринъ за бороду, поводитъ его за бороду по правленію (и) прикажетъ высѣчь его розгами. Такіе были (для того) приготовленные люди и розги, высѣкутъ человѣка розгами до полусмерти.

1) «Алька лялянъ ульнисть кевийкий годэнса, кода сонзы урвакстызь. Чиясть тензы покш тейтерь. Пурнаўсь поездэст, кармасть церьковаў зыргамы венчама. Ванцызь, Алька лялям арась; вешньность-вешньность, муизь Алька лялянъ ульцяста. Алька лялям ялга ютксы налкхись кознаса. Кармасть сонзы терьдеманса, сон а моле. — «На тетъ кафты кознат, адя!» мереть Алька лялянинь. — «Дайти ниле, молян!» мери Алька лялям. Макссть тензы нили кознат, саизь, озафтызь, тусть церьковаў венчамуст».

2) «Монь аванъ ульнисть комсь колмова годэнса, кода сонзы максызь мирьдининь каўксы готцы пакшанинь. Матидиви чёкшни

«Старшему моему брату Александру было 18 лѣтъ, когда его поженили. Просватали ему взрослую дѣвушку. Собрался ихъ поѣздъ, стали они собираться въ церковь вѣнчаться. Видятъ, что нѣтъ брата Александра; искали-искали, нашли брата Александра на улицѣ. Братъ Александръ игралъ въ козны съ товарищами. Стали звать его, онъ не идетъ. — «На тебѣ двое козень, иди!» говорятъ брату Александру. — «Дайте четыре, пойду!» отвѣчаетъ братъ Александръ. Дали ему четверо козень, взяли его, посадили и поѣхали въ церковь вѣнчать ихъ».

«Моей матери было двадцать три года, когда ее отдали замужъ за восьмилѣтняго мальчика. Уснѣтъ мужъ ея вечеромъ

1) Рассказъ одной старухи с. Сухого Карбулака.

2) Рассказъ другой старухи.

мирьдизы ужинды икили эземс, авам тарка адэ, каясы таркас
мирьдинса. Авам соньценса алуў ады перена, а мирьдинсы алуў
ады ватула: уш пекь чурьдикшнысь. Авань зыть кежензы мирь-
динзы ланкс, чаўсы, а сон моли ды аванцтынь беняце. Авазы
лацисы-луцисы ды пара».

Пакшакс урвакснисть авуль зыньць Арчиловонь народэсь, а
сынцт кармаўсь князись. А князись кармаўсь пакшат урвак-
сними от мейсь: бути одэра, оддейтерь, довець эль дова, сыняст
цела оброк нелься путумс, а пель оброк; а бути одэрась эль
довецесь урвакстызь, то сыняст путыть цела пай (роботамс).
Секс пакшат князись урвакснись, штобу седи ламы пайть тензы
роботаст.—От кода князись кармаўсь мирьдининь лисиме ве сыри

до ужина на скамейкѣ, мать моя постелеть ему постель (и) поло-
жить въ постель своего мужа. Мать моя подъ себя стелеть
перину, а подъ своего мужа дерюгу: ужь очень онъ мочился.
Матушка разсердится на своего мужа, побьетъ его, а онъ пой-
детъ и пожалуется своей матери. Мать его уйметъ да ладно».

Мальчиками женились Арчиловскіе крестьяне не сами, а ихъ
заставлял баринъ. А баринъ заставлял жениться мальчиковъ
вотъ почему: на парня, дѣвушку, вдовца или вдову нельзя накла-
дывать цѣлаго оброка, а полъ оброка; а если парень или вдовецъ
поженятся, то на нихъ кладутъ цѣлый пай (сработать). Поэтому
баринъ женилъ мальчиковъ, чтобы на него сработали какъ можно
больше паевъ.—Вотъ какъ баринъ заставлял выходить замужъ

довене, кона ульнись оддуться. «Лисъть мирьдининь!» серъгець лангъзынзы князись. «Вай! божалыйсты кадумак! мезень мон мирьдининь молецяи!» аварьдизь мери бабинись. «Коли мирьдининь а молят, кажный¹⁾ буряни кант Калмулатксты кафты ведрат ведь, ды вант, чуба вец иля орча, орчак аныцяк нурька суматты!» мери князись. Аныцяк буря чи, туй авась Калмулаткуу вец курьця ланкса, орчи аныцяк суманнить. Канцыньсь авась ведратыинь управа икилиу, валуусызь ды кучсызь гудуу. Пициузь - пициузь авинись, лисъ ве атининь мирьдининь, кармась цела пай роботама. Эрьась авинись седь мелы кафты готт ды кулысь; ванат, Калмулатксты ведень ганлимась ойменензы саизе.

1) эрьва.

одну старую вдову, которая была чахоточная. «Выходи замужь!» крикнулъ на нее баринъ. «Охъ, пожалуйста оставь меня! (ужъ) какая я невѣста!» съ плачемъ говоритъ старушка. «Если не пойдешь замужъ, то въ каждую бурю приноси съ Калмалатки¹⁾ два ведра воды, да смотри не надѣвай шубы (когда пойдешь) за водой, надѣвай только коротенькій зипунъ!» приказываетъ баринъ. Какъ только день съ бурей, пойдетъ эта женщина въ Калмалатку съ коромысломъ и надѣнетъ только зипунокъ. Принесетъ женщина ведра передъ правленіе, велятъ вылить ихъ и отошлютъ её домой. Мучилась-мучилась бабѣнка, вышла замужъ за одного старика и стала работать цѣлый пай. Пожила бабѣнка послѣ этого два года и померла; видно, ношеніе воды изъ Калмалатки взяло ея душеньку.

1) Оврагъ въ двухъ или трехъ верстахъ отъ села.

Вестъ ве бояр сась Арчиловоу киска марта. Кафты гоццы пакшини авулдась палкасы кисканзы ланкс. Боярысь (прязы правуль) саизи се пакшанть и сезьнефтези кисканть кецта.

Те боярысь охотась Арчиловонь баксява, вепельди неесь кафты пакшат и мере: «нолдэнга кискатьнинь — сезьнесэзь эль арась». Кискатьни эсть сускт. Сесты боярысь вельтеньзи пакшатнинь зверень гетьца, и кискатьни сезьнезь.

Князинить ульнись кривой здарыстаза, кона палкасы чаўсь досьмерть зярыя ломань, и ламы лият.

Арчиловось ащи роўна таркаса. Велесэньть ветешка сяды кудыт, ломатьни кафтышка тысиця, реветь колмошка сяда, скалт кафтышка сяда, алашат колмошка сяда, лия скотинат арась. Душовой моданык колмы сятт десятина. Сядышка десятина веленьть ала, кафты сятт паксяса. Велесэньть ули церькова, училильня, велень и олостень управат. Народэсь сокеть мода,

У барина былъ кривой староста, который перебилъ палкой до смерти много людей, были и многіе другіе.

Арчиловъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ. Въ селѣ имѣется до пятисотъ домовъ, людей около двухъ тысячъ, овецъ около трехъ сотъ, коровъ около двухъ сотъ, лошадей около трехъ сотъ, другой скотины нѣтъ. Нашей надушной земли — триста десятинъ. Около ста десятинъ подъ селомъ, въ поляхъ двѣсти десятинъ. Въ селѣ есть церковь, училище, сельское и волостное правленія. Крестьяне пашутъ землю, сѣютъ хлѣбъ, землю берутъ

видить сюра, моданть сайнить боярынь гецта. Лацить эрь-
зятъни веси перть велетьненъ марта; велетьни рузынь. Сяды
комсь вайгильбень даркасы Арчилоу веледэньть Уза ведь ланксы
ащить Эрзя велеть: Вергезом, Пумбра, Шмалак и Мокшы вели
Эрмиёфа.

Сисимъ вайгильбень даркасы Арчилоудэньть ули вели Голи-
цына. Арчиловонть марты Голицынанть ютксы ули вирь. Се
вирьцыньть чужьни ульнисть пекъ эчть. Вирись ульнисъ незнай
гинь, аныцяк Голицынанъ зёратьни керясть эйстэнзы чужьнинь,
буты сыныцист вирьцта. Кода миникъ атятъни састъ Арчиловонъ
велень дарканьтинь и кармасть срояма, то ве атя, лемезы Одай,
кармасть кудыкс чужьт уксими Голицынанъ вирьцтыньть. Моли,
кери тумут, лазнысыньш чачкуу-пачкуу и анык пелькст уске.
Голицынанъ зёратьни марясть и думасть Одай атяньть кунда-

у барина. Дружатся эрзяки со всѣми окрестными селеніями;
селенія эти русскія. Въ ста двадцати верстахъ отъ села Арчи-
лова, на рѣкѣ Узѣ, находятся эрзянскія селенія: Вергезомъ,
Пумбра, Шмалакъ и мокшинское село Еремѣвка.

Въ семи верстахъ отъ Арчилова находится село Голицыно.
Между Арчиловомъ и Голицынымъ лѣсъ. Въ этомъ лѣсу деревья
были очень толстыя. Не знай чей былъ этотъ лѣсъ, во всякомъ
случаѣ Голицынскіе крестьяне рубили въ немъ деревья, какъ бы
въ своемъ собственномъ лѣсу. Когда наши предки пришли на
мѣсто села Арчилова и начали строиться, одинъ старикъ, по имени
Одай началъ возить лѣсъ на домъ изъ Голицынскаго лѣса. Пой-
детъ, нарубить дубьёвъ, переколетъ ихъ на двое и возить готовыя
половинки. Голицынскіе крестьяне слышали и рѣшили поймать

мунса. Озасть вети эль гота цѣрат ласте, тусть вирьганьть вешнеманса, эзезь мук; муизь аньцяк мушкырынса¹⁾, конань эйсы лазны тумутьнинь. Думасть сайманса, а кандуве; кучсть кильдинь²⁾ алаша мельга, кода як путызь ридванц, ускизь гудуў: онкстэзь весса, мушкырынть эйсы каўксы понт. Русны мереть, «пасиба, соньцензы Одаинть эзенекь мук, соньць, ванат, мушкырдыньть как стака — ирьдизынык лоўнэленьсе».

Князись тейсь пири пакся кунчкас, кеменчка вайгильбень даркас Арчилоўдэньть. Теликунчкане, кода князиньть сюрытьни Арчилоўсы пирысынть пифцувить, сон Арчиловонь народэньть паньцэ паксясы пирынтьинь (Зимовьяў). Пани князись Зимовьяў поти пакша марты ават. Сыть Арчиловонь народэсь Зимовьяў,

1) барц. 2) кильдизь.

старика Одая. Сѣло пять или шесть крестьянъ верхомъ, пошли искать его по лѣсу, не нашли его; нашли они только молотъ, которымъ онъ кололъ деревья. Вздумали взять молотъ, не въ силахъ они его унести; послали за запряженною лошадыю, кое какъ положили на телѣгу, привезли домой, взвѣсили на вѣсахъ— въ молотѣ восемь пудовъ. Русскіе говорятъ: «спасибо, что мы не нашли самого Одая, самъ онъ, вѣроятно, тяжелѣе даже молота — пересчиталъ бы онъ наши рѣбра».

¹⁾ Баринъ устроилъ гумно въ серединѣ поля, въ разстояніи около десяти верстъ отъ Арчилова. Въ серединѣ зимы, когда обмолятъ въ Арчиловѣ на гумнахъ барскій хлѣбъ, онъ погонитъ Арчиловскихъ крестьянъ на гумно въ поле (въ Зимовьѣ). Гонитъ баринъ въ Зимовьѣ (и) женщинъ съ грудными дѣтьми. Придутъ

1) Разсказъ относится ко временамъ крѣпостного права.

су(в)амс некозэй, эжнемс некоса. Наргась как князись Арчиловонь народэньть!

Arčilo·u vėlēnt kunčkas ka·zna tejs ka·bak. A Arčilo·voñt pėrt vė·leva ka·bakt a·rašť. Sy·ť erva či·ni pė·rt vė·lesty¹⁾ lo·ma·ťť, konatt sa·lava mīkšni·ť vī·na, saji·ť Arčilovon ga·bakstyñť ozė·ń oz vī·na, tu·jit. Mīnik bo·jaryñť karda·jsty e·reť la·my ro·botnīkt. Robotni·kniñ kuž za·rdy ja·rmakt i e·fva či·ni i·řictyt. Arčilo·voñ ga·bakstyñť vī·nañť sa·jsty pėrt vėle·va dy boja·ryñť robotni·kni šī·mīt, a řija·tni dumi·ť, šty išta·pek šī·mīt Arčilovon na·rodės. Šeks vėši mēreť Erža·tniñ řija·nīcat.

Арчиловскіе крестьяне въ Зимовьѣ, зайти некуда, погрѣться негдѣ. Ужъ и мучилъ баринъ Арчиловскихъ крестьянь!

По серединѣ села Арчилова казна устроила кабакъ. А въ сосѣднихъ съ Арчиловомъ селеніяхъ нѣтъ кабаковъ. Каждый день изъ сосѣднихъ селеній приходятъ люди, которые тайно продають вино, возмуть изъ Арчиловскаго кабака возами вина и уѣдутъ. Во дворѣ нашего барина живетъ много работниковъ. У работниковъ всегда есть деньги, и каждый день они пьяны. Вино изъ Арчиловскаго кабака берутъ по сосѣднимъ селеніямъ да пьютъ его барскіе работники, а иные думаютъ, что такъ много пьютъ Арчиловскіе крестьяне. Поэтому всѣ называютъ Эрзяковъ пьяницами.

1) vėlētneñ ezga.

Arčilo·voñ Erža·tñiñ moda·st pek ala·ma. Syñcist mo·dañt ro·botasyž i bu·ti ĺja ro·bota a·mujit, syñ a·ščit i·štak. A ištak aščima·dy jaly mežiya·k sy převezet. ĺja E·ržaś aščima·dy moli vñriñ za·lama, ĺja luga·ñ za·lama, a ĺja pulct sa·lè. A salamy E·ržaťñiñ dona·ftyñži barckyj ga·rdazyś. ĺi·jasty E·ržaś ašči, mešt kak a·dume. Sy tenzy sodaťiks lo·mañ barckyj ga·rdajsta, kejk·šči, mešt tejnikšnat; te ka·rčingy meře: «mešt tejñan? ištak a·ščan». Tona tenzy i meře: «molť še po·rava barckyj gardazuñ; mon deť mežiya·k jo·kstan». Te mole, i tona tenzy ožža·t, pikst, kšniñ ža·nga eľ ĺja mežiya·k jo·ksty i meře: «vant, ilak ne·ft»¹⁾: Tuji lo·mañiś, salasy meži tenzy maksy so·daťiks loma·ñiza. ĺja teusty jak i·štaža. ĺja lo·mañiś vački pulct umala·ñksty barckyj bñriñ. Mo·ľi vaksyzynzy obje·ščik, meře: «da·j aša·²⁾», usksa·k kranda·zyñť eštat». Loma·ñiś vancy — kra·ndazyñť saji·ms mo·žna, maksy a·ša, dy usksy kra·ndazyñť soñcenzy pñris. Šedy meľje, obje·ščikiś

1) Иа-з неѣ. 2) Это слово употребляется мордвой вмѣсто рубль, для того чтобы их не поняли русскіе.

У Арчиловскихъ Эрзяковъ земли очень немного. Обрабатываютъ они свою землю и если не найдутъ другой работы, они сидятъ праздно. А отъ празднаго сидѣнія всегда что-нибудь (дурное) придетъ на умъ. Иной Эрзякъ отъ (празднаго) сидѣнія идетъ воровать лѣсъ, другой воровать траву, а иной воруетъ снопы. А воровству Эрзяковъ научилъ барскій дворъ. Другой разъ Эрзякъ сидитъ (праздно) и ни о чемъ (дурномъ) не думаетъ. Придетъ къ нему знакомый человѣкъ съ барскаго двора, спроситъ, что онъ подѣлываетъ; тотъ въ отвѣтъ ему говоритъ: «что я буду дѣлать? сижу праздно». Тотъ ему и скажетъ: «приди въ такое-то время на барскій дворъ; я тебѣ кое-что суну». Тотъ пойдетъ, а тотъ сунетъ возжи, веревки, желѣзныя вилы или другое что, и скажетъ: «смотри, не показывай». Пойдетъ мужикъ, украдетъ то, что ему дастъ знакомый. И въ другомъ дѣлѣ такъ же. Иной мужикъ сложить на барское гумно снопы съ загона. Подойдетъ

el, li. ja barckyj ga-rdazyń robo-tńik ńejet so-daviks Erža, ko-na-
mín žardý ja-k męzi ja-k pro-vožašt, sa-jiffit kectėnzy vına i ši-
mít pėldėnza. Erža- tńi ault čala bu, a synet barckyj ga-rdazyś
vırjey karma-fy sa-lama, i vına-dy Erža-tńi pek a-simít, a Arči-
lo-voń ga-bakstyńt vına-ńt šimsy-ž pėtt vėleń na-rod i ba-rckyj
ga-rdazyń robo-tńikt.

Barckyj borańi ¹⁾ Arčilo-voń narodėś brudašt ²⁾ vėreme-lńećen
ve-dėnt. Eržatńi bru-dít, a vėdeś a bruda-ve. Koda- Erža-tńi ešt
čara, vėdeś aki-rdive, dy šeke. Narodėnt ma-rta u-lńis barckyj
zdarysta. Barckyj zda-rystaś narodėnt mu-rńi, ča-ve, meks test
vėdeś abruda-ve. Čirbřa Iljaś mėre: «pėčatka-zy kodaja-k asa-laři

1) Barckyj borava; barščina pıngiva. 2) brudaś.

къ нему объѣзщикъ (и) скажетъ: «дай рубль, увезешь себѣ возъ». Мужикъ видитъ, что можно взять возъ, даетъ рубль, и привезетъ возъ на свое гумно. Потомъ объѣзщикъ или другой работникъ съ барскаго двора увидятъ знакомаго Эрзяка, которому когда-то что-то проводили, заставятъ его купить себѣ вина и пьютъ отъ него. Эрзяки и не подумали бы воровать, а барскій дворъ силкомъ заставляетъ ихъ красть, и вина Эрзяки не очень пьютъ, а вино изъ Арчиловскаго кабака пьютъ крестьяне окрестныхъ селеній и работники барскаго двора.

Въ барское время Арчиловскіе крестьяне прудили воду «верхней мельницы». Эрзяки прудятъ, а вода не запруживается. Какъ не вертѣлись Эрзяки, воду нельзя удержать, да и всё. Вмѣстѣ съ крестьянами былъ барскій староста. Барскій староста бранить крестьянъ, бьетъ ихъ за то, что вода не запруживается. Илья кривая голова говоритъ: «какъ бы украсть

udalynyk oŋgecańt». Mujiŋś iśtamy lomań, salyži starystań pe-
čatkanza, ma-kssyži Čirbŋra I-ljańtiń. Čirbŋra I-ljaś ko-rtaftyži pe-
čatkanť, ka-jiži plo-tenańt a-luŋ, vaľiz bečatka-ńť, veďeś lo-tkaś.
Bru-ďauś bru-dyś, na-roděś tuś kudu-ŋ, a barekyj zda-rystaś tuś
ka-rdazuŋ. O-mboći čĩńť ra-na va-lčki saś ba-rckyj gardajsty lo-
mań A-rčiloŋ veľeńten, ka-rmaś pa-ńĩmi kalmuń žu-vícat. Lo-mańĩ
meřet: «Kiji ¹⁾ kuly-ś?» Pa-ńicaś meřet: «barekyj zdarystaś». Lo-
mańĩ meřet ka-rčynza: «Čirbŋra Pjańť, motŋi ²⁾, kuať atarnat».

«Даўна-даўна миникъ Эрзятъинь ульнисъ миньциникъ ма-
стырыныкъ», вестъ монянь мери покщам. Мон мерян: «кода? косы
ины миникъ мастырысь ³⁾?» — «Ули покш ведъ Раў, Раў ведень-
тень ⁴⁾ бры лия ведъ Кама. Каманъ ведьбрамусынть зрясть

1) Ki. 2) vanat. 3) мастырць. 4) веденьтей.

перчатку лающего за нами человека». Нашелся такой человекъ,
украдь у старосты перчатку, далъ ее Ильѣ кривой головѣ. Ильѣ
кривая голова заговорилъ перчатку, бросилъ ее подъ пло-
тину, перчатку завалили, вода остановилась. Прудъ запрудился,
крестьяне пошли по домамъ, а барскій староста пошелъ во дворъ.
На другой день рано утромъ съ барскаго двора пришелъ въ село
Арчиловъ человекъ (и) началъ выгонять рыльщиковъ могилы.
Люди говорятъ: «кто померъ?» Выгонявшій отвѣчаетъ: «барскій
староста». Люди говорятъ ему въ отвѣтъ: «у Ильи кривой головы,
смотри, долго не протрясешься».

«Давно-давно у насъ у Эрзяковъ была своя собственная
земля», говорить мнѣ однажды мой дѣдушка. Я говорю: «какъ?
гдѣ же наша земля?» — «Есть большая рѣка Волга, въ рѣку впа-
даетъ другая рѣка Кама». При устьи Камы жили Болгары и

Болгарт ды Татарт. А Раунъть томбале, Болгартнынь ды Татартнынь мастырыст карча, ульнись Эрзянь мастыр. Миникъ ульнись миньциникъ князиньк, ды сонянсы ¹⁾ чугун бряньть марта мастырысь эзь гирьдифть ²⁾. Миникъ модат ульнисть парт; вирь, луга ульнисть зяры мелет; секс миникъ мастырынть ланкс Рузынь зельми прась. Миникъ мастырынть ваксы ульнись Рузынь мастыр. Рузынь гнязисъ ульнисъ миникъ князьдынть превей. Сась Рузынь гнязисъ миникъ князиньтинъ ³⁾ ды мере: «миникъ модат!» — «Мезиаразди, эль а миса», мери миникъ гнязисъ. И сынъ ладясть истя: Рузынь гнязисъ варчи эсь народэнсы ютксты ⁴⁾ ломань; се ломаниньть киргава тапарямс пикст, зяры ломаниньтинъ гирьдивить, и зяры мода се пиксысь захвате, се модась Рузынь гнязиньтинъ. Рузынь гнязисъ варчасъ виіу ломань, тапарясъ киргавансы чувини карькске, зяры тенсы кандуви ды ветеzi миникъ князиньтинъ. Мельи кармасть се карьксынть калафтумы ды

1) соньдянса. 2) кирьдиу. 3) князиньтий. 4) эсь нароцтэнть.

Татары. А на той сторонѣ Волги, напротивъ земель Болгаръ и Татаръ, была земля Эрзяковъ. У насъ былъ свой собственный князь, но онъ со своей головой, похожей на пустой чугунъ, не могъ удержатъ этой земли. У насъ были хорошія земли; лѣсу, луговъ у насъ было сколько угодно; оттого русскіе позавидовали на нашу землю. Рядомъ съ нашей землей была русская земля. Русскій князь былъ умнѣ нашего князя. Русскій князь пришелъ къ нашему князю и говорить: «продай свою землю!» «Отчего же, или не продамъ», отвѣчаетъ нашъ князь. И они поладили на слѣдующемъ: русскій князь выберетъ въ своемъ народѣ человѣка; вокругъ шеи этого человѣка (должно) навертѣть веревку, сколько можетъ удержатъ и сколько захватить земли эта веревка — земля эта (будетъ принадлежать) русскому князю. Русскій князь выбралъ сильнаго человѣка, навертѣлъ вокругъ его шеи столько тонкой бечевочки, сколько онъ могъ вы-

миникъ моданть кругом даргама; таргасть - таргасть ды се карьксысь веси Эрсянь мастырыньть перька ¹⁾ сатыць. Сесты уш миникъ князиньк кармасть ульними Руст. Удильдяря князись тоньцетъ мастырынь ломань, ялы жалялиньситъ», мери покщам.

Теды покщам марясь Самарскый губерньяса. Вестъ князись кучиньси брус мельга покщедень. Покщам зесты ульнись од-сёрэне. Самара гороцты сынъ васьсть Эрсянь аatine, тостэнь эреця, сон дест теды ёфьнесь.

Ваны меств ёфьнесь ве баба: «Монянь нень ёфьненьси Салда атьась, сон Бугач виньть как содасэ», мери бабась. (Салда кулысь кафты сятт готца). «Тесы вели арасиль, а вели алуу даркась пара. Колмы атят тустъ орожьянинь. Орожьясь мерьць атятънининь

1) перьть.

держатъ, и повелъ его къ нашему князю. Потомъ они начали раз-вертывать эту бечевку и протягивать ее вокругъ нашей земли; протягивали-протягивали вокругъ, и та бечевкахватила вокругъ всей Эрзянской земли. Съ тѣхъ поръ нашими князьями стали Русскіе. Если бы князь былъ человѣкомъ твоей земли, онъ бы все-таки тебя пожалѣлъ», говоритъ мой дѣдъ.

Объ этомъ дѣдъ мой узналъ въ Самарской губерніи. Однажды князь послалъ дѣда моего съ другими (крестьянами) за брусьями. Дѣдъ мой былъ тогда молодымъ человѣкомъ. Въ городѣ Самарѣ они встрѣтили старичка Эрзяка, тамошняго жителя; онъ имъ объ этомъ разсказалъ.

Вотъ что разсказала одна старуха: «Мнѣ это разсказалъ старикъ Салда, онъ знаетъ и Пугачевское время», говоритъ старуха. (Салда умеръ двухсотъ лѣтъ). «Тогда не было села, а подъ селомъ красивое мѣсто. Три старика пошли къ ворожеѣ. Ворожея при-

волень дарканьтинь голмы столть теемс. Састь атятьни, мольцть Олешка латкуу, дейсть столъ. Аньцяк ойсесть ярцама, валксъ ажия пряс сезьган. Стясть атятьни, тусть колмы ведень брамс. Тейсть атятьни столъ. Аньцикь ойсесть ярцама, валксть кафты гулькинить вакан грайс ды ваканцтыньть клюкить. Тусть атятьни тагы орожьяньтинь. Орожьясь мере: омбоци таркась седи пара, озада колмы ведень брамс. Мельи кармасть народ бурнама и веленьть сроезь», — мери бабась.

Ве бабининь ёфнема:

Н юты улыцява, пакша ёрць кисканзы ланкс. Н бакшаньть печкезе, пидизе и мерьць лакееньтей максуманзы столанкс. Лакеесь саизи куфнясты пидизь бакшаньть и тусь кардазыньдрокс кандуманзы боярыньтинь. Кардазыньдрокс ютамсты лакееньть мейсь бути пилыгизы понксъ ды пупурдясь сон. Пидизь бакшась тёрёлканьть ланксты прась, а кискатыпи капудизь ды

казала старикамъ поставить три обѣда на мѣстѣ села. Пришли старики, пошли въ Олешкинъ оврагъ, поставили обѣдъ. Только лишь сѣли кушать, сѣла на оглоблю сорока. Встали старики, пошли къ тремъ воднымъ источникамъ. Поставили старики обѣдъ. Только лишь сѣли кушать, сѣли двѣ голубки къ краю чашки и клюютъ изъ чашки. Пошли старики опять къ ворожеѣ. Ворожея говорить: второе мѣсто лучше, селитесь у трехъ водныхъ источниковъ. Потомъ народъ сталъ собираться и построили село», — говорить старуха.

сэвезь. Лакеесь мольць боярыньтинь ды мере: «ведь бакшанть кискат капудизь ды сэвезь». А Н лакеештей мере: «кисканинь гискань змерьть».

Ве бабининь ёфнема:

Сы сокамы ланга. Боярысь паньцыньзи цёратьинь зокама. Кадыньдяряй зёрась цезельня, чавить-чавить эйсэнзы, тия-тува живисты кацызь.

Ве бабининь эрамы чинза, конань¹⁾ зонць ёфненьзе:

Монь уш сяды годэн. Ульнисть кафты, колмы ли годэн, кода мон гадувинь зирётакс. Тятянь лемезы ульнись Аляксяндра, а явань Матирна. Се шканть народ ульнисть барцкыйть. Аныцк кенерьцьть кулума тятян аван, князись саизы тятянь барычиньть

1) конатъининь.

Разсказъ одной старушки:

Придеть пашня. Баринъ пошлетъ мужиковъ пахать. Если оставить мужикъ цѣлизну, быють-быють его, еле живымъ его оставлять.

Жизнь одной старушки, которую она сама рассказала:

Мнѣ ужъ сто лѣтъ. Мнѣ было два или три года, когда я осталась сиротой. Отцу имя было Александръ, а матери Матрена. Въ то время народъ былъ барскимъ. Лишь только успѣли помереть мой отецъ и мать, баринъ взялъ себѣ имущество моего отца,

эстягса, мон гадувинь менель алуў. Пасиба, листь кувалман бары ломатть: саймизь монь Змирчонькат. Смирчонькань гецы мон эренъ гемень готт; сынцт кецияк эрямусь ульнись пары, ань-цякъ секс, шты лиясы эрямс ульнись некоса. Ульнисть каўксы-вейксы годэн, а монь уш Смирчонэнькат кармафтымизь ведень-бенгень ганлиме.

Ве шкани мон роботэнь барчтинаса, ульнинь оддейтерьне. Мольць ваксызынык кривойсь¹⁾. — Те кие? мери кривойсь. — Те сирѣта, Кириинь Аляксандрань дейтерь, мери народэсь. — Мольць кривойсь чокшни кантораў и мери князиньтий: «мон зырыинь Оганинь муинь гозайка». Князись мере: «се мези аразьде, вен-чамс ды арафтумс урок». Монь венчемезь зырыинь Ога марта; ульнисть сесты монь геветеи годэн. Каўксынъгемень год эренъ мирьди эکشса, а ней ветеци гоц дован.

Кода монь максымизь мирьдининь, народ ульнись оброкса. Машты тундынь работа, князись максы цѣратьнининь билетт,

1) кривоесь

я осталась подъ открытымъ небомъ. Спасибо, вышли ко мнѣ добрые люди: меня взяли Смирновы. У Смирновыхъ я жила десять лѣтъ; и у нихъ житье было хорошее только потому, что жить въ другомъ мѣстѣ было негдѣ. Мнѣ было восемь-девять лѣтъ, а Смирновы ужъ заставляли меня носить воду и дрова.

Однажды я работала на барщинѣ, была я взрослою дѣвушкой. Близъ насъ проходилъ кривой (барскій староста). — Это кто? спрашиваетъ кривой. — Это сирота, дочь Кирѣя Александрова, — отвѣчаетъ народъ. — Пошелъ кривой вечеромъ въ контору и говоритъ князю: «я напелъ жену старому Агаѡону». Князь говоритъ: «это ничего не значитъ, повѣнчать и назначить урокъ». Меня повѣнчали со старымъ Агаѡономъ, мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ. Я жила за мужемъ восемьдесятъ лѣтъ, а теперь пятый годъ я вдова.

Когда меня отдали замужъ, народъ былъ на оброкѣ. Кончится весенняя работа, князь даетъ мужикамъ билеты, посылаетъ

кучсыньси Узинаў роботама. Роботэть цёратьни Узинасы котэшка недля, сыть кудуў, макссызь ярмакнинь гнязиньтий оброкънъ гис.

Сыть цёратьни Узинасты, кармаўсыньси князисъ тикшынь ледеме. А зярц цёратьни роботэть Узинаса, се шканьть князисъ аватьнинъ гецты канават чувуфтэ. Ёрдат-ёрдат, ауль гедет, а ирьдизыт как сэредеть.

Ве шкани атысь барпкый аўняса пулцт костясь, а монъ бенген арасть. Кармасть народ виривъ зыргамъ. — Саимизъ монъ гак! мерян мон жабратънининъ. — Адя! мереть шабратьне. Кильдинъ боводень, дуинъ виривъ, а теўсь ульнисъ тели кунчкане. Моленекъ виривъ, геренекъ оснэнь, лифътиникъ вирьшуу. Монъ сёратьнинъ марты друк озом эзь геряфт¹⁾, вирьшуу гак лифътини озэньть ломаньды мелли. Аньцикъ алашам вирьцтыньть лифътине, нолдэне обозэньть мельга, лець мелезэн — узиримъ вирьц стуф-

1) геряў

ихъ работать на Узень. Пороботають мужики на Узени недѣль съ шесть, придутъ домой, отдадутъ деньги князю за оброкъ.

Придутъ мужики съ Узени, князь заставитъ косить траву. А сколько времени мужики работаютъ на Узени, въ это время князь заставляетъ женщинъ рыть канавы. Кидаешъ-кидаешъ, не руки одни, а и ребра болятъ у тебя.

Однажды старикъ сушилъ снопы въ барскомъ овипѣ, а у меня не было дровъ. Народъ сталъ собираться въ лѣсъ. — Возьмите и меня! говорю я шабрамъ. — Иди! говорятъ шабры. Запрягла я, поѣхала въ лѣсъ, а дѣло это было въ серединѣ зимы. Мы пріѣхали въ лѣсъ, нарубили возы, вывезли изъ лѣса. Мой возъ не былъ нарубленъ вмѣстѣ съ мужиками, и я вывезла возъ послѣ людей. Лишь только я вывела свою лошадь изъ лѣса и пустила ее за обозомъ, я вспомнила, что позабыла свой топоръ въ лѣсу. Мужикамъ я не сказала, вернулась назадъ въ лѣсъ за своимъ топоромъ. Лошадь пошла за обозомъ, а я сама вернулась,

тыне. Цѣратънининъ эзень ёфта, веляфтынь мекеуъ вириуъ узиримъ мельга. Алапамъ дусъ обозэньть мельга, а моньць веляфтынь, узириньть муине, лисинъ вирьцтыньть и туинъ обозэньть сасама. Чинь цинь, обозэсь эзь засафт, сизинъ, гарминъ гелъмеме. Народэсь пачкицьть кудуу, фатясть: мон арасян; веси веленекъ веляусть монъ вешнеме. Муимизь, гулысты кудуу ускимизь.

Князиньть ульнисъ пекъ ламы видинъ зюрыза; ве пиришь эзь гелъктъ. Князисъ теишь пакся кунчкасъ пире, Арчиловонъть эйсты кеменьчка вайгильбень даркашка. Князиньть ульнисъ мелезы сёзэй деемс од веле. Се веленьть срояксылизи козяйкансы лемс; кудытънинъ бутъксылъ барт, вельтяксылиньси кшниса. А бурьмистынътинъ зе таркасъ эстянсы ульнисъ мелезы саймс. Сон бурнасъ арасчисъ ломатъ, калафнинъси кудынист, панинъси зимовьяу. Минъ ульниникъ беднѣить, бурьмистысь кудыныкъ калафтызи, панимизь зимовьяу. Вешкани, тели кунчкани, мон боздаинъ аламуды роботас. Бурьмистысь уксъ ток ланкс ведьбоцька, кай-

нашла топоръ, вышла изъ лѣса и пошла нагонять обозъ. Бѣжала-бѣжала, обозъ я не нагнала, устала, стала мерзнуть. Народъ подошелъ къ дому и замѣтилъ, что меня нѣтъ; всѣмъ селомъ вернулись искать меня. Нашли меня, обмертвѣвшею привезли меня домой.

У князя было очень много посѣяннаго хлѣба; одно гумно не могло вмѣстить. Князь устроилъ въ серединѣ поля гумно, въ разстояніи около десяти верстъ отъ Арчилова. У князя была мысль построить тамъ новое село. Это село онъ строилъ во имя своей жены; дома онъ ставилъ хорошіе, крылъ ихъ желѣзомъ. А у бурмистра была мысль взять то мѣсто себѣ. Онъ собиралъ бѣдныхъ людей, разрушалъ ихъ избышки, угонялъ ихъ на зимовье. Мы были бѣдны, бурмистръ разрушилъ нашъ домъ, погналъ насъ на зимовье. Однажды въ серединѣ зимы я немного запоздала на работѣ. Бурмистръ привезъ на токъ бочку воды, велѣлъ снять мнѣ одежду и облилъ меня въ серединѣ зимы на току

сифтиньси орчамун, экшелемемь тели кунчкани ток ланксы кельми
веца. Мельи зимовьясты панимизь мекеу Арчиловоу.

Тунда, сокамы маштызь, гнязись максы цёратьнининь билетт,
кучсынъси Узинау роботакшнума; улизы мейсы оброк пандумс.
А кода сы кочкомы ланта, бурьмистысь кочкомы кармаўсынъси
аватьнинь. А кенереньдярай авась умансы кочкома, бурьмистысь
чаўсэ. Ве ава истя пекь чаўсь, натай авась кулысь.

Ве бабининь ёфьнема:

Монь бовнямга миникь велесы арасиль барцкый гардаз.
Мельи сась веленьтень боярць, кармафтымизь барцкый гарда-
зынь зрояма. Конатьнинь гармафтынъси аўнянь дееме, конать-
нинь гудынъ дееме, конатьнинь ганаванъ цуума, конатьнинь цуф-
тынъ озафнине. Тейненекь кирпицть, канлиникь сёвотть.

холодной водой. Потомъ съ зимовья насъ погнали назадъ въ Арчи-
ловъ.

Весной, по окончаніи пашни, князь дастъ мужикамъ билеты,
пошлетъ ихъ на Узень работать; пусть будетъ чѣмъ заплатить
оброкъ. А когда настанетъ время полки, бурмистръ заставитъ
женщинъ полоть. А не успѣетъ женщина выполоть свой загонъ,
бурмистръ бьетъ ее. Одну женщину такъ билъ, что она даже по-
мерла.

Разсказъ одной старушки:

На моей памяти въ селѣ нашемъ не было барскаго двора.
Затѣмъ пришелъ въ село баринъ и заставилъ насъ строить бар-
скій дворъ. Кого заставилъ дѣлать овинъ, кого избу, кого рыть
канаву, кого сажать деревья. Дѣлали мы кирпичи, носили глину.

— Ве баба от месьть ёфънесь: —

Ух! цёракай, мери бабась. — Ульнись монь бовнямга Цебарька баба; сон гулысь кафты сятт готца, сон Бугач ийтъиниь барьцти поўненье. Седикили лиси Цебарька ульцяў, озы кудыбокас и мере: «вай, бурнаўды як ваксызын, кулцынымизьга¹⁾, месьть мон ёфънян денкъ Пугач ийтънида». Народэсь пурумить²⁾, арцитъ Цебарькань берька³⁾ ды кулцыныть. Цебарька карми ёфънеме: «Когда сытъ Пугачиэ, минь веси кекшнетяна. Пугачны варчтыть, кияк арась, кармитъ миникъ манёчме: «мазый ават, пары ават, лисида! Пугач мекеў дусь, Губан бинитъни мекеў дусть!» А минь зодасыникъ, сон маньче, а листяна. Мельи тонадыникъ, карминикъ Пугачнынь марты ве таркасы зряма. Пугачны кресъятт эсть токше, сынъ бояртнынь бекъ эзезъ вечкъть. Аньцяк Пугачись муи бояр, брянзы керясы ды ёрцы прок кисканьть. Бояртны ванцызь — дефъть беруттъ, кармасть кресъянкс орчеме.

1) кулцынымизьгак 2) прумить 3) брать

Одна старуха вотъ что рассказала:

Ухъ, сынокъ, говорить старуха. — На моей памяти была баба Цебарка (имя); она умерла двухсотъ лѣтъ, она хорошо помнила Пугачевское время. Въ старину (бывало) Цебарка выйдетъ на улицу, сядетъ на завалинку и скажетъ: «эй, собирайтесь-ка близъ меня, послушайте меня, чтò я расскажу вамъ о Пугачевскомъ времени». Народъ соберется, станетъ вокругъ Цебарки и слушаетъ. Цебарка начнетъ рассказывать: «Когда придутъ Пугачевцы, мы всѣ спрячемся. Пугачовцы видятъ, что никого нѣтъ, начнутъ насъ манить»: хорошенькія женщины, добрыя женщины, выходите! Пугачевъ ушелъ назадъ, Кубанцы собаки ушли назадъ!» А мы знаемъ, что онъ заманиваетъ, не выходимъ. Потомъ мы привыкли, стали жить съ Пугачевцами въ одномъ мѣстѣ. Пугачевцы крестьянъ не трогали, они очень не любили господъ. Лишь только Пугачевъ найдетъ барина, онъ срубитъ ему голову и броситъ словно собаку. Господа видятъ — дѣло плохо, начали одѣ-

А кресьятны бояртнынь ланкс кежейть, ёфтасызь боярыньть Пугачнынинь. Пугачны молеть боярыньтинь и кевькссызь: дон гият?—Кресьянан! мери боярысь. — Нефьтетя кедет! мери Пугачись. Боярысь нефэньсе. — Тонь гедет пекь ашыт, тон эряват поамсь,—и поасызь боярыньть. Истя Пугачны бояртнынь веси и поусекшнэзь. Сень гуалт Пугачнынинь басыба; куа Пас мери тест якамуды, сия пары неест. Ауль аныцяк бояртнынинь берянь дейсть Пугачнэ, миняникъ ¹⁾ как сынъ ламы горя тейсть: пекь ламы ават, тейтерьть сынъ заласть. Лиясты авась лиси пенкс, вец, муськиме, эль лияў гоў гак, капутьцызь Бугачнэ, саласызь эсь мастырызыст. Вешкани саласть тейтерь, максызь Датарнынь гозайкакс. Мельи саласть одсёра, максызь зе тейтереньтень нянь-какс, а се цёрась се тейтереньть ялаксыза ²⁾.

1) миньдяникъ 2) См. пёсю: «Вирь чирисы эрьянь зёрась пекьть кере». (Прим. Р. Учаева).

ваться по крестьянски. А крестьяне сердиты на господъ, скажутъ Пугачеву про барина. Пугачевцы подойдутъ къ барину и спросятъ его: ты кто?—Я крестьянинъ! скажетъ баринъ.—Покажи-ка свои руки! скажетъ Пугачевецъ. Баринъ покажетъ. — Твои руки больно бѣлыя, тебя надо повѣсить, — и повѣсятъ барина. Такимъ образомъ Пугачевцы и перевѣшали всѣхъ господъ. За то спасибо Пугачевцамъ. Куда Богъ прикажетъ имъ идти, тамъ пусть они увидятъ хорошее. Однако не только господамъ дѣлали зло Пугачевцы, и намъ они сдѣлали много горя: они крали очень много женщинъ и дѣвушекъ. Другой разъ женщина выйдетъ за дровами, за водой, постирать или куда въ иное мѣсто,—Пугачевцы схватятъ ее, потащутъ въ свою землю. Однажды украли дѣвушку, отдали ее въ жены татарину. Затѣмъ украли мальчика, дали въ няньки къ той дѣвушкѣ, а мальчикъ былъ братомъ той дѣвушки.

Отдѣлъ II. Обычай.

А. Оркино.

Míni·k sédiki·lā apak lāmdakyłt. Ozné·šest ās ko·jsést. Syń
vot kyda· o·znéšest. Kočkse·št syřā a·ta. Še ulńis Níškipa·zyst, a
eščo·ulńis pa·zyst mā·ńilca; šeńen ulńis lām Vē·repaz. O·znoma
ta·rkast ulńis vā·χki latksa, latksyńt o·žera, o·žeraš sāri·j, ožerańt
kra·jsa ku·da. Še ku·dyńti puru·mkšnyšt ozno·ma. Kona· čystyńt
puru·mums ozno·ma, Níškipa·zyst kužā kudypo·tmare, a naro·dés
puru·mā kudy·ńti; kandy·t mīnićuna: ki vaz vētā., Ki fe·vā vētā,
ki tuva pańā; neń jala Vērepaznyń; i karńi·t ozno·ma. Ozno·m-

Наши были въ старину некрещеными. Они молились по своему. Вотъ какъ они молились. Выбирали старика. Это былъ ихъ Нишкипазъ, а еще у нихъ былъ богъ на небѣ; тому имя было Верепазъ. Мѣсто молитвы было у нихъ въ одной долинѣ; въ той долинѣ было озеро, озеро глубокое, а на берегу озера домъ. Они собирались на молитву въ тотъ домъ. Въ тотъ день, когда должно собраться на молитву, ихъ Нишкипазъ залѣзетъ на подволоку, а народъ соберется въ домъ; нанесутъ всякую всячину: кто приведетъ теленка, кто приведетъ овцу, кто пригонитъ свинью; это все для Верепазы; и начнутъ молиться. Молясь, говорили

sta i·šta korta·št: «Niški Pas, Pokš Pas, kořme·neć, makst tñi·k
 šu·ra», a še Niškipazyš kudypo·tmarcta karčyzyst sa·sta me·rã:
 «maksa·n!» Syñ ta·gy vãšy·t: «Niški Pas, Pokš Pas, kořme·neć uli·za
 o·lgeza ažyja·ška». — «Ulã·!» — «Niški Pas, Pokš Pas, kořme·neć,
 kolózy·za uli·za tãžapã·ška». — «Ulã!» — «Rože·ñt žorna·za uli·za
 pãñć ñãčka». — «Ulã·!» — «A skote·nañti makst čumbra·čy». —
 «Maksa·n!» — «Skote·naš vã·šij rašta·za.» — «Raštã·!» — «I äšťanik
 makst čumbra·čy». — «Maksan!» — I išta·vãšyt mãži me·lezest para.
 Mãjlã še Niškipa·zyš kyřña·ftã kudypo·tmarctyñt vãc i uji·vãda·lga
 sa·ñdij pu·lys i kekšã·sezẽ·ñ. Šesta naro·deš strady·t kudga.

A mon stufty·ñã jofta·ms. Oznoma·da i·kilã, syñ jakši·št vã·
 iñ ba·ñas. Baña·š ulñi·š li·ja la·tksa. Še la·tkyñt lãmiza nejga·k
 Bañala·tkã. Kyda ba·ñasyñt pa·rit, li·šit to·sta, moľe·t Čakš la·tkuñ.

такъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, дай намъ хлѣба», а
 тотъ Нишкипазъ съ подволоки въ отвѣтъ имъ говоритъ поти-
 хоньку: «дамъ!» Они опять просятъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кор-
 милецъ, да будетъ у него (у хлѣба) солома толщиной съ оглоблю».
 — «Будетъ!» — «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, да будетъ
 его колось съ конецъ тяжа». — «Будетъ!» — «Зерно ржи да бу-
 детъ съ черенокъ ложки». — «Будетъ!» — «А скоту дай здоровье». —
 «Дамъ!» — «Скотина вся да принесетъ приплодъ». — «Принесетъ
 приплодъ!» — «И намъ дай здоровье». — «Дамъ!» — И такимъ обра-
 зомъ просятъ что для нихъ хорошо. Затѣмъ тотъ Нишкипазъ со-
 скочить съ подволоки въ воду и поплыветъ подъ водой къ камы-
 шамъ и спрячется туда. Тогда народъ разойдется по домамъ.

А я забылъ рассказать. Передъ молитвой они ходили въ мѣр-
 скую баню. Баня находилась въ другой долинь. Имя той долины
 и теперь Банялатка. Послѣ того какъ они выпарятся въ банѣ,

Še ta·gy li·ja. Še la·tksynt ārci·ś vā·līn čakšyst. Še latksynt obe·deļt, a mājļā tukšny·št ozno·ma še Ņiškipa·zynti. Ila duma·, syñ išta šā·ji·cta jakšišt še Ņiškipa·zynti oznēse·mā: syñ išta· jakši·št oznē·šēmā godēnte kaukšt ko·lmokšt, ato še Ņiškipa·zys jakši·ś vā·līva vā·t. Moli valma·luḡ i kulcy·nā, ki mā·zi vāšā. Tosy·vālini·k vāšy·t, vālin tāḡ vāšy·t, a tesa šemejañi·k vāšy·t, šeme·jañ me·lka tāft vāšyt. Ki·niñ māži ā·rāvā, še šeñ i vāšā. Ki vāšā: «Ņiški Pas, na kant moñ cōre·neñeñ tonačiḡ», ki poḡkst pa·nart, ki aļt, ki uma·ft, kiñ mā·žiza u·lā. Ki māži ku·čā, son mefā: «makscy·ñ! Makscyž tānza valmava, son añe·javā; son sa·jsyñžā i tujā. A biđā pokš lo·mañis kuly·ś, syñ avy·l añcik poḡkst pa·nart kučñi·št, umaft dy aļt; vīnaja·k kučñišt, tabakt ka·k kučñi·št. Syñ še·sta duma·št: kona·kulā, še tonačy·sa jarcā. Biđā mā·ži toḡ kuča·t, son nēdā ja·rcā tosa·, a biđā mājija·k aku·čāt tānza, son tosa va·čā ārā· i raḡā. Šeks išta· i kučñi·št. A biđā kuly·ś lo·mañis daḡno·, soñdedenža mājļā te·sa uš uli·mā karñi·t nučka·ñ

они выйдутъ оттуда, пойдутъ въ Чакшлатку (горшечную долину). То опять другая (долина). Въ той долинь стоялъ мірской горшокъ. Въ той долинь они обѣдали, а потомъ ходили молиться тому Нишкипазу. Не подумай, чтобы они часто такъ ходили молиться тому Нишкипазу: они такъ ходили молиться въ годъ два-три раза, — а то тотъ Нишкипазъ хаживалъ по ночамъ по селу. Подойдетъ подъ окно и слушаетъ, кто чего проситъ. Тамъ просятъ всѣмъ селомъ, просятъ о мірскомъ дѣлѣ, а здѣсь просятъ всей семьей, просятъ о мелкихъ семейныхъ дѣлахъ. Кому что нужно, тотъ о томъ и проситъ. Кто проситъ: «Нишкипазъ, возьми неси моему сынку на тотъ свѣтъ», кто (даетъ) штаны и рубашку, кто яйца, кто яблоки, у кого что есть. Кто чего посылаетъ, (а) онъ говоритъ: «отдамъ!» Дадутъ ему въ окошко, а его не видно; онъ возьметъ это и пойдетъ. А если умеръ взрослый человѣкъ, они посылали не только штаны и рубашку, яблоки и яйца; они посылали также вино, посылали также табакъ. Они тогда думали: кто умереть,

nu·čkat, to šeñeñ še kuly·žis jaksä· vanftu·mynga, koda· by šajtan
mäzinga jak ässä saj, koda by äjdīnga avy·lčä pola·ft. Še kuly·
loma·ñiñti meñešt: čur!

Miñi·k nejga·k kãñi·t tãnga. Koda·k äjdiñt lausc pucy·ž,
vãl'ta·syž i čura·syž pira·syž. Daža äspřa·nyk kak šaji·cta pirci·
syñik nejga·k. Pry·mer: koda· sy bu·řa ča·raž, šesta· miñ gorta·
tana: čur Pašša·ŋgyt, čur Pašša·ŋgyt¹). Išta· kortë·t buřeñt juta·ms.
A eščo· žardy äřä xale·ra, xyt skaly·ñ, xyt loma·ñiñ, šesta tuji·t
vãliñi·k čura·ma pira·ma. Nu tosa avy·l išta pifi·t; sa·jit so·ka i
uski·t äjsynga täx'tiřt, avyl ava·t (avatñä avyl vãñkst, ñet akuñ·
čit, čora·tnä ja·k aku·ñčit, a·ñčikodžo·rat kuñci·t). Išta·ju·tyt vãliñ
krugo·m karkstu·ma narodë·š, vãsiñ puly·st pleteškast no·ldaft.
Kua moľe·t, šija vãši kortë·t sa·lava: čur Pašša·ŋgyt, i juty·t vã·
li·ñt krugo·m. Mãjlä tu·jit vãši vãli·ñ ulča·tnä äzga, išta·ža
soka·syñt bo·rözda täji·t, a ko·sy u·lã sy·řä a·tiñä äli ba·biñä,

1) Вмѣсто Pas čangyt'.

тотъ сѣсть на томъ свѣтѣ. Если что пошлешь туда, онъ это тамъ
сѣсть, а если ничего не пошлешь ему, онъ будетъ жить тамъ голод·
нымъ и рыдать. Поэтому они такъ и посылали. А если человекъ
умеръ давно, и здѣсь послѣ него будутъ уже внуки отъ внуковъ,
то къ нимъ тотъ покойникъ ходитъ караулить, какъ бы шайтанъ
не взялъ у нихъ чего·нибудь, какъ бы онъ не обмѣнялъ ихъ дѣ·
тей. Такому покойнику они говорили: чуръ!

У насъ теперь и вѣрятъ въ него. Когда кладутъ ребенка въ
зыбку, его покроютъ зачураютъ и «огородаютъ». Даже и самихъ
себя мы и теперь часто «огораживаемъ». Напримѣръ: когда на·
станетъ буря съ вихремъ, тогда мы говоримъ: чуръ, помилуй Богъ,
чуръ, помилуй Богъ! Такъ говорятъ до конца бури. И еще: когда
бываетъ моръ, хоть коровій, хоть людской, тогда ходятъ всѣмъ се·
ломъ чурать и «огораживать». Но тамъ огораживаютъ не такъ;
возьмутъ соху и везутъ ее дѣвушки, не женщины (женщины не
чисты, онѣ не берутся, мужики также не берутся, берутся только

sezè·ń tǎji·t krost so·kasyńt, prok še lo·mańiń makšny·syž ku·luma·ńti. Koda·k váši ju·tasyž, mǎjlǎ strali·t ku·dga, a jak·ši·t vǎt.

Nu mińi·k nejga·k kadu·ǵst lama šediki·liń obò·čanyk i ozno·manyk. Koda šedikiǎ jakšišt Bańala·tkuǵ i Čakšla·tkuǵ obedama, mińik nejga·k te ko·jenek vetevá, a·ńcik lija·ks. Pry·mer. Kyda lo·mańis ku·lǎ, ka·lmasyž, po·menasyž; kafty čy·tju·tyt, a kolmoce čyńt ka·rča vá·styńt čo·kšněstěnt ušty·t ba·ńa. Puru·mǎ naro·d, pa·rit tosa, vašńa·čora·t, mǎjlǎ ava·t a šeřt mǎjli kaduvǎ sy·ři ba·bińǎ, i še baši·ńis sajsy·kuly·čǎńt pana·rynga i saji·pǎjl i saji·groš. Pana·ryńt ka·jasy bańa·kǎǵkš po·rògòńt troks i karmǎ·saji·mǎ; kǎřč ke·dezěnga grošěnt sajsy·, a vít ke-

холостые парни). Такимъ образомъ пройдетъ вокругъ села народъ, снявши пояса, у всѣхъ распущены волосы и косы. Гдѣ идутъ, тамъ всѣ говорятъ потихоньку: чуръ, помилуй Богъ! и пройдутъ вокругъ села. Потомъ пойдутъ по всѣмъ улицамъ села и такъ же проводятъ борозду сохой, а гдѣ есть старый старикъ или старушка, тамъ сохой обводятъ крестъ, точно будто отдають того человека смерти. Когда обойдутъ всё, тогда разойдутся по домамъ а ходять ночью.

У насъ и теперь осталось много старинныхъ обычаевъ и молитвъ. Какъ въ старину ходили въ Баянлатку и обѣдать въ Чакшлатку, такъ у насъ теперь ведется этотъ обычай, но по другому. Напримѣръ. Когда умереть человѣкъ, его похороняютъ и устроятъ по немъ поминки; пройдетъ два дня, а наканунѣ третьяго дня въ ночь съ вечера топятъ баню. Народъ соберется, парится тамъ, сначала мужчины, затѣмъ женщины, а послѣ всѣхъ останется старая старушка, и та старушка возьметъ рубашку покойника и возьметъ ножъ и возьметъ грошъ. Броситъ она рубашку черезъ

dëzënga páji·línť, ko·mă pana·ryńť vălksc i karmă· loyno·ma:
«Mi·ťrij (bidă ku·lycăńť lămiza Mi·ťrij,ălă koda to·sa kulycăńť
lămiza, ísta i mëră), sak para·ma, šlit·nardyť kedńe·ť pilgi·ńit,
ťárdi·ť mary·ť pokšča·ťńín baba·ťńín, syńda·st ušty·ť, syń ga·k toń
ťárta·dyz;ťárt šedă ina·ldyz, ton oc sycat ä·rícat. A tyń, pokšča·ť
baba·ť, ilada pokška·fnă, kulcynyńk eńa·ldumanza, prími·ńk
jutky·zyńk, sa·dy văřca šla·ma narda·ma». Vot karmă· ärvăřkiń
lămsa řárdimă; konat řanza šeft ma·laviks rodńa·, šeń šeft i·kilij
kundasyj lămi·nga. Pry·mer: Marfa. «Ton, Marfa, avyl řužyj
lo·mańat, sak, jalgat kak řárdi·ť; ton gak, Dřiga, mńńćńík, ton
gak sak, maryť kak vëta·k, šli·ť nardy·ť kařa·zyť lo·vařat». I
karmi loyno·ma řara pomńă ärvă·řkiń sońćeń lă·msa kuly·căńť rod-
ńa·nga raški·nga. Măjlă sońce·ń raški·nga: «tyń gak, mońćeń rod-
ńatńă, sada·para·da». Tagy ka·rmă lămsa řárdimă ärvăřkiń, ko-
na·ń pomńa·syńřă: «a tyń Mitřijń raškt ro·ďńat, ilady keře·jať,
bidĩ syń syť; kodaja·k văřca·văřca văďi·s sa·ťă, pary·s lama,

порогъ банной двери и станетъ брать; въ лѣвую руку возьметъ
грошъ, а въ правую ножъ, нагнется надъ рубашкой и станетъ
причитывать: «Дмитрій (если имя покойника Дмитрій, или какое
имя тамъ у покойника, такъ она и назоветъ), приди париться, вы-
мой вытри ручки-ножки, позови съ собой дѣвушекъ и бабушекъ,
для нихъ ты топилъ, и они также тебя позовутъ; зови упраши-
вая, ты новый пришелецъ и житель. А вы, дѣдушки и бабушки,
не гордитесь, послушайте его просьбу, примите его въ вашу среду,
придите вмѣстѣ мыться и вытираться». Вотъ она начнетъ звать каж-
даго по имени; кто ему ближе всѣхъ родня, имена тѣхъ она пере-
беретъ прежде всѣхъ. Напримѣръ: Марѳа. «Ты, Марѳа, не чужой
человѣкъ приди и позови также подругъ; и ты, Григорій—нашъ, и
ты приди и веди съ собой, вымой-вытри спину и кости». И начнетъ
причитывать, сколько вспомнитъ, называя каждого родственника
покойника по его имени. Наконецъ, и своихъ родственниковъ: «и
вы также, мои родные, приходите попарьтесь». Опять начнетъ

teńfńä u·lit. Mäjlä pu·tä polökla·ŋks kome·lënza to·völoŋ. Očke-
neńte kaji· vädńä, puty kăčĩnä năđĩnt văđĩnti. Karmĩ· šuky·
ňakšnuma i korta·ma: «nu, pokšča·t baba·t, sady văši văši văši, a
măjlä· moŋe·da kšy sa·lda jarca·ma»; i tujä· še ku·dynĩti, kosa·
kuly·s še loma·ńis. A·ră ikilcă ugylc stole·kšc. A ikilcă u·gyleyńt
kuly·căńt ode·žanza (bi·đi čora, poŋkst panart, a bi·ďä a·va,
ru·cat pa·nart), i ozä· la·ŋgyzyst, pucyj še grošěnt la·ŋgyzyst.
Măjli·karmĩt puru·muma văva·ńetycat i syfi·ti ott. Iărvă·χkiš ka·n-
ďä kšy sal; ki kandä· kšy salyńt maŋta groškă, ki šveceńä, ki a·lnă,
ki ču·fkińä, kiń măziza ulä, še šeń i ka·ndä. Koda·k kona sy va-
ka·nynza maŋta, sajsy· kyrgama řelenza i makseyj še babińi·ńti.
Sońc šuky·ňä mo·das, măjlä šti, kšysa·lynza ke·cěnga ko·mă
ka·rksams, a babi·ńis karmă· kyrksi·mă grošěnt äli aly·ńt äli
čurkańt. Koda·k văšt kyrka·ďä, lăm gundä·; văši kandy·căńt lă-
mi·st kuńci·syńži, ärvă·χkińiń meřä: «sada· kšysa·lyn varčama,
a·t vana rodńaŋk saš, kšy sal tăŋk kanć, sada·, jarca·da, uli·stada

звать каждого, кого вспомнить, по имени: «а вы, Дмитриевы род-
ственники, не сердитесь, если они придутъ; какъ нибудь вмѣстѣ
каждому хватить воды, пару много, есть метлы». Потомъ она по-
ложить на полку комель въ ту сторону. Въ корытчко нальетъ
воды, положить ковшичекъ черенкомъ въ воду. Начнетъ кла-
няться и говорить: «ну, дѣдушки-бабушки, приходите всѣ-всѣ-всѣ,
а затѣмъ приходите ѣсть хлѣба соли», и пойдетъ въ тотъ домъ,
гдѣ умеръ тотъ человѣкъ. Станетъ въ передній уголъ за столъ.
А въ переднемъ углу платя покойника (если мужчина, то штаны
и рубашка, а если женщина, то руця и рубашка), и сядетъ она
на нихъ и положить на нихъ тотъ грошъ. Потомъ станутъ соби-
раться ночные караульщики и старые и молодые. И каждый несетъ
хлѣбъ соль; а съ хлѣбомъ солью кто несетъ грошикъ, кто свѣчку,
кто яичко, кто луковку, что у кого есть, тотъ то и несетъ. Какъ
придетъ кто съ чашкой, возьметъ предметъ для скобленія и дастъ
его старушкѣ. Самъ онъ поклонится въ землю, потомъ встанетъ,

peškset, va·či ila·da a·ščä, a tyń šeńgi·sa ozné·da Vérepa·znyń. Vérepazyś maksy·za i kudys i karda·js i paksa·s». Koda·k váši lounoušt İä·mñä, baba·ś alamy·da pránga ko·mafcy prok sú·kynä, a šury·ń sa·lyn gandy·čas sú·kynä mo·das, mäjlä šti i pucy·j vaka·nynza stolla·ńks. Sońc o·zä väpelej. Mäjli i·šta ombó·că arä· sú·ryń salyn kandyca. Baba·ś išta·ža lounä, a te išta·ža aščä. A kona·t iki·lij zašt i oza·št väpe·lej, net ba·kulakšnyt. Koda·k vá·ši pu·rumit, koda·k mařa·syž kury·k pelevä·sy, kapšyt sedä ku·ryk u·žynama, atakšyn mora·ms, žarc pokšča·tnä baba·tnä äšt tuk. A užyna·ma kyda·ka·rmit, o·znět täjit, o·jset väši, baba·ś šti, sa·ji groš i karmä kyrksiminga odežätñä vä·lksca i karmä. tärdi·mä väši ku·la raškni·ń rodñatñin: «sa·da ojše·da marynyk, arci·da kru·go·mganyk, järeñi·da da part tä·nik är·cida, ilady peñäca kšysa·lynt lařks; mäjdi miñc ja·rectana, šedi· i tyń jarca·da». Žarc son išta lounä, naro·deš aščä väši·j šta·da práñ ko·mařtyž. Kyda net väši lo·noušt, saji čakškis šatkiñit, ka·ji langyzyst la·dynñit, sa·ji

нагнется до пояса, съ хлѣбомъ съ солью въ рукахъ, а старушка начнетъ скоблить грошъ или яйцо или луковку. Какъ разъ ширкнетъ, помянетъ имена всѣхъ приносящихъ и каждому скажетъ: «придите отвѣдать хлѣба соли, а то вотъ ваша родня пришла, принесла вамъ хлѣбъ-соль, кушайте, будьте сыты, не оставайтесь голодными, а вы за то молитесь Верепазу. Верепазъ да дастъ и въ домъ и во дворъ и въ поле». Когда переберетъ всѣ имена, старуха нагнетъ немного голову, будто кланяется, а принесшій зерно и соль кланяется въ землю, потомъ встанетъ и поставитъ чашку на столъ. Самъ сядетъ въ сторонѣ. Послѣ того такъ же другой, принесшій зерно и соль. Старуха такъ же причитываетъ, а этотъ такъ же стоитъ. А тѣ кто пришли впередъ и сѣли въ сторонѣ, тѣ поговариваютъ. Когда всѣ соберутся и когда замѣтятъ, что скоро настанетъ полночь, они спѣшатъ какъ можно скорѣе поужинать до пѣнія щѣтуховъ, пока дѣдушки и бабушки не ушли. А когда начнутъ ужинать, помолятся и всѣ сядутъ, старуха вста-

kaša čakš, kaša čakšyńt laŋks práka, o-mbóce kedezénza sa·ji sa·l-dyrks, sa·ldyrksyńt laŋks la·dyn ča·kškińt i jakā· stol'ŋneń kru-go-m, a jaka·msta kortā: «Ňiški pas, Pokš pas, ko·rmeńec, čačy·za kšysaly·s tñi·k i rožne·s i sury·niš i tožžerneš i čužny·s i viški·s i ksnauñi·s i čyča·vícās i muški·niš i lonnē·s i čynžara·mytñā i arbu·snā i dytnā· i uma·řtñā i kuja·rxnā i durakkujarxnā¹⁾». Ky-da· ja·kā, kodamy šury·sa·l ne·jā, jala pránt šu·kyńasy i šury·ńt lāmi·nga ku·ndasy; išta· jaki·tājā, o·zā, saldy·rksyńt ara·fey, kšyńt pu·cy; kašačakšyńt ma·kscyj šřapuxa·tñiñi²⁾. La·dyn čakš-kińt ara·fey pa·zava u·gylc. Šesty i mēřā: «nu davajti mājžŋk ulā·, mājā Pas tñŋk maksē, ilā·dy višt ā·jstynyk, ilā·da pāl pokšča·tñidā». Odeža·tñiñ la·ŋks pu·tā od čapla·ška, od pāñčkā. Koda·k koda·ma pi·šča pu·tyt, son křosta·syj vakanyńt pāñčca, a·myldā ā·jstynza alama i kaja·syj mājgāñiřt še čapla·škiñiñti. Kaja·msta mē·řā: «jarca·k, jarca·k, Mi·ta, jalga·t kak ka·vañit». Mājļā

1) lady·tt.

2) duja·kuja·rxnā.

3) šřapuxa·tñiñi. (crap.).

нетъ, возьметъ грошъ и начнетъ скоблить его надъ одеждами и начнетъ звать всѣхъ покойныхъ родственниковъ: «приходите, сядьте съ нами, встаньте кругомъ насъ, покушайте и добра намъ желайте, не пеняйте на хлѣбъ-соль; что мы сами ѣдимъ, то и вы кушайте». Пока она такъ причитываетъ, всѣ стоятъ, наклонивъ голову. Когда она всѣхъ ихъ переберетъ, она возьметъ въ горшокъ угольковъ, положить на нихъ ладону, возьметъ горшокъ каши, на горшокъ каши (положить) пирогъ, возьметъ въ другую руку солоницу, на солоницу горшокъ съ ладономъ и ходитъ вокругъ столовъ, а ходя говорить: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, да уродятся у насъ хлѣбъ-соль и ржица и ячменѣкъ и пшеничка и просо и полбица и горошекъ и чечевица и конопельки и ленокъ и подсолнечники и арбузы и дыни и яблоки и огурцы и тыквы». Когда она ходитъ, какую увидитъ хлѣбъ-соль, непременно поклонится и назоветъ хлѣбъ по имени; такъ она походитъ, сядетъ, поставитъ солоницу, положить хлѣбъ; горшокъ съ кашей

sońc amy·ldä i korčta·msta me·fä: «nu, Mita., uli·za čäńfkit, pačkydiza tāt; nu jä·rčnida». Šesta vä·šij druk kaja·vit jarca·ma, ańcik päńčt mařävit kaldyrdu·mada. Še ška·nä kija·k mäšt kak ako·rtä, a·ńcik noske·t da jarcy·t. A kyda päki·st peške·det čak·čak ku·fcims, syń ku·fcimańt ta·rkas u·ksńit: ūχ, tājä, ūχ, tājä, ūχ, tājä, koda·myška loma·ńis pa·ryl, i väši ista. Karmi·t ukśni·mā i paryloma·ńist ä·jsa jofne·mā. Kyda· u·žynyť souše·m, babi·ńis du·mā: «Ka·na u·lä, ka·na ara·s, eščo mäžist kak», i meřä: «nu slava Bo·γu, eščo· uli mäžin ka·k, štakśnu·ms äřä·vä». Mäjli štit, o·znet, liši·t stolekśsta, baba·s sa·jsyńžä čapla·škińt i päńč·ki·ńt, kśy pa·myřskit sajä, čurka lo·peńet, umař bo·keńet, al lu·kśkit, odeža·nga sajsy·ńžä i lišä· u·lčau. Ary čukśpras i karmā·vaka·nnyńt äjsa kyrkśi·mā: čaplaškińt kyrkśisyj, päńčkińt ky·rk·šisyj, kyrkśä i odežanga äjsa, kyrkśä·ko·mada, a osta·tka naro·deš toža a·ščit ko·mada. Kyrkśimsta babińis eňa·ldä pokśčätńi·ńiń baba·tńińiń: «ila·st peńäčä, kodamy kśysa·l ulńi·s, možy kiń·

отдасть стряпухамъ. Горшокъ съ ладономъ поставить въ уголъ къ образамъ. Тогда она скажетъ: «ну давайте, что у васъ есть, что Богъ вамъ далъ, не стыдитесь насъ, не бойтесь предковъ». На одежду она поставитъ новую деревянную чашечку, новую ложечку. Когда поставятъ какое нибудь кушанье, она перекреститъ ложкой посуду, немного черпнетъ изъ нея и наотмашь выльетъ это въ деревянную чашечку. Выливая, она говорить: «Ѣшь, Ѣшь, Митя, и угости также товарищей». Потомъ она сама помѣшаетъ и покушавши скажетъ: — «Ну, Митя, да будетъ и у тебя частичка(?), пусть дойдетъ до тебя; ну, кушайте». Тогда всѣ вдругъ бросятся ѣсть, слышенъ только грохотъ ложекъ. Въ это время никто ничего не говорить, только сопять и ѣдятъ. А когда они насытятся, станутъ трудно дышать; вмѣсто стону укають: «Ухъ, ухъ, ўхъ, какой человекъ былъ хорошій», и всѣ такъ начнутъ вздыхать и говорить о хорошемъ человекѣ. Когда отужинаютъ со·вѣмъ, старушка подумаетъ: «не знай есть, не знай нѣтъ у нихъ еще чего нибудь», и скажетъ: «ну, слава Богу, еще есть у васъ

ga·k stuťét tárdims jarca·ma; šesta nady, tá·nga kandy·da máži ka·duš; ila·ža peňácä, tesk savyľ, tesk jarca·vyľ. Mon veď méren čyja·k i baňa·sa i stol ekšca: sa·da váši, jarca·da, a už kak stuťty--ná, tak na·da, tánga kandyňk». Nekeň i jorcénžä čukšpräs, ne kšypa·myřkskitňiň loa·žatňiň i čapla·škinistyňt kaja·synžä i tuji·po·taž ořatňi. Májli váši přast karňi·ť koma·fňimä; ä·řva komaftu·mstyňt jala měre·ť: «prošča·jti, prošča·jti, prošča·jti». A va·ndyj uli·ť poňe·nkat. Ištaža puru·mif čyt, ištaža kšysa·l kandy·ť loma·tnä, ištažy ba·biňis ky·rkšä, ištaža čukšpraň ga·k ři·šňä. Eščo· väjksy čyt po·méneť. Väjksy čyň karčyja·k i·štaža vä·vančňi·ť; ko·ty ná·dlanzy poňmena·syž; ištaža řeľ go·dénza po·ména·syž i gode·nza poňmena·syž i ja·la vä vanfňi·ť äřva·poňmena·myňt ka·rča.

Eščo· poňmena·kšnyť kalmyla·ňgyň čysta. Šestä vä ava·nfňit; tájňit bra·gat, tájňi·ť pu·řit, sajňi·ť vi·na, řiči·ť sa·rast, řesta·ň

что-нибудь, надо вставить». Потомъ встануть, помолятся, выйдутъ изъ за стола: старуха возьметъ деревянную чашечку и ложечку, возьметъ хлѣбныя крошечки, луковичные листочки, половинки яблокъ, яичныя скорлупки, возьметъ его одежду и выйдетъ на улицу. Станетъ въ сорное мѣсто и начнетъ выскабливать чашку; поскоблитъ деревянную чашечку, поскоблитъ ложечку, скоблитъ и его одежду, скоблитъ нагнувшись, а остальные также стоятъ нагнувшись. При скобленіи старушка настойчиво просить дѣдушекъ и бабушекъ: «чтобы не пеняли на то, какова была хлѣб-соль; можетъ быть, позабыли позвать когонибудь къ ѣдѣ; въ такомъ случаѣ возьмите, отнесите ему что осталось; пусть онъ не пеняетъ; если бы пришелъ сюда, поѣлъ бы здѣсь. Вѣдь я говорила давеча и въ банѣ и за столомъ: придите всѣ, покушайте, а ужъ если я его забыла, такъ возьмите, отнесите ему». Это она и броситъ на то мѣсто, гдѣ выбрасываютъ соръ, тѣ хлѣбныя крошечки и кости; и выльетъ изъ деревянной чашечки, и пойдетъ задомъ къ воротамъ. Потомъ всѣ начнутъ наклонять свои головы; каждый, наклоняя голову, все время говорить: «прощайте, про-

sy·víl; néń vǎši sa·jsyz i tuji·ť kalmylan̄ks. Saji·ť ma·ryst po·me·na·ńijat i aščā·ār·vǎχkiś ās ka·lmynza la·ηksa. Aščā· i lajšā·. Bidi lajšā· odava· loma·ńin̄gis, šestā· mēřā·: «duga·j, duga·j, a O·ksa» (āli koda· lā·miza tosa), a bidi ava tǎχti·ringa ki·sā la·jšā, sesta· lajšy·msta mēřā: «taka·j, taka·j, a Ka·ta (āli koda· lā·mi·za to·sa), mazyj taka·j, a Ka·ta; māks taka·j kady·m̄ik, nuža·s gořa·s kaji·m̄ik, ki·ne·j při·ni·m̄ čauši·syj»... A bidi tǎχti·r lajšy a·vanza ki·sa, še·stā sra·zu¹⁾ šārgidā tǎχti·řiś: «uχ, ava·kaj gořma·kaj, uχ, kořme·nečkā avi·ńin̄, uχ, avi·ńin̄ dĩři·ńin̄, māks ton avi·ńin̄ kady·m̄ik, nužas gořa·s kajim̄ik»... A bidā lajšy·ť čoraloma·ńin̄ ģis, sesta šārgi·dīt: «pola·j, pola·j, a I·van, mazy·j pola·j, a I·van».... Bida ava čora·nza kis lajšā·, še·sta še mēřā: «māks ton ajdńin̄ kady·m̄ik, nužas gořa·s kaji·m̄ik»... A bidi koza·jka m̄ir·

1) šesk.

щайте, прощайте». А завтра будутъ поминки. Такъ же собираются днемъ, люди такъ же приносятъ хлѣбъ-соль, старушка такъ же скоблить, она такъ же выходить на сорное мѣсто. Еще въ девятый день поминаютъ. И на канунъ девятаго дня такъ же бодрствуютъ ночью; поминаютъ шесть недѣль; такъ же поминаютъ въ полугодовой день и въ годовой день, и передъ каждымъ поминаніемъ бодрствуютъ ночь.

Еще поминаютъ въ родительскій день. Тогда ночью не бодрствуютъ; готовятъ браги, дѣлаютъ пури, возьмутъ вина, сварятъ куръ, готовятъ жареное мясо; все это возьмутъ и пойдутъ на кладбище. Возьмутъ съ собой поминанія, и каждый становится на своей могилѣ. Стоитъ и вопить. Если вопить молодая женщина по женщинѣ, тогда она говоритъ: «сестрица, сестрица, а Окся» (или какъ тамъ его имя), а если женщина вопить по своей дочери, тогда, вопя, она говоритъ: «дитятко, дитятко, а Катя (или какъ тамъ ея имя), красивое дитятко, а Катя; отчего, дитятко, ты меня оставило, бросило меня въ нужду и горе, кто теперь поищетъ въ моей головѣ»... А если вопить дочь по матери, то дочь сразу закричитъ: «ухъ, матушка-кормилица, ухъ, корми-

dīnga kis lajšā, še šārgidā: «duga-j, duga-j, a I-van, mazy-j duga-j a Ivan»... Mājlā syt popt, služyt pokš pana-fida i tuji-t kal-my-tñiñ langa poñena-nijāñ louno-ma. Kyda-vāši lo-ḡnēsēž, tu-jit. A ava-tñā karñi-t še-sta šimimā i jarca-ma, vāχki-st vāχki-st kavañama kona-t sedā mala-syt; šimi-t i jarcy-t právi-st čaraka-dums; i árvāχkā šimima jarcamyñt ājsta kajši-t lomañiñ prá-pās moda poc mīñicuna, i kšy i braga- i puřā- i syvi-I, putñi-t če-la ałt.

Putñi-msta jala kortēt: «na- vany tāt (kundasy ľāñi-nga), šimt jarca-k, vačy i-la ult i āštāñik pary árči-k». Mā-jlā štakšny-t i strali-t ku-dga. A sy-ñdedest mājłā puru-miř sezēñ stada ki-ska i karñi-t čuḡnu-mā i tarksi-mā māži syñ dozē-ñ kadny-št i sāvi-miř, a kyda sāusy-ž, kyda āla-my kađu-vā tosa, ańcik ti-ja tu-a páki-st ape-škedeř ki-skatñiñ, šesty tuřga-dyt, karñi-t vāχkist vāχkist ā-ja sezñemā i kāpi-đit istamyška žalf, biđi vāt goda-vat ma-las, na-tyj če-řet dubiško-m štiř.

лица моя матушка, ухъ матушка моя кормилица, зачѣмъ ты, матушка, меня оставила, бросила меня въ нужду и горе»... А если вопять по мужѣ, тогда закричатъ: «половина моя, половина моя, а Иванъ, красивая половина моя, а Иванъ».... Если вопить мать по сынѣ, тогда та говоритъ: «зачѣмъ ты, дитятко, меня оставило, бросило меня въ нужду и горе»... А если жена вопить по своемъ мужѣ, то она кричитъ: «дружокъ, дружокъ, а Иванъ, красивый дружокъ, а Иванъ».... Потомъ приходятъ попы, служатъ большую панихиду и пойдутъ по могиламъ читать поминанія. Когда прочтутъ всѣ поминанія, уходятъ. А женщины начинаютъ тогда пить и ѣсть, угощать другъ друга, которыя между собою ближе, пьютъ и ѣдятъ до потери сознанія, и каждая отъ питья и ѣды выбрасываетъ кое-что на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ голова (похороненнаго) человѣка, и хлѣба, и браги, и пури, и мяса; кладутъ и цѣльныя яйца.

Ставя (это), все время говорятъ: «на вотъ тебѣ (имя рекъ), пей ѣшь, не будь голоденъ и для насъ желай хорошее». Затѣмъ

Kalmylangyn čynť karča toža ušni-ť baňä-ť i jakšit para-ma, a pokščätñiñ babatñiñ tärčñi-syž, i mon mari-ñ la-myn ku-rksta, šty še västyñť nejět, koda sakšny-ť baňäñti pafama, väši paračik-paračik syť, väši ašy-syt; kona-ť syť, kona-ť tuji-ť, i išta. syn syť i tuji-ť ata-kšyn mo-rams. Kodak atakš mo-rä, to šesta srazy ju-mi-ť. Mon moñc vanñi-ñ, nu măzi ja-k äži-ñ nek; poe-tomu¹⁾ mon avy-I švato-jan, a synet nekšne-sěž ja-la ba-biñit, kona-ť šajicta ja-kšit poñenka-va. Syn i-štažy jofñe-ť i-ñičyn obe-dñäñ zavutyř-ñäñ jutksta jakši-ť kalmalañks křisto-zovama; prat, kelä, modañť lañks ko-mada, čeret no-ldasyť i me-řat: «Křistos voskreš», a syn do-sa prok brumť byzaka-dyť. Nu val ača-řkydřvä; tože-ñ mon äži-ñ jaka-.

1) šeks.

встають и расходятся по домамъ. А послѣ нихъ собираются туда стаи собакъ и начинаютъ вырывать и вытаскивать то, что они здѣсь оставили, и съѣдать это, а какъ съѣдать, когда здѣсь останется немного, и только кое-гдѣ собаки не наѣдятся, тогда онѣ подерутся, стануть рвать одна другую и поднимуть такой крикъ, что если ночью угодишь близко, то даже волосы стануть дыбомъ.

Наканунѣ родительскаго дня также топятъ бани и ходятъ париться и призываютъ дѣдушекъ и бабушекъ, и я слышалъ отъ многихъ, что въ эту ночь видятъ, какъ приходятъ въ баню париться; всѣ приходятъ попарно, всѣ въ бѣломъ; кто приходитъ, кто уходитъ; и такимъ образомъ они приходятъ и уходятъ до пѣнія пѣтуховъ. Какъ запоетъ пѣтухъ, то тогда они сразу исчезаютъ. Я и самъ караулилъ, но ничего я не видѣлъ; поэтому я не святой, а ихъ видятъ все тѣ старушки, которыя часто ходятъ по поминкамъ. Онѣ также рассказываютъ, что ходятъ христосоваться между пасхальной обѣдней и заутреней на кладбище; упадешь, говорятъ, нагнувшись на землю, распустишь волосы и скажешь: «Христосъ воскресъ», а они тамъ жужжатъ точно шмели. Но слова не разберешь; я туда не ходилъ.

A míni·k eščo· lamy jofne·t, bu·ta mo·žna muji·ms névi·
dímka ¹⁾ lovažnýä. Še mujims vo·t koda. Varčams raužy katka,
kosėja·k vāχkija·k ašy po·néneza ila·za ul, i saji·ms kona·skalyš
dum rauža i pėrvoj va·zyjās i pė·rvoj ²⁾ po·ta·ftumañ lo·fca i že·r·
kala. Še·sta mo·lems pėlėvā ška·ná ba·nas i pidi·ms ba·nasa še
lofcėnt äjsa še katkaš celo·m. Kyda·son uš pi·jā pi·jā, vāšij ka·
ladā. Še·sta karma·ms lovažnitiñä vāχtā·vāχtā saji·ms kurks; i
vanums žėrkala·va, ärvāχkā lova·žyniñt ku·rkxa ki·rdimsta. Ko·
da·k po·ngā še névidímka lova·žyniś, šesta·žėrkala·syñt mājija·k
a né·jāvā. Vot še mar̃ta mājļā ko·χo·češ a·žā, māšt χo·češ tājnik,
kija·k a·ne·tan·zat. Tėñ mon äžinā sna·rñä. Trudna·pėk muji·ms
vā·šij druk, što·ba i katka·ra·uža i skal ra·uža, dy tagy pėrvoj
vazava, dy taga pė·rvoj po·taftu·ma.

1) aņejaviks

2) vašin raz.

А наши еще много рассказывают, будто можно найти косточку невидимку. Вот какъ ее можно найти. Поискать черную кошку, чтобы на ней не было ни одной бѣлой шерстинки и взять у коровы, которая совсѣмъ черная и отелилась первый разъ и первый разъ доится, молока и зеркало. Тогда пойти въ полночную пору въ баню и сварить въ банѣ въ этомъ молокѣ цѣликомъ ту кошку. Когда она ужъ сварится, то вся развалится. Тогда (надо) начать брать въ ротъ косточки по одной и смотрѣть въ зеркало въ то время, какъ держишь во рту каждую косточку. Какъ попадется та невидимка косточка, тогда въ зеркалѣ ничего не видно. Вотъ съ той (косточкой) иди затѣмъ куда хочешь, дѣлай что хочешь, и никто тебя не увидить. Этого я не пробовалъ. Очень трудно найти всё вдругъ, чтобы и кошка была черная и корова черная да при томъ съ первымъ телкомъ, да при томъ при первомъ доеніи.

A eščo· mīnīk jofne·t byta možna muji·ms; inīčysta obedna zau·tyrna ju·tksta kuži·ms kudypo·tmarc, karma·ms kuži·mā, kyda· pervaio baja·gaš va·čkydā, kuži·ms i vāšni·ms, byta to·sa mu·jat lo·mañ pīlksynza kemt; ne kemtnīn ta·rgit pīlksynza i sedī ku·ryk ba·jagañt kolmočedā vačkydima·zynza čyčt, a bidā akā·nīrat se po·rañt ā·jsta, to juñi·t, šezne·tadyz; a bidā kāni·rat valgu·ma ne kemtnēn ājsa, mā·jlā mo·žna jaka·ms; ne kemtnā ista pek jaki·t, koda·k vāšt ša·gat šisim valgijpāt. I lāni·st ne kemtnēn šemiorctnyčt. Mon kužni·n, nať uca·skam a·rašil: vāšni·n, vāšni·n, māzija·k āzi·n muk. Pefekladyñ troks pryñ, ne·rem gak tapi·nā, valgīn i kiñinga·k āziñ jofnā, i nej kouga·k asyrksan, dy koda· bidā akāmīrvījak, a mīni·k žary·ja jofne·t, kosty mā·žā mo·žnā sajims, štuka·tnā pek udo·bnēčt¹⁾ i rama·ž ara·mañit i muji·ž amu·jivīt. Nu mon nej uš asna·rfnan mālga·st jaka·ma.

1) efvaikst

А еще наши рассказывают, будто можно найти; между пасхальной обедней и заутреней (надо) взлѣзть на подволоку, начать лѣзть, когда ударить въ первый разъ колоколъ, взлѣзть и искать; будто здѣсь можно найти сапоги на человѣческихъ ногахъ; эти сапоги сними съ ногъ и какъ можно скорѣе бѣги до третьяго удара колокола, а если не успѣешь въ это время, то пропадутъ, тебя разорвутъ; а если успѣешь слѣзть въ этихъ сапогахъ, то затѣмъ можно ходить. Эти сапоги ходятъ такъ скоро, что въ одномъ твоёмъ шагѣ семь верстъ. И названіе этимъ сапогамъ семивѣрстные. Я лазилъ, но видно, у меня не было счастья; искалъ, искалъ, и ничего не нашель. Упалъ я черезъ перекладъ, разбилъ даже себѣ морду, слѣзъ и никому не рассказывалъ, и теперь никуда не собираюсь, да какъ то и не вѣрится, а наши много рассказываютъ, гдѣ что можно взять, штуки очень удобныя, и не купишь ихъ и не найдешь. Но я теперь ужъ не попробую ходить за ними.

Ñej syrksa·n kazna·n darga·ma, a miini·k äjsty·st jofne·t pek
la·ma. Popón čelña la·tksa u·li ze·mľaŋka. Še zemľaŋka·synt
kolma čatt²⁾. Vã·χkisynt pižã·, ombócesent ši·ja, kolmó·cesent
kyk zo·lòta. Kunčkasa ča·nynt laŋksa aščã· kavjo·r samalò·t,
laŋksy·nga aščã· pa·zava Boži ma·tiriš ko·mada vėla·ftuf. Paza·
vant laŋksa při·stalet; neň Šteňka Razin puty·ňžã i putu·mstyst
meřć: «Ki χočet moň ta·rkasa uli·mã, moň greχen saji·mist, moň
parym äjsa vaska·ma, to kady·k še sajsy· pristale·tənt vířkedē·
zənga, a paza·vant kãřć ke·dezənga i letcə·j pa·zavant vícta
šã·dijs. I šesta·karmã· mãšt χočet neň tã·jñã, i jarma·kniň sajsy·
ňžã i samalotənt sajsy·, ańcik sońce·n ojmeza uli· Šteňka·n ta·r·
kasa. A bratcy moi·! Šteňkaň soda·syřk ko·sa? Tyň duma·tada,
son kuly·s. Son äž gu·la, son äři vířca. A vot mon dãt jofne·sa,
koda son äřã·. Son išta·my ta·rkasa äřã, kijak i mala·v' a mo·levã,
a sońc živ. Sonza Vėřepa·s ärdi·kstyžã, modaš a při·masy, a Vė·

2) čant.

Теперь я собираюсь рыть клады, а наши рассказывают о
них очень много. Въ долинѣ (называющейся) Поповъ пчельникъ
есть землянка. Въ той землянкѣ три чана. Въ одномъ мѣдь, въ
другомъ серебро, и въ третьемъ золото. На среднемъ чанѣ пост·
ланъ коверъ самолѣтъ, на немъ лежитъ икона Божьей Матери,
перевернутая ничкомъ. На иконѣ пистолетъ; это все положилъ
Стенька Разинъ и когда клалъ это, сказалъ: «кто хочетъ быть на
моемъ мѣстѣ и взять мои грѣхи и блаженствовать съ моимъ доб·
ромъ, то пусть тотъ возьметъ пистолетъ въ правую руку свою, а
икону въ лѣвую и прострѣлитъ икону прямо въ сердце. И тогда
станетъ дѣлать что хочетъ, и деньги возьметъ и самолѣтъ, но
только его душа будетъ на Стенькиномъ мѣстѣ. А братцы мои!
Знаете вы, гдѣ Стенька? Вы думаете, что онъ померъ. Онъ не
померъ, онъ живетъ въ лѣсу. А вотъ я тебѣ расскажу, гдѣ онъ
живетъ. Онъ живетъ въ такомъ мѣстѣ, куда и близко никто не
можетъ подойти, а самъ онъ живъ. Его проклялъ Богъ, земля

řepas ojme·nza a·sajsy. Son i a·šcy bo·kom, kãř buly jutksa. Kodak čyza va·lgã i puru·mit äzynza vířetynt i guřt i vatra·řšt i mätka·st i minínžu·nyń gatt i karmít äjsynza pota·ma; čynza štãmskacyř ańcik o·jmeńt dy lovaža·tnín a šãdijstynza vã·řki guj a tu·kšny jak, čyni·k vãni·k potã. Vot vãt ista· pota·syř, a čop taga· kasã äzy·nza tela·; koda·k čo·kšneř sy, tagy ista·, i ři·řgínt ju·mams, kelã, son ista· karmã. äřa·ma. A biďã kija·k leťcã·j paza·vańt i sajsy· pary·nza, ře äřamy·dynza mãjľã tarka·zynza arã.

Šedikilã äřamyř řek pary·ř. Moda·ř la·myř, ki řary du·mã, ře řnary so·kã; nu řesta· soka·myř ulńi·ř řek beřãń. Moda·ńt ä·zga čačńiř istamyřka puře·j ¹⁾, a so·kavã jak. A soka·tnã koda·tt ulńi·řt! Řek beřã·řt: sta·kat, aka·ńńi·vi umařkat, sořne·kat ara·řilř; palicã·tnã ulńi·řt tu·myń, podvořňã ulńi·řt ľãřgi·ń. So·

1) uřkaz.

его не принимаетъ, а Богъ не принимаетъ его души. Онъ и лежить на боку на каменистой землѣ. Когда сядетъ солнце, соберутся къ нему изъ лѣса и змѣи и лягушки и ящерицы и всякіе гады и начнутъ его высасывать; съ восходомъ солнца оставить только душу и кости, а съ сердца одинъ змѣй и не сходитъ, сосѣтъ день и ночь. Вотъ ночью такъ высосутъ, а днемъ опять вырастетъ на немъ тѣло; какъ настанетъ вечеръ, опять то же; и говорятъ, что онъ будетъ такъ жить до скончанія свѣта. А если кто-нибудь прострѣлитъ икону и возьметъ его добро, тотъ, послѣ своей жизни, станетъ на его мѣсто.

Въ старину житье было очень хорошее. Земли было много, кто сколько задумаетъ, тотъ столько пашетъ, но тогда пашня была очень плохая. По землѣ родился такой пырей, что ея и не вспашешь. А сохи какія были! Очень плохія: тяжелыя, никакъ

kšešt beřăncta, nu šury·ś čačni·ś pek. Šesta·išta·robôta·št: teľeňe·k kizyňi·k. Nujima·styňt nu·jit nu·jit, a konatt kadu·vit, sa·jit že·řďa, kilďit kafta a·lařat pã·vanga i vetňe·sez alařa·tniň že·řďaňt marťa uma·ňt larğa; prařcy·ž šury·ňt va·luu. Nukšny·št lo·vôn prams, jakřamyt, oďeža·sa rykařca·sa, a jala nuji·t. Šesta lotke·t, koda· lou vaľa·syj šury·ňt. Šesta karmni·t pulf u·skřimã¹⁾, a pifcništ teľa ku·nčkaňã, žarda maňiřt. Ulňi·št aňnat; ñe aňnat·niň ajsa kořnešt pulft i pifcni·št. Še·stã pifcni·št avyl jarma·kta, koda ñe·j, a zajo·m oďino·kyřňã. Vařňã vã·řkiňiň pifcyt, mãjľa ombô·ceňeň, a avatňã piřčaka·t čop pifcyt, vãnbe·řt řcyřdi·t. řcyřkřny·št kak avyl iřta·: avy·I pra·řasa ki·řcyž, a řcy·řisa. Gaz ga·k še·sta ara·řil; řesta tol že·řsa a·řčikřništ; řřti·čkat kak ara·řil·t. Pečka·tnã jak avyl iřta·tt ulňi·št; avyl kiřpičin, a řicta řo·vôneň: čavyž čavit—i pečka, a turba·t o·řsã a·rařil·t; iřta·k a·řcišt.

1) pulfň uskřimã.

не донесешь, сошниковъ не было; палицы были дубовыя, подвой были изъ лыка. Пахали плохо, но хлѣбъ хорошо родился. Тогда вотъ какъ работали: и всю зиму и все лѣто. Въ жнитво жнуть-жнуть, а что останется,—возьмутъ жерди, запрягутъ двухъ лошадей по концамъ и водятъ лошадей вмѣстѣ съ жердью по загону; свалятъ хлѣбъ подъ одно. Жали до снѣга,—холодã—въ одеждѣ и въ рукавицахъ, а все-таки жнутъ. Тогда перестанутъ, когда снѣгъ завалитъ хлѣбъ. Тогда начнутъ возить снопы, а молотили посрединѣ зимы, когда вѣдро. Были овины; въ этихъ овинахъ сушили снопы и молотили. Тогда молотили не за деньги, какъ теперь, а одинокіе—взаимы. Сначала обмолютъ одному, потомъ другому, а женщины бѣдняжки весь день молотятъ, всю ночь прядутъ. И пряли не такъ (какъ теперь), не пряжами съ плясомъ, а веретенами. И керосину не было тогда; тогда сживвали при лучинахъ; и спичекъ не было. И печки были не такія; не кирпичныя, а прямо глиняныя; бьютъ собьютъ (глину)—и печка, а трубъ совсѣмъ не было; жили такъ (безъ трубъ).

Taχtirχnā pa·ca·t āst ka·n̄nikšnā, a kizna· a te·l̄nā·, dy pa·
 čat oušā ara·s̄il̄t. Mird̄n̄n̄n̄ l̄i·s̄ā, god vā pu·lysa jakā·, čo·ka kañnā·,
 a māj̄lā čačtamyzynza čo·kōftu·ma jakā·, a kyda· ča·čtā, šesta
 prázy·nza šlyga·n butā·. Kyda· ča·čtā pe·rvoj, ajd̄int̄ lā·m̄dasyž,
 purna·syž ka·fty pe·l̄deñ rod̄nā·st vāši, t̄aji·t štiñi·jat i karm̄i·t
 gulā·jama. Gulā·jit̄ gu·l̄ajit̄, māj̄lā karm̄i·t kaša·s kaja·ma: āf·
 vā·χki zba·baj lomañis̄¹⁾ jaly groš kajā, a ocčačtyčās karm̄i·kažñi·
 m̄ist, kiñi·n̄ ru·ca·, kiñi·n̄ pana·r, kiñi·n̄ poŋkst, a mala·vi·ksny·
 n̄n̄ ru·cat pa·nart i poŋkst panart, a ko·nat šedi vāpā·lā n̄eñe·n̄
 na·rdamyst, a rod̄nā·n̄ raskiñ ajd̄i·sty konat kudga·t, kiñi·n̄ pi·
 li·kst, kona·n̄n̄ krost, a bid̄i pokš̄ t̄a·χtiť, n̄e·ñeñ surkst.

A šedi·ki·lā kyda·putyť ku·da; bid̄i lomañiñ ta·šta ku·dyza
 ara·s̄il̄, to t̄aji·t jurta·va. A t̄ajni·št̄ vo·t koda. Pruñi·t vāt sodē·ča
 ba·biñit̄, muji·t tolkā·ū, saji·t rauža sa·raz, ka·rdaz ku·n̄ckas t̄a·

1) zba·b'i lomañis̄.

Дѣвушки не носили платковъ, ни лѣтомъ ни зимой, да плат·
 ковъ совсѣмъ не было. Выйдетъ замужъ, въ теченіе года ходитъ
 съ одной косой, носить кистъ, а послѣ того, какъ родить, ходитъ
 бозъ кисти, а когда родить, тогда надѣнетъ на голову шлыганъ.
 Когда родить въ первый разъ, окрестятъ ребенка, соберутъ
 всѣхъ родственниковъ своихъ съ обѣихъ сторонъ, устроятъ кре·
 стины и начнутъ гулять. Гуляютъ - гуляютъ, потомъ начнутъ
 бросать въ кашу: каждая чета бросаетъ по грошу, а роженица
 начнетъ ихъ дарить, кому руцю, кому рубашку, кому штаны, а
 близкимъ руцю и рубашку, штаны и рубашку, а тѣмъ, кто болѣе
 далеки, полотенца, а дѣтямъ родственниковъ, которыя (остались)
 по домамъ, кому серѣжки, кому крестъ, а если взрослые дѣ·
 вушки—то тѣмъ кольца.

А въ старину, когда поставятъ домъ, если у хозяина не было
 стараго дома, то сдѣлаютъ юртаву. А дѣлали вотъ какъ. Собе·
 рутся ночью знахарки старушки, найдутъ камень, возьмутъ чер·
 ную курицу, выроютъ въ серединѣ двора ямочку, въ ямочкѣ за·

ji·t ja·mínä, jamínínti päčksy·ž še sa·razynt, nolda·syž vāri·nga tožen; nolda·msta kortē·t oznē·t: «čācy·za oc āricānín od jurta·va, uli·za loma·nínť vídga pa·ra i skote·nanza ví·dga i karda·zganza. Lija· jurta·vat našnéχ tājnímā¹⁾, skote·nanza kola·ma ilaza no·lda, sońc kak loma·nín ila·za jaka·; āra·za sońceń karda·jsa, uχa·žuvaza sońceń karda·jsa, sońceń skotenanza mā·lga; skotenaš uli·za va·dāra, rašta·zy·lama, a vot mīn tānzy pu·ttana kšysal i syvi·lñā i vālkškā· i čēna·pkskit». I vački·t še jama·nti vārińť larks kšysa·l i čēnaukst i lofcy· i vā·lks i sajsy·ž vėlťa·syž še tol gāusynt. «Māzā mājlā li·sā šeń ājsta?» kākksīnā mon moń jofne·čānt. «A vot mā·zi: jurtava ča·čā še vārińť ā·jsta». — «A ko·dama son?» — «Da raži ton āzi·t marčā?» — «Marci ms mon marci n, nu āzi·n ne·kšnā». — «E, dy ton neksneūlet! sonza avyl ārvāχkiš nesē·j, a biđā γočeš neje·menza, to Ivankupalyń ka·rča, oza·k izama·luχ

1) muskyl'ama.

рѣжутъ ту курицу, выпустятъ туда ея кровь; выпуская кровь, говорятъ и молятся: «да родится у новаго жителя новая юртава, да будетъ она доброй по отношенію къ хозяину и къ его скоту и къ его двору. Пусть не позволить другимъ юртавамъ дѣлать на смѣхъ, портить его скотину, и пусть сама она не ходитъ къ чужимъ людямъ; пусть живетъ въ своемъ дворѣ, ухаживаетъ въ своемъ дворѣ, за своею скотиной; пусть скотина будетъ хорошая, пусть много плодится, а вотъ мы ей положимъ хлѣба соли и мясца и сливочекъ и выжимокъ¹⁾». И кладутъ въ эту яму на кровь хлѣбъ-соль, выжимки и молока и сливокъ и возьмутъ покроютъ то кремнемъ. «А что потомъ изъ того выйдетъ?» спросилъ я у моего рассказчика. «А вотъ что! изъ той крови родится юртава». — «А какова она собой?» — «Да развѣ ты не слыхивалъ?» — «Слыхать то я слыхалъ, но не видывалъ.» — «Э, да ты ее могъ бы увидѣть! ее

1) Разнаго рода мелкое обрѣзное мясо, изъ котораго растоплено и выжато все сало.

i vant ala·šat laŋks. Son konań véčksé·j i ura·dasyj, ġřiva·nza jak kodasy·j, koromynza jak vıtecy·j; a lija·jurta·vaš saly dy andä·, a kona·ń a·ve·čksej, šeń pulynza jak tarksi·syj, ġřivanzy jak tarksi·syj, a biďä azyrys ańi·syj, kunst očks kak kajsi·syj». — «Mon, ďeda·j, vanu·uľiń, dy moń ala·šam váχki ja·k ara·ś; stala byť ¹⁾), moń jurtavam gak ara·ś. Koda ža son mońďa·ń ěeje·ms?» — «Son i mařa·ms mo·žna; biďi koda·my jak řät ěeda·uľä, son la·jšymä karmä·, a biďä keženzy safcyť, son škifa·tanzat». — «De·daj, a kyda·lo·mańiš kudy·nzy mısyj äli polafcyj, koda žy še jurta·vaš marynzy tujä· äli tosk ka·duvā». — «Da ara·žďä možna jurta·va tosk kadu·ms tařta ta·rkas; senzy ikilij gak řäřci·ž». — «A biďä ařäřciž?» — «Dy vot mäřt: moń ďät avy·ľ kelesa äli kodaja·k jofne·sa; mońďań baba·m jo·fnežä:

«Synct řiřāngu·ca řäři·ďiřt palět i puět ři·ja ta·rkas ku·da,

1) vadat.

не всякій увидить, а если ты хочешь ее увидѣть, то ты, нака-
нунѣ Ивана Купалы, сядь подъ борону и смотри на свою лошадь.
Она (юртава) которую (лошадь) любитъ и вычистить ее и запле-
теть ей гриву и поправить ей кормъ; а другая юртава крадетъ
и кормить; а которую не любитъ, у той и хвостъ оборветъ и
гриву вырветъ, а если хозяинъ не продастъ ея, то опрокинетъ
даже ее спиной въ колоду.» — «Я, дѣдушка, посмотрѣлъ бы, да у
меня нѣтъ ни одной лошади; стало быть, у меня нѣтъ и юртавы.
Какъ же мнѣ ее увидѣть?» — «Ее и услышать можно; если у тебя
какая нибудь бѣда, она начинается вопить; а если разсердишь, то
она тебя оццплетъ». — «Дѣдушка, а если хозяинъ продастъ свой
домъ или промѣняетъ его, то какъ юртава — уходитъ ли съ нимъ
или остается тамъ?» — «Да развѣ можно оставить юртаву тамъ на
старомъ мѣстѣ: ее позовутъ сначала». — «А если не позовутъ?» —
«Да вотъ что: я расскажу тебѣ не по слуху или не какъ-нибудь;
мнѣ рассказала бабушка моя слѣдующее:

«Въ родительскомъ домѣ сгорѣли ихъ родители, и они поста-

a putumazy·nga árášt tesk zemlaŋki·ńisa. Majla usksíz kurmy·st karmy·st; alašast va·drat. Sašt osta·tkada, oza·fńíz ájdi·st, proš·čášt ta·rkant mar̄ta i syrga·št. Nō! Alašaš no·ck, a·syrgavā, tagy·no·ck, ta·ga a·syrgavā. Vačkydíz ala·šańt, sa·žynčka molé, lotkaš. Majín tala·ŋ? Karma·ftyžā ava·ńt pańimā, a sońc uda·lda vanu·ma. Va·nā, čaryji·nga avela·fńivít. Šárgíct sodé·ča ba·bńit; ńet sra·zu¹⁾ fafášť. «Dy ton ju·řtavat sajik?»—«Araš».—«Dy máks?»—«Dy mon kosta sajsa».—«E·ka glu·pyjat²⁾, dy ton eńa·ldyž eńal·duŋlik, fárdíz fárdiŋlik; son tońdedet i·kilij mo·level».—«Dy ńej mášť fájńims?»—«Mášť ɣočěš, ńej fā·jńik». Loma·ńis³⁾ ta·ndač, karma·ś eńa·lduma babinítni·ńin, a syń i meřet: «nu vot mášť fā·ɣt; kilđa·k trojka, dy karma·k a·vařđimā dy fāřđimā ā·synza, a mńin toža karma·tana laćimínza». Te pra·vdyj karma·ś eńa·lduma. «Turta·víńim końneńečkeńeń, upro·stamak, końmaj; mon od lo·ma-

1) šesk.

2) čavyřprevat.

3) lomańć.

вили домъ въ другомъ мѣстѣ, а до окончанія постройки жили здѣсь въ земляночкѣ. Потомъ они перевезли домашнюю утварь; лошади у нихъ были хорошія. Приѣхали они въ послѣдній разъ, дѣтей посадили, простились съ мѣстомъ и тронулись. Но! Лошадь дернетъ, не трогается впередъ, опять дернетъ, опять не трогается впередъ. Ударили лошадь, прошла она съ сажень, остановилась. Что за оказія? (Отецъ) приказалъ матери погонять, а самъ сталъ смотрѣть сзади. Смотритъ, колёса не вертятся. Позвали знахарокъ старушекъ; тѣ сразу поняли.—«Да ты взялъ свою юртаву?»—«Нѣтъ».—«Да отчего?»—«Да я откуда возьму ее?»—«Эка ты глуный, да ты усиленно просилъ бы ее, усердно позвалъ бы ее; она впередъ тебя пошла бы».—«Да теперь что дѣлать?»—«Теперь дѣлай что хочешь». Мужикъ испугался, сталъ упрашивать старушекъ, а онѣ и говорятъ: «ну, вотъ что сдѣлай; заложи тройку и начини плакать и звать её, а мы тоже будемъ уговаривать». Этотъ въ самомъ дѣлѣ сталъ упрашивать: «юртавушка, кормилица, прости меня, кормилица; я человѣкъ молодой,

ñan, koje·ŋk kyrdan̄k äzi·ñ zoda, aty mon iki·lij gak tãrdi·ŋli·fiñ»; a babi·ñitñä čuvi·ž ja·miniñt, targi·ž kã·vĩñt, purny·ž vã·ř·ŋñiñ i karma·št eña·lduma: «i·la pe·ñäcã, jurta·va ma·tuškam, miñ väpeldẽñ loma·ttana ito tä·t mẽrdana; son od lo·mañ, syři lo·mañiza ara·ś, práus pu·tyčaza ara·ś; oza·k mary·nga, son uskta·nzat, biđi ñe χočẽš ja·lga molemã». I putyž še kãviñt še krandazyñti i syrga·ftyž ala·šãtñiñ. Ton mãšt duma·t; soñc moľa·ja·lga, alašãtñiñ bo·kasa, a kranda·zyś čava, añcik kãviś to·sa, a ala·šãtñiñiñ kojka·k u·skuvã, a koda·k pačkyčt pe·sẽk tarkas, čary·ŋñã tušt stupica·va, i kodaja·k asa·jivã.—A mon i mẽreñ tãnga: «dy moży kãviñt äsa pudo·ŋ sto ulñiś?»—«Eka dura·kat, vẽd ton maři·t, syři ba·biñit saji·ž i puty·ž, ara·ždã šesa sto pudo·ŋ? Řek la·ma peľ po·nda. A son oza·ś, šeks i staka·. Son čauś čauś alašãtñiñ äsa, karma·ś eña·lduma jurta·vañti, valgy·zy še. Druk alašãtñä syrga·št i tušt a·rdyž.

обычаевъ и нравовъ вашихъ я не зналъ, а то я впередъ бы тебя позовалъ». А старушки вырыли ямочку, вытащили камень, собрали кровь и стали упрашивать: «не пеняй, юртава матушка, мы люди посторонніе и то тебѣ скажемъ: онъ человекъ молодой, у него нѣтъ стараго человека, нѣтъ кто бы наставилъ его на разумъ; садись съ нимъ, онъ тебя доведетъ, если не хочешь идти пѣшкомъ». И положили онѣ этотъ камень на телѣгу и погнали лошадей. Ты что думаешь: самъ онъ идетъ пѣшкомъ, рядомъ съ лошадьми, а телѣга пустая, на ней только камень, а лошади еле-еле везутъ, а когда проѣзжали по песчаному мѣсту, то колеса уходили по ступицы, и никакъ не возьмешь (возъ). А я ему и говорю: «да, можетъ быть, въ камнѣ было пудовъ сто»? — «Экій ты дуракъ, вѣдь ты слышалъ, что его взяли и положили старушки, развѣ тамъ сто пудовъ! Много очень, если полпуда. А она·сѣла, потому и тяжело. Онъ билъ билъ лошадей и сталъ упрашивать юртаву, чтобы та сошла. Лошади вдругъ тронулись и пошли вскачь».

Von mon dāt äzi·ń, jö·fñä: koda· od godēn ka·rča jakšišt ki·
 ví·sa kajši·mā, kolmy ki u·lys kulcynu·ma, cērкова kǎñkš la·ñks.
 vannu·ma, piri·s kolò·zēn targa·ma. Liši·t pa·kšas piri 'daluu
 i ko·sé kiš jā·ví i tej i tou, ko·lmou, šezē·ń mo·let čere·ń stra·
 ftyž, karkstu·ma, křosto·ma; pryť pǎki·škā lañks; koñ ga·k ava·
 nyt i prast a kǎpsisyž i kulcy·nyt. Bida go·dēs para u·lā, še·sta
 mařāvā čyky·rf, prok pulft uskit, a bida beřān, kaldyrf mařāvā,
 prok kougak ardy·cat. A bida kulu·ma ska·lyn u·lā, šesta skalt
 pary·t, a bida čumbra· go·dēs ulā·, šesta skalt kečkeret, a bida
 lomañiñ kulu·ma ulā·, lajšy·ma mařāvā, a bida kuluma au·lā,
 morē·cat mařāvit. — «A kulu·mat ārci·št šediki·lij, dēda·j?» — Ena
 mǎžā, i skaly·ń i tuvyñ i loma·ñiñ. Dy ton ilā· doñā·, mon dāt
 mǎjlā žardy jak jofñesēn, a nej vot kulcy·nyk, koda· kolò·zēn
 targa·ma jakši·št. Mole·t piri·s, ode·neja va·kss, i pǎjsa targi·t
 o·lgeñā i tuji·t mary·nza i varča·syž. Bida ko·lòzēs pēškšā, to
 šeñ z babi āra·msta vāšiñi ta·rkaza uliñi karmā· pēškšā, a bida

Вотъ я тебѣ не разскажалъ, какъ наканунѣ Новаго года хо-
 дили лить свинець, слушать на распутіи трехъ дорогъ, смотрѣть
 въ церковныя двери, выдергивать колосья на гумнѣ. Выйдутъ на
 поле за гумна и гдѣ дорога расходится и туда и сюда, въ три
 стороны, туда придутъ съ распущенными волосами, безъ поясовъ,
 безъ крестовъ; упадутъ ничкомъ; никуда не смотрятъ и не под-
 нимають головъ и слушаютъ. Если годъ будетъ хорошій, тогда
 слышится скрипъ, будто везуть снопы, а если плохой, то слышится
 грохотъ, точно куда-то скачутъ. А если будетъ моръ на коровъ,
 тогда ревуть коровы, а если будетъ здоровый годъ, тогда ко-
 ровы стучать рогами, а если будетъ людскоѣ моръ, слышится
 вопль, а если не будетъ мора, слышно какъ поють. — «А въ ста-
 рину, дѣдушка, бывали моровыя повѣтрія?» — Какъ же, и ко-
 ровы и свинныя и людскія. Да ты не приставай, я потомъ тебѣ
 когда-нибудь расскажу, а теперь вотъ послушай, какъ ходили
 выдергивать колосья. Пойдутъ на гумно къ одонью и зубами дер-
 гають соломинку и уйдутъ съ нею и разсматривають. Если ко-

ko·lózés čava, to bedné·jsta āra·ma karmī·t. A ceřkovavakss
jaksī·št vanu·ma, vāχti vāχti lo·mañ ary· i vanā·. Kīñ né·jā
juta·myda va·kska, še te go·ctēnt ku·lā. Mīni·k paťa·m išta ja·
kaś vāšt. Vany, lomañ sy āzynza, vany·va·ny lo·mañiñti, a lo·ma·
ñis soñć. Tanda·ć i napy·štaś kudu·u. Saś i jofta·ś ava·ñiñ. Soñć
praś seře·dēmā i kuly·ś.

Mīni·k vā·lisa, biđi loma·ñis ača·čnā, še pek mēla·ftā. Mukšnu·
vīt ištatt ba·bat; mon zoda·n vāχkā, mērnet tanga Laba·n baba.
Son mašty tājñimā, mon pek parćtā so·dasa·. Son tā·jā čapa·ksyñ
ña·ka, še byta āχt, i molet pelevāt ačačñi·ća a·vañt mařta lej
žy·řiś. Ava·ś pry ko·mada, karkstu·ma, křosto·ma, čēre·nga no·l·
daž. A baba·ś karnā· māšt bi·dā toška·ma. To·škā·to·škā, puřsā·

лось полный, то въ семейной жизни у него во всемъ будетъ до-
статокъ, а если колосъ пустой, то они стануть жить бѣдно. А
къ церкви ходили смотрѣть; по одному человѣку стануть и смот-
рять. Кого увидать проходящимъ мимо, тотъ въ этомъ году по-
мреть. Наша старшая сестра такъ пошла однажды. Видитъ, идетъ
къ ней человѣкъ, смотритъ-смотритъ на человѣка, а человѣкъ-то
она сама. Испугалась она и пустилась бѣжать домой. Пришла и раз-
сказала нашей матери. Сама заболѣла и померла.

Въ нашей деревнѣ, если женщина не родить, то очень ту-
жить. Можно найти такихъ старухъ; я знаю одну, ее называютъ
баба Лабанъ. Она умѣетъ ворожить; я отлично ее знаю. Она сдѣ-
лаетъ куклу изъ тѣста — это будто ребенокъ, и пойдутъ въ пол-
ночь вмѣстѣ съ нерожавшей женщиной на берегъ рѣки. Жен-
щина упадетъ ничкомъ, безъ пояса, безъ креста, распустивъ
свои волосы. А старуха начнетъ что-то нашептывать. Пошепчетъ-
пошепчетъ, подуесть-подуесть и скажетъ: «на, вотъ этого тебѣ, а

puṇṣā i me·rā: «na, vany teñ toñdāt, a mīndānik makst toñce·t. Mīn toñ ġecta vāšta·na i mīnc toñdāt maksta·na.» Štiti tu·jit. Šedi mājla ava·s i karmā· čačni·mā. A kona· a·vañt kulci·t ājdi·nza, še vot koda· tājna. Molā sode·ča ba·biñi maṛta pelevāt, tājā čēna·ḡkst, ara·feyñžā baña ku·nčkas; synć li·sit, kā·ḡkšys pa·nžada. Vot ava·s ary nilipilgilan̄ks i karmā udalype·ldā po·taž bañānti suvama; soñć šta·pa. Suvā· i pača·lgyñt vāłkska. I koda·k pača·lgyšjuta·vā, karmā kiska·ks jarca·ma, a baba·s aščā· i tārdā: «sada· ode·r·vam maṛta jarca·ma, a mājla goṛa·nsty maksy·da pomo·ga; uli·st ā·jdinza ču·mbrat, part». Vot šedinājla i karmā· ava·s čačni·mā, i ājdi·nza žiřt uliñi ka·rñit.

A nalksi·liñik vot koda·. Tāḡti·řḡñā saji·řt ku·da, šivi·dīřt nudijsy mo·reča, i še ku·cyñt son mo·reř, a syn taḡ taji·řt. A vot ro·štovañ garča, kaladañ čy·styñt, at nej meřet soče·řnek,

намъ дай своего. Мы просимъ у тебя и сами мы даемъ тебѣ». Встануть и уйдутъ. Послѣ этого женщина начнетъ рожать. А у которой женщины дѣти умираютъ, та вотъ что дѣлаетъ. Она поидетъ со старушкой знахаркой въ полночь, сварить солянку, поставитъ ее посреди бани; сами онѣ выйдутъ, а дверь отперта. Вотъ женщина становится на четвереньки и начинаетъ, пятясь задомъ, входить въ баню; сама она нагая. Войдетъ, (переступивъ) и черезъ сковороду. И когда она минетъ сковороду, начнетъ ѣсть по собачьи, а старуха стоитъ и зоветъ: «идите кушать вмѣстѣ съ молодухой, а потомъ дайте помощь ея горю; да будутъ ея дѣти здоровыми, хорошими». Вотъ послѣ того и начнетъ женщина рожать, и дѣти ея будутъ жить.

А игравали мы вотъ какъ. Дѣвушки брали избу, нанимали играющаго на тростяхъ пѣсенника, и въ той избѣ онъ игралъ, а онѣ работали (свою) работу. А вотъ наканунѣ рождества, въ день

a ja·rečt mǎzdī·jak čop; a še·sta avy·l išta ulni·s: tāχtirχnǎ še
čystynt gulǎ·jilt, jarečlt sy·vildǎ i sy·vilint marta jakš·ilt raškist
langa; ki·nin zyt, kava·nit, a syn vina tǎst maksy·t. Išta·roštova·
vasty·t; išta godē·s parčtǎ ju·taza, vēsela·sta i čumračysta; a roš-
tova·stynt čop·čop tāχtirχnǎ morcet, ulča kunčkasa, a jakša·mytnǎ
ko·datt ulni·št, a syn pačaftu·myt, čere·st natyj a·šyt ojme-
ko·kššente, a čama·st prok ja·kštirǎ vǎr, a keče·st prok to·l balǎ,
i āst sereleǎ jak, a prostu·da lǎminiǎ monga·k avyl umy·k soda-
mynga karmini·n; iki·lǎ te arašilt valy·s.

Buala go·tnǎ moǎ po·mnamga kona·robō·tama ama·štuvǎ,
šeǎ kaft praksta·t ara·šilt; sodak, kǎminiǎ goc kiŋgak ara·s, vǎši
ke·pǎ telehe·k kizyni·k, a čora·tnǎ urvakstu·myzyst poŋksto·ma
jakši·št.

коляды, а теперь его называют сочельникомъ, не ѣдятъ ничего
весь день; а тогда было не такъ; дѣвушки въ этотъ день гуляли,
ѣли мясо и съ мясомъ ходили по роднымъ; къ кому придуть, уго-
щаютъ, а они даютъ имъ вина. Такъ встрѣчаютъ рождество; такъ
да пройдетъ годъ отлично весело и здорово; а на рождество дѣ-
вушки поютъ цѣлый день по срединѣ улицы, а какіе бывали хо-
лода, а онѣ безъ платковъ, волосы даже побѣлѣютъ отъ (ихъ) ды-
ханія, а лица ихъ точно красная кровь, а руки ихъ точно огонь
горить, и даже не хварывали, а слово простуда и я недавно сталъ
знать; прежде не было этого слова.

Въ былые годы на моей памяти у того, кто не годится (по
малолѣтству) работать, не было ни лаптей, ни портянокъ; знай,
что всякій, кому нѣтъ десяти лѣтъ, ходилъ босой всю зиму и все
лѣто, а парни ходили безъ штановъ до женитьбы.

Dy še-sta urva-kšništ kak avyl išta.; godē nza kāmzi-šingā, a popō-ś.ave-nčā: «učyk, kelā, ža.rdy kāmga-ŋksuva to.pōdet, a bidā au-čat, a-ži ar'χire-jne». Syn jožo-ft; sōndānza makst, son dāt šorma-dā šorma; da ažā toŋ eščo usk. Še-sta mo-žna, še-sty me-feš. A še-sta—ton Le-kyriŋkaš soda-syf?—synet dēda-st ulŋi-ś pop, miŋik tašty-čerкова-synt. Še-neŋ vot koda.: koda-k četvert vi-na, dy tulā-ŋks godo-ŋ dvuŋ, dy ma-čij, i kāmgo-tova go-ca u-řvakšniš. Mon moŋc kāmgotova go-ca urva-kstufan, a tāta-m kāmgaftuvysa. Dy ton Lova a-tānt pomna-sak?—«E-na mā-zā! čāj řac ā-riŋik». —Nu vot son toža kāmga-ftuva go-ca u-řvakstuf. Son jofne-ś moŋdān. Dy son merc, baba-tānza sajšt komšsi-šingā go-ca. Mon šedi oda-n, a baba-saji-ŋ komš ka-ŋksyva go-ca. Šediki-lā komšvā-tijā gotta ikilā i āšt maksni jak i āšt sa-jini jak; te sa-maj od neve-sta.

Да тогда и женились не такъ (какъ теперь); семнадцать лѣтъ ему; а попъ не вѣнчаетъ: «жди, говорить, пока не исполнится восемнадцать, а если не будешь ждать, то иди къ архіерею». Они хитрые; дай ему, онъ тебѣ напишетъ письмо, да ступай еще отвези туда. Тогда можно, тогда разрѣшать. А тогда — ты знаешь Лѣкаревыхъ? — ихъ дѣдъ былъ попомъ, въ старой нашей церкви. У него вотъ какъ (было): если четверть вина, да поросенка годовъ двухъ, да гуся, онъ вѣнчалъ и шестнадцати лѣтъ. Я самъ женился шестнадцати лѣтъ, а отецъ мой двѣнадцати. Да ты помнишь старика Леонтія? — «Какъ же! чай мы рядомъ жили». — Ну вотъ, онъ тоже женился двѣнадцати лѣтъ. Онъ мнѣ сказывалъ. Да онъ сказалъ (мнѣ), что ему взяли бабу двадцати семи лѣтъ. Я очень молодой, а бабу взялъ двадцати восьми лѣтъ. Въ старину раньше двадцати пяти лѣтъ и не отдавали и не брали; это самая молодая невѣста.

Vot koda·mín šedikilä počt täjnínik. Ko·neklaŋksa ärci·št jaža·ma käft. Váŋki·ś ala, a ombóeś laŋksa; laŋksy·ńtiń šulma·f pa·lka, a palka·ńt o·mbóe pä·za šulma·f po·tolyks; vércä käŋsyńt va·ra; še va·ránti kaji·t šu·ra i še pa·lkadyńt karmi·t čara·fñimä, i šury·ś ne kä·fñiń ju·tksa jaža·vá i liśä·krugo·m ne kä·fñiń ju·tkuva koŋe·keńt la·ŋks. Vot net ulñišt počtè·nek.

Nej nesa·k, avanyk koda avatñä äri·t. Ramak täst kručonka, ramak täst sapy·ń, ramak täst gary·z, rama·k täst kryžy·vat, rama·k täst iki·lgapača, ramak täst surkst, ramak täst píli·kst; a šediki·ti máži jak täst ara·sil, a ko·tat, a kolé·šat. Mín vot koda äri·nik: vídita·na muška i ava·tñińiń kodè·leŋek kaft; májlä·son koda·so·dä iśta i zabo·tä; mĩnik pe·ldä mážija·k i la käŋksñä, a mĩndä·nik dava·j i poŋkst i pana·rt i praksta·t i varga·t i čulka·t i ofcena·nyk kak täji·t i tundy·ń nujima·nyk kak nuji·t; i

Вотъ какъ мы въ старину добывали муку. На кровати были жерновыя камни. Одинъ внизу, а другой наверху; къ верхнему была привязана палка, а другой конецъ палки былъ привязанъ къ потолку; въ верхнемъ камнѣ дыра; въ эту дыру насыплютъ зерна и начнутъ вертѣть этой палкой, и зерно мелется между этими камнями и выходитъ со всѣхъ сторонъ изподъ этихъ камней на коникъ. Вотъ это было нашей мукой.

Теперь посмотри, какъ женщины живутъ безъ заботы. Купи имъ кручонки, купи имъ мыла, купи имъ гарусу, купи имъ кружевъ, купи имъ передникъ, купи имъ кольца, купи имъ серьги; а въ старину у нихъ ничего не было, ни ботинокъ, ни галощъ. Мы вотъ какъ жили: посѣмъ коноплю и сплетѣмъ женщинамъ лапти; а потомъ она какъ знаетъ, такъ и промышляетъ; отъ насъ пускай не спрашиваетъ ничего, а намъ давай и штаны и рубашки и портянки и варежки и чулки и даже овчины онѣ намъ надѣлай и ве-

ä.jdīt kak orčē.ť i tǎχti.řit kak anyksty.k. A any.kstamytnǎ pek lamy āraḡst. Kodak čy.jasyž—kažnit, koda.k ma.kscyž—kažni.ť, koda.k ra.štǎ—kažni.ť. Vot māks kua.ć i ārci.kšnyšt tǎχti.řks. Ton tońc duńik, loma.nis právi.jat, žary ārǎvǎ any.kstams tǎχti.řinťi, dy duńik žarda. any.kstams; vėd ava.s mary.nyk nuji. kizýn-bǎřt, řifcǎ. telenbǎřt; sola.fńima la.nga řifcums nelža., son kock kodǎ.; a vot du.maka, žardy son šcy.řdǎ? Vėd mušky.s a.ārǎ.vǎ any.kstams; vašna. targa.ms, mǎ.jlǎ naksa.ftums, mǎjlǎ čalga.ms, mǎjlǎ tombams, a mǎjlǎ šcyřdi.ms; dy kudyń tǎvi.t ka.k tǎji.k¹⁾: ušt-java.ft, sara.zyt tuvy.t andy.ť. Še.sta ava.tnǎ i.šta ārǎst: šcyřdi.msta āst ma.dńǎ, a šcyřdǎ-šcyřdǎ i ma.tidivǎ o.zada; a lija.ń eščo. ājdi.nga ža.ryja; kǎniťt krugo.m. Ņe tǎfńi vǎ.sisynct ulńi.št, i čora.tńin la.mył dǎvi.st. Telenbǎřt uskǎi.tana, a kizýn-bǎřt paksa.sa robōta.tana. A ođe.řvanyk, kona.ń sa.jsyž, ata.fynza

1) tǎji.t.

сеннюю жатву намъ сожни, и дѣтей твоихъ она одѣнь и дочь твою она снаряди. А снаряжение требовало очень многого. Какъ только просватають — даряť, когда отдадутъ — даряť, когда родить — даряť. Вотъ почему и жили долго въ дѣвкахъ. Ты самъ подумай, человекъ ты смышлѣнный, сколько надо приготовить дѣвущкѣ, да подумай, когда приготовить; вѣдь женщина жнетъ съ нами все лѣто, молотить всю зиму; во время оттепели нельзя молотить, она ткеть холстъ; а вотъ подумай, когда она прядетъ? Вѣдь коноплю надо приготовить; сначала дѣргать; затѣмъ сгноить, затѣмъ смяť, затѣмъ столочь, а ужъ потомъ прясть; да дѣлай (при этомъ) твое домашнее дѣло: топи печку, корми куръ и свиней. Тогда женщины жили такимъ образомъ: при пряденіи не ложились, а попрядѣť она попрядѣť да заснѣť сидя; а у другой еще много дѣтей; поспѣвай вокругъ. Эти дѣла были всѣ ихъ, а и мужикамъ было много своихъ дѣлъ. Всю зиму мы возимъ, а въ теченіе всего лѣта работаемъ въ полѣ. А молодушка, которую у насъ возьмутъ замужъ, не увидитъ своего свекра босымъ въ те-

kepípilgi·nza kolmy gott ańe·sénzä. I ode·rvaś raštaumy·zynza
stolekśc a o·jsä, a šta·dy ja·rcä; ärvä·χkińiń śimi·ms kandä. i
jarca·my kăni·fiza.

Eśčo minik narodėnek pek pălit śălmidimada i teń kuvalma
minik ulit lama karča meremanyk. Prymer. Bida lomańis fat
merä: «eχ, koda ton spravit», äli «koda ton śupalgadyt», äli «ko-
dama äjdit vadra», väši neń karča mernet minisunyks. Ki merä:
«mykryzyn śălmnit, vacizyn pajit», ato: «psi žart śălmizyt, piča sart
mykryzyt», äli:» tfu! kăft čovort śădijizyt, śisim pakśan kotko-
daft śălmizyt čamazyt». A bida ki merä sounomsta: «na, mykrym
palyk», šeń karča mernet: «čučnä mykryzyt, daj Vospodī, ulist»,
ato: «văr apara orma mykryzyt».

чение трехъ лѣтъ. И молодуха, пока не разродится, не садится за
столъ, а ѣсть стоя; каждому подаетъ пить, а ѣсть пусть поспѣ-
ваетъ.

Еще народъ нашъ очень боится глазу, и отъ него у насъ много
встрѣчныхъ словъ¹⁾. Напримѣръ. Если человекъ скажетъ тебѣ:
«эхъ, какъ ты поправился», или «какъ ты разбогатѣлъ», или «какъ
хорошъ твой ребенокъ», всѣ напротивъ этого говорить повсячески.
Кто скажетъ: «глазъ твой мнѣ въ задъ, зубъ твой мнѣ въ калъ»,
а то: «горячіе уголья тебѣ въ глазъ, сосновыя иглы тебѣ въ задъ»,
или: «тьфу! камни и пеньки тебѣ на сердце, муравьи съ семи по-
лей тебѣ въ глаза и въ лицо». А если кто скажетъ въ ссорѣ: «на,
поцѣлуй мой задъ», то въ отвѣтъ на это говорятъ: «дай, Господи,
чтобы у тебя въ заду были францы», а то: «тебѣ въ задъ (бо-
лѣзнь) ракъ».

1) Т. е. такихъ которыми можно сглазить.

Vospodi Pas čarŷyt, čoksneŷ zoŷa Maŷija, valćkiŷ zoŷa Daŷija, vanumak, Veŷäpas, koŷmeŷeć, ilamak makst koŷmeŷećkeŷ, duŷman lomaŷniŷ sävims, oŷa ŷälmiŷniŷ ŷälmiđims, piŷä ŷälmiŷniŷ oŷodams, ćur Pas čarŷyt, ćur amiŷ, ćur amiŷ¹⁾).

Kodak vasyđit kaŷta lomatt, i biđä väŷkiŷ karmä ÷ivama ombóeŷt laŷks i biđä meŷä, koda ton spravit, ila kodama äjđit vadŷa, ŷesta ombóeŷ meŷä: «tfu! kaŷt ćovóŷt ŷiŷim pakŷan kotkódaŷt ŷälmiŷyt ćamazyt, (ila:) vaćizyn päjit, mykryzyn ŷälmit.

Kalmalaŷŷyn oznoma. Suvamsta meŷä: Pokŷćat babat, rođitiŷt praŷidnyŷt ulist ćaŷfiŷk; satana ŷäŷk läzyŷ polga mälga, meŷkseŷ seŷks mälga. Mäjlä moŷä ŷe kalmyŷt laŷks, konaŷ äjsa ŷeŷt ikiŷij

1) Эту молитву читають на сонъ грядущій старухи для огражденія отъ душмана (губителя) и глаза.

Господи, Боже помилуй, вечерняя заря Марія, утренняя заря Дарья, охрани меня, Всевышній кормилецъ, не отдавай меня, кормилецъ, на съѣденіе дурному человѣку, на слазъ желтому глазу, на осуду зеленому глазу, чуръ, Боже помилуй, чуръ аминь, чуръ аминь.

Когда встрѣтятся два человѣка, и если одинъ начнетъ смотрѣть на другого и если скажетъ, какъ ты поправился; или какъ хороши твои дѣти, тогда другой скажетъ: «тьфу! камни и пеньки и съ семи полей муравьи тебѣ на глаза и на лицо», (или:) «твои зубы на мой калъ, твои глаза на мой задъ».

Моленіе на могилахъ. Входя (она) говорить: Дѣдушки бабушки, праведные родители, да будутъ ваши милости, мы приходимъ къ вамъ за пользой и исцѣленіемъ, за перемѣной и облег-

kalmaf syřä lomaň, prapäzynza aščä stolešnek (od koct), koctěnt laŋks putä zakuskiňit, mädňä, sajä groškä i karmä äjsynza kyr-gama, a kyrgamsta karmä eňalduma še kalma azyryňti. Meřä: Kalmyň ušydyj Tuma ata i pižä äŋt Kirej, väšňida ištama lomaň, šta läzyn polgaň väšňica, läzyn polgaň tujica, meňksěň sětkseň maksyća.

Mäjlä taga meřä: «Pokščat babat, uliza čaňfink, uliza mily-štink. Vana syňik, vana (läm sěreděčänt) mařta, läzyn polga mälga, meňks sětks mälga. Mäjsta saš, mäjsta ulć? Moža saš šumsta, moža saš zdorcta, moža štamsta pramsta, beřäň valyň me-řemsta. Vana, kořmeňec, syňik, vana, kořmeňec tyňk laŋks pi-din paňin strapňanyk mařta, ranaň piščanyk pojłanyk mařta, aša skaterynyk mařta, maksyda (имр.) uproščěňija». Mäjlä säusyňžä i meřä: «Pašiba pašiba meňksěň sětkseň maksyčäňin, läzyn sětkseň tujicäňin. Van täňk, kořmeňecken, kyrgan ponda pižä ponda šija,

ченіемъ. Потомъ она идетъ на ту могилу, гдѣ всѣхъ прежде похороненъ старый человѣкъ, постелетъ со стороны головы столеш-никъ (новый холстъ), на холстъ положить закуски, медку, возьметъ грошикъ и начнетъ имъ ширкать, а ширкая начнетъ просить хозяина той могилы. Скажетъ: Положившій начало клад-бищу, Тимофеей старикъ и малое дитя Кирей, ищите такого чело-вѣка, который ищетъ пользу и исцѣленіе, приносить пользу и исцѣленіе, даетъ перемѣну и облегченіе.

Потомъ опять скажетъ: «Дѣдушка, бабушка, да будетъ ваша милость. Вотъ мы пришли, вотъ вмѣстѣ съ (имя болящаго), за пользой и исцѣленіемъ, за перемѣной и облегченіемъ. Съ чего пришло, съ чего сталося? Можетъ быть, пришло съ шума, можетъ быть, пришло со вздора, можетъ быть, со вставанія и съ па-денія, съ произношенія дурного слова. Вотъ, кормилецъ, мы пришли, вотъ, кормилецъ, къ вамъ съ испеченными и состряпан-ными купаньями, съ раннею пищею и питіемъ нашимъ, съ бѣлою скатертью нашею, дайте (имр.) прощеніе». Потомъ она съѣстъ

vásimíniń satftyk, vásimíniń ušarftyk; kopejkań kopejkań javińk, d'ėneškań d'ėneškań javińk, vásimíniń uliza, vásimíniń satyza, ľazyń polgań maksyc'aniń, meńkseń setkseń tujicańiń. «Majľa ċurasy pírasy krugom sėredeċańt, kolmókšt šukyńa modas i tujit kuduċ.

Pas ċangyt, ċurasa pírasa (имр.), šizg'amiń šisiń ċur, šizg'amiń šisiń amiń.

Ežžama. Niškipas ċangyt. Vėrepazyń ċaċė pėrvoj mastryza, mastyr laŋks ċaċė pėrvoj moda slojeza, tosa ċaċė modańt laŋks šovon slojeza, Vėrepazyńt šovoneńt ajsta tājšt peċka. Majľa Vėrepazyńt šovoneńt ajsta tājšt ċakš. Vėrepazyńt modańt laŋks ċaċė víř. Še vířińt ajsta kārāšt tumyń peń. Molā deduška Mísej užiringa mařta. Deduška Mísej, māšt jakat? Dy vot māšt jakan, kārasa te tumyńt i ušca še

это и скажете: «Спасибо, спасибо давшему перемену и облегчение, принесшему пользу и облегчение. Вотъ, вамъ, кормилицъ мои, я чиркаю пудъ мѣди и пудъ серебра, сдѣлайте такъ, чтобы всѣмъ хватило, чтобы всѣмъ досталось; по копейкѣ раздѣлите, по денежкѣ раздѣлите, пусть будетъ всѣмъ, пусть хватить всѣмъ, давшимъ пользу и исцѣленіе, принесшимъ перемену и облегчение». Потомъ зачураетъ больного вокругъ, трижды поклонится въ землю, и пойдутъ домой.

Богъ помилуй, я зачурала (имр.) семьюдесятью семью «чурами», семьюдесятью семью «аминями».

Приговоръ. Нишкипазъ, помилуй. У Бога родилась его первая земля, на поверхности земли родился его первый земляной слой, потомъ на землѣ родился его глиняный слой, изъ глины Всевышняго сдѣлали печку. Потомъ изъ глины Всевышняго сдѣлали горшокъ. На землѣ Всевышняго родился лѣсъ. Въ этомъ лѣсу срубили дубовый пенъ. Идетъ дѣдушка Мойсей съ топоромъ. Дѣдушка Мойсей, что ходишь? Да вотъ что хожу, срублю этотъ

pečkañt, Vot koda palä pečkasyñt tumyñ päñgiš, išta palyza (имр.) šädiñiza (имр.) mälga. Koda lakä Vėrepazyñt čakšyza, tarka ežem a mujä, išta (имр.) lakaza šädiñiza (имр.) mälga. Niškipazyñ mas-tyr lañks čačć ełdeza. Niškipazyñ koda vašija ełdeza, koda ełdeš vėčksä vašynza i praftä mälganza, vėčkessa i praftyza (имр.) (имр.) mälga. Niškipazyñ čačć skalyza (и т. д.)—gul'kinä — ča-naŋa — pišmar, — žavronka...

Kälmiŋtima. Inivädiñt kuñčakaša ostrov, ostrovonť kuñčakaša tuma, tumyñt ala stol, stol ekšceñt iřicta lomatt, šimit, gulajit, väχki väχkist lañks šavyrkšnyšt, väχkist väχkist äjsa pozoret, tumyñti šulmaŋt kolma värgist, väχkist väχkist äjsa šezñet noznět. Koda ñe värgisnä väχkist väχkist äjsa šezñet noznět, išta (имр. имр.) marťa šezñeza noznėza.

дубъ и истоплю эту печку. Вотъ какъ горять въ печкѣ дубовыя дрова, такъ пусть горитъ (имр.) сердце за (имр.). Какъ кипитъ горшокъ Всевышняго, не находитъ мѣста, такъ пусть кипитъ (имр.) сердце за (имр.). У Нишкипаза на землѣ родилась кобыла. Когда ожеребится Нишкипазова кобыла, какъ любить кобыла своего жеребенка и гонится за нимъ, (такъ) пусть любить и гонится (имр.) за (имр.). У Нишкипаза родилась корова и т. д.—голубка,—ласточка, — скворецъ, — жаворонокъ, и т. д.

Отговоръ. Посреди большого моря островъ, посреди острова дубъ, подъ дубомъ столъ, за столомъ пьяные люди, пьютъ и гуляютъ, другъ на дружку покачнулись, другъ дружку срамять; къ дубу привязаны три волка, другъ друга рвутъ терзаютъ. Какъ эти волки рвутъ терзаютъ другъ друга, такъ (имр.) вмѣстѣ съ (имр.) пусть рвутъ терзаютъ.

Tumýnt ala kandyman. «Ínivéädiñ tombaldä sas baba, kšniñ šaŋk keđenza, kšniñ kopejat pilginza, kšniñ palka kecENZA véřej kápi-dizä, aluŋ vačkydizä, mastyrýñ pärt straftyžä komastyžä. Mañi-liñ pärt šaŋ kačamyks nolděžä (имр.) urmanza tarvynza. Še babaš straŋcyňžä kalafcyňžä šumsta safynza, zdorcta safynza i prama tarkaŋ narŋycynza i väd narŋycynza i tol narŋycynza i varma narŋycynza. Še babaš straŋcyňžä, še kalafcyňžä, še varma mälga noldasyňžä».

Korŋaftuma kardazyñ kuvalma. «Jurtyñ kiřdij jurtava, kārāñ žočkeŋ Bas, kořmeŋec, ašcyk kardajsa, vanyť skotenat toŋc, ašcyk kisyst košagaks, ārŋvāχkā tarkas čarftimak dušman lomaŋdä, tolda, čarftimak väšimä tarkas».

Какъ кладуть (больного) подъ дубъ. «Съ той стороны большого моря пришла старуха: желѣзныя вилы ея руки, желѣзныя копья ея ноги, желѣзную палку она подняла рукою своею кверху, ударила книзу, вокругъ земли разложила, опрокинула. Вокругъ неба она пустила синимъ дымомъ (имр.) болѣзни и болести. Та старуха разгонить разорить притку отъ шума, притку отъ вздора, болести (?), причиненныя падениемъ, болести (?), причиненныя водою, болести (?), причиненныя огнемъ, болести (?), причиненныя вѣтромъ. Та старуха разгонить ихъ и разорить, по вѣтру пустить ихъ».

Заговоръ насчетъ двора. «Содержащая корень дома юртава, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица, будь на дворѣ, сама смотри за скотиной, будь для нея какъ стѣна, наставь меня на разумъ на каждое дѣло, (ограждая) отъ злого человѣка, отъ огня, наставь меня на разумъ на всякое дѣло».

Šokšna pāčkit žērtvaks atakš, kāviņt laņks noldasyž vāriņt. Pāčkimsta mēra pāčkicās: «Jurtyņ gīrdij jurtaṽiņim, kāraņ žočkēn Bas, kōrmēnečkem, toņ lāms pāčkiņa, aščyk ārvāχki tarkasa ticaņ narmyņiņ ģisa, kardajsy skotenaņ ģisa raštanga rapyndamga». Mājli pīdīsyž, pucyž stollaņks, tājit braga, kāpīdīt osks tagy īsta: «Pas čaņgyt, Pas čaņgyt, kōrmēnečkemat, jurtyņ gīrdij jurtaṽiņim, kāraņ žočkēn Pas kōrmēnečkem, vana, pīdīnik paņiņik ašy ked-nesa, čožža mēlnesa, vana, kōrmēnečkemat, jurtyņ gīrdij jurtaṽiņim, kāraņ žočkēn Pas, kōrmēnečkem, pēškšā stolnēm marṽa āraņ, pēškšā stolnēm marṽa oznaņ». Sajā kaša čakškā, stoleņt laņa kāpsā i kortā: «Vot jurtyņgīrdij jurtaṽiņim, kāraņ žočkēn Pas, kōrmēneč, žara kašasyņt jamkskič, šnara makst ārama čy». Mājla saldyrkscyņt tokasy i mēra: «Jurtyņgīrdij jurtaṽiņim, kāraņ žočkēn Pas, kōrmēnečkem, žara saldyrkscyņt salnyč, šnara makst šēmejazyņk čumbraņ paryņ čy». Syvīliņt kāpīčy i mēra: «Vana, saraskā pāčkiņ lāmizyt, Pas čaņgyt, Pas kōrmēneč, vana oznētana, vērej

Осенью рѣжутъ въ жертву пѣтуха, пустятъ кровь на камень. При рѣзаніи рѣжущая говоритъ: «Содержащая корень дома юрта-вушка моя, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, въ твое имя я зарѣзалъ, будь на всякомъ мѣстѣ за птицу, на дворѣ за скотину, чтобы она плодилась и тучнѣла». Потомъ сварятъ его, поставятъ на столъ, приготовить брагу, поднимутъ моленіе опять такимъ образомъ: «Боже помилуй, Боже помилуй, ты моя кормилица, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, вотъ, мы сварили испекли бѣлою ручкой, съ легкимъ намѣреніемъ; вотъ, ты моя кормилица, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, я живу съ своимъ полнымъ столикомъ, я молюсь съ своимъ полнымъ столикомъ». Возьметъ горшечекъ каши подниметъ надъ столомъ и скажетъ: «Вотъ, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица, сколько въ кашѣ крупинокъ, столько дай дней жизни». Затѣмъ дотронется до солонки и скажетъ: «Содержащая корень дома юртавушка,

käpítcyńík kedėnėk, mastyrų noldasyńík šuk prányk. Vana, kórmeńėckenėk, oznėtana kuca šėmejań ġis, maksyzat kuca šėmejańiń čumbra paryčy, kardajsy skotenaniń raštams rapyndams. Jurtyń ġirdij jurtańińiń, kārāń žočėķėń Pas, kórmeńėckeķėń, ašcyk tońć, kórmeńėckeķėń, košagaks». Mājłā lotķet i kārńit jarcama.

Bídā pry āřt, šukyńafńisyž: «Jurtyń ġirdij jurtańińiń, kārāń žočėķėń Pas, kórmeńėckeķėń, věčkat jakijďā, věčkat pakijďā, věčkat ārijďā ašcyjďā, věčk štićady pryćady jak. Moža, praš (имп.) langyzyt, moža son tombeńģet, a ton sonzy tombeķ; uprošteķ, jurtańińiń, kórmeńėckeķėń, uprošteķ» (louņoms kolmōķšt i šukyńafńims).

богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, сколько въ солонкѣ крупинокъ, столько дай добра нашему семейству». Подниметь мясо и скажетъ: «Вотъ, я зарѣзалъ въ твое имя курочку, Боже помилуй, Боже кормилецъ, вотъ мы молимся, кверху поднимемъ наши руки, къ полу опустимъ поклонныя наши головы. Вотъ, ты наша кормилица, мы молимся, въ домѣ за семейство, чтобы ты дала въ домѣ семейству здоровья, во дворѣ скотинѣ размножаться и тучиѣть. Содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, будь ты сама, кормилица моя, стѣною». Потомъ перестанутъ и начнутъ ѣсть.

Если упадетъ ребенокъ, заставляютъ его кланяться: «Содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, ты любишь ходящихъ, любишь проходящихъ, любишь живущихъ и пребывающихъ, люби и встающихъ и падающихъ. Можетъ быть, упалъ (имп.) на тебя, можетъ быть, онъ тебя ушибъ, а ты его ушибла; прости, юртавушка, кормилица моя, прости» (читать трижды и заставлять кланяться).

Bidä lomañiníti sy karča, šesta oznēt kolma paznyñ: Vídä čyn-paznyñ, Sašpaznyñ, Časpaznyñ. Oznēt istaňa:

Stoľ laŋks aščyt stolešnek, putyt stolešnekeñt laŋks istamyža koetkă, štyba vâšij tokast koetkeñte. Putyt čumbrakšy, saldyrks, kaša čakškă, kafta šukyrnyt, vâŋkiš Sašpaznyñ, ombôceš Časpaznyñ. Măjlă kyrvaštit pazava ugylc čela šveča, a eščo vâŋkă kărit čačk rovnasta i kyrvašcyž kăŋkšyn kafta bokava i karmit oznoma šveča pătñin palums, a oznomsta babinis ară stoleñt ikilij. Tokasyj čumbrakšynť i mēră: «Vídä čynpas, kormeneč, vídä čy, vídä ki». Măjlă tokasyňžă šukyrnytñin i tujă kăŋkšlaŋgu oznoma. Šukynă mastyrnu lamykšt i inaldă Sašpaznyñ i Časpaznyñ. Văšymsta kortă ista: «Šašpas, Časpas, kormeneč, paňžadyñ kăŋkšca vâštana Ivan-nyñ mērksenža sětksenža, makst tănžameñks, sětks, poľga». Măjlă kašadyñt pănčkă săŋsy i kără viška kočomňă, săŋsy i šukurnytñin

Если человѣку попритчится, тогда молятся тремъ богамъ: богу цѣлаго дня, богу притокъ, богу времени. Молятся такъ:

На столъ постеляють скатерть, на скатерть постеляють такой кусокъ холста, чтобы всѣ дотрогивались до этого холста. Поставятъ хлѣбъ, солонку, горшечекъ каши, двѣ лепешки, одну богу притокъ, другую богу времени. Затѣмъ въ божницѣ зажгутъ цѣльную свѣчку, а еще одну разрѣжутъ ровно пополамъ и зажгутъ ихъ по обѣимъ сторонамъ двери и начнутъ молиться до тѣхъ поръ, пока сгорятъ концы свѣчей, а во время молитвы старушка становится передъ столомъ. Она дотронется до хлѣба и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, цѣлый день, цѣлый путь». Затѣмъ она дотронется до лепешекъ и пойдетъ молиться къ дверямъ. Поклонится много разъ въ землю и просить бога притокъ и бога времени. Молясь, говорить такъ: «Богъ притокъ, богъ времени, кормилецъ, въ растворенныхъ дверяхъ просимъ для Ивана перемѣны и облегченія, дай ему перемѣну, облегченіе и лёгость». Потомъ она съѣстъ ложечку каши и срѣжетъ маленькую горбушку,

ästa ćutkin sävä. Mäjlä ne ostatkatniin ancyňža väšij äš šeme-
jancyj.

Putyt čumbrakšy, kašačakš, saldyrks; kärit odgoctloskótkä
niili uylca. Še odgoctkeńt acyz stoleńt kunčkas i čumbrakšyńt i
saldyrksyńt i kaša čakškińt i vädbrä arafcyz išta, štyba väšij to-
kast koctloskótkē laņks; kyrvaštīt kafty švecat i karmīt oznoma.
Sēredēcaš pry komada, a oznēcaš karmā loynoma. Sajsyj čumbra-
kšyńt, kăpītcyj i mēra: «Šaspas, Časpas, Vīdīcyńbas, kořmēneć,
vany, tāt tejeńek čumbrakšy ašy kedńesa, čožža mēńesa; Ivan
dāt šukyńä, šuk prińä kadä, a ton makst tãnga čumbračy, sētkskä
mēńkskä, polga Ieka». Mäjlä sajsyj kašačakšyńt, kăpītcyj i mēra:
«Vīdīcyńbas, kořmēneć, vany, žara kašačakšcyńt jamkskit, šhara
makst Ivannyń čumbračyt». Mäjlä kăpītcyj saldyrksyńt i mēra: «Vi-
dīcyńbas, kořmēneć, žara saldyrkscyńt salnyt, šhara Ivannyń makst

сѣсть, и отъ лепешекъ чуточку сѣсть. Затѣмъ эти остатки
ставитъ всей своей семьѣ.

Поставятъ большой кусокъ хлѣба, горшокъ каши, солонку;
вырѣжутъ лоскутокъ новаго полотна четырехугольный. Тотъ но-
вый кусочекъ полотна постелятъ на середку стола и поставятъ
хлѣбъ и солонку и горчешекъ каши и водицу такъ, чтобы всѣ до-
трогивались до лоскутка полотна; зажгутъ двѣ свѣчи и начнутъ
молиться. Больной упадетъ навзничъ, а молящаяся начнетъ при-
читывать. Возьметъ хлѣбъ, подниметъ его и скажетъ: «Богъ при-
токъ, Богъ времени, Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, вотъ мы при-
готовили тебѣ хлѣбъ бѣлыми ручками съ легкимъ намѣреніемъ;
Иванъ тебѣ кланяется, оставляетъ поклонъ, а ты дай ему здо-
ровье, облегченьице перемѣнушку, пользу лѣгость». Потомъ
она возьметъ горшокъ каши, подниметъ его и скажетъ: «Богъ
цѣлаго дня, кормилецъ, вотъ, сколько въ горшкѣ каши крупы-

čumbrańbaryčyt». Mäjli kăpıtcyj vădınıt i mēră: «Vıdıčynbas, kórmeńec, koda vădınıt kırcaak vańksta, ısta Ivannyń gak tăjik vańksta».

Pıdıt tuvyń bŗa i tăjit čėnaukst i văši rodės puruńıt šeřt rod blemasty i šeřt syři babinıs sajsy še tuvyńt prănt i molet jurtavań găvinıti i văši lańčyt; babinıs i karmă mēremă: «Jurtyń gırdıj, jurtava, kărăń čockėń Bas, kórmeńec, vana tăt lămizyt păčkińik tua, i văši prănt kandyńik tońăt, a ăstăńik măzi ton gadat? A ton mındăńik makst semejańti čumbrań paryčy, skotenańtij gak makst čumbrań baryčy, raštast rapyndast». Mäjli čoraś sajsy tuvyń brănt i tujă marynza pıčyn gajsa tuvyń garc. A ņet sajıt văši văxtă văxtă suskumnă i tujıt mäjla kudga i jarcama i guľajama.

нокъ, столько дай Ивану здоровья». Затѣмъ подниметь солонку и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, сколько въ солонкѣ крупинокъ соли, столько дай Ивану здоровья и добра». Потомъ подниметь воду и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, какъ ты чисто содержишь эту водичу, такъ и Ивану очисти».

Жертвоприношеніе во время рождества. Варятъ свиную голову и готовятъ выжимки, и всѣ родные сходятся со всего рода племени, и всѣхъ старшая старушка возьметъ ту свиную голову, и пойдутъ на камень юртавы и всѣ присядутъ; старушка и начнетъ говорить: «Содержащая корень дома, юртава, Богъ сруба, кормилецъ, вотъ въ твое имя мы зарѣзали свинью и всю голову принесли тебѣ, а намъ ты что оставишь? А ты намъ дай для семьи здоровья, и для скотины дай здоровья и добра, чтобы плодилась и тучилась». Потомъ мужикъ возьметъ свиную голову и пойдетъ съ нею въ свинной хлѣвъ, находящійся въ сосновомъ бору. А тѣ всѣ возьмутъ по одному кусочку и пойдутъ затѣмъ по домамъ и ѣсть и гулять.

Kočomónt laŋksa čénaukst sajít váχtā váχtā, sāusyz i tujit kuduŋ. A tuvyń pránt sajsy syřā babinā i tujā pičyń gajsa tuvyń karduŋ i karńā oznoma, a kyda oznová, tujā kuduŋ i karńit kuca obedama. Oznēt išta: «Jurtyń kirdij, vana kaša čakš, žara äjsynza jamkst, šnara makst tñnik para». Sajsy tuvyń pránt i mēfā: «Jurtyń kirdij, vana tuvyń prá, tańtij duŋ, tāt, makst tñnik čumbračy».

Rungyń oŋksnema. Sajit jakstirā suřā i tujit prama tarkańti, a babinis karńā oznoma. Pranza krugum suřint oŋkstasj i mēfā: «Mastyr ava, mastyr pas! makst prazynza prińā, sārizynza sārńā, rungyzynza runga, kedńezenza kedńet, pilgizynza pilginit, šalminizynza šalminit», i karńā vašimā uproščēnija. «Mastyr ava, mastyr Pas, uprošteŋ Oškań. Oška praš laŋgyzyt, toń tombeńžeŋ, oto ton tombeŋ Oškań, uprošteŋ. Moža Oška praš äjdīt kakšyt

На горбушку возьмутъ выжинокъ по одному кусочку, съѣдятъ и пойдутъ домой. А старая старушка возьметъ свиную голову и пойдетъ въ свиной хлѣбъ, находящійся въ сосновомъ бору, и начнетъ молиться, а когда помолится, пойдетъ домой, и начнутъ дома обѣдать. Молятся такъ: «Содержащая корень дома, вотъ горшокъ каши, сколько въ немъ крупинокъ, столько дай намъ добра». Возьметъ свиную голову и скажетъ: «Содержащая корень дома, вотъ свиная голова, сладкій запахъ тебѣ, намъ дай здоровье».

Мѣряніе стана. Возьмутъ красную нитку и пойдутъ на мѣсто паденія, а старушка начнетъ молиться. Вкругъ своей головы смѣряетъ нитку и скажетъ: «Матушка земля, Богъ земли! дай на вершину его головку, на ростъ его ростъ, на станъ его станъ, на ручки его ручки, на ноги его ножки, на глазки его глазки», и начнетъ просить прощенія: «Матушка земля, Богъ земли, прости Осипа. Осипъ упалъ на тебя, тебя ушибъ, и ты ушибъ Оську, прости его. Можетъ быть, Оська упалъ на твоихъ дѣтей, прости

laŋks, nučkat äjdīt uprošteķ. Kuvat učyk šuk pīriņiņa, Oškaņ kuryk maksyk čumbračyņiņa». Mājļā šukyņā i mēra: «Pašiba, mastyr ava, mastyr Pas, mēņksēn sētkseņ maksumazyt, poļgaņ ģekaņ maksumazyt». I tujā, a še suriņt kacy tosk i kadā kšy kočomnā kūņžiniška, kolma jamkskit, kafta kolma salnyt, vāχkā komōla pīra, koctloškōtkā da kyrgā groš, šeņgak tosk kacy, i tujit kuduņ. Kuduņ moļemsta māķij a vannyt.

Äχt kakšyņ orōžējama. Äjdiš avaņt beřemasa, a orōžējaš arā karčyzynza i saķā kečēžēnza pāķil i karmā äjdiņt äjsa kārčimā pākā laņa sastyņā i karmā loņnoma: «Niški pas čaņgyt. Mājsta saš, mājsta ulč tānza, moža saš šumsta, moža saš zdorcta, moža saš jarcamsta, šimimsta, moža saš potaftumsta. Mājsta saš, mājsta ulč? Koda te kšniš undyksta taracta jaņš, išta (imp.) urmaza

своего внука и дитя. Долго ты ждала поклонной головушки, отдай скорѣе Осипово здоровьице». Потомъ поклонится и скажетъ: «Спасибо, матушка земля, Богъ земли, за то, что ты далъ перемѣну облегченіе, за то что ты далъ легость и облегченіе». И пойдетъ, а ту нитку оставить тамъ и оставить горбушку хлѣба съ ноготокъ, три крушинки пшена, двѣ три крупинки соли, одну верхушку хмелинки, лоскутокъ холста и скобленный грошъ, и тотъ тамъ оставить и пойдутъ домой. Идя домой, назадъ не смотреть.

Ворожба надъ дѣтями. Ребенокъ въ рукахъ матери, а ворожея становится противъ него и возьметъ въ руки ножъ и начнетъ скоблить по ребенку вдоль живота потихоньку и начнетъ причитывать: «Нишкипазъ помилуй. Съ чего пришло, съ чего сдѣлалось ему, можетъ быть, случилось отъ шума, можетъ быть, отъ вздору, можетъ быть, отъ ѣды, отъ питья, можетъ быть, отъ кормленія. Съ чего пришло, съ чего сдѣлалось? Какъ это желѣзо отдѣлилось

tarvyza javyza aša ličastynza ponastynza, šadijstynza, šadij gruc-
tynza, vīt kārč bokastynza, ojmeņ targama tarkastynza. Kolma
ojmenza a mon kārasyņ, a mon pāčksyņ, Niški pazyņ saš loma-
niza, saš mastyr laṅga jakamsta. Še maksā lāza polga, še maksā
meņks sētks».—Tē loṅnoms kolmōkst. Mājļā paza viņisa tokšēsak, i
pānda.

Kudykilij kafty kāṅkš jutks arafyt komada pař, laṅgyzynza
acyt stolešņek, stolešņekenť laṅks acyt kock loskōtkā niļā uḡylca,
štyba uḡylynza ulist ištamyška rovnasta, štyba vāḡkā jak suřā ko-
najak bokasyņť ilazy ul lišnyj. Mājļā še loskōtkēnt laṅks putyť
kšy, saldyrks; saldyrksyņť laṅks štafyt šveča i kyrvašcyž še šve-
čānt i kona lomaņiņ laṅks duņit, še baņiņis i mēřā: «Eřks Pas,
kořmeņec, Oška mēřc beřān valynza. Pazyņ godaṅš beřān časyza,

отъ ствола и вѣтки, такъ (имр.) болѣзнь пусть отдѣлится отъ бѣ-
лаго лица и кожи, отъ сердца, отъ груди, отъ праваго и лѣваго
бока, отъ мѣста, вытягивающаго душу. Три его дыханія не я срѣ-
залъ, не я обрѣзалъ, пришелъ человекъ Нишкипаза, пришелъ
послѣ хожденія по землѣ. Онъ дастъ легость облегченіе, онъ дастъ
облегченье перемѣну».—Это причитывать три раза. Потомъ по-
трогаешь образкомъ, и довольно.

Въ сѣняхъ между двумя дверьми поставятъ навзничъ кадушку,
на нее постеляютъ скатерть, на скатерть постеляютъ четырехуголь-
ный лоскутокъ полотна, чтобы углы его были такъ ровны, чтобы
ни одна нитка ни на одномъ боку не была лишнею. Потомъ на
тотъ лоскутокъ поставятъ хлѣбъ, солонку; на солонку поставятъ
свѣчу и зажгутъ ту свѣчу и на котораго человека думаютъ, та
старушка скажетъ: «Богъ проклятiя, кормилецъ, Осипъ сказалъ
дурное слово. У Бога случилось плохое времячко, а Иванъ слу-
чился при выходѣ или входѣ; прости, Богъ проклятiя, кормилецъ,

a Ivan godaŭs lišimsta suvamsta; uproštek, Erks Pas, kórmeńec, makst Ivannyń mēńkskā sētkskā, štaftyk, pičkaftyk, noldēk jakama, staka robōtań robōtama. Mājłā šukynit kavyńist i mēret: «Pašiba tāt, Erks Pas, kórmeńec, mēńksēń sētkseń maksumazyt». Babińint ikilā oznomsta sēredečānt panar, mājłā sajsy še panarynt i makscy sēredečānti, raužynt kajaŭcy, a teń orčafcy. Kajamsty mēfā: «rauža panarynt maŭta Ivan skorpenza boleštenza kajavyza, čumbračynga maŭta vasydiza, a ašynt maŭta orčavyza mēńksēza sētkseza. Erks Pas, kórmeńec, vėd son Ivanyś glupyj, a sodā mājā jak, a ton proštek, Erks Pas, kórmeńec, uproštek uš, pičkaza». Mājłā pařint laŭksta sajsyž i purnasyž, a kodamyjak sy nišcyj i neń vāšij makscyž, kšynt i koctēnt.

дай Ивану перемѣнушку облегченице, подними его, вылѣчи его, пусти его ходить, тяжелую работу работать. Потомъ они оба поклонятся и скажутъ: «Спасибо тебѣ, Богъ проклятiя, кормилецъ, за то, что ты далъ перемѣну и облегченіе». Во время молитвы передъ старухой (лежить) рубашка больного, потомъ она возьметъ ту рубашку и дастъ больному, грязную заставитъ скинуть, а эту велитъ надѣть. Во время скидыванiя она говоритъ: «вмѣстѣ съ грязной рубашкой Иванъ пусть скинетъ свою скорбь и болѣсть, пусть встрѣтитъ съ здоровьемъ, а вмѣстѣ съ чистой рубашкой пусть надѣнется его перемѣна и облегченіе. Богъ проклятiя, кормилецъ, вѣдь онъ Иванъ глупый, ничего не знаетъ, а ты прости, Богъ проклятiя, кормилецъ, ужъ прости, пусть выздоровѣетъ». Потомъ возьмутъ съ кадушки и уберутъ, а какому-нибудь нищему, который придетъ, всё это отдадутъ, хлѣбъ и полотно.

Panar vélkska kortaftuma. Noroḡ ava, Noroḡ pas, kórmé-
neć, mĩrĩn ž'ăḡărĩn tĩj; mĩr ž'ăḡăr tĩrat vanat, mĩrĩn ž'ăḡărĩn para
tăjat, i vĩtat i pătat i šădĩj vĩtat, makst mēnkskă sētkskă i Ivan-
nyń gak.

Măjlă panaryńt kăḡkš poroḡon troks orčafcyž sēredecănt
laḡks.

Jurtyń ḡĩrdĩj jurtava, makst Ivannyń oftēn šardyń vĩj robō-
tams kăpidĩms valftums i alašanťi gak makst sokams vĩdĩms.

Pĩdĩt kušlat, arafcyž stol'laḡks, oznomsta arcĩt vășij šēmjom
udaluḡ, a ikiĩj ară syřă babină i karmă kušlań oznoma. Oznomsta
mēřă:

Заговоръ надъ рубашкой. Норовъ ава, Норовъ Богъ, кор-
милецъ, питающій весь мĩръ ¹⁾(?); ты кормишь и соблюдаешь весь
мĩръ, всему мĩру ты дѣлаешь добро, и поправляешь, и направ-
ляешь, и сердце поправляешь, дай перемѣнушку и облегченьице
также и Ивану.

Потомъ черезъ дверной порогъ надѣнуть рубашку на боль-
ного.

Молитва передъ пашней. Содержащая корень дома, юртава,
дай Ивану силу медвѣдя на работу, подниманіе, опусканіе и ло-
шади дай — на паханіе и сѣяніе.

Великій четвергъ. Сваряť кисель, поставяť его на столъ,
во время молитвы всѣ стануť всей семьей позади, а впередъ ста-
нетъ старая старушка и начнетъ замаливать кисель. При молитвѣ
она скажетъ:

1) Ср. мокш. šăḡăř «Stadt» (у Paasonen Mordv. Lautlehre, с. 116, съ вопр.
знакомъ).

«Pas čaṅgyt, koṛmeṇec, koṛmeṇeckem, Pas čaṅgyt, aščyk surynyk salynyk kis, mǎžǎ moda laṅks kajiṇik, mǎžǎ moda poc valinik».

«Moróz ata, vana moróz ata, vana kušla pǎnčká šimt; čaft piniṇinyk, lučy čaft bolóta da luga», i pucy kušla pǎnčyṇt vér valmas šemejaṇt jarcams, a mǎjlǎ sajsy i soṇc sāusy.

Šedikilǎ šemejasa tǎjṇišt išta. Mujit vírecta koṛen laṅksta koškǎ lǎjks. Še koškǎ lǎjksyṇt čavit guj i vanftyt űjsynza kuca i biḁi šemejasyṇt mǎžijak jumǎ i amujivǎ, šesta še šemejaṇ ataš purnasy vǎši vǎkuca šemejanza i še gujiṇ žauma palkaṇt pucy kǎṅkš porógon troks i vǎši šemejanza paṇcyj še palkaṇt troks. Kona salyṇžǎ, mǎjlǎ še koškǎ še lǎjksyṇt laca.

«Помилуй Богъ, кормилецъ, помилуй Богъ, побудь ради нашей хлѣба-соли, которую мы бросили на землю и которую заваляли въ землю».

«Морозъ старикъ, вотъ, морозъ старикъ, вотъ, выкушай ложечку киселя, убей нашъ овесъ, лучше убей болота и луга», и положить она кисельную ложку на верхнее окно (на печкѣ), пока семья ѣстъ, а потомъ возьметъ и сама съѣстъ.

Въ старину въ семьяхъ дѣлали такимъ образомъ. Найдутъ въ лѣсу сухую лутошку на корню. Той сухой лутошкой убьютъ змѣю и берегутъ ее въ домѣ, и если въ семьѣ пропадетъ что-нибудь и не найдется, тогда старшій въ той семьѣ соберетъ всю семью въ одну избу и положить ту палку, которою убита змѣя, поперекъ порога и погонить всю семью черезъ ту палку. Кто укралъ, тотъ потомъ высохнетъ, подобно той лутошкѣ.

Nalksimat.

Koňčke·sa. Šálmi·nza vá·χkiñ súlma·syž i ara·fcyž kudy·ku·někas, a osta·tkatná karñi·t krugo·mganza sa·lava jaka·ma, ko·sta lančy·ž, a kija i ma·dā ma·styru¹⁾, a kona eže·ms sala·va kužā·; a ode·čas ke·denza tā·tksynžā i ja·kā ku·dynť krugo·m, ku·nčā, vášná. So·n jakā snarc, za·rda tā·nza po·ngā kija·k. Ko·nan ku·ndasy, šeñ šálmi·nza sú·lmasyž. Še i karmā· taga išta·kuñci·mā i vášni·mā.

Kuři·sa. Kuři·sa vašná· ka·jit kiñi·n sa·tā kuřa·ms. Arā·, čama·nza ara·fcy šte·nas, šálmi·nza koña·synžā i aščā·. Šnarc aščā·, za·rdy tanza šā·fgidit: vášni·k. Še·sta karmā· son vášni·mā. Kyda· vá·šná, kiñ ne·jā, še karmā· čyji·mā, a son karmā· asy·nza kunda·ma; žarc son mālga·nza čyjā, osta·tkatná stara·jit še ška·ná tožy čyji·ms kuřa·ma ta·rkas. Vot bidā son kíngak

1) Kijakss.

Игры.

Игра въ жмурки. Завяжутъ одному глаза и поставятъ посреди избы, а остальные начнутъ ходить вокругъ него крадучись, гдѣ въ присядку, а другой и ляжетъ на полъ, а кто потихоньку влѣзетъ на лавку; а тотъ, кто водить, растопырить свои руки и ходитъ вокругъ горницы, ловить, ищетъ. Онъ ходитъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не попадется ему. Кого онъ поймаетъ, тому завяжутъ глаза. Тотъ и начнетъ опять такъ же ловить и искать.

Игра въ прятки. Въ игрѣ въ прятки сначала бросятъ жребій, кому достанется водить. Онъ станетъ, обернетъ лицо къ стѣнѣ, зажмуритъ глаза и стоитъ. Стоитъ до тѣхъ поръ, какъ ему закричатъ: ищи. Тогда онъ начнетъ искать. Когда онъ ищетъ, кого если увидитъ, тотъ начнетъ убѣгать, а онъ начнетъ его ловить; пока онъ за нимъ бѣжитъ, остальные въ это время стараются также добѣжать до мѣста, гдѣ водятъ. Вотъ если онъ кого-ни-

ku·ndä, še i karmä· ku·ra·ma. A bi·dä ki·ja·k tä·nza a po·ngä, še·sta tagy son karmä· ku·ra·ma.

Kaba·nea. Vä·χki·ś a·rā ku·ra·ma, a osta·tkatñä kekšnè·t. Mäjlä son žarda so·ndä·nza šä·rgidit, še·sta son karmä· väšni·mä Ko·nañ mu·sy, šeñ äsa sa·sä i ča·vä ku·ra·ma ta·rkañti čyjims. Osta·tkatñä ža·rc so·n vä·χkiñt marta čyjñä, vä·ši norò·χtet čyji·mä ku·ra·ma ta·rkas. Kona·ñ osta·tkada läba·sy, šeñe·ñ i ku·ra·ms. A bi·dä kiñga·k a läbä, to äštä·nza mäki·j ku·ra·ms.

Ka·la·sa. Su·vi·t stru·ps vä·tiñist. Suva·msta šä·rgidit: ka·la·sa! I väši kapšyt še ška·nä arci·mä ugylga. Kona akä·ni·rä, šeñe·ñ oda·ms. Ode·čas a·rā kunčavi·c, mäjlä ja·kä u·gylga i är·vä·χkiñ kä·ükšnä: ka·la·, ka·la·, ko·sa? A net ne·ftet ko·t äst pa·ra. Neftemsta me·re·t: ka·la· vo·nëksa, i še ška·nä neftä ode·ca·ñti su·rca. Še tujä to·y, a net še ška·nä pola·fñit vä·χkist vä·χkist marta tarka·t, a ode·čas še ška·nä, bi·dä fa·tä, ko·nañ gak ta·rkas kapšä·ara·ma. Kiñ ta·rkas a·rā, še·neñ oda·ms. Nalksit, nalksit; me·lest

будь поймаетъ, тотъ и начнетъ водить. А если никто ему не попадется, то онъ опять начинаетъ водить.

Игра въ кабана. Одинъ становится водить, а остальные спрячутся. Потомъ онъ, когда ему закричатъ, начнетъ искать. Кого найдетъ, того онъ догоняетъ и хлопаетъ (чтобы не допустить) взбѣжать на мѣсто, гдѣ водятъ. Остальные, пока онъ бѣгаетъ съ однимъ, норовятъ всё взбѣжать на мѣсто, гдѣ водятъ. Кого онъ наконецъ хлыстнетъ, тому и водить. А если онъ никого не хлыстнетъ, то ему самому опять водить.

Игра въ кисель. Въ пятеромъ войдутъ въ срубъ. Входя кричатъ: въ кисель! И всё въ это время спѣшатъ стать по угламъ. Кто не поспѣетъ, тому водить. Водящій станетъ по середкѣ, потомъ ходитъ по угламъ и спрашиваетъ каждаго: кисель, кисель, гдѣ? А тѣ показываютъ, кому какъ понравится. Показывая, говорятъ: кисель, вонъ гдѣ, и въ это время показываетъ водящему пальцемъ. Онъ пойдетъ туда, а они въ это время помѣняются другъ съ другомъ мѣстами, а водящій въ это время, если замѣтитъ,

kyda·molet, koda·k šā·řgidit: kona·ka·duvā, suksyjā·ś, suksyjā·ś.
Še ška·nā prān po·ldań śi·ńdiz kapšyt tarka·st kadnu·myst i šedā
ku·ryk čyji·ms u·lcau.

Žarca. Ža·rea javi·t kaftu žary ulēt loma·tnā i kaji·t ki·
ni·ń vačky·dīms žary·ś. Tāji·t kafty na·šat. Ko·nańin sa·tā vač·
ky·dīms, neť ary·t vā·jo·nou, a osta·tkatnā ary·t ombōcā jo·nou.
Neť vačky·teyz, vā·χkiś žary·nt, a jalga·nga karñi·t da·lšy sala·
mynga. A neť o·mbōcā jo·neta karča čavi·t žary·nt, pañi·t mā·kij.
Kona·t i·kilij pañcy·z, neť i vačky·dit. Žary·ś ču·ftyń kruglo·voj;
ārvā·χkiñ ģeca du·bina, ne dubina·tniñ āsa pa·nit. Lija·sta ista·
pañcit, turva·st kāk ta·psisyz.

Skrakla·sa. Skrakla·sa nalksi·t i·šta: tāji·t ko·ta ču·ftyń
nu·rka palkiñit kuva·lmyst vaksyn vaks i tāji·t ozorno·j kru·g i
javi·t ka·ftu ža·ryñist ulēt. Ārvā·χkiś ās jalga·nga ma·rta i ār·

поспѣшить стать на чье-либо мѣсто. На чье мѣсто онъ станетъ,
тому водить. Играють играють; когда пройдетъ охота, какъ за·
кричатъ: «кто остался, очервивѣлъ, очервивѣлъ». Въ это время сломя
голову и не жалѣя ногъ (опрометью) спѣшать оставить свои мѣста
и какъ можно скорѣе выбѣжать на улицу.

Игра въ шаръ. Въ игрѣ въ шаръ дѣлятся на двѣ партіи,
сколько было людей, и кидаютъ жребій, кому бить шаръ. Устраи·
ваютъ два назначенныхъ мѣста. Кому достанется ударить, тѣ ста·
новятся на одну сторону, а остальные становятся на другую сто·
рону. Тѣ ударяють, одинъ (ударить) шаръ, а другіе начинаютъ
гнать его дальше. А тѣ съ другой стороны ударяють шаръ на·
встрѣчу и гонятъ его обратно. Кто впередъ угонить, тѣ и уда·
ряють. Шаръ круглый деревянный; у каждаго въ рукахъ ду·
бина, этими дубинами они гонятъ. Другой разъ такъ гоняють, что
даже разобьютъ себѣ губы.

Игра въ чушки. Въ чушки играютъ слѣдующимъ образомъ:
приготовятъ шесть деревянныхъ короткихъ палочекъ въ длину по
четверти и проводятъ большой кругъ и дѣлятся на двѣ партіи,
сколько ихъ было. Каждый со своимъ товарищемъ и у каждаго

vāχkiń ġeca para kedjõks. Tāji·t ka·fta buχt, kaji·t kińi·ń iki·
 ġij čaums. Kona·ńiń i·kiġij sa·tā, ġet ary·t vasy·la bu·jińti i kar·
 mi·t jovra·ma skraklātńiń laŋks, a skraklā·tńā ara·ftuft kru·gyńt
 ku·ńckas, ara·ftuft i·šta: ala kolma ašcy·t bo·kom, laŋksy·stkafta
 ġet ka·k bokom, a šeťt laŋksa vā·χkā, še štada. Vot i jo·vrēt.
 Koda·k kala·dyť, šesta· ary·t mala·sa bu·jińti i karmi·t čau·ma;
 kit sedā la·ma ġiftit kruksyńt, ġet i karmi·t jalga·st la·ŋksa ja·
 ka·ma. Jaki·t to·zeń, kozěń jalga·za jorcē·j kedjo·ŋksynza. Koda
 vāši ka·ńnisyz skraklā·tńiń, ara·fnysyz, šesta· ġet ombōcnā
 karmiť i·kiġij čau·ma, a ġet uš synct mā·lga.

Ošca. Tāji·t krug, krugo·mganza ġili vā·tā ja·mĩńiť; kunčka·
 synza po·kš sedā ja·ma. Tāji·t čuftyn žar i kaja·syž kunčka·sa
 ja·mańti, šeń ġāmi·za oš, a jama·ńť oš ja·ma. J ara·fnysyz ko·nat
 karmi·t nalksi·mā o·šca dubi·nast vāši žaryńt laŋks oš ja·mańti.
 Arci·t i·šta krugo·mganza i kodak mēre·ť, ki kāńiřā, ārvāχkiš ka·
 jā·vā še ška·ńā ja·mĩńis, štyba dubi·na pāza ašcy·za ja·mĩńi·synť, a

въ рукѣ хорошая ручная дубинка. Устраиваютъ два буй, бро-
 саютъ жребій, кому прежде бить. Кому достанется впередъ, тѣ
 становятся въ дальній буй и начинаютъ бросать въ чушки, а чушки
 поставлены посреди круга и поставлены слѣдующимъ образомъ:
 внизу три лежатъ бокомъ, сверху ихъ двѣ — тѣ также лежатъ,
 а на самомъ верху одна — та стоякомъ. Вотъ и бросаютъ. Какъ
 только разсыплутъ, тогда становятся на ближній буй и начинаютъ
 бить; кто больше всѣхъ выкинетъ изъ круга (чушекъ), тѣ
 и начнутъ ѣздить на товарищахъ. Ъздятъ туда, куда товарищъ
 броситъ свою дубинку. Когда снесутъ всѣ чушки и поставятъ ихъ,
 тогда тѣ изъ другой партіи начнутъ бить впередъ, а эти ужъ
 послѣ нихъ.

Игра въ городки. Проведутъ кругъ, вокругъ него устроятъ
 четыре или пять ямочекъ; въ середкѣ его самую большую яму.
 Сдѣлаютъ деревянный шаръ и бросятъ въ среднюю яму; сере-
 дину и называютъ городомъ, а яму городской ямой. И положить
 тѣ, кто станетъ играть въ городки, всѣ свои дубинки въ городскую

ko·na ka·duvā, akā·nirā jamī·nis, še·ne·n ođa·ms. Še·sta sajsy·ž žary·nt oš jama·stynt i vačky·čyž krukstynt, a ode·čas čyja·mālganza i karmā·asy·nga dubina·sa pañi·mā māki·j oš ja·mañti. A net karmī·t ano·ldamynza, čau·ma karmī·t ka·rča dubina·sa; a ode·čas še ška·nā noro·χtā dubina·sa jayydi·čānt va·ras ara·ftums soñce·n dubi·napanza. Je·šli son kā·nirā iki·lij putu·ms dubinapā·nga konaŋga·k va·ras, to še·neñ ara·ms, a še·ne·n ođa·ms. A bi·dā kiŋga·k va·ras akā·nirā i songa·žary·nga nolda·syž tā·nga praftu·ms oš ja·mañti, še·sta «kala·c» šārgidit, i še ška·nā vāsi čovor karmī·t vāšni·mā āsta·st lja·va·rat, a kona·akā·nirā ko·zēnga·k, še·ne·n ođa·ms.

Mā·cca. Mācca·nalksi·t žarda jaki·t alašava·ksc, bolšy tu·nda. Taji·t lā·ngin mác, tajni·t ār·vāχkilo·mañis āsta·ngaja·minā; tajnit ā·syst vā jo·nga ja·minit. I karmī·t māciñt āsa kāvi·rkšni·

яму на шарь. Станутъ такъ вокругъ нея и какъ только скажутъ, всякій, кто поспѣетъ, бросится въ это время въ ямку, чтобы конецъ его дубинки оказался въ ямѣ, а кто останется и не поспѣетъ подойти къ ямкамъ, тому водить. Тогда возьмутъ шарь изъ городской ямы и вышибаютъ его изъ круга, а водящій бѣжитъ за нимъ и начинаетъ гнать его дубиной назадъ въ городскую яму. А тѣ начинаютъ не пускать шарь, начинаютъ ударять дубинками на встрѣчу; а водящій въ это время старается поставить конецъ своей дубинки въ ямку того, кто размахиваетъ дубинкой. Если онъ поспѣетъ поставить впередъ конецъ своей дубинки въ чью-либо ямку, то ему надо стать, а тому водить. А если онъ не поспѣетъ ни къ чьей ямкѣ и допустятъ его шарь упасть въ городскую яму, тогда закричатъ «разрушено», и въ это время всѣ вмѣстѣ начнутъ искать себѣ другихъ ямочекъ, а кто не поспѣетъ никуда, тому водить.

Игра въ мячъ. Въ мячъ играютъ, когда караулятъ лошадей, больше весной. Сдѣлаютъ изъ лыка мячъ, каждый устроитъ себѣ ямку; устроятъ они себѣ ямочки въ одной сторонѣ. И начнутъ ка-

mā, jamīni·tñiñ laŋga. Kīñja·mīnis pry, še kapy·tcy, a ostatka·tñā čyji·t, a son ko·nañ kă·ñiŋa, šeñ i čavā· mā·céñt. Ko·nañ va·č·kytcy, še karmā· kăvi·fkšñimā.

Kiča·sa. Tăji·t nīli u·gylca krug i kaji·t kaftuŋ za·ryñist ulēt; ārvaχkis āsi jalga·nza ma·rta i karmī·t nalksi·mā. Kīčā·š če·tvērti poltora¹⁾, kavyñist pā·nza lakšifŋ ala·myda, a kičā pa·l·kaš arčynčka, i byva·jit bo·lšy²⁾ i sedā viškiñit. Kī·ñiñ koda·my pa·ra, še išta·mysa i čavā. Čavi·t i·šta. Kīčā·ñt kaja·syž kru·gyñti, a čavi·čas arā· koda· tñnza pa·ra i vačkytcy kičā·ñt pās. Kīčas kyřna·ftā. Son še ška·ñā noro·χtā kičāpa·lkasyñt sedā pe·k vačky·dīmīnza, štyby son sedā va·suŋ liŋta·za. Še·sta še va·čkydīmas loo·vā ka·ftys. A biđā vačkytcyj ki·čāñt ča·vičas kičā·ñt pe·rvoj, a son kyřna·ftā pek i liŋtā· krugy·ñt tona bo·kas a to·kavi tā·nza kyřna·ftumsta, šesta te loo·vā vāχkis i lāmi·nza bu·ka, a lija·sta

1) o·mbóce peŋ vaksyška. 2) ulit i sedā pokšt.

тать мячъ по ямкамъ. Въ чью онъ упадетъ ямку, тотъ схватитъ его, а остальные убѣгаютъ, а онъ, кого успѣетъ, того и ударитъ мячомъ. Кого онъ ударитъ, тотъ и начнетъ катать.

Игра въ чижъ. Устроить четырехугольный кругъ и дѣлаться на двѣ партіи, сколько ихъ будетъ; каждый и начинается играть со своими товарищами. Чижъ четверти въ полторы, съ обѣихъ концовъ немного затесанъ, а палка чижова длиной въ аршинъ, бываютъ и больше и еще меньше. Кому какая нравится, тотъ такую и бьетъ. Бьютъ слѣдующимъ образомъ. Чижъ помѣстятъ въ кругъ, а бьющій станетъ, гдѣ ему нравится, и ударитъ въ конецъ чижа. Чижъ подпрыгнетъ. Онъ въ это время старается ударить его палкой какъ можно сильнѣе, чтобы онъ какъ можно дальше полетѣлъ. Тогда этотъ ударъ считается за два. А если бьющій чижа ударитъ чижа въ первый разъ, а онъ высоко подпрыгнетъ и полетитъ на ту сторону круга и не задѣнетъ его, подпрыгнувъ, тогда это считается за одинъ (ударъ) и называется быкомъ, а въ другой разъ договариваются взять быкъ назадъ и (ударить снова).

koṛṭa-syṣṣ buka-ñṭ saji-ms. Vot ka-jit kiñiñ i-kilij ča-ums i kar-mi-t ñet čau-ma ža-rys la-dasyṣṣ lo- voms tosa, ko-mśes āli ñiliñ-gā-miñe ā-li vād-gāmiñe i kar-mi-t čau-ma. Ko-nañiñ i-kilij sa-tā, vāṣṣkiś čavā; žara tājā, ombō-ñeñ ā-sta liśā. jalga-za, karmā-tānga. namśi-mā. Koda-k kru-gyñti kičā-ś pry, śesta. nama-ṣṣ. Še-sta karmā. te ča-uma, kar-mi pandu-ma žarys pa-nduñt tā-nga, a lija-pancy-ñgā da eščo. langy-zyst tā-jā kā-miška āli kāvāti-iška. Kona-t i-kilij tāji-t śnara žarys ladi-ž, to osta-tkañiñ ārvāṣṣkiś āši ja-lganza kučcy-j deṛks. Kučcy-j i-šta: čavā kozē-ñ, kičāza li-ṭṭā čavyṣṣ a kičāpa-lkañt jo-rdēž jorcē-j, kozē-ñ jo-rdoṣṣ. Šesta te kru-kstyñt tu-jā vā pilgi la-ṣṣksa kyrña-ñimā kičāpa-lkañ pur-na-ma, i koma-msta i saji-msta i māki-j vasuṣṣ kyrña-ñimsta bi-dā ombō-čā pi-lginga lanks čalga-vā, śesta. o-dou kucy-j deṛks, a biḍā ača-lgavā, še-sta pa-ñḍā; i vāši āś so-ñeñ jalga-nga išta-

Вотъ бросаютъ жребій, кому впередъ ударить, и они будутъ бить столько разъ, сколько они тамъ договорятся считать — до двадцати или до сорока или до пятидесяти разъ и начнутъ бить. Которой партіи достанется бить впередъ, то одинъ (изъ нея) бьетъ; сколько тотъ сдѣлаетъ (ударовъ), изъ другой партіи выйдетъ его товарищъ и начнетъ кидать ему въ кругъ. Если чижъ упадетъ въ кругъ, то (значить) онъ попалъ. Тогда начинается бить этотъ и начинаетъ платить, сколько сможетъ заплатить, а другой заплатить и еще сдѣлаетъ на нихъ (на ту партію) съ десятокъ или съ пятнадцать. Кто прежде сдѣлаетъ столько, на сколько уговаривались, то каждый изъ остальныхъ посылаетъ своего товарища прыгать на одной ногѣ. Посылаетъ его слѣдующимъ образомъ: куда онъ ударить, чижъ его полетитъ вслѣдствіе удара, а палку отъ чижа онъ бросаетъ броскомъ, куда она попадетъ. Тогда этотъ пойдетъ изъ круга, прыгая на одной ногѣ, подбирать палку отъ чижа, и если во время нагибанія, во время хватанія и прыганія взадъ-впередъ онъ наступитъ на другую ногу, тогда снова тотъ его пошлетъ прыгать на одной ногѣ, а если онъ не наступитъ, тогда довольно;

kučni·syj, mājļā net karmī·t iki·lij čau·ma, kona·t dērks ja·ka·št.

Ru·zyñ kičā·sa. Arčit za·ryñist ulēt nalksi·čātñā i karmī·t kičā·sa kaja·ma. Kajsi·t i·šta: vītkeđezēnza kičāpa·lkañt, a kārč·ke·đezēnza ki·čāñt; kičā·ñt kaja·syj kičāpa·lkañt vālksc, a kičāpa·l·kasyñt karmā· alda tokšē·mēnza, a osta·tkatñā louñē·t za·rykst tā·nza toka·vā. Kona· šeft lamykst toka·syj i·šta kičā·ñt, še šeft i·kilij karmā· čau·ma, a kona· sedā a·lamykst, še karmā· tā·nza namši·mā; a mā·jļā te karmā· ča·uma; išta·k i tāvi·st rado·m moļā. Kona· šeft a·lamykst toke·zā kičā·ñt, še šeft mājļā karmā· čau·ma, a čau·msta ki za·ra tā·jā lo·uñēt; kona· i·kilij tā·jā kāmīñ, še lišā, a kona· šeft mā·jliš kadu·vā šeñē·ñ oda·ms, a ode·ti·šta: kona· šeft i·kilij lišā, še šeft i·kilij karmā· oda·ma. Kičā·ñt va·čkytcyj, a ode·čās karmā· čy·jñiž čyjñi·mā i kičāñt ā·sa namši·mā, a ode·čās a·rā krugyñt vā·lksc i karmā· kičāpa·lkasyñt joza·ma krugyñt

и всѣ посытають такъ же своихъ товарищей, а потомъ, начинаютъ бить впередъ тѣ, которые ходили на одной ногѣ.

Игра въ русскій чижъ. Становятся сколько будетъ игроковъ и начинаютъ бросать чижомъ. Бросаютъ слѣдующимъ образомъ: въ правую руку онъ возьметъ палку отъ чижа, а въ лѣвую чижа; чижа бросить поверхъ палки, а палкой онъ начнетъ подталкивать снизу, а остальные считаютъ, сколько разъ ему это удастся. Кто больше всѣхъ попадетъ такимъ образомъ въ чижа, тотъ станетъ бить прежде всѣхъ, а кто меньше разъ, тотъ начнетъ бросать ему въ кругъ, а потомъ этотъ начнетъ бить; такъ ихъ дѣло и идетъ къ ряду. Кто всѣхъ меньше (разъ) попадалъ въ чижа, тотъ начнетъ бить послѣ всѣхъ, а во время ударянія считаютъ, кто сколько разъ попадетъ; кто первый попадетъ десять разъ, тотъ выходитъ, а который останется послѣднимъ, тому водить, а водять слѣдующимъ образомъ: кто выйдетъ всѣхъ прежде, тотъ прежде всѣхъ начинаетъ водить. Онъ ударяетъ чижа, а водящій начинаетъ бѣжать бѣгомъ и бросать чижа въ кругъ, (при чемъ) водящій становится надъ кругомъ и начинаетъ вертѣть (тереть) надъ

vä·lksca i ano·ldama kičä·nt äsa. I odä· šnarc, žarda kičä·s nä·—
 mavä, soñdedenza mä·jlä karmi·t lijä·tnä jak ista·ža oda·ma. Kyda
 vä·ši oda·syž, še·sta son čavä· šeft i·kilij ičavä· kafty ke·ca per·
 vaj, a mä·jlä karmi·t čau·ma vä ke·ca.

Moloka·sa. Pruñi·t kuča·s; väχki·s ästyst lišä· jutkstyst,
 arä väpelej i karmä· šäjri·mä: mo·loka·! a ñet te·sta karčy·zynza
 šärgidit: čävol Še tosta šä·rgidä: daj, rabo·tnik! — U kavo·? Še·sta
 son šä·rgidä kiñ du·mä: u Iva·n! ali u Jo·gyr, ali u Dři·ga, ki me·le·
 zenza tu·jä, šen i šä·rgitcy. Konañ šä·rgitcyj, še čyjä· soñdä·nza,
 a ñet krukstyñt čavi·t čyji·msta ä·synza kiñi·ñ koda· pa·ra: ki kyr·
 gasan la·nga, ki prá la·nga, ki·ñiñ kua to·kavä. I son ista· šäjri·
 synžä väši: šesta kona· ka·duvä šeft mä·jlis, te karmä tovo·lda
 i·štaža šäjri·mist. Išta· i nalksi·t.

Čysa kou·sa. Čy·sa ko·usa arci·t väši vä ta·rkas; väχki·s arä·
 ava·ks, a osta·tkatñä kuñci·t uda·lynza; vä·ši kirđi·t väχkist vä·χ·

кругомъ палкой и не пускать къ себѣ чижъ. И водить до тѣхъ поръ,
 пока чижъ не попадетъ въ кругъ, а послѣ него другіе начинаютъ
 водить такимъ же образомъ. Послѣ того, что всѣ поводятъ, онъ
 ударяетъ прежде всѣхъ и сначала бьетъ двумя руками, а потомъ
 начнутъ бить одной рукой.

Игра въ молоко. Собираются въ кучу; одинъ выйдетъ
 изъ среды ихъ, станетъ въ сторонѣ и начнетъ кричать: мо·
 локо! А тѣ въ отвѣтъ ему кричать: чего! Тотъ тогда закричитъ:
 дай, работникъ! — У кого? Тогда онъ крикнетъ на кого подумаетъ:
 у Ивана, или у Егора, или у Григорія, кто ему понравится, того
 онъ и крикнетъ. Кого онъ крикнетъ, тотъ прибѣжитъ къ нему, а
 эти изъ круга бьютъ его, какъ кому захочется: кто по шейнымъ
 жиламъ, кто по головѣ, кто куда попадетъ. И онъ такъ всѣхъ пе·
 рекличетъ: тогда тотъ, кто остался послѣднимъ, начнетъ съ той
 стороны ихъ перекликивать. Такъ и играютъ.

Игра въ солнце и мѣсяцъ. Для игры въ солнце и мѣсяцъ
 всѣ становятся на одномъ мѣстѣ; одинъ становится маткой, а
 остальные схватятъ его сзади; всѣ держатъ одинъ другого съ заду,

kist äsa uda·lda, ki čuba·da, ki suma·ndä, a väχkä· kadu·vä va--
rakaks i karmä· uda·lda kuñci·mä väχtä·vä·χtä nalksi·čätñiñ äsa,
a soñc čyjñä· i pižñä: vārķ, vārķ! Kyda ku·ñcä peleşka·st kuñci·-
vit, ñet kuñci·t väši va·rakanť uda·luχ i vara·kaš karmä· pižña·-
ma soñce·ñ oftelenza marťa: kou, kou! A ñet, omböce ofte·leş,
karmi·t pižña·ma: čyj! čyj! A ñet pižñi·t: kou! kou! I karmi·t väχ-
kist väχkist äsa äšta·st maña·ma, mäjlä kundy·t ava·katñä väχ-
kist väχkist äjs i karmi·t äšta·st uskuma. Koda·k kona·ava·kanť
sala·syž, šeñ väši karmi·t prála·nga kalga·mynza.

Gala·ñčasa. Purny·t vä·ti käññit i norò·χtet piža·kaduma.
Kona·kä·ñiřä iki·lij pižñä: čir ko·n! A ombö·ceš pi·žñä: pat
ko·n! A kolmò·ceš pižñä: taraka·n! Mä·jlä karmiť nalksi·mä.
Nalksi·t i·šta: ñili kä·ññitñiñ pucy·ňžä ma·styruχ, a väχki·š ke-
cenza. Te vä·χkiñť kaja·syj ve·řej, še škañä pramazynza kapša·
ñi·litñiñ a·lda kapy·dñmist i käñi·řims šeñga·k kunda·ms verďä.

кто за шубу, кто за кафтанъ, а одинъ остается вороной и начи-
наетъ хватать играющихъ одного за другимъ, а самъ бѣгаетъ и
кричить: варкъ, варкъ! Когда онъ, хватая, поймаетъ съ половину
ихъ, тогда эти всѣ схватятъ ворону сзади, и ворона начинаетъ
кричать вмѣстѣ со своей партіей: мѣсяць, мѣсяць; а эти, принад-
лежащіе другой партіи, начнутъ кричать: солнце, солнце; а эти
кричатъ: мѣсяць, мѣсяць; и начинаютъ перекликать одни другихъ;
затѣмъ матки уцѣплятся другъ за друга и начнутъ тащить къ себѣ
чужую матку. Когда вырвутъ какую матку, всѣ начинаютъ дол-
бить ее въ голову.

Игра въ колки. Возьмутъ пять камушковъ и стараются
крикнуть. Кто успѣетъ раньше, закричить: чуръ конь! а другая
крикнетъ: подъ конь! а третья крикнетъ: тараканъ. Потомъ начи-
наютъ играть. Играютъ слѣдующимъ образомъ: четыре камня
она положить на землю, а одинъ она держитъ въ рукѣ. Одинъ
этотъ камень она броситъ къ верху; въ это время она старается,
до паденія его, схватить снизу тѣ четыре камня и успѣть поймать
и тотъ сверху. Сколько разъ она такъ успѣетъ, столько и счи-

Za-rykšt išta· kã·nirã, šnarykšt i lovã· jalga·nga laŋks. Koda·k kãminc tãjã·, še·sta karmã· kamka·ma. Koda·k jupa·dã, šesta· tã·nga pa·nda. Še·sta karmã· jalga·za pañni·mã. Koda·k kona· kona·ñ laŋks tãjã· komš ka·mkaž, to šeñ išta· tata·rnyñ misy·, mäjlä karmã· voža·ž to·sta idĩ·minga, karmã· galañcatñiñ prafñi·mã i päji·tkšniñmã: «prašt bujara·ks, tatar paly·žã». I koda·k i·šta komše·š pandu·vã, šesta tãnga pa·nda. Mã·jlã jalga·za karmã· išta·ža nalksi·mã. Ko·nañ mi·syž, šeñ laŋksa vã·ši jalga·nga pä·j·dĩt. Vot i·šta i nalksi·t.

Ñaka·sa. Tãjni·t ña·kat—cõra·t, ava·t, äχt, kakšt, žeñe·ft, ñevesta·t i karmi·t äsy·st nalksi·mã; i·štaža koda· i loma·tt äri·t, išta·ža urva·kšnit, išta·ža byta gulã·jit, čačni·t i kulci·t. I·šta na·lkšit tãχtirχnit godo·u do dvenacati. Mã·jlã pa·nda.

Ka·ravad. Karava·ca nalksi·t i·šta. Liši·t tãχti·rt ary·t kru·ks i kuñci·t ketfike·c i karmi·t čyrkši·mã. Kunčka·s suvã· vã·χkã i karmã· more·ñ šãjri·mã. Te šãrgidã vašna· ška·mynga,

тають другъ за другомъ. Если кто исполнить десять разъ, то начинается подкидывать съ затылка руки и ловить. Какъ только промахнется, тогда съ нея довольно. Тогда ей начинается оплачивать ея товарка. Какъ только одна за другую бросить и поймаетъ двадцать разъ, то она продаетъ ее такъ татарину, потомъ начинается съ баловствомъ выкупать ее оттуда, начинается бросать камушки и подсмѣиваться: «упали въ баракъ, татаринъ поцѣловалъ ее»; и когда она такъ заплатитъ двадцать разъ, тогда съ нея довольно. Потомъ подруга ея начинается играть такъ же. Которую продадутъ, надъ той смѣются все подруги. Вотъ такъ и играютъ.

Игра въ куклы. Сдѣлаютъ куклы—мужиковъ, бабъ, дѣтей, жениховъ, невѣстъ и начинаютъ ими играть; такъ же живутъ, какъ люди, такъ же женятъ и такъ же гуляютъ, рожаютъ и умираютъ. Такъ играютъ дѣвочки годовъ до двѣнадцати. Потомъ довольно.

Хороводъ. Въ хороводѣ играютъ такъ. Дѣвушки выйдутъ, станутъ въ кругъ и ухватятся одна съ другой за руки и начинаютъ покачиваться. Въ серединку входитъ одна и начинается запѣ-

a mā·jlā mālgā·nga ňet ka·k. Mořcet mořcet i·staņa, mājlā ka·r·
mīt kišni·mā. Kišcy·msta tājni·t i·šta: kruks suvi·t kafty tāχtīft,
a osta·tkatnā karmi·t la·li·la·li mora·ma i te la·li·la·li iŋt pāzyjak
ara·ś, a lija·sta morēt: «nam ňi nada muzyka·, u nas svoj ješt
jazyka·»; lija·sta mo·rēt: «na jarugi duļa jeļi, duļa da». Mājlā
puru·mkšnyt tezeŋ o·džorat nudij mar̃ta i karmi·t mora·ma i ki·
šcy·mā čo·vōr; kona·t kišcy·maŋt vē·čksēz, a kona·t še škaŋā vany·t,
kona·t šajrit mīnišu·nyŋ va·lgijsa, kona·t vēške·ŋet, a ko·nat
tā·χtīrīχnā kru·ksa morē·t. A nalksi·t tāχti·rīχnā čo·ratnā ma·r̃ta
i·šta: tāχti·rīχnā ašcy·t kru·ksa vā·χc·vāχc ku·ŋciž, a čora·tnā jaki·t
krugo·mgast i čavi·t sa·styŋā udalkslaŋga keđ ladyška·sa, a tāχ·
ti·rīχnā meġgā·ŋiŋt o·žasa. A kona·t tāχti·riŋt vačky·tcy kořīceā
jalga·za, son še ška·nā kru·kstyŋt li·šā, buta šeŋ čau·ma karmā·
mālgā·nga čyji·mā, a še bu·ta pālā·, karmā· aġsty·nga čyji·mā
sedā čo·pōda ta·rkas. Kyda čy·jā išta·ma ta·rkas, ko·sta kīniŋ-

вать пѣсню. Эта запоетъ сначала одна, а потомъ за ней и тѣ.
Попокоть онѣ такъ, потомъ начинаютъ плясать. При пляскѣ по·
ступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ кругъ войдутъ двѣ дѣвушки,
а остальные начнутъ пѣть ляли-ляли, и этому ляли-ляли нѣтъ и
конца; а другой разъ поютъ: «намъ не надо музыка, у насъ свой
есть языка»; другой разъ поютъ: «на яругѣ дуля ѣли, дуля да».
Потомъ туда собираются парни съ дудками (изъ трости) и начи·
наютъ пѣть и плясать вмѣстѣ; которые любятъ пляску, а нѣко·
торые въ это время смотрятъ, другіе кричатъ на разные голоса,
третьи высвистываютъ, а нѣкоторыя дѣвушки поютъ въ кругу.
А играютъ дѣвушки съ парнями слѣд. образомъ: дѣвушки сидятъ
въ кружкѣ, держась другъ за дружжу, а парни ходятъ вкругъ
нихъ и потихоньку ударяютъ ихъ ладонью по спинѣ, а дѣвушки
наотмашь рукавомъ. А если дѣвушку ударить ея дружокъ¹⁾, то
она въ то время выйдетъ изъ круга и побѣжитъ за нимъ, будто
для того чтобы бить его, а тотъ будто боится и побѣжитъ отъ

1) Т. е. парень, котораго дѣвушка намѣчаетъ себѣ въ мужья.

gak a né·javä, šesta lotkă i tăχtiris čyă·, buta kunda·syj, i ozē·t
älä šta·da karmi·t korχné·mä. Lija·sta ista korχné·t zo·ras, a li-
ja·sta fati·t lija·t tăχtiriñt mälga prafty·čat i karmi·t langyzyst
mäjsa ponks jovra·ma i pañci·ž to·sta. Še·sta še čora·s purna·-
synžä jalga·nza i tujä lija karava·dgajaka·ma vät. Väsij karava·t-
nyñ äzga jaki·t čoratnä i·šta. Net mole·t toq, a nona·t to·sta syt
tej; ista· i ja·kit.

Kiri·ñ sala·ma. Koda šokšes sy, še·sta tăχtirχnä i čo·ratnä
karava·c lo·tket lišni·mada. Še·sta tă·χtirχnä karmi·t ruča·ñ pa-
na·ryñ vikšni·mä ku·ca, a čora·tnä karmi·t valma·lga jaka·ma.
Jaki·t sa·lava, a pora·s ru·daz. Mo·let va·lmaluq, ko·mšet sa·-
stynä, va·nnyt šty·ba tăχti·ris ila·za fata·ä·zyst. Tăχti·ris vi·kšnä,
a syn va·nnyt, koda·k še nušsi·mä ka·rmä; syn še škanä sala·vi·nä
va·lmañt pañczyž; biđi ki·řiza mala·sa, sajsy·ž ke·ca, a biđi vä-
pe·lä, šesta·čora·tniñ uli·t ista·tt palkavä·ldä kruki·ñist. Še kru·-

нея въ очень скрытное (темное) мѣсто. Какъ онъ прибѣжить въ
такое мѣсто, гдѣ никто его не увидитъ, тогда онъ остановится, а
дѣвушка прибѣжить, будто поймаетъ его, и сядутъ или стоя нач-
нутъ разговаривать. Другой разъ такъ говорить до зари, а иногда
хватятся другіе, ухаживающіе за этой дѣвушкой, и начнутъ бро-
сать въ нихъ чѣмъ попало, и выпонять оттуда. Тогда тотъ парень
соберетъ своихъ товарищей и уйдетъ гулять ночью по другимъ
хороводамъ. Парни ходятъ такъ по всѣмъ хороводамъ. Эти идутъ
туда, а тѣ идутъ оттуда сюда; такъ и ходятъ.

Кража клубковъ. Когда настанетъ осень, дѣвушки и парни
перестаютъ выходить въ хороводы. Тогда дѣвушки начинаютъ
вышивать дома руци и рубашки, а парни начинаютъ ходить подъ
окна. Ходятъ тайкомъ, а пора грязная. Подойдутъ къ окну,
нагнутся потихоньку, стараются, чтобы дѣвушка не замѣтила ихъ.
Дѣвушка вышиваетъ, а они подкарауливаютъ, какъ она задрем-
летъ; въ это время они потихоньку откроютъ окно; если клубокъ
ея близко, они возьмутъ его рукой, а если далеко, тогда у пар-
ней бываютъ такіе крюки на палкахъ. Этимъ крюкомъ они его

kiñisynt sa·jsyž i ada· mary·nga. Mä·jlä mo·let li·ja ta·rkas i väñbä·řt ištä·nä ja·kit, a mä·jlä karmi·t päji·tkšnimä täχti·řčnä la·řksa, ki koda· vikšnä.; kiñ koda·ma suři·za. Vot ištä jaksi·t kifiñ zala·ma, a lija·sta kifi·ñt a·ńćik saji·minga ka·rmit, a täχti·riš fa·tä, šärgi·di täta·ncty, a še ka·pydä ko·leja äli äřäši·na i napy·štä mälga·st, a ñet čyji·t kona·nin koupa·ra. Lija·sta prakšny·t väχki·st·väχkist vä·řksa, šti·t i ta·gy čyji·t. Šnarc čyji·t, kyda li·jä·ñ o·jmeza pi·jä. Še·sta lo·tket. A ko·nañ sasasyj, šeñ přän·droks äřäši·nasa. I ištä· jaki·t šokšnä ä·řva čo·kšnä. A·ńćik a ja·kit ñedlačyn i pražni·kiñ ka·rča.

Laŭkava·ksc. Roštova·nin i ščeñeja·nin torgo·vyčnä lifni·t tava·ryst äsa laŭka·sta nure, nu·rdynt laŭks täji·t kibitkat, vač·ka·syž tavaryst i lifey·ž ulča ku·někas. Šesta· väši vä·řista puru·mit odžo·ratnä i oddä·χtirčnä i salda·tkatnä laŭka·tniñ vaksc. Odžo·ratnä karmi·t ramšimä la·ušnikniñ ke·cta, ki přešt, ki roš-

возьмутъ и уходятъ съ нимъ. Потомъ идутъ въ другое мѣсто и всю ночь они тамъ ходятъ, а потомъ начнутъ подсмѣиваться надъ дѣвушками, какъ которая вышиваетъ, у которой какія нитки. Вотъ такъ-то они они ходятъ красть клубки, а иной разъ, только они станутъ брать клубокъ, какъ замѣтитъ дѣвушка и крикнетъ своему отцу, а тотъ схватитъ копь или холудину и пустится за ними, а эти убѣгаютъ куда кому любо. Иногда упадутъ другъ черезъ дружку, встанутъ и опять бѣгутъ. Бѣгутъ до тѣхъ поръ— пока у другого духъ захватитъ. Тогда остановятся. А если (отецъ) кого поймаетъ, того ударитъ холудиной по головѣ. И такъ они ходятъ по осени каждую ночь. Не ходятъ только наканунѣ воскресеній и праздниковъ.

По лавкамъ. На рождество и крещеніе торговцы выносятъ свои товары изъ лавокъ на сани, на сани придѣлываютъ кибитки, наложить товару и вывезутъ ихъ на середину улицы. Тогда со всей деревни соберутся парни и дѣвушки и солдатки къ лавкамъ. Парни начинаютъ покупать у лавочниковъ, кто орѣхи, кто рожки, кто пряники, кто сѣмячки, кто тыквенныя сѣмячки, кто конфеты,

ka·t, ki zaku·skat, ki vídñi·t, ki duja·kujar vídñi·t, ki kanfet·kat, ki mǎšt ra·mǎ, a tǎχti·rǎñǎ ärvǎ·χkǎ odžo·rañt ke·cta vǎšy·t; ki maksǎ·, a ki ama·ksǎ, i nalksi·t čora·tnǎ tǎχti·rǎñǎ mar·ta, ki koda maštǎ, ki tolka·jiz, ki prafty·ž, ki vačky·diz, i čyjñi·t vǎ·χkist vǎ·χkist mǎ·lga čop. Kona·t tuji·t, kona·t syt, i tǎvi·st istǎ·molǎ· pǎlevǎ po·ras; mǎjla· strady·t ku·dga, a lija·t roštova·sta, ščeñeja·sta i masiñca·sta arǎñni·t; odžoratñǎ kirǎñni·t ala·šat pa·ryjsa, tro·jkasa, kona·t vǎχti vǎχtǎ, šulmysit baja·gat, oza·fnyt nurdy·zyst tǎχti·ft; tǎχti·rǎñǎ mo·rcet, a čora·tnǎ arǎñni·ftit ä·syst vǎšij vǎliñgǎ·lis· a iñi·čyn ostatka čysta tǎχti·rǎñǎ jaki·t tundy·ñ štřeča·jama. Jaki·t pačaftu·ma, odežaftu·ma, pǎftka·st kušakt, puly·syst le·ntat i čokt. Moľe·t vǎliñt krugo·m i morcē·t mo·ret mǎñicu·nyñ. Šeft la·mykst mora·syž: a «vesna·, a vesna·, a vesna·, vesna· kra·snaja maja·».

Tu·ndyn provōža·ma. Še·sta tǎχ·tirǎñǎ jaki·t vǎ·šij ulčǎ·tniñ äzga kettki·ec ku·ndaž i morcē·t ulčǎ·tniñ äzga.

кто чего купить, а дѣвушки выпрашиваютъ у каждаго парня; кто дастъ, а кто не дастъ, и играютъ парни съ дѣвушками, кто какъ умѣетъ, кто толкаетъ ихъ, кто повалить ихъ, кто ударить ихъ, и бѣгаютъ другъ за другомъ весь день. Одни уходятъ, другіе приходятъ, и дѣло у нихъ такимъ образомъ доходить до полночной поры; потомъ расходятся по домамъ. А другіе на рождество, на крещеніе и на масляницу катаются на лошадяхъ; парни повпрягаютъ лошадей парами, тройками, нѣкоторые по одной, навязжутъ колоколовъ и посадятъ въ сани дѣвушекъ; дѣвушки поютъ, а парни катаютъ ихъ по всему селу. А на послѣдній день пасхи дѣвушки ходятъ встрѣчать весну. Ходятъ безъ платковъ, безъ верхняго платья, опоясанныя кушаками, въ косахъ у нихъ ленты и кисточки. Идутъ вокругъ села и поютъ разныя пѣсни. Больше другихъ пѣсень поютъ пѣсню: «А весна, а весна, а весна красная моя».

Провожаніе весны. Тогда дѣвушки ходятъ по всѣмъ улицамъ, схватившись рука за руку, и поютъ по улицамъ. Выходятъ

Lišni-ť pa-kšaŋ, jaki-ť i morcé-ť a-lamys i murdy-ť máki-ť kudu-ŋ.

Kozna-sa. Nalksi-ť ra-znasta. Nalksít bujni-sa, nalksi-ť bukińi-sa i krukki-sa, gorotkesa, i la-ďaž, i o-ro-lea ka-jaž.

Bujni-sa nalksít i-šta: árva-ŋki lo-mańis šta-fta kozna, táji-ť buj i še bujstyńť karmi-ť jovra-ma. Kona-t bujsta tokä-, sajä-, a kona-ato-kä, išta-k jo-rdä. Ki bujsta šeťť va-suŋ jordä-, še te veldä čerkssta iki-lij ča-vä; za-ra tokä, šnára i sajä.

Bukińisa. Arafńit žokpeldä čerks laŋks, a-vyl va-suŋ táji-ť lija čerks. Še če-fksent ästa karmi-ť koznape-ldä kävi-rkšńimä pa-nyksa. Kiń žok pry panykyza, šeńeń iki-lij čaums; konań žo-

на поле, походятъ и попокутъ немного и вернутся назадъ домой.

Игра въ козны. Играють разнo. Играють въ буйки, играютъ въ бычки и кружки, въ городки и съ предварительнымъ соглашеніемъ¹⁾ и съ бросаніемъ орла.

(Игра въ буйки). Въ буйки играютъ слѣд. образомъ: каждый поставитъ козонъ, устроитъ буй и начинаетъ кидать изъ этого буя. Во сколько козновъ попадетъ изъ буя, столько возьметъ, а въ который не попадетъ, броситъ такъ по пусту. Кто кинетъ изъ буя всѣхъ дальше, тотъ за то бьетъ впереди черты; сколько ошибетъ, столько и возьметъ.

Игра въ бычки. Ставятъ жохомъ на черту, неподалеку проводятъ другую черту. Съ той черты начнутъ отъ козновъ катать панками. Чей панокъ упадетъ жохомъ, тому бить впередъ; чей сокъ²⁾ дальше всего, тотъ бьетъ прежде всего. При битьѣ,

1) Становятъ козны въ рядъ, и одинъ мальчикъ (однимъ козномъ) ударитъ въ рядъ; и какъ ляжетъ панокъ (т. е. козонъ, которымъ били), то бьющій беретъ панокъ и всѣ козны, которые лежатъ такъ, какъ панокъ. Если панокъ лежитъ «сокъ» (ничкомъ), то берутся всѣ тѣ козны, которые лежатъ «сокъ». Если панокъ лежитъ «бокъ» (на боку), то берутся всѣ козны, которые лежатъ «бокъ». (Замѣчаніе Р. Ѳ. Учаева).

2) Сокъ или чохъ — такъ называется положеніе козна, когда онъ лежитъ ничкомъ.

kóza sédi va·syla, še sédi i·kilij čavā. Čau·msta kyda·kozna·tíni toka·syńžä i vany·t, koda·pany·kyza aščä. Bíďä bok, to son šnýry sajä, žara tosa bokt, a bíďä žok panykyza, to žokníi sa·j·syńžä.

Krukkisa. Tāji·t kruk, kru·gynt vā pās tāji·t čērks. Še čērksēnt laŋks ara·fñit ko·znat, avyl vasuū tāji·t čērkskā, še če·rksēnt udalu·u karmī·t kāvirksnīmā panyksa. Išta·ža kona·ń žo·kóza šedä va·syla, še iki·lij čavā. Vačky·tcyńžä: ža·ra kru·kstynt kíf·ti·t, šna·ra sa·jā, a bi·ďä vāχki jak aliftā, vāχki jak asajā, i bíďä ato·kavit tanza, toža vā·χki jak asa·jā: kozna·za juma·s. I vā·ši ista čaŋnyt, vāši kona ža·ra ti·ftā, šnara sa·jā, a kona·t kadu·vit vāsimidā mājla, ňet mīrskoχt ulit. Syn synst, bíďä kaduvit lama, odo·u na·lksisyz, a bíďä ala·ma nařāžasyž; nařāžasyš—odoχ ňekā vaksc štafñi·t vāχti vāχtā i karmī·t taga nalksīmā od kon.

Gorōtkesa. Vāχkā čorēnā šta·ftā vāti ko·znat šagi šag, čērks

когда попадутъ въ бабки, смотрятъ, какъ стоитъ панокъ. Если бокомъ, то ударившій берётъ столько, сколько тамъ лежитъ бокомъ, а если его панокъ стоитъ жохомъ, то онъ возьметъ лежащія жохомъ.

Игра въ кружки. Сдѣлають кругъ, въ одномъ концѣ круга проведутъ черту. На этой чертѣ поставятъ козны, неподалеку проведутъ черточку, за эту черту начнутъ катать панками. Такъ же, чей жохъ всего дальше, тотъ впередъ и бьетъ. Ударить: сколько вылетитъ изъ круга, столько онъ беретъ, а если ни одна бабка не вылетитъ, онъ не беретъ ни одной, и если онъ не попадетъ, то также не беретъ ни одной: бабка его пропала. И всѣ такъ бьютъ; всякій, кто сколько выбьетъ, столько возьметъ; а которыя останутся послѣ всѣхъ, тѣ (считаются) мірскими. Если останется много, они играютъ ими снова, а если немного, то приведутъ ихъ въ порядокъ; приведутъ ихъ въ порядокъ, снова поставятъ вокругъ нихъ другія бабки по одной и начинаютъ опять играть другую партію.

Игра въ городки. Одинъ мальчикъ поставитъ пять бабокъ,

stā čērks šezēn i aīci-t še čē-īksēnt laŋks čaunu-ma. Čauny-ti-šta: vāχtā vāχtā lo-man; čavi-čas bidā toki vāχkā, vāχkā sa-jā, kolmy tokā, kolmy sa-jā, vātā tokā, vātā sa-jā. A bidā vā-χkā jak a tokā, vā-χki jak a sajā, kozna pandā; ka-fta tokā, kafta pa-andā, ni-lā tokā, ni-lā pa-andā.

Sokōrnē-sa. Štafny-syž kozna-tīnīn šā-jicta, taji-t čērks vā pe-lej i kozna-tīnīn pēldā karmī-t kāvi-īksnīmā čērksēnt ekšc. Kona-n žo-kōza šēft vasyła, šēne-n šēft i-kilā čau-ms, a kona-n kāvi-īdamsta čērksē-nte apa-čkydā pany-kyza, šēne-n čau-ms šā-ī-miñ ko-naž. Ki ža-ra tokā, še šnara sa-jā, a šēft mājā kona-t kadu-vīt apak toka, net mīrsko-χt. Nalksisyž a-lā narā-žasyž.

шагнетъ шагъ, проведетъ тамъ черту, и станутъ на эту черту, чтобы бить. Бьютъ слѣд. образомъ по одному: если бьющій попадетъ въ одну бабку, беретъ одну бабку (которую сшибъ), если попадетъ въ три бабки, беретъ три; если попадетъ въ пять бабокъ, то беретъ пять. А если онъ не попадетъ ни въ одну бабку, то не беретъ ни одной,—платить бабку; сшибетъ двѣ бабки, платить двѣ; сшибетъ четыре, платить четыре¹⁾.

Игра въ слѣпые. Поставятъ бабки очень часто, проведутъ въ отдаленіи черту и начнутъ катать со стороны козновъ бабками за черту. Чей жохъ всѣхъ дальше, тому всѣхъ прежде бить, а чей панокъ при катаніи не дойдетъ до черты, тому бить зашурившись. Кто сколько попадетъ, тотъ столько беретъ, а бабки, которыя останутся послѣ всѣхъ не тронутыми, тѣ мīрскія. Или играютъ ими, или дополняютъ ихъ.

1) Бьющій въ городки только тогда выигрываетъ, когда сшибетъ 1, 3, 5 бабокъ, а если не сшибетъ ни одной бабки или если сшибетъ 2 или 4, то проигрываетъ. (Замѣчаніе Р. Θ. Учаева).

Täχtirχnit purunīt vā kruks, a vāχkā suvā kunčkazyst i koñä,
buta mäšt kak karñä kočkama a ñet vašña karnīt tärdimñza
buta bañau moraž:

Babaj a babaj,

Ađa pařama

Kšniñ polařasa,

Pařij teñfkesa,

Šija vādñisa,

Kšniñ ġrebeškasa,

Řižyñ suřcamsa.

Babaj a babaj,

Mäšt täjñat?

— Groškeř kočkan. —

Groškeř mäjñiñ?

— Salmykskä raman. —

Salmykskiñt mäjñiñ?

Дѣвушки собираются въ одинъ кругъ, а одна войдетъ въ се-
редину ихъ и нагнется, будто начнетъ что-то собирать, а тѣ нач-
нутъ сперва звать ее, будто въ баню, при чемъ поютъ:

Бабушка а бабушка,

Иди париться

На желѣзныхъ полатяхъ

Шелковымъ вѣничкомъ,

Серебряною водицей,

Желѣзнымъ гребешкомъ,

Мѣднымъ гребнемъ.

Бабушка а бабушка,

Что ты дѣлаешь?

— Я собираю грошики. —

Грошики на чтó?

— Чтобы купить иголочку. —

Иголочку на чтò?

— Mešëkkeñ stams. —

Mešëkkeñt mázniñ?

— Kävniñ kočkams. —

Kävniñniñ mázniñ?

— Píaka pos. —

Píakatniñ mázniñ?

— Tyñk äjdñk andums. —

Kodak išta méřä, dy soñc napyštä koñ tänza para, a täχtirχ-niñtä cyjit mälganza i sälgiñit langyzynza i šajrit tänza: «tfu äs prázyt, tfu äs prázyt».

Mäjlä tarkazynza ozä kija, kona tosa χočet, i karñit taga išta nalksimä.

— Чтобы сшить мѣшечекъ. —

Мѣшечекъ на что?

— Чтобы собрать камушки. —

Камушки на что?

— Въ пирогъ. —

Пироги на что?

— Чтобы накормить вашихъ дѣтей. —

Какъ только скажетъ такъ, то сама побѣжить куда ей удобно, а дѣвушки побѣгутъ за ней и плюютъ въ нее и кричатъ ей: «тьфу, на твою голову, тьфу, на твою голову».

Потомъ на ея мѣсто сидеть другая, которая тамъ хочетъ, и начнутъ опять такъ же играть.

A eščo nalksít ištaña. Purumít kruks i kuńcít keŧti kee, kru-
gyńt täjit kälj i karmít morama:

Plėteń a plėteń,
Plėteń zaražu,
Purbań urážu,

i váχkiń tarkasta kedest noldasyž, i kafta táχtirχńit kedest kăpit-
cyž, a ombócä păstyńt karmít suvama ěe kăpidif ketńă jutkuva.
Kodak văsij jutavít, mäjłă taga išta kundyt i taga karmít mo-
rama.

I naražyt alašat, kambraštasyž i ojset lašă, kedezest sajít
nogajkat i tujit ařχńimă prok kazakt. Kuva ardyt, žajf mołă
ăjstyst, i văsij cıtyrdyt i kudyńińt mäjłă ištaža.

А еще играют такимъ образомъ. Собираются въ кругъ и
берутся за руки, сдѣлають широкій кругъ и начинаютъ пѣть:

Плетень а плетень,

Плетень заряжу

? ?

и на одномъ мѣстѣ опустятъ руки, и двѣ дѣвушки поднимутъ свои
руки, а съ другого конца начнутъ входить между этими подня-
тыми руками. Когда всѣ пройдутъ, потомъ опять такъ же берутся
и опять начнутъ пѣть.

И уберутъ лошадей, осѣдлають ихъ и сядутъ верхомъ, въ
руки возьмутъ нагайки и начнутъ кататься, точно казаки. Куда
ѣдутъ, тамъ идетъ отъ нихъ стонъ, и все дрожитъ, и послѣ поси-
дѣнокъ дѣлають такъ же.

Pokajis ulñis šedā ikilín nařad; songa orčñez šoksnā kudyñidā
ikilā. Tāχtirχnā šesta naražakšnyšt išta: orčēt pokaj päřtkast,
meščēzest pokš šulgam, prazyst biširyñ prášuks. Pilist krugom
karksys—pilisuriť. Pilisuriť—pokš šulgamyš i pra šuksys, nara-
žať vašij gruřasa i gořnepouřa.

Bojarpra. Šedā ikilā bojarpradyñť putñikšnyšt ořta vālkse,
křiřkava, i meřnešt: šajtan asuvařā i kodamajak skotenāñ kuluma
asuvařā.

Покай былъ стариннымъ нарядомъ; его надѣвали осенью пе-
редъ посидѣнками. Дѣвушки тогда наряжались такъ: надѣнуть на
себя покай, на грудь большую застежку, на голову бисерную по-
вязку. Вокругъ ушей поясъ — ушные нитки. Ушная нитка —
это большая застежка и повязка, украшенная всѣ побрякушками
и погремушками.

Чертогонъ. Въ старину клали чертогонъ на ворота и подъ
крышу, и говорили, что не войдетъ шайтанъ и не приблизится
никакой скотскій падѣжъ.

Б. Сухой Карбулакъ.

Од годэнь гарча тейтерьть соцеть.

1) Ёрцэзь готаст орта вельксна и кинь говолоу гота прызы пры, товолоу мирьдининь годяве.

2) Лисить орта ланкс и мереть: онкт онкт, кискине, коса монь мирьдинимъ?

3) Кайсить кивиса. Кинь киризы пры ашысты кудряўста, се мирьди экшсы ули уцяскаў; а кинь гивизы пры чоподасты вала-няста, се мирьди экшсы ули грешнэй.

4) Путьть столанкс колмы чапкат. Ве чапканть алы сурь-пям, омбоцень алы кольца, а колмоцень алксызы чава. Кода чап-

Б. Сухой Карбулакъ.

Наканунъ новаго года дёвушки гадаютъ.

1) Бросять башмаки черезъ ворота, и у кого на какую сторону упадетъ носъ башмака, та на ту сторону угодить замужъ.

2) Выйдутъ за ворота и скажутъ: лай лай, собачка, гдѣ мой муженёкъ?

3) Бросаютъ оловомъ (растопленнымъ въ воду). У кого олово упадетъ бѣлымъ и кудрявымъ, та будетъ счастлива за мужемъ; а у кого олово упадетъ темнымъ и гладкимъ, та будетъ несчастна за мужемъ.

4) Положатъ на столъ три шапки. Подъ одной шапкой гребешокъ, подъ другой кольцо, подъ третьей шапкой пусто. Когда

катьнинь бутыть, тейтерьтъни а ваныть, а мельи каждый¹⁾ дей-тересь сая ве чайка. Кинь цапкась сурьцям марта, сень мирь-дизы ули щёголь²⁾, кинь гольца марта, се мирьдининь лисе, а конань цапкась чава, се те годэньть мирьдининь а лисе.

5) Якить кулцынума ломань вальмалуў. Бути марить³⁾ кор-тэть горяда, то и сынаест ули горя, а бути кортэть парыда, то и сынъдаест ули пара.

6) Сувафтыть кудыс пентги берема и вачкить пенткеньь кафты куцяс; ве куцяньтинь⁴⁾ пентгенъть путумсты мереть: «суўсикс», а омбоци куцяньтинь путумсты мереть: «мешэкс.» Кинь остатка пентгесь годяви суўсикс, се годяви сюпаўнинь; а конань остатка пентгесь годяви мешэкс, се годяви арасьчисынинь.

7) Лисить ульцяў и кеўкстеть ютыця ломань, кода лемеза. Код лаоманьць⁵⁾ ёфтэ, истя ули мирьдинсы лемеза.

кладуть шапки, дёвушки не смотрятъ, а потомъ каждая дёвушка беретъ одну шапку. У кого шапка съ гребешкомъ, у той мужъ будетъ щеголемъ, у кого съ кольцомъ, та выйдетъ замужъ, а у которой пустая шапка, та въ этомъ году не выйдетъ замужъ.

5) Ходять слушать подъ чужія окошки. Если услышать, что говорятъ о горѣ, то и имъ будетъ горе, а если говорятъ о хоро-шемъ, то и имъ будетъ хорошо.

6) Вносятъ въ домъ берема дровъ и раскладываютъ дрова на двѣ кучи; когда кладуть полёно въ одну кучу, говорятъ: «въ сусёкъ», а когда кладуть въ другую кучу говорятъ «въ мёшокъ». У кого послѣднее полёно придется въ сусёкъ, та угодить за бо-гатаго; а у которой послѣднее полёно придется въ мёшокъ, та угодить за бѣдняка.

7) Выйдутъ на улицу и спрашиваютъ проходящаго человѣка, какъ его имя. Какъ скажетъ человѣкъ, такъ будетъ имя ея мужа.

1) арьва. 2) прынефтей. 3) мариньдяряить. 4) куцяньтий. 5) ломанись.

8) Копнаста колозэнь даргама якить. Кажный дарги зяры колост, зяры ломатть семьясынса. Бути кининь годяви¹⁾ колостом олга, сень земаысты эль гулы кияк, эль мирьдининь лиси, эль залдатыкс туге.

9) Якить кулцынума ки улыс, эль анксима ланкс; карксыст крёстэст каясызъ и сайть мартыст помила и кулцыныть. Чачума годнэнь марить озэнь цыкырдума, голодь годнэнь марить чавы крадказынь галдырдума, кулуманинь марить лайшыма.

Парц марить пара, беряньц марить берянь. Ки улыса и анксима ланкса молитват а лоўнэть, аныцяк яла лецьнеть: «помила-помила-помила».

Одгодэнь гарчи васэня бабэтьни пидить сараст, уткат, мацйть, туляўкст, алт, ой-зюкурт, каша чакш и кшы и не сьряпнятынинь а токасызъ чёкшнес. Сы одгодэнь гарчи весь, сайсызъ

1) годявиньдэряй.

8) Ходять выдергивать колосья изъ копны. Каждый выдергиваетъ столько колосьевъ, сколько людей въ его семьѣ. Если кому-нибудь угодить солома безъ колоса, у того изъ семьи или умереть кто-нибудь, или выйдетъ замужъ, или уйдетъ въ солдаты.

9) Ходять слушать на перекрестокъ дороги или на прорубь; поясы и кресты сбросять и возьмутъ съ собой помело и слушаютъ. Къ урожайному году услышать скрипъ телѣгъ (со снопами), къ голодному году услышать стукъ пустой телѣги, къ смерти услышать заплачку по покойникѣ.

Къ добру услышать доброе, къ худу услышать худое. На перекресткѣ дороги и у проруби молитвъ не читають, только все поминають: «помело-помело-помело».

Наканунѣ новаго года сначала старухи наваряють куръ, утокъ, гусей, поросять, пекли яйца, лепешки на маслѣ, горшокъ каши и хлѣбъ, и не тронуть эту стряпню до вечера. Настанетъ ночь передъ новымъ годомъ, старухи возьмутъ эту стряпню и пойдутъ

бабатьни не сьряпнятьнинь и туить ведь берекеу ознома. Ацыть столешникъ мастуруу, вачкасызь зьряпнятьнинь и прыть конелька лагкс и кармить ознома истяня: «Нишки Пас, Покш пас, Вери Пас, корьменецькемат! чачизы сюра, мастырынсы лазыза. Макст, корьмай, прызынсы зёрна. Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьменецькемат! ванцтыкъ буряда, цярахманда, благый бизи-мада; макст прызынсы росэне, корёнээнсы летькене. Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьменецькемат! макст весеми тарка: чачи сюрыва, рашты кильдимга, тицава-нармуньга¹⁾ и чумбрачивива! и сожденеңсы максыза». Ве баба сти, кшыньть кепетьцы, мекеу буцы и мере: «Покшат, бабат, кулуйть, юмийть! мода поцы рунг-гынк, Вери Паз икили ойменк, ознеда, радияда Нишки Пазнынъ, Покш Пазнынъ, Вери Пазнынъ, корьменецьненъ и чачи сюрывъ гис и скотеналь гис и тицанъ-нармунинъ гис и веси народэнь гис; максызы корьменецесь чумбрачи, сождене роботамс, эрямс,

1) Слово нармунъ исчезло изъ живого говора въ Сухомъ Карбулакѣ.

молиться на берегъ рѣки. Постеляють на землю скатерть, разложить стряпню и стануть на колѣни и начнутъ молиться такимъ образомъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, ты мой кормилецъ! да уродится хлѣбъ, да растрескаеть онъ землю. Дай, кормилецъ, на верхушки его зёрна. Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, ты мой кормилецъ! соблюди отъ бури, отъ града, отъ нехорошаго дождя, дай роспу на верхушки, сырость на корни. Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, ты мой кормилецъ! дай всякую всячину на урожайный хлѣбъ, на плодящійся скотъ, на птицу и на здоровье! и да дасть онъ легость». Одна женщина встанеть, подниметь хлѣбъ, положить обратно и скажетъ: «Дѣдушки, бабушки, покойники, пропаціе! ваши тѣла подъ землей, ваши души передъ Верипазомъ; молитесь, желайте добра Нишкипазу, Покшпазу, Верипазу, кормильцу и за урожайный хлѣбъ и за скотину и за птицу и за весь народъ; да дасть кормилецъ здоровье и лёгость на работу, на жизнь и проживаніе». Встанеть женщина, опять подни-

ащимс». Сти бабасъ, тагы кепетьцы кшыньть. Кшыньть марты кепси и лия сьряпнятыннъ. И карми бабасъ пасиба ёфтама Пазыньтинъ ютасъ¹⁾ годэньть кис истя: «Пасиба, Нишки Пас, пасиба Вери Пас, пасиба, корьменець, весеми тарказыт: чачи сюрызыт и скотеназыт и типазыт-нармунизыт и чумбрачизыт и сож-денезэт» (а бабатьни ащить яла конелька ланкса). Мельи бабатьни стить и кшыньть паласызь и мереть: «Я поровонь²⁾ гирьдий, поровава³⁾, матушка, макст чумбрачи».

Одгодэнь гарчи тешнесэзь борца веси кенкшэст вальмаст.

Одгоцты сьряпнять тувинить, пещенеть, каша чакш.

Кщеньясты пидить конькат цёратьниннъ и скотенанинъ⁴⁾, а аватьниннъ саразынь бизыт.

Кщеньясты арьтнить алашасы ульцява и мореть.

Масиньцясты кажный⁵⁾ гудысынть пидить брага, а пива

1) Такъ.

2) Значеніе этого слова въ Сухомъ Карбулакѣ неизвѣстно.

3) Тоже.

4) скотинанинъ.

5) эрва.

метъ хлѣбъ. Вмѣстѣ съ хлѣбомъ поднимаетъ и другія кушанья. И начнетъ эта женщина спасибо сказывать Богу за прошлый годъ слѣдующимъ образомъ: «Спасибо, Нишкипазь, спасибо, Покшпазь, спасибо, Верипазь, спасибо, кормилецъ, за всякую твою всячину: за урожайный твой хлѣбъ и за твою скотину и за твою птицу и за твое здоровье и за твою лёгость (а женщины все стоять на колѣняхъ). Затѣмъ женщины встанутъ, поцѣлуютъ хлѣбъ и скажутъ: «Ну, держащая урожай, Норовава, матушка, дай здоровья».

Наканунѣ новаго года замѣтять (ставя знакъ креста) мѣломъ всѣ двери и окна.

На новый годъ готовятъ свинушки, орѣшки, горшокъ каши.

На крещеніе испекутъ коньки (печеніе изъ сдобнаго тѣста въ видѣ дуги) для мужиковъ и для скотины, а для женщинъ «куриныя гнѣзда» (печеніе, видомъ похожее на курицу).

На крещеніе катаются по улицѣ на лошадяхъ и поютъ.

На масляницу каждый варить въ своемъ домѣ брагу, а пиво

пидить веленекъ ведьцириса; недлянь брать гуляить и арьтънить. Остатка чинь докшненъть якить прощама веси родэст туртуу; тосы ярцытъ яишницяда. Сытъ прощамсты, орчнетъ кулынъ одежат и мадьнить. Се венъть сынъ учнисть пинги ютама чи.

Нилиньгемень зъветэенъ цине тейнекшнэсть жаврѣнкат.

Благавещеньянь цисты покш пост, ям гак эсть пице. (Благавещеньясты нармунъ бизы а тее).

Велекэй бостэнь нилицикс недляста кажный семья-сынъть тееть зняры хрѣст, зяры семьясынъть ломатть. Кона хрѣстэньть поц путытъ ярмак, конанъ боц—тоўзеры зѣрна, конанъ—розъ зѣрна, конанъ—проса зѣрна. Конанинь заты хрѣстэсь ярмак марта, сень ярмакынзы улить те гоцтэньть лама; конанинь заты хрѣст тоўзеры зѣрна марта, сенень чачи тоўзера; конанъ үрѣстэзы проса зѣрна марта, сенень броса чаче...

Юты иничись, остатка чинъть тейтерътъни туить моразъ

варять всѣмъ селомъ на берегу рѣки; цѣлую недѣлю гуляютъ и катаются. Вечеромъ послѣдняго дня ходять прощаться ко всѣмъ роднымъ; тамъ ѣдятъ яишницу. Придутъ съ прощанія, надѣнутъ одежду покойниковъ и лягутъ. Въ эту ночь они ждали (нѣсколько разъ) конецъ міра.

Въ день святыхъ сорока (мучениковъ) дѣлывали жаворонки.

Въ день Благовѣщенія большой постъ, не варили и щей. (Поговорка: на Благовѣщеніе птица гнѣзда не вьетъ).

На четвертой недѣлѣ великаго поста въ каждой семьѣ приготовить столько крестовъ, сколько въ семьѣ людей. Въ который крестъ положить монету, въ который пшеничное зерно, въ который ржаное зерно, въ который просяное зерно. Кому достанется крестъ съ монетой, у того въ этомъ году будетъ много денегъ; кому достанется крестъ съ пшеничнымъ зерномъ, у того уродится пшеница; у кого крестъ съ просянымъ зерномъ, у того уродится просо...

Пройдетъ Пасха, въ послѣдній день дѣвушки уйдутъ съ пѣс-

иничинь бровожама. Веленьть маласы панды ланксы ульнись килийне. Се килийниньть алы тейтерьтьни ярцыть алды, ойзюкурды, морэть. Мельи килийниньть наряджасысь паця панткскисы, пись-верекь ал лукшсы, и туить кудуу.

Хоменэй недёлянъ офторьниксты сьряпайть, пидить брагады пива и туить калмы ланкс кулынъ лемень гундама. Цёратьни молеть ласти и кандыть вина, пива, брага; аватьни молеть ялга, кандыть сьряпнят. А кинь пакшансы лама, се кильди алаша и моли кильдинь¹⁾ алашаса. Молеть калмы ланкс, пуцызь зьряпнятьнинь кулынъть пряпес, а сыньць сюкунить пылгы пезенсы и мереть: «Покшат, бабат! сыникъ леменк кундама, мода челькенк явума, а тынь весень дерьденкъ, веси роднятьнинь, раськнинь, можэт улить лия велень гульцят, вирыц плутащят, вец ващят, толц палыцят, иляст ульть вепели ащият, сельмень зявадыцят. Весень андынкъ, симдинкъ и каванинкъ». Мельи стить, молеть

1) кильдизь.

нями провожать Пасху. Вблизи села на горѣ была березка. Подъ той березкой дѣвушки ѣдятъ яйца, лепешки на маслѣ и поютъ. Потомъ нарядятъ берёзку лоскутками, скорлупами яйца, свареннаго въ смятку, и пойдутъ домой.

Во вторникъ на Өоминой недѣлѣ стряпають, варятъ брагу и пиво и пойдутъ на могилы поминать имена покойниковъ. Мужики ѣдутъ верхами и везутъ вино, пиво, брагу; женщины идутъ пѣшкомъ, несутъ стряпню. А у кого много дѣтей, тотъ заложить лошадь и ѣдетъ на заложенной лошади. Придутъ на кладбище, поставятъ стряпню надъ головой покойника, а сами поклонятся надъ ногами и говорятъ: «Дѣдушки, бабушки! мы пришли помянуть ваши имена, отдѣлить (отъ васъ) вашу земляную пыль, а вы призовите всѣхъ, всѣхъ родственниковъ, свойственниковъ, можетъ быть, есть покойники изъ другихъ деревень, есть заплутавшіеся въ лѣсу, потонувшіе въ водѣ, сгорѣвшіе въ огнѣ; чтобы не было въ сторонѣ стоящихъ, глазами завидующихъ; накормите, напоите и угостите всѣхъ». Затѣмъ онѣ встанутъ, по-

сыряпнятънинъ вакс, тапить ал, навить метьц пряка, синьтри-сызь и яўшисызь вейкест-вейкест ланга (бути нищій зы и сень максытъ) и кармить ознома истя: «Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьменець! лифтинкъ кульцятънинъ грехста». Мельи калмунть почотцэзь пряка крошкасы, ал грошкасы и кармить винады, пивады, брагады симиме.

Озьнесеньянь цини сыряпять пачалксить, ищю кой-месть и кашачакш; пуцызь зыряпнятънинъ столанкс; прыть конелька ланкс и кармить ознома истя: «Пас чангить, Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьменець! чачи сюры чачизы, мастырынсы лазызы, верьди пизимкс пизизы, алды лисьмакс лисиза. Зярынь дарка норовонь гирьдйй норовавантъ кепетьца, зьярынь зэрцы касыза. Зярынь дарка каша чакшыньтъ кепетьца, зьярынь дарка просась касыза. Макст, корьменець, прызынсы росэни, корёнэзэнсы летькене. Чачизы, корьмай, зюры, а роботэйнень цумбрань барычи». Мельи сайсызь, столешникиньтъ ацасызь порог ланкс и

дойдутъ къ стряпнѣ, расколютъ яйца, макнутъ хлѣбъ въ медъ, разломають и раздадутъ по всѣмъ (если придетъ нищій, то и тому дадутъ) и начнутъ молиться слѣдующимъ образомъ: «Нишкипазь, Покшпазь, Верипазь, кормилецъ! отпустите мертвымъ грѣхи!» Затѣмъ обсыплютъ могилу крошками хлѣба, крошками яицъ и начнутъ пить вино, пиво и брагу.

На Вознесенье стряпають блины и еще кое что и горшокъ съ кашей; поставятъ стряпню на столъ; упадутъ на колѣни и начнутъ молиться слѣдующимъ образомъ: «Боже помилуй, Нишкипазь, Покшпазь, Верипазь, кормилецъ! да уродится урожайный хлѣбъ, да растрескаетъ онъ землю, да дождитъ сверху дождемъ, да пойдетъ снизу ключемъ. На какую высоту я держащій подниму держащую урожай Нороваву, до такой высоты пусть онъ вырастетъ. На какую высоту я подниму горшокъ съ кашей, на такую высоту пусть вырастетъ просо. Дай, кормилецъ, на верхъ его росцу, а на корни его сырость. Да уродится, кормилецъ, хлѣбъ, а рабочему (дай) хорошую здоровую жизнь». Затѣмъ

сыряпнятъиниъ вачкасызъ лангызынса, а сынъць ютыть кудыки-лпѣ, прыть конелька ланкс и сюкунить кудыпелеѣ порог ланкс и мереть: «Покшат, бабат, кулуйть, юмийть, мода поцы рунгынк, Покш Паз икили ойменк, ознеда радияда Покш Пазнынь и чачи скорува и рашты кильдимга, тичава-нармуньга, чумбранъ барычива. Я Пас чангить, Пас чангить я». Мелы стить и кармить сыряпнятъиниды ярцама.

Сы кизы Микила, пурнавить тейтерьтъни утум вакс и вийцы кундыть кафты тейтерьтъ, наряжасызъ одсѣракс, карьцить пильгизыст кемьтъ, путыть прызыст чапкат, орчафтыть лангызыст цѣранъ понктс и панарт, кедезѣст тонгетъ перчаткат и максыть кедезѣст илифть. И наряжыть кафты тейтерьтъ бояравакс, и туить ульцянь гувалт. Тейтерьтъни молеть кѣц куньцизъ ряп-ряп и морѣтъ. Бояртны молеть тейтерьтъненъ пкили и кии ары тейтерьтъненъ гарча, сень вачкитьцызъ илиѣса. Бути ульцясы ащить¹⁾ ават,

1) ачинъдярайть ульцясы.

возьмутъ, постеляють столешникъ на порогъ и наложить на него стряпню, а сами они отойдутъ въ сѣни, упадутъ на колѣни и поклонятся на порогъ въ сторону дома и скажутъ: «Дѣдушки, бабушки, покойники, пропащіе, ваши тѣла подъ землей, ваши души передъ Покшпазомъ, молитесь, желайте добра Покшпазу и за урожай хлѣба и за плодящуюся скотину, за птицу, за здоровье. Ну, помилуй Богъ, помилуй Богъ». Затѣмъ встанутъ и начнутъ ѣсть стряпню.

Придетъ лѣтній Никола, дѣвушки соберутся около амбаровъ и сплкомъ схватятъ двухъ дѣвушекъ, нарядятъ ихъ парнями, надѣнутъ имъ на ноги сапоги, надѣнутъ имъ на голову шапки, надѣнутъ на нихъ мужскіе штаны и рубашки, надѣнутъ имъ на руки перчатки и дадутъ имъ въ руки прутья. И нарядятъ двухъ дѣвушекъ барынями и пойдутъ вдоль улицы. Дѣвушки идутъ взявшись за руки въ рядъ и поютъ. Баре идутъ передъ дѣвушками, и кто зайдетъ на встрѣчу дѣвушекъ, того ударятъ они пруткомъ. Если на улицѣ будутъ женщины, то онѣ остановятъ ба-

сынъ лоткаўсызъ бояраватьнинъ. Аватьни и тейтерьтѣни пурна-
вить крукс и кармить морама, а бояртны и бояраватьни кармить
кишѣме. Васыня киши ве боярысь бояравансы марта, а мельи
омбоцесь. Мельи тагы арцитъ ряц-ряц и туитъ тагы ульцянь гу-
валт. Вассызъ ават, тагы лоткаўсызъ. Пачкидѣтъ бояраватьни
вели пеў, кайсисызъ одежаст и туитъ мекеў удалга.

Петровонъ цѣни провожеть ёсна. Веси велень дейтерьтѣни
сезьнеть тьветкат и тееть тьветэнь үрѣст. Наряжасызъ ломанъ
лаца: кайтъ лантансы шаль, жерелкат и туитъ мартынсы ульцянь
гувалт моразъ, вери песта алы пеў. Сытъ алы пеў, сайсызъ
ёснанть ланксты шалинть ды жерелкатынинъ и каясызъ
ёснанть вец.

Звижыньянь гарчи чистынть алт теленень кекшэть.

Покроўсты кармить свадьбат и молеть загоўня виц.

Роштовасты карми роштова ютка и моли одгоц.

Роштованъ васинъ цеўбенъ сайсызъ и туитъ ломанъ валь-

рынъ. Женщины и дѣвушки соберутся въ кругъ и начнутъ пѣть,
а баре и барыни начнутъ плясать. Сначала пляшетъ одинъ ба-
ринъ съ барыней, а потомъ другой. Потомъ опять станутъ въ
рядъ и пойдутъ опять вдоль улицы. Встрѣтятъ женщинъ, опять
остановятъ ихъ. Дойдутъ барыни до конца села, скинутъ свои
одежды и пойдутъ назадъ задами.

На Петровъ день провожаютъ весну. Дѣвушки всего села
нарвутъ цвѣтовъ и сдѣлаютъ крестъ изъ цвѣтовъ. Нарядятъ его
какъ человѣка; накинутъ на него шаль, борки и пойдутъ съ нимъ
вдоль улицы съ пѣснями, съ верхняго конца на нижній. Придутъ
на нижній конецъ, снимутъ съ весны шаль и борки и бросятъ
весну въ воду.

Наканунѣ Воздвиженія прячутъ на зиму яйца.

Съ Покрова начинаются свадьбы и идутъ до заговѣнья.

Съ Рождества начинаются святки и идутъ до Новаго года.

Возьмутъ конецъ первой лучины рождественской и пойдутъ
слушать подъ чужія окна, каждый человѣкъ о своемъ дѣлѣ. Если

малуу кулцынума, эрва ломаныц эс теудэнса. Бути пары кор-
тамут марить¹⁾, думить пара тест уле; бути берянь гортамут ма-
рить, думить берянь дест уле.

Роштова ютксты оддейтерьтњи и одсѣратьни якить ульцява и
морэт морэт:

Ягу-ягу-ягу! Кинь булызы кувака...²⁾

Оддейтерьтњи и одсѣратьни тейнеть роштова ютксты рош-
товань гудыт истя:

Веси одсѣратьни и оддейтерьтњи пурнавить ве чавы кудыс и
кармить морамы тейтерьтњи и цѣратьни ве таркасы мининьсю-
нынъ виськс морэт. Наряжыть ве одсѣра офтѣкс и кармить сонсы
киштифтиманса. Кармить баранынь ваткама: поводьцэз сѣраньтъ
понкс ошкурда пикс вельди и ваткасыз ланкстынъсы панарныкъ
понкснѣкъ. Тееть нешке: тапарить ве одсѣра олкса, араусызъ
угулц нешкекс и кирвайсызъ. Остатканъ белеу гармить рошто-
ванъ гудысынътъ потковама. Одсѣратьни и оддейтерьтњи ойсетъ

1) мариньдярайть.

2) См. въ отдѣлѣ пѣсенъ.

слышать хорошій говоръ, то думаютъ, что имъ будетъ хорошо;
если слышать дурной говоръ, то думаютъ, что имъ будетъ
плохо.

На святки дѣвушки и парни ходять по улицѣ и поютъ
пѣсни:

Ягу-ягу-ягу! У кого коса длинна...

Дѣвушки и парни устраиваютъ на рождественскія святки домѣ
слѣдующимъ образомъ:

Всѣ дѣвушки и парни собираются въ одинъ пустой домъ, и
начнутъ пѣть дѣвушки и парни вмѣстѣ разныя срамныя пѣсни.
Одѣнуть одного парня медвѣдемъ и начнутъ заставлятъ его пля-
сать. Начнутъ драть барана: повѣсятъ парня за кругъ штановъ
на веревкѣ и снимутъ съ него рубашку и штаны. Сдѣлаютъ улей:
обмотаютъ одного парня соломой, поставятъ его въ уголь, какъ
улей, и зажгутъ. Подъ конецъ начнутъ подковывать въ рожде-
ственномъ домѣ. Мальчики и дѣвушки сядутъ по лавкамъ. А

эземга. А ве одсѣра туи аксялга якамы потковамы и весень гарь-гарьксыст и карьбиликсыст керьцесэньсе.

Калядакшныть роштовань гарчи чиньть валцке. Пакшатъни орчеть, карьцить, сaight мешект и, кажный ялгансы марты, туить калядама вальмалга. Веси калядамутьпинь морцекшнэсэзь ве вай-гильца, и веси калядыцятъни морэть ве вайгильца.

Роштовань гарчи пидить кусят, пуцызь порог ланкс и кар-мить ознома истя: «мороз, мороз, иля чафт пиниме, чафт лён ды мушка, мастыр ваксс вачкидить». Мельи кусятънинь сэўсэзь.

Роштовань гарчи пидить лемьям: печкетъ тува, керясызь пеки алксынъть и пидисызь капстафума и салтума и сэўсэзь. Пидить ламы пива, брага и цела недѣля гуляить.

Неемсты первой од гоў мереть: «здорово, од гоў, бря матушка,

одинъ парень пойдетъ ходить подь лавками и подковывать, и раз-рѣжетъ онъ у всѣхъ оборы лаптей и сережки, гдѣ вдѣвается оборъ.

Колядуютъ наканунѣ рождества утромъ. Дѣти одѣнутся, обуются, возьмутъ мѣшки, и каждый съ товарищемъ пойдетъ ко-лядовать подь окошками. Всѣ поють колядки на одинъ голосъ, и всѣ колядовщики поють на одинъ мотивъ.

Наканунѣ рождества сварятъ кисель, поставятъ его на по-рогъ и начнутъ молиться слѣдующимъ образомъ: «морозъ, морозъ, не бей овесъ, бей лёнъ и конопель, ударь ихъ о землю». Затѣмъ съѣдятъ кисель.

Наканунѣ рождества сварятъ щи: заколютъ свинью, вырѣ-жутъ мякоть подь брюхомъ, сварятъ безъ капусты и безъ соли и съѣдятъ. Сварятъ много пива и браги и гуляютъ цѣлую не-дѣлю.

Когда увидятъ въ первый разъ молодой мѣсяцъ, говорятъ: «здо-рово, молодой мѣсяцъ, голова матушка, ты мой кормилецъ; пусть

тебя увидятъ корьменецькемат; моньдедэн икили сизьгемень зисимъ аньдямут неедезь, тоньдять улимс чумбра кшышка, а монянь Эли: цумбра чи». «...тонять сиянь рогенеть, монянь цумбрань бары чи».

Кона чиньть куды путумы кармить, се чиньть кининь гак мезияк а максыть, кабу кудыньть уцясканзы а максумс.

Сокамы лисимсты, скотина рамамсты, скотина чачумсты мезияк а максыть, кабу уцяска а максумс.

Васинь раз зараз алые, алынть кундасызь варьгань бачк п кеверькшнэсэзь суфтимса.

раньше меня семьдесятъ семь аньдямовъ¹⁾, тебѣ быть съ здоровый хлѣбъ, а мнѣ — здоровіе». Или: «...тебѣ серебряные рожки, а мнѣ здоровіе».

Въ тотъ день, когда начнутъ строить домъ, никому ничего не даютъ, чтобы не отдать счастья дома.

Когда выѣзжаютъ пахать, когда покупаютъ скотину, когда телится скотъ, ничего не даютъ, чтобы не отдать счастья.

Снесѣтся курица первый разъ, яйцо возьмутъ черезъ варежку и покатаютъ въ рѣшетѣ.

1) По объясненію Учасва, аньдяма здѣсь означаетъ черта.

Кии рами алаша, сенень алашань үозяинысь панцт пово-
дэньть голэй гец а максэсэ, а чуба полэнь бачк, кабу уцясканьть
а максумс.

Бути пиўцуви копна, копнаньть таркас пурньить мода (наоз) гу-
цине, штобу сы годны сезэнь гопна улиза.

Сокамы лисимсты столанкс ацъть столешникъ, путьить кшы,
салдыркс, кирвастить съвеча и ознэть.

Мушки видимсты орчеть калады панарт, штобу мушкысь па-
наркс чачиза.

Кто купить лошадь, тому хозяинъ лошади не дастъ конца
повода въ голыя руки, а—черезъ полу шубы, чтобы не отдать
счастія.

Если обмолотятъ копну, на мѣсто копны соберутъ кучку земли
(навоза), чтобы и на будущій годъ здѣсь была копна.

Когда выходятъ пахать, на столъ стелють скатерть, ставятъ
хлѣбъ, солонку, зажигаютъ свѣчу и молятся.

Когда сѣютъ коноплю, надѣвають рваныя рубашки, чтобы ко-
нопля уродилась на рубашки.

Картухань бутумсты сокамы алапаньть пулынсы сюлма-
сызь. Кодашка сюлмусь, истяшкат картухатъни чачист.

Buti śudyť lomań, lo-mańiń orčama, lo-mańiń ga-řćima, skal,
eľ a-laša, še-jũmia-rè, a so-ğšem a-jũne. Sy řelive śu-dyź lo-ma-
ńiś eľ řijaś mežeś kak po-javi modalaŋks—loma-ńiks, utka-ks, tu-
vu-ks, ala-šaks, řikšiveza-ŋkaks, řeŋginoša-ks eľ řjaks me-žeks
kak. Jaki modańť la-ŋga dy tandaffi loma-ťť.

Кода сеелесь эсь прянсы сюдызе. Сеелесь ульнись
скалчка. Ве шкани сеельць молиць киява ды серьнесь. Мурдась сее-
лесьмекеўды пильгизы соньцензы вацьс валясь. Сееленьть састь ке-
женсы ды мере: «эсь вацшкат сак». Аньцяк сеелесь истя мерць,

Когда сажаютъ картофель, связываютъ хвостъ папущей ло-
шади. Какъ великъ узель, такими же пусть уродятся карто-
фелины.

Если проклянуть человѣка, одежду человѣка, обувь человѣка,
корову или лошадь, это пропадетъ, а совсѣмъ не погибнетъ. На-
станетъ полночь, проклятой человѣкъ или другое что появится
надъ землей — въ видѣ человѣка, утки, свиньи, лошади, вязанки
травы, связки лыка или и инымъ образомъ. Ходить по землѣ и
пугаетъ людей.

Какъ ёжъ самого себя проклялъ. Ёжъ былъ рѣстомъ съ
корову. Однажды ёжъ шелъ дорогой и обклася. Вернулся ёжъ на-
задъ и попала нога его въ свой калъ. Ёжъ разсердился и сказалъ:
«очутись (сдѣлайся) съ собственный твой калъ». Лишь только ёжъ
это сказалъ, онъ очутился съ собственный свой калъ. Послѣ этого

сась эсь вадишканса. Седы мелы сеелесь кармась веседы визь-
диме; аныцяк моли сееленьть ваксс кияк, сон брязсы кекшэ, уш ча-
мансы киния гак а неўсэ.

От месьть ёфьнесь ве бабине:

Тунда сурить пидитяня: лакаўсыникь суритьнинь бси веца,
седи чезьть улить. Мелы карматана суритьнинь ямудума: кось-
немаст чинь гарча. Ямудувить суритьни, карматана коцтэнь го-
дама. Лисить цёратьни сокама, миньгак мартыст (се шканьтинь
гоцтэнек маштыть). Лисить сюритьни, вельтасыньси лопа, кар-
матана сюритьнинь гочкома. Седикили чинцарамут арасильть. Сы
нуима-шка, карматана нуиме. Сюрят седикили ульникшыньсть
парт. Нуивить сюритьне, туить пулцт уксимат. Пулцт укси-
мады мелы, пири роботат. Седикили барщинасы пиўдат чокшии
кафты съвечань балумс. Сат кудуў, карит пракстат как а кенереть

ёжъ сталъ стыдиться всѣхъ; лишь только кто-либо пройдетъ къ
ежу, онъ спрячетъ свою голову, а лица своего никому не пока-
жетъ.

Вотъ что мнѣ разсказала одна старушка.

Весной мы варимъ нитки: обвариваемъ горячею водою нитки,
онѣ бываютъ мягче. Затѣмъ мы начинаемъ (?) нитки, чтобы
онѣ сохли противъ солнца. Когда нитки (?), мы начинаемъ
ткать полотно. Выѣдутъ мужики пахать, и мы съ ними (къ этому
времени наши полотна окончатся). Взойдутъ хлѣба, покроетъ ихъ
трава, мы начинаемъ полоть хлѣба. Въ старину не было подсол-
нечниковъ. Придетъ время жатвы, мы начинаемъ жать. Хлѣба
въ старину бывали хорошіе. Сожнутся хлѣба, пойдетъ возка сно-
повъ. Послѣ возки сноповъ работы на гумнѣ. Въ старину моло-
тишь на барщинѣ вечеромъ столько времени, во сколько сгораютъ
двѣ свѣчки. Придешь домой, лапти и онучи не успѣютъ высох-

коськеме, а Мала (барцкый здарыста) уш пане. Юты сѣксесь, сы теле. Пакшатъни кармить нальксиме: кона галындаса, кона куриса (кекшнемкаса), кона ой цакшса. Тейтерьбакшатъни мерь-несть ялгаст туртуу: Брачкай, Сиякай, Ялгакай.

Седикили чопачатъни эрясть ломатънинь марты човор. Ванат прок ломань (цопачась), сы ваксызыт, тейтерь марты нальксе, кортэ, а кутъмиринсы варчтамс а макссэ. Сонсы кутъмиризы арась, сюлынсы пекенсы ушысыт. Чопачатъни лисънисть срастикс: пакшакс . лисе, туукс, тикши стогакс, везанкакс, лентги ношакс. Аньцяк свадьба, чопачатъни веси пурनावить: пекъ гуляямунть вечксэзъ; сынъдедэст парьцъти кияк эзь гишне.

Мон геукстени бабануть: «нейсь — арась срасть?» — Ох! неень-неень! мери бабась и кармась ёфънеме: Вестъ молян Лёвинькань баняньть вакса, а баняньть бокаса (веденьть чириса) керянь ветла корён ланкса ащи ведъавась. Ащи озады чухты корёнэньть ланкса, пилъгинсы нурьгитъ веденьтень, кеценсы пижынь зурь-

нуть, а Мала (барскій староста) ужъ гонить. Пройдетъ осень, придетъ зима. Ребята начнутъ играть: кто въ колки, кто въ прятки, кто въ горшокъ масла. Дѣвочки говорили другъ другу: Братецъ, Сестрица, Дружокъ.

Въ старицу черти жили вмѣстѣ съ людьми. Видишь, словно человекъ (чертъ), подойдетъ къ тебѣ, играетъ съ дѣвушкой, разговариваетъ, а посмотрѣтъ на свою спину не даетъ. У него спины нѣтъ, внутренности его наружи. Черти выходили оборотнями: выйдетъ мальчикомъ, свиньей, стогомъ сѣна, вязанкой, пучкомъ лыкъ. Только лишь свадьба, соберутся всѣ черти; очень любить гуляніе; лучше нихъ никто не плясалъ. Я спросилъ старуху: «Видѣла ли ты или нѣтъ оборотня?» — Охъ! видѣла-видѣла! говорить старуха, и начала рассказывать: Однажды я прохожу близъ бани Львовыхъ, а на заваленкѣ бани (наберегу рѣки), на корнѣ срубленной ветлы водяная. Сидитъ она на корнѣ дерева, ноги опущены въ воду, а въ рукѣ зеленый гребень; рѣзкими движеніями (?) че-

цям; рукстимь-рукстимь, зудри черенза. Аньцяк неемемь, года цяхазиве и веденьтень юмась. А ве срасть неень ломанинь бонаса; лиссь мельнеця сэденть алды ды моле мельган.—«А кода, бабай, срасстынть менемс?» кеўкстени мон бабанть. — Я, срасстынть менемс можна — мери бабась. Ванцак, моли мельгат срастись, сайкь ды хрѣстэкь киньть; хрѣстэнть велькса а ютэ. Лиякс менемс срастинть эйсты от кода, — мери бабась. Веляфт удалы пельди ды чийть. Срастись чии-чии мельгат, ванцы пылги слеттнэ апцить мекеў, ды веляфтэ.

«Винас кулуйда месть как эзеть маря?» кеўкстени мон бабанть.—Охъ, маринь, ламы маринь.—И кармась бабась ёфьнеме:

Мон ульнинь ищо тейтерь бакша, моленекь Каналейкаў нуиме. А Каналейкасы ламы эрькть, а се эрькненень гайсикшнысть винас-кулуйть. Сась ве, минь мадьниникь удума. Аньцяк карма-тана нувазимиме, винас-кулуйтьни чийть, капутьцызь алдынык кеньденть, туйть чийзь. Минь гадуфтана ванькс мода ланкс;

шетъ свои волосы. Лишь только я ее увидѣла, она какъ захохочетъ, и исчезла въ водѣ. А одного оборотня я видѣла въ образѣ челоѣка; вышелъ изъ подъ мельничнаго моста и пошелъ за мной.—«А какъ, бабушка, избѣжать этого оборотня?» спросилъ я старуху.—Этого оборотня, говоритъ старуха, избѣжать можно. Видишь, идетъ за тобой оборотень, возьми да перекрести дорогу; онъ не перейдетъ черезъ крестъ. Другимъ образомъ убѣжать отъ оборотня—вотъ какъ, говоритъ старуха. Обернись задомъ и бѣги. Оборотень побѣжитъ-побѣжитъ за тобой, увидить, что слѣды ногъ обращены назадъ, и вернется обратно.

«А слышала ты что-нибудь объ умершихъ отъ вина (опойцевъ)?» спросилъ я старуху.—Охъ, слышала, много слышала. И начала старуха рассказывать:

Я была еще дѣвочкой, мы ходили жать въ Каналейку (урочище). А въ Каналейкѣ много озеръ, а въ тѣхъ озера бросали опойцевъ. Пришла ночь, мы легли спать. Только лишь начнемъ мы засыпать, опойцы бѣгутъ, схватятъ изъ подъ насъ войлокъ и уй-

стятана, кучсыникъ цѣратънинъ генъденъть вешнеме. Молетъ цѣратъни, мусызы генъденъть костыяк эръки бокасты, канцызы. Аньцяк тагы мадьнитяна минъ, дагы винас-кулуйтъни кенъденъть алдынык ноцкоусэзь. — Вайхъ уш! ламы наръгамы наръксикшнысты ланксынык винас-кулуйтъне! мери бабась, и ойменсы стакасты таргизе.

Кияк сыргинъдяряй гиланкс, озны истя: «Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьменець! пары карча, апары вакса; макст, Вери Пас, алашанътинъ офтэнь-зярдынь вий!»

Бути сыргить киланкс, а печькаст уштызы, сесты саить палка ды стяўсызы бецьканъть карча. Бути печькасы апак ушт,

дутъ бѣгомъ. Мы остаемся на голой землѣ; встаемъ, посылаемъ мужиковъ искать войлокъ. Идутъ мужики, найдутъ войлокъ гдѣ нибудь на берегу озера, принесутъ его. Только лишь мы опять ляжемъ, опять опойцы выташутъ изъ подъ насъ войлокъ. — Охъ, ужъ! много мученій причинили намъ опойцы! сказала старуха и тяжело вздохнула.

Всякій, кто собирается въ дорогу, молится слѣдующимъ образомъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, кормилецъ! доброе на встрѣчу, а недоброе въ сторону; дай, Верипазъ, лошади силу медвѣдя-оленя»¹⁾.

Если собираются въ дорогу, а печка затоплена, тогда возьмутъ палку и поставятъ ее противъ печки. Если печка не зато-

1) Р. Ө. Учаевъ замѣчаетъ: «встарину медвѣдя называли сярда».

сесты пецькась пекстазь заслонца. А уштызь бецьканьть заслонцы пекстамс нелься, пектасызь балкаса, стяфтыть пецьканьть карча палка.

Мельнецянь зрояма. Плотьникъни кильдить тройка, туить лия велеу и салыть тосты пакша эль одейтерь — одсѣра. Усксызь залазь ломаниньть, уштыть баня, штасызь и алфтасызь мельнеця алуѣ. Мельи чувить васинь званиньтинь латка, озаўсызь латкыньтинь залазь бакшаньть, пуцызь брязынсы сваиньть и чаўсызь бачканса. Кода пакшаньть озафтыть латкыньтинь, мереть: «ульть мельнецянь гирьдий, мельнеця авакс». Мельи мельнецяньтинь мереть: «а тон ищо ломаниньбря иля вещь а плотниксты, а мельнексты, а яжицяста; ней макстана тетъ ломань бря». Теды ули мора: «Каргыцькаць Акамкань руцяза».

плена, тогда она закрыта заслонкой. А затопленную печку нельзя закрыть заслонкой, ее запирають палкой, поставятъ палку противъ печки.

Постройка мельницы. Плотники закладываютъ тройку, ѣдутъ въ другую деревню и украдутъ оттуда ребенка, а то молодую дѣвушку или молодого парня. Привезутъ украденнаго челоѣка, истопятъ баню, вымоютъ его и обѣщаютъ подѣ мельницу. Потомъ выкопаютъ яму для первой сваи, посадятъ украденнаго ребенка въ яму, поставятъ на его голову сваю и вобьютъ въ него. Когда сажаютъ ребенка въ яму, скажутъ: «будь держащимъ мельницу, матерью мельницы». Потомъ скажутъ мельницѣ: «а ты не проси еще челоѣчьей головы ни отъ плотника, ни отъ мельника, ни отъ помольца; теперь мы даемъ тебѣ челоѣчью голову». Объ этомъ есть пѣсня: «Загрязнилась у Акамки рубашка»¹⁾.

1) См. эту пѣсню въ отдѣлѣ пѣсней.

Бути ломаниньть киви суды пряза, сон мере: «вереу гине, чачтыця марян, алуу гине, кулыця марян».

Кининьдяряй ломаниньть кедьгуньказа, мере: «ванат, казни тень максыть».

Кининьдяряй ломаниньть щёказа, мере: «течи, ванат, мекс как аварьдян».

Кининьдяряй ломаниньть коняза, мере: «ванат, ки марты як здоровакшнан».

Если у кого чешется конец носа, онъ говоритъ: «кверху чешется, узнаю о родившемся, книзу чешется узнаю объ умершемъ».

Если у кого чешется ладонь, онъ говоритъ: «видно, миѣ дадутъ подарокъ».

Если у кого чешется щека, онъ говоритъ: «видно, я сегодня отъ чего-нибудь заплачу».

Если у кого чешется лобъ, онъ говоритъ: «видно, я съ кѣмъ-нибудь поздороваюсь».

Arčilo voň na roděš eržań mo-rèt mo-rcet ču-rysta. E-ržań mo-ra mařat a-ńćak i-řicty lo-mańiń gu-rksta; sy-ři loma-tt e-ř-žań mo-ry še-řgedet a-ńćak šesta, ko-da mo-rařit ru-zyń mo-rast, a od lo-matt še-řgedet e-řžań mo-ry řejede-mańgis. E-řžań mo-rèt ko-natńiń mo-řćesěz nejga-k: Iva-nyń Ma-řřas, Sy-ři ta-tar-čas, Mařuty-ńis, Adi-dy ja-lgat, i lijat kojkode-tt. A lija mo-rèt-ńeń eř zdu-fnyřiz. Od lo-matt li-jat so-det kojkode-tt eržań mo-rèt, a li-jat kodatt kak azdy-t. E-řžań mo-rèt mo-řna ma-řams šedi ko-rtakřuđ ba-řińi eř a-tińi ře-lde. Moreť ruzy-ń mo-rèt: Prařřaj řiřt, radořt maja, Krugom ja řiratela, Za řekoj na gaře.

Васьня эрзятъни эрясть покш семьяса, а ней ве цѣра и се тятянзы эйсты тye.

Арчиловскіе крестьяне рѣдко поютъ эрзянскія пѣсни. Эрзянскую пѣсню можно услышать только отъ пьянаго человѣка; старые люди поютъ эрзянскую пѣсню только тогда, когда споютъ свои русскія пѣсни, а молодые люди поютъ эрзянскую пѣсню для шутки. Вотъ эрзянскія пѣсни, которыя поютъ и теперь: Иванова Матрёна, Старый татаринъ, Машуточка, Идите подруги, и кое-какія другія. А другія пѣсни они чуть ли не забыли. нѣкоторые молодые люди знаютъ кое-какія эрзянскія пѣсни, а нѣкоторые никакихъ совсѣмъ не знаютъ. Эрзянскія пѣсни чаще всего можно услышать отъ особенно разговорчивой старушки или старичка. Русскія пѣсни поютъ (слѣдующія): Прощай, жисть радость моя, Кругомъ я сиротѣла, За рѣкой на горѣ.

Раньше эрзяки жили большими семьями, а теперь одинъ сынъ, и тотъ уходитъ отъ своего отца.

Эрзятъни машсть мининьсюнынь артума. Арцть мининьсюнынь дикшысы и тикшы корѣнца. Ожэсты (тюжасты) арцть «ожы лопаса»; якстиристы арцть «кей дикшы корѣнца».

Кода Арчилоу велесэньть эзь ульни церькова и народэсь эрясь алак лемть, сесты лемтьненъ максникшыньсть сынъць истя.

Кона пакшанть кувать учить чачуманзы, сень лемензы пуцызь «Учай» (учумс). Паксяс чачиця пакшанть пуцызь лемензы «Паксяль» (пакся). Бути пакшась чачи тикшыледема ланта, сень лемезы «Тикшаль» (тикше). Кона пакшась чачи нуима ланта, сень лемезы «Нуяль» (нуимс). Кона пакшась чачи праздникста, сень лемезы «Нарядге» (наряжамс). «Кочкаль» — валсты «кочкомс»; «Улиж» — валсты улимс; истя мересть пакшантьинь, кона чачи пары гоцты, кода сюры уле, зли кона чачи, кода уж цѣра уле. «Девятай» — кона чачи вейксэцекс пакша.

Эрзяки умѣли красить всякую всячину. Красили всякими травами и корнями травъ. Въ желтую краску красили «серповникомъ»; въ красную краску красили корнемъ травы марены.

Когда въ селѣ Арчиловѣ не было церкви и народъ былъ не крещеный, тогда они давали имена слѣдующимъ образомъ.

Когда долго ждутъ рожденія ребенка, ему дадутъ имя «Учай» (отъ слова ждать). Ребенку, рожденному на полѣ, дадутъ имя «Паксяль» (отъ слова поле). Если ребенокъ родится во время покоса, имя ему «Тикшаль» (отъ слова, означающаго траву). Ребенку, который родится во время жнитва, имя «Нуяль» (отъ слова жать). Который ребенокъ родится въ праздникъ, тому имя «Нарядге» (отъ слова наряжать). «Кочкаль» отъ слова, означающаго полоть. «Улиж» отъ слова, означающаго быть; такъ называли ребенка, который родится въ хорошій годъ, когда есть хлѣбъ, или который родится, когда ужъ есть сынъ. «Девятый» — (назовутъ) ребенка, который родится девятымъ.

Цюр - Бас.

Арчиловонь эрзятъининь гак ули Цюр-Базыст. Арчиловонь бабинить секи теу мереть: «Вай, сюр-бас ваньнзат!» Неендыарй Арчиловонь ава мезияк апара, серъгеде: «вай сюр! ванумак, корьмай, истямуды». Карманьдырят киньгак кармафтума апарынъ дееме (салама, эль ищо мезеньгак тееме), сон гарчит мере: «вай, сюр-бас, ванумам». Улиндыарй ломаниньтий горя, сон зеки теу дейне: «вай сюр, вай сюр, вай сюр!...»

Ве бабини ёфнесь:

Ведь офъни сюдынъ ломатть. Седикили ломаньтъ сюдысизь, сон офтэкс веляфтэ. Офтэньтъ пилыгинзы як ломанинь, пилгалксынзы як».

Богъ - Чуръ.

У Сухокарбулакскихъ эрзяковъ есть и богъ Чуръ. Сухокарбулскія старушки такъ говорятъ: «ой, богъ Чуръ тебя увидить». Если Сухокарбулакская женщина увидить что-нибудь страшное, она закричитъ: «ой, чуръ! сохрани меня кормилецъ отъ этого». Если начнешь дѣлать кому-нибудь зло (красть или ещо что дѣлать), она скажетъ тебѣ: «ой, богъ Чуръ сохранить меня». Если челоуѣку приключится горе, она такъ повторяетъ: «ой чуръ, ой чуръ, ой чуръ!»

Одна старушка рассказала:

Вѣдь медвѣди проклятые люди. Въ старину, проклянуть челоуѣка, онъ обернется медвѣдемъ. У медвѣдя ноги тоже челоуѣчьи и пятки тоже.

Ве бабини ёфнесь:

Ва курык Аньтихрист сы. Сесты ули голодь. Аньтихристись сы, карми сюры яўшине, орчамут-карьцимат. Ки мези сап кецтэнзы, сень гонязынзы эль вить кедезэнзы печат путэ. А ней уш курык; сы ды сы.

Ве атя монянь мере: «куды юртават ульнисть!» И кармась ёфнеме. — «Минь весть стыникъ Гашка лялянъ геца; ульниникъ Родя атя марта. Ащитяна столекшса, а куды юртавась миникъ алда: а-а-а-а! а-а-а-а! Минь гургынык афтыникъ ды вантана вейкенэк-вейкенэк ланкс. Мон мерян: «Родя атя, тон гулыть!» А сон моньдянь истя мере. Омбоци чокшненьть ащитяна, статана, а куды - юртавась пецька алда: а-а-а! а-а-а! — «Тон месть тандафнят, Родя атя?» мерян мон. — «Тон доньць тандафнят, Ёгор атя!» мери моньдянь Родя. А миньць ащитяна буты кулыт».

Одна старушка рассказала:

Вотъ скоро придетъ Антихристъ. Тогда будетъ голодь. Антихристъ придетъ, начнетъ раздавать хлѣбъ, одежду и обувь. Кто что возьметъ изъ его рукъ, тому онъ положитъ печать на лобъ или правую руку. А теперь ужъ скоро; придетъ да придетъ.

Одинъ старикъ говоритъ мнѣ: «были домовыя юртавы!» И началъ рассказывать. — «Мы однажды шли у дяди Агафона; мы были вмѣстѣ съ дѣдушкой Родіономъ. Сидимъ за столомъ, а домовая юртава подъ нами: а-а-а-а! а-а-а-а! (стонетъ). Мы раскрыли рты и смотримъ другъ на друга. Я говорю: «дѣдушка Родіонъ, ты померъ!» А онъ мнѣ такъ же говоритъ. На другой вечеръ сидимъ, шьемъ, а домовая юртава изъ подъ печки: а-а-а! а-а-а! — «Ты чего пугаешься, дѣдушка Родіонъ?» говорю я. — «Ты самъ пугаешься, дѣдушка Егоръ!» говоритъ мнѣ Родіонъ. А мы сами сидимъ, точно мертвые».

Мон геүкстени атяньть, косы эри куды юртавась. — «Пецька ала! от коса!» мери моньдянь атясь.

Ве атя мон геүкстень, ули-арась кардаз-юртава. Монянь атясь ёфнесь от месьть:

Раманынькань Иванынь алашансы ульнисть буты ледянкат, а се ульнись от мезьда. Весть мон лисинь гардазуу¹⁾ цокшни позда, максынь алашатыннинь дикшыть ды сувинь гудыс. Мелыи бабам лиссь венелеу. Аньцяк кенерьць лисиме, кода суви мекеу, кода хлопатцы кенкшенеть, а соньць буты кула. — «Тон мекс? тон мекс?» меряи мон бабанинь, а бабам афтызи кургынсы, тетькенся сельменсы, ды мере: «мон лисинь ды ванан, а Раманынькань Иванынь гардаз-юртавась скулминьси алашатыннинь и-кильди тикшытьннинь везанкас ды кузи латы велькса. Соньць а неяве, а тикшы везанкась моле-шаштэ и ютась латынтэ вельк-

1) кардайс.

Я спросилъ старика, гдѣ живетъ домовая юртава. — «Подъ печкой! вотъ гдѣ!» говоритъ мнѣ старикъ.

Я спросилъ одного старика: есть ли или нѣтъ дворовая юртава?

Старикъ разсказалъ мнѣ вотъ что: «У Ивана Романова лошади были гладкія какъ ледянки, а это было вотъ отъ чего. Однажды я вышелъ на дворъ, поздно вечеромъ, далъ лошадямъ травы и вошелъ въ домъ. Потомъ жена моя вышла на дворъ. Только лишь она успѣла выйти, какъ войдетъ назадъ, какъ хлопнетъ дверью, а сама точно мертвая. — «Ты чего? ты чего?» говорю я женѣ, а жена раскрыла ротъ, вытаращила глаза и говоритъ: «я вышла и смотрю, а дворовая юртава Ивана Романова связываетъ позади лошадей траву въ вязанки и лазить черезъ крышу. Самое ея не видно, а вязанка изъ травы ходить, двигается и исчезла на

ска».—От мекс Раманынькань Иванынь алашанзы ульнисть буты ледянкат, мери моньдянь атысь.

Ве баба ёфнесь:

«Ашан, мери, чавы кудыса, а кудыюртавась конекъ алды моли печькаалуў. Соньць кудыюртавась аша, псакань бонаса, пулызы кувака. Весть мон веть лисинь гардаз удалуў. Ванца, ащи кардаз-юртавась, прок ашы псака. Мон гундыне, сайни кедезэн и туйнь гудуў нефьтеманса. Кандан гардаз-юртаваньть кецэн, карминь гудыс сувама. Кардаз-юртавась скокаць кецтэн, юмась».

Месть ёфнесь ве баба:

«Вай ули кудыюртава, вай уле! мери бабась. — Кудыюртавась псакань бонасы, апы, пулызы кувака. Мон моньць эзень

крышѣ».—Вотъ отчего лошади Ивана Романова были словно ледянки» — говоритъ мнѣ старикъ.

Одна старуха рассказывала:

«Сижу я, говоритъ, въ пустой избѣ, а домовая юртава изъ подъ кровати идетъ подъ печку. Сама домовая юртава бѣлая, по виду кошка, хвостъ ея длинный. Однажды ночью я вышла за дворъ. Смотрю, сидитъ дворовая юртава, словно бѣлая кошка. Я схватила ее, взяла ее въ свои руки и понесла домой, чтобы показать ее. Несу дворовую юртаву въ рукахъ, стала входить въ избу. Дворовая юртава выскочила изъ рукъ, исчезла.

Что рассказывала одна старуха:

«Ой, есть домовая юртава, ой, есть! говоритъ старуха. Домовая юртава по виду кошка, бѣлая, хвостъ ея длинный. Я сама не видѣла домовой юрtaвы, Ефремова Евфимія рассказывала; она

некъ кудьюртава, Эхременькань Охемья ёфнесь; сон неези кудьюртаваньть кияксынъдрокс ютамста аксялды пецька алуў. Апарыс кудьюртавась аварьде, парыс кашмоле. Карминьдярий кудьюртавась аварьдима, сонсы кеўкьсьнеть, а сон а ёфтэ. Сы ломаниньть ланкс бедась, сон чарькиди мейсь кудьюртавась аварьць».

Седикили эрьцесть истя: эрьва ломаниньть эйденсы-какшынсы эрьва теўсты тятяст кеўкстеть и эрьва кеўкстемсты пильгизынсы сюкунить.

Ве ломань дятянсы авансы мель эзь ван. Тусь се ломанись пирысы аўняў булцтынь гостяма. Аньцяк кенерьць сувама аўня мацтыньтинь, года аўня авась тенсы вередемы, кода уруме. Тиятува ломанць меньць, аўня авась поакшнызе.

Ве ломань дятянсы авансы мель эзь ван. Тусь се ломанись вириў, керясь ломанись оз бенге, тусь кудуў. Мольць мольць,

увидѣла домовую юртаву, какъ она проходила по полу отъ скамейки подъ печку. Ко злу домовая юртава плачетъ, а къ добру молчитъ. Если домовая юртава начнетъ плакать, ее спрашиваютъ, а она не говоритъ. Нападетъ на челоуѣка бѣда, онъ пойдемъ, отчего плакала домовая юртава».

Въ старину жили такимъ образомъ: у каждого челоуѣка дѣти относительно каждого дѣла спрашиваютъ своего отца и при каждомъ спросѣ кланяются ему въ ноги.

Одинъ челоуѣкъ не слушался своего отца и матери. Пошелъ этотъ челоуѣкъ на гумно въ овинъ сушить снопы. Только лишь успѣлъ онъ войти въ овинный подвалъ, какъ овинная женщина начала приставать къ нему и душить его. Туда сюда метался челоуѣкъ, обвинная женщина удушила его.

Одинъ челоуѣкъ не слушался своего отца и матери. Пошелъ тотъ челоуѣкъ въ лѣсъ, нарубилъ возъ дровъ, пошелъ домой.

роўна таркас озэзы сяурьць. Понксь ломаньць озэньть алуў, цауўсь.

Нень ёфненьзи ве баба.

Орма.

«Raba Ivannyń zaś Vašilijń beldä. Vašilijń ašy panarcta vėšan milyštķä: lama orčat, lamy kafat, lamuniń pary tejat. Vėšt Vašilijń beldä meńksķä šetksķä, dobroj zdorouja. Saś songy valyń meřemasta, apary mēldēnza keždēnza pēktēnza, a moža saś Pazyń apary časta. Ulizy milyštķit, maksyķ čumbračyńinga, javiķ zdoroujanza» (kolmkšt). Kolm raz gortaftums, kolmo vejksē raz kaji vėdņet. Loņņōsy mekej laņķ, mejlī van išta amulđi, mekej laņkt valci, mejlī tagy išta kortausy, tagy vejksē loņņē, tagy

Шелъ шелъ, на ровномъ мѣстѣ разсыпался его возъ. Попалъ челоуѣкъ подъ возъ, убилися.

Это рассказала одна старуха.

О болѣзняхъ.

«Рабу Ивану попритчилось отъ Василія. Я прошу съ чистой рубашки Василія милость: ты многихъ одѣваешь, многихъ обувашь, многимъ дѣлаешь добро. Попроси у Василія перемѣнушки, облегчєница, добраго здоровья. Попритчилось отъ произнесєнія имъ слова, отъ дурного желанія, отъ гнѣва, отъ его боли и, можетъ быть, попритчилось отъ недобраго Божьяго времени. Да будетъ твоя милость, дай ему здоровьєце, надѣли ему здоровьє» (трижды). Три раза сказать, трижды девять разъ выльеть водицу. Считаєтъ это наоборотъ (т. е. девять, восемь, семь, и т. д.), потомъ вотъ такъ зачерпнєтъ, выльєтъ назадъ, потомъ опять такъ же скажєтъ, потомъ опять сосчитаєтъ девять, потомъ опять

mekej laŋkt laftuunzy troks vėd valė kolmy raz, dy mėlji še vėd-
nėsėnt sėredėcānt štasy i šimsė.

Записано отъ старушки Учаевой.

Kandyt kolma liśmasta vėdñā, targit kolma kriśasta olgeñet
Bogorodicanť marťa, kolmy kudysta nupuñnit targit; kolmy vej-
sėt ščėpkeñet vašin gačamnis pucyz. Mejli sajsyz vėdñeñt, ki-
jaks kunčkas pejel šalgit, pakšanť panarynzy orčausyz pejeleñt
laŋks i karksķinzy kajasyz. Arausyz bakšanť pejlent laŋks, suftim
araftyt pakšanť vėlkss i kajasyz vėdñeñt pakšanť laŋks suftimiñt
pačk. Pakšyniñt tapařasyz, laus kajasyz, a panaryñt vėd laŋguu
mėlgast usksyz i muksyz, i mērā: «Mon ždyn nardyn Ivannyñ
ormanzy tazvunza, štyñ nardyn gudysa, a kudyjurtava mattuškaś
nakazaś toñat štamuda ručastynza palastynza karksķistynza. Vė-
deñ ģirdij vėdava mattuška, štyt nardyt šijaks čuđi vėdñesėt i zo-

выльетъ три раза воду поверхъ его плечей, а потомъ тою води-
цею вымоетъ больного и выпьетъ ее.

Принесутъ водицы съ трехъ источниковъ, выдернутъ соло-
минки съ трехъ крышъ съ Богородичною молитвою, изъ трехъ
избъ выдернутъ кусочки моху и три девятка щепочекъ положить
въ первый дымокъ. Затѣмъ возьмутъ водицу, посрединѣ пола
воткнуть ножъ, на ножъ надѣнуть рубашку ребенка и накинута
поясокъ. Поставятъ мальчика у ножа, ставятъ рѣшето надъ го-
ловой мальчика и льютъ ту воду на мальчика черезъ рѣшето.
Мальчика завернуть, положить въ зыбку, а рубашку потащатъ
съ собой на рѣчку и вымоютъ, и она говоритъ: «Я мою вытираю
Иванушкины болѣзни, я мою вытираю въ домѣ, а домовая юртава
матушка приказала тебѣ смыть съ его руци, съ его рубашки съ
его пояса. Воду содержащая ведява матушка, вымой вытри се-
ребромъ текущею водицею твоею и на золотомъ бережочкѣ вы-
текающимъ какъ серебро родничкомъ. Спасибо, содержащая воду
ведява матушка, за твой какъ серебро вытекающій родникъ, за

lotój berekkesét síjaks líśá líśma príńisyt. Paśiba, védeń gírdij
védava mattuška, síjaks líśi líśma prázyt, zolotój berekkezèt i sí-
jaks čudī véďnezèt. Paśiba zdoronjań maksumazyt, paśiba čumbra-
čyzyt. Mejli tuji panarnyńt marťy kudu. Véd lanġuġ moľemsty
mekeġ avaršté, véd lanġsty samsty jak a vany udalu. Sraņsé. Pańďa.

Записано отъ старушки Учаевой.

Аньцяк кона кудыньтинь появи оц чачий, почотцэзэ вальма
ланġнинь гулуўса, вальматнинь үрѣстасызэ, а оц чачининь лаў-
синзы кружасызэ килиинь деньцэса и мереть: «Съветэй џуфта,
ашы килий, ванцтыкъ раба (лемь кундасы) душманды (ведунды),
апарыда, вень удумсты, чинь ащимсты, кепедемстэнзы, валцтум-
стынзы, потяџтумстынзы, андумстынзы, симдимстынза». Истя
пирить-чурыть оц чачининьт кодгемень чить.

Бути авась веть а марясы аварьдимады пакшанса, омбоци
чѣкшненьт мадимстынзы истя ознэ: «Куды юртавинимь, авинимь,

твой золотой бережокъ и за серебромъ текущую твою водицу.
Спасибо за то, что дала здоровье, спасибо за здоровье». Затѣмъ
она идетъ съ рубашкой домой. Отправляясь на рѣку, назадъ не
смотреть, и идя съ рѣки не смотреть назадъ. Развѣситъ рубашку.
Конецъ.

Какъ только въ какомъ нибудь домѣ появится на свѣтъ ново-
рожденный, посыпаютъ подоконники золой, крестятъ окна, а во-
кругъ новорожденного обводятъ березовой метлой и говорятъ: «Свя-
тое дерево, бѣлая береза, охрани раба (имя рекъ) отъ дурного
человѣка (колдуна), отъ зла, ночью во время сна, днемъ во время
бодрствованія, во время подниманія его, опусканія его, кормле-
нія его грудью, кормленія его пищею, поенія его». Такъ охра-
няютъ новорожденного въ теченіе шестидесяти дней.

Если женщина не слышитъ ночью плача своего ребенка, она на
другой вечеръ ложась молится слѣдующимъ образомъ: «Домовая
юртава, матушка, отрубленный пенъ, кормящій и воспитываю-

керянь дочкы три ваны Пас, корьменецькемат! иляк катт куватыц¹⁾ аварьдими монь эйднемь, стяфтумак, илямак катт виниусты удума».

Бути пакшась пекь аварьди и кувать сэреде, се пакшанть сайсызь вириу; тосы лазыть чуфта (бути цёра пакшась, лазыть тума; бути тейтерь бакшась, лазыть килий). Лазыть чуфта корён ланксы ащиця; лайсызь истя: кунчкавидинзы чуфтыньть лайсызь, а корёнэньть марты чуфтыпрясь ащить целаства. Чуфтыньть пачк лазуўсканть пакшанть таргасызь. Пакшанть таргамсты мереть: «Съветэй цуфта, ашы килий» (бути пакшась тейтерь), эль «Съветэй цуфта, пижы тума (бути пакшась цёра), саякь раба (лемь кундэ) аварьдиманзы, нарчтыкь эйтэнзы, максыкь чумбра чинса. Чумбрачининь максумга, ормань дарвунь займга, орчеть раба (лемь кундэ) орчамунзы, карьцить карьциманса; прястынзы чапканса, ланкстынзы палянса, перькастынзы карксынса и руцяны палянса». Седы мельи сэредеця пакшанть чапканзы, панарынзы, карксынзы и руцяны поволесэзь цуфтыньть ланкситуить.

1) кувать.

щій Богъ, ты мой кормилецъ! не оставляй плакать подолгу моего ребенка, поднимай меня, не оставляй меня спать крѣпкимъ сномъ».

Если ребенокъ сильно плачетъ и долго болѣетъ, его возьмутъ въ лѣсъ: тамъ расколютъ дерево (если мальчикъ, расколютъ дубъ; если дѣвочка, расколютъ березу). Раскалываютъ дерево на корню; колютъ слѣдующимъ образомъ: колютъ середину дерева, а верхушка дерева вмѣстѣ съ корнемъ остаются цѣлы и протащатъ ребенка черезъ дерево расколотымъ мѣстомъ. Протаскивая ребенка, говорятъ: «Святое дерево, бѣлая береза» (если ребѣнокъ дѣвочка) или «Святое дерево, зелѣный дубъ (если ребѣнокъ мальчикъ), возьми отъ раба (имя рекъ) его плачь, сшиби съ него, дай здоровье. За то что ты дашь здоровье, за взятіе болѣзни, одѣнь на раба (имя рекъ) его платье, обуи его обувь; съ головы его шапку, съ него рубашку, съ туловища его поясъ, пеленки и рубашку». Послѣ этого развѣсятъ на деревѣ шапку, рубашку, поясъ и руцю больного ребенка и ухажать.

Бути пакшанть кольги пилиза, варчить венчама кольца и вереу гасый бакша и кармаусызь вереу гасый бакшанть сельгенеми кольцанть пачк сэредеця пакшанть ланкс, вицты сэредеця пилиньтинь. Истя пакшанть сэредеця пилыгинь сельгенесэзь кемгафтувы чокшнеть валцкить.

Ве ава сэредеця пакшанть пари баняса, а омбоцесь ащи кенкш удала. Кенкш удалы ащиця авась кеўксъне: «мези парят»? Париця авась отъвече: «кискань зыри чя». Васинь авась мере: «паряк, паряк парыниста!» Истя кеўкстеть отъвечеть колмксть.

Бути цёрапакшань ве алызы покш, моли авась веде берекс, комафты ведра, сай курья, напасы курьянть вец и карми курьяпестэнь веденьть петьяфними ведра потмаксынть ланкс. Петьяфты авась ведра потмаксынть ланкс колмы вейксэт, сайсы се веденьть кургызынзы и сы кудуу. Араўсы авась сэредеця пакшанть вальма варянь гарча (а бути вальмасыньть варя

Если у ребенка болитъ ухо, найдутъ вѣнчальное кольцо и въ верхъ растущаго ребенка (или юношу)¹⁾ и заставятъ въ верхъ растущаго ребенка плевать черезъ кольцо, прямо въ больное ухо. Такъ плюютъ въ больное ухо двѣнадцать дней утромъ и вечеромъ.

Одна женщина паритъ больного ребенка въ банѣ, а другая стоитъ за дверью. Стоящая за дверью женщина спрашиваетъ: «что ты паришь?» Парящая женщина отвѣчаетъ: «собачью старость». Первая женщина говоритъ: «парь, парь хорошенько». Такъ спрашиваютъ и отвѣчаютъ трижды.

Если у мальчика одно яичко (на половыхъ частяхъ) велико, мать идетъ на берегъ рѣки, опрокинетъ ведро, возьметъ коромысло, опуститъ коромысло въ воду и начнетъ сливать воду съ конца коромысла на дно ведра. Сольетъ мать на дно ведра три раза по девять капель, возьметъ ту воду въ ротъ и пойдетъ домой. Поставитъ мать больного ребенка противъ оконной отдушны (а

1) Отъ 1 года до 20 лѣтъ (т. е. переживающаго періодъ роста).

арась, паньцить вальма и паньцинъ вальманъть карчи араўсызь бакшанъть). Соньць авась лиси ушуў ды вальма варяванъть пакшанъть алнынзы пургасынъи курксынъи вещьнъть (конанъ ведь-берексты кандызе).

Иван Гупальнынъ цини якить бабинить вириў тикшынь люкшанъ зезьнеми орманъ орожьямс.

Ветькенъ гомолят — томбафтынъ барямс.

Ведь грайга ведь нарфуць тикшыть—пакшанъ дандалимады резэмада.

Залык ланга коськи нарфуць тикшыть—пакшанъ госькемада.

Ведьга жывой дикшыть: бути пакшанътинъ сэредецяньтинъ гулумс, то те тикшысынъть экшэлемалы мелыи кулэ, а бути а кулумс, то а кулэ.

Плакунтрава — веси орматьнида.

Цяпур и шалфей барт простудада.

если въ окнѣ нѣтъ отдушины, то откроютъ окно и поставятъ ребенка напротивъ открытаго окна). Сама мать выйдетъ наружу и черезъ отверстіе окна брызнетъ изо рта водою (которую принесла съ берега рѣки) въ яичко ребёнка.

Въ день Ивана Купалы старушки ходятъ въ лѣсъ рвать травы, для того чтобы заворачивать болѣзни.

Хиновникъ — парить ушибъ.

Растущія по берегамъ травы (?)—отъ испуга и чахлости ребенка.

Растущія по залогу травы (?) — отъ сухотки ребенка.

Растущія въ водахъ травы (?)¹: если больному ребенку помереть, то онъ умретъ послѣ купанія въ этой травѣ; а если не помереть, то не помереть.

Плакунъ трава — отъ всѣхъ болѣзней.

Богородицкая трава и шалфей хороши отъ простуды.

1) «Это есть какія-то травы, которыя растутъ въ водахъ».

Марья тикшэ чулкситимады и веси орматьниды, винас морямс.

Кулина тикшэ — грудинь зэремады и козомада.

Тепци корён — зуксты пара.

Таргысть тикшыть — таргызимада.

Гуинь бупама тикшыть — гуинь бупамуда.

Лама тикшыть — веси орматьнида.

Эрьва орманьть орожьямс ули тикшэ.

Коськи нарфуць тикшыньть сеземсты а еряви атякшт марямс морамуда.

Тикшыньть сеземсты эряви арамс чинь гарча, штобу сультит а неемс.

Марьяна трава¹⁾ — настоять на винѣ отъ ломоты и всѣхъ болѣзней.

Акулинина трава — отъ болѣзни груди и кашля.

Белена — хороша отъ червей.

? — отъ опухоли.

Травы «ужаленіе змѣи» — отъ ужаленія змѣи.

Много травъ отъ всякихъ болѣзней.

Для излѣченія каждой болѣзни есть трава.

Когда рвешь траву —, не надо слушать пѣнія пѣтуха.

Когда рвешь траву, надо стать противъ солнца, чтобы не видѣть своей тѣни.

1) «Растетъ вездѣ, курнями и въ одиночку, цвѣты желтые».

Орожьямут.

Бути пакшась сѣстафты ды креце, сесты орожьясь пакшаньть авантинь мере: «тонь бешксесы сараз гучкирьдить, вана-нак ней бакшась сараз лацы креце». Те орманьть истя орожьеть. Каясызь бакшаньть кардаз гунчкас, кайсить пакшаньть ланга ямкст, и кода пакшаньть ланксты сараст кармить ямкснынь глюкама, мереть: «Тица-нармунинь Пас, корьменець, сайкъ раба (лемь-кундѣ) крецямуна».

Кона пакшаньть пекезы сѣреди истя орожьеть. Мацьсызь бакшаньть кунцт, саять пыжинь үрѣст, лепшеть пакшаньть пекензы хрѣссэньть и кортэть: «Чаван пщиксынзы, осодэнзы, карчи валынзы, апары думунзы, сафтынзы, причинанзы, сѣрьстэнзы, кельстэнзы, теластынзы - пукшыстынзы, верьстэнзы - сывиль-

Лѣчебные приемы.

Если ребенка дѣргаетъ и онъ кряхтитъ, тогда ворожея говорить матери ребенка: «ты (будучи) беременная курицу пихнула ногой, вотъ теперь ребѣнокъ кряхтитъ по куриному». Эту болѣзнь лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Положатъ ребенка посреди двора, набросаютъ на ребенка пшена, и когда куры начнутъ клевать пшено съ ребенка, говорятъ: «Богъ птицъ, кормилецъ, возьми съ раба (имя рекъ) его кряхтѣніе».

Если у ребенка болитъ животъ, лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Положатъ ребенка вверхъ животомъ, возьмутъ мѣдный крестъ, надавливаютъ животъ ребенка крестомъ и говорятъ: «Я бью его колотья, его сглазь, противныя ему слова, нехорошія думы, притки и причины съ его роста, съ его ширины,

стынсы, сизыгемень зисимь ловажастынсы, ловажапоцы удим-
стынсы, сизыгемень зисимь эзнестэнса». Истя хрѣссэньть пак-
шаньть лепшасы колмксть и колмксть кортасыньси не валтнынь.
Мельи орожьясь сая колмы пеньчть и тагы колмксть лепшасы
пакшаньть пекенса; эрва разыньть кортаўсыньси се валтнынь.
Мельи орожьясь сая теньцьть; колмксть теньцьсэнть пакшаньть
лепшасэ; эрва лепшамсты кортаўсыньси вери сѣрмадызь валт-
нынь. (Не орожьямутьни пищиксты як).

Ве баба мининь-юнынъ ормат орожья истя: «Иниведенъ дом-
балди сы атя, пижынь дуба ланксынсы, пижынь цапка пря-
сынсы, пижынь гемьть пильксынсы, пижынь балка лафтуў ланк-
сынсы, пижынь ботол бесэнсы, пижынь гиска мельганса. Пижынь
гисканьть пижынь гелезы, пижынь беенсы, пижынь геньценса.
Пижынь балкасыт чавить и сайть сѣредецяньть ормансы тар-

сѣ его тѣла, сѣ его крови, сѣ его мяса, сѣ семидесяти семи кос-
тей его, сѣ мозга, находящагося подѣ костями, сѣ семидесяти семи
суставовъ». Такъ потискаеть она мальчика крестомъ трижды и
трижды говорить эти слова. Потомъ ворожея возьметъ три ложки
и опять трижды потискаеть животъ мальчика; каждый разъ она
скажетъ эти слова. Потомъ ворожея возьметъ вѣникъ; трижды
потискаеть вѣникомъ мальчика; при каждомъ надавливаніи она
говоритъ вышенаписанныя слова. (Эти заговоры также отъ ко-
лотья).

Одна старуха заговариваетъ всякія болѣзни слѣдующимъ
образомъ: «Съ той стороны великаго моря идетъ старикъ, на немъ
мѣдная шуба, на головѣ его мѣдная шапка, на ногахъ у него
мѣдные сапоги, на плечахъ у него мѣдная палка, на концѣ ея
мѣдная шишка, за нимъ идетъ мѣдная собака. У мѣдной собаки
мѣдный языкъ, мѣдные зубы, мѣдныя когти. Ударь мѣдной пал-

вунса. Пижынь гискат узафтыкъ, пижынь генъчсѣнзы ваткаф-
тыкъ, пижынь бейсѣнзы порефтекъ, пижынь гельцѣнзы нолаф-
тыкъ, нардафтыкъ, санфтикъ сѣредецяньть орманзы тарвунса.
Иниведенъ томбальди сы баба, пижынь руця ланкъсынса, пижынь
готат цюлкат пильксынзы, пижынь жлабикъ прясынзы, пижынь
бзака кецѣнса; пижынь бзаканъть пижынь беензы, пижынь
бзаканъть пижынь гелезы, пижынь бзаканъть пижынь генъцѣнса.
Пижынь генъчсѣнзы ваткафтыкъ, пижынь бейсѣнзы порефтекъ,
пижынь гельцѣнзы нолафтыкъ сѣредецяньть орманзы тарвунса.
Кода пурьгини алям зерьгеде, ёндо алям верьгеде; сыри ту-
мунъть серьгетцѣзъ, цевень цевень лазнысызъ, зардынъ зар-
дынъ нолдасызъ; истя сѣредецяньть орманзы чевень цевень лаз-
нынкъ, сардынъ зардынъ нолдѣнкъ, эйстѣнзы панинкъ, чумбра-
чинзы максынкъ».

кой и сними съ больного его болѣзни - недуги. Подцыкни свою мѣд-
ную собаку, заставъ ее драть мѣдными когтями, заставъ грызть
мѣдными зубами, заставъ лизать мѣднымъ языкомъ, заставъ вы-
тереть, заставъ снять съ больного его болѣзни — недуги. Съ той
стороны великаго моря идетъ старуха, на ней мѣдная руця, на
ногахъ у нея мѣдные башмаки и чулки, на головѣ у нея мѣдный
шлябикъ, у нея мѣдная кошка, у мѣдной кошки мѣдные зубы, у
мѣдной кошки мѣдный языкъ, у мѣдной кошки мѣдныя когти.
Заставъ ее драть мѣдными когтями, заставъ грызть мѣдными зу-
бами, заставъ лизать мѣднымъ языкомъ болѣзни - недуги боль-
ного. Какъ братецъ громъ закричить, блеснѣтъ братецъ молнія;
крикнуть на старый дубъ, расколютъ его на лучины, пустятъ его
на занозы; такъ же расколите болѣзни больного, пустите его на
занозы, выгоните изъ него, отдайте его здоровье.

Апы бабась столанкс коцт панкс, путы лантызынзы кшы и колмы пижынь ярмакт и карми озномы истяня: «Эрькс покща, эрькс баба, эрькс тятя, эрькс ава, эрькс ляля, эрькс уряж, эрькс патя, эрькс сазыр! Раба Олда (эль лия, ки сэредецяньть орожьянь-тинь ветеze), раба Палагань (эль кода лемь сэредецяньть) гиса паньць тенкь пецька кшы (те шканьть кепетьцы кшыньть вереу и токаусы сэредецяньть пряс). Сады веси, ярцады и си-мида, иляст ульть пеняцицят, сайнкь урманзы тарвунзы, варчинкьменьксэнзы сэтьксэнза, максынкь чумбрачинза. Ваны раба Олда аныкстась тенкь сэредеця Палагань гисы колмы понт пижэ (се шканьть сай бабась ве пижынь ярмак столанксты и киркисы пеельца, а мелы каясы се ярмакыньть лакумказынза), роунасты явинкь сезенкь, иляст ульть пеняцицят; сайнкь орманзы тарвунзы, варчинкьменьксэнзы сэтьксэнза, максынкь чумбрачинза» (Истя мери колмксть). Мелы бабась карми пасиба ефтамы истя: «Пасиба! Эрькс покща, эрькс баба и лиятнинь,

Старуха постелеть на столъ лоскутъ холста, поставитъ на него хлѣбъ и три мѣдныя монеты и начнетъ молиться слѣдующимъ образомъ: «Дѣдъ проклинаній, бабушка проклинаній, отецъ проклинаній, мать проклинаній, старшій братъ проклинаній, невѣстка проклинаній, старшая сестра проклинаній, младшая сестра проклинаній! Раба Олда (или другая, которая привела больную къ ворожеѣ) за рабу Пелагею (или какъ имя больной) испекла цѣлую печку хлѣбовъ (въ это время она подниметь хлѣбъ къ верху и дотронется до головы больной). Приходите всѣ, ѣште и пейте, чтобы не было пеняющихъ, возьмите ея болѣзни-недуги, найдите перемѣну - облегченіе для нея, отдайте ей здоровье. Вотъ раба Олда приготовила вамъ за больную Пелагею три пуда мѣди (въ это время старуха возьметъ со стола одну мѣдную монету и поскоблитъ ее ножомъ, а потомъ броситъ эту монету въ поясной карманъ), раздѣлите, разорвите по ровну, чтобы не было пеняющихъ; снимите ея болѣзни-недуги, найдите перемѣну, облегченіе, отдайте ея здоровье» (такъ она говоритъ три раза).

ормань дарвунь займазынк, чумбра чинь максумазынк». Истя бабась пасиба ёфты колмы раз. Мельи бабась пирысы сэреде-цяньть пеельца.

Якить ведьбря мельга, кона пара мининьсюнынь ормада. Моли бабась ведьланкс, хрёстасы веденьть и карми ознома: «Чёкшнень зоря Дарья, валцкинь зоря Марья, чинь гунычкава Улита, варма ава Марфа - Магдалина, ведень гирьдий, ведь ава матушка, ламы андат, ламы симдят, ламунинь цумбрачи максат, арьцикь парыни, яфт мильстыки, сиякс чудий ведьнестэт, золотакс кеверей геүне-стэт, сиякс лисий лисьма принистыт, золотань береккестэт. Макстменькски, макст сэтькски, мақст чумбрань барычи». Мельи хрёстасы бабась веденьть и амульде (истя теи колмксть). Мельи бабась карми пасиба ёфтама неки валтнынь эйса. Пример: «Пасиба, чёкшнень зоря Дарья, валцкинь зоря Марья, чинь гунычкава

Потомъ старуха начнетъ сказывать спасибо слѣдующимъ образомъ: «Спасибо! Дѣдъ заклинаній, бабушка заклинаній, и прочіе (помянетъ), за взятіе болѣзни, за доставленіе здоровія». Такъ сказываетъ старуха спасибо три раза. Потомъ старуха окружить больного ножомъ.

Ходятъ за водяной головой, которая хороша отъ всякихъ болѣзней. Придетъ старуха надъ рѣчку, перекреститъ воду и начнетъ молиться: «Вечерняя заря Дарья, утренняя заря Марья, среди дня Улита, вѣтрова матушка Марѳа - Магдалина, хозяйка воды, водяная матушка, многихъ кормишь, многихъ поишь, многимъ даешь здоровье, желай добра, яви милость небольшую, изъ серебромъ текущей водицы, изъ золотомъ катящагося камушка, изъ серебромъ выходящаго источника, изъ золотого бережочка. Дай перемѣночку, дай облегченьице, дай здоровье». Потомъ старуха перекреститъ воду и черпнетъ (такъ она дѣлаетъ трижды).

Улита, варма ава Марфа - Магдалина, ведень гирьдий, ведь ава матушка, ламунь андумазыт, ламунь зимдимазыт, ламунинь цумбрачинь максумазыт, парынь арьцимазынк, милюстинь яўмазынк, сиякс чудий ведьнезэнк, золотакс кеверей кеўнезэнк, сиякс лисий лисьма прызынк, золотань берекезэнк, меньксэнь максумазынк, сэтьксэнь максумазынк, чумбрань барычизынк». Пасибаньть ёфтасы колмксть.

Жабань орожьяма. «Жабат лепшан, жабат керциян и керязь герясынь и печкезь бечксэнь септэнсы, пекстэнсы, ашы пультыкс черьстэнсы, якстири верьцтэнсы, зыьнестэнсы, ловажастынсы, ловажа поцты удимстынса». Мельи бабась токаўсыньши кеденсы чуўс и мере: «коськи чуўс, памури макшыс».

Потомъ старуха начнетъ сказывать спасибо тѣми же словами. Напримѣръ: «Спасибо, вечерняя заря Дарья, утренняя заря Марья, среди дня Улита, вѣтрова матушка Марѳа - Магдалина, хозяйка воды, водяная матушка, за то, что многихъ накормила, многихъ напоила, многимъ дала здорovie, за то, что вы желали добра, за удѣленіе вами милости, за вашу водицу, текущую серебромъ, за ваши камушки, катящіеся золотомъ, за вашъ источникъ, выходящій серебромъ, за вашъ золотой берегъ, за доставленіе вами перемѣны, за доставленіе вами облегченія, за ваше доброе здорovie». Спасибо она скажетъ три раза.

Лѣченіе жабы. «Я мну твою жабу, я рѣжу твою жабу и рѣзьмя разрѣжу зарѣжу отъ сердца, отъ живота, отъ волоса вьющагося бѣлой косой, отъ красной крови, отъ суставовъ, отъ костей, отъ мозга подъ костями». Потомъ старуха дотронется руками дерева и скажетъ: «въ сухое дерево и въ крошащееся гнилое (пусть перейдетъ болѣзнь)».

Бути нуимсты эль лия роботасты валги гриза, се гризаньть и эрьва гризаньть орожьеть истя. Варчить васинь дачий эль мельеу дачий бакша и кармаўсызь гризаньть пореме. Пакшась пейсэвзы гризаньть пори и кортэ: «гриза порян, гриза чаван (лемь гундэ) гецта, якстири верыцты, эзнесты ловажаста; и порезь борьца и чавузь даўса». Мельи пакшась пуви гризаньть ланкс, сельги и мере: «коськи чуўс, памури макшыс».

Пеень зэредема орожьямут. «Адамунь вейксы цёранза; вейксэсты каўкса, каўксысты сисимь, сисимсты кота, котэсты вете, ветесты ниле, нилисты колма, колмосты кафта, кафтысты вейке, вейкесты вейки як арась». Мельи пуви, сельги ды мере: «коськи чуўс, памури макшыс».

Если во время жнитва или при другой работѣ выльзеть грыжа, эту грыжу и всякую грыжу заговариваютъ слѣдующимъ образомъ. Найдутъ перворожденнаго или послѣдняго по рожденію ребенка и заставятъ его грызть грыжу. Ребенокъ грызетъ грыжу зубами и говорить: «я грызу грыжу, я бью грыжу (помянетъ имя) изъ руки, изъ красной крови, изъ суставовъ и костей; и грызьмя сгрызу и боймя выбью». Потомъ ребенокъ дунетъ на грыжу, плюнетъ и скажетъ: «въ сухое дерево и въ крошащееся гнилое»

Заговоры отъ зубной боли. «У Адама девять сыновей; отъ девяти восемь, отъ восьми семь, отъ семи шесть, отъ шести пять, отъ пяти четыре, отъ четырехъ три, отъ трехъ два, отъ двухъ одинъ, а отъ одного нѣтъ ни одного». Потомъ дунетъ, плюнетъ и скажетъ: «въ сухое дерево и въ крошащееся гнилое».

Орожьяма пицифты, штобу лоўномс оймень апак тарга истя. «Иниведенъ домбальди сы баба, пилифtimi марятансат, сельмъ-теми нетянсат, пильгифtimi сасатансат, кецьтеми кундатансат, нерьтеми салмукссы пупатансат, пейтеми порьтянсат, кирга парь-тими нильтянсат» (колмксть). Эрьва лоўномадыньть мельи пициф-тынъть колмксть пувамс ды вейксэксть сельгемс.

Кода пининъ балсъ пичкафтыть. Озаўсы орожьясь сэреде-цанъть карчинса, нефни тензы кукушт и кортафты истя: «яч-минь а ячминъ, на тонять кукуш, азя базаруў, рамак узирь, ге-рекъ эсь прят». Мельи орожьясь сельги и мере: «коськи чуўс, па-мури макшыс». Истя кортаўсы колмы раз.

Заговоръ отъ обжога, чтобы читать его безъ перерыва ды-ханія слѣд. образомъ:» Съ того берега большой рѣки идетъ ста-руха, она услышитъ тебя безъ ушей, она увидитъ тебя безъ глазъ, она догонитъ тебя безъ ногъ, она схватитъ тебя безъ рукъ, она уколеть тебя, какъ иглой съ отломленнымъ концомъ, она загрызетъ тебя безъ зубовъ, она проглотитъ тебя безъ горла» (трижды). Послѣ всякаго прочтенія три раза подуть на обжогъ и девять разъ плюнуть на него.

Какъ лѣчать ячмень (на глазу). Ворожея посадить больного противъ себя, покажетъ ему кукишъ и наговариваетъ слѣдую-щимъ образомъ: «ячмень, а ячмень, на тебѣ кукишъ, иди на ба-заръ, купи топоръ, отруби свою голову». Потомъ ворожея плю-нетъ и скажетъ: «въ сухое дерево, въ крошащееся гнилое де-дево». Такъ она заговариваетъ три раза.

Вец прамуда. Бути ломанись пры вец и причаве, то сень орожьеть ведь берекса. Бути пешксесы ава пры вец, сень бакшанзы а кармить эряма. Бути авась чаўсы пры, се соньць причаве. Орожьеть истя. Сaight од брякини, коцт панкски, пиликст, кольцят, лентычкинить, апасызь коцт панкскинить берекь ланкс, прякининить пуцызь лангтызынса, прякининить вакс пуцызь кольцятънинь, пиликснынь и лентычкаънинь и прыть конелька ланкса и сюкунить мастыруу и мереть: «Ведень гирьдий, ведь ава матушка, сыникъ тетъ покш пары мельга, чумбрачинъ ве-шеми раба Просканинь (кундасы сэредецяньть леменса). Сон баньць тетъ пецька пряка, рамась казыньть лоўнэт. Тейть пары раба Просканинь сиякс чудий ведьнестэт, золотакс кеверей геўнестэт, золотой береккестэт, сиякс лисий лисьма принистыт. Веси сада, пещенкъ вачи пекенк, веси ярцада. Саинкъ казингк лоўнэнк, роўнасты явингк сезенгк, роўнасты саингк. Саингк Проскань орманзы тарвунса, максынгк чумбрачинса. Кода прась

Отъ паденія въ воду. Если человекъ упадетъ въ воду и ему попритчится, то того лѣчатъ на берегу рѣки. Если въ воду упадетъ беременная женщина, ея дѣти не станутъ жить. Если упадетъ небеременная женщина, той самой попритчится. Лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Возьмутъ новый (мягкій) пирожокъ, лоскутикъ холста, серьги, кольца, ленточки, постелютъ лоскутикъ холста на берегу, положатъ пирожокъ, положатъ около пирожка кольца, серьги, ленточки и упадутъ на колѣни и поклонятся въ землю и поють: «Хозяйка воды, водяная матушка, мы пришли къ тебѣ за большимъ добромъ, просить здоровья рабѣ Прасковѣ (поминаетъ больную). Она испекла тебѣ цѣлую печку пироговъ, она купила дары счетомъ. Сдѣлай добро рабѣ Прасковѣ изъ воды, текущей серебромъ, изъ камушка, катящагося золотомъ, изъ золотого бережка, изъ источника, вытекающаго серебромъ. Придите всѣ, насытите голодные свои желудки, кушайте всѣ. Возьмите свои дары счетомъ, раздѣлите разорвите ихъ по ровну, возьмите ихъ по ровну. Возьмите Прасковьины болѣзни-недуги, отдайте ей ея

Проска, можы тонь домбеньзеть, ведень гирьдй, ведь ава матушка, ата тон домбекъ сонса; сон донъ бростятансат, а тон зонзы простекъ. Чумбрачинзы максынкъ, здоровьянзы явинкъ». Весть орожьясь кортаўсынъси не валтынъ, пиликсынъ полдасынъси вец. Ищо весть кортаўсынъси, кольцатынъ полдасынъси вец. Ищо весть кортаўсынъси, лентычкатынъ полдасынъси вец. А прякась ды коцт панксысь кадувить орожьянътинъ.

Сувиньдярай эхшелямсты пакшанъ билис ведь, сон лиси вецтәнть, лепшасы се пилинть кецәнса, карми ве пильги ланксы скокаиме и сонъць морэ: «рукамойка зойка, течн каўксть (эль досы зярыксть — колмксть, ниликсть, ветексть, кменьксть) эхшелень». Кода веси эхшелявить, лисить вецтәнть, орчнеть и туить чизь ведь берекстәнть, и сынъць пижнить: «кона кадуўсь ведень гирьдй ведь ава, кона кадуўсь ведень гирьдй ведь ава»...

здоровье. Когда Прасковья упала, она, можетъ быть, ушибла тебя, хозяйка воды, водяная матушка, или ты ее ушибла; она тебя простить; а ты ее прости. Отдайте ей ея здоровье, удѣлите ей ея здоровье». Какъ произнесетъ ворожея одинъ разъ эти слова, она опуститъ въ воду сережки. Ещю разъ произнесетъ ихъ, она опуститъ въ воду кольца. Ещю разъ произнесетъ ихъ, она опуститъ въ воду ленточки. А пирогъ и лоскутъ холста останутся ворожеѣ.

Если отъ купанія войдетъ въ уши ребенка вода, ребенокъ выйдетъ изъ воды, нажметъ это ухо рукой, начнетъ скакать на одной ногѣ, а самъ поетъ: «рукамойка зойка, сегодня два раза (или тамъ сколько разъ — три раза, четыре раза, пять разъ, десять разъ) я купался». Когда всѣ вымоются, выйдутъ изъ воды, одѣнутся и бѣгомъ отправятся по берегу рѣки, а сами кричатъ: «которые остался, держащая воду водяная мать, который остался, держащая воду водяная мать»....

Верень лоткафума орожьямутъни - кортафтуматъни рускс, аулъ эръзянь гельца. Крикинъ орожьямутъни - кортафтуматъни рускс, аулъ эръзянь гельца.

Гуинъ бутамуды кортафтыть сиянь ярмак марта, а кодатт валтнынь мереть, мон аздасынь.

Кода эръзянь атя орожьясь рузынь зирийть. Молецъ эръзясь сторонау тоўзера марта и сувась хватерас, а хватерасыньть ульнись ломань, конань ульнисть ламы цииринса. Эръзясь ёфтэзи эсь прянзы цииринъ орожьцякс. Рузысь кармась знялдумы эръзяньть икиле. Эръзясь вешсь од залмукс, кармась циирийтъини бупсими и кортафтумы истя: «Цирий Василий, ваксызынъ кемгафтувы пачк-лиўкст, аўняшкат корёнэст, чурька пряш-

Заговоры для останавливанія крови (произносятся) по русски, а не на эръянскомъ языкѣ. Заговоры отъ крика (произносятся) по русски, а не на эръянскомъ языкѣ.

Отъ укуса змѣя заговариваютъ съ серебряною монетою, а какія говорятъ слова, я не знаю.

Какъ старикъ-эрзякъ заговорилъ чирій у русскаго. Поѣхалъ эрзякъ на сторону съ пшеницей и заѣхалъ на квартиру, а въ квартирѣ былъ человекъ, у котораго было много чиріевъ. Эрзякъ объявилъ самого себя умѣющимъ заговаривать чиріи. Русский сталъ просить эрзяка. Эрзякъ спросилъ новую иглоку, началъ тыкать чиріи и наговаривать на нихъ слѣдующимъ образомъ: «Чирий Василий, рядомъ съ нимъ двѣнадцать сквозныхъ оспинъ, съ овинъ корни, съ луковицу ихъ головки». Эрзякъ

кат прѣст». Колмксть эрзясь истя кортафтыньши цирійтъиниъ и салмукссы веси пупсиньсе. Мольць эрзясь тоўзеры марты омбопеда, рузись мере: «пасѣба, тонь кортафтуматьниды монь зирійтъни пичкасть».

Ве ава чачсь и седь кармась сѣредеме. Пурнаўсть ават кстиньяс и ойсестъ столекшс обедама п кармась кортамы чачтыцядыньтъ и мереть: «сон голазъ». Ве баба мере: «ведуньсь кундаве: мольть сенень, ки ланкс думат, озак столь угулц, кундыкъ столь угулынть кафты сурца и лоўнэк Богородицанть, и ведуньсь прынзы неўсэ». Аватьни содэзь уш и чачтаинть колѣцянзы, и орожья бабась сыргась содамунза. Аватьни мереть: «Кулай бабай! ды тон Богородицанть мусак?» а сон мере: «муса, муса, ина а муса?» — «Анука лоўнэкъ», мереть аватьне. Бабась кармась: «Богородица обрадуванна-а-а-а, вай а муса!» Кармась

трижды такъ заговорилъ чиріи и протыкалъ всѣхъ ихъ иглой. Пришелъ эрзякъ съ пшеницей въ другой разъ, русскій говоритъ: «спасибо, отъ твоихъ заговоровъ вылѣчились мои чиріи».

Одна женщина родила и отъ этого начала хворать. Собрались женщины на крестины и сѣли за столь обѣдать и стали говорить про роженицу и говорятъ: «она испорчена». Одна старуха говоритъ: «колдуна можно поймать; ступай къ тому, на кого думаешь, сядь противъ угла стола, возьми уголь стола двумя пальцами и читай Богородицу, и колдунъ себя покажетъ». Женщины отгадали уже и испортившаго роженицу, и старуха ворожея собралась отгадать его. Женщины говорятъ: «Бабушка Акулина! да ты Богородицу знаешь?» а она говоритъ: «знаю, знаю, а то развѣ не знаю». — «А нука прочитай», говорятъ женщины. Старуха начала: «Богородица обрадованная, ой не знаю!» Начала опять: «Богородица обрадованная, ой не знаю!»

тага: «Богородица обрадуванна-а-а-а, вай а муса!» Аватьни мереть: «иля мольть, Куляй бабай, тонять ведун а кундаве».

Ве атя седееньгерямунзы орожьи порца: путы зепезэнзы пор зускум ды пори эйсэнзы, аньцяк косы авиське. — Эрзятьни ищо орожьеть седееньгеряма истя: сайсызь үрөстэст ды потеть и седейсты сэпейсь туге.

Кода эрзятьни орожьеть нилимат. Лиси эрзясь венелеу, кузи латыланкс и ваны весень гудытьнинь ланкс ряц; карми мала-викс кудытьнинь эйста. Варчты Максиминь гудыньть ланкс, мере: «Максиминь гудыньть нильца». Варчты Онтонэнь гудыньть ланкс, мере: «Онтонэнь гудыньть нильца». Варчты Паулынь гудыньть ланкс, мере: «Паулынь гудыньть нильца».

Женщины говорят: «не ходи, бабушка Акулина, не поймать тебѣ колдуна».

Одинъ старикъ отъ своей изжоги лѣчится мѣломъ: кладетъ кусокъ мѣлу въ свой карманъ и грызетъ его, но только тамъ, гдѣ не совѣстно. — Эрзяки лѣчатъ изжогу еще слѣдующимъ образомъ: возьмутъ свой крестъ и сосутъ, и горечь отходитъ отъ сердца.

Какъ эрзяки лѣчатъ удушья. Войдетъ эрзякъ на дворъ, влѣзетъ на крышу и смотритъ подрядъ на всѣ дома, начинается съ ближайшихъ домовъ. Посмотритъ (напримѣръ) на Максимовъ домъ, скажетъ: «Максимовъ домъ я проглочу». Посмотритъ на Антоновъ домъ, скажетъ: «Антоновъ домъ я проглочу». Посмотритъ на Павловъ домъ, скажетъ: «Павловъ домъ я проглочу».

Кода пининьбапсь орожьямс. Орожьясь арэ ломаниньть карча, конань зельмсэньзы пининьбапсь, карми пининьбапсиньтинь кукужынь нефьнеме, и соньць мере: «ячминь-ячминь, на тетъ кукуж, ази базаруу, рамак узирь, керекъ эсь прят; тьфу-тьфу, коськи пойс; тьфу-тьфу, начкы пойс». Истя пининьбапсиньть кортафтумс колмксть.

Орожьяма: «ноготцы кайсима». Сая бабась нилиньгемень боба, сюурдасыньзы коморэньзы поц, канцыньзы турванзы малас ды мере: «нилинъгемень бобенеть, ёфтады вицты, парьцьте, муиви эль арась (мези юме), уш ёфтада, ёфтада, ёфтада». И карми бобатьнинь вачкамуст куцянь-гуцянь.

Казнада.

1. Ве ломань вали казнаньть и мере: «кии карми таргамут, сайть пельдензы сяды ломань брят». А ве ломань маризи и мере: «сяды

Какъ лѣчить ячмень. Ворожея становится противъ человека, на глазу котораго ячмень, начинаетъ показывать ячменю кукишъ а сама говоритъ: «ячмень-ячмень, на тебѣ кукишъ, иди на базаръ, купи топоръ, сруби себя; тьфу-тьфу, на сухую осину; тьфу-тьфу, на сырую осину». Такъ (надо повторить) три раза для заговариванія ячменя.

Ворожба: «бросаніе ногтями». Старуха возьметъ сорокъ бобовъ, смѣшаетъ ихъ въ ладони, поднесетъ къ губамъ и скажетъ: «сорокъ бобочковъ, скажите прямо, хорошо, найдется ли или нѣтъ (что пропало), ужъ скажите, скажите, скажите». И начнетъ носить бобы изъ дому въ домъ.

О кладахъ.

1. Одинъ человекъ закапывалъ кладъ и сказалъ: «кто станетъ тебя выкапывать, возьми съ того сто человѣческихъ головъ». А

колеят». — «Сяды ломань брят» (сон думи, шты истя тѣнзы казнась отъвече). — «Сяды колеят». — «Сяды ломань брят». — «Сяды колеят!» Спорясть, спорясть, — валицясь и мере: «сяды колеят, тык сяды колеят». Вализи и тусь. Омбоцесь лаксись сяды колее-неть, сялгыниньсьи се тарканьть кругом, и казнась лиссь.

2. Ве ломань вали казна и мере: «зярды атакшсы кармить те тарканьть сокама, сесты таргафт». Ве ломань маризи те казна ва-лямуньть, кундась атакш, тейсь сокени и кармась се тарканьть сокамы, и казнась лиссь.

3. Ве ломань казна валямсты мерьць: «зяры ломатть мутадызь, зняра ломань брят сайть!» Муизь зе казнаньть кафты ломатть братиниск. Тусь ве братысь алаша мельга, сась кудуѳ и мери ко-зьяйканцтынь: «паньть мор марта сюкурт; лялям кулынъдяряй, веси ярмакни монь улить». Сы братысь лялянътинь, а лялясь и думе: «чаѳса братум ружьяса, и ярмакни кадувить монянь»,

одинъ человекъ услышалъ и говорить: «сто кольевъ». — «Сто че-ловѣческихъ головъ» (онъ думалъ, что такъ ему отвѣчаетъ кладъ). — «Сто кольевъ. — «Сто человѣческихъ головъ». — «Сто кольевъ!» Спорили, спорили, — закапывающій и говорить: «сто кольевъ, такъ сто кольевъ». Завалилъ и ушелъ. Другой натесалъ сто колышковъ, натыкалъ вокругъ этого мѣста, и кладъ вы-шелъ.

2. Одинъ человекъ заваливалъ кладъ и сказалъ: «когда ста-нутъ пахать это мѣсто на пѣтухѣ, тогда вынься». Одинъ чело-вѣкъ узналъ про этотъ кладъ, поймалъ пѣтуха, устроилъ сошку и началъ пахать это, мѣсто и кладъ вышелъ.

3. Одинъ человекъ, заваливая кладъ, сказалъ: «сколько людей найдутъ тебя, столько возьми человѣческихъ головъ!» Нашли этотъ кладъ два человекъ, братья. Пошелъ одинъ братъ за ло-шадью, пришелъ домой и говорить своей женѣ: «испеки лепешки съ моромъ; если помретъ мой старшій братъ, всѣ деньги будутъ мои». Приходить онъ къ старшему брату, а старшій братъ и думаетъ: «убью я брата изъ ружья, и деньги останутся мнѣ»,

и чавизи братынса. Ярпась соньць сюкуртныды и соньць ку-
лысь.

4. Ве ломань казна валямсты сайсь кедезэнсы пряка сускум,
ланьдясь серьнеме: ярцы, серьни и казна валя и мере: «кии чарь-
киди истя таргамут, сенень даргафт». Мельи се ломанись соньць
думась казнаньть таргамунса; вешнесь, вешнесь, эзь муифть.
Тусь орожьянинь. Орожьясь мере: «кодак валикъ, истя таргийкъ».
Сон мольць, сайсь пряка сускум, ланьдясь се тарканьгинь серь-
неме: ярцы, серьни и сокаре, и казнась муифь.

5. Кода казнат появакшныть. Мольць ве ломань зокама,
карьбиликсызы сезеуьсь. Сон дусь вириу легге ваткама, сась стануу,
ванцы—ащи пичи пе. Сон мере: «аньцяк думинь карьбиликсынь
бутума, а Пазысь уш озама тарка максь». Озась пичи пенеть

и убилъ своего брата. Самъ онъ поѣлъ лепешекъ и самъ по-
меръ.

4. Одинъ человекъ, заваливая кладъ, взялъ въ руки кусокъ пи-
рога и сѣлъ испражняться: ѣсть, испражняется и закапываетъ
кладъ и говоритъ: «кто догадается такъ же тебя вытащить, тому
вынься». Потомъ этотъ человекъ задумалъ самъ вытащить этотъ
кладъ; искалъ, искалъ, не нашелъ. Пошелъ къ ворожеѣ. Ворожея
говоритъ: «какъ зарылъ, такъ и вытащи». Онъ пошелъ, взялъ ку-
сокъ пирога и сѣлъ испражняться на томъ мѣстѣ: ѣсть, испраж-
няется и роетъ; кладъ и нашелся.

5. Какъ появляются клады. Пошелъ одинъ человекъ па-
хать и оборвалось у его лаптя ушко для вдѣванія обороу бе-
чевы. Онъ пошелъ въ лѣсъ драть лыко, пришелъ къ стану¹⁾—
смотреть, лежитъ обрубокъ бруса. Онъ и говоритъ: «только
я подумалъ придѣлывать ушко къ лаптю, а Богъ ужъ далъ
мѣсто гдѣ сѣсть». Сѣлъ онъ на брусъ, придѣлалъ ушко къ лаптю

1) Выпряженная въ полѣ или лѣсѣ телѣга.

ланкс, путызи карьбиликсынзы и маць оймсеме. Стясь ломанись ¹⁾ оймсемста, а пичи песь уш арась.

6. Ве ава мольць лугаў умбраўс, мусь угулья куцини и кармась сокаряма. Сокарясь, сокарясь, мусь заслон; ищо сокарясь, мусь сундук угул килий зутцы вельтязь. Сон вализи мекеу латкынть, тусь кудуў, зайсь заступ и мольць тагы се тарканьтинь. Вешнесь, вешнесь авась се тарканть, эзези мук. Буты секи таркаванть вешнесь как, а сокаряўкст, а угульят, эзь мук месьть как.

7. Появакшныкшнысть казнат вапыкс, тувукс, уткакс и лиякс. Ве ломанинь ульнисть утканза, а шабрань баба кулумазынзы казнат вешнесь. А народ гортэ: «бути появи тетъ казна, вачкидикь мейгенерьть, и ярмакни появить». Аньпак лиси утка кардайсты, шабрань бабась саи палка и карми мейгенерьть чауманза. Веси уткатынинь бабась чаўнынъси, а казна тензы эзь зайфть ²⁾.

1) ломаньць.

2) зайу.

и легъ отдыхать. Всталъ мужикъ съ отдыха, а обрубка бруса уже нѣтъ.

6. Одна женщина пошла на лугъ за щавелемъ, нашла кучку угольевъ и начала рыть. Рыла, рыла, нашла заслонъ; ещѣ порыла, нашла уголь сундука, покрытый березовой корой. Она завалила опять яму, ушла домой, взяла заступъ и опять пришла на то мѣсто. Искала женщина, искала то мѣсто, не нашла его. Какъ она ни искала по тому мѣсту, а не нашла она ничего, ни комковъ разрытой земли, ни угольевъ.

7. Клады появлялись въ видѣ жеребятъ, свиней, утокъ и иначе. У одного человѣка были утки, а сосѣдская старуха искала клада до своей смерти. А народъ говоритъ: «если тебѣ покажется кладъ, ударь его наотмашь, и покажутся деньги». Лишь только выйдетъ со двора утка, сосѣдская старушка возьметъ палку и начнетъ бить ея наотмашь. Старуха перебила всѣхъ утокъ, а клада она не могла взять.

Кодамы орчамусы, карьчимасы и пряс путумасы якасть и ней
якить Арчиловонь народэсь.

Цёрада. Цёрась икилиу гак орчи панар ашы коцтэнь. Панарыньть кавалалксынзы кумацинь. Панар зивись торочазь чауфтызь гоцса. Сивись путъниви ауль благасы, а улить истятт пижынь бофт. Плаща варя панар зивись эсть пельне, а тееть истяма петья кодазь стамсыринь и петляньть педяўсызь панар зивиньть ланкс. Панар зивиньть и сивиньть стаўксынть ланга педяфтыть «сюкс».

Орчи цёрась чауфтынъ бонкст (чауфтынъ бонкст—понкст стазь чауфтынъ гоцтэнь). Конелькады верьга понксны чауфтынъ гоцтэнь, а понкс верьксны ульнисть ашы коцтэнь. Понкс верьксаньть меньцэзь, меньшеўксаньть эзга ёктэть карькс, икильди

Въ какихъ одеждахъ, въ какой обуви и въ какихъ головныхъ уборахъ ходили раньше и теперь ходятъ Арчиловскіе крестьяне.

О мужчинахъ. Мужчина прежде всего надѣваетъ рубашку изъ бѣлаго полотна. Подмышники у рубашки кумачевые. Воротъ рубашки отороченъ убитымъ полотномъ. Воротъ рубашки застегивается не пуговицами, а есть такія мѣдныя запонки. Воротъ рубашки не прокалывали для пуговицъ, а дѣлаютъ такія петли изъ нитокъ для шитва и петлю прикрѣпять къ вороту рубашки. На воротъ рубашки и шовъ ворота прикрѣпляютъ «сюксъ» [веревочку толщиной въ карандашъ, плетеную изъ черной шерстяной пряжи].

Надѣваетъ мужчина штаны (полотняные штаны — штаны сшитые изъ полотна съ рисунками)¹⁾. Выше колѣнъ штаны изъ холстяного полотна, а верхъ штановъ былъ изъ бѣлаго полотна. Верхъ штановъ скручиваютъ и въ скрученное мѣсто продѣваютъ

1) Чауфтынъ бонкст — штаны сшитые изъ полотна, на которомъ масляными красками набиты (натиснуты) цвѣточки или полосы.

каръкс петъненъ зюлмасызъ. Се каръксынынътинъ меръцъть «гасъ-
никъ». Понкснэнень гереть зеде. Зеленьть керясызъ ауль бонкс
пильгинъ гувалт, а понкс пильгинъ дрокс.

Цѣратънинъ беръка улынисть понасуринь гаркст. Карксысь
кодазь миникс цюныкс красязъ зуринъ, карксынынъ эръва песэнъть
кафты цѣкт. Эръва цѣконъть эръва сурининъть песы «плѣска»
Цѣконъть вельксыс комафтызъ горънипоуъ белькс; горъниповонъть
вельксыс эръге. Кафтыникс цѣкни карксынынъ песы сюлмазъ вейц
ве эръкса.

Пильксынызъ цѣранъть каръть и суманъ бракстат, а суманъ
бракстатънинъ ланга коцтэнъ бракстат (ноткст). (Пулы марты
карьца аныцяк ават якасть).

Панарынынъ ланга цѣрасъ орчи сѣксня эль дунды збор марты
суманъ (збортны аныцяк удала) эль цапан; тельня панарынынъ

бечевку, спереди бечевку завяжутъ узломъ. Эту бечевку назы-
вали гасникомъ. Въ штанахъ вырѣзають карманъ. Карманъ вы-
рѣзають не вдоль штанины, а поперекъ ея.

Вокругъ стана у мужчины были пояса изъ шерстяныхъ ни-
токъ. Поясъ сотканъ изъ выкрашенныхъ въ разные цвѣта ни-
токъ, на каждомъ концѣ пояса двѣ кисти. У каждой кисти на
концахъ ниточекъ плѣска¹⁾. Сверху кисти наложена половинка
отъ погремка, а сверху бляхи бусина. Обѣ кисти въ концѣ пояса
связаны вмѣстѣ одной бусиной.

На ногахъ у мужчины лапти и онучи, а поверхъ портянокъ
полотняныя портянки. (Въ лаптяхъ съ хвостами ходили только
женщины).

На рубашку мужчина надѣваетъ осенью или весной сбороч-
ный кафтанъ (сборки только сзади) или чапанъ; зимой онъ надѣ-

1) Плеска—металлическій кружокъ очень блестящій, величиною въ діа-
метръ нетолстаго карандаша.

ланга орчи ашысты теень оўчинань руба. Кизна якасть ве панарпа.

Седи эрекс ломанись прызынзы путы понань жляпа, а тельня «малахай». Шляпа валяязь ревень бонаста; шляпаньть перька лента, а сыри атятъинь кшна. Малахай—оўчинань жляпа пилимарта; покш буряни пилитьинь полдасызь. Цёрапакшатыни, одсёратьни и сыри атятъни якасть ве лаца, орчасть карясть ве лаца. А арасьчисы ломатыни (цёратьни) теленекъ-кизыиникъ якасть малахайса.

Авань орчамуда. Авась икилиў гак орчи панар кочкарады верьга. Панар икильксысь верьди керязь пельарчинынь даркашка. А штобу панарынъ верьци пол угултны иляст сяурьть бокаў, се пол угултны сялгызь зюлгамуса. Панар икильксысь верьди и алуў мекъ вишовазь¹⁾ мелкэйнеста. Панар икилькст викшникшнысть «гулька вациникс». Панар икилькст вишовакшнысть «перяў викш-

1) виکشизь.

ваеть на рубашку шубу изъ бёловыдѣланныхъ овчинъ. Лѣтомъ ходили въ одной рубашкѣ.

Позажиточнѣе человекъ надѣнеть на голову шерстяную шляпу, а зимой малахай. Шляпа сваляна изъ овечьей шерсти; вокругъ шляпы лента, а у старыхъ стариковъ ремешокъ. Малахай—шляпа изъ овчины съ наушниками; въ сильную бурю спускають эти наушники. А бѣдные мужики и зиму и лѣто ходили въ малахаяхъ.

Мальчики, парни и старые старики ходили одинаково, одѣвались и обувались одинаково.

О женской одеждѣ. Женщина прежде всего надѣнеть рубашку выше пятокъ. Передъ рубашки разрѣзанъ сверху приблизительно на полъ аршина. А чтобы верхніе углы половъ рубашки не сваливались на бокъ, эти углы приколоты застежкой. Передъ рубашки сверху и до самаго низу вышить мелкимъ узоромъ. Переда рубашки они вышивали узоромъ, похожимъ на го-

ниўкст», «покай икилькст». Улиньдзярай банарыньть икильксызы викшнизь «гулька вацикс», се панарыньтинь мереть «гулька вади икильга панар». Улиньдзярай банар икильксысь викшнизь «показь», се панарыньтинь мереть покай икильга панар. Бути панар икильксысь викшнизь «перяфт», се панарыньтинь мереть «перяў икильга панар». Панар ожатьнинь гувалт стыть петленень бетленень понасуре; истяжа понасури педяфтыть панар гутьминьтинь кафтынь даркава. Истя педяфтынь зуриньть лемезы таргаўкс. Улиньдзярай банарысь таргаўкс марта, се панарыньтинь мереть «таргафт панар», «таргаўкс марты панар». Панар икильксыньтинь алуў гадыть «эльсере». Панар алганьть викшнись истя: эень алга педяфтыть сюкс (раужы понасуринь годазь

лубиньный помётъ. Переда рубашки они вышивали узоромъ, называвшимся «перяў викшниўкст»¹⁾, «покай икилькст»²⁾. Если передъ рубашки вышить голубиньный пометомъ, то эту рубашку называютъ рубашкой съ передомъ «голубиньный пометъ». Если передъ рубашки вышить какъ «показь»³⁾, то эту рубашку называютъ рубашкой съ передомъ покая. Если передъ рубашки вышить «перяфт»⁴⁾, то эту рубашку называютъ рубашкой съ передомъ «перяфтъ». Вдоль рукавовъ рубашки нашиваютъ шерстяныя нитки петлями; такъ же пришиваютъ шерстяныя нитки къ спинкѣ рубашки въ двухъ мѣстахъ. Название пришитыхъ такимъ образомъ нитокъ—дорожка. Если рубашка съ дорожками, то такую рубашку называютъ рубашка съ дорожками. Внизу переда рубашки оставляють прорѣшку (эльсере). Низъ рубашки вышивали слѣдующимъ образомъ: ниже всего пришиваютъ «сюкстъ» (сплетенную изъ чер-

1) Название особаго рода вышивки.

2) Покай икилькс панар—рубашка, у которой передъ невышитый.

3) Рубашка, украшенная крашеными нитками при помощи иглки. При этомъ полотно мелко, хоть узоръ и выходитъ крупный (а при вышиваніи «покаемъ» полотно прокалываютъ рѣдко, и шаги выходятъ большіе; при вышиваніи «покаемъ» узора нѣтъ, и выходитъ только однообразные ряды).

4) Название особаго рода вышивки.

карьке). Сюксынть велькса педяфтыть понасуринь гружува «мишара» марта. Мишара—тюжа сури тапарязь золотаса. А кружуванть велькса панар алганть викишнысь пейнень бейнень.

Панарынть ланга авась орчи «руця». Рущась вельтасы аванть аныцяк удалксынзы ды боканса, а икилксынзы аванть рущась а вельтасэ. Рущась аламуды панардынть кувака. Ожанзы рущанть теенеть, нурькинить. Рущанть верьци полбетни лафтуу ланксты и мечи алуу викишны; се викишны дарканьтинь лемест «мечи пельть». Рущанть ланга кувалт стакшнысь, педяфнизь гумаць панкснын гинить эль понасуринь гружуват и рущанть алга и ожапрява. Улиньдаряйт рущанть ланга, рущанть алга и рущанть ожапрява кумаць кить, се рущаньтинь мереть кумаць руща. Улиньдаряйт кумаць панкснын даркас рущанть ланга, рущанть алгава и рущанть кургы ожава педяфнизь понасуринь гружуват, се рущаньтинь мереть «кружува руща». Улиньдаряйт

ныхъ шерстяныхъ нитокъ бечеву). Поверхъ «сюкса» пришиваютъ шерстяныя кружева съ «мишарой». Мишара—это желтая нитка, скрученная съ золотомъ. А надъ кружевами вышивали низъ рубашки зубчиками.

На рубашку женщина надѣваетъ «руцю». Руща покрываетъ женщину только съ заду и съ боковъ, а передъ женщины руща не покрываетъ. Руща немного длиннѣе рубашки. Рукава рущи узенькіе, коротенькіе. Верхніе концы половъ рущи съ плечъ и до нижней части груди вышивали; названіе этихъ вышитыхъ мѣстъ — «половинки груди». Вдоль рущи сверху пришиты кумачевыя дорожки или шерстяныя кружева и тоже снизу рущи и по концамъ рукавовъ. Если кумачевыя дорожки имѣются сверху рущи, снизу ея и по концамъ рукавовъ рущи, такую рущу называютъ «кумачевой рущей». Если вмѣсто кумачевыхъ лоскутовъ имѣются сверху рущи, внизу ея и по концамъ рукавовъ рущи шерстяныя кружева, такую рущу называютъ «кружевной рущей». Если поверхъ рущи нашито шесть кумачевыхъ дорожекъ или шесть кружевныхъ от-

руцяньть ланксы педяфтызь готы кумаць кить эль готы кружуват, се руцяньтинь мереть «котова руця». Улиньдаряйть руцяньть ланксы кемгафтувы кумаць кить, эль гемгафтувы кружуват, се руцяньтинь мереть «кемгафтува руця». Ульнисть нилинь-нилинь ги руцяланга, ульнисть кемень-гемень ги. Руцяньть сивинзы ланга педяфтыть понасури лапкининь-лапкининь.

Руцяньть ланга карксы авась кушак понасуринь годазь голмы эль гафты суринь гелеса. Работамсты эль гиява моле-сты авась руця полэнзы кепетьцэнъси ды ёктасынъси куша-кынть экшс.

Руцяньть ланга пути авась икильгапая. Икильгапаясь нурькине.

Аванть сюлгамузы, кона сялгызь банар мещсэнзы, икильгапаяньть велькса неяви; а кувалмузы икильгапаяньть арась конелька виц как. Икильгапаясь аванть киргасы понгафтызь и сюлмамусы сюлмазь удалуъ. Икильгапаяньть алгава педяфтызь гумацинь зуборкене.

дѣлокъ, то такую руцю называютъ «руцей въ шесть отдѣлокъ». Если на руцѣ двѣнадцать кумачевыхъ дорожекъ или двѣнадцать кружевныхъ отдѣлокъ, то эту руцю называютъ «руцей въ двѣнадцать отдѣлокъ». Бывало по четыре дорожки на руцѣ, бывало по десяти. Къ вороту руди пришиваютъ шерстяныя нитки лапочками.

Руцю женщины повязываютъ кушакомъ, сотканнымъ изъ шерстяныхъ нитокъ въ три или два пальца. На работѣ или въ дорогѣ женщина поднимаетъ полы руди и всовываетъ ихъ подъ кушакъ.

На руцю женщина надѣваетъ фартукъ. Фартукъ коротенькій.

Женская застѣжка, которую прищипливаютъ на груди у рубашки, виднѣется поверхъ фартука, а длина фартука не доходить и до колѣнъ. Фартукъ продѣвается черезъ шею женщины и завязывается сзади узломъ. Внизу фартукъ обшивается кумачевой оборочкой.

Руцяньтэ ланга авась сёксня эль дунда орчи збор марты сумань, а тельня ашысты теезь оўчинань цуба. Кизна аватъни якитъ ве панарца.

Карьцьнисть аватъни истя: васьня тапари пильгиньтэ ланга сумань бракта; сумань брактаньтэ ланга пильги лапканьтэ перьтэ тапари коцтэнь бракта, конань лемезы «ноткс». А пильги почкэньтэ перьтэ, сумань брактаньтэ ланга, тапари лия коцтэнь ашы пракста, конань лемезы «пильги-пельтэ». Мельи карьци пулы марты карь и пракстатънинь дапарасыньси карьксса.

Прясынзы аваньтэ теленекъ кизыникъ «шлабикъ». Шлабикъ конясынътэ зень верьга педяфтызь брозумент. Прозументэньтэ алга понасуринь гружува «мишара» марта. Кружуваньтэ алга педяфтызь «зыккс», а суксынътэ алга «поднез ланта». Поднез лентанътэ алда неяви «поднезэсь». Поднез мереть «бисырынъ гружуванинь». Се бисырынъ гружувась кодазь бейнень-бейнень; бисирнытъни лия-лия понасыт. А поднезэньтэ алга понгафнизь гру-

Сверху руди женщина осенью или весной надѣваетъ кафтанъ со сборками, а зимой овчинную шубу бѣло выдѣланную. Лѣтомъ женщины ходятъ въ одной рубашкѣ.

Обувались женщины слѣдующимъ образомъ: сначала она наматаетъ на ногу портянку; на портянку вокругъ ступни она наматаетъ полотняную портянку, названіе которой «ноткс». А во-вругъ голени, поверхъ портянки, она наматаетъ другую полотняную бѣлую портянку, названіе которой «половинки ноги». Затѣмъ она обуваетъ лапоть съ хвостомъ и обматываетъ портянки бечевой.

На головѣ у женщины зимой и лѣтомъ шлабикъ. Напередѣ шлабика самый верхъ обшить позументомъ. Подъ позументомъ шерстяныя кружева съ «мишарой». Подъ кружевами нашивается «суксъ», а подъ суксомъ лента подниза. Подъ лентой видѣется поднизь [гирлянда изъ маленькихъ оборковъ въ видѣ зубчиковъ]. Поднизомъ называютъ бисерное кружево. Это бисерное кружево плетется зубчиками; бисеринки разноцвѣтныя. А подъ поднизомъ

шат, эрькыть, горьнипофт. Шлабикъ удалксысь викшнись глеткань глеткань. Се шлабикъ удалкстыньть мереть «решатка удалкс шлабикъ».

Бабатьни, аватьни, тейтерьтнни и пакшатыни якить, орчить-карьцить ве лаца. Аньцяк тейтерьтнни шлабикъ а каньлитъ, а сынцт шлабикъ эземс «пря сюкс». Тейтерьтнень «пря сюксысь» викшнись шлабикъ коня лаца. Улиньдярай дельня пекъ якшама, шлабикиньть эль бря сюксыньть ланта тапарить тапшты рудя.

Бути роботамсты ломаниньть мешеть черензы, новолеть сельмензы ланкс, сон зынцт сюлмасыньши тея¹⁾ лентанеса; се лентаньть лемезы «прякарькс». Прякарьксы черест сюлмисызь и цёрат и ават и тейтерьт и бабат.

1) теене.

привѣшены побрякушки, бусы, погремки. Задъ шлабика вышивается клѣтками. Объ этомъ задѣ шлабика говорятъ «шлабикъ съ рѣшетчатымъ задомъ».

Старухи, женщины, дѣвушки и дѣти ходять, одѣваются-обуваются одинаково. Но дѣвушки не носятъ шлабика, а у нихъ вмѣсто шлабика «головной сюксъ». «Головной сюксъ» дѣвушекъ вышить какъ лобъ (перѣдъ) шлабика. Если зимой очень холодно, то сверху шлабика или головного сюкса навязываютъ старую рую.

Если во время работы человѣку мѣшаютъ волосы, и они падаютъ на глаза, онъ связываетъ ихъ узкой ленточкой; названіе этой ленты «головная бечевка». Головной бечевкой связываютъ свои волосы и мужчины и женщины и дѣвушки и старухи.

ОТДѢЛЪ III. Свадьба.

А. Оркино.

Cyjama. Míni·k čyja·ma koje·nek i·štama vašna· ul'hi·š. Vašna· syt vá·tiška a·vat, kã·ũksnit makscy·ž aχ. Mã·jlã tuji·t. Bídã makscy·ž, mã·jlã čora·t syt, ka·ndyt butu·lka ví·na, acy·t stole·šnek, ky·rvaštit šve·ča, oznët, nuřtit čarka i kar'ni·t kava·nama néve·stań tãtã·ńt ä·sa, a son pokškaf·nä, aši·mä. Pokš ku·datnä jakí·t mäl'ganza eña·lkšnyž: šimt poža·lyjsta. Koda·k čarka·ńt ši·msyj, še·sta kar'ni·t väšij ši·mimä. Buty·lkańt ši·msyž, kandy·t be·šenej četvert, ladi·t pit'nidã. Mäjla·ava·fys nuřtã ča·rka

Сватовство. Нашъ обычай сватовства былъ сначала слѣдующій. Сперва придетъ около пяти женщинъ, спросятъ, отдадутъ ли. Затѣмъ онѣ уйдутъ. Если отдаютъ, то послѣ этого придутъ мужчины, принесутъ бутылку вина, постелятъ скатерть, зажгутъ свѣчу, помолятся, нацѣдятъ чарку и начнутъ угощать самого отца невѣсты, а онъ ломается, не пьетъ. Сваты ходятъ за нимъ, упрашивая его: выпей пожалуйста. Когда онъ выпьетъ чарку, тогда всѣ начнутъ пить. Выпьютъ бутылку, принесутъ

vi·na, sajä kurgy po·tma i purga·syj ode·rvañt ča·mas i me·rá:
«na čamazyt víšks, a šádijzyt říšks». Karñi·t četvéřteñt šiñi·mā,
purny·t kāmīška ro·dñat i ši·msyž te vina·ñt. Mājla néve·stañ
rodña·tñā pu·rumit i mole·t žēne·χēñte vanu·ma žēne·χēñ. Žē·
ne·χēs¹⁾ li·šā, ka·ndā tñst ča·rkañ ča·rkañ, a syñ kaji·t tñzja jar·
ma·kt. Mājla moleť névesta·ñti, istaža nefcè·ž néve·stañt. Névesta
kažñisy·ñžā ata·fyñti ava·fyñti pa·nařt, čora·tñiñiñ na·rdamyt,
ava·tñiñiñ i·kilpa·čat, a mājla néve·staš purnā· tāχtiřti i kučcy·ñžā
žēne·χēñt mālga. Tesa ka·vañasyž i tāχtiřñā sajsy·ž žēne·χēñt
ma·ryst névesta·ñti. Mole·t ja·lga u·lcava mo·raž. Žēne·χēs mo·la
uda·lyst, a tāχti·řñā moleť i·kilā ku·ñciž i mo·raž:

Kak večor pozda, pařin, zaľuľala...

Koda·k mole·t névesta·ñti, matka·s i me·rá: «Soda·my saš,

1) Žeñiχ'is.

«бѣшеную» четверть¹⁾, сговорятся о кладкѣ. Затѣмъ свекровь на·
цѣдитъ чарку вина, возьметъ вино въ ротъ и сбрызнетъ невѣсту
въ лицо и скажетъ: «возьми себѣ на лицо стыдъ, а на сердце
свое печаль». Станутъ распивать четверть, соберутъ съ десятокъ
родныхъ и разопьютъ это вино. Затѣмъ соберутся невѣстины
родные и отправятся къ жениху смотрѣть жениха. Женихъ вый·
детъ, поднесетъ имъ по чаркѣ, а они положатъ ему денегъ. За·
тѣмъ идутъ къ невѣстѣ и такъ же покажутъ невѣсту. Невѣста
одаритъ ихъ, свекру и свекрови дастъ по рубашкѣ, мужчинамъ
по полотенцу, жеищинамъ передники, а затѣмъ невѣста соберетъ
дѣвушекъ и пошлетъ ихъ за женихомъ. Тамъ ихъ угостятъ, и дѣ·
вушки захватятъ съ собой къ невѣстѣ жениха. По улицѣ идутъ
пѣшкомъ съ пѣснями. Женихъ идетъ за ними, а дѣвушки идутъ
впереди, взявшись за руки и распѣвая:

Какъ вечоръ поздно, парень, заľуľала...

Когда придутъ къ невѣстѣ, мать и говорить: «пришелъ зять,

1) Т. е. не входящую въ составъ кладки.

kudy pe-škeć; lap ka-řiza praksta-t vá-šä, pucy-r nolgeza paća-
vášä, teřmona-za porŋkst vášä. I oza-fcyž. Son o-zä šeřt i-kilij.
Täřti-řřňä, čora-ťňä krugo-mganza, karmí-t ka-vařamyst.
Liši-ńeve-staš, sa-ji čarka vřna, makscy-j žěneře-ńtej. Ombó-će
sa-jä äšta-nza i čaka-ńit žěneře-ńt mařta. Mä-jľä krugo-m
řad javí-t Puty-t stoleńt lařks ja-jišňićä; ńeve-staš a-myľdä
řäńě. Sońć äjsty-nza su-skä, osta-tkańt žěneře-ńte makscy-j.
Něve-staš kažńi-syňžä su-rksca, gajřa-nca, křo-sca i tujä
karc, a žěne-řes kaji čava pačalgy-ńti řa-tak i tujä-ńeve-
stańti. Karcy-ńt kořřńet, ńeve-staš kaži řänza řiřňä i pa-ća.
Mäjlä tuji-t. O-mbóčä čo-kšńeńt žěne-řes sa-jä kařtyška čora-t
(jalga-t) i moľä paća-ń kandu-ma. Oza-fcyž čora-ťňä mařta sto-
lekšc, kava-ňasyž. Žěneřes tujä, karmä tagy kořřńe-ňä, a čora-ťňä,
ka-duvit tesk täřtiřřňä mařta nalksi-ňä. Paća-ńt ma-kscyj, řä-
kij i tujä kudu-ř. Mäjlä erva čokšňä jaki salava kořřńe-ňä saji-

наполнился домъ; его хлопающій лапотъ просить портянокъ, его
бурлящія сопли просятъ платокъ, его треплющіяся м. просятъ шта-
новъ». И посадятъ его. Онъ сядетъ на самый перёдъ. Дѣвушки и
парни вокругъ него; начнутъ угощать ихъ. Выйдетъ невѣста, возъ-
метъ чарку вина, дастъ ее жениху. Другую чарку возьметъ себѣ и
почекаются съ женихомъ. Затѣмъ обнесутъ кругомъ. На столъ по-
ставятъ яичницу; невѣста зачерпнетъ ложку, сама откушаетъ
изъ нея, а оставшееся отдастъ жениху. Невѣста всѣхъ подаритъ
кольцами, гайтанами, крестами и отправится въ хлѣвъ, а женихъ
положитъ на пустую сковороду пятакъ и пойдетъ къ невѣстѣ.
Въ хлѣвѣ они поговорятъ, невѣста подаритъ ему цѣпочку и пла-
токъ. Затѣмъ уходятъ. На другой вечеръ женихъ возьметъ съ со-
бой двухъ-трехъ товарищей и отправится отнести платокъ. Его
съ парнями посадятъ за столъ, угостятъ. Женихъ выйдетъ, нач-
нетъ опять говорить (съ невѣстой), а парни останутся здѣсь играть
съ дѣвушками. Онъ отдастъ платокъ, обратно и отправится домой.
Затѣмъ каждый вечеръ до свадьбы онъ ходитъ тайкомъ сговари-
ваться (съ невѣстой). Невѣста передъ свадьбой приглашаетъ къ

mazy·nga. Néve·staš sajimady·nga i·kilä tärädä. kolmy nílä tä·ǵ·
tířt. Ata·fys dy ava·fys e·řva čokšná jaki·t táǵtířǵnín kava·
nama. Ka·ndyt buty·lka ví·na i čela kšy. Íšta·jaki·t e·řva
čokšná nílí čyt.

Sajima. Osta·tka čo·kšněstěnt mole·t něvesta·ntij ata·fys i
ava·fys i ko·lmōška loma·tt. Něne·ń íšta· měret: čynpu·tycat.
Oza·fcyz stole·kšc, kava·nasyž. Šta·kšnyt, čynputycatnín ke·cta
táǵti·řǵná jarmak vā·šyt.

Syné morčet. Sva·tyntij morét:

Ivan svatys bojarys,

Ivan svatys azyrys!

Kajikaja dolėnėk,

Kajikaja pajinyk.

Bídí kajasak dolėnėk,

Bídí makscak pajinyk,

себѣ трехъ-четырехъ дѣвушекъ. Свекоръ и свекровь каждый ве-
черъ ходятъ угощать этихъ дѣвушекъ. Приносятъ бутылку вина
и цѣлый хлѣбъ. Такъ ходятъ каждый вечеръ въ теченіе четырехъ
дней.

Свадьба. Въ послѣдній вечеръ свекоръ и свекровь и (еще)
съ четыре человека приходятъ къ невѣстѣ. Послѣднихъ назы-
ваютъ такъ: «назначающіе день». Посадятъ ихъ за столъ, уго-
стятъ ихъ. Встанутъ, дѣвушки и просятъ у «назначающихъ день»
денегъ.

Сами онѣ поютъ. Обращаясь къ свату, поютъ:

Сватъ Иванъ баринъ,

Сватъ Иванъ господинъ!

Брось на нашу долю

Броська нашъ пай.

Если ты бросишь нашу долю,

Если ты дашь нашъ пай,

Čačy šuryś čačyza,
Kildaj rakšat raštaza.
Bidi akajasak dořeněk,
Vėrepazyś netaŋzat,
Niški pazyś čaudanzat.

Bidi sva·tyś amaksy jarmak, šesta tãχtirχni karmit po·koraž
mora·ma:

Ivan svatyś bojaryś,
Šišim omēt olgēza,
Šišim šatt dolkēza,
Pižy kušak pãrtkanza,
Dolžnekenza málganza.

Mājla ma·ksä te kauksyngä·mín u·ra; tuji·t i čyńputy·čätñä
tuji·t. A žarc syń tesa·ašcyt, mäkij moľema·zyst žėneχėnte puru·-

Уродится плодородный хлѣбъ,
Пусть расплодится (твоя) упряжная кляча.
Если не бросишь нашей доли,
Верепазъ тебя увидить,
Нишкипазъ тебя убьеть.

Если свать не дасть денегъ, тогда дѣвушки начнутъ пѣть съ
укоромъ.

Свать Иванъ баринъ,
Солома у него въ семи омѣтахъ,
Долгу у него семь сотъ,
Вокругъ него зеленый кушакъ,
За нимъ (идутъ) заимодавцы.

Затѣмъ тотъ дасть восемьдесятъ копеекъ; они уходятъ, и
уходятъ также «назначающіе день». А пока они тамъ находятся,
до ихъ возвращенія, къ жениху собираются готовящія «лукшу».

mít lukšy·ń tǎji·cat. Lukšy·ń tǎjicǎ·tnǎ a·vat, kona· sy, ervǎχkis
kandy počt vakan, a azy·rys araftǎ vǎ·dra vǎ·na, i karńit tǎ·
ji·mǎ: ičyt lamba·ma čapaks, sajit kalk, ka·lkńiń prá·va páďafńit
čapaks; tǎji·t prá·ka i prá·kańt poc ka·ńciryń to·pa, i še prá·kańti
śalgy·nysyz ńe ka·lkńiń. Pró·kańt laŋks tǎji·t kafta čapaksyn lo·
matt, śǎlńi·st ǎrgiń, i naŋa·žasyz miniśu·nysa: vatruška·sa, kan·
fe·tkasa; i tǎjimsty·nza morǎ·t mo·rǎt:

Lukša tǎjdana,

Lukša lojdana.

Kińgisa tǎjsynik,

Kińgisa louseńek?

Dřiga maŋta Maŋkańgiś.

Dřigań kšumańška papaza,

Maŋkań suftińška padyza.

Ivan svatyńt ikiŋa,

Каждая изъ женщинъ, готовящихъ лукшу, приходя, приносятъ
чашку муки, а хозяинъ поставитъ ведро вина, и начнутъ готовить:
замѣсятъ прѣсное тѣсто; возьмутъ костриги; къ головкамъ кост·
риги прилѣпятъ тѣсто; сдѣлаютъ пирогъ и внутрь пирога кладутъ
разсыпчатый творогъ, и въ этотъ пирогъ воткнутъ тѣ костриги.
Къ верху пирога придѣлаютъ двухъ людей изъ тѣста, на мѣсто
глазъ ихъ бусинки, и нарядятъ ихъ разными разностями: вотруш·
ками, конфектами; и дѣлая лукшу, поютъ пѣсни:

Мы готовимъ лукшу,

Мы сосчитываемъ лукшу,

Для кого мы ее дѣлаемъ,

Для кого сосчитываемъ?

Для Григорья и Марьи.

Дригинъ ч. съ рѣдку,

Марына п. съ рѣшего.

Передъ сватомъ Иваномъ,

Ivan svatyńt udala
Řižy řiža kilijńa,
Puřa pař alynza,
Řižyn káča ajsynza.
Koř čypazyś čarafta,
Káčypulyś válafta,
Mařka puřint jauřyjiza,
Đřiga puřint řimijiza.

Majřa koda tářtiřint řařanza řam, řamizy.nza karmni.t
mora.ma:

Proka atań ikilā,
Proka atań udala
Kořka kořka kilijńa,
Ředi kořka kilijńa,
Kořka pař alynza

За сватомъ Иваномъ
Зеленая зеленая берёзка,
Подъ ней кадушка сыченаго кваса,
Въ ней мѣдный ковшъ.
Куда повернётся Богъ - солнце,
Туда поворачивается ручка ковша,
Марья разносчица сыченаго кваса,
Григорій питухъ сыченаго кваса.

Затѣмъ, сообразно тому, какъ имя отца дѣвушки, начнутъ
пѣть на его имя:

Впереди старика Прохора,
Позади старика Прохора
Сухая, сухая берёзка,
Очень сухая берёзка,
Подъ ней сухая кадушка,

Vaŕaŕaŕ káčä äjsynza.
Koŕ čypazyś čaraftä,
Káčypulyś avälaftä,
Šeks son i avälaftä,
Kaňnijiza araś,
Šimijiza araś.

Koda·k lukšy·ś täji·vü, kaja·syž pečkas. Karmí·t valčki·s
kišni·mā, a va·lčkā karmí·t kuda·ň burna·ma. Kuda·tnā pu·rumit
i syrgi·t toŕ. Mälga·st karmí·t moŕce·mā.

Uŕidiŕ ala, jurtaŕa,
Vanyk, vanyk äś pŕiñit,
Vanyk kudajalgiñit.
Toŕ moŕeda kijava,
Tosty sady ijava,
Toŕ moŕeda latftuma,

Въ ней дырявый ковшъ.
Куда повернется солнце,
Туда не поворачивается ручка ковша.
Отъ того онъ и не поворачивается,
Нѣтъ разносчика,
Нѣтъ питуха.

Когда сготовится лукша, ее положить въ печь, до утра бу-
дутъ плясать, а утромъ собирать поѣзжанъ. Поѣзжане поѣдутъ
и соберутся туда (къ невѣстѣ). За ними начнутъ пѣть.

Дружка молодець, коренной молодець,
Смотри, смотри за своей головкой,
Смотри за товарищами поѣзжанами.
Туда идите по дорогѣ,
Оттуда приходите по другой,
Туда идите безъ порядка,

Tosty sada ladmar̃ta,
Toḡ moleda patftuma,
Tosty sada padmar̃ta.

Kodak kudatnā mole-ť toḡ, toḡ-lda kar̃ni-ť mor̃cer̃nest:

Net kovolden kudatnā?

Net kovolden andatnā?

Ku(v)a sašt kudatnā?

Ku(v)a sašt andatnā?

Lutkua latkua,

Kafty panda jutkuva,

Šisim paksañ tovólga,

Šisim válin tombalga.

Šija sašt kudatnā,

Šija sašt andatnā.

Miñik arašt kãḡkšynyk:

Оттуда приходите въ порядкѣ.

Туда идите безъ п.

Оттуда приходите съ п.

Когда поѣзжане пойдутъ туда, по дорогѣ туда начнутъ пѣть
про нихъ:

Откуда эти поѣзжане? . . .

Откуда эти поѣзжане?

Гдѣ прошли поѣзжане?

Гдѣ прошли поѣзжане?

По оврагамъ и долинамъ,

По расщелинамъ двухъ горъ,

По ту сторону семи полей,

По ту сторону семи селъ.

Тамъ шли поѣзжане,

Тамъ шли поѣзжане.

У насъ нѣтъ дверей:

Raškynyk pačk suvada.

Mińnik aras pazynyk,

Padynyk lan̄ks oznėda.

Svaḡa suka, lišmā,

Kofanyza lišnā,

Šada alaša uskižā,

Šada kuda paskižā.

No·ldasyž; su·vit, kar̄ni·t lukšyńt ājsa putu·ma stollan̄ks.
Tāḡtīr̄ḡnā ano·ldėt, vāšy·t jarma·k. Lukšyńka·ndyca svaxa·s
kar̄ni· tāḡti·r̄ḡniń ājsa mo·rcemā:

Tāḡtīr̄niit bojarav̄niit,

Tāḡtīr̄niit azyrav̄niit,

Noldėmežga, noldėmež!

Vasyldyń tarka syn,

Пролѣзайте между нашихъ ногъ.

У насъ нѣтъ бога,

Молитесь на наши п.

Сука сваха, кобыла¹⁾,

У ней выходитъ задняя кишка,

Её привезла сотня лошадей,

Она у сотню поѣзжанъ.

Ихъ пустятъ; они войдутъ и начнутъ ставить лукшу на столъ.
Дѣвушки не даютъ, просятъ денегъ. Несущая лукшу сваха нач-
нетъ пѣть, обращаясь къ дѣвушкамъ:

Дѣвушки барышни,

Дѣвушки хозяйюшки,

Пустите-ка, пустите!

Я прошла большое разстояніе,

1) Значеніе слова lišmā рассказчику неизвѣстно.

Šižišt kafty kundyjgednen.

Bojaravat täχtiräχt,

Panda bokañ jagydat.

Šijän blidas kočkomat,

Šijän blidas kočkomnet,

Bojar ikilij putumnit

Sur priñisa sajñimnit,

Turva priñisa jarcamnit.

Täχtiräχni tu-jit. Šestä lukšynt svaxa-s pu-cyj stolla-ñks. Ku-da-tnin o-jsefcéz stol-e-kšč. Alamy-da ka-vañasyž. A ñeve-stas o-zä urvalänt ekšč murgas i karnä ava-fkšnimä. Sajä kedezenga vikš-nin¹⁾ na-rdama, i arä urvalänt ikilij i karnä lajšymä:

Urvalinim, alinim,

Naka beñäñcyna kažninä,

1) vikšnit'.

Устали мои обѣ держащія руки.

Барышни дѣвочки,

На склонѣ горы ягоды.

Вы достойны, чтобы вамъ собирать въ серебря-

Собирать въ серебряное блюдо, [ное блюдо,

Ставить передъ господами,

Брать кончиками пальцевъ,

Бсть кончиками губъ.

Дѣвушки уходятъ. Тогда сваха поставитъ лукшу на столъ. Поѣзжанъ посадятъ за столъ. Ихъ угостятъ немного. А невѣста сядетъ за дружкой въ передній уголъ и начнетъ вопить. Возьметъ въ руки вышитое полотенце, и станетъ передъ дружкой и начнетъ причитывать:

Мой дружка, мой молодчикъ,

Возьми-ка плохенькій подарочекъ,

Lovekaja paryńiks, —
Avyĭ vaškaž tǎjifka,
Avyĭ ojmaž tǎjifka.
Salmyks prása kočakfka,
Grušalanksa tombafka.

I pucy-j urídĭ-vínť la-ftuĭ lanĭks narda-mynť. Urva-lǎtnǎ kĭ-
šit stol ekšetěnt, karńi-t pary-jin nařa-žama, a névestańť oza-f-
cyž stol ekšc, i basla-vasyž tatanza avanza, krosna-vaza, krosnej
ďataza. Névestaš samaj baslavamsty urnǎ:¹⁾

Baslavamaka,
Uĭ, avakaj gořmakaj,
Jatyń ġeca řrama,
Jatyń melen vanuma,

1) Нижеприведенное причитаніе записано отъ другого лица, а не отъ сооб-
щившаго описаніе всего брачнаго обряда.

Сотти-ка за хорошій, —
Дѣльце не нѣжась сработано,
Дѣло (сработано), не отдыхая.
Повыбрано концомъ иглы,
На побрякушкѣ бито¹⁾.

И положить на плечи дружки полотенце. Дружки выйдутъ
изъ за стола, начнутъ запрягать пару лошадей, а невѣсту поса-
дятъ за столъ, и ее благословятъ отецъ съ матерью, крестная
мать и крестный отецъ. Невѣста во время самага благословенія
причитываетъ:

Благослови-ка меня,
Охъ матушка кормилица,
Жить у чужихъ,
Исполнять волю чужихъ,

1) Съ дѣлью смягчить, сдѣлать мягкимъ (о полотенцѣ).

Jatyn gorën girdimä,
Kuč kijavast molemä.
Baslavamaka,
Uχ, täťakaj dirakaj,
Jatyn ġeca ārama,
Jatyn melen vanuma,
Jatyn gorën girdimä,
Kuč kijavast molemä.
Baslavamaka,
Křesnaviniim aviniim,
Vašin telañ orčeĵnem.
Baslavamaka,
Křesnëĵ tatam gormenem,
Popon ġectä idijiniim.
Baslavamižga, jat lomatt,
Tyñciñk melen vanuma,

Переносить укоры чужихъ,
Ходить по дорогѣ, по которой они пошлють.

Благослови-ка меня,
Охъ батюшка кормилецъ,
Жить у чужихъ,
Исполнять волю чужихъ,
Переносить укоры чужихъ,
Ходить по дорогѣ, по которой они пошлють.

Благослови-ка меня,
Крѣстная моя матушка,
Первая одѣвшая мое тѣло.

Благослови-ка меня,
Крѣстный мой тятенька кормилецъ,
Выручившій меня изъ рукъ попа.

Благословите меня, чужіе люди,
Исполнять вашу волю.

• Tyńcińk koreń ġirdińä.
Bidi večkemga sajsamiz,
Veselgaftyŋk tićinińk,
Pajdiżiftińk kurginińk;
Bidi avečkez sajsamiz,
Bidi akełgez sajsamiz,
Symyrgaftyŋk tićinińk,
Avařgaftyŋk kurginińk.

Baslavamyda mäjlä nevestas lajšä:

Uška ozan, mon ozan
Ostatkada tuža ezeńnes,
Tätkań valdy valmaluq.
Xyt i ozan, mon ozan,
Pulykstäüñim asajsa;
Kurgypotmań ašajrcä

Переносить ваши укоры.
Если вы берете меня по любви,
Развеселите свои личики,
Настройте на улыбку свои ротики;
Если вы берете меня не любя,
Если вы берете меня не уважая,
Нахмурьте свои личики,
Настройте на слёзы свои ротики.

Послѣ благословенія невѣста причитываетъ:

А ну-ка сяду я сяду
На послѣдки на желтой лавкѣ,
У свѣтлаго отцова окошка.
Хоть и сяду я, сяду,
Но не возьму своей вышивки на хвостѣ шлыгана,
Не закричитъ при раскрытомъ ртѣ

Mazyj mora valgijniim.
Proščajtija, proščajti,
Šabrañ urkat, uriniñ,
Šabrañ alkat, aliniñ,
Tujimniidin moñ mäjlä,
Iaumniidin moñ mäjlä
Prumydyja, prumyda
Prävärniidin jarcama,
Šalvatkidin žimimä.
Bida ulniñ parynä,
Lečemežga paruva;
Bida ulniñ apara,
Lečemežga aparuc.
Vanymižga, vanymiž,
Koda dātkam nařazyim
Kolenkava sařjanca,

Голосокъ мой красивую пѣсню.
Прощайте-ка, прощайте,
Сосѣдскія молодки, мои молодушки,
Сосѣдскіе молодцы, мои молодчики,
Послѣ моего отправления,
Послѣ разставанія со мной
Соберитесь-ка, соберитесь
Ѣсть кровушку моей головы,
Пить слезушки мои.
Если я была добренькая,
Помяните меня добромъ;
Если я была нехорошей,
Помяните меня зломъ.
Посмотрите, посмотрите,
Какъ отецъ нарядилъ меня
По колѣна въ сафьянъ,

Karksamníva parćijsa,
Čamañ gális sálvacea,
Káviri pođ žalvácea.
Vanyníž ga, vanyníž,
Bojaravan, jalǵínin.
Koda javan kuctysta,
Tiriñ dātkañ kuctysta,
Šesty ksnauñiks káviran,
Tātkañ kijaks jaǵníva,
Kačamñiks dy mon liśan
Kafty kośak jutkuva.

Mäjlä tä.χtirít sa.jsyz néve.stańt kafty peřdä i lifcy.ž kardaz
ku.ńckas; o.znofcéz; uridi.vís kă.pitcyj krاندajs aǵi nurb. Tăχ-
tiríχnă arćit krugo.mganza, vâsij śtada, névestas ku.ńckasa, čē-
re.nga stra.ftuft, vâlťáz šyrymka.sa. Tăχtiríχnă kuńćit keťtike.c,

По поясъ въ шелькъ,
По лицу въ слёзы,
Въ катящіяся, какъ пуговицы, слёзы.
Посмотрите, посмотрите,
Барышни, подружки.
Когда я уѣду изъ дома,
Изъ отцовскаго дома,
Тогда я покачусь горошкомъ,
По расщелинамъ отцовскаго пола,
Я выйду какъ дымочекъ
Между обоими косяками.

Затѣмъ дѣвушки возьмутъ невѣсту съ обѣихъ сторонъ и вы-
ведутъ ее посередь двора; заставятъ помолиться; дружка поса-
дитъ ее въ телѣгу или сани. Дѣвушки станутъ вокругъ нея, всѣ
стоя, невѣста посерединѣ, съ распущенными волосами, покрытая

a néve-staš ku·ndā ä·jzyst kafty·n pe·lej, i karñi· néve-staš
lajšy·mä:

Pašiba tyṛk, jalgiñin,

Tuža aṛfkiñ tājimzyṛk

Šajitkista šalgumzyṛk.

Āramñizyṛk ārada,

Vaškamñizyṛk vaškada.

Maštydyja, maštyda

Ṭātāṇk mēlest vanuma,

Avaṇk korēñ kiṛdīmā.

Mon, jalgiñin, āziñ mašt

Ṭātāñ mēleñ vanuma,

Avañ korēñ kiṛdīmā.

Aporava pokōrdēz

Bojaravaks moñ čyñim,

Volaks paryks āramñim.

ширинкой. Дѣвушки возьмуться рука въ руку, а невѣста уцѣпится
за нихъ, и начнетъ невѣста причитывать:

Спасибо, мои подружки, спасибо,

За то, что сдѣлали прекрасную полоску (на руцѣ),

И за то, что частенько ее прокололи.

Живите пока ваша жизнь,

Понѣжьтесь, пока ваша воля.

Умѣйте-ка, умѣйте

Наблюдать волю вашихъ отцовъ,

Переносить укоры вашихъ матерей.

А я, подружки, не умѣла

Наблюдать волю моего отца,

Переносить укоры моей матери.

Не во время обезчестили

Мое дѣвичье времячко,

Мое житѣе на волѣ и въ добрѣ.

Āļ pačkydān, jalģiīnin,
Přāñ jumama tarkañtij.
Vanydyja, vanyda,
Kovòloņ dujā bojaravaks čyñ.
Bīdī tujā čyñ štamun,
Učumīz ga mākij,
Bojaravaks čyñizyn.
A bīdī čy mađīmaņ,
Šesta ilīmīz uča
Bojaravaks čyñisa,
A učumīz, jalģiīnin,
Ufiks vardyks čyñisa.

Suva-feyz nēvestaņt sto-ròškas, i son ka-rmā tosa vāltāz aš-
čyñā, žardy sy i suvā cērkovas žēneχēs; mājļā suvā son ga-k i

Уже я подхожу, подружки,
Къ мѣсту, гдѣ пропадетъ моя голова.
Смотрите-ка, смотрите,
Въ какую сторону пойдетъ мое дѣвичье житьѣ.
Если оно пойдетъ на востокъ,
Ждите-ка меня назадъ,
На дѣвичью жизнь мою;
А если на западъ,
То не ждите меня
Въ дѣвичьей жизни,
А ждите меня, подружки,
Въ жизни рабыни¹⁾.

Невѣсту введутъ въ сторожку, и она будетъ сидѣть тамъ по-
крытой, пока не придетъ и не войдетъ въ церковь женихъ; по-
томъ войдетъ и она, и ихъ повѣнчаютъ. Когда войдутъ въ домъ,

1) Значеніе словъ uřā и varda рассказчику неизвѣстно, uřā переводятъ въ снохи (см. ugvaks), а vardyks въ лѣнтяйки. Varda значитъ, будто, дикій чело-
вѣкъ. Nužaks varda лѣнтяй. Varduñ šuga: чортовъ камень, чортовъ палець.

venča·syž. Kyda syt kudu·ŋ, ode·rvañt ara·feyž pečka i·kilij, zaslo·
nēnt pa·nčcyž. Ode·rvaš tozē·ñ va·rčtā; te·stēñ sva·χa sajsy i
kaja·syj karc. Kyda·ode·rvañt ājsa vete·t, a mīrdīs uš to·sa učā·
Koda·k vētasyz kă·ŋkšyñt laŋks, ode·rvaš ku·ndā vēcí košaky·ñti.
Tēvelďā karmit tolka·dīmīnza uda·lda i šārgi·dīt mīrdi·ñti: «vār·
gi·z, vārgi·z, na tāt řevā». Še tovoľda ku·ndasy·j pākinučk i usksy·j
toŋ. Kāŋkšyñt šolksēz i ka·cyž. Kandy·t tāsť to·zēñ jajišni·ća i
ćela sa·raz i vi·na. Mājľā syť soda·ftyćat tāχtīť i maryst ćo·rēñā.
Ćo·rēñes šārgidā: «maďida kavyñiñk, štada ko·lmōñēnk». Nēť pa·n·
žyť i maksy·t tānza tře·šnek, a syñć štīt, suvīt kuc i karmit gu·
ľā·jama. Tāχtīřīñā ozēt stole·kšć, žeñeχēs kavaña·syñzā, i tuji·ť
tāχtīřīñā arχīñi·mā, a te·sa karñi·ť šukyña·fñimā.

молодушку поставятъ передъ печкой, а заслонъ откроютъ. Не·
вѣста посмотритъ туда; оттуда сваха возьметъ еѣ и введетъ въ
хлѣвъ. Когда въ него поведутъ невѣсту, женихъ уже ждетъ тамъ.
Когда ее приведутъ къ дверямъ, молодушка беретъ за верхній
косякъ. Сзади ее начинаютъ толкать отсюда (съ улицы) и кри·
чатъ мужу: «волкъ, волкъ, на тебѣ овцу». Онъ беретъ ее оттуда
поперекъ живота и втаскиваетъ туда. Дверь притворяетъ и оставляютъ
ихъ. Принесутъ имъ туда яичницу и цѣлую курицу и вина. По·
томъ приходятъ посмотреть дѣвушки и съ ними мальчикъ. Маль·
чикъ кричитъ: «ложитесь вдвоемъ, встаньте втроемъ». Тѣ отво·
ряетъ и дадутъ ему копейку, а сами они встанутъ, войдутъ въ
избу и начнутъ веселиться. Дѣвушки сядутъ за столъ, женихъ
угощаетъ ихъ, и отправятся дѣвушки кататься, а тамъ начнутъ
заставлять кланяться¹⁾.

1) Т. е. заставляютъ жениха поклониться тещѣ въ ноги и сказать «пасиба
тейтерезът» (спасибо тебѣ за твою дочь). И еще кой·кому заставляютъ покло·
ниться, а именно невѣстину отцу, крестному и крестной. Если женихъ глупъ,
(молодъ, неопытенъ), онъ продѣлаетъ все, что ему велятъ, а сами они надъ нимъ
смѣются. *Прим. одною изъ слушателей.*

..-oiaa, iijik i aak... Nēvestanīt avar̥kš̥nima†).

Māziñ žātca mon aštan,
Māziñ žātca mon girdan?
Kāst kāvindašt šadijzyn,
Nart naryjašt potmōžen.
Še šadijsyñt mon aštan,
Še šadijsyñt mon girdan.
Zoṛa zoṛa zoṛeñā,
Zoṛa valda tāštiniā.
Koda javā tāštiniš,
Javā valdy zoṛadyñt,
Zoṛa javā tāštidiñt,
Ista javan, mon javan
Bojaravaks čynidin,
Voľaks paryks āramdyn.

1) Записано отъ женщины лѣтъ 35.

..-oiaa, iijik i aak... Плачь невѣсты.

Въ какомъ сердцѣ я нахожусь,
Въ какомъ сордцѣ я терплю?
На мое сердце тяжело легли камни,
Въ мои внутренности залегъ подорожникъ.
Въ такомъ сердцѣ я нахожусь,
Въ такомъ сердцѣ я терплю.
Заря заря, зорюшка,
Заря, свѣтлая звѣздочка.
Какъ уходитъ звѣздочка,
Уходитъ отъ свѣтлой зари,
Заря уходитъ отъ звѣздочки,
Такъ я ухожу, я ухожу
Отъ моихъ дѣвичьихъ деньковъ,
Отъ житья на волѣ и въ добрѣ.

Bojaravan, jalginiin,
 Āramnizyṅk ārada,
 Vaškamnizyṅk vaškada.
 Maštydyja, maštyda
 Tātkañ mēlēñ vanuma,
 Aṅkañ korēñ ġirdimā.
 Piṅkaja pokōrdaft
 Aporava tyṅk čyñiñk,
 Volaks paryks āramniñk.
 Mon, jalginiin, āziñ mašt
 Tātāñ mēlēñ vanuma,
 Aṅkañ gorēñ ġirdimā.
 Aporava pokōrdež
 Bojaravaks moñ žyñiñ,
 Volaks paryks āramniñ.
 Puvi varmaš puaza,

Барышні мои подружки,
 Живите пока ваша жизнь,
 Понѣйтесь, пока ваша воля.
 Умѣйте-ка, умѣйте
 Наблюдать волюшку отца,
 Переносить укоры матери.
 Вы не обезчестьте
 Не во время своего времячка,
 Своего житья на волѣ и въ добрѣ.
 Я, подружки, не сумѣла
 Наблюдать волю отца,
 Переносить укоры матери.
 Не во время обезчестили
 Мое дѣвичье житъеце,
 Мое житье на волѣ и въ добрѣ.
 Пусть дуетъ дующій вѣтеръ,

Kandy varmaš kandyza,
Ograd beleŭ puaza,
Ograd beleŭ kandyza,
Sätminišta puaza,
Sätminišta kandyza,
Vérğa tikšy pírava
Alga čačy modava,
Tikšy pírān čérkaftyž,
Moda pulniń syrgaftyž.
Tosy ulit moń, ulit
Moń bokšteńeń baŭińiń,
Moń rodńeńeń, raskińin.
Bojaravat jalgińin
Äš poravan kaduŭit,
Syń äštidin viškińit.
Přymazyj duġińin,

Пусть несетъ несущій вѣтеръ,
Пусть дуетъ въ сторону ограды,
Пусть носитьъ въ сторону ограды,
Пусть дуетъ потихоньку,
Пусть несетъ потихоньку
По верху по верхушкамъ травъ,
Понизу по родящей землѣ,
Колыхая верхушки травъ,
Поднимая земляную пыльцу.
Тамъ есть у меня, есть
У меня дѣдушка, бабушка,
У меня родственники, свойственники.
У меня подружки дѣвицами
Остаются въ моемъ возрастѣ,
Онѣ помоложе меня.
Мои молоденькія красивыя подружки,

Prumydyja vātarkas,
Vā dumnisa dumama,
Vā valnysa kortama.
Maksydyja moňāngak
Kaŕgiňiška tarkiňā,
Kojmilarŕga modeňā.
Čamaňgoŕas maksyda
Grušyňiška māniľiňā.
Sajimižga tyň moňgak
Alyňk alksyň acama,
Prālyňk pralksyň butuma.
Bidi išta apara,
Bidi išta nāňila,
Prumydyja, prumyda
Prājumama tarkazyn
Prāvārñidyn jarcama,

Соберитесь-ка въ одно мѣсто
Подумать одной думушкой,
Поговорить однимъ словечкомъ.
Дайте-ка и мнѣ
Мѣстечка съ лапотный слѣдъ,
Землицы съ лопату.
Дайте противъ лица
Съ грушу небушко.
Возьмите-ка вы и меня
Стлать подъ васъ постель,
Класть подъ ваши головы подушки.
Если такъ не хорошо,
Если такъ не мило,
Собирайтесь-ка, собирайтесь
На мѣсто моей гибели
Бѣть мою головную кровь,

Šal'vatkidin žimimä.
Vanydyja, vanyda,
Bojaravan, jalginin:
Tevel'dajak pizim bäl,
Tovöldy jak pizim bäl,
Äl vasydit karčyzyst.
Karakarča vasydit,
Šajri blagyj burginä,
Leccä tätkän kudynza,
Sajsy kucty mazynza.
Panžydyja, panžyda,
Bojaravan, urinin.
A panžuvi tyṅk kăṅkškiṅk,
Apanžuviks tyṅk kăṅkškiṅk.
Kafty jaki pilgin: mašet
Pil'ksta pilgi moñ vijinin.

Пить мои слезочки.
Смотрите-ка, смотрите,
Барыньки мои, подружки:
И съ этой стороны дождевая туча,
И съ той стороны дождевая туча.
Чуть не встрѣчаются другъ съ дружкой.
Встрѣтятся другъ съ дружкой,
Закричитъ злой громъ,
Стрѣльнетъ въ домъ отца (моего),
Возьметъ изъ дома его красоту.
Отоприте-ка, отоприте,
Барыньки мои, сношки.
Не отворяется ваша дверь,
Не отворяющаяся ваша дверь.
Обѣ ходящія мои ноги: исчезли
Мои ножныя силушки съ ногъ.

Kafty kundy moń gedńen
Kecy keď syń akundyť.
Apanžuvi tań kãŋkškińk
Apanžuviks tań kãŋkškińk.
Uχ, avakaj, gořmakaj,
Uχ, avakaj, diřakaj,
Jakiń, aŋkaj, gořmakaj,
Jakiń gardaz jurť kivaŋk¹⁾,
Ćurkaŋk palkaŋk vannuma,
Štroań strojnaŋk vannuma,
Stady soškaŋk loŋnoma.
Tiřiń dātkań gardajsa
Niřiń ġařińiń vã soška.
²⁾ Vašiń štaťuf soškaza,
Putuf olgy plastyza,

1) Kardazjurt—мѣсто двора, похожее на дворъ, дворъ.

2) Здѣсь невѣста обращается къ первой сошкѣ и пласту соломы.

Обѣ берушїя мои руки
Не могутъ взяться рука за руку.
Не могу отворить я вашу дверь,
Не отворяющаяся для меня ваша дверь.
Охъ, матушка кормилица,
Охъ, матушка кормилица,
Я ходила, матушка кормилица,
Я ходила по вашему двору
Смотрѣть на чурки и палки ваши,
Смотрѣть на ваши строенїя,
Считать стояшїя сошки ваши.
На дворѣ кормильца отца
Сорокъ одна сошка.
Сначала поставленная его сошка,
Сначала имъ положенный пластъ соломы,

Bojaravaks moń žyńim,
Volaks paryks āramńim,
Śesa aščā palasa,
Son valaža pīrasa.
Čamań ġālis śālvacca.
Kortan, maryn akortā,
Kedem vāñftan, asatā,
Surbifinīn atokeť.
Išta javan čyńidīn,
Volaks paryks āramdyn.

Дѣвичья моя жизнь,
Житье на волѣ и въ добрѣ,
Здѣсь сидитъ въ рубашкѣ,
Она съ гладкой головой,
Она съ лицомъ въ слезахъ.
Я говорю, она со мною не говоритъ,
Протягиваю свою руку, не хватаетъ,
Коньчики пальцевъ не касаются,
Такъ я разсталась съ жизньюшкой,
Съ житьемъ на волѣ и въ добрѣ.

Б. Сухой Карбуланъ.

Васьня женихиньть родэнзы, нилишка ломань, молеть покш кудакс невестаньтинь. Кармить чийсиманзы, чиясызь. Мельи невестаньть родэнзы молеть женихиньть кудынзы ванума, тосы аламуды симить. Мельи женихиньть родэнзы сайть пряка и кафты бутулкат вина и молеть невестаньтинь, озэть эземь бряс и кармить питьни ладыама. Ладить питьни, кирвастить съвеча, стить и веси кармить чекама. Бути невестаньть мелест максумс, то невестаньть тятязы эль лялязы сая наждама, тейсы кольцакс и се кольцаньтинь веси рёттны куньдить и кармить кафты

Б. Сухой Карбуланъ.

Сначала родственники жениха, человекъ съ четыре, пойдуть въ качествѣ сватовъ къ невѣстѣ. Будуть сватать ее, просватають ее. Потомъ родственники невѣсты пойдуть смотрѣть домъ жениха, тамъ немного попьють. Затѣмъ родственники жениха возьмутъ пирогъ и двѣ бутылки вина и пойдуть къ невѣстѣ, сядуть впередъ и начнутъ рядить кладку. Порядятъ кладку, зажгутъ свѣчу, встануть, и всѣ начнутъ креститься. Если у нихъ есть желаніе выдать невѣсту, то отецъ или старшій братъ невѣсты возьметъ полотенце, свернетъ его кольцомъ, и за это кольцо ухва-

бутулкасы винанъть симиме. Симсызь зе винанъть и туйтъ женихинътинъ зимиме. Кода роттны ащитъ кунъцизь нардамусынъть, се шканъть женихинъть авась и невестанъть аваоъ полафтытъ прякат колмксть истя: женихинъть авась пряканъть максы верьга, а невестанъть авась алга. Ве чавы бутулканъть женихинъ роттны сайсызь мекеу, а вейкенъ гацызь невестанътинъ. Невестанъть ялганзы пурнавить, сайсызь циямы алашанъть и туйтъ эйсэны арьтьниме, куля подлама. Сытъ тейтерьтъни арьтьнимсты и се алашанътинъ ойсетъ суватт сувахат и туйтъ женихинътинъ зимиме, а женихинъть кецты тагы невестанътинъ. Мельи теетъ вечеренкат: женихисъ рамси гостенецъть, сав вина и туи чокшни невестанътий. Невестанъть пурнавить ялганза. Мельи невестанъть марты женихисъ озэть эземъ бряс столь экше и кармить ярцамы симиме. Мельи пурнавить одзёратьни и оддейтерьтъни и кармить морамы и кищиме. Ней вечеренкасы веси морэтьни рузынь.

тятся всѣ сродники, и станутъ пить вино изъ двухъ бутылокъ. Выпьютъ это вино и пойдутъ пить къ жениху. Пока сродники сидятъ, ухватившись за полотенце, въ это время мать жениха и мать невѣсты смѣняють трижды пирогъ слѣдующимъ образомъ: мать жениха отдаетъ пирогъ по верху, а мать невѣсты по низу. Одну пустую бутылку сродники жениха возьмутъ съ собой обратно, а другую оставляютъ невѣстѣ. Соберутся подружки невѣсты, возьмутъ лошадь, на которой пріѣхали сватать, и поѣдутъ на ней кататься, пускать слухъ (по селу). Вернутся дѣвушки съ катанія, и на эту лошадь сядутъ сваты и свахи и отправятся къ жениху пить, а отъ жениха опять къ невѣстѣ. Потомъ устроятъ вечеринку: женихъ купитъ гостинцевъ, возьметъ вина и вечеромъ поидетъ къ невѣстѣ. Соберутся подружки невѣсты. Потомъ женихъ съ невѣстой сядутъ впередъ за столъ, и начнутъ ѣсть и пить. Потомъ соберутся парни и дѣвушки, и начнутъ пѣть и плясать. Теперь на вечеринкѣ всѣ пѣсни русскія.

Ютыть зярыяк чить, и женихиньть тятянзы и авансы и родэнзы молеть питьинь гандума. Питьинь гандумсты женихиньть тятясь авась и роттны вешеть невестаньть кецты казь-пить. Женихиньть тятянтинь банар, авантый зарахатт, а женихиньть роттнэнень, гонанинь бонкст, конанинь банар, зарахатт, рукават. Сайсы невестась питьиньть и туи казынь рамсиа и веси стакшнысыньзе; сонянзы пособлеть ялганза. Ютыть кафтышка чи, женихиньть тятянзы авансы сайть пряка, бутулка вина, кильдить алаша и туить чинь бутума. Пурнавить невестаньть ялганзы и туить чинь бутумы алашасыньть арьтьниме. Сыть тейтерьтнни артьнимста, женихиньть тятятнни аватьни полаўсызь сыньцист пряканьть невестаньть тятятннинь аватьнинь бряка лагкс и туить. Аньцикь сыть женихиньть тятянзы авансы чинь бутумста, пурнавить родэст, кандыть роттны почт, ямкст, сивиль, алт и кармить лукшынь дееме. Ве курьникь тееть покш. Покш курьникиньтинь бутыть вейксы вещ: почт, сал, ой, гаша,

Пройдетъ сколько-нибудь дней, и жениховы отецъ, мать и сродники пойдутъ относить кладку. Принеся кладку, жениховы отецъ, мать и сродники просятъ отъ невѣсты даровъ. Женихову отцу рубашку, матери сарафанъ, а жениховымъ сродникамъ кому штаны, кому рубашку, сарафанъ, рукава. Возьметъ невѣста кладку, и пойдетъ накупать подарковъ и сошьетъ все; ей пособляють подруги. Пройдетъ дня два, жениховы отецъ и мать возьмутъ пирогъ, бутылку вина, запрягутъ лошадь и отправятся назначать день. Соберутся подруги невѣсты, и отправятся кататься на лошади. Когда дѣвушки вернутся съ катанія, отецъ и мать жениха смѣнятъ свой пирогъ на пирогъ невѣстиныхъ отца и матери и уйдутъ. Лишь только жениховы отецъ и мать вернутся послѣ назначенія дня, соберутся ихъ родственники, принесутъ сродники муки, крупы, мяса, яицъ и начнутъ готовить «лукши» (круглые пироги съ начинкой). Одинъ пирогъ съ начинкой сдѣлають большой. Въ большой пирогъ положить девять

сывиль, алт, пачалксить, чурька, картуха. Покш курникинь
лантынзы наряджасызь миникс цюныкс. Покш курьникинь
ланкс сялгить наряджазь дарад и курьникинь карксасызь ленкса.
Те покш курьникинь лемезы лукша. Лукшынь деемсты паряф-
нить ве мора каўксть:

Перть перть благый бурьгине,

Уш перть ёнски пурьгине,

И серьгедеть верьгедеть,

Каракарчы васыдить.

Кинь гудынь сынь зерьгэтцезь,

Гинь гудынь сынь верьгэтцезь?

Дригань¹⁾ гудынь серьгетцезь,

Дригань гудынь верьгетцезь.

Понаў, бонаў гилийне,

1) Имя женихова отца.

предметовъ: муку, соль, масло, кашу, мяса, яйца, блины, лукъ,
картофель. Верхъ большого пирога раскрасятъ повсячески.
Сверху большого пирога воткнуть раскрашенный прутикъ, а
опояшутъ пирогаъ лыкомъ. Название этого большого пирога лукша.
Готовя лукшу, пропоютъ (торжественно) дважды одну пѣсню:

Со всѣхъ сторонъ злой громъ,

Ужъ со всѣхъ сторонъ молнія,

И закричатъ и блеснутъ,

При встрѣчѣ соединятся.

На чей домъ они закричатъ,

Чей домъ они освѣтятъ?

Они закричатъ на Григорьевъ домъ,

Они освѣтятъ Григорьевъ домъ.

Кудрявая, кудрявая березка,

Седияк бонаў гилийне
Дрига атянь икиле,
Сиянь баяг' эйсэнза.
Пижинь рисьмини вельди
Вачкитьцыникъ баяганьтъ.
Туи родга племава,
И патява сазырга.

Мельи паряфнисызъ теки жа паряфниманьтъ. Аньцяк паряф-
нимсты лецтьясызъ авуль женихиньтъ тятяньтъ, а невестаньтъ
тятяньтъ.

Перьтъ, перьтъ благый бурьгине,
Уш перьтъ ёнски пурьгине,
И серьгедеть верьгедеть,
Каракарчы васыдить.
Кинь гудыньтъ сынъ зерьгетцэзъ?

Очень кудрявая березка
Передъ старикомъ Григоріемъ,
На ней серебрянный колоколь.
За мѣдную цѣпочку (дернувь),
Мы ударимъ въ колоколь.
Разойдется (звукъ) по роду и племени,
По теткамъ и сестрамъ.

Затѣмъ (торжественно) поютъ эту же пѣсню. Но при пѣніи
помянуть не женихова отца, а неvěстина.

Со всѣхъ сторонъ злой громъ,
Ужъ со всѣхъ сторонъ молнія,
И закричатъ и освѣтятъ,
При встрѣчѣ соединятся.
На чей домъ они закричатъ?

Гинь гудыньть сынъ верьгетцэзь?

Дёмань гудыньть серьгетцэзь,

Дёмань гудыньть верьгетцэзь.

Дёма атянь икиле.

Голэй, голэй гилийне.

Седияк голэй гилийне

Дёма атяньть икиле.

Голэй, голэй гилийсынянь

Сёвонень до баяга.

Лентги луткы вельди

Вачкидикшнызь баяганть.

Тусь чуважга татарга,

Тусь апак лемть ломаньга.

Лукшыдыньть мелъи тееть тейтерень гжы. Тейтерень гжысь
авуль бокш и тараткись лангксынзы вишкине.

Чей домъ они освѣтятъ?

Они закричатъ на Дементьевъ домъ,

Они освѣтятъ Дементьевъ домъ.

Передъ старикомъ Дементіемъ

Голая, голая березка.

Совсѣмъ голая березка

Передъ старикомъ Дементіемъ.

На голой, голой березѣ

Глиняный колоколь.

За шкурку съ лыка (дернувъ),

Ударили въ колоколь.

Разошелся (звукъ) по татарамъ и чувашамъ,

Разошелся по некрещенымъ людямъ.

Послѣ лукши готовятъ (сладкій) пирогъ для дѣвушекъ. Пи-
рогъ для дѣвушекъ невеликъ, и прутикъ на немъ маленькій.

Тейтерень гжыдыньть мельи тееть сувахань гедьги.

Лукшытъни тееветь, женихись тарги колмы четверть вина, сувафтыть кудыньтинь колмы столть. Ойсеть женихинь роднятъни столъ экшс, симсызь белензы винанть и кармить уридивинь бурнама. Пурныть уридиу и кармаусызь сонзы вина яўшыми эземь брясы столеньтей. Мельи пурныть уридивиньтъ ялга и кармаусызь сонзы керчпели столеньтенъ вина яўшыме. Симсызь и срадыть.

Омбоци валцкинть стить и кармить поездань бурнама. Каждый родэсь кильди алаша, ата парый, ата кафты кудыс ве пара. А каждый авась канды куданъ бряка. (Женихинь роттнэн¹⁾ мест кудат). Поезданть пурнамсты кии васиньцикс арды женихиньтъ кардайс, сенень вина цярка. Кода кудатьнинъ поездэст пурнаве, сынъ гучить ве пара невестанъ роданть пурнама. А уридивись туй орта идиме. Аньцяк невестанътъ ялганзы тейтерьтъни

1) роднятънинъ.

Послѣ пирога для дѣвушекъ готовятъ небольшой пирогъ для свахъ.

Когда лукши будутъ готовы, женихъ вытащить три четверти вина, въ избу внесуть три стола. Родственники жениха сядутъ за столы, выпьютъ половину вина и начнутъ выбирать дружку. Выберутъ дружку и заставятъ его разносить вино переднему столу. Потомъ выберутъ дружкѣ товарища и заставятъ его разносить вино заднему столу. Выпьютъ и разойдутся. На слѣдующее утро встанутъ и начнутъ собирать поѣздъ. Каждый родственникъ заложить лошадь, а то пару, а то одну пару съ двухъ домовъ. А каждая женщина принесетъ пирогъ для сватовъ. (Сватами называются родственники жениха). Когда собирается поѣздъ, кто первымъ прискачетъ во дворъ жениха, тому чарка вина. Когда соберется поѣздъ сватовъ, они посылаютъ одну пару лошадей собирать родственниковъ невѣсты. А дружка отправляется выручать ворота. Лишь только дѣвушки, невѣстины подруги, уви-

несэзь, шты уридивись арды орта идиме, пекстасызь ортаньть и нежатыцызь. Уридивись максы тейтерьтпенень гемень эль геве-теи трюшникъ и тейтерьтнн ортаньть паньчсызь. Суви уриди-вись невестаньть кардайс и озафты тосты кафты ават, невестань ротт, конатннн гучсызь женихинь банарынъ гандума. Усксынъси уридивись панарынъ гандыця аватыннн; женихисъ тарги зяры як вина, и аватыни венчама панарынъси понксэньси макссызь. И уридивись се аватыннн усксынъси мекеу. Невестаньть родэньси веси кандыть сюкурт и вачкасызь невестаньть сундукъ, сунду-куньть ланкс пуцызь тейтереньть ацамунъси и ацамутьннн ланкс озафтыть пакша. Пурнавить веси кудатнн женихиньтинъ, кар-мить обедама. Кудатннн обедэть, а седи сыри аватыни паряфнить:

Ярпады, кудат, ярпада,

Ярпады, андат, ярпада.

Вачи пекенк тынь пещенькь,

дять, что дружка скачетъ выручать ворота, они запрутъ ворота и подопрутъ ихъ. Дружка дастъ дѣвушкамъ десять или пятнад-цать копеекъ, и дѣвушки отопрутъ ворота. Дружка войдетъ во дворъ неvěсты и посадить оттуда двухъ женщинъ, родственницъ неvěсты, которыхъ пошлютъ отнести женихову рубашку. Дружка привезетъ женщинъ, относящихъ рубашку; женихъ вытащитъ сколько нибудь вина, и женщины дадутъ ему вѣнчальные рубашку и штаны. И дружка привезетъ этихъ женщинъ обратно. Всѣ род-ственники неvěсты принесутъ лепешки и наложатъ въ сундукъ неvěстинъ, на сундукъ положить дѣвичью постель и на постель посадятъ ребенка. Всѣ сваты соберутся къ жениху и начнутъ обѣдать. Сваты обѣдаютъ, а наиболѣе старыя женщины поютъ (торжественно):

Кушайте, сваты, кушайте,

Кушайте, сродники, кушайте.

Наполните свои голодные животы,

И симиманк явафтынкъ.
Покш паксянь дрокс ардумста,
Тикшынь дикшынь лоўнэнкъ,
Кафтынь гафтынь сѣтэнкъ.
Кона тикшысь ськамунса,
Се тикшыниньть сезенькъ,
Той боцказынк тынь кайныкъ.
Покш виринь дрокс ардумста,
Чуфтынь цуфтынь лоўнэнкъ.
Кона чуфтысь лишныине,
Кона чуфтысь ськамунса,
Се чуфтыниньть тынь керенькъ,
Той боцказынк тынь кайныкъ.
Покш велень дрокс ардумста,
Кудынь гудынь тынь лоўнэнкъ,
Кафтынь гафтынь тынь сѣтэнкъ.

И утолите свою жажду.
Бдучи черезъ большое поле,
Пересчитайте по травинкѣ,
Пересчитайте по двѣ.
Которая трава одна,
Эту травку сорвите,
Бросьте ее въ бочку съ лукшей.
Бдучи поперекъ большого лѣса,
Пересчитайте по деревцу.
Которое дерево лишненькое,
Которое дерево одно,
Это деревцо вы срубите,
Бросьте его въ бочку съ лукшей.
Бдучи черезъ большую деревню,
Пересчитайте по домику,
Пересчитайте вы по два.

Кона кудысь лишнійне,
Кона кудысь ськамунза,
Се кудыньтинь зувада.
Уш се кудынь ломатьнинь
Вейти-вейти тынь лоўнэнкь,
Кафтынь гафтынь тынь зётэнкь.
Кона ломаньць лишнійне,
Кона ломаньць ськамунза,
Се ломаниньть тынь сайнькь,
Нурды (крандаз) потмакс тынь каинькь,
Кудуў гауў тынь ускинькь.
Уридиў аля, кичаля,
Сайть тон пары ава,
Сайть тон мазый ава.
Бути саят пары ава,
Бути саят мазый ава,

Чей домъ лишненькій,
Чей домъ одинъ,
Въ этотъ домъ зайдите.
Ужъ вы людей этого дома,
Пересчитайте вы по одному,
Пересчитайте вы по два.
Который человекъ лишненькій,
Который человекъ одинъ,
Того человека вы возьмите,
Внутрь саней (телёги) вы бросьте,
Домой вы отвезите.
Дружка, молодецъ, добрый молодецъ,
Возьми ты добрую женщину,
Возьми ты красивую женщину.
Если ты возьмешь добрую женщину,
Если ты возьмешь красивую женщину,

Чѣсти тодоў уш алыт,
Парьций гушак уш перькат,
Кримскый цѣпка уш прызыт.
Бути саят берянне,
Бути саят амазый,
Сеелень гедь уш алыт,
Кирмалаў цѣпка прызыт.

Кода кудатьни обедѣть, а бабатьни паряфнить, се шканьть тейтерьтъни ойсы вадьнить кудатьнинь бряст и сакалыст и суд- рить. Кода женихиньть рогтнѣ обедѣть, се шканьть невестаньть родѣнзы наряджыть невестаньть венець алуў; наряджасызь, озаў- сызь пецька икилиў и пурныть кафты урвалят. Урвалякс пур- ныть вейкекс роднѣй ляля, а омбоцекс малавикс роднянь, авуль зыри цѣра. Урвалятъни молець пецька икилиў невестаньть па- цясы вельтямунса. Невестась урвалятънинь гасьсынъси пацяса.

То ужь мягкую подушку подѣ тебя,
Шелковый кушакъ вокругъ тебя,
Красную шапку тебѣ на голову.
Если ты возьмешь плохую,
Если ты возьмешь некрасивую,
То уже ежовую шкуру подѣ тебя,
Репейную шапку тебѣ на голову.

Въ то время какъ сваты обѣдаютъ, а старухи поюгъ, дѣвушки мажутъ головы и бороды сватовъ масломъ и расчесываютъ ихъ. Въ то время какъ обѣдаютъ родственники жениха, родственники невѣсты наряджаютъ ее подѣ вѣнецъ; нарядятъ, посадятъ передѣ печкой и выберутъ двухъ шаферовъ. Шаферами выбираютъ — однимъ родного брата старшаго, а другимъ близкаго родствен- ника, нестарога мужчину. Шафера идутъ передѣ печку накрыть невѣсту платкомъ. Невѣста подаритъ шаферовъ платками. Ша-

Урывалятьни каить невестанть прява паця; невестась ноцкоўсы
прястынзы пацянть и карми урьнине:

Кафты боярт, лялинин,

Тынь иляды пеняця

Седи ламы казьи ланкс.

Илянк кая, лялинин,

Чакш павининть прызын.

Эзень донатт, лялякай,

Чакш пацясы якама.

Эзень донатт, лялинин,

Чакш пацясы якама.

Тонадынь мон, лялякай,

Валаня прянь гандума

Ветекс кодань булыса,

Павань долга цёкоса.

Фера накинуть платокъ на голову невѣсты; невѣста сдёрнеть
платокъ съ головы и начнеть вопить:

Оба господина, мои братцы,

Вы не пеняйте

На большіе подарки.

Не накидывайте, мои братцы,

Горшечную тряпочку на мою голову.

Я не научилась, братецъ,

Ходить въ горшечной тряпкѣ.

Я не научилась, мои братцы,

Ходить въ горшечной тряпкѣ.

Я выучилась, братецъ,

Ходить съ гладкой головой,

Въ косѣ, въ пять прядей сплетенной,

Въ кисти, какъ павлиное перо.

Мелыи урвалятьни сайсызь невестанть кафты пельди и кан-
цызь эземь бряс. Эземь брясы невестанть тятяны аванзы
баславасызь, и урвалятьни сайсызь дагы и озаўсызь неве-
станть бокасы эземс.

Се шкастыньть сы женихинь бельди поезд. Аньцяк женихинь
боездэсь суви невестанть кардайс, лисить тейтерьть, невестанть
ялганзы, и кармить паряфниме¹⁾:

Ваны сыть уш куданык,

Ваны сыть уш анданык.

Мекс куданык раужыт,

Мекс анданык амазыить?

Састь луткува латкува,

Рузынь галмы юткува.

Мода пульни валыньсе,

Кулуў бульни сапньсе.

1) Мотивъ приведенъ ниже.

Потомъ шафера возьмутъ невѣсту съ двухъ сторонъ и отне-
сутъ напередъ. Напереди отецъ и мать невѣсты благословятъ
ее, и шафера возьмутъ опять и посадятъ невѣсту на боковую ска-
мейку (лавку).

Въ это время со стороны жениха приѣдетъ поѣздъ. Лишь
только жениховъ поѣздъ вѣдетъ во дворъ невѣсты, выйдутъ дѣ-
вушки, невѣстины подруги, и начнутъ пѣть (торжественно):

Вотъ уже ѣдутъ сваты,

Вотъ уже ѣдутъ сродники.

Отчего сваты черные,

Отчего сродники некрасивые?

Они пришли по оврагамъ и баракамъ,

Между русскими могилами.

Ихъ засыпала земляная пыль,

Ихъ покрыла золяная пыль.

Сувить женихинь родэсь, ускить мартыст вейксы прякат. Покш лукшынъ гурьникинъ макссызъ невестанътинъ (невестанъть кис сайсы аваза); суваханъ гедыгинъть макссызъ невестанъ аванътинъ, максытъ тензы ищо пельбутулка вина ды кал, и мереть: «ну, сувахай, нень бурныть», и сон бурнасынъсе. Мелы женихинъть авась сайсы тейтерень гжынъть, сан кедезэнъзы вина цярка, вина цярканынъ полды ярмак, моли невестанъть пелеу. А тейтерьтнъ, невестанъть ялгатынъ, жеңихинъть аванъ а полдасызъ невестанътинъ. Сынъ арытъ невестанъть икилиу. И женихинъ авась карми тейтерьтнень баряфнимаст:

Боярават, тейтерьнетъ,
Азырават, тейтерьнетъ,
Якстирь' пыльги гулькинить,
Латы крапъ мазыйнить,
Латы лангынь зянават,

Войдутъ жениховы родственники, привезутъ съ собой девять пироговъ. Большой пирогъ дадутъ невѣстѣ (вмѣсто невѣсты его возьметъ ея мать); ручной пирогъ свахи дадутъ матери невѣсты; дадутъ ей еще полбутылки вина и рыбу и скажутъ: «ну, сваха, припрядь это», и она уберетъ. Потомъ женихова мать возьметъ дѣвичій хлѣбъ, возьметъ въ руки чарку вина, опуститъ монету въ чарку вина, пойдетъ въ сторону невѣсты. А дѣвушки, невѣстины подружки, не пустятъ женихову мать къ невѣстѣ. Онѣ станутъ передъ невѣстой. И женихова мать начнетъ пѣть, обращаясь къ дѣвушкамъ:

Барышни, дѣвушки,
Сударушки, дѣвушки,
Красноногія голубки,
На краю крыши красивыя,
На крышѣ ласточки,

Арчиловопь датушкат,
Валаня прѣ цѣнават,
Ногай локшы пулынить,
Павань долга цѣкенеть.
Муравлиный здолбенеть,
Кафтуу банѣма ортѣнеть,
Пандувуда кафтуу,
Арады як кафтуу,
Нолдамизь гак, нолдамизь
Бояраваньть икилиу,
Азыраваньть икилиу,
Тынь цопода лафканьтий —
Питьний зицыньть ванума,
Тапарксыньть уш ванума.
Кона сицыньть кѣса минь,
Кона косякыньть кѣса

Арчиловскія игрушки,
Съ гладкой головкой ласточки,
Съ хвостикомъ въ видѣ ногайской плети,
Съ кистями, какъ павлиное перо.
Муравлённые столбики,
На двое отворяющіяся воротинка,
Отопритесь надвое,
И станьте надвое,
Пустите-ка меня, пустите
Передъ барыню,
Передъ сударыню,
Вы въ тѣмную лавку —
Посмотрѣть на дорогой ситець,
Посмотрѣть на тюкъ.
За какой мы ситець,
За какой тюкъ

И сядыса каинникъ,
И кафтыса макссыникъ.
Се косякынть ванца,
Сицынть приметаса.
Боярава, тон Дарья!
Азырава, тон Дарья!
Бути улят мельваный,
Бути улят корцкирьдий,
Улят бояраванык,
Улят азыраванык.
Кувак' ажыяс килтядызь,
Алуў баят тонь бантядызь,
Леўшэнь локшы чафтадызь.
Буть' а кармат мель ванма,
Буть' а кармат кор гирьдьме,
Томбам' ланксы псаканык,

Мы и сотней оплачивали,
И по двѣ отдавали.
Я посмотрю этотъ тюкъ,
Ситецъ замѣчу.
Барыня ты, Дарья!
Сударыня ты, Дарья!
Если ты будешь угождать нашему праву,
Если ты будешь терпѣть укоръ,
Ты будешь нашей барыней,
Ты будешь нашей сударыней.
Тебя запрягутъ въ длинныя оглобли,
Тебя погонять подъ гору,
Тебя будутъ хлестать мочальнымъ кнутомъ.
Если ты не станешь угождать,
Если ты не станешь терпѣть,
Ты будешь у насъ кошкой на шесткѣ,

Крилиць песы кисканык,
Нурьк' ажияс кильтядызь,
Панда пряў тонь баньтядызь,
Кшнань локшэсы чафтадызь.

Ней гарми невестась урьними женихиньть аванть карча:

Боярават, ялгинин,
Азырават, ялгинин,
Тынь вирькс пандыкс арада,
Пекстань ортакс ащиди!
Илянк нолдак, ялгинин,
Губан аванть икилин,
Ногай аванть малазын.
Кичкирьдь скалынъ рогасан,
Алашанъ копитасан.

Ты будешь въ концѣ крыльца нашей собакой.
Тебя запрягутъ въ короткія оглобли,
Тебя погонять въ гору,
Тебя будутъ хлестать ремненнымъ кнутомъ.

Теперь невѣста начнетъ вопить, обращаясь къ матери жениха:

Барыни, подружки мои,
Сударыни, подружки мои,
Станьте вы лѣсомъ и горой,
Стойте запертыми воротами!
Не пускайте, подружки,
Ко мнѣ татарку,
Близко ко мнѣ ногойку.
Я владѣю рогами бодающей коровы,
Я владѣю копытами лошади.

Кичирыца мон ды пститца,

Кельми калмуу мон бачса.

Мельи женихинь авась канцы вина цярканыть невестаньтинь, а невестась канцы уряжынцтынь эль батянцитынь. Тона симсы, а ярмакынть невестаньтинь макссэ.

Мельи женихинь авась тейтерень гжынть макссы тейтерьтненень (невестаньт ялгатынинь) и озы эземь брас, а тейтерьтни карксасызь уридивинть нардамуса. Уридивись нардамунть кпса зяры як пандэ. А невестаньт тятятни аватыни женихиньт тятятнинь аватынинь и родэсы малавикснынь газь-низызь.

Мельи невестаньт озаўсызь алашас. Уридивись сайсы невестаньт баславамы пазаваньт, веси поездэньт колмксть кружасы и туить женихиньт мельга. Уридивись ащи озады невестаньт удаля невестаньт баславамы пазаваньт марта. (Неве-

Я бодну и лягну ее,

Я провожу ее въ холодную могилу.

Потомъ женихова мать поднесетъ невѣстѣ чарку вина, а невѣста поднесетъ ее невѣсткѣ или старшей сестрѣ. Та выпьетъ и дастъ невѣстѣ монету.

Затѣмъ женихова мать дастъ «дѣвичій хлѣбъ» дѣвушкамъ (невѣстинымъ подругамъ) и сядетъ на переднюю скамью, а дѣвушки опояшутъ дружку полотенцемъ. Дружка уплатитъ сколько-нибудь денегъ за полотенце. А невѣстины отецъ и мать одарятъ жениховыхъ отца и мать и близкихъ родныхъ его.

Затѣмъ невѣсту посадятъ на лошадь. Дружка возьметъ икону, которою благословляютъ невѣсту, окружить ею трижды весь поѣздъ, и пойдутъ за женихомъ. Дружка сядетъ позади невѣсты съ иконою для благословенія невѣсты. (Дружка выкупитъ также

стануть сундукунуть как уридивись идисы, максы сундук ланксы
ащия пакпаньтинь кафтышка трюшникь).

Суви поездэс женихинуть кардайс женихинуть мельга. Ли-
сить кудыста крилиць ланкс женихинуть пельди тейтереть и кар-
мить паряфниме:

Ондрон, Ондрон а Ондрон¹⁾,

Козэй ускикь сазырыт?

Арась путын²⁾ гудыза,

Арась вельтянь гереза.

Сюкуняды Карпань³⁾ билькс.

Ули путын гудыза,

Ули вельтянь гереза.

Козэй миникь Карпа чачсь?

Чачсь сиянь зон мукурь ланкс,

1) Имя брата невесты.

2) путызь.

3) Имя жениха.

невѣстинъ сундукъ, и дастъ сидящему на сундукѣ отроку-маль-
чику или дѣвочкѣ двѣ-три копейки).

Поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ жениха за женихомъ. Изъ избы
на крыльцо выйдутъ дѣвушки со стороны жениха и начнутъ пѣть
(торжественно):

Андронъ, Андронъ, а Андронъ,

Куда ты привезъ свою сестру?

Нѣтъ поставленнаго у него дома,

Нѣтъ у него покрытой крыши.

Поклонитесь въ ноги Карпу:

У него есть поставленный домъ,

У него есть покрытая крыша.

Гдѣ родился нашъ Карпъ?

Онъ родился на серебряномъ пнѣ,

Кассь сиянь зон мукуръ ланкс.

Кодамы толк эйсэнса?

Сюрынъ, зюрынъ лоўсэньсе,

Видьминъ, видьминъ сѣтцэньсе.

Козэй зука Дарья чачсь?

Чачсь лепень зон мукуръ ланкс,

Кассь лепень зон мукуръ ланкс.

Кодамы толк эйсэнса?

Кодамы цѣт эйсэнса?

Колэньгемень год зрясь,

Колмы кенерьтъ коцт кодась.

Сеяк суканинь эзь ловофт,

Сеяк суканинь эзь сѣтофт.

Икильди як нупиясь,

Удалды як пантиясь.

Сувад', лялькат, сувада

Онъ выросъ на серебряномъ пнѣ.

Какой въ немъ умъ?

Онъ пересчитаетъ по зернышку,

Онъ смѣтитъ по сѣмячку.

Гдѣ родилась сука Дарья?

Она родилась на елховомъ пнѣ,

Она выросла на елховомъ пнѣ,

Какой въ ней умъ?

Какая въ ней смѣлка?

Она жила тридцать лѣтъ,

Она выткала три локтя холста.

И того она, сука, не могла счесть,

И того она, сука, не могла смѣтитъ.

И спереди она запылилась,

И сзади она заросла грибами.

Заходите, братцы, заходите

Нуцунь гудыс эжнеме,
Пангты ямды ярцама.
Кодатт Дарьянь газьнинса?
Кодатт Дарьянь лоўнэнса?
Голицынань¹⁾ рогожат,
Голицынань рогожат.
Курга нардамс казямут,
Зепс путумс а маштувить.

Невестась тейтерьтнень гарча отьвече урьнизь:

Иляда онкт, иляда,
Дрига атянь гискатьне.
Мезьды сивидистяда,
Мезьды кармафтыстяда?

1) Село Голицыно находится въ 7 верстахъ отъ Сухого Карбулака.

Въ пыльную избу погрѣться,
Грибныхъ щей покушать.
Какіе Дарьины дары?
Какіе Дарьины дары счетомъ?
Голицынскія рогожи,
Голицынскія рогожи.
Онѣ шершавы для того, чтобы вытереть ротъ,
Онѣ не годятся для того, чтобы положить ихъ
въ карманъ.

Невѣста отвѣчаетъ дѣвушкамъ съ воплемъ:

Не лайтесь, не лайтесь,
Собаки старика Григорія.
За что¹⁾ вы наняты,
За что васъ заставляютъ (лаять)?

1) Т. е. за какое вознагражденіе.

Эли вачи пекеда,
Эли штала лангыда,
Эли кепи пильгида?
А пешкедеть тынькь пекенк,
А орчавить тынькь лангынк,
А карьцивить тынькь пильгинк.
Илямизь гак покоря,
Илямизь гак досады.
Суксуу зэрат, варяу бещ,
Наоз алы керясукст.

Мелы женихись озы невестанть ваксс. Уридивись и урва-
лятьни кружасызь боездэньт колмксть и туить церьковау венъ-
чама. Ве урваля кадуй женихиньт эземь бряс. Церьковау ар-
думсты невестась урьни истя:

Остатка раз, остатка

Или за голодный животъ,
Или за нагой верхъ,
Или за босыя ноги?
Не насытятся ваши животы,
Не одѣнутся ваши верхи,
Не обуются ваши ноги.
Не укоряйте-ка меня,
Не досаждайте-ка меня.
Червивы жолуди, дырявы орѣхи,
Подъ навозомъ навозные черви.

Засимъ женихъ садится рядомъ съ невѣстой. Дружка и ша-
фера пройдутъ три раза вокругъ поѣзда и отправятся въ цер-
ковь вѣнчать. Одинъ шаферъ остается у жениха впереди¹⁾. По
дорогѣ въ церковь невѣста вопить слѣдующимъ образомъ:

Въ послѣдній разъ, въ послѣдній,

1) Т. е. въ переднемъ углу, на передкѣ лавки въ домѣ жениха.

Бояравакс чинисын,
Ардан ульцянь гувалт мон,
Губан ушма ютксы,
Ногай ушма юткса.
Косы нальксинь ды чарынь,
Мазый морэт мон морэнь;
Маций галгамс нарт чачист,
Ракшань зюлмамс калть касыст.
Молян Базынь гудыньтинь,
Авуль Базнынь ознома,
Авуль зъвечань бутума,
Мастуруу сюкуныа.
Пары чимь юмафтума,
Мазый цимь юмафтума.

Пачкидить церькованть икилиу, женихись валцсы невестанть крандайсты, и сувить церьковас.

Въ барской жизни моей,
Ѣду я вдоль улицы,
Между татарской сходкой,
Между ногайской сходкой.
Гдѣ я играла и вертѣлась,
Пѣла красивыя я пѣсни;
Пусть родится трава, чтобы клевать ее гусямъ,
Пусть вырастетъ тальникъ, чтобы привязывать
Я ѣду въ Божій домъ, [къ нему лошадей.
Не Богу молиться,
Не свѣчу ставить,
Не въ землю кланяться.
Я ѣду погубить свое доброе житѣе,
Погубить красивое житѣе.

Когда подъѣдутъ передъ церковь, женихъ сниметъ невѣсту съ телѣги, и войдутъ въ церковь.

Веньчеть, лисить церьковаста, женихись озаўсы невестаньтъ
крандайс и туить женихиньтинь. Церьковасты женихиньтинь мо-
лемсты одервась урьне:

Якинъ Базынъ мон гудыс,
Эзень озна мон Базнынъ,
Мастырц эзень зюкуня,
Съвечени мон эзень бутт.
Якинъ, якинъ, мон якинъ
Парычимъ юмафтума,
Мазыйцимъ юмафтума.
Бояравакс чимъ арьцисъ
Церькованъ ниль' угулга.
Таркиниза эзь ладя,
Сувась церьковас ялтарьц,
Валкс сон берестолантъ ланкс.

Повѣнчають, выйдуть изъ церкви, женихъ посадить невѣсту
въ телѣгу, и поѣдутъ къ жениху. Возвращаясь изъ церкви къ
жениху, молодушка вопить:

Я ѣздила въ Божій домъ,
Я не молилась Богу;
Я не кланялась въ землю,
Я не поставила свѣчки.
Ѣздила, ѣздила, я ѣздила
Терять свою хорошую жизнь,
Терять свою красивую жизнь.
Барское житѣе мое становилось
По четыремъ угламъ церкви.
Не успокоилась она (жизнь) на этомъ мѣстѣ,
Она вошла въ церковь въ алтарь,
Сѣла она (жизнь) на престолъ.

Таркиниза эзь ладя,
Церьковасты лисикшнысь,
Покш хрѣстѣнь ланкс валгыкшнысь,
Колмовь белеу зюкунясь,
Чивалгумау зон лифтясь.
Чопода лапка ланкс валксъ,
Пирининзы сайзе,
Тавар ланкс полафтызе.

Сыть женихинь кардайс. Женихись невестанть валцсы
крандайсты, и сувить кудыс. Се шканть одерывась урьне:

Кафты боярт, лялинин,
Илямизь гак тынь сувафт,
Ломанинь до кудыньтинь:
Илямизь гак тынь цалгафт

Не успокоилась она на этомъ мѣстѣ,
Выходила изъ церкви,
Взлетѣла на большой крестъ.
Поклонилась на четыре стороны,
Улетѣла на закатъ солнца,
Она сѣла на тѣмную лавку,
Взяла свою головушку,
Смѣняла себя на товаръ.

Приѣдутъ на дворъ къ жениху. Женихъ сниметъ невесту съ
телѣги, и войдутъ въ избу. Въ это время молодушка вопить:

Оба барина, мои братцы,
Не вводите-ка вы меня
Въ чужой домъ;
Не заставляйте-ка вы меня наступать

Эсксы чаўнызь гияксны.

Пелян: бара монь готан

Эска прява кандувить.

Илямизьгак тынь озафт

Салмукссы чаўнызь эземс.

Пелян: барьций одежан

Залмукс прява каднувить.

Мелы женихиньтинь и одерваньтинь гандыть цярканы зяры-
кань вина. Ветясызь одерваньть печька икилю, и сон гарми урь-
ниме:

Печькань гирьдий, матушка,

Печька ава матушка,

Бути улян уцяскаў,

Бути улян базичиў,

Вереў поддэк качамнит,

На гвоздями убитый полъ.

Я боюсь: хорошія мои ботинки

Останутся на головкахъ гвоздей.

Не сажайте-ка вы меня

На убитую иглами скамейку.

Я боюсь: шелковое мое платье

Останется на головкахъ иголь.

Засимъ жениху и молодушкѣ подносятъ по чаркѣ вина.
Поведутъ молодушку передъ печку, и она начнетъ вопить:

Держащая печку матушка,

Печная мать матушка,

Если я буду счастлива,

Если я буду удачлива,

Пусти свой дымокъ къ верху,

Алуу нолдэкъ лембенет.
Эждетя тон монъ гедьнен,
Пальця монъ бильгинин,
Ашы килий монъ зерньемъ.
Бути улян грешнэйне,
Бути улян пайстума,
Вереу нолдэкъ лембенет,
Алуу нолдэкъ качамнит.
Качамнисыт тон артыть
Макры жопа одежан;
Тол гельнесэт пултытя
Тюжа парьций монъ церьнен.

Мелы женихиньть и одерваньть обедаусызь и веть-
сызь гозэй гак чавы карц эль утуме. Сыть невестань бельди
кафты ават урвалянь андума, а кафты лия ават одерь-

Пусти свою теплоту къ низу.
Согрѣй ты мои руки,
Мои зяблыя ноги,
Мой родъ, подобный бѣлой березѣ.
Если я буду несчастлива,
Если я буду безъ доли,
Пусти къ верху свое тепло,
Пусти къ низу свой дымокъ.
Своимъ дымокъ ты окрась
Мое платье, подобное маковымъ листьямъ.
Своимъ огненнымъ язычкомъ сожги-ка
Мои волосы, подобные желтому шолку.

Засимъ жениха и молодушку кормятъ обѣдомъ и введутъ ихъ
куда-нибудь въ пустой хлѣвъ или въ амбаръ. Со стороны невѣсты
придутъ двѣ женщины кормить шаферовъ, а двѣ другія женщины—

вань андума. Мартыст андыця аватыни кандыть мининьсюнынь зьряпнят.

Мельи уридивись сайсыньси урывалятьнинь эстансы гуляма. Симсыньси доволь винады и анцыньси миниюныды п арытнйу-сыньси алашаса.

Мельи веси роттны пурнавить женихиньтинь. Симить ярцыть женихиньть кеца, туить невестаньтий. Те чинить кажный зёрась канды цолковой, а кажный авась колмы прякат. Мельи женихинь роттны пурнавить веси женихиньтинь зимиме, а невестань роттны пурнавить веси невестаньтинь зимиме. Свадьбань голмодекс чисты эри горнэй. Горнэйстаньть тапить чакшт, вакатт, пеньчть. Горнэень циньть молеть невестаньтинь, веденьть неўсэзь п кармаў-сызь гудынь деньцеме истя: «теньцекь кудыньть, авуль аныцяк куды куньчканьть, а аксялксыньгак. Кудыньть теньцекшнэ-кпшнэк¹⁾», а сортнэнь ульцяў плять кайсе».

1) теньцекшнэнь, теньцекь.

кормить молодушку. Эти женщины приносятъ съ собой всякаго рода страпню.

Засимъ дружка возьметъ къ себѣ шаферовъ, чтобы погулять. Напоить ихъ вдоволь виномъ и накормить всякой всячиной п покатаетъ ихъ на лошади.

Засимъ всѣ родственники соберутся у жениха. Пьютъ пѣдятъ у жениха, отправятся къ невѣстѣ. Въ это время каждый мужчина приносить цѣлковый, а каждая женщина три пирога. Засимъ всѣ родственники жениха соберутся къ жениху пить, а родственники невѣсты соберутся пить къ невѣстѣ. На третій день свадьбы бываетъ «конецъ свадьбы». Въ этотъ день бьютъ горшки, чашки, ложки. Въ день окончанія свадьбы отправляются къ невѣстѣ, показываютъ ей воду и заставляютъ подметать избу слѣдующими словами: «подмети избу, и не только середину избы, но и подъ лавками. Выметай избу, а сору на улицу не выбрасывай».

Кода невестанть чиясызь, зон заима чидынзы недляды икили карми урьниме; кажный цокшне, кажный валцки урьне. Васинь урьнимазы истяня:

Пижынь зурить суридян,
Мон баяга вачкидян.
Веря мастырт вачкитьца,
Веси родга племава
И патява сазырга.
Алы мастырт вачкитьца,
И кулуйга юмийга,
И покцава бабава.
Марямизь гак, марямизь,
И покщенен бабинин¹⁾.
Авуль гука кукурдэ,
Авуль сэкоу сэкордэ,

1) Если невеста сирота, она поминает и своих родителей.

Когда просватають невесту, она, за недёлю до дня свадьбы, начинает вопить; она вопить каждый вечеръ, каждое утро. Первый вопль ея такой:

Я пряду мѣдныя нитки,
Я ударяю въ колоколь.
Я ударю высоко надъ землей,
По всему роду племени,
По всѣмъ теткамъ и сестрамъ.
Я ударю внизу подъ землей
По покойникамъ и пропадашимъ,
По дѣдушкамъ и бабушкамъ.
Услышьте-ка меня, услышьте,
И дѣдушки мои и бабушки.
Не кукушка кукуеть,
Не соловей поеть,

Порафтумы кукинян,
Шкамнифими цёкоўнян.
Марямизь гак, марямизь
Кургы поцы вайгильга
И кельбрысы валпува.
Бути жални неяван,
Коск марясынък вайгильнымь
Сияк сайнък ойменемь.
Монянь таркась, таркинись
Авуль лама эряве:
Карь гинишка таркине,
Қойми ланга модэне.
Бути жаль а неяван,
Кучиды як, кучида,
Тынь покшченен, бабининь,

Я безвременная кукушечка,
Безвременная соловушка.
Услышите также, услышите
По голосу моего рта
И по словамъ, выговореннымъ кончикомъ моего
Если я кажусь жалкой, [языка.
Какъ только услышите мой голосокъ,
Тутъ же возьмите мою душеньку.
Мнѣ мѣста, мѣстечка
Нужно немного:
Мѣстечка съ лапотный слѣдъ,
Землицы на лопатникъ.
Если я не кажусь жалкой,
Пришлите-ка пришлите,
Вы дѣдушки и бабушки,

Кочкань гзнаўнись сельветкець,
Меньдердань беши валныть.

Максума чистынзы валцки тейтересь урыне:

Остатка раз мон ащан
Тятыкань бутынъ гудыса,
Лялькань валды валмала,
Урькань дюжа эземса.
Чить кофт тятыкань вальманса,
Лимбазь лимби кияксысь,
Течень цини кеверян,
Сиянь боўнекс кеверян,
Тятянъ гиякс яўнива.
Пижы качамкс мон лисян
Нили косяк юткува.

Какъ отборныя горошинки слёзочки,
Какъ вышелушенные орѣхи словечки.

Въ день свадьбы утромъ дѣвушка вопить:

Въ послѣдній разъ я сижу
Въ поставленномъ домѣ отцовскомъ,
У свѣтлаго окошка моего брата,
На желтой лавкѣ моей невѣстки.
Солнце и мѣсяцъ—отцовскія окна,
Ходенемъ ходить его полъ,
Нынѣшнимъ днемъ покачусь,
Покачусь серебряной пуговкой,
По поверхности отцовскаго пола.
Я выйду зеленымъ дымомъ
Между четырьмя косяками.

Кода женихиньть марты невестась сыть венчамсты, атяфтысь ащи пазава марты кенкш ланкса, а авафтысь пряка ды салдыркс марта; ищо авафтынть кецы комолят. Одерывась суви, васня паласы пазаванть, мельи атяфтынзы, мельи паласы пряканть, мельи авафтынза. Кода одерывась пады авафтынза, авафтысь почотцы одерванть комолясы и мере: «комоля лацы корьмайсь сожденензы максыса».

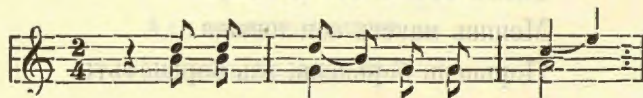
Кода женихиньть кецты туи поездэсь невестанть мельга, сесты сайсызь лукшынть, тейтерень гедыгинть, сувахань гедыгинть и ищо сайт пряка; пряканть ланкс путыть салуу гал. Се пряканть лемеза урвалян гедыги. Сайсызь невестанть, туйть. А урвалян гедыгинть кацызь доск. Кода свадьбась ютэ, кафты ават невестань бельди молеть одервань андума, а ищо лия

Когда невеста съ женихомъ вернутся послѣ вѣнчанія, свекоръ стоитъ вмѣстѣ съ иконою у двери, а свекровь съ пирогомъ и солонкой; еще въ рукѣ у свекрови хмель. Молодушка войдетъ, сначала поцѣлуетъ икону, потомъ свекра, потомъ поцѣлуетъ пирогъ, затѣмъ свекровь. Когда молодушка цѣлуетъ свекровь, свекровь обсыпаетъ молодушку хмелемъ и говоритъ: «да дастъ тебѣ кормилецъ лѣгость, подобную лѣгости хмеля».

Когда поѣздъ отправится отъ жениха за невестой, тогда возьмутъ лукшу, дѣвичій пирогъ, свахинъ пирогъ и еще возьмутъ хлѣбъ; на хлѣбъ положить соленую рыбу. Названіе этого хлѣба — шаферскій пирогъ. Возьмутъ невесту, отправятся. А шаферскій пирогъ оставляютъ тамъ. Когда свадьба пройдетъ, двѣ женщины со стороны невесты пойдутъ кормить молодушку, а еще

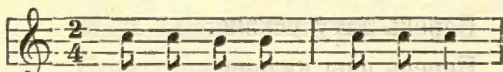
кафты ават сайсызь урвалянь гедыньть и туить урвалянь
андума.

Веси паряфниматьнинь морьцекшнэсэзь ве вайгильца:

Ва-на сыть ку-да - нык
Ва-на сыть кан-да - нык
И лут - ку-ва лат-ку - ва

Свадьбань мора «Агей».

А-гей мо-ры скрип-ка-са

Агей моры скрипаса,
Кемгафтувы срунаса.
Мекс тоң, дейтерь, а кишат?
Эль донь бадьт бокаса?
Максыкъ — Агей докасэ.

другія двѣ женщины возьмутъ шаферскій пирогъ и отправятся
кормить шафера.

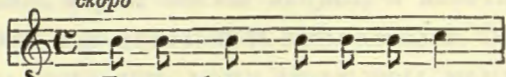
Всѣ (торжественныя) пѣсни поютъ на одинъ голосъ.

Свадебная пѣсня «Агей».

Агей играетъ на скрипкѣ,
На двѣнадцати струнахъ.
Почему ты, дѣвушка, не пляшешь?
Или на боку?
Дай — Агей ее тронетъ.

Свадебныя плясовыя пѣсни.

скоро

Тя-тям бечксь сон а-ла-ша

Тятям бечксь сон алаша,

Монянь максь сон ловажа.

Порьнень борьнень, эзь борьнефть.

Туинь мокшень гиява,

Муинь мокшень дейтерьне;

Палинизы калада,

Поти прызы ушыса.

Поти прыды кундыне,

Берекъ алуў ускине.

Берекъ алы кудыне,

Кудынисынть атине.

Атясь моры нудийса,

Бабась кищи дубурца,

А соньць позны лабурца.

Отецъ мой зарѣзалъ лошадь,

Мнѣ онъ далъ кость.

Грызъ, грызъ, не разгрызешь.

Я пошелъ по мокшанской дорогѣ,

Нашелъ мокшанскую дѣвушку:

Рубашка ея разорвана,

Сиськи наружу.

За сиськи я ее поймалъ,

Подъ берегъ я ее повелъ.

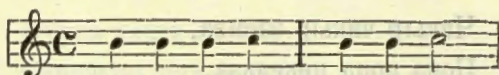
Подъ берегомъ избушка,

Въ избушкѣ старичекъ.

Старикъ играетъ на дудкѣ,

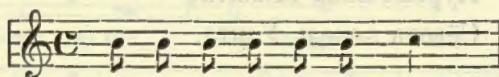
Старуха пляшетъ съ грохотомъ,

А самъ онъ б.... съ шумомъ.

Тя-тай ро-ща
А-дя эль-день за-ла-ма

Тятяй роща,
Авай роща,
Адя эльдень залама,
Эльдень бадынь балама.

Ки чи-ри-сы па-пам здясь

Кичирисы папам здясь,
Монь алашам напустясь.
Кода саян ажия,
Веси папам яжыне.

Дрон дрон дрон дрон, Дригорей,
Понань цавий Ёгорей,

Батюшка роща,
Матушка роща,
Ступай украсть кобылу,
Поцѣловать у кобылы...

На краю дороги всталъ...,
Лошадь моя побѣжала;
Какъ возьму я оглоблю,
Весь я разбилъ.

— — — — Григорій,
Шерстобить Егоръ,

Чикыр чикыр эземза,
Пона поца цекельза,
Варакатьни варныть,
Пад бонатьни тарныть.

Атьмарь Марья,
Сёвонь бад Дарья,
Курыця папа Микита,
Сёвонь зекель Улита.

Папам (падум) балыкъ, ал максан,
Паскумады лоткафтан.

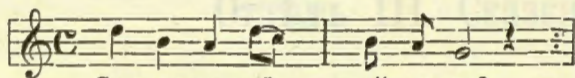
Скрипъ-скрипъ его скамья,
Подъ шерстью его с....,
Вороны воркуютъ,
..... трясутся.

Вишня Марья,
Глиняная... Дарья,
Коромысло... Никита,
Глиняный с... Улита.

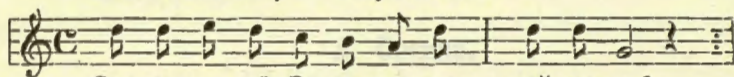
Пощёлуй мой . . . , дамъ яйцо,
Отъ . . . я тебя удержу.

Курка кищи латкса
Саразынь бад ланкса.

Коляшкасы куляшкаса,
Ташты падысь валинкаса.

Сам-сон ля-ляй, гоў мо-лят?

Сам-сон ля-ляй, Зе-рё-жынь-ка, коў мо-лят?

Самсон ляляй, гоў молят? (2)

Самсон ляляй, Зерёжынька, коў молят? (2)

Молян урвань чяма, (2)

Молян урвань, Зерёжынька, чяма. (2)

Кода урвать лемеза? (2)

Кода урвать, Серёжынька, лемеза? (2)

Индюшка пляшетъ въ оврагѣ,
На куричьемъ....

Старая.... на валинкѣ.

Самсонъ, старшій братъ, куда идешь? (2)

Самсонъ, старшій братъ, Серезинька, куда идешь? (2)

Я иду сватать невѣсту, (2)

Я иду сватать, Серезинька, невѣсту. (2)

Какъ имя твоей невѣсты? (2)

Какъ имя, Серезинька, твоей невѣсты? (2)

- Горьнипофка мордофка, (2)
Горьнипофка, Серёжынька, мордофка, (2)
Олдыкиминь гумаза, (2)
Олдыкиминь, Зерёжынька, кумаза, (2)
Потковамы столбаза, (2)
Потковамы, Серёжынька, столбаза (2).
-

- Погремушка мордовка, (2)
Погремушка, Серёжинька, мордовка, (2)
Евдокимова кума, (2)
Евдокимова, Серёжинька, кума, (2)
Подкованный ея столбъ, (2)
Подкованный, Серёжинька, ея столбъ (2).
-

Отдѣлъ III. Сказки.

А. Оркино.

Joŭks.

Ärä·s a·ščiš vírca sä·ja i säjä·nt ulñi·št säja lä·ŭksynza. Son äŗva či·nä jaka·s ví·rij, a synct pėksne·ŋžä ze·mľaŋkas. Jaki jaki vírgaŋt, jä·rcnä tejä, šimi tejä i sy mä·kij kuduŭ i mo·rā ze·mľaŋkaŋt va·ksca čuva valgi·jñisa: «Šäjälä·ŭkskin moŋ, kořme·necken, tyŋ panzy·dyja, tyŋ liši·dyja; mon tyŋk ava·ŋk. Vi·rca u·lñiŋ, jarcy·ŋ ti·kšidä miŋiŋžu·nyŋ tosa·, ši·miŋ ve·ttä mon čudiki·lkskista, čudä lofcenem oda·rnyvam, oda·rnystyŋt kopó·tazyn, kopó·tastyŋt o·čkeŋes, očkeŋe·stent ma·styruŋ». Lišct

Сказка.

Жила была въ лѣсу коза, и у козы были козлята. Она каждый день ходила въ лѣсъ, а ихъ запирала въ землянку. Ходить ходить по лѣсу, поѣсть, попить и возвращается обратно домой и поетъ около землянки тонкимъ голоскомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы отоприте-ка, вы выходите-ка; я ваша мать. Я была въ лѣсу, поѣла травы, пила я воды изъ ручейка, течетъ молочко мое по вымячку, съ вымячка на копыто, съ копыта въ корытце, съ корытца на землю». Вышли козлята, высосали мо-

śā-jālāṅksnā, po-ṭeḥ lofcēne-nza i suva-śt mā-kij. Pē-kstēnžā i me-rā: «Vady, ila-dy pančt, vārgi-z ilī-dīz maṇa-». — «Apa-n-čtana, a-vaj». Śajāś tuś māki-j vīri-j, a vārgi-z maṇi-žā mo-ramsta. Saś soṇdēdenza mā-jlā i karma-ś to-ža mora-ma śāja-ks, nu ā-čki valgi-jsa, i-štaža: «Śajālāṅkskin moṇ, koṛme-ñečken, tyṇ liśi-dyja, tyṇ panžy-dyja. Mon tyṇk avaṇk. Vi-ṛca ulīni-ṇ. A śā-jālā-ṅksnā to-sta pižni-t tā-nza: «Keṅge-lat ton, miṇi-k ava-ṇ avy-l išta-ma valgi-jza; miṇi-k ava-ṇ valgi-jza ču-viṇā, ma-zyjṇā, a toṇ ā-čkā dy ama-zyj». Tuś vā-rigizyś, mele-zēnza pek apa-ra. Saji-žā kežēnpačk i čovafyžā točela-sa keke-nza ču-viṇi-sta i saś māki-j śajā-lāṅksnyṇi i karma-ś taga-mora-ma ču-viṇi-sta: «Śajā-lāṅkskin moṇ, koṛme-ñečken, tyṇ liśidyja, tyṇ panžy-dyja, mon tyṇk ava-ṇk, vi-ṛca u-līni, ja-rcyṇ ti-kšiniḍā miṇiṇžu-nyṇ tosa, śiṇiṇ vātā mon čuḍikilkskista, čuḍi lo-fcēneṇ oda-rnyvam, odarnystyṇt kopō-tazyn, kopōta-styṇt o-čkeṇes, očkeṇe-stēnt ma-styru». Śajālāṅksnā duma-śt i praudyj, šty ava-st, kāṇkšint pa-n-

лочко и вошли назадъ. Она заперла ихъ и говоритъ: «Смотрите, не отпирайте, не обмануль-бы васъ волкъ». — «Не отопремъ, матушка». Коза пошла назадъ въ лѣсъ, а волкъ услышалъ, какъ она пѣла. Пришелъ послѣ нея и сталъ тоже пѣть по козлиному, но грубымъ голосомъ, такимъ-же образомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы выходите-ка, вы отоприте-ка. Я ваша мать. Я была въ лѣсу». А козлята оттуда кричатъ ему: «Обманываешь ты, у нашей матери не такой голосъ; у нашей матери голосъ тоненькій, красивый, а у тебя грубый и некрасивый». Ушелъ волкъ, ему очень не по нраву. Взялъ въ сердцахъ и поострилъ на точилѣ свой языкъ очень тонко и пришелъ назадъ къ козлятамъ и началъ опять пѣть тонкимъ голосомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы выходите-ка, вы отоприте-ка, я ваша мать, я гуляла по лѣсу, я ѣла тамъ всякія травки, пила воду я изъ ручейка, течетъ молочко мое по вымячку, съ вымячка на копыто, съ копыта въ корытце, съ корытца на землю». Козлята подумали, что и вправду

žyž i ardy·t žemla·ŋkastynt. Še ška·nā vārģi·zyš vāši i pouše·n-
žā. Šājā·s saš, mora·s mora·s, šājālā·ŋksynza āst lišt. Son fatā·s:
vanyk, vārģi·z po·ŋseŋžā i ura·kač. Kady·žā vīri·nt i tuš vāli·j
āra·ma. Ņejga·k ārā. җо́за·jinynza ke·ca.

Joŋks.

Ārit ašcit ata·t ba·bat. Afa·n babaŋ a ājdī·st a kakšyst. Tuš
ati·niš oze·m vīdi·mā. Mołc vīr jutks, karma·s soka·ma, mołc
tānzy oftē·nā. «Mon, ģelā, ata, a·lašat sāusa». Son mēri tānza:
«užy, vašā uma·m sokasa». Oftēneš mač krاندaza·luŋ, učā, žardy
uma·s soka·vā. Rīviški mołc. Kāŋksnā a·tiŋint: «Atiŋā, a jatiŋā,
oftēneš āzi·k ņek?» A oftēneš mēřā atiŋint: «mēřt, āzi·nā ņek?»
A rīviškiš mēřā: «Krandazyt ala māžā?» Atiŋiš mēřā: «palc
pēŋka». Rīviškiš mēřā: «palc pēŋka ulīvildařak, krاندajs

это ихъ мать, отперли дверь и скачутъ изъ землянки. Въ то время
волкъ всѣхъ ихъ и подушилъ. Пришла коза, пѣла, пѣла, козлята
ея не вышли. Она догадалась: видно, волкъ ихъ подушилъ, и
разрыдалась. Она оставила лѣсъ и пошла жить въ деревню. И
теперь она живетъ у своего хозяина.

Сказка.

Живутъ поживаютъ старикъ и старуха. У старика и старухи
не было дѣтей. Поѣхалъ старичекъ сѣять озимь. Приѣхалъ на
поляну, началъ пахать, подошелъ къ нему медвѣдикъ. «Я, гово-
рить, старикъ, сѣмъ твою лошадь». Онъ говоритъ ему: «подожди,
сначала вспашу свой загонъ». Медвѣдикъ легъ подъ телѣгу, ждетъ,
когда вспашется загонъ. Пришла лисичка. Спрашиваетъ старичка:
«старичекъ, а старичекъ, не видѣлъ-ли ты медвѣдика?» А мед-
вѣдикъ говоритъ старичку: «скажи, не видѣлъ». А лисичка гово-
рить: «что подъ твоей телѣгой?» Старичекъ говоритъ: «обгорѣ-
лый пепѣкъ». Лисичка говоритъ: «если-бы это былъ обгорѣлый

käpi·dívlik». A ofténes mérä a·tiniinti: «Käpi·dimak ena». Käpidizä atiniis i piksty šulmy·sizä. Rivi·škiis tagy·molé, tagy kăukšni a·tiniint äjsa: «Atinä a jatinä, ofténeñ äzi·k nek?» — «Ara·ś». — «A krاندajsyt méžä?» — «Palc péuka». — «Palc péuka ulivildarak, uzir äjsy·nga čapy·dif u·livil». Ofténes mérä: «čapy·t ena, čapy·t». Nu čapy·é uzir äjzy·nga. Ofténes kuly·ś. Riviškiis molé atiniintij taga. «Nu, nej, méri, atinä, koda pary·m banca·k?» — «Vot panca·», atiniis mérä, «san uma·nt varča·ma, narvicka tuja·n tät čipakañi·k». Molé kudu a·tiniis. Torgs tuža kiška me·šeks. Uskizä tänza rivi·škiinti. Riviškiis molé. «Tujit, méri, tăn narvi·čka?» — «Tuji·ñ, mérä, ona mešë·ksa». Riviškiis karma·ś jukšima·nga. Kiškaš koda napystä rivižint mälga. Rivijs ardä·nora·zynza, a kiškaš mälga·nza. Rivijs kăni·rc norañti suva·ma, a kiškaš oza·ś nora·nt krajs. Rivižis kăukšni šälminga äjsa:

пенёкъ, ты поднялъ-бы его въ телёгу». А медвѣдикъ говорить старичку: «Такъ подними». Старичекъ поднялъ его и завязалъ веревкой. Лисичка опять пришла, опять спрашиваетъ старичка: «Старичекъ, а старичекъ, видѣлъ-ли ты медвѣдика?» — «Нѣтъ». — «А что въ твоей телёгѣ?» — «Обгорѣлый пенёкъ». — «Если-бы это былъ обгорѣлый пенёкъ, въ него былъ-бы воткнутъ топоръ». Медвѣдикъ говоритъ: «Такъ воткни, воткни». Ну, воткнулъ въ него топоръ. Медвѣдикъ околѣлъ. Лисичка опять приходитъ къ старичку. «Ну, теперь, говорить, старичекъ, какъ ты заплатишь за мой добрый поступокъ?» — «Вотъ заплачу», отвѣчаетъ старикъ, «приду осматривать загонъ, принесу тебѣ насѣдку съ цыплятами». Пришелъ старичекъ домой. Всунулъ въ мѣшокъ желтую собаку. Привезъ этой лисичкѣ. Лисичка пришла. «Принесъ-ли ты мнѣ, спрашиваетъ, насѣдку?» — «Привезъ, говорить, вонъ въ мѣшкѣ». Лисичка начала его развязывать. Собака какъ пустится за лисицей. Лисица скачетъ въ свою нору, а собака за нею. Лисица успѣла зайти въ нору, а собака сѣла у края норы. Лисица спрашиваетъ у своихъ глазъ: «Глазки мои, матушки, какъ вы смотрѣли?»

«Šalmíniín matu·škiíniín, koda· tyń vany·ďǵ?» Šalmí·tńǵ méref: «Vany·ńik jala, koda by a prams». — «Šéngis tǵńk raman šalmu·k·skít». Majlı kǵńksńi pilgínza ǵjsa: «Pilgi·ńiń matuški·ńiń, tyń goda oznédǵ?» — «Mín ozné·ńek, koda by šedí bojkasta ardymś dy kiśka·ńti apo·ńgoms». — «Tyńďǵńk rama·n šéngi·ś kemńe·t». — «A ton, bulý·ńim, matuškińim, koda ozné·t?» — «Mon jala ozné·ń, koda by pilgít troks pońgoms i ton brańli·t ba, i kiśkaś sāü·vńiń·ǵit ba». Son zajiǵǵa pulyńt řiví·škiś, norava·ńt tonǵeǵǵa uśu·ń i méřǵ: «na·, kuta, sāvi·k». Son duma·ś, araś tosa kiśkaś. A kiśka·ś kundy·ǵǵa puly·da i targi·ǵǵa řiví·zińt kak. Sāvi·ǵǵa.

(Записано отъ Т. Учуськиной).

Jońks.

Ǵřit aśčit oftéńǵ dy řivíśká. Oftéńeś sala·ś med' bańńǵ, kudy·potmarc putýǵǵa. Řivíśká mukśny·ǵǵa. Kuść řečkalańks řivíśká,

Глаза говорятъ: «Мы все смотрѣли, какъ бы не упасть». — «По этой причинѣ я куплю вамъ очки». Потомъ она спрашиваетъ у ногъ: «Ножки мои, матушки, какъ вы молились?» — «Мы молились, какъ бы возможно скорѣе ускакать и не попасться собакамъ». — «Вамъ я по этой причинѣ куплю сапожки». — «А ты, хвостикъ мой, матушка моя, какъ молился?». — «Я все молился, какъ бы попасть между твоихъ ногъ и ты бы упалъ, и собака съѣла бы тебя». Лисичка взяла хвостъ, высунула наружу изъ норы и говорить: «на, кутя, съѣшь». Она думала, что тамъ нѣтъ собаки. А собака схватила ее за хвостъ и вытащила и лисичу. Съѣла ее.

Сказка.

Живутъ поживаютъ медвѣдь и лисичка. Медвѣдь укралъ кадушечку меду и поставилъ ее на подволоку. Лисичка нашла. Влѣзла лисичка на печку, свой хвостъ она просунула въ верхнее окно; ударяетъ

pulynga vér valmava tongezä; valma·nt stukä. puly·synt. Soñc kortä: «Riviskä, a riviskä, ada babu·škaks». Soñc tagy otvečä: «oftë·nä a meřä». Oftënes meřä: «mä·št zdra kortat? Äli mon ġirta·n, stu·paj». Riviskis kārās kšypāčt i tuš. Molé kudypot·marc, kuśc. Karmaš mātīnt jarca·ma. Peškec pāki·za, valks māki·j. Oftënes kākksni. ä·jsynza: «koda äjdīnk lāmiza?» — «Ušytkškä», ri·viziš me·řä. Nu ašči·š ala·mys, vačc tagy pāki·za. Kuśc tagy pečkalaņks, tongezä vérvālmava puly·nga i kortä. taga: «riviskä, riviskä, ada babu·škaks». — «Oftëni a meřä». A oftënes meřä: «mäšt kāl't šādī·χt tājnat; stu·paj, äli mon ġirta·n?» Riviskis meřä: «čavy·n ġett višks molems». Kārā·š kšy i tuš taga. Molé, jarca·š taga. i saš māki·ū. Oftënes kākksnä äjsynza: «koda äjdīnk lā·miza?» A riviskis otvečä: «kunč·kavitšškä». Nu, aščiš tājš, tagy vačc pāki·za, tagy kuśc pečkalaņks, tongezä vérvālmava pulynza i stuki·valma·nt taga: «Riviskä, a riviskä, ada babuškaks». — «Oftëni a meřä». Oftënes

въ окошко хвостомъ. Сама говорятъ: «Лисичка, а лисичка, иди въ бабушки». Сама опять отвѣчаетъ: «медвѣдь не велить». Медвѣдь говоритъ: «что зря говоришь? Или я держу, ступай». Лисичка отрѣзала кусокъ хлѣба и пошла. Пришла на подволоку, влѣзла. Начала ѣсть мѣдъ. Наѣлась, слѣзла назадъ. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» — «Начаточка», отвѣчаетъ лисица. Ну, побыла немного, опять проголодалась. Влѣзла опять на печку, просунула свой хвостъ въ верхнее окно и опять говорятъ: «лисичка, лисичка, иди въ бабушки». — «Медвѣдь не велить». — А медвѣдь говоритъ: «что ты ломаешься? Ступай, или я тебя держу?» Лисичка говоритъ: «съ пустыми руками стыдно пойти». Отрѣзала хлѣба и опять ушла. Пошла опять, поѣла и пришла назадъ. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» А лисичка отвѣчаетъ: «Середочка». Ну, побыла немного, опять проголодалась, опять влѣзла на печку, просунула свой хвостъ въ верхнее окно и опять ударяетъ въ окошко: «Лисичка, а лисичка, иди въ бабушки». — «Медвѣдь не велить». Медвѣдь го-

mērä: «māšt käl't sä·dīxt tājnat? Älä mon gīftan? Aza·». Rīviškiis mērä: «čavyñ ġett vīks molems». Kārās tagy· kšypāčt i tuš taga. Molc, ostatkiñint sävizä, parñi·nt šlizi nardyžä, kārļaņks koma··ftyžä. Saš tagy kudu·u. Oftēnes kākšnā äjsy·nza: «koda ajdīņk lām?» — «Šļaukski nardaņkskā, kārļaņks komaftuņksā». Oftēnes mērä: «rīviškā a rīviškā, moñ māžim tag' ulä·!» Rīviškiis kākšnā äjsynza: «oftēnā, māžit?» — «Moñ mād' barñim ulä?» — «A·zi tuji·k». Molc čavy parñi·s. Valks tosta. «E, rīviškā, ton jala mēret babuškaks, a ton, vanyk, mādīnt sävims jaksit». Nu rīviškiis božä vīrā·, mērä: «ara·s». Oftē·nes mērä: «dava·j, vot kodama božba·tājda·na: pečka·nt ušcy·ņik i ara·tana gajģi pečkañt karča. Kona· mādvačt sä·rñä?» Arašt pečkañt ka·rča. Oftēnes aščis aščis, ma·tidīñs. Rīvi·škiis šārñi·s mādvačt. Saji·ņģä, oftēnt aluņ tolka·dīņģä. Štaftyžä oftēneñt: «Ata· jaly ġrešē·t moñ laņks. A

ворить: «что ты ломаешься? Или я тебя держу? Ступай». Лисичка говорить: «съ пустыми руками стыдно пойти». Опять отрёзала кусокъ хлѣба и опять ушла. Пошла, съѣла остаточекъ, вымыла и вытерла кадучечку и опрокинула ее на лубокъ. Пришла опять домой. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» — «Вымытый, вытертый, на лубокъ опрокинутый». Медвѣдь говорить: «лисичка, а лисичка, что-то у меня опять имѣется!» Лисичка спрашиваетъ его: «медвѣдь, что у тебя?» — «У меня есть кадучечка меду». — «Ступай принеси». Пошелъ — кадучечка пустая. Слѣзь оттуда. «Э, лисичка, ты все говорила (что хойдшь) въ бабушки, а ты, видно, ходила ѣсть мѣдь». Ну, лисичка божится, клянется, говорить: «нѣтъ». Медвѣдь говорить: «давай, вотъ какую мы устроимъ божбу: вытопимъ печку и станемъ противъ пылающей печки. Кто испражнится медовыми испражненіями?» Стали противъ печки. Медвѣдь постоялъ, постоялъ, заснулъ. Лисичка испражнилась медовыми испражненіями. Взяла ихъ и подтолкнула подъ медвѣдя. Испражненія медвѣдя взяла подъ самое себя. Разбудила медвѣдя: «Вотъ, все грѣшилъ на меня. А ты,

ton, nesak, tonc sävik». Oftenes merä: «prosta·mak, äzi·n fata·jak, kona škanä sä·vinä». I karma·št mäki·u vä·χca ära·ma. I nejgak äfi·t.

(Записано отъ Т. Учуськиной).

Jo u k s.

Nuřt — nuřt, ä·rašť a·ščišť a·tat ha·bat,
Nuřt — nuřt, u·lnišť a·ťan ba·ban kändä päki täχťirnist,
Nuřt — nuřt, nudij pi·lgi čo·rénest,
Nuřt — nuřt, šija ro·ga ska·lnyst,
Nuřt — nuřt, va·ci pu·la bu·kiñist,
Nuřt — nuřt, žerďa langa sa·raskist,
Nuřt — nuřt, lej bere·ksa u·tkiñist,
Nuřt — nuřt, tušť lej la·nguñ ä·jdist na·lksímä.

Čorénes ky·rñafć, šiūs nu·dij pi·lgiza, a täχťirñis praš, šezeñs

видишь, самъ съѣлъ». Медвѣдь говоритъ: «прости меня, я и не замѣтилъ, въ какое время я съѣлъ». И стали опять вмѣстѣ жить. И теперь также живутъ.

Сказка.

— — жили были старикъ и старуха,
— — была у старика и старухи дочка съ войлочнымъ животомъ,
— — сынокъ у нихъ съ тростяными ногами,
— — коровка у нихъ съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ измараннымъ въ г... хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь
— — уточки у нихъ на берегу рѣки,
— — дѣти ихъ пошли играть на рѣку.

Мальчикъ прыгнувъ, сломалъ свою тростяную ногу, а дочка

kāndīpā·kiza. Kaduṣṭ ata·tñā babatñā śka·myst. Āri·t ka·vyñist,
saś vā, saś tāst o·fta i karma·ś morama:

Nuṭt — nuṭt, ā·rit a·ščit a·tat babat,

Nuṭt — nuṭt, ulñis śija roga skalnyst,

Nuṭt — nuṭt, vači pula bu·kiñist,

Nuṭt — nuṭt, žerda la·ṇga sa·raskist,

Nuṭt — nuṭt, lej beře·ksa u·tkiñist.

Atās i meā babañti: «Vanta, baba·, koda pa·rētā morcā.
Dava·j utkiñi·tñiñ ma·sényiñ tñzga». Ma·ksyž tñzga. O·ftēs sā·
viñgā u·tkatñiñ i tuś. Saś o·mbocā vā. Oftē·ś taga saś, taga morcā:

Nuṭt — nuṭt, ārit aščit atat babat,

Nuṭt — nuṭt, ulñis śija roga skalnyst,

Nuṭt — nuṭt, vači pu·la bukiñist,

Nuṭt — nuṭt, žerda langa saraskist.

упала, разорвала свой войлочный животъ. Остались одни—старикъ и старуха. Живуть вдвоемъ, пришла ночь, пришелъ къ нимъ медвѣдь и началъ пѣть:

— — живуть-поживаютъ старикъ и старуха,

— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами,

— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,

— — курочекъ у нихъ жердь,

— — уточки у нихъ на берегу рѣки.

Старикъ и говоритъ старухѣ: «Посмотри-ка, старуха, какъ онъ хорошо попѣваетъ. Давай, отдадимъ ему уточки». Отдали ему. Медвѣдь съѣлъ уточки и ушелъ. Пришла другая ночь. Медвѣдь опять пришелъ, опять попѣваетъ:

— — живуть-поживаютъ старикъ и старуха,

— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами

— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,

— — курочекъ у нихъ жердь.

Atä·ś i dumä: «Mäst nej tä·jnitana, baba·? Davaj, nat, sa-raznyñ ma·kseyñik». Sajiž, ma·ksyž. Oftë·ś sä·vinžä, tuś. Saś o·mbočä vā. Oftë·ś tagy saś i karma·ś tagy mora·ma.

Nuřt — nuřt, ärit aščit aťat babat,
Nuřt — nuřt, ulñiś šija roga skalnyst,
Nuřt — nuřt, vači pula bukiñist.

Atäs i babaś dumit: «Mäst nej täjni·tana, baba·? Davaj ama·kstana». A oftës tosty i mërä: «Mäks moramga ama·kstada? A·ty suvan, ty·ñciñk säñdadyž». Sa·již vači puly bu·kiñiñt, ma·ksyž. Oftë·ś sä·viza. I taga tuś. Čokšñes tagy saś. Oftës tagy saś, karmaś mora·ma:

Nuřt — nuřt, ärit aščit aťat babat,
Nuřt — nuřt, ulñiś šija roga skalnyst.

Старикъ и думаетъ: «Что мы теперь сдѣлаемъ, старуха? Давай, видно, курочекъ отдадимъ». Взяли, отдали. Медвѣдь съѣлъ ихъ, ушелъ. Настала другая ночь. Медвѣдь пришелъ опять и сталъ опять пѣть.

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ.

Старикъ и старуха думаютъ: «Что мы будемъ теперь дѣлать, старуха? Давай, не дадимъ». А медвѣдь оттуда и говоритъ: «Отчего вы не отдаете по моей пѣснѣ? А то войду, васъ самихъ съѣмъ». Взяли бычка съ грязнымъ хвостомъ, отдали. Медвѣдь съѣлъ его. И опять ушелъ. Пришелъ опять вечеръ. Медвѣдь пришелъ опять, началъ пѣть:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами.

Sajiž, maksyž deŋgak. Sāvīžā teŋga·k o·ftēs. Tagy tuš vīri·ŋ.
Čokšūc·ś saš, oftēs tagy molē i karma·ś morama:

Nuřt nuřt, ārašt aščišt afat babat,
Nuřt nuřt, ulništ kändi paki tāχtīrništ,
Nuřt nuřt, nudij pilgi čorēnest,
Nuřt nuřt, šija·roga ska·lnyst,
Nuřt nuřt, vači puly bukiñišt,
Nuřt nuřt, žērda langa saraskist,
Nuřt nuřt, řej bere·ksa utkiñišt.

«Mā·ži nej, baba·, maksta·na tǎnga sāvims?» Aťā·ś mēřā: «toñ maksta·n»; a baba·ś mēřā: «toñ maksta·n». Kušćt pečkala·ŋks, ta·lnyť. O·ftēs učyś učyś, su·vaś. Aťā·ś baba·ñť koda·k pečka·la·ŋksta gro·χadižā, a baba·ś kunda·ś atāñť přā·kec i prašť ka·uñišt. Oftēs sāvī·ňžā ka·uñišt i tuš.

Взяли, отдали и эту. Съѣлъ и эту медвѣдь. Опять пошелъ въ лѣсъ. Пришелъ вечеръ, медвѣдь пришелъ опять и началъ пѣть:

— — жили были старикъ и старуха,
— — была у нихъ дочка съ войлочнымъ животомъ,
— — сыночекъ у нихъ съ тростяными ногами,
— — коровка у нихъ съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь ¹⁾.
— — уточки у нихъ на берегу рѣки.

«Что теперь, старуха, мы дадимъ ему съѣсть?» говоритъ старикъ; «я отдамъ тебя»; а старуха говоритъ: «я тебя отдамъ». Влѣзли на печку, спорять. Медвѣдь ждалъ ждалъ, вошелъ. Старикъ какъ бросить старуху съ печки, а старуха схватила старика за косы (волосы), и упали они оба. Медвѣдь съѣлъ ихъ обоихъ и ушелъ.

1) Т. е. столько, сколько помѣстится на жердь.

Jo uks.

Ärä·št a·ščišt aťa·t baba·t. Atä·ń ba·bań ulñi·ś éo·reñeza i tä·χtírñiza. Äräšt äräšt, baba·ś ku·lys. Äχñi i väši·t täťä·ńt kecta oda·va». «Täťä·j, saχt oda·va, täťä·j, saχt oda·va». — «Eχ, ä·jd·ńim, saja·n da mele·zèñk avyl par' u·la». — «Pa·ra! saχt». Vot sajs atä·ś oda·va, karma·št ära·ma. Äräšt äräšt, ava·ś i meřä äťä·ńti. «Azä·, durak, a·ta, juma·fyt ä·jdit. Še·sta karma·n ma·ryt ära·ma. A bi·đa ajumafcyt, aka·rman». Atä·ś saji·ńgä äjdi·nga i tuś víriü mary·st. Uski·ńgä vírc. Muś pa·ra po·lana, ja·gydat la·ma. «Nu, äjdñiñ, kočka·da tesk». Maksé täst pa·rgiñit. «A mon tuja·n o·na še·zèñ. O·na še·sa karma·n víri·ń kára·ma». Tuś i šulma·ś čufc že·řđa lä·ñgi vä·ldä. Varma·ś puvä·, a žerďä·ś čufty·ńti ja·la gajk gajk, gajk gajk. Syñ kočke·t ja·gydat i du·mi·t, šty še·sa täťä·st kára· päñk. Kočka·št kočka·št, čizy· čo·-

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. У старика и старухи былъ сыночекъ и дочка. Жили жили, старуха померла. Дѣти и просятъ у отца мачехи. «Тятя, возьми мачеху, тятя, возьми мачеху?» — «Эхъ, дитятки мои, возьму, да вамъ она будетъ не по нраву». — «Будетъ хороша! Возьми». Вотъ старикъ взялъ мачеху, начали жить. Жили жили, мать и говорить старику. «Иди, дуракъ, старикъ, погуби своихъ дѣтей. Тогда стану съ тобой жить. А если не погубишь, не стану». Старикъ взялъ своихъ дѣтей и пошелъ съ ними въ лѣсъ. Привезъ ихъ въ лѣсъ. Нашелъ красивую поляну, много ягодъ. «Ну, дитятки мои, собирайте здѣсь». Далъ имъ корзиночки. «А я пойду вонъ туда. Вонъ тамъ начну рубить лѣсъ». Пошелъ и привязалъ къ дереву жердь за лыко. Вѣтеръ дуетъ, а жердь по дереву все стукъ, стукъ, стукъ, стукъ. Они собираютъ ягоды и думаютъ, что тамъ рубить ихъ отецъ дрова. Собирали

póc. Syń dušt tātasty; molēt. Molēt šezēn, tāta-st ara-ś. Šesa-a-ńcik žē-rđas šu-lmaf. Syń fatāšt, šty tāta-st kady-ńgā i tušt vīr-ga-ńt ran-gyž čijni-mā. Čijšt čijšt, mušt ku-dynā; sua-št kudynińti, sua-št — Kija-k ara-ś. «Dava-j tesk ma-tfana», patā-ś me-rā. «Dava-j», me-ri bra-tiškaś. Mačt. Vany-t, sua-ś ja-ga ba-ba. «A, ā-jdñiń, tyń ko-sta sy-dā?» — «Vīrcta, baba-j; tātanyk ka-dy-miž». — «Nu, āra-da moń ġe-ca». I syń karmašt āra-ma. Baba-ś sa-jizā čo-reńeńt i kaji-zā a-ndumas i andā. ā-synza pēšēn toŭda. Andā. ā-synza či, kafta i ko-lma. Pata-za muś čokańžura i maksy-zā brati-škancty. «Na, bratki-m, ža-rda jagaba-baś me-řā, daj surny-t va-rčasa, ton že-sta čokań-žu-ryńt ma-ksyk tanza va-řavańt. Ka-dyk va-rčasy». Saś baba-ś. «Čo-ram, daj-ka surny-t, va-rčasa, kuji-t āl āži-t». — «Na, baba-j», i jokstē-zā kurgy-zynza čokańžu-ryńt. Su-skižā baba-ś — ka-lgyda i noldē-zā mākij. «Ara-ś, čora-m, beřāńcta spra-řit. Nať

собирали, день смеркся. Они пошли къ отцу; пришли. Пришли туда, отца ихъ тамъ нѣтъ. Тамъ привязана только жердь. Они поняли, что отецъ ихъ оставилъ, и пошли бѣгать по лѣсу съ плачемъ. Бѣгали бѣгали, нашли домикъ, вошли въ домикъ, вошли — нѣтъ никого. «Давай ляжемъ здѣсь», говоритъ сестра. «Давай», говоритъ братишка. Легли. Смотрятъ, вошла баба-яга. «А дѣтки мои, вы откуда пришли?» — «Изъ лѣсу, бабушка; насъ оставилъ отецъ нашъ». — «Ну, живите у меня». И они стали жить. Старуха взяла мальчика и бросила его въ кормъ, кормить его зернами отъ орѣховъ, кормить его день, два и три. Сестра нашла кочедыкъ для лаптей и дала его братишкѣ. «На, братецъ, когда баба-яга скажетъ, дай я попробую твой пальчикъ, ты тогда дай ей кочедыкъ въ щелку. Пусть попробуетъ». Пришла старуха. «Сынъ (мой), дай-ка свой пальчикъ, попробую, пожирѣлъ ты или нѣтъ». — «На, бабушка»; и сунулъ ей въ ротъ кочедыкъ. Старуха укусила — жесткій, и выпустила назадъ. «Нѣтъ, сынъ мой, ты плохо поправился. Должно быть, плохо ѣлъ. Ты ѣшь побольше.

beřáncta jarcy·t. Ton jarca·k sedit pek. Mon andan äjsyt pa·rctä». — «Jarca·n, jarca·n, baba·j». «Jarca·t da beřä·ncta mäks bi·dä sprava·t». I karma·s äsy·nga taga· andu·ma. Karma·s andu·ma väľks mařta toęda. Ané kařta ko·ľmy či i tagy me·řä: «Daj·ka, čora·m, sury·t varča·sa». Son ta·ga jokstē·žä kurgy·zynza čokaň·žu·ryňt. Varči·žä — taga· ka·ľgyda. Ta·gy ka·dyžä. Saš i kolmō·čedä. «Daj·ka, čora·m, varča·sa nej surny·t». Še kapša·myň pačk čokaňžuryňt äšä muk. Čara·s čara·s, maksy·žä su·rynza. Koda·k su·skižä, ańcik čorčk molč. «E, čora·m, dy ton pek kujit. Nu, nej lišt tej, koda· išta· ton mańci·mik». I karma·s jagababa·š pečka·ń uštu·ma. Ušty·žä pek, a pařä·s i me·ři bra·tiškańti sa·lava. «Va, brařki·m, kyda ka·rňä kojmelan̄ks oza·ftumyt, ton i išta· i išta· přat kaji·k, by·ta ama·štat ara·ma. I meřt tä·nga: «Ba·baj, mon ama·štan. Ara·ka tońc, ne·řřeka koda. Še·sta mořga·k išta· ara·n, koda· ton mońďaň nefca·k». Vot, baba·s puty·žä

Я кормлю тебя хорошо». — «Кушаю, кушаю, бабушка». — «Кушаешь, да плохо что-то ты поправляешься». И начала она его опять кормить. Начала кормить зернами вмѣстѣ со сливками. Кормила два три дня и опять спрашиваетъ: «Дайка, сынъ мой, я попробую твой палецъ». Онъ опять сунулъ ей въ ротъ кочедыкъ. Попробовала опять — жесткій. Опять оставила его. Пришла и въ третій разъ. «Дай-ка, сынъ мой, я попробую теперь твой пальчикъ». Этотъ въ торопяхъ не пашелъ кочедыка. Вертѣлся, вертѣлся, далъ свой палецъ. Какъ укусила, хрустнуло. «Э, сынъ мой, да ты очень ожирѣлъ. Ну, теперь выходи сюда, какъ ты меня такъ обманывалъ». И начала баба-яга топить печку. Истопила сильно, а сестра и говоритъ потихоньку брату: «Смотри, братецъ мой, какъ она начнетъ тебя сажать на лопату, ты и такъ и такъ кидайся, будто не умѣешь умѣститься. И скажи ей: «бабушка, я не умѣю. Стань-ка сама, покажи-ка какъ. Тогда и я такъ стану, какъ ты мнѣ покажешь». Вотъ старуха поставила

ko·jmenza i mēā: «Nu ka, čora·m, matť kojmenť lanxs pa·řetā. Cora·ś i ištā· i ištā· pranza kajsi·sy, prok tarka·za a la·dā, prok vo·uśi ama·štā mađi·mā. «Da ton matť pa·řetā, čora·m». — «Ama·štan, baba·j. Ne·řteka tońe koda. Šesta monga·k ma·dan. I·šta mađa·n, koda· ton nefca·k». Baba·ś i mēā: «Nu, kiťt kojnepā·ńt, mon mađa·n». Mać baba·ś. I ištā· kiřnića·uś, prosta řaji·uś ki·ři·ńiks. Tā·řti·řniś koda·k saji·zā ko·jmenť, koda·k a·řkstyžā pe·e·kańti, za·slonēńt pu·tyžā i kšniń koćeřga·nga nā·židizā. Še to·sa a·ńcik ku·fēimā karma·ś: «Do·čam, do·čam, no·ldamak; valma pra·sa šijāń su·rkskiń ulā·. Šeń tońāt ma·ksca». — «Ja, syřā vē·dma, še išta kak mo·ń ulā». — «Ājdūin, no·ldemež. Valmańti a·la moda po·ca zo·ločyny tabaki·rkam ulā, šeńga·k tyńā·ŋk ma·ksca». — «Ja, syři vēdma, se išta ka·k mińi·k ulā». — «Ko·ř·meńečken, no·ldemež: kāŋkš po·rōg ala zolota ku·kšinyń ulā. Šeńga·k tyńdāŋk maksca». — «Xa, še išta ka·k mińik ulā. Sa·jiz tabaki·rkańť i zolota·kukšinyńť i tušť. Molėt molėt, fa·řašť:

свою лопату и говорить: «Ну-ка, сынъ мой, ложись хорошенько на лопату». Мальчикъ кидается и такъ и такъ, словно мѣсто не подходитъ, словно вовсе не умѣетъ лечь. «Да ты ложись хорошенько, мой сынъ». — «Не умѣю, бабушка. Покажи-ка ты сама какъ. Тогда и я лягу. Лягу такъ, какъ ты покажешь». Старуха и говоритъ: «Ну, держи ручку лопаты, я лягу». Легла старуха. И такъ она съѣжилась, просто сдѣлалась клубочкомъ. Какъ схватила дѣвущка лопату, какъ швырнула ее въ печку, поставила заслонъ и подперла его желѣзною кочергой. Та начала тамъ только стоять: «Дочка моя, дочка моя, отпусти меня: подъ окномъ у меня есть серебряное колечко. Я дамъ его тебѣ.» — «А, старая вѣдьма, оно и такъ будетъ моимъ.» — «Дѣточки мои, отпустите меня. Подъ окошкомъ въ землѣ у меня золотая табакерка, и ее я дамъ вамъ». — «А, старая вѣдьма, она и такъ будетъ наша.» — «Кормильцы мои, отпустите меня; подъ двернымъ порогомъ у меня есть кувшинъ золота. И его я вамъ дамъ». — «Ха, онъ и такъ будетъ нашъ». Взяли они табакерку и кувшинъ золота и ушли. Шли

šijań su·rkskińt stu·ftyž¹⁾. Čo·reńes i me·rā: «mo·la·n, sajsa·». Mu·rdaś. Sua·ś ku·dyńti, va·nā. A kudga·ńt tombamla·nga ku·ja
ču·dā jagababa·ńt ā·sta. Čorē·ńes i duńā: «vanta·, son su·rym sä·viziā.
Poe·tomu son pek tańti·j. Nuka mon va·rčasa sonza ku·janza». Ko·
ma·ś i nola·ś o·jdenza i täji·ğs šā·jñiks. I tuś ardy·ž. Arc vīrganť
pa·tancty. Pa·rā šā·jñiks. Patā·za va·nā: «Ko·sta te šāji·ñis, koda·
myška ma·zyj»; a šājiñis karčyzy·nga a·vardā i pa·rā. Patā·ś fafā·ś:
«Ex ex, te braty·m». Nu täjñi·ms a māsť. I tuś ma·rynga. Molčť molčť
vi·rga, tiśť pokš ki la·ñks i mole·ť kija·va. Syńc a·zdyť koğ.
Vany·ť, kupe·čť syť ā·zyst i saji·ž šāji·ñińt i täχti·rñińt ma·ryst.
I tušť; molčť molčť, sašť goroc i karma·šť tava·ryst ā·sa mikšñi·
mā. Mikšñi·ť. Šija·juta·ś še ja·ga ba·bańť täχti·řiza i neje·žā
še šā·jñińt. Molčť miřdi·ncty i meřā tā·nga: «Aza, rańik o·na ne
kupečēñ šāji·ñist; ža·ra iła ma·kst, nu saji·k». Še tuś. A son

1) istuftyž.

шли, хвѣтились: забыли серебряное колечко. Мальчикъ и гово-
рить: «пойду, возьму». Вернулся. Вошелъ въ домъ, смотреть. А
по дому съ шестка течетъ жиръ изъ бабы-яги. Мальчикъ и ду-
маетъ: «смотри-ка, она съѣла мой палець. Поэтому она очень
сладкая. Ну-ка попробую ея жиръ». Нагнулся и лизнулъ ея
жиру и съѣлся козленкомъ. И пошелъ вскачь. Прискакалъ по
лѣсу къ сестрѣ. Блеетъ какъ козленокъ. Сестра смотреть: «от-
куда этотъ козленокъ, какой красивый», а козленокъ въ отвѣтъ
ей плачетъ и блеетъ. Сестра поняла: «Эхъ, эхъ: это братъ мой». Ну,
дѣлать нечего. И пошла съ нимъ. Шли шли лѣсомъ, вышли
на большую дорогу и идутъ дорогой. Они сами не знаютъ куда.
Видятъ, купцы идутъ къ нимъ, и взяли они козленка и дѣвочку
съ собой. И пошли; шли шли, пришли въ городъ и начали про-
давать свои товары. Продають. Тамъ проходила дочь той бабы-
яги и увидѣла этого козленка. Пришла къ своему мужу и го-
ворить ему: «Ступай, купи козленочка вонъ тѣхъ купцовъ;
сколько не дѣтъ, но возьми». Тотъ пошелъ. А она и думаетъ:

i duñä: «Še šäji·ñis, vany·k, moñ ava·ñ juma·ftyžä». Še rañni·žä šä·jiniñt, ve·težä ku·duñ. Še varči·žä: ava·za pidi·f; sa·ji·žä ke·žen pačk i päčki·žä šä·jiniñt. A täχti·rñis nejga·k ärä·bojara·vaks.

Joŋks.

Ärä a·ščä do·va ba·ba. Dova babañ kolna täχtirinza. Inazyrpa·zyñ kuly·ś koža·jkaza. Dovababa·ñ täχtirínä bakulit. Pokšes me·fä: «Kyba moñ inazyrbas sajiñlimim koža·jkaks, väχki suskumsa väši Rašejanza träñlinä». A ombö·ces me·rä: «Kaby moñ saji·ñlimim, väχki koft loskötca väši Rašejanza orčaulinä». A kolmöces me·rä: «Kaby moñ zajiñlimim inazyrbas kožajkaks, kolmy päksa kämgaf·tuva čora čačaulin, čit koft koñasyst, kšnikočkarat, käñ gasymt, usks tapardañ kumañžat». A inazyrys še škañä kulcynys käřks

«Тотъ козленокъ, видишь, погубилъ мою мать». Тотъ купилъ козлёнка, привелъ его домой. Та попробовала: это испеченная ея мать; схватила она его въ злости и зарѣзала козлёнка. А дѣвочка и теперь живетъ какъ барыня.

Сказка.

Живетъ-поживаетъ вдова старуха. У вдовы старухи три дочери. Уцаря померла жена. Дочери вдовы старухи болтають. Старшая говорить: «Если бы царь взялъ меня въ жены, я однимъ кускомъ накормила бы всю Россію». А вторая говорить: «Если бы меня взялъ, я однимъ лоскутомъ полотна одѣла бы всю Россію». А третья говорить: «Если бы царь взялъ меня въ жены, я въ три сноса родила бы двѣнадцать сыновей, на лбу у нихъ солнце и луна, желѣзныя пятки, каменные темячки, колѣнки обернуты про·волокой. А царь въ это время слушалъ позади двери. Услышалъ ихъ

udala. Marińžä kortamsta. Šeñ sajižä kožajkaks. Kāpi·ć vojna·. Inazyrba·s tuš vojna·ŋ. Še škañä babazy stardauš čačta·ma, i ki·skast karma·š läuksija·ma. «Nu, tärt babu·ška». Čačta·š nīli čo·rat. Ki·skaš läuksijaš nīli läukst. Äñni·ñ čit koñ·syst, kšnikočkarat, kãŋ gasymt. Babuškañt meļc apara. Vački·ñžä äñ·niñ elezē·nga. Šārgi·ć, lišc ušu·ŋ mary·st. Šārgi·ć: tički tički pērgulički, po·jte pē·šni rusali·mški, na·te vam gastī·ñčiki». Äñni tājijūst ticaks i liŋtā·št, a kiska läuksnyñ suvaŋtyñžä babuškaš i putyñžä inazyravañt vaksc. Kučct inā·zyryñti šorma·, šty paçva·l·nyj babat čačta·š nīli kiskaļäukst. Saš inā·zyrys kudu·ŋ, šolnā·inazyravañt äjsa: «çvañilca, meļef, kãgaftuva čo·rat čačta·n, a nej, vanyk, kãgaftuva kiskaļäuks läuksyjat». Inazyravaš meřā tãnza: «Lefēñdārā·j eščo·čačta·ms, šc po·rastyñt iļa tuk ko·ŋgak». Pāki·jaš taga·. Saš čačta·ma po·raza, tagy·tuš inazyrys vo·jnaŋ. Son ta·gy karma·š čačta·ma. Tārđiž dagy še babu·škañt. Čačta·š

во время разговора. Ты онъ взялъ въ жены. Поднялась война. Царь пошелъ на войну. Въ это время жена его собралась родить. И собака ихъ собралась щениться. «Ну, зови бабушку». Родила четырехъ сыновей. Собака оценилась четырьмя щенками. У дѣтей на лбу солнце и луна, желѣзныя пятки, каменные темячки. Бабушкѣ не понравилось. Наложила дѣтей въ подолъ. Крикнула, вышла съ ними наружу. Крикнула: «птички, птички, пергулячки, пойте пѣсни Иерусалимскія, нате вамъ гостинчики». Дѣти сдѣлались птицами и полетѣли, а бабушка внесла въ избу щенять и положила ихъ около царицы. Они послали царю письмо, что хваленая твоя жена родила четырехъ щенять. Пришелъ царь домой и бранить царицу: «Ты хвалилась, говорила: я рожу двѣнадцать сыновей; а теперь вотъ, ты оценилась двѣнадцатью щенками». Царица говоритъ ему: «если придется еще родить, на ту пору никуда не уходи». Забеременѣла она опять. Пришла пора ея родить, опять ушелъ царь на войну. Она опять начала родить. Позвали опять ту бабушку. Родила опять женщина.

taga·ava·ś. Kiskaś tagy·lāṅksy·jaś. Tagy·ba·buškaś vačkiṅgā
 elezè·nga. Śārgi·é tagy i·šta. Āḥni·tājiṅśt tagy·ti·caks i liṭtāśt
 taga·. Son tagy·suaṭṭyṅgā babuškaś kiskalāṅksnyṅ, tagy putyṅgā
 vaksyzy·nga. Saś tagy·iṅa·zyryś. Pēk mēlezēnga apa·ra. Xotel
 kāra·mynza iṅazyra·vaṅt, no kadyžā eščo·čaṭtamy·nga. Pāki·jaś
 taga·. Saś tagy·čaṭta·ma pora·za. Iṅazyryś tuś tagy·vojna·ṅ.
 Son dagy stardaṅś čaṭta·ma. Tagy tār·diž že ba·buškaṅt. Čaṭta·ś
 tagy ṅiṭi čo·rat. Kolmōtnā čī koṅ ma·rtyt, a vā·ḥkiś išta pro·stěj
 lo·maṅ. Kolmōtnēn putyṅgā tagy·elezè·nga ba·buškaś, liṭtiṅgā
 ušu·ṅ ta·ga. Śārgi·é tag' i·šta. Tāji·ṅśt tagy·ti·caks i liṭtā·śt taga.
 Še ā·jdīnt kady·žā avaṅt vaksc. Kiskalāṅksnyṅ kolmōtnēn suaṭṭyṅ·
 gā. Kučšt iṅa·zyryṅti śorma·. Saś iṅa·zyryś. Iṅazyravaṅt piṅgidižā
 bočkaś čorē·nēn marynza i vāḥki kiskalā·ṅks. Bočkaṅt noldē·žā
 mo·ras. Ujṅā·vēdga·ṅt bo·čkaś. Čorēnēś karma·ś koṛta·ma. «Eḥ,
 mērā, ava·j, kaby Vēfepazyś pokš varma·nolda·vyṭ, mīni·k bu val-

Собака опять оценилась. Опять бабушка наложила ихъ въ свой
 подолъ. И крикнула опять такъ же. Дѣти опять сдѣлались пти-
 цами и опять полетѣли. Бабушка опять внесла (въ избу) щенятъ,
 опять положила ихъ около нея. Пришелъ опять царь. Очень ему
 не понравилось. Хотѣлъ казнить царицу, но оставилъ ее еще
 разъ родить. Она забеременѣла опять. Опять пришла пора родить.
 Царь опять ушелъ на войну. Она опять собралась родить. Опять
 позвали ту бабушку. Опять родила она четырехъ мальчиковъ.
 Трое съ солнцемъ и луной, а одинъ такъ простой человѣкъ. Тро-
 ихъ бабушка опять положила въ свой подолъ и опять ихъ вы-
 несла на дворъ. Опять такъ же закричала. Сдѣлались они опять
 птицами и опять полетѣли. Того ребенка она оставила близъ ма-
 тери. Внесла трехъ щенятъ. Послали царю письмо. Пришелъ
 царь. Онъ заколотилъ царицу вмѣстѣ съ сыномъ и однимъ щен-
 комъ въ бочку. Бочку пустилъ въ море. Плаваетъ бочка по водѣ.
 Мальчикъ сталъ говорить: — «Эхъ, говорить, матушка, если бы
 Всевышній пустилъ большой вѣтеръ, насъ выбросило бы волной

nasa jorda·ŭlmiŋiž be·réks». Ava·ś méřä·: «Eχ, äjdñi·m, kyby toñ gурksta Véřepazynt̄ pi·lis». Nu, mařinžä Véřepa·zyś. Kāpi·é bu·fa, jordénžä syñet valnasa beřeks. Óorè·ñes kortä ta·ga: «Eχ, ava·j, méřä, kyby mon vāñftiŋliñ kedēn bilgin, bočka pätnä liśi·vilt̄. Miñ bu liśiŋliñik švec». Ava·ś tagy· méřä·: «Kyby äjdñim, méřä, toñ gu·rksta Véřepa·zynt̄ pi·lis». Vāñftinžä kedēnza pilginza. Liśēt bočka pä·tnä. Syñ liśēt naružy beřeks. Ašči·t̄ či, i sas vā. Maēt bočka pä·nti¹⁾. Va·lčki štašt. Ara·ś vāχkijak loma·ñ. Mořa be·řekkañt̄ pavañ dolgat aščit̄. Óo·rēñes karma·ś nalksi·mā, pava·ñ dolga·tniñ kočkse·mā, kudy·niks äjsy·st tājñi·mā. I méřä ava·nsty: «Eχ, ava·j, méřä, kyby ñe kudyñi·tnä taji·vilt̄ go·rñečaks». Nu, Véřepa·zyś maři·ngä i taji·ŋšt̄ gořne·čaks. Šija· jutä· obō·z. Óo·rēñes liśē karčizyst, kāŋksñä ä·jsyst: «Koŋ, méřä, mořda·da?» — «Iñä·zyrnyñ izvoz uskta·na». Tājñiś son gak ka·ruŋniks. Pädä·ś izvo·ščekñēñ ča·pkas. Tuś ma·ryst. Suvas tozē·j iñä·zyryñ ku·dys.

1) bočka päś.

на берегъ». Мать отвѣчаетъ: «Эхъ, дитятко, кабы (слова) изъ твоего рта (дошли) Всевышнему въ уши». Ну, услышалъ его Все·вышній. Поднялась буря, выбросила ихъ волною на берегъ. Маль·чикъ говорить опять: «Эхъ, матушка, если бы я могъ протянуть руки и ноги, дно бочки выскочило бы. Мы вышли бы на свѣтъ». Мать говорить опять: «Кабы, дитятко, (слова) изъ твоего рта (дошли) въ уши Всевышнему». Онъ протянулъ руки и ноги. Вы·скочило дно бочки. Они вышли наружу на берегъ. Сидятъ они день, и пришла ночь. Легли они на дно бочки. Утромъ встали. Нѣтъ ни одного человѣка. По берегу моря лежатъ павлиньи перья. Мальчикъ началъ играть, собирать павлиньи перья, дѣлать изъ нихъ домикъ. И говорить своей матери: «Эхъ, матушка, кабы эти домики сдѣлались горницами» Ну, Богъ услышалъ его, и они сдѣ·лались горницами. Тамъ проходитъ обозъ. Мальчикъ вышелъ имъ навстрѣчу и спрашиваетъ ихъ: «Куда, говорить, вы идете?» — «Мы веземъ царскій извозъ». Обернулся и онъ мушечкой. При·липъ къ извозчикъей шапкѣ. Пошелъ съ ними. Вошелъ туда въ цар·

Valks šte-nas. Kulcyny, mášt kortä-t izvoščeknä. Váŕki-s i méřä. izvoščekes: «Mäji-n dīva-t né-jeňek! Iša-k juty-ńik móřa beře-kséńt, arašil mážija-k, a tečä. juta-tana — aščit go-řnecat neskazan-nyj mazy-ŕt». A ba-buška. ba-baš inazy-ryńt keca kuŕarkaks ařä-. I korty řäst: «Ňet uš i mä-jin dīva-t. Mon zo-dan dīva-t. Vot tyk řet dīvat: dīkyj štepsa, pu-sta pa-křasa tua né-řcěza sokä-, řilisy-nga řidä, pulysynza izä. — vot ře tyk dī-va». Čo-řeňes maři-žä ře va-lyńt. Šaš kuduŕ do-sta i méřä avanety: «mä-jī-n dīva-t jofne-št to-sa. Vot dīkyj štepsa tu-a, i sońc sokä- i řidä- i izä-. Kyby ře mīnāńik, a-vaj, do-stat». Ava-s měři tā-nga: «Kosta, ā-jdńim, ře mīndāńik dosta-t?» — «Mon mola-n, ava-j, vāšńi-sa». Tuš i muji-žä. Pańi-žä kudy-st vaksc, karma-ftyžä so-ka-ma. Juty-t tagy-izvoščeknä. Son řäji-řs tagy karuńiks, valks tagy- čapka-zyst. Tuš tagy- ma-ryst, suas inazyryń guč tagy ma-ryst. Izvoščeknä tagy- kortē-t: «Vot, měřet, dīva-tńä: kona-

ский домъ. Спустился на стѣну. Слушаетъ, что говорятъ извозчики. Одинъ извозчикъ и говоритъ: «Что за чудеса мы видѣли! Вчера мы проѣзжали по берегу моря, ничего не было, а сегодня проѣзжаемъ, стоятъ горницы несказанно красивыя». А бабушка старуха живетъ у царя кухаркой. И говоритъ имъ: «Это ужъ что за чудо. Я знаю чудо. Вотъ это такъ чудо: въ дикой степи, въ пустомъ полѣ свинья пашетъ рыломъ, ушами сѣетъ, хвостомъ боронуетъ—вотъ это такъ чудо». Мальчикъ услышалъ то слово. Пришелъ оттуда домой и говоритъ своей матери: «что за чудо сказывали тамъ. Вотъ въ дикой степи свинья и сама пашетъ и сѣетъ и боронуетъ. Какъ бы намъ это достать, матушка». Мать говоритъ ему: «Откуда, дитятко, намъ это достать?» — «Я пойду, матушка, найду». Пошелъ и нашелъ. Пригналъ (свинью) къ ихъ дому и заставилъ ее пахать. Проѣзжаютъ опять извозчики. Онъ опять обернулся въ мушечку, спустился опять на ихъ шапки. Опять пошелъ съ ними, вошелъ опять съ ними въ царскій домъ. Извозчики опять говорятъ: «Вотъ, говорятъ, чудо: свинья, о которой

tu·vyñt tesy jo·fñeŋk, še ja·k uš to·sa». Še a·vaš tagy· méřä.: «še a mǎ·jiñ dīva. Vot mon jofta·n dīva.: «dīkyj šte·psa e·ldǎ, kǎmga·ftuva vaša mǎlga·nga ja·kǎ, ġrīva·st puly·st zoloto·ŋt». Ćorē·ñeš maři·ñžǎ i tuš kudu·ŋ da·ga. Avancyj kortǎ.: «taga·, avaj, maři·ñ dī·va: dī·kyj šte·psa eldǎ, kǎmgaftuva vašy mǎlga·nga, ġrīva·st puly·st zoloto·ŋt. Mon moła·n, ģeñ gak tej dusy·ñ». Tuš i pañiñžǎ tej. Noldēñžǎ mořä·ñ be·řekka. Izvo·ščekñǎ tagy·juty·t. Son tǎ·jiñš tagy karuñniks i tuš tagy·maryst. Suvaš tagy iñazy·ryñt kuc. Valks tagy·šte·naš. Izvo·ščekñǎ kortē·t taga.: «Vot dīva·tnǎ! Kona eldeñt jořne·ŋk tesa·, še jak uš synct keca·». A babu·ška baba·s tagy·méřä: «te amǎ·jiñ dī·va. Vot mon jofta·n dī·va: dī·kyj štepsa že·mľǎŋka, tosy že mľǎŋka kijakscyñt acař po·lōk, polōgeñt laŋksa kǎvi·ŋkijǎ čo·ra; nalksi·t ka·rtasa, kšñi kočkařat, kǎŋgasynt, ušks tapardañ gumañžat, čit kořt koña·syst». Ćorē·ñeš maři·ñžǎ taga· i tuš kudu·ŋ daga·. Kortǎ·ava·ncty:

вы рассказывали здѣсь, и та ужъ тамъ». Та женщина опять говорить: «то какое чудо. Вотъ я расскажу чудо: въ дикой степи ходить кобыла, а за ней двѣнадцать жеребятъ, гривы и хвосты золотые». Мальчикъ слышалъ это и пошелъ опять домой. Говорить своей матери: «опять, матушка, я узналъ чудо: въ дикой степи ходить кобыла, а за ней двѣнадцать жеребятъ, гривы и хвосты золотые. Я пойду и ихъ приведу сюда». Пошелъ и пригналъ ихъ сюда. Пустилъ ихъ по берегу моря. Извозчики проходятъ опять. Онъ обернулся опять въ мушечку и пошелъ съ ними опять. Вошелъ опять въ домъ царя. Спустился опять на стѣну. Извозчики опять говорятъ: «Вотъ чудо! Кобыла, о которой вы здѣсь рассказывали, и та ужъ у нихъ». А старуха бабушка опять говорить: «это какое чудо. Вотъ я расскажу чудо: въ дикой степи землянка, тамъ на полу землянки постланъ пологъ, на пологъ одиннадцать мальчиковъ; играютъ въ карты, желѣзные подборы, каменные темячки, колѣйки обернуты въ проволоку, на лбу у нихъ солнце и луна». Мальчикъ слышалъ опять и пошелъ опять

«Eχ, avaj, māji-n dīva-t maṛi-n. Di-kyj šte-psa ze-młan̄ka, ze-młan̄ka ki-jakseyn̄t acaf polók, pológén̄t lan̄ksa káviχkijā cōra nalk̄si-t ka-rtasa, čit koft koña-syst». Ava-s i mēřā: «Net ā-jd̄nin, toñ braty-t sama-j». — «Mon, ava-j, zynet kak dosta-nu? Pañt āš lofcēzēt káviχkijā su-kyr». Pañc avas káviχkijā su-kyr, saji-ńgā cōrēneš sūkyrχnyñ, tuš mary-st, muji-zā zeñla-ηkañt, pañžizā kāñkšingza, kávi-řc vāχki sūky-r. Sajizā vāχki cōraš sūkyryñt i karma-s ājsty-nza jarca-ma i korty-ťast: «Eχ, brat, mēřā, te su-ky-rys prok avañ lofcēs pañi-ř»; a cōrēneš mařa-syn̄gā māšt kortē-ť. Kaji-ńgā vāši sūkyrχnyñ kā-ηkškañt, sajñi-z ešče-ťnā jak i suas soñc kak. «Mēřda-dy, bra-tcy, prok avañ lofcēs pañiřt sū-kyrχnā, ada-da tyñc ka-k ava-ñiñ». I tušt vāši. Moľt tozēj syn̄ kak raz goṛnecatñā i-kiliū, i izvo-ščekñā kak raz pačky-ť še-zej. Net kadušt tosk cōra-ťnā, a se tuš taga- izvoščekñā mařta. Moľt tagy- tozē-j. Pādā-s šte-nas. Izvo-ščekñā tagy- kortē-ť: «Vot

домой. Говорить своей матери: «Эхъ, матушка, что за диво я узналъ. Въ дикой степи землянка, на полу землянки посланъ пологъ, на пологу одиннадцать мальчиковъ, играютъ въ карты, у нихъ на лбу солнце и луна». Мать и говоритъ: «Это мои дѣтки, самые твои братья». — «Я, матушка, и ихъ достану? Испеки на своемъ молокѣ одиннадцать лепешекъ». Испекла мать одиннадцать лепешекъ, взялъ мальчикъ лепешки, пошелъ съ ними, на-шелъ землянку, отперъ двери, покатилъ одну лепешку. Взялъ одинъ мальчикъ лепешку и сталъ ее ѣсть и говорить имъ: «Эхъ, братцы, эта лепешка словно испечена на молокѣ моей матери», а мальчикъ слышитъ, что они говорятъ. Бросилъ черезъ дверь всѣ лепешки, взяли и остальные, и самъ онъ вошелъ. «Вы, братцы, говорите, что лепешки испечены словно на молокѣ матушки, идите и вы сами къ матушкѣ». И пошли всѣ. Пришли туда какъ разъ передъ горницами, и извозчики какъ разъ проходятъ тамъ. Эти мальчики остались тамъ, а тотъ ушелъ опять съ извозчиками. Пришли опять туда. Спустился на стѣну. Извозчики опять гово-

dīva·tñā: kona· ćora·tñiñ tesā. jo·fñeŋk, ñet kak uš to·sēt». Iña·zyrys i mēřā: «Koda·tt išta·tt tesā. lomatñā. Āřāvā vandy·j moleñā tǎst». Ćorēñes tuš i avansty kortā: «Vandy·j, mēřā, aya·j, iñazyrys tǎñi·k sy; šřapa·jada; āřāvā son kava·ñams». Ava·š mēřā: «Bydā. iña·zyrys sy, ton joftaft moñ ġecta jouks». Nu, saš iña·zyrys tǎst, ozaftyž stolekšc, karmašt kava·ñamynžā, suvašt vāši ćora·tñā. Ţe corēñes karma·š avanzy doña·ma: «Ava·j, joftak jouks». Ava·š mēřā: «Mon, ājdñiñ, moñc kak prok joukskan». Ćorēñes mēřā: «Āš pñi·ñit ħot joftē·k». Ava·š mēřā: «Moñ bñam joftams ċi dy vā satā». A ćorēñes mēřā: «ċis dy vās i to joftē·k». Avaš karmaš pñanzy·jofta·ma, koda āřās dovababa·š i koda kuly·š iñazyryn kožajkaza i saji·žā songzy·koda, koda·ċaċñi·ñžā ćora·tñiñ, koda·babu·škaš jumafñiñžā, koda iña·zyrys songza·bo·ċkas pñiŋi·dižā i mo·řas koda·noldēžā, koda valnasy beřeks jordē·žā. Iñazyrys kulcy·nā i duñi·, šty te ñeka·k moñ goža·jkañ

рять: «Вотъ чудо: мальчики, о которыхъ вы здѣсь говорили, и они тамъ». Царь и говорить: «Какіе такіе тамъ люди? Надо завтра пойти къ нимъ». Мальчикъ ушелъ и говорить своей матери: «Завтра, матушка, къ намъ придетъ царь; готовьте кушанье; надо его угостить». Мать говорить. «Если придетъ царь, ты заставь меня рассказать сказку». Ну, пришелъ къ нимъ царь, посадили его за столъ, начали его угощать, вошли всѣ мальчики. Этотъ мальчикъ сталъ приставать къ своей матери: «Матушка, расскажи сказку». Мать говорить: «Я, дитяtko, сама словно сказка». Мальчикъ говорить: «самоё себя хоть расскажи». Мать говорить: «Рассказывать обо мнѣ хватитъ на день и ночь». А мальчикъ говорить: «день и ночь, а всё-таки расскажи». Мать стала рассказывать о себѣ, какъ жила вдова старуха и какъ умерла жена царя и какъ онъ взялъ ее, какъ она родила мальчиковъ, какъ бабушка погубила ихъ, какъ царь заколотилъ ее въ бочку и какъ пустилъ въ море, какъ волной прибило ее къ берегу. Царь слушаетъ и думаетъ, что то была никакъ моя жена.

ul'niš. Šta-š stole-kštest i tuš kudu-ŋ. Molé, še ba-bańt šulmizä alašä-ń pu-lys i noldežä di-kyj štepej. Sońć saš neńeń ära-ma.

Записано отъ Т. Учуськиной.

Joŋks.

Ärä-št a-ščišt ata-t baba-t. Äjdışt araşılt i 'syn pek meľa-fet. Nu täjñims a mä-št, kyki ara-št, saji-ms ako-sta. Atáš tuš burla-čama. Kızı-ń burla-čas, mäjli sy ku-duŋ. Ombö-čä tu-nda; čiš ul'niš pši. Son oza-š ojme-semä me-lñeća brud' va-kss. O-jmaš täjš, šimima-zy saš. Ko-maş koma-da i karma-š ši-mimä. Šimś, karmaš štama. Mařa-syj, ki biđi saka-ldy kundyzä. Son dumä, mäjś kak pongšt. Tej nock, toŋ nock, sakaŋnä ata-rgaviť. Son i meřä: «Ki to-sä, nolda-k. Mäšt voža-t?» — «A no-ldan!» — «Mäks?» — «Ila. šimñi ko-mady, vot mäks». — «I karma-t nej

Всталъ изъ за стола и пошелъ домой. Пришелъ, ту старуху привязалъ къ лошадиному хвосту и пустилъ ее въ дикую степь. Самъ пришелъ жить къ этимъ.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. Дѣтей у нихъ не было, и они очень печаловались. Ну, дѣлать нечего, коли нѣтъ, не откуда взять. Старикъ ушелъ бурлачить. Лѣто онъ бурлачилъ, а потомъ пошелъ домой. Вторая весна; день былъ жаркій. Онъ сѣлъ отдохнуть около мельничнаго пруда. Отдохнулъ немного, захотѣлось ему пить. Нагнулся въ припадку и началъ пить. Напился, сталъ вставать. Чувствуетъ, будто кто схватилъ его за бороду. Онъ думаетъ, что борода какъ нибудь зацѣпилась. Сюда дернетъ, туда дернетъ, борода не вырывается. Онъ и говоритъ: «Кто тамъ, пусти. Чего балуешь?» — «Не пушу!» — «Почему?» — «Не пей въ припадку, вотъ почему.» — «И станешь теперь такъ меня

íšta· kírdímín?» — «Da!» — «A žardy no·ldasamak?» — «Šesta, žarda alfta·sak monďāń šēń maksu·ms mǎ·ži ku·ca azdasak. A bidā a a·lftasak, vǎdínfi u·sktan». — I karma·ś usku·ma. «Užy·, ila·mak usk! Duma·n vašna». I karma·ś duma·ma. «Dy mǎži mon aso·dan? I šēń zoda·sa, i šēń zoda·sa; prok vǎši soda·syn mǎžim ulǎ». I mērc: «nu, saji·k». Liśc vǎ·ctyńt a·ta, vǎšij še·dej. Targa·ś pǎjilńā, targa·ś ko·ńou prok kiugryń. I mēra: «na kǎri·k lǎ·m·timí su·ryt, a man vǎrcy·t šorma·dan šo·rma, a tońc šorma·duma ama·stat, čerks tāxt». Čerkstyžā su·ryńt, tajńi·ms amǎ·št. Še na·vi·žā pera·nza i mǎšt bidí šorma·c. I mērc: «nu na če·rkstak». Aťās saji·žā perańt i čerksta·ś. Še tuś vǎc, a aťās šťās i tuś kudu·u. Molā· i dumā·: «Mǎži·žy mon aso·dan? Vēd' vǎšij sodasyń. Moža koda·myjak to·sa tara·tkā āli mǎžija·k». Molā·, íšta·dumā·, a šādi·jiza řiznā·, i pačkyc íšta kudu·u. Suva·ś kardazuu, baba·za liśc karčizynza, a kecēnza āxt. Aťās sra·zu faťās. «Eχ,

держать?» — «Да!» — «А когда отпустишь?» — «Тогда, когда обещаешь дать мнѣ то, чего ты не знаешь въ домѣ. А если не обещаешь, утащу въ воду». И началъ тащить. «Погоди, не тащи меня! Сперва подумаю». И началъ думать. «Да чего я не знаю? И то знаю и то знаю; словно, всё знаю, что у меня есть». И сказалъ: «ну, возьми». Вышелъ старикъ изъ воды, весь сѣдой. Вытащилъ ножикъ, вытащилъ бумагу, словно изъ бересты. И говорить: «на, разрѣжь безымянный свой палець, а я напишу письмо твоею кровью, а ты самъ писать не умѣешь, сдѣлай черту». Надрѣзалъ палець, дѣлать нечего. Тотъ обмакнулъ свое перо и что-то написалъ. И сказалъ: «ну, на, сдѣлай черту». Старикъ взялъ перо и сдѣлалъ черту. Тотъ ушелъ въ воду, а старикъ всталъ и пошелъ домой. Идетъ и думаетъ: «Чего же я не знаю? Вѣдь я всё знаю. Можетъ быть, тамъ какой-нибудь сучокъ или что-нибудь (другое)». Идетъ, думаетъ такъ, а сердце его тоскуетъ, и подошелъ такимъ образомъ къ дому. Вошелъ во дворъ, старуха его вышла ему на встрѣчу, а въ рукахъ ребенокъ. Старикъ

mášť mon dāji·ń. Kady·k lučšy mońceń vādīnti usku·pīmīm». Praš i karma·ś ra·ŋguma. Baba·za i dumā: «Māks žy son raŋgā? Āravyl tanza radu·vams. Äŋt tanza neften, a son koda·k neježā i ura·kač». Baba·ś karma·ś lači·mīnza. «Mášť raŋga·t? Štak. Vėrepaš äŋt tāni·k maksć, a ton prok ta·ndadyt ä·jstynza. Štak, suva·k kuc, a to loma·tt pä·jdīmi karnit». Atās štā·ś i suva·št. Aščišt tājst. Atā·ś ja·la raŋgā i baba·ś karma·ś ra·ŋguma; la·ŋgyzyst va·nyž ä·jdiš kak karma·ś raŋgu·ma. Syn lotka·št i karma·št äjdi·nt lači·mīnza. Baba·ś i mēřā: «Māks ton išta· raŋgi·t a·ta?» — «Eŋ, mājija·k ton, baba·, aso·dat. Mášť mon dāji·ń! Vėd išta·, išta·», i jofne·ńgā vā·šij, koda· tāvi·ś ulni·ś. «Mā·zi tajat, nat Pazy·nti išta· āřā·vā; karma·tana āřā·ma i uču·ma mášť u·lit, mášť Pas tājā·. Pazy·ś ama·kseyj, tuvyś asā·usyj». I karma·št āřā·ma. Āři·t god, āři·t kafta. Āřā·št kā·mīn gott. Äjdiš kašć. Sońć čo·ra u·līniš. Vā·ŋki vā·sta druk čora·ś koda·k ky·rńafć i

сразу догадался: «Эхъ, что я сдѣлалъ. Пусть бы лучше онъ меня самого утащилъ въ воду». Упалъ и началъ рыдать. Старуха и думаетъ: «Отчего же онъ рыдаетъ? Ему слѣдовало бы радоваться. Я показала ему ребенка, а онъ, какъ увидѣлъ его, разревѣлся. Старуха стала его утѣшать. «Чего ты плачешь? Богъ далъ намъ ребенка, а ты словно испугался его. Встань, войди въ домъ, а то люди станутъ смѣяться». Старикъ всталъ, и они вошли. Посидѣли немного. Старикъ все плачетъ и старуха стала плакать; глядя на нихъ, и ребенокъ сталъ плакать. Они перестали и начали утѣшать ребенка. Старуха и говоритъ: «Отчего ты такъ рыдалъ, старикъ?» — «Эхъ, ничего ты, старуха, не знаешь. Что я сдѣлалъ! Вѣдь такъ и такъ», и рассказалъ всё, какъ было дѣло. «Что сдѣлаешь, знать Богу такъ угодно; будемъ жить и ждать что будетъ, что сдѣлаетъ Богъ. Богъ не дастъ, свинья не съѣстъ». И стали жить. Живутъ годъ, живутъ два. Прожили десять лѣтъ. Ребенокъ выросъ. Онъ сталъ юношей. Однажды ночью юноша вдругъ какъ вскочить и начнетъ кричать. Отецъ всталъ и

karma·ś piṣṭā·ma. Tāta·za śtaś i karma·ś kāṅksī·mā: «Māks, ājñīm, māks lāṅksīm? Mā·zdā tandady·t? Matt, udy·k». — «Ama·dan, pāla·n». — «Dy māzdi pā·lat?» — «Sakšnyś koda·ma biḍi a·ta, vāši śeḍej i mērc: śtak, mēṭt tatati, kady·k kučta·ngat koṇ āravā tāt moḷe·ms». Atās faṭā·ś. «Māst tā·jñims? Dava·j eščo·učy·tana, māst u·lit vancy·nik. Saś ombō·čā vāś. Ma·dñišt. Atā·ś tagy·saś. Tagy ištā·ža mērc. Ćorē·neś śtaś; kāpi·č buṛa i kudy·pra·st saly·žā. «Nu, baba, tāṭt apa·rt. Davaj, vandyj popō·nti molda·na. Māst son joftā·?» Valčki śtašt i molēt popō·nti i jofne·ž tānza vā·šij. Popō·ś i mē·fā: «dava·jēi, služan dāṅk moḷe·ben, i kučy·ṅk z Bo·hom, kady·k mo·lā koṇ dānza para. Vāśna kady·k molā še vāḍi·nt vaksc, a biḍi to·sa māzi ja·k au·lā, kadyk eščo·kuaja·k ja·kā». Sašt ku·duṇ, purnyž sē·rnez i mērcēt tā·nza: «Nu, ċora·m, ištā·ištā·; mon juma·ftytiñ ara·ftytiñ, tātāś mēṛā. «Ištā·ištā· tāvi·ś ulni·ś, i jofne·ṅžā tānza vā·šij. Ćora·ś śtaś, oznē·ś

сталъ спрашивать: «Что, дитятко мое, что дитѣньшъ мой? Чего ты испугался? Ложись, спи». — «Я не лягу, боюсь». — «Да чего ты боишься?» — «Приходилъ какой-то старикъ, весь сѣдой, и сказалъ: вставай, скажи отцу своему, пусть пошлетъ тебя куда тебѣ надо идти». Старикъ понялъ. «Что дѣлать? Давай, еще подождемъ, увидимъ, что будетъ. Настала другая ночь. Легли спать. Старикъ пришелъ опять. Опять онъ сказалъ то же. Юноша всталъ; поднялась буря и сорвала крышу съ ихъ дома. «Ну, старуха, дѣло неладно. Давай, завтра пойдемъ къ попу. Что онъ скажетъ?» Утромъ встали и пошли къ попу и рассказали ему всё. Попъ и говоритъ: «Давайте, я отслужу вамъ молебень и пошлите его съ Богомъ, пусть идетъ куда ему желательно. Сначала пусть идетъ къ той рѣчкѣ, а если тамъ ничего не будетъ, пусть походить еще кое-гдѣ». Пришли домой, собрали его и снарядили и сказали ему: «Ну, сынокъ, такъ и такъ; я, говоритъ отецъ, погубилъ загубилъ, тебя. Такъ и такъ было дѣло», и рассказалъ ему всё. Юноша всталъ, помолился и пошелъ. Пришелъ къ берегу

i tuś. Mołć śe wādīnt krajs. Aśči·ś aśči·ś, măzi ja·k ara·ś, i tuś
koḡ śālmi·za ańe·jä, koḡ piliza ama·rä. Mołć mołć, suva·ś wírc.
Muś wírcyńt tro·peńä i tuś śe tropeńe·wańt. Mołć mołć, muś ku·-
dyńä. Kudyni·synť jagaba·ba. Suaś tanza. Baba·ś i meřä: «Mášť
bidi, äjdniń, jaka·t paka·t?» Óoreńes jofńeńžä koḡ mołä· i máks
mołä·. «Eḡ, óora·m, kua·ť tăt amu·jivä. Na, mon maksan dăt
ki·rińä. Koda·k li·śat, kaji·k ma·styruḡ. Koḡ ki·rińis kävira, toḡ
i ton málga·nza mołť. Śemoń zoda·mym atäs; moń pata·m ekśe·-
nza ulńis; ku·lys; kaduḡś tǎḡtír śońdedenza mājla, a son urva·ksć,
sajs li·ja. Teń äjsta eśčo· kavi·ḡkijä tǎḡtirt čačť. Vot kozə·ń te
ki·rińis lo·tkä o·žera krajs, ton kekšt śezə·ń paryńi·sta i ucy·k
liřtigu·lkinä. Sońdede·nza mājla eśčo· kavi·ḡkijä. Vačky·dívít
ma·styrvaksc i tǎji·vít vási tǎḡtírks, vási ma·zyḡť i kajsi·syž
ođe·žast i karńi·ť ekśe·lama. E·kśeřet, e·kśeřet; kaviḡkijitńä li·śit,
o·řeńet, vačky·dívít mastyrva·ksc, tǎjni·vít mākij gu·lkiniks i tuji·ť

той рѣки. Побылъ побылъ, ничего нѣтъ, и пошелъ куда глаза его
глядятъ, гдѣ уши его слышать. Шелъ шелъ, вошелъ въ лѣсъ.
Нашелъ въ лѣсу тропинку и пошелъ по той тропинкѣ. Шелъ
шелъ, нашелъ избушку. Въ избушкѣ баба-яга. Вошелъ къ ней.
Старуха и говоритъ: «Чего это ты, дитятко мое, ходишь ше-
ствуешь?» Мальчикъ разсказалъ, куда онъ идетъ и для чего идетъ.
«Эхъ, сынокъ, долго тебѣ не найти. Вотъ, я дамъ тебѣ клубо-
чекъ. Когда выйдешь, брось его на землю. Куда клубочекъ по-
катится, туда и ты за нимъ иди. Тотъ старикъ мой зять; стар-
шая сестра моя была за нимъ; она померла; послѣ нея осталась
дочь, а онъ женился, взялъ другую. Отъ той родилось еще один-
надцать дочерей. Вотъ, гдѣ этотъ клубочекъ остановится у берега
озера, ты туда спрячься получше и жди летящую голубку. За
ней еще одиннадцать. Онѣ ударятся о землю и сдѣлаются всѣ
дѣвушками, всѣ красивыя, и скинуть свои одежды и стануть ку-
паться. Покупаются, покупаются; одиннадцать выйдутъ, одѣ-
нутся, ударятся объ землю, опять сдѣлаются голубками и пой-

l'ifta·ma. A kāmga·ftuvyciś, kona· i·kilij saś, še šeft mājliś kadu·vā e·kšēlama. Kodak kadu·vā ška·mynza, ton žesta sa·jit ode·žanza i kekšt mary·st. Son li·śā vā·ctyñt i karmā· vāšni·mā. Vāšni vāšnā, amu·jivit, še·sta karmā vā·šiž vāšimā: «Kī saji·nžā maksy·ŋk». Ton ka·štmol't. Songarī· korta·ma: «Bīdī syřā čoralo·mañ, ulīzy tññ tñ·tñiñks, a bīdī syřā avalo·mañ, ulīza tññ a·vñiñks, a bīdī od tñ·tñiř lo·mañ, ulīza tññ sa·zyrnyks, a bīdī o·dčora lo·mañ, ulī·za tññ mī·rdiñks». Ton žesta liśt i maksy·t. — Son molč še·zēñ, kekšč še ta·rkañti. Liftāšt gulka·tñā, koda· še ba·baś jofta·ś; i kyda kāvī·xkijitñā liśt i tušt, a kāmga·ftuvyciś kadu·uś, šesta son sa·ji·nžā i kekšč·nžā ode·žanza. Te liśc vāctyñt, čara·ś, čara·ś, ode·žanza ara·št, i karma·ś šajri·mā: «Kī sajinžā odežam, maksy·ŋk; bīdī syřā čoralo·mañ, ulīza tññ tñiñiñks; bīdī syřā avalo·mañ, ulī·za tññ a·vñiñks; bīdī odtā·tñiř lo·mañ, ulī·za tññ sa·zyrnyks, a bīdī odcō·ra lo·mañ, ulī·za tññ mīrdiñks». Son liśc i maksy·nžā ode·-

дутъ летать. А двѣнадцатая, которая прежде пришла, та останется купаться послѣ всѣхъ. Какъ только она останется одна, ты тогда возьми ея одежду и спрячься съ нею. Она выйдетъ изъ воды и начнетъ искать. Поищеть поищеть, не найдетъ ее, тогда станетъ просить и упрашивать: «Кто взялъ ее, отдайте». Ты молчи. Она начнетъ говорить: «Если старый человѣкъ, пусть будетъ мнѣ тятенькой, а если старая женщина, пусть будетъ мнѣ маменькой, а если молодая дѣвушка, пусть будетъ мнѣ сестричкой, а если молодой человѣкъ, пусть будетъ мнѣ мужемъ». Ты тогда выйди и отдай (одежду)». — Онъ пошелъ туда, спрятался въ томъ мѣстѣ. Прилетѣли голубки, какъ та старуха говорила; и когда одиннадцать вышли и ушли, а двѣнадцатая осталась, тогда онъ взялъ и спряталъ одежду. Эта вышла изъ воды, вертѣлась, вертѣлась, одежды нѣтъ, и она начала кричать: «Кто взялъ мою одежду, отдайте ее; если старый человѣкъ, пусть будетъ мнѣ тятенькой; если старая женщина, пусть будетъ мнѣ маменькой; если молодая дѣвушка, пусть будетъ мнѣ сестричкой, а если молодой человѣкъ, пусть

žanža. «Nu, vot mähšt: fata·m išta·k ama·kcamam, a karmä· äsy·t nařga·ma. Nu, mon karma·n tät po·so·blama. Ton koda tezeñ go·dävit?» — «Išta, išta», jo·fneñža tänža. «E, ton uš šady·ća; väjk·syngämiñ väjksy·tñiñ prást uš koleja právat. Nej kodak pojavat, šady·ća va·čkydä ko·leja. Šeñ toñdät any·kstasy. Nu ada· moñ·däh. Mon ära·n baška täti·dñ¹⁾ ä·jsta, a syn väši väřca, fata·m, oda·vam i käviřkijä täřti·rist. Moñ marša ila·päl. Mon fata·dyn la·ma soda·n; moñ avam tona·fitymiñ». I täji·žä čora·nt ča·pkaks, a soñc gu·lkiñiks, i tušt lifta·ma. Liftašt kudyzy·nža. «Nu, vot mähšt, me·rä täřtiris. Nej šimt jarca·k dy matť ojmešek, a va·ndyj molat täta·niñ. Zdoro·u, meřt, deda·j, učy·t li ä·jsyn? Vot mon syn. Son šimdatanzat, anta·nzat i jořta· tät ro·böta. Ton i meřt: pa·ra. Valčkiš čokšnedeñt právij. Sak valčki·vanu·ma, tuji·li meře·zét.— A nej udy·k». Mac čora·š, va·lčki ščas i tuš dedansty. Sua·š, še aščä. «Zdoro·u, deda·j, učyt li ä·jsyn?» — «Koda·

1) t'at'id'in.

будеть мнѣ мужемъ». Онъ вышелъ и отдалъ ея одежду. «Ну, вотъ что: отецъ такъ не отдастъ, а начнетъ надъ тобой надругаться. Но я буду помогать тебѣ. Ты какъ сюда попалъ?» — «Такъ и такъ», рассказалъ онъ ей. «Э, ты ужъ сотый; головы девяносто девяти уже на остріяхъ кольевъ. Теперь, какъ только ты покажешься, онъ вобьетъ сотый колъ. Онъ приготовить его для тебя. Ну, иди ко мнѣ. Я живу отдѣльно отъ отцовскаго дома, а они всѣ вмѣстѣ, отецъ мой, мачеха и одиннадцать дочерей. Со мной не бойся. Я знаю больше отца; меня научила мать». И сдѣлала мальчика галкой, а самое себя голубкой, и пошли летѣть. Прилетѣли въ ея домъ. «Ну, вотъ что, говоритъ дѣвушка. Теперь пей, ѣшь и ложись отдохни, а завтра пойдешь къ отцу. Скажи: здорово, дѣдушка, ждалъ ли ты меня? вотъ я пришелъ. Онъ напоитъ тебя, накормитъ и укажетъ тебѣ работу. Ты и скажи: хорошо. Утро вечера мудренѣе. Приходи утромъ посмотреть понравится ли.— А теперь усни». Легъ мальчикъ, утромъ всталъ и пошелъ къ дѣду. Вошелъ, тотъ сидитъ. «Здорово, дѣдушка, ждалъ ли ты

uču·ms, davno· učy·n». — «Vot mon syn. Mäst jofta·t?» — «Mäst nej jo·ftan? Oza·k ojmešek, dy šimt jarca·k, a mä·jlä tävnä ja·k mo·žna jofta·ms». Son šimš, jarca·š, ojma·š täjš, mä·jli štaš. Aťas i meřä: «Vot mäst, čora·m; nesa·k o·na še lejeñt?» — «Ñesa·l» — «Nu, vot čora·m. Valčki·s täxt trokska·nza säd. Taji·vä?» — «Mäks atä·jivä? Valčkiš čokšne·deñt právi·j. Valčki sak vanu·ma, tuji li melezèt». Liš i tuš vicyt névesta·ncty. Kua· mo·lā ra·ŋgä. Še va·styžä i me·řä: «Mäks išta· ra·ŋgat?» — «Koda ža tñ arangums?» O·na še lejeñt troks meřc valčkis tä·jimidä säd». — «Eka di·vaš; ton matť da udy·k va·lčkis, a valčki·š čokšne·deñt právi·j. Te mac mäjli uš u·duma. Zora· la·ŋksa a·ñcik mati·diš, täxti·riš štaftyžä i meřä: «Na vany tä·t molò·tka i äsk i aza· še ta·rkañti. Jaka·k i stuka·k by·ta odde·lat, a kyda· son mala·u sa·my ka·rñä, ton saji·k vany te ä·skyñt i čaft äjsynza byta oddela·t. Son sy i meřä: «e·ka vadřa·», a ton i

меня?»—«Какъ не ждать? давно ждалъ».—«Вотъ, я пришелъ. Что скажешь?» — «Что я теперь скажу? Садись отдохни, да пей ѣшь, а потомъ можно сказать и дѣльце». Онъ попилъ поѣлъ, отдохнулъ немного, потомъ всталъ. Старикъ и говорить: «Вотъ что, сынъ мой; видишь ты вонъ ту рѣку?» — «Вижу!» — «Ну, вотъ, сынъ мой. До утра сдѣлай черезъ нее мостъ. Можно его сдѣлать?» — «Отчего не сдѣлать. Утромъ приходи посмотрѣть, понравится ли тебѣ». Вышелъ и пошелъ прямо къ своей невѣстѣ. Пока идетъ, рыдаетъ. Та встрѣтила его и говорить: «Что ты такъ рыдаешь?» — «Какъ же мнѣ не рыдать? Велѣлъ онъ мнѣ построить мостъ вонъ черезъ ту рѣку до утра». — «Эко диво; ты лягъ и засни до утра, а утро вечера мудренѣе». Этотъ легъ потомъ ужъ спать. Только онъ заснулъ на зарѣ, дѣвушка разбудила его и говорить: «На, вотъ тебѣ молотокъ и гвоздей и ступай на то мѣсто. Ходи и стучи, будто отдѣлываешь а когда онъ станетъ близко подходить, ты возьми вотъ этотъ гвоздь и ударяй въ него, будто отдѣлываешь. Онъ придетъ и скажетъ: «эко хорошо», а ты и скажи ему: «не хвали во время работы, по-

meřt tǎnza: «ila·k kšna tǎji·msta, uža· oddē·lasa, dy koda· mońc kšnasa·, a šesta ton kšnyk āli šaldy·k». Sǎdĩnt laŋks ila·k nolda·; meřt: «ašči·k vǎpe·lǎ, ila· meša rob·tńek lomańńiń. Žardy tǎjsa·, mon mońc tǎřta·n». Āsky·ńt čavik, ara·k sǎdĩnt laŋks i stuka·tt pĩlksyt i kunda·k ba·lasas. Še·sta meřt: nu, ada·. Son sy i karńi vannu·ma. Va·nnysy i meřǎ: vadřa·, ada· nej mĩndǎńik; mon ěesa·, ton prǎvi·jat; azdasa kiń brǎusa; a ton i meřt: mońceń gak a koŋ tǎjńims. Še·sty aži· mary·nza. Šesty son ojma·ftanzat i eščo· rob·ta tǎt maksǎ. Mǎšt ěefńǎ, vanny·k; mǎšt jo·fńǎ, ku·lcynyk». Molc afǎńt marťa kudyzy·nza. Atǎš kava·ńizǎ i me·řǎ: «vot mǎšt, čora·m, ada·ka vannyk paryčy·m: kodama kudy·m, kodama kar·da·zym, kodama sady·m». Větńe·ś větńe·ś ājsy·nza, věte·žǎ vǎ ta·r·kas, ašči ša·dy ko·leja; koleja·tńiń prǎ·sa lo·mań prǎt, ańcik vǎ·χkiń laŋksa a·raš. Son i me·řǎ: «nu, vot mǎšt, čora·m, ěet vany vǎši toń go·ńdatt ulńi·št; nu, kšiń dobovama āšt mašt, a mon už syřa·n, āsyn

годи отдѣлаю, да когда я самъ похваляю, то тогда ты хвали или хай». На мость его не пускай, скажи: «стой въ сторонѣ, не мѣшай человѣку-работнику; когда сдѣлаю, я самъ тебя позову». Вбей гвоздь, стань на мосту и стукни ногами и ухватись за перила. Тогда скажи: ну, иди. Онъ и начнетъ смотрѣть. Осмотрить и скажетъ: хорошо, ступай теперь къ намъ, вижу, ты умный; не знаю, чѣмъ умою; а ты и скажи: и своего некуда дѣвать. Тогда ступай съ нимъ. Тогда онъ дастъ тебѣ отдохнуть и дастъ тебѣ еще работу. Что покажетъ, на то смотри; что расскажетъ, то слушай». Пошелъ со старикомъ въ его домъ. Старикъ угостилъ его и говоритъ: «Вотъ что, сынъ мой, ступай-ка осмотри мое богатство: какой домъ мой, какой мой дворъ, какой мой садъ». Водилъ водилъ его, привелъ на одно мѣсто, стоитъ сто кольевъ; на верхушкахъ кольевъ человѣческія головы, только на одномъ нѣтъ. Онъ и говоритъ: «ну, вотъ что, сынъ мой, эти всѣ были подобны тебѣ; но хлѣба добыть не умѣли, а я ужъ старъ, своимъ хлѣбомъ кормить не люблю; я вижу, ты парень дошлый, и если

kšidä a.ndumañt a·ve·čksa; mon vanca·, ton čora·s do·šlyjat i bi·di kšidä andu·man karmat, mon ĺubo·voj tä·čtiriñ ma·ksca täť ko·za·jkaks, a bi·di aka·rmat, mon va·ndyj ža práť van' te kole·jañť práť pongafca. Nesak o·na še pandyñť?» — «Nesal!» — «Nu, vot va·lčkis v·iri·ñť k·ari·k, peñka·tñiñ targi·ť, a še ta·rkañť so·ke·k; v·ircty·ñť tä·čť me·lneća, a so·ka·fyñť v·idi·k toužerē·da. Valčkis nu·ji·k, ja·ža·ft počť i pañť práka·t. Še·sta mon maksca· täť tä·čtiriñ; a bi·di akā·nirat čyt práka·t pañi·ms, to práť k·ara·f ulä·». Čora·s tuš i me·la·ftä, kostä šna·rys tä·jivä. Moľč tä·čtiri·ñti. A tä·čti·riš i me·rä: «Xe! Te mášť? Ila· me·la·ft, teñ řajsy·nik. Vot vant, koda tä·viš tu·ja». Lišć, ja·čy·ć pa·ciñi·sa i šnary· liťtášť šajtatt prok rau·ža päľ i k·äuksti·ž: «māks tä·rdimiz?» — «Dy vot te pandyñť valčkis k·ariñk targiñk v·idiñk toužerē·da; tä·ji·da me·lneća i pečka; valčkis toužerēñť nu·ji·ñk, ja·žyñk i pañi·da práka·t». Syñ tušť i karmašť. A čora·s mać. Va·lčki šta·fťyžä ra·na tä·čtiriš i me·rä: «nu, a·ža· i ašćik

будешь кормить меня хлѣбомъ, я дамъ тебѣ въ хозяйки люблюю дочь, а если не будешь, я завтра же воткну твою голову на верхушку вонъ этого кола. Видишь вонъ ту гору?» — «Вижу!» — «Ну, вотъ до утра сруби лѣсъ, вырой пеньки, а то мѣсто вспаши; изъ лѣса сдѣлай мельницу, а пашню посѣй пшеницей. До утра сожни, смели муку и испеки пироги. Тогда я отдамъ тебѣ свою дочь, а если не успѣешь хотя бы испечь хлѣбы, то голова твоя будетъ срублена». Парень ушелъ и грустить, гдѣ столько сдѣлать. Пошелъ къ дѣвушкѣ. А дѣвушка и говорить: «Xe! Это что? Не печалься, мы это сдѣлаемъ. Вотъ, смотри, какъ пойдетъ дѣло». Вышла, махнула платкомъ и столько слетѣлось шайтановъ, словно черная туча, и спросили ее: «зачѣмъ ты насъ позвала?» — «Да вотъ на этой горѣ лѣсъ къ утру срубите, выкорчуйте, засѣйте пшеницей; постройте мельницу и печку; къ утру сожните пшеницу, смелите и испеките пироги.» Они ушли и начали (работать). А парень легъ. Утромъ разбудила его рано дѣвушка и говорить: «Ну, ступай и

pečka.ńt vaksca. Koda·k tãta·m samy ka·rmã, ton karma·k kšit-
 ñiń tarksi·mã. Son goda·k mo·lã, kšis kapydi·mã karmã. Ton
 kšit ila·k makst kapy·dĩms tãnza; tolkadĩk grutc i meřt: koŋ
 jaća·t, mon mońe ešco·ãzi·ń va·rčnã. Šińt ala·ma i varči·k tońe.
 Mãjlã meřt: nu, na, varča·k. Dy vo·t mãšt mon đãt pĩka·zan:
 son mĩni·k mãjlã tãjsa·mĩz vãši vã čamas; mon ulã·n vĩt krajsa.
 Koda kãŋkštanžat, meřã: konań sajsã·k koža·jkaks, ton byta van-
 nyk i meřt: mońđãń jala tekã, χyt van' te kra·jsyńt. Son že·sty i
 meřã: mońđãń jaly tekã; ańćik sodẽ·k ko·lmõkšt. Mãjlã tãjsa·mĩz
 u·tkińiks, vãši vã po·nasyt, i vant: kyda suvama poro·geń droks
 karma·tana, vã·ši kyřńã·ftumsta kyřńã·ftyt pa·řcťã, a mon prok
 pran, zopom tokafca ma·styruŋ i vant ko·zeń son ara·fcamam.
 Mãjlã kyda kãŋkšta·nžat, ton i meřt: va·ny te. Mãjlã tãjsa·mĩz
 gu·lkińiks; karma·tana lĩřta·ma; koda· ara·fńisamiž, karma·tana
 vanu·ma vãši šã·lĩmizyt i vant ton řřvã·χkiń šãlĩmiva. Mon doń

стань около печки. Какъ только отецъ станетъ подходить, ты
 начини вытаскивать хлѣбы. Какъ только онъ придетъ, онъ начнетъ
 браться за хлѣбъ. Ты не давай ему брать хлѣба; толкни его въ
 грудь и скажи: куда лѣзешь, я самъ еще не пробовалъ. Отломи
 немного и попробуй самъ. Потомъ скажи: ну, на попробуй. Да
 вотъ что я тебѣ прикажу: онъ послѣ того сдѣлаетъ насъ всѣхъ
 на одно лицо; я буду на правомъ краю. Когда онъ тебя спроситъ,
 скажетъ: какую возьмешь въ жены, ты будто осмотри и скажи: мнѣ
 все равно, хоть вотъ ту находящуюся на этомъ краю. Онъ тогда
 и скажетъ: мнѣ все равно; только узнай три раза. Потомъ онъ
 сдѣлаетъ насъ утками, всѣхъ одинаковаго вида; и смотри: когда мы
 начнемъ переходить черезъ порогъ, всѣ подпрыгивая будутъ пры-
 гать хорошо, а я словно упаду, зобомъ коснусь пола, и смотри,
 куда онъ меня поставитъ. Потомъ когда спроситъ тебя, ты и скажи:
 вонъ эта. Потомъ онъ сдѣлаетъ насъ голубками; мы начнемъ ле-
 тать; когда онъ насъ разставитъ, мы всѣ начнемъ смотрѣть въ
 твои глаза и ты осмотри каждую по глазамъ. Я глазомъ, который

pelcä šalñim li·patca. Ton žesty i mērt: va·ny te. Mājla tajsamiz pi·šmarynyks: ara·fnisamiz vant pi·lgiva, mon pilgisurym kă·pitca. Ton mērt: vany te. Mājla son i·ma·ksca mam». Moľc pecka·ñt vaksc. Ara·ś, sajižä kočerğa·nynza i aščä. Vancy·j, atä·ś äl zy, son i karma·ś kapša·ma tarksi·mä. Atäs koda k saś, sedī ku·ryk kapy·diksyľ kšis. Son koda·k groxa·dizä grute i mērä: «Koñ jaća·t? Nesak, mon eščo·robò·tan, a ton uš kapša·t jarca·ma. Mon moñc eščo äzi·ñ varčnä, a ton uš jaća·t». Šinč ala·ma, kaja·ś kurgyzynza i mērc: «nu, na varčak, tuji li mēlezet täjiuksym·pañiuksym». Atäs i mērä: «právī·jat, právī·jat, ne znaj ğin právš' ančik. «Nu, ađa nej, kočka·k äštät néve·sta. Valym mon apo·lafca. Kona·mé·lezet tu·jä, šeñ i saji·k». Koda täxťiriś jof·ne·ś, išta atäs i täjš. Son sodē·žä ko·lmokšt. Atäs maksy·žä täxťiri·nza, a oda·vanť šalñi·za praś čorañť lañks, mäkš son sonza täxťir äž saj, i duma·ś son juma·ftymyst. Ode·rvaś srazu faťä·ś i

находится на твоей сторонѣ, моргну. Ты тогда и скажи: вонъ эта. Потомъ онъ сдѣлаеть насъ скворцами: онъ поставитъ насъ, ты смотри на ноги, я подниму палецъ на ногѣ. Ты скажи: вотъ эта. Потомъ онъ и отдастъ меня». Онъ пошелъ къ печкѣ. Сталъ, схватилъ кочергу и стоитъ. Видитъ, старикъ подходитъ, онъ и сталъ поспѣшно вытаскивать. Какъ только старикъ пришелъ, то какъ можно скорѣе схватился было за хлѣбъ. Онъ какъ ударить его въ грудь и скажетъ: «куда лѣзешь? Видишь, я еще работаю, а ты ужъ спѣшишь ѣсть. Я самъ еще не пробовалъ, а ты ужъ лѣзешь». Отломилъ немного, положилъ въ ротъ и сказалъ: «ну, на пробуй, нравится ли мое издѣліе, мое печеніе». Старикъ и говоритъ: «ты умный, ты умный, не знаю только чымъ умомъ. Ну, ступай теперь, выбери себѣ невѣсту. Я слова своего не измѣню. Которая тебѣ понравится, ту и возьми». Какъ говорила дѣвушка, такъ старикъ и сдѣлалъ. Онъ узналъ три раза. Старикъ отдалъ свою дочь, а мачеха позавидовала на парня, отчего онъ не взялъ ея дочери, и задумала она ихъ погубить. Молодушка сразу догадалась и гово-

meä mirdinetyj: «dava·j voige·ttana», i täjs ko·lma kšín su·vyrkskit i täji·üst kavy·nist ti·caks i tušt liffama. Liffa·št liftašt, a avas va·léki syrgy·śc i meäc tä·χtirinetyj: «aži štafty·t». Tä·χtiris močc känkšint vakse i šärği·ć: «štada·». Văχki su·vyrkskiś i meä: «štini·k». Učyšt učyšt, arašt. Kučc ombó·čä. Mäks ašta·tada?» — «Šlata·na». Učy·št, učy·št; taga· arašt. Kučc kija· «Mäks ali·štada?» — «Orča·tana». Učyšt, učyšt, ara·št. Avas fa·tä·ś. Kodak kä·ηkšint gro·χadizä, vany kija·k ara·ś i mäjija·k äšt katt. Kučy·ňžä täχtiringa sasa·myst. Net lifti·t, sasy·t. Ode·řvas i me·řä: «kulcynyka; ved šum koda·ma biďä». Čora·ś meä: «mäjija·k amara·n». Avas praś moda·nt laηks i meäc: «Äl zyť sa·zy·ryn. Mon täjda·n pastuχyks, a močc ula·n řeve·neks. Kyda karmit kăkšni·mä ä·syt, ton meřt täst: «mon kolėngämi·n kolma gott vana·n te ře·ve·ne·nt äjsa. Tyndedenk baška kingak äžin·neks». Čara·št täjšť i veľa·fēt mäkij, a net täji·üst taga i tušt liffama. I

рить своему мужу: «давай бѣжимъ», и сдѣлала три хлѣбныя катушечки, и сдѣлались они оба птицами и пошли летѣть. Летѣли, летѣли, а мать утромъ проснулась и говорить своей дочери: «ступай разбуди ихъ». Дѣвушка подошла къ двери и крикнула: «вставайте». Одна катушечка и говорить: «мы встали». Ждали, ждали, нѣтъ ихъ. Послала другую: «Отчего вы не встаете!» — «Мы моемся». Ждали, ждали, опять ихъ нѣтъ. Послала другую: «Отчего вы не выходите?» — «Одѣваемся». Ждали, ждали, нѣтъ ихъ. Мать догадалась. Какъ ударить въ дверь, видитъ—никого нѣтъ, и ничего они не оставили. Она послала дочерей догонять ихъ. Эти летятъ, догоняютъ. Молодушка и говорить: «послушай-ка; вѣдь какой-то будто шумъ». Парень говорить: «я ничего не слышу». Женщина припала къ землѣ и сказала: «Приближаются мои сестры. Я сдѣлаю тебя пастухомъ, а сама я буду овечкой». Когда стануть тебя спрашивать, ты скажи имъ: «я тридцать три года пасу эту овечку. Кромѣ васъ я никого не видѣлъ». Повертѣлись и вернулись назадъ, а эти сдѣлались опять (птицами) и полетѣли. И прилетѣли

liffašt kuduŋ tātancyj i karmašt ära·ma išta šupa·usta dy parčtä,
a jo·ftavi jak. Mon kečest ulñi·ń, mä·ttä bra·gada šimi·ń, turvam
laŋga čudišt, a kurgy·zyn äšt petnä ja·k.

Joŋks.

Ärä·št a·ščišt ata·t ba·bat. Atä·ń ba·bañ ulñi·št kolma éo·
ra·nza. Kaftytnä práviŋt, kolmo·čes dura·k, ľämi·za Eme·ľä.
Ärä·št ärä·št, ava·ś kuly·ś. Ä·rás a·ščiś tātä·ś kak, kuly·ś. Äri·t
tři bra·ta: po·kšnä kavyni·st urva·kstuft, a viški·niś apa·k. Du·
ra·kñiñ kij mo·ľä? Išta·k i ä·rä, päŋk kä·rcä, väd' ka·ndä, koŋ
ku·čyž, toŋ mo·ľä. Vášť urä·žyza kuči·žä väc. Vädī·ś ulñi·ś ľis·
ma·sa. A ru·daz u·ľniś po·raś. Kuči·ž väc. Son i moľc ľisma·ńti,
karma·ś amy·ľdama, vancy· ľisma·syñt kal. Son še ka·lyñt ku·n·
dyžä, ta·rgižä. Še ka·lys i ko·řtä tä·nza loma·ńks: «Eme·ľä, nol·

въ домъ къ отцу его и стали жить такъ богато и хорошо, что и
не расскажешь. Я былъ у нихъ, пилъ меду и браги, по губамъ
текло, а въ ротъ и не капнуло.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. У старика и старухи было
три сына. Двое умные, третій дуракъ, по имени Емеля. Жили,
жили, старуха померла. Жилъ пожилъ и старикъ, померъ. Жи·
вуть три брата; старшіе оба женатые, а младшій нѣтъ. Кто пой·
детъ за дурака? Такъ и живетъ, рубить дрова, носить воду, куда
пошлютъ, туда идетъ. Однажды невѣстка послала его за водой.
Вода была въ родникѣ. А была грязная пора. Послали его за во·
дой. Онъ и пошелъ къ роднику, началъ черпать, видитъ въ род·
никѣ рыба. Онъ поймалъ эту рыбу, выгацилъ. Эта рыба и го·
ворить ему по·человѣчи: «Емеля, пусти меня назадъ въ воду. Я

da·mak moñ mā·kij vā·dīnti. Mon moñc tāt pary tā·jan». — «A mā·zi ton moñdā·ñ tā·jat?» — «Mā·zi χočeš, šeñ i tā·jan. Anćik meřt: pa ščuċjemu velenju, a moñ pro·žbasa, vot se tā·viś tāji·viza, i tāvi·ś χyt ko·damys soñc tāji·vā». Eme·la šaji·žā noldē·žā še ka·lynt i me·rā: «pa ščuċjemu velenju, a moñ pro·žbasa vedra·t a·žida kudu·ŋ». Vedra·tnā kāpi·ct i tušt. Mele·zēnga pa·ra, a uřvatnā ta·ndaćt i kāŋksni·t āsynza: «Koda· išta vedra·tnā syñc sašt?» — «Mon ja·ly išta ka·rman». Kuči·ž songa· pāŋgi·ñ kā·ra·ma. A son liśc i me·rā: «pa ščuċjemu velenju, a moñ pro·žbasa pāŋk tyñc kārci·vida i tyñc vačka·vyda». Kučsy·ž kuduŋ sua·f·niñā. Son kā·ŋksint pa·nēcý i me·rā: «pāŋk, tyñc suva·da». I syñ suvi·t. I syñc pečkas vačka·vit. Eme·lāñ tāvi·za pa·ra. Aščā peč·kala·ŋksa, anćik ja·rcā da u·dā. Vādi·za so·ñc sy, pāŋgi·nga syñc kārci·vit i ku·c suvit i pečka·s vačka·vit. A son a·ñćik udā·i udā·. Kučy·t āsy·nga viri·j pāŋks. Son liśc karda·zuŋ, oza·ś nure i me-

сама сдѣлаю тебѣ добро». — «А что ты мнѣ сдѣлаешь?» — «Что хочешь, то и сдѣлаю. Скажи только: по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, пусть сдѣлается то дѣло, и дѣло, хоть какое оно ни будь, сдѣлается само собою». Емеля взялъ, выпустилъ ту рыбу и говорить: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, ступайте, ведра, домой». Ведра поднялись и пошли. Ему пріятно, а невѣстка испугались и спрашиваютъ его: «какъ такъ ведра сами пришли?» — «Я всегда такъ буду дѣлать». Послали его рубить дрова. А онъ вышелъ и говорить: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, дрова сами вы разрубитесь и сами сложитесь». Поплютъ Емелю внести дровъ въ домъ. Онъ отворить дверь и скажетъ: «дрова, сами вы входите». И они войдутъ. И сами они складываются въ печь. Емелѣ дѣло его пріятно. Сидитъ на печкѣ, только ѣсть да спать. Его вода сама приходитъ, его дрова сами рубятся и входятъ въ домъ и складываются въ печку. А онъ только спать и спать. Посылаютъ его въ лѣсъ за дровами. Онъ вышелъ на дворъ, сѣлъ въ сани и говорить: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, вы, сани, пой-

řä: pa ščučjemu véleñju, a moñ pro·žbasa, nurť moľe·da ty·ńé vírij», i nurtnä· tíca·ks tušť ví·rij, pro·sta lířta·ž lířti·ť. Saś ví·řij i mērä: «pa š. v., a moñ pro·žbasa, víř tońé kārā·ft i tońé vačka·ft i tońé šulmařt». I vačka·ųś i šulma·ųś iřta·myřka voz, a jo·ftavä jak pokř. Oza·ś son vo·zeń prá·s i mērc: «pa š. v. a moñ pro·žbasa, nurť murda·da mǎ·kij kudu·ų». I nurtnä· šře·la·ks tušť lířta·ma. Eme·la iřta· karma·ś jakśi·mǎ vířga· i ba·za·rga. Lala·nga kuca ara·řilt, vápe·lǎ ro·botařt. Son vářt syl ví·řeta. Naro·d ulñi·ś la·ma u·lčasa i řotili kunda·mynza. Son řařt až ģi·rdiņ i tapa·ś žary·ja naro·d. Šesta· marā·s āsty·nga iña·zyr. I kučť mǎlga·nga. Sařt mǎlga·nga. A son aščā pečkala·ņksa, u·dā. Karma·řt āsy·nga řtařtu·ma. Son a řti·. Uřā·žynza kāņkśni·ť lo·ma·řniñ ā·sa: «koņ řārcyņk, mǎ·ks řtařcyņk?» — «Iña·zyr, keľi, řā·rdižā; a·ť, žary naro·d tapa·ś, vanu·manza řočet, mǎ·jiñ iřta·ma lomañ a·lařařtu·ma ja·kā». Eme·la i mēřā řařt: «aži·da, mon san».

дите сами въ лѣсъ», и сани какъ птица ушли въ лѣсъ, просто летя летятъ. Пришелъ онъ въ лѣсъ и говорить: «по щ. в., а по моей просьбѣ, лѣсъ, ты самъ нарубись, и ты самъ сложиись, и ты самъ свяжись». И сложился и связался такой возъ, нельзя сказать какой большой. Онъ сѣлъ на верхъ воза и сказалъ: «по щ. в., а по моей просьбѣ, вы, сани, вернитесь назадъ домой». И сани какъ стрѣла пошли летать. Емеля сталъ такимъ образомъ разъѣзжать по лѣсу и базару. Братьевъ его не было дома; они работали на сторонѣ. Однажды онъ возвращался изъ лѣса. Народу было много на улицѣ, и его хотѣли поймать. Они не могли его удержать, и онъ потопталъ много народу. Тогда услышалъ о немъ царь. И послали за нимъ. Пришли за нимъ. А онъ лежитъ на печкѣ и спитъ. Стали будить его. А онъ не встаетъ. Невѣстки его спрашиваютъ у людей: «куда вы его зовете, для чего будите?» — «Царь, говорятъ, позвалъ его; вотъ сколько народу онъ потопталъ, хочеть посмотреть его, что за такой человѣкъ, (который) ѣздитъ безъ лошади». Емеля и говорить имъ: «ступайте, я приду». Тѣ вышли и ушли.

Net lišét i tušt. A so·n ašci i udä. pečkala·ŋksa. Urä·žynza kar·ma·št tänza eña·lkšnuma: «ažä·, Eme·la, ata čumy·s porŋat; mi·nik gak čumynca·miž to·n ġis, mäks toñ miñ kirdi·diž. Ton toñc me·řet, šty mola·t». — «Mon ġäni·řan!» Do·nez uräžy·nza. Son i me·řa: «p. š. v., a moñ pro·žbasa, pe·čka kandu·mak iña·žyryñt i·kilij, victa kudyzy·nza». Pe·čkaš syrga·ś i tuś burka·laks kifta·ma i lotka·ś vi·cta iña·žyryñt i·kilij. Iña·žyrys še ška·nä ulñi·ś täχti·rinza ma·řta. Eme·la ġeje·žä täχti·ři·nza i pek uš me·le·zenza tuś. I ko·řtä sala·va: «pa š. v., a moñ pro·žbasa, te täχti·řiś uli·za moñ koža·jkam». Iña·žyrys karma·ś Eme·řan kăŋksni·mınza, koda· son išta· jakä· řiri·j alašaftu·ma nu·rca, řäŋgi·nza syñc kă·řivit, vědra·nza sy·ñc jaki·t. Saś soñdä·nza pečkala·ŋksa, a son i kořtä· tänza: «ton avy·I señ kă·ŋksnik, koda mo·n jaka·n, a maksy·k moñdä·ñ täχti·řit koža·jkaks». Iña·žyrys pek keže·jafc langzy·nza i karma·ś soŋno·mönza, a iña·žyryñ täχti·řiś i me·řa: «tätä·j, ila·k soŋna, mo·n mola·n tänza koža·jkaks; a bidä ama·-

А онъ лежитъ и спитъ на печкѣ. Невѣстки начали просить его: «ступай, Емеля, а то попадешь въ вину; и насъ обвинять за тебя, зачѣмъ мы тебя удержали. Ты самъ сказалъ, что пойдешь». — «Я успѣю». Одолѣли его невѣстки. Онъ и говорить: «по щ. в., а по моей просьбѣ, ты, печка, принеси меня передъ царя, прямо въ его домъ». Печка поднялась и пошла летѣть какъ... и остано-вилась прямо передъ царемъ. Царь въ это время былъ со своей дочерью. Емеля увидѣлъ его дочь, и очень она ужъ ему понравилась. И говорить потихоньку: «по щ. в., а по моей просьбѣ, да будетъ эта дѣвушка моей женой». Царь сталъ спрашивать у Емели, какъ онъ такъ ѣздитъ въ лѣсъ на саняхъ безъ лошади, какъ дрова сами рубятся, ведра сами ходятъ, какъ онъ пришелъ къ нему на печкѣ. А онъ и говорить ему: «ты не спрашивай о томъ, какъ я ѣзжу, а дай мнѣ твою дочь въ жены». Царь очень разсердился на него и началъ его бранить, а царская дочь и говорить: «батьюшка, не брани его, я пойду къ нему

kscamak, mon prám poua·sa». Ina·zyrys karma·ś tā·χtíriñt ä·sa korta·ma; tā·χti·riś tānza až la·daṇ. Saśt kežē·nza, sa·jižā Eme·lāñ tā·χtíriñt ma·rta, puty·ňžā bo·ckas, pekstē·ňžā tozē·ń, smola·ftyžā bocka·ñt i nolda·ftyňžā mo·ras, i juma·št be·ž vísti ina·zyryñ tā·χtíriś Eme·la ma·rta ina·zyryñt i·kildā. I dumī· ina·zyrys, śnarc syñ kuly·št. No syñ āst ku·la. Eme·la tosa udā· i udā·. Nu, ina·zyryñt tā·χtíri·ñti tājiñs tosa du·šna bo·ckasyñt. Karma·ś Eme·lāñ štaftu·ma; kojka·k syrgy·śc i sa·lava méra: «p. š. v., a moñ pro·žbasa; bo·cka lišt o·stroys pa·ra ta·rkiñis še·dā, i šežeft tozē·j». Bocka·ś liśc o·stroys i šeže·ñs. Syñ liśct bocka·styñt. Ina·zyryñ tā·χti·riś vanā· kosēja·k māžija·k ara·ś, a·ń·čik vír i vír. I méla·ftā, koda· nej karñi·t tesa āra·ma i māždā·karñi·t jarca·ma. A·vařdā i vanā· Eme·la lanks. A Eme·la še škañā salava i ko·řtā: «p. š. v., a moñ pro·žbasa, tāji·viza teze·ń ku·da i·štama, koda·ma kosēja·k ara·ś, i uli·st te·sa išta·tt slu-

въ жены; а если ты не отдашь меня, я себя повѣшу». Царь началъ уговаривать дочь; дѣвушка не поддалась ему подѣ ладѣ. Онъ разсердился, схватилъ Емелю вмѣстѣ съ дочерью, положилъ ихъ въ бочку, заперъ туда, осмолилъ бочку и пустилъ ихъ въ море, и исчезли безъ вѣсти съ глазъ царя Емеля вмѣстѣ съ царской дочерью. И думаетъ царь: теперь ужъ они померли. Но они не умерли. Емеля спитъ тамъ и спитъ. Ну, царской дочкѣ сдѣлалось тамъ душно въ бочкѣ. Начала будить Емелю, кое-какъ онъ проснулся и потихоньку говорить: «по щ. в., а по моей просьбѣ, ты, бочка, выйди на островъ, на самое лучшее мѣсто, и тамъ лопни». Бочка вышла на островъ и лопнула. Они вышли изъ бочки. Царская дочь видитъ, что нигдѣ ничего нѣтъ, только лѣсъ и лѣсъ. И груститъ о томъ, какъ они будутъ тамъ жить и что будутъ ѣсть. Плачетъ и смотритъ на Емелю. А Емеля въ это время потихоньку и говорить: «по щ. в., а по моей просьбѣ, пусть сдѣлается здѣсь такой домъ, какого нигдѣ нѣтъ, и пусть будутъ тамъ такіе слуги,

ga·t, koda·tt iña·zyryńt kak ara·št». Vot iña·zyryń tǎχti·riś i kortǎ Eme·lañiń: «koda·nej, kořma·j, karma·tana āra·ma i ko·sa?» A Eme·la i kortǎ tǎ·nza: «vēla·fta mǎki·j i vanta·koda·myška ku·dynyk». Te vē·laťc. Pravdyj, išta·myška āščǎ ku·da, pačk ē·jǎ. I liścť tosta·mĩnińgu·nyń sluga·t i čora·t i tǎχti·řt i ava·t i vǎši šuky·ńakšnyt i eña·lkšnyt tǎ·st, suva·st kudy·ńti. Neť tuśť kudy·ńti, Eme·la iña·zyryń tǎχti·fińt ma·řta. A sluga·tñǎ mole·t kona·t iki·lǎ, kona·t uda·la, kona·t boka·va. Suwa·št ku·dyńti, a to·sa potmó·za išta·myška va·ďřa, a du·maťǎ a šo·rmađuvǎ jak, a·ńcĩk jo·ņksca jofta·vǎ; vǎši pačk zolóčeny, źerka·latñǎ kǎņkšyškat. Oza·št syn stolėkšc, i sluga·tñǎ karma·št kǎņkšni·mist, mǎ·ži tǎst āřǎ·vi šińi·ms jarcams. Eme·la vǎšč āštǎ·nza kapstaja·m da ġre·cǎń ka·ša dy pečka·sa ři·ďif ka·tfa. A iña·zyryń tǎχti·riś meťc: «dava·jti mońǎń mǎžĩņk ulǎ vǎši». I Vo·spodi! mǎžǎ· āšt ka·nt, ańcĩk na·rmyń lo·fca a·rašĩl. Šĩmśť jarca·št i meľe·zöst pa·ra

какихъ нѣтъ и у царя». Вотъ царская дочь и говорить Емелѣ: «какъ мы теперь, кормилецъ, станемъ жить и гдѣ?» А Емеля и говорить ей: «обернись-ка назадъ и посмотри-ка, каковъ у насъ домъ». Та обернулась. На самомъ дѣлѣ, стоитъ такой домъ, всё насквозь видно. И вышли оттуда разные слуги и юноши и дѣвушки и женщины, и всѣ кланяются и просятъ ихъ, чтобы они вошли въ домъ. Они вошли въ домъ, Емеля вмѣстѣ съ царской дочерью. А слуги идутъ, которые спереди, которые сзади, которые по бокамъ. Вошли въ домъ, а тамъ внутренность его такъ хороша, что не придумаешь и не опишешь, только въ сказкѣ можно разсказать; вся насквозь позолоченная, зеркала какъ двери. Сѣли они за столъ, и слуги начали ихъ спрашивать, что имъ надо пить и ѣсть. Емеля попросилъ себѣ капустныхъ щей да гречневой каши да картофелю, испеченнаго въ печкѣ. А царская дочь сказала: «давайте мнѣ всё, что у васъ есть». И Господи! чего они не принесли, не было только птичьего молока. Попили и поѣли и имъ (стало) пріятно, и легли отдыхать. Цар-

i mačt ojme·semä. Inä·zyryn tä·χtiris avy·I kuvat u·dys. Štas, tošna· tä·nza mařä·vä. A Eme·laza u·dä. Tošna·nza a ki·marťa ko·rtams. I karma·s son Eme·lanza šta·ftuma. Še a šti. «Mäšt štakšnan?» — «Štak, korta·tana!» — «Mäšt korta·tana? Kšy·t ulä, jarca·k šimt mäzdä χočeš, mäži tät ä·ravä väšt, maksy·t, a moñ udu·mam saš. Udumam jä·vä, šesta štan. A nej mäšt štakšnan». Äri·t či, äri·t ka·fta, äri·t syn i god. Eme·lañ jal' udu·maza aja·vä, a inä·zyryn dä·χti·ris či ju·taž tošna·za ja·la pri·ba·vä. Karma·s son Emela lañks peña·čama. Vot äri·t išta god i ka·fta. Inä·zyryn dä·χti·ris ja·la mela·ftä, a še ja·la u·dä. Väšt inä·zyryn dä·χtiris moľe Eme·lañin i karma·s a·vardiz tanza·eña·lduma: «Šta·k, Eme·la, ostatka·da eña·ldan tät. Täjik tävi·m kona·ñ mon peľde·t vašca·, a mäjlä· udy·k koda tät pa·ra; vä·št kak ašta·ftan». Te pränzy käpi·dizä i käñksnä: «Mä·ži tät?» «Mä·jin pro·žba, mäži tät ära·vi tä·jims?» — «Dy vot mäžä: täχt mořä·ñt troks säd». Te sa·lava i meřä·: «p. š. v., a moñ pro·ž-

ская дочь спала недолго. Встала, ей кажется скучно. А ея Емеля спить. Не съ кѣмъ разговорить свою тоску. И начала она будить своего Емелю. Тотъ не встаетъ. «Зачѣмъ я встану?» — «Встань, поговоримъ». — «О чемъ будемъ говорить? Хлѣбъ у тебя есть, ѣшь и пей чего хочешь, чего тебѣ нужно попроси, дадутъ, а мнѣ хочется спать. Пройдетъ сонъ, тогда встану. А теперь зачѣмъ встану?» Живутъ они день, живутъ два, живутъ они и годъ. У Емели все не проходить его сонъ, а у царской дочери съ каждымъ днемъ все прибавляется тоска. Начала она пенять на Емелю. Вотъ живутъ они такъ годъ и два. Царская дочь все груститъ, а тотъ все спить. Однажды царская дочь подошла къ Емелѣ и начала со слезами просить его: «Вставай, Емеля, въ послѣдній разъ прошу тебя. Сдѣлай дѣло, которое я попрошу у тебя, а затѣмъ спи какъ тебѣ угодно; ни разу тебя не разбужу». Этотъ поднялъ голову и спрашиваетъ: «Что тебѣ? Что за просьба, что надо сдѣлать тебѣ?» — «Да вотъ что: сдѣлай мость черезъ море». Этотъ потихоньку и говорить: «по щ. в.,

basa täji·víža morán tro·ks síjān sād' zolóče·nyj cép vá·ldā». I tä·jiñs morán tro·ks sí·jān sād'; zolóče·nyj cép vá·ldā nu·rgā. I tuš inā·zyryñ dā·ǵtīrīs sādga·ñt gulā·jama. A Eme·la štā·s i karma·s mālga·nza vannu·ma, ila·za pra kodaja·k vá·c. Vané vané mā·l·ganza; kuac a·ščiš. Inā·zyryñ dā·ǵtīrīs vėla·fc mā·kij. Eme·la vancy. — āl'zy. inazyryñ dā·ǵtīrīs, i son tuji·ksyl'madi·mā. Vancy. iki·linza lo·mañ i vanā·ví·cta āzynza. Te vāñfti·zā ke·denza, še·jak vāñfti·zā, te čara·ftyzā pranza, šeja·k čara·ftyzā. Te i du·mā: «mā·jiñ te loma·ñ, sluga·t išta·tt arašt ku·cynza, pek uš ama·zyj, práza po·ndakš, a suma·tnā prok so·nza. I poñks pana·rynza išta·tt, kařnza jak išta·tt», i vanā·žėrkala·vañt i dumā: «ā·ka, koda·myška ama·zyj te loma·ñiś, mon avyliñā ěek kak». Te škañā suva·s inazyryñ dā·ǵtī·fiś i dumā: «vanta·, koda·son sy·rgaś apak štaft», i kākšti·zā: «Koda·ton, kořma·j, štīt? Āl'a kija·k štafty·ñžit?» — «Mon mālga·t vany·ñ». — «Māšt va·nyt?»

а по моей просьбѣ, да сдѣлается серебряный мостъ на золоченой цѣпи черезъ море». И сдѣлался черезъ море серебряный мостъ; онъ виситъ на золоченой цѣпи. И пошла царская дочь гулять по мосту. А Емеля всталъ и началъ смотрѣть за ней, чтобы она не упала какъ-нибудь въ воду. Смотрѣлъ смотрѣлъ за ней; долго онъ стоялъ. Царская дочь вернулась назадъ. Емеля видитъ — подходит царская дочь и онъ пошелъ было лечь. Видитъ — передъ нимъ человѣкъ и смотритъ прямо на него. Этотъ протянулъ руку, и тотъ протянулъ. Этотъ повертѣлъ головой, и тотъ повертѣлъ. Этотъ и думаетъ: «что это за человѣкъ, слугъ такихъ нѣтъ въ его домѣ, очень ужъ онъ некрасивый, голова его лохматая, а зипунъ словно его. И штаны и рубашка такіе же, и лапти такіе же, и смотритъ въ зеркало и думаетъ: «эка, какой некрасивый этотъ человѣкъ, я бы и не смотрѣлъ на него». Въ это время вошла царская дочь и думаетъ: «смотри-ка, какъ онъ проснулся безъ того, чтобы его будили», и спросила его: «какъ ты, кормилецъ, всталъ? Или кто-нибудь тебя разбудилъ?» — «Я смотрѣлъ за то-

— «Pälin, vany·n avy·lit pra od sädiñt la·ŋksta». — «A nej mäšt tä·jnat? Mäšt žerkala·styñt va·nnat?» — «Vana·n, mä·jin še lo·ma·n to·sa. Pëk uš ama·zyj». — «Da še ton, toñcet čama·t tosta nesä·k». — «Neuže·li mon ištam' ama·zyjan?» — «Da, išta·mat». Še·sta son i mërć pëk: «p. š. v., a moñ pro·žbasa, uli·zan mon mazyj i prä·vij»; i täji·üş mazy·j, ajofta(v)u·maška mazy·j i prä·vi·j. I karma·št äfa·ma pa·fëtä. Äri·t ašči·t i vany·t, moräñt la·ŋks, jaki·t gula·jama. Vä ška·nä vany·t — sy kara·bla. Saš sä·diñt vakse, mole·ms tä·nga a ko·ŋ. Vot i dïvä·, kosta te sädi·s saji·üş i mërä sluga·ncty: «li·šta sä·diñt laŋks, a·žika be·rekoŋ i käŋkšta·tosta·, kodama inä·zyryñ te sädi·s» Sluga·s lišć sädiñt laŋks i tuš äzganza be·rekoŋ. Saš be·rekoŋ, a be·re·ksëñt aščä· išta·myska kuda·, vä·ši xrusta·lñy. Pa·čk nejä. Suwaš äjzy·nga i käŋkšnä: «koda·ma inä·zyryñ te kudy·s», a Eme·la i mërä tä·nga: «a ton kija·t loma·niš,

бой?» — «Чего ты смотрѣлъ?» — «Я боялся, смотрѣлъ, чтобы ты не упала съ новаго моста». — «А теперь что ты дѣлаешь? Что ты высматриваешь въ зеркалѣ?» — «Я смотрю, что это тамъ за человѣкъ. Ужъ очень некрасивый». — «Да это ты, ты видишь оттуда твое собственное лицо». — «Неужели я такъ некрасивъ?» — «Да, ты такой». Тогда онъ и сказалъ громко: «по щучьему велѣнiю, а по моей просьбѣ, пусть буду я красивый и умный», и сдѣлался красивый, несказанно красивый и умный. И стали жить хорошо. Живутъ поживаютъ и смотреть на море, ходять гулять. Однажды видятъ — подходит корабль. Подошелъ къ мосту, идти ему не куда. Вотъ и удивляется, откуда этотъ мостъ взялся, и говорить слугѣ своему: «выходи·ка на мостъ, ступай·ка на берегъ и спроси·ка тамъ, какого царя этотъ мостъ». Слуга вышелъ на мостъ и пошелъ по нему на берегъ. Пришелъ на берегъ, а на берегу находится такой большой домъ, весь хрустальный. Насквозь видно. Вошелъ въ него и спрашиваетъ: «какого царя этотъ домъ», а Емеля и говорить ему: «а ты кто такой за человѣкъ, откуда ты

kosta syť težè-ń?» — «Dy mon vot i-štamy ína-zryrń», karma-ś joffnemä sa-maj še ína-zryrńť ä-sa, kona-sonza bočka-s puty-žä. «Koř jaki-dä?» käřksńä-äsy-nza Eme-la. «Dy jaki-ńik váši carstvatńín vanu-ma. Pa-čkyďńík tej, vanta-na säď, a ju-tavat. Ína-zryrym kučy-mím tej käřksťimä, kiń de säďi-ś i štoby mĩni-k al-ganza nolda-řlĩmĩž». — «Mon ano-ldatadyž, a mĩert ína-zryrťi, kadyk tej zy». Ťe tuś mākij kara-blař i jofta-ś ína-zryrncy. Ína-zryrys řiś i tuś; molć Eme-lāńín, řukyńās řānza, zdoro-vakš-nyś ma-rynza. Ťe oza-ftyžä stole-kśc i karma-ś kava-ńamynza. Kava-ńižä pa-řćťä i karma-ś käřksńi-mĩnza: «kija-t, koř mola-t, koř jaki-t, māsť jaka-t, ulĩť li āďdi-t i žary āďdi-t». Vāši käřks-ńĩńžä. Son řānza jala o-tvěčä: «Jakiń mastyr-la-řga, mastyrńĩ vannu-ma, go-řa-n juma-fńĩmā». — «Da māji-ń la-řgyzyť go-řa? Ton ína-zryrť, vāšimā tarka-t u-lā». Ťe i mĩerä: «Vot koda-my go-řam. Ulĩi-ś vā-řķä řāřťi-řim». — «Nu štožy, ulĩi-ś?» — «I

пришелъ сюда?» — «Да я вотъ такого царя», началъ онъ разска-
зывать о томъ самомъ царѣ, который положилъ его въ бочку.
«Куда ѣздили?» спрашиваетъ его Емеля. «Да мы ѣздили осматри-
вать всѣ царства. Подошли мы сюда, видимъ мостъ, не перейдешь
его. Мой царь прислалъ меня сюда спросить, чей это мостъ и
чтобы насъ пустили (пройти) подъ нимъ». — «Я не пущу васъ, а
скажи твоему царю, чтобы онъ пришелъ сюда». Этотъ пошелъ
назадъ на корабль и сказалъ своему царю. Царь вышелъ и пошелъ;
пришелъ къ Емелѣ; поклонился ему, поздоровался съ нимъ. Этотъ
посадилъ его за столъ и началъ его угощать. Угостилъ хорошо и
началъ спрашивать его: «кто ты, куда идешь, куда ѣздилъ, за-
чѣмъ ѣздишь, есть ли у тебя дѣти и сколько у тебя дѣтей?» Обо
всемъ спросилъ его. Онъ ему все время отвѣчаетъ: «Я ходилъ по
свѣту, осматривать свѣтъ, погубить горе свое». — «Да что за
горе на тебя? Ты царь, у тебя все есть». Этотъ и говорить:
«Вотъ каково мое горе. У меня была одна дочь». — «Ну, что же
была». — «И вотъ у насъ тамъ нашелся такой дуракъ Емеля,

vot mīni·k tosa· mujiūs išta·ma dura·k Eme·la, karma·ś alašaf·tu·ma jaka·ma, karma·ś narodēn tapa·ma. Mon tārđi·nā so·nza āštān». — «Son nejga·k toñ ġeća ārā?» — «Ara·ś, kulcynyk! Son saś moñdā·n pečkala·ḡksa, i tāχti·rim karma·ś čija·mynza. Tāχti·rim karma·ś soñdānza mole·mā. Moñ keže·n sašt. Sa·jin dy kavyni·st bočka·s smola·ftyń i mo·ra·s no·ldaftyń». — «A avyl žaļt ulništ tāt?» — «Še ška·na toroχ avyl žaļt». — «A nej?» — «Nej pek žal tā·χti·rim. Vot kady·nā vāsi ca·rstvam i tuji·n svetka·nt go·ra·m strafni·mā». — «A Eme·lān nej vanu·ḡlik?» — «Mā·št vannan laḡzy·nza? Son tāχti·rim jumaftu·ftyzā». — «A tā·χtifit vanu·ḡlik?» — «Ko·sta va·ncak? Songa lovaža·nza jak šnarc kaļt sāviz». — «A ješli bā a·vyliž sāv? Ješli bā son tesa u·livil, vanu·ḡlik?» — «Ješčo by a·vylinā van. Vā·si paryčym maksu·ḡlinā da vanu·ḡlinā». — «Ila·k ma·ksnā. Mon dāt i·štak ġeća·». Te praś kole·nka la·ḡks i karma·ś eña·lduma. Te saji·zā

началъ ѣздить безъ лошадей, началъ топтать народъ. Я позвалъ его къ себѣ». — «Онъ и теперь живетъ у тебя?» — «Нѣтъ, слушай! Онъ пришелъ ко мнѣ на печкѣ, и сталъ сватать мою дочь. Дочь моя начала (собираться) идти за него. Я разсердился. Взялъ да засмолилъ обоихъ въ бочку и пустилъ въ море». — «А тебѣ не было ихъ жаль?» — «Въ то время совсѣмъ не было жаль». — «А теперь?» — «Теперь очень жаль мою дочь. Вотъ я бросилъ все царство мое и пошелъ по свѣту разсѣять мое горе». — «А Емелю ты бы хотѣлъ теперь увидѣть?» — «Что я буду смотрѣть на него? Онъ погубилъ мою дочь». — «А свою дочь ты бы хотѣлъ увидѣть?» — «Гдѣ ее увидишь? И косточки ея теперь уже поѣли рыбы». — «А если бы онъ ея не съѣлъ? Если бы она была здѣсь, ты бы хотѣлъ ее увидѣть?» — «Еще бы не хотѣть ее видѣть! Я отдалъ бы все имущество свое да увидалъ бы». — «Не отдавай. Я тебѣ даромъ покажу». Этотъ упалъ на колѣни и началъ упрашивать. Этотъ взялъ и показалъ ему его дочь. Онъ очень ужъ обрадовался. Отецъ и

i néfte·zá tǎnga táǵtíri·nga. Son pek us radu·vaš. Karma·št tá·
fa·t tá·ǵtíft ava·rdímä i päjdí·mä. Mǎjlä táfäs i käükstizä táǵ·
ti·rínt: «Koda ton težé·n godä·vit? A ko·sa še dura·kys?» — «Dy
mín teskta·na ka·vyńik». — «Dy ko·sa son?» — «Da te sama·j
son!» — «Ara·zdä te son?» — «Son». — «Ko·da son ísta· táji·ńs?»
— «Ísta· mašč». Še·sta ína·zyrys. karma·s prošče·ńijän vášimä
Éme·lǎń kecta. Mírä·št, má·jli gulä·jašt ki zda·sy žarc. Mǎjli
ína·zyrys tuš ku·duu, a syń karma·št te·sa ära·ma parctä. Karma·št
pa·ra ala·šan kírdímä i karma·št äsy·st vézde· arǵní·mä. Vá ška·
ná ardy·t ví·rga i ma·ra·syž vírcy·ńt loma·ńín va·lgij, prok kija·k
äsy·nga gra·bä ä·lǎ kinža· juma·ftyžä. Son lotka·s i kučy·zá
sluga·nga: «Azika· mujika·, mášt son pí·žná». Te tuš. Arǵńís,
arǵńí·s ví·rgańt, muš ka·fta lomatt i käüksná· ä·syst: «tyń má·jin
loma·ttada?» — «Dy mín, brat, plutä·jävínik. Uýt pary lo·mań,
lífti·míz poža·lyjsta kila·ńks. Néft táńik kozé·n líši·ms, koda· by
táńi·k vača akulu·ms». Son saji·ńžä i véte·ńžä azy·rynza vaksc.

дочь начали плакать и смѣяться. Потомъ отецъ и спросилъ дочь:
«Какъ ты сюда попала?. А гдѣ тотъ дуракъ?» — «Да мы здѣсь
оба». — «Да гдѣ онъ?» — «Да это самый онъ!» — «Развѣ это
онъ?» — «Онъ». — «Какъ онъ сдѣлался такимъ?» — «Онъ такъ
сумѣлъ». Тогда царь началъ просить прощенія у Емели. По·
мирился, потомъ погуляли, кто знаетъ сколько. Потомъ царь
отправился домой, а они начали здѣсь хорошо жить. Начали
держатъ хорошихъ лошадей и начали вездѣ на нихъ ѣздить.
Однажды скачутъ по лѣсу и слышали въ лѣсу человѣческій
голосъ, точно кто кого грабить или кто дорогу свою потерялъ.
Онъ остановился и послалъ своего слугу. «Ступай·ка поищи·ка,
чего онъ кричитъ». Этотъ пошелъ. Ёздилъ, ёздилъ по лѣсу,
нашелъ двухъ людей и спрашиваетъ ихъ: «вы что за люди?» —
«Да мы, братъ, заблудились. Будь добрымъ человѣкомъ, выведи
насъ пожалуйста на дорогу. Покажи намъ, куда выйти, какъ бы
намъ не помереть голодными». Онъ взялъ и повелъ ихъ къ своему

Azy-rys va-nä langy-zyst i sodë-ńžã ka-vyńist. I karma-ś äsy-st kãũkśñi-mã. «Tyń ko-steńtada? Mä-št tija jaka-tada?»— «Miń va-sy-ldyńtana. Miń jofta-syńik, mãšt tija jaka-tana i kit miń loma-tñã. Miń muži-ktana. Mi-ńik äjsta ulńi-št tři bra-ta. Tãta-nyk ava-nyk mińi-k ka-vyńik urva-kstyliž, a kolmôceś ulńi-ś šedĩ od i peleprãũ. Son išta-k kadu-ũś. I äřã-ś vã-ŗca ma-rynyk. Miń jaki-ńik vãpe-lej robôta-kšnuma, a son ärciś ava-tñã ma-řta vã-ŗca ku-ca. Vã ška-nã miń tuji-ńik robôta-kšnuma, a son kadu-ũś kuc. Pa-s so-dã, mãšt son tä-jńiś, buta víri-j alašaftu-ma nu-rcy jakśi-ś, da narod tapa-ś. Ińa-zyrys äštã-nza tä-rđižã šeńgi-s. A son by-ta peckalaŋksa toũ molć. Miń syńik kudu-ũ. Vanta-na, son ara-ś. Kãũkśñi-tana a-vatńiń ģe-cta: «kosa son?» Syń mere-t: «išta- išta-, so-nza ińa-zyr saji-žã». Mo-leńek toũ. Toũ äži-miž nolda, a merět täńi-k, bu-ta so-nza bocka-sa mořa-s noldë-ž. Voť miń i tuji-ńik vãšni-mingã. Merďa-na: žyusta ä-lã ku-lysta musy-ńik. Jaki-ńik, jaki-ńik, äž mu-jiũ. Mińć ka-k va-ča juma-kšnyńik ví-řc, paši-ba

хозяину. Хозяинъ смотритъ на нихъ и узналъ обоихъ. И началъ ихъ спрашивать. «Вы откуда? Зачѣмъ вы здѣсь ходите?»— «Мы издалека. Мы расскажемъ, зачѣмъ мы здѣсь ходимъ и кто мы такіе. Мы мужики. Насъ было три брата. Отецъ и мать поженили насъ обоихъ, а третій былъ помоложе и полоумный. Онъ остался холостымъ. И жилъ вмѣстѣ съ нами. Мы ходили работать на сторону, а онъ жилъ вмѣстѣ съ женщинами въ домѣ. Однажды мы пошли работать, а онъ остался дома. Богъ знаетъ, что онъ сдѣлалъ: ѣздилъ будто онъ въ лѣсъ на саяхъ безъ лошади и потопталъ народъ. Царь позвалъ его за это къ себѣ. А онъ будто пошелъ туда на печкѣ. Мы пришли домой. Видимъ, его нѣтъ. Спрашиваемъ у женщинъ: «гдѣ онъ?». Онѣ говорятъ: «такъ и такъ, его взялъ царь». Мы пошли туда. Туда насъ не пустили, а сказали намъ, будто его пустили въ бочкѣ въ море. Вотъ мы и пошли искать его. Говоримъ, найдемъ его живымъ или мертвымъ. Ходили, ходили, не нашли. И сами мы погибли было въ лѣсу голодными, спасибо вотъ этому доброму челоуѣку. Онъ

va·na te pa·ra loma·niñti. Son miñi·k muji·miz i listi·miz». — «A vanu·uliñk bra·tyñk?» — «Eššo by avy·liñik van! Čaj mo·da·sta targa·uliñik da vanu·uliñik». — «Tyk vot vany·da, te sa·maj mon bratyñk Eme·la». Neť akä·mit ä·synza: «Miñi·k braty·nyk avy·I išta·ma». — «Dy sa·maj mon». — «Avy!l!» — «Tyñk bra·tyñk pñimita·za ulñi·ś koda·myjak?» — «Ulñiś!» — «Ko·dama?» — «Kä·řč ke·cenza pazyñ dešks». Son sa·jizä, šta·ftyžä käřč ke·denza i neftežä pazyñ tekššent. Va·ncyž, pra·vdy son. Prašt iki·linga kole·nkala·ñksa i karma·št radu·važ iki·linga ran·gu·ma i ava·ř·dimä. Son saji·ñžä ä·štänza kaře·tas i murda·ś ma·ryst mäki·j ku·du·u i sra·dyšt i karma·št tosa·gulä·jama. Gulä·jäst pek, täř·ñi·št loma·tt. Mon ga·k to·sa ulñi·ñ, mäťtä vina·da šiñiñ, usyn la·nga čudi·št, nu kurgy·zyn äž pe·tnä jak. Syn karma·št ära·ma vä·čca. Ära·myst tuś va·dřasta. Son tä·st täjiřč od gu·da, — va·dřa ku·dyś, nu avy·I soñce·keñť koñda·ma, alamy·da šedi beřä·ñ. Äřä·št täjšt bra·tyñza i tošna·něť. Karma·št přast ä·jsa provoža·ftuma

насъ нашелъ и вывелъ». — «А хотѣли ли бы вы видѣть вашего брата?» — «Еще бы мы не хотѣли его видѣть! Чай, изъ земли бы вытащили да увидали». — «Такъ вотъ смотрите: я этотъ самый братъ вашъ Емеля». Тѣ не вѣрятъ ему: «Нашъ братъ не таковъ». — «Да я самый». — «Нѣтъ!» — «У брата вашего была ли какая примѣтина?» — «Была!» — «Какая?» — «На лѣвой рукѣ родинка». Онъ взялъ, открылъ лѣвую руку и показалъ родинку. Видяť, вправду онъ. Пали предъ нимъ на колѣни и начали радуясь вопить и плакать передъ нимъ. Онъ взялъ ихъ къ себѣ въ карету и вернулся съ ними назадъ домой, и отъ радости они начали тамъ гулять. Гуляли много, сзывали людей. И я тамъ былъ, меду и вина пилъ, по моимъ усамъ текло, но въ ротъ не капнуло. Они начали жить вмѣстѣ. Жизнь ихъ пошла хорошо. Онъ построилъ имъ новый домъ, — хорошій домъ, но не сходный съ собственнымъ, а немного похуже. Пожили его братья и соскучились. Начали собираться домой. Емеля и говорить: «Да куда вы

kudu·u. Eme·lā i mēā: «Dy kou kudu·u mōdā·da? Tēsk kak ku·dyŋk pēk vadra·, mā·zīŋk asa·tnā?» — «Ko·da māžinyk asa·tnā? Čaj zoda·sak, kuca·koža·jkanyk mēla·fcaŋiž. Mōdā·na soda·fcy·ŋik i jofta·tana tāst, šty ton žyva·t i āra·t pēk pa·rētā». — «Ara·da tēsk! Mon ano·ldatadyž». A soŋc sa·lava kučc koža·jkast mā·lga loma·tt. Nēt te·sa mēla·fyt, a nēsēz bošc baba·st. A baba·st ava·rdīt, mīrdī·st juma·št. Druk sašt tā·st lo·matť Eme·lān beldā i kortē·t: «Syrga·da, mīn mālga·ŋk syŋi·k». Nēt kākksnit: «Kou?» — «Adā·dy kou uksta·dyž». Nēt nēsē·ž, šty loma·tnā iŋa·zyryn beldā, karma·št lajšimā. Nu, syrga·ms syrga·št. Nēt saji·ž i tu·št mary·st. Mōlēt mōlēt kua·t li kury·k li. Kury·k jo·uksēs jofne·vā, da avy·l ku·ryk tāvi·s tāji·vā. Vāχki va·lčkista Eme·lān bra·tynga štāst i kortē·t: «Adā·, brat, toš·na·nyk χyt strafni·syŋik». Aŋcik lišc, vany·t sādga·ŋt kit bīdā syt. Karma·št učuma. Nēt sašt mala·u. Vany·t i sālmi·st tu·rtuχ akā·mit. Sašt synct kavyni·st baba·st. Syŋc syt, syŋc a·vārdīt.

пойдете домой? И здѣсь у васъ хорошій домъ, чего вамъ недостаетъ?» — «Какъ чего намъ недостаетъ? Чай, ты знаешь, дома тоскуютъ по насъ жены. Пойдемъ навѣстимъ ихъ и скажемъ имъ, что ты живъ и живешь очень хорошо». — «Живите здѣсь! Я васъ не пушу». А самъ онъ тайно послалъ людей за ихъ женами. Они здѣсь грустятъ, не увидятъ больше своихъ бабъ. А бабы ихъ плачутъ, — погибли ихъ мужья. Вдругъ приходятъ къ нимъ люди со стороны Емели и говорятъ: «Собирайтесь, мы пришли за вами». Эти спрашиваютъ: «Куда?» — «Ступайте, куда мы васъ повеземъ». Эти увидѣли, что тѣ люди отъ царя, и стали вопить. Но собратья собрались. Эти взяли ихъ, и пошли съ ними. Шли долго ли скоро ли. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Въ одно утро братья Емели встали и говорятъ: «Иди, братъ, хоть тоску нашу разсѣмъ». Только лишь вышли, видятъ по лѣсу кто-то идетъ. Начали ждать. Эти подошли ближе. Видятъ и не вѣрятъ своимъ глазамъ. Пришли обѣ ихъ жены. Сами идутъ, сами плачутъ. Повстрѣчали ихъ мужья, мужья обра-

Ka·rčuvastyž mirdi·st, mirčnā radu·vašt, a baba·st tanda·čt, dumi·t synet kak Eme·la la·ca vāši mirdīni·k bočka·sa mo·ra·s jo·vra·syž. Nu mirčnā karma·št lači·mist. «Māšt lajši·tada? Miñ tesa· karma·tana āra·ma. Bratynyk kak tesa ārā. Son tesa· ina·zyrks». I karma·št āra·ma vāχca. Ārašt ārašt, Eme·lān batka·za syri·č i tārđi·ftizā āštā·nga. I ara·ftyžā tarka·zynza. «Nu, čora·m, ārak moñ ta·rkasa, kiřt naro·dēnt ā·sa», a naro·dēnti pri·kaza·š: «Vot māšt, kulcy·nyda soda·mym āsa išta, koda moñ ā·sa kulcy·nydā». I so·čē mājļā· kury·ksta kuly·š, a Eme·la kadu·š tarka·zynza ina·zyrks, a braty·nga kadu·ušt āra·ma tosk i kiřdi·t ka·vuñist vā·χca še ma·styrynt ā·sa i vāši nej āri·t pek u·ca·ska·sta.

Jo ū ks.

Ārašt ašt ata·t baba·t. Ājdi·st kakšy·st ara·sil·t. Ata·š tuš soka·ma, baba·š karma·š čeukse·n la·znya, kāri·žā peļka·nga,

довались, а ихъ бабы испугались, думаютъ, что и ихъ, какъ Емелю, съ мужьями бросятъ всѣхъ въ бочкѣ въ море. Ну, мужья стали ихъ утѣшать. «Отчего вы вопите? Мы будемъ здѣсь жить. И нашъ братъ здѣсь живетъ. Онъ здѣсь царемъ». И начали жить вмѣстѣ. Жили жили, Емелинъ тестъ состарился и позвалъ его (Емелю) къ себѣ. И поставилъ его на свое мѣсто. «Ну, сынъ мой, живи на моемъ мѣстѣ, держи народъ»; а народу онъ приказалъ: «Вотъ что, слушайте моего зятя такъ, какъ вы слушали меня». И самъ онъ вскорѣ померъ, а Емеля остался царемъ на его мѣсто, а братья его остались жить тамъ, и вдвоемъ держать вмѣстѣ ту землю, и всѣ живутъ теперь очень счастливо.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. Дѣтей у нихъ не было. Старикъ пошелъ пахать, старуха начала колоть лучину, обрѣзала себѣ

pūty·žā pečurkas, karma·ś pačalksīn pīci·mā. Vā·χkā pačalksā
 pīdi·ś atā·nti, ombō·cā pīdi·ś baba·nti. Pelka·ś kortā· pečurka·sa:
 «a moñā·ń, ava·j, mājā· pīdā·t?» Baba·ś karma·ś vā·śnīmā: «Ki
 šājā· ava·j moñā·ń, uli·za moñ son čora·m». Tagy· karma·ś pa
 ča·lksīn pīcīmā, teñ atānti, a teñ baba·nti. Taga· pelka·ś šāf
 ġi·ć: «Ava·j, moñdā·ń mājā?» Potō·m baba·ś muji·žā kāra·f pel
 ka·nza. So·n pečurka·sa aščā· čō·rēneks. «Ava·j», mērc baba·nti:
 «vod mon ula·n tyŋk čora·ŋk. Vot nej moľa·n, pača·lksit kanda·n
 tātā·niñ soka·ma tarka·s». Baba·ś vačka·ś ši·šim pača·lksit, puć
 me·šekkes, kučy·žā kandy·ma atā·nti pača·lksīn so·kama ta·rkas.
 Kandyŋžā pača·lksitniñ atānti so·kama ta·rkas. Atā·ś i me·rc:
 «Ko·sta toñ Vērepa·zys moñdā·ń kučyŋžit?» — «Kuči·mim moñ
 ava·m, toñ koža·jkat: kāri·žā pokš pe·lkanza, puty·žā pečurkas,
 i mon taji·viñ čō·rēneks. Son i mērc moñdāñ: ažā, čoram, pača·lk
 sīn ga·ndyma toñā·t tātāniñ». Jutā· ki·javañt bo·jar. Čōrē·neš

большой палець, положила его въ печурку, начала печь блины.
 Одинъ блинъ испекла старику, другой испекла старухѣ. Палець
 говорить въ печуркѣ: — «а мнѣ, матушка, что испечешь?» Старуха
 стала искать: «Кто кричитъ мнѣ матушка, да будетъ онъ моимъ
 сыномъ». Опять начала печь блины — этотъ старику, а этотъ ста
 рухѣ. Опять палець крикнулъ: «Матушка, мнѣ что?» Потомъ ста
 руха нашла отрѣзанный свой палець. Онъ сидитъ въ печуркѣ
 какъ мальчикъ. «Матушка», говоритъ онъ въ печуркѣ: «вотъ я
 буду вашимъ сыномъ. Вотъ теперь я пойду, отнесу блины ба
 тюшкѣ на мѣсто пашни». Старуха наложила семь блиновъ, поло
 жила ихъ въ мѣшокъ, послала его отнести старику блины на
 мѣсто пашни. Принесъ онъ блины старику на мѣсто пашни. Ста
 рикъ и говорить: «Откуда тебя Всевышній ко мнѣ прислалъ?» —
 «Меня прислала мать моя, твоя жена: она обрѣзала свой большой
 палець, положила его въ печурку, и я сдѣлался мальчикомъ. Она
 и сказала мнѣ: ступай сынъ мой, отнеси блины тебѣ, моему ба
 тюшкѣ». По дорогѣ проходилъ баринъ. Мальчикъ сказалъ: «Я по

meŕé: «Boja-rynt mon dra-znińa; boja-rys nejemeń; moń mijimäk bojarynti». Atäs miji-zä boja-rynti. Boja-rys maksé nílā valkst jarma-k atänti. Atä-s maksyzä pe-lka čorėneńt bojary-nti. Boja-rys saji-zä jarma-k sundyky-zynza, pe-kstėžā čorė-neńt. Sundy-kisynt čorė-ńes ašči-s za-re tosta-mu-s buranńā. Sundykynt pele-zā i varavańt jarmaky-nza boja-rynt kajsi-ńžā i sońe liše vaŕa-vańt. Jarma-kynza boja-rynt purny-ńžā i taťanctyj kandy-ńžā čorė-ńes, i karma-št äŕa-ma i ašči-mā, i nejga-k äŕi-t i äŕci-t i äŕi-t i ašči-t.

Записано отъ крестьянина 30 лѣтъ.

Joŕks.

Šediki-lā Tro-šėńkań ro-cta ulńi-s vā-χki čo-ra. Tata-nza avanza kuly-št, a son ka-duŕs kāvā-tijā go-ca. Äŕi-s ška-mynza i jarma-kynza uli-t i šury-za ulā i vāši pary-čiza ulā, muški-čaza čovė-čaza ara-s. Äŕä-s išta-son kolmy gott i duma-s urva-kstuma, da ta-gy pelā, gu-lkaza pek pokš; du-mā: «koda-k u-f-vakstan fyjä-tca i ku-lā». Mela-ftā. Vā škańā tuš vīrij, kārā-s pāŕk i syrga-s māki-j kudu-ŕ. A ala-šyńiza ulńi-s beŕāń, be-fāń e-ldeńā. Son i du-mā: «Māšt, varča-sa te e-ldeńt. Son pek beŕāń,

дразнилъ барина; баринъ меня видѣлъ; продай меня барину». Старикъ продалъ его барину. Баринъ далъ старику четыре рубля денегъ. Старикъ отдалъ мальчика-пальчика барину. Баринъ взялъ, въ свой денежный сундукъ заперъ мальчика. Мальчикъ немного сидѣлъ въ сундукѣ, нашелъ буравчикъ. Онъ пробуравилъ сундукъ и въ дыру побросалъ деньги барина, и самъ вышелъ въ дыру. Мальчикъ собралъ деньги барина и принесъ ихъ отцу своему, и стали жить и поживать, и теперь также живутъ и поживаютъ.

nu ala·ša. Bídī son cída·rdā, to para avaja·k cída·rdā, a bídī son aci·dardā, šesta avaja·k aci·dardā. Kuśc pe·retkalaṅks i karma·ś joksta·ma. Koda·k jo·kstēzā, ala·šaś praś iki·lčā pīlgilaṅks, a sonza· uš śādi·jza āz gīṭ i karma·ś nérgē·mā. Nérkś, nérkś, valks. Vanā·, ala·šaza ku·lys, i dumā·: «nu, au·rvakstan». Saś kudu·u i kiñiṅga·k āz jo·fnā i karma·ś āra·my ška·mynza. Ārā· god, kafty, kolma, au·rvakstā; kāṅksni·t, mākś, a jo·ftā. Vā škañā moľc syripaťa·ncty. Syripa·ťaza kavañizā, śimđi·žā vi·nada; ala·myñ a·lamyñ śimđi·žā pek. Son iri·c. Te i karma·ś āsynza kāṅksni·mā: «Mā·ks ton au·rvakstat, Dři·ga, koda išta· škamy·t āra·t? Paryt ulā, a kudyju·rcēt avalomañ ara·ś. Uřva·kst, řāvi·t lučšy ulā». — «Mon urva·kstuplín, paťa·j, da moñdā·ñ nelža urva·kstums». — «Da mākś, jala·kskim?» — «I·štak». — «Nať, avy·l ištak; mākś kak, da uš ulā». — «I·štak». — Paťa·ś faťa·ś, mākś son ajoťā, karma·ś taga· vina·da śimđa·mynza. Śimđi·žā pek i tagy karmaś kāṅksniṁmynza. «Da mākś ton, jala·kskim, ajo·ftat? Čaj mon řāt avyľ čuzy·jan; kiñiṅga·k ajo·ftan řra, a mozy mājija·k řāt pary řa·jan; mozy guľka·t ama·štuvā mākś ka·k?» — «To·ta, paťaj, ama·štuvā». — «Da mākś ama·štuvā? mā·ziža amaštuvā? Jo·ftek, řeća·synik mo·ža». — «Dy ko·da řeća·synik, paťaj, jo·ftams řāt vi·cta, lakši·synik řťolā?» — «Da mākś āra·vā lakši·ms?» — «Dy vot mākś: pek pokš». — «Vot ešćo dī·vaś, toñdā·ť pokš, a ava·ťniñiñ pek pa·ra». — «To·ta, avyľ pa·ra». — «Dy ton varčnik řťolā?» — «Varčni·ms āzi·nā varčnā, dy soda·ms soda·sa». — «Māzijak ton azda·ť! Ton va·řćika; požalej, ešće me·řeť—viški·nā». — «Ara·ś, paťa·j; joťta·ms řāt victa, mon varčni·nā». — «Nu mājľā mā·šť, kiñ varčniť». — «Dy mājšť, mājšť, dy kiñ varčni·ň!» — «Dy mākś ajo·ftat, joťta·k; moža loma·hiś ulñi·ś beřāñ». — «Dy uš kyda joťta·ms řāt pravda·sta, ton sodeľek kařej e·ľdeñem?» — «Sode·ľeñā, mājzi mā·ľľā?» — «Dy vot mā·zi; ulñi·ň mon vi·řća i dumiñ; ala·šaś vidā ulñiś beřā·ñ; mon i duma·n: bídī ře e·ľdeñeś aku·ľā, to i para ava· cída·rdā, a bídī ře aci·dardā, še·sta kodamyja·k a·va aci·dardā». — «A mā·ľľā?» — «Dy mājľā vot mājšť: kuzi·ň lanzy·nza, to·řgeñā, son praś; āra·vyľ řāñ valgu·ma, a mon ā·ziñ

valk; néérge·n, néérge·n, ala·šam ku·lyš. Vot mon máks i au·rvak·stan». — «Eka, zá·ryška glupy·štíš äsyť. Nu vot, mon mášť tăt méran: ton saji·k i oňksté·k lāngi·nisa kualmynza kolmókšt i má·jlā še lāngi·nínť ma·řta aza· karava·c i vant kona·n uda·l·ksyza šedi ká·lij. Šeň uda·lksynza i oňksték pukšyla·nga moklō·ška vic. Kona·nín lāngi·nit kadu·vā, šeň ila·k saj, a ko·nañn lāngi·nit asa·tā, šeñe·n i gulkat ka·k asa·tā». — Čora·ś o·ňkstěžā i tuś karava·dga jaka·ma. Oňksné·ś, oňksné·ś, jala lāngi·niza li·šnyj; molé vá·χki tā·χtír vaksc, karma·ś šutka·sa oňksnémenza lāngi·niza až sa·tytt. Saś i jofnā· syřipata·nctyj: «Muji·n, syřipataj; lānginím kak až za·tytt pėlva·ksyška; nu tolko pěk šupa·vyň; son amo·lā moñd·āñ». — «Wot, amo·lā—molā·». — «Moža i mole·vel da ama·kscyž». — «Makscy·ž, ila· mela·ft; moñc mola·n čija·ma i čija·sa». Molé čija·mynza. Vaśnā· ášť makst i malauga·k ášť no·lda. Lu·dínžā la·dínžā, ma·ksyž, či·již. Mā·jlā tā·jšt sva·dba i karma·št āra·ma. Ārit né·dla, āri·ť kafta, āri·ť i pėlgo·d. No Dřiga· atokšā ā·synza. Te uči·ś, uči·ś, dy i kořtā vā ška·nā Dři·gañn: «Dřiga, dy ton máks saji·mík?» — «Máks? Dy ved mā·ks? Ko·da mā·ks? Wot muška·ť čova·ť, panar tāñ stat, kši paña·ť, nuji·mā maryl moła·ť, pífcu·ma karma·ť. A máži tāt eščo āra·vā?» — «Ko·da mā·žā? Ara·ždā ton azda·sak mážā? Čaj soda·sak mážñn urva·ksñit loma·tnā. Āri·ť, avyl ančík ja·la robótē·ť. Robó·taž tāt āχť ana·žuvavit, a syři·dima ma·štyma pėlēj ki karmā mālga·ť jaka·ma, ki tāt šimi·ms maksā·, ki kudyt ušcy·, ki odbiňksta práť ča·ušisy? Dy kula·ť čavy kuc, kalma·ms aki·ñn ulā·, varča·myť kak kijak asy·. Kak xočes, Dřiga, mon išta· āra·ma aka·rman. Bíđi xočes paréti āra·ma, āra·k, a bíđi aka·rmat, to mon tuja·n ästyť». — «Eχ, baba·, mon ārauliñ». — «Dy máks e·nā? Nať, toñ ama·štu·vā?» — «To·ta ama·štu·vā». — «Da máks ama·štu·vā?» — «Dy wot máks. Ton pomna·sak miñn karej e·ldeñet?» — «Dy moñdā·n mā·ži e·ldeñet?» — «Dy ton kulcy·nyk! Son ulñi·ś vel s norovom. Nu, mon vačkín laňgyzy·nga ka·tfa voz i san kudu·ŋ. Son to lotkā·, to nocko·ftā. Nockofnéš, nockofnéš išta·, šerďeškam ši·ndižā. Mášť tā·jñims tāñ? Čaryñ, čary·n, ĵok-

sta.ms anä.zä. Sa.jiňä, dy ču.ramym jokstè.ňä. Karmiň ala.šán
pa.ńimä. Son to nocko.ftä, to lotkä.. Moňdä.ń pek mařä.ś. Kežè.n
zašť; koda.k zadlaŋga äškiňä ku.laksa son prokle.tèň, kodak pśtić
dy vieta moň gulkařala.ŋga. Istä.k i čapaňt vidga přaňt še.žezä.
Vot nej mášť xočyš, neň i tājni.k. — «Dy moža přaftu.majak
tāŋs tujä.! Dava.j varča.syńik». — «Nužä.za mähä? dava.j var-
ča.syńik». — I karma.šť varčni.minga. Varčiž vāšť, kaukšt i ko.l-
mókšt. Ava.ńt mele tuś, a čora.ńt i vquśl. Mä.jlā tāvi.ś kyda tuś
parćtā., ava.ś i mēra.: «Dřiga? Přás čaj ukniś surkaftyń kuva.l-
myza?» — «E.na mähä? Uľni.ś». — «Eχ, modava.řaňt pačk tuji.za,
nej ulivildä.fä kafty kolmasurda kua.ka lučšy. Paryčiś kak vāši
juma.vyľ i to nekak lučšy. A to nej krajga.jo.zä i tovó.lga jozä.,
a prok mähzi biďi eščo tovó.lou asa.tä». Še.sta Dřiga.karma.ś
kärni.mä syři patancty, a babaza kuluma.zynza äřďi.kśniś še ka-
ře.j e.ldeňeňt.

Б. Сухой Карбуланъ.

Сеене.

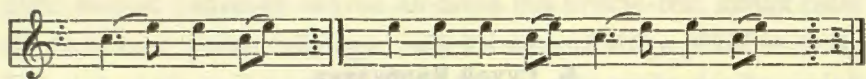
Пекеясь¹⁾ — лангиясь сеенесь, тусь вирий укштуруу леўксэ-
яма. Мольць пекшени алуу и мере: «пекшени а пекшени, нолдама-
ка леўксэяма!» Пекшенесь мере: «пры лопенемь, цавуви леўкскет». Мольць сеенесь тумини алуу и мере: «тумини а тумини, нолдамака леўксэяма!» — «Пры сэренемь, цавуви леўкскет». Тусь сеенесь. Мольць-мольць, мусь кудыне, — ундыкски стяфтызи, палакски вельтези. — «Кудыни а кудыни, нолдамака леўксэяма!» Кудынись мере: «сувак, леўксэяк». Сувась сеенесь, колмы леўкскетъ леўксэясь. Ащись-ащись сеенесь леўкскетъненъ ваксса, пекенезы вачсь. Сон и мери леўкскетъненень: «ащиды, эйдякай, молян чейга-чейга якама, чей умарьды ярцамы, кельми ветьты симиме; ве потесэньтъ

1) И «пекиясь».

Козочка.

Заягнилась козочка, пошла объягниться въ кленовый лѣсъ. Пришла подъ липочку и говоритъ: «липочка, липочка, пусти-ка меня объягниться!» Липочка отвѣчаетъ: «упадетъ мой листокъ, убьется твой козленокъ». Пришла козочка подъ дубокъ и говоритъ: «дубокъ, дубокъ, пусти-ка меня объягниться!» — «Упадетъ мой желудокъ, убьется твой козленокъ». Пошла козочка. Шла, шла, нашла домикъ, — пустое деревце его поставило, крапивка покрыла. — «Домикъ, домикъ, пусти-ка меня объягниться!» Домикъ отвѣчаетъ: «входи, объягнись». Вошла козочка, объягнилась тремя козлятами. Побыла, побыла козочка около козлятъ, животикъ ея проголодался. Она и говоритъ козлятамъ: «оставайтесь, дѣтки, я найду походить по камышамъ, поѣсть камышевыхъ плодовъ, попить холод-

ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакумкасын дей умарьть». Аньцяк тусь сеенесь, сась покш кургы офтэсь и кармась морама:

Паньчт, эй-кай! чей-га, чей-га я - ка-винь,
Паньчт, эй-кай! чей у-марь-ды яр - ца-винь.

«паньчт, эйкай! баньчт, эйкай! дейга-чейга якавинь, дей умарьды ярцавинь, кельми ветьты симивинь; ве потесэньть ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакумкасын дей умарьть». Маризь зеза леу́кскетьни, паньчсть. Офтэсь капудизи ве сея леу́ксеньть, тусь марьтынза. Сась сеенесь, кармась морама: «паньчт, эйкай! баньчт, эйкай! чейга-чейга якавинь, дей умарьды ярцавинь, гельми ветьты симивинь, ве потесэньть ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакумкасын дей умарьть». Паньчсть сея леу́кскетьне. Сеенесь мере: «мекс аньцяк каўниньк?» — «Авакай, закшнысь покш кургы офтэсь и колмоцень залыза». Кармась омбоцеды сыргамы сеенесь, леу́кскетьненень мере: «ваныды, покш кургы офтэньтень илады

ной воды; въ одной титькѣ принесу масло, въ другой молочко, въ пояскомъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Только ушла козочка, пришелъ медвѣдь большой ротъ и началъ пѣть: «отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды; въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, въ пояскомъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Услышали козлята, отперли. Медвѣдь схватилъ одного козленка, ушелъ съ нимъ. Пришла козочка, начала пѣть: «отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды; въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, а въ пояскомъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Отперли козлята. Козочка спрашиваетъ: «отчего васъ только двое?» — «Матушка, приходилъ медвѣдь большой ротъ и утащилъ третьяго». Козочка стала собираться во второй разъ; говорить козлятамъ: «смотрите, не

паньчт! сонзы вайгилизы эчки, а монь цувине». Тусь сеенесь. Сась покш кургы офтэсь и кармась морама: «паньчт, эйкай! баньчт, эйкай! цейга-чейга якавинь, цей умарьды ярпавинь, кельми ветьты симивинь, ве потесэньть ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакум-касын цей умарьть». Маризь зезя леўкскетьни и мереть: «афкань вайгильнизы чувинини, а тонь эчке; тон бокш кургы офтат, а паньчтана тетъ». Тусь офтэсь кузьницькаў, ца(в)уфтызи чувинисты келензы и тагы сась. Кармась офтэсь чувинисты морама; сея леўкскетьни маняўсть и паньчсть. Капуць офтэсь сея леўкски, тусь мартынса. Сась сеенесь. — «Паньчт, эйкай! баньчт, эйкай! цейга-чейга якавинь, цей умарьды ярпавинь, гельми ветьты симивинь, ве потесэньть ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакум-касын цей умарьть». Паньчсь сея леўкскесь. — «Мекс ськамут?» — «Авакай, закшнысь покш кургы офтэсь, ищо ве леўкс салась». Кармась сеенесь сыргамы колмоцеды, комафтызи кадувикс леўк-

отпирайте медвѣдю большому рту! голосъ его грубый, а мой тоненькій». Ушла козочка. Пришелъ медвѣдь большой ротъ и началъ пѣть: «отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды, въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, а въ пояскомъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Услышали козлята и говорятъ: «у нашей матери голосъ тоненькій, а твой грубый; ты медвѣдь большой ротъ, мы тебѣ не отопремъ». Пошелъ медвѣдь въ кузницу, отбилъ тоненько свой языкъ и пришелъ опять. Медвѣдь началъ пѣть тоненько; козлята обманулись и отперли. Схватилъ медвѣдь козлёнка и пошелъ съ нимъ. Пришла козочка. — «Отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды, въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, въ пояскомъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Отперъ козлёнокъ. — «Отчего ты одинъ?» — «Матушка, приходилъ медвѣдь большой ротъ, утащилъ еще одного козлёнка». Козочка начала собираться въ третій разъ, положила

сkenьть чакш алуў и мери тенза: «кипинь гак иля паньчт; бути мон зан, мон моньць как суван». Тусь сеенесь. Сась покш кургы офтэсь, морась-морась, а паньци сея леўксесь. Мусь офтэсь варини, ёкстэзи варининьтинь нерензы и кармась пижпиме: «пря, келькть, келькть, келькть; пря, келькть, келькть, келькть». Прясь кельксь. — «Пеки, келькть, келькть, келькть; пеки, келькть, келькть, келькть». Пекесь как кельксь. — «Мукур, гелькть, келькть, келькть; мукур, гелькть, келькть, келькть». Мукурысь как кельксь. Сэвези офтэсь колмоцекс сея леўксенить как. Сась сеенесь, колмоци леўксесь как арась. Уштызи сеенесь қудынинить псиста; жарт тейсь ламы и кандыньзи жартнынь буяракс. Тусь офтэньть гостекс терьдеманза. — «Офтэни, а офтэни, адя моньдянь гостекс, мон ламы сряцаинь!» Офтэсь вечкези таньтийсты ярпамунить, сон радуvasь, щты сеенесь терьди эйсэпса. Ветези сеенесь офтэньть жар марты буяракыньть чирис и мере: «дай скокаттяны те буяракыньть велькса». — «Мон а скокадиван, мери офтэсь. — «Тень велькса

оставшагося козлёнка подъ горшокъ и говоритъ ему: «никому не отворяй; если я приду, я и сама войду». Пошла козочка. Пришелъ медвѣдь большой ротъ, пѣлъ, пѣлъ, не отворяетъ козлёнокъ. Нашелъ медвѣдь дырочку, сунулъ свою морду въ дырочку и началъ кричать: «голова, пролѣзай, пролѣзай, пролѣзай» (2). Голова пролѣзла. — «Животъ, пролѣзай, пролѣзай, пролѣзай» (2). И животъ пролѣзъ. — «Задъ, пролѣзай, пролѣзай, пролѣзай» (2). И задъ пролѣзъ. Медвѣдь съѣлъ и третьяго козленка. Пришла козочка, нѣтъ и третьяго козленка. Козочка жарко истопила домикъ; наготовила много горячихъ угольевъ и отнесла ихъ въ оврагъ. Пошла звать въ гости медвѣдя. — «Медвѣдушка, медвѣдушка, иди ко мнѣ въ гости, я много наготовила!» Медвѣдь любилъ сладко поѣсть; онъ обрадовался, что козочка зоветъ его къ себѣ. Повела козочка медвѣдя на край оврага съ горячими угольями и говоритъ: «давай прыгнемъ черезъ этотъ оврагъ» — «Я не могу перепрыгнуть», говоритъ медвѣдь. — «Черезъ этотъ оврагъ ты не можешь

а скокадиват?» мери сеенесь, и соньць скокаць. — «А нука, снарттать». Офтэсь кармась скокадими ды жартнынь боц прась. А сеенесь мере: «дай, офты, монь леўксэн; ганть, офты, монь леўксэн!» А офтэсь истя пициўсь, натай гармась и укснумы и пургама.

Атякшки ды псакине.

Ладясть атякшки марты псакине. Тусть сынъ баксяў беще. Мусть печи чуфта. Псакинись мере: «атякш брат, кусть тон цуфтыньть ланкс, сезьнець ды ёврець, а мон гарман гочкама». Кузь атякшись печи чуфтыньть ланкс, кармась пещень зезьнеми ды ёвреме. Сейсь атякшись покш куфта, ёрдэзи псаканьтий, псакась сельми лангта понксъ, ды сельмезы таргаўсь. — «Мон, атякш брат, молян лангтызыт управаў», мери псакась. Сась псакась управаў, мере: «монь атякшись сельмемь даргизе». Судьятни мереть: «дай дей

перепрыгнуть?» говоритъ козочка, и сама перескочила черезъ него. — «А ну-ка попробуй-ка». Медвѣдь началъ перепрыгивать и упалъ въ горячіе уголья. А козочка говоритъ: «дай мнѣ, медвѣдь, моихъ козлятъ; выбрось, медвѣдь, моихъ козлятъ!» А медвѣдь такъ обжогся, инда сталъ и блевать и дристать.

Пѣтушокъ и кошечка.

Подружились пѣтушокъ съ кошечкой. Пошли они въ поле за орѣхами. Нашли они орѣшникъ. Кошечка говоритъ: «пѣтухъ братъ, лѣзь ты на дерево, срывай и бросай, а я начну собирать». Влѣзь пѣтухъ на орѣшникъ, началъ срывать и бросать орѣхи. Сорвалъ пѣтухъ большую кисть и бросилъ кошкѣ; кисть угодила кошкѣ въ глазъ, и глазъ ея выкололся. — «Я, братъ пѣтухъ, пойду въ управу жаловаться на тебя», говоритъ кошка. Пришла кошка въ управу и говоритъ: «пѣтухъ вышибъ мнѣ глазъ». Судья

атякшиньтъ». Тустъ атякшиньтъ мельга. Сась атякшисъ. Судьятъни мереть: «тон мейсь псаканьтъ сельмензы таргикъ?» Атякшисъ мере: «а монъ мейсь печи чуфтысь понксэн зезеньсе?» — «Ну дай дей печи чуфтыньтъ!» мереть судьятъне. Тустъ печи чуфтыньтъ мельга. Сась печи чуфтысь. Судьятъни мереть печи чуфтыньтъни: «тон мейсь атякшиньтъ понксэнзы сезеть?» — «А мейсь монъ зеенесь порьнемемъ?» мери печи чуфтысь. — «Ну, дай дей зеененьтъ!» мереть судьятъне. Тустъ сеененьтъ мельга. Сась сеенесь. Судьятъни мереть: «тон мейсь печи чуфтыньтъ порьнекъ?» — «А мекс монъ бастухум а ванэ?» мери сеенесь. — «Ну, дай дей пастухуньтъ!» мереть судьятъне. Тустъ пастухуньтъ мельга. Сась пастухусъ. — «Тон мекс сеененьтъ а ванат?» мереть судьятъне. — «А мекс азырызы монянь гарицьтъ а максэ?» мери пастухусъ. — «Ну, дай дей сеяньтъ азырынть!» Тустъ сеяньтъ азырынть мельга. Сась сеяньтъ азырысь. Судьятъни мереть: «тон мекс

говорятъ: «давайте сюда пѣтуха». Пошли за пѣтухомъ. Пришелъ пѣтухъ. Судьи говорятъ: «ты зачѣмъ вышибъ у кошки глазъ?» Пѣтухъ говоритъ: «а зачѣмъ орѣшникъ порвалъ мои штаны?» — «Ну, давай сюда орѣшникъ!» говорятъ судьи. Пошли за орѣшникомъ. Пришелъ орѣшникъ. Судьи говорятъ орѣшнику: «ты зачѣмъ порвалъ пѣтуху штаны?» — «А зачѣмъ меня обгрызла козочка?» говоритъ орѣшникъ. — «Ну, давай сюда козочку!» говорятъ судьи. Пошли за козочкой. Пришла козочка. Судьи говорятъ: «ты зачѣмъ обгрызла орѣшникъ?» — «А зачѣмъ за мной пастухъ не смотритъ?» говоритъ козочка. — «Ну, давай сюда пастуха!» говорятъ судьи. Пошли за пастухомъ. Пришелъ пастухъ. — «Ты отчего не смотришь за козочкой?» говорятъ судьи. — «А отчего хозяинъ не даетъ мнѣ гарнцевъ¹⁾?» говоритъ пастухъ. — «Ну, давай сюда хозяина козы!» Пошли за хозяиномъ козы. Пришелъ хозяинъ козы. Судьи говорятъ: «ты отчего не даешь па-

1) Положенная за каждую голову скота плата пастуху хлѣбомъ (за коровъ, напр., въ Сухомъ Карбулакѣ по 10 ф., за телятъ по 5 ф.).

сеяньть кис а максат гарицьть пастухунтьй?» — «Ту(в)ы орохом зэвезе», мери сеянь азырысь. — «Ну, дайти тей ду(в)уньть!» Тусть ту(в)уньть мельга. Сась ту(в)усь. — «Тон мейсь сеяньть азырынзы орохонзы сэвекъ?» мереть судьятне. — «А мейсь верьгезэсь леўксэн боўсенъе?» мери ту(в)усь. — «Ну, дайти тей верьгезэньть!» мереть судьятне. Тусть верьгезэньть вешнеми вириў. Ней-гак вешнеть верьгезэньть, а верьгезэсь ялы а муиве.

Бука ды псака.

Ладясть буканьть марты псакась и думасть кудынь зрояма. Псакась мере: «бука брат, адя бараныньть терьцэнекъ мартынык, седи курык¹⁾ кудысь путуве!» — «Адя!» мери букась. Мошьцьть бараныньтинь ды мереть: «баран, а баран, адя мартынык кудынь бутума!» — «Мон карцы як теленьть ютаўса, а молян мартынк¹⁾ курук.

стуху гарнцевъ за козу?» — «Свинья съѣла мой ворохъ», говоритъ хозяинъ козы. — «Ну, давайте сюда свинью!» Пошли за свиньей. Пришла свинья. — «Ты зачѣмъ съѣла ворохъ, принадлежашій хозяину козы?» говорятъ судьи. — «А зачѣмъ волкъ задушилъ моихъ поросятъ?» говоритъ свинья. — «Ну, давайте сюда волка!» говорятъ судьи. Пошли въ лѣсъ искать волка. И теперъ еще ищутъ волка, а волка все не могутъ найти.

Быкъ п кошка.

Быкъ и кошка подружились между собой и задумали построить домъ. Кошка говорить: «быкъ братъ, пойдемъ позовемъ съ собой барана, домъ поставится какъ можно скорѣе!» — «Пойдемъ!» говоритъ быкъ. Пошли они къ барану и говорятъ: «баранъ, а баранъ, иди съ нами ставить домъ!» — «Я, отвѣчаетъ баранъ, проведу зиму и въ хлѣвѣ, не пойду съ вами ставить

кудынь бутума», мери баранысь. — «Бука брат, адя атякшиньть терьцэнекъ, се паряк моле!» мери псакинись. — «Адя!» мери букась. Мольцьть атякшиньтий ды мереть: «атякш, а ятякш, адя мартынык кудынь бутума!» — «Мон напиз ланксы як теленьть ютаўса, а молян!» мери атякшись. — «Бука брат, адя утканьть терьцэнекъ, се паряк моле!» мери псакинись. — «Адя!» мери букась. Мольцьть утканьтий ды мереть: «утка, а утка, адя мартынык кудынь бутума!» — «Монянь мейсь кудысь, мон утум бокасы як теленьть ютаўса, а молян!» мери уткась. — «Бука брат, адя терьцэнекъ мациньть, се паряк моле!» — «Адя!» мери букась. Мольцьть ды мереть: «маций а маций, адя мартынык кудынь бутума!» — «А молян, куды бокасы теленьть ютаўса», мери мацийсь. Веляўсть мекеў буканьть марты псакась, кармасть кудынь деими и тейсть пары куда. Сась телесь. Букась маць пецька ланкс, а псакась томбаланкс. Кармась якшамусь бараныньть шкотямунса; сон мольць ды мере: «псака брат, полдамака эряма!» — «Мон аздан,

дома». — «Быкъ братъ, идемъ позовемъ пѣтуха, быть можетъ, тотъ пойдетъ!» говоритъ кошечка. — «Идемъ!» отвѣчаетъ быкъ. Пошли они къ пѣтуху и говорятъ: «пѣтухъ, а пѣтухъ, иди съ нами ставить домъ!» — «Я, отвѣчаетъ пѣтухъ, проведу зиму и на нашестѣ, не пойду». — «Быкъ братъ, пойдемъ позовемъ утку, можетъ быть, та пойдетъ!» говоритъ кошечка. — «Идемъ!» отвѣчаетъ быкъ. Пошли къ уткѣ и говорятъ ей: «утка, а утка, иди съ нами ставить домъ!» — «Мнѣ зачѣмъ домъ, отвѣчаетъ утка, я проведу зиму и въ амбарномъ пристѣнкѣ, не пойду!» — «Быкъ братъ, пойдемъ позовемъ гуся, быть можетъ, тотъ пойдетъ!» — «Идемъ!» отвѣчаетъ быкъ. Пошли и говорятъ: «гусь а гусь, пойдемъ съ нами ставить домъ!» — «Не пойду, отвѣчаетъ гусь, я проведу зиму въ пристѣнкѣ избы». Кошка съ быкомъ вернулись назадъ, начали строить домъ и построили хорошій домъ. Пришла зима. Быкъ легъ на печку, а кошка на шестокъ. Началъ морозъ пробирать барана; онъ пришелъ и говоритъ: «кошка братъ, пусти-ка меня жить». — «Я не знаю, спроси брата быка!» говоритъ

бука братыньть кеўкьстекь!» мери псакась. — «Бука брат, полдамака эряма!» мери баранысь. — «А полдатын, кудынь бутума мартынык эзеть са!» мери букась. — «Коли а полдатына, веси куды угылынк кичкирисынь!» мери баранысь. — «Ну, ну, ины су(в)ак!» мери псакась. Су(в)ась баранысь, маць киякс кунчкас. Кармась шкотямунзы якшамусь атякшиньть. Сась атякшись, мере: «полдамак, псака брат, кельмень!» — «Мон аздан, буква братыньть кеўкьстекь!» мери псакиньсь. — «Бука брат, а буква брат, полдамака эряма!» мери атякшись. — «А полдатын, кудынь бутума мартынык эзеть са!» мери букась. — «Бути а полдасамизь, веси куды боканк почаксасынь!» мери атякшись. — «Ну, ну, ины су(в)ак!» мери псакиньсь. Су(в)ась атякшись, кузь булдырьни пряс. Кармась кельмеми уткась, мольць и мере: «псака брат, полдамак, эль гельман». — «Мон аздан, буква братыньть кеўкьстекь!» мери псакиньсь. — «Бука брат, а буква брат, полдамака эряма!» мери уткиньсь. — «А полдатын», мери букась, «ку-

кошка. — «Быкъ братъ, пусти-ка меня жить!» говоритъ баранъ. — «Я тебя не пущу, ты не приходишь ставить съ нами домъ!» говоритъ быкъ. — «Если вы не пускаете, я разворочу рогами всё углы вашего дома!» говоритъ баранъ. — «Ну, ну, такъ входите!» говоритъ кошка. Вошелъ баранъ, легъ на середину пола. Началъ пробирать морозъ пѣтуха. Пришелъ пѣтухъ, говоритъ: «пусти меня, кошка братъ, я замерзъ!» — «Я не знаю, отвѣчаетъ кошечка, спроси брата быка». — «Быкъ братъ, а быкъ братъ, пусти-ка меня жить!» говоритъ пѣтухъ. — «Не пущу тебя, ты не приходишь ставить съ нами домъ!» отвѣчаетъ быкъ. — «Если вы меня не пускаете, говоритъ пѣтухъ, я расшевыряю всё завалинки вашего дома». — «Ну, ну, такъ входите!» говоритъ кошечка. Вошелъ пѣтухъ, влѣзъ на конецъ бруса, поддерживающаго полати. Начала мерзнуть утка, пришла и говоритъ: «кошка братъ, пусти меня, чуть не замерзаю». — «Я не знаю, спроси брата быка!» говоритъ кошечка. — «Быкъ братъ, а быкъ братъ, пусти-ка меня жить!» говоритъ уточка. — «Не пущу тебя, говоритъ быкъ, ты не пришла

дынь бутума мартынык эзеть са!» — «Бути а полдасамизь, веси мохонк таркисынь!» мери уткась. — «Ну, ну, ины су(в)ак!» мери псакинись. Сась мацись¹⁾, мере: «нолдамизь-гак эряма!» — «А полдатадызь, кудынь бутума мартынык эзеть са!» мереть тенза. — «Бути а полдасамизь, мон гуды-прясты веси понцаўк-сынк ёвресэнь!» мери мацись. — «Ну, ну, ины су(в)ак!» мери псакинись. Кармасть веси эрямы ве таркаса. Уткась арась эземь алуў, а мацись кусь эземс. Юты се кудыниньть вакска нумулынь здада и мереть нумултнэ: «темень гуда?» Кучсть ве нумул гудыньть варчама. Авьцяк нумулысь су(в)ась, баранысь стясъ ды пильгинсы стукадизе. Нумулысь тандаць ды кода напусте. — «Тон мекс, тон мекс??» кармасть се нумулыньть кеўксьнеми лия нумултнэ. — «Мекс? кудынь азырысь от кода пильгинсы стукадизи лангтызын, натай гелемь зускуўсь!» мери тест куды варчий нумулысь. Юты кудыниньть вакска ривизинь здада. — «Темень гуда, темень гуда??» мереть ривисъне. Кучсть ве ривизь гудыньть

1) мацись.

ставить съ нами домъ!» — «Если вы меня не пускаете, говорит утка, я выдержаю весь вашъ мохъ!» — «Ну, ну, такъ входи!» говорит кошечка. Пришёлъ гусь, говорит: «пустите-ка меня жить!» — «Мы не пустимъ тебя, отвѣчаютъ ему, ты не приходилъ ставить съ нами домъ!» — «Если вы не пускаете меня, я сброшу съ вашего дома всю мякину!» говорит гусь. — «Ну, ну, такъ входи!» отвѣчаетъ кошечка. Стали жить всѣ вмѣстѣ. Утка помѣстилась подъ лавку, а гусь влѣзъ на лавку. Проходитъ мимо этого домика заячье стадо, и говорятъ зайцы: «это что за домъ?» Послали одного зайца посмотрѣть домъ. Лишь только заяцъ вошелъ, баранъ всталъ и топнулъ ногой. Заяцъ испугался и какъ пустится бѣжать. — «Ты что, ты что??» начали спрашивать этого зайца другіе зайцы. — «Что? хозяинъ дома вотъ какъ топнулъ на меня ногой, инда я языкъ свой прикусилъ», отвѣчаетъ имъ заяцъ, осматривавшій домъ. Проходитъ мимо домика стадо лисиць. — «Это что за домъ, это что за домъ??» говорятъ лисицы. Послали

варчама. Аньцяк ривизись су(в)ась, баранысь стясь ды кода пильгиньть стукатьцэ. Ривизись тандаць ды кода напусте. — «Тсн мекс, топ мекс??» кеўксьнеть эйсэньзы лия ривисьне. — «Мекс? кудынь азырысь от кода пильгиньзы стукадизи лангтызын, натай озавинь». Букась удысь-удысь печьканьть ланксы и мере: «тесы, аля, пекь пси, эряви валгумс баран братыньть ваксс». Валксь букась, маць бараныньть ваксс. Юты кудыниньть вакска верьгезэнь здада. — «Темень гуда, темень гуда??» мереть верьгеснэ. Кучсть ве верьгез гудыньть варчама. Су(в)ась верьгезэсь, ютась эземь бряў. Кода стить бараныньть марты букась, кода кармить кичкириманза. А уткась яки эземь алга ды пижне: «векь-векь, векь-векь». А атякшись чийни полон брусуньть ланга ды пижне: «ко-ко-ко-ко, ко-ко-ко-ко!» Кода бутименьць верьгезэсь, чийсь лия верьгеснэненъ ды мере: «Ну, аля, понгонень! Аньцяк сувинь, стясть кудынь азырысь ды покшаза, кода кундасамись, а вейки чийни эземь алга ды кортэ: «истя-истя-истя, истя-истя-истя», а

одну лисицу посмотри́ть домъ. Только что вошла лисица, баранъ всталъ да какъ ударить ногой. Лисица испугалась и какъ пу-стится бѣжать. — «Ты что, ты что??» спрашиваютъ ее другія лисицы. — «Что? хозяинъ дома вотъ какъ топнулъ на меня ногой, я даже присѣлъ». Быкъ спалъ-спалъ на печкѣ и говоритъ: «здѣсь, товарищи, очень жарко, надо слѣзть къ брату барану. Слѣзъ быкъ, легъ около барана. Проходитъ мимо домика стоя волковъ. — «Это что за домъ, это что за домъ??» говорятъ волки. Послали одного волка посмотри́ть домъ. Вошелъ волкъ, прошелъ впередъ. Какъ встанутъ баранъ и быкъ, какъ начнутъ его бодать. А утка ходитъ по скамейкѣ и квакаетъ: «векь-векь» (2). А пѣтухъ бѣгаетъ по брусу, поддерживающему полати, и кричитъ: «ко-ко-ко-ко» (2). Вырвался какъ-то волкъ, прибѣжалъ къ другимъ волкамъ и говоритъ: «ну, товарищи, я было попался! только что я вошелъ, встали хозяинъ дома и его дѣдъ и какъ схватили меня, а одинъ (изъ жителей дома) бѣгаетъ подъ лавкой и приговариваетъ: «такъ-такъ-такъ» (2), а другой влѣзъ на верхъ и кри-

вейки кусъе вереу ды пияне: «дайти сонзы тей, дайти сонзы тей!» Ищо вейки пеень зускызь ащись томбаланкса, а вейки кулакынь гепедезь ащись эземса; пасиба сетьненень эзень бонкт!»

Ё ў к с.

Ладасть атя марты офта, и кармасть ветаркасы эряма. Видисть тоўзера. Тоўзерась кенерьць. Атясь мере: «офты брат! тон мествь саят?» — «Мон уш прятъинь а сайсынь, сайсынь горётънэнь!» мери офтэсь. Кармась атясь тоўзерэньть нуиме. А офтэсь кармась жнивэньть таргама. Атясь пиўцы, и офтэсь пиўцэ. Атясь понцафты, и офтэсь понцафтэ. Атясь мельнецяў, и офтэсь мельнецяў. Атясь прякат паньць, и офтэсь прякат паньць. Атясь ярцы, и офтэсь ярцэ. Атясь мере: «офты брат, нака варчитя монь брякан». Сайсь офтэсь сускум атяньть прякада, путызи кургызынзы и мере: «манимикъ тон, атя брат; тонь брякат буты калацят, а монь куркс пу-

читъ: «давайте его сюда!» (2). Еще одинъ, ощеривъ зубы, сидѣль на шесткѣ, а другой сидѣль на скамейкѣ, поднявъ кулакъ; спасибо, что я не попался тѣмъ!»

Сказка.

Подружился старикъ съ медвѣдемъ, и стали жить вмѣстѣ. Посѣяли пшеницу. Пшеница поспѣла. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ! ты что возьмешь?» — «Я ужъ не возьму верхушекъ, возьму корни!» отвѣчаетъ медвѣдь. Началъ старикъ жать пшеницу. А медвѣдь началъ выдергивать жниву. Старикъ молотить, и медвѣдь молотить. Старикъ вѣетъ, и медвѣдь вѣетъ. Старикъ на мельницу, и медвѣдь на мельницу. Старикъ испекъ пироги, и медвѣдь испекъ пироги. Старикъ ѣстъ, и медвѣдь ѣстъ. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ, на-ка попробуй-ка мои пироги». Взялъ медвѣдь кусокъ старикова пирога, положилъ въ ротъ и говоритъ: «Ты меня обманулъ, старикъ братъ; твои пироги точно калачи, а моихъ нельзя даже по-

тумс как а маштувить». Омбоцигодэньть видисть сёклат. Атясь мере: «офты брат, ней месь саят?» — «Уш ней а маняван, ней моң заян брят, а тон зайть корёттнэнь». Кармась атясь сёклатьнинь даргама, а офтэсь кармась лопатьнинь бурнама. Атясь тейнесь сёклань брякат, а офтэсь тейнесь сёкла лопань. Атясь ярцы и офтэсь ярцэ. Атясь мере: «офты брат, нака варчитя прякан!» Сайсь офтэсь сёклань бряка и мере: «тон, атя брат, тагы манимикъ, мон донь боватан». Атясь мере: «теса монь донять повамс нельзя, тонь нетядысь». — «Адя вириу, мон досы тонь боватан» мери офтэсь. Кильцьть алаша, озасть, тусть. Мольцьть - мольцьть, карчист охотъникъть. Офтэсь мере: «атя брат, монянь эряви кекшемс, ата монь гискатьни сезьнесамизь». — «Кекштъ полог боц», мери атясь. Эцесь офтэсь полог боц. Охотъникъни лоткафтызь атяньть и мереть: «мези ускат!» — «Мерьть мукуръ», тошки офтэсь. Атясь мере: «мукуръ». — «А нука чафт эзнэсы тула!» мереть охотъ-

ложить въ ротъ. На слѣдующій годъ посѣяли свѣклу. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ, ты теперь что возмѣшь?» — «Теперь ужъ не обманусь, теперь я возьму верхушки, а ты возьми корни». Началъ старикъ выдергивать свѣклу, а медвѣдь началъ собирать листьѣ. Старикъ надѣлалъ пироговъ изъ свѣклы, а медвѣдь надѣлалъ изъ свекольных листьѣвъ. Старикъ ѣсть и медвѣдь ѣсть. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ, на-ка попробуй-ка моихъ пироговъ!» Взялъ медвѣдь пирогъ изъ свѣклы и говоритъ: «ты, старикъ братъ, опять меня обманулъ, я тебя задушу». Старикъ говоритъ: «здѣсь тебѣ нельзя меня задушить, тебя увидятъ». — «Пойдѣмъ въ лѣсъ, я тамъ тебя задушу», говоритъ медвѣдь. Запрягли лошадь, сѣли, поѣхали. Ъхали-ѣхали, на встрѣчу имъ охотники. Медвѣдь говоритъ: «старикъ братъ, мнѣ нужно спрятаться, а то меня разорвутъ собаки». — «Спрячься подъ пологъ», говоритъ старикъ. Влѣзъ медвѣдь подъ пологъ. Охотники останавливаютъ старика и говорятъ: «что ты везешь?» — «Скажи, что пень», шепчетъ медвѣдь. Старикъ говоритъ: «пень». — «А ну-ка вбей въ него клинъ!» говорятъ

никъне. — «Вачкидикъ тулыньть мукурызын!» тошки офтэсь. Атясь вачкиць офтэньть мукурц тула. А кискатыни марясызь офты чининть, ды от кайсивить, от кайсивить. — «А нука узирь безнафт эээнса», мереть охотъникъне. — «Пезнафтыкъ узириньть аныцяк понатынинь боц!» тошки атяньтий офтэсь. Атясь сайсь узирь ды кода офтэньть тяпутыцэ. — «Я, атя брат, манимикъ!» мерыць офтэсь ды кулысь.

Сюкур батя.

Эрясть атят бабат; атяньть арасть почтэнса. Бабась мере: «атясь, азя, яжак; атясь, азя, яжак почт». — «Теньцекъ суўси-кинть, ды паньть сюкур!» мери атясь. Бабась теньцези суўси-кинть, пидись сюкур и путызи вальма ланкс кельмеме. Сюкурнысь криндяўсь вальмава ды тусь кевереме. Кеверыць-кеверыць, карчинзы офта. — «Сюкур батяй, гоў молят?» мери офтэсь. —

охотники. — «Вбей въ мой задній проходъ клинъ», шепчетъ медвѣдь. Старикъ вбилъ въ туловище медвѣдя клинъ. А собаки почуяли запахъ медвѣдя и вотъ кидаются, вотъ кидаются. — «А ну-ка воткни въ него топоръ», говорятъ охотники. — «Воткни топоръ, шепчетъ медвѣдь старику, только въ шерсть!» Старикъ взялъ топоръ, да какъ тяпнетъ медвѣдя. — «Ахъ, братъ старикъ, обманулъ ты меня», сказалъ медвѣдь и околѣлъ.

Сестрица-Лепёшка.

Жили старикъ со старухой; у старика нѣтъ муки. Старуха говоритъ: «старикъ, иди намели; старикъ, иди намели муки». — «Подмети сусѣкъ и испеки лепёшку!» отвѣчаетъ старикъ. Старуха подмела сусѣкъ, испекла лепёшку и положила ее на окошко, чтобы остудить. Лепёшечка прыгнула въ окошко и пошла катиться. Катилась-катилась, навстрѣчу ей медвѣдь. — «Сестрица-лепёшка,

«Калыярынь базаруў!» — «Саимака монь гак!» — «Арак ваксызын ды арт!» Арцьть-арцьть, карчист верьгез. — «Офты патькай, гоў молят?» — «Мон аздан, зюкур батянь геўкьстекь!» — «Сюкур батяй, гоў молят?» — «Калыярынь базаруў!» — «Заимака монь гак!» — «Арак ваксызын ды арт!» Арцьть-арцьть, карчист нумул. — «Верьгез батяй, гоў молят?» — «Мон аздан, офты патькань геўкьстекь!» — «Офты патькай, гоў молят?» — «Мон аздан, зюкур батянь геўкьстекь!» — «Сюкур батяй, гоў молят?» — «Калыярынь базаруў!» — «Заимака монь гак!» — «Арак ваксызын ды арт!» Арцьть-арцьть, карчист ривизь. — «Вай! ды нумул батяй, дынь гоў?» — «Мон аздан, верьгез батянь геўкьстекь!» — «Верьгез батяй, дынь гоў?» — «Мон аздан, офты патькань геўкьстекь!» — «Офты патькай, дынь гоў?» — «Мон аздан, зюкур батянь геўкьстекь!» — «Сюкур батяй, дон гоў?» — «Калыярынь базаруў!» — «Саймизь-гак монь-гак!» — «Арак ваксызынык ды

куда идешь?» спрашивает медвѣдь. — «На базаръ въ Колояръ¹⁾!» — «Возьми-ка и меня!» — «Становись около меня да скачи!» Скакали-скакали, навстрѣчу имъ волкъ. — «Сестричка-медвѣдь, куда идешь?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-лепѣшку!» — «Сестрица-лепѣшка, куда идешь?» — «На базаръ въ Колояръ!» — «Возьми-ка и меня!» — «Становись около меня и скачи!» Скакали-скакали, навстрѣчу имъ заяцъ. — «Сестрица-волкъ, куда идешь?» — «Я не знаю, спроси сестричку-медвѣдя!» — «Сестричка-медвѣдь, куда идешь?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-лепѣшку!» — «Сестрица-лепѣшка, куда идешь?» — «На базаръ въ Колояръ!» — «Возьми-ка и меня!» — «Становись около меня и скачи!» Скакали-скакали, навстрѣчу имъ лиса. — «Ой! сестрица-заяцъ, вы куда?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-волка!» — «Сестрица-волкъ, вы куда?» — «Я не знаю, спроси сестричку-медвѣдя!» — «Сестричка-медвѣдь, вы куда?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-лепѣшку!» — «Сестрица-лепѣшка, ты куда?» — «На базаръ въ Колояръ!» — «Возьмите-ка и меня!» — «Становись около

1) Село Вольскаго уѣзда Саратов. губ.

арт!» Арцѣть-арцѣть, ащи покш латка, сынъ дозѣнь бух, прастѣ. Ащистѣ - ащистѣ латксынѣть, пекест вачстѣ. Ривизисѣ мере: «дайти пряполасы каятана, кинѣ заты сѣвемс!» Каястѣ, сатыцѣ сюкурынѣть сѣвемс. Сюкурынѣть сѣвезѣ. Ривизисѣ мери офтѣньтѣнь: «те менѣ ярцама, ламы-ли сюкурцыт парысѣ, дай уш верьгезѣньтѣ сѣвсѣнекѣ». Офтѣсѣ капудизи верьгезѣньтѣ, повезе. Кода верьгезѣсѣ сѣвеуѣсѣ, ривизисѣ мери офтѣньтѣпѣ: «ведѣ нумулынѣ зывилисѣ пекѣ тантьгий, дай нумулынѣтѣ сѣвсѣнекѣ». Офтѣсѣ повези нумулынѣтѣ. Ривизисѣ мере: «дай-ка молян ждаса!» Офтѣсѣ максызе. Ривизисѣ тусѣ вепелеуѣ, сейсѣ нумулцтынѣтѣ сускумни дѣ кекшезе, сонѣцѣ сасѣ дѣ мере: «тон вант, пачк штыне». И нумулысѣ сѣвеуѣсѣ. Ривизисѣ таргизи кекшезѣ¹⁾ зускумнинѣтѣ дѣ ярцѣ. Офтѣсѣ неези дѣ мере: «ривизѣ батяй, мезѣды ярцат?» — «Сюлын бекен даргинѣ дѣ ярцан!» — «Нука-нука, тантьгийтѣ?» — «Немоч тантьгийтѣ, нака варчитя!» Саизи офтѣсѣ нумулынѣ зывиль

1) кекшенѣ.

настѣ и скачи!» Скакали-скакали, попадаѣтѣся большой оврагѣ, они тѣда бухѣ, упали. Побыли-побыли въ оврагѣ, проголодалисѣ. Лиса говоритѣ: «давайте конатѣся, кого достанѣтѣся сѣѣстѣ!» Бросили жеребей, вышло сѣѣстѣ лепѣшкѣ. Сѣѣли лепѣшкѣ. Лиса говоритѣ медвѣдѣ: «это что за ѣда, много ли добра въ твоей лепѣшкѣ, давай сѣѣдимѣ волка». Медвѣдѣ схватилѣ волка, задушилѣ его. Когда волкѣ былѣ сѣѣденѣ, лиса говоритѣ медвѣдѣ: «а вѣдѣ заячѣе мясо очень вкусное, давай сѣѣдимѣ зайца». Медвѣдѣ задушилѣ зайца. Лиса говоритѣ: «дай-ка пойду вымою!» Медвѣдѣ отдалѣ. Лиса отошла въ сторону, оторвала отѣ зайца кусочекѣ и спрятала, а сама пришла и говоритѣ: «ты смотри, очень хорошо я вымыла». И заяцѣ былѣ сѣѣденѣ. Лиса вытащила спрятанный кусочекѣ и ѣстѣ. Медвѣдѣ увидѣлѣ и говоритѣ: «сестрица-лиса, что ты ѣшь?» — «Я вытащила свои внутренности и ѣмѣ!» — «Ну-ка, ну-ка, что сладки?» — «Страстѣ сладки, нака попробуй!» Взялѣ медвѣдѣ кусочекѣ заячьяго мяса, положилѣ въ ротѣ и говоритѣ: «вотѣ

зускумниньть, путызи кургызынзы ды мере: «Ваны кодатт тань-тийть!» — «Таргить тон-гак сюлыт-пекет ды ярцак», мери ривизись. — «Ды кода сынпт таргаме?» — «Ёкетэкь лапкат кургуват ды оторфтэть!» Офтэсь ёктэзи лапканзы кургуванса, таргиньзи сюлынзы-пекензы кургуванзы ды кулысь. Лифтясь латкынть чирис чекчатай. Ривизись мере: «чекчатай батькай, даргамака!» — «Кундак пулызын ды лисьть!» мери чекчатайсь. Ривизись стясь офтэньть рунгынть ланкс, сацтызи чекчатаиньть пулынзы, ды кундась пулынтьий. Чекчатайсь поцкоуьсь ды таргизиривизиньть. Ривизись мере: «чекчатай батькай, андумака монь, бекь пекемь вачсь!» — «Мези аразьди, аптан!» мери чекчатайсь. Моли паксява тейтерьне, канды пачалксить. Чекчатайсь валксь тейтерьненить икилиуь ды моли икилинса. Тейтерьнесь путыньзи пачалкситьнинь ги бокас ды кармась чекчатаиньть кундама. Ривизись арць, сэвеньзи пачалкситьнинь и напусьтась, а чекчатайсь лифтясь. Ривизись мере: «чекчатай батькай, зимдимака! монь бекь симимам зась». — «Мези аразьди, симтян». Моли паксява тейтерьне, канды боза кукшун.

какія сладкія!» — «Вытащи и ты свои внутренности и їшь», говорит лиса. — «Да какъ ихъ вытащить?» — «Всунъ лапы въ ротъ и выдерни ихъ». Медвѣдь всунулъ свои лапы въ ротъ, вытащилъ черезъ ротъ свои внутренности и померъ. На край оврага прилетѣла птица «чекчатай». Лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, вытащика меня!» — «Ухватись, отвѣчаетъ чекчатай, за мой хвостъ и выходи!» Лиса стала на туловище медвѣдя, достала хвостъ чекчатая и ухватила за хвостъ. Чекчатай дернулъ и вытащилъ лису. Лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, накорми-ка меня, я очень проголодалась». — «Такъ что же, отвѣчаетъ чекчатай, я накормлю тебя!» Идетъ по полю дѣвушка, несетъ блины. Чекчатай опустился передъ дѣвушкой и идетъ передъ нею. Дѣвушка поставила блины у дороги и начала ловить чекчатая. Лиса подскочила, съѣла блины и убѣжала, а чекчатай полетѣлъ. Лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, напои-ка меня! мнѣ очень хочется пить». — «Такъ что же, я напою тебя». Идетъ по полю дѣвушка, несетъ кувшинъ квасу.

Чекчатаисъ валксъ тейтерьненъ икилиу дь моли икилинса. Тейтерьнесъ путызи боза кукшунынъ ки бокас¹⁾ и кармась чекчатаинъ кундама. Ривизисъ арць удалы пельде, симизи бозанъ дь напустасъ, а чекчатаисъ лифтясь. Мельи ривизисъ мере: «чекчатай батькай, ней бу кода-як пеецтелемекъ!»—«Мези аразьди пеецтыгън», мери чекчатаисъ. Ве одерьвени пирысы пиуцы покщанзы марта, а покщанъ конязы голэй. Чекчатаисъ лифтясь дь валксъ покщанъ голэй гонянь ланкс. — «Ужы-ужы! покщай! мон паўсы пиуцумасынъ», мери одерьвенесъ, дь кода пиуцумасынъ ботатыцы атянь коняланга. Чекчатаисъ лифтясь, а атясь прасъ дь кулысь. А ривизисъ ащи вепели дь от пееди, от пееде! Мельи ривизисъ мере: «чекчатай батькай, дон бу монъ года-як велень гувалт ардуфтылимикъ!»—«Мези аразьди, ардуфтан! мон гарман лифтяма велень кувалт, а тон вант лангызын дь арт мельган», мери чекчатаисъ. Чекчатаисъ алгинива лифтясь велень кувалт, а ривизисъ ваны лангызынзы дь арды мельганса. Кода несэзь

1) боке.

Чекчатай опустился передъ дѣвушкой и идетъ передъ нею. Дѣвушка поставила кувшинъ съ квасомъ у дороги и начала ловить чекчатаю. Лиса подскочила сзади, выпила квасъ и убѣжала, а чекчатай улетѣлъ. Потомъ лиса говорить: «сестричка-чекчатай, ты бы разсмѣшила меня теперь!»—«Такъ что же, отвѣчаетъ чекчатай, я тебя разсмѣшу». Одна молодущечка молотитъ на гумнѣ вмѣстѣ съ дѣдомъ, а голова у дѣда непокрытая. Чекчатай прилетѣлъ и опустился на непокрытую голову дѣда. «Стой-стой! дѣдушка! я ударю его цѣпомъ», говорить молодущечка, да какъ стукнетъ старика по лбу. Чекчатай улетѣлъ, а старикъ упалъ и померъ. А лиса стоитъ въ сторонѣ и вотъ хохочетъ, вотъ хохочетъ! Потомъ лиса говорить: «сестричка-чекчатай, ты бы прокатилъ меня какъ-нибудь вдоль села!»—«Такъ что же, прокачу! я стану летать вдоль села, а ты смотри на меня да скачи», отвѣчаетъ чекчатай. Чекчатай полетѣлъ по низу вдоль села, а лиса смотритъ на него и скачетъ за нимъ. Какъ увидятъ лису собаки, какъ поднимутъ шумъ.

ривизиньть кискат, кода кепедеть шум. Маризи шумуньть чекчатаись, и кармась лифтяма седи верьга. Варчтась чекчатаись верьди ривизиньть ланкс, а ривизиньть кискатьни веси чубанзы сезьнезь, а соньцензы сэвезь.

Ё ў к с.

Эрясть атят бабат, сынцт ульнись цёрэнесть ды тейтерьнесть. Ативись ульнись понды сакал, бабинись — кеньди пеке, тейтерьнесть — киви сельме, цёрэнесть — нудий бильге. Сась чёкшне, бабась мере: «атясь а ятясь, пувака тол!» Кармась атясь толэнь бувама, кода понды сакалынзы кирвазить. Атяньть сакалтны палыть, а бабась пееде. Пеець-пеець бабась, кеньди пекезы сезеуьс. Атяньть сакалтны палыть, а тейтерьнесть ваньы толэньть ланкс. Ванць - ванць тейтерьнесть, кивинь зельмензы соласть.

Услышалъ шумъ чекчатый и началъ летѣть повыше. Взглянулъ чекчатый съ верху на лису, а собаки изорвали на лисѣ всю шкуру, а самое съѣли.

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у нихъ былъ сынокъ и дочка. Старичекъ былъ съ пудовой бородой, старушка съ войлочнымъ брюхомъ, дочка съ оловяннымъ глазомъ, сынокъ съ тростяной ногой. Пришелъ вечеръ, старуха говоритъ: «старикъ а старикъ! вздуйка огонь!» Началъ старикъ вздувать огонь, какъ загорятся его пудовыя баки. У старика горять баки, а старуха смѣется. Смѣялась-смѣялась старуха, разорвалось ея войлочное брюхо. У старика горять баки, а дочка смотритъ на огонь. Смотрѣла-смотрѣла дочка, оловянные глаза ея расплавились. У старика горять баки, а сы-

Атяньть сакалны палыть, а цёрэнесь чийне,—а цёрэнесь чийне.
Чийнись-чийпясь цёрэнесь, нудий бильгиньсы синьтриусть.

Ёу к с.

Мольцъть тейтерьнеть вириу ягидас. Ве тейтерьни плутаяуьс. Якась-якась тейтерьнесь вирьганьть, мусь кудыне. Урядызи, штызи кудыниньть тейтерьнесь, уштызи и паньць ягидань брякат, а соньць кекшсь печька алуу. Се кудынись ульнись орэнь. Састь ортнэ. Ваньць, гудынись штазь (шлязь) урядазь, сыри орэсь и мере: «кии истя тейсь, се козяйкакс тень улиза». Тейтерьнесь маризе, а эзь листь. Орэсь мере: «кии (ки) истя тейсь, сазырыкс тень улиза». Тейтерьнесь маризи и лиссь и кармась ортнэнь марты эряма. Ортны парьцъти анцьть, симьсть и орчасть-карьцисть тейтерьненеть и тейтерьненеть мельц эрямусь ортнэнь гецы тусь. И ортнэнень бары ульнись тейтерьненеть марта; сон бекь парьцъти

нокъ-то бѣгаетъ а сынокъ-то бѣгаетъ. Бѣгалъ-бѣгалъ сынокъ, переломались его тростяныя ноги.

Сказка.

Пошли дѣвушки въ лѣсъ за ягодами. Одна дѣвушка заплуталась. Ходила-ходила по лѣсу, нашла домикъ. Вычистила, вымыла дѣвушка домикъ, истопила и испекла пироги съ ягодами, а сама спряталась подъ печку. Этотъ домикъ принадлежалъ ворами. Пришли воры. Видятъ, домикъ вымытъ, старшій воръ и говоритъ: «кто такъ сдѣлалъ, пусть будетъ мнѣ женой». Дѣвушка услышала, но не вышла. Воръ говоритъ: «кто такъ сдѣлалъ, пусть будетъ мнѣ сестрой». Дѣвушка услышала и вышла и начала жить съ ворами. Воры отлично кормили, поили, одѣвали и обували дѣвушку, и дѣвушкѣ понравилось житье у воровъ. И ворами было хорошо съ дѣвушкой; она очень хорошо имъ готовила и убирала ихъ домъ.

сряпаясь тест и кудыст урядась. Вестъ тустъ ортнэ; сась Яга-бабась и мери тейтерьненътенъ: «мон варчамут сынъ, на тетъ каркске», и карксызи тейтерьнепъть; аныцяк карксызи, тейтерьнесъ кулысь. Састъ ортнэ; аварьцьть-аварьцьть тейтерьненъть вельксса, кармасть шамунъа. Аныцяк юкскизь гарксынъзы, тейтерьнесъ живиясь. Радувасть ортнэ, радувась и тейтерьнесъ. Тустъ омбоцеда ортнэ. Сась тагы Яга-бабась и каясь тейтерьненъть киргава эрькьтъ. Тейтерьнесъ кулысь. Састъ ортнэ, аварьцьть-аварьцьть, кармасть шамунъа; саизъ эрькьненъ гиргастынъзы, и тейтерьнесъ живиясь. Колмоцеды тустъ ортнэ. Тагы сась Яга-бабась и максъ тейтерьненътенъ пиликст. Аныцяк пиликснынъ ёкстәнъси тейтерьнесъ, кулысь. Састъ ортнэ, чарастъ-чарастъ тейтерьненъть кругом, штызь, а пиликснынъ даргамуст эстъ чарькиттъ. Тейтерьнесъ эзь живия¹⁾, и ортны калмизъ зыныцист кудынинътъ вакс.

1) живияк.

Однажды ушли воры; пришла баба-яга и говорить дѣвушкѣ: «я пришла навѣстить тебя, вотъ тебѣ поясокъ»; и опоясала дѣвушку. Только что опоясала, дѣвушка умерла. Пришли воры; поплакали-поплакали надъ дѣвушкой, начали ее мыть. Лишь только они развязали ея поясъ, дѣвушка ожила. Обрадовались воры, обрадовалась и дѣвушка. Ушли въ другой разъ воры. Пришла опять баба-яга и накинула дѣвушкѣ на шею ожерелье. Дѣвушка умерла. Пришли воры, поплакали-поплакали, начали ее мыть; сняли ожерелье съ ея шеи, и дѣвушка ожила. Въ третій разъ ушли воры. Опять пришла баба-яга и дала дѣвушкѣ серѣжки. Лишь только дѣвушка всунула серѣжки, она умерла. Пришли воры, повертѣлись-повертѣлись вокругъ дѣвушки, вымыли ее, а вытащить серѣжекъ не догадались. Дѣвушка не ожила, и воры похоронили ее рядомъ со своимъ домикомъ.

Ёўкс.

Эрясть атят-бабат; атянь-бабань колмы цёраст; ве цёрась дурак. Цёратыни кармасть сёўнома. Тятыся мере: «иляды сёўна, ветаркасы эрямусь седипара». А цёратынинь мельцест как арась тятяньть кулцунумс. Атыся кармасть цёратынинь я(в)умасть. Атяньть ульнись алашазы, скалызы (вазуў) и ревеза. Атыся эстанзы саизи алашаньть, покш цёрантий максызи скалыньть, омбоцень¹⁾ ревенить, а дуракыньтий тятязы мерьць: «вазыи покш лялять скалысь, и вазысь тонь». Дураксь²⁾ учись-учись, скалысь а вазые. Ве шкани дуракысь сайсь нурды ажия ды кода скалыньть бока ланга вачкитьцэ; скалысь вазынзы каизе. Дуракысь капудизи вазыньть пильгида, тусь мниманса. Моли дуракысь вирь вакска; лиссь вирьцтыньть ра(в)ужы киска ды онте дуракыньть ланкс. А дуракысь думе, шты кискась вазыньть рамсе. «Аў!» мери кискась. «Зяры максат?» мери дуракысь. «Аў», кискась.

1) омбоценьтень.

2) Дуракысь.

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи было три сына; одинъ сынъ дуракъ. Сыновья стали ссориться. Отець говоритъ: «не ссорьтесь, вмѣстѣ жить лучше». А сыновьямъ и не было охоты слушать отца. Старикъ началъ дѣлить сыновей. У старика была лошадь, корова (стельная) и овца. Старикъ себѣ взялъ лошадь, старшему сыну далъ корову, второму овцу, а дураку отецъ сказалъ: «отелится корова старшаго брата, и теленокъ—твой». Дуракъ ждалъ-ждалъ, корова не телится. Однажды дуракъ взялъ санную оглоблю да какъ ударить корову въ бокъ; корова выкинула теленка. Дуракъ схватилъ теленка за ноги и пошелъ его продавать. Проходитъ дуракъ около лѣса; вышла изъ лѣса черная собака и лаеъ на дурака. А дуракъ думаетъ, что собака покупаетъ теленка. «Аў!» говоритъ собака. «Сколько дашь?» спрашиваетъ дуракъ. Собака: «Аў!» — «Дай три рубля!» говоритъ дуракъ.

«Дай голмы цолковойть!» мери дуракысь. «Аў», кискась. «Колмоды на!» мери дуракысь и ёрдэзи вазыньть кисканьть ланкс. А кискась ульнись казна. Аньцяк дуракась вассыньть вачкидизи кисканьть, ярмакни чольдерь!!! Дуракысь чийсь кудуў. «Тон мейсь скалыньть чавикь?» мери тятязя. «Паймь зайне; мон учинь-учинь, зон истяк а вазые», мери дуракысь. «Ней гоў ялы теки тейсак се вазыньть?» мери тятязь. «Мон уш миине!» мери дуракысь. «Кискась бути рамасэ», мери тятязь. «Мон ра(в)ужы кисканьтинь миинияк, адыды ярмак мельга». Кильдизь алашаньть, мольцьть се тарканьтинь, ванцызь цела куця ярмакт; пещезь ярмакнинь грандайс, састь кудуў, ней-гак эреть ветаркаса; пекь сюпафт!

Ё ў к с.

Эрясть атят бабат, атянь бабань а эйдест а какшист. Кармась бабинись кияксынь деньцеме, мусь репс видьме. — «Атясь а

Собака: «аў!» — «Возьми за три!» говорит дуракъ и бросилъ телёнка въ собаку. А собака была кладомъ. Только лишь дуракъ ударилъ собаку теленкомъ, деньги загремѣли. Дуракъ прибѣжалъ домой. «Ты зачѣмъ ударилъ корову?» спрашиваетъ его отецъ. «Я взялъ свою долю; я ждалъ-ждалъ, она такъ не отелится», отвѣчаетъ дуракъ. «А теперь куда ты дѣнешь этого теленка?» спрашиваетъ отецъ. «Я уже продалъ его!» отвѣчаетъ дуракъ. «Можетъ быть, собака купить», говоритъ отецъ. «Я и продалъ его черной собацѣ, идите за деньгами». Заложили лошадь, поѣхали на то мѣсто, видятъ цѣлая куча денегъ; собрали деньги въ телѣгу, приѣхали домой, и теперь живутъ вмѣстѣ; очень богаты!

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи не было дѣтей. Старуха начала мести полъ, нашла рѣнное зерно. —

ятясь, азика видикъ репс видьминьтъ!» мери бабась. Атясь мере: «ко-зэнь видйса?»—«Азя подболокс (куды пряс), видикъ». Куссь атясь куды пряс сокат изамут, куссь алаша и кармась подболоконьтъ со-кама. Видизи атясь репс видьминьтъ. Эрясть-ащисть аламус, бабась и мере: «атясь а ятясь, азика варчикъ репсэнътъ!» Варчизи атясь репсэнътъ и мере: «кулакшка». Кучизи бабась атяньтъ омбоцеды репсэнътъ варчама. Варчизи атясь и мере: «салдырксышка». Кол-моцеды атясь мерць: «чапка крукшка». Нилициды — «суфтимъ грукшка». Мелъи бабась вередемсь атяньтинь: «кустимак и монъ репсэнътъ варчама», ды и секе. Сайсь атясь мешек, озафтызи бабанътъ мешекс и кармась кустима ланга кузиме, а мешекэсь пейсэнзы сускызь. Кузить-кузить, бабась мешекстәнътъ кеўксэз атяньтъ: «ищо васуў?» А атяньтинь нельдзя кургызь афтумс и пеевъ бачк отъвече: «васуў!» Кузимс кадуўсь авуль васуў. Бабась мешекстәнътъ мери атяньтинь: «ищо васуў?» Атясь мерексэлъ:

«Старикъ а старикъ, ступай-ка посѣй рѣпное зерно!» говоритъ старуха. Старикъ говоритъ: «гдѣ посѣю?» — «Ступай на подволоку, посѣй». Втащилъ старикъ на подволоку соху и борону, втащилъ лошадь и началъ вспахивать подволоку. Посѣялъ старикъ рѣпное зерно. Пожили-побыли немного, старуха и говоритъ: «старикъ, а старикъ, ступай-ка, посмотри рѣпу!» Посмотрѣлъ старикъ рѣпу и говоритъ: «она съ кулакъ». Послала старуха старика во второй разъ поглядѣть рѣпу. Посмотрѣлъ старикъ и говоритъ: «она съ солоницу». Въ третій разъ старикъ сказалъ: «она съ кругъ шапки». Въ четвертый: «она съ кругъ рѣшета». Потомъ старуха пристала къ старику: «подсади и меня посмотрѣть на рѣпу», да и только. Взялъ старикъ мѣшокъ, посадилъ старуху въ мѣшокъ и началъ лѣзть по лѣстницѣ, прикусивъ мѣшокъ въ зубахъ. Лѣзутъ-лѣзутъ, а старуха спросить старика изъ мѣшка: «еще далеко?» А старику нельзя раскрыть ротъ; онъ и отвѣчаетъ сквозь зубы: «далеко!» Лѣзть оставалось не далеко. Старуха изъ мѣшка говоритъ старику: «еще далеко?» Старикъ хотѣлъ сказать

«авуль!» Апак фатя афтуўсь кургыза, менць мешекэсь¹⁾ пей-
стэнзы, и бабась кустиманть ланга калдырцы прась и ча(в)уўсь.
Атясь валксъ. Ванцы бабанть пеензы низилгафтызь. Атясь
сайсь палка и дай бабанть ча(в)ума, сонць кортэ: «иля пеетть
ланксын, иля пеетть ланксын, иля пеетть ланксын». Мельи
атясь чарькиць, шты бабась кулысь, кильць алаша и тусь лай-
шиця вешнеме. Арды атясь, лиссь картинзы нумул. — «Покщай
а покщай, гоў молят?» — «Лайшиця вешнеме». — «Саимак монь».
«А кода топ лайшат?» Нумулысь кармась: «кекь-кекь-кекь!» —
«Истя пеецьсак бабанть», мери атясь. Мольць-мольць атясь, кар-
чинзы офта. — «Покщай а покщай, гоў молят?» — «Лайшиця
вешнеми, бабам гулысь». — «Саимак монь». — «А тон кода лай-
шат?» Кода офтэсь ранктэ! Атясь патай пилинзы купдынзы и
мере: «истя бабанть стяўсак». Вастызи атяньть верьгез и се
мельц эзь дук. Сы атяньть карчы ривизь. — «Покщай а покщай,
дон гоў?» — «Молян лайшиця вешнеме». — «Ды цей монь зай-

1) мешексь.

«нѣтъ!» Нечаянно раскрылся его ротъ, сорвался мѣшокъ изъ его
зубовъ и старуха съ грохотомъ упала вдоль лѣстницы и убилась.
Старикъ слѣзъ. Видить; что зубы у старухи ощерены. Старикъ
взялъ палку и давай колотить старуху, самъ приговариваетъ: «не
смѣйся надо мной» (3). Потомъ старикъ догадался, что старуха
померла, запрягъ лошадей и отправился искать плакальщицу. Ъдетъ
старикъ, на встрѣчу ему вышелъ заяцъ. — «Дѣдушка, а дѣдушка,
куда ты ѣдешь?» — «Искать плакальщицу». — «Возьми меня». — «А
какъ ты голосишь?» Заяцъ началъ: «кек-кек-кек!» — «Ты такъ раз-
смѣшишь старуху», говоритъ старикъ. Ъдетъ-ѣдетъ старикъ, на
встрѣчу ему медвѣдь. — «Дѣдушка, а дѣдушка, куда ѣдешь?» —
«Искать плакальщицу, моя старуха померла». — «Возьми меня». —
«А ты какъ голосишь?» Какъ рывкнетъ медвѣдь! Старикъ инда
схватился за уши и говоритъ: «ты такъ разбудишь старуху». Встрѣтилъ
старика волкъ, но и онъ не понравился. Идетъ на встрѣчу
старика лисица. — «Дѣдушка, а дѣдушка, ты куда?» — «Я иду искать

мак!» — «А лайскими маштат?» — «Ды цей монь гоньдятт лайшицят арасть», мери ривизись. Саизи атясь ривизиньть, ускизи кудуў. Кармась ривизись лайшине: «бабась лоск, модась тоск; пильгит вереў, брят алуў». Лайши-лайши ривизись, чурасыньзи кандыласнынь и мере: «покшай, ваныка, зяры сельведь!»

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабянь ульнисть кафты тейтерьнест. Кучиньзи авась тейтерьнетьнень вириў ягидас и мерьць тест: «кинь икили пешкеди паргыза, сень мирдининь максса». Пешкець икили паргызы вишка тейтерьненить. Те покш тейтереньть мельц эзь дук. Сон зазырынсы чавизи ды верьгез ямас каизе. Се тейтерьнестанить кассь килий сэрей ды виде. Юты килииньть вакска срипкань дейней и мере: «ваны килиись срипкакс кодамы пара!» и кармась керямунза. А килийнись кармась морама:

плакальщицу». — «Да чай меня возьми!» — «А голосить ты умёшь?» — «Да чай подобныхъ мнѣ плакальщиковъ нѣтъ», отвѣчаетъ лисица. Взялъ старикъ лисицу, привезъ домой. Лисица начала голосить: «земля зашуми, старуха туда (чтобъ въ землю); твои ноги къ верху, твоя голова внизъ». Поголосить - поголосить лисица, об..... гробъ и скажетъ: «дѣдушка, посмотри-ка сколько слёзъ!»

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи были двѣ дочери. Послала мать дочерей въ лѣсъ по ягоды и сказала имъ: «чей кузовокъ прежде наполнится, ту я отдамъ за мужъ». Прежде наполнился кузовокъ младшей дѣвушки. Это не понравилось старшей дѣвушкѣ. Она убила свою сестру и бросила въ волчью яму. Изъ этой дѣвушки выросла берёза высокая и прямая. Проходитъ мимо нея скрипичный мастеръ и говорить: «вотъ какъ хороша берёза на скрипки!» И началъ ее рубить. А берёзка начала пѣть:

Ох! ля-ли-нимъ, за - сты-не,
Су-ка пать-кам ца - ви-нимъ

«Ох, лялинимъ, застыне,
Ох, лялинимъ, стамбарнэ,
Истякак прям зэреде:
Сука патькам цавимимъ,
Верьгез ямас каимимъ,
Ашы килийкс мон цачинь,
Килий даратт монъ геден,
Килий зюцюфт монъ зурнынъ».

Керези срипкань дейнеесь килииньтъ, путызи крандайс и тусь мартынза. Суvasь срипкань дейнецясь¹⁾ велес удума и суvasь хватерас тейтерьненътъ тятянцтынъ. Тейтерьненътъ тятянтий срипкань дейнейсь мере: «мон годамы килий ускинь, ломанькс кортэ». Лиссь тейтерьненътъ тятязя, кармась килийнинътъ варч-нине, и килийнисъ кармась морама: «Ох тятякай; застыне» (и т. д.). Суvasь цёрась кудыс и мери козяйканцтый: «кодамыкилий, ломанькс

1) теинейсь.

«Охъ, братецъ, тихонько, охъ, братецъ, легонько, и такъ болить головка моя, убила меня сука сестрѣнка, бросила меня въ волчью яму. Я родилась бѣлой берѣзкой, берѣзовыя вѣтки—мои руки, березовыя почки—мои пальцы». Срубилъ скрипичный мастеръ березу, положилъ въ телѣгу и отправился съ ней въ путь. Въѣхалъ скрипичный мастеръ въ село на ночлегъ и въѣхалъ на квартиру къ отцу дѣвушки. Скрипичный мастеръ говоритъ отцу дѣвушки: «какую я привезъ березу, говоритъ по-человѣчьи!» Вышелъ отецъ дѣвушки, началъ разсматривать берѣзку, и берѣзка начала пѣть: «Охъ, батюшка, тихонько» (и т. д.). Мужикъ вошелъ въ избу и говоритъ своей женѣ: «какая берѣза, говоритъ по-человѣчьи!»

кортэ!» Лиссь авась, кармась килииньть варчнине, а килийнись кармась морама: «Охъ, авакай, застыне!» (и т. д.). Сувась авась, ёфтась тейтереньтей. Лиссь тейтересь, кармась килийниньть варчнине, а килийнись кармась морама:

«Сука патькай, застыне,
Сука патькай, стамбарнэ.
Истякак прям зэреде.
Кода тон монь цавимикъ,
Верьгез ямас каимикъ,
Ашы килийкс мон цачинь,
Килий даратт монь геден,
Гилий зюцюфт монь зурнын!»

Саизь гилииньть и думасть пултамунса. Каизь гилииньть пецькас, килиись кирвайсь. Лифтясь килийстыньть гулькине, озась гулькинись брус ланкс и кармась морама: «Сука патькам цавимимъ» (и т. д.). Мораўсь морэсь, и лифтясь гулькинись.

Вышла мать, начала разсматривать берёзку, а берёзка начала пѣть: «Охъ, матушка, тихонько» (и т. д.). Вошла мать (въ избу), рассказала дочери. Вышла дочь, начала разсматривать берёзку, а берёзка начала пѣть: «Сука сестрица, тихонько, сука сестрица легонько, и такъ головка моя болитъ. Какъ ты меня убила, бросила въ волчью яму, я родилась бѣлой берёзой, березовыя вѣтки— мои руки, березовыя почки— мои пальцы!» Взяли берёзу и рѣшили ее сжечь. Бросили берёзу въ печь, берёза загорѣлась. Вылетѣла изъ берёзы голубка, сѣла голубка на брусъ и начала пѣть: «сука сестрица моя меня убила» (и т. д.). Сигѣлась пѣсня, и улетѣла голубка.

Ё ў к с.

Эрясть атят бабат, атянь бабань ульнись цёрэнест ды тейтерь-
нест. Прась бабинись, кулысь. Бабининьть калмизь. Мелы тейтерь-
несь ды цёрэнесь мереть тятяст туртуу: «тятяй, зайть од ава,
тятяй, зайть од ава!» — «Саян, ды мелезэнк туиза», мери тя-
тась. — «Од авась од баля сты!» мереть пакшатыне. Сайсь атась
од ава. Од авась мери атяньтий: «печкекь цёрат, карман мартыт
эряма, а печксак, а карман мартыт эряма». Атась цёрэненьы
печкезе, а бабась ямукс пидизе (цёрэненьть). Озасть атяньть марты
бабась ярцама, а тейтерьненьть полокланкс панизь. Атяньть марты
бабась ямуньть корчезь, и сывилиньть сэвезь, а ловажинитьнинь
тейтерьненьть ланкс ёврезь. Тейтерьнесь пурнынъи ялакскины
ловажинитьнинь, сюлминъи ашы пачини поц, ды путынъи бул-
дырьни пряс. Ловажинитьни тееусть гулькиникс и кармасть морама:

Сказка. [Превращенная въ голубку дѣвочка].

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи были сынокъ
и дочка. Заболѣла старушка и умерла. Старушку похоронили.
Послѣ этого дочка и сынокъ говорятъ отцу: «отецъ, возьми ма-
чеху, возьми мачеху!» — «Возьму, отвѣчаетъ отецъ, да понра-
вилась бы вамъ». — «Мачеха, говорятъ ему дѣти, сошьетъ новую
рубашку!» Взялъ старикъ мачеху. Мачеха говоритъ старику: «за-
рѣжь своего сына, тогда стану съ тобой жить; не зарѣжешь, не
стану жить съ тобой». Старикъ зарѣзалъ своего сына, а старуха
сварила его (сынка) на щи. Съели кушать старикъ со старухой, а
дочку прогнали на полати. Старикъ со старухой выхлебали щи,
съѣли мясо, а косточки перекидали на дочку. Дѣвочка собрала
братишкины косточки, завязала ихъ въ бѣлый платочекъ и по-
ложила на брусъ. Косточки сдѣлались голубкой и начали пѣть:

Гуль-дирь гуў-гуў-гуў тя - тям беч - ке-мемь
Гуль-дирь гуў-гуў-гуў ода-винимь би - ди-мимь

«Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дяткам бечкемемь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, авинимь бидимимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, прякафтумы сэвемезь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькань ланкс ёвремезь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькам бурнымимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, ашы пацяс сюлмимимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, булдырьни пряс путымимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, гулькининикс теевень». Бабась маризи морамунть и мери атяньтинь: «Варчтака¹⁾, те ки морэ!» Кармась атясь кузими пецька ланкс, а гулькинись кода скокади булдырьни прасты ды вельдьярмава и лифтясь. Лифтясь, лифтясь гулькинись, ванцы карчинсы уры микшний. — «Уры микшний, а уры микшний, дайка монянь коморы ура, мон деть моры моран!» мери гулькинись. Уры микшнийсь максесь гулькининьтий коморы ура. Гулькинись озась уры микшниньть чирькинсы ланкс и кармась: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дяткам бечкемемь,

1) варштака.

«гульдирь-гувь-гувь-гувь, тятенька меня зарёзаль; гульдирь-гувь-гувь-гувь, мачеха меня сварила; гульдирь-гувь-гувь-гувь, они съѣли меня безъ пирога (безъ хлѣба); гульдирь-гувь-гувь-гувь, они перекидали меня на сестру; гульдирь-гувь-гувь-гувь, сестрица меня собрала; гульдирь-гувь-гувь-гувь, она завязала меня въ бѣлый платокъ; гульдирь-гувь-гувь-гувь, она положила меня на брусъ; гульдирь-гувь-гувь-гувь, я сдѣлался голубкой». Старуха услышала пѣніе и говоритъ старику: «посмотри-ка, кто это поетъ!» Сталъ старикъ лѣзть на печку, а голубка какъ соскочить съ бруса, да въ печное окошко и улетѣла. Летѣла, летѣла голубка, смотреть — навстрѣчу шильный торговецъ. — «Шильный торговецъ, а шильный торговецъ, дай-ка мнѣ горсть шильевъ, я тебѣ спою пѣсню!» — говоритъ голубка. Шильный торговецъ далъ голубкѣ горсть шильевъ. Голубка сѣла на дугу шильнаго торговца и начала:

гульдирь-гуў-гуў-гуў, од авинимь бидимимь» (и т. д.), Морэзи морэньть гулькинись, тусь тагы лифтяма. Лифтясь, лифтясь, карчинзы салмукс микшний. — «Салмукс микшний, а салмукс микшний, дайка монянь гоморы салмукс, мон деть моры моран!» мери гулькинись. Салмуксынь микшнииь макесь гулькининьтинь³ коморы салмукс. Гулькинись озась салмуксынь микшнииь чирькинзы ланкс ды кармась: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дяткам бечкемемь» (и т. д.). Мораўсь морэсь, гулькинись тагы тусь лифтяма. Лифтясь-лифтясь, карчинзы медь микшний. — «Медь микшний, а медь микшний, дайка монянь медь беньч, мон деть моры моран!» мери гулькинись. Медь микшницясь макесь гулькининьтинь медь беньч. Гулькинись озась медь микшнициянь чирькинзы ланкс и кармась: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дяткам цавимимь» (и т. д.). Мораўсь морэсь, гулькинись тагы тусь лифтяма. Лифтясь гулькикинись мекеў гудуў, сувась кудыкилиў, озась куды кенкшенеть велькес и кармась морама: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, тяткам бечке-

«гульдирь-гувь-гувь-гувь, тятенька меня зарёзалъ; гульдирь-гувь-гувь-гувь, мачеха меня сварила» (и т. д.). Спёла пёсенку голубка, пошла опять лететь. Летала-летала,—на встрёчу ей игольный торговецъ.—«Игольный торговецъ, а игольный торговецъ, дай-ка мнё горсть иголокъ, я тебё спою пёсню!» говорит голубка. Игольный торговецъ далъ голубкё горсть иголокъ. Голубка сёла на дугу игольнаго торговца и начала: «гульдирь-гувь-гувь-гувь, тятенька меня зарёзалъ» (и т. д.). Спёлась пёсенка, и голубка опять пошла лететь. Летёла-летёла,—на встрёчу ей торговецъ мёдомъ.—«Торговецъ мёдомъ, а торговецъ мёдомъ, говорит голубка, дай-ка мнё ложку меду, я тебё спою пёсню!» Торговецъ мёдомъ далъ голубкё ложку меду. Голубка сёла на дугу торговца мёдомъ и начала: «гульдирь-гувь-гувь-гувь, тятенька меня убилъ» (и т. д.). Спёлась пёсня, голубка опять пошла лететь. Прилетёла голубка опять назадъ домой, вошла въ сёни, сёла надъ избной дверью и начала петь: «гульдирь-гувь-гувь-

мемь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, од авинимь бидимимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, прякафумы савемезь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькань ланкс'эвремезь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькам бурнымимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, ашы пацяс сюлмимимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, булдырьни пряс путымимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, гулькиникс теевень». Тятязы мари́зи мора́муда, лиссь кудыкилиў, ды афтынь гуркт ваны вереў. Гулькинись каизи коморы урыньть кургызынса. Атясь поваўсь, кулысь. Кармась гулькинись тагы морама. Мари́зи гулькининьть од ава́за, лиссь кудыкилиў ды афтынь гуркт ваны вереў. Гулькинись каизи коморы салмуксынть од авансы куркс. Поваўсь од авазы, кулысь. Кармась гулькинись тагы морама. Мари́зи гулькининьть патьказа, лиссь кудыкилиў ды афтынь гуркт ваны вереў. Гулькинись каизи медь беньченьть патянсы куркс.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабань а эйдест а какшист. Тусь бабась орожьянинь; мольць-мольць, мусь кудыне. Суvasь бабась

гувъ, тятенька меня зарѣзалъ» (и т. д.) Отецъ услышалъ пѣсню, вышелъ въ сѣни и смотритъ вверхъ разиня ротъ. Голубка бросила ему въ ротъ горсть шилевъ. Старикъ подавился и умеръ. Голубка стала опять пѣть. Услышала голубку мачеха, вышла въ сѣни и смотритъ вверхъ разиня ротъ. Голубка бросила въ ротъ своей мачехѣ горсть иголь. Подавилась мачеха и умерла. Голубка стала опять пѣть. Услышала голубку сестричка, вышла въ сѣни и смотритъ вверхъ разиня ротъ. Голубка бросила въ ротъ своей сестрѣ ложку меду.

Сказка. [Снѣгурочка].

Жили старикъ и старуха, у нихъ не было дѣтей. Пошла старуха къ ворожеѣ; шла-шла, нашла домикъ, вошла старуха въ

кудыниньтинь, кудывисынть ащи Яга-баба. Яга-бабась соньць кудышка, прызы кардышка; ве пильгизы печька ланкса, а омбоцесь полук ланкса; ве кедезы эземь бряса, а омбоцесь печька икиле. Бабинись сувась, сюкунясь Яга-бабаньтий и мере: «Здорову, Яга-бабай!» — «Здорову авулить меретьдяря, кафтуу зезелеть, вейкеу нилитинь!» мери Яга-бабась. — «Монь, Яга-бабай, эйден арасть!» мери бабась. — «Азя, сювурдак лоу зювуркс, путыкь сонзы лаусьс; нурьцят-нурьцят, сон дееви пакшакс». Сась авась кудуу; сювурдась лоу зювуркс, путызи лаусьс; нурьцись-нурьцись авась, марясы пакша вайгиль, штафтызи, лаусьсынть тейтерьбакшине. Радувасть цёранть марты авась и думить, ней годама пакшаньтий лемь буттана. Путызь бакшанть лемензы Лоўняське. Кассь Лоўняськи уш покшкесты и ульнись пекь пары, превей и мазый. Сась ве шкани Лоўняськинь ялганзы и мереть Лоўняськинь аванцтый: «нолдэкь Лоўняськинь миникь марты вириу ягидас». Лоўняськинь авазы пекь эзь нолда. Мельи

домикъ, въ домикѣ баба-яга. Баба-яга сама съ домъ, а голова ея съ хлѣвъ; одна нога у ней на печкѣ, а другая на полатахъ; одна рука на передѣ, а другая передъ печкой. Старушка вошла, поклонилась бабѣ-ягѣ и говорить: «здравствуй, баба-яга!» — «Если бы ты не сказала здравствуй, отвѣчаетъ баба-яга, я разорвала бы тебя на двѣ части и въ одинъ разъ проглотила бы тебя!» — «У меня, бабушка-яга, нѣтъ дѣтей», говоритъ старуха. — «Иди, скатай снѣжный комокъ, положи его въ люльку; покачаешь-пскачаешь, онъ сдѣлается ребенкомъ». Пришла старуха домой; скатала снѣжный комокъ, положила въ люльку; покачала-покачала женщина, слышитъ дѣтскій крикъ, открыла люльку, въ ней дѣвочка. Обрадовались мужъ и жена и думаютъ, какое мы теперь дадимъ имя ребенку. Дали ребенку имя Снѣгурочка. Выросла Снѣгурочка уже большенькой и стала очень хорошая, умная и красивая. Пришли однажды подружки Снѣгурочки и говорятъ Снѣгурочкиной матери: «пусти Снѣгурочку съ нами въ лѣсъ по ягоды».

и ялгатыни и соньць Лоўняськи вередемьсть авантъий и авась
нолдзе. Тусть тейтерьнетъни вириў. Якасть-якасть тейтерьнетъне,
кочкасть ламы ягидат. Кармасть тейтерьтъни кудуў зыргама,
лисьеть вирыцтыньть, а уш кармась сундырьгадума. Ванцьизь
дейтерьнетъни вириньть бокасы ащи кудыне, ундыкски стяфтызе,
палакски вельтезе, сынъ дозэй зувасть и мереть: «дайти теск
удытана, а валцки тутана кудуў». Аньцяк тейтерьнетъни маднись,
сувасть покш кургы офтэсь, а се кудынись ульнись покш кургы
офтэньть. — «Удыды-удыды! мери покш кургы офтэсь, валцки
рана мон денкъ зафтырк кенерьцян!» Валцки покш кургы офтэсь
стясь рана, уштызи кудынса. Тейтерьнетъни веси удысть, аньцяк
Лоўняськи а удэ; сонъ геденсы алга ваны, покш кургы офтэсь
местейне. А покш кургы офтэсь похлѣпка пиде: каясь чугунынь-
тинъ ведъ, лѣфнись ланкстынсы таст (офтэсь ульнись таз боца),
кайсиньси таснынъ цугунц, лакафтыньсе. Стяфниньси офтэсь
тейтерьнетънень. Тейтерьнетъни веси ярцьить, а Лоўняськи соды,

Мать ни за что не пускала Снѣгурочку. Потомъ и подруги и сама
Снѣгурочка пристала къ матери и мать пустила. Пошли дѣвушки
въ лѣсъ. Ходили-ходили дѣвушки, набрали много ягодъ. Стали
дѣвушки собираться домой, вышли изъ лѣсу, а ужъ начало смер-
каться. Увидѣли дѣвушки на краю лѣса стоитъ домикъ—дуплышко
поставило, крапивушка покрыла—онѣ вошли туда и говорятъ:
«давайте проночуемъ здѣсь, а утромъ пойдемъ домой». Только что
легли дѣвушки, вошелъ медвѣдь большой ротъ,—а домикъ этотъ
принадлежалъ ему.—«Спите-спите!» говоритъ медвѣдь большой
ротъ, «утромъ рано я приготовлю вамъ завтракъ!» На слѣдующій
день медвѣдь большой ротъ всталъ рано, вытопилъ свой домъ.
Дѣвушки всѣ спали, но не спала лишь Снѣгурочка; изъ подъ рукъ
[которыми она закрыла свое лицо] она смотритъ, что дѣлаетъ
медвѣдь большой ротъ. А медвѣдь большой ротъ варить похлѣбку:
налилъ воды въ чугунъ, наковырялъ съ себя шелудей (медвѣдь былъ
покрытъ шелудями), насыпалъ шелуди въ чугунъ, вскипятилъ.
Разбудилъ медвѣдь дѣвушекъ. Всѣ дѣвушки ѣдятъ, а Снѣгурочка

мези марты похлёпкась, и а ярца. Офтэсь мери, кода ярцаўсть тейтерьнетъне: «кона ярцась, сень гудуў нолдаса, а кона эзь ярца, сень деса каца». Нолдэньзи офтэсь тейтерьнетънень гудуў, а Лоўняськинъ гадызи эстянза. Суваўсь покш кургы офтэсь нуртт, поводеньзи лаўсь лаца, маць ээст и мере: «Лоўняськи, нурьци-мак!» Лоўняськись нурьцись-нурьцись, офтэзь матидиўсь. Офтэсь уды, а Лоўняськись ащи ды аварьде. Лифтясь вальмалуў орёл и мере: «Лоўняськи, местейнят?» — «Ащан ды аварьдян», мери Лоўняськись. — «Адя озак лангзыын, мон гудуў бачтян!» мери орёлэсь. Озась Лоўняськи орёлэньть ланкс. Орёлэсь вачкидиньзи лапанса, лифтясь. Лифтясь-лифтясь орёлэньть марты Лоўнясь-кить, сыргойсь покш кургы офтэсь. Сон царькиць, косы Лоў-няськи, и напустясь сасамуст. Орёлэсь лифтясь-лифтясь, сизись, валксъ оймама. Покш кургы офтэсь сасыньзи самай оймамста, сезьнези орёлэньть толгань долгань; саизи мекеў Лоўняськинъ. Састь Лоўняськинъ ялганзы кудуў, ёфтасть Лоўняськида аванц-

знаеть, съ чѣмъ похлебка, и не ѣсть. Когда дѣвушки поѣли, медвѣдь говоритъ: «которая поѣла, я ту пущу домой, а которая не ѣла, ту я оставлю здѣсь». Отпустилъ медвѣдь дѣвушекъ домой, а Снѣгурочку оставилъ у себя. Внесъ медвѣдь большой ротъ сани, новѣсилъ ихъ наподобіе люльки, легъ въ сани и говоритъ: «Снѣгурочка, покачай меня!» Снѣгурочка покачала-покачала, медвѣдь заснулъ. Медвѣдь спитъ, а Снѣгурочка стоитъ и плачетъ. Прилетѣлъ подъ окно орелъ и говоритъ: «Снѣгурочка, что ты дѣлаешь?» — «Стою и плачу», отвѣчаетъ Снѣгурочка. — «Иди сядь на меня, я провожу тебя домой!» говоритъ орелъ. Сѣла Снѣгурочка на орла. Орелъ ударилъ крыльями и полетѣлъ. Летѣли-летѣли орелъ и Снѣгурочка, проснулся медвѣдь большой ротъ. Онъ догадался, гдѣ Снѣгурочка, и пустился ихъ догонять. Орелъ летѣлъ-летѣлъ, усталъ, спустился отдохнуть. Медвѣдь большой ротъ застигъ ихъ въ то самое время, какъ орелъ отдыхалъ, разорвалъ орла по перышку и взялъ Снѣгурочку обратно. Вернулись Снѣгурочкины подруги домой, рассказали о Снѣгурокѣ ея матери, что

тый, шты сонсы покш кургы офтэсь эстьянзы кадызе. Лиссь Лоў-
няськинъ авазы кардайс, озась мукуръ ланкс и кармась аварьдима.
Мольць Лоўняськинъ аванзы вакс тазуў-дузуў букинись, конанъ
мукурцынзы кафты пулыт, и мере: «иля аварьть, мон Лоўнясь-
кинъ заласа покш кургы офтэньть кецта». Омбоцеды матидиўсь
покш кургы офтэсь нуртгнынинъ. Лоўняськи тагы озась вальма-
луў ды аварьде. Мольць вальманьть алуў дазуў-дузуў букинись
и мере: «Лоўняськи, месьть аварьдят?» — «Покш кургы офтэсь
кудуў а нолдасамам», мери Лоўняськись. — «Сак озак лангтызын,
мон бачтян гудуў», мери тазуў-дузуў букинись. — «Косты товять
пачтимс, орёлнэнь иты эзень залафт», мери Лоўняськись. — «Коли
мереть тетъ, ады озак», мери тазуў-дузуў букинись. Озась Лоўнясь-
кись букининьть ланкс, оргоцьть. Сыргыйсь покш кургы офтэсь, на-
пустясь медьгаст. Кармась офтэсь сасамуст, букинись Лоўнясь-
кинътинъ мере: «таргикъ мукурцтын ве тулынъть!» Таргизи Лоў-
няськись ве тулынъть букининьть мукурцта, букинись офтэньть и

медвѣдь большой ротъ оставилъ ее у себя. Вышла Снѣгурочкина
мать на дворъ, сѣла на пень и начала плакать. Подошелъ къ Снѣ-
гурочкиной матери шелудивый-короставый бычокъ, въ задъ ко-
торого было два клина, и говоритъ: «не плачь, я выкраду Снѣ-
гурочку у медвѣдя большого рта». Въ другой разъ заснулъ мед-
вѣдь большой ротъ въ саянхъ. Снѣгурочка опять сѣла подъ окномъ
и плачетъ. Подошелъ подъ окошко шелудивый-короставый бычокъ
и говоритъ: «Снѣгурочка, ты чего плачешь?» — «Медвѣдь большой
ротъ не пускаетъ меня домой», отвѣчаетъ Снѣгурочка. — «Иди
садись на меня, я доставлю тебя домой», говоритъ шелудивый-
короставый бычокъ. — «Куды тебѣ доставить, орелъ и то не могъ
меня украсть», отвѣчаетъ Снѣгурочка. — «Когда тебѣ говорятъ,
иди садись», говоритъ шелудивый-короставый бычокъ. Сѣла Снѣ-
гурочка на быка, побѣжали. Проснулся медвѣдь большой ротъ,
пустился за ними. Медвѣдь сталъ ихъ нагонять, бычокъ говоритъ
Снѣгурочкѣ: «вытащи изъ моего зада одинъ клинъ!» Вытащила
Снѣгурочка одинъ клинъ изъ зада бычка, бычокъ обдристалъ и

сельмензы и чаманзы пургизе. Лоткась офтэсь, кармась чаманзы нарытниме, а букинись ялы ардэ. Нарытниўсть офтэньть сельмензы чаманза, напустясь тагы букининьть марты Лоўняськинь мельга. Кармась тагы офтэсь сасамуст, букинись мери Лоўняськининь: «таргикь мукурцтын омбоци тулынть!» Таргизи Лоўняськись омбоци тулынть, пургизи букинись офтэньть пряды пилькс. Тагы лоткась офтэсь пургаўснынь нарытниме, а се шканьть букининьть марты Лоўняськи кудуў бачкицьть.

Ё ў к с.

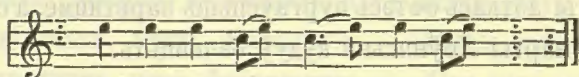
Эрясть атятъ бабат, атянь бабань ульнись тейтерьнест. Прась бабась, кулысь. Тейтерьнесь мере: «тятяй, зайть од ава, тятяй, зайть од ава!» — «Саян ды мелезэт пары улиза», мери тятясь. — «Од авась од баля сты», мери тейтерьнесь. Атясь урьваксьсь. Од авась мери атяньтий: «юмафтыкь тейтерет, карман мартыт эряма».

глаза и лицо медвѣдя. Остановился медвѣдь, началъ вытирать лицо, а бычокъ все скачетъ. Вытеръ медвѣдь глаза и лицо, и пустился опять за бычкомъ и Снѣгурочкой. Опять сталъ ихъ нагонять медвѣдь, бычокъ говоритъ Снѣгурочкѣ: «вытащи изъ моего зада второй клинь!» Вытащила Снѣгурочка второй клинь, обдристалъ бычокъ медвѣдя съ головы до ногъ. Опять остановился медвѣдь, чтобы вытереть то, чѣмъ его обдристалъ бычокъ, а въ это время бычокъ вмѣстѣ съ Снѣгурочкой добѣжали до дома.

Сказка. [Злая мачеха и медвѣдь].

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи была дочка. Слегла старуха, померла. Дочка говоритъ: «батюшка, возьми мачеху!» — «Возьму, да понравилась бы это тебѣ», отвѣчаетъ отецъ. — «Мачеха сошьетъ новую рубашку», говоритъ дочка. Старикъ женился. Мачеха говоритъ старику: «погуби свою дочку, (тогда) буду

Атясь кильць-повоць, озафтызи тейтеренза, ускизн вириу, ундыски стяфтызе, палакски вельтези, кудынис су(в)афтызи и мере: «ащикъ, тейтерьнемъ, мон молян арявикс чүфтынь геряма». Атясь лиссь кудынистыньть и тусь кудуу. Тейтерьнесъ учись-учись, тя-тязы арась. Сась суньдирьгадумы шка. Тейтерьнесъ кармась лайши-ме: «Виринь дятят, вирь ават. Сады мартын удумы и удумы ащиме».

Ви-ринь дя-тят, вирь а - ват

Офтэсь маризи и мере: «ужы-ужы, эйдякай, гандан деть понды эрькть, понды грушат, понды-горьнипофт и понды суриведьметь». Сась офтэсь, кандыньси меств алуфтась и мере: «на, тейтеремъ, керьксэть, а мон мадян оймсеме; аныцк керьксавить, стяфтумак». Офтэсь куусь пецька ланкс и маць. Тейтерьнесъ кармась эрьгень герьксама, а чумбулксиксь лиссь и мере: «патьякай а патьякай, дай монянь эрьгене, грушине, горьнипоуне и сури ведемene!» Тейтерьнесъ сайсь эрьгене, грушине, горьнипоуне, сури ведемени

съ тобой жить». Старикъ заложилъ (лошадь), посадилъ свою дочь повезъ ее въ лѣсъ, ввелъ въ домикъ, который поставило дуплышко, покрыла крапивка, и говорить: «побудь дочка, я пойду рубить вужное дерево». Старикъ вышелъ изъ домика и пошелъ домой. Дѣвочка ждала-ждала, отца ея нѣтъ. Наступили сумерки. Дѣвучка начала голосить: «лѣшіе, лѣшачихи, придите ночевать со мной и ночевать посидѣть». Медвѣдь услышалъ ее и говорить: «постой-постой, дитятко, я принесу тебѣ пудовку бусъ, пудовку крупныхъ бусъ, пудовку погремушекъ и пудовку концовъ нитокъ». Пришелъ медвѣдь, принесъ, чтò обѣщалъ, и говорить: «возьми дочка, нанизывай ихъ, а я лягу отдыхать; какъ нанижешь, разбуди меня». Медвѣдь влѣзъ на печку и легъ. Дѣвочка начала нанизывать бусы, а ласочка вышла и говорить: «сестрица, а сестрица, дай мнѣ бусинку, крупную бусинку, погремушку и конецъ нитки!» Дѣвочка взяла бусинку, крупную бусинку, погремушку и конецъ

и максынъси чумбулскиньтий. Чумбулскисъ сайнъси ды мере: «паспба, патькай, монъць как пары тетъ теян», и тусъ. Стясъ покш кургы-офтэсъ и мере: «керъксаўсть штоли?»—«Керъксаўсть», мери тейтерънесъ.— «Ну, дай гончкесы нальксиме», мери офтэсъ. Валкъс офтэсъ печька ланкта, максъс тейтеръненътенъ сиянь баягини и мере: «тон чийникъ и дилиньтъ! а мон зельмень зюлма-сынъ». Сюльминъси офтэсъ сельменса. А се шканъть лисъс вари-нисты чумбулскисъ, сайзи тейтеръненътъ кецты баягининътъ, а тейтеръненътъ кекшези печька алуў, и кармасъ баягининътъ дилиньдиме. Офтэсъ мере: «косат?» — «Тесан-досан, ваны косан!» мери чумбулскисъ. Офтэсъ сюлманъ зельмтъ вемъберътъ якасъ кудыниванътъ, а кияк тензы эзь бонкт. Ашилгаць. Офтэсъ напу-стясъ вириў. Бабасъ мери атяньтинъ: «азя туикъ тейтерет, карман мартыт эряма; а тусак, а карман мартыт эряма». Кильць-повоць атинисъ, тусъ вириў, муизи кудынинътъ. Су(в)асъ атясъ кудынинъ-тинъ, а тейтеренътъ киргасы эрькытъ, грушат, горънишофт, ащя буты

нитки и дала ихъ ласочкѣ. Ласочка взяла ихъ и говоритъ: «спасибо, сестрица, и я сдѣлаю тебѣ добро», и ушла. Всталъ медвѣдь большой ротъ и говоритъ: «нанизала что ли?»—«Нанизала», отвѣчаетъ дѣвочка.—«Ну, давай играть въ жмурки», говоритъ медвѣдь. Слѣзъ медвѣдь съ печи, далъ дѣвочкѣ серебряный колокольчикъ и говоритъ: «ты бѣгай и звони! а я завяжу свои глаза». Завязалъ медвѣдь свои глаза. А въ это время вышла изъ норки ласочка, взяла изъ рукъ дѣвочки колокольчикъ, а дѣвочку спря-тала подъ печку и начала звонить въ колокольчикъ. Медвѣдь го-воритъ: «гдѣ ты?»—«Я здѣсь и тамъ, смотри гдѣ я!» отвѣчаетъ ласочка. Медвѣдь съ завязанными глазами ходилъ всю ночь по домику, никто ему не попался. Разсвѣло. Медвѣдь убѣжалъ въ лѣсъ. Старуха говоритъ старику: «ступай, привези свою дочь, (тогда) стану жить съ тобой, а если не привезешь, я не стану съ тобой жить». Заложилъ старикъ (лошадь), поѣхалъ въ лѣсъ, нашелъ домикъ. Вошелъ старикъ въ домикъ, а у дочери на шеѣ бусы, крупные бусы, погремушки, сидитъ точно барыня. Взялъ

боярава. Саизн атинись и тусь мартынзы кудуў. А кискинись ащи орта лангсы и мере: «каў-каў, батькам зы, пурдань зюлгамни туел!» А бабась мере: «тиба-тя-тя-тя! мерьть: кахмарьне!» Сась атясь, тейтерьнесь ащи наряджазь бояравакс. Неези тейтерьнесь кискининьть, макссь тензы пурдань зюлгамне. Бабась мере: «Атясь а ятясь, азя юмафтыкь монь дейтереньть!» Атясь кильць-повоць, озафтызи бабаньть тейтеренса, тусь вириў юмафтуманса. Су(в)афтызи атясь тейтереньть секи кудыньтинь и мере: «ащикь, дочай, молян эрявикс чуфтынь геряма». Тусь атясь. Тейтерьнесь кадуўсь ськамунса. Сась чёкшне. Тейтерьнесь кармась лайшиме: «виринь дятят, вирь ават, сады мартын удумы и удумы ащиме». Маризи покш кургы офтэсь и мере: «ужы-ужы, эйдякай, гандан деть понды эрькьть, понды грушат, понды горьнипофт, понды сури ведьметь!» Сась офтэсь, кандыньси месьть афотась и мере: «на керьксак, а мон мадян; аныцяк керьксавить, стяфтумак, и минь гарматана коньчкесы нальксиме». Офтэсь маць пецька ланкс,

ее старикъ и поѣхалъ съ нею домой. А собачка сидить у воротъ говорить: «кавъ-кавъ, ѣдетъ моя сестрица, везетъ витую за-понку!» А старуха говорить: «цыцъ! скажи: мосолокъ!» Приѣхалъ старикъ, а дѣвочка сидить одѣта барыней. Увидѣла дочка собачку, дала ей витую запонку. Старуха говорить: «старикъ а старикъ, ступай погуби мою дочь!» Старикъ заложилъ (лошадь), посадилъ старухину дочь, поѣхалъ въ лѣсъ, чтобы ее погубить. Ввелъ старикъ дѣвочку въ тотъ же домикъ и говорить: «подожди, дочка, я пойду рубить нужное дерево». Ушелъ старикъ. Дѣвочка осталась одна. Наступилъ вечеръ. Дѣвочка стала голосить: «лѣшіе и лѣшачихи, придите ночевать со мной и ночевать-посидѣть». Услыхалъ это медвѣдь большой ротъ и говорить: «постой-постой, дитятко, я принесу тебѣ пудовку бусъ, пудовку крупныхъ бусъ, пудовку погремушекъ и пудовку концовъ нитокъ!» Пришелъ медвѣдь, принесъ то, что обѣщалъ, и говорить: «возьми, нанизывай, а я лягу; какъ нанижешь, разбуди меня, и мы начнемъ играть въ жмурки». Медвѣдь легъ на печку, а дѣвочка начала нанизывать.

а тейтерьнесь кармась керьксама. Лиссь чумбулскись ды мере: «патьяй а патьяй! дай монянь эргени, грушини, горьнипоўни и суриведьмене!» Тейтерьнесь серьгець офтэньтень: «покщай, цумбулскись веше!» — «Палкасы сонзы стукадикь пря ланга», мери офтэсь. Тейтерьнесь стукадизи чумбулскиньть пря ланга палкаса, чумбулскись су(в)ась варинис. Офтэсь сыргойсь и мере: «керьксаўсть штоли?» — «Керьксаўсть!» мери тейтерьнесь. Офтэсь валксь печька ланксты и мере: «тонять на сиянь баягине, тон гармат чийними и дилиньдике, а мон зельмен зюлмасынь ды карман донь куньдимат». Тейтерьнесь сапзи баягининьть и кармась дилиньдике, а офтэсь сюлминьси сельмензы и кармась тейтереньть куньдике. Тейтересь баяганьть дилиньдифтизе. Офтэсь чийсь се угулыньтинь, кундызи тейтереньть, порезе, а ловажанзы пурныньси ды кудинис путыньси печька ланкс, а сонць тусь. Бабась валцки рана стясь и мерп атяньтинь: «азя ускикь тейтеремь мекеў, ды вант нарядынзы илять юмафне!» А сонць кармась прякань баниме. Атинись кильць-повоць, тусь бабаньть

Вышла ласочка и говорить: «сестрица а сестрица, дай мнѣ бусинку, крупную бусинку, погремушку и конецъ нитки!» Дѣвочка крикнула медвѣдю: «дѣдушка, ласочка просить!» — «Палкой ударь ее по головѣ», отвѣчаетъ медвѣдь. Дѣвочка ударила ласочку по головѣ палкой, ласочка скрылась въ норку. Медвѣдь проснулся и спрашиваетъ: «нанизала что ли?» — «Нанизала!» отвѣчаетъ дѣвочка. Медвѣдь слѣзъ съ печки говоритъ: «вотъ тебѣ серебряный колокольчикъ, ты будешь бѣгать и звонить, а я завяжу свои глаза и начну тебя ловить». Дѣвочка взяла колокольчикъ и начала звонить, а медвѣдь завязалъ себѣ глаза и началъ ловить дѣвушку. Дѣвочка позвонила въ колокольчикъ. Медвѣдь побѣжалъ въ этотъ уголъ, схватилъ дѣвушку, съѣлъ, а кости ея собралъ и положилъ кучкой на печку, а самъ ушелъ. Старуха встала рано на слѣдующій день и говоритъ старику: «ступай привези мою дочку обратно и смотри не растеряй ея нарядовъ!» А сама стала печь пироги. Старичекъ заложилъ (лошадь), поѣхалъ за старухиной до

тейтереньть мельга. Сась атьась вириньтинь, су(в)ась кудыиньтий, ванцы тейтерьнесь арась, аныцяк ловажанзы печька ланксы ащить. Пурнынъзи атинись ловажинитьнинь мешекес и тусь куду. А бабась кайси печькас прякат. Кискинись ащись-ащись орта ланксы и мере: «каў-каў-каў! бокщам зы, монянь кахмарь уске!» Бабась кода напусти койменьть марты кисканьть мельга, соньць пижне: «мерьть: патькам зы, монянь бурдань зюлгاما уске!» Сась атьась. Бабась лиссь, ванцы тейтерезы арась. Кодя бабась уракадэ!

Ё ў к с.

Эрясть атят бабат, атянь бабань ульнись тейтерьнест. Бабинись кулысь. Тейтерьнесь мере: «тятяй зайть од ава! тятяй зайть од ава!» — «Саян ды мелезэт пары улиза», мери тятясь. «Од авась од баля сты!» мери тятяньть карчи тейтерьнесь. Сайсь атьась од гозайка. Козайканьть ульнись соньцензы тейтереза; соньцензы

черью. Приѣхалъ старикъ въ лѣсъ, вошелъ въ домикъ, видитъ, что дочки нѣтъ, только кости ея лежатъ на печкѣ. Собралъ старичекъ косточки въ мѣшечекъ и поѣхалъ домой. А старуха сажаетъ пироги въ печь. Собачка сидѣла-сидѣла у воротъ и говоритъ: «кавъ-кавъ-кавъ, дѣдушка ѣдетъ, везетъ мнѣ мосолъ!» Старуха какъ бросится бѣжать съ лопатой за собакой, а сама кричитъ: «скажи, сестрица ѣдетъ, везетъ мнѣ витую запонку!» Подѣхалъ старикъ. Старуха вышла, видитъ—дочки ея нѣтъ. Старуха какъ рывкнетъ!

Сказка. [Злая мачеха и баба-яга].

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи была дочка. Старуха померла. Двчка говорить: «батюшка, возьми мачеху! батюшка, возьми мачеху!» — «Возьму, да понравилось бы это тебѣ», отвѣчаетъ старикъ. «Мачеха сошьетъ новую рубашку!» говоритъ въ отвѣтъ отцу дочка. Взялъ старикъ новую жену. У этой жен-

тейтереньть од авась вечкезе, а атяньть тейтерьненить эси вечкьть. Весть од авась сайсь раужы сумань бракта, максызи атяньть тейтерьненить ды мере: «зяры ашилгадумазынзы муськсак, сесты кудуу зак!» и тутмадизы кудыстынить. Тусь тейтерьнесь, муськс-муськс, а муськиви практась. Казизи тейтерьнесь пракстаньть вец, соньць тусь киява молеме. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы ки бокас эльди вашиясь. «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как тетъ пары теян!» мери эльденесь. Тейтерьнесь урядызи эльдененьть, соньць тагы тусь. Мольць-мольць, ванцы, ки бокас скал вазыясь. «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как тетъ пары теян», мери скалнысь. Тейтерьнесь урядызе, соньць тагы тусь. Мольць-мольць, ванцы, ки бокас реви леуксэясь. «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как тетъ пары теян!» мери ревенесь. Тейтерьнесь урядызи, соньць тусь тагы молеме. Мольць-мольць, ванцы, ки бокас сеени леуксэясь¹⁾. «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как тетъ пары теян»,

1) леуксэясь.

щины была своя дочь; свою дочь мачеха любила, а старикову дочь она не полюбила. Однажды мачеха взяла черную онучу, дала ее стариковой дочкѣ и говорить: «мой ее, пока она не побѣлѣетъ, тогда иди домой!» и вытолкала ее изъ дому. Пошла дочка, мыла-мыла, не отмывается портянка. Бросила дѣвушка портянку въ воду, а сама пошла по дорогѣ. Шла-шла дѣвушка, видитъ у дороги ожеребилась кобыла. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ кобыла, вымой-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала кобылу, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ — на краю дороги отелилась корова. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ корова, вымой-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала ее, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ на краю дороги обьягнилась овца. «Дѣвушка а дѣвушка, вымой-ка меня, говоритъ овца, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ на краю дороги обьягнилась козочка. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ козочка, вымой-ка меня, и я сдѣлаю тебѣ добро». Дѣ-

мери сеенесь. Тейтерьнесь урядызе, соньць тагы тусь. Мольць-мольць, ванцы, ки бокасы ащи печькене. «Тейтерьни а тейтерьне, вадьнимака, моньць-как тетя пары теян!» мери печькенесь. Тейтерьнесь вадьнизи печькененьть, соньць тагы тусь. Мольць-мольць, ванцы ки бокасы ащи болотэне. «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как тетя пары теян!» мери болотэненесь. Тейтерьнесь урядызи болотэнененьть, теези лисьминикс. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы, ащи кудыне. Су(в)ась тейтерьнесь кудыниньтий. Кудынисыненьть ащи Яга-баба. Яга-бабась столь эшкса; ве пильгизы печька ланкса, омбоцесь полок ланкса. «Сюк-сюк! бабай!» мери тейтерьнесь. «Сюк аулить мерьтьдяря, кафтуу зезелеть, вейкеу нилитинь; месьть тия якат?» мери Яга-бабась. «Авам банимимь», мери тейтерьнесь. «Азя ушт баня!» мери Яга-бабась. Тейтерьнененьть банязы явась, сон мольць Яга-бабаньтинь ёфтама. «Кундамак пильгиды, ускумак баняу, ды парямак комель бельде!» мери Яга-бабась. Тейтерьнесь кундызи Яга-бабаньть

вушка убрала, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ—на краю дороги стоитъ печурка. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ печурка, обмажь-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка обмазала печурку, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ—на краю дороги болотце. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ болотце, убери-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала болотце, обратила его въ родничекъ. Шла-шла дѣвушка, видитъ — стоитъ домикъ. Вошла дѣвушка въ домъ. Въ домѣ баба-яга. Баба-яга за столомъ, одна нога ея на печкѣ, а другая на полатяхъ. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ дѣвушка. «Если бы ты не поздоровалась, отвѣчаетъ баба-яга, я разорвала бы тебя на двое и въ одинъ бы разъ тебя проглотила; чего ты здѣсь ходишь?» «Меня выгнала мать», отвѣчаетъ дѣвушка. «Ступай истопи баню!» говоритъ баба-яга. Истопилась у дѣвушки баня, она пришла сказать объ этомъ бабѣ-ягѣ. «Возьми-ка меня за ноги, тащи меня въ баню, да вспарь меня комелемъ вѣника», приказываетъ баба-яга. Дѣвушка взяла бабу-ягу за руку, привела въ баню, вспарила ее вершиной вѣ-

кетъта, ветеги баняс, лопа пельди паризе, мекеу гудуу ветега. Яга-бабасъ таргасъ покш сундук и мере: «на те сундукунъ, кудуу бачкидят ды панъцикъ». Тейтерънесъ саизи сундукунъ, тусъ кудуу. Мольць-мольць, пекъ симмазы сасъ, ванцы—ки бокасы ащи сонзы урядафт лисьминисъ. «Тейтеръни а тейтеръне, сак симъть ведънедэн!» мери лисьминисъ. Тейтерънесъ симъсь кельми ведънеды, тусъ. Мольць-мольць, пекъ пекезы вачсь, ванцы—ки бокасы ащи сонзы вадънифъть пецъкенесъ, пецъкенесэнъть пары прякат. «Тейтеръни а тейтеръне, сак ярпак прякадын!» мери пецъкенесъ. Тейтерънесъ ярпасъ, тусъ тага. Мольць-мольць, ащи ки бокасы сеянъ здада. «Тейтеръни а тейтеръне, саимизъ миникъ, минъ веси тонъ марты мольтяна», мери тейтеръненъть штафт сеенесъ. «Адыды!»¹⁾ мери тейтерънесъ. Тусъ сеянъ здадасъ тейтеръненъть мельга. Мольць-мольць тейтерънесъ, ванцы—ки бокасы ащи ревенъ здада. «Тейтеръни а тейтеръне, саимизъ миникъ, минъ веси тонъ марты мольтяна!» мери тейтеръненъть штафт ревенесъ.

1) Также: адыды; ср. ниже адида.

ника, привела назадъ въ домъ. Баба-яга вытащила большой сундукъ и говоритъ: «возьми этотъ сундукъ; когда вернешься домой, отопри его». Дѣвушка взяла сундукъ; пошла домой. Шла-шла; очень ей захотѣлось пить; видитъ — на краю дороги устроенный ею родничёкъ. «Дѣвушка а дѣвушка, подойди вышей моей водицы!» говоритъ родничёкъ. Дѣвушка выпила холодной водицы и пошла. Шла-шла; очень она проголодалась; видитъ—на краю дороги стоитъ обмазанная ею печурка, а въ печуркѣ хорошіе пироги. «Дѣвушка а дѣвушка,—говоритъ печурка,—подойди, поѣшь моихъ пироговъ». Дѣвушка поѣла и опять пошла. Шла-шла, на краю дороги пасется стадо козъ. «Дѣвушка а дѣвушка! возьми насъ, мы всѣ пойдемъ съ тобою», говоритъ вымытая дѣвушкой козочка. «Идите!» говоритъ дѣвушка. Пошло козье стадо за дѣвушкой. Шла-шла дѣвушка; видитъ—на краю дороги овечье стадо. «Дѣвушка а дѣвушка,—говоритъ вымытая дѣвушкой овечка,—возьми насъ, мы всѣ пой-

«Адыды!» мери тейтерьнесь. Тусь ревень здадась тейтерьненъть мельга. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы—ки бокасы ащи скалынь здада. «Тейтерьни а тейтерьне, саймизь миникъ, минъ веси тонъ марты мольтяна!» мери тейтерьненъть штафт скалнысь. «Адыды!» мери тейтерьнесь. Тусь скалынь здадась как тейтерьненъть мельга. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы—ки бокасы ащи алашанъ здада. «Тейтерьни а тейтерьне, саймизь миникъ, минъ веси тонъ марты мольтяна», мери тейтерьненъть штафт эльденесь. «Адыды!» мери тейтерьнесь. Сась тейтерьнесь кудуу, ветясь нили стадат; паньцизи тейтерьнесь сундукунъть, сундукъ эцезь золотада. Од аванъть кармась сельмезы сявадума. Сон цавизи сонъцензы тейтеренъть, панизе, максъ тензы муськимс раужы суманъ бракта. Тейтерьнесь муськъ-муськъ суманъ брактанъть, тусь киява молеме. Мусь тейтерьнесь ки бокас вапшязь эльдене. Эльденесь мере: «тейтерьни а тейтерьне, урядамака, монъць как тетъ пары теян!» — «Мазыян-баран, ды карман урядамут», мери тейтерьнесь. Мусь тейтерьнесь вазыязь згал, сень гак эси шта;

демъ съ тобой». — «Идите!» говорить дѣвушка. Пошло овечье стадо за дѣвушкой. Шла-шла дѣвушка, видитъ — на краю дороги коровье стадо. «Дѣвушка а дѣвушка, возьми насъ, говорить вымытая дѣвушкой корова, мы всѣ пойдемъ съ тобой». — «Идите!» говорить дѣвушка. Шла-шла дѣвушка, видитъ на краю дороги лошадиный табунъ. «Дѣвушка а дѣвушка, говорить вымытая дѣвушкой кобыла, возьми насъ, мы всѣ пойдемъ съ тобой». — «Идите!» говорить дѣвушка. Пришла дѣвушка домой, привела четыре стада; отперла дѣвушка сундукъ, сундукъ набить золотомъ. Мачеха стала завидовать. Она побила свою дочь, погнала ее, дала ей вымыть черную онучу. Дѣвушка мыла-мыла онучу и пошла дорогой. Нашла дѣвушка у дороги ожеребившуюся кобылку. Кобылка говоритъ: «дѣвушка а дѣвушка, вымой-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» — «Я красива и пригожа, да начну тебя мыть!» говоритъ дѣвушка. Встрѣтила дѣвушка отелившуюся корову, и ту она не вымыла; встрѣтила объегнившуюся овечку, и ту она не

мусь леўксыйзъ ревене, сень гак эси шта; мусь леўксыйзъ зеене, сень гак эси шта; мусь лазнуфт пецкене, эси вадьне; мусь боло-тәне, эси уряда. Пачкиць тейтерьнесь Яга-бабаньтинь. «Сюк-сюк, бабай!» мери тейтерьнесь. «Сюк аулить мерьтьдяря, кафтуу зезе-летень, вейкеу нилитинь; месьть тияня якать?» мери Яга-бабась. «Авам банимимь», мери тейтерьнесь. «Ази ушт баня, ускумак пильгиды баняу, парямак тенцы комельбельде», мери Яга-бабась. Тейтерьнесь ушсь баня, саизи Яга-бабаньть пильгиды, ускизи ба-няу, теньцьть комельцы кутьмиринзы веси пупсизе, пильгиды мекеу гудуу ускизе. Яга-бабась сайсь аксялды-сундук, максызи тейтерьненъть ды мере: «кудуу бачкидять ды паньцьикъ». Тейтерь-несь саизи сундукунъть, тусь. Мольць-мольць, симиназы сась. Муизи тейтерьнесь лисьмининъть. «Лисьмини а лисьмине! симьди-мака», мери тейтерьнесь. «Мазыят-парат ды кармат монь ветьты симиме», мери лисьминись. Тусь тейтерьнесь апак симьть. Мольць мольць, муизи пецкененьть; пекезы тейтерьненъть вачсь, а пець-

вымыла; встрѣтила объягившуюся козочку, и ту она не вымыла; встрѣтила растрескавшуюся печурку, и ту она не обмазала; встрѣ-тила болотце, и то она не убрала. Дошла дѣвушка до бабы-яги. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ дѣвушка. «Если бы ты не сказала здравствуй,—говоритъ баба-яга,—я разорвала бы тебя на двое, и съѣла бы въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?» «Меня прогнала мать», отвѣчаетъ дѣвушка. «Ступай вытопи баню, тащи меня въ баню за ноги, вспарь меня комлемъ вѣника», приказываетъ баба-яга. Дѣвушка истопила баню, схватила бабу-ягу за ноги, пота-щила ее въ баню, истыкала всю ея спину комлемъ вѣника, и на-задъ домой потащила ее за ноги. Баба-яга взяла изъ подъ ска-мейки сундукъ, дала его дѣвущкѣ и говоритъ: «когда вернешься домой, отопрй его». Дѣвушка взяла сундукъ и пошла. Шла-шла, захотѣлось ей пить. Нашла дѣвушка родничекъ. «Родничекъ а род-ничекъ! — говоритъ дѣвушка, — напои-ка меня». «Ты красива и пригожа, станешь ты пить мою воду!» отвѣчаетъ родничекъ. Ушла дѣвушка не напившись. Шла-шла, нашла печурку; проголодалась

кенесь прыка эзь макст. Мольць-мольць тейтерьнесь, мусь сеянъ здада. «Стадыни а стадыне, адя монъ марта!» мери тейтерьнесь. «Мазыят парат ды кармат сея марты молеме», мери стадынись, «а молян». Тусь тейтерьнесь. Муизи тейтерьнесь ремень здаданьт, эзь мольть мартынзы ремень здадась как. Мольць-мольць тейтерьнесь, мусь скалынъ здада; эзь мольть мартынзы скалынъ здадась как. Мольць-мольць тейтерьнесь, карчинзы алашанъ здада. Терьдэзи тейтерьнесь алашанъ здаданьт мартынзы; эзь мольть алашанъ здадась как. Сась тейтерьнесь кудуў, баньцизи сундукуньт, сундукусь эцезь гулуўда.

Ё ў к с.

Эрясть атят бабат; атянъ бабанъ а эйдест а какшист. Атясь тусь роботама; туимстынза мери бабанцтый: «мон а карман сёрмат кучними и тон иля кучне». Аньцяк цёрась тусь, козяйказы

дѣвушка, а печурка не дала ей пирога. Шла-шла дѣвушка, нашла козье стадо. «Стадушко а стадушко, иди со мной!» говоритъ дѣвушка. «Ты красива и пригожа, отвѣчаетъ стадушко, станешь ты идти съ козами!? не пойду я». Ушла дѣвушка. Нашла дѣвушка овечье стадо, не пошло съ ней и овечье стадо. Шла-шла дѣвушка, нашла коровье стадо; не пошло съ ней и коровье стадо. Шла-шла дѣвушка, навстрѣчу ей лошадиный табунъ. Позвала дѣвушка съ собой лошадиное стадо; не пошло и лошадиное стадо. Пришла дѣвушка домой, отперла сундукъ, а сундукъ набитъ золой.

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи не было дѣтей. Старикъ ушелъ на работу; уходя онъ говоритъ своей старухѣ: «я не буду посылать тебѣ писемъ, и ты не посылай». Только лишь ушелъ мужикъ, жена его забеременѣла и родила мальчика. Му-

пекеась и чачсь цѣра. Цѣрась мольць-мольць, сась симимаза; комась цѣрась симими лисьмас, а лисьмасынѣть ульнись «Дячка Най-Най». Аньцяк цѣрась кармась симиме, Дячка Най-Най капу-дизи сонзы сакалды ды мере: «алфтыкъ монянь мезьды тонѣцеть кудысы аздат». Атясь думась-думась и мере: «ды мон веси сода-сынѣ, монѣ мезен улитъ кудыса». — «Алфтыкъ — мезьды аздат», мери Дячка Най-Най. Атясь алуфтызе, Дячка Най-Най полдѣньси сакалынза. Атясь кувать роботась, мельи кармась сыргамы кудуѣ. Аньцяк атясь пачкиць кудуѣ, ванцы сонзы ортава лиси од-сѣра аварьдизь, а мельганзы лиси атянѣть козяйказа, аварьде. Атясь чарькиць, шты сонзы чачсь цѣра, и сон апак сода алфтызи Дячка Най-Найнинѣ. Кармась атясь-как аварьдиме, а тейнемс неместь, кучумс цѣрась Дячка Най-Найнинѣ эряве. Мольць-мольць цѣрась, мусь кудыне, а кудынисынѣть Яга-баба. Су(в)ась цѣрѣ-несь кудынинѣтинѣ ды мере: «Сюк-сюк, бабай!» — «Сюк авулитъ мерѣтьдяря, кафтуѣ зезелетень, вейкеѣ нилитинѣ», мери Яга-

жикъ шелѣ-шелѣ, захотѣлось ему пить; нагнулся мужикъ къ роднику (чтобы) выпить, а въ родникѣ былъ «Дячка Най-Най». Только лишь сталъ мужикъ пить, Дячка Най-Най схватилъ его за бороду и говоритъ: «обѣщай мнѣ то, чего ты въ своемъ домѣ не знаешь». Старикъ думалъ-думалъ и говоритъ: «да я все знаю, что находится въ моемъ домѣ». — «Обѣщай чего не знаешь», говоритъ Дячка Най-Най. Старикъ обѣщаль. Дячка Най-Най выпустилъ его бороду. Старикъ долго работалъ, потомъ сталъ собираться домой. Только лишь старикъ дошелъ до дому, видитъ — изъ его воротъ выходитъ паренѣ въ слезахъ, а за нимъ выходитъ старикова жена, плачетъ. Старикъ понялъ, что у него родился сынѣ и что, не зная, онъ обѣщаль его Дячка Най-Наю. Сталъ и старикъ плакать, дѣлать нечего, надо послать сына къ Дячка Най-Наю. Шелѣ-шелѣ паренѣ, нашелъ домикъ, а въ домикѣ баба-яга. Вошелъ паренекъ въ домикъ и говоритъ: «Здравствуй, бабушка!» — «Если бы ты не сказалъ здравствуй, говоритъ баба-яга, я разорвала

бабась. «Месть тия якать?» мери Яга-бабась. «Молян Дячка Най-Наинь роботникикс», мери цёрась. «А роботавить тонять Дячка Най-Наинь роботатьне», мери Яга-бабась, «азя седи васуу, мусак монь батянь, сон тетя ёфты месть теемс». Лиссь цёрэнесь Яга-бабанть кудыста, тусь тагы молеме. Мольць-мольць цёрэнесь, мусь кудыне, су(в)ась кудыниньтинь. Кудынисыньть Яга-баба. «Сюк-сюк, бабай!» мери цёрэнесь. — «Сюк авулить мерьтьдяря, кафтуу зезелетень, вейкеу нилитинь; месть тия якать?» мери Яга-бабась. «Молян Дячка Най-Наинь роботникикс», мери цёрэнесь. «А роботавить тетя Дячка Най-Наинь роботатьне», мери Яга-бабась. «Азя муят ишо ве Яга-баба, миникь покш патянык; се тонафтансат, месть тейнемс», мери Яга-бабась. Лиссь цёрэнесь Яга-бабанть кецта, тусь. Мольць-мольць цёрэнесь, мусь колмоци кудыне; су(в)ась кудыниньтий, кудынисыньть Яга-баба. «Сюк-сюк, бабай!» мери цёрэнесь. «Сюк авулить мерьтьдяря, кафтуу зезелетень, вейкеу нилитинь; месть тия якать», мери Яга-

бы тебя на двое, и проглотила бы тебя въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?» — «Я иду въ работники къ Дячка Най-Наю», отвѣчаетъ парень. «Не сработать тебѣ работъ Дячка Най-Ная, — говоритъ баба-яга — ступай еще дальше, найдешь мою старшую сестру, она расскажетъ тебѣ что дѣлать». Вышелъ паренекъ отъ бабы-яги, и пошелъ опять. Шелъ-шелъ парень, нашелъ второй домикъ, вошелъ въ домикъ. Въ домикѣ баба-яга. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ паренекъ. — «Если бы ты не поздоровался, — говоритъ баба-яга, — я разорвала бы тебя на двое и проглотила бы тебя въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?» «Я иду въ работники къ Дячка Най-Наю», отвѣчаетъ парень. «Не сработать тебѣ работъ Дячка Най-Ная, — говоритъ баба-яга, — ступай еще дальше, найдешь мою старшую сестру, она расскажетъ тебѣ, что дѣлать». Вышелъ паренекъ отъ бабы-яги, и пошелъ опять. Шелъ-шелъ парень, нашелъ третій домикъ, вошелъ въ домикъ. Въ домикѣ баба-яга. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ паренекъ. — «Если бы ты не поздоровался, — говоритъ баба-яга, — я разорвала бы тебя на

бабась. «Тятя алфтыимь Дячка Най-Наинь роботникис», мери цёрэнесь. «А роботавить тетя Дячка Най-Наинь роботан-за; сонзы кардазынзы перька нилиныгемень голея, веси колеят-нень прясы ломань брят, ве колея ланксы арась ломань бря, се ланкс орчаўсы тонь брят», мери Яга-бабась. Цёрась кар-мась ризнама. Яга-бабась мере: «или ризна, ази вань истямы ведь ланкс, тосы муят — колмы тейтерьть экшелеть, се тей-терьтьни Дячка Най-Наинь. Ве тейтереньть лемезы Мазый Марья, сонзы панарызы каязь вепеле. Тон зайк Мазый Марьяньть панарынзы ды кекшть мартынзы. Лисить тейтерьтьни вецтэньть, кармить орчнеме, а тон брят иляк нефьть. Покш тейтерьтьни орчеть и туить, а Мазый Марьясь кадуве. Мазый Марьясь мери: «бути сыри ломань панарум саизе, покшакс эль бабакс тень улиза, бути од ломань — лялякс-патыкс тень улиза», а тон брят иляк нефьть. Кода мере: «бути одсёра панарум заизе, полакс тень улиза», сесты лить и максык Мазый Марьяньть

двое и проглотила бы тебя въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?» «Отецъ обѣщалъ меня Дячка Най-Наю въ работники», отвѣчаетъ парень. «Не сработать тебѣ работъ Дячка Най-Ная; вокругъ его двора сорокъ кольевъ, на всѣхъ кольяхъ человѣчьи головы, только на одномъ колу нѣтъ человѣчьей головы, на нее надѣнетъ онъ твою голову», говоритъ баба-яга. Парень сталъ горевать. Баба-яга говоритъ: «ве горюй, ступай вотъ на такую рѣку, тамъ ты найдешь, что купаются три дѣвушки, это дочери Дячка Най-Ная. Имя одной дочери Красивая Марья; ея рубашка брошена въ отдаленія. Ты возьми рубашку Красивой Марьи и спрячься съ нею. Выйдутъ дѣвушки изъ воды, станутъ одѣваться, а ты не показывай себя. Старшія дѣвушки одѣнутся и уйдутъ, а Красивая Марья скажетъ: «если мою рубашку взялъ старый человѣкъ, пусть онъ будетъ мнѣ дѣдомъ или бабушкой, если молодой чело-вѣкъ, пусть будетъ старшимъ братомъ или старшей сестрой», а ты не показывай себя. Когда она скажетъ: «если мою рубашку взялъ молодой парень, пусть будетъ онъ моимъ мужемъ», тогда

панарынса». Цѣрась тусь, мольць-мольць, ванцы ведь, вецэньтэ экшелеть колмы тейтереть, кафты тейтеретьненъ банарыст ве тар-каса, а вишка тейтереньтэ вепеле. Мольць цѣрась, салызи Мазый Марьяньтэ панарынса, кекшсь калбоц. Лисстэ покш тейтеретьне, орчасть, тустэ. А Мазый Марьяньтэ панарынзы арась. Мазый Марьясь мере: «бути сыри ломань заизи монъ банарум, покщакс эль бабакс тень улиза; бути од ломань заизе, лялякс-патякс тень улиза; бути одзѣра саизе, полакс тень улиза». Аньцяк Мазый Марьясь мерьць: «полакс тень улиза», цѣрэнесь лиссь, максызи панарынть. Орчась Мазый Марьясь; тустэ Дячка Най-Наиньтий. Дячка Най-Найсь мери Мазый Марьяньтий: «андыкъ, симьдикъ, а мон думан, годамы тензы робота максумс». Саизи Мазый Марьясь цѣрэненътэ андызи, симьдизи, оймафтызе. Мелы чийсь ломань Дячка Най-Наинътэ кецта, терьди цѣрэненътэ Дячка Най-Наиньтий. Мольць цѣрэнесь Дячка Най-Наиньтий; сон дензы мере: «мон ули утум

выходи и отдай рубашку Красивой Марьѣ». Парень пошелъ, шелъ-шелъ, смотреть—рѣка, въ рѣкѣ купаются три дѣвушки, у двухъ дѣвушекъ рубашки въ одномъ мѣстѣ, а у младшей дѣвушки въ сторонѣ. Подошелъ парень, укралъ рубашку Красивой Марьи, спрятался въ тальникахъ. Вышли старшія дѣвушки, одѣлись и ушли. А у Красивой Марьи нѣтъ рубашки. Красивая Марья говоритъ: «если старый человѣкъ взялъ мою рубашку, пусть онъ будетъ мнѣ дѣдушкой или бабушкой; если ее взялъ молодой человѣкъ, пусть будетъ мнѣ старшимъ братомъ—старшей сестрой; если ее взялъ молодой парень, пусть будетъ мнѣ мужемъ». Лишь только сказала Красивая Марья: «пусть будетъ мнѣ мужемъ», парень вышелъ и отдалъ рубашку. Одѣлась Красивая Марья, и пошли они къ Дячка Най-Наю. Дячка Най-Най говоритъ Красивой Марьѣ: «Накорми и напои его, а я подумаю, какую ему дать работу». Взяла Красивая Марья парня, накормила, напоила, дала отдохнуть. Потомъ прибѣжалъ человѣкъ отъ Дячка Най-Ная, зоветъ парня къ Дячка Най-Наю. Пошелъ парень къ Дячка Най-Наю; онъ ему говоритъ: «у меня есть амбаръ съ просомъ, ступай

бросам, азя лоўнэть зяры зёрна и конёў ланкс сёрмадыть, а конёвоньть кандыкь монянь». Цёрэнесь лиссь Дячка Най-Наиньть кецты и аварьдизь дусь Мазый Марьяньтий. «Тон мекс аварьдят?» мери Мазый Марьясь. «Пекь роботаньть апары макссь, а мерьць бути а роботасак, прят керяса», мери цёрэнесь. «Те роботаньть роботасыныкь», мери Мазый Марьясь. Макссь Мазый Марьясь цёрэненьтей ашы пачини и мере: «листь кардазуў, а(в)улад пачинисыньть нилинь белеў и мереть: «Дячка Най-Наинь родэнсы племанса, сады лоўнэнькь утум бросанса, сёрмадынть конёў ланкс, а конёвоньть максынькь монянь». Лоткась цёрэнесь аварьдимада, саизи пачининьть и тейсь истя, кода мерьць тенсы Мазый Марьясь. Пурнаўсть веси родэнсы раськинсь Дячка Най-Наиньть, лоўнэзь бросань-бросань, сёрмадызь конёў ланкс, а конёвоньть максызь зёрэненьтей. Омбоци чиньть стясь цёрэнесь, саизи конёвоньть, и мольць Дячка Най-Наиньтий. Дячка Най-Найсь саизи конёвоньть и мере: «пурна(в)уды веси работникин, саиды кшнинь

сосчитай, сколько зеренъ, и запиши на бумагу, а бумагу принеси мнѣ». Парень вышелъ отъ Дячка Най-Най и съ плачемъ пошелъ къ Красивой Марьѣ. «Ты чего плачешь?» говоритъ Красивая Марья. «Очень нехорошую работу онъ мнѣ далъ,—отвѣчаетъ паренекъ,—и сказалъ, что, если не сработаешь, то срублю твою голову».—«Эту работу мы сработаемъ», говоритъ Красивая Марья. Дала пареньку Красивая Марья бѣлый платочекъ и говоритъ: «выйди на дворъ, махни платочкомъ на четыре стороны и скажи: Дячка Най-Наины родня и племя, придите сосчитайте его амбарное просо, запишите на бумагу, а бумагу дайте мнѣ». Пересталъ паренекъ плакать, взялъ платокъ и сдѣлалъ такъ, какъ ему велѣла Красивая Марья. Собрались всѣ родственники Дячка Най-Най, сосчитали по просианкѣ, записали на бумагу, а бумагу дали пареньку. На другой день всталъ паренекъ, взялъ бумагу и пошелъ къ Дячка Най-Наю. Дячка Най-Най взялъ бумагу и говоритъ: «соберитесь всѣ мои работники, возьмите желѣзные вилы

зянкъ и кепеденкъ монъ брован; мон варчтан конёвонъ ланкс». Пурнаўсть веси роботникне, сайсть кшнинъ зянкт и кепедезъ Дячка Най-Наинъ брованса. Варчтась¹⁾ Дячка Най-Найс конёвонъ ланкс и мери цёрэненьтей: «не префьне авуль донъ, а Мазый Марьянъ; роботак тень ищо ве работа — тонафтыкъ карцы айгырум!» Цёрэнесь лиссь Дячка Най-Наинъ кецты и пеедезъ моли Мазый Марьянтий. «Тон меств пейдят²⁾?» кеўкъсьни Мазый Марьясь. «Пекъ сожда роботанъ тень максъ тятят, карцы айгырынсы мерыъ тонафтумада», мери цёрэнесь. «Ведъ зонсы айгырызы сисимъ брясы гуй», мери Мазый Марьясь. Тагы кармась ризнамы цёрэнесь. Мазый Марьясь мери цёрэненьтей: «или ризна, на ваны те пацининъ, листъ кардайс, а(в)улдак нилинъ белеу и мерыъ: Дячка Най - Наинъ родэнсы племансы, пурна(в)уды эрейста, тонафтынкъ сонсы айгырынса». Цёрэнесь тейсь истя, кода мерыъ тенсы тейтересь. Дячка Най-Наинъ родэнсы эзезъ маря цёрэнень вайгилинъ, эсть са. Су(в)ась цёрэ-

1) варштась.

2) пеедят.

и поднимите мои брови; я взгляну на бумагу». Собрались всё работники, взяли желёзные вилы и подняли брови Дячка Най-Най. Взглянулъ Дячка Най-Най на бумагу и говорить пареньку: «эти мысли не твои, а Красивой Марьи; сработай мнѣ еще одну работу, выучи моего жеребца, стоящаго въ хлѣвѣ!» Паренекъ вышелъ отъ Дячка Най-Най и улыбаясь идетъ къ Красивой Марьѣ. «Ты чего улыбаешься?» спрашиваетъ Красивая Марья. «Очень легкую работу далъ мнѣ твой отецъ, отвѣчаетъ паренекъ, велѣлъ выучить своего жеребца, стоящаго въ хлѣвѣ». «Вѣдь его жеребецъ семиглавый змѣй», говоритъ Красивая Марья. Опять сталъ горевать паренекъ. Красивая Марья говоритъ пареньку: «не горюй, на вотъ этотъ платочекъ, выйди на дворъ, махни имъ на четыре стороны и скажи: Дячка Най-Наины родня и племя, собирайтесь скорѣе, выучите его жеребца». Паренекъ сдѣлалъ такъ, какъ ему велѣла дѣвушка. Дячка Най-Найна родня не услышала голоса паренька, не пришла. Вошелъ паренекъ съ плачемъ къ Красивой

несь аварьдизь Мазый Марьяньтий. Мазый Марьясь макссь тензы кшнинь балка, сисимь бонт сталмуза. Мольць цёрэнесь, саизи карцты сисимь брясы гуиньть, лифтизи ушуу, озась лангызынсы ласте. Гуись вачкидиньси лапанза, лифтясь вереу. Варчтась цёрэнесь алуу, а модась неяви аныцк пачалгышка. А(в)улдась цёрэнесь кшнинь балкасынть, лифтясть гуиньть сисимниск прятне. Валксь цёрэнесь, мольць Дячка Най-Наиньтий и мере: «тонафтыне». — «Авуль донь брефьне, не префьни Мазый-Марьяньть; валцкис тейть церкова и церкованть эйсты сляникинь сэдь монь гудынть виц; бути валцкис а тееветь, прят керяса», мери Дячка Най-Найсь. Лиссь цёрэнесь и авардизь моли Мазый Марьяньтий. «Иля аварьть, те тевеньть тейсэнекь», мери Мазый Марьясь. «На те пачининьть, листь кардайсь, а(в)улдак пилинь белеу и мерьть: «Дячка Най-Наинь родэнзы племанзы, сады теенкь церкованть и сэденьть». Саизи цёрэнесь пачининьть, лиссь кардазуу, а(в)улдась нилинь белеу и мерьць истя, кода тонафтызи Мазый Марьясь. Пурнаусть Дячка Най-Наинь родэнзы

Марьё. Красивая Марья дала ему желѣзную палку, вѣсомъ въ семь пудовъ. Пошелъ паренекъ, взялъ изъ хлѣва семиголоваго змѣя, вывелъ его наружу, сѣлъ на него. Змѣй ударилъ своими крыльями, полетѣлъ на верхъ. Взглянулъ паренекъ внизъ, а земля кажется ему точно сковорода. Махнулъ паренъ желѣзной палкой, полетѣли у змѣя семь головъ. Слѣзъ паренекъ, пошелъ къ Дячка Най-Наю и говоритъ: «я выучилъ его». — «Это не твои выдумки, это выдумки Красивой Марьи; завтра рано утромъ построй церковь и отъ перкви до моего дома стеклянный мостъ; если утромъ не будетъ готово, срублю тебѣ голову». Вышелъ паренекъ и съ плачемъ идетъ къ Красивой Марьё. «Не плачь, — говоритъ Красивая Марья, — мы сдѣлаемъ это дѣло; возьми этотъ платочекъ, выйди на дворъ, махни имъ на четыре стороны и скажи: Дячка Най-Наины родня и племя, придите постройте церковь и мостъ». Взялъ паренекъ платочекъ, вышелъ на дворъ, махнулъ имъ на четыре стороны и сказалъ такъ, какъ научила его Красивая Марья. Собрались Дячка Най-Наины родственники,

раськинза, теезь церькованьть и сэденьть и тусть. Омбоци чиньть цёрэнесь стясь, ванцы и церьковась и сэдесь аныкт, тусь Дячка Най-Наиньтий. Су(в)ась цёрэнесь Дячка Най-Наиньть кудыс и мере: «и церьковась и сэдесь аныкт». «Нетъ авуль донь брефъне, не префъни Мазый Марьяньть; мон дейсэнъ колмонеск тейтерен ве понасы колмы гулькиникс, тон зодэкъ юткстыст Мазый Марьяньть». Молецъ цёрэнесь Мазый Марьяньтинь и мере: «тятят тейтадызь тынкъ ве понасы гулькиникс и монянъ эряват тон зодамс». — «Кода кармата на минь глюкама, а мон и те гулькининьть клюкатыца и тонанъ глюкатыца; тон монъ и содамак». Омбоци валцкинть терьдезъ зёрэненъ Дячка Най-Наиньтий. Су(в)ась цёрэнесь, а киякс кунчкасы колмы гулькинить просэнеды клюкить. Дячка Най-Наисъ мере: «содэкъ Мазый Марьяньть», а ве гулькинисъ и тень глюкатыцы и тонанъ. Цёрэнесь нефътези клюкаицяньть и мере: «ваны те Мазый Марьясь». — «Не префъни авуль донь, а Мазый Марьяньть», мери Дячка Най-Наисъ. Мельи терьдези цёрэненъ Дячка Най-Наисъ и мере: «тейсэнъ веси тей-

построили церковь и мостъ и ушли. Утромъ всталъ паренёкъ, видить — и церковь и мостъ готовы, и пошелъ къ Дячка Най-Наю. Вошелъ парень къ Дячка Най-Наю въ домъ и говоритъ: «и церковь и мостъ готовы». «Это не твои выдумки, это выдумки Красивой Марьи; я обращаю моихъ трехъ дочерей въ трехъ голубокъ одного цвѣта, ты узнай между ними Красивую Марью». Пошелъ паренёкъ къ Красивой Марьи и говоритъ: «твой отецъ обратитъ васъ въ голубокъ одного цвѣта, и мнѣ надо будетъ тебя узнать». — «Когда мы будемъ клевать, я клюну и ту голубку и эту, ты меня и узнаешь». На другое утро позвали паренька къ Дячка Най-Наю. Вошелъ паренёкъ, а по срединѣ пола три голубки клюютъ просе. Дячка Най-Най говоритъ: «узнай Красивую Марью», а одна голубка и клюетъ то ту, то другую. Паренёкъ показалъ на ту, что клюетъ, и говоритъ: «вотъ это Красивая Марья». — «Не твои это выдумки, — говоритъ Дячка Най-Най, — а Красивой Марьи». Потомъ Дячка Най-Най позвалъ парня и говоритъ: «я обращаю всѣхъ своихъ

терен ве понасы тейтерькс; бути содасак юткстыст Мазый Марьяньть, улизы тетъ козяйкакс». Мольць цѣрэнесь Мазый Марьяньтий и мере: «тятят тейтядызь дынкъ ве понаса, и монянь юткстынкъ эряват тон содамс; сесты тонъ макстансат монянь гозяйкакс». — «Мон буты карва панян чамастын, содамак», мери тейтересь. Терьдезь сѣрэненьть Дячка Ний-Наиньтий, а сонзы тейтеренсы ащить столекшсы, веси ве понасыт. «Содэкъ Мазый Марьяньть», мери Дячка Най-Наисъ. Се шканьть ве тейтеръ чамансы папинисы нардызе. Цѣрэнесь чарькиць и мере: «ваны те Мазый Марьясь», нефьтези чама нардый тейтереньть. Дячка Най-Наисъ мери цѣрэненьтей и Мазый Марьяньтий: «азяды су(в)ады тыньцинкъ теефть церкованьтинъ, тоск удыды те венъть, а валцки мон молян и венчатадызь». Мольць цѣрэненьть марты Мазый Марьясь церкованьтий, су(в)асьть, Мазый Марьясь и мере: «ведь вандый дятя миникъ прянык керясынъзе, эряви оргодемс». Мазый Марьясь путызи поцты круканъть, кадызи валь-

дочерей въ одинаковаго вида дѣвушекъ; если узнаешь среди нихъ Красивую Марью, пусть будетъ она тебѣ женой». Пошелъ паренѣкъ къ Красивой Марьѣ и говорить: «твой отецъ сдѣлаетъ васъ одинаковыми, и мнѣ надо будетъ узнать тебя между вами; тогда онъ отдастъ тебя мнѣ въ жены». — «Я будто муху смахну съ лица, ты меня и узнай», говоритъ дѣвушка. Позвали паренѣка къ Дячка Най-Наю, а дочери его сидятъ за столомъ, всѣ одного вида. «Узнай Красивую Марью», говоритъ Дячка Най-Най. Въ это время одна дѣвушка вытерла свое лицо платочкомъ. Паренѣкъ замѣтилъ и говоритъ: «вотъ эта Красивая Марья», и показалъ дѣвушку, вытеревшую лицо. Дячка Най-Най говоритъ парню и Красивой Марьѣ: «ступайте, войдите въ сдѣланную вами церковь, тамъ ночуйте эту ночь, а утромъ я приду и повѣнчаю васъ». Пошелъ паренѣкъ съ Красивой Марьей въ церковь, вошли они, Красивая Марья и говоритъ: «вѣдь завтра отецъ намъ срубить головы, надо бѣжать». Красивая Марья наложила изнутри крюкъ, и оста-

ма ланкс кольцянысы ды пацянаса; сыньць лисць вальмава и оргоцьць. Стяся валцки Дячка Най-Найсь, терьдеси сыри работникинысы и мере: «азя од зерькованьтинь и Мазый Марьяньть цёрэненить марты терьдеть монянь зюкуняма». Мольць сыри роботьнекесь, кенкш удалы пажне: «Мазый Марья и цёрэне, адыды тятянк туртуу зюкуняма!» А пачинивить марты кольцясы мереть карчиньсы: «нейкь мольтяна тятянык туртуу зюкуняма». Учись-учись Дячка Най-Найсь, а сыть. Кучизи сыри работникиньть омбоцеда. Омбоцеды-як эсть учуфт. Сесты чарькиць Дячка Най-Найсь, шты сынь оргоцьць. Мольць Дячка Най-Найсь, лажиньсе церькова кенкшнень, калафниси церькованьть, а тосы ки-як арась; аныцк пацяньть марты кольцясы ащить вальмаланкса. Дячка Най-Найсь мере: «пурна(в)уды, веси работникин, ардыды, сасынкь Мазый Марьяньть марты цёрэненить». Роботнекне пурнаусть; кона тенць ланкс озась, кона сянгты ланкс, кона грабля ланкс, напустясть. Арцьть - арцьть, эль сасасызь

вила на окошкѣ кольцо свое и платокъ; они вышли въ окошко и бѣжали. Всталъ утромъ Дячка Най-Най, позвалъ стараго своего работника и говорить: «иди въ новую церковь и позови Красивую Марью съ паренькомъ поздороваться со мной». Пошелъ старый работникъ и кричить за дверью: «Красивая Марья и паренёкъ, идите поздороваться съ отцомъ!» А платочекъ вмѣстѣ съ кольцомъ говорятъ въ отвѣтъ: «сейчасъ придемъ поздороваться съ отцомъ». Ждалъ-ждалъ Дячка Най-Най, не идутъ они. Послалъ въ другой разъ стараго работника. И въ другой разъ ихъ не дождались. Тогда Дячка Най-Най понялъ, что они бѣжали. Пошелъ Дячка Най-Най, разбилъ церковную дверь, разрушилъ церковь, а тамъ нѣтъ никого; только платочекъ съ кольцомъ лежатъ на окошкѣ. Дячка Най-Най говорить: «соберитесь, все мои работники, скачите, поймайте Красивую Марью вмѣстѣ съ паренькомъ». Работники собрались; кто сѣлъ на метлу, кто на вилы, кто на грабли, и пустились бѣжать. Скакали-скакали, чуть не догоняють Красивую

Мазый Марьяньтэ марты цѣрэненьтэ. Мазый Марьясь мариньзи тятянзы роботникнинь и мери цѣрэненьтей: «мон дееван церьковакс, а тон попокс, кода сыть тятян роботнекне и кармить кеуксьнемат миньдедэнэк, мереть карчист: мон зярдыя уш тесан, а тия ютыцят эзень некъ». Тееусть Мазый Марьясь церьковакс, а цѣрэнесь попокс. Арцьтэ Дячка Най-Наиньтэ роботникни¹⁾ церькованьтэ виц, су(в)асть церькованьтинь и кеуксьнеть попоньтэ, эсть юта ли китькак. Попось мере: «зярдья уш мон десан, а тия ютыцят эзень некъ». Веляусть Дячка Най-Наиньтэ роботнекни мекеу, а церькованьтэ марты попось тееусть тагы Мазый Марьякс ды церэнекс ды тустэ тагы чииме. Састэ Дячка Най-Наиньтэ роботнекни кудуу и мереть: «мези-як эзенець мукшна, аныцяк мукшныныць церькова и церьковасыньтэ поп». — «Тынъ мекс церькованьтэ марты попоньтэ эзенкъ сайтэ, ведъ се Мазый Марьяньтэ марты цѣрэнесь ульнисть», мери Дячка Най-Найсь. Напустясть тагы Дячка Най-Наиньтэ роботнекне. Арцьтэ-арцьтэ, а

1) роботнекне.

Марью вмѣстѣ съ паренькомъ. Красивая Марья услыхала отцовыхъ работниковъ и говоритъ пареньку: «я сдѣлаюсь церковью, а ты (сдѣлаешься) попомъ; какъ подойдутъ отцовы работники и начнутъ спрашивать тебя о насъ, скажи имъ въ отвѣтъ: — я давно уже здѣсь, и не видѣлъ тутъ проходящихъ». Сдѣлались Красивая Марья церковью, а паренёкъ попомъ. Прискакали Дячка Най-Наины работники къ церкви, вопли въ церковь и спросили попа: «не проходилъ ли кто-нибудь?» Попъ отвѣчаетъ: «я уже давно здѣсь, и не видѣлъ тутъ проходящихъ». Вернулись Дячка Най-Наины работники обратно, а церковь и попъ сдѣлались опять Красивой Марьей и паренькомъ, и пустились опять бѣжать. Пришли Дячка Най-Наины работники домой и говорятъ: «мы ничего не нашли, но только нашли мы церковь и въ церкви попа». — «Зачѣмъ вы, говоритъ Дячка Най-Най, не схватили церковь и попа, вѣдь это были Красивая Марья и паренёкъ». — Опять пустились въ погоню Дячка Най-Наины работники. Скакали-скакали; ни

церькова а поп, аныцяк мусть кинь гафты бокава кафты тьветкенеть; тьветкенетьненъ геуькстезь. Тьветкенетьни мереть: «минь дундынь васинь цини паньцинникъ, а тия ютыцят эзенець нець». Веляусть мекеу роботнеке, ёфтасть Дячка Най-Наиньтий, а сон дест мере: «тынянк сеземальть тьветкатыне, сеть ульнисть Мазый Марьяньть марты цёрэнесь. Апкаты моньць молян!» Озась Дячка Най-Найсь човарц, сайсь панимкакс петькель и напустясь Мазый Марьяньть марты цёрэненеть сасама. Мазый Марьясь марясы—тятязы ардэ, тееуьсь эрькенецъ, а цёрэненеть теези уткиникс. Арць ваксызыст Дячка Най-Найсь, чарькиць, шты эрькенець Мазый Марьясь, а уткинись цёрэнесь, аныцяк а савить; сон азынсь-азынсь эйсэст, веляуьсь мекеу. Састь Мазый Марьяньть марты цёрэнесь цёрэненеть тятянцтый, а цёрэненеть тятянзы кудысы свадьба. Мазый Марьясь мери цёрэненетьей: «мон визьдян кудыс сувамун, азя васня тон зу(в)ак; аныцяк вант, илямак ступт; весень балцить а вишка сазырныт иляк пала, ата

церкви, ни попа, нашли они только по обѣимъ сторонамъ дороги два цвѣточка; они спросили у цвѣточковъ. Цвѣточки отвѣчаютъ: «мы зацвѣли въ первый день весны, и не видѣли тутъ проходящихъ». Вернулись обратно работники, рассказали Дячка Най-Наю, а онъ имъ говоритъ: «вамъ надо было сорвать цвѣточки, это были Красивая Марья и паренёкъ. Ну-ка я самъ поѣду!» Сѣлъ Дячка Най-Най на ступу, взялъ, какъ погонялку, пестъ и пустился догонять Красивую Марью и паренька. Красивая Марья замѣтила, что скачетъ отецъ, сдѣлалась озёркомъ, а паренька обратила въ уточку. Прискакалъ къ нимъ вплотную Дячка Най-Най, понялъ, что озёрко—это Красивая Марья, а уточка—это паренёкъ, но однако ихъ нельзя взять,—онъ клялъ ихъ, клялъ и вернулся назадъ. Пришли Красивая Марья и паренёкъ къ его отцу, а въ домѣ отца паренька свадьба. Красивая Марья говоритъ пареньку: «я стыжусь войти въ домъ, ступай сначала ты, войди, но смотри, не забудь меня; всѣхъ поцѣлуй, а маленькую сестренку свою не цѣлуй, а то забудешь меня». Вошелъ паренёкъ въ домъ, узнали его

стуўсамак». Су(в)ась цёрэнесь кудыс, сонзы веси содзэ, раду-(в)ась, сон гармась весень балцимаст, аныцяк вишка сазырынызы а палэ. Вишка сазырыныс мере: «ляляй, а монь мекс а паласамак?» Цёрась думазиўсь: «паряк а стуўса Мазый Марьяньть, палань-дзярса вишка сазырум». Палызе — стуфтызи Мазый Марьяньть. А роднятыни цёрэненътенъ истя раду(в)ась, шты думасть урь-вакстуманза; мусть мазый дейтерь гозайкакс, озафтызъ зёрэ-ненъть ваксс, кармасть симиме. А Мазый Марьясь тееўсь гуль-киникс, валксъ се вальманъть алуў, гонанъ гарчы ульнисъ озады цёрэнесь, ды морэ: «васиньцинъть стуфтызе, васиньцинъть стуфты-зе». Цёрась марясы гулькининъть морамуда, а сонъць а чарькиде. Гулькинисъ лифтясь вальманъть эйсты и валксъ лисьма пайми ланкс и тееўсь мазый дейтерькс. Лиссъ цёранъть покш сазырызы вец, кармасъ лисьмастынъть амульдими ведъ, неези лисьмастынъть Мазый Марьяньть сультинъть; ёртэзи курьцяньть тейтересь, тусъ кудуў. «Тон мекс ведъ эзеть кант?» кеўкъсьтезь дейтеренъть. «Мазыян баран ды карман ведень ганлиме!» мери тейтересь. Ку-

всѣ, обрадовались, а онъ сталъ всѣхъ цѣловать, но, только не цѣ-луетъ маленькую свою сестрѣнку. Маленькая сестрѣнка спраши-ваетъ: «старшій братецъ, а меня почему ты не поцѣловаль?» Па-рень подумалъ: «можетъ быть, я не забуду Красивой Марьи, если поцѣлую маленькую мою сестрицу»; поцѣловаль ее—забылъ Краси-вую Марью. А родные такъ обрадовались пареньку, что задумали женить его; нашли ему въ жены красивую дѣвушку, посадили ее около паренька и начали пить. А Красивая Марья обратилась въ голубку, опустилась подъ тѣмъ окошкомъ, противъ котораго сидѣлъ паренѣкъ, и поѣтъ: «первую ты позабылъ, первую ты позабылъ». Парень слышитъ пѣніе голубки, но онъ самъ не догадывается. Го-лубка вылетѣла изъ окошка, опустилась у сруба колодца и обра-тилась въ красивую дѣвушку. Вышла старшая сестра паренька по воду, начала черпать изъ колодца воду, увидѣла въ колодцѣ тѣнь Красивой Марьи; бросила дѣвушка коромысло, пошла до-мой. «Ты отчего не принесла воды?» спросили дѣвушку. «Я хо-

чизи вец цѣраньть од циянь батяньть. Мольць од циянь батясь, варчтась лисьманьтинь, неези тосты Мазый Марьяньть сультиньть, и сон цалы—се сонзы сультись, ёртэзи курьяньть, су(в)ась кудыс. «Тон мекс ведь эзеть кант?» кеуьксьтезь циянь батяньть. «Мазыян баран ды карман ведень гандума», мери чиянь батясь. Лиссь ведень амульдами соньць цѣрэнесь; варчтась лисьманьтинь, неези Мазый Марьяньть сультиньть и содэзе; варчтась вереу, а Мазый Марьясь лисьма пайми пряса. Цѣрась веньцтези курьяньть, валцтызи Мазый Марьяньть, су(в)ась мартынзы кудыс и мере: «монь ваны чиянь батям, мон зонзы стуфтыкшныне». Кода неезь Мазый Марьяньть цѣраньть роднятьне, натай сельмест конезь, уш пекь мазый. Цѣрась веньчась Мазый Марьяньть марта.

Ё ў к с.

Эрясь ащись ве ломань, ведун; урваксьсь се ломанись и козьякакс сайсь ведун дейтерь. Тусь цѣрась базаруў. А козьяканьть

роша и пригожа, да стану я воду носить!» отвѣчаетъ дѣвушка. Послала она по воду невѣсту паренька. Пошла молодая невѣста, посмотрѣла въ родникъ, увидѣла тамъ тѣнь Красивой Марьи и подумала, что это ея собственная тѣнь, бросила коромысло, вошла въ избу. «Ты отчего не принесла воды?» спросили невѣсту. «Я красива и пригожа, да стану я воду носить», отвѣчаетъ невѣста. Вышелъ зачерпнуть воды самъ паренёкъ; посмотрѣлъ въ колодезь, увидѣлъ тѣнь Красивой Марьи и узналъ ее; посмотрѣлъ на верхъ, а Красивая Марья на вершинѣ колодезнаго журавля. Парень потянулъ коромысло, спустилъ Красивую Марью, вошелъ вмѣстѣ съ нею въ избу и говоритъ: «вотъ моя невѣста, я было забылъ её». Какъ увидѣли Красивую Марью родные парня, то даже зажмурили глаза, ужъ больно красива. Парень повѣнчался съ Красивой Марьей.

Сказка.

Жилъ былъ одинъ человекъ, колдунъ; женился этотъ человекъ и взялъ въ жены дѣвушку колдунью. Пошелъ мужикъ на базаръ.

ульнись вечкемаза; сон дерьдези вечкеманьть, ды симить-ярцить. Ащинь цокшни сась базарцты мирьдись, варчтась вальмава, а козыйкась вечкеманьзы марты сими-ярцэ. Вечкемась неези мирьдиньть и мери авантый: «кии бути вальмава ванэ». — «Мон зодаса!» мери авась; соньць сайсь локша, лиссь ушуў, вачкидизи мирьдиньть локшесэньть и мере: «тонянь а(в)уль ломаникс улимс, а тюжа кискакс!» Цёрась тееўсь тюжа кискакс. Ашилгаць. Лия кискатьни неезь дюжа кисканьть и кармасть сонзы сезьнеманза. Тюжа кискась тусь қиява ардума; арць-арць, ванцы—пастухт стада ваньить, сон мольць пастухнининь. Пастухни раду(в)асть, шты киска тест педясь, андызь, зимьдизь. Кискась кармасть пастухнининь марты стада ванума; ванць истя парьцьте, шты пастухнининь тейнемс как ульнись неместь. Пастухни ванцызь—гискась ськамунзы-як стаданьть ванцэ, и паксяў эсть карма якама. Вешкани кискась ваны стаданьть, а пастухни кабаксыт. Мольць се кабакынтьинь купець и мере: «монянь вередемсь ор, эрьва вени

А у жены его былъ любовникъ; она позвала любовника, и они пьютъ-ѣдятъ. Вечеромъ поздно вернулся съ базара мужъ, посмотрѣлъ въ окошко, а жена со своимъ любовникомъ пьеть и ѣсть. Любовникъ увидѣлъ мужа и говоритъ женщинѣ: «кто это смотритъ въ окошко?»—«Я знаю!» говоритъ женщина; сама взяла плётку, вышла наружу, ударила мужа плёткой и говоритъ: «тебѣ быть не человѣкомъ, а желтой собакой!» Мужикъ сталъ желтой собакой. Разсвѣло. Другія собаки увидѣли желтую собаку и начали ее рвать. Желтая собака побѣжала вскачь по дорогѣ; скакала-скакала; видитъ—пастухи пасутъ стадо; она пошла къ пастухамъ. Пастухи обрадовались, что къ нимъ пристала собака, накормили и напоили ее. Собака стала стеречь стадо вмѣстѣ съ пастухами; стерегла такъ хорошо, что пастухамъ было нечего дѣлать. Пастухи видятъ, что собака и одна устережетъ стадо, и не стали ходить въ поле. Однажды собака стережетъ стадо, а пастухи въ кабакѣ. Пришелъ въ тотъ кабакъ купецъ и говоритъ: «ко мнѣ пристальъ

сакшнэ». — «Кабу тонять миникъ кискась», мереть пастухни и ёфнезь, годамы сынцт кискаст. Купецесь кармась кисканьть рам-симе. Пастухнинь а мелестульнись миймс кисканьть, а купеценьть ярмакни манизь. Рамизи купецесь кисканьть, ветеzi кудуў. Сась ве. А се купеценьтей якась салама самай дюжа кисканьть ведун гозайкась. Тюжа кисканьть козийкась сась, су(в)ась купеценьть кудыс, кармась купеценьть ярмак сундукуньть саиме. Тюжа кис-кась каяўсь козийканьть ланкс, нельгези ярмак сундуккиньть, маць лангызынза. Стась валцки купецесь, ванцы ярмак сундук-кись арась, мольць, тюжа кисканьть кучкырдызи и мере: «киска раминь, а ярмакнинь ялы теки салызь!» Аньцяк купецесь кис-каньть кучкырдызе, ярмак сундукуньть неезе. Колмы веть удысь тюжа кискась купеценьть кеца, колмксть нельгеньси козийканзы кецты купеценьть ярмакнинь. Козийкась лоткась купеценьтей якама салама.—Инязыравась чачнись кафты цёрат, каўниск цёр-атьни юмасть веть. А сынцт салыньси тюжа кисканьть козий-кась. Инязыравась тагы чачтума ланкса. Инязырысь марясь

воръ, ходить каждую ночь». — «Кабы тебѣ да наша собака», го-ворятъ пастухи и рассказали, какая у нихъ собака. Купецъ на-чалъ покупать собаку. Пастухамъ не хотѣлось продавать собаки, но купцовы деньги смутили ихъ. Купилъ купецъ собаку, привелъ домой. Пришла ночь. А къ этому купцу пришла воровать какъ разъ колдунья, жена желтой собаки. Жена желтой собаки пришла, вошла въ домъ купца, стала брать купцовъ сундукъ съ деньгами. Желтая собака кинулась на жену, отняла сундучокъ съ деньгами, легла на него. Всталъ утромъ купецъ, видитъ, что нѣтъ сундучка съ деньгами, пихнулъ желтую собаку и говоритъ: «я купилъ собаку, а деньги всё равно украли!» Только лишь купецъ пихнулъ собаку, онъ увидѣлъ сундукъ съ деньгами. Три ночи спала желтая собака у купца, три раза отнимала у своей жены купцовы деньги. Жена перестала ходить воровать къ купцу.— Царица родила двухъ сыновей, оба сына пропали ночью. А ихъ украла жена желтой собаки. Царица опять на сносяхъ. Царь

тюжа кискадыньть, мольць купеценьтей, саизи тюжа кисканть. Купецесь амельцы максызи тюжа кисканть. Инязыравась чачсь пёра. Тюжа кисканть козайкась мольць пёранть салама веть. Аньцяк су(в)ась тюжа кисканть козайкась инязырынть кудыс, и саизи инязырынть колмоцекс пёранза, тюжа кискась кода каяве, нельгези пакшанть. Стясть валцке, ванцызь бакшась киякс кунчкасы кисканть беремаса. Царись саизи пёранть и мере тюжа кисканть: «улилить дяря ломань, пелензы царствам максылини тетъ». Кискантьинь бары ульнись эрямусь инязырынть кеца, аньцяк тошна саизи козайкансы киса. Оргоць тюжа кискась пназырынть кецта, арць соньцензы велеу, мольць соньцензы вальмалуу, варчтась вальмава, а козайкась тагы вечкемансы маргы сими-ярцэ. Вечкемась неези тюжа кисканть и мере: «вальмава киибути ванэ». — «Мон зодаса», мери тюжа кисканть козайкась. Лиссь тюжа кисканть козайкась, вачкидизи тюжа кисканть локшеса; тееуьс тюжа кискась озязыкс. Кувать тюжа кискась лифь-

услыхалъ о желтой собакѣ, пошелъ къ купцу, взялъ желтую собаку. Купецъ нехотя отдалъ желтую собаку. Царица родила сына. Жена желтой собаки пришла ночью украсть сына. Но лишь только жена желтой собаки вошла въ царёвъ домъ и взяла третьяго царёва сына, желтая собака какъ кинется, и она отняла ребенка. Встали утромъ, видятъ, что ребенокъ лежитъ посреди пола въ объятіяхъ собаки. Царь взялъ сына и говоритъ желтой собакѣ: «если бы ты была человекомъ, я далъ бы тебѣ половину моего царства». Хорошо было житьё собакѣ у царя, однако соскучилась она по своей женѣ. Убѣжала желтая собака отъ царя, прискакала въ свое село, пришла къ своему окну, посмотрѣла въ окно, а жена опять пьетъ-ѣсть со своимъ любовникомъ. Любовникъ увидѣлъ желтую собаку и говоритъ: «кто-то смотритъ въ окно». — «Я знаю его», отвѣчаетъ жена желтой собаки. Вышла жена желтой собаки, ударила желтую собаку плёткой; сдѣлалась желтая собака воробьемъ. Долго летала желтая собака воробьемъ. Потомъ женѣ стало скучно по

нись оязыкс. Мелы козайкансы кисынсы тошна саизе. Мольць козайкась вирйу, тейсь клеткене, каясь клеткененьтень ямскить и витизе. Лифьнись - лифьянись мирьдись оязыкс, пекезы вачсь. Лифтясь оязысь се вирьниньтинь, муизи клеткененьть, су(в)ась ямскиды клюкамы и понксь. Мольць козайкась, саизи клетканьть, таргизи клеткастыньть мирьдиньть, теези ломаникс и мере: «адя кудуу, сайть каськасты инязырыньть кафты васинь зёрансы и вететь тенза». Цёрась мольць козайкансы марты кудуу, сайнъси инязырыньть кафты васинь зёранза, тусь мартыст инязырыньтинь. Инязырысь кода нееньси покш цёрансы, а ёфтави-як, кода радуvasь, и цёраньть ветецяст казизи седи парьцгы некоу. Цёрась сайнъси ярмакнинь, сась кудуу и мере: «ну, бабась, ней ярмакынык лама!» — «Дай, атясь, путтана кевень гуда и карматана пичинь¹⁾ микшниме», мери бабась. Атясь козайканьть нарыгамуньть эси стуфт и мере: «теефть, бабась, карий эльдекс; мон кеу́некъ - брусныкъ тонь эйсы ускисынь». Аньцяк цёрась истя

1) брусънь.

мужѣ. Пришла жена въ лѣсъ, сдѣлала клѣточку, накладала въ клѣточку пшена и поставила ее для ловли. Леталь - леталь мужъ воробьемъ, проголодался. Прилетѣлъ воробей въ этотъ лѣсокъ, нашелъ клѣточку, вошелъ поклевать зёрнушки и попался. Пришла жена, взяла клѣтку, вытащила изъ клѣтки мужа, сдѣлала его чело́вѣкомъ и говоритъ: «стунай домой, возьми изъ подполья обоихъ первыхъ сыновей царя и отведи ему». Мужикъ пришелъ съ хозяйкой домой, взялъ обоихъ первыхъ сыновей царя и пошелъ съ ними къ царю. Когда царь увидалъ старшихъ сыновей, не разскажешь, какъ онъ обрадовался, и одарилъ приведшаго ихъ мужика какъ лучше нельзя. Мужикъ взялъ деньги, пришелъ домой и говоритъ: «ну, старуха, теперь у насъ много денегъ!» — «Давай, старикъ, — говоритъ старуха, — построимъ каменный домъ и будемъ продавать брусъя». Старикъ не позабылъ женина мученія и говоритъ: «сдѣлайся, старуха, карей кобылой; я перевожу [на тебѣ и камни и брусъя]. Лишь только такъ сказалъ мужикъ — онъ былъ колду-

мерьць, — сон ведун ульнись, — козайкась тееўсь карий эльдекс. Атясь кильдизи бабаньть, кармась кевень уксиме. Уксись-уксись атясь кефьть карий эльцэньть, пуць кевень гуда. Путуўсь кудысь, атясь кильдизи карий эльденьть, кармась брусыйн уксиме. Уксись-уксись атясь бруст, зярыя уксиксь. Кода кардазысь пешкець бруста, атясь мере: «ней, бабась, теефьть тагы авакс». Аньцяк атясь истя мерьць, карий эльдес тееўсь авакс. Авась нарьгизи цёраньть, цёрась как аваньть нарьгизе. Ней авась ялы пачалксит пани ды мирьдинзы андэ, а мирьдись ялы бруст микшне; пачкинъ-бачк эреть.

Ё ў к с.

Эрясть атят бабат, атянь бабань а эйдест, а какшист. Кармась атинись сыргамы паксяў зокама. Бабась мере: «атясь а атясь, керяка пенкть!» Кармась атясь пенгень геряма, керези

номъ, жена сдѣлалась карей кобылой. Старикъ запрягъ старуху и началъ возить камни. Возилъ-возилъ старикъ камни на карей кобылѣ, построилъ каменный домъ. Когда домъ былъ готовъ, старикъ заложилъ карюю кобылу и сталъ возить брусья. Возилъ-возилъ старикъ брусья, много навозилъ. Когда дворъ наполнился брусьями, старикъ говоритъ: «Теперь, старуха, сдѣлайся опять женщиной». Лишь только онъ такъ сказалъ, каряя кобыла сдѣлалась женщиной. Женщина поучила мужика и мужикъ поучилъ также женщину. Теперь женщина все печетъ блины и кормитъ своего мужа, а мужъ все продаетъ брусья; живутъ они отлично.

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи не было дѣтей. Старикъ сталъ собираться въ поле пахать. Старуха говоритъ: «старикъ а старикъ, нарубика-ка дровъ!» Сталъ старикъ рубить

пельканса. «Бабасъ, коў дейсэнекъ? бабасъ, коў дейсэнекъ?» пижни атясь. — «Дай! дай! дей варякшкис!» Тусъ атясь паксяў, а бабинисъ путызи пельканьтъ варякшкис и кармасъ пачалксинь ба-
ниме. Паниньси бабинисъ пачалкситьнинь ды мере: «Улильдярэ цёрэнемъ, кучилини бу пачалксинь гандума, а ней не кинь гучумс». Пелькенесъ марици бабининьтъ и мере: «бабай, дай, мон молян!» Бабинисъ радуvasъ и мере: «азя-азя!» Скокаць варякшкисты пель-
кенесъ, сайньси пачалкситьнинь и тусъ кандумасть атяньтий. Мольць пелькенесъ атяньтъ удалуў и серье: «покшай, на пачалк-
ситы!» Атясь варчтасъ, ки-як арасъ; варчтасъ алуў, икилинъи пачалкси стопа. Сайньси атясь пачалкситьнинь, а пачалкситьнинь алы пелькене. Пелькенесъ мере: «покшай, дон ярпак, а мон гар-
мац зокама». Атясь радуvasъ, озасъ ярцама, а пелькенесъ кармасъ сокама. Соки пелькенесъ ды морэ. Юты бояр вакскаст; ванцы боярысь— ломанъ зоканьтъ удалы арасъ, а морама маряве. Боярысь мере: «покшай, зе мекс сокасъ морэ?» — «Се авуль зокасъ морэ,

дрова, отрубилъ свой палець. «Старуха, куда мы его дѣнемъ, ста-
руха, куда мы его дѣнемъ?» кричить старикъ. — «Дай! дай! сюда въ печурку!» Поѣхалъ старикъ въ поле, а старушка положила палець въ печурку и начала печь блины. Испекла старушка блины и говорить: «если бы у меня былъ сынокъ, я послала бы его от-
нести блины, а теперь некого послать». Пальчикъ услышалъ ста-
рушку и говорить: «бабушка, дай, я пойду!» Старушка обрадовалась и говорить: «ступай-ступай!» Выскочилъ пальчикъ изъ печурочки, схватилъ блины и пошелъ отнести ихъ старику. Подошелъ паль-
чикъ къ старику сзади и кричить: «дѣдушка, на блины!» Старикъ оглянувшись, нѣтъ никого; взглянулъ внизъ, передъ нимъ стопка блиновъ. Взялъ старикъ блины, а подъ блинами пальчикъ. Паль-
чикъ говорить: «Дѣдушка, ты ѣшь, а я буду пахать». Старикъ обрадовался, сѣлъ ѣсть, а пальчикъ сталъ пахать. Пашетъ паль-
чикъ и поетъ. Проходитъ около нихъ баринъ; видитъ баринъ— за сохой нѣтъ человѣка, а пѣніе слышится. Баринъ говорить: «ста-
рикъ, что это соха поетъ?» — «Это не соха поетъ, — отвѣчаетъ ста-

се цѣрэнёмъ, аныцяк сон бекъ вишкине, секс а неяве», мери атысь. — «Миикъ моняны!» мери боярысь. — «А миса!» А пелькенесь чийсь ды мере: «покщай, миимак, покщай, миимак!» Атысь саизи ды миизи боярыньтий белькененьть. Боярысь максыньши атыньтинь белькененьть кис ярмакнинь, тапаризи пелькененьть пачини поц ды путызи зепезэнса. А зепсэнть улынисть ламы ярмакт. Боярысь озась алашас, тусь. Пелькенесь ащись-ащись боярыньть зепсы ды мере: «бояр бокщай, монянь десы авуль бара!» А боярысь усксь покш сундук ярмак марта. Таргизи боярысь зепстэнсы пелькененьть ды путызи сундукуньтинь, а сундуксынть улынисть бураў. Боярысь моли, мечь-как а думе, а пелькенесь саизи буравунть, пельць варя и кармась ярмакнинь сундукстыньть кайсима. Кайсиньши пелькенесь веси ярмакнинь, серьнесь сундукуньтинь ды лиссь и соныць. Пурныньши пелькенесь кайсинь ярмакнинь и кандыньши покщанцтынь. Радувась атинись седи-як. Ней-гак се атысь эри скупаўста, а пелькененьть урьвак-

рикъ,—это мой сынъ; онъ только очень маленькій, поэтому его не видно». — «Продай его мнѣ!» говоритъ баринъ. — «Не продамъ!» А пальчикъ прибѣжалъ и говорить: «дѣдушка, продай меня, дѣдушка, продай меня!» Старикъ взялъ да продалъ пальчикъ барину. Баринъ отдалъ старику деньги за пальчикъ, завернулъ пальчикъ въ тряпочку и положилъ его въ карманъ. А въ карманѣ было много денегъ. Баринъ сѣлъ на лошадь, поѣхалъ. Пальчикъ сидѣлъ-сидѣлъ въ карманѣ у барина и говорить: «дѣдушка баринъ, мнѣ здѣсь не хорошо!» А баринъ везъ большой сундукъ съ деньгами. Вытащилъ баринъ изъ кармана пальчикъ и положилъ въ сундукъ, а въ сундукѣ былъ буравъ. Баринъ ѣдетъ, ни о чемъ не думаетъ, а пальчикъ взялъ буравъ, просверлилъ дыру и сталъ выбрасывать деньги изъ сундука. Выбросилъ пальчикъ всѣ деньги, на...лъ въ сундукъ да и самъ вышелъ. Пальчикъ собралъ выброшенные деньги и принесть ихъ своему дѣдушкѣ. Обрадовался старичекъ еще больше. И теперь этотъ старикъ живетъ богато, а пальчика онъ

стызе, эень мазый дейтереньть тензы саизе. Сась боярысь кудуу и мере: «эх, бабась, мон мези ускинь!» — «Мезе?» мери бояравась. — «Варчтак сундукуньтинь, тоньць несак!» мери боярысь. Бояравась варчтась, а тосы вади купя. Истя састь бояраванть кеженса, шты ней-гак боярынть ланкс ваны чирьцта.

Кискини кляндирь-булыне.

Эрясь ве атя. Атяньть ульнисьть кафты цёранса. Сынцт ульнись кискинист «кляндирь-булынист». Кискинись и онге, и мезе, а пряка тензы а каить. Весть веть ащи кискинись орта ланксы, вачида; сась верьгез икилинса. Сась верьгезэсь ды мере: «кляндирь-булыне, кода тефне?» — «Кода, вачиды эль гулан», мери кляндирь-булынись. — «Каяк монянь реве, кармить андумат!» мери верьгезэсь. Каясь кляндирь-булынись верьгезэньтей реве.

пожениль, взяль за него самую красивую дёвушку. Приёхаль баринь домой и говорить: «эхъ, старуха, что я привёзъ!» — «Что?» спрашивает барыня. — «Взгляни въ сундукъ, сама увидишь», отвѣчает баринь. Барыня взглянула, а тамъ куча г...а. Такъ разсердилась барыня, что и теперь косо смотритъ на барина.

Собачка хвостикъ-кренделемъ.

Жилъ одинъ старикъ. У старика было двое сыновей. У нихъ была собачка «хвостикъ-кренделемъ». Собачка и лаеъ и (дѣлаеъ другое) что, а хлѣба ей не бросають. Однажды ночью собачка сидѣла у воротъ голодная; пришелъ (и сталъ) передъ ней волкъ. Пришелъ волкъ и говорить: «хвостикъ-кренделемъ, какъ дѣла?» — «Какъ (дѣла)! я отъ голода чуть не умираю», отвѣчает хвостикъ-кренделемъ. — «Брось мнѣ овцу, стануть тебя кормить!» говоритъ волкъ. Бросилъ хвостикъ-кренделемъ овцу волку. Волкъ схва-

Верьгезэсь сайзи ревеньть, тусь. Стясть валчки цёратьне, ван-
цызь—ве реви арась; сынъ зеди-як кармасть кляндырь-булынть
анееме. Омбоци чокшненьть верьгезэсь тагы сась. — «Андыть
эйсэт, кляндырь-була?» кеўксни верьгезэсь. — «Арась», ответи
кискась. — «Ну, дай ищо ве реве, кармить андумат!» Макссь
кискась ищо реве. Фатясь азырыза, шты реви юмась, кармась
кисканть чаума, мекс сон а караўле. Колмоци чокшненьть сась
верьгезэсь тага. — «Андыдизь, гляндырь - була?» — «Арась!»
мери кискась.—«Ну, дай ищо реве!—мери верьгезэсь,—а тоньць
вандый азырыт марты мольть паксяў. Тонъ заимат а кармить, а
тон мольть. Тонъ азырыт туйть нуиме икилькс пеў, а пакшаст
кацызь станц лаўсьс. Мон бакшанть саласа, а тон цийть ды монъ
гецты пакшанть нельгекъ». Макссь кляндырь-булысь верьгезэнь-
тень ищо реве. Валчки кисканть азырынъзы кармасть сыргамы
паксяў, кармась сыргамы мартыст и кляндырь-булысь. Азыртны
а сайтъ кляндырь-булынть, & сон моле. Састъ паксяў; азыртны

тилъ овцу и ушелъ. Встали утромъ мужики, видять—одной овцы
нѣтъ; они стали ненавидѣть хвостика - кренделемъ еще болѣе.
На слѣдующій вечеръ волкъ пришелъ опять.—«Кормять тебя,
хвостикъ-кренделемъ», спрашиваетъ волкъ.—«Нѣтъ», отвѣчаетъ
собака.—«Ну, давай еще одну овцу, стануть тебя кормить!» Со-
бака дала еще овцу. Хозяинъ собаки замѣтилъ, что пропала овца;
онъ началъ бить собаку, зачѣмъ она не караулитъ. На третій ве-
черъ пришелъ опять волкъ.—«Покормили тебя, хвостикъ-крен-
делемъ?»—«Нѣтъ!» отвѣчаетъ собака.—«Ну, давай еще овцу!»
говорить волкъ, а самъ завтра иди съ хозяевами въ поле. Тебя
не стануть брать, а ты иди. Твои хозяева пойдутъ жать къ по-
статѣ, а ребѣнка своего оставять на стану въ зыбкѣ. Я украду
ребенка, а ты прибѣги и отними ребѣнка у меня. Хвостъ-кренде-
лемъ далъ волку еще овцу. Утромъ хозяева собаки стали собираться,
сталъ собираться съ ними и хвостъ-кренделемъ. Хозяева не берутъ
хвоста-кренделемъ, а онъ идетъ. Пришли на поле. Хозяева по-

тустъ шкилькс пеў, а пакпаст кадызь станц лаўссь. Верьгезэсь арцъ, капудизи пакшанть и напустясь мартынза. Неезь верьгезэньть азыртны и кармасть пижнине: «вай, бакшанть верьгеззалызе! вай, бакшанть верьгеззалызе!» Мариньзи не серьематининь глянъдирь-булысь; кода напусъти верьгезэньть мельга; нельгези пакшанть, кандызи аванцтынъ. — «Вай, гискась кодамы пара, а минь эсэнзы а янтана! Вай, мекс минъ гисканть а янтана!» мери авась и бух, пакшанть лоўцэнь гашанзы кискантьтинъ гаизе. Сась тагы ветъ верьгезэсь и мери клянъдирь-булынтьтинъ: «вандый баксяў иля мольтъ. Тонъ гармить саймат, а тон иля мольтъ. Азырыт вандый моли экшеляма, тон мартынзы мольтъ; козэй зон банарынзы каясэ, се тарканть сокарикъ, казна муят». Валцкисъ сась. Азырынзы кармасть паксяў зыргам а кисканть кармасть теръдеме. Кискась а моле. Сынь зайзъ ды сколмизъ удалуў. Кискась карьксынть порези ды оргоць. Тустъ азырынзы паксяў кискафтумунть. Энь зыри азырысь кадуўсь кудыс. Пелличискани кармасъ атясь экшелямы сыргам. Сыргасъ мартынзы

шли къ постати, а ребѣнка оставили на стану въ зыбкѣ. Прибѣжалъ волкъ, схватилъ ребѣнка и убѣжалъ съ нимъ. Увидали волка хозяева и стали кричать: «ой, ребѣнка укралъ волкъ! ой, ребѣнка укралъ волкъ!» Услышалъ эти крики хвостъ - кренделемъ; какъ побѣжить за волкомъ; отнялъ ребѣнка и принёсъ его матери.— «Ой, какая хорошая собака, а мы её не кормимъ!» говоритъ мать и бухъ! бросила собакѣ молочную кашу своего ребенка. Опять пришелъ ночью волкъ и говоритъ (собачкѣ) хвостъ - кренделемъ: «завтра не ходи въ поле. Тебя начнутъ брать, а ты не ходи. Хозяинъ завтра пойдетъ купаться, ты иди съ нимъ; куда онъ броситъ свою рубашку, то мѣсто вскопай, найдешь кладъ». Настало утро. Хозяева стали собираться въ поле и начали звать собаку. Собака не идетъ. Они взяли да привязали ее сзади. Собака перегрызла веревочку и убѣжала. Хозяева отправились въ поле безъ собаки. Всѣхъ старшій хозяинъ остался въ домѣ. Во время полудня старикъ сталъ собираться купаться. Со-

и кляндирь-булысь. Атясь стардызи кисканть, а сон ялы-теки моле. Мольць атясь эшеляма, мольць мартынзы и кискась. Каизи атясь панарынзы и сувась веденьтень. А кискась каизи панарыньть бокаў и кармась се тарканть сокаряма. Сокарясь-сокарясь кискась, мусь казна. Лиссь атясь вецтэньть, ванцы—кляндирь-булысь таргась цела котёл ярмакт. Радувась атясь, кармась кисканть андумы сывильда. Састь паксясты цёратьне, рамасть кляньдирь-булынтьинь вина, кильцьть алаша арьтнимс. Арьтьниўсть-арьтьниўсть кисканть; симьсть-симьсть эйсэнзы винада, кулуфтызь винас. Кармасть думама, кода бу седи парьцти кисканть калмамс. Покш цёрась мере: «мон молян бопоньтень, кеўксьса, а калмасы-ли ломаньялаца». Мольць цёрась попоньтень и мере: «миникь кисканык пекь пары ульнись, ней гулысь, а калмасак-ли ломаньялаца». — «Ну, свет, ара можна!» попось мере. — «Ведь зон эзь онкт, а тонять кафты сятт цолковой мерьць максумада», мери цёрась. — «Ды мон года мелет калмаса, аныпак кода дия-

брался съ нимъ и хвостъ-кренделемъ. Старикъ пугнулъ собаку, а она всё-равно идетъ. Пришелъ старикъ купаться, пришла съ нимъ и собака. Старикъ сбросилъ рубашку и вошелъ въ воду. А собака отбросила рубашку въ сторону и начала она копать то мѣсто. Копала-копала собака, нашла кладъ. Вышелъ старикъ изъ воды, видитъ — хвостъ-кренделемъ вытащилъ цѣлый котёлъ денегъ. Обрадовался старикъ, началъ кормить собаку мясомъ. Вернулись съ поля мужики, купили вина собачкѣ хвостикъ-кренделемъ, заложили лошадь, чтобы прокатить. Катали они катали собаку; поили-поили ее виномъ, до смерти опоили виномъ. Стали они думать, какъ бы похоронить собаку возможно лучше. Сынъ-большакъ говоритъ: «я пойду къ попу, спрошу, не похоронить ли ее какъ человѣка». Пошелъ мужикъ къ попу и говоритъ: «у насъ была очень хорошая собака, теперь она околѣла, не похоронили ли ее какъ человѣка?» — «Ну, свѣтикъ, развѣ можно!» отвѣчаетъ попъ. — «Вѣдь она не лаяла, а тебѣ велѣла дать двѣсти рублей», говоритъ мужикъ. — «Да я похороню какъ тебѣ желательно,

кынысь?» мери попось. Максынъси попоньтень ярмакнинь. Тусь цѣрась диякыныньтинь, ёфтэзи, мейсь сась. Диякынысь кедьнекъ пилыгинникъ кармась ча(в)умасть — нелься! Цѣрась мере: «ведь зон эзь онкт, а тонять мерьць сяды цолковой максумада!» — «Ды моньдэдэн девесъ а лотке, аныцяк кода диячыкысь?» Максынъси цѣрась диякыныньтий ярмакнинь, тусь диячыкыньтинь. Сась цѣрась диячыкыньтинь, даргась ведьгемень солковой, ды путыньси столанкс. — «Нень мейсь?» мери диячыкысь. — «Кисканык пекъ пары ульнисъ, кулысь, тонять калмамунъ гис мерьць ведьгемень солковой максумада!» мери цѣрась. — «А понамариньть марты кортэть?» мери диячыкысь. — «Ищо арась!» мери цѣрась. — «Тон уш азя и сонянза, — мери диячыкысь, — юамс уш бути весенень». Тусь цѣрась понамариньтинь, таргась комсьветей цолковой, путыньси столанкс. — «Нень мейсь?» мери понамарись. — «Не ярмакнинь донять кисканъ галмамга», мери цѣрась. — «Я, те кискась можна пазава марты лифтимс!» мери понамарись. Лифтизь гис-

только какъ діаконъ?» говоритъ попъ. Отдалъ деньги попу. Пошелъ мужикъ къ діакону, сказалъ, для чего пришелъ. Діаконъ сталъ отказываться (бить) и руками и ногами — нелься! Мужикъ говоритъ: «вѣдь она не лаяла, а тебѣ велѣла дать сто рублей!» — «Да за мной дѣло не станетъ, только какъ дьячѣкъ?» Отдалъ мужикъ діакону деньги, пошелъ къ дьячку. Пришелъ мужикъ къ дьячку, вынулъ пятьдесятъ рублей и положилъ на столъ. «Это для чего?» спрашиваетъ дьячѣкъ. — «У насъ была очень хорошая собака, она околѣла; велѣла дать тебѣ за похороны пятьдесятъ рублей!» — «А съ пономаремъ, — спрашиваетъ дьячѣкъ, — ты говорилъ?» — «Нѣтъ еще!» отвѣчаетъ мужикъ. — «Ты ужъ ступай и къ нему, — говоритъ дьячѣкъ, — если пропадать, такъ ужъ всѣмъ». Пошелъ мужикъ къ пономарю, вынулъ двадцать пять рублей, положилъ на столъ. — «Это для чего?» спрашиваетъ пономарь. — «Эти деньги, — отвѣчаетъ мужикъ, — тебѣ за похороны собаки». — «А, эту собачку можно вынести съ образами!» говоритъ пономарь. Вынесли собаку съ обра-

каньть пазава марта, калмизь ломаньлаца. Марясь теды эрхерейсь; кода арды се веленьтень, кода пурнасынъси попнень-диякытнынъ, кода карми эйсэст шкотяма, мейсь истя кисканьть калмизь. Терьдефтези эрхерейсь кисканьть азырынза и мере: «тон мейсь истя кискат калмафтыкъ?» Азырысь мере: «ведь зон эзь онкт, а тонянь мерьць максумада колмы сятт цолковой!» — «Ведь мон мурънян авуль зень гис, шты кисканьть ломаньлацы калминкъ, а сень гис, мекс тынь истямы киска калмиди апак соборья?» мери эрхерейсь.

Ё ў к с.

Эрясть атят бабат; атянь-бабанъ ульнись тейтерьнест. Сынци ульнись васылы родэст. Тейтерьнесь кармась сыргамы ащими пакаринзы марта. Тятянзы аванзы а нолдэть, мереть—декъ васуў. Састь тест Вардыни и мере: «мон бровожаса». Тусь тейтерьнесь

зами, похоронили какъ человекъ. Узналъ объ этомъ архіерей; какъ прискачетъ онъ въ это село, какъ соберетъ весь причтъ, какъ начнетъ ихъ пробирать, зачѣмъ такъ похоронили собаку. Архіерей велѣлъ призвать и хозяина собаки и говорить: «ты зачѣмъ заставилъ похоронить такимъ образомъ твою собаку?» Хозяинъ отвѣчаетъ: «вѣдь она не лаяла, а тебѣ велѣла дать триста рублей!» — «Вѣдь я браню—говорить архіерей,—не за то, что вы похоронили эту собаку какъ человекъ, а за то, зачѣмъ вы похоронили такую собаку безъ соборованія!»

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи была дочка. У нихъ были въ отдаленномъ мѣстѣ родственники. Дочка стала собираться (къ нимъ) на побывку съ прялкой. Отецъ и мать ея не пускаютъ, говорятъ, что очень далеко. Пришла къ нимъ Вардушка [имя собственное дѣвушки] и говорить: «я ее провожу». Пошла

Вардынинъ мартъ. Тейтерьненъ сараханьсы партъ, а Вардынинъ каладыт; тейтерьненъ пилксы котат, а Вардынинъ калады карътъ; тейтерьненъ прясы од баця, а Вардынис пацяфума. Мольцътъ-мольцътъ, мусть ведьне. Вардынис мере: «ай, дай экшелятана». — «Давай!» мери тейтерьнесъ. Кайсизь орчамуст; тейтерьнесъ сувась вецъ, а Вардынис орченьси тейтерьненъ одежансы и аще. Лисъ тейтерьнесъ вецтэньтъ и мере: «Вардыни, дай монъ орчамун, мейсь орчетъ?» А Вардынис мере: «орчетъ тон монъ орчамутнинъ, тонянь сетъ-какъ партъ». Тейтерьнесъ серъгецъ: «авай, Вардынис орчамун а макссынъсе!» Авазы тейтерьненъ маризи и мере: «чеки-сюры кепедян, Вардынъ брялазан!» — «Вай! ават тонъ годамы кежей!» мери Вардынис и каинъси тейтерьненъ орчамунса. Тейтерьнесъ орченьси сонъценсы орчамутнинъ, тусть молеме. Мольцътъ-мольцътъ, тагы мусть ведьне. «Дай экшелятана», мери Вардынисъ. «Тон орчамун дагы сайсытъ, ата экшелялинъ», мери тейтерьнесъ. «Ней а сай-

дочка вмѣстѣ съ Вардушкой. У этой дочки сарафаны хорошіе, а у Вардушки разорванные; у дѣвочки на ногахъ коты, а у Вардушки разорванные лапти; у дѣвочки на головѣ новый платокъ, а Вардушка безъ платка. Шли-шли, нашли рѣчку. Вардушка говоритъ: «эй, давай выкупаемся». — «Давай!» отвѣчаетъ дѣвочка. Сняли свои платья; дѣвочка вошла въ воду, а Вардушка одѣла дѣвочкины платья и стоитъ. Вышла дѣвочка изъ воды и говоритъ: «Вардушка, отдай мои платья, зачѣмъ надѣла ихъ?» А Вардушка говоритъ: «надѣнь мои платья, тебѣ и они хороши». Дѣвочка крикнула: «матушка, Вардушка не отдаетъ моихъ платьевъ!» Мать услышала дочку и говоритъ: «подниму я палку (которою мѣрять пятины холста) и разобью голову Варды!» — «Ой,—говоритъ Вардушка,—какая сердитая твоя мать!» и сбросила дѣвочкины платья. Дѣвочка надѣла свои платья, и онѣ пошли. Шли-шли, опять нашли рѣчку. «Давай выкупаемся», говоритъ Вардушка. «Ты опять возьмешь мои платья, а то бы я выкупалась», говоритъ дѣвочка. «Теперь я не возьму», говоритъ Вардушка. Дѣвочка

сынъ», мери Вардынисъ. Тейтерьнесъ кайсисъ, су(в)асъ вецъ, а Вардынисъ орченьси орчамунзы тейтерьненъть ды аще. Тейтерьнесъ лиссъ вецтэнъть, вешсь-вешсь, Вардынисъ а думи-як максу-маст. Аванцтый-гак тейтерьнесъ пижнисъ, ды авазы эси маря, уш пекъ васуу зынь дустъ. Орченьси тейтерьнесъ Вардынинъть орчамутънинъ, тустъ. Састъ родэст туртуу. Роднятъни ваньтъ — ве тейтерьнесъ парьцъти орчазъ, сынъ цали, се сынцт родэст, и кармасть Вардынинъть мелензы ванума. Вардыньтъ уцифтитъ тодоу ланкса, андытъ миниды-цюныда; а родня тейтерьненъть ланкс а ваньтъ-как. Кучизъ родня тейтерьненъть орохонъ гарауляма. Тейтерьнесъ караулясь парьцъте, орохось цела. Омбоци чинъть Вардынисъ мере: «мон молян орохонъ гарауляма». Мольцъ Вардынисъ, орохонъть андызе; роднятънинъ гежест састъ, и мереть: «авуль родня тейтерьни, иты орохонъть ванцтызе, а роднясь андызе». Мариньси не валтнынь родня тейтерьнесъ и мере: «роднясь тынянк авуль зон, а мон; сон экшелямсты монъ орчамун орченьсе, ды ней-гак эйсэст а максэ». Тейтерьненъть роднятъни

сбросила (платъя), вошла въ воду, а Вардушка надѣла дѣвочкины платъя и стоитъ. Дѣвочка вышла изъ воды, просила-просила, Вардушка и не думаетъ ихъ отдать. И матери своей кричала дѣвочка, но мать ея не услышала, ужъ больно далеко онѣ ушли. Надѣла дѣвочка Вардушкины платъя, и пошли. Пришли къ родственникамъ. Родственники видятъ, что одна дѣвушка одѣта хорошо, они подумали, что это ихъ родственница, и начали исполнять прихоти Вардушки. Вардушку кладутъ на подушку, кормятъ всякой-всячиной; а на родственницу даже и не смотрятъ. Послали дѣвушку-родственницу караулить ворохъ. Дѣвушка хорошо караулила, ворохъ цѣлъ. На другой день Вардушка говоритъ: «я пойду караулить ворохъ». Пошла Вардушка, стравила ворохъ; родственники разсердились и говорятъ: «не родная дѣвушка, и та укараулила ворохъ, а родная стравила его». Услышала эти слова родная ихъ дѣвушка и говоритъ: «родня вамъ не она, а я; она во время купанья надѣла мои платъя, и теперь еще не отдаетъ ихъ». Род-

каяфтуфтызь Вардыниньть кецты родня тейтерьненеть орчамуть-
нинь; а Вардыниньть сюлмизь алашань булыс, ды алашаньть пол-
дэзь баксява арьтьниме.

Ё ўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабань ульнисть колмы цёраст.
Кафтытъни ульнисть превейть, а вишка цёрась ульнись дурак.
Сынъ эрясть беднэйста. Кармасть покш цёратъни сыргамы робо-
такшнума, пешть мартыст ки ланкс сухаря мешек. Дуракысь
мере: «ляляй, и монь заимизь! ляляй, и монь-так саимизь!» — «А
еряват, дурак, ащикъ уш кудысы ды ярпак анык прякада», ме-
реть лялятьне. Дуракысь зярыяксть вередемкшнэсь лялятьнининь,
а лялятьни а думить-как сайманса. Сухаря мешекэсь, конань бре-
вей зёратъни мартыст пештезь, ащись кудыкиле. Дуракысь лиссь
кудыкилиў, сяурьдиньси сухарятьнинь мешекстэньть, пешсь сонь-

ственники дёвушки сняли съ Вардушки платья родной ихъ дёвушки,
а Вардушку привязали къ хвосту лошади и пустили лошадь ска-
кать по полю.

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи было три сына.
Двое были умные, а младшій сынъ былъ дуракъ. Они жили бёдно.
Стали собираться старшіе сыновья на заработки, наполнили мё-
шокъ сухарями (чтобы взять) съ собой въ дорогу. Дуракъ го-
ворить: «братцы, возьмите и меня! братцы, возьмите меня так-
же!» — «Не нуженъ ты, дуракъ, сиди ужъ дома да їшь готовый
хлѣбъ», отвѣчаютъ старшіе братья. Дуракъ приставаль къ стар-
шимъ братьямъ нёсколько разъ, а старшіе братья и не думаютъ
брать его. Мёшокъ съ сухарями, который наполнили (чтобы взять)
съ собой умные парни, стоялъ въ сѣняхъ. Дуракъ вышелъ въ
сѣни, вывалилъ сухари изъ мёшка, набилъ въ свой карманъ су-

цензы зепс сухарят ды су(в)ась мешекэньтень. Лялятьни ванцызь— дуракысь арась, и мереть: «адя эрейсты, зярц дуракысь арась кудыса, ата тагы мартынык вередеме». Лялятьни лиссьть, капудизь зухаря мешекэньть и тусть. Покш лялясь канць-канць и мери омбоценень: «нака ней дон, мон бачк сизинь!» Саизи мешекэньть омбоцесь. Канць-канць омбоцесь и мере: «кодамы стака мешекась, дай аламуды сусктана». Озасть лялятьни ки бокас, варчтасть мешекэньтень, а тосы дуракысь. — «Ах, дурак, ды тон мейсь тезэй эцеть?» мереть лялятьне. — «А мекс тынь монь а сайтядя!» мери дуракысь¹⁾. Кувать сынъ бижнисть. Пижнисть-пижнисть, ве лялясь мере: «Ней мезды карматаны ярцама?» — «Монь зела зепи сухарян!» мери дуракысь. Ярцасть се сухарятьнида, стясть, тусть. Молецть-молецть, састь вирыц. Молецть ве тумы вакс, тумунть алксызы валаня, а тумунть ланксы кроватть. Ульнись уш чокшне, сынъ зайсть ды куссть эень вери кроватиньтинь удума. Аньцяк кенерьцьть мадиме, састь орт (а се таркась ульнись

1) дураксь.

харей, влѣзь въ мѣшокъ. Старшіе братья видятъ, что дурака нѣтъ, и говорятъ: «пойдемъ скорѣй, пока дурака нѣтъ въ избѣ, а то онъ опять пристанетъ къ намъ». Старшіе братья вышли, взяли мѣшокъ съ сухарями и пошли. Старшій братъ нѣсъ-нѣсъ и говоритъ второму: «возьми-ка теперь ты, я очень усталъ!» Взялъ мѣшокъ второй (братъ). Нѣсъ-нѣсъ второй (братъ) и говоритъ: «какой тяжелый мѣшокъ, давай немного закусимъ». Сѣли братья у дороги, посмотрѣли въ мѣшокъ, а тамъ дуракъ. — «Ахъ, дуракъ, да ты зачѣмъ сюда влѣзь?» говорятъ старшіе братья. — «А почему вы меня не берете!» отвѣчаетъ дуракъ. Долго они бранились. Бранились-бранились, одинъ изъ старшихъ братьевъ говоритъ: «теперь что мы будемъ ѣсть?» — «У меня карманъ полонъ сухарей!» говоритъ дуракъ. Поѣли они тѣхъ сухарей, встали, пошли. Шли-шли, пришли въ лѣсъ. Подошли къ одному дубу; низъ у дуба гладкій, а на дубѣ кровати. Былъ уже вечеръ, они взяли да влѣзли спать на самую верхнюю кровать. Только что успѣли лечь,

орэнь дарка). Ортны якасть салама, ламы ярмакт канцьть. Ве орэсь кармась тумунть алы пидиме, а лиятньи кармасть ярмак лоўнома. Дуракынть лялятньи пициць кроватиньтий, оймест-как а таркситъ, а дуракысь вань, кода орэньть чугунысь лаки тумунть ала. Ванць-ванць дуракысь, мери лялятнининь: «монь цурамум зась!» — «На, дурак, чурак монь рукаўця!» — «На, дурак, чурак монь зепс!» тошказь серыгецьть лялятьне. А дуракысь сайсь ды кармась алуў цурама, веси ямунь бидий орэньть чурызе. Орэсь тандаць, а лиятнининь эзь ёфта. Ямусь писъ, ортнэнь ярмакыст лоўноўсть, кармасть ортны ужинама. Дуракысь мере: «монь зерънемам зась!» — «На монь цапкас серънекъ!» мери ве лялясь, сонць кармась уш чапканть максуманзы дуракынтинь. Дуракысь капудизи чапканть, ды ёртэзи ортнэнь ланкс. Чапкась ульнисъ покш, прась ортнэнь цугуныньть ланкс, веси чугуныньть вельтезе. Ортны тандацьть, сынъ цали, сынцт кундызь ды караўлить, ды напустясть, и ужиньньть и ярмакнинь ортны

пришли воры (а мѣсто это было притономъ воровъ). Воры ходили воровать, принесли они много денегъ. Одинъ воръ сталъ варить подъ дубомъ, а другіе стали считать деньги. Старшіе братья при-
 жались къ кровати, и не дышать, а дуракъ смотритъ какъ кипить у воровъ чугунъ подъ дубомъ. Смотрѣлъ-смотрѣлъ дуракъ, го-
 воритъ старшимъ братьямъ: «мнѣ захотѣлось помочиться!» — «На, дуракъ, мочись въ мою рукавицу!» — «На, дуракъ, мочись въ мой карманъ!» шопотомъ закричали ему старшіе братья. А дуракъ
 взялъ да сталъ сд...ь внизъ и об...лъ всего вора, готовившаго похлѣбку. Воръ испугался, а другимъ не сказалъ. Похлѣбка сва-
 рилась, деньги свои они сосчитали, и стали вору ужинать. Дуракъ го-
 воритъ: «мнѣ захотѣлось с...ть!» — «На с.и въ мою шапку!» го-
 воритъ одинъ изъ старшихъ братьевъ, и самъ уже сталъ подавать шапку дураку. Дуракъ схватилъ шапку и бросилъ её въ воровъ. Шапка была большая, она упала ворами въ чугунъ и покрыла
 весь чугунъ. Воры испугались, они подумали, что ихъ нашли и ка-
 раулять; и воры убѣжали, оставивъ и ужинъ и деньги. Слѣзь ду-

кадызь. Валксь дуракысь тумунть ланста, саизи чугуныньть лангсты чапканть, давай ярцама. Ярцась-ярцась дуракысь, серьгеденьси лялятьнинь. Валксть лялятьне, ужинасть пачкынь-бачк, саизь орэнь ярмакнинь, тусть кудуў. Ней-гак эреть сюнаўста; дуракыньть урвакстызь.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат; атянь бабань ульнись цёрэнест, тейтерь-нест ды медь барьнист. Прась атясь, кулысь, прась бабась, кулысь. Кадуўсть цёрэненеть марты тейтерьнесь сирётакс. Ськамуст удумаст сынъ белеть, кармасть уцими терьтнеми шабранъ бабине. Шабранъ бабинись якась бабушкакс. Сась васинь венеть бабинись удумы и мере: «мон, эйдякай, мадян вальмалуў, мон якан бабушкакс; аньцяк стукатыцызь вальмининьть, мон и туян». А бабинись медь барьнидыньть содась. Аньцяк чопоць, бабинись совьць стук-стук вальманьть стукадизи и мере: «эйдякай, монъ дерьдеть!» —

ракъ съ дуба, снялъ съ чугуна шапку, и давай ёсть. Ёль-ёль дуракъ, крикнулъ старшихъ братьевъ. Слёзли старшіе братья, отлучно поужинали, взяли деньги воровъ и пошли домой. И теперь они живутъ богато, а дурака поженили.

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи былъ сынокъ, дочка и кадушечка меду. Заболёль старикъ и померъ; заболёла старуха и померла. Мальчикъ съ дёвочкой остались сиротами. Они боятся ночевать одни, начали звать ночевать сосѣднюю старушку. Эта сосѣдняя старушка ходила повитухой. Пришла ночевать старушка въ первую ночь и говорить: «я, дѣтки, лягу подъ окно, я хожу повитухой, лишь только ударять въ окошечко, я и пойду». А сама-то бабушка знала о кадушечкѣ съ медомъ. Лишь только смерклось, бабушка сама постучала въ окно и говорить: «дѣтки,

«Азя-азя! бабай», мереть пакшатыне. Бабинись кудыстынеть лиссь, кузьсь подболокс, а тосы ульнись медь барьнись. Ярцась бабась медьты зяры мелеза, валксь, сувань кудыс, маць тарказынса. Пакшинитьни кеўксьветь: «бабай, года пакшаньть лемеза?» — «Ушуткске», бабась мере. Сась бабась удумы омбоцеда, тагы маць вальмалуў. Аньцяк тагы чопоць, бабась соньць стукадизн вальманьть, лиссь, ярцась медьты зяры мелеза, сувань, маць тарказынса. Пакшинитьни кеўкстезь: «бабай, года пакшаньть лемеза?» — «Кунчкакске», мери бабась. Колмоци венеть лиссь бабась, сэвези кадувик меденьть, сувань и маць тарказынса. Пакшатыни кеўкстезь: «бабай, года пакшаньть лемеза?» — «Шляўски - нардаўски - комаўкске». Атяньть ды бабаньть колмоцекс чистыст тейсть поминкат. Састь поминкас: офтэсь, верьгезэсь, ривизись, нумулысь и пакшатынинь марты уциця бабась. Ярцасть ямда, ярцасть кашада, думасть ярцамы медьта. Кузьсь тейтерьнесь подболокс, ванцы—медь барись натай¹⁾ гомафтызь. Валксь тей-

1) натай.

меня зовуть!»—«Ступай-ступай, бабушка», говорятъ дѣти. Бабушка вышла изъ дому, влѣзла на подволоку, а тамъ была кадушечка съ медомъ. Поѣла старуха меду, сколько ей было охоты, слѣзла, вошла въ домъ, легла на свое мѣсто. Дѣтишки спрашиваютъ: «бабушка, какъ имя ребенка?»—«Початочекъ», отвѣчаетъ старуха. Пришла старуха ночевать въ другой разъ, опять легла подъ окошко. Лишь только стемнѣло, старуха сама стукнула въ окошко, вышла, поѣла меду, сколько ей было охоты, вошла и легла на свое мѣсто. Дѣтишки спросили ее: «бабушка, какъ имя ребенка?»—«Серѣдышекъ», отвѣчаетъ старуха. На третью ночь старуха вышла, съѣла остальной медъ, вошла и легла на свое мѣсто. Дѣти спросили ее: «бабушка, какъ имя ребенка?»—«Вымытый-вытертый-опрокинутый». На третій день справили они поминки по старикѣ и старухѣ. Пришли на поминки: медвѣдь, волкъ, лиса, заяцъ и ночующая вмѣстѣ съ дѣтьми старуха. Поѣли щей, поѣли каши, хотѣли поѣсть меду. Дѣвушка влѣзла на подволоку, видить, что кадушка съ медомъ даже опрокинута. Слѣзла дѣвушка,

терьнесь, ёфтась. Кармасть вешнеми, кii меденьть сэвезе. Ривизись мере: «дайги ряц-ряц ланчитяна ды серьнетяна, кинь медень вацинзы, се и меденьть сэвезе». Ланчисть ряц-ряц. Бабась лан-дясь офтэньть ваксс. Зяры офтэсь серьне, бабась шашсынъси соньцензы алуў, а соньцензы вацънинь шашсынъси офтэньть алуў. Веси серьнеусть, стякшнысть и кармасть ваннумы, кинь вацинзы медень. Пачкицьть офтэньть вацънинь виц, офтэньть вацъни медень. Прафтызь офтэньть, чавизь; мелы кармасть офтэньть пулыды уксиманса. Уксисть-уксисть офтэньть пулыда, — пулызы сезеуьс. Ней-гак офтэсь арьтъни пулуфтума.

Ё ў к с.

Ве ломань дятянзы пекъ эси¹⁾ вечкьть и миникс цюныкс эйсэньзы нарьгась. Тятясь кулысь. Ломанись радувась, натый гандыласт эзь дейть, — от кода тятянзы эси вечкьть. Путьизи ку-

1) эзези.

сказала. Стали искать, кто съёлъ мёдъ. Лиса говоритъ: «давайте сядемъ въ одинъ рядъ и будемъ с...ть; чьи говна съ медомъ (медовья), тотъ и съёлъ медъ». Съли въ одинъ рядъ. Старуха съла около медвѣдя. Сколько медвѣдь выс...ть, старуха сгребетъ подъ себя, а свои говна сдвинетъ подъ медвѣдя. Всѣ выс...лись, встали и начали разсматривать, чьи говна медовья. Подошли къ говнамъ медвѣдя, медвѣжьи говна медовья. Повалили медвѣдя, побили его; затѣмъ стали таскать медвѣдя за хвостъ. Таскали-таскали медвѣдя за хвостъ, хвостъ его оборвался. И теперь медвѣдь бѣгаетъ безъ хвоста.

Сказка.

Одинъ человекъ больно не любилъ своего отца и повсячески его мучилъ. Отецъ померъ. Тотъ человекъ обрадовался, даже гроба не сдѣлалъ, — вотъ какъ онъ не любилъ своего отца. Поло-

лынть керь ланкс и ускизи калмы ланкс калмама. А се ломаниньть ульнись вишка цѣрэнеза, и сон мольць дедансы калмама. Кода атяньть калмизь, тятят цѣрат кармасть кудуу зыргамма, а кереньть, кона ланксы ускизь атяньть, кадызь галмы ланкс. Кудуу моле-сты пакшинись мери тятянцтый: «А кереньть мейсь кадыникь?» — «Месть тейнят мартынса?» мери тятясь. — «А тон гулындярят, мези ланксы усктан?» Сесты тятясь чарькиць, шты атяньть а нарьгамаль.

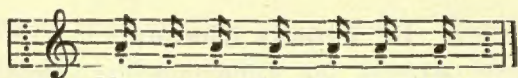
Ё ў к с.

Эрясть атят бабат комсьветей год. Прась атясь, кулысь. Бабась тейнесь морковонь брякат, кайсиньзи пиими пецькас, а соньць тусь диякынынть мельга, кулынть вельксы лоунома. Диякынысь сась, ванцы вишкизимсы морковонь брякат, а диякынынть пекезы вачсь. Сон баньцизи киниганть, а соньць вань морковонь брякатынть ланс и лоуна: «морковонь брякатынть писть,

жилъ покойника на лубокъ и потащилъ на кладбище хоронить. А у этого человека былъ небольшой сынокъ, и онъ пошелъ хоронить своего дѣда. Когда похоронили старика, отецъ и сынъ стали собираться домой, а лубокъ, на которомъ привезли старика, оставили на кладбищѣ. Идя домой, мальчикъ говоритъ отцу: «А для чего мы оставили лубокъ?» — «А что съ нимъ будешь дѣлать?» говоритъ отецъ. — «А если ты умрешь, на чемъ я тебя повезу?» Тогда отецъ понялъ, что не надо было мучить старика.

Сказка.

Жили старикъ и старуха двадцать пять лѣтъ. Старикъ слегъ и умеръ. Старуха приготовила пироги съ морковью, поставила ихъ печься въ печку, а сама пошла за діаконѣмъ, чтобы онъ читалъ надъ покойникомъ. Діаконъ пришелъ, видитъ на малой лавкѣ пироги съ морковью, а діаконъ проголодался. Онъ раскрылъ книгу, а самъ смотритъ на пироги съ морковью и читаетъ: «пироги съ

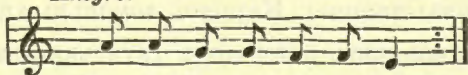
Мор-ко-вонь бря-коть-ни писть

морковонь брякотьни писть, морковонь брякотьни писть». А ба-
бась озась кулыньть пря пес и кармась лайшмие:

Атась, атась а ятась,
Морковонь брякотьни писть,
Мартыг комсьветей год эрень,
А лемнет тонь аздаса.

Сась се шканьть вальмалуу одсёра срипка марта, кармась мо-
рамы кишима мора, соньць мере: «атяньть лемезы Митигом». Ба-
бась мариши атяньть леменса, и радуваунуть пачк кода туи
кишмие. Соньць божась морэ:

Allegro.

Пе-жеть-ке-зэн Ми-ти-гом

Пежетькезэн¹⁾ Митигом!
Ойменезэн Митигом!

1) Значение слова пежетьке (ср. у Видемана *pežet: Sünde*) въ Сухомъ Карбу-
лакѣ неизвѣстно.

морковью испеклись, пироги съ морковью испеклись, пироги съ
морковью испеклись». А старуха сѣла у изголовья покойнаго и
начала голосить: «Старикъ, старикъ а старикъ, пироги съ мор-
ковью испеклись, я жила съ тобой двадцать пять лѣтъ, а имячка
твоего не знаю». Въ это время подошелъ къ окошку парень со
скрипкой и началъ пѣть плясовую пѣсню, а самъ приговаривалъ:
«имя старика Митигомъ». Старуха услышала стариково имя и съ
радости какъ пойдетъ плясать. Сама божась поеть:

Вотъ мой грѣхъ! Митигомъ!
Вотъ моя душа! Митигомъ!

Ве бабань ёфнема:

Эрясь ащись ве ломань. Сонзы козайказы ульнись кежей. Кармась аванть пакшазы аварьдиме. Авась чавизи пакшанть, сюдызи и кенкш удалуу гаизе. Ютасть аванть кежэнзы, сувафтызи пакшанть кудыс. Вальмань бачк лифтясь кряньчъ, капудизи пакшанть, тусь мартынзы. Кандызи пакшанть чопода вирьц, озафтызи тумы пряс — пизызынса. Пакшась эрясь кряньчинть пизысы колмы готт. Колмы годэнь ютазь, юты се чопода вирьганть ломань. Ломанись пачкиць кряньчинть пизыньть виц, марици пакшанть аварьдимада. Лоткась ломанись, варчтась вереу, ванцы—тумы прасы пакша. Ломанись кармась кеу́ксънеманса, кода тезэнь годяу́сь. Пакшась ёфънезе, кода теу́сь ульнись. Тусь ломаньць пакшадынть, мольць удумы се веленьтень, госы пакшанть тятянзы-авансы. Кармась ломаньць хватера вешнеме, полдэзь удумы ломаниньть пакшанть тятятъни-аватьне. Кармась

Разсказъ одной бабы.

Жилъ былъ одинъ человекъ. Жена его была сердитая. Ребенокъ этой женщины началъ плакать. Мать ударила ребенка, прокляла и бросила его за дверь. Прошли у женщины сердца, впустила ребенка въ избу. Въ окошко влетѣлъ черный воронъ, схватилъ ребенка и отпирался съ нимъ. Принесъ онъ ребенка въ темный лѣсъ, посадилъ его на верхъ дуба въ свое гнѣздо. Ребенокъ жилъ въ гнѣздѣ чернаго ворона три года. По прошествіи трехъ лѣтъ, проходитъ по тому темному лѣсу человекъ. Человекъ этотъ подошелъ прямо къ гнѣзду чернаго ворона, услышалъ крикъ ребенка. Человекъ остановился, посмотрѣлъ наверхъ, смотрить—на вершинѣ дуба ребенокъ. Человекъ сталъ спрашивать его, какъ онъ туда попалъ. Ребенокъ разсказалъ, какъ было дѣло. Пошелъ человекъ отъ ребенка, пришелъ ночевать въ то село, гдѣ отецъ и мать ребенка. Началъ человекъ искать квартиру, пустили ночевать этого человека отецъ и мать ребенка. Началъ этотъ чело-

ломаньць ёфнеме, кода вирыцы пакша неесь. Пакшаньть тятятни аватьни кулцынысть-кулцынысть ды мереть: «ведь зе пакшась миникъ». Тусть тятятни-аватьни пакшаньть вешнеме; вешнеть, вешнеть, пакшась эзь муифьть¹⁾;

1) муивь.

вѣкъ рассказывать, какъ онъ увидѣлъ въ лѣсу ребенка. Отецъ и мать ребенка слушали-слушали да говорятъ: «вѣдь тотъ ребенокъ нашъ». Пошли отецъ и мать искать ребенка; искали, искали, ребенка не нашли.

Отдѣлъ V. Загадки, пословицы, поговорки.

А. Оркино.

Sodama joŭkst:

1. Iniriń pílit' suryt, kār pítiriń tułárga. — Koctan.
 2. Jokstasa torgóžemä, targasa řipakadä. — Oža.
 3. Kijaks kunčkasa kār kaval, kunčkasynza karaul. — Lauś i šŭt. (Ср. Сухокарб. № 31).
 4. Kuda vāłkska mähzä a jordavä? — Komola. (Ср. Сухокарб. № 30).
 5. Kuda prása ruz ava kiščä. — Kačama. (Ср. Сухокарб. № 33).
 6. Kšniń kšniń pírińä, kšniń pílgä pírińä, kućkat kućkat äj-synza, kućkań tolgať prásynza. — Tarka i tošak i todoft.
-

Загадки:

- 1.
2. Всуну распухнетъ, вытащу завянетъ. — Рукавъ.
3. Посреди пола..., а въ серединѣ этого караульщикъ. — Зыбка и ребенокъ.
4. Чего нельзя бросить черезъ крышу избы? — Хмель.
5. На верху избы пляшетъ русская женщина. — Дымъ.
6. Желѣзная головка, желѣзныя кончики ногъ, въ немъ кучки, на немъ перья кучками. — Кровать, тюфякъ и подушки.

7. Mäzä kuda ugulc a štaftuvä?—Piks. (Ср. Сухокарб. № 34).

8. Pečkasa läpä mykyřt. — Kšyt.

Пословицы.

1. Pa čuḡ loma-ññiñ ja-ma, toñc prat äjzy-nga. (Ср. Paasonen, I, № 77).

2. Itykyza araś, jorékèza ulä (или) Jorékèza ulä da itykyza araś.

3. Jamy-ś kuja-, dy syvíliš papa ja-k araś.

✓ 4. Kiska-ś a-ščä tikšyñt laḡksa, soñc a ja-rcä i skalny-ñ ama-ksä.

5. Ko-da u-řindat, i-šta po-řeñdat.

6. Kosta piksyś čoveñä, šesta šezevā.

7. Lomañ ġeca jamkskit, kuvac pikśä čakškit.

8. Mäks mēret: lafča avañt mykuryza jala načka?

9. Miñik Ušta jala išta: soñc avikšnä, soñc ručat mīkšnä.

7. Чего въ уголь избы нельзя поставить стоймя?—Веревку.

8. Въ печкѣ осиновыя пеньки. — Хлѣба.

1. Не рой другому яму, самъ въ нее упадешь.

2. Толку у него нѣтъ, а стараніе есть (или) Стараніе у него есть, да толку у него нѣтъ.

3. Щи жирныя, да мяса ни х. ✓

✓ 4. Собака сидитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и коровѣ не даетъ.

5. Какъ сработаетъ¹⁾, такъ и поѣшь.

6. Гдѣ веревка тонка, тамъ и рвется.

7. Крупа твоя у людей, долго будетъ кипѣть твой горшечекъ.

8. Отчего говорятъ: у слабой женщины задъ всегда мокрый? ✓

9. Наша Устинья все такъ: сама не вышиваетъ, а руки продаетъ.

1) Въ Оркинѣ слово uřindams теперь не употребляется.

10. Moła·t dy vant, kuku·u čirki prá·zyt ila·zy valk.
11. Papa·za ačká· da píŋgi·za išta·k páčká·.
12. Tirań beřań, Tarań jaly para.
13. Ton gortat čušť, a mon gortan višť.
14. Uča·ná ku·lyś, kardańä čamś, tarkazynza mon. (Ср. Cy-хокарб. № 9).
15. Undy·kski štaftyžä, palakski vāľtižä.
16. Va·cij pu·la bu·kažä vā·si sta·dań ga·dižä.
17. Vara·ka liśma·ńť čuvizä, pańgi·j molé, puly·nza toŋ-ge·žä i mé·řä: moń.
18. Vášť pa·řetä au·stavavä, pa·řetä ama·štuvä ja·k.

-
10. Пойдешь да смотри, чтобы кукушка не съла на верхъ дуги.
 11. Мужской ч. у него толстый, да вѣкъ-то его такъ про-ходить.
 12. У Терентья плохо, а у Тараса всегда хорошо.
 13. Ты говоришь про ячмень, а я говорю про полбу.
 14. Овечка ¹⁾ померла, хлѣвушокъ опорожнился, вмѣсто нея я.
 15. Дуплышко поставило, крапива покрыла (про плохую избу).
 16. Быкъ ²⁾ съ грязнымъ хвостомъ загадилъ все стадо.
 17. Ворона вырыла колодезь, пришла... (назв. птички), всунула свой хвостъ и говорить: мой.
 18. Разъ хорошо не начнется, хорошо и не кончится.

1) Въ Оркинѣ значеніе слова ušāñä (мокшанскаго слова) неизвѣстно.

2) Слово bukažä вм. buka въ обыкновенной рѣчи не употребляется.

Б. Сухой Карбуланъ.

Загадки.

1. А чувалѣ чувалѣ, тусь чува пизиме, сувась чува кальалуѣ.
— Почтѣнь зуфнима. (Ср. Raasonen I, № 313).

2. Ацамнинь ацнян, датар леѣкст мацънян. — Мушкынъ ваяфтума.

3. Веѣ гунчкаса тол балѣ. — Самавар.

4. Вейки тейсь, сяѣ кундасызь. — Кенкш кундама. (Ср. Raasonen, I, № 369).

5. Веѣ вашынъ билить. — Сывилинь брякат; топонь брякат.

6. Веѣ керчань датарт. — Лопафтынъ мушт. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 30).

7. Веѣ сѣнь бетъкельть. — Калт. (Ср. Raasonen, I, № 398).

1. А тоненькій тоненькій, пошелъ тонкій дождь, попалъ подъ тонкій таловникъ. — Сѣяніе муки.

2. Я стелю постельки, укладываю спать татарскихъ дѣтей. — Моченіе конопли.

3. Посреди воды горить огонь. — Самоваръ.

4. Одинъ человекъ сдѣлалъ это, сто человекъ берутся за это. — Дверная ручка.

5. Въ водѣ жеребѣчи уши. — Мясные вареники; вареники съ творогомъ.

6. Въ водѣ связанные татары. — Моченые конопли.

7. Въ водѣ синіе песты. — Рыбы.

8. Вириу моли атине, икилинзы кемень уткат, удалынзы кафты мадийть. — Пильгисурт ды кочкарят.

9. Вириу моли атине, мукурцынзы сэнъ банкс. — Узирь. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 28).

10. Виринь бачк меств а ютавить? — Изамут. (Ср. Raasonen, I, № 400 и Обр. морд. нар. сл. II, № 49).

11. Вирьть паксят лякшыть, а каракулят а лякшыть. — Скал ланга и рогат.

12. Вирьцы боза парь. — Лисьма. (Ср. Raasonen, I, № 403 и Обр. морд. нар. сл. II, № 53).

13. Вирьцы сывильть поволезь. — Калина. (Ср. Raasonen, I, № 409 и Обр. морд. нар. сл. II, № 38).

14. Вишка конекке, сиянь бузликке. — Панцума.

15. И пильдирды валдырдэ, иникужы ваньцькафтэ. — Пелема. (Ср. Raasonen, I, № 326).

16. Иникужы серьгеде, пой лопатыни пеереть. — Велень брумкс.

8. Идетъ въ лѣсъ старичокъ, передъ нимъ десять утокъ, за нимъ два гуся. — Пальцы на ногахъ и пятки.

9. Идетъ въ лѣсъ старичокъ, на заду его синяя заплата. — Топоръ.

10. Что не пройдетъ черезъ лѣсъ? — Борона.

11. Лѣсъ и поле покроются инеемъ, а рогульки не зайде-
вѣють. — Поверхность тѣла и рога коровы.

12. Въ лѣсу кадушка съ пивомъ. — Колодецъ.

13. Въ лѣсу развѣшана говядина. — Калина.

14. Маленькая кровать, серебрянный . — Замокъ
и ключъ.

15. И блестить и свѣтится, очищаетъ большую ниву¹⁾. — Коса.

16. Большая нива закричитъ, осиновыя листья посыплются.
— Сельскій сходъ.

1) Р. Ө. Учаевъ не знаетъ, что такое «иникужы».

17. Истя улить, истя арасть. — Кеншьть.
18. Карады карча Дарьят Марьят ваньить. — Вальмакосякт. (Ср. Raasonen, I, № 28 и Обр. морд. нар. сл. II, № 46).
19. Кардайсты кардайс якстири атякш яке. — Тол. (Ср. Raasonen, I, № 120 и Обр. морд. нар. сл. II, № 20).
20. Карксась карксась Аньдямне, каркс пенеза эзь зата. — Кетькс. (Ср. Raasonen, I, № 85 и Обр. морд. нар. сл. II, № 75).
21. Кафты пельди кундаса, кунчка вицынзы ёктаса. — Цюлка.
22. Кафты пельди понэнеть, кунчкавицы ёлк-полк. — Сельме.
23. Кафты чукить, кафты яжыть, Акулина ювудэ. — Алашань билкьть и пула. (Ср. Raasonen, I, № 201 и Обр. морд. нар. сл. II, № 42).
24. Кафтыниск братиниск ряц ащить, вейкест вейкест а нееть. — Сельмьть.
25. Ки чирисы килийса, васинь дарад бенеса. — Пиликст.
26. Ки чирисы чирьбря бояр. — Вади куця.
-

17. Такъ есть, такъ нѣтъ. — Ноги.
18. Дарья съ Марьей другъ супротивъ друга глядятъ. — Оконные косяки.
19. Со двора на дворъ ходитъ красный пѣтухъ. — Огонь.
20. Подпоясывался подпоясывался Андянушка, концы пояса не сошлись. — Браслетъ.
21. За обѣ стороны возьму, въ середину всуну. — Чулокъ.
22. Съ двухъ сторонъ шерстинки, посерединѣ много ёлокъ. — Глазь.
23. Двое толкутъ, двое молотятъ, Акулина вѣеть. — Ноги и хвостъ лошади.
24. Два брата стоятъ рядомъ, другъ друга не видятъ. — Глаза.
25. У дороги на березкѣ, на кончикѣ перваго сучка. — Серьги.
26. У дороги скривившійся баринъ. — Куча кала.

27. Кис комась, кенгелесь. — Пещи мукш. (Ср. Раasonen, I, № 102).

28. Кичкири мура, мей мура, коў молят? Нарань закал донь ки кеўкснетянзат? — Ведь ледень дикше.

29. Кичкири мура, мей мура, конань зюдэ, се кулэ. — Ружыя; пузий. (Ср. Раasonen, I, № 106).

30. Куды велькска мези а ёртове? — Комоля. (Ср. Раasonen, I, № 124 и Обр. морд. нар. сл. II, № 56).

31. Куды кунчкасы кель гаур, кунчкасынзы караул. — Лаўсьсы пакша.

32. Куды кунчкасы офтэнь баяга. — Лаўсь.

33. Куды прява руз ава кияксне. — Сурьцам. (Ср. Раasonen, I, № 128).

34. Куды угулц мези а стяфтуве? — Карькс. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 43).

35. Кудыды кудыс пись пекени яке. — Пачалга. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 50).

27. Нагнулся на дорогу, обманулъ. — Скорлупа отъ орѣха.

28. Съ кривой грудью (?), съ косою грудью (?), куда идешь? Бритая борода, тебя кто спрашиваетъ? — Рѣка и на ея берегахъ скошенная трава.

29. Съ кривой грудью (?), съ косою грудью (?), кого клянеть, тотъ умираеть. — Ружье.

30. Чего нельзя перебросить черезъ крышу избы? — Хмель.

31. Посреди дома языкъ . . . , а въ серединѣ этого караульщикъ. — Ребенокъ въ зыбкѣ.

32. Посреди дома медвѣжій колокольчикъ. — Зыбка.

33. По верху дома скользить русская женщина. — Гребень.

34. Чего въ уголъ избы нельзя поставить стоймя? — Бечевку.

35. Изъ избы въ избу обожженное брюшко ходить. — Сковорода.

36. Мадизь а неяви, а стяды менель виц сатэ. — Ки.
37. Мастырынь берьть сатэ, стогань берьть а сатэ. — Чиньть сультиза.
38. Мези кардайсты а лифтиве? — Мацт.
39. Мези кудысты а лифтиве? — Пецька.
40. Мези эйтэт а паниве? — Сульть.
41. Менельцы верьгезэнь зельмьть. — Полоксы моркт.
42. Митя пскизись лёд ланкс. — Пачалксинь банима.
43. Митя тей, Митя тоў, Митя сувась аксялуў. — Теньцьть.
(Ср. Raasonen, I, № 174 и Обр. морд. нар. сл. II, № 57).
44. Мода поцы атя, сакалынзы ушысыт. — Кшумань.
45. Мода поцы тол балэ, качамузы ушуў. — Моркоў; сёкла.
46. Молян—молеть, лоткан—лоткеть; каян дикшыть, а яр-
цыть. — Сокст. (Ср. Raasonen, I, № 306: sulejís).
47. Монь ули кискинимь, пулыды кундаса—каўнэ, а кундаса
— а каўнэ. — Чалгамут. (Ср. Raasonen, I, № 182).
-

36. Когда лежитъ, его не видно, а если встанетъ, то достанетъ до неба. — Дорога.

37. Вокругъ земли хватить, вокругъ стога не хватить. — Тѣнь отъ солнца.

38. Чего нельзя вывезти изъ двора? — Погребъ.

39. Чего нельзя вывезти изъ избы? — Печь.

40. Чего отъ себя не отгонишь? — Тѣнь.

41. На небѣ волчьи глаза. — Сучки въ потолокъ.

42. Митя надристалъ на лёдъ. — Печеніе блиновъ.

43. Митя сюда, Митя туда, Митя пошелъ подъ лавку. — Вѣникъ.

44. Старикъ подъ землей, а борода его наружи. — Редька.

45. Подъ землей горить огонь, а дымъ его наружи. — Мор-
ковь; свёкла.

46. Иду—идутъ, останавлиюсь—остановятся; брошу травы
—не ѣдятъ. — Лыжи.

47. У меня есть собачка, возьму ее за хвостъ—визжитъ, не
возьму—не визжитъ. — Мяльцы.

48. Монь ули утумнимь, цукань вишты пешксе. — Курксы пейть.

49. Нилиниск братиниск ве варяс чурьгь. — Скалынь ботть. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 5).

50. Нилиниск братиниск ве ябунья ала. — Столь билькьт. (Ср. Raasonen, I, № 195 и Обр. морд. нар. сл. II, № 1).

51. Нилиниск братиниск вейкест вейкест а сасыть. — Чарыйть. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 4).

52. Паксяды паксяс горбун дувь арьтне. — Тарваз. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 80).

53. Пексэны варя, мукурцынзы тула. — Боцька.

54. Пильгифтими кшнинь лата. — Качама.

55. Пиряўксынъ бачк сеени порьне. — Кширьдима.

56. Прянзы сэвезь, сывилинзы ёрдэзь, а чубанзы лангты-зыст орчезь. — Мушка.

57. Салтума кулдыркай. — Кель.

58. Састь ломатть, кудынъ бряфни кашмолетъ; кудынъ бряф-нинъ заизъ, а кудысь вальмава лиссь. — Калынъ гундама.

48. У меня есть амбарушка, наполненная толченою полбой. — Зубы во рту.

49. Четыре брата мочатся въ одну дыру. — Коровьи титьки.

50. Четыре брата подь однимъ покрываломъ¹⁾. — Ножки стола.

51. Четыре брата другъ друга не поймають. — Колёса.

52. Съ поля на поле скачетъ горбатая свинья. — Серпъ.

53. На животъ дыра, на заду клинъ. — Бочка.

54. Желёзная крыша безъ ногъ. — Дымъ.

55. Козочка грызетъ черезъ загородъ. — Прядение.

56. Самого съѣли, мясо его бросили, а шкуру его надѣли на себя. — Конопля.

57. И безъ соли болтунъ (?). — Языкъ.

58. Пришли люди, хозяева молчатъ; хозяевъ взяли, а изба вышла черезъ окно. — Ужение рыбъ.

1) Учаевъ не знаетъ, что значить ябунья.

59. Сисимь рупясы паляса, мукурывы ушыса. — Капста. (Ср. Raasonen, I, № 197).

60. Соньць кудышка, сультивы арась. — Мацт. (Ср. Raasonen, I, № 133).

61. Соньць кшнинь, булызы мушкынь. — Салмукс.

62. Соньць тумунь, карксызы калинь. — Боцька; парь. (Ср. Raasonen, I, 285).

63. Соньць штала, панарывы поцэнса. — Свеча. (Ср. Raasonen, I, № 286),

64. Стенасты мези а саиве? — Чи валда.

65. Сюлгамусь чопафне, Равусь кельме. — Кодама.

66. Сяды алаша, ве терьт. — Куды матка.

67. Утум цапан угултума, тувут эзэнзы панян пулуфтумут. — Нешки ды брумт. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 47).

68. Чиникь венекь горясан, качама алга олясан. — Заслон. (Ср. Raasonen, I, № 308).

69. Чить киримьтяна, веть венемьтяна. — Карьгарькст. (Ср. Raasonen, I, № 311: асамотіе).

59. Въ семи рупяхъ и рубашкахъ, а задъ наружи. — Капуста.

60. Самъ съ домъ, а тѣни нѣтъ. — Погребъ.

61. Самъ желѣзный, хвостъ его конопляный. — Иголка.

62. Самъ онъ дубовый, поясъ его ивовый. — Бочка.

63. Самъ голый, рубашка его внутри него. — Свѣчка.

64. Чего нельзя взять со стѣны? — Солнечный свѣтъ.

65. Запонка ныряетъ, Волга мерзнетъ. — Тканье.

66. Сто лошадей, одни путы. — Матка въ домѣ.

67. Амбаръ срублю безъ угловъ, погоню въ него свиней безъ хвостовъ. — Улей и пчелы.

68. Днемъ и ночью я въ горѣ, въ то время, когда топится, я на волѣ. — Заслонъ.

69. Днемъ скорчимся, ночью протянемся. — Оборы въ лаптяхъ.

70. Якаське пакаське, кенкш удалуў оймаське. — Палка.
(Ср. Raasonen, I, № 51 и Обр. морд. нар. сл. II, № 44).

Пословицы.

1. Кирьть кирьть кельнет, таньтий ямды антан.
 2. Ломань алашасты рудайс валгат. (Ср. Raasonen, I, S 78).
 3. Мези ломаннинь арьцят, се эсьять уле.
 4. Мези марта кольнят, секенень докават.
 5. Мези теят, секи неят. (Ср. Raasonen, I, № 75).
 6. Неи пинись онте, анеецясь аще.
 7. Пряды ушуў билить а касыть.
 8. Саразысь клюказь глюке, иты пешкеде.
 9. Учания кулысь, карданы чамсь. (Ср. выше Орк. № 14).
-

70. Ходилка гулялка, за дверью отдыхалка. — Палка.

1. Держи, держи свой язычекъ, я накормлю тебя вкусной по-
хлебкой.
 2. Съ чужой лошади въ грязь слѣзешь.
 3. Что ты желаешь другому, то будетъ тебѣ самому.
 4. Съ чѣмъ ты балуешься, до того дотронешься.
 5. Что ты дѣлаешь, то и видишь.
 6. Зрячая собака лаетъ, незрячая сидитъ.
 7. Уши не вырастутъ выше головы.
 8. Курица клюетъ (по зернушку), и то тучнѣетъ.
 9. Овечка померла, хлѣвушокъ опорожнился.
-

Поговорки.

Божба:

1. Пежеть (мон бежеть эзени некъ).
2. Ойменезэн.
3. Татарынь цакшс оймемь бииза.
4. Тантадали туизан.
5. Келемь госькеза.

Божба съ хитростью:

1. Коськи эрькс ваязан.
2. Кулы варака сельмемь даргаса (или: даргасэ).

Заклятія.

1. Канцяўсь пачкат, котоў зезензат, сисимиў лазынзат. —
2. Комады кулык, веляфтыцят как илязы ульть. — 3. Эсь грехезэт тоньць лепеяк. — 4. Пильгит кедет катардыст, кувалмут

-
1. Право (я, право, не видѣль этого).
 2. Въ мою душу.
 3. Пусть сварится моя душа въ татарскомъ горшкѣ.
 4. Пусть я провалюсь въ тартарары.
 5. Пусть отсохнетъ мой языкъ.
 1. Пусть я утону въ сухомъ озерѣ.
 2. Пусть мертвая ворона выклюетъ мой глазъ (Мертвая ворона выклюетъ мой глазъ).

-
1. Пусть рожа сквозь тебя, шесть разъ пусть тебя разорветъ, семь разъ пусть расколетъ. — 2. Умри ничкомъ, пусть нѣкому было бы и перевернуть тебя. — 3. Захлебнись самъ въ своихъ грѣхахъ. — 4. Пусть высохнутъ ноги и руки, пусть опустятся вдоль

новолест. — 5. А стаяиксысь теенсат. — 6. Эземень гувайт а венемат. — 7. Пильги сурчкат сак. — 8. Пукщать орматьни пачкат. — 9. Сельми варят лисист почкодест, ланкс кумбрыск кепест, икилит праст. — 10. Тантарали туизат. — 11. Меши потмот пекстаза. — 12. Маний бурьгинись леденсат. — 13. Эсь кельми валызыт тоныц токафт. — 14. Нарынь зэвей нар алуу, сэви тикши мушк пушк. — 15. Нижыт пижыт эсь прызыт, эсь эйдезэт какпызыт.

Скороговорки.

1. Кудысы тулысы панцт.
 2. Кафты паринь барьцирить.
-

тебя. — 5. Чтобы тебѣ не встать. — 6. Не протянутся бы тебѣ вдоль лавки. — 7. Окажись съ ножной палецъ. — 8. Пусть пучащія болѣзни сквозь тебя. — 9. Пусть выйдутъ и лопнуть глазныя отверстія, пусть поднимутся , пусть упадутъ передъ тобой. — 10. Чтобы тебѣ провалиться въ тартарары. — 11. Пусть запрется внутренность твоей груди. — 12. Пусть застрѣлитъ тебя молнія въ свѣтлый день. — 13. Самъ коснись своего нехорошаго (холоднаго) слова. — 14. Ёдящій траву «нар» будетъ самъ подъ травой «нар», ёдущая трава разлетится вдребезги. — 15. Твои заклятія на твою голову, на твоихъ собственныхъ дѣтей.

1. Въ избѣ на гвоздѣ узда.
 2. Кадушечные края двухъ кадушекъ.
-

Отдѣлъ VI. Пѣсни.

А. Оркино.

№ 1 ¹⁾.

A telenä, telenä!
Teles ulñis jakšama.
Kyt jakšama pogoda,
Lutkñin latkñin peščénžä,
Vasij kitñin vältinžä.
Pirudalu²⁾ vä ki katc.
Maša moľä kijavañt,
Izvoščেকে sasyžä,
Izvoščেকে avyľ pokš,

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующей семь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога. 2) piridaluu.

Ахъ, зимушка, зимушка!
Зима была холодная.
Хоть холодная погода,
Она наполнила доли и овраги,
Всѣ дороги она покрыла.
Позади гуменъ оставила одну дорогу.
Мама идетъ по этой дорогѣ,
Ее нагналъ извозчикъ,
Извозчикъ не большой,

Kyt avyl' pokš, jožouñä.

Karmaš Mašaň käukšnimä:

— Ton kou molat, Mašunä? —

— A vasyluu, täťäniñ,

— Kafta kolma latkyn' troks,

— Muravlinyj stolbenä,

— Stolbanit' prasa kudyza,

— Kolma krasnyĭt' valmanza,

— Nurda muška vä kesak,

— Parga močka vä pula. —

Kosa Maša pidizä?

Baňa peckas kajizä.

Kuva Maša iijizä?

Šušma prava iijizä.

Kozen' Maša štaftyzä?

Zabyr vařas štaftyzä.

Хоть не большой, умненькій.

Началь Машу спрашивать:

— Ты куда идешь, Машенька? —

— Недалеко, къ отцу,

— Черезъ два три оврага,

— Муравлёный его столбикъ,

— На столбикѣ его домъ,

— Три красныхъ его окошка,

— Съ возъ конопли — одна пятаина,

— Кузовъ мочекъ — одна пасма. —

Гдѣ Маша испекла его?

Она бросила его въ баню.

На чемъ Маша сновала?

По сугробамъ сновала.

Гдѣ Маша поставила его (холстъ)?

Она поставила его въ отверстіе забора.

Peľa čočka—vígíniś,
Morga vara—kajamyś.

№ 2.

Dova dova, dovéňä,
Dova baba saldatka,
Dovaň kolma ćoranza,
Kolma pusta śweténza.
Pokš ćoranza aवेँčksä,
Pokš äjdīnza aकेँlksä.
Ekšēležä, vadīžä,
Aša panar orčafniś,
Šormaų poηkskeť maksykšnyś,
Sur príniďä kundyžä,
Mořa beřeks větežä,
Čava sudnas nolděžä.

Половина обрубка — бердо,
Отверстie сучка — челнокъ.

Вдова вдова вдовушка,
Вдова старуха солдатка,
У вдовы три сына,
Три пустыхъ цвѣтка.
Старшаго сына она не любить,
Старшее дитя не можетъ терпѣть.
Вымыла его, смазала,
Бѣлую рубашку надѣла,
Дала ему пѣстрые штаны,
Взяла его за кончики пальцевъ,
Привела его на берегъ моря,
Пустила его въ пустое судно.

- Proščaj, proščaj, idakaj. —
 - Rad proščauñin, avakaj,
 - Kedeñ vññftan, asatā,
 - Surpifiriñin a toket,
 - Valgij maksan, a mařat.
 - Mon aproščan, avakaj,
 - Lanġstyn pałam kaladums,
 - Pìłkstyn poŋksèn suřinđams,
 - Šesta proščan, avakaj,
 - Žarda pałam kaladā,
 - Žarda poŋksèn suřinđit,
 - Tundyn kukuŋks tājivan,
 - Žurav prāzyt mon valgan,
 - Tundyn kukuŋks kukyrđan,
 - Tundyn ćokouks ćokórdan. —
-

- Прощай, прощай, дѣточка. —
- Радъ бы простился, матушка,
- Руку протягиваю, не достаеѣтъ,
- Кончики пальцевъ не достаютъ.
- Голосъ дамъ, не услышишь.
- Я не прошусь, матушка,
- Пока не развалится на мнѣ рубашка,
- Пока не пойдутъ по ниточкамъ штаны на моихъ
- Тогда я прошусь, матушка, [ногахъ.
- Когда развалится моя рубашка,
- Когда пойдутъ по ниточкамъ мои штаны,
- Я сдѣлаюсь весеннею кукушкой,
- Я влѣзу на верхъ колодезнаго журавля,
- Я закукую какъ кукушка,
- Я запою какъ соловей.

№ 3¹⁾.

— Адя, полай, титянь кудув,
— Адя, вастай, алянъ кудув.
— Титянь куца мон сэриян,
— Алянъ куца мон кялиян. —
Кильдясъ повѣць сыря ракша,
Озафтызя сон ялганса,
Икильця ортава сон лифтизя²⁾,
Удалщиваньтъ сувафтызя,
Кустима пяс арафтызя;
Мязя ванцы—сон кардайса,
Вай, мязя ванцьй—кустима пяс!³⁾
— Кода, полай, мон сюдытан?
— Кода, вастай, мон эрьдикстан? —

1) Восемь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога.

2) Стихъ испорченъ.

3) Быть можетъ: Мязя ванцьй—кустьма пяса.

— Поѣдемъ, муженѣкъ, въ отцовскій домъ,
— Поѣдемъ, муженѣкъ, въ домъ старшаго деверя.
— Въ отцовскомъ домѣ я вырасту,
— Въ домѣ старшаго деверя я пополнѣю.—
Онъ запрягъ старую лошадь,
Посадилъ свою подругу,
Въ переднія ворота онъ вывелъ ее,
Въ заднія ворота онъ ввелъ ее,
У крыльца онъ остановилъ ее.
Что она видитъ — она на дворѣ,
Ой, что она видитъ — она у крыльца!
— Какъ, муженѣкъ, я тебя прокляну,
— Какъ, муженѣкъ, я тебя закляну?

— Истя, вастай, мон эрьдикстан:
— Пякиязан, лангыязан,
— Истя, полай, мон сюдытан,
— Моньць чачтамста кулызан¹⁾,
— Пижй эйдись сядий сянгырксыкс кадувыза²⁾.
— Пякияза лангыяза сыря ракшась³⁾,
— Вашьямста сон кулыза,
— Пижй вашысь кадувыза.
— Пякияза лангыяза сыря скалысь⁴⁾,
— Вазьямста сон кулыза,
— Пижй вазысь кадувыза. —
Ух, паякысь лангыясь соньць,
Ды чачтамста ды сон кулысь,
Пижй эйдись ды сон кадувь.

1) Быть может: Моньць чачтамста мон кулызан.

2) Быть может: Пиже эйдись кадувыза, Сядий сянгыркс кадувыза.

3) Быть может: Пякияза сыря ракшась.

4) Быть может: Пякияза сыря скалысь.

— Вотъ такъ, муженёкъ, я тебя проклянѹ,
— Вотъ такъ, муженёкъ, я тебя закланѹ:
— Пусть я забеременѣю,
— Пусть сама умру во время родовъ,
— Пусть останется маленькій ребенокъ, какъ сердеч-
— Пусть понесетъ старая лошадь, [ная боль.
— Пусть околѣетъ въ то время, какъ жеребится,
— Пусть останется маленькій жеребенокъ.
— Пусть понесетъ старая корова,
— Пусть околѣетъ въ то время, какъ телится,
— Пусть останется маленькій теленокъ. —
Охъ, забеременѣла она сама,
Во время родовъ она умерла,
Остался маленькій ребенокъ.

Ух, пякиясь сыря ракпась,
Вашыямста ды сон кулысь;
Пижя вашысь ды сон кадувсь.
Ух, пякиясь сыря скалысь,
Вазыямста ды сон кулысь,
Пижя вазысь ды сон кадувсь.
Истямышка горяс кадувсь,
Истямышка сон апарыс.
Кудув сувя, пижя эйдись ранга ¹⁾,
Сядийстынза лоскэт лутыня.
Ушув лися сон кардазув,
Пижя вашысь ды сон цяхя,
Пижя вазысь ды сон парэ.
Истямышка сон горяса,
Истямышка сон апарыса ²⁾.

1) Быть можетъ: Кудув сувя, эйдись ранга.

2) Быть можетъ: Истямышка апарыса.

Охъ, понесла старая лошадь,
Въ то время, какъ жеребилась, она околѣла,
Остался маленькій жеребенокъ.
Охъ, понесла старая корова,
Въ то время, какъ телилась, она околѣла,
Остался маленькій теленокъ.
Онъ остался на такое великое горе,
Онъ остался на такое великое зло.
Войдетъ въ избу, плачетъ маленькій ребенокъ,
Съ сердца его отрываетъ лоскутъ.
Выйдетъ наружу на дворъ,
Маленькій жеребенокъ ржетъ,
Маленькій теленокъ мычить.
Въ такомъ онъ великомъ горѣ,
Въ такомъ онъ великомъ злѣ.

- Кабы содавлинь мон се горядыньть¹⁾,
 - Кабы содавлинь мон се апарыдыньть²⁾.
 - Чыстыньть колмэксть ускувлиня
 - Титянь кудув мон ведь сонса
 - Чыстыньть колмэксть ускувлиня
 - Алянъ кудув мон ведь сонса.
-

№ 4³⁾.

Pakśiñä, pakśa pakśaška,
Pakśańt kunčkasa gubyrnä,
Gubyrýnt prása kilijñä,
Kilijnińt aly váliñä,
Váľisyńt uli kudyñä,

1) Быть можетъ: Каб содавлинь се горядыньть.

2) Быть можетъ: Каб содавлинь се апарыдыньть.

3) Восемь слоговъ съ цезурой послѣ пятого слога.

- Если бы я зналъ про это горе,
- Если бы я зналъ про это зло,
- Каждый день по три раза возилъ бы я ее
- Въ отцовскій домъ,
- Каждый день по три раза возилъ бы я ее
- Въ домъ старшаго деверя.

Ср. Обр. морд. нар. слов. I, № XXXV (съ знач. вариантами); у Raasonen, Proben, № L; ниже Сухокарб.

Полюшко, поле съ поле,
По серединѣ поля бугоръ,
На верху бугра берёзка,
Подъ берёзкой деревушка,
Въ деревушкѣ избушка,

Kudysynt ärä täχtirnä,
 Täχtirint mar̄ta ur̄kaza.
 Täχtiris udä, uduḡksnys,
 Ur̄äzys štaftä äjsynza.
 — Štaka, štakaja, aḡnikaj!
 — Čoratni pačkyčt umalaḡks,
 — Stadatni pačkyčt vālipes. —
 Štakšnys täχtiris, son mērā:
 — Uχin, ur̄inim, avinim,
 — Udyn, udyḡ mon, uduḡksnyḡ,
 — A pary onnēs čouḡauksnyḡ:
 — Blagyj vād' čudä bokavan,
 — Sätmi vād' čudä ombovan,
 — Pr̄am vālska blagyj buḡginä,
 — Čerbāvan valdy täšt švetet. —
 — Plak jofne ton te onneḡt,

Въ избушкѣ живетъ дѣвушка,
 Съ дѣвушкой ея сноха.
 Дѣвушка спитъ, започивала,
 Сноха будить ее.
 — Встанька, встань-ка, золовушка!
 — Мужики подошли къ загону,
 — Стада подошли въ конецъ села. —
 Встала дѣвушка, она говоритъ:
 — Охъ, сношенька моя, матушка моя,
 — Я спала, спала, започивала,
 — Не въ хорошій сонъ я замѣшалась:
 — Злая рѣка течетъ у меня по одной сторонѣ,
 — Тихая рѣка течетъ у меня по другой,
 — Надъ головой моей злой громъ,
 — По концамъ волосъ свѣтятъ свѣтлыя звѣзды. —
 — Не сказывай ты этого сна,

— Dušman lomaññiñ te onnés!
— Té godéñt lišat mirdiñiñ,
— Blagyj burgiñiś atafyt,
— Pici jondylyś avafyt,
— Sātñi vādñiś toñ poléñet,
— Valdy taśñä toñ äjt kakšyt.—
Uräžyś šeķi čynistyñt
Pary taχtiñt päčkizä,
Vādñiks vārñinza noldéžä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ кр-ки Татьяны Учуськиной.

№ 5¹⁾.

Adida, jalgat, a tyñ adida
Pižy lugava, jalgat, jakama,

• 1) Въ этой и въ слѣдующихъ пѣсняхъ десять слоговъ съ цезурой послѣ пятого слога.

— Этотъ сонъ (пусть) для дурного человѣка!
— Въ этомъ году выйдешь замужъ,
— Злой громъ твой свекоръ,
— Жгучая молнія твоя свекровь,
— Тихая рѣчка твой муженекъ,
— Блестящія звѣзды твои дѣти. —
Сноха въ тотъ самый денёчекъ
Зарѣзала добрую дѣвушку,
Пустила кровь ея рѣчкой.

Пойдите, подруги, вы пойдите
Гулять, подруги, по зеленому лугу,

Goŕní poŕ cécǎń, jalgat, šežńemǎ,
Kǎřǎm šuruva, jalgat, vačkama,
Ulčǎń kuvalma, jalgat, jutama,
Mazyj morěneń, jalgat, morama,
Udy lomańiń, jalgat, štaftuma,
Aščy lomańiń, jalgat, maťfińǎ.
A ńesěnek ři mazyj Šemušan?
— Vašńa vancyńik iķilǎ řelďǎ,
— Tosa vancyńik udala řelďǎ.
— Kota kǎřisa Šemań pařaza,
— Kolma kǎřisa pařa ožanza,
— Vǎřǎ kǎřisa Šemań pořksěnga,
— Soska paćińiń pořks potmaksyza,
— Paćiřiń gajtan pořks gašńikiza.

Рвать, подруги, цвѣты колокольчики,
Накладывать, подруги, ихъ по стрижкамъ на лбу,
Проходить, подруги, вдоль улицы,
Пѣть, подруги, красивыя пѣсни,
Будить, подруги, спящихъ людей,
Усыплять, подруги, неспящихъ людей.
А видѣли ли вы красиваго Сѣмушку?
— Сначала мы увидѣли его спереди,
— Потомъ мы увидѣли его сзади.
— Семёнова рубашка въ шесть полотнищъ,
— Рукава его рубашки въ три полотнища,
— Семёновы штаны въ пять полотнищъ,
— Изъ марли ширинка его штановъ,
— Шелковый гайтанъ его ошкуръ.

Ср. у Reguly № 15d и ниже Сухокарб.

№ 6.

Čačumda pary Ġibajś udalaś,
Kasumda vadřa Ġibajś pek paryl.
Šupaḡdy šupaft pary Ġibajińt,
Kožoḡdy kožořt vadřa Ġibajińt,
Mālḡanzy jakit, kisynzy jakit.
Tātāś jaksylžā Ġibajińt šupaḡniń,
Son čyjaksylžā Ġibajińt kožoḡneń.
— Vaj, mon amolan, tātkaĵ, šupaḡniń,
— Vaj, mon amolan, kořmaj, kožoḡneń:
— Šupavyńt lama pakśa robōta,
— Kožovōńt lama kudyń dāviza;
— Čokšni pozdas son pek robōtaftā,
— Valcki rana son pek zabōtaftā.
— Mon lučy molan, dātkaĵ, pastuḡniń:
— Pastuḡyń anyk vidiń žuryza,

Рождениємъ славная Гибая удалась,
Возрастаніємъ добрая Гибая удалась.
Изъ богатыхъ богатые за хорошей Гибаетъ,
Изъ зажиточныхъ зажиточные за доброй Гибаетъ,
Ходятъ за ней, ходятъ ради нея.
Отецъ хотѣлъ проходить Гибая за богатаго,
Отецъ хотѣлъ просватать Гибая за зажиточнаго.
— Ой, не пойду, батюшка, я за богатаго,
— Ой, не пойду, кормилецъ, я за зажиточнаго:
— У богатаго много полевой работы,
— У зажиточнаго много домашняго дѣла.
— До поздняго вечера онъ заставляетъ сильно работать,
— Утромъ рано онъ заставляетъ сильно заботиться.
— Лучше я пойду, батюшка, за пастуха:
— У пастуха готовъ посѣянный хлѣбъ,

— Pastuχyń anyk pańiń kšyńiza,
— Pastuχyń anyk ramań salynza. —
Čyjiž Ġibajińt pary pastuχyńiń.
Nedłazynza son avaks tǵjikšńiś,
Pastuχyń stojlau Ġibajś molekšńeś.
Maky lopeńeť songza rućanza
Stojla píravańt Ġibajś strafnyńžǵ.
Tundyń pízimiś rućat pízínžǵ,
Čudī vǵdīńiś rućat salynžǵ.
Šesty Ġibajiś son dy fatakšnyś:
— Āravyl molems lućy šupańiń;
— Šupavyń uli putyń gudyza,
— Šupavyń guca pízim' a tokǵ;
— Pastuχyń araś putyń gudyza,
— Pakśa kunčkasa stroǵń stojlaza. —
Štapa lanǵińiś Ġibajś varčyžǵ,

— У пастуха готовъ испеченный хлѣбъ,
— У пастуха готова купленная соль. —
Просватали Гибаю доброму пастуху.
Черезъ недѣлю она сдѣлалась матерью,
Пошла Гибая въ стойла пастуха.
Свои руки какъ маковъ цвѣтъ
Гибая развѣсила надъ стойлами.
Весенній дождикъ замочилъ руки,
Текучая рѣчка утащила руки.
Тогда Гибая спохватилась:
— Надо было лучше идти за богатаго,
— У богатаго есть выстроенный домъ,
— Въ домѣ богатаго дождикъ не достанетъ;
— У пастуха нѣтъ выстроеннаго дома,
— По серединѣ поля его выстроенныя стойла. —
На голое тѣло посмотрѣла Гибая,

Paľanza tundyn žadyś salynžä.
Vačkyć Ġibajiś kafty keďenza,
Šuvyrdaś Ġibajś kähniń surynza,
Čamań ġalis tuśť pśi śalvadinza.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина
Настасьи Кожайкиной.

№ 7.

Dubylga kořeněn babań kudyza ¹⁾,
Ofta lapań dy babań valmanza.
Vášť śalgä babaś, kaŋkśť varčtä babaś:
Valmalgańť řiftä dy už graćin polk.
— Užyda, graćkiť, a tyń lotkada!
— Kona storónaŋ, graćkiť, moľdada?
— Äziŋk ěk ři moń para polėneń? —
— Mińdeďeněk mäj'ľa řiftä ġigań polk ¹⁾. —

1) Въ этомъ стихѣ по ошибкѣ записано одиннадцать слоговъ.

Рубашки ея унёсъ весенній потокъ.
Всплеснула Гибая обѣими руками,
Сжала Гибая свои десять пальцевъ,
Во всю ширину лица пошли ея горючія слезы.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I № XXXII и № LVI; у Paasonen, Proben, I № VI.

Изъ корней таволожки старушкинъ домъ,
Изъ медвѣжьей лапы старушкины окна.
Одинъ разъ воткнетъ старуха, два раза посмотреть:
Подъ окошкомъ летить уже стая грачей.
— Подождите, грачики, а вы остановитесь!
— Въ какую сторону вы, грачики, идете?
— Не видали ли вы моего хорошаго муженька? —
— За нами летить стая гусей. —

- Užyda, ġigat, a tyń lotkada!
 - Kona storónau, ġigat, jakidā?
 - Kona ujezdou, ġigat, jakidā?
 - Äziŋk ģek ģi moń para polėnem? —
 - Ģenzań storónau, babaj, jakińik,
 - Ģenzań ujezdou, babaj, jakińik.
 - Ńejeńek, babaj, toń para polat,
 - Särij pičyška songa säřiza,
 - Ķi vā bokasa songa prińiza,
 - Om̄ba bokasa songa rungyza,
 - Čaryj šledńeva vāřiza čudā,
 - Syvilńistynza, babaj, brud' brudiť,
 - Lovāžastynza, babaj, säđ moštet,
 - Ģřasa čerdėnza čereń piks ponet. —
-

-
- Подождите, гуси, а вы остановитесь!
 - Въ какую сторону вы, гуси, отправились?
 - Въ какой уѣздъ вы, гуси, отправились?
 - Не видали ли вы моего хорошаго муженечка?
 - Мы отправились, бабушка, въ Пензенскую сторону,
 - Мы отправились, бабушка, въ Пензенскій уѣздъ.
 - Какъ высокая сосна его тѣло,
 - Мы видѣли, бабушка, твоего хорошаго мужа,
 - На одной сторонѣ дороги его головка,
 - На другой сторонѣ его туловище,
 - По колеснымъ слѣдамъ течеть его кровь,
 - Изъ мяса его, бабушка, прудятъ прудъ,
 - Изъ костей его, бабушка, мостятъ мостъ,
 - Изъ волосъ на головѣ вьютъ волосяную веревку. —
-

№ 8.

Kata, Katuša, Katirinuša,
Ada, Katuša, tātāt tārđinģit,
Tātāt tārđinģit, čyjams vāšynģit
Parga sakalnyń, syrā atāniń.

— Mon mońc kak safca te polańt marta:

— Puŗģinā palakst alynza acan,

— Mon pići palakst pralynza putan,

— Šajiliń žuba langanza vāl'tan. —

Kata, Katuša, bojaravuša,

Ada, Katuša, tātāt tārđinģit,

Tātāt tārđinģit, čyjams vāšynģit,

Son odžorańiń, para alāniń.

— Mon mońc kak safca te polańt marta:

— Puŗovoj tošak acan alynza,

Катя, Катюша, Катеринуша,

Иди, Катюша, отецъ тебя позваль,

Отецъ тебя позваль, потребоваль тебя, чтобы просватать
Старому старику съ бороною лукошкомъ.

— Я и сама сумѣю (сдѣлаться) съ этимъ мужемъ:

— Я постелю подъ него татарникъ,

— Я положу подъ его голову крапиву,

— Я надѣну на него ежовую шубу. —

Катя, Катюша, барышня,

Иди, Катюша, отецъ тебя позваль,

Отецъ тебя позваль, потребоваль тебя, чтобы просватать
Парню, доброму молодцу.

— Я и сама сумѣю (сдѣлаться) съ этимъ мужемъ:

— Я постелю подъ него пуховую перину,

— Parćijiń todoŋ putan pralynza,
— Baraškań žuba vāļtan langanza. —

№ 9.

Kovoloŋ žudi Cymbiruš vādiš,
Kovoloŋ moļi Kazanuš vādiš?
Obedoŋ žudi Cymbiruš vādiš,
Obedoŋ moļi Kazanuš vādiš.
Vaj, brudāšt brudāšt, son a brudāvā,
Vaj, pekstašt pekstašt, son a pekstavā.
Lomań brāftumy son a brudāvā,
Lomań brāftumy son a pekstavā.
Davajti, bratcy, a miń davajti,
Miń vāliń brumkskā, bratcy, tājdana,
Miń žērebejsy miń gajatana,

— Я положу подъ голову ему шелковую подушку,
— Я надѣну на него барашковую шубу. —

Куда течетъ рѣка Симбирка,
Куда идетъ рѣка Казанка?
На югъ течетъ рѣка Симбирка,
На югъ идетъ рѣка Казанка.
Охъ, прудили ее прудили, ея не запрудить,
Охъ, запирали ее запирали, ея не запереть.
Безъ человѣческой головы ея не запрудить,
Безъ человѣческой головы ея не запереть.
Давайте, братцы, давайте,
Мірской сходецъ, братцы, соберемте,
Мы жеребемъ кинемъ,

Konańin zata vašin žerebejs,
 Konańin zata pra jumam' žuftys.
 Vaj, Mikuž ulńis válin zdarysta,
 Vaj, Mikuž ulńis válin bračufta.
 Mikužyn ulńis táχtir dakaza.
 Mikužnyn zatyč vašin žerebejs,
 Mikužnyn zatyč vašin braks čuftys:
 Mikužyn dakańt brudńti brudams.
 Mikužyn dakaš eščo a sodā.
 Son udyš udyš, takaš uduukšnyš,
 A par' onnēs son dakaš čouřaukšnyš.
 Mařasy šumnā, pek uš mařāvā,
 Mařasy žalfkā, pek uš čudāvā.
 Syrgyjč Mikužyn pižy takaza.
 — Uχin, avakaj, mēri, kořmakaj,
 — Mājin ištamy šumni mařāvā,

Кому достанется первый жеребей,
 Кому достанется губящее голову дерево.
 Ой, Николай былъ сельскимъ старостой,
 Ой, Николай былъ сельскимъ головой.
 У Николая была дочка—дитя.
 Николаю достался первый жеребей,
 Николаю досталось губящее голову дерево:
 Николаево дитя должно употребить на запруду.
 Николаево дитя еще не знаетъ.
 Оно спало-спало, дитя заспалось,
 Увидѣло дитя нехорошій сонъ.
 Оно слышитъ шумокъ, сильно ужъ слышится,
 Оно слышитъ небольшой гулъ, сильно ужъ чудится.
 Проснулось Николаево малое дитя.
 — Охъ, говорить, матушка кормилица,
 — Что за шумокъ такой слышится,

Mäjin ištamy žalfki čudavä?

Mikužyn šimdit väši vinada,

Mikužyn vetet kafty bokava.

Välin brumkskinik prumksnyšt kardazu.

Mikužyn dakanť kucty targakšnyž,

Bruď gyrginiňti sonzy uskykšnyž,

Bruđiňt aluž zyn zongy kajakšnyž,

Navoskesy syn zongy valakšnyž.

Šesty pekstaš täst Cymbiruš vädiš,

Išta kirđiž zyn Gazanuš vädiňt.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

Вариантъ. (Послѣ сообщенія о снѣ): Onctenga i bredä: valdy zořas valdy täšniň marťa i valdy kovos i väχc sašt i jaušť. — Užy moľa n šabra.ň baba.ňiň, jofnesa. te o.nneňť. — Vot, babi.ňim, a par' on neje.ň: valdy zořa.š valdy täšni.ň marťa i valdy kovos, väχca aščyšt i jaušť. — Baba.š i meřä.: valdy zořa — melneća. vädi.š i

Что за гуль такой чудится?

Николая всѣ поятъ виномъ,

Николая ведутъ съ обѣихъ сторонъ.

Весь мірской сходъ сошелся во дворъ.

Николаево дитя вытащили изъ дому,

Ее повезли къ мѣсту запруды,

Ее бросили на дно плотины,

Ее завалили навозцемъ.

Тогда заперлась у нихъ рѣка Симбирка,

Такъ задержали они рѣку Казанку.

(Вариантъ). Во снѣ она и бредить: свѣтлая заря вмѣстѣ съ свѣтлыми звѣздами и свѣтлый мѣсяцъ вмѣстѣ сошлись и разошлись. — Погоди, я пойду къ сосѣдкѣ старухѣ, расскажу ей этотъ сонъ. — Вотъ, старушка, я видѣла нехорошій сонъ: свѣтлая заря вмѣстѣ съ свѣтлыми звѣздами и свѣтлый мѣсяцъ вмѣстѣ стали и разошлись. — Старуха и говорить: свѣтлая заря—мельничная рѣка и рѣка Ка-

Kazanu·š vādī·ś, a valdy tššni mel'nečā·n gula·knā, valdy kovós uli·vil' mirdi·t, valdy tššnā· ulivilt' ajdi·t. Tě onnē·ś, Agaša· duša, te onnē·ś apa·ra. Učaska·t mařta vāši·j moľat mel'neča· vādīŭ i Kazanu·š vādīŭ. Mel'nečān ġāvi·ś valdy kovō·ś. — Ašylga·dykš·nys valdy čyŋi·za, i māži· vanā. Agaša· duša·: tātanzы vėtet kafty peldā vāli·n aľat, vāli·n zudjat. — Nařāža·k, Agaša duša·, doče·nėm; moňān zatyč vāšiŋ braks čuľtyś i vāši·n žėrebe·js. Toŋ vė·tams mel'nečān vādīŭ, Kazanuš vādī·ŭ. — Kolenka·va nařāžyz saľja·nca Agašē·n dušē·n, karksa·mŋiva paľci·jsa, kafty pe·ľdā kundy·ž i saji·ž, vėte·ť songa, Agašē·n dušēn Kazanuš vādī·ŭ, mel'nečān vādī·ŭ. Vėte·ž mel'neča· be·reks, mel'neča· čy·ris. — Ježľi vė·čkemga sajsamak, vādava matu·škam, jaľt kaľta peľej, iľamak tандаľt. — Kaľtuŭ jaľs mel'neča· vādī·ś i prok utka·n buľ saji·žā, i avarďā i avarďā, ava·řkšnā: proščajťe, urī·nin, aľi·nin.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

занка, а свѣтлыя звѣзды—мельничные кулаки, свѣтлый мѣсяць былъ бы твоимъ мужемъ, свѣтлыя звѣзды были бы твоими дѣтьми. Этотъ сонъ, душа Агаша, этотъ сонъ не хорошъ. Со всѣмъ твоимъ счастьемъ ты пойдешь въ мельничную рѣку, въ рѣку Казанку. Мельничный камень—свѣтлый мѣсяць.—Сильно разсвѣло, и что видитъ душа Агаша: ея отца ведутъ съ двухъ сторонъ сельскіе старики, сельскіе судьи. — Одѣвайся, душа Агаша, доченька моя; мнѣ досталось первое дерево на голову и первый жеребей. Тебя надо вести въ мельничную рѣку, въ рѣку Казанку.— По колѣна одѣли душку Агашу въ сафьянъ, по поясокъ въ шелкъ, взяли съ двухъ сторонъ и ведутъ ее, душку Агашу въ рѣку Казанку, въ мельничную рѣку. Привели на берегъ, на край мельницы. — Ежели ты, ведява матушка, возьмешь меня любя, разступишь на двѣ стороны, не пугай меня.— На двое разступилась мельничная рѣка и взяла ее, точно утиный пухъ, и плачетъ, и плачетъ она, заливаѣтся плачемъ: прощайте, снохи мои, матушки мои.

№ 10.

Lugava jakä syřä alašaś,
Syři tataryś jaki mäl'ganza,
Vä kecenzы soň dy višyn gopša,
Ombö kecenza dy läuřyn nofta.
— Pamak mańcy višyn gopřasa,
— Pamak kuńci läuřyn noftasa.
— Kolenğämiń gott služyn-vojo'veń,
— Paly švečat moń ulništ dy šälmin,
— Kištiz kištilt dy jakilt moń pilgin,
— Nalksiž nalksiłt moń jala dy pilin,
— Puška valgijs moń gluxyjačt pilin,
— Puška kačams moń sokorgačt šälmin,
— Mälka käñnis moń laznuušt dy pilgin,
— Puškañ usksiž moń šintriñs dy ruņgym.

Записано въ августѣ 1905 году отъ крестьянки с. Оркина
Настасьи Кожайкиной.

По лугу ходить старая лошадь,
Старый татаринъ ходить за нею,
Въ одной рукѣ его полбяной пирогъ,
Въ другой рукѣ его мочальный недоуздокъ.
— Не обманывай меня полбянымъ пирогомъ,
— Не хватай меня мочальнымъ недоуздомъ.
— Тридцать лѣтъ я служила-воевала,
— Какъ горящія свѣчи были мои глаза,
— Пляша плясали и ходили мои ноги,
— Играя играли всегда мои уши,
— Отъ пушечнаго гласа оглохли мои уши,
— Отъ пушечнаго дыма ослѣбли мои глаза,
— Отъ мелкихъ камушковъ потрескались мои ноги,
— Возя пушки истерзалось мое тѣло.

Ср. ниже №№ 11 и 12 и также Сухокарб.; у Raasonen, Proben I № XLVII;
у Reguly № 14e.

№ 11.

Лугава якя сыря алаша,
Мяльганза якя сыря татарысь.
Вай, ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй,
Мяльганза якя сыря татарысь,
Вишинь копшаза кавалалынза
Вай, ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй,
Вишинь копшаза кавалалынза,
Лявшинь нофтаза кеь кыргасынза.
Вай, ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй.
— Вай, иля яка, татар, монь мяльга,
— Илямак маньчэ вишинь копшасыт,
— Илямак куньця лявшинь нофтаса,
— Колэнь кяминь год служинь-воёвень.
— Прок палы свечат монь ульнисть сьялмин,
— Монь кичакс чарасть який пильгинин,

По лугу ходить старая лошадь,
За ней ходить старый татаринь.

— — — — —
За ней ходить старый татаринь,
Полбяной пирогъ подь его мышкой.

— — — — —
Полбяной пирогъ подь его мышкой.
Мочальный недоуздокъ вокругъ его руки.

— — — — —
— Ой, не ходи, татаринь, за мною,
— Не мани меня полбянымъ пирогомъ,
— Не хватай меня мочальнымъ недоуздомъ.
— Тридцать лѣтъ я служила-воевала.
— Будто горящія свѣчи были мои глаза,
— Мои ходящія ножки вертѣлись какъ молотильный цѣпъ,

- Налксизь ды налксисть монь марий пилин,
- Юдмакс ювыць монь, татар, пулынимь.
- Пушкань качамнись сяльмин кяриньзя,
- Пушкань толнэнесь пулым кыртызя,
- Пушкань валгыись пилин потленьзя,
- Мелка кявнितья лазнызь копетан,
- Вай-ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй,
- Мелка кявнитья лазнызь копетан,
- Пушкань усксизь монь синьтривсь рунгынимь,
- Вай-ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй.

Записано I. А. Цыбынымъ въ с. Оркинѣ въ сентябрѣ 1905 г.

№ 12.

Лугавá якá сырá алаша,
Мяльгáнза якá сырá татар.
Ой, лей, лей, лей! лей, лэх!

-
- Слышашця мои уши играя играли,
 - Какъ ночевка вился, татаринъ, мой хвостикъ.
 - Пушечный дымомъ вырѣзалъ мои глаза,
 - Пушечный огонь обжогъ мой хвостъ,
 - Пушечный гласъ оглушилъ мои уши,
 - Мелкіе камушки разбили мои копыта.

- — — — —
- Мелкіе камушки разбили мои копыта,
 - Возя пушки, истерзалось мое тѣлице,
- — — — —

По лугу ходить старая лошадь,
За ней ходить старый татаринъ.

— — — — —

Вить ке́пэнза лявы́иный но́фта,
Кяры́ць ке́пэнза ви́иный ко́пша.
Ой, лэй, лэй, лэй! лэй, лэх!
Ви́иный ко́пшаса ма́нча,
Ля́выиный но́фтаса ку́нця.
Ой, лэй, лэй, лэй! лэй, лэх!
Иля́мак ма́нча ви́иный ко́пшаса,
Иля́мак ку́нця ля́выиный но́фтаса.
Ой, лэй, лэй, лэй! лэй, лэх!
Ужа, тата́р, нужда́н—го́ряя ё́фнёсень,
Ульни́сь пу́лынымь турба́шка,
Пу́шкань то́лнэсь курты́зя.
Ой, лэй, лэй, лэй! лэй, лэх!
Пи́жиный сто́пка ульни́сть пильга княжа́нин,
Мелка́ кявс соня́всть.
Ой, лэй, лэй, лэй! лэй, лэх!

Въ правой ру́къ у него моча́льный недоуздо́къ,
Въ лѣ́вой ру́къ у него полбя́ной пиро́гъ.
— — — — —
Полбя́нымъ пиро́гомъ онъ мани́ть,
Моча́льнымъ недоуздо́комъ онъ лови́тъ.
— — — — —
Не мани́ меня полбя́нымъ пиро́гомъ,
Не лови́ меня моча́льнымъ недоуздо́комъ,
— — — — —
Погоди́, тата́ринъ, я расска́жу свою́ нужду́ и горе́.
Бы́лъ мой хвостикъ́ какъ тру́ба,
Его́ сже́гъ пушечный́ огонё́къ.
— — — — —
Какъ мѣ́дные кубки́ были́ ножны́я копы́та,
Они́ истерли́сь объ́ мелкíй ка́мень.
— — — — —

Толкс палыльть сяльмь валдынин;
Пушкань качамня кяринзя.
Ой, лэй, лэй, лэй! лэй, лэх!
Щирикь щирьдильть пилинин,
Пушкань шумнись глухийгацьть пилинин..
Ой, лэй, лэй, лэй! лэй, лэх!
Гуйникь юмбыдыль лангинимь,
Юдмакс юмбыдыль лангинимь,
Пушка алув машиць вийнимь.
Кардас пещень ракшада,
Ламá парá хозяиным туртув тьянь
Вийнимь валым маштумс.
Хозяиным пуста степей панимимь. —
Кодá татарысь кундызя,
Пшчи пйильца пячкизя сбиря алашаньть,
Сйисимь котелга татар пещезя,

Какъ огонь горѣли мои глазные свѣтики,
Пушечный дымокъ ихъ изрѣзалъ.

— — — — —
Какъ веретено двигались мои уши,
Пушечный грохотъ оглушилъ мои уши.

— — — — —
Какъ змѣй извивалось мое тѣло,
Какъ ночевка извивалось мое тѣло,
Силушка моя пропала подъ пушкой.
Я наполнила дворъ лошадьми,
Много хорошаго сдѣлала своему хозяину
До того, что уничтожила свою силушку.
Хозяинъ выгналъ меня въ пустую степь. —
Когда татаринъ схватилъ ее,
Онъ зарѣзалъ старую лошадь острымъ ножомъ,
Семь котловъ татаринъ наполнилъ,

Вясий родьянза тярдиньзя
Сывильдя ярцама...

Записано въ концѣ семидесятихъ годовъ въ с. Оркинѣ учителемъ г. Леонтьевымъ для А. Н. Минха. Запись здѣсь нѣсколько исправлена, согласно живому произношенію.

№ 13.

Luša Lušínä, viška Lušínä,
Luša Lušínä, a pokš täχtirinä.
Aukanza poca kolma gott äraś,
Aukanza poca kortama karmaś:
— Mon čačyndaŕan, mon kasyndaŕan,
— Aukadyn para šesta mon ulan.
— Tātāniń tātkaĵ šesta aŕeŕan,
— Aukaniń aukaj šesta aŕeŕan.
— Tātkaŕniń meŕan: ton syŕä pińä,

Всѣхъ родственниковъ онъ позовалъ,
Чтобы ѣсть мяса.

Ср. Raasonen, Proben I № XLVII.

Луша Лушенька, маленькая Лушенька,
Луша Лушенька, невеликая дѣвочка.
Въ утробѣ матери своей она жила три года,
Въ утробѣ матери своей она стала говорить:
— Когда я рожусь, когда вырасту,
— Я буду лучше тогда, чѣмъ моя матушка.
— Батюшкѣ я тогда не скажу «батюшка»,
— Матушкѣ я тогда не скажу «матушка».
— Батюшкѣ я скажу: ты старый песъ,

- Aḡkañiñ méran: ton syrä suka.
— Mon čačyñdařan, švec řiřiñdařan,
— Ulčava jutan, oc čačyřt nejān,
— Pandalga jutan, čudī vād' kořtan,
— Lugava—potom řikřys a kasā,
— Pakřava—potom řuryř a čača,
— Mon řirga jutan, načka čuft kořtan. —
Koda čačyķřnyř Luřař, švec řiřniř,
Luřař čačyķřnyř, son udalakřnyř,
Makyñ lopeñet Luřañ pařanza,
Maka řvetķeñet Luřañ ručanza,
Čapam' ločesa lopafñisyñžā,
Lambamysa son jovařisyñžā.
Kulum' urmasa Luřa urmakač.
— Kulan, řatakaj, juman, gořmakaj,
— Iñičyñ čysta, řkaj Pazyñ čysta,
-

- Матушкѣ я скажу: ты старая сука.
— Когда я рожусь, когда выйду на свѣтъ,
— Я пройду по улицѣ, увижу новорожденныхъ,
— Я пройду по задворикамъ, высушу текущую воду,
— По лугу—потомъ трава не будетъ расти,
— По полю—потомъ хлѣбъ не уродится,
— Я пройду по лѣсу, высушу сырыя деревья.—
Когда родилась Луша, вышла на свѣтъ,
Луша родилась, она удалась,
Какъ маковые листки Лушины рубашки,
Какъ маковые цвѣточки Лушины руци,
Въ кисломъ молокѣ она ихъ выстираетъ,
Прѣснымъ она ихъ всполоснетъ.
Смертною болѣзнью Луша заболѣла.
— Я умру, батюшка, я погибну, кормилецъ,
— Въ день Пасхи, въ день Шкай-Паса,

- Obedñada mon ikilä kulan,
 - Zavytyrñada mon mäjlä kulan.
 - Kandylast täjit do syrä pičyñ,
 - Do syrä pičyñ, pičä sädijiñ,
 - Bokatñiñ, aḱkaj, valyñk pižysa.
 - Langaksynt valyñk, aḱkaj, śijasä.
 - Iñiñiz kalma, aḱkaj, kalmazyrc,
 - Kalmañiz, aḱkaj, tyñ pokš ki čyris,
 - Pokš ki čyris do, syrä tummyñt práś. —
-

№ 14.

Maštyť, avakaj, trámyn vanumyn,
Äžit mašt, aḱkaj, maksmyn čyjamyn.
Maksymik, aḱkaj, vorněn tatarnyñ,
Vorněn tatarnyñ dušagubičñiñ.

- Я умру передъ обѣдней,
- Я умру послѣ заутрени.
- Гробъ сдѣлають изъ старой сосны,
- Изъ старой сосны, изъ сердцевины сосны,
- Бока его, матушка, засыпьте мѣдными деньгами,
- Верхъ его, матушка, засыпьте серебряными деньгами.
- Не хороните меня, матушка, на кладбищѣ,
- Похороните меня, матушка, около большой дороги,
- Около большой дороги, на старомъ дубѣ.

Ср. Сухокарб. № , но окончаніе здѣсь иное; ср. пѣсню о Кемельтѣ № .

Умѣла ты, матушка, вскормить и воспитать меня,
Не сумѣла ты, матушка, выдать меня и просватать меня.
Ты отдала меня, матушка, за вора татарина,
За вора татарина, душегубца.

Vaj, lomañ ojmaž tujit salama,
Lomañ štamškaña syn salamsta syť.
Vaj, koleŋkava pilgíst rudazuft,
Vaj, karksamñiva synct palinist načk,
Kañir pakaŋga kedest vārijñit.
— Vaj, štaka, Kafa, štaka, Kafuša,
— Vaj, žara para mon toñät tujin.
— Äštāñ tujin mon karej alaša,
— Toñät tujin mon niliva pala,
— Eščo tujin täť kotova ruća,
— A eščo tujin čolđerďä paŋga.
— Karej alašaš toñ tiriñ tätkat,
— Niliva palaš toñ sajin urkat,
— Kotova rućaš toža son songa,
— Čolđerďä paŋgys toñ škin trin aukat.
— Pačkiña tätät, Kafa, polök laŋks,

Ой, когда люди отдыхаютъ, они идутъ красть,
Въ то время, когда люди встаютъ, они приходятъ съ кражи.
Ой, по колѣна ноги ихъ грязны,
Ой, по поясъ ихъ рубашки мокры,
По локоть руки ихъ въ крови.
— Ой, встань-ка, Катя, встань-ка, Катюша,
— Ой, сколько добра я привезъ тебѣ.
— Себѣ привелъ я карюю лошадь,
— Тебѣ я привезъ рубашку въ четыре вышивки,
— Еще я тебѣ привезъ руцю въ шесть круживъ,
— А еще я привезъ шумящій шельганъ.
— Каряя лошадь—твоего кормильца отца,
— Рубашка въ четыре вышивки—твоей снохи,
— Руця въ шесть круживъ—также ея,
— Шумящій шельганъ—твоей кормилицы матери.
— Я зарѣзалъ, Катя, твоего отца на полатяхъ,

- Păčkińă avat, Kata, peca laŋks,
— Păčkińă lălat, Kata, acam laŋks,
— Păčkińă urkat, Kata, potmar laŋks,
— A ăŋiń kadyń, Kata, końek laŋks. —
Koda aščys son, Kata, urakać,
Vačkydĩńă son kafty keďńenza,
Puvyrdyńă son kămiń surnynza.
Čamań kălis son šălvăd' valyă.
— Vaj, măšt, polaj, vaj, ton išta fajńit?
— Vaj, măźniń, polaj, ton rodńan păčkiť?
-

№ 15.

Paksa paksińă, paksa paksaška,
Paksańť kunčkasa gubyr biřińă,
Guburyńť prasa piży luđińă,

- Я зарѣзалъ, Катя, твою мать на печкѣ,
— Я зарѣзалъ, Катя, твоего брата на постелѣ,
— Я зарѣзалъ, Катя, твою сноху на подолокѣ,
— А дѣтей оставилъ, Катя, на коникѣ. —
Какъ стояла она, Катя, вскрикнула,
Всплеснула она обѣими руками,
Сжала она свои десять пальчиковъ,
Облила ее слеза во всю ширину ея лица.
— Ой, зачѣмъ, муженѣкъ, ты такъ сдѣлалъ?
— Ой, зачѣмъ, муженѣкъ, ты зарѣзалъ моихъ родныхъ?

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № IX и Raasonen, Proben I, № XLV.

Поле, полечко, поле съ поле,
Посреди поля верхушка бугра,
На верху бугра зеленая лужайка,

Lugańt kunčkasa ašy kilijńä,
 Kilijńińt alga śija vād' čudä.
 Kou molä vādís, kou žudä syńís?
 Mořau soń molä, mořau son žudä.
 Mořa mořeńä, mořa mořaška,
 Mořańt kunčkasa sudnat karařlat,
 Mořa čyřisa tři polkyń saldatt.
 Vášij saldatnä, syń šutit päjdít,
 Eržāń saldatys apäjdä šutä.
 Sońc polkovńikiś nejžä řādizä.
 — Mäks ton, saldatys, a šutat päjdat
 — I kuva jakat jala melařtat,
 — I kuva jakat jala avarařdat?—
 — Nelža, tořna moń, gořa sajimiń,
 — Čačy storonař mon bu molevřen,
 — Čačy storonař mon bu tujivřiń. —

Посреди луга бѣлая березка,
 Подъ березкой течетъ серебристая рѣка.
 Куда идетъ рѣка, куда течетъ золотая?
 Она идетъ въ море, она течетъ въ море.
 Море, моречко, море съ море,
 Посреди моря суда и корабли,
 На берегу моря три полка солдатъ.
 Всѣ солдаты шутятъ смѣются,
 Эрзякъ солдатъ не смѣется, не шутить.
 Самъ полковникъ увидѣлъ его и замѣтилъ.
 — Отчего ты, солдатъ, не шутишь не смѣешься
 — И куда ни ходишь всё печалишься,
 — И куда ни ходишь всё плачешь? —
 — Нельзя, меня охватила тоска горе,
 — Я пошелъ бы на родную сторону,
 — Я ушелъ бы на родную сторону. —

— A tujivat ton čačy mastyrų,
— Mastyrų ġalış čudī vād' čudā,
— Mānilīn ġalış paly tol balā. —
— Už tolėnt vāłkska līftāz mon līftan,
— A vādīnt āzga ujiž mon ujan,
— Ita tujan ža čačy storonaų. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина
Настасіи Кожайкиной.

№ 16.

Ravyń tombalā kukuft kukyrdyt,
Ravyń tombalā čokoft čokórdet.
Kukuft kukyrdyt, sokamda mēret,
Čokoft čokórdet, izamda mēret.
Ravyń bērekka odžora jakā.

— Не можешь ты уйти на родную землю,
— По землѣ течетъ текучая рѣка,
— По небу горитъ горящій огонь. —
— Ужъ я полечу леткомъ надъ огнемъ,
— Ужъ я переплыву плавкомъ черезъ рѣку,
— И все таки уйду на родную сторону. —

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, №№ II, XVI, LIX. У Raasonen, Proben, I, № XVIII.
Сухокарб. ниже.

На той сторонѣ Волги кукують кукушки,
На той сторонѣ Волги поють соловьи.
Кукушки кукують, велять пахать,
Соловьи поють, велять бороновать.
По берегу Волги ходить юноша.

- Māšt jakat pakat, čora paryčy?
— Lomatt nej purnyt sokat izamyt,
— Lomatt nej syrgit šury vīdīmā. —
Čora karčyzyst mēfā ištaņa:
— Mon mājisy molan pakšau sokama,
— Mājisy mon syrgan šury vīdīmā?
— Araš kildams moņ pary rakšynīm,
— Araš povōdems a moņ lišmīnīm. —
Kuduņ-gauņ son čoraš molekšneš,
Polanza marta čoraš kortakšnyš,
Jalganza marta Ańdams dumakšnyš.
— Kukuņnā mēret a syn sokamda,
— Čokofnā kortēt syn izamyda.
— Mon mājisa molan pakšau sokama?
— Mon mājisa molan pakšau izama?
— Araš kildams moņ para rakšynīm,
-

- Что ты ходишь, гуляешь, почтенный?
— Люди теперь собирают сохи бороны,
— Люди теперь собираются сѣять хлѣбъ. —
Имъ на это отвѣчаетъ мужикъ такъ:
— На чемъ пахать я поѣду въ поле,
— На чемъ я соберусь сѣять хлѣбъ?
— У меня нѣтъ на запряжку хорошей лошади,
— У меня нѣтъ на запряжку коня. —
Домой пошелъ мужикъ,
Съ женой мужикъ поговорилъ,
Съ подругой Андямъ посовѣтовался.
— Кукушки заставляють пахать,
— Соловьи заставляють бороновать.
— На чемъ пахать я поѣду въ поле?
— На чемъ бороновать я поѣду въ поле?
— У меня нѣтъ на запряжку хорошей лошади,

— Araś povòdems a moń lišnińim. —
Polaza mērä čorańt' ištańa,
Jalgaza mērä Andamyńt' išta:
— Tātkať kildik ton, polaj, sokama,
— Aukat kildik ton, polaj, izama.
— Tātkaťi ponak a ton kšnań lokša,
— Aukaťi ponak ton lāngiń lokša. —
Son kildakšnyžä tiriń tātkanža,
Povòdekšněžä škiń-dřiń aukanža.
Vaj, gubyr bokas pajiza satyc.
— Vaj, nono-nono, tiriń tātkať!
— Vaj, nono-nono, škiń-dřiń aukať! —
Vaj, kuži kužä tātkaś, pupyrďä,
Vaj, molī molā aukaś, pupyrďä,
Vaj, kaukšt vačkyťcy tiriń tātkanža,
Vaj, vāšt vačkyťcy škiń-dřiń aukanža.

— У меня нѣтъ на запряжку коня. —
Жена его говорить мужику такъ,
Подруга его говорить Андяму такъ:
— Отца своего запряги ты, муженёкъ, пахать,
— Мать свою запряги ты, муженёкъ, бороновать.
— Для отца своей ременный кнутъ,
— Для матери своей ты кнутъ изъ лыка. —
Онъ запрягъ кормильца отца,
Заложилъ кормилицу мать.
Ой, загонъ его идти по склону бугра.
— Ой, ноно-ноно, кормилецъ батюшка!
— Ой, ноно-ноно, кормилица матушка! —
Ой, лѣзеть лѣзеть отецъ, спотыкается,
Ой, идти идти мать, спотыкается.
Ой, два раза ударить онъ кормильца отца,
Ой, одинъ разъ ударить онъ кормилицу мать.

Kijava jutä víška Katuša,

Pávanza molä kumac ručinä.

— Vaj, Boḡ pomoč táť, a ton odžora. —

— Uš i pašiba, víška Katuša. —

— Mäziń práüńis ton, odžora, kundyt:

— Tătkaša sokaž šuryš ačačä,

— Aḡkasa izaž Pazyš amaksä. —

Vačkyč odžoraš kafta kedñenza,

Purdyńžä kămiń čoraš surnynza,

Părgaftyžä son tiriń tătkanza,

Vaj, părgaftyžä škiń-dřiń aḡkanza,

Kuduḡ gauḡ synet čoraš noldėńžä.

Dıkyj alaša čoraš vășnikšnyš,

Dıkyj skotėna čoraš mujikšnyš,

Pulyzynza son polañt šulmizä,

Dıkyj alašanť štepeḡ noldėžä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина.

По дорогѣ проходить маленькая Катюша,

По конецъ его загона идетъ красная рубашечка.

— Ой, Богъ помочь тебѣ, молодецъ. —

— Ужъ и спасибо, маленькая Катюша. —

— Что это тебѣ взбрело, парень, на умъ:

— Если пахать на отцѣ, хлѣбъ не родится,

— Если бороновать на матери, Богъ не даетъ. —

Всплеснулъ парень обѣими руками,

Сжалъ парень свои десять пальцевъ,

Выпрягъ онъ кормильца отца,

Ой, выпрягъ онъ кормилицу мать.

Пустилъ ихъ мужикъ домой.

Дикую лошадь отыскалъ мужикъ,

Дикую скотину нашелъ мужикъ,

Къ хвосту ея привязалъ онъ жену,

Дикую лошадь пустилъ онъ въ степь.

№ 17.

Ravuñ tombalä kukuft kukyrdyt,
Ravuñ tombalä cökoft cökördet.
Kukuft kukyrdyt, sokamda meřet,
Cökoft cökördet, vídĩmđĩ meřet.
Rađ grajga jakä pary odžora,
Ružyjaza soñ laftyłaŋksynza,
Pristaletaza kedgyrgasynza.
Odžoraś jakä, utkiñit ledňä.
Karčyvastyžä syr' ata pokščaj:
— Lomatt nej, cöram, i soker vídit,
— A ton meks, cöram, a sokat vídat,
— A ton meks, cöram, utkiñit čađnat?—
— Moñ araś rakšäs sokañti kildams,
— Araś povódems moñ izamyñti. —
— Sokañti kildik ton dĩriñ dätät,

На той сторонѣ Волги кукують кукушки,
На той сторонѣ Волги поють соловьи.
Кукушки кукують, велять пахать,
Соловьи поють, велять сѣять.
По берегу Волги ходить славный юноша,
Ружье его у него на плечѣ,
Пистолеть его у него въ рукѣ.
Юноша ходить, стрѣляетъ утокѣхъ.
На встрѣчу ему вышелъ старый старикъ, дѣдушка:
— Люди теперь, сынъ мой, и пашутъ и сѣютъ,
— А ты, сынъ мой, отчего не папешъ и не сѣешь,
— А ты, сынъ мой, отчего бьешь утокѣхъ? —
— У меня нѣтъ лошади на запряжку въ соху,
— Нѣтъ на запряжку въ борону. —
— Въ соху запряги своего кормильца батюшку,

— A izamyńti toń škińiń avat.
— Ńilikt vačkydik toń dīriń dātānt,
— Kolmōkst vačkydik toń škińiń avant. —
Kijava jutā mazyj Katuša,
Viška Katińā, kumać rucińā.
— A i Boχ pomoć tońdāt, odžora. —
— A i pašiba, mazyj Katuša. —
— Tātasyńt sokat, šuryś ačačā,
— Aŋkasyńt izat, Pazyś amaksā. —
Sōješt sajiži mazyj Katadyńt,
Pārgaftyžā son dīriń dātanza,
Pārgaftyžā son škińiń avanza.

Записано въ августѣ 1906 года отъ крестьянки д. Косола-
повки (Яруги) Евдокимовой (Бажаевой).

— А въ борону свою кормилицу мать.
— Четыре раза ударь своего кормильца батюшку,
— Три раза ударь свою кормилицу мать. —
По дорогѣ проходитъ хорошенькая Катюша,
Маленькая Катюша, кумачевая руценька.
— А и Богъ тебѣ въ помощь, парень. —
— А и спасибо, хорошенькая Катюша. —
— Пашешь на отцѣ, не родится хлѣбъ,
— Боронуешь на матери, Богъ не дастъ. —
Зазрѣла его совѣсть передъ хорошенькой Катей,
Отпрягъ онъ кормильца отца,
Отпрягъ онъ кормилицу мать.

№ 18.

Сука сука сон Трямань Палага,
Дурак сука сон Трямань Палага,
Ков тяить, Поля, сон чачы прывьнит,
Ков тяить, Поля, сон касы прывьнит?
— Кулан, тятякай, юман горьмакай,
— Иничынь чыста, Шкай Пазынь чыста. —
— Вай, иля кула, Поля дочекай,
— Вай, иля кула, Поля корьмакай.
— Монь колма пичынь кудын, доченемь,
— Любовэй кудысь тонять улиза. —
— Вай, палы пожар, тятяй, пултыньзя,
— Кулан, тятякай,

и т. д.

— Монь колма пирить сюра, доченемь,
— Любовэй пиришь тонять улиза. —

Сука сука она Трямова Палаша,
Глупая сука она Трямова Палаша.
Куда дѣла ты, Поля, природный свой умъ,
Куда дѣла ты, Поля, взрощенный свой умъ?
— Я умру, батюшка, погибну, кормилецъ,
— На великъ день, на Божій день.—
— Ой, не умирай, Поля доченька,
— Ой, не умирай, Поля кормилица.
— У меня три сосновыхъ дома, моя дочка,
— Любой домъ пусть будетъ тебѣ.—
— Ой, сжигающій пожаръ, батюшка, пусть ихъ
— Я умру, батюшка, [сожжетъ,

и т. д.

— У меня три гумна хлѣба, моя дочка,
— Любое гумно пусть будетъ тебѣ. —

- Виивъ вихир сон сюрят салынъзя,
- Мяниль ёжес сынцт сон кяпидинъзя.
- Кулан, тятякай,

и т. д.

- Вай, иля кула, Поля дочакай,
- Монь колма чельнян, Поля доченемъ,
- Любовэй чельнясь тонять улиза. —
- Вялинь цильцихъть сынъ няшкит карынъзя.
- Кулан, тятякай,

и т. д.

- Ступай, тятякай, ошень базарув,
- Рамак, тятякай, сырньинь кандыласт,
- Илить тярьть бабат монь экшелямын,
- Тярьдить, тятякай, оян ялгининь.

Илить тярьть атят калмамс кандумын,
Тярьдить, тятякай, тон одцёратьнинь,

- Сильный вихорь пусть утащитъ твои хлѣба,
- Пусть подниметъ ихъ къ небу.
- Я умру, батюшка,

и т. д.

- Ой, не умирай, Поля дочка,
- У меня три пчельника, Поля дочка,
- Любой пчельникъ пусть будетъ тебѣ. —
- Дятлы пусть прогрызутъ твои улья.
- Я умру, батюшка,

и т. д.

- Ступай, батюшка, на городской базаръ,
 - Купи, батюшка, золотой гробъ,
 - Не зови бабъ, чтобы мыть меня,
 - Позови, батюшка, душенекъ подружекъ.
- Не зови стариковъ, чтобы нести хоронить меня,
Позови, батюшка, ты молодыхъ парней,

Илямак калма, тятъкай, калмазырц,
Кандуфтумак тон монъ покш ки улыс,
Путуфтумак монъ, тятъкай, килий пряс.

Ютэ покш киява бояр; кучырыза мера: бояр, онэкса казна вандылдэ. — Быдя, мера, казна, тонять улиза, а быдя кандыласт, монянь улист. — Пачкыцьть да сынъ килииньть вид. Мязя ванцьизь? Тоса кандыласт. Валфтызь кандыласнынъ да сынъ мастырув. Ванцьизь: тоса красавица Поляша. Таргизя боярысь Поляшанъ сурксынса и мерьць: ставай, Поляша, будит долга спать; ставай, Поляша, что ты долга спишь! Куды, Поляша, на фатер зайдём? — Иди, барин, к родному отцу. — Вай, марясий Полянъ тятяза, ортаза сонса чыкыргаць. Мязя ванцьий Полянъ тятяза? Кардайсынса тройка алаша, кибиткаса озада Поля дочаза. А вачкыдинься кафта кеденса, пувырдынься кяминъ сурынса.—

Не хорони меня, батюшка, на кладбищѣ,
Вели отнести меня на перекрестокъ большой дороги,
Вели положить меня, батюшка, на вершину березы.

Проѣзжаетъ по большой дорогѣ баринъ; кучеръ его говоритъ: баринъ, вонъ гдѣ кладъ свѣтится. — Если, говоритъ, это казна, пусть будетъ тебѣ, а если гробъ, пусть будетъ мнѣ. — Подѣзжаютъ они къ березѣ. Что видятъ? Тамъ гробъ. Опустили они гробъ на землю. Видятъ: тамъ красавица Пелагея. Дернулъ баринъ Пелагеино колечко и сказалъ: вставай, Пелагея, будетъ долго спать; вставай, Пелагея, что ты долго спишь! Куда, Пелагея, мы зайдемъ на фатеру? — Иди, баринъ, къ родному отцу. — Ой, услышалъ Пелагеинъ отецъ, ворота его скрипнули. Что видитъ Пелагеинъ отецъ? На дворѣ у него тройка лошадей, въ кибиткѣ сидитъ Пелагея дочь его. И всплеснулъ онъ обѣими руками,

Вай, мясьть тыйнят истя, Поля доченемь, естякак тонь лаца ули-
виль, Поля доченемь.

Записано I. Цыбинимъ.

№ 19.

Täťazy čav' žä, känkška jordéžä,
Avazy čav' žä, ul'cau jordéžä.
Vačkyč grěšnějš kafty keďenza,
Puvyrdaš grěšnějš kāmīn zurynža:
— Vaj, mon mäs tiñan grěšnějš, kođ molan,
— Mon goda řajan šudufš, kođ dujan?
— Mon užy molan dy pokš patkañiñ.
— Pokš patahaj ton bojaravakaj,
— Ton andykaja vačy řakiñiñ,
— Ton orčekaia štapu laŋgiñiñ. —

сжалъ свои десять пальцевъ. — Ой, зачѣмъ ты такъ дѣлаешь,
Поля дочка моя, и такъ было бы по твоему, Поля дочь моя.

Ср. Сухокарб. № 12 и Обр. морд. нар. сл. I № XXXIV. Но окончаніе здѣсь
иное, взятое изъ пѣсни о Кеменьти. (Сухокарб. № 17).

Отецъ его побилъ, выкинулъ черезъ дверь,
Мать его побила, выкинула на улицу.
Всплеснулъ несчастный обѣими руками,
Сжалъ несчастный свои десять пальцевъ:
— Ой, что я буду дѣлать несчастный, куда пойду,
— Какъ я буду дѣлать проклятый, куда уйду?
— Ужъ я пойду къ старшей сестрицѣ.
— Старшая сестрица ты, барыня,
— Накорми-ка мой голодной животикъ,
— Одѣнь-ка мое голое тѣльце. —

- Uχiń duǵińiń, ǵrešnejś jalakskiń,
 - Toń ajanduvă vačy pakińit,
 - Toń aorčavă štapy laŋińit.
 - Blagyj burǵińä a moń atafym,
 - Moń bići jondyl a moń avafym. —
 - Vačkyć ǵrešnejes kafty keđenza.
 - Vaj, mon mäs tińan ǵrešnejś, koχ moľan?
 - Mon užy moľan jutksy paťkańiń.
 - Jutksy patahaj, bojaravakaj,
 - Ton andykaja vačy pakińiń,
 - Ton orčekaja štapy laŋińiń. —
 - Uχiń duǵińiń, ǵrešnejś jalakskiń,
 - Toń a janduvă vačy pakińit,
 - Toń a orčavă štapy laŋińit. —
 - Blagyj vädni prok a moń avafym,
 - Blagyj buřa prok a moń atafym. —
-

- Охъ, братишка, несчастный братецъ,
- Не накормить твоего голодного животика,
- Не одѣть твоего голаго тѣльца.
- Злой громъ — мой свѣкоръ,
- Жгучая молнія — моя свекровь. —
- Всплеснулъ несчастный обѣими руками:
- Ой, что я буду дѣлать несчастный, куда пойду?
- Ужъ я пойду къ средней сестрицѣ.
- Средняя сестрица, барыня,
- Накорми-ка мой голодный животикъ,
- Одѣнь-ка мое голое тѣльце. —
- Охъ, братишка, несчастный братецъ,
- Не накормить твоего голодного животика,
- Не одѣть твоего голаго тѣльца. —
- Моя свекровь будто злая рѣчка,
- Мой свекоръ будто злая буря. —

Vačkyć ġrešnějš kafty keđenza.

— Vaj, mon mǎšt tīnan ġrešnějš, koḡ moľan?

— Mon užy moľan véžeńć paťañiń.

— Véžeńć patakaj, bojaravakaj!

— Ton orčėkaja štapy laŋġińiń,

— Ton andykaja vačy pǎkińiń. —

— Učĩń, duġińiń, ġrešnějš jalakskiń,

— Toń mon orčasa štapu laŋġińit,

— Anca mon doń dy vačy pǎkińit:

— Sǎtĩńǎ vǎdńǎ prok a moń avafym. —

Suvaftyžǎ son ġrešnějńt kuduḡ žiń,

Andyžǎ songzy vačy pǎkinza,

Orčėžǎ ġrešnějńt štapu laŋgynza.

Lomańčkasta son ġrešnějńt kastyžǎ.

Službań ġińiń son ġrešnějš tujikšńiś,

Nuždań žińiń son ġrešnějš javykšnyś,

Всплеснулъ несчастный обѣими руками.

— Ой, что я буду дѣлать несчастный, куда пойду?

— Ужъ я пойду къ младшей сестрицѣ.

— Младшая сестрица, барыня!

— Одѣнь-ка мое голое тѣльце,

— Накорми-ка мой голодный животикъ. —

— Охъ, братишка, несчастный братецъ,

— Я одѣну твое голое тѣльце,

— Я накормлю твой голодный животикъ:

— Моя свекровь будто тихая рѣчка, —

Она ввела несчастнаго въ домъ,

Накормила его голодный животикъ,

Одѣла голое тѣльце несчастнаго.

Выпустила она несчастнаго съ человѣка.

По служебной дорожкѣ пошелъ несчастный,

Въ нужду ушелъ несчастный,

Pakša kunčkas son ġrešnejš kulykšnyš,
Pīnikula dy ġrešnejūt kulyza,
Latky čama dy ġrešnejūt kalmyza.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина
Татьяны Учуськиной.

№ 20.

Tāχtīriš para Šilān Orena,
Tāχtīriš vadra Šilān Orena.
Jakā kotasa Ofa čulkasa,
Niliva targañ Ofa pałasa,
Kota kružuva kumač ručasa.
Vėreť alyt part Šilān ortanza,
Muravlinyjnīχt orta stolbanza,
Jarmakyñ pižyñ orta eskēnza.
Obōz liš' āzgast, obōst provōžēť.

Среди поля умеръ несчастный,
Собачья смерть — смерть несчастного,
Склонъ оврага — могила несчастного.

Хорошая дѣвушка Силантьева Орина,
Добрая дѣвушка Силантьева Орина.
Орина ходить въ сапогахъ и чулкахъ,
Орина въ рубашкѣ въ четыре вышивки,
Въ кумачевой рупцѣ въ шесть кружевъ.
Верхнія и нижнія Силантьевы ворота хороши,
Воротніе столбы муравленные,
Воротніе гвозди изъ мѣди.
Изъ нихъ выѣзжаетъ обозъ, обозъ провожаютъ.

Pervej izvošček mazyj Šemuša,
Šišim laḡksa mek Šema škamynza,
Šišimnist sivyχt Šemaḡ rakšanza,
Merluškaḡ čuba Šemaḡ laḡksynza,
Piža kušakkā Šemaḡ pärtkanza,
Surks kudriḡit a Šemaḡ kud්රanza,
Merluškaḡ čapka Šemaḡ prásynza,
Garmonėjat dy Šemaḡ kecənza.

№ 21.

Vaj, bary para Šatkinaḡ bakšaś,
Vaj, sedī para Šatkinaḡ bakšaś,
Vaj, blidaks aščā Šatkinaḡ bakšaś,
Vaj, judmaks aščit paksa latkynza,
Vaj, źulmyḡ źulmyḡ paksa vādriḡnza,

Первый извозчикъ красивый Сѣмуша,
На семи лошадяхъ Сѣмуша только одинъ,
Всѣ семь лошадей Семѣна сивыя,
На Семенѣ шуба мерлушковая,
На Семенѣ зеленый кушачекъ,
Кудри Семѣна колечиками кудряшки,
На головѣ у Семѣна мерлушковая шапка,
Въ рукахъ у Семѣна гармонія.

Ой, хорошо, хорошо Шаткинское поле,
Ой, очень хорошо Шаткинское поле,
Ой, какъ блюдечко лежитъ Шаткинское поле,
Ой, какъ ночовки лежатъ его полевые овраги,
Ой, какъ узлы его полевые ручейки,

Vaj, bižyn zurćam pakśa vírńinza,
Vaj, nućkań bańciŕt vídiń žurynza,
Vaj, dargań bańciŕt uma meženza.
Obložoŕ bojar pakśavańt jakä,
Kíśka bojaryś äžganzy jakä.
Napadäs złodej bojar pakśańt laŕks
I ŕoćet pakśańt son nálgimínza,
Äšťänza pakśańt dy sajimínza.
A jalgaza dy bojaryńt ulńis
Pijanzań ćora, para odžora.
Śisim vālin son golava ulńis,
Śesty son ulńis vídä sudija:
I son vālinći ćoraś kadykśnys
Śisim kudys śon ańćak vā uzír,
A syrin syrit ćoraś atātńin,
Vāšij Ćibiriŕ ćoraś pańinžä,

Ой, какъ мѣдный гребень его полевые лѣски,
Ой, какъ согнутый шелкъ его посѣянные хлѣба,
Ой, какъ протянутый шелкъ межи его загона.
Облязовъ баринъ ходить по полю,
Собака баринъ ходить по нему.
Напалъ злодѣй баринъ на поле,
И хочеть онъ захватить это поле,
Себѣ взять это поле.
А у барина былъ другъ
Піянзенскій мужикъ, добрый парень.
Онъ былъ головой надъ семью селами,
Тогда онъ былъ праведнымъ судьей:
И онъ оставилъ селу
Всего одинъ топоръ на семь домовъ,
А самыхъ старыхъ стариковъ,
Всѣхъ онъ погналъ въ Сибирь,

A odžoratniń, vášij čoratniń,
Oc počérněž son dy už sakalnyń,
Vášij saldatyks čoraš naryńžä.
Šesta lišniš son dy karčyzynza
Tumań čora dy para odžora,
Golavańt kak dy sonza kädinza
Tumań odžoraš trupkom vatkižä.

№ 22.

Vaj, vérga kiftit ġigañ bolk,
Vaj, alga molet saldat polk.
Ġigatni kiftit, ġigakšnit,
Saldatny molet, avardit.
Kolenkava šyn vädniiva,
Karks vidga palast rudazuft,
Kāñif bakařga čēmeņēft.

А парней, всѣхъ мужиковъ, —
(У которыхъ) только что выросли бороды, —
Всѣхъ обрилъ онъ въ солдаты.
Тогда вышелъ ему навстрѣчу
Тимоеевъ сынъ, добрый парень,
И у головы его кожу
Тимоеевъ сынъ сверткомъ содралъ.

Ой, по верху летить полкъ гусей,
По низу ходить полкъ солдатъ.
Гуси летятъ, гогочутъ,
Солдаты идутъ, плачутъ.
По колѣна они въ водицѣ,
По поясъ рубашки ихъ грязны,
По локоть они заржавленные.

Ružyjast molet čildyrca,
Palažast molet čoldėrfca.
Užydy, ġigat, užyda!
Lotkady, galat, lotkadal
Ojmaftyńk, ġigat, lapinińk,
Lapařānisa tolgėneńk.
— Kona storōnań, ġigatńā?
— Kona ujezdėń, galatńā? —
— Ėpenzań gubeřniāń, saldatnā,
— Ėpenzań ujezdėń, saldatnā. —
— Āzińk ģek, ġigat, āzińk ģek,
— Moń d'ātan avan āzińk ģek?
— Moń zajiń jalgam āzińk ģek?
— Moń ājdin kakšyn āzińk ģek? —
— Nejeńek, saldatt, ģejeńek:
— Toń dātkat aukat, syn jarcyť,

Ружья ихъ идутъ съ блескомъ,
Палаши ихъ идутъ съ грохотомъ.
Подождите, гуси, подождите!
Подождите, гуси, подождите!
Дайте, гуси, отдохнуть вашимъ крылушкамъ,
Вашимъ перушкамъ на концахъ крыльевъ.
— Съ какой стороны вы, гуси?
— Изъ какого уѣзда вы, гуси? —
— Изъ Пензенской губерніи, солдаты, —
— Изъ Пензенскаго уѣзда, солдаты.
— Не видѣли ли вы, гуси, не видѣли ли,
— Моихъ родителей не видѣли ли?
— Мою супругу видѣли ли?
— Моихъ дѣтей видѣли ли? —
— Мы видѣли, солдаты, видѣли:
— Твои родители, они кушаютъ,

- Toń pižy takat avarđit,
- Toń zajiń jalgat, son burnä,
- Lytkat dy latkat lanksynza,
- Sumañ prakstat dy prásynza.—
- Vačkyć saldatys keđenza,
- Puvyrdaš kāmín surynza.
- Už mon mäs tińan, koң moľan?
- Te službańt mařta nevolańt
- Pokš nuža nejēt moń takan,
- Pokš gořa príńä moń jalgam;
- A janduvit täst äš príńist,
- A orčavit täst äš langyst. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ кр-ки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

-
- Твои малыя дѣти плачуть,
 - Твоя супруга, она собираеть,
 - На тѣлѣ ея лохмотья,
 - На головѣ ея онучи. —
 - Всплеснулъ солдатъ своими руками,
 - Сжалъ свои десять пальцевъ.
 - Ужъ что я сдѣлаю, куда пойду?
 - Съ этой службой и неволей
 - Большую нужду видять мои дѣти,
 - Большое горе принимаетъ моя подруга;
 - Не прокормять они своихъ головушекъ,
 - Не одѣнуть они себя. —
-

№ 23.

Vaj, vérga líftit galań bolk,

Vaj, alga molet saldat polk.

Galatná líftit, gígaksńit.

Saldatná molet, avárdit.

Ružyjast molet kalďirfca,

Šal'vādist molet polďerfca,

A kembrast molet, vandyľtyť,

Kočkarast molet, čykyrdyť.

— Užydy, galat, užyda!

— Konaŭ mastyruŭ moľdada?

— Konaŭ ujezdoŭ moľdada?

— A tyń ojmaŭtyńk lapinińk! —

— Ėpenzań mastyruŭ moľdana,

— Ėpenzań ujezdoŭ moľdana. —

— Joftady lamy pozdóroft:

Ой, по верху летить полкъ гусей,

Ой, по низу идетъ полкъ солдатъ.

Гуси летятъ, гогочутъ,

Солдаты идутъ, плачутъ.

Ружья ихъ идутъ съ грохотомъ,

Слезы ихъ идутъ капая,

А носки сапогъ идутъ, свѣтятся,

Пятки ихъ идутъ со скрипомъ.

— Подождите, гуси, подождите!

— Въ которую землю вы идете?

— Въ который уѣздъ вы идете?

— А вы дайте отдохнуть вашимъ крыльямъ! —

— Мы идемъ въ Пензенскую землю,

— Мы идемъ въ Пензенскій уѣздъ. —

— Передайте много поклоновъ:

- Tosy moń uli tříń ďatam,
- Eščo uli moń škiń avam.
- Tatkam kučyza tǎń jarmakt,
- Kučyza kolmy colkóvojčt.
- Langyzyn palam moń araś,
- Pílǵizyn keńen moń araśt.
- Paly čys laznuś moń telam,
- Melka kǎus laznuśt moń pílǵin,
- Kučyza aŋkam, kučyza
- Son mońǎń kolmy arčitt kock;
- Vaj, pílǵizyn moń prakstat ved' araśt.—

Записано въ августѣ 1905 года.

№ 24¹⁾.

Čačumńada odžoraś udalaś,
Kasumńada odaśaś pek paryŭ.

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующей десять слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и седьмого слога.

- Тамъ находится мой кормилецъ батюшка,
- Еще находится моя кормилица мать.
- Пусть батюшка мой пришлетъ мнѣ деньги,
- Пусть пришлетъ три цѣлковыхъ.
- На мнѣ нѣтъ рубашки,
- На мои ноги нѣтъ сапогъ.
- Отъ палящаго солнца растрескалось мое тѣло,
- Отъ мелкаго камня растрескались мои ноги,
- Пусть пришлетъ моя матушка, пусть пришлетъ
- Мнѣ три аршина холста;
- Охъ, на мои ноги нѣтъ вѣдь тряпокъ. —

Рождениемъ парень удался,
Возрастаніемъ молодецъ былъ очень хорошъ.

Tātāj čoraš tāfansty āz mērnā,
Avaj alaš avansty āz bžgadā.
Tātās šudys odžoraņt kulumga,
Avaš šudys odalaņt jumamga.
Kua jakā odžoraš, avarďā,
Kua jakā odašaš, mēlaftā.
Jakā raŭža kulumnīs mālganza,
Pščy pājilīs kulumaņ kecēnza.
Kuda bokas odalaņt stardyža.
Šesty tātāj tātkanctyj mēfekšneš,
Šesty avaj avanctyj bžgadikšnyš.
— Uχin, tātkaj, dātakaj, gořmakaj,
— Uχin, aņkaj, avakaj, dīřakaj,
— Jakā raŭžy kulumnīs moņ mālga,
— Jakā raŭžy jumamnīs moņ ģisa.
— Idīřkaja tyņ testa ojmeņem. —

Отцу своему парень не говоритъ: тятя,
Матери своей молодець не говоритъ: мама.
Отець клялъ парня до смерти,
Мать кляла молодца до погибели,
Гдѣ ходить парень, плачетъ,
Гдѣ ходить молодець, печалится.
За нимъ ходить черная смеретушка,
Острый ножъ въ рукахъ у смерти.
Настигла она молодца на заваленкѣ.
Тогда сказалъ онъ отцу своему: тятя,
Тогда сказалъ онъ матери своей: мама.
— Охъ, тятенька, тятя, кормилецъ,
— Охъ, маменька, мама, кормилица,
— Ходить черная смеретушка за мною,
— Ходить черная погибель за мною.
— Выручите отсюда мою душеньку. —

Tātāt avat soñānza otvéčēt:

— Konañ Bazyś, čorakaj, butyzā,

— Šekeñ ojmenz', idākaj, zajisca. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина
Татьяны Учуськиной.

№ 25.

Goŕa goŕa Daŕušaň goŕalaŕks,

Řečaľ bečaľ Daŕušaň řečallaŕks.

Morgas kulyś Daŕušaň babaza,

Goŕas kulyś Daŕušaň avaza.

Goŕa goŕa Daŕušaň goŕalaŕks,

Řečaľ bečaľ Daŕušaň řečallaŕks.

Tatkaŕy sajs Daŕušaň odava,

Goŕa

Řečaľ

Отецъ и мать ему отвѣчаютъ:

— Которую Богъ, сынѡкъ, душу вложилъ,

— У того пусть Онъ, дитятко, возьметъ его душу. —

Горе, горе у Дарьи на горе,

Печаль, печаль у Дарьи на печаль.

Около печки умерла Дарьиная бабушка,

Съ горя умерла Дарьиная мать.

Горе, горе у Дарьи на горе,

Печаль, печаль у Дарьи на печаль.

Отецъ Дарьинъ взялъ мачеху,

Горе

Печаль

Cokšná kuvať odavaš aščyftä,

Ķesak surä odavaš ščyrđiftä.

Goŗa

Ķečaľ

Valćki rana odavaš son štaftä

Pecka sura odavaš čukaftä.

Goŗa

Ķečaľ

Ķiŗy taka odavaňt sěredä,

Vāň guňčkava Daŗušaň štaftyzä,

Ojmä vādňis Daŗušaň kučyzä.

Goŗa

Ķečaľ

Vačkyč Daŗa son kafty kedenza,

Daŗa kāmniň puvyrdaš surynza.

— Vaj, mäs tiňan, vaj, kozěj mon moľan?

— Kosty sajan mon, kosty ojmä vād?—

Долго вечеромъ мачеха велить сидѣть,

Пятину нитокъ мачеха велить прясть.

Горе

Печаль

Утромъ рано мачеха заставляетъ вставать,

Цѣлую печку проса мачеха заставляетъ толочь.

Горе

Печаль

Маленькое дитя мачехино болѣетъ,

Въ серединѣ ночи она разбудила Дярюшу,

За живою водой она послала Дярюшу.

Горя

Печаль

Всплеснула Дарья своими обѣими руками,

Дарья сжала свои десять пальцевъ.

— Ой, что я сдѣлаю, ой, куда я пойду?

— Откуда я возьму живой воды?—

Tukšnyš tukšnyš Daŗušaš kalmylaŋks,
Aŋkañ kalmyñt Daŗušaš mujižä.
Goŗa
Ėečaŗ
— Uχ, avakaj, avakaj, goŗmakaj,
— Uχ, avakaj, avakaj, dīrakaj,
— Kosty sajan, avakaj, ojmä vādʹ? —
Čerkažiŋkšnyš dy kalmy krostēza,
Ķāpitikšnyš dy moda maryza.
Štakšnyš tosta Daŗušañ avaza,
Surbīrada Daŗušañ kundyzä,
Ojmä vādñis Daŗušañ vetežä.
Kuduŋ gajiŋ Daŗuša kandyžä,
Séredʹ äjdīñt Daŗuša valyzä,
Son rauža kulymdyñt idižä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина
Татьяны Учуськиной.

Пошла пошла Дарья на кладбище,
Матушкину могилу нашла Дарья.
Горе
Печаль
— Охъ, матушка, матушка, кормилица,
— Охъ, матушка, матушка, кормилица,
— Откуда я возьму, матушка, живой воды? —
Дрогнулъ могильный крестъ,
Поднялся земляной холмъ.
Встала оттуда Дарьяна мать,
За концы пальцевъ взяла Дарью,
Повела Дарью къ живой водѣ.
Принесла ее Дарья домой,
Облила Дарья больного ребенка,
Вызволила его отъ черной смерти.

№ 26.

Þir' udalga Mašuna vast vašna,
Vašniš vašniš Mašuna, ašt mujiu.

Karčy jonda polanga vastyža.

— Daj-ka, polaj, þiriuit čaušisa. —

Čaušiš čaušiš, polaza matidiuš.

Targaš þajil Mašuna, čoveža,

Polėnenza Mašuna þačkizā,

Viť þilginga Mašuna jukšnižā,

Viť karksynza Mašuna targižā,

Polańť kyrgas Mašuna šulmižā.

Gubyr bokas Mašuna uskižā.

Šemjon Tatar Mašunań ěeježā,

Vālin kudys Mašunań joftėžā.

Vālin atat Mašunań kaŭkšnikšniž:

— Ton koŭ tajik, Mašuna, polėnet?—

За гумнами Машенька ищегъ телятъ,

Искала, искала Машенька, не наплысь.

На встрѣчу ей попался мужъ.

— Дай-ка, муженѣкъ, я поищу у тебя въ головѣ.—

Искала, искала, мужъ заснулъ.

Вытащила ножъ Машенька, наточила,

Муженечка Машенька зарѣзала,

Свою правую ногу Машенька разула,

Правую обору Машенька вытащила,

Вокругъ шеи Машенька завязала.

Стащила его Машенька на склонъ бугра.

Татаринъ Семѣнь увидѣлъ Машеньку,

Въ общественный домъ про Машеньку заявилъ.

Сельскіе старики спросили Машеньку:

— Ты куда, Машенька, дѣла муженька?—

— Mońć kak azdan, polěnem̃ vĕť kosa.—
Vášnišť vášnišť polanza, āziź muk.
Šemjon Tatar sajinžā atātñiń,
Šemjon Tatar veteńžā atātñiń.
Vaj, syñ mujiź polanza Mašuńāń,
Vaj, syñ pańiź Mašuńāń Ćibiriŭ.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянина с. Оркина
В. С. Саюшкина.

№ 27.

Pir' udalga Mašuńa vast vášniś,
Vášniś vášniś Mašuńa, āšť mujiŭ.
Polėnēnza Mašuńa vastyžā.
— Daj-ka, polaj, pirińit čauśisa. —
Čauśiś čauśiś Mašuńa, matidiŭś.
Vit pilgīnza Mašuńa jukśnižā,

— Я и сама не знаю, гдѣ мой муженѣкъ.—
Искали искали мужа ея, не нашли.
Татаринъ Семѣнь взялъ стариковъ,
Татаринъ Семѣнь повелъ стариковъ.
Ой, они нашли Машенькинаго мужа,
Ой, они погнали Машеньку въ Сибирь.

Ср. прилож. I, № VI.

За гумнами Машенька искала телятъ,
Искала искала Машенька, не нашлись.
Муженѣчка Машенька встрѣтила.
— Дай-ка, муженѣкъ, я поищу у тебя въ головѣ.—
Искала искала Машенька, онъ заснулъ.
Свою правую ногу Машенька разула,

I kařkskinga Mašuńa targižä,
Polėnenza kyrganza kilķščyzä.
Targaś päjil Mašuńa, čovežä,
Polėnenza kyrganza kařižä.
Bėrek aluų kařkskisyńt uskižä,
Navyz aluų polanza valižä.
Šėmon tatar Mašuńāń ěeježä.
— Ila jofta, Šėmuša, vālinīti,
— Lučy mońceń, Šėmuša, čaumak.—
Šesk Mašuńāń Šėmuša šulmizä,
I vālinīs Mašuńāń vetežä,
I vālinīti Šėmuša jofńežä.

№ 28.

Šiśim godnět son Kuļa sėreleś,
Acamńā marta Kuļa rovōńdaś,

И оборочку Машенька вытащила,
Захлестнула вокругъ шеи муженѣчка.
Вытащила Машенька ножикъ, наточила,
Срѣзала шею муженѣчка.
Подъ берегъ оборочкой его стащила,
Подъ навозъ своего мужа завалила.
Татаринъ Семѣнь увидѣлъ Машеньку.
— Не говори, Семѣнь, селу,
— Лучше убей меня, Семѣнь. —
Тогда Семѣнь связалъ Машеньку,
И повелъ Машеньку въ деревушку,
И рассказалъ Семѣнь про неѣ деревушкѣ.

Семь годочковъ Акулина болѣла,
Съ постелью Акулина сровнялась,

Todoúnä laca Kula loftaškać,
Tataj avaj son Kula äž meínä.
Píra pázynza tatkaža ozaś,
Pílgi pázynza avaza ozaś.
Vaj, kápidižä Kula píranža,
Noldaś pílgínza tarka krajníva.
— Dajka, avakaj, níliiva paľam,
— Dajka, avakaj, kotova rućam,
— Dajka, avakaj, šalín kušakyn,
— Dajka, avakaj, ćulkan bašmakyn.—
Vaj, orćaś kařaś Kula, nařažaś,
Udal' orta laŋks Kula liśikšnyś.
Čynštama peldä puřgínä šárgić,
Čy valgumnísta pížimä kápic.
Noldaś Věrepas sätínä pížimínä.
Šisím godeń ģis Kulán naćtyžä.

Подобно подушкѣ Акулина поблѣднѣла,
«Батюшка», «матушка» Акулина не говорила.
Въ изголовьи сидѣлъ ея отецъ,
Въ ногахъ сидѣла ея мать.
Ой, подняла Акулина свою голову,
Опускала свои ноги по краямъ кровати.
— Дай-ка, матушка, рубашку въ четыре шитья,
— Дай-ка, матушка, рудю въ шесть шитьевъ,
— Дай-ка, матушка, мою шаль и кушакъ,
— Дай-ка, матушка, чулки и башмаки. —
Ой, одѣлась обулась Акулина, нарядилась,
Къ заднимъ воротамъ Акулина выходила.
Съ восточной стороны загремѣлъ громъ,
Съ западной сторонки поднялся дождь,
Пустилъ Богъ тихій дождичекъ.
За семь лѣтъ Акулину смочилъ.

Noldaś Vėrepaś šijān laušinga,
Vaj, ozaftyžā Kulān laušinti,
Vaj, kāpidižā Kulān āštānza.
Vaj, kuva jakā Kulā, avarďā.
Kučyžā Kulān sorėn kajama.
Vaj, kuva moľā Kulā, avarďā.
Saś kuduļ Kulā, šālminza ranguft.
Kāūkštizā Kulānt, vaj, avafyza:
— Vaj, mākś, Kulūša, toń šālmit ranguft? —
— Jakiń, avakaj, sorėn kajama,
— Varmaś puvińžā, šālmin sorėńžā. —
— Vaj, molan, Kulā, varmańt peńačams. —
— Kėńgelā urāš toń sajiń takat:
— Vaj, āziń puva, vaj, āziń soľa. —
Son kuva jakā, Kulā melaftā.
Aščy pařinza kisa melaftā,

Опустилъ Богъ серебряную зыбку,
Ой, посадилъ онъ Акулину въ зыбку,
Ой, поднялъ онъ Акулину къ себѣ.
Ой, гдѣ ходитъ Акулина, плачетъ.
Онъ послалъ Акулину выбросить соръ.
Ой, идя, Акулина плачетъ.
Пришла домой Акулина, глаза ея заплаканы.
Ой, спросила Акулину ея свекровь:
— Ой, отчего, Акулинушка, глаза твои заплаканы? —
— Я ходила, матушка, выбрасывать соръ,
— Вѣтеръ подулъ на него, засорилъ мои глаза. —
— Ой, пойду, Акулина, жаловаться на вѣтеръ. —
— Вреть, молодуха, твое пріемное дитя:
— Ой, я не дулъ, ой, я не засорялъ. —
Гдѣ она ни ходитъ, Акулина, печалится,
Отъ нехорошей жизни она печалится,

Äri päringa kisa avarďä.
Koli melaftat ašcy pärit kis,
Koli avarďat äri pärit kis,
Šulmiňžä Kulän kafta kedňenza,
Noldézä Kulän mänil jožesta.
Mastyryňt kälis stračt lovažanza,
Vaj, pärcijks čudiš Kulän värniza.

Отмѣтимъ нѣсколько вариантовъ изъ другой записи: ст. 2: roŋnaŋkšnyš; ст. 3: todoŋnä maŋta Kuluša loftaŋkšnyš; ст. 4—7: Vaj, šišim godnet Kuluša Tataj avaj äž meŋnä, Aŋkaza ozaš pira päzynza, Tätkaza ozaš pilgi päzynza; ст. 9: Noldénžä; ст. 16: Čynštamnísta pälnä purgíňä syrgaš; ст. 17: Čynvalgumnísta pízim päl käpic; ст. 21: laŋskiňti; ст. 28: Mäks, Kula, šalmíňit raŋguft; ст. 31: varmaňt peňacasa; ст. 34: kuva jakä uräš; ст. 41: Mastyryň kälis; ст. 42: väřiza.

№ 29.

Tatar maŋta Oluša sovetas,
Tatar maŋta Oluša soglašaš.
— Žarda tutad', aliňin tatarχnä,

Отъ нехорошей жизни она плачетъ.
Коли ты печалишься отъ нехорошей жизни,
Коли ты плачешь отъ нехорошей жизни,
Она (свекровь) связала обѣ ручки Акулины,
Она опустила Акулину съ неба.
Во всю ширь земли распались ея кости,
Ой, какъ шелкъ, потекла Акулинина кровушка.

Съ татарами Оленушка посовѣтовалась,
Съ татарами Оленушка согласилась.
— Когда вы пойдете, молодцы мои татары,

— Žarda jaɣdad', alin'in tatarχnā? —

— Subytasta, Oluša, tutana,

— Lomatt ojmet, Oluša, štatana,

— Atakšt moret, Oluša, tutana. —

— Sajimizga, alinin, tyń moń gak,

— Sajimizga, kormenen, tyń moń gak.

— Aža salak atafyt ton šada,

— Aža salak avafyt kafta šatt,

— Aža salak kakžalat kolma šatt,

— Aža salyt ton acamyt vāłksyt. —

— Kod' acamyn dy vāłksyn salasyń?

— Aša polam podäcä son laŋksyst,

— Polañ ľäükškä, ľäkinim, vakscynza. —

Koda šadyńt salyńžä atafyńt,

Koda kafta salyńžä avafyńt,

Koda kolma salyńžä kakžalańt,

— Когда уйдете, молодцы мои татары? —

— Въ субботу, Оленушка, мы уйдемъ,

— Люди уснутъ, Оленушка, мы встанемъ,

— Пѣтухи запоютъ, Оленушка, мы уйдемъ. —

— Возьмите-ка вы и меня, молодцы мои,

— Возьмите-ка вы и меня, кормильцы мои. —

— Ступай укради у своего свѣкра ты сто рублей,

— Ступай укради у твоей свекрови ты двѣсти,

— Ступай укради у твоего старшаго деверя триста,

— Ступай укради свою постель. —

— Какъ я украду свою постель?

— Бѣлый мужъ мой, подьячій, на ней,

— Мужнинъ ребенокъ, мое дитя, около него. —

Когда она украла сто рублей у свекра,

Когда она украла двѣсти у свекрови,

Когда она украла триста у старшаго деверя,

Kod' acamytnín vällksnyñ salynžä,
Son tataryn kibitkas acynžä,
Syn tatarχnä štäst, lomatt äšt ojma,
Syn tatarχnä štäst, atakšt äšt mora.
Tajnyj kiñti tatarχnä tujikšništ,
Čopda virnis tatarχnä suvakšnyšt.
Väχkiš karmaš son karkskiñ ponama,
Ombóš karmaš päjiliñ žovama.
— Mäzñiñ karksint ponasak, aliñim,
— Mäjs čovasak, kórmeñem, päjilint. —
— Kėdñet šulmams mon karksint ponasa,
— Kyrgat karams päjilint čovasa. —
Ki vä bokaχ Olušañ pıraza,
Ombó bokaχ Olušañ ruŋgyza,
Ki kunčkava väřiza lembeza,
Pizä kačamks Olušañ ojmeza.

Когда она украла постель,
И постлала ее въ татарскую кибитку,
Эти татары встали—люди не заснули,
Эти татары встали—пѣтухи не пропѣли.
Тайной дорогой татары ушли,
Въ тѣмный лѣсокъ татары вошли.
Одинъ началъ вить веревочку,
Другой началъ острить ножъ.
— Для чего ты вьешь веревочку, мой молодчикъ,
— Затѣмъ точишь ножъ, мой кормилецъ. —
— Я вью веревочку, чтобы связать твои ручки,
— Я остря ножъ, чтобы срѣзать тебѣ шею. —
На одну сторону дороги — Оленушкина голова,
На другую сторону — Оленушкино тѣло.
Посреди дороги — теплая кровь,
Зеленымъ дымкомъ — Оленушкина душа.

№ 30 (прозаическій вариантъ).

Oluša·ś para, Olušaś va·dřa, tatar ma·řta družā·kšnyś, tatar marta vata·žaś. — Žardy tuta·da, tyń tatarχnā aļi·nin, žardy jaḡdada, tatarχnā aļińin? — Sy pācasta, pācāń žo·pōdiz duta·na i pācāń žo·pōdiz jaḡda·na. — Kona kijava·ńť tuta·da? Kona·kija·va·ńť jaḡda·da? — Tajnyj ġija·va tuta·na, tajnyj ġija·va jaḡda·na. — Saji·mizga mary·ŋk, aļi·nin tatarχnā, saji·miz moń. — Saly·k vaśna kota śatt jarmakynza ata·fyť, še·sta sajda·dyz miń mary·nyk; a eščo·salyk ava·fyť vāti śa·tt jarma·kniń, śesta·sajda·dyz miń mary·nyk; eščo·saly·k valmań zā·rea toša·k, valma·dy sārij todovōt, śesta·sajda·dyz miń mary·nyk. — Koty śatt jarma·k atafynza salynžā i vātisatt jarma·k avafynza salynžā i valmań zā·rea toša·kynza saly·žā, valma·dy sāri·j todo·vynza saly·žā. Āzi·ž uť tata·ryχnā i tuśť, i jordē·žā son tošakynza i todo·vōnza i čyji·mālgā·st. Kozē·ń mērcť, še·sty muji·nžā. Vā·χki tataryś

Оленушка хороша, Оленушка добра, подружилась она съ татарами, сошлась она съ татарами. — Когда вы уйдете, вы татары дружочки мои, когда вы уйдете, татары дружочки мои? — Въ будущую пятницу, какъ стемнѣетъ въ пятницу, мы уйдемъ, и какъ стемнѣетъ въ пятницу мы уйдемъ. — Которой дорогой вы пойдете, которой дорогой вы уѣдете? — Тайной дорогой мы уйдемъ, тайной дорогой мы уѣдемъ. — Возьмите-ка меня съ собой, дружочки татары, возьмите меня. — Укради сначала шесть сотъ денегъ у свекра, тогда мы возьмемъ тебя съ собой; а еще укради у свекрови пятьсотъ денегъ, тогда мы возьмемъ тебя съ собой; еще укради перину, доходящую высотой до оконъ, и твою подушку, болѣе высокую, чѣмъ окно, тогда мы возьмемъ тебя съ собой. — Шестьсотъ рублей денегъ она украла у свекра и пятьсотъ рублей украла она у свекрови, и украла она перину свою высотой до оконъ, и украла она подушку свою, болѣе высокую, чѣмъ окно. Не стали ждать татары и ушли, и кинула она свою перину и подушку и бѣжить за ними. Куда они сказали, тамъ она ихъ нашла. Одинъ

karma-ś pājliń žova·ma, ombóce tata·rys karma-ś kařksyń bon·a·ma. — Nu, mǎžni-ń pona·sak, aľi-ńim, kařksy-ńt? — Ponasa· toń ruŋgy·t tapa·rams i kǎrca·ms. — A mǎžniń žovasa·k, aľińim, pǎ·jilińt? — Toń ojmet saji·ms, toń bira·t kǎra·ms. — Šulmi-ž ka·řkscyńt ruŋgy·nza i pǎčki-ž pǎjľcyńt pira·nza. Kiń vǎpe·ľej pira·za, ombó pe·ľej ru·ŋgyza i kiń guva·lma vǎri·za.

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

№ 31¹⁾.

Āraś āraś Mitań Kuľa, āraukšnyś,
Vaškaś vaškaś Mitań Kuľa vaškaukšnyś,
Kāmgaftva god Mitań Kuľa ārakšnyś,
Godėń kořas kāmgaftuva pala tǎjš,

1) Въ этой и въ слѣдующихъ пѣсняхъ одиннадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и восьмого слога.

татаринъ началъ точить ножъ, другой татаринъ началъ вить лапотную обору. — Ну, зачѣмъ ты вьешь, дружочекъ, лапотную обору? — Я вью для того, чтобы связать твое тѣло и разрѣзать. — А зачѣмъ ты отгачиваешь ножъ, дружочекъ? — Для того, чтобы взять твою душу, отрубить твою голову. Связали ея тѣло лапотною оборою и отрѣзали ножомъ ея голову. На одну сторону дороги — ея голова, на другую сторону — ея тѣло, а вдоль дороги — ея кровь.

Ср. Raasonen, Proben I № XVI и XXXIV. Ср. ниже въ прил. I.

Жила жила Дмитріева Акулина, нажилась,
Нѣжилась нѣжилась Дмитріева Акулина, нанѣжилась,
Двѣнадцать лѣтъ Дмитріева Акулина жила,
На каждый годъ снаряжала двѣнадцать рубашекъ,

Paľaň koľas kãmgastuva ruća řajś,
Pírãň koľas kãmgastuva paŋga řajś.
Maka lopat Mítãň Kulãň palanza,
Maka řvetket Mítãň Kulãň rućanza,
Pířyn kolćat Mítãň Kulãň paŋgynza.
Jakã pakã Mířãň Tuma málganza,
Sãvã ćãvã bojar atãś kisynza.

- Pa jaka, Tuma řãľaj, moň málga,
 - Pa sãv ćav, bojar ata, moň ģisa.
 - řãť amolan, Tuma řãľaj, pokř urvaks,
 - řãť amolan, Tuma řãľaj, křesřjanřkaks.
 - Xyť i molan, Tuma řãľaj, pokř urvaks,
 - Xyť i molan, bojar ata, křesřjanřkaks,
 - řisim godnet řãťaj avaj aľerã,
 - řisim godnet aľyŋk alksķã ajacan,
 - řisim godnet řrãľyŋk řrãľksķã aputan,
-

На каждую рубашку снаряжала двѣнадцать руць,
На голову снаряжала двѣнадцать шельгановъ.
Какъ маковые листы, Акулины Дмитріевой рубашки,
Какъ маковые цвѣтки, Акулины Дмитріевой руци,
Какъ мѣдныя кольца, Акулины Дмитріевой шельганы.
Ходить ходить за нею Михайловъ Тимоѳей,
Вьется, убивается почтенный человѣкъ за нею.

- Не ходи, дядя Тимоѳей, за мною,
- Не вейся убивайся, почтенный, за мною.
- Я не пойду, дядя Тимоѳей, къ тебѣ въ старшія снохи,
- Я не пойду къ тебѣ, дядя Тимоѳей, въ крестьянки.
- Хоть и пойду я, дядя Тимоѳей, въ старшія снохи,
- Хоть и пойду я, почтенный, въ крестьянки,
- Семь годочковъ не скажу: батюшка, матушка,
- Семь годочковъ не постелю подъ васъ перину,
- Семь годочковъ не положу подушки къ вамъ подъ голову,

— Śiśim godnēt kudys vādña akandan,
— Śiśim godnēt ćoraŋk aluŋ ajacan,
— Śiśim godnēt ćoraŋk mařta amadan,
— Śiśim godnēt vā dumńisa aduman,
— Śiśim godnēt vā valnysa a kořtan. —
Śiśim gotta mājļa Kuľa nařažas,
Ulćan kuvalt polańt mařta tujikšnyś,
Ulća kuńćkas ćaužā mańij puřgińā.

№ 32.

Čačymada Miťan Kuľa udalaś,
Kasymada Miťan Kuľa udalaś.
Kāmgaftuva Miťan Kuľa god ařaś,
Godēń gořas Miťan Kuľa paľa tājś,
Godēń gořas kāmgaftuva ruća tājś,
Vaj, přań gořas kāmgaftuva paŋgy tājś.

— Семь годочковъ не буду носить водицы въ избу,
— Семь годочковъ не буду стлать подъ вашего сына,
— Семь годочковъ не буду спать съ вашимъ сыномъ,
— Семь годочковъ не буду думать одною думой,
— Семь годочковъ не буду говорить въ одно слово. —
Послѣ семи годочковъ Акулина нарядилась,
Вдоль улицы пошла съ мужемъ,
Посреди улицы ее убилъ вѣдренный громъ.

Рождениемъ Дмитріева Акулина удалась,
Возрастаніемъ Дмитріева Акулина удалась,
Двѣнадцать лѣтъ жила Дмитріева Акулина,
Погодно Дмитріева Акулина справляла рубашки,
Погодно она справила двѣнадцать руцъ,
Ой, она справила двѣнадцать шельгановъ по головѣ.

Jaki pakä Mišän Tuma mälganza,
Iskuvasy Mišän Tuma křeštankaks.
— Vaj, a moľan, Tuma laľaj, pokš urvaks,
— Vaj, a moľan, Tuma laľaj, křeštankaks.
— Xoť i moľan, Tuma laľaj, tāt urvaks,
— Xoť i moľan, Tuma laľaj, křeštankaks,
— Šišim godnēt tātaj avaj a mēran,
— Šišim godnēt polan alux ajacan,
— Šišim godnēt polan malas amolan;
— Šišim gotty mājli tātaj avaj mon mēran,
— Šišim gotty mājli kijavat mon moľan,
— Šišim gotty mājli polan malas mon moľan

.....

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ кр. В. С. Саюшкина.

Идетъ ходить Михайловъ Тимоѳей за нею,
Ищетъ ее Михайловъ Тимоѳей въ крестьянки.
— Ой, не пойду, дядя Тимоѳей, въ старшія снохи,
— Ой, не пойду, дядя Тимоѳей, въ крестьянки,
— Хоть и пойду, дядя Тимоѳей, тебѣ въ снохи,
— Хоть и пойду, дядя Тимоѳей, въ крестьянки,
— Семь годочковъ не скажу: батюшка, матушка,
— Семь годочковъ не буду стлать подъ него постели,
— Семь годочковъ не буду приближаться къ мужу,
— Послѣ семи лѣтъ я скажу: батюшка, матушка,
— Послѣ семи лѣтъ я пойду по твоей дорогѣ,
— Послѣ семи лѣтъ я приближусь къ мужу.

№ 33.

Kāmgaftuva Mīṭān Gulā god ārās,
Runḡyṇ goṛas kāmgaftuva pala tājs,
Palān goṛas kāmgaftuva ruca tājs,
Pīrān goṛas kāmgaftuva paṅgy tājs.
Maky lopat Mīṭān Gulān palanza,
Maky cvetnet Mīṭān Gulān ručanza,
Pīžyṇ golcat Mīṭān Gulān paṅgynza.
Jaki paki Mīṣān Duma mālganza.
Son vannysā Mīṭān Gulān pokš ūrvaks,
Iskuvasā Mīṭān Gulān křestjaṇkaks.
— Mon amolan, Tuma lālāj, tāt ūrvaks.
— Xyt i molan, Tuma lālāj, tāt ūrvaks,
— Šišim godnēt polān maṛta a koṛtan,
— Šišim godnēt čeffā acamt a jacan,
— Šišim godnēt pošteleht laṅks amadān. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки д. Косо-
лаповки (Яруги) Евдокимовой (Базаевой).

Двѣнадцать лѣтъ жила Дмитріева Акулина,
На станъ (свой) она справила двѣнадцать рубашекъ,
На (каждую) рубашку она справила двѣнадцать руць,
На голову (свою) она справила двѣнадцать шелыгановъ.
Какъ маковые листья, Дмитріевой Акулины рубашки,
Какъ маковые цвѣтки, Дмитріевой Акулины руци,
Какъ мѣдныя кольца, Дмитріевой Акулины шелыганы.
Идетъ ходитъ за нею Михайловъ Тимоѳей.
Онъ высматриваетъ Дмитріеву Акулину въ старшія снохи,
Ищетъ ее Михайловъ Тимоѳей въ крестьянки.
— Не пойду я, дядя Тимоѳей, тебѣ въ снохи.
— Хоть и пойду, дядя Тимоѳей, тебѣ въ снохи,
— Семь годочковъ не буду говорить съ своимъ мужемъ,
— Семь годочковъ не буду стлать мягкой постели,
— Семь годочковъ не лягу на постель. —

№ 34¹⁾.

Mařin kuřin, jalgaňakaj, tataza jumaš.
 Avaza tuš, jalgaňakaj, vășynđimanža.
 Vășynć vășynć, jalgaňakaj, ažižā muk.
 Čykyrkališ, jalgaňakaj, tatkaň ortalaza,
 Kiľđirkaľiš, jalgaňakaj, príkaľetkaza,
 Lavyžnaľkšnyšt, jalgaňakaj, čepsa řinžinža;
 Kardaz řeškeć, jalgaňakaj, rogaž nurdyda,
 Paľmit řeškeć, jalgaňakaj, řižā čirkidā,
 Tulyt řeškeć, jalgaňakaj, plaščaľ aškyda,
 Karχna řeškeć, jalgaňakaj, tatar rakšada,
 Lafcat řeškeć, jalgaňakaj, tuža šlapada,
 Kudys řeškeć, jalgaňakaj, tatar alada,
 Tulyt řeškeć, jalgaňakaj, řižā kušakta.

1) Въ этой пѣснѣ тринадцать слоговъ съ цезурами послѣ четвертаго и восьмого слога.

Я слышала, подружка, отецъ его исчезъ.
 Мать его, подружка, ушла искать его.
 Искала искала, подружка, не нашла его.
 Скрипнули, подружка, отцовы ворота,
 Прогремѣла, подружка, его калитка,
 Залаяли, подружка, его цѣпныя собаки.
 Дворъ наполнился, подружка, обитыми рогожей санями,
 Вѣшалки наполнились, подружка, зелеными дугами,
 Гвозди наполнились, подружка, убранными пуговицами хомутами.
 Хлѣвушекъ наполнился, подружка, татарскими конями,
 Пѣлки наполнились, подружка, желтыми шляпами,
 Изба наполнилась, подружка, татарскими молодцами,
 Гвозди наполнились, подружка, зелеными кушаками,

Końek peškeć, jalgańakaj, tuža ćapanda,
Stoleńt peščëž, jalgańakaj, śija jarmakta,
Varćtažiwiń, jalgańakaj, walma krąjńiva
Kundakšnyimiń syřä tatar ruća polńedä,
Kajakšnyimiń, jalgańakaj, rogaž nurdyńti,
Uskykšnyimiń, jalgańakaj, tatar pakśańti.

— Vanyk, vanyk, eřžāń täχtir, tatar pakśanyk! —

— Śārńan ćuran, syřä tatar, tatar pakśazyńk! —

Uskykšnyimiń, jalgańakaj, tatar vālińti.

— Vanykaja, eřžāń täχtir, tatar vālinyńk! —

— Śārńan ćuran, syřä tatar, tatar vālizyńk! —

Suvaftyimiń, jalgańakaj, tatar kudyzyst.

— Vanykaja, eřžāń täχtir, tatar kudynyńk! —

— Śārńan ćuran, syřä tatar, tatar kudyzzyńk! —

Ozaftyńiź, jalgańakaj, tatart stolest ekśc.

— Jarcak jarcak, eřžāń täχtir, kśyda saldynyńk! —

Коникъ наполнился, подружка, желтыми чепанами,
Столъ они наполнили, подружка, серебряными деньгами.
Случайно я выглянула, подружка, въ край окошка,
Схватилъ меня старый татаринъ за полушки руци,
Кинулъ меня, подружка, въ сани, обитыя рогожей,
Повëзъ онъ меня, подружка, на татарское поле.

— Осмотри, осмотри, мордовская дѣвушка, татарское наше поле! —

— Я нас... нас..., старый татаринъ, на ваше татарское поле! —

Повëзъ онъ меня, подружка, въ татарскую деревню.

— Посмотри-ка, мордовская дѣвушка, нашу татарскую деревню! —

— Я нас... нас..., старый татаринъ, на вашу татарскую деревню! —

Ввелъ онъ меня, подружка, въ татарскій ихъ домъ.

— Посмотри-ка, мордовская дѣвушка, нашъ татарскій домъ! —

— Я нас... нас..., старый татаринъ, на вашъ татарскій домъ! —

Посадили меня, подружка, за татарскій ихъ столъ.

— Кушай, кушай, мордовская дѣвушка, нашего хлѣба соли! —

—Šařnan čuran, syřä tatar, kšyzyňk salzynyk!—
Vorğedēn mon, jalgaňakaj, tatar välista.

Вариантъ: 1 и 2 стихъ: Tătäziň tuš, jalgaňakaj, šimiziň ku-
duç, Avažiň tuš, jalgaňakaj, väšyndamynza (Мой батюшка пошелъ,
подружка, въ кабакъ, Моя матушка пошла, подружка, искать
его). Tătäza явилось, очевидно, вмѣсто неупотребительнаго въ
Оркинѣ: tătäziň. 5-й стихъ: kaldyrkališ (ср. kaldorgaleš другихъ
говоровъ). 6-й ст.: lavyžňaukšnyš; вм. řiňinza—kiskanza. 19-й
ст.: вм. pakšaňti — pakšazyst. 22-й ст.: вм. väliňti — välizyst;
27-й ст.: вм. kudyzyňk—kudyzyt. 29-й ст.: вм. kšyda saldynyk—
kšynyk salynyk. 31-й ст.: вм. välista — välistyst.

№ 35¹⁾.

Väliš väliška, väliň guňčkasa
Od gantor strojet.
Kantoryň kolmy kolma ugylga
Kolmy čuft kasyt.
Vaj, vašiň žuftys, son beřvěj deřvas
Belej beřoza;

1) Въ этой пѣснѣ пятнадцать слоговъ: десять относимъ къ одному стиху,
съ цезурой послѣ пятаго слога, а слѣдующіе пять къ другому стиху.

—Я нас... нас..., старый татаринъ, на вашъ хлѣбъ, на вашу соль!—
Убѣжала я, подружка, изъ татарской деревни.

Село съ село, въ срединѣ села
Строятъ новую контору.
По тремъ угламъ конторы
Растутъ три дерева.
Ой, первое дерево, это первое дерево
Бѣлая береза;

Ombóceks čuftys, ombóceks dërvas,
Krasnaj řibina.
Kolmóceks čuftys, kolmóceks dërvas,
Gořkej ósena.
Vařin žuftysynť, čufty řirasyňť,
Kukuft kukyrdyť.
Ombóce čufcyňť, čufty řirasyňť,
Ćokoft ćokórdet.
Kolmóce čufcyňť, čufty řirasyňť,
Ožast ćilidit.
Kukuft kukyrdyť, ćokoft ćokórdet,
Āž gořast kortet.
A řižy sadgaňť, a mazyj sadgaňť,
Odžora jakā.
Kilijniňť ala tǎχtír avarďā,
Tǎχtír avarďā.

Второе дерево, второе дерево,
Красная рябина.
Третье дерево, третье дерево,
Горькая осина.
На первомъ деревѣ, на верхушкѣ дерева,
Кукують кукушки.
На второмъ деревѣ, на верхушкѣ дерева,
Поють соловьи.
На третьемъ деревѣ, на верхушкѣ дерева,
Чиликають воробьи.
Кукушки кукують, соловьи поють,
Говорять о своемъ горѣ.
А по зеленому саду, а по красивому саду,
Ходить юноша.
Подъ березкой плачетъ дѣвушка,
Плачетъ дѣвушка.

Odžoras jakä, odžoras käükšnä

Täχtirint äjsa.

Mäks ton, däχtirni, išta avarдат,

Išta avarдат?

Mäks, bojarava, išta melaftat,

Išta melaftat?

Šeks mon avarдан, šeks mon melaftan:

Tatam čyjinim,

Tatam čyjinim, tatam jakimim,

Tatam jakimim.

Kini čyjinžit, kini jakinžit,

Kini jakinžit?

Moné kak asodan, kini čyjinim,

Kini jakimim.

Ton il' avarдä, ton ila melaft,

Ton ila melaft:

Юноша ходить, юноша спрашиваетъ

У дѣвушки.

Отчего ты, дѣвушка, такъ плачешь,

Такъ плачешь?

Отчего, барыня, ты такъ печалишься,

Такъ печалишься?

Оттого я плачу, оттого я печалюсь:

Отецъ мой меня просваталъ,

Отецъ мой меня просваталъ, отецъ мой меня проходилъ,

Отецъ мой меня проходилъ.

За кого тебя просваталъ, кому тебя проходилъ,

Кому тебя проходилъ?

Я и сама не знаю, за кого онъ меня просваталъ,

Кому меня проходилъ.

Ты не плачь, ты не печалься,

Ты не печалься:

Mońďań čyjińžit, mońďań jakińžit,

Mońďań jakińžit.

Записано въ августѣ 1905 года отъ кр-ки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

№ 36 (прозаическій пересказъ пѣсни).

Jakā odžora ružejněk, ružyjaža kečenža, přistaletěža karks-cynža. Pělevāń kunčkańa vanā: čityr-čityr, tol palā, vandył-vandył, vād čudā. Mařasyj, pižā taka avarďā. — Uš-ka, moľan čityr-čityr tolněntej, vandył-vandył vādnińtj. Moľe tolněntej. Inigujiš tolcěnt palā, inigujiš tolcěnt kortā: vāńćtik, odžora, ružyjat, ružyjat kuvalť čyjan. — A targatan, ina guj, nory guj! — Anykstyžā ružyjanža ledems. — Letťan, nory guj! čavdan, nory guj! — Bídā čausamak, odžora, kulā škiń-třin aukat; ešča kulā sajiń polat i kafty pižā takat. — Putyžā ružyjanža palā tolněntej; ružyjańť kuvalť lišć, vīt ožavanža suvaš, kyrganža krugom tapardaš. — Sāđdan,

За меня онъ тебя просваталъ, мнѣ онъ тебя проходилъ,
Мнѣ онъ тебя проходилъ.

Идетъ парень охотникъ, въ рукѣ у него ружье, за поясомъ пистолетъ. Въ самую полночь видить: блеститъ, горитъ огонь, блеститъ, течетъ вода — Слышитъ, плачетъ малое дитя. — Дай-ка пойду къ блестящему огню, къ сверкающей водѣ. Подошелъ къ огню. Большой змѣй горитъ въ огнѣ, большой змѣй говоритъ въ огнѣ: протяни, парень, твое ружье, я побѣгу вдоль твоего ружья. — Не вытащу тебя, большой змѣй, ...змѣй! — Приготовилъ ружье свое, чтобы выстрѣлить. — Застрѣлю тебя, ...змѣй! убью тебя, ...змѣй! — Если ты убьешь меня, парень, то умереть твоя кормилица мать; еще умрутъ твоя супруга и двое малыхъ дѣтей. — Положилъ онъ ружье свое въ горящій огонь; змѣй вылѣзъ по ружью, вошелъ въ правый рукавъ его и обмотался вокругъ его шеи. — Съѣмъ

odžora! — Pamak saŋ, nory guj, palā toľta iditiń, čudā vācta targitiń. — I to saŋdan, odžora; tātkatij — tātkaĵ a mērat, aukatij — aukaj a mērat. Ada vījimak škiń aukatij, šesta valgan kyrgastyt. — Vījižā odžora škiń avanctyj gujińt. — Nu, odžora, mērt aukatij — avaj, mērt tātkatij — tātaj. — Mērc odžoraš tātkanctyj — tātaj, aukancťyj — avaj. Šesta valks odžorańt kyrgasta. Šesta mērc: pašiba tāt, odžora, palā toľta idimik, čudā vācta targimik.

Записано въ концѣ семидесятихъ годовъ въ с. Оркинѣ учителемъ Леонтьевымъ для А. Н. Минха. Провѣрено по мѣстному произношенію съ В. С. Саюшкинымъ въ іюлѣ 1905 года.

№ 37 (неточная передача пѣсни).

Mitā-n Gulā tāχtiris para,
Čačumnáda Gulā udalaš,

тебя, парень!—Не ѣшь меня, ...змѣй, я выручилъ тебя изъ горящаго огня, я вытащилъ тебя изъ текущей воды.—Всѣтаки я тебя съѣмъ, парень; ты отцу своему не говоришь батюшка, а матери своей не говоришь матушка. Иди доставь меня къ своей кормилицѣ матери, тогда я слѣзу съ твоей шеи.—Доставилъ парень змѣя къ своей кормилицѣ матери.—Ну, парень, скажи своей матери—матушка, скажи своему отцу—батюшка.—Парень сказалъ своему отцу батюшка, своей матери матушка. Тогда онъ слѣзъ съ шеи парня. Тогда сказалъ: спасибо тебѣ, парень, ты выручилъ меня изъ горящаго огня, ты вытащилъ меня изъ текущей воды.

Ср Raasonen, Proben I, № XXVIII, XV, XLI.

Дмитріева Акулина хорошая дѣвушка,
Рождениемъ Акулина удалась,

Šupa·u Erža· jaki· mālga·nza.

— Mitri·j, čyji·k tāχti·rit mońdān!

— Tuś melezēn.—Koda ž' a tujā?

Son kšyt pañä· kak para bu·lkat,

Praka·t pañä· son kak kala·čat,

Braga· tājä· kak para pi·va,

Piva· tājä· kak para pu·rā.

Dosa·dna stal šeń urvatñiñ.

Ne možet i kijak so·nzy laca a ni kšyt pañi·ms, ni pra·kat pañi·ms so·nzy laca ni mo·žut. Braga· tāji·ms amaštyt sonzy la·ca, piva· pidī·ms ama·štyt sonzy la·ca. I dosadna stal šeń urva·tñiñ:—so·nza kšnasy·ž, a mĩnānik ārams nelža; mĩn rat maksu·ms mĩ·rdñiñ.—I čyji·ž i maksy·ž. Ode·rva nuž opāt i tosa· parčtā štrapa·jä. I tosa· dosadna stal šeń urvatñiñ. Kaft' urva·t du·ma·št tāčā·nt jarmakt sala·ma.—Daj, ke·kščēnek, a so·nza laŋks jofta·syñik, ata· son pek para.—Saly·ž jarma·kñiñ i kekšē·ž. —

Богатый эрзякъ ходить за нею.

— Дмитрій, просватай·свою дочь за меня!

— Она мнѣ понравилась.—Какъ же не понравится?

Она печеть хлѣба, какъ хорошія булки,

Она печеть пироги, какъ калачи,

Она варить брагу, какъ хорошее пиво,

Она варить пиво, какъ хорошій медъ.

Досадно стало всѣмъ сношкамъ.

Не можетъ никто, какъ она, ни хлѣба печь, ни пироги печь не могутъ, какъ она. Брагу варить не умѣютъ, какъ она, пиво варить не умѣютъ, какъ она. И досадно стало всѣмъ сношкамъ:—ее хвалятъ, а намъ нельзя жить; мы рады отдать ее замужъ.—И просватали и отдали ее. Молодуха, ну, и тамъ опять прекрасно стряпаеть. И тамъ досадно стало всѣмъ сношкамъ. Двѣ снохи задумали украсть отцовскія деньги.—Давай, спрячемъ, а на нее скажемъ, а то она больно хороша. — Украли эти деньги и спрятали

Kula, stupa·j gošteva·k, kafty ned'la gošteva·k. — Mon rada·n, mola·n. — Nu, uskižā mīrdī·za gošteva·ms kafty ne·d'las. Kolmy čyt jutašt, mīrdī·za mo·lā mālga·nza. — Māžni·n zaly·t tātān jarma·kniin? — Vačky·dīnžā kafty keđe·nza, avarga·c i kortā: «āži·n zala·, āži·n doka, i a so·dan māži·jak». — A so·dat māži·jak, adā·! — Nu, i tušt kudu·u. Sašt kudu, kākšnisyz, māžni·n zaly·t jarma·kniin. — Otvēčā: «āži·n zala i aso·dan māžija·k». — A kā·mīt. Avarc, avarc i tuš čavy ba·ha, juksi·žā ka·rksynza, taji·žā pētla·ks i po·ve·žā pīra·nza. Mīrdī·za vāšnā·, amu·jivā, vāšnā·, amu·jivā. — Užy·, suva·n bañā·ntiin. — Suva·s mīrdī·za, a son pova·f.

Записано въ июлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

№ 38.

Pakša pakša, pakšiñā! Pakšañt kunčkasa gubyrñā, gubyrñt bokasa lužymñā, lužymñisyñt čejada, čejadasyñt kandyñā, kandy-

ихъ.—Акулина, ступай погости, двѣ недѣли погости.—Я рада, пойду.—Ну, повезъ ее мужъ ея гостить на двѣ недѣли. Прошло три дня, мужъ идетъ за ней.—Ты зачѣмъ украла отцовскія деньги?—Всплеснула она обѣими руками, заплакала и говорить: «я не крада, не трогала и ничего не знаю». — Не знаешь ничего, такъ иди! — Ну, и пришли домой. Пришли домой, спросили ее, зачѣмъ ты украла эти деньги. — Отвѣчаетъ: «я не крада и ничего не знаю». — Не вѣрятъ. Заплакала, заплакала и пошла въ пустую баню, развязала свой поясъ, сдѣлала изъ него петлю и повѣсилась. Мужъ ея ищетъ, она не находится, ищетъ, она не находится.—Погоди, зайду въ баню.—Вошелъ мужъ ея, а она повѣшенная.

Поле поле, полечко! Посреди поля бугорокъ, на склонѣ бугра ложбинка, въ ложбинкѣ камышъ, въ камышѣ валѣжникъ, въ ва-

ńisyńt pizynă, pizynisyńt vírutka. Pížyn turba kyrgaza, pízysa valuf langyza, śijas navaf ńereza, syńńisa valuf grudiza. Čyt alyja, văt naryvă, văt kunčkasta lifeyńžă kolěngămiń rouna alynga, kolěngămiń rouna ľăukst lifé. Vădiń kuvalt nolděngă. Běrekka jakă odžora, ružyjaza kecěnga, přistaletěza zařadaf. Chočet utkańt čavymynza. I kortă utkaš: ilak rozóra pizyniń, ilit urykaft ajd-ńińiń, aštăť kak para aulă. Mon avyľ víriń utkińan, a mon Věrepazyń kučukksan. — Āž kulcyna son, čaviză, paćijks nolděžă văringa, kačamks nolděžă ojmenza; karksynza aluť putyză. Kuva moľă, sońć moră. Paćkyć vídiń śuryzynza, ńejeńžă son, văši tapať. — Moń vėďma kurva utka kodak śudymniń, i śuduviń.

Записано въ концѣ семидесятихъ годовъ въ с. Оркинѣ учителемъ Леонтьевымъ для А. Н. Минха. Провѣрено по мѣстному произношенію съ В. С. Саюшкинымъ въ июлѣ 1905 года.

лѣжникѣ гнѣздышко, въ гнѣздышкѣ лѣсная утка. Ея горло какъ мѣдная труба, тѣло ея вылито все изъ мѣди, въ серебро обмакнуть ея клювъ, грудь ея вылита вся изъ золота. Днемъ несется, ночью высиживаетъ, въ срединѣ ночи она выпускаетъ ровно тридцать яицъ, она вывела ровно тридцать дѣтенышей. Выпустила ихъ по водѣ. По берегу ходитъ молодой парень, въ рукахъ у него ружье, заряженный пистолетъ. Хочетъ застрѣлить утку. И говоритъ эта утка: не разорай моего гнѣзда, не осироти моихъ дѣточекъ, и тебѣ не будетъ добра. Я не лѣсная утка, а я посланница Божья. — Не послушалъ онъ, убилъ ее, выпустилъ ея кровь шелкомъ, выпустилъ ея душу дымомъ; положилъ ее подъ поясъ. Гдѣ ходитъ, тамъ онъ самъ поетъ. Подошелъ онъ къ посѣяннымъ своимъ хлѣбамъ, посмотрѣлъ на нихъ, всѣ потоптаны. — Какъ вѣдьма курва утка меня прокляла, такъ я сдѣлался проклятымъ.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № VIII (съ значительнымъ уклоненіемъ) и № LXXII (мокш.). У Reguly (мокш.) №2е и (эрз.) № 5.

№ 39.

Vír žyřisa, vír grajsa mokšén žoraš pářk kārās i polāncās. Mařasyj šumnā., mařavā, mařasyj žalfkā., čuda·vā, nogaj bolk ālsy i tatar bolk ālsy. — Uš kak kužan žufta prās, varčtan barčtāmon. — Māži vanā mokšén žoraš? Nogaj bolk āl sy. — Aška. kekša·n lopa po·c, aška suva·n tarad boc. — Nogaj polkōs juta·ukšnys, tatar po·lkōs juta·ukšnys. Mājilcīn helej syři noga·js moļi la·štā. Syři tata·rys mokšén žoraūt ņeje·žā, syři nogajs mokšén žoraūt rādizā. I koda·k rādizā syři tatarys mokšén žoraūt i kundyzā., kambrazyņ droks kaji·žā; tatar vālij vēte·žā, nogaj mastyruc viji·žā. — Nogaj ava., kožajka, na vot tebe ģrēštja·n, na vot služa·n. Kodamy robōtas karma·fcyņik? — Pižy. taka·ņ vanu·ma. — Vanā i nurčā.: baļu i baļu, nogaj āģt, i utu baļu., nogaj āģt. Lāmit toņ noga·jiņ, a vārit syvilit ģrēštja·niņ. — Noga·j ava·s

На краю лѣса, на онушкѣ лѣса парень мокша рубилъ лѣсъ (и рубилъ его) на полѣнья. Слышитъ шумокъ, слышится, слышитъ небольшой гулъ, чудится, приближается ногайскій полкъ и приближается татарскій полкъ. — Ужъ какъ влѣзу я на дерево, посмотрю я хорошенько. — Что видитъ парень мокша? Подходитъ ногайскій полкъ. — Дай-ка спрячусь подъ листья, дай-ка влѣзу подъ сучки. — Ногайскій полкъ проходилъ, татарскій полкъ проходилъ. Последнимъ съ конца ѣдетъ старый ногаецъ верхомъ. Старый татаринъ увидѣлъ парня мокшу, старый ногаецъ примѣтилъ парня мокшу. И когда примѣтилъ старый татаринъ парня мокшу и схватилъ его, положилъ его поперекъ сѣдла; татаринъ повезъ его въ село, доставилъ его въ ногайскую землю. — Ногайская жена, хозяйка, на вотъ тебѣ крестьянина, на вотъ тебѣ слугу. Какую работу мы заставимъ его дѣлать? — Смотрѣть за маленькимъ ребенкомъ. — Смотрить и качаетъ: баю и баю, ногайское дитя, и утю баю, ногайское дитя. Имя твое ногайское, а кровь и мясо твое христіанскія. — Слышитъ ногайская женщина. — Чьего ты рода племени?

kulcy·nä. — Kín ton rodè·ń pľema·ń? Mokšén Žora·ś, ton joftè·k moúďán. — Vot íšta·my rodè·ń, íštamy pľema·ń. — Koda avań ľámí·za? — Avań ľámíza Vašona, táťán ľámíza Ivan, Ivan sta·rysta. — Ton moń jala·ksym rodno·j. Mážní·ń, syři nogajś, ton kundyk, mážníń vete·k? Son moń jalaksym rodno·j. Stupa·j, syři·noga·jś, vete·k kosta saji·k, kosty kundy·k, vete·k tozè·j. Syři nogajś kambra·styžä alašanza i ozaftyžä mokšè·ń Žora·ńt i tuś. Čopòda· vírnis pačkyčť syři·noga·jś mokšén Žora·ńt marta. Mokšén Žora·ś aščy·ś aščy·ś, nuvaži·mś. Syři noga·jś panct vèd·me·sa kilkščyžä i mokšén Žora·ńt pòvezä i lopa poc välti·žä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

№ 40.

Вирь чыриса мокшень цёрась пянъкъ кярä; кярäсь, кярäсь, кярäкшнысь. Марясьи шумня, марявя, марясьи жалфя, цюдавя.

Парень мокша, ты скажи мнѣ.—Вотъ такого рода, такого племени.—Какъ имя матери?—Имя матери Васена, имя отца Иванъ, Иванъ староста.—Ты мой братецъ родной. Затѣмъ, старый ногоецъ, ты его схватилъ, затѣмъ привезъ? Онъ мой братецъ родной. Ступай, старый ногоецъ, вези его откуда взялъ, откуда схватилъ, вези туда.—Старый ногоецъ осѣдлалъ лошадь и посадилъ парня мокшу и поѣхалъ. Въ темный лѣсъ вѣхали старый ногоецъ и парень мокша. Парень мокша сидѣлъ, сидѣлъ, заснулъ. Старый ногоецъ сдѣлалъ петлю изъ уздечнаго повода и повѣсилъ парня мокшу и скрылъ его въ листьяхъ.

На краю лѣса парень мокша рубить дрова; рубилъ, рубилъ, нарубилъ. Слышитъ шумокъ, слышится, слышать гулъ, чудится.

Вай, верей варчтась, чуфта прятня а нурьцить. Вай, алув варчтась, тикше прятня а черкетъ. Икилий варчтась мокшень цёрась — губан полк, удалув варчтась мокшень алясь — ногой полк. Вай, вачкыць кафта мокшень цёрась кедненза, пурдыньзя кяминь одалась сурнынза. Вай, козень, козень одцёрась кекшнекшнесь? Виивь калъ пулыс одалась сувакшнысь. Вай, сяда ютасть, мокшень цёранть эзизь некъ; вай, кафта ютасть, мокшень алянть эзизь некъ. Сефьть мяйля моля сыря губанць, эль ютэ. Вай, алашаза сыря губанть камбрастяф; вай, соколнэза сырь губаньнь вешкезевсь; вай, кискиниза сырь губан атяньть онгэзевсь; вай, алашаза губан атяньть пяхазивсь. — Мон зярда якан, те диваньти эзинь понгэна; мон зярда пакан, те диваньти эзинь понгэна. Вясий рунгыза мокшень цёранть кекшнекшнэсь, карь кочкарыза мокшень цёранть эзь кекшевь. Вай, карь пулыннза мокшень цёранть губан атясь неезя; вай, карь пулыстыньть мокшень цёранть губан атясь таргизя; вай, варикъ

Ой, посмотриль наверхъ, верхушки деревьевъ не качаются. Ой, внизъ посмотриль, верхушки травы не колышутся. Впередъ посмотриль парень мокша — полкъ татаръ, назадъ посмотриль парень мокша — полкъ ногойцевъ. Ой, всплеснулъ обѣими ручками парень мокша, сжалъ молодецъ свои десять пальчиковъ. Ой, куда, куда спрятался парень? Въ большой ивовый куеть вошелъ онъ. Ой, сто (человѣкъ) прошло, парня мокшу не увидѣли; ой, двѣсти прошло, молодца мокшу не увидѣли. Послѣ всѣхъ идетъ старый татаринъ, приближается. Ой, лошадь стараго татарина осѣдлана; ой, соколикъ стараго татарина свистнулъ; ой, собачка стараго старика татарина залаяла; ой, лошадь татарина старика заржала. — Сколько я не хожу, я не попадалъ на такое диво; сколько я не путешествую, я не попадалъ на такое диво. — Все тѣло парня мокши скрылось, пятка отъ лаптя парня мокши не спряталась. Ой, хвостъ отъ лаптя парня мокши увидѣлъ старикъ татаринъ; ой, дернулъ за хвостъ лаптя парня мокши старикъ татаринъ; ой, связалъ сы-

кшнаса мокшень цѣранть губан атясь сюлмпзя; вай, кудув гавув губан атясь мурдакшнысь; вай, кудув гавув губан атясь пачкытькшнысь, кудув кардазув губан атясь пачкытькшнысь, — Вай, стяка, стяка, губан ава, стякая; вай, стяка, стяка, ногой ава, стякая. Вай, панжытия, губан ава, сисимь панжумат; вай, таргитя, ногой ава, сисимь тулынит. Вай, вить кедьнезэт сахъть, губан ава, чумбра кшы; вай, кярч кедьнезэт сахъть, ногой ава, салдыркс сал. Вай, мяинь радысть, губан ава, тять туян. — Вай, мокшень цѣранть сыря губанысь нолдэзя; вай, кудув гавув губан атясь сувафтызя. — Вай, ушта ушта, губан ава, ушта; вай, куда угылыт губан ава вешкезест. — Вай, думасть арьцисть мокшень цѣранть пячкима; вай, думасть арьцисть мокшень цѣранть пидимя. Вай, удысь, удысь мокшень цѣрась, удувкшнысь. Пелевяшканя мокшень цѣрась сырғыйкшнысь. Маря куля — губанынь эйдись авардя; маря куля — ногойнь эйдись меляфтэ. Губанынь эйдись мокшень цѣранти жалъ марявь; ногойнь эйдись мокшень

рымъ ремнемъ парня мокшу старикъ татаринъ; ой, домой вернулся старикъ татаринъ; ой, къ дому прѣхалъ старикъ татаринъ, къ избѣ и къ двору прѣхалъ старикъ татаринъ. — Ой, встань-ка, встань-ка, татарская жена, встань-ка; ой, встань-ка, встань-ка ногойская жена, встань-ка. Ой, отопри-ка, татарская жена, семь замковъ; ой, выдерни-ка, ногойская жена, семь запоровъ. Ой, правой рукой, татарская жена, возьми здоровый хлѣбъ; ой, лѣвой рукой, ногойская жена, возьми солонку соли. Ой, какую радость, татарская жена, я тебѣ везу. — Ой, парня мокшу старый татаринъ отвязалъ; ой, въ домъ его старикъ татаринъ ввелъ. — Ой, погоди-ка, погоди-ка, татарская жена, погоди-ка; ой, чтобы свистѣли, татарская жена, углы твоего дома. — Ой, вздумали, замыслили зарѣзать парня мокшу; ой, вздумали, замыслили сварить парня мокшу. Ой, спалъ, спалъ парень мокша, выспался. Въ полночь парень мокша проснулся. Слышитъ — что-то плачетъ татарское дитя; слышитъ — печалится ногойское дитя. Жалъ показалось парню мокшѣ

цѣранъти жалъ марявсь. Губанынь эйдинъть мокшень цѣрась нур-
цизя. Балю-лю-лю, губанынь ахть баяль; утю балю, ногойнынь
ахть баяль. «Вирь чыриса мокшень цѣра пянъкъ кярясь, вирь
чыриса мокшень алясь поляныцясь (и т. д. сначала всю пѣсню).
Вай, думастъ арьцисть мокшень алянъть пидимя». Вай, кыргазынза
мокшень цѣранъть губан авась повэтькшнэсь.—Вай, марян кулян—
пиже дугась монъ улят; вай, дайка, дайка, дугай, пирят чавсиса.
Вай, чавсись, чавсись ногой авась, чавсикшнысь. Вай, вя сялми-
ванъть ногой авась сыръть лифтя; вай, омбэцеванъть губан авась
варьть лифтя.—Вай, кудув гавув, пиже дугай, провадятан; вай, са-
рий вядьганъть, пиже дугай, уизъ ухъть; вай, алкиниванъть, ма-
зый дугай, келейсты эскельть.

Записано І. А. Цыбинымъ; но запись его нѣсколько испра-
влена.

татарскаго дитяти; жалъ показалось парню мокшѣ ногойскаго ди-
тяти. Татарское дитя парень мокша покачалъ. Балю-лю-лю, по-
баюкалъ онъ татарское дитя; утю-балю, побаюкалъ онъ ногойское
дитя. «На краю лѣса парень мокша рубилъ дрова, на краю лѣса
молодецъ мокша (и т. д.). Ой, задумали, замыслили сварить молодца
мокшу». Ой, на шеѣ парня мокши татарская женщина повисла.—Ой,
слышу—ты мой малый братецъ; ой, дай-ка, дай-ка, братецъ, я
поищу у тебя въ годовѣ.—Ой, искала, искала ногойская жен-
щина, заискалась. Ой, однимъ глазомъ ногойская женщина пу-
скаеть гной; ой, другимъ глазомъ татарская женщина пускаеть
кровь.—Ой, домой я, малый братецъ, провожу тебя; ой, по глубокой
водѣ, малый братецъ, плавмя плыви; ой, черезъ мелкую воду,
красивый братецъ, широко перешагни.

Ср. Сухокарб.

№ 41. Lajšymat¹⁾.

a)

Jalaskiū Filīp, tujat služba-ń ġiñi-va,
 Tujat službañ nužda-ń ġiñi-va,
 Niliñgāmiñ ġi-ja-va pačkydat.
 Niliñgāmiñ ġiprašyñt sārīj gubyrnā,
 Guby·r boka-ś—alksy·t,
 Sārīj guby·r—pralksy·t.
 Čokšneñ kālmi·rosa-ś—aca·mut.
 Valckin kālmi rosa-ś—vāltamut,
 Staka·ružja-ś—dumi jalģi-ñit.
 Puvy varma·pava-za,
 Kandy·varma·kandy-za,
 Veř ogradu buva-za,
 Kalm' ogradu kandyza,

1) Размѣръ въ передачѣ причитаній не соблюдался въ точности.

Причитанія.

Братецъ Филиппъ, ты пойдешь по служебной дорожкѣ,
 Ты пойдешь по дорожкѣ службы и нужды,
 Ты пройдеши по сорока дорогамъ.
 На концѣ сороковой дороги высокій бугорокъ,
 Склонъ бугра—подстилка твоя,
 Высокій бугоръ—твое изголовье,
 Вечерняя холодная роса—твоя постель,
 Утренняя холодная роса—твое одѣяло,
 Тяжелое ружье—товарищъ твоихъ думъ.
 Дующій вѣтеръ пусть дуетъ,
 Носящій вѣтеръ пусть носитъ,
 Въ верхнюю ограду пусть дуетъ,
 Пусть носить онъ въ могильную ограду,

Ťerġa·, tikšy pír·va,
Ťikšy pír·ań čyrkaftyž
Sava·rnasta, sasty·ńa,
Alġa· moda· jožo·va,
Moda· pulńiń zyrga·ftyž,
Ađkań bińis kandy·za,
Końma·ń bi·ńis puva·za.

Записано въ июлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина На-
стасьи Кожайкиной.

б)

Uđ, ava·kaj gońma·kaj,
Uđ, avakaj đıra·kaj,
M·ań ġulumńiś saji·ńšit,
M·ań ġumamńiś saji·ńšit,
A po·ra·va vřema·va,
A po·ra·va aška·va?

По верху, по верхушкамъ травы,
Заставляя трястись верхушки травы,
Легонько, нѣжно,
Внизу около самой земли,
Заставляя подняться земляную пыль,
Пусть несеть въ уши матушки,
Пусть дуетъ въ уши кормилицы.

Охъ, матушка кормилица,
Охъ, матушка кормилица,
Какая тебя взяла смерѣтушка,
Какая тебя взяла погибель,
Не въ пору, не во время,
Не въ пору, не въ часъ?

Ќi laṅks nadijaž kadyńik
Aṅka-ftuma ury-skiks?
Uryz đakińiš sodaŭä
Laṅksy palań guva-lma,
Präsy čérneń guva-lma.
Laṅksy palazy kargyčká,
Präsy čérnenzy šaṅgyrat.
Eščo, ux, avakaj gořmakaj,
Avakaj đirakaj,
Avińim žalińim,
Kařidijńim, valftyjńim,
Stalmyń stakań gandyjńim,
Volnej švet laṅks noldejńem,
Avińim, aša lofćeńem,
Avińim, đuža moń ojńem,
Aša rućińim, baćińim,

На кого надѣясь, ты оставила меня
Безматернею сироткою?
Сирота дитяtko узнается,
По рубашкѣ,
По волосикамъ на головѣ.
Рубашка грязенькая,
Волосики на головѣ шершавы.
Еще, охъ, матушка кормилица,
Матушка кормилица,
Матушка, ты моя жалѣльщица,
Подымальщица, сымальщица,
Носительница тяжелой тяжести,
Отпустившая меня на вольный свѣтъ,
Моя матушка, бѣлое мое молочко,
Моя матушка, желтое мое маслице,
Ты моя бѣлая маленькая руця, мой платочекъ,

Kočkařava paľínin,
Surbirava ožēnem.
Māji-ń ġisa, ava-kaj,
Stalmy stakam moń gandyk,
Kāus vačkydīt ton ġedńet,
Varma-s maksyk ton vījńi-t?
Äzi-ń maštuq, avakaj,
Kuč kijavat moľemā.
Äziń maštuq, avakaj,
Čeft alkskiń acy-čaks.
Äziń maštuq, avakaj,
Sārij bralkskiń butyčaks.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина
Татьяны Учуськиной.

До пятокъ моя рубашечка,
До конца пальцевъ мой рукавчикъ.
Для чего, матушка,
Ты несла мой тяжелый вѣсь,
Объ камень ударила свои ручки,
На вѣтеръ отдала свою силушку?
Я не пригодилась, матушка,
Ходить по послушной твоей дорогѣ.
Я не пригодилась, матушка,
Быть стельщицей мягкой постели.
Я не пригодилась, матушка,
Быть тою, что кладетъ высокія подушечки.

В)

Uχ, avíiním goǝmééním,
Uχ, avíiním díriním,
Máziin gulumná, avakaj, sajinšit?
Néznaj garčy vastynšyt.
Néznaj málga sasyinšit.
I sajinži rauzy kulumaš
Kafty pilksy pilgíivijinít,
Kafty keccy kedvijinít,
Rungy vídga kostenžet,
Rungy vídga šindínžit.
Grušyniška kadyžā,
Mazyj umař ličijinít.
Raņzy kuluma koštežā,
Koškā čejneks koštežā runginít,
Kaľ daradyks kostenžā

Охъ, матушка кормилица,
Охъ, матушка кормилица,
Какая, матушка, взяла тебя смеретушка?
Незнай, встрѣтила она тебя прямо,
Незнай, догнала она тебя сзади.
И взяла черная смерть
У обѣихъ ногъ твою ножную силушку,
У обѣихъ рукъ твою ручную силушку,
Прямо по тѣлу она тебя высушила,
Прямо по тѣлу она тебя извела.
Она оставила какъ грушу,
Личко твое, какъ красивое яблоко.
Черная смерть высушила,
Какъ сухую лучинушку высушила твое тѣльце,
Какъ ивовыя вѣтки, она высушила

Kafty kundy keđeñet.
Kaļ žučuņiks puštyhžā
Kafty keđeñ kāmīn zuryñit.
Ķi laņks nađījaž, avakaj, kadyrņik?
Koda· karma·n āra·ma?
Sy tundy·ñ mazy·j vřeime·nā,
Sy tundy·ñ mazy·j borē·nā,
Godovėj pokš prazņīk, —
Vāši· narod nařā·žaft,
Vāši· lomattnā nařā·žaft,
A mon, ava·kaj gořma·kaj,
Tundyn kukuks karman kukurdama,
Tundyn žokouks karman žokōrdama.
Ţe mazyj morēsēnt nēščasnyj piņģim jutafca,
Ţe mazyj morēsēnt nēščasnyj vēkeñ pečtasa.
Šađijim beščksā gorāda,

Обѣ твои хватающія ручки.

Какъ ивовыя почечки, она высушила

Твои десять пальцевъ обѣихъ рукъ.

На кого надѣясь, матушка, ты меня оставила?

Какъ буду я жить?

Настанетъ прекрасное весеннее времячко,

Настанетъ прекрасная весенняя порушка,

Годовой великій праздникъ, —

Весь народъ наряженъ,

Всѣ люди наряжены.

А я, матушка кормилица,

Стану куковать, какъ весенняя кукушка,

Стану пѣть, какъ весенній соловей,

Этою красивой пѣснью я скорочу свой несчастный вѣкъ,

Этой красивой пѣснью я проведу свой несчастный вѣкъ.

Сердечко мое полно горя,

Po·tmom beščkšā· tošna·da,
A čyniń gak jofne·vet,
A vāniń gak korta·vit,
A kuvaka ukstaž uksta·vit,
A pśi šalvācca pańi·vit.

Записано въ юлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина На-
стасіи Кожайкиной.

г)

Uχ, fatakaj gořma·kaj,
Uχ, fatakaj dīřakaj,
Mājiń gulu·mniś saji·ńžit,
Māji·ń juma·mniś saji·ńžit,
Apo·rava vřema·va,
Apo·rava aška·va?
Kilańks nadījaž kady·mīk,

Внутренность моя полна тоски,
И дню ея не рассказать,
И ночи ея не изложить,
Тяжелымъ вздохомъ не вздохнуть
Горячими слезами не отогнать.

Охъ, батюшка кормилецъ,
Охъ, батюшка кормилецъ,
Какая тебя взяла смеретушка,
Какая тебя взяла погибель,
Не въ пору, не во время,
Не въ пору, не въ часъ?
На кого надѣясь, оставилъ ты меня

Purnyjftimi skote·naks?
Ñejuš, fata·kaj, ton dujat,
Ko·zèj čyniš lembe·nesta atokā,
Kozèj varminiš sätmini·sta apu·vā;
Šezè·j, dāta·kaj, don duja·t,
Šezèj, go·rma·kaj, don java·t.
Mi·nik, fata·kaj, gaca·miž,
Māni·I alu·u, Baz a·luu,
Tatka·tum' ury·skiks.
Avu·li mi·nik tiri·n dātka·nyk,
Avu·li mi·nik masty·rlangyn žali·jnyk.
Ñeščasny·j dā·kaš soda·vā,
Tā·ta·kaj, la·nks odežān gu·va·lma:
La·nks odežaza, fata·kaj, kala·da,
Pi·lksy ka·rninga, fata·kaj, gala·dat,
Su·ftirgadun·ks čama i·cāza.

Безпризорною скотиною?

Теперь ужъ, батюшка, ты уйдешь,
Куда солнышко тепленько не касается,
Куда вѣтерокъ тихонечко не дуетъ.
Туда, батюшка, ты уйдешь
Туда, кормилецъ, ты скроешься,
Насъ, батюшка, ты оставишь,
Подъ небомъ, подъ Богомъ,
Сиротками безъ отца.
У насъ не будетъ кормильца отца,
У насъ не будетъ жалѣльщика земного.
Несчастное дитя узнаётся,
Батюшка, по одеждѣ:
Его одежда, батюшка, разорвана,
На ногахъ его лапотки, батюшка, разорваны,
Запаршивлено его лицо.

Šeñ guvalma ġrešnej da·kiñis soda·vā,
Šty son mastyrlaṅgyñ ḍakaš uryškā.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина
Татьяны Учуськиной.

№ 42. Колыбельныя пѣсни.

Koda nāñka·st sajsy·ž ājdi·st i liši·t ul·ca·u, puru·mit kafty
ko·lma nā·ñka i šārgi·dīt:

a)

Jala·kskiñ, ba·la·la·.

Vaj, šijāñ k·ruka·,

Jala·kskiñ k·ruka·za;

Vaj, pi·žā rišmi·t

Jala·kskiñ ve·dmenza.

По этому несчастное дитяtko узнается,
Что это земное дитя сирота.

Когда няньки возьмутъ своихъ дѣтей и выйдутъ на улицу,
сойдутся двѣ три няньки и кричать:

[Баляля, а баля

Ой, утя баляля.

У кого въ рукахъ дѣвочка, та говоритъ «моя маленькая се-
стрица», а у кого въ рукахъ мальчикъ, та говоритъ «мой маленькій
братецъ»:]

Братецъ мой, баляля.

Ой, серебряный крюкъ,

Братцевъ крюкъ;

Ой, зеленяя цѣпочки

Братцевы зыбочные ремни.

Vaj, mǎni·lc masty·rc
Jala·kskiń lauški·za.
Vaj, ufa·bała·,
Vaj, kuva·t udǎ.

b)

Tǎta·m pǎčks ala·ša,
Mo·ńďǎń maksé lova·ža.
Pońneń pońneń, ǎž bońneń.
Tujiń mo·kšeń kijava,
Mujiń mo·kšeń tǎχ tǎrǎ.
Pana·ryza ka·lada,
Potǎ práza u·šysa.
Potǎ práda su·skińǎ,
Bérek a·luχ uskińǎ.
Bérek ala ku·dynǎ,

Ой, отъ неба до земли (качается)
Братцева зыбочка.
Ой, утя-баля,
Ой, долго онъ будетъ спать.

Отець зарѣзалъ лошадь,
Мнѣ далъ онъ кость.
Глодалъ я, глодалъ, не обглодалъ.
Пошелъ я по мокшанской дорогѣ,
Нашелъ я мокшанскую дѣвушку.
Рубашка ея износившаяся,
Конецъ титьки наружу.
Я схватилъ зубами за конецъ титьки,
Затащилъ ее подъ берегъ.
Подъ берегомъ избушка,

Kudyńi·syńt ba·bińä.
Ba·baj, pa·nčt! A·mařan.
De·daj, pančt! A·panžan.

№ 43.

a) Šedä ikiliń tundyn mora.

Pokš vädiń truks šärğidan:
Auvešt, kizys saza.
Kaftyńä pant, au!
Auvešt, kara karča.
Kolmóceńes auvešt.
Auvešt, umař čufta,
Mastyryn pärt, au!
Auvešt, undykskinga
Mänilin pärt, au!

Въ избушкѣ старушка.
Бабушка, отопри! Не слышу.
Дѣдушка, отопри! Не отопру.

Старинная весенняя пѣсня.

Я крикну черезъ большую рѣку:
Ау, пусть придетъ лѣто.
Двѣ горки, ау!
Ау, на встрѣчу (другъ другу).
Третья, ау!
Ау, яблонное дерево,
Вокругъ земли, ау!
Ау, его дуплышки
Вокругъ неба, ау!

Au'véšť, taratkinga
Ked' káliškat, au!
Au'véšť, lopeńenza
Mokšandaškat, au!
Au'véšť, umańinga.

б)

Aa, vísaa nasaa
Na víjakańaa,
Na víjakańaa.
Turbań potomkskā a Ivańiza,
A aša gul'kińä a D'řigańiza,
Tundyń čokoqńä a Miťańiza.

Ау, его вѣточки
Шириной съ ладонь руки, ау!
Ау, его листочки
Съ кулакь, ау!
Ау, его яблоки.

— — —
— — —
— — —

Какъ трубная затычка, Иванова жена,
А бѣлая голубка Григорьева жена,
Весенняя соловушка Дмитріева жена ¹⁾.

1) Эта пѣсня поется великимъ постомъ, когда бываютъ проталинки. Къ причитанію прибирають женскія имена, при чемъ каждой женщинѣ дается характеристика.

В)

Agiz adā,
Oška purďä
Oška šimā.
Taňa molā,
Mongak molan.
A! gízďín gízďín, a! kaňa.
Oška molä,
Mon amolan,
Oškastuma
Tāu a ulā.
A! gízďín gízďín, a! kaňa.

A! gízďín gízďín, a! kaňa.
Adā, Miša purďä šimā.

— —
Оська пурю
Оська пьеть.
Таня идетъ,
И я иду.
— — — —
Оська идетъ,
Я не иду,
Безъ Оськи
Дѣла не будетъ.
— — — —

— — — —
Ступай, Миша пьеть пурю.

A! ġizdġn ġizdġn, al kaġa.
Taġa molä, mongak molan.
A! ġizdġn ġizdġn, al kaġa.

г)

Mäks mon čerevan,
A mon puluvan?
Aluvest luvest!
Moġ šišim alkan,
A mon sazyran,
Aluvest luvest!
Moġ šišim urkan,
A mon paryjan,
Aluvest luvest!
Moġ ušat väca,

— — — —
Таня пойдетъ, и я пойду
— — — —¹⁾

Отчего я богата волосами,
Отчего я богата косой?

— —
У меня семь деверьевъ,
А я сестра,

— —
У меня семь невѣстокъ
А я золовка,

— —
Ушатомъ воды

1) И т. д. перебирають всё имена и поютъ эту пѣсню весь вечеръ.

Prám a pázuvá,
Aluvéšť luvéšť!
Vá píftim(a) ojsa
Prám a vadnívá,
Aluvéšť luvéšť!
Kšniín grébeškasa
Prám a straftuvá,
Aluvéšť luvéšť!
Pižyń suřcamsa
Prám asudřává,
Aluvéšť luvéšť!
Šisiń urkańiń
Pulym a ponává,
Aluvéšť luvéšť!
Šisiń alkańiń
Kařt a kodařit,

Голова моя не вымоется,
— —
Масломъ отъ одного пахтанья
Голова моя не намажется,
— —
Желѣзнымъ гребешкомъ
Головка моя не расчесется,
— —
Мѣднымъ гребешкомъ
Головка моя не расчесется,
— —
Семи невѣсткамъ моимъ
Косы моей не заплести,
— —
Семи деверямъ моимъ
Лаптей не сплести,

Aluvest luvest!
Šišim dugańin
Kařkst a ponaviť,
Aluvest luvest!

д)

Kolma kiť, kiulyť,
Kiulysynť viš uma.
Ki sokežä vidižä?
Fedä sokežä vidižä.
Ki nujizä kočkežä?
Proska nujizä kočkežä.
Ki jutä pävanza?
Fedä jutä pävanza.
— A! Boř pomoč, Proska. —
— A! Pašiba, Fedä. —

— —
Семи сестренкамъ моимъ
Оборы не свить,
— —
— —
Три дороги, перекрестки,
На перекресткѣ загонъ полбы.
Кто вспахалъ его, посѣялъ?
Өедя вспахалъ его, посѣялъ.
Кто сжалъ его, пропололъ?
Фроська сжала его, прополола.
Кто проходитъ по его краю?
Өедя проходитъ по его краю.
— А! Богъ помочь, Фроська. —
— А! Спасибо, Өедя. —

- Žara sajat nujinga,
— Žara sajat kočkomga? —
— Tři spaltina joltēna,
— Ėať rubľovój gumaška. —
-

e)

Ėižiimiš ėiža,
Kovòlėn kovòl
Ėerba vátėnā kolget
Pouėėn pouėėn.
Šekšatyš nalkšā
Pulynga maťta,
Narmyėiš nalkšā
Šormanža maťta.
A Maťka nalkšā
Dřiganža maťta.

- Сколько ты возьмешь за жнитво,
— Сколько ты возьмешь за полку? —
— Три съ полтиной (?),
— Пять рублевыхъ бумажекъ. —
-

Дождь идетъ,
На каждую ковылинку
Съ вербы капли падаютъ,
Какъ пуговики, какъ пуговики.
Дятель играетъ
Своимъ хвостомъ,
Пташечка играетъ
Своимъ крыломъ.
А Марья играетъ
Со своимъ Григорьемъ.

Syn kosa nalksít?
Ul'asa strupsa,
Tazuu šája jutksa.

ж)

A! moĉdana, moĉdana
Kaŋiškerén bazaruu,
Ramatana, ramatana
Šivíks kyrga jakšarga,
Oznésénék oznésénék
D'riga mar̄ta Dařán ġis:
Muškimsta, čovamsta
Dařańiń gak lembeńă,
Sokamsta, víďimsta
D'rigańiń gak čefteńă.

Гдѣ они играютъ?
На улицѣ въ срубѣ,
Около паршивой козы

Ср. Сухокарб.

A! идемъ, идемъ
На Камешкирскій¹⁾ базаръ.
Купимъ, купимъ
Утку съ колечками на шеѣ,
Помолимся, помолимся
Съ Григорьемъ за Дарью:
При мытьѣ стирани
Дарьѣ (пусть будетъ) тепло,
При пашнѣ сѣяніи
Григорью (пусть будетъ) мягко.

Ср. Сухокарб.

1) Камешкиръ—село Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи.

3)

A! šeleka, šeleka!
Konañ šudan šisimga,
Šišim kalmyñ čuvumga.
Kalmynt laŋga vād' čudā,
Vādñiñt āzga kaļt kasyt,
Kaļñiñ práva kumbriñit.
Ki sežñeñžā, nozneñžā?
Ivan sežñeñžā, nozneñžā,
Pokš ulčava tujikšnyš.
Kuva jakā, lančā,
Mazyj Tañāñ mančā.
Kuva jakā, vēškā,
Taña laŋksa šeškā.

Ахъ, селезень, селезень!
Кого я проклянѹ семь разъ,
Черезъ семь могилъ.
По верху могилы течеть вода,
По водицѣ растеть тальникъ,
По верхушкамъ тальника почки.
Кто ихъ растерзалъ и разодралъ?
Иванъ ихъ растерзалъ и разодралъ,
И пошелъ по большой улицѣ.
Гдѣ идетъ, тамъ садится на корточки,
Красивую Таню онъ обманываетъ.
Гдѣ идетъ, тамъ свистить,
Поверхъ Тани топчетъ.

и)

Al véřej kužan,
Al aluŋ valgan.
Vírca Dřiga
Mášť tájná?
Kaŋ taratkit inzydā,
Proskaŋ āsa píŋgídā.

№ 44. Скоморошныя.

а)

Tatarava, parava
Praš karda vařava,
Muš kopečjka,
Sajš kožajka,
Čačtaš čora,
Lāminza Dora,

А! я влѣзу на верхъ,
А! я слѣзу внизъ.
Въ лѣсу Григорій
Что дѣлаеть?
Онъ строгаеть вѣтки тальника,
Набиваеть обручи поверхъ Фроськи.

Татарская женщина, добрая женщина,
Упала въ дыру хлѣва,
Нашла копейку,
Взяла хозяйка,
Родила сына,
По имени Дора,

Buka langa jakíca,
Buka pulyń puvríca.
Tazuŋ tuzuŋ ulíza.

- Aža, Dora, bazaruŋ. —
— Mázã, mázã ramama? —
— Kuja tuva, bońcek lãuks
— Aša maćij, belaj guś. —

б)

Uχ, avakaj, gořmakaj,
Ŕãkínãza séréďã.
Kuva kuva séréďã?
Poča víďga séréďã.
И! О! Аńута,
Štada papa Mikita,
Ozadyń pad Luša,

-
- Онъ ѣздокъ на быкъ,
Онъ закручиваетъ хвостъ быка.
Пусть онъ будетъ паршивымъ, шелудивымъ.
— Ступай, Дора, на базаръ. —
— Что и что покупать? —
— Жирную свинью . . . (?),
— Бѣлаго гуся, бѣлаго гуся. —

Охъ, матушка, кормилица,
Животикъ его болитъ.
Гдѣ и гдѣ болитъ?
Около пупка болитъ.
И! О! Аńюта,
Съ возбужденнымъ ч. Никита,
Съ сидячимъ в. Луша,

Kunčkasynza Gruša,
Pärt pižyn povonza,
Niliŋgämiñ grušaza,
Väχkā parćij cókōza,
Šejak cekeļ prāsyzna.

В)

A! telenäl telenäl
Teleš ulniš jakšama,
Kyš jakšama pogōda,
Lutkniñ latkniñ väłtinižä,
Gubyr prätiniñ štaftyňžä.
Gubyr prasa kudyňä,
Kudyňisynt atinä,
Atiniš morä dudysa,
Täχtiriš kiščä dubyrca,

По серединѣ — Груша,
Вокругъ — мѣдныя пуговицы,
У него сорокъ бляхъ,
Одна шелковая кисть,
И та на кончикѣ ч.

A! зимушка! зимушка!
Зима была холодная,
Хоть холодная погода,
Она наполнила доли и овраги,
Она оголила верхушки бугровъ.
На вершинѣ бугра домикъ,
Въ домикѣ старичекъ,
Старичекъ играетъ на дудкѣ,
Дѣвушка пляшетъ(?),

Pulyńiža bokasa.

— Mäks pulyt bokasa?

— Daj mon surcyn tokasa. —

г)

A! vére·j kuža·n,

A! aluṣ valga·n.

A!ńä, kišt iki·lin,

A·lńä, kišt uda·lyn,

A·lńä, ky·rńaft la·ngyzyn,

Vi·tit pä·tit ka·razyn,

Tońgek gu·lkat va·razyn.

Варианты: въ 5-мъ ст. вм. ky·rńaft — skokatt; въ 7-мъ ст. вм. tońgek gulkat — jokstèk suryt.

Коса ея на боку.

— Отчего твоя коса на боку?

— Дай я трону ее пальцемъ. —

Начало этой пѣсни ср. выше № 1.

A! на верхъ полѣзу,

A! внизъ слѣзу.

Деверь, пляши передо мной

Деверь, пляши позади меня,

Деверь, прыгни на меня,

Выпрями, выправи мои ребра,

Воткни

д)

Māks pa·dyt bokasa·?
Daj gul·kasyn tokasa·,
Šedī vasuḡ jokstasa·.

е)

A vėsna·, vėsna·, vėsna·!
Konañ pa·dyza tēsna·,
Še moļe·za Jolča·ḡkas.
Jolča·ḡkasa gurtoḡšček,
Utum ślega pa·paza,
Pad potmōtñeñ ta·paza.

ж)

Pad tājś supratka,
Papa moļc supratkas,

Отчего на боку?
Дай я трону его . . .
Всуну его подальше.

А весна, весна, весна!
У кого . . . тѣсно,
Та пусть идетъ въ Елшанку,
Въ Елшанкѣ гуртовщикъ,
. . . его съ амбарную слегу,
Пусть онъ разобьетъ внутренность . . .

. . . устроилъ супрядку,
. . . пришелъ на супрядку,

A dířída dířída,
Kundaś papa ščyrída,
Praś papań ščyriza,
Šiūs ščyfa néreza.
Ćřešnej papa avarďa,
Durak pad pájdä.

№ 45. Kaładamuťná.

a)

Kałada! Pizny prása kaša čakš.

- Kaša čakškiś kou moľc?
 - Rauža kiska salyzä.
 - Rauža kiskaś kou moľc?
 - Šärij vírc vořgeć.
 - Šärij víriś kou moľc?
 - Pščy uziřiś kăřižä.
-

— — —,

Схватилъ за край . . .

Упалъ край

Разбился

Несчастный . . . плачетъ

Глупое . . . смѣется.

Колядованья.

Коляда! На печурочкѣ горшокъ каши.

- Горшочекъ каши куда дѣлся?
- Черная кошка его съѣла.
- Черная кошка куда дѣлась?
- Въ высокій лѣсъ убѣжала.
- Высокій лѣсъ куда дѣлся?
- Острый топоръ его срубилъ.

Kaľada! Pšěy užiriś koľ molć?

- Ińi vác vajaś.
- Ińi vādriś koľ molć?
- Jakstirā buka śimiza.
- Jakstirā bukaś koľ molć?
- Roštovańiń pāčkińik,
- Aľna ala řidińik,
- Kuśtim' ala ozněnek,
- Čovar ala sāvńik.

Lupuški lapuški, daj mńe řiroški.

Въ вариантѣ: во 2-й стр. вм. čakškiś — čakšyś; во 2-й, 4-й, 6-й, 8-й, 10-й, 12-й стр. вм. koľ molć — kosa (т. е. гдѣ); въ послѣдней стр.: davaľ, urāš, šukuga (т. е. дай, молодушка, лепешку).

б)

Kaľada! Avam ilįjsa čavyńiń,

— Avam kaśkas kajimń,

Каляда! Острый топоръ куда дѣлся?

- Въ большой водѣ утонулъ.
- Большая вода куда дѣлась?
- Красный быкъ ее вышилъ.
- Красный быкъ куда дѣлся?
- Мы зарѣзали его къ рождеству,
- Подъ овиномъ испекли,
- Подъ лѣстницей замолили,
- Подъ ступой съѣли.

Лупушки, лапушки, дай мнѣ пирожки.

Коляда! Мать побила меня прутомъ,

— Мать бросила меня въ подполье,

Kaľada! Taťam saś, targymim,

— Od kańis kaćimim,

— Kaľadama kućymim,

— Taťamim tańtijnitim,

— Avańim atańtijnitim.

Lupuški lapuški, davaj, uraś, ŗukyra.

в)

Kaľada! Kudykiľa erkeńa,

— Erkeńesent tumim,

— Tumimisyńt lapask,

— Lapaskisyńt gulkin.

— Šijań orčamt lańksynza,

— Piza čapka prasyńza,

— Jakstira kemt pilksynza,

— Liśc odźora, yedeźa.

Каляда! Отецъ пришелъ, вытасилъ меня,

— Въ новыя лапотки обулъ меня,

— Колядовать послалъ меня,

— Отцу сладенькія,

— Матери не сладенькія.

Лупушки, лапушки, давай, молодушка, лепёшку.

Коляда! Въ снѣгахъ озерко,

— На озеркѣ дубокъ,

— На дубкѣ листокъ,

— На листкѣ голубка.

— Серебряная одежда на ней,

— Зеленая шапка на ней,

— Красныя сапоги на ногахъ ея.

— Вышелъ парень, застрѣлилъ ее.

Kaľada! Pukštyr nakštyr tolganza,
— Šija vād mālga noldénžä.
Lupuški lapuški, davaj, uráš, kaľada.

г)

Kaľada! Čačy šuryś čačyza,
— Ažyjaška olgēza,
— Čyrki pāška kolózēza,
— Kaľadaška žornaza.
Lupuški lapuški, davaj, uráš, šukyra.

д)

Kaľada! Gaj sakala sād ala,
— Tuma pula sodama,
— Kīlīj pula tāχtīr āχt.
Lupuški lapuški, davaj, uráš, kaľada.

Каляда! Баць! бухъ! — ея перья,
— По серебряной водѣ онъ ихъ пустилъ.
Лупушки, лапушки, давай, молодушка, коляду.

Коляда! Произрастающій хлѣбъ да родится,
— Солома его съ оглоблю,
— Колось его съ конецъ дуги,
— Зерно его съ коляду.
Лупушки, лапушки, давай, молодушка, лепёшку.

Коляда! Звучащій (?) — подъ мостомъ,
— Дубовый хвостъ — зять
— Березовый хвостъ — маленькая дочь.
Лупушки, лапушки, давай, молодушка, коляду.

Б. Сухой Карбулакъ.

№ 46 ¹⁾. Литюва.

Грешнѣй зюдуфт Литюва,

Пазынь зюдуфт Литюва,

Афкинизы авечксѣ,

Тятянизы акельксѣ,

Сонзы чаўсы афказа,

Паньцы ушуў гудыста.

Сонзы чаўсы тятьказа,

Паньцы ушуў гардайста.

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующихъ семь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога.

Несчастливая проклятая Литюва,

Богомъ проклятая Литюва,

Матюшка ея не любитъ ея,

Батюшка ея не любитъ ея,

Ея побьетъ мать ея,

Выгнать изъ избы наружу.

Ея побьетъ отецъ ея,

Выгнать со двора наружу.

Ульнись чиязь юмамга,
Ульнись чиязь арама.
Чиизь зыри татарнынъ,
Сыри губан зёранинъ.
А сон годяўсь боярнынъ,
Годяўсь пары цёранинъ.
Каня год зон эрякшнынъ,
Каня год зон ащикшнынъ,
Цёра тяка чаттыкшнынъ.
Кодась шолкэнь гоцташка.
Кува яки, аварьде,
Кува яки, меляфтэ.
Ки неезе — аварьдизь?
Ки неезе — меляфтызь?
Полэнезы неезе,
Полэнезы рядизе.

Она была просватана, для того чтобы ей пропасть,
Она была просватана, для того чтобы ей погибнуть.
Ее просватали старому татарину,
Старому татарскому мужику.
А она угодила къ барину,
Угодила къ доброму человѣку.
Не знай годъ она жила,
Не знай годъ она пробыла,
Сына маленькаго она родила.
Соткала она свертокъ шелка.
Гдѣ ходить, плачетъ,
Гдѣ ходить, печалуется.
Кто увидѣлъ ее — плачущею?
Кто увидѣлъ ее — печалующеюся?
Муженекъ ее увидѣлъ,
Муженекъ ее примѣтилъ.

- Мекс аварьдят, Литюва,
 - Мекс, Литюва, меляфатат?
 - Титянь гудыт эль мельц лець?
 - Титянь гудыт эль преўс сась?
 - Паньтя печька калаця,
 - Сайтя шолкэнь гоцташка.
 - Кильдян бары ракшыинить,
 - Кильдян бары алашат.
 - Пачтян мон донь, Литюва,
 - Пачтян дитянь гудызыт.
 - Вийтян мон донь, Литюва,
 - Вийтян алянь гудызыт. —
 - Панць Литюва калацят,
 - Сайсь Литюва коцташка,
 - Сайзи цёра тяканса,
 - Сайзи цёра эйденса.
-

- Отчего ты плачешь, Литюва,
- Отчего, Литюва, ты печалуешься?
- Или отцовскій твой домъ вспомнился?
- Или отцовскій твой домъ пришелъ тебѣ на умъ?
- Испеки-ка печку калачей,
- Возьми-ка свертокъ шелку.
- Я запрягу хорошихъ коньковъ,
- Я запрягу хорошихъ лошадей.
- Я доставлю тебя, Литюва,
- Я доставлю тебя въ твой отцовскій домъ.
- Я привезу тебя, Литюва,
- Я привезу тебя въ твой родной домъ. —
- Испекла Литюва калачи,
- Взяла Литюва свертокъ,
- Взяла сына дитёнка,
- Взяла сына ребёнка.

Полэнезы кильць ракшат,
Полазы кильць алашат.
Весть вачкицьть, пакся ютасть,
Каўксть вачкицьть, кафты ютасть.
Колмоцеды вачкидизь,
Окольця пёс сынь пачкицьть.
Каравлиця атине
Чапкининзы саизе.
Конелька ланкс атясь прась,
Карксам видис сюкунясь.
— Иля, покщай, сюкуня,
— Мон ведь авуль бояран,
— Грешнэй зюдүфт Литюван.—
Пачкицьть сынь вели курыс,
Ванцызь: ащи велень брумкс.
Саизь цапкаст атятнё,

Муженекъ ея запрягъ коней,
Мужъ ея запрягъ лошадей.
Одинъ разъ ударили, проѣхали поле,
Два раза ударили, проѣхали два поля.
Третій разъ ударили,
Достигли они околицы.
Караульщикъ старичекъ
Снялъ свою шапочку.
На колѣнки упалъ старикъ,
Въ поясъ поклонился.
— Не кланяйся, дѣдушка,
— Я вѣдь не барыня,
— Я несчастная проклятая Литюва. —
Дошли они въ середину села,
Смотрять: стоитъ сельскій сходъ.
Сняли шапки старики,

Каркса́м видѣ́га сюку́нѣсть.
Пачки́цьть сы́нѣцѣст орта́ ланкс.
Арась карчы́ васты́ця,
Арась орта́нѣ банѣ́ця.
Лиссѣ́ карчы́нзы́ дуга́за,
Эси́ сода́ Литюва́нѣ.
— Косы́, дуга́й, шкинѣ́ афка́м?
— Косы́ тири́нѣ дя́тькинѣ́мъ? —
— Афка́м я́рцьѣ́ гуды́са,
— Тя́тька́м симѣ́й гуды́са. —
— Асы́ка, дуга́й, зѣ́ръгедѣ́тъ,
— Асы́ка, дуга́й, ё́фтака. —
— А́тька, афка́й, за́сь па́тька́м,
— Са́сь Литю́ва, тя́тяка́й. —
— Литю́вани́нѣ госты́ самс,
— Тесы́ ули́мс соня́нзы?

Въ́ поя́съ покло́нили́сь.
До́ѣхали́ они́ до ихъ́ воро́тъ.
Нѣ́тъ встрѣ́чающа́го,
Нѣ́тъ отпи́рающа́го воро́та.
Вы́шла ей́ навстрѣ́чу́ ея́ мла́дшая́ сестра́,
Не́ узнала́ Литю́вы.
— Гдѣ́, сестри́ца, роди́мая́ моя́ ма́ть?
— Гдѣ́ корми́лецъ́ мой́ батю́шка? —
— Ма́ть моя́ въ́ харче́внѣ́,
— Оте́цъ́ мой въ́ каба́кѣ́. —
— Сту́пай-ка́, сестри́ца, позови́ ихъ́,
— Сту́пай-ка́, сестри́ца, скажи́-ка. —
— Иди́-ка, ма́тушка,́ при́шла́ ста́ршая́ сестри́ца,
— При́шла,́ батю́шка,́ Литю́ва. —
— Литю́вѣ́ отку́да́ при́дти,
— И́ бы́ть ей́́ здѣ́сь?

— Минь юамга максыникъ,
— Минь арамга максыникъ. —
Тятязы и аваза
Эсть са ярый гудыста;
Тятязы и авазы
Эсть са симий гудыста.
Кильдифтиньзи ракшатынйъ,
Поводезь алашатынйъ.
Вишкизимс сон гадызе
Панизь бецька калацяньть,
Столанкс кад'зе коцташкыньть.
Сась афказы кудуў циў,
Сась тятказы кудуў циў,
Кафты кедест вачкидизь,
Кемень зурыст пурдакшыньзь.

— Мы отдали ее на погибель,
— Мы отадили ее на погубленіе. —
Отець и мать ея
Не пришли изъ харчевни;
Отець и мать ея
Не пришли изъ кабака.
Велѣла она запречь коней,
Заложить лошадокъ.
На судной лавкѣ она оставила
Испеченное печиво калачей,
На столѣ она оставила свертокъ.
Пришла ея мать домой,
Пришелъ ея отецъ домой,
Всплеснули обѣими руками,
Сжали свои десять пальцевъ.

Ср. Обр. морд. слов. I, № LXIV («Литова»). Сходна также пѣсня № LIII (Виртява). Съ именемъ *Litova* сходная пѣсня у Раавонен, Proben, I, № III.

№ 47. Дова баба.

До - ва ба - ба сал - дат - ка

Дова баба салдатка,

Дованьть колмы цѣранза.

Покш цѣрәненьть а вечксэ,

Покш цѣрәненьть а кельксэ.

Пирининзы пезэзе,

И судьризе, вадьризе,

Кедь бенеды кундызе,

Раў береккес ветезе,

Раў береккес ветезе,

Чавы суднас каизе,

Чавы суднас каизе,

Равунь гувалт полдэзе.

— Прощай, брощай, эйдякай,

— Прощай, горьменецькемат. —

Вдова баба солдатка,

У вдовы три сына.

Старшаго сына она не любить,

Старшаго сына она терпѣть не можетъ.

Головку его она вымыла,

И вычесала, и охорошила,

За конецъ руки его схватила,

На бережокъ Волги привела его,

На бережокъ Волги привела его,

Въ пустое судно бросила его,

Въ пустое судно бросила его,

Вдоль по Волгѣ пустила его.

— Прощай, прощай, мой ребеночекъ,

— Прощай, ты мой кормилецъ. —

- Рад бу, афкай, брощалинь,
 - Береккедэньть васылан.
 - Кедьни веньцьтемс—а сатэ,
 - Вайгиль максумс—а маре,
 - Вайгиль максумс—а маре,
 - Сёрма кучумс—а моле,
 - Сёрма кучумс—а моле,
 - Ловнэйнезы а уле.
 - Прощай, брощай, авакай,
 - Прощай, горьменецькемат,
 - Лангсы палянъ галадумс,
 - Пильксы понксэнь зуриямс,
 - Пильксы понксэнь зуриямс,
 - Пильксы каринь левшыямс. —
-

- Радъ бы, матушка, простить,
- Я далекъ отъ бережка.
- Ручку протянуть—не достанетъ,
- Голосъ дать—не услышитъ,
- Голосъ дать—не услышитъ,
- Письмо послать—не дойдетъ,
- Письмо послать—не дойдетъ,
- Не будетъ читающаго.
- Прощай, прощай, матушка,
- Прощай, ты моя кормилица,
- До изношенія рубашки,
- До тѣхъ поръ, какъ разойдутся на ногахъ по ниткамъ штаны,
- До тѣхъ поръ, какъ на ногахъ разойдутся по ниткамъ штаны,
- До тѣхъ поръ, какъ измочаются на ногахъ лапти. —

№ 48.

Исинь заи-фть одерь-вась,
 Улкынь максуфт тейтересь,
 Покай боцы рунгыза,
 Фата алы чамазы.
 Кучызи тевс поланза,
 Кармафтызи роботас.
 Макссь поланцтынь гоймене;
 Кармась ловонь гаяма.
 Лиссь полансы варчама:
 Коймес кельместь кеденза,
 Турвас кельместь нолгэза.
 Кафты пилькты кундызе,

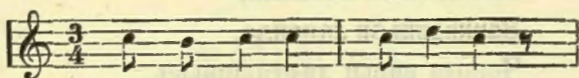
Вчера взятая молодушка,
 Намедни выданная дѣвушка,
 Стань ея подѣ вышитой рубашкой,
 Лицо ея подѣ фатой.
 Послала она мужа своего на дѣло,
 Заставила его работать.
 Дала мужу своему лопатку;
 Онъ началъ кидать снѣгъ.
 Она вышла посмотрѣть на мужа:
 Руки его примерзли къ лопатѣ,
 Сопли его примерзли къ губамъ.
 За обѣ ноги она его схватила,

Утум угулц эрьтезе.
Варчтась — полазы кула,
Утум алуў ёкстэзе.
Кода кудуў зувакшнысь,
Покш патязы кеўкстезе:
— Пенерьвени, тонь госа
— Мазый бары полэнет? —
— Ох, покш патяй, батюшай,
— Мон болэнемь цавине;
— Кода варчтынъ, зон гула,
— Утум алуў ёкстэне. —
— Тон месьть кармат тейнеме,
— Кода сыть покш начальникть?
— Велень атят пурнавить,
— Сыняст месьть тон отечат? —
— Авуль ровна полань гис

Объ амбарный уголь она его ударила.
Посмотрѣла — мужъ ея мертвый,
Подъ амбаръ она его всунула.
Когда она вошла въ избу,
Старшая золовка его спросила:
— Золовушка, гдѣ твой
— Красивый, добрый муженёкъ? —
— Охъ, старшая золовушка, сестрица,
— Я ударила своего муженька;
— Когда посмотрѣла, онъ мертвый,
— Подъ амбаръ я его всунула. —
— Что ты будешь дѣлать,
— Когда придутъ старшіе начальники?
— Когда соберутся общественные старики,
— Что ты имъ отвѣтишь? —
— Изъ-за неровнаго (лѣтами) супруга

- Начальникты а пелян!
— А тееть тень мезияк
— Вслень атят те ланкса! —

№ 49.

Па-вань дол-га мекш а - ва,

Сыр-нинь дол-га мекш а - ва!

Павань долга мекш ава,
Сырьнинь долга мекш ава!
Авась авуль ультьдяря,
Мекшкетъни як авульть ульть.
Авась думи лифтяма,
И мекшкетъни мельганса.

-
- Я не боюсь начальниковъ!
— Мяѣ ничего не сдѣлають
— Общественные старики за это! —

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № V (значительно отличающуюся) и LV.

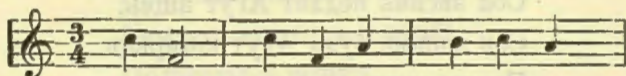
Съ павлиными перьями пчелиная матка,
Съ золотыми перьями пчелиная матка!
Еслибы не была матка,
Не было бы и пчелокъ.
Матка думаетъ полетѣть,
И пчелки за ней.

Козэй гозэй лоткакшнысь,
Козэй гозэй валгыкшнысь?
Пармыща ланкс лоткакшнысь,
Пармыща ланкс валгыкшнысь.
Сезэй даркась эзь ладя,
Сезэй даркась эзь ладя.
Кепеденьси лапанса,
Вачкидиньси лапанса.
Чопода вирьц лифтякшнысь,
Килийни ланкс валгыкшнысь.
Сезэй даркась эзь ладя,
Сезэй даркась эзь ладя.
Луга велькса лифтякшнысь,
Кальгуры ланкс валгыкшнысь.
Мелезенсы туикшнысь,
Седезы эжекшнесь.

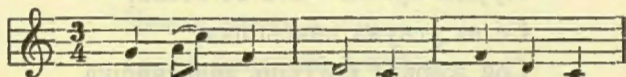
Гдѣ гдѣ она остановилась,
Гдѣ гдѣ она опустилась?
Она остановилась на крышкѣ улья,
Она опустилась на крышку улья.
Тамъ мѣсто не понравилось,
Тамъ мѣсто не понравилось.
Она подняла свои крылья,
Она ударила своими крыльями.
Въ темный лѣсъ она полетѣла,
На березку она опустилась.
Тамъ мѣсто не понравилось,
Тамъ мѣсто не понравилось.
Поверхъ луга она полетѣла,
Въ кустъ таловника она опустилась.
Онъ понравился ей,
Сердце ея согрѣлось.

Сонзы нардызь ройнеяс,
Сонзы полдэзь нешкенес.
Сон гармакшнысь нальксиме,
Пары сотат тееме,
Кармась медень бурнама.

№ 50. Агута¹⁾.

А - гу - та ду-мась а - щи - ме,

А - гу - та ду-мась го-стя-ма.

Агута думась ащиме,
Агута думась гостяма.
— Паньтять, авакай, гостенець,
— Тон дейть, авакай, гостенець,

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующихъ восемь слоговъ съ цезурой послѣ пя-
таго слога.

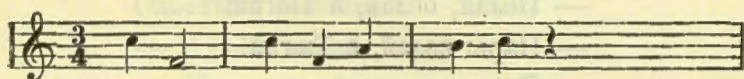
Ее сняли въ роевню,
Ее пустили въ улеекъ.
Она начала играть,
Хорошіе соты дѣлать,
Начала собирать медъ.

Агута вздумала идти сидѣть на посидѣнкахъ,
Агута вздумала пойти погостить.
— Испеки, матушка, гостинець,
— Ты справь, матушка, гостинець,

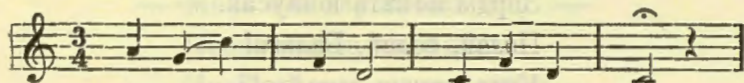
— Пары сюринь дон доўзерэнь,
— Вадря сюринь дон доўзерэнь. —
— Агут! коў молят ащиме,
— Агут! коў молят гостяма? —
— Кочотофкаў мон патьканинь,
— Кочотофкаў мон эзнанинь. —
Кода тусь Агут ащиме,
Кода тусь Агут гостяма,
Сон зисимь недлят Агут ащсь,
Сон зисимь була Агут кщирьць.
Паргы моцька—сон ве кщире,
Нурды мушка—сон ве кесак,—
Се як ускума пиксышка,
Сон жердя лангынь зиньдийшка.

— Изъ хорошаго хлѣба пшеничнаго,
— Изъ славнаго хлѣба пшеничнаго. —
— Агута! куда ты идешь сидѣть на посидѣнкахъ,
— Агута! куда ты идешь погостить? —
— Въ Кочетовку къ старшей сестрицѣ,
— Въ Кочетовку къ мужу сестры. —
Когда Агута ушла сидѣть на посидѣнкахъ,
Когда Агута ушла погостить,
Семь недѣль Агута сидѣла,
Семь пасмовъ Агута напярала,
Изъ кузова мочекъ она (напярала) одно веретено,
Изъ цѣлаго воза одну пятину, —
(Толщиной) та съ возовую веревку,
Съ нажимающую сверху жердь.

№ 51. Тюгай.

Греш-нэй ло-мань а Тю-гай!

Сю - дуфт ло - - мань а Тю - гай!

Грешнэй ломань а Тюгай!

Сюдует ломань а Тюгай!

Полэнезы а вечксэ,

Полэнезы а кельксэ,

Чешти ацамт а яцэ,

Сэрей брялксэ а путэ,

Лемби чуба а вельте,

Мещи ёжес а тарге,

Турва песы а палэ,

Ве думниси а думе,

Ве валнысы а кортэ.

— Полай, болай, Балага!

Несчастный человекъ Тюгай!

Проклятый человекъ Тюгай!

Женушка его не любитъ,

Женушка его терпѣть не можегъ.

Мягкую постель не стелеть,

Высокую подушечку не кладеть,

Теплой шубой не кроеть,

Къ груди не прижимаетъ,

Концами губъ не цѣлуеть,

Одною думой не думаетъ,

Однимъ словечкомъ не говоритъ.

— Женка, женка, Пелагея!

— Мекс тон монь а вечксамак? —

— Полай, болай, а Тюгай!

— Пары полай, а Тюгай!

— Сесты карман вечкемат,

— Зярды афкать юмаўсак. —

— Полай, болай, Балага!

— Кода афкань юмаўса!?

— Потень ашы лофцэнса,

— Таргинь тюжа оенса,

— Маштынь зедей виинса. —

— Буть' афкать аюмаўсак,

— А карман мон эряма. —

Вачкиць кафты кеденса,

Пурдась кемень зурынса.

Кильдизи алашанса,

Поводези ракшанса,

— Отчего ты меня не любишь? —

— Муженекъ, муженекъ, а Тюгай!

— Добрый муженекъ, а Тюгай!

— Тогда я начну тебя любить,

— Когда ты погубишь свою мать. —

— Женка, женка, Пелагея!

— Какъ я погублю свою мать!?

— Я сосалъ ея бѣлое молоко,

— Я вытягивалъ ея желтое сало,

— Я истреблялъ ея сердечную силу. —

— Если ты не погубишь свою мать,

— Я не стану жить (съ тобой). —

Ударилъ онъ обѣими руками,

Сжалъ свои десять пальцевъ.

Заложилъ лошадь свою,

Запрягъ свою клячу,

Арафтызи крилиць пес,

Озафтызи афканса.

— Адика, афкай, вириў

— Пещи лёмзёр гочкама. —

— Мень мон вирьга якицян,

— Пещи лёмзёр гочкецян!

— Чуфтынь уфтамс вий арась,

— Пещень гочкамс сельмть арасьть. —

— Сайтян мон ги ланкс ялгакс,

— Сайтян мон гортэй ялгакс.

— Анык чуўс мон арафтан,

— Уфтянь чуўсы сезьнефтян. —

Чопода вирьц ускизе,

Афканзы вирьц кадызе.

Кода Тюгай сась гудуў,

Перьгафтызи ракшанса.

Поставилъ ее ко крыльцу,

Посадила свою мать.

— Иди-ка, маменька, въ лѣсъ

— Собирать орѣхи и черемуху. —

— Какой я ходокъ по лѣсамъ,

— Собиратель орѣховъ и черемухи!

— Дерево нагнуть нѣтъ силы,

— Собирать орѣхи нѣтъ глазъ. —

— Я возьму тебя какъ подругу для дороги,

— Я возьму тебя какъ подругу собесѣдницу,

— Я поставлю тебя къ готовому дереву,

— Я тебѣ дамъ рвать на пригнутомъ деревѣ. —

Въ темный лѣсъ онъ привезъ ее,

Мать свою онъ оставилъ въ лѣсѣ.

Когда Тюгай пріѣхалъ домой,

Онъ отложилъ свою клячу.

Кудыс Тюгай зувакшнысь,
Кудыс эземс озакшнысь.
Поласть ярцамс пурнакшнысь,
Шутясь—басясь мартынса.
Тюгай кшиды а ярцэ,
Шуткасынзы а пейде.
— Мекс тон, Дюгай, а ярцат?
— Мекс нолдань бирят ащат? —
— Мезень монянь ярцама,
— Мезень монянь зимима.
— Маряты афкань вайгильць.
— Каяты афкань вайгильць. —
Тюгай ракшаньть кильдизе,
Кудуу афкань' ускизе,
Поводень лаўсьс канзе.
— Ушка, афкай, нурьцитян,

Въ избу вошелъ Тюгай,
Въ избу сѣлъ на скамейку.
Женка собрала ему кушать,
Шутила—болтала съ нимъ.
Тюгай хлѣба не ѣсть,
Ея шутками не смѣется.
— Почему ты, Тюгай, не кушаешь?
— Почему ты сидишь съ опущенною головой? —
— Какая мнѣ ѣда,
— Какое мнѣ питье?
— Слышится маменькинъ голосъ,
— Отдается маменькинъ голосъ. —
Тюгай заложилъ лошадь,
Домой привезъ свою мать.
Положилъ ее въ подвѣшенную зыбку.
— Погоди-ка, матушка, я покачаю тебя,

- Ушка, корьмай, моратан:
- Вейкенева трянь дякась,
- Сука поланть кулцынызь,
- Вириу афканс' ускизе,
- Вирь гунчкас юмафтызе. —

№ 52.

Иридиень, гиялць, иридиень,
А повнян, гиялць, мезияк.
Сисимь гудыс мон молекснэнь,
Зисимь зяркат мон зимикишнынь.
Иридиень, гиялць, иридиень,
А повнян, гиялць, мезияк.

-
- Погоди-ка, матушка, я убаюкаю тебя!
 - Единое выкормленное дитяtko,
 - Послушавъ суку жену,
 - Повезло въ лѣсъ свою мать,
 - Погубило ее посреди лѣса. —

Ср. Орк.

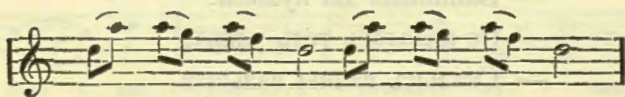
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.
По семи домамъ я ходила,
Семь чарокъ я выпила.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.

Чалаксум, гиялць, чапаськаць,
Моргы аксялуў ёкстэне.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Сувась тувусь, сон валызе,
Сувась пипись, сон лекезе.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Губан болась сон гудыса,
Ногай локпесь сон тулыса.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Сон ногой локпешь саизе,
Сон гутьмиризын гаизе.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.

Тёсто мое, сноха, скислоь,
Я сунула его подъ кухонную лавку.
Опьянёла я, сноха, опьянёла,
Не помню, сноха, ничего.
Вошла свинья, она его опрокинула,
Вошла собака, она его слакала.
Опьянёла я, сноха, опьянёла,
Не помню, сноха, ничего.
Мужъ татаринъ, онъ дома,
Татарскій кнутъ на гвоздѣ.
Опьянёла я, сноха, опьянёла,
Не помню, сноха, ничего.
Онъ схватилъ татарскій кнутъ,
Онъ наложилъ его на мою спину.
Опьянёла я, сноха, опьянёла,
Не помню, сноха, ничего.

Сон герясь керясь кутьмиримъ,
 Якстири верьнемъ гиякса.
 Иридинъ, гиялць, иридинъ,
 А повнян, гиялць, мезияк.
 Мон до мекеу ланкт веляфтынь,
 Сакал боканзы луфтыне.
 Иридинъ, гиялць, иридинъ,
 А повнян, гиялць, мезияк.

№ 53¹⁾.

У - ду - мам зась, ма - ди - мам зась,

— Удумам зась, мадимам зась,

— Титянь гудуу молемам зась.

— Кильтя, полай, дон алаша,

— Кильтя, полай, вадры ракша. —

1) Въ этой пѣснѣ восемь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго.

Онъ рѣзалъ, рѣзалъ мою спину,
 Красная кровушка моя по полу.
 Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
 Не помню, сноха, ничего.
 Я на отмашь обернулась,
 Края бороды его я выдрала.
 Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
 Не помню, сноха, ничего.

— Мнѣ захотѣлось спать, мнѣ захотѣлось лечь,
 — Мнѣ захотѣлось отправиться въ отцовскій домъ.
 — Заложу, муженѣкъ, лошадь,
 — Заложу, муженѣкъ, славнаго коня. —

Полазы кильць сон алаша,
Озафтызи сон боланса,
Чарафтызи, веляфтызе,
Крилиць пенес арафтызе.
— Валкта, полай, алашастынъть,
— Пачкидиникъ титянь гудуѣ. —
— Цѣра тяка мон цачтызан,
— Мон цачтызан ды кулызан:
— Се назолась тетъ улиза.
— Эльдесъ вашы вашыяза,
— Вашыязы ды кулыза:
— Се назолась тетъ улиза.
— Скалысь вазны вазыяза,
— Вазыязы ды кулыза:
— Се назолась тетъ улиза. —

Мужъ заложилъ лошадь,
Посадилъ онъ свою жену,
Покружилъ ее, обратилъ назадъ,
Поставилъ у крылечка.
— Слѣзь-ка, женушка, съ лошади,
— Мы прибыли въ отцовскій домъ.¹⁾ —
— Пусть я рожу сыночка,
— Пусть я рожу и помру:
— Пусть тотъ будетъ тебѣ назолой.
— Кобыла пусть ожеребится жеребенкомъ,
— Пусть ожеребится и помретъ:
— Пусть тотъ будетъ тебѣ назолой.
— Корова пусть отелится теленкомъ,
— Пусть отелится и помретъ:
— Пусть тотъ будетъ тебѣ назолой.²⁾ —

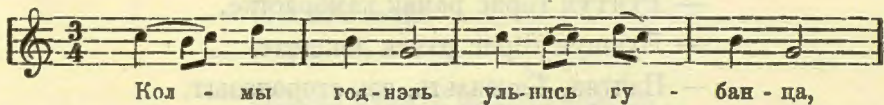
1) Слова обманувшаго жену мужа.

2) Слова оскорбленной жены, обращающейся къ мужу съ проклятіями.

Авась чачсь ды, а соньць кулысь:
 Се назолась мирьдиньтинь ульць.
 Эльдесь вашыясь ды соньць кулысь:
 Се назолась цёраньтинь ульць.
 Скалысь вазъясь ды соньць кулысь:
 Се назолась как тензы ульць.

Авась, конань лепьнетъ те морэсньтъ, лиссь мирьдининь ды
 куруксты сокоргаць.

№ 54¹⁾.

Колмы годнэть ульнисъ губанца,
 Колмы ийнить ульнисъ ногойса.
 Губан здадат сон до ванникшнысь,

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующихъ девять слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога.

Женщина родила, а сама померла:
 Та назола сбылась для мужа.
 Кобыла ожеребилась, а сама померла:
 Та назола сбылась для мужика.
 Корова отелилась, а сама померла:
 И та назола сбылась для него.

Женщина, которую поминають въ этой пѣснѣ, вышла замужъ
 и скоро ослѣпла.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № XXXV (съ знач. вариантами); у Raasonen, Proben,
 № L; Орк.

Три годочка былъ онъ въ татарской землѣ,
 Три лѣточка былъ онъ въ ногойской землѣ.
 Татарскія стада онъ караулилъ,

Ногай здада мельга якакшнысь.

Каладыкшнысь ланксы паляза,

Суриякшнысть пильксы понгкэнза,

Левшыякшнысть пильксы каринза.

Кува яки Паксяльть аварьде,

Кува яки Паксяльть меляфтэ.

Пары Саврас ломань гельни панчсь,

Ломань гель панчсь, кармась кортама:

— Адякаять, Паксяльть, базаруу,

— Рамакаять, Паксяльть, пары панцт,

— Рунтум горяс рамак камбрастке,

— Пукшум горяс рамак локшене.

— Пачтян, Баксяльть, эзь стороназыт,

— Вийтян, Баксяльть, эсь мастырызыт. —

Якась Паксяльть ве чинь базаруу,

Рамась Паксяльть панцтке камбрастке,

За ногайскими стадами онъ ходилъ.

Износилаь на немъ его рубашка,

По ниткамъ разошлись на ногахъ его штаны,

Измочалились на ногахъ его лапти.

Гдѣ ходить Паксяльть, плачетъ,

Гдѣ ходить Паксяльть, печалится.

Добрый Саврасъ открылъ человѣческій язычекъ,

Человѣческій языкъ открылъ, началъ говорить:

— Иди-ка, Паксяльть, на базаръ,

— Купи-ка, Паксяльть, хорошую узду.

— На станъ мой купи сѣдельшко,

— На бедро мое купи кнутикъ.

— Я доставлю тебя, Паксяльть, на твою сторону,

— Я привезу тебя, Паксяльть, на твою землю. —

Ходилъ Паксяльть на однодневный базаръ,

Купилъ Паксяльть уздечку и сѣдельшко.

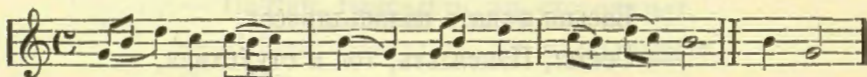
- Ища рамась пары локшене,
Савраськаньть пряс панцтниньть путызе,
Саврасыйниньть камбастыизе.
— Ушка, кеу́ксыян, Баксяльть, кивитьян:
— Мезд' анцамак эсь сторонасыт,
— Мезды симсамак эсь мастырнысыт? —
— Чукань вишта, пары Саврасый,
— Кельми ветьты, вадря Саврасый. —
— Пачкидят тон эсь стороназыт,
— Пачкидят тон эсь мастырызыт,
— Шкинъ афкат тонъ лиси карчизыт,
— Саинъ болат лиси мартынза;
— Васня афкат паланьдярясак,
— Сесты, Паксяльть, тон а стуўсамак,
— Саинъ болат паланьдярясак,
— Сесты, Паксяльть, тон монъ стуўсамак,
-

Ещо купилъ хорошій кнутикъ,
На Савраску онъ надѣлъ уздечку,
Саврасочку онъ осѣдлалъ.

- Погоди-ка, спрошу тебя, Паксяльть, выпытаю у тебя:
— Чѣмъ ты накормишь меня на своей сторонѣ,
— Чѣмъ ты напоишь меня на своей земелькѣ? —
— Толченой полбой, добрый Саврасый,
— Холодной водой, славный Саврасый. —
— Доѣдешъ ты на свою сторону,
— Доѣдешъ ты на свою землю,
— Твоя родная матушка выйдетъ тебѣ на встрѣчу,
— Взятая жена твоя выйдетъ съ нею;
— Если ты сперва поцѣлуешь твою мать,
— Тогда, Паксяльть, ты не забудешъ обо мнѣ;
— Если ты поцѣлуешь взятую жену твою,
— То, Паксяльть, ты обо мнѣ забудешъ,

— Сесты, Паксяльтъ, тон монъ гацамак. —
 Кода пачкиць Паксяльтъ орталанкс,
 Шкинъ афказы лиссъ карчизынса,
 Омбоцексэкс сайнь болаза.
 Эси пала Паксяльтъ афканса,
 Палызи сон зайнь боланса.
 Пары ракшансы сон стуфтыкшнызе,
 — Вадря ' лашансы сон кадыкшнызе.

№ 55. Мокша.

Орт роз-бой - некъть мок-шеньть гро-зя-сызь,
 Орт о - та - матт мок-шеньть гро - - - зя-сызь.

Орт розбойнекъть мокшеньть грозясызь,
 Орт отаматт мокшеньть грозясызь.

— То, Паксяльтъ, ты меня оставишь. —

Когда Паксяльтъ подѣхалъ къ воротамъ,
 Его родная мать вышла ему на встрѣчу,
 А второю — взятая жена его.

Не поцѣловалъ Паксяльтъ свою мать,
 Поцѣловалъ онъ взятую жену свою.

Славнаго коня своего онъ позабылъ,
 Славную лошадь свою онъ оставилъ.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № XLI.

Воры разбойники грозятъ мокшѣ,
 Воры атаманы грозятъ мокшѣ.

- А пелян мон ор розбойнекта,
- А пелян мон ор отаманда,
- Сисимь монь до урвакстынь зёран,
- Сисимь монь до сынъ зайнь урван,
- Сисимь монь до сынъ нуцька эйден,
- Сисимь монь до поводень лаўсин. —

Кода сакшыысть ор розбойнекьне,

Кода сакшыысть ор отаматнэ,

Орэнь нуртта кардазысь пешкець,

Сынцт ракшада латалксны пешкецьт,

Тулытьни пешкецьт сынцт ашкыда;

Кудысь пешкець ор розбойнекта.

— Панцькь, Мокша, а тон зундукьт,

— Нефтекь, Мокша, а тон барычит. —

— Мон а панчса тыньдянк сундукум,

— Мон а неўса тыньдянк парычимь:

— Не боюсь я воровъ разбойниковъ,

— Не боюсь я воровъ атамановъ.

— У меня семь женатыхъ сыновей,

— У меня семь взятыхъ снохъ,

— У меня семь внучать,

— У меня семь подвѣшенныхъ зыбокъ. —

Когда пришли воры разбойники,

Когда пришли воры атаманы,

Дворъ наполнился санями воровъ,

Навѣсы наполнились конями,

Гвозди заполнились хомутами,

Изба наполнилась ворами разбойниками.

— Отопри-ка, Мокша, ты свой сундукъ,

— Покажи, Мокша, ты свое добро. —

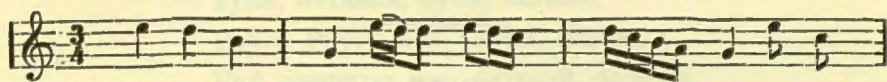
— Я не отопру вамъ моего сундука,

— Я не покажу вамъ своего добра:

— Вася цёрам арась кудыса,
— Вася цёрам вирьцы укштурца. —
Ванцызь: Вася сы вирь гиява,
Кемгафтува полаза кандэ.
Тусть розбойнекыне Васянь гарчинса.
— Ади нефьтекъ, Вася, парычинк. —
Вася кармась орэнь цаума,
Вася кармась орэнь баниме.
Верыг' аулдэ, орэнь брят лифтитъ,
Алг' аулдэ, орэнь билькытъ сесе.
Ортнэнь нурдыст кадуусть мокшеньтень,
Ракпаст ашкыст кадуусть мокшеньтень.

— Сына моего Василия нѣтъ дома,
— Сынъ мой Василій въ лѣсу, въ кленовникѣ. —
Смотрятъ: идетъ Василій по лѣсной дорогѣ,
Несетъ двѣнадцать полозьевъ.
Пошли разбойники на встрѣчу Василия.
— Иди, Василій, покажи ваше добро. —
Василій началъ бить воровъ,
Василій началъ гнать воровъ.
Вверхъ махнетъ, полетятъ головы воровъ,
Внизъ махнетъ, оторветъ у воровъ ноги.
Сани воровъ остались мокшѣ,
Кони и хомуты остались мокшѣ.

№ 56¹⁾.

А - ди - ды, ял - гат, пи - жи лу - га - ва,

Горь-ни поў яе - цянь, ял-гат, сезь-не ме.

Адиды, ялгат, пижи лугава
Горьнипоў зецянь, ялгат, сезьнеме.
Паряк, несэнець бурлак Сёмушань.
Пекь наряднасты яки Сёмуша:
Нили келесы кумаць паляса,
Пель геленесы сёрмань ожака.
Сёмуша мельга яки Дарюша,
Чалкся Сёмушань пильги следэна,
Куныци Сёмушань зон гедь бенедэ.
Котова таргазь Дарьянь баляза,

1) Въ этой пѣснѣ и слѣдующихъ десять слоговъ съ цезурой послѣ пятого слога.

Идите, подруги, по зеленому лугу
Рвать, подруги, цвѣты бубенчики.
Быть можетъ, мы увидимъ бурлака Семена.
Очень щеголевато ходитъ Семень:
Въ кумачевой рубашкѣ въ четыре полотнища,
Въ цвѣтныхъ рукавахъ въ полъ полотнища.
За Семеномъ ходитъ Дарюшка,
Наступаетъ на слѣды Семеновыхъ ногъ,
Ловить она Семена за конецъ рукъ.
Рубашка Дарьи въ шесть вышивокъ,

Кемгафтва таргазь Дарьянь руцяза,
Дарюшань бильксы котат якстирить.

№ 57.

Кол-мо - не - неск сынъ до па-тят са-зырт

Колмоненеск сынъ до патят сазырт,
Нилицись ульнись пижи дугинист,
Пижи дугинист а сынцт ялакскист.
Од афка видис дугаст кадуўкшнысь,
Од афка видис дугаст лиялись.
Од афкась чаўсэ, кудыстыньть паньцэ,
Тятъказы чаўсэ, кардайстыньть павьцэ.
Кува яки сон дугаст, аварьде,
Кува яки сон дугаст, меляфтэ.

Руця Дарьи въ двѣнадцать вышинокъ,
На ногахъ Дарьи красные коты.

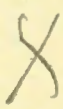
Ср. Орк. и у Reguly № 15d и № 3.

Ихъ три сестры,
Четвертый былъ ихъ маленькій братецъ,
Маленькій братецъ, ихъ братецъ.
На попеченіи мачехи остался братъ ихъ,
На попеченіи мачехи очутился братъ ихъ,
Мачеха побьетъ его, выгонитъ изъ дому,
Отецъ побьетъ его, выгонитъ со двора.
Гдѣ онъ ходитъ братъ ихъ, плачетъ,
Гдѣ онъ ходитъ братъ ихъ, печалуется.

Веженьць патьказы сонзы неезе,
Веженьць патьказы сонзы рядизе.
— Туян, батякай, дуян, авакай,
— Раўга Раўга мон, батяй, якама,
— Раў дикшиды мон, батькай, ярцама,
— Равунь ветьты мон, батькай, зимиме. —
— Зярды, ялакскимь, минь учытадызь,
— Зярды минь Пазынь гецты вештядызь? —
— Колмы годэнь до, патькай, доподезь,
— Колмы годнэнь до, патякай, ютазь. —
Колмы годнэнзы сонзы тополесть.
Учыть ялакскист патятъни, а сы;
Думасть патятъни дугаст вешнеме,
Думасть патятъни дугаст варчама.
Покш патясь теевсь раўжа аргумякс,
Омбоцексэсь сон ясный зоколнэкс,

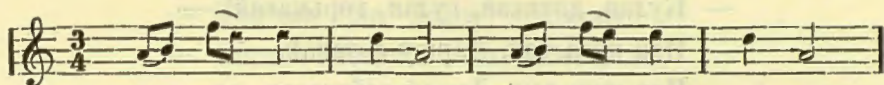
Его увидѣла младшая изъ старшихъ сестеръ,
Его увидѣла младшая изъ старшихъ сестеръ.
— Я уйду, сестрица, я уйду, матушка,
— По Волгѣ-Волгѣ, сестрица, ходить,
— Волжской травы, сестрица, кушать,
— Волжской воды, сестрица, пить. —
— Когда, братецъ мой, мы тебя дождемся,
— Когда мы выпросимъ тебя у Бога? —
— Когда три года, сестрица, исполнятся,
— По прошествіи трехъ годочковъ. —
Три годочка его исполнились.
Ждутъ братца сестрички, не идетъ;
Задумали старшія сестры искать брата,
Задумали старшія сестры разыскать брата.
Старшая сестра сдѣлалась ворономъ,
Вторая яснымъ соколикомъ,

Колмоци патькась нишкинь зянавне.
Раўжы аргумня чопода вирьга,
Ясный зокол дусь менель ёжова,
Менель ёжова сон до пельэкшка,
Нишкинь зянавни ведень цудифтька,
Ведень цудифтька, крута берекка.
Нишкинь зянавни сонзы муизе,
Нишкинь зянавни сонзы варчызе.
Пивинь гула до сонзы кулыза,
Латкы чама до сонзы калмуза.
Веси сынъ бурнаўсть ялакскит кругом,
Раўжы аргумнясь пильги пезэнза,
Ясный зоколиньс валксъ пря пезэнза,
Нишкинь зянавнись сон грудины латкс.

Третья сестрица Божьей ласточкой.
Черный воронъ (пошелъ) по темному лѣсу;
Ясный соколъ пошелъ по небу,
По небу, по-за облаками,
Божья ласточка по водотекамъ,
По водотекамъ, по крутымъ берегамъ.
Божья ласточка нашла его,
Божья ласточка разыскала его.
Собачья смерть — его смерть,
Склонъ оврага его могила.
Всеѣ онѣ собрались вокругъ брата,
Черный воронъ у его ногъ,
Ясный соколикъ спустился у его головы,
Божья ласточка на его грудь.

№ 58. Дарюша.

Ку - лан, дя - тя-кай, гу - лан, горь - ма - кай!

- Кулан, дяткай, гулан, горьмакай! —
- Тон иля кула, Дарюў дочакай,
- Тон иля кула, Дарюў дейтеремь,
- Сисимь баксява монь видинь зюрын.
- Мельц туикс паксясь тондять улиза,
- Козэй зон пачи пары тикшине. —
- Вииў зярахманць, тяткай, цавинза,
- Вииў зярахманць, тяткай, саинса.
- Кулан, дяткай, гулан, горьмакай! —
- Тон иля кула, Дарюў дочакай,
- Тон иля кула, Дарюў дейтеремь.
- Паксява якить монь зисимь гуртын,
- Мельц туикс гуртысь тондять улиза. —

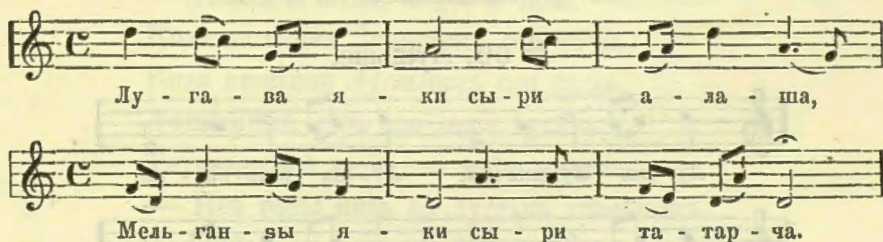
-
- Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
 - Ты не умирай, Дашенька, дочка,
 - Ты не умирай, Дашенька, дочь моя.
 - По семи полямъ мои засѣянные хлѣба.
 - Пришедшееся тебѣ по вкусу поле пусть будетъ тебѣ,
 - Гдѣ родилась хорошая травка. —
 - Сильный градъ, батюшка, пусть побьетъ ихъ,
 - Сильный градъ, батюшка, пусть возьметъ ихъ.
 - Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
 - Ты не умирай, Дашенька дочка,
 - Ты не умирай, Дашенька дочь моя.
 - По полямъ ходить у меня семь гуртовъ,
 - Пришедшійся по вкусу гуртъ пусть будетъ тебѣ. —

- Стака морэсь сынцт, тятъкай, цавинса,
 - Стака сталмусь сынцт, тятъкай, пурнанса.
 - Кулан, дятъкай, гулан, горьмакай! —
 - Иля кула тон, Дарюў дочакай,
 - Иля юма тон, Дарюў дейтеремь,
 - Монь зисимь бирин вачкань гопнада,
 - Мельц туикс пирись тоньдять улиза. —
 - Палы толэсь сынцт, тятъкай, бултанса,
 - Кирьви толэсь сынцт, тятъкай, зайнса.
 - Кулан, дятъкай, гулан, горьмакай! —
 - Иля кула тон, Дарюў дочакай,
 - Иля юма тон, Дарюў дейтеремь,
 - Сисимь утумун пешксетъ сюрыда,
 - Мельц туикс утумсь тонянь улиза. —
 - Благый бурьгинись, тятъкай, леденса,
 - Благый бурьгинись, тятъкай, зайнса.
-

- Тяжелый моръ, батюшка, пусть убьетъ ихъ,
- Тяжелый моръ, батюшка, пусть ихъ заберетъ.
- Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
- Ты не умирай, Дашенька дочка,
- Ты не погибай, Дашенька дочь моя.
- У меня семь гуменъ полны сложенныхъ коненъ,
- Пришедшееся по вкусу гумно пусть будетъ твоимъ. —
- Горящій огонь пусть ихъ, батюшка, сожжетъ,
- Жгущій огонь пусть ихъ, батюшка, возьметъ.
- Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
- Ты не умирай, Дашенька дочка,
- Ты не погибай, Дашенька дочь моя.
- Семь амбаровъ у меня полны хлѣба,
- Пришедшійся по вкусу амбаръ пусть будетъ твоимъ. —
- Сильный громъ, батюшка, пусть застрѣлитъ ихъ,
- Сильный громъ, батюшка, пусть возьметъ ихъ.

- Кулан, дяткай, гулан, горьмакай! —
— Тон иля кула, Дарюў дочакай,
— Тон иля юма, Дарюў дейтеремь,
— Сисимь зивидизь монь роботникин,
— Мельц туикс цёрась тонять улиза. —
— Пасиба, тяттй, баславамузыт,
— Пасиба, тяттй, бары валызыт. —

№ 59.

Лугава яки сыри алаша,
Мельганзы яки сыри татарча.

— Вай, иля яка татар монь мельга,

- Я умру, батюшка, я умру, кормилец! —
— Ты не умирай, Дашенька дочка,
— Ты не погибай, Дашенька дочь моя.
— У меня семь нанятых работниковъ,
— Пришедшийся тебѣ по вкусу парень пусть будетъ тебѣ. —
— Спасибо, батюшка, за твое благословеніе,
— Спасибо, батюшка, за твое доброе слово. —

Ср. Орк. (съ инымъ окончаніемъ), а также Обр. морд. нар. сл. I, № XXXIV, XLVI и LXVIII; Raasonen, Proben I, № XLVI.

По лугу ходить старая лошадь,
За ней ходить старый татаринъ.
— Ой! не ходи, татаринъ, за мной,

- Тон иля чалкси татар зледээн.
- Вай, иля куньцикь левшень нофтазын:
- Ярцамс сывильнимь монь амаштуве,
- А верьнемь зимимс тетя амаштуве.
- Комсь ветее год злужбасы служынъ,
- Комсь ветее год мон бушкат усксинъ:
- Пушка вайгильды пилин амарить;
- Комсь ветее год мон бушкат усксинъ:
- Пушка качамнис сельмен а нееть. —

№ 60. Лушыне.

Луша Лушыни, Луша вишкине,
Афканзы поцы Луша ёжеясь,

- Ты не наступай, татаринъ, по моимъ слѣдамъ.
- Ой! не хватайся за мой мочальный недоуздокъ:
- Ёсть мясо мое не годится,
- А кровь моя пить тебѣ не годится.
- Двадцать пять лѣтъ я въ службѣ служила,
- Двадцать пять лѣтъ я пушки возила:
- Отъ пушечныхъ звуковъ мои уши не слышать,
- Двадцать пять лѣтъ я пушки возила:
- Отъ пушечнаго дыма мои глаза не видять. —

Ср. Орк.

Луша, Лушечка, Луша маленькая,
Въ утробѣ матери Луша стала умной,

Корьманзы поцы кортамы кармась,

— Мон чачиньдьярян, зветц лисиньдьярян,

— Афканинь афкай а мон а мерян,

— Тятъканинь а мон тятъкай а пшкадян;

— Афканинь мерян мон зыри сукась,

— Тятъканинь мерян мон зыри пинись;

— Ведь грайга ютан, цуди ведь гостян,

— Лугава ютан, луга а касэ;

— Мон вирьга ютан, виринь цуфт костян,

— Паксява ютан, зюры а чаче. —

Кода вишкини Лушынись сон чачсь,

Кода вишкини Лушынись сон гассь,

Афканцтый мери сон зыри сукась,

Тятъканцтый мери сон зыри пинись.

— Ней госы минь до Лушань драсыиникъ,

— Ней госы минь до Лушань ванцыиникъ? —

Въ утробѣ кормилицы она начала говорить:

— Когда я рожусь, когда выйду на свѣтъ,

— Ни матушкѣ я не стану говорить матушка,

— Ни батюшкѣ я не стану говорить батюшка;

— Матери моей я скажу «старая сука»,

— Отцу моему я скажу «старый кобель».

— По берегу рѣки пройду, текучую воду изсушу,

— По лугу пройду, лугъ не будетъ расти;

— Я по лѣсу пройду, засушу лѣсныя деревья,

— По полю пройду, хлѣбъ не уродится. —

Когда маленькая Лушенька родилась,

Когда маленькая Лушенька подросла,

Своей матери она говоритъ «старая сука»,

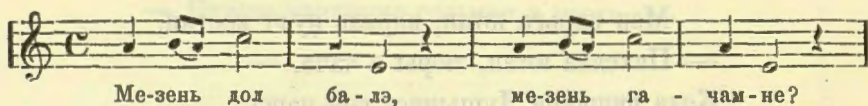
Своему отцу она говоритъ «старый кобель».

— Теперь гдѣ мы вскормимъ Лушу,

— Теперь гдѣ мы воспитаемъ Лушу? —

Вери таркасы, утум нупальцы,
Пуховой додоу Лушань алынза,
Нумулынь дулуп Лушань лангксынза,
Сиянь мукуръни Лушань билъгала.

№ 61.

Мезень дол балэ, мезень гачамне?
Павул Петрович инязыркс озэ,
Павул Петрович оцязыркс арэ.
Сон мере: бути инязыркс озан,
Сон мере: бути оцязыркс аран,
Ломань бирининь, мери, март маран,
Ломань ловажань, мери, сэтъть теян,

На высокомъ мѣстѣ, въ амбарной свѣтлицѣ,
Пуховая подушка подъ Лушей,
Заячій тулупъ на Лушѣ,
Серебряная колбашка у Луши подъ ногами.

Ср. Орк.

Что за огонь горить, что за дымокъ?
Павель Петровичъ садится царемъ,
Павель Петровичъ становится государемъ.
Онъ говоритъ: если я сяду царемъ,
Онъ говоритъ: если я стану государемъ,
Изъ человѣческихъ головушекъ я, говоритъ, настелю холмы,
Изъ человѣческихъ костей я, говоритъ, построю мосты,

Ломань верьнесты, мери, ветьть нолдан.
Кода аракшнысь Павул инязыркс,
Кода озакшнысь Павул оязыркс,
Ломань бирининь зон март маракшнысь,
Ломань ловажань зон зэтть тейнекшнысь,
Ломань верьненъ зон ведьнеть нолдакшнысь.

№ 62.

Саратуў бели мезень дол балэ?
Саратуў бельди мезень гачамне?
Паул Петрович инязыркс озэ,
Паул Петрович оязыркс арэ.
— ¹⁾ Иля, эйякай, иля, цёракай,
— Моньдянь эзь гирьдифть, лац эзь арафтуфт. —

1) А тятязы мере.

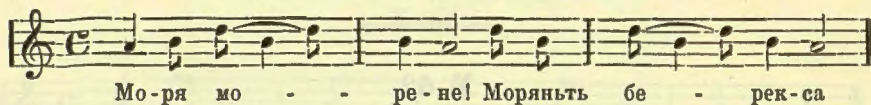
Изъ человѣческой кровушки я, говорить, пуцу рѣки.
Когда сталъ Павелъ царемъ,
Когда сталъ Павелъ государемъ,
Изъ человѣческихъ головъ онъ насыпалъ холмы,
Изъ человѣческихъ костей онъ построилъ мосты,
Изъ человѣческой кровушки онъ пустилъ рѣки.

Вариантъ.

На сторонѣ Саратова что за огонь горить?
Со стороны Саратова что за дымокъ?
Павелъ Петровичъ садится царемъ,
Павелъ Петровичъ становится государемъ.
— Не (садись,) дитятко, не (садись), сынокъ,
— Я не могъ удержать, привести въ порядокъ. —

- Кирьца, тятякай, гирыца, корьмакай.
 — Ломань верень мон гелей ветьть поддан,
 — Ломань ловажань дрокскаст сэттьть теян. —

№ 63.

Моря морене! Моряньть берегсы
 Суднат караблят, колмы полкт салдатт.
 Веси салдаттнэ чувашт ды татарг;
 Аньцяк ютксыст ве эрзянь залдатке,
 Аньцяк ютксыст ве эрзянь некрутке.
 Сынь веси симить, сынь веси ярцыть,
 Аньцяк а ярцы эрзянь залдаткись,
 Аньцяк а сими эрзянь некруткись.

- Я удержу, батюшка, я удержу, кормилецъ.
 — Изъ человѣческой крови я пуцу широкія рѣки,
 — Изъ человѣческихъ костей я построю мосты черезъ нихъ. —

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № XXII и Raasonen, Proben I, № XLIII.

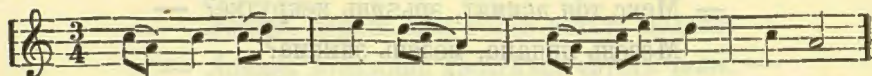
Море моречко! На берегу моря
 Судна и корабли и три полка солдатъ.
 Всѣ солдаты чуваша и татары;
 Только между ними одинъ эрзяцкій солдатикъ,
 Только между ними одинъ эрзяцкій рекрутикъ.
 Они всѣ пьютъ, они всѣ ѣдятъ,
 Только не ѣстъ эрзяцкій солдатикъ,
 Только не пьетъ эрзяцкій рекрутикъ.

- Мекс тон аярцат, эръзянь залдатке,
 - Мекс тон асимат, эръзянь некрутке? —
 - Мезень ярцама, мезень зимима?
 - Велес кадыни мон бутынъ гудум,
 - Курьмишс кадыни зроянь гардазум.
 - Пеликулыт до монъ дятян аван;
 - Ищо кадыни мон зайнь боланъ,
 - Кадыни поланъ голмы эйтъ марта.
 - Васинь эйденесь ракшанъ гундыйшка,
 - Омбоци эйдесь пенчень гирьдийшка,
 - А кольмоцексэс лаўсысы ащиця. —
-

- Отчего ты не їшь, эрзяцкій солдатикъ,
- Отчего ты не пьешь, эрзяцкій рекрутикъ? —
- Какая їда, какое питье?
- Въ селѣ я оставилъ поставленный свой домъ,
- Въ курмышѣ я оставилъ построенный свой дворъ.
- Полумертвы мои отецъ и мать;
- Еще я оставилъ свою взятую супругу,
- Я оставилъ свою супругу съ тремя дѣтьми. [лошадью,
- Первое дитя въ такомъ возрастѣ, что можетъ обращаться съ
- Второе дитя въ такомъ возрастѣ, что можетъ держать ложку,
- А третье дитя — сидящее въ зыбкѣ. —

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № II и XVI, у Reguly № 4; Орк.

№ 64. Кемельте.

Покш ку - дат я - кить Ке - мель - ти мель-га,

Покш кудат якить Кемельти мельга,
Шкаяндат прафтыть Кемельтень гиса.

- Илямак чыя, Карпа лялякай,
- Илямак яка, Карпа корьмакай.
- Кулы ормасы, лялькай, зередян,
- Юми ормасы, лялькай, марятан.
- Кулан, лялякай, гулан, горьмакай.
- Кулан, лялякай, Бетровонь цине.
- Илямак калма, лялькай, галмазырц,
- Калмамак, лялькай, Бетровскэй ги ланкс,
- Петровскэй ги ланкс, колмы ки улыс.
- Иля тейть, лялькай, бичинь гандыласт,
- Тейтя, лялякай, думунь зедеень,
- Карксамды алга модас путумак,

Сватыа ходять за Кемельтею,

Сватыа гонятыя изъ за Кемельти.

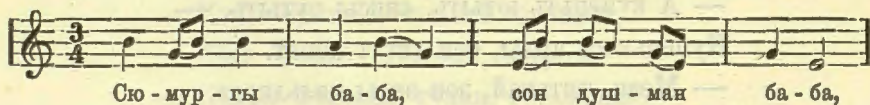
- Не сватай меня, Карпуха, старшій братецъ,
- Не проходи меня, Карпуха, кормилецъ.
- Я больна, старшій братецъ, смертнымъ недугомъ,
- Я чувствую, старшій братецъ, погибельный недугъ.
- Я умру, старшій братецъ, я умру, кормилецъ.
- Я умру, старшій братецъ, на Петровъ день.
- Не хорони меня, старшій братецъ, на кладбищѣ,
- Похорони меня, старшій братецъ, на Петровской дорогѣ,
- На Петровской дорогѣ, на перекресткѣ трехъ дорогъ.
- Не дѣлай, старшій братецъ, сосноваго гроба,
- Сдѣлай, старшій братецъ, (гробъ) изъ сердцевины дуба,
- Положи меня въ землю ниже пояса,

- Карксамды верьга ушыс кадумак.
 - Иляка тон бутт, лялькай, думунь үрөст,
 - Тон бутта, лялькай, монянь бижинь үрөст.
 - Улизы, лялькай, зиясы вельтязь,
 - Васылды як сон, лялькай, цитьниза,
 - Маласты, ляляй, сон вандылдыза.
 - Ницийнить ютыть, сускумсы путыть,
 - А боярт ютыть, пижысы путыть (2 р.),
 - А купецть ютыть, сиясы путыть. —
 - Купецькесь арды, сон дятят цѣрат.
 - Мези, тяткай, зон зесы цильдирдэ,
 - Мези, тяткай, зон зесы вандылдэ?
 - Казна ули сон, тонянь улиза,
 - Тейтерь ули сон, монянь улиза. —
 - Кода пачкицьть сынъ Гемельтенъ видис,
 - Свеченекс палыть сонзы сельменза,
-

- Оставь меня наружу выше пояса.
- Не ставь мнѣ, старшій братецъ, дубоваго креста,
- Ты поставь мнѣ, старшій братецъ, мѣдный крестъ.
- Пусть онъ будетъ, старшій братецъ, покрытъ серебромъ,
- Пусть онъ и издалека, старшій братецъ, свѣтитя,
- Пусть вблизи, старшій братецъ, онъ блестить.
- Нищіе будутъ проходить, будутъ класть кусочками,
- А господа будутъ проходить, будутъ класть мѣдью (2 р.),
- А купцы будутъ проходить, будутъ класть серебромъ. —
- Купчикъ скачетъ, отецъ съ сыномъ.
- Что это, батюшка, тамъ сверкаетъ?
- Что это тамъ, батюшка, блестить?
- Если это кладъ, пусть будетъ тебѣ,
- Если это дѣвушка, пусть будетъ мнѣ. —
- Когда они доѣхали до Кемельти,
- Какъ свѣчечки горять ея глаза,

Пейдэзь Гемельтень ащи кургыза.
Алашастынза цёрась валгыкшнысь,
Кемельтень зёрась кетъты кундызе,
Поосказынзы сон озафтызе,
Сон гудуу гауу зонзы ускизе.

№ 65. Сюмургы баба.

Сюмургы баба, сон душман баба,
Сюмургы баба, сон ведун баба.
Мастыр цалгась сон бильгинзы алуу,
Менель царауьсь сон бирянзы вельксса.
Сисимь ийса до сонзы цёраза.
Думась Сюмургы урвакстуманза,

Ротъ Кемельти улыбається.

Парень слѣзъ съ лошади,

Кемельтю парень взялъ за руку,

Въ повозку свою посадилъ ее,

Домой ее привезъ.

Ср. пѣсню «Кемаль» (съ другою развязкой) въ Обр. морд. нар. сл. I, № III.

Старуха Сюмурга, она злодѣйка,

Старуха Сюмурга, она колдунья,

Весь свѣтъ она захватила подъ свою ногу,

Небо она вертѣла надъ своей головой.

У ней сынъ семи лѣтъ.

Задумала Сюмурга женить его,

Думась сонянза полань займе.
Якась Сюмурга, якась перьтпельга,
Эзь мук Сюмурга эстьянзы урьва.
— Ашка молян мон Пензань губерняу,
— Ашка якан мон Пензань уездоу. —
Пензань губернянь муикшнысь урьва,
Пензань уездань варчакшнысь урьва.
Кода муизи Сюмургы урьванть,
Кода тещезе Сюмургы чуфтыньть,
Сакшнысь Сюмургы кудань бурнама,
Кармась Сюмургы андань варшниме.
Мусь нилиньгемень Сюмургы куда,
Варчакшнысь сон до кемень зуваха.
Кудатьни ракшаст кильдизь боводезь,
Крилиць пес ветезь, ги пес арафтызь.
Сюмургы кода куданс' андыньсе,

Задумала взять ему жену.
Ходила Сюмурга, ходила по округѣ,
Не нашла Сюмурга себѣ снохи.
— Погоди-ка я пойду въ Пензенскую губернію,
— Постой-ка я схожу въ Пензенскій уѣздъ. —
Она нашла сноху родомъ изъ Пензенской губерніи,
Она разыскала сноху родомъ изъ Пензенскаго уѣзда.
Когда Сюмурга нашла сноху,
Когда Сюмурга намѣтила дерево,
Пришла Сюмурга собирать сватьевъ,
Начала Сюмурга разыскивать родственниковъ.
Нашла сорокъ поѣзжанъ Сюмурга,
Разыскала она десять свахъ.
Поѣзжане заложили, запрягли своихъ лошадей,
Привели ихъ къ крыльцу, поставили у дороги.
Старуха Сюмурга, когда накормила поѣзжанъ,

Киякс кунчкас тьяканзы арафтызе,
Кармась сон зонсы баславамунза.
— Баславатан тонь болань заиме.
— Лисиды, андан, ракшас озада,
— Васылы таркаў, гудан, зыргада!
— Моледы-як тынь Пенсань губерняў,
— Ардыды-як тынь Пенсань уездоў! —
Пенсань губерняў бачкиць Сюмурга.
Кулцынэ, лажам' вайгиль марятэ.
— Ащиды-як тынь, гудан ды андан,
— Ащиды-як тынь, гемень зувахан!
— Ащиды, валган мон окольця пряс,
— Кевькстан окольцянь гаравлий атя. —
Каравлий атяньть бабась муize,
Лажам' вайгильдыньть сонсы кевькстезе.
Окольцянь ваный атясь ёфтэзе:

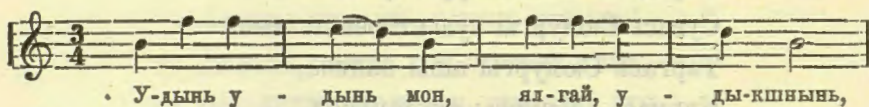
Поставила своего ребенка на середину пола,
Начала она его благословлять.
— Благословляю тебя взять супругу.
— Выходите, мои поѣзжане, садитесь на коней,
— Трогайтесь въ дальнее мѣсто, мои сватья!
— Ёзжайте-ка вы въ Пензенскую губернію,
— Скачите-ка вы въ Пензенскій уѣзд!
Въ Пензенскую губернію прибыла Сюмурга.
Слушаеть, слышится вопль.
— Постойте-ка вы, мои сватья и поѣзжане,
— Постойте-ка вы, мои десять свахъ!
— Постойте, я сойду у околицы,
— Я спрошу караулящаго околицу старика. —
Караулящаго старика старуха нашла,
Насчетъ вопля его она спросила.
Караулящій околицу старикъ рассказалъ:

— Те авуль дейтерь Наумунь гулысь,
— Чыянъ батязы Сюмургынь юмась. —
Сюмургы вачкиць кафты кеденса,
Сюмургы пурдась кемень зурынса.
— Мезень монь звадьба уцяскафтума,
— Мезень монь сѣра эйди пайстума! —
Лиссь сувахазы, карчынзы мере:
— Сюмургы баба, тон ведун баба,
— Сюмургы баба, тон душман баба. —
Авулдызе сон кафтуу народэньть,
Сувась Сюмургы кулы сэрэньть вакс.
Таргась Сюмургы ашы нацине,
Кармась Сюмургы авулямунса.
Пря пеу аулдась, прясы превьнеть макссь,
Пильгиу аулдась, пильги вийнить макссь,
Седеень гарча — седей вийни макссь,

— Это умерла не дочь Наума,
— Это погибла невѣста Сюмургина. —
Сюмурга всплеснула обѣими руками,
Сюмурга сжала свои десять пальцевъ.
— Какая у меня свадьба безъ счастья,
— Какой у меня сынъ-дитятко безъ доли! —
Вышла ея сваха, говорить ей на встрѣчу:
— Старуха Сюмурга, ты колдунья
— Старуха Сюмурга, ты злодѣйка. —
Махнула (Сюмурга), чтобы разступился народъ на двѣ стороны,
Вошла Сюмурга къ тѣлу покойницы.
Вытащила Сюмурга бѣлый платокъ,
Начала Сюмурга махать имъ.
Къ головѣ махнула, дала головной разумъ,
Къ ногамъ махнула, дала ножную силушку,
Напротивъ сердца (махнула) — дала сердечную силушку,

Кургыс палызе, ойми тензы пуць.
 Кода Сюмургы урваньть стяфтызе,
 Кода Сюмургы жывияфтызе,
 Сюмургынь билькс сон зюкунясь, мере:
 — Прости, суваха, мон бокордэть! —
 — Иляк покорда, авай, зувахать:
 — Кувак' удумса, авай, удыкшнынь. —

№ 66. Мороз атясь.

Удынь удынь мон, ялгай, удыкшнынь,
 Апары онны, ялгай, неекшнэнь.
 Мороз атясь сон, ялгай, ютакшнысь,
 Конелькава сон, ялгай, лоў бракшнысь.
 Вай, лехас кадуўсть миникъ мушкынык,

Въ уста ее поцѣловала, положила ей душу.
 Когда Сюмурга подняла сноху,
 Когда Сюмурга ее оживила,
 Она (мать дѣвушки) поклонилась Сюмургѣ въ ноги и сказала:
 — Прости, сваха, я тебя укорила! —
 — Не кори, матушка, свою сваху (говорить дѣвушка):
 — Я спала матушка глубокимъ сномъ. —

Я спала спала, подружка, я спала,
 Нехорошій сонъ, подружка, я видѣла.
 Старикъ морозъ, подружка, прошелъ,
 По колѣна, подружка, упалъ снѣгъ.
 Ой, въ лѣсѣ остались наши конопли,

Вай, паньдяс кадуўсть миникъ капстанык.
Ох, ялгакай, месьть минь тейнетяна?
Арась до кцирьдимс миникъ мушкынык,
Арась до кодамс миникъ коцтэвэк.
Месьть руцякс палякс минь месьть тейтяна?
Козэй мазый минь арфткиць чафтана?
— Иляка ризна, тон монь ялгакай,
Иляка меляфт, тон монь оякай:
Саньдярай мазый лемби тундынись,
Саньдярай мазый лемби порэнесь,
Пижи лугатьни сынъ бижилгадыть,
Мазый дьветкатыни светямы панцыть,
Келей лопатынинь руцякс стасыникъ,
Лугань дьветкатынинь арфтыкс чаўсыникъ.
Ох, ялгакай, тон мазый ялгинимь,
Нетъ я маштувить сынъ руцякс палякс,

Ой, на грядкѣ остались наши капусты.
Охъ, подруженька, что мы будемъ дѣлать?
Нѣтъ на пряжу у насъ конопли,
Нѣтъ на тканіе у насъ холста.
Что мы будемъ употреблять на руци и рубашки?
Куда мы набьемъ (накрасимъ) красивыя полоски?
— Не печалься, ты моя подружка,
Не кручинься, ты моя подруженька:
Когда придетъ красивая теплая вѣснущка,
Когда придетъ красивое теплое времячко,
Зеленые луга зазеленѣютъ
Красивые цвѣточки расцвѣтутъ,
Широкіе листочки мы сошьемъ на руци,
Луговые цвѣточки мы приложимъ на красивыя полоски.
Охъ, подружка, ты красивая моя подруженька,
Эти не годятся на руци и рубашки,

Нѣтъ а маштувить сынъ мазый арѣтыкс.
Пры кельменесь сон зыпцт пумпасыньзе,
Лиси чинись сон зыпцт костясыньзе.

№ 67. Арчилоу.

Юмась веленесь эръзянь Буразысь,
Вальмась веленесь Арчилоу велесь.
Ве пенесэнзы салдат полк аще,
Омбоци песэньть драгун болк аще,
Кунчкавицынзы Шахматуу боярць.
Веси тейтерьтеньень боярць пурныньзе,
Чавы горьнецяс боярць пекстэньзе.
Веси тейтерьтени вирьга орголесть,
Веси тейтерьтени зимовьяу дукшнысть.

Эти не годятся на красивыя полоски.
Спустившійся морозецъ сожжетъ ихъ,
Взошедшее солнышко высушитъ ихъ.

Пропала деревушка, Эрзяцкіе Бурасы,
Погибла деревушка, село Арчиловъ.
Въ одномъ концѣ ея стоитъ полкъ солдатъ,
Въ другомъ концѣ ея стоитъ полкъ драгунъ.
Посерединѣ ея баринъ Шахматовъ.
Всѣхъ дѣвушекъ баринъ собралъ,
Заперъ ихъ баринъ въ пустую горницу.
Всѣ дѣвушки разбѣжались по лѣсу,
Всѣ дѣвушки ушли по зимовьямъ.

Веси слугансы боярць кучыньсе,
Роботыникинсы сон гармафтыньсе:
— Веси тейтерьтень азиды вешнегкь,
— Веси тейтерьтень азиды ветенкь. —
Веси тейтерьтень злугатьни вешнезь,
Веси тейтерьтень злугатьни ветежь.
Чавы горьнецяс боярць пекстэньсе,
Весень гцирьдими сон гармафтыньсе,
Весень зуринист боярць варчниньсе,
Конань цувини, конань валая.
Эень цувини пары Натушань,
Эень валая бояравушань.
Веси тейтерьтень боярць нолдэньсе,
Веси тейтерьтень гудуу гучыньсе.
Аньцяк кадызи пары Натушань,
Аньцяк кадызи бояравушань.

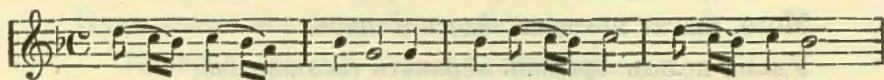
Всѣхъ слугъ своихъ баринъ послалъ,
Работниковъ своихъ баринъ заставилъ:
— Ступайте отыщите всѣхъ дѣвушекъ,
— Ступайте приведите всѣхъ дѣвушекъ. —
Всѣхъ дѣвушекъ слуги отыскали,
Всѣхъ дѣвушекъ слуги привели.
Въ пустую горницу баринъ ихъ заперъ,
Всѣхъ ихъ заставилъ онъ пряхъ.
У всѣхъ осмотрѣлъ баринъ ниточки,
У которой тонкія, у которой гладкія (ровныя).
Всѣхъ тоньше у доброй Наташи,
Всѣхъ ровнѣе у барышни.
Всѣхъ дѣвушекъ баринъ отпустилъ,
Всѣхъ дѣвушекъ баринъ послалъ домой.
Только оставилъ онъ добрую Наташу,
Только оставилъ онъ барышню.

Вальмады вальмас Натуш кайсиве,
Вальмады вальмас Натуш ёвряве.
Веси ялганцтынь Натуш наказэ,
Веси оянцтынь Натуш приказэ:
— Ёфтады, ялган, диринь дятъканинь,
— Ёфтад', оенен, тынь жгинь афканинь,
— Штобу сядысы тятъкам идимам,
— Штобу кафтысы афкам рамамам. —
Шахматуў боярць Натушнынь мере,
Шахматуў боярць Натушнынь гортэ:
— А сядысы тон десты рамават,
— А кафтысы тон десты идиват.
— Улят, Натуша, тон монь болэнемь,
— Улят, Натуша, гнезда ялгинимь. —

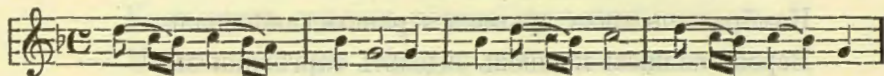
Отъ окна къ окну бросается Наташа,
Отъ окна къ окну кидается Наташа.
Всѣмъ подругамъ своимъ Наташа наказываетъ,
Всѣмъ сверстницамъ своимъ Наташа приказываетъ:
— Скажите, подруги, кормильцу батюшкѣ,
— Скажите, подруженьки, вы родной матушкѣ,
— Чтобы ста рублями отецъ мой меня выручить,
— Чтобы двумя стами мать моя меня выкупила! —
Шахматовъ баринъ говорить Наташѣ:
— Ни ста рублями тебя отсюда не выкупить,
— Ни двумя стами тебя отсюда не выручить.
— Ты будешь, Наташа, моей женушкой,
— Ты будешь, Наташа, подружкой моего гнѣзда. —

Начало этой пѣсни ср. съ началомъ напечатанной въ матеріалахъ Reguly
цѣсни: Mezdeŋ jomaš, mezdeŋ val'maš Odivaŋ bijoš?

№ 68. Эрзянь зёра¹⁾.

Вирь ни - ри-сы эрь-зянь зё - рась печкьть ке-ре,

Ви - ринь грайсы мок-шень эй - десь по - лень - це.

Вирь цирисы эрзянь зёрась пенкьть кере,
 Виринь грайсы мокшень эйдесь поленьце.
 Кува кери эрзянь зёрась, аварьде,
 Кува кери мокшень эйдесь, меляфтэ.
 Вереу варшась эрзянь зёрась—пель арась,
 Алуу варшась мокшень эйдесь—варм' арась.
 Мекс саньдийнить вармафтума каштырдыть,
 Пизимtimi тикшинитьни росавнить?
 Варштазиу́кшнысь эрзянь зёрась губануу,
 Варштазиу́кшнысь мокшень эйдесь ногаиу.
 Губан бельди кафты ласьтькить эли сыть,

1) Въ этой пѣснѣ одиннадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и восьмого слога.

На опушкѣ лѣса парень Эрзякъ рубить дрова,
 На краю лѣса ребенокъ Мокша рубить полѣнья.
 Рубя парень Эрзякъ плачетъ,
 Рубя ребенокъ Мокша печалится.
 Наверхъ посмотрѣлъ парень Эрзякъ — тучи нѣтъ,
 Внизъ посмотрѣлъ ребенокъ Мокша — вѣтра нѣтъ.
 Отчего тростнички безъ вѣтра шумять,
 Безъ дождя травки въ росѣ?
 Взглянулъ парень Эрзякъ на татарскую сторону,
 Взглянулъ ребенокъ Мокша на ногайскую сторону.
 Съ татарской стороны подъѣзжаютъ двое верховыхъ,

Ногай бельди кафты ласьтъкить эль ардыть.

Чие, тарка эръзянь зѣрась а сае,

Моле, шагат мокшень эйдесь а шаге.

Удалы пельдь' эръзянь зѣраньть сасакшнызь,

Карь булдыды мокшень эйденьть чалгакшнызь,

Камбразынь дрокс эръзянь зѣраньть каякшнызь,

Верекь кшнасы мокшень эйденьть таргакшнызь,

Губан мастырц эръзянь зѣраньть ускыкшнызь,

Ногай мастырц мокшень эйденьть пачтикшнызь.

Кода пачкицьть губан гудынь орталанкс,

Кода пачкицьть ногай гудынь орталанкс:

— Тон листяять, губан ава, листяять,

— Тон листяять, ногай ава, листяять.

— Ве кедьнесэт, губан ава, лифьть кшине,

— Омбоци тон гецэньть лифтять салдыркске.

— Ван' васькама, губан ава, тетъ ускинь,

Съ ногайской стороны подъѣзжаютъ двое верховыхъ.

Бѣжить, не забираетъ разстоянія парень Эрзякъ,

Идетъ, шаговъ ребенокъ Мокша не переступаетъ:

Сзади догнали парня Эрзяка,

Наступили на лапотный хвостъ ребенка Мокши,

Черезъ сѣдло парня Эрзяка перебросили,

Сыромятнымъ ремнемъ ребенка Мокшу притянули,

Въ татарскую землю привезли парня Эрзяка,

Въ ногайскую землю доставили ребенка Мокшу.

Когда подъѣхали къ воротамъ татарскаго дома,

Когда подъѣхали къ воротамъ ногайскаго дома:

— Ты выходи-ка, татарская жена, выходи-ка,

— Ты выходи-ка, ногайская жена, выходи-ка.

— Въ одной ручкѣ, татарская жена, вынеси хлѣбець,

— Въ другой рукѣ вынеси-ка солоночку.

— Вотъ, татарская жена, я привезъ тебѣ нѣгу,

- Ван' оймамни, ногай ава, тетъ. пачтинъ. —
 - Каня чини эръзянь зёрась эрякшнысь,
 - Каня кафты мокшень эйдесь ащикшнысь.
 - Керякая, эръзянь зёрась, пенгенеть. —
 - Миникъ пельдень зёрат пенгть ней а керьцеть. —
 - Уштыкаять, эръзянь зёрась, кудынимъ. —
 - Миникъ пельдень зёрат кудыт а ушнить. —
 - Теньдекаять, эръзянь зёрась, киякскимъ. —
 - Миникъ пельдень зёрат киякт а теньцнеть. —
 - Нурьцикаять, эръзянь зёрась, монъ эйдынемъ,
 - Ванькаять, мокшень зёрась, монъ эйдынемъ. —
 - Тютю-балю, губан эйде, ба-ля-ля!
 - Тютю-балю, ногай эйде, ба-ля-ля!
 - Пиря пельди, губан эйде, люкшатыян,
 - Прасы преўды, ногай эйде, мон маштан.
 - Пильги пельди, губан эйде, люкшатыян,
-

- Вотъ, ногойская жена, я привезъ тебѣ отдохновеньице. —
- Денекъ ли жилъ парень Эрзякъ,
- Два ли дня пробылъ ребенокъ Мокша.
- Наруби-ка, парень Эрзякъ, дровецъ. —
- Нашей стороны мужики теперь не рубягъ дровъ. —
- Вытопи-ка, парень Эрзякъ, мою избушку. —
- Нашей стороны мужики не топятъ избъ. —
- Вымети-ка, парень Эрзякъ, мой небольшой полъ. —
- Нашей стороны мужики не метутъ половъ. —
- Покачай-ка, парень Эрзякъ, моего ребѣнка,
- Покарауль-ка, парень Мокша, моего ребѣнка. —
- Баю! баю! татарскій ребенокъ, баю!
- Баю! баю! ногойскій ребенокъ, баю!
- Въ голову, татарскій ребенокъ, я тебя ударю,
- Ума въ головѣ, ногойскій ребенокъ, я тебя лишу.
- Въ ноги, татарскій ребенокъ, я тебя ударю,

- Пильги вийды, ногоай эйде, мон маштан. —
 — Мекс сюдысак, эрзянь сёрась, монь эйденемь,
 — Мекс азнысак, мокшень эйденесь, монь эйденемь?
 — Ёфтэкь монянь, эрзянь сёрась, тонь тятятъ!
 — Ёфтэкь монянь, эрзянь сёрась, тонь аваты! —
 — Монь дятинимь, губан ава, Дуброва,
 — Монь авинимь, ногоай ава, Дубурда. —
 — Азиды-як, эрзянь сёрантъ ускинка,
 — Азиды-як, мокшень эйденеть виинка.
 — Самай моньць-как истямынь тятянь авань. —

№ 69¹⁾.

Ох! а - зи - ка - ять, од - а - ля - кай, ба - за - руё.

Ох! азикаять, одалякай, базаруё,

Ох! рамакаять, одалякай, баяга,

- Ножной силы, ногоайскій ребенокъ, я тебя лишу. —
 — Отчего ты проклинаешь, парень Эрзякъ, моего ребеночка,
 — Отчего ты заклинаешь, ребеночекъ Мокша, моего ребеночка?
 — Скажи мнѣ, парень Эрзякъ, своего отца,
 — Скажи мнѣ, парень Эрзякъ, свою мать! —
 — Мой тятенька, татарская жена, Дуброва (имя),
 — Моя маменька, ногоайская жена, Дубурда (имя). —
 — Ступайте-ка, отвезите парня Эрзяка,
 — Ступайте-ка, доставьте ребенка Мокшу.
 — Я и сама такихъ же самыхъ отца и матери. —

Ср. Орк.; у Раазонен, Proben I, № II и XXXII.

Ср. колыбельную пѣсню, которую поетъ мальчикъ, съ напечатанною у Раазонен, Proben I, № XXI.

Охъ! ступай-ка, молодой мой деверь, на базарь,

Охъ! купи-ка, молодой мой деверь, колоколь,

Ох! понгафтыка, одалякай, велипес,
Ох! вачкидика, одалякай, баяганть,
Ох! мастырнысь-как, одалякай, зэрькстаза,
Ох! менельнесь-как, одалякай, гайкстаза,
Ох! пары падя, одалякай, деть теян,
Ох! ве пенесэньть, одалякай, ци сёрма,
Ох! омбоцесэньть, одалякай, гоў зёрма,
Ох! кунчкавицы, одалякай, эсь лемнемь,
Ох! чапам' лофцы, одалякай, чоўсеса,
Ох! ламбам' лофцы, одалякай, ёварца,
Ох! салмукски пряс, одалякай, понгаўса,
Ох! оими кошсэн, одалякай, гостяса.
Сон кулынъ гудыс сельми нардамс маштуве,
Сон сийий гудыс кургы нардамс маштуве.

Охъ! повѣсь-ка, молодой мой деверь, на конецъ села,
Охъ! ударь-ка, молодой мой деверь, этотъ колоколъ,
Охъ! пусть загудитъ, молодой мой деверь, даже земелька,
Охъ! пусть зазвенитъ, молодой мой деверь, даже небушко.
Охъ! хорошій платокъ, молодой мой деверь, я тебѣ справлю,
Охъ! на одномъ концѣ, молодой мой деверь, нарисованное солнце,
Охъ! на другомъ концѣ молодой мой деверь, нарисованная луна,
Охъ! по серединѣ, молодой мой деверь, мое имячко
Охъ! кислымъ молокомъ, молодой мой деверь, я потру его,
Охъ! прѣснымъ молокомъ, молодой мой деверь, я полосну его,
Охъ! на конецъ иглы, молодой мой деверь, я повѣшу его,
Охъ! дыханіемъ своимъ, молодой мой деверь, я высушу его.
Онъ пригодится вытирать слезы въ домѣ, гдѣ покойникъ,
Онъ пригодится вытирать ротъ въ домѣ, гдѣ пьютъ.

№ 70¹⁾.

Moderato.

Парыль, ба - рыль И - - ва - нынь Матрясь тей-те - ресь.
Се-де - як па - рыль И - - ва - нынь Матрясь тей-те - ресь.

Парыль барыль Иванынь Матрясь тейтересь.
Седеяк парыль Иванынь Матрясь тейтересь.
Чачумниды Иванынь Матрясь удалась,
Касумниды Иванынь Матрясь удалась.
Тюжа парьцийть Иванынь Матряньть черенза,
Ногай локшы Иванынь Матряньть пулыза,
Павань долга Иванынь Матряньть цёкоза,
Зоря-тещи Иванынь Матряньть чамазы,
Мазый гумбрат Иванынь Матряньть брованза,
Раўжы лёмзэрт Иванынь Матряньть сельменза,
Ашы килий Иванынь Матряньть сэреза.

1) Въ этой пѣснѣ двѣнадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и вось-
мого слога.

Хороша, хороша была дѣвица Иванова Матрёна.
Еще лучше была дѣвица Иванова Матрёна.
Рожденьемъ Иванова Матрёна удалась,
Возрастаньемъ Иванова Матрёна удалась.
Какъ желтый шелкъ волосы Матрёны Ивановой,
Какъ татарскій кнутъ коса Матрёны Ивановой,
Какъ павлиное перо кисть на косѣ Матрёны Ивановой,
Какъ звѣзда зоря (Венера) лицо Матрёны Ивановой,
Какъ красивыя бусы брови Матрёны Ивановой,
Какъ черныя черемушины глаза Матрёны Ивановой,
Какъ бѣлая береза ростъ Матрёны Ивановой.

Чисты чисты Иванынь Матрясь базарца,
Чи ютазь гак Иванынь Матрясь лафкаса.
Авуль арчинцы Иванынь Матрясь салчикшнысь,
Авуль кафтысы Иванынь Матрясь салчикшнысь,
Цела косяксы Иванынь Матрясь канликшнысь.
Раўжы сельми Иванынь Матрянть неезе,
Липан дорговой Иванынь Матрянть рядизе,
Бойка пильги Иванынь Матрянть сасызе,
Липан дорговой Иванынь Матрянть сасызе,
Кувака кедь Иванынь Матрянть кундызе,
Липан дорговой Иванынь Матрянть кундызе.
Кшнинь арчинцы Иванынь Матрянть чавизе,
Липан дорговой Иванынь Матрянть чавизе.

Каждый день Матрёна Иванова на базарѣ,
И черезъ день Матрёна Иванова въ лавкѣ.
Не аршинами крала Матрёна Иванова,
Не двумя крала Матрёна Иванова,
Цѣлыми косяками Матрёна Иванова унашивала.
Черноглазый увидѣлъ Матрёну Иванову,
Липать купецъ замѣтилъ Матрёну Иванову,
Быстроногій догналъ Матрёну Иванову,
Липать купецъ догналъ Матрёну Иванову,
Длиннорукій поймалъ Матрёну Иванову,
Липать купецъ поймалъ Матрёну Иванову.
Побилъ Матрёну Иванову желѣзнымъ аршиномъ,
Липать купецъ побилъ Матрёну Иванову.

№ 71¹⁾.

Го - ло - дяф-канъ а - тять - не,
А - шы кап-ста сынъ брять-не.

Голодяфканъ атятые — ашы капста сынъ брятые.
Чисты чисты велень брумкс, чи ютазь гак велень брумкс.
Ве думнисы думакшнысть, ве кортамсы кортьнекшнэсть,
Кинь бу салдатыкс максумс, некрутыкс кинь бровожамс.
Конанъ арась тятязя, велень брумкс якицяза?
Петранъ арась тятязя, велень брумкс якицяза,
Ве думнисы думийза, ве кортамсы кортэйза.
Петрась арась кудыса, Раў домбале плотънеце.
Сынъ улавни варчакшнысть, Петрай мельга кучыкшнысть.
— Адя, Петрай, залдатыкс, адя, Петрай, некрутыкс. —
Прась кецтэнзы узирись, прынзы Петрай нолдэзе.
Петраинъ гудуў ускизь, Арчилоў велеў бачтизь.

1) Въ этой пѣснѣ четырнадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго, седьмого и одиннадцатаго слога.

Голодяевскіе старики — головы какъ бѣлые кочаны капусты.
Каждый день сельскій сходъ, черезъ день сельскій сходъ.
Одной думушкой они думали, однимъ говоромъ говорили,
Кого бы отдать въ солдаты, кого бы проводить въ рекруты.
У кого нѣтъ отца, нѣтъ выходящаго на сельскій сходъ?
У Петра нѣтъ отца, нѣтъ застойщика (за него) на сельскомъ сходѣ,
Одною думушкой думающаго, однимъ говоромъ говорящаго.
Петра нѣтъ дома, онъ плотничаетъ за Волгой.
Они разыскали подводочку, послали за Петромъ.
— Иди, Петруха, въ солдаты, иди, Петруха, въ рекруты. —
Выпалъ изъ его рукъ топоръ, опустилъ Петруха голову.
Петруху привезли домой, доставили его въ село Арчиловъ.

Кува яки аварьде, кува яки меляфтэ.
Арась сонзы нееиза, арась сонзы пурныйза.

№ 72. Кантор¹⁾.

Пижи сатцыньть, мазый затцыньть
Од гантор зроеть.
Од ганторэньть колмы угулга
Колмы чуфт касыть.
Васивь цуфтысь, вейки чуфтысь
Апы килийне.
Омбоцксэсь, омбоцьксь чуфтысь
Сон зэней бойне.

1) Въ этой пѣснѣ пятнадцать слоговъ: десять относимъ къ одному стиху, съ цезурой послѣ пятого слога, а слѣдующіе пять къ другому стиху.

Гдѣ ни ходить, плачетъ, гдѣ ни ходить, печалится.
Нѣтъ у него смотрящаго на него, нѣтъ у него собирающаго его.

Въ зеленомъ саду, въ красивомъ саду
Строятъ новую контору.
По тремъ угламъ новой конторы
Растутъ три дерева.
Первое дерево, одно дерево
Бѣлая березка.
Второе, второе дерево
Она горькая осинушка.

Колмоцексэсь, колмоцьксь чуфтысь
Умарь цуфтыне.

Васинь цуўсынть, килийнисынть
Озяст цилидоть.

И цилидоть и валыдоть,
Эсь морэст морэть.

Омбоцесэньть, пойненъть ланкса
Кукут курурдыть.

И кукурдыть и цёкоўдэть,
Эсь нужаст ёфнеть.

Колмоцьксь умарь цуфтынть ала
Тейтерь аварьде.

Пижи садганть, мазый садганть
Одзёра яке.

— Мекс тон, дейтерь, мекс аварьдят?

— Мекс тон меляфат? —

Третье, третье дерево

Яблонное деревцо.

На первомъ деревѣ, березкѣ

Чирикають воробы.

И чирикають и словесяь,

Поють свою пѣсню.

На второмъ, на осинушкѣ

Кукушки кукують.

И кукують и поють,

О своихъ горяхъ рассказываютъ.

Подъ третьимъ, яблоннымъ деревомъ

Плачетъ дѣвушка.

По зеленому саду, красивому саду

Ходить молодой парень.

— Отчего ты, дѣвушка, отчего ты плачешь?

— Отчего ты печалишься? —

- Кода, цёра, а яварьдян!
 - Тятяи чииимимь.—
 - Иля аварьть, иля меляфт,
 - Тейтерь барычи.
 - Тонь циииньзить, тонь якиньзить,
 - Тейтерьни, моньдянь.
 - Дай-ка, тейтерь, мазый ялгам,
 - Дай-ка тон гедьнет.
 - Варчтак, тейтерь, мазый ялгам,
 - Варчтак лангтызын. —
 - Рад гедь максумс, кеден гетьксэт,
 - Цёра парычи.
 - Рад, одзёра, рад варчталинь,
 - Чамам ватаса. —
-

-
- Какъ, парень, миѣ не плакать!
 - Отецъ меня просваталъ. —
 - Не плачь, не печалься,
 - Честная дѣвица.
 - Тебя просваталъ онъ, тебя проходилъ онъ,
 - Дѣвушка, за меня.
 - Дай-ка, дѣвушка, красивая подруга моя,
 - Дай-ка ты твою ручку.
 - Посмотри, дѣвушка, красивая подруга моя,
 - Посмотри на меня. —
 - Я рада дать руку, мои руки въ браслетикахъ,
 - Честной парень.
 - Я рада, парень, рада бы взглянуть,
 - Лицо мое подъ фатой. —
-

№ 73. Акамка¹⁾.

Каргыщкацъ Акамканъ руцяза,
Челькеясъ Акамканъ баяза,
Очкы пенес лопафтынъсе,
Кедь гунчкасы чоусеньсе.
— Козэнь молян муськимаст?
— Козэнь молян муськимаст?
— Ашкаты молян Алатыр ведь ланкс,
— Ашкаты молян Алатыр ведь ланкс. —
Алатыр ведь ланкс Акамка молекшинъс,
Палининъзы Акамка муськизе.
Варштазиукинъсы Алатыр белеу.
Алатыр бельди кафты ластыкить элисыть.
Чии, тарка Акамка а сае,
Моли, шагаты а шаге.

1) Размѣръ въ записи не выдержанъ.

Загрязнилась Акамкина руця,
Запылилась Акамкина рубашка,
Намочила ихъ въ крайюшкѣ корыта,
Потерла ихъ на ладони.
— Куда я пойду ихъ полоскать?
— Куда я пойду ихъ полоскать?
— Ну-ка пойду на рѣку Алатырь,
— Ну-ка пойду на рѣку Алатырь. —
На рѣку Алатырь пошла Акамка,
Свои рубашонки Акамка вымыла.
Оглянулась было въ сторону Алатыря.
Со стороны Алатыря двое верховыхъ приближаются.
Бѣжить, мѣста Акамка не беретъ,
Идетъ, шаговъ не шагаетъ.

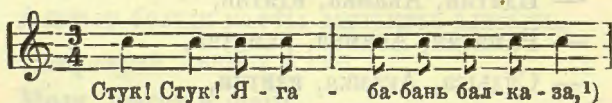
Удалы пельди Акамкань гундызь,
Алатыр велеу Акамкань ускызь,
Пси банясы Акамкань баризь,
Пси винады Акамкань зимьдизь,
Мельнеця алуу Акамкань алфтызь,
Мельнеця алуу Акамкань алфтызь.
Тусть Акамкань вешнеме,
Тусть Акамкань варчама
Чавы паксява, чопода вирьга,
Тиринь дятъказа ведевь гувалма.
Тиринь дятъказа Акамкань муизе,
Тиринь дятъказа Акамкань варчизе.
Муизи Акамкань тятъказы пси баняста.
— Идитян, Акамка, идитян,
— Раматан, Акамка, раматан,
— Сядыса, Акамка, идитян,

Сзади Акамку схватили,
Въ село Алатырь Акамку повезли,
Въ горячей банѣ Акамку вспарили,
Горячимъ виномъ Акамку напоили,
Подъ мельницу Акамку обѣщали,
Подъ мельницу Акамку обѣщали.
Пошли искать Акамку,
Пошли высматривать Акамку
По пустымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ,
А кормилецъ отецъ вдоль рѣки.
Кормилецъ отецъ нашелъ Акамку,
Кормилецъ отецъ высмотрѣлъ Акамку.
Нашелъ Акамку отецъ ея въ горячей банѣ.
— А выручу тебя, Акамка, выручу тебя,
— Я выкуплю тебя, Акамка, выкуплю тебя,
— Сотней рублей, Акамка, я тебя выручу,

— Кафтыса, Акамка, раматан. —
 — Илямак иди, тиринь дяткай,
 — Илямак рама, тиринь горьмакай.
 — Пси банясы парязян,
 — Пси винады симьдизян,
 — Мельнеця алуў алфазян. —
 Вачкиць тиринь дятказы кафты кеденса,
 Пурдась тиринь дятказы кемень зурнынза,
 Нолдэньси тиринь дятказы пси сельведенса,
 Маштынъси тиринь дятказы чачий гасый бревненза.

№ 74. Колыбельныя пѣсни.

а) Яга баба.

Стук! Стук! Яга-бабань балказа,
 Панды прясы Яга-бабань бросаза,

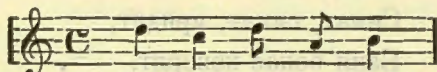
1) Въ трехъ послѣднихъ стихахъ первыя двѣ ноты замѣняются восьмыми.

— Двумя сотнями, Акамка, я тебя выкуплю. —
 — Не выручай меня, кормилецъ батюшка,
 — Не выкупай меня, кормилецъ.
 — Въ горячей банѣ я выпарена,
 — Горячимъ виномъ я напоена,
 — Подъ мельницу я обѣщана. —
 Ударилъ кормилецъ отецъ обѣ свои руки,
 Погнулъ кормилецъ отецъ свои десять пальцевъ,
 Пустилъ кормилецъ отецъ свои горячія слезы,
 Потерялъ кормилецъ отецъ свой родовой умокъ.

Стукъ! Стукъ! Палка Бабы-яги,
 На горѣ просо Бабы-яги,

Ажияшка Яга-бабань олгэза,
Сараз алчка Яга-бабань зёрназа.

б)

Сезь-ган! о - безь-ган! ¹⁾

Сезьган! обезьган!
Мекс пулыт кувака?
Секс пулум гувака:
Тятям зюруу,
Авам лоуцоу,
Ваня лялям ярмакуу,
Ярмакынзы гумапкат,
Тейтерензы курвашкат.

1) Въ слѣдующихъ стихахъ вторая нота замѣняется восьмыми; въ трехъ послѣднихъ восьмыми замѣняются первыя двѣ ноты.

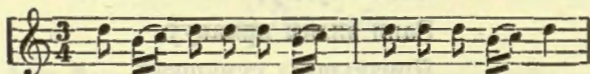
Съ оглоблю солома Бабы-яги,
Съ куриное яйцо зерно Бабы-яги.

Сорока-обезьяна!
Отчего твой хвостъ длинный?
Оттого мой хвостъ длинный:
Отецъ мой хлѣбный,
Мать моя молочная,
Старшій братъ Ваня денежный,
Деньги его бумажки,
Дочери его б. . . .

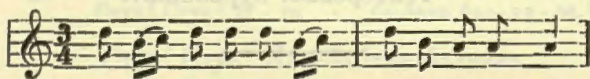
в)

Кудыкили цигатт,
Пириланксы карыцягатт,
Вирьцы пиват.
Симат, симат, придят,
Баня бокас кеверят.
Баня кефие алыт,
Баня теньцьткы прялыт,
Каянь бонкст лангъызыт.

г)

Па-ры па-ры Ку-пря - ни-зы у - ря - жум,

Се-ди па-ры Ку-пря - ни-зы у - ря - жум.

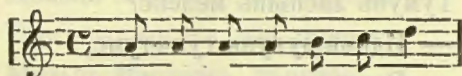
Пары пары Купрянизы, уряжум,
Седи пары Купрянизы, уряжум.

Въ сѣняхъ цыганы,
На загороди ястреба,
Въ лѣсу пива.
Пьешь, пьешь, опьянѣешь,
Къ банѣ подкатишься.
Подъ тобой банные камни,
Надъ твоей головой банные вѣяники,
На тебѣ сброшенные штаны.

Хороша, хороша Киприанова жена, невѣстка моя,
Еще лучше Киприанова жена, невѣстка моя.

Прякат пани Саратувунь галацят,
 Каша пиди; вармафтума понпафтэ.
 Боза каи, сисимь иинь даракатт.
 Кона сими, се пандалуѣ гевере,
 Асимицясь пси банинис кенере.

д)

А та - ра - кан да - ра - кан,

А таракан даракан,
 Соньць тараканчка.
 Пеки барабанчка.
 Тараканыньть ваткизь,
 Кедензы срафтызь.
 Дурак сезьган залызе,
 Превей зезьган нельгезе,
 Нанговой бонксэкс стызе.

Пирогы печеть какъ Саратовскіе калачи,
 Кашу варить, безъ вѣтра вѣть.
 Квасъ водить, семилѣтніе тараканы.
 Который пьетъ, тотъ падаетъ подъ гору,
 Не пьющій спѣшитъ въ теплую банечку.

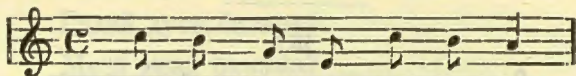
А тараканъ, тараканъ,
 Самъ съ тараканъ,
 Животъ съ барабанъ.
 Съ таракана сняли кожу,
 Кожу вывѣсили сушить.
 Глупая сорока стащила ее,
 Умная сорока отняла ее.
 Сшила изъ нея нанковые штаны.

Мольць умаринь залама,
Мольць, Ванинись кундызе,
Авиництынь ветезе.
— Илямак чафт, авакай,
— Молян вириў укштуруў. —
Вирьц' укштырцы местейнят?
— Тумунь ласт лазнан. —
Тумунь ласнынь мезекс?
— Идимь дувунь гуяфтумс,
— Ваня лялянь урьвакстумс.
— А Хроланинь брянть,
— Микитанинь зерькатынь,
— А Ванянинь бузыриньть. —
Пузыриньть рестэзе,
Умарь бириньть пекстэзе.

Пошла красть яблоки,
Попелъ, Ванюшка поймалъ ее,
Къ матушкѣ своей привелъ ее.
— Не бей меня, матушка,
— Я пойду въ лѣсъ, въ кленовникъ. —
Въ лѣсу, въ кленовникѣ что будешь дѣлать?
— Буду колоть дубовыя доски. —
На что дубовыя доски?
— Чтобы откармливать дикую свинью,
— Чтобы поженить старшаго брата Ваню.
— А Фролу голову,
— Никитѣ ноги ¹⁾,
— А Ванѣ пузырь. —
Пузырь онъ зажарилъ,
Кадушку съ яблоками онъ закрылъ.

1) серькат: часть ноги отъ колѣна до ступни.

е)

Ба-банть уль-нись тпру-га-за

Бабанть ульнись тпругаза ¹⁾,

Мольць мамама ¹⁾, вец ваясь.

Таргась таргась, эзь даргафт,

Мольць Васинись, таргизе,

Рогенеды кундызе,

Каль булынис ветезе,

Каль дараткис сюлмизе.

Тусь бабанцтынь ёфтама:

— Ади, бабай, ботяфтыкъ,

— Ади, бабай, нурьяфтыкъ,

— Лёленьть ¹⁾ пидикъ кашыникис,

— Ойненъ паникъ сюкурныкъ,

1) Изъ дѣтскаго жаргона.

У старухи была корова,

Пошла пить, въ водѣ утонула.

Вытаскивала, вытаскивала, не вытащить.

Пришелъ Васенька, вытащилъ ее,

За рога поймалъ ее,

Въ тальникъ повелъ ее,

Въ вѣточкѣ тальника привязалъ ее.

Пошелъ сказать своей бабушкѣ.

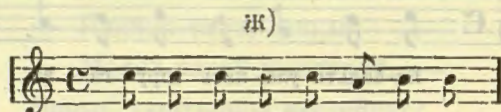
— Иди, бабушка, подои ее,

— Иди, бабушка, пососи ее,

— Молочко свари на кашечку,

— Маслице испеки на лепешечку,

— Васиньканинь гаша пенч,
— Васиньканинь зюкур белькс. —

Да-вай, яд-гай, ми-ря-та-на,
Давай, ядгай, мирятана,
Сёвонь бири пирятана.
Сезэй репст видитяна.
Молеть пакшат салама,
Беданть тееть алама.

з)

Одсёралинь, барылинь,
Латы данга кузьнилинь,
Чафка леўксать валцнилинь.
Чафка леўксеньть прызы покш,
Латы варяс кедемь бонгксъ.

— Васенькѣ ложку каши,
— Васенькѣ половину лепешки. —

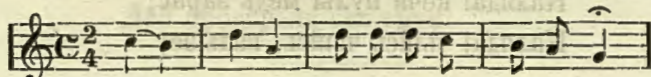
Давай, дружокъ, помиримся,
Глиняный огородъ загородимъ.
Тамъ рѣпу посѣмъ.
Пойдутъ ребята красть,
Сдѣлають немного бѣды.

Я былъ молодымъ парнемъ, я былъ пригожимъ,
По сараямъ я лазилъ,
Галочьихъ дѣтенышей я снималъ.
У галочьяго дѣтеныща голова большая,
Рука моя застряла въ дырѣ сарая.

Сейрень зейрень Радаининь.
 Радай арась кудыса,
 Радай дусь базаруу.
 Мези мези рамама?
 Ашы маций, бела гусь.
 Пецькалангынъ угулц куссь.
 Зяры зяры питьниза?
 Три деньги, ва деньги,
 Три копейки с денешкый.

№ 75. Колядат.

Веси калядамутънинъ морцекшнэсэзь ве вайгильца, и веси ка-
 лядыцятъни морэть ве вайгильца.

Ка - ля-да! ку-ды-ки-ли ка-ля-дан.

Я кричалъ кричалъ Радаю.
 Радая нѣтъ дома,
 Радай ушелъ на базаръ.
 Что и что покупать?
 Бѣлаго гуся, бѣлаго гуся.
 Онъ влѣзъ на уголъ печки.
 Сколько, сколько цѣна его?
 Три деньга, вотъ деньга,
 Три копейки съ денежкой.

Колядки.

Всѣ колядки поють на одинъ мотивъ, и всѣ колядующіе поють
 однимъ голосомъ.

а) Кудыкили эркене.

Каляда! кудыкили эркене;
Каляда! эркенесэньть уткине;
Каляда! пижынь дурба киргаза;
Каляда! ярмак пижынь лангыза;
Каляда! золотинный переза;
Каляда! уе, уе, чопафтэ;
Каляда! седи-як васуу лисе.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

б) Кечи пулы медь зарас.

Каляда! кечи пулы медь зарас;
Каляда! чыйсь чыйсь, валызе;

Въ сѣняхъ озерко.

Коляда! въ сѣняхъ озерко;
Коляда! въ озеркѣ уточка,
Коляда! шея ея мѣдная труба;
Коляда! спина ея мѣдная;
Коляда! золоченый ея клювъ;
Коляда! плыветь, плыветь, нырнеть;
Коляда! еще дальше она выйдетъ.

Дай скорѣе мою лепешку!

Курица съ хвостомъ, какъ медъ въ ковшѣ.

Коляда! курица съ хвостомъ, какъ медъ въ ковшѣ,
Коляда! бѣжала, бѣжала, пролила;

Каляда! мольць сеенесь, нолэзе;
Каляда! и нолэзе, палызе.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

в) Сэдъ бесы кудынык.

Каляда! сэдъ бесы кудынык;
Каляда! ульцяў ваньіть вальманьк;
Каляда! чеень гуда конянык;
Каляда! лентги луткынь ортаньк;
Каляда! олгы поцы пиваньк;
Каляда! сюва поцы браганьк;
Каляда! човарцы винанык.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

Коляда! пришла козочка лизнула;
Коляда! и лизнула, поцѣловала.

Дай скорѣ мою лепешку!

Въ концѣ моста нашъ домъ.

Коляда! въ концѣ моста нашъ домъ;
Коляда! на улицу смотрягъ наши окна.
Коляда! изъ чакану нашъ конѣкъ;
Коляда! изъ лычной коры наши ворота;
Коляда! въ соломѣ наше пиво;
Коляда! въ мякинѣ наша брага;
Коляда! въ ступѣ наше вино

Дай скорѣ мою лепешку!

г) Кудцы, кудцы Деменьтей.

Каляда! кудцы, кудцы Деменьтей;

Каляда! арась кудцы Деменьтей;

Каляда! куд' удалы карца;

Каляда! молян гудуў, ганца;

Каляда! ташты ямды анца;

Каляда! кельми ведьты симса!

А тапурум дупурум,

Дай броворьни сюкурум!

д) А уланыый уланыый.

Каляда! а уланыый уланыый;

Каляда! алашазы буланыый;

Каляда! кисказы грецкэй;

Въ домѣ, въ домѣ Дементій.

Коляда! въ домѣ, въ домѣ Дементій;

Коляда! нѣту въ домѣ Дементья;

Коляда! за домомъ въ хлѣвѣ;

Коляда! пойду домой, принесу;

Коляда! старыми щами накормлю;

Коляда! холодною водой напою!

— — —

Дай скорѣе мою лепешку!

А уланыый-уланыый.

Коляда! — — —

Коляда! лошадь его буланая;

Коляда! собака его греческая;

Каляда! псаказы немецкэй;
Каляда! атыкшызы галанцкый.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

е) Кудыкили калядан.

Каляда! кудыкили калядан;
Каляда! кудыс суван, пупурьдян;
Каляда! прякань баний гутмурдан;
Каляда! урай, урай, а урай;
Каляда! паньть, урай, брякине.
Каляда! бути панят прякине,
Каляда! чачт цёра тякине;
Каляда! ашы прини улиза;
Каляда! лаўця лангты чыйниза;

Коляда! кошка его нѣмецкая;
Коляда! пѣтухъ его голандскій.

— — —
Дай скорѣе мою лепешку.

Въ сѣняхъ колядую.

Коляда! въ сѣняхъ колядую;
Коляда! войду въ избу, спотыкнуусь;
Коляда! пекущую пироги обниму;
Коляда! невѣстка, невѣстка, а невѣстка;
Коляда! испеки, невѣстка, пирожокъ,
Коляда! если испечешь пирожокъ,
Коляда! роди сына дитятко;
Коляда! пусть будетъ бѣлоголовый;
Коляда! пусть бѣгаетъ по полкамъ;

Каляда! толга паркс праза.
Каляда! буть' а панят прякине,
Каляда! чачт тейтерь дякине;
Каляда! тазуу дузуу улиза;
Каляда! лаўця ланггы чыйниза;
Каляда! чапакс парьц праза.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

ж) Тингине.

Каляда! а тингине, тингине;
Каляда! тингинисыньть эрькене;
Каляда! эрькенесэньть калныть;
Каляда! калыньть ламы сардынса;
Каляда! сед-як ламы валынса.

Коляда! пусть упадетъ въ кузовъ съ птичьими перьями.
Коляда! если не испечешь пирожка,
Коляда! роди дочь дитятко;
Коляда! пусть будетъ шелудивая;
Коляда! пусть бѣгаетъ по полкамъ;
Коляда! пусть упадетъ въ квашню.

— — —
Дай скорѣ мою лепешку!

Небольшой токъ на гумнѣ.

Коляда! токъ небольшой, токъ небольшой;
Коляда! на небольшомъ току озерко;
Коляда! въ озеркѣ рыбки;
Коляда! много костей у рыбки;
Коляда! а еще больше у ней словъ.

А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

э) Томбалангксы каша чакш.

Каляда! томбалангксы каша чакш;

Каляда! каша чакшысь коса?

Каляда! псакась сэвезе!

Каляда! псакась коса?

Каляда! лисьмас ваясь!

Каляда! лисьмась коса?

Каляда! раўжы букась симизе.

Каляда! раўжы букась коса?

Каляда! чопода вирьца!

Каляда! вирись коса?

Каляда! пщи узирись керезе!

— — —
Дай скорѣ мою лепешку!

На шесткѣ горшокъ съ кашей.

Коляда! на шесткѣ горшокъ съ кашей.

Коляда! горшокъ съ кашей гдѣ?

Коляда! кошка его съѣла!

Коляда! кошка гдѣ?

Коляда! въ колодцѣ утопилась!

Коляда! колодець гдѣ?

Коляда! черный быкъ его выпилъ.

Коляда! черный быкъ гдѣ?

Коляда! въ темномъ лѣсу!

Коляда! лѣсъ гдѣ?

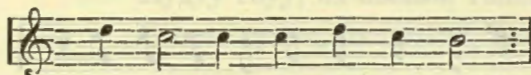
Коляда! острый топоръ срубилъ его!

Каляда! пщи узирись коса?
Каляда! кузьницькаса!
Каляда! кузьницькась коса?
Каляда! палы толэсь пултызе!
Каляда! палы толэсь коса?
Каляда! кельми ведьнесь мацьгизе!
Каляда! кельми ведьнесь коса?
Каляда! пандынісь брудизе!
Каляда! пандынісь коса?
Каляда! чеерьнесь пельнезе!
Каляда! чеерьнесь коса?
Каляда! псакинісь кундызе!
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

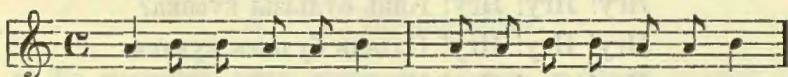
Коляда! острый топоръ гдѣ?
Коляда! въ кузницѣ!
Коляда! кузница гдѣ?
Коляда! горящій огонь сжегъ ее!
Коляда! горящій огонь гдѣ?
Коляда! холодная водица потушила его!
Коляда! холодная водица гдѣ?
Коляда! горка запрудила ее!
Коляда! горка гдѣ?
Коляда! мышка разрыла ее!
Коляда! мышка гдѣ?
Коляда! кошечка поймала ее!
— — —
Дай скорѣ мою лепешку!

№ 76. Роштоваюткынь морэт.

а)

Покш уль - ця-сыньть ка - ра - вод,

Нуж-ды нет, де - ла нет, го - во - ри - ка ка - ра - вод.

Покш ульцясыньть каравод, (2)

Нужды нет, дела нет, говорика, каравод.

Каравотцэньть ки цёрась? (2)

Нужды нет, дела нет, говорика, ки цёрась.

Цёрась парысь Гаврила. (2)

Нужды нет, дела нет, говорика, Гаврила.

Гавань берька раўжы каркс. (2)

Нужды нет, дела нет, говорика, раўжы каркс.

Карксынь годэйсь ки уле? (2)

Нужды нет, дела нет, говорика, ки уле.

Святочные пёсни.

На большой улицѣ хороводъ! (2)

Въ хороводѣ кто парень? (2)

Хорошій парень Гаврила. (2)

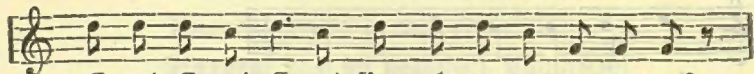
Вокругъ Гаврилы черный поясъ. (2)

Ткальщица пояса кто будетъ? (2)

Карксынь годэйсь Стяханька. (2)

Нужды нет, дела нет, говорика, Стяханька.

б)

Я - гу! Я - гу! Я - гу! Кинь бу - лы - зы ку - ва - ка?

Ягу! Ягу! Ягу! Кинь булызы кувака?

Ягу! Ягу! Ягу! Олдань булысь кувака.

Ягу! Ягу! Ягу! Кии пини чалгизе?

Ягу! Ягу! Ягу! Марьтимь бини чалгизе.

в) Одзёрада.

Ю - мась ю - мась, ох а - ва - кай, вё - ке - немь,

И - що ю - мась, ох а - ва - кай, бай - ги - нимь.

Юмась юмась, ох авакай, зёкенемь,

Ищо юмась, ох авакай, байгинимь.

Ткальщица пояса Стешенька. (2)

[Про дёвицу и парня, которые дружатся].

— — — У кого длинная коса?

— — — У Авдотьи длинная коса.

— — — Кто собака на нее наступил?

— — — Мартынъ собака на нее наступилъ.

Про парня.

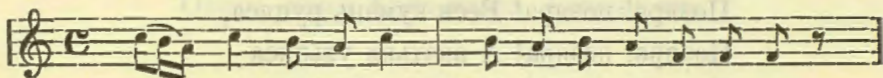
Пропала пропала, охъ матушка, моя кисточка,

Еще пропалъ, охъ матушка, мой колокольчикъ.

Ки муизи, велень зука, тонь зѣкот,
 Ки муизи, ведь галяга, тонь байгит?
 Пары Назар, ох авакай, муизе,
 Кудуу гауу, ох авакай, гандызе,
 Стенас тулыс, ох авакай, бутызе.

№ 77. Тундынь морэт.

а) Те морэньть эйса лецньеть весень: и цѣрат, и ават, тей-
 терьть, одзѣрат и лиятьнинь.

По-зя - ра! по-зя - ра! Сэ-рей би - чи ну - ва - ра

Позяра! позяра! Сэрей бичи нувара,
 Позяра! позяра! Пичиньть прясы сал барга,
 Позяра! позяра! Салмукст салмукст эйсенза,
 Позяра! позяра! Салмукс прява горьнипофт.

Кто нашель, сельская сука, твою кисть,
 Кто нашель, водяная кикимора, твой колоколь?
 Добрый Назаръ, охъ матушка, нашель его,
 Домой, охъ матушка, принеси его,
 На стѣну на гвоздь, охъ матушка, повѣсилъ его.

Весеннія пѣсни.

Въ этой пѣснѣ поминають всѣхъ: и мужчинъ, и женщинъ,
 дѣвушекъ, парней и прочихъ.

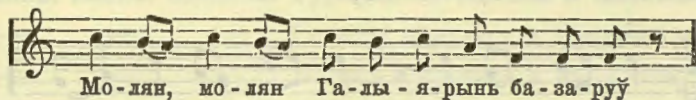
— — — Высокая сосна сухая,
 — — — На вершинѣ сосны кузовъ соли,
 — — — Въ ней иглы и иглы,
 — — — На концахъ иголъ бубенцы.

Позяра! позяра! Алуў валгить, чольдьерьдеть,
Позяра! позяра! Вереў гузить, кальдирьдить,
Позяра! позяра! Одзёратьнинь моравыть,
Позяра! позяра! Одейтерьтъненъ гищигить.
Позяра! позяра! Одзёратьни ульцяса
Позяра! позяра! Мижгороцкэй жляпаса,
Позяра! позяра! Одейтерьтъни ульцяса
Позяра! позяра! Палы зоря лентаса,
Позяра! позяра! Зоря тещи плащаса.
Позяра! позяра! Одерыватьни ульцяса,
Позяра! позяра! Веси кумаць руцяса,
Позяра! позяра! А аватьни ульцяса
Позяра! позяра! Веси покай руцяса,
Позяра! позяра! А цёратьни ульцяса
Позяра! позяра! Кумаць кавал паляса.
Позяра! позяра! Сыри бабат ульцяса

— — — Внизъ слѣзають, шумять,
— — — Вверхъ лѣзутъ, гремятъ.
— — — Поютъ про молодыхъ парней,
— — — Заставляютъ дѣвушекъ плясать.
— — — Парни на улицѣ
— — — Въ нижегородскихъ шляпахъ,
— — — Дѣвушки на улицѣ
— — — Въ лентахъ, какъ горящая заря,
— — — Въ пуговицахъ какъ утренняя звѣзда,
— — — Молодушки на улицѣ,
— — — Всѣ въ кумачевыхъ рубяхъ,
— — — А женщины на улицѣ
— — — Всѣ въ вышитыхъ рубяхъ,
— — — А мужчины на улицѣ
— — — Въ рубашкахъ съ кумачевыми подмышками.
— — — Старыя старухи на улицѣ

Позяра! позяра! Коты таргань баляса.
 Позяра! позяра! Сырь' атятъни ульцяса,
 Позяра! позяра! Вазынь гедень џубаса.

б)

Молян, молян Галыярынь базаруў,
 Раман, раман сивикс кирга яксярга,
 Ознан, ознан Хома марта Домнанъ гис.

в)

Вецы чары чарамузы ки уле, ки уле??
 Хома, Хома!!

— — — Въ рубашкахъ въ шесть вышивокъ.
 — — — Старые старики на улицъ,
 — — — Въ шубахъ изъ телячьихъ шкуръ.

[Пѣсня про молодыхъ].

Пойду пойду на базаръ въ Колояръ¹⁾,
 Куплю куплю (черную) утку съ (бѣлыми) колечками на шеѣ,
 Помолюсь помолюсь за Оому и Домну.

Ср. Орк.

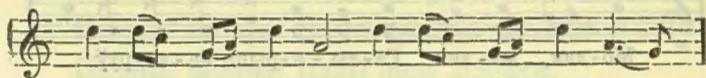
[Пѣсня про молодыхъ].

Въ водѣ кто ея мучащій мучитель??
 Оома, Оома!!

1) Колояръ — село Вольскаго уѣзда Саратов. губ.

Юр булыза до мельганзы ки уле, ки уле??
Домна, Домна!!

г)

Пи-зи - ми пи-зи, керь-ба ведь голь-ге

Пизими пизи, керьба ведь гольге,
А покш паксясыньть ладырман гилий.
Вери таратцыньть Кормилян жляпась,
Алы таратцыньть Маланьянь жались.
Кедь нармунь налькси пулынзы марта,
Кармила налькси Маланья марта.

За нимъ его къ корню приросшій хвостъ, кто это??
Домна, Домна!!

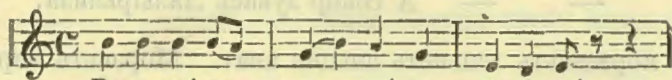
[Пѣсня про молодыхъ].

Идетъ дождь, — ¹⁾ вода капаетъ,
А на большомъ полѣ широкая береза.
На верхней вѣткѣ шляпа Корнила,
На нижней вѣткѣ шаль Маланьи.
Летучая мышь играетъ со своимъ хвостомъ,
Корниль играетъ съ Маланьей.

Ср. Орк.

1) Въ Оркинскомъ вариантѣ вмѣсто керьба—v'erba.

д) Вианама.

Ви-я-на! ви - я - на! ви - я-ка-ня!

Виана! виана! виаканя! Турбань ботомксэсь а Викилныза.

—	—	—	Сеецты кортэйсь а Фарайниза.
—	—	—	Лепень гурьцясь а Родяниза.
—	—	—	Чавус онгейсь а Карпаниза.
—	—	—	Кудынь гирьдийсь а Ондроннеза.
—	—	—	Дёгодь лагунць а Дёманиза.
—	—	—	Офтэнь гицифтийсь Эрёмниза.
—	—	—	Сёрмаў гулькинись Конканиза.
—	—	—	Лисьма паймись а Горьдяйниза.
—	—	—	Калады парись Варланныза.
—	—	—	Ряц який гечесь Обранныза.
—	—	—	Калады панарць Таразныза.
—	—	—	Уды тувинись Исрашканиза.
—	—	—	Апак муськть панарць а Логемнеза.

—	—	—	Трубная затычка Вуколова жена.
—	—	—	Часто говорящая Парамонова жена.
—	—	—	Елховое коромысло Родионова жена.
—	—	—	Въ пустую лающая Карпова жена.
—	—	—	Держащая домъ Андропова жена.
—	—	—	Лагунъ для дегтя Демьянова жена.
—	—	—	Заставляющая плясать медвѣдей Еремѣева жена.
—	—	—	Пестрая голубка Кононова жена.
—	—	—	Колодязный журавель Гордѣева жена.
—	—	—	Развалившаяся кадушка Варламова жена.
—	—	—	Ходяцій подъ рядъ ковшъ Абрамова жена.
—	—	—	Разорванная рубашка Тарасова жена.
—	—	—	Спящая свинка Елистратова жена.
—	—	—	Не мытая рубашка Логинова жена.

Вияна! вияна! вияканя! Мей згалынь бильгись Ёрманиза.

— — — А сокор зукась Лазырьниза.

А те морэсэнть лецьнетъ аныцяк ават. Морэньть морцесэзь
тейтерьть и пакшат латы ланкса.

е)

Лю - ли Ши-ма-ра! Стол-ба пря-сы ко-сэй зель-месь
Лю - ли Ли-ма-ра! А те Фа-рай а я - ля.

Люли Шимара, люли Лимара! Столба прясы косэй зельмесь а те
Кузьма а яля.

— — — Драньця кудря парьций дересь а
те Хрола а яля.

— — — Столба вакссы сеянь зельмесь а те
Хока а яля.

— — — Утум вакссы кляща пильгись а те
Тихан а яля.

— — — Куды бокань нузякс пинись а те
Онтон а яля.

— — — Съ коровьими ногами на отмашь Ермолаева жена.

— — — Слѣная сука Лазарева жена.

А въ этой пѣснѣ поминають только женщинѣ. Пѣсню поють
[въ началѣ марта] дѣвушки и ребятишки, на повѣтяхъ.

— — — На столбѣ съ косымъ глазомъ—это молодець Кузьма.

— — — Съ шелковыми кудрями, какъ тесъ—это молодець Фроль.

— — — Съ козымъ глазомъ у столба—это молодець Фока.

— — — Съ ногами въ видѣ клещей около амбара—это молодець
Тихонь.

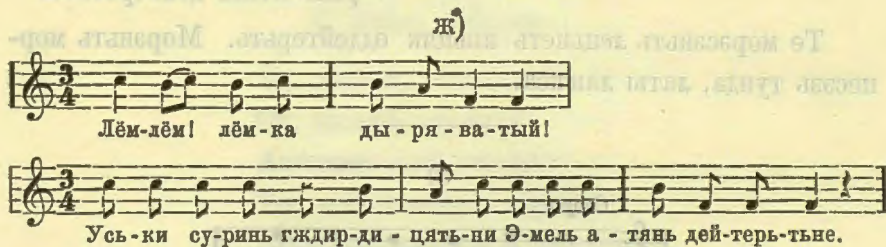
— — — Лѣнивая собака на заваленкѣ—это молодець Антонь.

Люли Шимара, люли Лимара! Ульця кунчкань гривой зельмесь а
те Паул а яля.

Тона бокасы трокс пильгись а те
Серьгей а яля.

Чуди ведень бесэк пекесь а те
Фарай а яля.

А те морэсэньть лецьнеть аныяк одзэрат. Морцесэзь дей-
терьть и пакшат латы ланкса.

Лём-лём! лёмка дыряватый! Уськи суринь гждирдицятни Эмель
атянь дейтерьтьне.

— — — — — Конёу гоцтэнь годэцятни Кирий
атянь дейтерьтьне.

— — — — — Кривой глазъ посреди улицы — это молодець Павелъ.

— — — — — Нога (протянутая) поперекъ на той сторонѣ—это моло-
децъ Сергѣй.

— — — — — Животъ, наполненный пескомъ изъ текущей воды—
это молодець Парамонъ.

А въ этой пѣснѣ поминають только парней. Пѣсню поють
дѣвушки и ребятишки на повѣтяхъ.

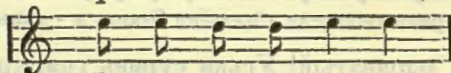
— — — — — Прядильщицы витоку, подобныхъ проволокуѣ—дочери
старика Емельяна.

— — — — — Ткальщицы полотна, подобнаго бумагѣ — дочери
старика Кириѣ.

Нузякскитъни цѣлакскитъни Тараз
 атянь дейтерътне.
 Цюлканъготанъ гантлицятъни Гостянь
 Лѣванъ дейтерътне.
 Сисимъ лентень гарь гантлийтъни
 Липанъ атянь дейтерътне.
 Поднез лентанъ гантлицятъни Назар
 атянь дейтерътне.
 Парьций гушакынь гантлийтъни Эх-
 ремъ атянь дейтерътне.

Те морэсэньть лепънетъ аныяк оддейтеръть. Морэньть мор-
 цесэзь тунда, латы ланкса.

3)
 Ожоро.

Вейки кесақыза,
Се-як кафты пулыза,
Кемгафтувы сазымиса.

№ 78. Лайшымат.

Ох, а - ва - кай горь-ма-кай!
Ох, а - ва - кай ди - ря-кай

а) Авань лайшыма.

Ох, авакай, горьмакай!
Ох, авакай, дирыкай!
Авинимь, лиси чинимь!
Тон монь пешкеди коўнемь,
Чокшнень валцкинь зоренемь,
Чокшнень зоря тещенемь,
Кочкарява палинимь,

Одна пятина у нея,
И та въ двѣ пасмы,
Въ двѣнадцать чисменниковъ¹⁾

Заплачка по матери.

Охъ, матушка, кормилица!
Охъ, матушка, воспитательница!
Матушка, мое восходящее солнышко!
Ты мой полный мѣсяцъ,
Ты моя вечерняя и утренняя зорюшка,
Вечерней зари звѣздочка,
До пятюкъ моя рубашечка,

1) Въ этой пѣснѣ осмѣиваются лѣнливую дѣвушку.

Сурбиява оженемъ,
Кавалала лембенемъ,
Турва песы ойменемъ.
Миниць трямсты ванумста
Эзеть мадьни тон, афкай!
Чэфти ацамуни ланкс
Эзекъ путъни тон бирят.
Сэрей чэфти тодоу ланкс
Эзеть сода вень удумне,
Эзеть сода чинь оймамне,
Пешкедемс эзеть ярца.
Ох, авинимъ диринимъ,
Тон цокшни мацтицянык,
Чэфти ацамунъ ацыцянык,
Таньтий зускумунъ деецясь,
Тон бальянь муськицянык,

До конца пальцевъ мой рукавчикъ,
Теплота моя подъ мышкой,
Съ конца губъ мое дыханье.
Кормя и воспитывая насъ,
Ты не ложила, матушка!
На мягкую постелюшку
Ты не клала своей головы.
На высокой мягкой подушкѣ
Ты не знала сна ночного,
Ты не знала отдыха дневного,
До сыта ты не ѣла.
Охъ, матушка кормилица,
Ты вечеромъ наша укладчица,
Мягкой постели слальщица,
Лакомаго куска пригготовительница,
Ты рубашекъ нашихъ стиральщица,

Тон рана стяфтыцянык,
Ламы горянь гадыцясь!

б) Тятянь лайшыма.

Ох, тятинимь горьменемь,
Ох, тятинимь диринимь!
Миникь трымсты ванумста
Тоньцеть нужачиньть марта
Эзеть сода ащимат,
Эзеть сода оймамут.
Тон, дятькай, кадымизь
Вальмад' вальмас якама,
Кши сускумунь бурнама.
О, тятинимь горьменемь,
А саиви миняникь

Ты наша будильщица рано,
Большое горе оставившая!

Заплачка по отцѣ.

Охъ, батюшка мой, кормилецъ мой,
Охъ, батюшка мой, воспитатель мой,
Кормя и воспитывая насъ,
Вмѣстѣ съ твоею бѣдностью,
Ты не зналъ себѣ бездѣйствія,
Ты не зналъ себѣ отдыха.
Ты, батюшка, оставилъ насъ
Ходить отъ окошка къ окошку,
Собирать куски хлѣба.
О, батюшка мой, кормилецъ мой,
Не можемъ мы взять

Аныкстанъ какъ прякинись.
А тон, дятѣй, гадымизъ
Ломанъ бряканъ заиме,
Ломанъ ортанъ банцума,
Покш мешеканъ гандума.
Охъ, тятинимъ диринимъ,
Ламы горянь гадыцясь,
Ламы нужанъ деецясь!

в) Цѣранъ лайшыма.

Охъ, эйдынемат, леуѣскемат,
Чарады чинимъ зѣренемъ,
Надиямы таркинимъ,
И сокецямъ, видицямъ,
И трицямъ, и ваныцямъ,

И приготовленнаго хлѣбца.
А ты, батюшка мой, оставилъ насъ
Братъ чужой хлѣбъ,
Отпирать чужія ворота,
Носить большіе мѣшки.
Охъ, батюшка мой, кормилецъ мой,
Большое горе оставившій,
Большое несчастіе причинившій!

Заплачка по сынѣ.

Охъ, ты мое дитятко, ты мой дитѣнышъ,
Вертящееся мое солнце, мой сыночекъ,
Мѣстечко мое надежды,
И пахарь мой, и сѣятель мой,
И кормитель, и воспитатель,

Сырчисты орчеям,
Кепи пильгинь гарьциям.
Ней гадымикъ, эйднемат,
Ломань зускумд' ярцама,
Мешек марты якама,
Лом' одежань гандума,
Марямака, эйдякай,
Кургы поцы вайгильга,
Кельбринисы валныва,
Авуль гуки кукурдэ,
Авуль зёкоу зёкордэ,
Грешнэй афкат кукувдэ,
Грешнэй афкат цёковдэ,
Конань гадыкъ юртумукс,
Конань гадыкъ грешнэйнекс.
Уцяскау кукут кукурдыть

Въ старости одѣвальщикъ,
Босыхъ ногъ обувальщикъ,
Теперь ты оставилъ меня, ты мой ребеночекъ,
Ѣсть чужой кусокъ,
Ходить съ мѣшкомъ,
Носить чужое платье.
Услышь-ка меня, мое дитятко,
По голосу изъ глубины рта,
По словамъ на кончикѣ языка.
Не кукушка кукуетъ,
Не соловей поётъ,
Твоя несчастная мать кукуетъ,
Твоя несчастная мать поётъ,
Которую ты оставилъ безъ корня,
Которую ты оставилъ несчастненькою.
Счастливыя кукушки кукують

Тундынь мазый боране,
Валцкинъ росас' чамаст штыть,
А грешнэй гукут кукурдыть
Пеливень, а порава,
Грешнэйнетьни кукурдыть,
Пси сельветцы чамаст штыть.
Ох, цёрэнемь, эйдынень,
Ламы горянь гадыщась,
Ламы нужань деецясь!

г) Тейтерень лайшыма.

Ох, тейтерьнемь, эйдынemat,
Сэредемсты варчыщам,
И кщирьдищам, годэщам,
Лангксы панарынь тон здыщам.

Въ хорошее весеннее времячко,
Въ утренней росѣ они моютъ свои лица,
А несчастныя кукушки кукуютъ
Въ полночь, не въ пору;
Несчастненькія кукуютъ,
Горючими слезами онѣ моютъ свои лица.
Охъ, сыночекъ мой, дитятко мое,
Оставившій много горя,
Причинившій много несчастія!

Заплачка по дочери.

Охъ, дочка моя, дитятко ты мое,
Въ болѣзни моя посѣтительница,
И прядильщица моя, ткальщица моя,
Ты сшивающая на меня рубашку.

Цѣра त्याкась эряве
Кулы сэрень галмицяке,
Сайнь урьвась эряве
Поминкас аныкстыцякс.
Тейтерь дякась эряве
Пря пенесы ащицякс,
Лажы вайгиль даргицякс,
Пси сельведень брафтыцякс.

д) Кулыцянь лайшима.

Бути ули те койне,
Бути ули те кирда:
Вери Пазнынь модемста,
Корьменецненъ модемста,

Сынъ дитя нуженъ
Для погребенія мертваго тѣла,
Взятая сноха нужна
Какъ приготовительница поминокъ.
Дочь дитя нужна
Для сидѣнія у головы,
Для вытягиванія вопящаго голоса,
Для проливанія горючихъ слезъ.

Заплачка по покойникъ (вообще).

Если есть этотъ обычай,
Если есть этотъ обычай:
Идя къ Верхнему Богу,
Идя къ Кормильцу,

Вейкенъ вейкенъ неема,
Эсь юткува кортама,
Паряк, несак шкинъ афканъ.
Сон васылды содаве:
А порава кулыця,
Ламы горянь гадыця.

е) Некрутынь лайшыма.

Ох, эйденемъ, ох, леўскемъ,
Ох, трицям, ох, ваныцям,
Эйдынемат, тонъ зайтядызь
Прянь бутумы таркинис.
Тонъ зайтядызь, эйдякай,
Инязырнынь злужама,
Стакасты роботама.

Видѣть другъ друга,
Разговаривать промежь себя,
Можетъ быть, увидишь родимую мою матушку.
Она узнается издалека:
Не во время умершая,
Много гора оставившая.

Заплачка по рекруту.

Охъ, дитятко мое, охъ, дитѣнышъ мой,
Охъ, кормилецъ, охъ пѣстунъ,
Ты мое дитятко, тебя возмуть
На мѣстечко, гдѣ кладуть головы.
Тебя возмуть, дитятко,
Служить царю,
Тяжело работать.

Инязырынть службанза
Роботазы стакине.
Инязырынть службанза
Ярцамнизы сожде.не.
Хунцы онкстазь бряказа,
Золотъниксы ведеза.
Туют, тон монь эйдынемат,
Кувака кинь молеме,
Келейнесты шагама,
Сеедънесты чалгама,
Стака ружьянь гандума.
Кармат, эйдынемь, бримама
Начальникинь цавумат.
И чокшни тон и валцки
Ялы ознэк, эйдякай,
Максызы тетъ Корьмаисъ

У службы царской
Работа тяжелая.
У службы царской
Пища плохая.
Его хлѣбъ вѣсится фунтами,
Его вода вѣсится золотниками.
Уйдешь ты мое, дитятко,
Идти длинный путь,
Широко шагать,
Часто ступать,
Нести тяжелое ружье.
Ты станешь, дитятко, принимать
Побой начальниковъ.
И вечеромъ и утромъ
Ты всегда молишь, дитятко,
Да дасть тебѣ Кормилецъ

Сождя служба, чаркидьма,
Чэфти мельни начальникъ.

ж) Беднэйцисы лайшима.

Ачачумась тень барыль,
Акасумась тень барыль.
Ламы горяс мон қачинь,
Ламы нужда мон неень.
Кафты кедьнен акундыть,
Кафты пильгин амолетъ.
Ки барщинаньть нолдэзе,
Стака сталмусь ланганса,
Пининь гулыс кулыза,
Тантарали туиза ¹⁾).

1) Мейлевъ валтнынь эйсы сюдыть се ломаниньть, кона тейсь барщина.

Легкую службу, пониманіе,
Съ мягкимъ нравомъ начальника.

Причитаніе въ бѣдности.

Не родиться было бы для меня хорошо,
Не вырасти было бы для меня хорошо.
На многое горе я родился,
Много нужды я видѣлъ.
Обѣ ручки не берутъ,
Обѣ ноги не ходять.
Кто устроилъ барщину,
Тяжелый моръ чтобы на него,
Да умереть онъ собачьей смертью,
Да провалится онъ въ тартарары ¹⁾).

1) Въ послѣднихъ словахъ проклинаятъ того человека, который устроилъ барщину.

Отдѣлъ VII. Разказы, письма и прочее.

А. Оркино.

Tata·m ul'ni·ś Iāmi·za Štāpa·n; ava·m ul'ni·ś Aga Iā·miza. Mi·ni·k ul'ni·śt tāta·n ā·jdīnga śi·śim, ka·fty cōrat, vāti tā·χtīft. Tā·χtīr'χnā ko·lmytnā kuly·śt vi·škiñista, a ka·fty tā·χtīr'χnā liśst mi·rdīniñ mi·ñciñik vālis. Vā·χkiñ Iā·miza Agra (pokš sa·zyr), Ma·ri·ś Ėe·dāniñ urva·ks liśc; o·mboceñt Iā·miza Luba, Ėedot Sajuškinnyñ toža urva·ks liśś. A miñ vi·ška braty·ñ ma·rta kadu·vi·nik. Ava·m kuly·ś tā·χti·r'χniñ mā·ksymady i·kilij. No mon urva·kstufan avañ pi·ngsta eščo. Koža·jka saji·ñ Šmifka·ñ Ėilā·ñ tā·χtīr, Iāmi·za Ma·trona. Koda miñ tāta·n ma·rta kadu·vi·nik, to braty·m řadym juta·myda mā·jlā kuly·ś. Braty·m Iā·miza ul'ni·ś Pa·vyl. Kuly·ś kāmga·uksuva go·ca. Son kuly·ś kyk ra·z še go·c-

Отцу моему было имя Степанъ; матери моей было имя Агаѳея. Насъ было у отца семеро дѣтей, два сына, пять дочерей. Три дочери померли въ маломъ возрастѣ, а двѣ дочери вышли за мужъ въ нашемъ селѣ. Одной имя Аграфена (старшая сестра), она вышла за Мартемьяна Ѳедорова; другой имя Любовь, тоже вышла за мужъ за Ѳедота Саюшкина. А мы остались вмѣстѣ съ малымъ братомъ. Мать моя умерла до выдачи за мужъ дочерей. Но я женился еще при жизни матушки. Въ жены я взялъ дочь Филиппа Спиридонова; по имени Матрѣну. Когда мы остались вмѣстѣ съ отцомъ, то братъ мой померъ, послѣ того какъ прошелъ мой призывной возрастъ. Брату моему было имя Павелъ. Онъ умеръ двѣнадцати лѣтъ. Онъ

tént, koda· moda·ńt jaŋšy·ž od dušč. Tata·m eščo iki·lā kuly·ś. Mi·ńik ulńis·vāχkā alaša·nyk, nińińgāmiń cē·lkovoj tajiś. Ramsi·ńik Zaχaro·ŋkasta, mińik ājsta ko·mś valģijbā. I tata·m še a·la·šańt pola·ftyžā, sajs ala·ša poχu·žy i sajs pńida·ča ve·jksa cē·lko·vyχt. Pola·ftyf a·lašaś ulńi·ś kaša·ndyca, tak šty miń kadu·vińik ja·lga. Še ala·šańt eščo vāšt tātam pola·ftyžā i sajs eščo pńida·ča (lask) ko·lma cē·lkovyχt i ala·ša sajs šedija·k beřāń. Loma·tt karma·št pā·jdińā i ko·rtēt: tarχa·n, tarχa·n, tarχa·n. Šteχpor karma·št meře·mā tānga·tarχa·n, a moń Tarχanyń Va·ška. Toγ·da·kak ama·štuvā ala·šaś robota·ms, miń sonza mi·jińik ėigan·nyń za tři rubla· i kadu·vińik alaša·ftyma. Ulńi·ś poše·veněk čačk So·kōrskij dĩačo·kēńte, i alašafy·ma miń ěe mogli·šury·ńt purna·mynza. Mo·leńek lomań alaša·sa pi·fcymanza ro·žeńt. Dĩa·čokēńt pńisa ulńi·ś ro·žeś i to·sy pi·fcyńik. Olgē·ńt tāta·m mi·ji·žā ko·klaćiń i jarma·kńiń saji·ńģā i zagula·lcy, vina·s šińiń·ģā. Rože·ńt dĩačokēńt u·tums taľika·nyk ka·jińik. Mon mo·leń

померъ какъ разъ въ тотъ годъ, когда раздѣлили землю на новыя души. Отецъ мой померъ еще раньше. У насъ была одна лошадь, она стояла сорокъ рублей. Мы купили ее въ Захаровкѣ, отъ насъ въ двадцати верстахъ. И отецъ ту лошадь промѣнялъ, взялъ лошадь похуже и взялъ въ придачу девять рублей. Смѣненная лошадь была съ норовомъ, такъ что мы остались пѣшими. Ту лошадь еще разъ батюшка смѣнилъ и взялъ еще въ придачу три рубля и лошадь онъ взялъ еще худшую. Люди стали смѣяться и говорятъ: тарханъ, тарханъ, тарханъ. Съ тѣхъ поръ стали называть его тарханомъ, а меня Василемъ Тархановымъ. Такъ какъ лошадь не могла работать, мы продали ее за три рубля цыгану и остались безъ лошади. У насъ былъ посѣвъ испольный съ Сокурскимъ дьячкомъ, и безъ лошади мы не могли убрать хлѣбъ. Мы отправились молотить на чужой лошади. Рожь была на гумнѣ дьячка, и тамъ мы молотили. Солому отецъ продалъ хохлу и взялъ деньги и загулялъ, пропилъ ихъ. Нашу долю ржи мы ссыпали въ амбаръ

meŕga·nza So·kórskyj ka·baks. Son tosa· sí·mā vīna·da. — «Ada·, meŕan, tāta·j kudu·u». A son meŕā: «aŕi ton moŕ tona·ftymyn ka·rŕit? Mon vėd' toŕ tāta·t», i karma·ś pozy·rama i ča·vīniŕ. I mīŕ tuji·ŕik kudu·u lomaŕi·ŕt ma·rta, a son kadu·us So·kóre ka·baks. Poto·m ombóce čy·ŕā so·n gak saś i vāši paryčynyk kaŕŕižā za·klac vīnaŕ ģi·s: pola·tka kané i sošŕi·kat, paŕi·ča, pā·li·ma, počt me·šek, kandyŕžā vāčkā pra·sylnyŕ, ko·naŕ lāmi·za ulŕi·ś Ča·lyjiŕ Što·pka. Nu mon raŕga·n i koža·jkam ra·ŕgā, a braty·m ulŕi·ś bestolko·voj. Son ŕe poŕima·l, šty souše·m mīŕ rozóŕa· vīŕik. Moŕ lomaŕt tona·ftymīž: «stupa·j ža·lyvujsi ŕa·d·ŕikŕiŕ, potomušta zakla·d saji·mś ŕe polaga·jetca vīna·ŕgis». Mon mole·ŕ ŕa·d·ŕikiŕti, kona· sluča·jna sa·kšnyś mī·ŕik vā·ŕis, i jo·ftēŕ ŕa·d·ŕikiŕti. Son meŕc: «ja rasleduju eta dēla». Šesk ŕa·d·ŕikiś mole i māžija·k vėšča·t zakladno·čt až mu·k. Poto·m mon mole·ŕ čo·tŕaŕ, obješŕi·l ataŕŕi·ŕiŕ. Ataŕŕā me·ŕcť moŕāŕ, što tāta·t nažy·vīžā pary·čyŕt, sonza· i voŕā·ś pary·čyŕt la·ŕksa, koč

дьячка. Я пошелъ за нимъ въ Сокурскій кабакъ. Онъ тамъ пьетъ вино. — «Ступай, говорю, батюшка, домой». А онъ говорить: «или ты началъ учить меня? Вѣдь я твой отецъ», и началъ меня позорить и побилъ меня. И мы отправились домой съ человѣкомъ, а онъ остался въ Сокурѣ въ кабакѣ. Потомъ на другой день пришелъ и онъ и понесъ всё имущество въ закладъ за вино: отнесъ палатку и сошники, палицу, косу, мѣшекъ муки, отнесъ это одному прасолу, которому было имя Стѣпка Чалый. Ну, я плачу и жена моя плачетъ, а братъ мой былъ безтолковый. Онъ не понималъ, что мы совсѣмъ разорились. Меня научили люди: «ступай жалуйся уряднику, потому что не полагается братъ закладъ за вино». Я пошелъ къ уряднику, который случайно прибылъ въ наше село, и рассказалъ уряднику. Онъ сказалъ: «я разслѣдую это дѣло». Тотчасъ же урядникъ пошелъ и ни одной заложенной вещи не нашелъ. Потомъ я ходилъ въ контору, объяснилъ старикамъ. Старики сказали мнѣ, что твой отецъ нажилъ имущество, его и воля

χοčet, toγ i tǎjsy. Moń me-reń: «ka-kzy, da-jtǎ mońǎ-n χoza-j-stvańt, a to tǎta-m ku-dyńt ka-k mi-sy i si-msy. Mon gadu-van kudyfty-ma», a syń mońǎń otveča-šť, šty ješli čora-t karma-tana χoza-jirks ara-fnińǎ, to atǎtni-niń nelǎ. ulǎ. ǎfa-ms. Mon me-ra-n: «vet šežděsa-t ruble-j kasa tǎta-n lanksa. Ki žy pancy.» A syń mērcť: «tońc kak pa-ncak, ton oda-t eščo». Mon tuji-n kudu-γ a-várdiz. Sy-n kudu-γ. Tǎta-m kudyńt ǎjsa, mi-kšńǎ Pa-litńiń i mi-jizǎ za trina-cat ruble-j. Jarma-kńiń mon karmi-n tǎta-n kecta vǎšymist. Son i-ričta, ama-ksǎ ǎ-jsyst. Mon karmi-n nǎ-lgi-mǎ. Soń de-šet ruble-j makssǎ, a trǐ rubla. sa-jis ǎštǎnza i tujis ma-ryst ka-bakou i širiniǎ vinas. Mon de-šet ruble-jeńt sa-jinǎ da eščo do-boven de-šet ruble-j i rańi-n kuda. za so-rok ruble-j: komś cėlko-voj maksyn zada-tka, a komś dolks, do-lžen ka-duvin. Tǎtam si-vic robo-tnekeks Šmirkińka-niń vǎdǎmiń cėlko-vyjdǎ i peleki-zna kady-ǎ tarka-nza. Sē-rec (urma-lgač). Poto-m sas mońǎń, i mo-n radu-viń, šty son sa-s. Mo-ža, mēfa-n, mǎzija-k

въ отношеніи къ имуществу, куда хочетъ, туда и дѣнетъ. Я ска-залъ: «Какъ же, дайте мнѣ хозяйствовать, а то батюшка и домъ продастъ и пропьетъ. Я останусь безъ дома», а они мнѣ отвѣтили, что если мы станемъ ставить сыновей хозяевами, то старикамъ нельзя будетъ жить. Я говорю: «вѣдь шестьдесятъ рублей кассы на батюшкѣ. Кто же заплатитъ»? А они сказали: «ты самъ и заплатишь, ты еще молодъ». Я пошелъ домой съ плачемъ. При-шелъ домой. Батюшка въ домѣ, продаетъ Иполиту и продаль за тринадцать рублей. Деньги я сталъ выпрашивать у отца. Онъ пьяный, не отдаетъ ихъ. Я началъ отнимать. Онъ десять рублей отдалъ, а три рубля взялъ себѣ и пошелъ съ ними въ кабакъ и пропилъ ихъ. Я взялъ тѣ десять рублей и еще добылъ десять рублей и купилъ домъ за сорокъ рублей: двадцать рублей я далъ задатку, а двадцать въ долгъ, остался долженъ. Батюшка нанялся въ работники къ Спиридоновымъ за двадцать пять рублей и въ серединѣ лѣта оставилъ мѣсто. Онъ захворалъ. Потомъ онъ пришелъ ко мнѣ, и я обрадовался тому, что онъ пришелъ. Мо-

podmo·ga ma·ksä. Nu i äraš god ka·fta pa·fētā. Poto·m mon še ku·dynt tāta·niñ mēra·n: «dava·j mīsy·nik». Son mēra: «kak xo·češ». Mon še ku·dynt miji·nā nīlīngā·mīñ cē·lkovojdā, kolyngā·mīñ kapksa cē·lkovoxt polučī·l jarma·k, ostaľny·i dva rubļa·kadu·xst La·pšan Ju·šan I·van laŋks, i son kuly·ś, āzi·ngā pant. A mon rañi·ñ ku·da vā·dgāmiñ vā·tā cē·lkovojdā Nīkano·rañ Ja·škañ čo·rañt ke·cta, Pro·gon u·lčasta, ko·sa i nej sa·maj āra·n. Tāta·m āra·ś moñ ma·rta karau·lščikiks Čikañ Šta·panyñ keca, a mon ulñi·ñ obje·ščik. Son tāta·ñ kuči·žā līja·uča·ska laŋks pul·fy·ñ karau·lama, i škirda·s podošo·l ala·ša. Tāta·m moľc kunda·munza, ala·šaś sonza pśtidi·žā pilks, i son kromō·jgač i karma·ś pilgi·za sēre·demā. Xota·avy·I pek pśti·dižā, no šteχ por χu·žy i χu·žy. Uskī·nik alaša·sa śi·vidiñ So·kōr bo·lñicas. Son to·sy karma·ś praši·t, štyby mā·kiū kudu·u sa·jivlīmiz. Šivi·diñik taga ala·ša i sa·jinik, uski·nik ku·duu. Čela go·d sēreč ku·ca. Koža·j-

жетъ быть, говорю, дать какую нибудь подмогу. Ну, и жилъ два года хорошо. Потомъ я про тотъ домъ говорю отцу: давай продадимъ его. Онъ говорить: «какъ хочешь». Я тотъ домъ продалъ за сорокъ рублей, тридцать восемь рублей получили деньгами, а остальные два рубля остались за Иваномъ Юрьевымъ Ланшинымъ, и онъ померъ, не заплатилъ ихъ. А я купилъ домъ за двадцать пять рублей у сына Якова Никанорова на Прогонной улицѣ, гдѣ и теперь также живу. Батюшка жилъ со мною вмѣстѣ у Степана Чики (Čika: прозваніе русскихъ) въ караульщикахъ, а я былъ объѣздчикомъ. Онъ послалъ отца на другой участокъ караулить снопы, и къ скирдѣ подошла лошадь. Батюшка пошелъ, чтобы взять ее; лошадь лягнула его въ ногу, и онъ охромѣлъ, и стала болѣть его нога. Хотя не очень сильно она его лягнула, но съ тѣхъ поръ хуже и хуже. Мы повезли его на нанятой лошади въ Сокурскую больницу. Онъ тамъ сталъ просить, чтобы мы его взяли назадъ домой. Мы опять наняли лошадь и взяли его, привезли домой. Цѣлый годъ онъ проболѣлъ дома. Жена моя хо-

kam jaka·ś mālga·nga. Son maja·taś pek, dažy·né mok vāni·liṭṭ
jaka·ma. Koža·jkam liṇi·žā keḍ' vā·ldā vāni·liṭṭ. A mon kuca·
ara·śiliṇ, mon āri·ṇ Ćikañ Šta·pa·nyṇ ke·ca, i son še vremañt
ājsta kuly·ś, i moñāñ āšt jo·fta, šty tāta·m guly·ś. Koža·jkam kal·
ma·fityā tāta·ṇ, pañc kalma·mga po·pōntā ṇi·ṭi cē·lko·vōḥt. I
spra·vil po·minka·t moñšteṇen, i zadolža·l tṛi rubla eščo, kona·ṇ
mon mā·jlā pa·ndyṇ. Mon ka·duviṇ še ta·rkañti i kuly·ś bra·tym.
Son vanē sta·da i to·sa karma·ś sére·deṇe, saś kuduḥ. Mo·n kucy
ara·śiliṇ. Son še ška·styñt kuly·ś i koža·jkam kalma·fityā. Te
vre·mañt sams eščo tā·tāñ pi·ṇksta čačc čora·m pe·rvoj Iva·n.
Kafty né·dlat ā·rās i kuly·ś. Poto·m čačc ombō·cā čo·ra lāmi·za
Ga·vra ulṇi·ś. Še to·ža śna·ryža ārā·śi i kuly·ś, kuly·ś ra·ṇgyz. Mā·j·
lā koty gott ju·tašt urvaksty·mada, mājlā čačc eščo čo·ra lāmi·za
Pe·ta. Poto·m eščo koty gott juta·št, čačc ta·gy čo·ra lāmi·za
Iva·n. Poto·m ko·lmy go·tt juta·št, čačc tāḥṭirṇā lāmi·za Sa·ṇa.
Poto·m eščo kolmy gott ju·tašt, čačc tagy čo·ra lāmi·za Mi·kita.

дила за нимъ. Онъ сильно мучился, даже не могъ ходить на дворъ. Жена выводила его за руку на дворъ. А меня не было дома, я жилъ у Степана Чики, и онъ въ то время померъ, и мнѣ не сказали, что батюшка померъ. Жена похоронила батюшку, заплатила попу за погребеніе четыре рубля. И справила поминки безъ меня и задолжала три рубля ещо, которые я потомъ уплатилъ. Я остался на томъ мѣстѣ, и померъ мой братъ. Онъ пасъ стадо и тамъ сталъ хворать, пришелъ домой. Меня не было дома. Онъ въ то время померъ, и жена моя похоронила его. До этого времени, еще при жизни отца, родился у меня первый сынъ Иванъ. Онъ прожилъ двѣ недѣли и померъ. Потомъ родился второй сынъ по имени Гаврила. Тотъ тоже столько же жилъ и померъ, померъ отъ плача. Потомъ прошло шесть лѣтъ со времени женитьбы, потомъ родился еще сынъ по имени Петръ. Потомъ прошло еще шесть лѣтъ, родился опять сынъ по имени Иванъ. Потомъ прошло три года, родилась дочка по имени Александра. Потомъ прошло еще три года, родился опять сынъ по имени Никита. И

I bo-lšy kóža-jkam ača-čtä. Še vře-mastyňt mon uořilčy Čika-ń Šta-pa-ńiń ke-cta. Tuji-ń Caři-cynaŭ tarka- vāšnińa. Moń toŭ tārđi-miń šo-rmasa jalgam, mērc šty tarka-t Caři-cynca lama i piťniŭt, tak šty dvacat ŗat rublej mēseć možna pōstupi-t ŗe-fčej-eks čerkovas ėore. A mon toľko polučal Čikań Šta-pa-ńiń ke-ca kāmniń ze-lkovyŭt mēseć. Poetomu poza-vi-doval pokš ža-lovńas i moľe-ń para-ŷotca Caři-cynaŭ jalga-ńiń. Son ulńi-s to-sa voľnona-jomnyj psalo-mšček. Sońc eřža Kšnajo-ŭskyj, i moń vete-mēm ře-gentńyni. Řege-ntēs karma-s moń kākšnińin: «ty zna-ješ li no-ty?» Mon mēre-ń: «zna-ju». Maksć tāń moľi-tva no-tnej «Na řeka-ġ Vavilo-nskiġ». I mon karmi-ń mora-řtymanza i ře-gentēnte mēlezēnza āž tuk mora-řtymam i mērc: «ton eščo sla-byjsta soda-syť nota-tńiń. Išta-my ŗe-fčej mińa-ńik a ā-řāvā. Mińi-k řesa-la-ma ŭčo-nēŭt. I miń jalga-ma-řta tuji-ńik sońa-nza. Jalga-m mēřā: «nu, pogodi-ala-mys, tarka-varča-tana lučšy». Poto-m moľe-ńek špi-čecnyj za-voc. Maři-ńik, šty toze āřā-vā po-

больше жена моя не родить. Въ то время я уволился отъ Степа-на Чики. Я отправился въ Царицынѣ искать мѣста. Меня туда позвалъ письмомъ мой товарищъ, сказалъ, что въ Царицынѣ много мѣстъ и дорогія, такъ что можно поступить на двадцать пять рублей въ мѣсяцъ пѣвчимъ въ церковный хоръ. А я у Степана Чики получалъ только десять рублей въ мѣсяцъ. Поэтому я по-завидовалъ на большое жалованье и отправился на пароходѣ въ Царицынѣ къ товарищу. Онъ былъ тамъ вольнонаемнымъ псалом-щикомъ. Онъ самъ Бѣгучевскій мордвинъ, и онъ повелъ меня къ регенту. Регентъ началъ меня спрашивать: «ты знаешь ли ноты»? Я сказалъ: «знаю». Онъ далъ мнѣ ноты на молитву «На рѣкахъ Вавилонскихъ». И я сталъ пѣть, и регенту мое пѣніе не понра-вилось, и онъ сказалъ: «ты еще слабо знаешь ноты. Такого пѣв-чаго намъ не нужно. У насъ здѣсь много ученыхъ». И мы вмѣстѣ съ товарищемъ пошли къ нему. Товарищъ говорить: «ну, погоди немного, мы высмотримъ мѣсто получше». Потомъ мы пошли на

mo·šnek kanto·řčikniń. I tosa· merčt: «uzy·da», kauksti·nik xo·
 za·jnyńt, i miń tuji·nik fate·rau. O·mbocā či·sta ta·ga mo·leńek.
 Tosa· tñni·k otve·čast, šty ro·dnā xo·za·jnyńti na·xo·ditca tarkaf·
 ty·ma, i xo·za·jnyś xo·čet so·nga so·ńceń ro·dnāńt šividi·mínza
 pomošnekeks kanto·řčikińte. I miń máki·ŭ tuji·nik. Poto·m
 eščo·ma·rińik, li·śná ta·rka. To·zěj ga·k mo·leńek. Tosy·me·řt:
 loma·ń āřā·vā tezej ry·bnyj la·basc. I šivi·dimiž moń kā·vati
 cē·lkovoj me·šeceńt. Mon postupi·l. Karńi·ń āřa·ma, peř me·šeć
 ā·riń, spravla·l ry·bnyj la·basca, ubira·l kařt i to·sa mon karńi·ń
 to·skovama i pryń sēre·demā, i xo·za·jnyś moń raščita·l, i mon
 tuji·ń kudu·ŭ para·xo·tca sē·řeđež ma·štykssa i syń Sa·ratovs.
 Rańi·ń a·pteksta ři·na i šińi·ń ā·jstynza i še·sk pički·ń. Poto·m
 syń kudu·ŭ ja·lga. Ku·ca ne·dřa ā·riń, karmaš naro·d ro·botama
 i mo·n ko·žajkam ma·řta karńi·ń to·ža robota·ma jarma·kta i
 zarabo·tal jarma·k řidiša·t cēlko·vyř. Šo·kśná zdu·mal kouga·k
 řyt teřelanřks postupi·t dolžnośc. Moře·ń vā·řki vā·řis Petro·řskyj

спичечный заводъ. Мы узнали, что тамъ нуженъ помощникъ конторщика. И тамъ сказали: «подождите»,—мы спрашивали хозяина,—и мы пошли на квартиру. На другой день мы опять пошли. Тамъ намъ отвѣтили, что родственникъ хозяина находится безъ мѣста и что хозяинъ хочетъ нанять его, своего родственника, помощникомъ конторщика. И мы пошли назадъ. Потомъ еще узнали, что выходить мѣсто. Мы пошли и туда. Тамъ сказали: нуженъ человекъ сюда въ рыбный лабазъ. И наняли меня за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Я поступилъ. Началъ жить, полъ мѣсяца прожилъ, работалъ въ рыбномъ лабазѣ, убиралъ рыбу, и тамъ я сталъ тосковать и заболѣлъ, и хозяинъ меня рассчиталъ, и я отправился домой на пароходѣ, захворавъ лихорадкой, и приѣхалъ въ Саратовъ. Я купилъ въ аптекѣ хины и выпилъ ее и тотчасъ же выздоровѣлъ. Потомъ я пришелъ домой пѣшкомъ. Дома я прожилъ недѣлю, народъ сталъ работать и я вмѣстѣ съ женой началъ также работать за деньги и я заработалъ денегъ пятьдесятъ рублей. Осенью я рѣшилъ поступить куда нибудь на должность хоть на

ujesc popnéñ. Ma·ri·ń, šty so·nga prí·oc ář·vā so·rmas ma·šty·ca lo·mań tona·ftyma vā·řisa čo·rénet so·rmas. Po·pōš mērc, šty po·dava·j prašēnja oddēle·ńijas, i mon po·dal prašē·nja oddēle·ńijaŋ, řisc oddēle·ńijasta, šty moňā·ń postu·pī·t ŋči·telks školagra·mytas Ka·rpuŋs, i mon tosy·tona·ftyń ka·fty gott pēř ma·řta. Ža·lovňa ulńi·ś vājksyńgā·mīń cēlko·voj go·dēnt. Tēřela·řks šēmija·m sajnī·ňā řřa·ma toŋ, Ka·rpuŋs, a kizna·sata·na vāši šēmjo·m ku·duŋ. I še vře·mastyńt oza·ftyń atamař čuft mońcēñ pīris. Oza·ftyń vāšimi·za vāti šatt čufta. Kona·ńgis oza·ftymani·k i targamani·k pa·ndyń lo·mańiniń ŋiři třo·šněkt vāřki koře·něnt kis. I ŋej souše·m řāji·řs sad, tak šty maksy·žā ata·mařint vād·gāniń vāřā cēlkovojdā. Koda·juta·ś kafty gott pēř ma·řta, mon ja·ly·tona·ftyń čo·rénet. I zdava·ři kolmy čo·rénet egza·men. Pařle·d·ńej tēřent ā·jsta mořc ŋ·čilñas nabluda·řil. Ůči·řiřcaš ulńi·ś ři·vidiř tonafni·ca čo·rénetneñ pēřdā ča·u ku·da za dřena·tcyř ru·

зиму. Я отправился въ одно село въ Петровскій уѣздъ къ попу. Я узналъ, что въ его приходъ нуженъ человекъ знающій грамотѣ, чтобы учить грамотѣ ребятишекъ въ селѣ. Попъ сказалъ, что «подавай прошеніе въ Отдѣленіе», и я подаль прошеніе въ Отдѣленіе, и вышло изъ Отдѣленія, что мнѣ поступить учителемъ школы грамоты въ Карповку, и я тамъ училъ два съ половиной года. Жалованье было девяносто рублей въ годъ. На зиму я бралъ семью свою жить туда въ Карповку, а лѣтомъ мы всею семьей отправляемся домой. И въ то время я посадилъ яблоновыя деревья на своемъ огородѣ. Я посадилъ всего пятьсотъ деревь. За каждое, вмѣстѣ съ посадкой и вырывкой, я платилъ человеку четыре копейки за одинъ корень. И теперь сдѣлался вполне садъ, такъ что онъ далъ яблоковъ на двадцать пять рублей. Когда прошло два съ половиной года, я все училъ ребятъ. И сдавали три мальчика экзаменъ. Въ теченіе послѣдней зимы пришелъ въ училище наблюдатель. Училище было нанято отъ учащихся дѣтей въ пустомъ домѣ за двѣнадцать рублей въ зиму. Наблюдатель сдѣлалъ

blej te·leńt. Nabluda·tilis tajs za·metka žurna·lc: «uśi·lit zańa·tja», i kro·me tovo· muś kija·ksta la·ma soř. I tuś. Popoś totčas arć, kăjkstimiń: «koda·my zańe·tka pastavi·l žurna·lc?» Mon ņeŭteńä tanza. Son meřä: «paža·lyj, uvo·lit toń, a skaře·j, štyby iła kadu·u tarkafty·ma, podava·j praše·ńja še·lskyj pi·sařks», a mo·ni meřan: «me přivy·šnyjan še tăvi·ńti».

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянина с. Оркина В. С. Саюшкина.

Šorma.

Мон хочу тонять меремс, шты моньдянь понкс Воянгылит Лукань сѣрмадуф, и мон ванныня и тоса муинь рузынь вал'т. Пример: тоса сѣрмадуф «глава», мекс авыль «пря»? Эли «1-я», «васинь», эли «2-я», авыль «омбѣця»; эли «зачало», авыль «ушыткс», хыть мурзакс «ушодкс»? Эли кода ангелесь мерьць Пазынь-аваньти

замѣтку въ журналѣ: «усилить занятія», и кромѣ того нашель на полу много сору. И уѣхаль. Попъ тотчасъ же прискакаль, спросилъ меня: «какую замѣтку поставилъ въ журналѣ?» Я показаль ему. Онъ говоритъ: «пожалуй онъ тебя уволить, а ты скорѣй, чтобы не остаться безъ мѣста, подавай прошеніе на сельскаго писаря», а я говорю: «я не привыченъ къ тому дѣлу».

Письмо.

Я хочу сказать тебѣ, что мнѣ попалося твое евангеліе отъ Луки въ переводѣ, и я посмотрѣль и нашель тамъ русскія слова. Напримѣръ: слово «глава» почему тамъ не переведено словомъ «пря»? Или «1-я» не словомъ «васинь»; или «2-я» не словомъ «омбѣця»; или «зачало» не словомъ «ушыткс» или хоть по говору мурзы¹⁾ «ушоткс»? Или когда ангель сказалъ Божьей матери

1) Въ Оркинѣ мурзой называютъ Мордву деревни Бѣгучей и сосѣднихъ селъ Петровскаго уѣзда.

«эрыгеть» (благодатный), а авылъ «эрыгеть чангыдифътъ». Мйяля тага мерьць «Тон Пазонъ пельдя благодать муить», а эрявилъ меремс «Тон Пазонъ пельдя чанъфъ муить». Ведь эрьзятня везди мерьнеть жа чанъфинътъ эся, кыть поменамста: пример, кода ломанись кандэ кшы сал, максцы ваканынза столь ланкс, сонъць комя а кырксия бабинись васинъ валцта мера, кода тоса кулыцяньтъ лямиза, кыть Иван. «Ну, Иван! улиза тять чанъфъ, молеза тять доходія. Вана, Даря (али кода тоса кандыцяньтъ лямиза) теча паньць пидись, кшы сал канць, молеза тять лемьбя парныса тантъй духкиса, симтъ ярпак, иля пеняця». Али кодак чанъфинъ Паз лямь кундамста, тага ведь амереть «Паз благодатный», а ведь вясій яла мереть «Пас чангытъ», и те Пас-чангыньтинъ эса сека тявь лецьнеть. Кодак авантъ эйдиза, бидя пекъ рангя, сон обя-зательна мера: «Пас чангытъ, Восподи, ды мякс? ды мякс? ды эйдънимъ, ды лявкскимъ, ды Пас чангытъ, Пас чангытъ, ды лот-

«эрыгеть» (благодатная), а не «эрыгеть чангыдифътъ». Потомъ опять онъ сказалъ: «Тон Пазонъ пельдя благодать муить», а слѣ-довало сказать «Тон Пазонъ пельдя чанъфъ муить» («Ты обрѣла у Бога благодать»). Вѣдь мордва вездѣ употребляетъ слово «чанъфъ», хотя бы въ поминаніи: напримѣръ, когда человѣкъ приносить хлѣбъ-соль, онъ положитъ чашку на столъ, а самъ станетъ на колѣни, а старушка, которая скоблить, съ перваго слова скажетъ, какъ тамъ имя того покойника, хотъ Иванъ. «Ну, Иван! да будетъ тебѣ милость, да придетъ къ тебѣ удача. Вотъ, Дарья (или какъ тамъ имя принесшей) сегодня испекла и сготовила, принесла хлѣбъ-соль, да пойдетъ къ тебѣ теплый паръ, сладкій душокъ, пей, ѣшь, не жалуйся». Или когда употребляютъ имя Бога, опять вѣдь не го-ворять: «Пазъ благодатный», а вѣдь всѣ говорятъ «Пас чангытъ», и это «Пас чангытъ» поминаютъ при всякомъ дѣлѣ. Когда у женщины ребенокъ, если онъ сильно плачетъ, она обязательно говорить: «Пас чангытъ, Восподи, да что? да что? да ребе-ночекъ, да дѣтенышекъ, да Пас чангытъ, Пас чангытъ, да

как, цюр Пас чангыть». Али кодак бидя кияк мязя як тайсь авыль парьцтя, сеста як, кодак лия ломань несэ, тожа исьтяжа меря: «Пас чангыть, ды тон мясьть исьтя тйнят, исьтя уш цюр улиза». Нама, минь ней уш стуфыникь, кода седикиля тавись ульнись, и миньць как аздатана, мязя те валысь «цюр», ну цюрынть мон тожа ёфтаса, мязя сон ульнись седикиля. Седикиля думасть ломатня исьтя: кодак ломанись кулэ, то сонянза эрявя тоса и кшысал и одежда, и сон тоста лисья и ярцама и баняс паряма. А кодак лися покшчакс, сеста сонза сайсый эсьтянза Чангыдинь-Пас, и сон карма апак симь и ярца и одежафтума лифнимя мянильга и кининьгак соньць а неявя и карма раськинза эса ванфтума, конат эсынза тярдить, и мерьнесьть се покшчаства лисифь раськинйти «цюр». А цюрынь кирьдй Пазыньти, шты сон пек уш вадря и вадряста кирьдя кула раськист эса, и бидя ки вяшя кецтэнза прянза пирямс цюрт, то сон, корьмай, максэ зяра тять эря-

перестань, чурь Пас чангыть». Или если когда кто-нибудь что-нибудь сдѣлаеть что-либо не хорошо, тогда, когда другой человекъ это увидить, то онъ тоже такъ же скажетъ: «Пас чангыть, да ты что тамъ дѣлаешь, такъ да будетъ ужъ чурь». Знамо, мы ужъ теперь забыли, какъ въ старину было это дѣло, и мы также не знаемъ, что значить это слово «чурь», но объ «чурѣ» я тоже скажу, что онъ былъ въ старину. Въ старину люди думали такъ: когда человекъ помреть, то ему нужна тамъ хлѣбъ-соль и одежда, и онъ выйдетъ оттуда и поѣсть и попариться въ банѣ. А когда онъ выходитъ въ образѣ дѣда, тогда его возьметъ къ себѣ Чангыдинь Пась, и онъ пачнеть, не употребляя питья и пищи и безъ одежды, летать по небу, и никому самъ онъ не показывается и начинаетъ беречь тѣхъ родныхъ своихъ, которые его зовутъ, и называли происшедшаго отъ того дѣда потомка «чурь». А содержащаго чуры Бога за то, что онъ очень ужъ хорошъ и хорошо держитъ помершихъ потомковъ, и если кто ищетъ отъ него чуровъ, чтобы оградить себя, то онъ, кормилецъ, дастъ сколько тебѣ нужно, и

вить, и се Пазыньти мерьнесьть Пас чангыть сень гиса, шты сон
самай чаньфинь максыця. Минь нейгак кыть и лямдяфтана, ну
яла тея пранык эса пирятана цюраса и вяштина Пас-чангытинь
кепта чаньфть и цюрат. Пример: кодак ломанись молема неа
вихирь, то сон карма прянза эса пиряма, а пирямста мера исьтя:
«цюр! Пас чангыть, цюр аминь, цюр аминь, цюр Пас чангыть,
цюр, корьменецькемь». Начит, те седикилинь цюрамысь нейгак
пекь парьцья эря миникь эса. Минь миньць как аздатана, шта
истя меремась грехь, а нейгак вясимя таркаса мернеть яла исьтя.
Кыть кявкся ломань ялганза, бидя се коса як эря скамынза:
«ды кода тон а пелят тоса удумат», се обязательно мера исьтя:
«ды мяздя пелян, цяй мон мадимста цюраса пиряса прям и ма-
дян». Начит, минь нейгак авыль Паз ланкс надиятана, а цюрать-
нинь ланкс. Али кыть куца кодак мадимста, обязательно вясій
вальматнинь и кянькшиньть цюраса пирить, а бидя куцыньть уля
лавсь, то аваньть мадимста сея мелявксыза лавсись цюрамс пи-

этого Бога называли Пас чангыть потому, что онъ самый разда-
ватель милости. Мы и теперь, хотя и крещенные, но постоянно
таки ограждаемъ себя чурами и просимъ отъ «Пас чангыть» ми-
лостей и чурь. Напримѣръ, когда человекъ видитъ приближеніе
вихря, то онъ начинаетъ ограждать себя, а ограждая себя, говорить
такъ: «чурь! Пас чангыть, чурь аминь, чурь аминь, чурь Пас чан-
гыть, чурь, мой кормилецъ». Значить, это старинное чураніе и
теперь очень хорошо живетъ у насъ. Мы и сами не знаемъ, что
говорить это грѣхъ, а и теперь всюду и вездѣ такъ говорить. Хоть
спросить одинъ человекъ другого, если тотъ живетъ гдѣ нибудь
въ одиночествѣ: «да какъ ты не боишься спать тамъ», тотъ обяза-
тельно скажетъ такъ: «да чего мнѣ бояться, чай, я ложась зачураю
и огражу себя и лягу». Значить, мы и теперь надѣмся не на Бога,
а на чуры. Или какъ ложатся въ домѣ, обязательно огра-
ждаютъ чурами всѣ окна и двери, а если въ домѣ есть люлька, то,
при укладываніи на ночь матери, она пусть позаботится зачурать

рямс, штыба идимевсь илясса сэвъ али ведун илясса полафт. Ата бидя полафцы, сеста эйдиза уля косаяк чумбылксикс, а сон теса карма трыма полафтуф. Ну, мон тывимь стуфтыня. Кармакшнынь чаньфьтя, а туинь киздасы ков. Ну, ней тага карман. Секедя несак мон уш кафтынь таркаста нефтень, шта чаньфись самай се рузынь «благодатись». Ней мерян эшча колмоцень таркаста. Миникь ней кармасть кор'тама яла рускс лама вал'т. Пример: кодак ломанись моля ломаньнинь, бидя се мясьть как а тьяня, то сыцясь меря: «здорова живети», а седикиля мерьность: «сюк тьянькь», ну «тень», и нейгак эшча лама исьтя мерьнеть. А эшчо мерьность Бог помоченьть таркас: «Пас чангыдиза тьянькь!» Ну, ней исьтя а мерьнеть. Мож тьянь мерят, коста тон саякь, то мон тять мерян, шта ней так вясій аватья исьтя мерьнеть аныцик коцтэнь кодамста. Кодак хыш кона авась моля шабранцтый, а неть кодэть коцт, то сыцясь, кодак сувя, чека помя и меря: «чангыдиза тьянькь!»

и оградить люльку, чтобы не съѣлъ его или вѣдунъ не подмѣнилъ его. А то, если подмѣнить, тогда ея ребенокъ будетъ гдѣ нибудь русалкой, а она поэтому начнетъ кормить подмѣненнаго. Ну, я позабылъ свое дѣло. Я началъ съ слова «чаньфь», а зашелъ кто знаетъ куда. Ну, теперь я снова начну. О томъ, что «чаньфь» то самое, что русское «благодать», я, видишь, показаль уже на двухъ случаяхъ. Теперь я скажу еще о третьемъ случаѣ. Наши стали теперь говорить постоянно много русскихъ словъ. Напримѣръ: когда одинъ человекъ пойдетъ къ другому, если тотъ ничего не дѣлаетъ, то пришедшій говорить: «здорово живете», а въ старину говорили: «сюк тьянькь» или «тень» (поклонъ вамъ, или тебѣ), и теперь еще такъ много говорятъ. А еще говорили вмѣсто «Богъ помочь» «Пасъ чангыдиза тьянькь!» (Онъ да благопріятствуетъ вамъ). Ну, теперь такъ не говорятъ. Можетъ быть, ты мнѣ скажешь, откуда ты взялъ это, то я тебѣ скажу, что и теперь всѣ женщины говорятъ такъ только при тканьи холста. Когда хоть которая нибудь женщина придетъ къ своимъ сосѣдкамъ, а тѣ ткуть холстъ, то пришедшая, когда войдетъ, перекрестится и скажетъ: «чангыдиза тьянькь!».

От ней тон мясьть мондынь мерят те Пазыньть карча? Мон мерян: те Пазысь «Пас чангытись», руске «Бог благодати»; чань-фись «благодать», чангыдиза «поблагопріятстуй». Ну, упросьтямак, шты мон сёрмадынь тять те сёрманьти сняра прявь машинмат. Монянь жаль кучумс чава сёрмась.

Выдержка изъ письма Г. А. Цыбина, помѣченнаго октябремъ 1905 г.

Вотъ теперь, что ты мнѣ скажешь въ обращеніи къ этому Богу? Я говорю: этотъ Богъ «Пасъ чангытись», по русски «Богъ благодати»; «чаньфись» благодать, «чангыдиза» поблагопріятстуй. Ну, прости меня, что я написалъ тебѣ въ этомъ письмѣ столько, что это утомить твой умъ. Мнѣ жаль отослать пустое письмо.

Б. Сухой Карбуланъ.

Mon u·lñín vėti go·tca pa·kša. Tā·tidīn tušt pírīñ šė·škėme i moñ za·jimiž. Šė·škeņek pėliči·s, ka·rñiñik sy·rgama ja·rcama. Tā·tam oza·ftyñiñ moñ ři·žyj e·ldeñt lañks la·šte i ku·čyñiñ gudu·u, a soñc sajs kavala·lynza šu·viñit, tuš moñ ĩne·lga. A·la·šañt ka·rmašt su·skuma karft. Son duš bo·jkasta. Tā·tam ga·duñs. Pa·čkidīn mon orta la·ñks, a píkale·tkaš pa·ñžada. A·lašaš pa·č·kić píkale·tkañt vıć, tuš píkale·tkavañt. Mon va·nca teft be·ra·tt, ku·ndyn píkale·tka ve·lksėñteñ i po·vodeveñ. A·lašaš tuš ka·rdazu, a mon nu·rgan píkale·tkasyñt. Tā·tam zaš ortala·ñks, moñ za·jimiñ. —

Moñ bokščan ulñis ašy čapkazy dy kecy valajaž žlapaza. Sy šokše, po·kščam poñgausy pı·řisy ko·pna pıra·s šla·panza, a ča·p·kanzy tosty sa·jsė. Sy tu·nda, po·kščam žla·panzy tosty sajsė, a

Я былъ мальчикомъ пяти лѣтъ. Отецъ и другіе семейные пошли на гумно молотить и меня взяли. Мы молотили до полудня, стали собираться поѣсть. Отецъ посадилъ меня на рыжую кобылу верхомъ и послалъ меня домой, а самъ взялъ подъ мышку немного отрубей и пошелъ за мной. Лошадь начали кусать мухи. Она пошла скоро. Отецъ остался. Подъѣхалъ я къ воротамъ, а калитка отперта. Лошадь подошла прямо къ калиткѣ, пошла черезъ калитку. Я вижу, дѣло плохо, уцѣпился за верхъ калитки и повисъ. Лошадь пошла на дворъ, а я вишу на калиткѣ. Отецъ пришелъ къ воротамъ и снялъ меня.

У моего дѣда была бѣлая шапка и свалыная руками шляпа. Придетъ осень, дѣдъ прицѣпитъ на гумнѣ на верхъ копны свою шляпу, а оттуда сниметъ шапку. Придетъ весна, дѣдъ сниметъ

ča·pkanzy po·ŋgaŋse. Věšť ti·kšyle·dema la·ŋga po·kščam u·lñiś
so·ńcenzy šla·pasa. Karmaś po·kščam zy·rgamy ti·kšys. Mon ga·r-
mññ ma·rtynzy sy·rgama. Pokšča·m věčkeži pakšyma·rta ko·lñe-
ma·ńť. Sa·jimññ moñ ma·rtynza. A·ńcak liśññik vē·lestē·ńť (vē-
leńť pe·va čuďi vēďñe), mon mēra·n: «po·kščaj, ži·mimam zaś». Po·k-
ščam lo·tkafťyži a·laśańť, sa·jiži pŕa·stynzy šlapanza, a·mulē šla-
pańťññ vēď, ka·rmaś moñ žimññe. Moñ ži·mimam ja·vaś. Ka·duvñks
vēďeńť po·kščam va·lyži a·laśańť laŋks. Ardy·ńik ardy·ńik, vē-
lēďeńť tuji·ńik uś vasu·ŋ; pa·čkidññik ti·kšy vñc. Po·kščam ga·r-
maś ti·kšy le·ďeñe, a a·laśańť no·ldēži po·pēreśñekenza i noldeži
ti·kšys ja·rcama. Po·kščam leć lamy ti·kšyť, vačkññži řidvanc,
pe·lema·ńť šalgiži tikšyťññññ. Sońc tuś vē·peleď, sajiži pŕa-
stynzy šla·panza, pŕaś koñe·lkala·ŋksa, dy mo·ñań mēre: «ćoraj,
zak ja·gidady ja·rcama». Mon mo·le·ń bo·kščam vakss. Pokščam
že·žñi ja·gidat šla·pazynza, a mon ga·rmññ vē·śñeñi e·śtań ja·r-
cams, dy a muji·vť teñ. Pokščam mēre: «sak ja·rcak šla·pastyńť». Pokščam
že·žñi ja·gi·dat, a mon aščan žlapańť va·kssy dy ja·rcan.

оттуда шляпу, а шапку прицѣпить. Однажды во время сѣнокоса
дѣдушка былъ въ своей шляпѣ. Сталъ дѣдушка собираться за
травой. Я сталъ собираться съ нимъ. Дѣдушка любилъ возиться
съ дѣтьми. Онъ взялъ меня съ собою. Только лишь мы выѣхали
изъ села (въ концѣ села течеть рѣчка), я говорю: «дѣдушка, мнѣ
хочется испить». Дѣдушка остановилъ лошадь, снялъ съ головы
шляпу, зачерпнулъ въ шляпу воды, началъ поить меня. У меня
прошла жажда. Оставшуюся воду дѣдушка вылилъ на лошадь.
Ѣхали мы ѣхали, отъ села уѣхали уже далеко; приѣхали къ
травѣ. Дѣдушка началъ косить траву, а у лошади отпустилъ
пеперечникъ и пустилъ ее ѣсть въ траву. Дѣдушка накосилъ
много травы, наложилъ ее въ телѣгу, въ траву воткнулъ косу.
Самъ отошелъ въ сторону, снялъ съ себя шляпу, упалъ на ко-
лѣнки и говоритъ мнѣ: «сынокъ, иди ѣсть ягоды». Я подошелъ
къ дѣдушкѣ. Дѣдушка рветъ ягоды въ свою шляпу, а я началъ
искать себѣ, чтобы ѣсть, да не находилъ. Дѣдушка рветъ ягоды,

Po·kščam že·žneži šla·pańt pe·leva·i mēre: «a·dī, čora·j, gudu·u». Oza·ftymīn bokščam ti·kšytīn laŋks, maksyži e·lezèn žlapańt, o·zas sońc ka·k, i mīn tu·jińik kudu·u. Mo·temsty šlapastyńt ja·gida·tńidy ja·rcynīk. Mo·leńek mo·leńek, mon ma·tidi·vīn. Koda·sý·rgyžin, mīn uš u·lńińik ka·rdajsa. Šla·paš u·lńis po·kščam b́ra·sýnga. Po·kščam mē·re: «ja·gidat tet e·ra·vit?» Mon mē·a·n: «dava·j». Po·kščam, da·rgaž žepstēnga ko·mory ja·gida, ma·ks·syńži mo·ńań.

Mi·ńcińik ve·lesy mon tona·fńiń ko·lmy gott. Egzańnen zdal. Šedy mēlji kafty gott či·jńiń išta·k. Mēlji sajińe mē·leń o·šo·u. A·vam u·skińiń o·šo·u, ma·ksyńiń ve·lašńi·kńiń. La·ušńi·kiš mī·kšńis su·ndukt. Mon ulńi·ń kemgo·lmovy go·tca i mo·ńań sundu·kńiń ģepšemasť ulńi·š pek sta·ka. Saš mī·ńik la·fkas bo·jar, ra·maš su·nduk. Xoža·inyš moń ku·čimīń kanduma·nga. Sy·ńik boja·ryńť ma·rta songy ku·dys, a mo·n ko·jkak pačkidīń. Boja·rys mēre: «šiži·ť?» Mo·n mē·a·n: «šiži·ń!» Son mēre: «Ka·duť mo·

а я сижу около шляпы и ѣмъ. Дѣдушка нарвалъ до половины шляпы и говорить: «идемъ, сынокъ, домой». Посадилъ меня дѣдушка на траву, далъ мнѣ въ подолъ шляпу, сѣлъ и самъ, и мы поѣхали домой. Во время пути мы ѣли ягоды изъ шляпы. Ъхали мы ѣхали, я заснулъ. Когда я проснулся, мы были уже на дворѣ. Шляпа была на головѣ у дѣдушки. Дѣдушка говорить: «нужно тебѣ ягодъ?» Я говорю: «давай». Дѣдушка, вытащивъ изъ кармана горсть ягодъ, далъ мнѣ.

Въ нашемъ селѣ я учился три года. Сдалъ экзаменъ. Послѣ того я бѣгалъ два года безъ дѣла. Потомъ мнѣ захотѣлось въ городъ. Матушка отвезла меня въ городъ, отдала меня одному лавочнику. Лавочникъ продавалъ сундуки. Мнѣ было тринадцать лѣтъ и мнѣ было очень тяжело поднимать сундуки. Пришелъ въ нашу лавку баринъ, купилъ сундукъ. Хозяинъ послалъ меня отнести его. Мы пришли вмѣстѣ съ бариномъ въ его домъ, а я кое какъ дошелъ. Баринъ говорить: «ты усталъ?» Я говорю: «усталъ»!

ña.ń, moń ġeca źardyja.k aśiża.t». Mon ga.duńiń. Še bo.jaryś kiré kańdĩ.terckyj, i mon so.nzy ke.cy ka.rmiń robota.ma. A moń dauny. ulńi.ś me.leń tona.fnińe. Sa.ś tatam ošo.u i me.ri mo.ña.ń: «loma.tńi pa.kšast u.skĩt Alakso.fkaų tona.fnińe. To.żeń dejšt pokš uči.tilńa». Mon me.ran: «Sa.jimak i moń te.sty i u.s.kumak Alaksofkaų». Tata.m ejsė.n eź zajt. Mon ga.rmiń avar.dĩ.me, i išta. pek ava.rdiń, na.taj ta.tańiń ža.l nejaviń, i šon za.jimiń o.šta i u.skińiń Alakso.fkaų. Alakso.fkasy e.rva pa.kšańt ki.sa ko.vońt panćt ko.lmy co.lkovojt. Moń ġi.s tata.ńiń pa.ndums u.lńiś ne.mejsa. Moń pańi.ksyńińiź, i ka.dyńiź a.ńćak šeks, šty pek pa.rćti mon tona.fniń. Ju.tašt kolmy gott. Mon egza.men zdal ve.sedy pa.rćte. Šormadyńik pro.šėnijat i mińa.ńik maksćt ućitińiń da.rkat. Kińi.ń go.vońt panćt šiśim zol.ko.vojt, ki.ńiń ga.ųksa, a mo.ńań panćt ke.mėń. Va.šiń go.deńt ućitilks či.styn Eřmejejkasy mon ga.rmiń mońć tona.fnińe. Čińt tona.ftan pakša.t, a veńt tona.fńan mońć. Saś tu.ndyś, moń bak-

Онъ говорить: «останься у меня, у меня ты никогда не устанешь». Я остался. Этотъ баринъ держалъ кондитерскую, и я сталъ работать у него. А у меня давно было желаніе учиться. Приѣхалъ мой отецъ въ городъ и говорить мнѣ: «люди везутъ своихъ дѣтей учиться въ Алексѣевку. Тамъ выстроили большое училище». Я говорю: «Возьми и меня отсюда и отвези меня въ Алексѣевку». Отецъ меня не бралъ. Я сталъ плакать, и такъ сильно плакалъ, что отцу стало жаль, и онъ взялъ меня изъ города и отвезъ въ Алексѣевку. Въ Алексѣевкѣ за каждаго мальчика въ мѣсяцъ платили три цѣлковыхъ. За меня отцу нечѣмъ было платить. Меня хотѣли было прогнать, и оставили меня однако потому, что я очень хорошо учился. Прошло три года. Я сдалъ экзаменъ лучше всѣхъ. Мы написали прошенія, и намъ дали учительскія мѣста. Кому въ мѣсяцъ платили по семь рублей, кому по восемь, а мнѣ платили десять рублей. Первый годъ моей учительской жизни въ Еремѣевкѣ я сталъ учить самого себя. Днемъ я учу ребятъ, а ночью учусь

ša·tńi egza·mnen zdałi pa·récťe. Ki·zyńt tuji·ń da·tańiń i ki·zyńt ka·rńiń tafań ma·rty robota·ma. Sy pra·zńik eł pizimici·, mon mońc tona·fńan. Saś so·kśe. Tu·jiń o·šoŋ, ma·ksyń šeńena·ńijas pro·šeńija. Ńe·dłady me·łji mo·leń šeńena·ńijas ke·ŋkśteńe, pima·sańiż moń egza·menc eł ara·ś. Mo·ńań me·reť: buti me·let, kiťt kuť nejķ. Ńe·jemem mi·ńik po·poś i me·re: «čau·pra·, a·zi sa·jik prošeńijańt i aži Ołckejeŋ, to·sy u·łi duχo·vnej uči·liśce, to·sy egza·menes šeđi so·žžeńe». Mon mo·leń proše·ńijańt me·łga. Koj ġi·ť me·reť: «dac teja·t, tesy ki eż ġiť, kija·k ne vy·deržal». Liśś inśpe·ktoreś i me·re: «a·da moń me·łga». Mon duji·ń mełga·ńga. Pa·čkidńińik ve ko·mnota vi·c, su·vńińik to·zeń. Son me·re: «aščik ala·mus». Sońc tuś. Mon a·ščiń ve·teška minu·t, va·nca — suve inśpe·ktoreś, me·łganzy su·viť niłi li·ja uči·tiť i ve pop. O·zašť stole·kśś. Mon čaķki·dńiń, šty mo·ń ka·rńit ke·ŋkś·ńema·n. Eś pa·čkan du·man: mešť Pas ama·ksė, ka·rman oťveča·ma.

самъ. Пришла весна, мои ребята сдали хорошо экзаменъ. Лѣтомъ я отправился къ отцу, и лѣто я началъ работать съ отцомъ. Придетъ праздникъ или дождливый день, я учу самъ себя. Пришла осень. Отправился я въ городъ, подалъ прошеніе въ семинарію. Спустя недѣлю я пошелъ въ семинарію спросить, приняли ли меня къ экзамену или нѣтъ. Мнѣ говорятъ: если хочешь, держи хоть теперь же. Увидѣлъ меня нашъ священникъ и говоритъ: «пустая голова, ступай возьми прошеніе и отправляйся въ Вольскъ, тамъ есть духовное училище, тамъ экзаменъ легче». Я пошелъ за прошеніемъ. Кой-кто говоритъ: «хорошо сдѣлаешь, здѣсь кто не держалъ, никто не выдержалъ». Вышелъ инспекторъ и говоритъ: «иди за мной». Я пошелъ за нимъ. Подошли мы къ одной комнатѣ, вошли туда. Онъ говоритъ: «подожди немного». Самъ онъ ушелъ. Я подождалъ минутъ съ пять, смотрю — входитъ инспекторъ, за нимъ входятъ другіе четыре учителя и одинъ священникъ. Сѣли за столъ. Я понялъ, что меня начнутъ спрашивать. Думаю самъ въ себѣ: что Богъ дастъ, стану отвѣчать. Спрашивали меня съ часъ. Встали,

Keŭksnéš ejśen ča-syška. Štaśt, tuśt. Inśpe-ktorés ka-dugś i me-
ře: «zako-n Bo-žěj ton parćte-o-tvečet, va-ndyj zak vejkséčeks
ča-sta, karma-tana keŭksnémat sláva-nyń geł». Syń ombo-ći činť,
tagy ve-temež še komnota-ńtin, tagy-časy-ška ke-ŭksnéš e-jśen.
Ta-gy tuśt li-ja uči-tiľtne, inśpe-ktorés ta-gy kadu-ŭś. Koda-
tuśt li-ja-tne, son mo-ńań meře: «i sláva-ńyń geľeńť ton zo-dasa-k,
va-ndyj zak ta-gy te po-rava». Šedi me-ľji mon keńeńčka raz
ja-kiń šeńena-rijas i moń ke-ŭksnéš li-jady li-jada. Melji kar-
ma-ftyńiž sta-tjań žormadu-ma. Ko-da mon u-ľniń Alakśofkasa,
Alakśofkaś pek palć. Mon še poža-ryńť so-rmady-ńe. Še meľe-
zest pek tuś. Ve-temež učiťi-ľnas, ko-sy tona-fńit viška pa-kśat.
Ka-rmaťtyńiž ba-kśań dona-ftuma. Šeja-k meľezest tuś. Učiťi-ľtńi
štaśť, inśpe-ktorés meře: «toń otve-čamut i tona-ftumat mńiń-k
meľc tuśť, i kańi-śijas du-mńi tet maksu-ma uči-tiľiń žvide-telćtva»
Še-dy meľji mon iščo-ve teľi tona-ftyń škol(y) gra-matasa, Ju-ř-
jefka ve-lesa. Melji maksćť teń tarka Novapo-ľjasta. Mon to-sy

ушли. Инспекторъ остался и говорить: «по закону Божию ты от-
лично отвѣчалъ, завтра приди въ девятомъ часу, мы будемъ спра-
шивать тебя по славянскому языку». Я пришелъ на другой день,
опять меня повели въ ту комнату, опять меня спрашивали съ часъ.
Опять пришли другіе учителя, инспекторъ опять остался. Когда
другіе ушли, онъ говорить мнѣ: «и славянскій языкъ ты знаешь,
завтра приходи опять въ это время». Послѣ того я разъ десять
ходилъ въ семинарію, и меня спрашивали все о другомъ. Потомъ мнѣ
велѣли написать сочиненіе. Когда я былъ въ Алексѣевкѣ, Але-
ксѣевка сильно горѣла. Я описалъ тотъ пожаръ. Это имъ очень
понравилось. Меня повели въ училище, гдѣ учать малыхъ дѣтей.
Мнѣ велѣли учить дѣтей. И это имъ понравилось. Учителя встали,
инспекторъ говорить: «твой отвѣты и твои уроки намъ понрави-
лись, и комиссія рѣшаетъ дать тебѣ учительское свидѣтельство».
Послѣ того я училъ еще одну зиму въ школѣ грамоты въ деревнѣ
Юрьевкѣ. Потомъ мнѣ дали мѣсто въ Новопольѣ. Я тамъ училъ два

tona·ftyń ka·fty gott. Moń gu·čimiz Ńenaro·kofkaŋ moń apak
keŋkšt. U·lńis ča·dy ve·d'. Mo·ńań saŋs ju·tams pokš ve·deń droks
Ťemezy Ča·rdym. Mon Ča·rdymint troks ju·tamsta čut ežeń va·ja.
Mo·leń Ńenaro·kofkaŋ, koŋ dona·ftyń do·sa. Saš o·šsty teń go·
noŋ. Moń mekeŋ gu·čit Novopo·ljaŋ. Mon ži·vidiń u·skicat i
tu·jiń Novopo·ljaŋ. Še·dy mełji uš tu·jiń ko·lmoći gotc Novopo·
lja. Ńej ga·k to·sy to·nafta·n.

Mi·ńik ša·branyk Ė·dēr a·ta lo·mańis au·l ģeže·j, a kožaj·
ka·nzy ma·rty še·jecty tu·řksne. Sokaušt sokamu·nzy Ė·dēr
a·tańt, son dēteži alaša·nzy lu·gas. Alaša·zy tuš ba·rskyj žury
la·ŋks, sa·jiži obje·ščik potraus; obješčik ku·rudyže. Ka·rmašt
lo·maťt mu·šky vi·dime, a Ė·dēr a·tańt alaša·za ba·rskyj ga·r·
dajsa. Mołc Ė·dēr ata a·lašańt me·lga. Boja·rys tenzy mefe:
«uskt ka·rdajsty umala·ŋks veći ost na·oz, ma·kssa a·lašať». —
«Ko·da tejat, eša·vi usku·ms», meři Ė·dēr a·taš. Sa·jiži Ė·dēr
a·taš alaša·nza, tuš ba·rskyj ga·rdazuŋ na·ozeń li·fńime. Mo·li

года. Меня послали въ Ненароковку, не спросивъ меня. Была полая
вода. Мнѣ пришлось переѣзжать черезъ большую рѣку, по имени
Чердымъ. Переѣзжая черезъ Чердымъ, я чуть не утонулъ. При·
былъ я въ Ненароковку, мѣсяць я училъ тамъ. Пришла ко мнѣ изъ
города бумага. Меня посылають назадъ въ Новополе. Я нанялъ
извозчиковъ и поѣхалъ въ Новополе. Послѣ того я живу третій
годъ въ Новополе. И теперь я тамъ учу.

Нашъ сосѣдъ старикъ Ѳеодоръ человекъ не злой, а съ женой
своей онъ очень часто дерется. Попахалъ Ѳеодоръ свою пашню,
спуталъ свою лошадь (и пустилъ) въ луга. Лошадь его пошла въ
барскій хлѣбъ, взялъ ее объѣздчикъ на потравѣ. Объѣздчикъ
загналъ ее. Люди начали сѣять коноплю, а Ѳеодорова лошадь на
барскомъ дворѣ. Пошелъ Ѳеодоръ за лошадью. Баринъ говоритъ
ему: «свези со двора на загонъ пять возовъ навозу, я отдамъ твою
лошадь». — «Что подѣлаешь, надо свезти», говоритъ Ѳеодоръ.
Взялъ Ѳеодоръ свою лошадь, отправился на барскій дворъ выво·

Ė-e-dër a-taş naoz oz ma-rta, va-ncy — pa-stuḡ va-tki ku-ly ře-ře. Ře-řeš ku-ja. Ėedër a-taş mēre: «ķerće-k moņa-n ķelm' o-jeņt, mēzeks kak maštu-ře». Pa-stuḡuš ķerćeži řeveņt la-ḡksta ojeņt, ma-ksyži Ėedër a-taņtiņ. Uskuḡšt vēti o-snē, Ėe-dër a-taş saš kudu-ḡ. Saš Ėedër a-taş kudu-ḡ, a kožajka-zy kudy-sy a-raš. Pu-tyži o-jeņt, o-rčas ka-lady pa-nar, ka-rmaš sy-rgamy mu-šky ři-dīme. Alaša-nga ku-čiži loma ma-rta, a soņc tuš vīcta. E-řauš te-ņzy mo-ļems vēdeņ do-mbaliḡ. Sonzy vēceņt ulņiš lo-pafty-ž koloda-za. Son puč koloda-ņtiņ ka-ņciryt, o-zaš soņc ka-k i tuš u-ji-me. Aņcak tu-tmađiži ko-loda-ņt be-řekstēnt, ko-lodaš vēlaḡš, i Ėe-dër a-taş praš vēdeņteņ, a kaņciry-tņi tušt vē-deņt la-ḡga uḡi-me. Lišš a-taş vē-ctēnt, saš kudu-ḡ, o-rčas lija pa-nar, ka-jaš mē-šeks ka-ņciryt, ta-ḡy tuš vēdeņ do-mbaliḡ. Pu-tyņži koloda-ņtiņ kaņciry-tņiņ i so-ņc oza-s; a-ņcak tuš uḡi-me, tagy vaja-s. Lišš vē-ctēnt, sa-jiņži ka-ņciry-tņiņ la-ftuḡ laḡgyzy-nga, saš kudu-ḡ. O-rčeži Ėe-dër a-taş rozo-voj banary-nga, tagy tuš to-mba-

зить навозъ. Идетъ Ѳеодоръ съ возомъ навоза, видитъ — пастухъ снимаетъ шкуру съ палой овцы. Овца жирная. Ѳеодоръ говоритъ: «отрѣжь мнѣ сала, на что-нибудь пригодится». Пастухъ вырѣзалъ изъ овцы сало, далъ Ѳеодору. Свезши пять возовъ, Ѳеодоръ пошелъ домой. Пришелъ Ѳеодоръ домой, а жены его нѣтъ дома. Онъ положилъ сало, надѣлъ рваную рубашку, сталъ собираться сѣять коноплю. Лошадь свою онъ послалъ съ людьми, а самъ онъ пошелъ прямо. Ему нужно было идти на ту сторону рѣки. Въ рѣкѣ была замочена его колода. Онъ положилъ коноплю въ колоду, сѣлъ и самъ, и пустился плыть. Только что онъ оттолкнулъ колоду отъ берега, колода перевернулась, и Ѳеодоръ упалъ въ воду, а конопля пошла плавать поверхъ воды. Вышелъ старикъ изъ воды, пришелъ домой, надѣлъ другую рубашку, насыпалъ конопли въ мѣшокъ, опять пошелъ на ту сторону рѣки. Положилъ коноплю въ колоду и самъ сѣлъ; только что пустился плыть, опять упалъ въ воду. Вышелъ изъ воды, взялъ коноплю себѣ на плечи, пошелъ домой. Надѣлъ Ѳеодоръ розовую рубашку, опять пошелъ

liŭ. Pu-tyńži koloda-ńtńń kańćiry-ťńń. Ozaś sońć koloda-ńtńń, tuś uji-me. Ujś ve-deń belevi-c, a songy a-laša vetećatńi lo-matńi uś sa-šť i va-nyť, koda. Feděr a-ťaś jutě. Pa-ćkić Feděr a-ťaś pelevi-c i meři langzy-nyzy vanyća-ťńńńń: «ujńa-t, ujńa-t, to-na-dat u-jńńme». A-ńćak ke-ńeřć i-šťa me-ře-me, ve-laűś ko-lo-daś, čo-paűś Fe-děr a-ťaś ve-deńť ku-ńćka-vi-c. Va-ncy Fe-děr a-ťaś — ju-tams kaduűś a-lama i ko-ški pana-ryzy ara-ś; tuś vi-cty to-mbaľiű. Liśś ve-ctěńť Feděr a-ťaś, vi-diži muškyńť i ka-rmaś so-kama. Saś kuduű Fe-děr ba-baś. So-ńďaűzy jo-ftaśť, koda Fe-děr aťaś va-jśiś. Feděr ba-baś va-ršťaś źeřďalaűks, rozo-voj ba-naryś a-raś. Tuś Fe-děr ba-baś to-mbaľiű, karma-ś Feděr a-ťańť a-znuma. Fe-děr a-ťaś kulcy-nyś kulcy-nyś, me-lezy moľć, ka-dyži so-kańť i ka-rmaś Fe-děr ba-bańť lo-kűsy ćau-manza. Fe-děr ba-baś ćijńiś ćijńiś muűkńiń la-űga, Fe-děr a-ťaś ja-ľy a-kady e-űsěnga. Jortouś Fe-děr ba-baś vēc i ka-rmaś ve-ctěńť a-znuma. Fe-děr a-ťańť lo-kűśě a-satě. Son goćkaś elezě-nyzy po-koľť i kar-

на ту сторону. Положилъ коноплю въ колоду. Сълзъ самъ въ ко-
лоду, пошелъ плыть. Доплылъ до середины рѣки, а ведшіе его
лошадь люди уже пришли и смотрять, какъ переправляется Фе-
доръ. Дошелъ Федоръ до половины и говорить смотрящимъ на
него: «плаваешь, плаваешь, выучишься плавать». Только онъ
успѣлъ такъ сказать, перевернулась колода, Федоръ нырнулъ въ
середину рѣки. Видить Федоръ — перейти осталось немного, и
сухой рубашки у него нѣтъ; онъ пошелъ прямо на ту сторону.
Вышелъ изъ воды Федоръ, разсѣялъ коноплю и сталъ пахать.
Пришла домой Федорова старуха. Ей разсказали, какъ Федоръ
тонулъ. Федорова старуха посмотрѣла на жерздъ, розовой рубашки
нѣтъ. Пошла Федорова старуха на ту сторону, начала клясть Фе-
дора. Федоръ слушалъ, слушалъ, надоѣло ему, бросилъ соху и
сталъ бить Федорову старуху кнутомъ. Федорова старуха бѣжала,
бѣжала по коноплямъ, Федоръ все ея не оставляетъ. Бросилась
Федорова старуха въ воду и начала его клясть изъ воды. Федо-

maš Fédèr ba·bañt laŋks jovré·mé. Fédèr ba·baš va·ncy teŧt be·ra·tt, ju·taš te bo·kau i méri Fédèr a·tañtiñ: «mon doñcet kak teŧet tejsa», i tuš kudu·u. Fédèr a·taš ka·rmaš so·kama, a Fè·dèrnèza ba·baš sa·jiži Fédèr atañt u·skuft ke·lm' o·jeñt, te·jñiži cómara·ks i sè·véze. So·kauš Fédèr a·tañt pí·riza, saš kudu·u, pe·rgaftyži alaša·nza i mére: «a testy ke·lm' o·ješ ko·sa?» — «A mon gosta so·dan», méri Fè·dèr ba·baš. — «Vana·t, ki·skat sa·lyž, a mon pastuxuñ gé·cty ke·céftekšnéne, méran: méjs kak ma·štuve», méri a·taš. — «A še mé·žeñ oj ulñi·š?» méri Fè·dèr ba·baš. — «Mon guly révi la·ŋksty pastuxuñ gé·cty ke·céfte·kšnéne». A·ñcak Fédèr baba·š né va·ltnyñ ma·riñže, koda ka·rmi u·sknuma. — «Ton deŧke», méri Fè·dèr a·taš. Koda karñi Fè·dèr ba·bañt lo·ksšy čaumanza, a Fédèr ba·baš a·ñcak te·jñe: «va·j, mon, va·j, mon». — Fédèr atañt mu·škyš lišš véseme·dy i·kile. Té, vana·t, tedy, šty son načky pa·narcy ví·diže.

Записано отъ Р. Θ. Учаева.

ровъ кнутъ не достаетъ. Онъ собралъ въ полу комки земли и сталъ кидать въ Оедорову старуху. Оедорова старуха видитъ — дѣло плохо, перешла на ту сторону и говоритъ Оедору: «я и сама съ тобою сдѣлаюсь», и пошла домой. Оедоръ сталъ пахать, а Оедорова старуха взяла привезенное Оедоромъ сало, изготовила его на вареники и съѣла его. Попахалъ Оедоръ свое гумно, пришелъ домой, отложилъ лошадь и говоритъ: «а отсюда сало гдѣ?» — «А я откуда знаю?» говоритъ Оедорова старуха. — «Видно, собаки стащили, а я велѣлъ пастуху отрѣзать, говорю: на что-нибудь пригодится», говоритъ старикъ. — «А это чье было сало?» говоритъ Оедорова старуха. — «Я велѣлъ пастуху отрѣзать отъ палой овцы». Только услышала Оедорова старуха эти слова, какъ начала блевать. — «Ты слопала», говоритъ Оедоръ. Какъ начнетъ Оедоръ бить Оедорову старуху кнутомъ, а Оедорова старуха только повторяетъ: «охъ я, охъ я». — У Оедора конопля взошла раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ. Это, видно, оттого, что онъ посѣялъ ее въ мокрой рубашкѣ.

Mon ulñiñ bednějeñ pastuxyn d'eħter. Pañciñ bojaryñ bukat, vanyñ velen zdadat. Stadavanuma teħterneñ višks. Mon erva tujimsty kažnyj valčki avarďan, prákam zajsá kavalalyn, palkam noldasa bokam guvalt, tujan gardaz udalga, píriñ bačk, veden žudiťka, štobu lomatt ilañiz nek. Vantana velemaalasy pandy laŋksa, velesty kiť moľet vanca, kijavañť kijak ardě. Mon vešňan veden žudiť ešťañ ġekšems, štobu lomañis ilamam nek. Lomañis vakskanyk ardě, jutasañiz, mon veden žudiťkstyñť lišan, štobu ilamam nek. Mejli maksymiz mirdiñiñ. Širotat kudysyñť, kafty parějden, ataftum, parěħne moñ mirdiñti odavañ, auľ rodněħť, odavañ eħť. Ereñek kafty gott, moñceñ bakša čačs, tagy kafty gott jutašť, kolmočekstěñť Roman čačs. Bedněħť ulñiñik, orčaftums pakšatñiñ laŋks nemežä, andums kak nemežďä, ešťañ orčams nemežä. Mon garmiñ Vėripazyñti oznoma, ešťañ guluma vešnerne; činiť veñek jaly kuluma vešėñ: «Kuluftumak, kořmeñeckemat, čit ili vet; vec moľemsty kuluftumak, čem moñañ pakšatñiñ laŋks

Я была дочерью бѣднаго пастуха. Я гоняла барскихъ воловъ, я пасла деревенскія стада. Пасты стадо для дѣвушки стыдъ. Я каждое утро при каждомъ выходѣ плачу, хлѣбъ свой возьму подъ мышку, палку свою пушу вдоль своего бока, иду позади дворовъ, черезъ гумна, по водотекамъ, чтобы люди меня не видѣли. Пасемъ мы на горѣ близъ села, изъ села кто идетъ, я вижу, и по дорогѣ кто скачетъ. Я ишу водотека, чтобы мнѣ спрятаться, для того чтобы меня не увидѣли люди. Человѣкъ проскачетъ около насъ, пройдетъ мимо, я выйду изъ водотека, чтобы онъ не увидѣлъ меня. Потомъ меня отдали замужъ. Въ домѣ — сироты, два деверя, свекоръ, девери отъ мачехи моего мужа, не родные, дѣти мачехи. Жили мы два года, у меня родился ребенокъ, опять прошло два года, на третій родился Романъ. Мы были бѣдные, надѣтъ на дѣтей нечего, и накормить нечѣмъ, на себя одѣтъ нечего. Я стала молить Всевышняго, просить себѣ смерти; и днемъ и ночью я все прошу смерти: «Дай мнѣ умереть, кормилецъ ты мой, днемъ или ночью; когда я пойду за водой, дай мнѣ умереть, чѣмъ мнѣ на ре-

nalkšnimada, mońćtań štapy jakams». Mon pek jaly vešėń. Mon buty tejeveń šožďa převeks. Pek naďejin Pazyńti, šty son kuluṡsamam, naďejin Pazyńt laṡks i karmin sodama, šty vidi kulan. Valćki kapšan, teveń mašan—teveń mašsa dy kulan. Kapšan—brovońne teveń mašsa i ućan guluma, ućan ućan, a kulan. Cokšni provońni teveń mašsa, veńbeť ućan taga, kulan. Tatam jakaš ošoṡ, sazyrum turtuṡ ramaš bidyun langaks. Mon moleń tiťań guduṡ. Sazyrum meťa: «Pataj, mońań bu pary styćat». — «Mejs?» mon ġeṡkšteńe. — «Vany, tatam bidyunyks laṡga ramaš mońań». — A moń melezėn šo rovno leć: «davaj mońć stasa toń bidyunyńť». Son garmaš mon laṡksa muskylama. — «Mon vešan zdycat, patam-styća, ton kolasyť, moń amakssyń dońat». — Mon aryń pazavatńin garća dy meťan: «Kořmaj, toń ġecty kuluma vešan, ton amaksat, rodnėen ġecty žalama vešan, ejsėn ažalif; saṡš pram bovams». — Tatam meťi pećkalaṡksa: «Ćem ištatt vaľt mařamuda ejďem beľďa, kadyk kalasyńžā dy Oľaj stasyńžā». Aulińzi makst

бять разстраиваться, самой мнѣ ходить голой». Я постоянно сильно просила. Я сдѣлалась будто слабоумной. Очень надѣялась на Бога, что онъ дастъ мнѣ смерть, надѣялась на Бога и стала сознать, что впрямь умру. Утромъ спѣшу, кончаю свою работу — кончу работу, и умру. Спѣшу — поскорѣе кончу работу, и жду смерти, жду, жду, не умираю. Вечеромъ поскорѣе кончу работу, всю ночь опять жду — помру. Отецъ мой съѣздивъ въ городъ и купилъ сестрѣ на верхъ бедуина. Я пошла въ отцовъ домъ. Сестра моя говорить: «Старшая сестрица, мнѣ бы хорошихъ портнихъ». — «На что?» спросила я ее. — «Вотъ, отецъ купилъ мнѣ верхъ на бедуинъ». — А мнѣ на умъ точно вспало: «давай я сама сошью твой бедуинъ». Она начала смѣяться надо мной. — «Я ищу портнихъ, сестрица-портниха, ты испортишь, я не дамъ тебѣ». — Я стала передъ образомъ и говорю: «Кормилецъ, я прошу у тебя смерти, ты не даешь, я прошу у родныхъ пожалѣть меня, меня не жалѣютъ; пришло — повѣситься». — Отецъ говорить на печкѣ: «Чѣмъ слушать такія рѣчи отъ своего дитяти, пусть испортитъ да сошьетъ

dařak, iřtak i řram povaliřne. Iřta mon eřeř jalā. Meřli mirdiřm marťa ařřitana řau kudysa. Roman ġecēn, mirdiřm durtuř mēfan: «Ton mēz dumat? Roman ġasyndařaj, karři mĩncĩnik lacy řiřčiřne». Mirdiřm mēřā: «Koda ina, znam iřta karři řiřčiřne». Mon mēfan: «Kabu tonaftums kozēj ġak!» — «Meřsy mĩř donauřsyřnik?» — Mon mēfan: «Luřy purnak da tonaftyk». Son mořař mēřā: «Ton azdasak kodamy purnamuř, mon zodassa. Purnař atonaftuře. Koda Pas mēři, dy iřta. Pas vanyndařasy, makřsyřnik tonafĩřne». Meřlā son ġařř. Purnyře sēřriēne, proořeēne učiřilnař. Tonafĩři ře ġod, karmař omboře tonafĩřne. Sonřy purnyř morařtuma. Mon řiřnik řeřek oznan Pazyřti: «maksyzy, Kořmajř, pary řřeřř». Tonafĩři pařeře. Učiřilĩřt mēře tuř, popořt mēře tuř; barckyj zdarystař morařĩři martyst, mēlezēřzy tuř. Mĩř zajiřnik dy ořoř uskiřnik. Kařdiřircckyjs makřsyřnik. Mēřeē eřař. Popoř mēřā: «Pakřšař para, ġmauřsyřk tosa, sařiřk tosta, Alakřořkař maksyřk». Bar-

Овдотья». Если бы онъ не далъ, я такъ и повѣсилась бы. Такъ я все жила. Потомъ мы съ мужемъ жили въ пустомъ домѣ. Романъ у меня на рукахъ, я говорю мужу: «Ты что думаешь? Романъ, если выростетъ, начнетъ страдать, какъ мы». Мужъ мой говорить: «Какъ же, знамо такъ же будетъ страдать». Я говорю: «Какъ бы выучить его чему-нибудь!» — «На что мы его выучимъ?» — Я говорю: «Лучше ходи по міру да выучи его». Онъ мнѣ говорить: «Ты не знаешь, каково ходить по міру, я знаю. Ходя по міру, нельзя выучить. Какъ Богъ скажетъ, да будетъ. Если Богъ его упасетъ, мы отдадимъ его учиться». Потомъ онъ выросъ. Я собрала его, снарядила, проводила его въ школу. Онъ учился годъ, сталъ учиться другой годъ. Его выбрали пѣть. Я день и ночь молю Бога: «подай, Кормилецъ, хорошее пониманіе». Учился онъ хорошо. Учителю онъ понравился, попу онъ понравился; барскій староста пѣлъ съ ними, ему онъ понравился. Мы взяли да повезли его въ городъ. Отдали въ кондитерскую. Жилъ онъ мѣсяцъ. Попъ говорить: «Парень хорошій, погубите вы его тамъ, возьмите его оттуда, отдайте его въ Алексѣевку».

ckyj zda·rystaś me·řä: «Saji·ŋk to·sta. Pa·kšaś para·, kolne·mi
karŋi tesa·, jumaŋsyŋk». Miŋ sajiniŋ ošta, Alakso·fkaŋ ma·ks-
syŋiŋ. Kojkak jaly Kisynzy pandyniŋ počsa·, jamkssa·, jarmaksa·.
Tataza· i·zvojs molä meža· kojkak; piščiŋiŋ jala. Piščima·da
žardy·jak řidna· a lotkatana jak. Nej van omboeś eřa·vi to·naf-
tums, řady valksyś a satē, aŋciŋ ja·rmaksa, dy eřa·vi pilgizynzy
dy la·ŋgyzynza, dy kudynyk ka·lać. Tejems neŋejsa; řuryŋ žaču-
mat araśt. řidiž gak a·lama, moda· a·raś. Skalnyś mijims, pak-
šaŋni vačy ka·duviť. Kudyś jal teŋi apu·tuve. Romanyŋ ģirgasy
molťanak veśe, řiznamudy kulumazynyk a lotkatana jak. Teŋi
marťa kulytana jak. Veśeŋezy řiřiŋ. Prodovolštviĵa řiřiŋiŋ
amaksyť veśeŋeŋ, aŋciŋ kolmoŋeŋ. Čorat učiťil, keŋi, řřatanzat.

Записано отъ старушки Учаевой.

Koda ulřiś golodnej god, sajŋiŋiŋ kabal Anaso·voŋ ģecty de-
řatina. Moŋeŋek nuĵime; deřatiŋaś satyć Čardyŋ veđeŋť kuŋaľt.

Барскій староста говорить: «Возьмите его оттуда. Парень хоро-
шій, станетъ тамъ баловаться, погубите вы его». Мы взяли его
изъ города, отдали въ Алексѣевку. Кое какъ мы за него все время
платили мукой, крупой, деньгами. Отецъ его ѣздилъ въ извозъ за
чѣмъ-нибудь; страдали все время. Видно, никогда и не переста-
немъ страдать. Теперь вотъ надо учить второго, ста рублей не
хватить только деньгами, да надо ему на обувь да на одежду, да
изба у насъ развалилась. Сдѣлать не на что; урожаявъ нѣтъ. И
посѣяно не много, земли нѣтъ. Корову продать, дѣти останутся
голодными. Дома все равно не выстроишь. Всѣ мы ѣдемъ на Ро-
мановой шеѣ и не перестанемъ, вѣроятно, скорбѣть до самой
смерти. Съ этимъ же и помремъ. Всего (насъ) семеро. Продоволь-
ствіе намъ дають не всѣмъ, только троимъ. Сынъ твой, молъ,
учитель, прокормить тебя.

Когда былъ голодный годъ, мы брали у Аносова въ кабалу
десятину. Мы отправились жать; десятина досталась вдоль рѣки

Roman ulńńś pakšyńă. Vašńń deŭterńńś šedĩ pokške. Vĩška parėj-
deš eŭt vanć. Sońćenzy čisty kumuŭa taŭe, mĩrdĩm ŷgamunzy
nuje, bratyza udalynzy ašči jala, tarvazyńt čarafty dy morė, a
mon pakšatńńń vakssy dy sėfedėcańt vakssy aščan; ģekoŭ gadums,
ńedlań beřt nujĩnik ejsėnga. Koda kepeti pĩzińi, mĩrdĩm komauš
řidvatt, teješ šalaŭ. Son zajiŷi sėfedėcańt bratynza, mon pakšatń
Romanyń, pokš teŭter bakšyńńś vakssyn. Pĩziš, pĩziš pĩzińiś. Koda
tujă alganyk vėd, tejeŭś jakšama, valckă kelńśekšńėnek. Jarcams
teńek ģėmeŷda. Kšyńyk vėšă. Pakšatńi vėšet, mĩńańnik maksums
araš. Pašiba Anasuvńiń, jamkskit makss, kašyńi pĩdĩńik, šedy
jarcyńik. Ķemgaftovy škirda nujĩnik; mĩrdĩm ģedezy ištaška tar-
gyjš. Našila mėneńek.

Записано отъ старушки Учаевой.

Minik ka-rčy eři vė loma-ń ģe-mezy Ma-tvĩj. Ma-tvĩjiń ara-š
kardazy-za, ara-š o-rtaza. A-ńćak ku-dynzy u-dala ašči vĩ-ška

Чардыма. Романъ былъ маленькимъ мальчикомъ. Первая дочка
не много старше. Младшій деверъ нянчилъ дѣтей. Его каждый
день была лихорадка, мужъ мой жнетъ одинъ, братъ его все сзади
него вертитъ серпомъ и поетъ, а я сижу около дѣтей и около
больного; некуда оставить, цѣлую недѣлю мы ее жали. Когда
поднялся дождь, мужъ мой опрокинулъ телѣгу, сдѣлалъ ша-
лашъ. Онъ взялъ больного своего брата, а я малаго Романа,
а старшая дѣвочка около меня. Шелъ, шелъ дождь. Когда по-
шла вода подъ насъ, сдѣлалось холодно, утромъ мы было за-
мерзли. Ъсть намъ нечего. Хлѣбъ весь. Дѣти просятъ, намъ дать
нечего. Спасибо Аносову, онъ далъ намъ пшеница, сварили мы
кашку, ея поѣли. Двѣнадцать скирдъ мы нажали; у мужа рука
вотъ такая вспухла. Насилу мы вырвались.

Противъ насъ живетъ одинъ человекъ по имени Матвѣй. У
Матвѣя нѣтъ двора, нѣтъ воротъ. Только за его домомъ стоитъ

ka·rdyńe. Ma·tvij — o·xo·tnik; u·li ružyja·za, a kiska·t, za·ry
ež ve·tńe, ve·jkijak ke·e·nzy a e·re. Moń a·vam sty; koda· ulńiń
vi·škińe, mon gak ma·rtynzy styń. Mi·ńik u·lńis ki·skanyk, le·
mezy Bu·jan. Bu·janyś u·lńis vi·ška va·šyška. Věšt ašćiń žokšńi,
mon zdan. Buja·nyś va·lmaly u·dy kudybokala·ŋksa. Styń, styń,
mařasa — Buja·nyś ka·rmaś ve·lafńi·me. Meli ka·rmaś o·ŋgoma,
ci·jńińe, ka·unuma i mu·kuryńt išta· va·lmańtiń neža·dize, va·l
maś na·tyj ca·tyrdě. Mon varšta·ksyliń va·lmavańt dy Buja·nyś
ašći va·lmańt ka·rča. Mon ždi·ń, mo·lan li·ja va·lmas. Vanca —
Buja·nyń ka·rča puly·nzy laŋksa loŋ žušmy laŋksa ašći ve·rge·z.
Mini·k Buja·nyś pokš, a ve·rgezės ka·ŋkšt šedi pokš. Ašći ve·f
gezės puly·nzy la·ŋksa, a šelmenzy buty tol baly·t. Mo·n molen
tagy· vašiń va·lmańtiń, konańiń Buja·nyś mukuryńzy pšći·dize,
stu·kadiń kaŋkšt va·lmańt, dy še·rgeden: «Buja·n, uzy». Bu·janyś
skokač kudybo·kańt la·ŋksta, gru·tcynzy, išta· pek ve·rgezėńt,
va·čkidize, ve·rgezės na·taj gunct praś. Na·puštaś ve·rgezės Mať

маленькій хлѣвѣушокъ. Матвѣй — охотникъ; у него есть ружье,
а собаки, сколько онъ ихъ не водить, ни одна не живетъ у него.
Мать моя шьетъ; когда я былъ маленькимъ, и я шилъ съ нею
вмѣстѣ. У насъ была собака, по имени Буянъ. Буянъ былъ съ
маленькаго теленка. Однажды я сидѣлъ вечеромъ, я пью. Буянъ
спитъ подъ окошкомъ на заваленкѣ. Я шилъ, шилъ, слышу —
Буянъ началъ ворочаться. Загѣмъ онъ началъ лаять, визжать,
скалить зубами и такъ прижалъ свой задъ къ окну, что окошко даже
затрещало. Я хотѣлъ было посмотрѣть въ окно, да Буянъ стоитъ
противъ окна. Я всталъ, иду къ другому окну. Вижу — противъ
Буяна на хвостѣ на кучѣ снѣга сидитъ волкъ. Нашъ Буянъ ве
ликъ, а волкъ вдвое больше. Сидитъ волкъ на хвостѣ своемъ, а
глаза его точно огонь горять. Я пошелъ опять къ первому окну,
къ которому Буянъ прислонилъ свой задъ, стукнулъ два раза по
окну и крикнулъ: «Буянъ, вызы». Буянъ соскочилъ съ заваленки,
сгрудилъ волка, такъ сильно ударилъ его, что волкъ даже упалъ
навзничъ. Волкъ побѣжалъ въ сторону Матвѣя. Буянъ побѣжалъ

vijín be·leŕ. Bu·janyś na·puśtaś me·lganza. Še škańt liśś šabra·ń
 ği·skińe, na·puśtaś Buja·nyńt marta ve·rgezeńt me·lga. Pa·ńiź
 ve·rgezeńt Ma·tvijín gu·dyń udalu·ŭ, kurudyź ga·rdyńińt bo·kas.
 Ve·rgeześ vancy — teft be·raťt. Koda ka·puďiźi šabra·ń ği·ski
 nińt. Kiśkińińtij, vanat, pek ma·ra·ś. Koda·karmi ği·jńime. Mať
 vij u·lńiś peckala·ŕksa, kepe. Ma·řiźi ki·skińińt ğijnima·da, čať
 ki·ć, šty te ve·rge·z. Ka·puďiźi Ma·ťvij ruzyja·nga, liśś ušu·ŭ,
 va·ncy ka·rdyńińt bokasy kiska·tńi tu·řit ve·rgez ma·rta. Čijś
 Ma·ťvij ki·skatńiń vakss, ve·rgeześ kiskatńi·da na·puśtas. Ma·ťvij
 na·puśtaś ve·rgezeńt me·lga. Ve·rgeześ a·rdè ardè, Bu·janyś sa·
 sasè; ku·ndasy la·škady, ki·rdĩ ejsenza. Še·škańt ğiji malaŭ
 Ma·ťvij. A·ńcak bu ve·rgezeńt va·čkidĩms, ve·rgeześ ta·gy na·
 pušte. Ta·gy sasa·sy Bu·janyś, ta·gy ki·řcè, tagy vi·dizyst ğiji
 Ma·ťvij. A·ńcak bu va·čkidĩms, ve·rgeześ tagy me·ne. Išta ve·r
 gezeńt ma·rty Bu·janyś ma·ńiź Ma·tvijín va·jgilbeń da·rkaška
 ve·ledèńt. Mełi ve·rgeześ na·puśtaś sedĩ bo·jkasta, a Bu·janyś,

за нимъ. Въ то время вышла сосѣдская собачка и побѣжала
 вмѣстѣ съ Буяномъ за волкомъ. Погнали волка на зады Матвѣева
 дома, загнали къ стѣнѣ хлѣвушка. Волкъ видитъ — дѣло плохо.
 Какъ схватить сосѣдскую собачку. Собачкѣ, видно, больно пока
 залось. Какъ начнетъ она визжать. Матвѣй былъ на печкѣ, босой.
 Услышалъ онъ визгъ собачки, понялъ, что то волкъ. Схватилъ Мат
 вѣй свое ружье, вышелъ наружу, видитъ—у хлѣвушка собаки
 грызутся съ волкомъ. Побѣжалъ Матвѣй къ собакамъ, волкъ
 убѣжалъ отъ собакъ. Матвѣй побѣжалъ за волкомъ. Волкъ ска
 четъ, скачетъ, Буянь его догоняетъ; схватить за ляжки, держать
 его. Въ то время подбѣгаетъ Матвѣй. Только бы ударить волка,
 волкъ опять убѣжить. Опять схватить его Буянь, опять держать
 его, опять къ нимъ бѣжить Матвѣй. Только бы ударить, волкъ
 опять вырвется. Такъ Буянь вмѣстѣ съ волкомъ заманили Матвѣя,
 на разстояніе около версты отъ села. Затѣмъ волкъ побѣжалъ ско
 рѣе, а Буянь, видно, утомился, пошелъ въ сторону, легъ на жи

vanat, šiziš, tuš vépeleŋ, mač peke·nzy lan̋ks dy nolci la·pkanza. Še·sty a·ńcak Matvij fa·taš, šty son gepe ašči końelka·va loŋ bo·ca. Koda tu·ji čijime, čiji, či·ji, pu·purde. Čijs koj ka·k ku·du·ŋ, kušš pečkala·ŋks, kepeđe·nzi pi·lginzy vé·reŋ. Kafty nedlat Ma·tvij aščis ke·peđen bi·lkt i ista· pek pižniš, na·taj ulca·ń droks mek mi·nańik maŋa·uś.

Записано отъ Р. О. Учаева.

Васыщть кафты ломатть и кармасть кортама. — Кода тефне? мери вейкесь. — Беда! мери омбоцесь. — Неймень беда, коли миникъ пельксесь изъне! — Миникъ пельксесь изъни ды конанинъ гонанинъ пекъ салуѣ. — Кода салуѣ? — Кода! Ваны тонь зѣрат саизь, а монь олгѣн бултызь. — Мон зѣраньть кис а ризнан, аныцкъ бу миникъ пельксесь изъняль. А тонь госты олгѣт пултызь? — Одзѣранетьни чокшненьтень злыдарьдить и морѣть од морѣт, а полицѣйскѣйтни эйсѣт куньцитъ. Сыть миникъ пеѣ,

вотъ и лижетъ свои лапы. Только тогда Матвѣй хватился, что онъ босой стоитъ по колѣна въ снѣгу. Какъ пойдетъ онъ бѣжать, бѣжить, бѣжить, упадетъ. Прибѣжалъ кое-какъ въ домъ, влѣзъ на печку, поднялъ ноги кверху. Двѣ недѣли Матвѣй лежалъ съ поднятыми ногами и такъ сильно кричалъ, что инда даже черезъ улицу намъ было его слышно.

Встрѣтились два человѣка и начали говорить. — Какъ дѣла? говорить первый. — Бѣда! говорить второй. — Теперь что за бѣда, когда одолѣваетъ наша половина! — Наша половина одолѣваетъ, да кое-кому очень солоно. — Какъ солоно? — Какъ! Вотъ твоего сына взяли, а мою солону сожгли. — Я не печалюсь за сына, только бы одолѣла наша половина. А твою солону гдѣ сожгли? — Молодые парни вечеромъ шатаются и поютъ новыя пѣсни, а полицейскіе ловятъ ихъ. Придутъ въ нашу сторону,

заи эрва полицѣйскэйсь монь омѣцты везанка олга, ды кирвайсы ды эжне. — Ды косы тонь олкне? — Кардаз удалуу ускси-кшнынь, седи малау, ды ней полицѣйскэйтъ эждан.

Ве ава Порт-Артурыньтинь мерьць Орта-тула. Се авась ма-рясь улыцясы лия авань белди, шты Порт-Артурыньть саизь Японичнэ. Сась авась кудуу ды мирьдинцтынь мере: «Лѣф! а Лѣф! Ортатулыньть саизь». А мирьдись думи сынцт ортатулыст кияк саизи и мери козяйканьть карча: «Кона нона саизе? Прянсы лазумс уливилъ!» — «Ойнасы саязы!» мери козяйкась. — «Мень нонань гис тоу заизь? Мень нонат тосы мартынсы тейнеть?» мери мирь-дись. Козяйкась кармасть ёфнеме: «авуль зыпцт ортатулыньть саизь, а Порт-Артур городаньть саизь Японичнэ Руснынь гецта». — «Нонатыни а улитъ Порт-Артур городаньть марта, эряви як пекъ.

возьметъ каждый полицейскій вязанку изъ моего омѣта да заж-жѣтъ и грѣтся. — Да гдѣ твоя солома? — Я свезъ позадь двора поближе, а теперъ грѣю полицейскихъ.

Одна старуха называла Портъ-Артуръ Орта-тула [воротняя втулка, воротній запоръ]. Эта старуха слышала на улицѣ отъ другой женщины, что Японцы взяли Портъ-Артуръ. Пришла старуха домой и говоритъ своему мужу: «Лѣвъ! а Лѣвъ! Взяли Ортатулъ». А мужъ думаетъ, что кто-нибудь взялъ ихъ воротній запоръ и говоритъ въ отвѣтъ женѣ: «Какой чортъ взялъ? Разбить бы его голову!» — «На войнѣ взяли!» говоритъ жена. — «На коего чорта взяли его туда? Что сдѣлають черти съ нимъ тамъ?» говоритъ мужъ. Жена начала говорить, что взяли не ихъ ворот-ній запоръ, а городъ Портъ-Артуръ взяли японцы у русскихъ. — «Пропади эти черти съ городомъ Портъ-Артуромъ, больно ужъ

А мон цалы, миникь ортатулыньть саизь, бачкинъ бачк танда-дыкшынынъ», мери мирьдисъ козяйканъть карча.

Госьтесь. (Невсь тейтерьбакшанъть ланкс). — Кщирьди што-ли?

Авась. — Вай, а кщирьди. Монъць как эйсэнзы ванцтан. Ушка сюкуртнынъ варчтасынъ. (Варчтась пецькас).

Тейтерьбакшась. — Авай, дуика пацям.

Авась. — Ази-ази! эйдякай, кусть пецькаланкс.

Госьтесь. — Продовольствіянк сатыць?

Авась. — Арась! нили улафт истяк састъ Конат розъ марты як састъ, сетъ как авуль веси ускизь. Тынгъ косы од гудысь?

Госьтесь. — Эль аздасак ташты тарканъть...

Авась. — Земскэй начальникинъть кисканъ андыцясь ёфнесъ, Москоўсы студеттнэ пекъ ламы ломатъ чаусть.

нужно. А я думалъ, что взяли нашъ воротній запоръ, очень я испугался», говорить мужъ въ отвѣтъ женѣ.

Гость. (Показываетъ на дѣвочку). — Прядетъ что-ли?

Женщина. — Охъ, не прядетъ. Я и сама ее караулю. Дай-ка я посмотрю на лепешки. (Посмотрѣла въ печку).

Дѣвочка. — Матушка, дай-ка мой платокъ.

Женщина. — Ступай-ступай! дитятко, лѣзь на печку.

Гость. — Продовольствія вамъ хватило?

Женщина. — Нѣтъ! четыре воза пришли пустые. И тѣ, которые пріѣхали съ рожью, не всю привезли. Гдѣ вашъ новый домъ?

Гость. — Или не знаешь стараго мѣста...

Женщина. — Псарь земскаго начальника говорилъ, что въ Москвѣ студенты убили очень много людей.

Госьтесъ. — А миньдяникъ, кели, кияинась пасиба ёфтэ: аламы пултыникъ.

Авась. — Кода серъдешнэйтъ менеди Заотца?

Госьтесъ. — Заотцы минь газакнининь аулиникъ понкт ды винась мешась. (Эръзятъни, кода мольцъть Елчанскый уутырыньть пултама, муизь барцкый винатьнинь, зимсть ды казакни весень гуньцизь).

Авась. — Тон гак улыньть Заотца?

Госьтесъ. — Мон Заодов эзень яка, монъ гаднымизь гонё-хоксъ.

Авась. — Кода ины чарькидиди, шты казакт састъ?

Госьтесъ. — Кода! Минь вантана барцкый алашаньнинь; ванцыникъ, эръзятъни Заотцы ардыть прянь-болданъ зиньдизь. Кона а ярдэ, нолдасы алашаньть, сонъць пеликулысты туи кудуу.

Авась. — Вай! серъдешнэйтъ.

Госьтесъ. — Акиминь Гостя арць, алашаньть ланктсты а вал-гуве, пекъ тандаць. Мон мерял: Госьтя! месьть тоса? А сон гаш-

Гость. — А намъ, говорить, княгиня сказываесть спасибо: не много мы сожгли.

Женщина. — Какъ вы, сердечные, вырвались съ Завода?

Гость. — На Заводѣ мы не попались бы казакамъ да вино помѣшало. (Мордвины, когда ходили жечь Елчанскій хуторъ, нашли барскія вина, выпили, а казаки переловили всѣхъ).

Женщина. — И ты былъ на Заводѣ?

Гость. — Я на Заводъ не ходилъ, меня оставили конюхомъ [караулить барскихъ лошадей Сухокарбулацкой экономіи].

Женщина. — Какъ же вы узнали, что пришли казаки?

Гость. — Какъ! Мы пасемъ барскихъ лошадей; видимъ, что мордвины скачутъ, не жалѣя своихъ головъ, съ Завода. Который не скачетъ, пустить лошадь, а самъ полумертвымъ идетъ домой.

Женщина. — Охъ! сердечные.

Гость. — Акимовъ Костя прискакалъ, не слѣзеть съ лошади, очень испугался. Я говорю: Костя! что тамъ? А онъ мол-

моле. Захарынъ Анисимъ мере: «чавуды эйсэнзы; мекс сон а ёфтэ!»

Авась. — А Заодэнь бултамы чидынть икили мествъ тейнеде?

Госьтесъ. — Сесты тефъни мольцть: молят барцкый гардазуу, зывиль зяры мелет; ярцат-теят ды кудуу.

Авась. — Ды тыньць мейсты кармиде?

Госьтесъ. — Икиливъ гак моленекъ олознэй управа икиливъ. Олознэй бисырьсь лиссь, кармась сёрмалиманьк. Минь зонсы капудиникъ ды жигилёфкас пекстэнекъ. Мельи туиникъ барцкый гардазуу. Барцкый гардазыньть пултыникъ, карминикъ тоўзеры яўшыме. Омбоци чинть миньдяникъ яўшималь зготенась ды коромось, а миникъ кудумысь кандымизь Заодэньть пултама.

Авась. — Ней ванат кискатьнинъ гак саиньси теста?

Госьтесъ. — Кода а сайсынъси, попонэк как оргоць... Темень ура? Авуль чабатарьничить?

Авась. — Кодамы чабатарьничама; васьня куш барцтинаса

чить. Захаровъ Анисимъ говорить: «бейте его: чего онъ не говорить!»

Женщина. — А передъ днёмъ, когда сожгли Заводъ, что вы дѣлали?

Гость. — Тогда дѣла шли (хорошо): пойдешь на барскій дворъ, мяса сколько хочешь; поѣшь немного, да домой.

Женщина. — Да вы съ чего начали?

Гость. — Сначала мы пришли передъ волостную управу. Волостной писарь вышелъ, началъ насъ переписывать. Мы схватили его и заперли въ жигулевку. Потомъ мы пошли на барскій дворъ. Барскій дворъ мы сожгли, начали дѣлить пшеницу. На другой день намъ бы раздѣлить скотину и кормъ, а лѣшій понесъ насъ жечь Заводъ.

Женщина. — Теперъ видно даже собакъ она взяла оттуда?

Гость. — Какъ не возьметъ ихъ она, даже попъ нашъ убѣждалъ... Это что за шило? Не сапожничать ли?

Женщина. — Какое сапожничанье; раньше хотъ на барщинѣ

гривнань битне роботась, а ней зе як арась. Ащат-ащат истяк ды кундат мейс как. Куш эрва теменьть певь мекь ветямунзы амаштана, а ялы мезияк лисе... А ней мечь преўсэнк?

Госьтесь. — Недлячисты думиникь пурнаумы управаў дребувуньянь зёрмадума.

Авась. — Ней эрзянь верень зимийсь коса?

Госьтесь. — Саратуўса. Ней бу неемс ды тоначивь бровожамс.

Авась. — Ней, сей, зоньцензы куда?

Госьтесь. — Я, цей, эрзятнинь бонксэст как нельгененьзе... Темень жлабикь?

Авась. — Те шлабикись Марюў бабань. Марюў бабам ульнись Осанвелень. Кода лиссь миникь велевь, максызи те шлабикить Ковра бабанинь, а Ковра бабам максызи монянь. Ковра бабась ульнись монь роднэй бабам, авань аваза.

онь работалъ за плату въ гривенникъ, а теперь и этого нѣтъ. Сидишь-сидишь безъ дѣла да возьмешься за что-нибудь. Хотя каждое дѣло мы не умѣемъ довести до самаго конца, а все что-нибудь выйдетъ... А теперь что у васъ на умѣ?

Гость. — Въ воскресенье мы рѣшили собраться въ правленіе писать требованіе.

Женщина. — Гдѣ теперь пьющій мордовскую кровь?

Гость. — Въ Саратовѣ. Теперь бы увидѣть его и проводить на тотъ свѣтъ.

Женщина. — Теперь, чай, у него домъ?

Гость. — Да, чай, онъ стаскивалъ съ мордвиновъ даже штаны — Это что за шлабикъ [женскій головной уборъ]?

Женщина. — Этотъ шлабикъ старухи Маріи. Старуха Марія изъ деревни Осановки. Когда она вышла къ намъ въ деревню, она дала этотъ шлабикъ бабушкѣ Хавронѣ, а бабушка Хавронья дала мнѣ. Бабушка Хавронья была моей родной бабушкой, матерью моей матери.

— Ве атя мольць шабрас гирия вешеме. — Э-э-э! сюк тенкы! — Сак тенеки! — Местъ вадънат? (А шабрасъ сёвоньцы вадъни галанка лазуўке). Тонъ бельбондэт уле? — Арасъ! — Мезет ины ули? — Пондом! — Ну, тон дай бондэньты! — Саикъ, ды тон гандыки! — Тоньць как молят. — Продовольствьяньть мельга тоньць штоли якить? — Арасъ, рестаныньть кучнине. — Ней года асатуманьть марта? (Эрьзятънинь эзь заты продовольстви-яст). — Полномочийнытьни магазей утумсты макссызь асату-маньть. — Сынь года смеетъ магазей утумсты сюриньть тока-мунзы? Ды магазей утумсы аньцики кемголмовы понда. — А се розеньть знярц чеереть сэвезь. — А Араба тусь магазей утумуъ розъ мельга? — Араба уш сасъ. — Ростъ усксъ? — Ванат усксъ: местъ бути суфне. — Полномочиньтънинь зыньцист росъни старыста марты саймалъть! — Арабанъ булъ бочтэзы арасъ. — Цей минь максыники тензы колэньгемень үунт. — Цей моньдянь гак якась;

Одинъ старикъ пришелъ къ сосѣду просить гирию. — Э-э-э! поклонъ вамъ! — Иди къ намъ! — Что ты обмазываешь? (А сосѣдъ обмазываетъ трещины голанки глиной). У тебя есть пудовая гирия? — Нѣтъ! — Что же у тебя есть? — Пудовая гирия! — Ну, ты дай пудовую гирию! — Возьми, да ты принеси! — Ты самъ придешь. — За продовольствіемъ что ли ты самъ ходилъ? — Нѣтъ, я послалъ арестанта [сынъ этого старика только что вернулся изъ острога]. — Теперь какъ съ нехваткой? (Мордвъ не хватило продовольствія). — Уполномоченные выдадутъ нехватку изъ магазиннаго амбара. — Они какъ смѣютъ трогать хлѣбъ изъ магазиннаго амбара? Да въ магазинномъ амбарѣ только тринадцать пудовъ. — А ту рожь скоро съѣли мыши. — А Араба [прозваніе одного крестьянина] пошелъ въ магазинный амбаръ за рожью? — Араба ужъ вернулся. — Рожь онъ привезъ? — Видно, привезъ: что то скраиваетъ. — Слѣдовало бы взять рожь у самихъ уполномоченныхъ вмѣстѣ со старостой! — У Арабы нѣтъ ни пылинки муки. — Чай, мы дали ему тридцать фунтовъ. — Чай онъ

мон мерян: адя куш вант, эстяныгак недьяс как а сатытъ. — Азя! Өедя, максыкъ пондэньтъ. — От! Миша туутъинь раминыи колэньгемень золковоень битъне, а мииньи колэньгемень нилинь битъне. — Кодамы Миша!? — Дёгодъ Мишась.

Сась ве ломанъ жабрас, сувась ды лексезеуъсь. — Э-эх! мекс уш пекъ якшама! — Иля корта, кум. Пекъ штоли якшама? — Цей вант нень ланкс (цёрась неуъсь вальматьнинь ланкс, конат ульнисть исьятт кельмеуъкст, шты аныцьк тонадызь можнат ловомс вальмакс). — Тоньць якат как пенцакса. — Цей авуль ги ланкс, кудысты тей года як пачкидян. — Ульцясы мезень жум? — Сывиль микшнить. — Кода? — Вете! — Кода мие? — Ярмакыт максыкъ, сывилиньтъ сайкъ, веси сеса. — Тон ванат Ёлчанкасы удытъ? ¹⁾ — Нама! — Кона порава сытъ? — Валцке. —

1) Мордва ѣздили за продовольственнымъ хлѣбомъ въ Чардымъ, чрезъ Елшанку, опоздали и ночевали въ Елшанкѣ. Дѣло было въ святки, и нужда погнала мордвовъ по деревенской знати славить Христа. (Прим. Р. Ө. Учаева).

и ко мнѣ приходилъ; я говорю: иди хоть взгляни, самому мнѣ и на недѣлю не хватить. — Ступай! Өедя, дай пудовую гиру. — Вотъ! Миша купилъ свиней за тридцать рублей, а продалъ за сорокъ четыре. — Каковъ Миша!? — Дёготъ Миша [«Дёготъ» прозвище отъ торговли дёгтемъ].

Одинъ человекъ пришелъ къ сосѣду, вошелъ и прокряхтѣлъ. — Э-эхъ! ужъ что за сильный холодъ! — Не говори, кумъ. Очень сильный холодъ развѣ? — Чай, посмотри на нихъ (мужикъ показалъ на окна, которыя были такъ заморожены, что только по привычкѣ можно было счесть ихъ за окна). — А самъ ты ходишь въ пинджакѣ. — Чай не въ дорогу, изъ избы сюда какъ-нибудь дойду. — На улицѣ что за шумъ? — Продають мясо. — По чемъ? — По пяти копеекъ. — Какъ онъ продаетъ [т. е. въ долгъ или на чистыя деньги]? — Отдай деньги, возьми мясо, всё тутъ. — Ты, видно, ночевалъ въ Елшанкѣ? — Знамо! — Въ какую пору

А моньдянь Гулинка ёфтась — обеща. Яжамы а нороват моле-
ме? Мон горомс сырган, чалмыть дровнятынй! — Дров-
нятынй эсьтянь эрявить, мельнецяў.—Мельнецяў якат нурца. Ды
тон үотёл ажамы кщеньяды мelyn, а сыргат ней. — Кода Ёл-
чанкасы попоньтень моледи славама? — Кода? моленекъ, комсъ
трёшьникъ максъ. — Местъ мерьць? — Соньць эзь лисьни як,
козяйказы лиссъ ды максъ.—Мельи местъ? — Местъ? пачкынъ-
бачк ужиньиникъ.—Аньцяк попоньтей якиде?—Авуль, ипи кодамы
бути боярнынъ якиникъ; се максъ ведъгемень дрёшникъ. А Чар-
дымсы якиникъ училинйтьи, се максъ ве гривна. А Чардым-
скый бопось эзь банчт как.—Алашатынининъ гак цей местъ как
рамсиде? — Алашатынининъ гудыстынъ гором ульнисъ. — Ку-
дысь кармась эжеме! мери аться. — Толэсь кирпичьининъ бачк
цитирды тей мекъ, мери карчинзы цёраза. — Нейкъ уш лияк-
стумсъ, мери аться.—Кисъ пара? тагы кеўкстеzi атянъть цёрасъ

ты приѣхалъ? — Утромъ! — А мнѣ Акулина говорила — въ
обѣдъ. Не собираешься ѣхать молоть? Я собираюсь за кормомъ,
опростай дровни! — Дровни самому мнѣ нужны, на мельницу.—
На мельницу поѣдешъ на саняхъ. Да ты хотѣлъ молоть послѣ
крещенія, а собираешься теперь. — Какъ вы въ Елшанкѣ ходили
славить къ попу? — Какъ? пришли, онъ далъ намъ двадцать ко-
пеекъ. — Что онъ сказалъ? — Самъ онъ не вышелъ даже, жена
его вышла и дала. — Потомъ что? — Что? поужинали. — Вы
ходили только къ попу? — Нѣтъ, мы ходили еще къ какому-то
барину; тотъ далъ пятнадцать копеекъ. А въ Чердымѣ мы хо-
дили къ учителю, тотъ далъ одинъ гривенникъ. А Чердымскій
попъ даже и не отперъ. — Чай, и лошадямъвы кое-что купили?
— Лошадямъ былъ кормъ, изъ дому взятый. — Изба стала на-
грѣваться! говоритъ старикъ.—Огонь выбиваетъ черезъ кирпичи
даже сюда, говоритъ въ отвѣтъ ему сынъ его.—Теперь ужъ пе-
ремѣнился воздухъ, говоритъ старикъ. — Дорога хорошая? опять
спрссилъ стариковъ сынъ пришедшаго къ нимъ человѣка. — Мы

сыньдяст сыця ломаниньть. — Минь зыникъ, парыль, веть кой-гить састъ, мереть беряниль. — Цей Заодэньть пачк ютамсты пельтяда? — Пельтяна! а вантана як. — Мекс дыкват эзеть печксе? мери атысь цёранцтый. — А те авуль даньгий? кеукстези цёрась тятяньть, неусь ве дыква ланкс. — Тынкь улитъ дыкванк? кеукстези цёрась сыньдяст сыця цёраньть. — Улиты! мери те карчинзы, минь рампинокъ нили ост, эрва озэньть кисы пандынокъ ве цолковой ды комсьветей копийка. Коу ней доныць сыргат? — Молян, вазныньтинъ дыквинить кайя.

Те теу ульнисъ: Ве ломанинь ульнисъ бурый эльдезы ды сивой меренэза. Сась сокамы ланга. Сась ломанисъ паксясты сокамста, бурый эльдесъ вашися. Ломанисъ и думе: вандый бурый эльденъть сокамы кильдимс а еряве, сави аныцяк меренцэньть туимс. Сась валцкинъ зоря. Эрзяньть козяйказы кармасъ эр-

приѣхали, была хорошая, ночью кое-кто приѣхалъ, говорятъ, была плохая. — Чай вы боитесь проѣзжать черезъ Заводъ [одинъ изъ экономическихъ хуторовъ, гдѣ во время аграрныхъ беспорядковъ стояли казаки]? — Боимся! и не смотримъ даже. — Отчего ты не нарѣзалъ свою тыкву, спрашиваетъ старикъ сына. — А эта не сладкая? спросилъ сынъ отца, и показалъ на одну тыкву. — У васъ есть тыквы? спросилъ сынъ у пришедшаго къ нимъ мужика. — Есть! говорить ему въ отвѣтъ этотъ, мы купили четыре воза, за каждый возъ мы заплатили одинъ рубль да двадцать пять копеекъ. Куда ты теперь собираешься? — Я пойду брошу тыковки теленочку.

Это было въ дѣйствительности: У одного человѣка были бурая кобыла и сивый меринъ. Наступила пора пахоты. Пришелъ человѣкъ съ поля съ пашни, бурая кобыла ожеребилась. Человѣкъ и думаетъ: завтра не слѣдуетъ запрягать пахать бурую кобылу, придется отправиться только на меринѣ. Наступила утренняя заря.

сянть стяфтума паксяў. А эрзясь мере: мон уш талай здялнй, ды пелян доподава бурый эльденъть эземс сивой меренънть кундамс, кадыкъ парьцтине ашилгадэ. Парьцти ашилгаць, чизы лисьсь. Эрзясь стясь, кильдизи бурый эльденъть паксяў, а вашынзы кадызи сивой меренънть ваксс. Сокась эрзясь обец. Обед борава юты ума певанса содавикс ломань. — Ней уш паньдя сокамс, андыкъ бурый эльденъть, ды сивоенъть коў-деекъ? мери ломаньць. — Эль де мон бурый эльцънъть сокан? Ваньика, кода манявинь: ведь монъ бурый эльдесъ вашиясь, и мон думинь-арьцинъ зонзы оймамы кадуманса, а сон апак фатя кундыне сокама, а тарказынзы сивоенъть кадыне; пачкынъбачк манявинь — мери эрзясь. Озась эрзясь бурый эльдензы ланкс, тусь кудуў. Сась кудуў, бурый эльдесъ вашынъть малаў гак а нолдэ, и вашысь малазынзы а моле. Юмась-арась вашысь. Кодатт чавыпреветь сидикили улынись ломаттне!

Эрзякова жена стала будить эрзяка (идти) на поле. А эрзякъ говорить: я ужъ давно бы всталъ да боюсь въ темнотѣ взять бурую кобылу вмѣсто сиваго мерина, пускай лучше разсвѣтаетъ. Разсвѣло хорошо, солнце взошло. Эрзякъ всталъ, впрягъ бурую кобылу (ѣхать) на поле, а жеребенка ея оставилъ около сиваго мерина. Пахалъ эрзякъ до обѣда. Въ обѣденную пору проходить по концу его загона знакомый челоуѣкъ. — Теперь ужъ довольно пахать, покорми бурую кобылу, а сиваго куда ты дѣлъ? говорит тотъ челоуѣкъ. — Или это я пашу на бурой кобылѣ? Посмотри-ка какъ я ошибся: вѣдь моя бурая кобыла ожеребилась, и я думалъ-гадалъ оставить ее отдохнуть, а ее, не спохватившись, взялъ пахать, а вмѣсто нея оставилъ сиваго; совсѣмъ я ошибся — говорит эрзякъ. Сѣлъ эрзякъ на бурую кобылу, поѣхалъ домой. Прибылъ домой, бурая кобыла и близко не подпускаетъ къ себѣ жеребенка, и жеребенокъ къ ней не подходитъ. Пропалъ жеребенокъ. Каковы безмозглы были въ старину люди!

Васыщть кафты цѣрат ульця кунчас.

Васиньцисъ. — Кодѣ тѣфни кумъ?

Омбоцесъ. — Местъ кода, Викилынь горомонъ заламсты кундыне.

Васиньцисъ. — Се кода истя?

Омбоцесъ. — Кодѣ! аразьди кармат грехс сувама; авулдынь гецэн ды пара.

Васиньцисъ. — Кодѣ кундыкъ?

Омбоцесъ. — Кодѣ! веть сырғызинь ды а матидиван, а весь ульнисъ валда. Варчтынъ вальмава, а удалды проволкава сы ломань. Теуъс ульнисъ пеливешкане. Мольць-мольць ломанисъ, веляуъс Матвѣинь гардайс. Мон цалы—Матвѣий. Мейли, кода ванан, Матвѣинь гардайсты лисъ, тусъ Викилнынь. А сон Викил, анцяк киньтъ Матвѣинь гардайс теезе. Мон зеск эзень мольть коромом варчама, а моньць думан: ужы ваньк коромось монъ. Валцки кармась ашылгадума, мон лисинь ульцяу. Ащинь аламус, лисъ Петрапнь Максимъ. Мон зерьгедени Максиминь и туиникъ пири

Встрѣтились два мужика на серединѣ улицы.

Первый. — Какъ дѣла, кумъ?

Второй. — Чего, я поймалъ Викулу на воровствѣ корма.

Первый. — Это какъ такъ?

Второй. — Какъ! развѣ станешь соваться на грѣхъ; я развелъ руками да ладно.

Первый. — Какъ ты его поймалъ?

Второй. — Какъ! ночью я проснулся да не могу заснуть, а ночь была свѣтлая. Посмотрѣлъ я въ окно, а по заднему проулку идетъ человекъ. Дѣло было въ полночь. Шель-шель тотъ человекъ вернулся къ Матвѣеву двору. Я подумалъ—Матвѣй. Потомъ, какъ вижу, онъ вышелъ изъ Матвѣева двора, пошелъ къ Вакулу. А это Вакулъ, только путь онъ продѣлалъ въ Матвѣевъ дворъ. Я тогда не пошелъ посмотрѣть на свой кормъ, а самъ я думаю: ужъ видно кормъ мой. Утромъ начало разсвѣтать, я вышелъ на улицу. Побылъ я не много, вышелъ Петрухинъ Максимъ. Я закричалъ

варчама. Мольтяна проволкаванъть, а проволкаванъть уш ки бути ютасъ. Карминикъ киксыньть ваннума, мезияк аздаве. А се молецъсь ульнисъ Викил; аныцяк валцкинъ зоря появасъ, сон гильць алаша ды сонъценсы пириу горомс тусъ. Нолдэзи алашанъть вень гитънинъ эзга, а сонъць моли алашанъть мельга ды грабля мельганъсы уске; Матъвиинъ гардайс китънинъ гак граблясынъть валасъкафтынъсе. Мон мельчкалинъ модемс кардазызынса, ды мези муят? Коромонъть сон залызи пеливешкане; кодак кандызе, пей, гапзи скотенанинъ, а скотенатъни знярц сэвезъ. От, кум, эряк неень бингине!

Васинъцисъ. — Те тон, гум, дюният ёфнят.

Омбоцесъ. — Я, пей, де авуль васинъ раз. Монъ ульнисъ кардазум удала пентги ярыз, веси Викил ганлизе. Улкъ кардайсты лазум юмась. Моленъ, а лязысь уш Викилынъ геца.

Максима и мы пошли смотрѣть гумно. Идемъ мы проулкомъ, а проулкомъ будто кто ужъ проѣзжалъ. Мы стали смотрѣть слѣдъ, ничего не узнаешь. А проѣзжавшій былъ Вакулъ; только появилась утренняя заря, онъ запрягъ лошадь и отправился за своимъ собственнымъ кормомъ на гумно.пустилъ онъ лошадь по слѣдамъ продѣланнымъ ночью, а самъ идетъ за лошадью и тащить за собой грабли. Даже слѣды до Матвѣева двора онъ вычистилъ граблями. Я хотѣлъ было идти на его дворъ, да что найдешь? Кормъ онъ укралъ въ полночь; какъ принесъ его, чай, кинулъ скотинѣ, а скотина уже съѣла. Вотъ кумъ, живи, въ нынѣшнее время!

Первый. — Это ты, кумъ, чудеса рассказываешь.

Второй. — Да, чай это не въ первый разъ. У меня была позади двора куча дровъ, всю переносилъ Вакулъ. Намедни со двора пропала доска. Я пошелъ, а доска ужъ у Вакула.

Ве эрзянь атя ульнись ведун. Сыргась сон звадбас и арцись женихиньть марты невестаньть коламуст. Атяньть ульнись тейтереза. Тейтересь чарькиць атяньть превезэнзы и мере: «тятяй, иля мольть свадьбас; тон беляцямы ломанят; аныцяк женихиньть марты невестаньтинь месть как улить, кармить тонь ланкс пеня-цяма». Атяньть ведувамунзы эсть кирьдифть; мольць соньцензы тейтереньть вакс, токези тейтереньть кутьмирь ланга и мерьць: «а молян, дык а молян». Се токамудыньть мельи кармась тейтереньть кутьмиризьы сэредеме. Секи токамудыньть тейтересь ку-лысь.

Одинъ старикъ эрзякъ былъ колдуномъ. Онъ собрался на свадьбу и задумалъ испортить жениха и невѣсту. У старика была дочь. Дочь догадалась о замыслѣ старика и говорить: «батьюшка, не ходи на свадьбу; ты человекъ, на котораго жалуются; если только съ женихомъ и невѣстой что-нибудь случится, начнутъ жаловаться на тебя». Колдовскія силы старика не могли сдержаться; онъ подошелъ къ собственной дочери, тронулъ дочь по спинѣ и сказалъ: «не пойду, такъ не пойду». Послѣ этого прикосновенія у той дѣвушки стала болѣть спина. Отъ этого прикосновенія та дѣвушка померла.

Приложенія.

I. Пѣсни, записанныя I. А. Цыбинымъ отъ не Оркинской мордвы.

Аньча поланза а вечксэ,
Аньча вастанза а кельксэ.
Аньчань полаза вишкinya,
Аньчань вастаза апокшкя.
Икилий мацьцый, пяля пры,
Удалуу мацьцый, ляпшчава.
— Вай, мон мястинян те поланьть марта?
— Вай, кода карман а мон эряма? —
Вянь куньчкинива Аньча стякшныкшнысь,
Моря берекс молекшнэсь.
— Вай, вядинь кирьдий, вядь ава,
— Вай, морянь кирьдий, морь ава,

Анюта своего мужа не любить,
Анюта своего мужа не можетъ терпѣть,
Анютинъ мужъ маленькій,
Анютинъ супругъ невеликенькій.
Скраю положить его спать, боится упадеть,
Назадъ положить его спать, боится задушить.
— Ой, что я буду дѣлать съ этимъ мужемъ?
— Ой, какъ я стану жить? —
Посреди ноченьки Анюта вставала,
На берегъ моря Анюта приходила.
— Ой, содержащая воду водяная матушка,
— Ой, содержащая море морская матушка,

- Тон листя марын думама,
- Тон листя марын кортама.
- Мон кода тыйса те поланьть,
- Мон кода тыйса те вастаньть?
- Вай, саинькая ойменза,
- Вай, саинькая соньценза. —
- Вянъ куньчъкинива ветека,
- Моря вядьнис кайка. —

Анъча поланза саизя,

Сур принидя кундызя,

Моря берекс ветезя,

Моря вядьнис каизя.

Записано зимой 1905—1906 г. I. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчїи отъ проѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда.

Ванюша поланза а вечксэ,

Ванюша поланза а кельксэ.

-
- Ты выйди-ка подумать со мной,
 - Ты выйди-ка поговорить со мной.
 - Я чтò сдѣлаю съ этимъ мужемъ,
 - Я чтò сдѣлаю съ этимъ супругомъ?
 - Ой, возьмите-ка вы его душу,
 - Ой, возьмите-ка вы его самого. —
 - Посреди ноченьки приведи-ка его (говорять матушки),
 - Въ морскую водицу его брось-ка его. —
- Анюта взяла своего мужа,
Взяла его за кончики пальцевъ,
Привела его на морской берегъ,
Въ морскую водицу бросила его.

Ванюша не любитъ свою жену,

Ванюша не уважаетъ свою жену.

Васылда неезь сѣрмав шекшата,
Малав чаштызь аша килинья.
Киякс кунчкаса повѣдѣнь лавськиза,
Аша сисиянь лавсь лангаксыза,
Пиже рисьминь лавсь ведьменза,
Ярмак пижинь лавсь крюказа.
Сеста-як Ванюша а вечксѣ,
Сеста-як Ванюша а кельксѣ.
Ванюша думась юмафтумынза,
Ванюша думась оймафтумынза.
Васыла вирьнис ускизя.
Кудув гавув вяляфнись,
Карчувастызя однасумынза.
— А моньдеден берянь ульнись козяйкат. —
Кудув гавув сакшнысь,
Киякс кунчкаса повѣдѣнь лавськиза,

Издали смотрѣть — пестрый дятель,
Близко подойти — бѣлая березка.
Посреди пола повѣшенная ея люлька,
Верхъ у люльки изъ бѣлой кисей,
Ремни у люльки изъ зеленыхъ цѣпочекъ,
Крюкъ у люльки изъ красной мѣди.
Поэтому то Ванюша ея не любить,
Поэтому то Ванюша ея не уважаетъ.
Ванюша задумалъ погубить ее,
Ванюша задумалъ убить ее.
Онъ отвезъ ее въ дальній лѣсокъ.
Онъ возвратился домой,
Онъ встрѣтилъ знакомаго.
— А твоя жена была хуже меня. —
Онъ пришелъ домой,
Посреди пола повѣшена ея люлька,

Лавськинть эса цѣра тяказа,
Карксамнива ваця поца.
Вачкыдиньзя кафта кеденза,
Пувырдыньзя кяминь сурынза.

Записано І. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчїи отъ про-
ѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

Вяля, вяля, вялиня!
Вялиньть пяса кудыня.
Кудынисынть довеня,
Довань вяхькя цѣраза.
Сека цѣра тяказа
Мазый Дѣмай лямиза.
А полаза Палага
Вя думниса а думя,
Чефтя ацам а ацѣ,
Сэрий прялскя а путѣ,

Въ люлькѣ сынокъ ея,
По поясъ онъ въ калѣ.
Ударилъ онъ свои обѣ руки,
Согнулъ онъ свои десять пальцевъ.

Деревня, деревня, деревушка!
На концѣ деревни избушка,
Въ избушкѣ вдовушка,
У вдовы одинъ сынъ.
Тотъ сынъ дитя ея
Красивый Дементій по имени.
А жена его Пѣлагя
Одною думушкою не думаетъ,
Мягкой постели не стелеть,
Высокаго изголовья не кладеть,

Лембѣя¹⁾ чуба а вял'тя.

— Полай, полай, Поляша!

— Мясъ вя думса а думат?

— Чѣфтя ацам а ацат,

— Сэрий прялкска а путат.

— Лембѣя¹⁾ чуба а вял'тят? —

— Полай, полай, Дѣмаша,

— Тон юмафтыкъ шкинъ авкат,

— Тон юмафтыкъ тринъ авкат,

— Сеста карман эряма,

— Сеста карман думама,

— Чѣфтя ацам ацама,

— Сэрий прялкска путума,

— Лембѣя¹⁾ чубанъ вял'тяма. —

— Кода юмафца шкинъ авкам!?

— Кода юмафца тринъ авкам!?

1) Въ записи: лембѣя.

Теплою шубою не покрываетъ.

— Жена, жена, Пелагеюшка!

— Отчего ты не думаешь одною думой?

— Не стелешь мягкой постели,

— Не кладешь высокаго изголовья,

— Теплою шубою не покрываешь? —

— Муженекъ, муженекъ, Дѣмушка,

— Ты погуби твою кормилицу матушку,

— Ты погуби твою кормилицу матушку,

— Тогда я стану жить,

— Тогда я стану думать,

— Стлать мягкую постель,

— Класть высокое изголовье,

— Покрывать теплою шубою. —

— Какъ я погублю мою кормилицу матушку!?

— Какъ я погублю мою кормилицу матушку!?

— Потень аша лофцэнза,
— Сэвинь тюжа оенза,
— Маштынъ сядий виинза. —
— Авай, авай, авакай!
— Васыла вирьца лёмзер'т чачцьть,
— Васыла вирьца пешня чачцьть. —
— Илямак маньча, Дёмаша,
— Лёмзер'т чачыть вядь кувалма,
— Пешня чачыть рошчава. —
Тиринь авканза ускизя
И сэрий вирыц юмафтызя,
И кармасть поланза мар'та
Вя думниса думама.

Записано I. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчїи отъ про-
ѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

— Я сосалъ ея бѣлое молоко,
— Я ѣлъ ея желтое сало,
— Я уничтожалъ ея сердечную силу. —
— Матушка, матушка, маменька!
— Въ далекомъ лѣсу уродилась черемуха,
— Въ далекомъ лѣсу уродились орѣхи. —
— Не обманывай меня, Дёмушка,
— Черемуха родится вдоль воды,
— Орѣхи родятся въ рощахъ. —
Онъ повезъ кормилицу матушку
И погубилъ ее въ высокомъ лѣсу,
И стали они съ женой
Думать одною думой.

— Чыяфтыкая, матушкам, Анушань. —

— А чыяфца, сватушкам, Анушань. —

Чыяфтызя матушкам Анушань,

Кшить паня Ануша, калацят,

Бозэня тья Ануша — чан пива,

Брага тья Ануша — чан вина.

Покшесь киялысь Анушань душманьсь,

Покшесь киялысь Анушань злодеесь,

Авафыньт парьцта парычньт салызя,

Анушань парачыс парачыньт вачкизя.

Авафысь фатякшнысь парьцта парачыньти.

— Урват урват, васькамнить,

— Кона саизя монь парьцта парачыньт,

— Кона саизя монь парьцта уличыньт? —

Анушань парьцта парычыньт муизя,

— Кяряк пяньгинить, ушт пси баня.

— Просватай-ка, матушка, Анюту. —

— Не просватаю, сватушка, Анюту. —

Просватала матушка Анюту,

Хлббы печеть Анюта — калачи,

Бозь готовить Анюта — чань пива,

Брагу готовить Анюта — чань вина.

Старшая сноха Анютина лиходѣйка,

Старшая сноха Анютина злодѣйка,

Изъ кадушки свекрови украла имущество,

Въ Анютины вещи наложила то имущество.

Свекровь хватилась имущества въ кадушкѣ.

— Снохи снохи, нѣженки,

— Кто взялъ изъ моей кадушки имущество,

— Кто взялъ изъ моей кадушки добро? —

У Анушки въ кадушкѣ нашла она имущество.

— Наруби дровъ, вытопи горячую баню¹⁾,

1) Говорить Анюта своему мужу.

- Васыня парян пси баняса,
- Мйля юмафца эсь примимь. —
- Полай, полай, Ануша,
- Иляк юмафт тон принит,
- Колма годнэть сивидян алянинь. —
- Иля сивитть монь гиса,
- Мон эсь примимь юмафца. —

Записано І. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчїи отъ про-
ѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

Уляша.

Вялень¹⁾ сѹдія, ѡшень судія Уляшань атяфьсь.

Татѣрь мѣрта Уляша совѣтась,

Татарь марта Уляша дружакшнысь.

— Алинимъ²⁾ татарнѣ, кѣрнемемъ³⁾ татарнѣ,

— Зѣрда тутѣда, зѣрда явдѣда?

Чит. 1) Вялинь, 2) Алининь, 3) корьмененъ.

- Сначала я попарюсь въ горячей банѣ,
- Потомъ погублю свою головушку. —
- Женушка, женушка, Анюта,
- Не губи своей головушки,
- На три годочка я наймусь къ тестю. —
- Не нанимайся изъ за меня,
- Я погублю свою головушку. —

Общественный судья, мірской судья—Уляшинъ свѣкоръ.

Съ татаринѣмъ Уляша совѣтовалась,

Съ татаринѣмъ Уляша дружилась.

— Дяденька татаринъ, кормилецъ татаринъ (?),

— Когда уйдете, когда разстанетесь?

- Сѣимизь моньсакъ¹⁾ мартынкъ. —
- Салѣкъ Уляша, какжалѣть сѣда вѣлкѣ ярмакъ,
- Атѣфѣть — кѣфта сѣтдъ²⁾. —
- Сѣимизь, алинимъ³⁾ татарнѣ, моньгѣкъ тынькъ⁴⁾ марта. —
- Васнѣ салѣтъ⁵⁾ вальманъ сѣрьца⁶⁾ ацѣмытъ⁷⁾,
- Лавцѣнъ сѣрьца⁸⁾, Уляша, тодѣвытъ. —
- А салѣвить, алинимъ³⁾ татарнѣ, ацѣмыкъ⁷⁾:
- Ашѣ⁸⁾ бояръ мирдѣмъ⁹⁾,
- Бояръ-лявксъ тѣранемъ¹⁰⁾ дѣкамъ
- Удѣтъ таркаса.
- Зѣрда тутѣда, алинимъ¹¹⁾ татарнѣ,
- Зѣрда явдѣда, корьменемъ¹²⁾ татарнѣ? —
- Сы пятѣста¹³⁾, сы суботѣста¹⁴⁾, Уляша, тутѣда.
- Сѣимизь, алинимъ¹⁵⁾, тынь моньгѣкъ тынькъ¹⁶⁾ марта.
- Конѣ кѣивѣнѣтъ тутѣда, конѣ кѣивѣнѣтъ явдѣда? —

Чит. 1) моньгѣкъ, 2) кафта сѣттъ, 3) алининъ, 4) тынькъ, 5) салѣтъ, 6) сѣрца, 7) ацѣмытъ, 8) аша (ашы), 9) мирдѣмъ, 10) цѣранемъ, 11) алининъ, 12) корьменѣ, 13) пятѣста, 14) субытаста, 15) алининъ, 16) тынькъ.

-
- Берите меня съ собой. —
 - Укради, Уляша, у деверя сто рублей денегъ,
 - У свекора — двѣсти. —
 - Возьмите, дяденька татаринъ (?), и меня съ собой. —
 - Сперва укради выше окна постель,
 - Съ полку вышиной, Уляша, подушки. —
 - Не украдешь, дяденька татаринъ (?), постелю:
 - Бѣлый баринъ — мужъ,
 - Барченокъ сынъ — ребенокъ
 - Спать на постели.
 - Когда уйдете, дяденька татаринъ (?),
 - Когда разстанетесь, кормилецъ татаринъ (?)? —
 - Въ будущую пятницу, въ будущую субботу, Уляша, уйдемъ.
 - Возьмите, дяденька (?), и меня съ собой.
 - Которой дорогой пойдете, которой дорогой разстанетесь (?)?

- Тайный кйва, Уляша, тутана,
 — Ясля кйвднть, Уляша, явдана. —
 Сайкшнызь Уляшань гусартнэ маристь,
 Ясля кйвнть татарнэ молёкшнестъ.
 Ки вя бôкавъ алашастъ татарнэ пёръгавтызь.
 Вййке татарнысь карьксить понцё,
 Омбôце татарнысь пильнйть ¹⁾ човя.
 — Мязьнинь, алинимь, карькситьнинь понцесеть ²⁾?
 — Мязьнинь, алинимь ³⁾, пйильтнинь човасынкъ?
 — Карькситьнинь — тонь пйльгитъ сюдмысимъ ⁴⁾,
 — Пйильтнинь — тонь кыргать пйчкимъ.
 — Мякъсь монь, алинимь ⁵⁾ татарнэ, пйчксамизь?
 — Мякъсь монь, алинимь ⁵⁾, сгубасамизь?
 — Мякъсь тонь, Уляша, кадъикъ ⁶⁾ аша бояръ полать,
 — Бояръ лйвкъсь тёранъ ⁷⁾ дйкатъ?

Чит. 1) пйильнйть, 2) понцесеть, 3) алининъ, 4) сюдмсимъ, 5) алининъ,
 6) кадъикъ, 7) цёранъ.

- Тайной дорогой, Уляша, уйдемъ,
 — Въ ясляхъ дороги, Уляша, разстанемся. —
 Взяли Уляшу гусары съ собой,
 До яслей дороги татары дошли,
 Около дороги лошадку татары выпрягли.
 Одинъ татаринъ веревки виль,
 Другой татаринъ ножикъ точиль.
 — Зачёмъ, дяденька, веревки вьешь?
 — Зачёмъ, дяденька, ножикъ точишь? —
 — Веревочками — твои ноги связывать,
 — Ножикъ — тебѣ горло рѣзать. —
 — Зачёмъ меня, дяденька татаринъ, зарѣжете?
 — Зачёмъ меня, дяденька, сгубите? —
 — Зачёмъ ты, Уляша, оставила бѣлаго барина мужа,
 — Барченка сына ребенка?

— Сёксъ ¹⁾ тонь, Уляша, пѣктядызь.

Якстирь вяринза ясля кіява нолдызь²⁾,

Сань⁴⁾ качамъ⁵⁾ ойменза Уляшанъ мянйливъ⁸⁾ нолдызь²⁾.

Записано учителемъ с. Оркина Ложкинымъ въ 1904 году.

Машуня.

Пирі уда́лга Ма́шуня васть вѣшнись,

Вяшнись, вяшнись Машуня, эсть муивъ ⁶⁾).

Поланьянза ⁷⁾ Машуня вастызя.

— Дай-ка, полай, пирінять⁸⁾ чавсіса. —

Чавсйсь, чавсйсь Машуня, полàза матїдивъ⁹⁾.

Торгась ¹⁰⁾ п'яиль Машуня, поланза п'ячкизья.

Вить пільгиза Машуня юкснїньзя¹¹⁾,

Вить кàрькскинза Мàшуня таргй'зя.

Чит. 1) Сексъ, 2) поддъзъ, 3) мяниливъ, 4) сѣнь, 5) качамкъсъ, 6) муивъ, 7) полѣненза, 8) пиринитъ, 9) матидивьсь, 10) таргась, 11) юкснизя.

— За это тебя, Уляша, зарѣжемъ. —

Красную кровь въ ясляхъ дороги пустили.

Какъ синій огонекъ, душу Уляши къ небесамъ пустили.

Переводъ сдѣланъ г. Ложкинымъ.

Ср. Орк.

За гумнами Машуня телять искала,

Искала, искала Машуня, не нашла.

Муженька своего Машуня встрѣтила.

— Дай-ка, муженекъ, въ головѣ поищу. —

Искала, искала, Машуня, муженекъ уснулъ.

Вынула ножикъ Машуня, мужа зарѣзала.

Правую ножку (?) Машуня разула,

Правую обору Машуня вынула.

Пола́нть кыргазъ ¹⁾ Ма́шуня килькши́зя.

Ки́лій алу́въ Ма́шуня пола́нть у́скы́зя,

Сёксе ²⁾ лопаса́ Ма́шуня вя́льты́зя.

Ки́ неё́зя Ма́шуня́нь — ря́дй́зя?

Се́мень татаръ Ма́шуня́нь неё́зя,

Се́мень татаръ Ма́шуня́нь ря́дй́зя.

— Мя́ксъ, Ма́шуня, ру́ця полне́тъ ³⁾ вя́рийня?

— Мя́ксъ, Ма́шуня, ка́рь-пи́риня́тъ ⁴⁾ пурга́втъ? —

— Чіе́нь, чіе́нь ⁵⁾, Се́мень татаръ, — пу́пырдынь,

— Ку́ргынъ-чама́нь ⁶⁾, Се́мень татаръ, тапа́вкшны́сть,

— Ру́ця полне́тъ ⁸⁾, Се́мень татаръ, вя́рия́сь,

— Ка́рь-пи́ринимъ ⁷⁾, Се́мень татаръ, пурга́вкшны́сть. —

— И́ля ке́нгеля, Ма́шуня, мо́нь ⁸⁾ э́йса:

— Мо́ньсѣ ⁹⁾ неё́тень — ря́дй́тень ¹⁰⁾.

— Мя́ксъ, Ма́шуня, пола́тъ пя́чкинь ¹¹⁾?

Чит. 1) кыргасъ, 2) сёкса (сёкси), 3) полнѣтъ, 4) пиринить, 5) чинъ чинъ,
6) Кургынъ чаманъ, 7) пиринить, 8) монъ, 9) моньцѣ, 10) рядити́нь, 11) пячки́нь.

Му́жу на шею Ма́шуня захлестну́ла,

Подъ́́ березу́ Ма́шуня му́жа ста́щи́ла.

Осе́нней ли́стовою Ма́шуня по́кры́ла.

Кто́ ви́дѣ́лъ Ма́шуню — вы́слѣ́дилъ?

Се́мень тата́ринъ Ма́шуню уви́далъ,

Се́мень тата́ринъ Ма́шуню вы́слѣ́дилъ.

— За́чѣ́мъ, Ма́шуня, у те́бя у шу́шпана по́лы въ́́ крoви?

— За́чѣ́мъ, Ма́шуня, го́лова ла́пти забры́згана? —

— Бѣ́жала, бѣ́жала, Се́мень тата́ринъ, споты́кну́лась,

— Мо́рду-ли́цо (?), Се́мень тата́ринъ, разби́ла,

— У шу́шпана по́лы, Се́мень тата́ринъ, окрoва́яни́ла,

— Ла́пти мо́и, Се́мень тата́ринъ, забры́згала. —

— Не о́бманыва́й, Ма́шуня, ме́ня:

— Са́мъ я ви́дѣ́лъ, вы́слѣ́дилъ.

— За́чѣ́мъ, Ма́шуня, му́жа зарѣ́зала?

- Мяксъ, Машуня, килй алувъ полать ускыкъ¹⁾?
- Мяксъ, Машуня, сёксъ²⁾ лопаса полать вяльтикъ³⁾?—
- Иля ёвтà, Семень татарнэ, бабàньти,
- Бабàсь ёвтà⁴⁾, Семень татарнэ, атянти,
- Атясь ёвтè начальникпинь,
- Начàльниктъ⁵⁾ мой⁶⁾ сàйсамизь судьянинь. —

Записано учителемъ с. Оркина Ложкинымъ въ 1904 году.

Изъ рукописи Имп. Академіи Наукъ № 50, аа. Al. Wald, Die Mordwinen (1849 г.), стр. 201—202.

Lúšai Lúšina, wéškinā Lúšina!

Mázi Lúšina!

Awánze pótsò kortáma kármás:

Mon kásinderán,

Чит. 1) ускыкъ, 2) сёксъ, 3) вяльтикъ, 4) ёвтè, 5) начальниктъ, 6) монь.

-
- Зачѣмъ, Машуня, подъ березу мужа стащила?
 - Зачѣмъ, Машуня, осенней листвою мужа покрыла? —
 - Не сказывай, Семень татаринъ, свекрови:
 - Свекровь скажетъ, Семень татаринъ, свекру,
 - Свекоръ скажетъ начальникамъ,
 - Начальство меня возьметъ къ судьямъ. —

Переводъ сдѣланъ г. Ложкинымъ.

Ср. Орк.

Uebersetzung.

Luschai Luschai, kleine Luschina!

Schöne Luschina!

In dem Mutterleibe spricht das Kind,

Hält die Mutter von der Arbeit ab¹⁾:

1) Ошибочный переводъ; слѣдуетъ: Если я вырасту.

Awánin awái améran!

Tátánin tátái améran!

Tátái awánin¹⁾ síris súka!

Tátánin méran síris kiska. —

Čilisima léntaza,

Pálzoren Lúšenem fátaza.

Wári tášna plaštánza,

Máke twéti rucanza,

Máke páńčna rúcardstánza,

Máke lopátna palánza.

1) Чит. Awánin méran.

Mutter werd' ich dich nicht nennen,

Und den Vater auch nicht nennen.

Alten Schelm¹⁾ werd' ich die Mutter nennen,

Alten Hund werd' ich den Vater heissen. —

Wie ein Sonnchen ist der Kopfputz,

Und das Seiden-Tuch wie rothes Feuer.

Wie die Stern' am Himmel sind die Knöpfe,

Wie die Mohnblumen ist der rothe Brustlatz;

Wie Mohnblätter ist das Sonntagshemdchen.

Ср. Орк. и Сухокарб.

1) Слѣдуетъ: Старой сукой.

II. Извлеченіе изъ историко-географическаго описанія Озерской волости Саратовскаго уѣзда, составленнаго А. Н. Минхомъ.

Село Оркино, Рождественское, Кучугуры тожъ. По большой, бывшей Московской почтовой, дорогѣ, верстахъ въ 67 отъ г. Саратова, между селеніями *Озерки* Саратовскаго уѣзда и *Мокрымъ* Петровскаго, вдается угломъ дача, принадлежащая селу *Оркину*, переходящая версты на 2 за большую дорогу и захватившая ее на протяженіи 3—4 верстъ. Отсюда, съ господствующей возвышенности на дорогѣ, называемой русскими *Спорнымъ Сыртомъ*, на поворотѣ отъ с. Мокраго къ с. Озеркамъ, видно на востокъ, въ широкой долинѣ, верстахъ въ 6—7 отъ дороги, раскинувшееся во всю ширину дола, село *Оркино* съ высокой колокольней бѣлой каменной церкви.

Село *Оркино* Озерской волости находится на границѣ Саратовскаго уѣзда съ Петровскимъ и на грани растительной линіи пшеницы въ нашей губерніи: на поляхъ Оркинскихъ дачъ сѣютъ еще пшеницу, но на поляхъ сосѣднихъ селъ, съ западной и сѣверной сторонъ отъ Оркинскихъ дачъ, въ Петровскомъ уѣздѣ, пшеницу хотя иногда и сѣютъ, но она родится плохо и не такъ хороша, какъ полученная съ дачъ с. Оркина и болѣе южныхъ.

Оркинскія дачи представляютъ первую гористую мѣстность по большой дорогѣ отъ г. Петровска, между которымъ и с. Мокрымъ тянется болѣе или менѣе ровная степь. Оркинскія дачи раздѣлены на южную и сѣверную части широкою и плодородною долиною, въ которой лежитъ село. Эта долина — впадина, носящая мѣстное названіе *Провалъ*, начинается у большой дороги

и тянется во всю длину Оркинскихъ дачъ съ запада на востокъ и далѣе къ с. *Сокуру*, на разстояніи болѣе 25 верстъ, — это истокъ рѣки *Чердыма*, вливающагося въ Волгу.

Оркинскія дачи граничатъ съ южной стороны имѣніемъ Брецинскаго — *Нарышкино* и дачами колоніи *Ягодной-поляны*; съ юга и юго-запада дачами с. *Озерокъ*; съ запада — с. *Мокраго* (Петровскаго уѣзда); съ сѣвера — имѣніемъ графа Нессельроде *Сколки* и чрезполосно дачами дер. *Яруги* (*Косолаповки* тожъ); съ сѣверо-востока и востока — дачами деревни *Красной-рыбки* и *Сокурской* экономіи наслѣдницъ князя Голицына; съ юго-востока — землями той-же экономіи и лѣсной дачей крестьянъ дер. *Богдановки* Саратовскаго уѣзда.

Южная часть Оркинскихъ дачъ представляетъ собою рядъ параллельныхъ хребтовъ, тянущихся съ запада на востокъ, перерѣзаемыхъ глубокими оврагами и долинами, покрытыхъ сплошной лѣсной порослью, годною только на лыки, плетни и мѣстами на колья. Всѣ овраги и долины, проходящіе въ горахъ, имѣютъ источники свѣжей и чистой ключевой воды, мѣстами безвкусной, мѣстами же горько-соленой или грубой известковой.

Къ югу отъ села, среди высокихъ горъ, лежитъ оврагъ *Самодуровъ* (названный потому, что въ этой долинѣ-оврагѣ былъ пчельникъ нѣкоего Самодурова), берущій начало верстахъ въ 3-хъ отъ села *Озерокъ*, изъ его дачъ, и тянется къ *Оркину* по направленію къ юго-западу на протяженіе болѣе 3-хъ верстъ. *Самодуровъ* въ своемъ источникѣ имѣетъ отличную свѣжую воду, сила которой, по соединеніи съ нимъ водъ источниковъ, впадающихъ въ него овраговъ и логовъ, можетъ поднять мельницу въ одинъ поставъ, но жители с. Оркина не пользуются этой водой для устройства мельницы и даже, почему то, отказываютъ желающимъ построить такую на Самодуровѣ. — На югѣ, прямо противъ села, при выходѣ изъ горъ *Самодурова*, находится возвышенность *Самодурова пѣнда* (*пѣнда* — по мордовски гора), подымающаяся довольно круто двумя террасами; у подошвы этой *пѣнды* расположенъ фруктовый садъ крестьянина с. Оркина М. М. Нервят-

кина, орошаемый естественнымъ источникомъ одного изъ южныхъ отроговъ Самодурова. — Рядомъ съ этой возвышенностью, еще ближе къ селу, находится довольно высокая *Вѣрохова пѣнда* (гора), имѣющая со стороны села одну обширную террасу съ каменной, хрящевой почвой, на которой изобильно родится хлѣбъ; со стороны горъ *Вѣрохова* сливается съ ними незамѣтно въ одинъ общій сыртъ, покрытый густою лѣсною порослью; юго-западная сторона *Вѣроховой* горы осаживается, отъ подземныхъ источниковъ и весеннихъ водъ, обрывами и ползетъ внизъ въ глубокую балку, поросшую торновникомъ и бобовникомъ. Съ вершины *Вѣроховой* открывается красивый видъ на Оркино, раскинутое по долину, и Яругу, къ востоку и западу — на сосѣднія горы, покрытыя лѣсомъ, и на доль (*Провалъ*) съ его зеленѣющими нивами; въ дали же, къ сѣверо-востоку и востоку, синѣютъ горы и горы. — *Вѣрохова* похожа на насыпной изъ мелкаго щебня курганъ и, какъ передаетъ народное сказочное повѣрье, была насыпана въ былыя времена удалцами, молодыми ребятами, которые землю и щебень таскали сюда въ голенищахъ своихъ сапогъ; гору эту насыпали они для потѣхи и часто игравали на ней въ орлянку, доказательствомъ чему указываютъ находимыя и теперь на *Вѣроховой* горѣ старинныя монеты.

Къ востоку отъ *Вѣроховой* идетъ къ другому довольно большому оврагу *Хряпову* и къ *Козельнь-струбъ-лѣтка* (лощина-сруба-козла)¹⁾ гора *Красная поляна*, отъ которой къ востоку тянется высокій сыртъ, покрытый лѣсомъ и спускающийся обширную террасою, по которой бываетъ порядочный покосъ; къ востоку горы оканчиваются песчаными буграми — *Городничій пѣнда*, у подошвы которыхъ есть отличный родникъ — *Городничій*, названный потому, что недалеко отъ него былъ когда-то, когда Оркино принадлежало къ Петровскому уѣзду, пчельникъ Петровскаго *городничаго*. — Къ югу сыртъ *Ляня-ула-Ланга*, а за нимъ

1) *Козельнь-струбъ-лѣтка*, мѣстное названіе трущобы, въ которой мужикъ, по прозванію *Козель*, какъ рассказываетъ народное преданіе, рубилъ избушку срубъ.

овраги: *Ерёма-Лѣтка*, *Подпаль-ч(ж)ельня*, *Чиний-Лѣтка* (вонючій родникъ), сплошь покрытые густымъ лѣсомъ. Между оврагами тянутся болѣе или менѣе высокіе и обширные сырты, которые переплетаются между собою и идутъ на востокъ, къ *Сокуру*, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Гранью Оркинскихъ дачъ съ землями экономіи наслѣдницъ князя Голицына служить здѣсь оврагъ *Кузменка*, который выходитъ въ *Провалъ* (р. *Чердымъ*) и соединяется съ нимъ незамѣтно. На всемъ протяженіи *Кузменки* течетъ ручей свѣжей воды, который беретъ начало высоко въ горахъ, въ дачахъ колоніи *Ягодной-поляны*, но усиливается онъ только въ самой *Кузменкѣ* отъ родника *Гремячаго*, который, по народному преданію, въ старые годы имѣлъ много воды, съ такою силой выбивавшейся изъ подъ земли, между камней, что она *гремяла* и звукъ ея былъ слышенъ на разстояніи 2—3 верстъ. Надъ *Гремячимъ* подымается невысокая гора, въ видѣ сѣдла — *Камбразъ-панда* (Сѣдло-гора), а рядомъ съ нимъ долина — *Божедомъ*, гдѣ, по народному преданію, извѣстный Оркинскій разбойничій атаманъ *Кудеяръ* побилъ и похоронилъ много народу; по другимъ же рассказамъ — не *Кудеяръ*, а *Уланъ*, *Кудеяръ* же, хотя и былъ въ Оркинскихъ дачахъ, но жилъ на горахъ, гдѣ теперь находится село *Лохъ* Саратовскаго уѣзда.

Къ западу отъ *Вороховой*, за *Самодуровымъ* оврагомъ, опять высокій сырътъ — *Озерка-панда*, по которому лежитъ дорога черезъ лѣсъ въ село *Озерки*; съ дороги, на горѣ, видъ на село и окрестность очень живописенъ: отсюда видны два конусообразные пика *Караульныхъ* горъ въ сѣверной части Оркинскихъ дачъ къ с. *Мокрому*. Между Оркинымъ и *Озерками*, по этой дорогѣ въ право, лежитъ глубокій оврагъ *Мазяркинъ-ч(ж)ельня*, въ которомъ есть отличный родникъ, но съ бѣлою известковою водою; въ оврагѣ находится пчельникъ крестьянина *Мазяркина*, по имени котораго и названъ оврагъ.

Сѣверная часть Оркинскихъ дачъ не менѣе гориста: къ сѣверу, прямо передъ селомъ, тянется сырътъ, а за нимъ долина *Высокая*, а надъ нею гора *Высокая*, сѣверная часть которой по-

крыта мелкимъ кустарникомъ; видъ съ этой горы на окрестность очень красивъ: къ югу видно изъ за горы почти все Оркино, а за нимъ, съ темнѣющими оврагами и долинами, горы — *Ворохова*, *Красная-поляна* и высокіе сырты, сплошь покрытые лѣсомъ; къ востоку и западу, по *Провалу*, — нивы; къ сѣверу, прямо подъ ногами, въ глубокомъ оврагѣ пріютилась деревенька *Яруга* (*Косолаповка*) съ ея садами по срединѣ; далѣе, черезъ послѣдній степной сыртъ, видно въ лѣвѣ село *Мокрое*, съ низенькой бѣлой каменной церковью, за нимъ дубравы въ деревняхъ *Маресевскъ* и *Таруновскъ* (Петровскаго уѣзда), а надъ ними вдали, чуть видная простому глазу, синѣетъ полоса лѣса по рѣкѣ Медвѣдицѣ; прямо, черезъ степь, къ сѣверу — яркая полоса лѣса «*Осиновъ*», въ имѣніи графа Нессельроде *Сколки*; нѣсколько лѣвѣе этого лѣса вдали, виднѣется *городъ Петровскъ* и синѣютъ далекіе лѣса этой части рѣки Медвѣдицы. Къ востоку, по долинѣ, вьется дорога изъ Оркина въ Яругу, а далѣе выступаетъ подковообразная дуга довольно высокаго сырта *Бурлѣчій чараукъ* (*чараукъ*, въ переводѣ на русскій языкъ, значить *кругъ*; причина названія — *бурлѣчій* неизвѣстна), покрытаго лѣсомъ, а за нимъ опять сыртъ — *Ломъ*, западная часть котораго отъ дѣйствія подземныхъ водъ осаждается и сползаетъ въ оврагъ, отчего получилось названіе сырта — *Ломъ*; за нимъ, вправѣ, виденъ сыртъ, покрытый лѣсомъ, — *Гузиково*. Немного правѣе *Бурлѣчяго* рѣзко выдѣляется гора *Шлѣпинъ-панда*, на вершинѣ которой, на высотѣ около 30 сажень отъ подошвы, есть отличный родникъ, къ которому въ засухи ходятъ съ молебнами.

Къ западу вторая высокая гора *Гриша-Лѣсма-Лѣтка* (Гришина гора, родникъ и лощина), названная отъ разбойника Гришки, проживавшаго недалеко отъ этой горы. На сѣверо-западномъ ея склонѣ, недалеко отъ дороги въ *Мокрое*, ясно виденъ четырехъ-угольникъ — *Кявинъ-Гардазъ* (каменный дворъ): мѣсто это по народному преданію, было дворомъ разбойниковъ, которые огородили его каменной стѣной и до нынѣ ясно видной въ видѣ четырехъ-угольника, хотя она и обвалилась.

За *Высокой* ярко выступают двѣ конусообразныя горы — *Караульныя-панды*; онѣ получили это названіе, какъ говоритъ народное преданіе, отъ того, что въ прошломъ столѣтіи (XVIII) служили пунктомъ, съ котораго разбойники, жившіе въ тогдашнихъ непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ и оврагахъ, наблюдали за большой дорогой. — *Кявинь-Гардазъ*, гдѣ жили разбойники, отъ *Караульной горы* не болѣе какъ въ полуверстѣ, а потому послѣдняя представляла имъ удобный наблюдательный постъ. Рассказываютъ, что между обѣими горами *Караульной-панды*, въ долинѣ, разбойники имѣли землянки, и у нихъ былъ колоколъ, въ который, при извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ — тревогѣ, или для сообщенія товарищамъ о приближеніи обоза, они звонили въ набать; здѣсь же потомъ разбойники зарыли все награбленное и колоколъ. Рассказываютъ также, что нѣкоторые видѣли въ землѣ ушки этого колокола, но это бываетъ, будто бы очень рѣдко и только на первый день Пасхи, между заутреней и обѣдней; тогда всякій можетъ видѣть все, что спрятали здѣсь разбойники, все это является въ прежнемъ видѣ: землянки и колоколъ; въ одной отпертой землянкѣ виденъ горящій огонь, а на полу и по угламъ кучи золота, серебра и разныхъ вещей; тогда же можно войти въ эту землянку до трехъ разъ и брать драгоценности, но при попыткѣ вернуться послѣ третьяго раза, дверь за вошедшимъ запирается, и къ нему является хранитель ихъ сокровищъ и требуетъ отъ него его собственную душу, или душу младенца, или того, что для него всего дороже, что и должно быть доставлено въ срокъ. Говорятъ, что бывали случаи, что вошедшій туда пропадалъ или же нѣмѣлъ отъ испуга и скорѣ умиралъ; ежели же кто бралъ деньги и выходилъ благополучно, то и тогда деньги эти *въ прокъ* не шли: червонцы были *неразмытые* и возвращались назадъ, а за истраченные цѣлые золотые, взявшій ихъ платится ущербомъ въ хозяйствѣ и смертью семейныхъ, наконецъ, и самъ онъ дѣлается жертвой сухотки и умираетъ. — Съ вершины *Караульной* горы видъ почти одинаковъ, какъ и съ *Высокой*, только измѣняется ландшафтъ горъ и долинъ: отсюда село *Мокрое*, какъ

будто чуть не подъ ногами; большая дорога видна версть на 30 въ сторону Петровска и версть на 10 къ Озеркамъ; ясно видно, какъ по ней тянутся обозы съ грузомъ.

Всѣ возвышенности и горы въ Оркинскихъ дачахъ сверху покрыты слоемъ чернозема, подъ нимъ залегають хрящъ, ниже песокъ или глина. Въ глубокихъ лощинахъ, къ сѣверу отъ села, верхній слой чернозема имѣеть отъ $1\frac{1}{2}$ до 1 аршина толщины, за тѣмъ слой хряща и песку толщиной въ сажень и болѣе, потомъ глина, преимущественно сѣрая или желтоватая; ее берутъ изъ овраговъ для обмазки стѣнъ избышекъ, отъ чего на этихъ мѣстахъ образуются большія ямы, которыя часто обваливаются, при чемъ иногда случаются несчастія съ людьми. На *Высокой*, *Караульныхъ* и другихъ горахъ¹⁾ во множествѣ попадаются бурые, даже черные камни съ блестками, по которымъ можно предполагать присутствіе руды — колчедана; сыръ же къ сѣверу отъ *Яруги* содержитъ мѣль, съ виду, въ кускахъ — сѣрый, а распущенный въ водѣ — онъ становится бѣлымъ; жители с. Оркина, д. Яруги и окольные берутъ этотъ мѣль, или, какъ они называютъ, глину, для обѣлки избъ. Существующая здѣсь разная глина — желтая, бѣлая и красная употребляется жителями для обмазки избъ и хлѣбовъ, причемъ она идетъ не чистой, а съ примѣсью соломы и навоза.

Почва Оркинскихъ дачъ вообще черноземная, слой чернозема доходитъ иногда до 1 аршина глубины; по всему «*Провалу*», за небольшими исключеніями, — черноземъ; къ западу супесковатая — «*картофельная*» земля; при впаденіи *Самодурова* и въ самомъ Самодуровѣ — суглинистая; къ востоку отъ села, версты за 3, по горнымъ склонамъ южной части дачъ и склону къ *Кузменкѣ* — песчаная и супескъ, а по дорогѣ въ *Красную-рычку* и правѣе — черноземная; затѣмъ въ степи, за дер. *Яругой*, съ которой Оркинскія дачи расположены черезположно, почва — черноземная, мѣстами глинистая, мѣстами попадаются солонцы.

1) Надо замѣтить, что жители Саратовской губерніи, представляющей преимущественно довольно ровную мѣстность, называютъ горами высокіе бугры и шиханы.

Повсюду горы и горные склоны, за весьма рѣдкими исключеніями, покрыты лѣсомъ и лѣсной порослью; здѣсь растутъ преимущественно: дубъ, береза, осина и липа, затѣмъ вязъ, кленъ, нектенъ, рябина и ива, а по оврагамъ и мочажинникамъ—ивнякъ, ольха и во множествѣ торновникъ и орѣшникъ; урожай орѣховъ бываетъ періодически, и въ хорошій годъ бабы и дѣвки набираютъ пуда по 3 каждая. Въ лѣсахъ водятся волки, лисы, бѣлки и во множествѣ — зайцы; изъ птицъ много куропатокъ и тетеревовъ. Всего лѣсу въ Оркинскихъ дачахъ считается по планамъ и межевымъ книгамъ 2549¹/₄ десятинъ казенной мѣры, но въ настоящее время лѣса эти нельзя назвать лѣсами, такъ какъ они вырублены и до того забыты толокою (скотомъ), что трудно поднимаются, а мѣстами совсѣмъ пропадаютъ; безтолковая и нерасчетливая вырубка, при небрежномъ надзорѣ общества и залускѣ скота — вотъ причины упадка лѣсного хозяйства.

Повсюду въ южной и сѣверной частяхъ Оркинскихъ дачъ множество ключей, родниковъ и источниковъ, спускающихся въ *Провалъ* и текущихъ затѣмъ ручьемъ, въ небольшомъ овражкѣ, черезъ с. *Оркино* къ *Сокуру*, куда протекаетъ долиною *Елховкою*, и въ 4-хъ верстахъ отъ с. *Сокура*, соединившись съ рѣкою *Сокуромъ*, образуетъ рѣку *Чердымъ*, впадающую въ Волгу.

Вслѣдствіе особеннаго положенія с. *Оркина* въ горахъ, въ глубокой, хотя и открытой для восточныхъ и западныхъ вѣтровъ, долині, климатъ здѣсь отличается отъ климата сосѣднихъ селъ — *Озерокъ*, лежащаго въ 6 верстахъ, и *Мокраго*—въ 5; здѣсь не такъ чувствительны зимнія выюги, метели и холодные сѣверные вѣтры: когда на степи, въ с. *Мокромъ*, буря, въ *Оркинѣ* нерѣдко бываетъ тихо, горы сдерживаютъ вѣтеръ, и буря не такъ чувствительна. Весною, при малѣйшей оттепели, въ *Оркинѣ* таетъ, и по улицамъ бѣгутъ ручьи, тогда какъ въ *Мокромъ* и *Озеркахъ* едва чувствуется оттепель. При наступленіи оттепели, горы, окружающія *Оркино*, начинаютъ дымиться (туманиться); туманъ застилаетъ и село, такъ что его не видно. — «Ну, быть теплу, говорятъ крестьяне, *Озѣрка-панда* и *Самодуровъ* шумятъ», и какъ

только въ южныхъ горахъ къ Озеркамъ зашумить вѣтеръ въ лѣсу, то это первый признакъ оттепели. Весна въ Оркинѣ открывается всегда ранѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ селахъ, и какъ только горы и склоны ихъ освободятся отъ снѣга, такъ уже гонять на нихъ для подножнаго корма стада овецъ.

Привольныя мѣста заняты Оркинцами; привольны ихъ дачи и теперь, но что было на этихъ мѣстахъ за сто, полтораста лѣтъ назадъ! Эта роскошная мѣстность, въ давнія времена, по словамъ прїѣзжающихъ въ Оркино татаръ изъ г. Петровска, принадлежала Золотой Ордѣ; до сихъ поръ остались еще слѣды длиннаго, въ нѣсколько верстъ, вала, сложеннаго изъ дикаго камня и плитняка¹⁾; онъ былъ двойной и отъ времени осѣлъ и развалился; пространство между обоими валами не болѣе 40—50 сажень; валъ этотъ, или какъ называется его мордва — *стѣна*, тянется въ западной части Оркинскихъ дачъ, почти на границѣ, то переходя съ Оркинской на Мокринскую (Петровскаго уѣзда), то служа гранью между ними. По словамъ старожиловъ, народное преданіе говоритъ, что «очень давно, при грозномъ царѣ, на нынѣшней грани Петровскаго уѣзда съ Саратовскимъ, между теперешними селами Мокрое и Оркино, было какое то татарское поселеніе и стѣна служила ему защитой отъ нападенія русскихъ сосѣдей, жившихъ не далеко отъ нихъ». — За этимъ валомъ или «стѣной» начиналась степь, на которой до сихъ поръ остались слѣды множества кургановъ, которыхъ много и на Оркинскихъ дачахъ, между дрв. Яругой и имѣніемъ графа Нессельроде *Сколки*, а потому, не вслѣдствіе ли этого Оркино получило и другое названіе, болѣе употребительное между народомъ, — *Кучугуры*, передѣ-

1) Изслѣдовавъ эту *сторожевую черту*, я нашелъ, что каменная стѣна вѣроятно существовала лишь въ воображеніи мѣстныхъ крестьянъ, но сторожевая линія дѣйствительно проходила здѣсь и, вѣроятно, состояла изъ *мшной засѣки*; остались еще слѣды двухъ параллельныхъ валиковъ. (См. «Саратовскій Сборникъ», изд. Губ. Статис. Комитета, т. I, 1881 года: «Поѣздка въ Песчанку, Оркино и Лохъ»). — Позднѣе въ «Трудахъ» Сарат. Архив. Комис. 1888 г., стр. 278—284, въ моемъ очеркѣ «Замедвѣдичскій край до р. Карамыша», мною описаны слѣды этой сторожевой черты и приложены: карта мѣстности, чертежи Оркинскихъ горъ и слѣды черты, идущей къ Яругѣ. А. М.

ланное по всей вѣроятности на мордовскій или русскій ладъ съ татарскаго — *кечи-горъ*, т. е. *могилки*; русскіе же толкуютъ это названіе — *куча-горъ*; всякій, кто видитъ мѣстность с. Оркина, оглядываясь кругомъ на горы, говоритъ: «и въ самомъ дѣлѣ — *кучукуръ*». Нѣкоторые изъ кургановъ-могилъ раскапывались мѣстными жителями, и въ нихъ находили человѣческія и лошадиныя кости. Въ 1874 году нѣсколько крестьянъ с. Оркина, наслушавшись разныхъ разсказовъ про богатства, скрытыя въ этихъ могилахъ подъ курганами, раскопали одинъ изъ нихъ и, послѣ 3—4-хъ дневныхъ трудовъ по ночамъ, нашли въ разрытой могилѣ кости человѣка и лошади, стремяна отъ сѣдла и еще что-то; куда дѣвали они эту находку — неизвѣстно; говорятъ, что стремяна были особенной формы и изъ серебра. Преданіе говоритъ, что между селами Оркино и Мокрымъ, въ давнія времена, было татарское селеніе, но слѣдовъ его нигдѣ не видно, кромѣ одного мѣста, а именно: на дорогѣ изъ Оркина въ Мокрое, не далеко отъ грани (сторожевой линіи), между валами, о которыхъ сказано выше, замѣтны были остатки какихъ-то каменныхъ построекъ, совершенно развалившихся и отъ времени заросшихъ въ землю, но теперь они случайно открыты, и крестьяне с. Мокраго и околныхъ деревень берутъ оттуда камни для своихъ нуждъ¹⁾; народное преданіе указываетъ на это мѣсто, какъ на татарское древнее городище или кладбище, но послѣднимъ они не могли быть; существованіе здѣсь селенія является тоже крайне сомнительнымъ въ полѣ или лѣсу, который, судя по существующему и теперь, довольно густому перелѣску, былъ здѣсь, какъ видно, изъ стари.

Въ прошломъ XVIII столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, мѣстность, занимаемая дачами Оркина, Озерокъ и Мокраго, была почти

1) Въ 1880 г. я изслѣдовалъ эту мѣстность и ясныхъ слѣдовъ построекъ не нашелъ: слѣды сторожевой черты идутъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, причемъ, по указанію А. Л. Леонтьева (учителя Оркинской школы), я осмотрѣлъ двѣ довольно большія ямы, — одну у дороги на самой чертѣ, другую — по этой же дорогѣ къ Оркину въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ линіи курганчиковъ; камни изъ нихъ были уже вывезены окрестными селеніями. А. М.

сплошь покрыта дремучими лѣсами¹⁾, служившими надежными притонами многочисленнымъ шайкамъ разбойниковъ и всякому бродячему люду, такъ что проѣзжіе по большой дорогѣ изъ Саратова въ Пензу принуждены были ѣздить большими людными обозами и вооруженные. Этотъ лѣсной околodoкъ, изобиловавшій множествомъ озеръ, ручьевъ, болотъ и мочегинъ, далъ свое названіи двумъ сосѣднимъ селеніямъ: Озеркамъ и Мокрому. — Въ лѣсахъ водилось тогда много дикаго звѣря: медвѣдей, о которыхъ теперь забыли, волковъ, приносящихъ и теперь немалый вредъ крестьянскому хозяйству Оркина и сосѣднихъ селеній; было много лисъ, куницъ и прочаго. — Разбойникамъ и бродягамъ привольно жилось въ такихъ мѣстахъ и, какъ говорятъ, они въ прошломъ XVIII столѣтіи жили здѣсь поселками.

Оркино заселено раньше сосѣднихъ *Озерокъ* и *Мокраго*, но и съ основаніемъ мордовской деревни, продолжались убійства, разбои и грабежи по окрестностямъ; старожилы говорятъ даже, что первые засельщики Оркина сами ходили на грабежъ и разбои, а также давали пріютъ и укрывали у себя разбойниковъ и ихъ семейства, награбленное же пряталось въ лѣсныхъ трущобахъ и оврагахъ, въ вырытыхъ тамъ погребкахъ и ямахъ. Преданіе указываетъ на нѣсколько такихъ мѣстъ и на зарытые тамъ *клады*: *Ка-раульная-панда*, *Кевень-гардазъ*, *Козельнь-струбъ-латка*, *Кузменка* и другіе. Разсказываютъ, что въ *Козельнь-струбъ-латка* загналъ случайно старикъ лошадей; спутавъ ихъ, онъ хотѣлъ уже идти домой, какъ подъ ногами, въ промоинѣ, увидалъ конецъ торчащей изъ земли на полъ аршина почти сгнившей колоды; въ ней лежали старинныя мѣдныя деньги и старикъ взялъ ихъ нѣсколько штукъ, но тотчасъ же ослѣпъ; онъ бросилъ деньги обратно и снова прозрѣлъ; раза два повторилъ онъ то же и каждый разъ, какъ бралъ монеты, лишался зрѣнія, возвращавшееся тогда, когда онъ клалъ ихъ обратно; послѣ того никто уже не видалъ этой

1) Лѣса эти тянулись черезъ теперешнія: Озерскую, Ягодно-полянскую, Полчаниновскую и Вязовскую волости далеко на сѣверъ и обозначены на картѣ Волги у Озеарія, первой половины XVII столѣтія. А. М.

колоды. — Года четыре тому назадъ нѣсколько молодцевъ рыли на этомъ мѣстѣ *кладъ* по ночамъ и отрыли конецъ толстой мѣдной проволоки, но отрытая въ одну ночь, она пропадала снова въ слѣдующую; при этомъ нашли они только обыкновенный ножъ. Въ *Козельнъ-струбъ-латка*, по преданію, жили разбойники въ каменныхъ и кирпичныхъ землянкахъ, которыя отъ времени разрушились, но и теперь на этомъ мѣстѣ находятъ груды камней и кирпичей. — Искатели кладовъ часто рыли въ окрестностяхъ Оркина, но ничего не находили. — Рассказываютъ, что одинъ мужикъ шель однажды лѣсомъ въ Ягодную-Поляну мимо мѣстъ, изрытыхъ кладоискателями; ему тоже пришла мысль попытать счастья и, замѣтивъ старый пенъ надъ ручьемъ, онъ сталъ обрубать его; послѣ нѣсколькихъ ударовъ топоромъ, изъ разсѣлины пенька выпало нѣсколько серебряныхъ монетъ, похожихъ на рыбу чешую, и онъ набралъ ихъ 90 слишкомъ штукъ, которыя потомъ и были отобраны у него волостнымъ писаремъ, но куда онѣ за тѣмъ дѣвались — неизвѣстно.

Село *Оркино* населено мордвою, но откуда они пришли — мордва не помнитъ; называютъ они себя *Эрзя*. По генеральной ревизіи 1745—47 г.г. уже показана Петровскаго уѣзда деревня *Оркина*, заселенная мордвой изъ Пензенскаго уѣзда деревень *Мачима* и *Садома*; во время ревизіи 1745 г. въ ней показано 110 душъ муж. пола, поселенныхъ до этой ревизіи. — Въ народѣ, о заселеніи Оркина существуетъ преданіе, что пришедшій сверху мордвинъ *Орька*, облюбовавъ эти мѣста, выпросилъ у правительства позволеніе поселиться здѣсь съ нѣсколькими семьями другихъ мордвовъ; полагаютъ, что это было въ началѣ прошлаго XVIII столѣтія. Узнавъ о привольномъ житѣ *Орьки* и его товарищей, пришло къ нему еще нѣсколько мордовскихъ семей изъ верховыхъ деревень: *Козловки*, *Ерёмовки*, *Сарайкина* и другихъ и поселились на мѣстѣ нынѣшняго Оркина отдѣльными хуторами и дворами, называвшимися: *Ерёмовкою*, *Сарайкинымъ* и другими *куреньями*. До сихъ поръ улицы Оркина носятъ названія: *Ерёмовка* — за рѣчкою, въ сѣверной части села; *Сарайкина куреня* —

въ концѣ села къ сѣверо-востоку, по дорогѣ въ с. Лохъ, и прочіе. По разсказамъ другихъ, *Орька* былъ просто шатавшійся мордвинъ, разбойничавшій по дорогамъ и глухимъ мѣстамъ; бродя съ такими же товарищами по лѣсамъ, онъ случайно попалъ въ мѣстность, гдѣ теперь стоятъ *Оркино*, Мокрое и Озерки, гдѣ въ то время разстилались глухія лѣсныя дебри, болота и мочезинники; мѣстность приплась ему съ руки, и онъ остался здѣсь, построилъ курени и продолжалъ грабить проѣзжихъ по большой дорогѣ; имя его перешло впоследствии къ образовавшемуся селенію, которое потому правильнѣе должно называться — *Оркино*. До сихъ поръ есть въ селѣ нѣсколько семей, носящихъ фамилію перваго засельщика — *Ортины* или *Оркины*.

Средина нынѣшняго Оркина стоитъ на непроходимыхъ въ бывые годы — трясинѣ и болотѣ. Избенки первыхъ поселенцевъ стояли на берегу бывшаго тогда озера, которое, по народному преданію, было такъ глубоко, что дна не доставали; его впоследствии завалили и загатили такъ, что на мѣстѣ бывшаго озера и болотъ стоитъ теперь сельское правленіе, а рядомъ тянутся огороды, на которыхъ отлично растутъ капуста и картофель; огромныя старыя ветлы на этихъ огородахъ и весною страшная невылазная грязь на площади напоминаютъ еще о заваленномъ здѣсь болотѣ. Есть еще старики въ Оркинѣ, которые помнятъ, какъ гатили болото, образовавшееся изъ бывшаго озера: въ него валили лѣсъ, пни и тысячи возовъ навозу; лѣсу было тогда много, стоялъ онъ крупный, въ нѣсколько обхватовъ толщиною, его тогда не жалѣли, рубили и валили въ болото, такъ что и теперь еще при рытьѣ погребовъ и колодцевъ въ этихъ мѣстахъ находятъ, на глубинѣ 2—3-хъ аршинъ, толстыя дубовыя комли; вода въ этихъ колодцахъ выступаетъ на незначительной глубинѣ 2—4-хъ аршинъ. Кругомъ озера росъ вѣковой лѣсъ, такъ что деревня строилась въ лѣсу и матерьялъ для построекъ былъ подъ руками у поселенцевъ. Со временемъ лѣсъ этотъ вырубилъ и выкорчевали, такъ что теперь нѣтъ и слѣдовъ его. — По горамъ, кругомъ села, и теперь еще много лѣсу, но онъ очень плохъ, мѣ-

локъ, и послѣдній старый лѣсъ вырубленъ около 1850-хъ годовъ; но у многихъ еще на памяти, тѣ темные, непроходимые лѣса, застилавшіе горы и бараки съ ихъ полянами, изобиловавшими ягодами и логамъ, полными студеныхъ ключей и ручьевъ; съ рубкой лѣса стала пропадать и вода. Въ этихъ лѣсахъ, кромѣ другой дичи, водились медвѣди, и крестьяне часто ходили на нихъ охотой. Между мордвой и теперь есть охотники, которые съ ружьями, а больше съ дубинками ходятъ на лисъ и зайцевъ; на Покровъ же (1 Октября), чуть не половина села выходитъ съ раннего утра въ лѣсъ, и тамъ крикомъ, шумомъ, гамомъ и собачьимъ лаемъ выгоняютъ дичь, убивая ее ружьями и палками.

Въ старину, когда лѣса притѣняли почву, дававшую много влаги, земля родила лучше и урожаи были баснословные. Теперь почва истощала, но, несмотря на массу навоза, гниющаго въ селѣ и за селомъ, никто не думаетъ удобрить имъ истощенныя поля.

Первые засельщики Оркина занимались хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ, звѣроловствомъ и грабежами на большой дорогѣ *Орька* и пришедшая съ нимъ мордва были язычниками и, какъ говорятъ, имѣли своихъ боговъ, которымъ поклонялись и приносили жертвы: у нихъ была въ лѣсу священная поляна, находившаяся, по преданію, или въ лощинѣ *Козельны-струбъ-латка*, или на сырту — *Красная-поляна*. Тамъ стоялъ избяной срубъ, въ которомъ жилъ или жрецъ, или же самъ богъ — *Вѣринасъ-кормилецъ*; въ это святилище никто не могъ входить, иначе бы поплатился головою. Въ извѣстное время, по вечерамъ, мордвы приходили лѣсными тайными тропами на эту поляну и, собравшись, раскладывали костеръ, ѣли, пили и веселились, прыгали черезъ костры, водили вокругъ нихъ хороводы и потомъ приносили жертвы богу въ видѣ хлѣба и мяса, которые и клали около сруба (существуетъ преданіе, что на полянѣ передъ срубомъ стоялъ на возвышеніи *идолъ* (?); названіе Бога — «*Вѣри-насъ-кормилецъ*» можно понимать двояко: *Вирьнасъ* — *тѣсной* богъ и *Вѣри-насъ* — верхній богъ или богъ въ верху). За тѣмъ мордва молилась, становясь на колѣни, и просила своего бога о своихъ

нуждахъ, говоря такъ: «Вѣри-пасъ-кормилецъ, дай монянь алаша, моня алаша кулысь»... «Вѣри-пасъ-кормилецъ дай монянь рѣвя»... или «... ярмакъ» (въ переводѣ: «Верховный богъ кормилецъ, дай мнѣ лошадь, моя лошадь умерла; ... дай мнѣ овцу; ... дай мнѣ денегъ») и т. д.; каждый высказывалъ свою нужды и на ихъ молебны голосъ изъ сруба отвѣчалъ: «дамъ». Народное преданіе рассказываетъ, что въ срубѣ жилъ богъ, въ видѣ здороваго мужика.

Кромѣ *Вѣри-пасъ*, мордва обоготворяла: громъ — «*пуринья*», молнію — *ѣндылзъ*, солнце — *чи*, мѣсяцъ — *ковзъ*, звѣзды — *тяитъ*; вѣрили они также, какъ въ боговъ, и поклонялись: домовымъ — *юртзъ-ава*, лѣшимъ — *виръ-ава*, водянымъ — *вядъ-ава* и проч.; даже въ шумѣ вѣкового лѣса видѣли они боговъ и трепетали ихъ.—Вѣра въ домовыхъ, лѣшихъ и т. п. и до сихъ поръ такъ же сильна между мордвой, какъ въ старыя времена язычества; кромѣ того мордва вѣрила и теперь вѣритъ всякаго рода гаданіямъ, нашептываніямъ и т. под.; они убѣждены, что люди, находящіеся въ близкихъ сношеніяхъ съ злыми духами: колдуны, вѣдуны, знахари и знахарки могутъ принимать на себя образъ волковъ, собакъ, кошекъ, свиней и другихъ животныхъ; и теперь вѣрятъ, что по селу, въ глухую полночь, ходятъ *оборотни* и пугаютъ народъ. Рассказываютъ, что по ночамъ по селу ходитъ *бука*, родъ оборотня, съ виду похожій на кошку; бродитъ онъ по всему селу, въ особенности на площади вокругъ церкви; гоняясь за прохожими, онъ издаетъ звуки, похожіе на ворчаніе сердитой собаки, и лишь только появится народъ на крикъ попавшагося *буки* человѣка, онъ оставляетъ его и пропадаетъ среди толпы: «въ землю проваливается, въ тартаръ»—говоритъ мордва. Однажды, сказываютъ, *бука* появился среди хоровода парней и дѣвокъ, тѣ подняли крикъ, сбѣжался народъ, начали бить *буку* дубинами, но тотъ, быстро повернувшись, пропалъ.

Мордва боялась и боится мертвыхъ, и между ними нѣтъ такого смѣльчака, который бы пошелъ ночью на гумно, что лежитъ за кладбищемъ или около него: «а ну какъ мертвецы то встанутъ».

Въ былые годы скоростижно умершихъ: опойцевъ, утопленниковъ и самоубійцъ хоронили внѣ кладбища; такъ и въ Оркинѣ ихъ зарывали далеко отъ села въ лѣсу; на это мѣсто въ *Самодуровомъ* оврагѣ, близъ *Лапань-ц(ж)ельня-яся* (мордовское названіе ущелья и дороги въ немъ; *яся* — значить дорога между двухъ крутыхъ горъ; мордва произноситъ и — «*чельня*» и — «*жельня*»), мордвинъ боится ходить въ одиночку, потому что похороненный тамъ «*убивецъ*» бродить по лѣсу и пугаетъ народъ своимъ крикомъ — «*эдакимъ страшнымъ*»; подъ вечеръ въ особенности *убивецъ* всегда «*больно*» кричитъ: кричитъ и стонетъ филинъ, поселившійся въ дикомъ лѣсномъ ущельѣ, но мордва и слышать не хочетъ такого толкованія. Сказываютъ, что *убивца* нѣкоторые видѣли, и онъ будто-бы разговаривалъ съ однимъ мужикомъ, объяснивъ ему, что онъ потому ходитъ, что «*вѣкъ жизни его не кончился*» и будетъ ходить до тѣхъ поръ, пока не придетъ время, когда бы онъ долженъ былъ умереть своей естественной смертью; тогда ляжетъ онъ въ могилу и не станетъ больше бродить, кричать и пугать народъ, а такъ какъ онъ выходитъ изъ могилы, въ ногахъ — выросла на ней осина, а въ головахъ — орѣховый кустъ.

Здѣшняя мордва были язычниками до конца первой половины XVIII вѣка и были крещены въ 1745—50 г.г. священникомъ Андреемъ Антиповымъ. Мордва крестилась неохотно: когда явилось въ Оркино начальство и священникъ съ причтомъ, то мордвы прятались, кто на дворахъ, а кто въ лѣсъ; ихъ разыскивали и потомъ крестили въ пруду, въ который гнали палками¹⁾. Рассказываютъ, что одинъ мордвинъ, молодой парень, подгоняемый палкой, бросился на священника и потащилъ его съ собою въ воду. Мордва была крещена не вся сразу, а въ нѣсколько пріемовъ; тотчасъ же въ Оркинѣ начата была постройка небольшого дере-

1) Въ 1743 и 1744 г.г. было повсемѣстное истребленіе мордовскихъ капищъ въ губерніяхъ Казанской и Нижегородской. Сохранились въ архивахъ жалобы мордвовъ 1745 г., что ихъ заставляютъ креститься силою, отказывающихся бьютъ, заковываютъ въ кандалы, или связанными окунаютъ въ *купель* и надѣваютъ кресты. А. М.

вяннаго храма, во имя Рождества Христова, который поставили на берегу озера, на срединѣ небольшой еще въ то время деревни; теперь, на мѣстѣ алтаря этой прежней деревянной церкви, сло-манной за ветхостью въ 1840-хъ годахъ, стоитъ на площади за сельскимъ правленіемъ, деревянная часовенка съ крестомъ, а около—нѣсколько уцѣлѣвшихъ еще деревянныхъ крестовъ на старыхъ могилахъ. Въ 1844 году, вмѣсто стараго полуразрушившагося храма, построена на другой, болѣе возвышенной, площади довольно обширная и высокая каменная церковь, тоже во имя Рождества Христова. Въ этомъ новомъ храмѣ, до сихъ поръ, хранятся бого-служебныя книги, взятые изъ старой церкви, съ слѣдующими надписями, указывающими на время крещенія мордвы: «Сія книга Ея Императорскаго Величества казенная отдана изъ кон-торы новокрещенныхъ дѣлъ въ Петровскій уѣздъ, въ новокре-щенное село Рождественское, Оркино тожъ, въ церковь Божію, священнику Андрѣю Антипову. Октября 17 дня 1760 года». Та-кія надписи имѣются на книгахъ: Евангеліи, Апостолѣ, Октоихѣ и Цвѣтной тріоди; метрическія же книги ведутся при церкви съ 1801 года; весь причтъ въ то время состоялъ изъ священника, дьякона, дьячка и пономаря.

Во второй половинѣ XVIII вѣка мордва была еще болѣе груба и дика, чѣмъ въ XIX столѣтіи: часто оскорбляли они свя-щенника и причтъ и ничего не хотѣли платить за совершеніе требъ. Церковь была очень бѣдна, и духовенство жило въ страш-ной нищетѣ: говорятъ, что священникъ ходилъ въ лаптяхъ и сер-мягѣ. Принятіе христіанской вѣры мало вліяло на мордву; они хотя и считались православными, но тайкомъ ходили въ лѣсъ на «молянъ» и кланялись своимъ прежнимъ богамъ; это преслѣдова-лось какъ духовенствомъ, такъ и начальствомъ: моляны были за-прещены, капища не разъ разрушали, а бывшихъ на молянахъ строго наказывали. Поэтому мордва принуждена была бросить свою прежнюю вѣру и, мало по малу, не забывая совсѣмъ своихъ старыхъ боговъ, стала переносить свои прежніе обычаи на праздники и разные случаи православной вѣры. Такимъ образомъ

скоро является у христіанской уже мордвы — *молянъ Пурёскъ*, наминавшій своею обрядностью прежнія языческія празднества. — «*Пуря*» — значитъ медовый квасъ, отъ него то и произошло названіе моляна, на которомъ пили брагу и въ особенности медовый квасъ; *Пурёскъ* всегда посѣщался священникомъ, который съ иконами и хоругвями, продолжая молебное шествіе по извѣстнымъ мѣстамъ, доходилъ и до того мѣста, гдѣ приготовлялся *Пурёскъ*: здѣсь, на открытой и веселой лужайкѣ, стояли столы и скамьи, а на нихъ ведра и кадки съ брагой, виномъ, а больше всего съ медовымъ квасомъ; тутъ же грудями лежали пироги (*прѣка*), мясо и другія закуски. Священникъ служилъ тутъ, надъ ближайшимъ ручьемъ или родникомъ, молебенъ и садился за столъ, а за нимъ и мордва; священникъ скоро уходилъ, но народъ долго пировалъ послѣ него; подвыпивши, принимались пѣть и плясать, а вечеромъ разводили костры, черезъ которые прыгали молодые парни и дѣвки; пиръ продолжался долго при свѣтѣ этихъ костровъ. Кромѣ моляна *Пурёскъ*, праздновался еще молянъ — «*Саразъ-алъ-оскъ*» (*саразъ* — сокращенное изъ *саразысъ* — курица; *алъ* — куриное яйцо): этотъ молянъ имѣлъ ту особенность, что на немъ ѣли куръ, которыхъ рѣзали тутъ же на мѣстѣ, и куриныя яйца, отъ чего произошло самое названіе моляна. Молянъ *пурёскъ* праздновался за селомъ, въ оврагѣ подъ *Вороховой* горой, и оврагъ этотъ до сихъ поръ называется *Пурёскъ*; мѣсто же моляна *саразъ-алъ-оскъ* неизвѣстно, но, какъ предполагають, было надъ большимъ родникомъ, который теперь находится уже въ селѣ, на концѣ улицы при выѣздѣ на Озерскую дорогу черезъ лѣсъ; вода въ немъ чистая и прѣсная, чего въ другихъ родникахъ села нѣтъ; поэтому водой его пользуется теперь почти все село.

Заслуживаетъ вниманія праздникъ, справляющійся ежегодно на Покровъ (1-го октября) дѣвками и парнями всего села и называвшійся — «*сыпчинъ*», на который дѣвки, сговорившись заранее, снимали неподалеко нѣсколько квартиръ. Сюда приносили онѣ куръ, гусей, мясо и другіе припасы; передъ самымъ праздникомъ варили брагу, въ продолженіи же *сыпчинъ* ежедневно пекли

пироги и приготавливали разныя кушанья, затѣмъ пряли, пѣли пѣсни и плясали подѣ обычный свой припѣвъ: «дали-ли-да-да». Къ нимъ приходили парни и гуляли вмѣстѣ съ ними; дѣвки угощали гостей-парней брагой, пирогами и кушаньями, а тѣ покупали вина, орѣховъ и пряниковъ. На *сытчинахъ* дѣвки одѣвались въ самыя лучшіе наряды, а красивыя, ловкія и статныя надѣвали старинную, особенно нарядную, одежду — «покай», весь вышитый мишурой, блестками и увѣшанный по плечамъ и рукавамъ маленькими бубенчиками, погремками, блестящими и звонкими бляшками и даже колокольчиками; звучно побрякивая ими въ тактъ во время пляски, дѣвка блистала въ яркомъ пурпуровомъ нарядѣ. За тѣмъ парни приводили имъ, для катанья верхомъ, лошадей въ сѣдлахъ, непременно бойкихъ, которыхъ украшали лентами и разноцвѣтными махорками, а на сѣдло постилали ярко вышитую и блестящую попону. Дѣвки, желавшія покататься, три раза обходили кругомъ лошади, затѣмъ ловко вскакивали въ сѣдло и лихо, съ плетью въ рукахъ, неслись по селу въ своихъ блестящихъ нарядахъ, въ мужскихъ штанахъ и особенныхъ головныхъ уборахъ, причемъ, навѣшанные на нихъ бубенчики и другія побрякушки производили неумолкаемый звонъ, пугавшій строгихъ лошадей, которыя бросались въ сторону и нерѣдко сбрасывали съ себя смѣлыхъ наѣздницъ. На эти *сытчины*, продолжавшіяся недѣлю, прїѣзжали изъ сосѣднихъ селъ и имѣній помѣщики и даже «господа» изъ Петровска, причемъ холостые гуляли здѣсь на ряду съ парнями. Последняя *сытчина* была лѣтъ 20 тому назадъ (въ концѣ 1850-хъ годовъ), за тѣмъ годъ отъ году неурожаи заставили оставлять этотъ народный праздникъ, требовавшій много расходовъ, и онъ остался теперь только въ народной памяти; *покай*, въ который рядились дѣвки, почти нельзя уже ни у кого встрѣтить на селѣ и только немногія бабы носятъ еще бусы и остатки отъ бывшихъ на *покай* украшеній.

Пугачевщина и для Оркина не прошла безслѣдно: толпы Пугачева, шедшія изъ Пензы, черезъ Петровскъ, на Саратовъ, захватили и Оркино. Рассказываютъ даже, что здѣсь былъ самъ

Пугачевъ (вѣроятно, одинъ изъ его атамановъ, которыхъ всѣхъ звали—*Пугачами*) и останавливался въ хатѣ мордвина Скупцова, жена котораго украла у него мѣшокъ съ деньгами и спрятала ихъ, сначала въ солому на крышѣ, а потомъ перенесла «на задъ» и тамъ высыпала въ кучу лежавшихъ бревенъ, гдѣ они и остались цѣлы; отъ того Скупцовы и до сихъ поръ богаты. Священникъ, съ прихода Пугача, какъ рассказываетъ народное преданіе, куда то спрятался и пропадалъ все время, пока толпище не оставило совсѣмъ Оркина и его окрестностей; за то досталось дьякону, котораго прислали спросить — гдѣ попъ? и какъ онъ не могъ, а можетъ быть и не хотѣлъ указать убѣжища священника, то его и вздернули на веревкѣ на воротнѣй столбъ и задушили. Многіе относятъ повѣшеніе дьякона вовсе не ко времени пугачевщины, а, говорятъ, его повѣсили мордвы, за то, что онъ спряталъ отъ нихъ попа, на котораго они были злы и съ которымъ хотѣли расправиться по своему. Полчища самозванца вели съ собой много захваченныхъ по пути дворянъ и одного изъ нихъ повѣсили или зарѣзали, верстахъ въ 3-хъ отъ Оркина, на горѣ, получившей оттого названіе — *Боярынъ-пря*, т. е. *боярская голова*. Съ пугачевцами ушло изъ Оркина нѣсколько человѣкъ мордвовъ, которые скорѣ вернулись съ обрѣзанными ушами и носами; свернувъ, съ большой дороги, на Оркино, рассказываетъ преданіе, обезображенные бѣглецы постыдились идти въ такомъ видѣ въ свою деревню и рѣшились лучше умереть, почему, при входѣ въ лѣсъ, они бросились другъ на друга и перерѣзались ножами.

Въ с. Оркинѣ по 10-й ревизіи считалось — 1407 душъ муж. пола, а въ 1880 году числится — 2048 д. м. п. и 2144 женскаго, а всего 4192 д. об. пола мордвовъ.

Оркинская мордва большею частью средняго роста, съ выдающимися скулами, жидкой, рѣдкой и щетинистой бородой, сѣрыми или голубыми глазами, иногда узкими (татарскаго типа) и, въ большинствѣ случаевъ, больными, въ особенности у женщинъ, которыя часто слѣпнутъ. Между молодыми женщинами и дѣвушками нерѣдко попадаются красивыя лица.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ холщевой бѣлой рубахи — *панар'а*¹⁾, съ синей оторочкой по косому вороту и съ красной вышивкой по подолу, и набойчатыхъ холщевыхъ портовъ; на головѣ, не смотря на время года, носятъ они бѣлыя бараньи шапки и непременно съ прорваннымъ верхомъ, лоскутъ котораго болтается по вѣтру; на ногахъ постоянно лапти и рѣдко сапоги, которые въ въ иныхъ семьяхъ хранятся какъ заветная вещь и надѣваются лишь по годовымъ праздникамъ или при свадьбѣ. Зимой и лѣтомъ носятъ они полушубки, надѣвая зимою посверхъ ихъ тулупы или армяки изъ домашняго сукна.

Одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой, очень узкой, холщевой рубахи — *панар'а*, въ родѣ мѣшка, вышитаго по всѣмъ швамъ, груди и подолу красной шерстью; рубаха эта дѣлается съ открытой грудью и стягивается на груди большимъ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ съ пряжкой. Сверхъ рубахи надѣвають *шушпанъ*, родъ узкаго халата, съ разрѣзнымъ передомъ; *шушпанъ*, какъ и *панаръ*, имѣетъ короткіе по локоть узкіе рукава и по всѣмъ швамъ, груди, плечамъ и подолу расшитъ красной шерстью и гарусомъ съ блестками и мишурой. Кромѣ того, до 1850-хъ годовъ, женщины носили праздничный *покай* (о которомъ сказано выше), тоже родъ *шушпана*, только сшитаго спереди и имѣвшаго совершенно видъ мѣшка; *покай* весь вышивался красными шерстями, блестками и нерѣдко золотомъ, такъ что бѣлыя холстовыя полосы оставались не болѣе какъ въ четверть аршина ширины, и весь *покай* блестѣлъ словно парчевой. — Передъ закрывается краснымъ узкимъ передникомъ, иногда съ грудью, иногда и безъ груди; послѣдняя и низъ передника вышиваются или обшиваются кружевами и прошивками. Талія перетягивается поясомъ, на который привѣшиваютъ мѣшечекъ для разныхъ мелкихъ вещей — *лакомку*, а сверху повязываютъ красный шерстяной кушакъ. На голову бабы надѣвають нѣчто въ родѣ мѣшка, спереди твердо вышитаго разными шерстями, преимущественно красной, блестками и мишурой, это — *шылыдънъ*, въ который они

1) Здѣсь и ниже въ рукописи *понаръ* вм. *панаръ*. А. III.

убирають голову совсѣмъ съ ушами, такъ что волосъ нигдѣ не видно, кромѣ какъ на вискахъ, гдѣ они выпускають пряди волосъ причеиъ щеголихи завивають ихъ въ кудри; сзади *шылыганъ* стягивается завязкою и спускается на спину бѣлымъ холщевымъ или коленкоровымъ концемъ, длиною вершковъ въ 6, и тяжело вышитымъ по краямъ; надъ ушами, къ *шылыдану*, привѣшиваются маленькія мѣдныя бляшки или пуговицы, по три на сторону. — Въ ушахъ носятъ огромныя мѣдныя или оловячныя серьги; этотъ уборъ мордовки работаютъ сами. — Мордовскій національный костюмъ встрѣтилъ здѣсь гоненіе во время земскихъ засѣдательей: одинъ изъ нихъ приказалъ мужикамъ закупить своимъ бабамъ ситцевъ, китайскъ и нарядить ихъ въ сарафаны, снявъ *шылыганъ* и *шурпанъ*; мужики, подѣ страхомъ строгаго наказанія, исполнили прихоть засѣдателя, но его цѣль обрусенія такимъ способомъ мордвы не удалась; и мордовки, къ удовольствію Оркинскаго населенія, въ особенности стариковъ, остались при своемъ нарядномъ дѣдовскомъ костюмѣ. — Женская обувь состоитъ большею частью изъ лаптей и рѣдко изъ тяжелыхъ, неуклюжей формы, *котовъ* (родъ башмаковъ), которые прикрѣпляются къ ногамъ ремнями. — Щегольство разными украшеніями въ большой модѣ у мордovieвъ: огромныя мѣдныя серьги, на пальцахъ — множество мѣдныхъ и оловянныхъ колець, въ особенности у дѣвушекъ; бусы, стеклярусь или нанизанныя на шнурокъ раковинки, рядовъ въ десять, окружають шею; нѣкоторыя шнурки съ этими украшеніями, довольно длинныя, спускаются на грудь и на каждомъ изъ нихъ непременно крестъ или маленькая монета. Нарядъ дѣвушекъ и молодухъ (которыя первый годъ замужемъ) отличается отъ бабьяго только тѣмъ, что онѣ не носятъ *шылыдана*, а заплетаютъ волосы въ одну косу, въ которую влетаютъ узенькую ленточку съ кистью изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ съ блестками на концѣ. Дѣвушки рѣдко покрываютъ головы платками (непременно красными); лѣто и зиму, несмотря на сильныя холода, ходять онѣ большею частью съ открытыми головами. — Нѣкоторыя женщины нюхаютъ, а иныя курятъ изъ трубокъ — махорку: мордовка,

въ особенности старуха, опершись лѣвой рукой въ бокъ, стоя съ трубкой въ зубахъ, тонкими струйками, съ большимъ наслажде-
ніемъ выпускаетъ вонючій дымъ сквернѣйшаго табаку.

На обязанности женщинъ лежитъ все управленіе домашнимъ хозяйствомъ, присмотръ за скотомъ, птицею,стряпня, шитье мужской, женской и дѣтской одежды; между ними есть хорошія мастерицы по вышиванію шерстями. Обработка полей лежитъ на мужчинахъ, женщины же принимаютъ участіе только въ полотьѣ, жатвѣ, молотьбѣ хлѣба и уборкѣ сѣна.

Оркинцы — государственные крестьяне, живутъ въ достаткѣ, нѣкоторые имѣютъ на гумнахъ по нѣсколько одоньевъ прошлогодняго хлѣба; есть нѣсколько такихъ мордвовъ, у которыхъ ле-
жатъ въ банкахъ капиталы — тысячъ до тридцати рублей; но несмотря на зажиточность, всѣ они живутъ грязно и неопрятно. Въ настоящее время, къ 1 январю 1880 года, въ с. Оркинѣ счи-
тается 611 дворовъ, расположенныхъ въ нѣсколько рядковъ и улицъ, — послѣднихъ, довольно большихъ, болѣе 10. Все село съ дворами, площадями и гумнами занимаетъ около $2\frac{1}{2}$ квадратныхъ верстъ. Улицы большею частью неправильны и узки, съ очень рѣдкими переулками; избы не отличаются правильностью постройки, красотою и удобствомъ, большинство поставлены на улицу или бокомъ, или задомъ, или же вовсе на дворѣ. Послѣ пожара 3 іюля 1879 г., въ который сгорѣло 94 двора, сгорѣвшая часть Оркина по-
строена теперь по плану, и улицы раздѣлены частыми проулками отъ 8 до 20 сажень шириною. Избы крыты соломой, и во всемъ селѣ только 92 избы, крытыхъ тесомъ; строятся онѣ обыкновенно изъ чернолѣся, тонкихъ и корявыхъ бревешекъ; стѣны обмазываются потомъ глиной, въ нихъ прорубаютъ небольшія окна, большею частью разной величины: одно меньше, другое больше; сбоку, на улицу, на высотѣ окна, вмѣсто послѣдняго, непременно оставляютъ въ стѣнѣ щель, пальца въ два шириною, которую затыкаютъ тряпкой, а нѣкоторые вставляютъ кусокъ стекла. Въ рѣдкихъ избахъ есть досчатый полъ и тотъ со щелями. Избы въ большин-
ствѣ топятся по черному, а нѣкоторыя, хотя и сдѣланы съ рус-

скими печами и трубами, но зимою, «для тепла» топятъ также по черному. Въ этихъ избахъ живутъ семьи, нерѣдко человѣкъ въ 30, а съ ними, въ зимнее время, помѣщается и скотина: телята, ягнята, поросята и куры; воздухъ въ такихъ избахъ постоянно пропитанъ одуряющей вонью и къ тому же въ зимнее время не достаетъ и свѣта, такъ какъ маленькія окна промерзаютъ насквозь; повсюду грязь и нечистота, по щелямъ тысячи таракановъ, пауки заплетаютъ углы, по потолку, палатамъ, по стѣнамъ, всюду висятъ паутины. Понятно, что подобныя избы представляютъ мало удобствъ въ гигиеническомъ отношеніи, и обитатели ихъ часто страдаютъ отъ различныхъ болѣзней, въ особенности — накожныхъ и глазныхъ; болью глазъ страдаютъ и взрослые и дѣти.

Въ селѣ есть нѣсколько избъ, содержимыхъ относительно чисто, потому что для скота имѣются другія избы, или онѣ дѣлаются двойныя, раздѣленные сѣнями: въ одной — помѣщаются хозяева, въ другой же — кухня и скотина.

Заболѣть мордвинъ, и его лѣчатъ всякими домашними средствами, а чаще приглашаютъ старуху-знахарку, или водятъ къ ней. Знахарка нашептываетъ на что нибудь больному, или же прежде всего велитъ истопить по-жарче баню и въ ней выпарить больного, причемъ страдающему животомъ накладываетъ на него горшки, какъ это дѣлается съ сухими банками. Знахарки эти лѣчатъ и разными зельями, травами, даже мышьякомъ, сулемою и тому подобными ядами, отъ которыхъ паціенты ихъ часто залѣчиваются на смерть. Причины болѣзней преимущественно сырость и холодъ отъ земляного пола, по которому ходятъ босикомъ, отъ зловонныхъ испареній въ жилищахъ, а также отъ неудобоваримой и непитательной пищи.

Умираетъ взрослый паренъ, спросимъ родственниковъ о причинѣ смерти: «А кто его знаетъ, чѣмъ онъ фараль, — отвѣчаетъ мордва, такъ все ходилъ, все ходилъ, а тутъ фарать сталъ; день, другой — съ недѣля лежалъ и умеръ». — Спросимъ, лѣчили-ли чѣмъ и ѣздили-ли къ доктору? — «Лѣчили, какъ фарать сталъ,

такъ бабка призывалъ, онъ лѣчилъ; въ банѣ парилъ ее, послѣ бани *лѣфка* (легко) будто сталъ ей, потому послѣ бани всякій человѣкъ *лѣфка* бываетъ и ей *лѣфка* сталъ; допрежъ онъ кашлялъ, а тутъ пуще сталъ, такъ и хрипѣть, такъ и хрипѣть, а тутъ пересталъ: *тятай, авай* (отецъ, мать), говорила она, душно мнѣ, вотъ тутъ больно (мужикъ показывается на горло), дышать нельзя; и болѣсть никакой не видать, а баялъ больно, дышать нельзя». — Попрекнешь, что не съѣздили къ доктору и не попросили у него лѣкарства: — «Зачѣмъ лѣкаръ, у насъ бабка все знаетъ, лучше лѣкаръ всякой знать. Ужъ *Пасъ-кормилецъ* знать, что надо, противъ него никакой лѣкаръ нейдетъ. Чего знать лѣкаръ: дасть ему какой горькой вода, пить тошно, а онъ дасть. Одна жена лихоманка хватилъ, долго мучилъ его, ѣздилъ къ лѣкарю, въ нѣмцы (въ Ягодную-поляну), онъ какой-то мука, съ ложку такъ, далъ мнѣ, баесть по-съ-эстольку глотать надѣть. Приѣхалъ, да и далъ, такъ жена совсѣмъ было околѣлъ: тошно, тошно, кричить; я скорѣе воды — и отошло». — Спрашиваешь, давалъ-ли онъ еще этого лѣкарства? «Зачѣмъ? ишь онъ скверна какой далъ. Мы потомъ въ банѣ парилъ ее, ротъ чернилой мазалъ, газъ (фотонафтилъ) пить давалъ, сульемой ротъ мазалъ, сульема — это такихъ еще лошадямъ даютъ». — А то, напримѣръ, рассказываютъ, какъ бабка-знахарка вылѣчила одной бабѣ простое воспаленіе глазъ: знахарка сдѣлала изъ сулемы и еще какихъ-то зелій смѣсь и, завязавъ въ тряпицу, «*на пробу*» привязала къ одному изъ больныхъ глазъ бабы, та сѣла прѣсть и прѣла до тѣхъ поръ, пока видно не въ терпежъ стало отъ снадобья; отвязала тряпицу, а глаза какъ не бывало, — сулема сдѣлала свое дѣло; понятно, что другой глазъ она уже не дала лѣчить! — Эти знахарки въ тоже время и повитухи, но въ большинствѣ случаевъ и въ этомъ дѣлѣ, такъ же какъ и въ лѣченіи, ничего не смыслятъ. — Между знахарками есть особенно выдающіяся, которыхъ знаетъ окрестность верстъ на 30; есть и специалистки по лѣченію сибирки: является къ одной изъ нихъ пациентъ съ подозрительнымъ прыщемъ, сибиркой будто бы; знахарка, не задумываясь, накаляетъ до бѣла острый шпигоръ

(большой гвоздь) и выжигает подозрительное пятнышко, не обращая вниманія на вопли паціента. — Нѣкоторыя изъ нихъ довольно успѣшно лѣчатъ заболѣвшихъ сифилисомъ. — Не такъ давно знахарки придумали новое лѣкарство отъ лихорадки: даютъ больному клоповъ, которыхъ кладутъ, потихоньку отъ него, въ хлѣбный мякишъ, закатывая его вродѣ пилюли; послѣ приѣма такого оригинальнаго лѣкарства больного рветъ ужасно, и лихорадка иной разъ проходитъ.

Такъ лѣчится мордва; иные и ѣздятъ къ фельдшеру; разъ дадутъ больному, а потомъ бросаютъ. До 1877 года земскій фельдшеръ и аптечка находились въ с. Озеркахъ, за 6 верстъ отъ Оркина, а съ 1877 г. земскій фельдшерскій пунктъ переведенъ въ колонію Ягодную-Поляну, тоже въ 6 верстахъ отъ села. Мордва ужасно боится оспы, оттого что она безобразитъ дѣтей, почему они имъ охотно прививаютъ ее, чего нельзя сказать про русскихъ сосѣдей въ с. Озеркахъ.

Интересенъ уходъ мордвы за ребенкомъ; лишь только онъ появится на свѣтъ, то мать-роженицу ведутъ въ баню, съ нею несутъ и новорожденнаго, котораго также моютъ и парятъ, какъ и мать, не разбирая, что для него вода можетъ быть горяча и въ банѣ чересчуръ жарко: терпитъ рука — значитъ можно купать и мыть. Выходя изъ бани, уносятъ всѣ вещи роженицы, даже вѣникъ, которымъ ее парили, а то злые люди могутъ испортить ее. На первыхъ порахъ ребенка кормятъ грудью, но черезъ нѣсколько дней ему даютъ соску изъ кислаго ржаного хлѣба; надо замѣтить, что бабка, только что родившемуся ребенку даетъ жѣвку изъ ржаного хлѣба съ солью, причемъ стараются влить непременно въ горло ребенку цѣлую ложку такой жѣвки. Съ перваго же дня ребенка помѣщаютъ въ колыбель — *лаусъ*, которая чаще всего дѣлается изъ корзинки или загибается изъ лубка въ родѣ ящика, въ который набиваютъ соломы или трухи, а сверху кладутъ ветошку — старый *шуппанъ*, а на него ребенка, завернутаго въ разное тряпье; подстилка въ колыбели рѣдко просушивается и еще рѣже перемѣняется, такъ что вонь и сырость почти

никогда не покидают ребенка: онъ заболѣваетъ, кричитъ и не спитъ, тогда его лѣчатъ,—кипятятъ маковыя головки въ молокѣ и поятъ его этимъ настоемъ, отъ котораго онъ дурѣетъ и засыпаетъ; но это продолжается недолго: отъ частаго употребленія маковаго настоя чувства ребенка притупляются, и настой на него не дѣйствуетъ, но лишь раздражаетъ и онъ мечется. — Мѣсяца черезъ два ребенка приучаютъ ѣсть все то, что ѣдятъ взрослые, ему даютъ картофель, хлѣбъ и вареную во щахъ капусту: появляются поносы, дитя слабѣетъ и нерѣдко, отъ плохого ухода и лѣченія домашними зельями, умираетъ. Отъ дурного ухода ростъ ребенка и развитіе его замедляются, а потому нерѣдкость встрѣтить между мордвою мужчинъ и женщинъ не болѣе 2-хъ аршинъ. — Въ лѣтнее время, когда мать занята работой, дитя поручается нянѣ — 5—6 лѣтней сестренкѣ или наемной дѣвчкѣ, которая, укачавъ его въ колыбели, убаюкиваетъ пѣсней и выноситъ на улицу; лишь только ребенокъ въ состояніи немного сидѣть, нянька сажаетъ его къ себѣ на плечи, ноги перевѣшиваетъ впередъ и, зацѣпивъ его рубашенку себѣ за голову, носить его на себѣ; убаюкивая при этомъ постояннымъ напѣвомъ: «ба-ля-ля-а-а». Надо слышать, чтобы составить себѣ понятіе, какъ баюкаютъ дѣтей пѣсней: ребенокъ-нянька оретъ такъ, что въ ушахъ звенить даже у взрослого.

Посмотримъ теперь на свадебные обряды мордвы: въ старину у нихъ, обыкновенно, за мальчика лѣтъ 10—12 сватали дѣвку лѣтъ 20 и старше, такъ что случалось и еще не такъ давно, что 12 лѣтній парнишка женатъ на 20—25 лѣтней бабѣ, нянчающейся съ нимъ, какъ мать: мужъ-ребенокъ вволю набѣгается и наиграется днемъ, а вечеромъ заснетъ гдѣ-нибудь, жена отыскиваетъ его и несетъ спать домой. И теперь мордва женить парней рано, преимущественно лѣтъ 17-ти, испрашивая часто разрѣшеніе архіерея, по несовѣршеннолѣтію жениха. Невѣсты же не берутъ моложе 19—20 лѣтъ, почему нерѣдко случается видѣть молодаго, часто мальчишку, передъ пожилой бабой—женой. Парень, желающій усватать себѣ невѣсту, нѣсколько дней, по

вечерамъ, ходитъ по окнамъ избѣ, высматривая и выбирая невѣсту «по вкусу и мысли», и затѣмъ посылаетъ къ родственникамъ ея своихъ сватовъ, которые, съ полуштофомъ водки, входятъ въ избу невѣсты и помолясь садятся въ передній уголъ за столъ; поговоривъ о томъ—о семъ, какъ водится, приступаютъ къ дѣлу Невѣста, замѣтивъ за чѣмъ пришли гости, тотчасъ убѣгаетъ или прячется гдѣ нибудь въ избѣ. Ежели рѣчь сватовъ и ихъ предложеніе нравится ей и ея родственникамъ, то она выходитъ изъ своего убѣжища, наливаетъ, изъ принесенной сватами бутылки, водку въ стаканы и подчуетъ гостей; если же предложеніе не нравится, то, выбѣжавъ, она схватываетъ бутылку и разбиваетъ ее объ полъ, затѣмъ ругаетъ жениха и его родственниковъ, и даже выгоняетъ ихъ изъ избы; обычай этотъ теперь вывелся.

Въ старину бывали часто случаи, что ежели невѣста или ея родные не соглашались отдать дѣвку, то ее брали и вѣнчали силою, причемъ родственники жениха предварительно уговаривались съ священникомъ и, отыскавъ затѣмъ прятанную невѣсту, силою привозили ее въ церковь, гдѣ священникъ, чтобы избѣжать шума и драки, запираетъ двери, какъ только введутъ парня и дѣвушку, и вѣнчалъ ихъ, несмотря на мольбы и упорство невѣсты. Но случалось, что изъ за этого, между родными той и другой стороны завязывались не только драки, но и цѣлыя побоища: такъ, рассказываютъ, что однажды въ полѣ, откуда схватили невѣсту, произошла между той и другой стороной страшная рѣзня серпами¹⁾; этотъ обычай теперь совершенно вывелся.

Въ случаѣ согласія невѣсты, сваты предлагаютъ родственникамъ ея выпить, послѣ чего договариваются о *кладкѣ* и кончаютъ обыкновенно на томъ, что женихъ обязанъ выставить отъ

1) Мы видимъ изъ Архива историко-юридическихъ свѣдѣній Н. В. Калачева (1855 г.), что мордва въ Инсарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., крещена въ половинѣ XVIII вѣка, т. е. одновременно съ Оркинскою: Мордовскіе браки совершались тамъ также *самокрутомъ* — похищеніемъ невѣсты, хотя всегда съ согласія невѣсты и ея матери. О поливаніи могилъ, оставленіи на нихъ пищи, табаку, одежды и прочаго (о чемъ будетъ сказано ниже), тоже упоминается Калачевымъ, также какъ и о разговорахъ съ покойникомъ (пиршества эти назывались *молянками*, но священники ихъ запретили).

10 до 15 ведеръ водки, сшить невѣстѣ новую шубу, купить нѣсколько красныхъ платковъ, коты и непременно сундукъ для всякаго добра. Послѣ совѣщанія о *кладкѣ* идетъ пиръ горой, причемъ выпиваютъ на первый разъ нѣсколько ведеръ водки. Проходить недѣля, другая и настаетъ время свадьбы; до того женихъ иногда посѣщаетъ невѣсту и приноситъ ей лакомства: рожки, дешевые пряники, орѣхи, конфеты-леденцы.

Въ промежутокъ между усватаніемъ и свадьбой, у невѣсты бываютъ «*супрядки*» — помочь, причемъ ей помогаютъ шить *панъры*, *шушпаны*, платки и прочее; угощеніе на этихъ *супрядкахъ* и водку дѣвкамъ доставляетъ женихъ. Наканунѣ свадьбы невѣсту водятъ въ баню, гдѣ она моется съ подругами; потомъ имъ запрягаютъ пару или одну лошадь, съ колокольчикомъ подъ дугой, и онѣ ѣдутъ кататься по селу, причемъ, почти всѣ онѣ пьяныя, становятся въ телѣгу или сани, смотря по времени года: по срединѣ стоятъ невѣста, а подружки, охвативъ другъ друга руками, кольцомъ окружаютъ ее; у дѣвокъ за красными кушаками заткнуты бѣлыя полотенца (куски холста) или платки, подаренные женихомъ; всѣ раскраснѣвшіяся, какъ маковъ цвѣтъ, съ открытыми головами, не смотря ни на какую погоду и морозъ, онѣ катаются по селу и съ пѣснями ѣздить изъ улицы въ улицу; на перекресткахъ невѣста плачетъ, рыдаетъ и причитаетъ; затѣмъ ѣдутъ къ церкви и, остановившись на перекресткѣ, отъ котораго проулочекъ ведетъ къ кладбищу, невѣста выходитъ изъ телѣги или саней, рыдаетъ и причитаетъ такъ громко, что слышно бываетъ на сосѣднихъ улицахъ, — это невѣста прощается съ умершими родственниками; случается, что она не умѣетъ причитать, тогда одна изъ подругъ, закрывъ ротъ платкомъ или рукавомъ, исполняетъ необходимый обычай, иначе люди будутъ смѣяться; ежели же и подружки не умѣютъ причитать, то нанимаютъ плакальщицу.

Наканунѣ же свадьбы, въ домахъ жениха и невѣсты готовятся къ приему гостей, а у послѣдней еще съ вечера, собравшіяся бабы-свахи и родные готовятъ особаго рода пирогъ для молодыхъ — *лукишу*, изъ хорошаго бѣлаго тѣста, начиняя его

разными снадобьями и всё́мъ, что ни попало подъ пьяную руку: мясомъ, яйцами, лукомъ, кашей и прочимъ. Въ то время какъ разваливаютъ для такого пирога тѣсто, бабы поютъ разныя салныя пѣсни, съ такими же прибаутками; на это время изъ избы выгоняютъ всёхъ мужиковъ, и пирогъ готовится непременно при невѣстѣ. Кто видѣлъ, какъ готовится *лукаша*, — ѣсть его не станетъ, ежели брезгливъ. — *Лукаша* относится свахами къ матери невѣсты, приче́мъ на верхъ пирога, убраннаго украшеніями изъ тѣста, кладутъ кусокъ сыраго мяса, солонины или ветчины.

Вечеромъ, у жениха и невѣсты, служатъ молебны, а на другой день, приготовившись къ свадьбѣ, благословляютъ жениха, и онъ ѣдетъ въ церковь. За нимъ собирается невѣста: изба ея полна народу — дѣвокъ и родственниковъ; шумъ, гамъ, спертый воздухъ — стоятъ въ ней невообразимые; при благословеніи невѣсты (*куда́тъ*), снимаютъ съ полки, служащей образницей, маленькую икону и ею раза три-четыре, отецъ, а потомъ мать обводятъ вокругъ головы невѣсты и даютъ ей приложиться, послѣ чего невѣста прощается съ отцемъ, матерью, родственниками, приче́мъ раздаются уже непритворные плачъ и рыданія; затѣ́мъ она прощается со столомъ, скамейкой, печью, ухватами и прочей утварью; выходя на дворъ — прощается со скотиной, телѣгами, саями, сохами, столбами, подпирающими навѣсы двора; наконецъ, ѣдетъ въ церковь, на присланныхъ женихомъ лошадяхъ. Въ это время *полдружье*, или «*пелюридиць*», приѣзжаетъ отъ жениха за имуществомъ невѣсты, но дѣвки — ея подруги не выдаютъ его даромъ, ему передъ носомъ запираютъ ворота: полдружье платитъ гривну или семикъ; его впускаютъ во дворъ, но въ сѣни — не пускаютъ; онъ опять даритъ дѣвокъ семикомъ или гривной (3 копейки серебр.), входитъ въ сѣни, — въ избу не пускаютъ; наконецъ, онъ въ избѣ, но дѣвки не даютъ вещей невѣсты — выкупи; платитъ снова и уложивъ добро въ привезенный сундукъ, увозитъ къ жениху, тамъ онъ въ свою очередь не уступаетъ сундука, стоящаго у него въ телѣгѣ или саяхъ, сидитъ на немъ и требуетъ платы — водкою. Сундукъ снимается только тогда, когда пьяный полдружье до того охме-

лѣтъ, что свалится съ него. За подарки, дѣвки нашиваютъ всѣмъ поѣзжанамъ-мужикамъ мохорки изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ къ шалкамъ.

Поѣздъ съ невѣстой, выѣхавъ со двора, останавливается на улицѣ: здѣсь дружно, съ иконой въ рукахъ, крестясь, три раза обѣгаетъ кругомъ поѣзда, и тогда отправляются къ церкви, причемъ невѣста, покрывъ лицо краснымъ платкомъ, ѣдетъ стоя въ кругу своихъ подругъ и непремѣнно рыдаетъ.

Мордва суевѣрна, поэтому никогда не согласится вѣнчаться въ тотъ день, когда въ церкви отпѣвали покойника, тогда свадьбу откладываютъ до слѣдующаго дня.

Введя невѣсту въ церковь, ей расплетаютъ дѣвичью косу, вѣнчаютъ съ распущенными волосами, и такъ же ведутъ въ домъ молодого, причемъ молодые идутъ въ вѣнцахъ, въ сопровожденіи священника и причта, при перезвонѣ колоколовъ.

Дома, молодая угощаетъ молодого яйцами, лепешками и *лукшей*: все это привозится въ сундукахъ, вмѣстѣ съ добромъ невѣсты, котораго обыкновенно бываетъ очень немного. Вскорѣ молодого, почти совсѣмъ пьянаго, отводятъ въ амбаръ, потомъ берутъ молодую и подойдя къ дверямъ амбара, говорятъ: «*Варисъ, варисъ на тонятъ рявя*» (волкъ, волкъ, на тебѣ овцу), повторяя это до трехъ разъ, послѣ чего толкаютъ молодую въ дверь, гдѣ ее схватываетъ молодой. Начинается гулянье и тянется недѣлю, рѣдко, развѣ въ рабочую пору, три-четыре дня; толпами въ 20, 30 и болѣе человѣкъ ходятъ въ гости, а чаще ѣздить, къ молодымъ и ихъ роднѣ, выпивая при этомъ огромное количество водки: у мордвы нѣтъ другого угощенья, какъ водка и мясо, а то и просто одинъ хлѣбъ на закуску, ежели же кто остается обѣдать, то подаютъ на столъ: щи съ мясомъ, лапшу, кашу, блины. На каждой свадьбѣ гуляющихъ бываетъ до 100 человѣкъ; угощаютъ сперва родные, но послѣ 3—4 дней, каждый угощается на свой счетъ—въ складчину. Послѣ вѣнца, молодые гуляютъ вмѣстѣ съ гостями. Теща угощаетъ молодого зятя яйцами въ смятку и яичницей.

Молодая, тотчасъ послѣ свадьбы, принимается за работу по хозяйству, и ей обыкновенно приходится работать больше всѣхъ, такъ какъ она должна подчиняться и быть на побѣгушкахъ у старшихъ снохъ и свекрови. Проходить годъ и молодая (*урьва*) надѣваетъ уже *шыльпанз* (бабій головной уборъ) и тогда становится совершенно бабой — *«уряшъ»*.

Погребальные обряды мордвы отличаются своеобразиемъ: лишь только больной начинаетъ томиться, какъ торопятся перенести его въ передній уголъ, а на столъ или окно ставятъ чашечку съ водой, чтобы душа, какъ только вылетитъ изъ тѣла, могла омыться въ ней. Сказываютъ, что нѣкоторыя бабы *«изъ досуужихъ»* (знахарки и монашествующія въ селѣ дѣвки) видѣли, какъ колыхалась вода въ этихъ чашкахъ, лишь только умереть человѣкъ и душа изъ него вылетитъ. Тѣло покойнаго обмываютъ, надѣваютъ чистое бѣлье и обуваютъ въ лапти; къ умершему собираются родственники, знакомые, сосѣди и прежде всего, обыкновенно, бабы — старухи. Плакать по умершемъ считается обязанностью для женщинъ; каждая приноситъ съ собою по пирогу (хлѣбу): вошедшая молится Богу, потомъ плачетъ и причитаетъ около покойника; плачущую унимаютъ, и она, послѣ долгихъ увѣщаній, переставъ наконецъ рыдать, отламываетъ кусокъ отъ принесеннаго хлѣба, ѣстъ и тѣмъ поминаетъ покойника. Такъ дѣлаетъ каждая вошедшая. Какъ только она начнетъ рыдать, старшая въ домѣ женщина беретъ грошъ или трешникъ и, ставъ передъ лицомъ покойника, начинаетъ ножомъ скоблить мѣдь, приговаривая: «Вотъ тебѣ деньги, дѣлай на нихъ тамъ все, что хочешь; пойдешь можетъ въ бесѣду, на крестины, свадьбу, аль еще куда. Поворожи за насъ (живыхъ) тамъ и кланяйся Ивану, Дарьѣ, Надѣ... и проч.», называя всѣхъ умершихъ родныхъ. Если умершій былъ самъ знахарь (а въ Оркинѣ ихъ много, въ особенности между бабами), то просятъ поворожить на томъ свѣтѣ о живыхъ, а также просятъ покойника, чтобы онъ объ этомъ передалъ прежде умершимъ знахарямъ, чтобы они тоже поворожили о живыхъ.

Настаетъ ночь, собравшіяся бабы сидятъ вокругъ по лавкамъ и ведутъ шопотомъ разговоры на приличную случаю тему, больше всего о покойникѣ; нѣкоторые зажиточные приглашаютъ чтецовъ — читать псалтырь. Поздно ночью, нѣсколько бабъ ложатся спать и, проснувшись черезъ часъ или два, начинаютъ рассказывать сны: кто какъ видѣлъ покойника; по снамъ судятъ о томъ, въ чемъ онъ нуждается, чѣмъ надо помянуть его и что подать за него. — Готовъ и гробъ, въ него кладутъ усопшаго и, въ былое время — лѣтъ 15 — 20 тому назадъ (еще въ 1860-хъ годахъ), съ нимъ клали лепешки, яйца, лапти, кочедыкъ (чѣмъ дѣлаютъ лапти) и даже трубку, ежели покойный курилъ, — потому что на томъ свѣтѣ пригодится.

Покойника выносятъ въ церковь, въ домѣ же скамейку, на которой онъ лежалъ, посыпаютъ въ концѣ, къ переднему углу, золой и втыкаютъ топоръ или ножъ, чтобы *«укрѣпить»* мѣсто для другихъ, чтобы не умирали оставшіеся. Послѣ похоронъ дѣлаютъ обѣдъ-поминки, на который собираются всѣ родственники, являющіеся непременно съ своимъ хлѣбомъ, и сначала каждый поминаетъ принесеннымъ, а потомъ уже собираютъ обѣдъ и поминаютъ хозяйскимъ. На третій, девятый и сороковой дни поминаютъ снова умершаго и, когда соберутся всѣ родственники, выходятъ на дворъ или на улицу, и здѣсь, передъ избой, старшая въ домѣ баба, разломивъ яйцо, бросаетъ его на землю, потомъ скоблитъ ножомъ мѣдный грошъ, поминая всѣхъ умершихъ, какъ своихъ, такъ и всѣхъ пришедшихъ на поминки родственниковъ. На *родительскую*, послѣ Пасхи и на Дмитріевъ день, мордвы ходятъ на могилы, куда приносятъ брагу, водку, блины и т. под., поминаютъ усопшихъ и служатъ на могилахъ панихиды. На кладбище ходятъ обыкновенно бабы и ребятишки; поплакавъ и помолвившись надъ могилой, разстилаютъ кусокъ холста и, выливъ стаканъ водки или браги на могилу, пьютъ потомъ сами и ѣдятъ. Плакать надъ могильнымъ крестомъ и плакать громко, во весь голосъ, считается обязанностью, а потому, во время родительскихъ поминовенныхъ дней, на кладбищѣ стоитъ стонъ отъ

бабьяго вопля и рыданій. Часть блиновъ, лепешекъ и прочаго оставляють на могилахъ, а также нѣкоторыя оставляють и бѣлье: рубаху, штаны и т. под., при чемъ говорятъ: — «На вотъ тебѣ одѣжа, можетъ, тамъ нужно». — Все это собирають потомъ нищіе, а наряду съ ними и собаки.

Мордвы суевѣрны и трусливы, но бабы, въ особенности знахарки, бывають смѣлы и ночью ходять на кладбище, затѣмъ чтобы просить умершихъ знахарей помочь въ ихъ нуждахъ по исцѣленію какого либо больного; для этого знахарка идетъ вечеромъ на кладбище, отыскиваетъ нужную ей могилу, ставитъ на ней чашку съ хлѣбомъ и, скобя ножомъ мѣдный трешникъ, просить у мертваго, что ей надо.

Праздникъ, особенно почитаемый мордвами — *Рождество Христово* (въ Оркинѣ — престольный). Въ этотъ день мордвы гуляютъ и ходять другъ къ другу въ гости. Утромъ на Рождественскій сочельникъ ребятишки, мальчики и дѣвочки 6—10 лѣтъ, собираются и ходять *колядовать*: остановившись передъ окнами избы и, построившись въ рядъ, они поютъ. [Текстъ колядки напечатанъ выше. А. III.]

Кончатъ ребятишки *каляду*—и имъ выносятъ, нарочно испеченныхъ для того, лепешекъ, называемыхъ *калядашками*.

Въ святки дѣвки и парни мало гадаютъ, старики же и старухи гадаютъ больше объ урожаѣ слѣдующаго лѣта: для этого берутъ обыкновенно луковицу и, разрѣзавъ пополамъ, снимають чешуйки, изъ нихъ 12 ставятъ на столъ и насыпають въ каждую по щепоткѣ соли, оставляя ихъ такъ на ночь; утромъ смотрять, въ которой изъ нихъ больше воды отъ распустившейся соли, и такъ какъ каждая чешуйка изображаетъ собою одинъ изъ 12-ти мѣсяцевъ въ году и, по счету, первая съ правой стороны принимается за Январь, вторая — за Февраль и т. д., то поэтому судять, въ которомъ мѣсяцѣ, какая будетъ погода: сухая или дождливая. Объ урожаѣ гадаютъ также на снопахъ хлѣба: на ночь выставляютъ на кольяхъ снопы — ржи, пшеницы и другихъ хлѣбовъ, и на которыхъ будетъ больше инея, тотъ уродится

лучше.—Молодые ребята, подлежащіе рекрутству, ходятъ ночью съ кольями на прудъ и опускаютъ ихъ въ прорубь: кто изъ нихъ легче выдернетъ, черезъ нѣсколько времени, изъ замерзшей проруби свой колъ, тотъ освободится отъ рекрутчины, но кто со-всѣмъ не вынетъ — пойдетъ непременно на службу. Бабы, подѣ Новый годъ, ходятъ, сядясь верхомъ на помело, слушать на перекрестокъ.

Но вотъ настаетъ Крещеніе, хозяйки опять запасаются лепешками — *конями*, которыя дѣлаютъ въ видѣ серпа полу-мѣсяца. Съ утра ребятишки и взрослые парни скачутъ по селу на лошадяхъ отъ одного родственника къ другому и собираютъ *лепешки-коняи*. Послѣ маленькихъ, ѣздятъ взрослые, которые, конечно, не ограничиваются лепешками, и хозяева угощаютъ ихъ водкой. Послѣ обѣдни, лишь только станутъ выходить изъ церкви съ иконами, мордвы стрѣляютъ изъ ружей залпами и въ одиночку, что продолжается и на *Йордани*, при погруженіи креста въ воду.

Масляницу мордва проводитъ такъ же, какъ и русскіе: ѣдятъ блины, гуляютъ, катаются на лошадяхъ, а молодые парни и дѣвки — больше съ горъ на салазкахъ. По вечерамъ водятъ хоро-воды. Но лишь наступить постъ, какъ всѣ, и взрослые и малые, стараются говѣть на первой же недѣлѣ, чтобы, очистившись въ началѣ, не грѣшить во весь постъ. Со второй или третьей недѣли поста, лишь только солнышко начнетъ пригрѣвать по-сильнѣе и пойдутъ оттепели, по вечерамъ дѣвки собираются гдѣ нибудь на площади у амбара, или прижавшись гдѣ у избы, поютъ «*вес-нянки*» — славятъ весну. Мордвы обыкновенно поютъ русскія пѣсни, конечно, съ выговоромъ на свой мордовскій ладъ; мордов-скихъ пѣсенъ у нихъ осталось мало и изъ нихъ многія становятся непонятны самой мордвѣ; такова, напримѣръ, одна изъ *веснянокъ*, словъ которой они не понимаютъ:

Авѣ, сѣна сѣна

Новѣ якѣня

Новѣ якѣня!...

Дальше они добавляют въ этой пѣснѣ свое — про всѣхъ мужиковъ и бабъ своей улицы: однихъ хвалятъ, другихъ хулятъ и ругаютъ, называя чумичкою, затычкою въ трубѣ и пр. — Другая, понятная, *веснянка*, имѣющая религіозный характеръ стараго времени, поэтично сравниваетъ весну съ красивой дѣвушкой, взлелѣянной родными батюшкой, матушкой и братьями. Вообще пѣсни, которыя поются постомъ, — религіознаго содержания.

Наступаетъ Свѣтлая недѣля, за ней *Красная юрка*, и дѣвки цѣлыя ночи водятъ съ парнями хороводы: отъ вечерней до утренней зари раздаются по селу ихъ громкія пѣсни, а то вдругъ заиграютъ *«дали-ли-да-да»* и подъ эту пѣсню и игру на рожкѣ, на которомъ нѣкоторые парни играютъ мастерски, дѣвки идутъ плясать: *хороводъ* образуетъ продолговатый кругъ, въ средину котораго выходятъ двѣ дѣвушки, начинаютъ потоптывать на мѣстѣ и, медленно разводя руками, подергивая плечами и станомъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто (мѣняются мѣстами) — въ этомъ и состоитъ вся пляска. Нѣкоторые парни, большею частью рекруты, имѣютъ гармоники, но играютъ на нихъ очень плохо и на свой мордовскій ладъ.

На *Троицу* и русскій *семикъ* дѣвки, собравшись хороводами, идутъ въ лѣсъ, рвутъ цвѣты, вьютъ изъ нихъ вѣнки и, надѣвъ ихъ на головы, идутъ въ село; впрочемъ, собственно вѣнки вьютъ рѣдкіе, обыкновенно же убираютъ цвѣтами голову, втыкая ихъ въ волосы надъ ушами и въ косу, въ конецъ которой, вмѣсто шнурковъ съ кисточками, вплетаютъ красныя ленты. Дѣвушки входятъ въ село шеренгой, схватившись рука съ рукой; обнявшись, идутъ по улицѣ и поютъ пѣсни.

Всю зиму бабы прядутъ ленъ и пеньку, а весною, во время пашни и междупарья, онѣ ткутъ холсты, и далеко слышно по улицѣ, какъ онѣ торопливо бьютъ бѣрдами. Бабѣ много работы: всю зиму пряла, а весной должна соткать столько холста, чтобы его хватило на *панѣры* и *шупиѣны* себѣ, на рубашки мужу и ребятишкамъ — словомъ на все, такъ какъ у мордвы нѣтъ ни

одного купленного базарнаго лоскута, а вся одежда состоитъ изъ домашняго приготовленія; самое меньшее, что выпрядетъ и наткетъ баба за зиму и въ весну — это 60 аршинъ посконнаго и столько же льняного холста. За послѣднее время молодые парни стали носить по праздникамъ красныя кумачевыя рубашки, бумажные триковые штаны и сапоги съ каблуками.

Время пашни — мужики торопятся пахать и сѣять; засѣваютъ не только свою душевую землю, но и много сѣмной: бѣднякъ — и тотъ имѣетъ не менѣе 3-хъ десятинъ сѣмной земли, такъ какъ главное занятіе Оркинцевъ — земледѣліе. Они снимаютъ земли у окрестныхъ владѣльцевъ: Киндякова (Петровскаго уѣзда) — за 10 верстъ отъ Оркина, мѣщанскую — города Петровска — тоже за 10 и болѣе верстъ, Сокурской экономіи наслѣдницъ князя Голицына — за 5—10 верстъ, и другія, иногда за 30 и болѣе верстъ, платя (въ 1880-хъ годахъ) за десятину тридцатку (2400 квадр. сажень) отъ 5 до 12-ти рублей, а за вспаханную — до 18—20 рублей. Сѣютъ они пшеницу, овесъ, ячмень, просо, гречу и особенно много подсолнечниковъ; картофель сѣется на своихъ поляхъ и въ огородахъ. Всѣ не вошедшія въ разверстку и неудобныя мѣста по горамъ запахиваются подъ бахчи, на которыхъ сѣютъ и сажаютъ: арбузы, дыни, тыквы («*дурджъ куяртъ*»), огурцы («*куяртъ*») и картофель.

Всего въ Оркинскихъ дачахъ удобной для пашни земли, въ 1880-хъ годахъ, было 7128 десятинъ; хозяйство ведется трехпольное: паръ, озимъ и яровое. Душевой надѣлъ на каждую душу не особенно великъ, такъ какъ они кромѣ земледѣлія ничѣмъ другимъ не занимаются за весьма немногими исключеніями, при чемъ нѣкоторые изъ мордвовъ нанимаются въ междупарье и осенью *корчевать* пни, по 4 копѣйки отъ cadaго пенька, или огульно — стѣ 25 до 45 рублей за тридцатную десятину. Убравшись осенью съ хлѣбомъ, онѣ всю зиму ничего не дѣлаютъ, развѣ намолотятъ оставшійся хлѣбъ и отвезутъ его на мельницу или въ Саратовъ на базаръ. Нѣкоторые въ междупарье и зимою занимаются извозомъ, но не особенно много и лишь въ хорошій

годъ. Ремеслами занимаются мало: 3 — 4 плохихъ сапожника изъ мордвовъ и 1 странній, человекъ 10—15 плотниковъ, 1 столяръ, онъ же и стекольщикъ, 2—3 плохихъ печника, сложенные которыми печи непременно дымятъ; нѣсколько *швецовъ* крестьянской одежды — кафтановъ и полушубковъ (последній промыселъ открылся не болѣе 6 лѣтъ тому назадъ — въ самомъ началѣ 1870-хъ годовъ), 3 кузнеца и 1 плохой слесарь — вотъ и всѣ ремесленники въ Оркинѣ, въ 1880-мъ году. Въ селѣ имѣется одно овчинное заведеніе, содержимое крестьяниномъ Резянкою, у котораго работаютъ 4 овчинника. Четверо Оркинскихъ крестьянъ имѣютъ мелочныя бакалейныя лавочки (въ 1880 г.), но только у двоихъ: Саюшкина и Цибина онѣ порядочны, и въ нихъ можно найти все, что нужно для сельчанина. Нѣкоторые крестьяне торгуютъ мясомъ и хлѣбомъ: последнимъ дѣлали большіе обороты (въ 1870-хъ и 80-хъ годахъ) братья Кичайкины. Лѣтомъ и зимою пріѣзжаютъ въ Оркино *офени*, или какъ ихъ здѣсь называютъ — «*шабольники*»: они торгуютъ иглами, блестками и разной мишурой для украшенія *шуйпановъ* и *шымпановъ*, красной мережкой, тесемками, нитками и тому подобной мелочью, между прочимъ и воблой; *офени* обыкновенно мѣняютъ свой товаръ на тряпки (*шаболы*), за что и прозвали ихъ *шабольниками*.

Съ весной уходятъ изъ села половина ребятишекъ, отъ 10 до 18 лѣтняго возраста, въ погонщики воловъ къ Сокурскимъ хохламъ, у которыхъ проводятъ все лѣто до поздней осени; за эту работу, кромѣ выговоренной одежды, они получаютъ каждый отъ 25 до 35 рублей за все время.

Осенью поздно, убравши хорошій урожай, мордва принимается за свадьбы. Мордва вообще не прочь повеселиться и быть въ кампаніи. Любитъ мордва и пѣсни, и свои мордовскія и русскія. [Далѣе приводятся три пѣсни, напечатанныя выше. А. Ш.].

У мордвы не особенно много своихъ пѣсень, но онѣ не лишены поэзіи и напоминаютъ былые ихъ годы. Рѣдко услышишь въ Оркинѣ мордовскую пѣсню, поютъ ее чаще старики и старухи, а молодежь больше — русскія.

У мордвы есть и сказки, но содержаніе ихъ, въ большинствѣ случаевъ, взято изъ русскихъ; несмотря однако на это, а также и на то, что у нихъ давно школа, что кругомъ Оркина, въ близкомъ сосѣдствѣ, живутъ русскіе, даже въ самомъ селѣ есть около 10 русскихъ семей (мало отличающихся, впрочемъ, отъ мордвы) и въ самомъ языкѣ ихъ много русскихъ словъ и такихъ своихъ — значеніе которыхъ уже позабыто всѣми, полное обрусеніе мордвы въ с. Оркинѣ не замѣтно, и оно идетъ очень медленно.

Въ 1840-хъ годахъ открыта была приходская церковная школа; потомъ, вслѣдствіе плохой постановки дѣла, она нѣсколько разъ закрывалась и опять открывалась. Въ 1861 году, при образованіи Озерской волости, въ составъ которой вошло и село государственныхъ крестьянъ *Оркино*, въ школѣ было, какъ видно изъ вѣдомости, 50 учениковъ; учителемъ состоялъ священникъ А. Преображенскій. Затѣмъ церковно-приходская школа была закрыта и въ 1869 г. вновь открыта — уже на средства общества съ участіемъ въ содержаніи ея Саратовскаго уѣзднаго земства. Сначала школа помѣщалась въ наемной квартирѣ, но въ 1872 г. общество построило, около сельскаго правленія, отдѣльное помѣщеніе для школы въ 5 сажень длины и 3 сажени ширины; въ немъ же помѣщается и квартира учителя. Въ 1875 г. училище это перенесено на церковную площадь и поставлено рядомъ съ церковью. За 1875/6 учебный годъ въ школѣ было 88 учениковъ, въ томъ числѣ 2 дѣвочки — дочери священника и дьячка, а къ 1 января 1880 г. (при учителѣ А. Л. Леонтьевѣ) въ Оркинскомъ земскомъ училищѣ было болѣе 100 учениковъ; изъ нихъ въ февралѣ 1880 года 6 учениковъ окончили полный курсъ сельскихъ училищъ и получили свидѣтельства на льготу 4-го разряда по воинской повинности. Ученики неаккуратно посѣщаютъ школу: въ день приходитъ отъ 40 до 70 дѣтей; виною тому — невѣжество родителей, часто задерживающихъ дѣтей дома, а также недостатокъ помѣщенія въ школѣ, гдѣ на всю массу учениковъ только 8 столовъ, длиною въ 1 сажень. Занятія въ школѣ начинаются поздно, нерѣдко въ концѣ

октября; оканчиваются къ веснѣ, какъ сойдесть снѣгъ и оттаютъ горы, окружающія село; тутъ большинство мальчиковъ уже не ходятъ въ школу: одни — гонять овецъ на подножный кормъ, по прошлогодней высохшей травѣ, другіе — уходятъ въ отхожій промыселъ — въ погонцы воловъ, а потому въ школѣ занятія продолжаются, при очень небольшомъ количествѣ учащихся. Несмотря на то, что уже 10 лѣтъ, какъ существуетъ въ Оркинѣ правильная школа, едва ли здѣсь наберется (въ 1880 г.) чело-вѣкъ 100 грамотныхъ, умѣющихъ читать и кое какъ подписать свое имя, и то изъ нихъ $\frac{1}{3}$ солдатъ, научившихся читать и писать на службѣ.

Мордва по русски объясняется плохо, женщины же часто вовсе не умѣютъ говорить по русски. Мордвы, вообще, отъ природы — хитры, честолюбивы и часто неуважительны; до сихъ они относятся къ школьному дѣлу — иные холодно, а другіе даже непріязненно. (1880 г.).

Приложеніе III.

Очеркъ звуковыхъ особенностей Сухокарбулацкаго и Оркинскаго говоровъ.

§ 1. Настоящій очеркъ составленъ на основаніи: 1) наблюденій надъ языкомъ нѣсколькихъ крестьянъ (преимущественно женщинъ) Сухого Карбулака и Оркина, 2) записей, переводовъ и словаря, приготовленныхъ уроженцемъ села Сухого Карбулака Р. Θ. Учаевымъ, 3) записей, сдѣланныхъ по Оркину І. А. Цыбинымъ и отчасти В. С. Саюшкинымъ, по Сухому Карбулаку И. Θ. Мироновымъ. Главное вниманіе очерка обращено на Сухокарбулацкій говоръ; данныя Оркинскаго говора привлечены только для сравненія.

Звуковой составъ. Гласныя.

§ 2. Въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорахъ наблюдаются слѣдующія гласныя: *заднія* а, и, о, ъ; *среднія* у, ъ, ѧ, ѧ̆, ѧ̇; *переднія* і, е, ѣ, ѧ̆, ѧ̇. Кромѣ того имѣются гласныя неполнаго образованія: задняя α и передняя ε. Гласныя и, і, а также ѧ употребляются въ неслоговомъ видѣ послѣ гласныхъ, т. е. въ дифтонгахъ: аѧ, иѧ, оѧ, аі, иі, оі; уѧ, ѧѧ, уі, ѧі; іѧ, ѧѧ, аі, іѧ, ѧі, аі.

§ 3. *Объ употребленіи названныхъ гласныхъ.* Гласная а (среднее или нижнее по образованію, вообще не напряженное) извѣстна при всякомъ положеніи въ словѣ и рѣчи: šta (воскъ), арага (нехорошій), mon vírğa jutan (я по лѣсу пройду). Ей пред-

шествуютъ и палатальныя согласныя: *jalga* (пѣшкомъ), *aľaľat* (ребята), *kiľdams* (чтобы запрячь). Особенно часто въ Оркинскомъ, рѣже въ Сухокарбулацкомъ а, въ положеніи между двумя палатальными согласными, а также послѣ палатальныхъ въ концѣ слова, замѣняется черезъ ѣ (см. объ этомъ ниже въ § 15): *raťať*, *moťaňt*, *iťať*. — Звукъ а восходитъ какъ къ первоначальному (общемордовскому) а, напр. *modaľa* (по землѣ), *taľka* (мѣсто), *aťa* (старикъ), такъ и къ общемордовскому ѡ (о которомъ скажемъ ниже), а именно — въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ твердой согласной: *kuda* (домъ), *čiza* (солнце), *avanza* (его мать), *kalda* (о рыбѣ); во многихъ другихъ эрзянскихъ говорахъ звуку а въ такомъ положеніи соотвѣтствуетъ о (ё): *kudo*, *čize*, *avanzo*, *kaldo*. Кромѣ того а извѣстно въ словахъ заимствованныхъ.

§ 4. Гласная и (кажется, вообще напряженное подъ удареніемъ) встрѣчается при всякихъ сосѣднихъ звукахъ только въ начальномъ слогѣ: *uľä* (онъ плаваетъ), *kuľga* (ротъ), *juťka* (промежутокъ времени), *muť* (онъ нашелъ). Въ конечномъ открытомъ слогѣ и неизвѣстно, за исключеніемъ безударныхъ (слабоударяемыхъ) словъ, заимствованныхъ изъ русскаго: *nu* (но), *bu* (бы), *kaľu* (кабы), *štoľu* (чтобы); также въ припѣвахъ колыбельной пѣсни: *uťu baľu* или *ťuťu baľu*. Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова и встрѣчается: 1) послѣ задненѣбныхъ, когда въ предшествующемъ слогѣ находится звукъ и: *kukuľ* (кукишъ), *ťukuľ* (пенёкъ), *ugul* (уголъ); *sukuľams* (кланяться); 2) послѣ губныхъ, когда въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ звуковъ о или е: *ľaruľa* (плоскій), *kavuľ* (хрящъ), *salmuks* (игла), *varuľ* (мыло), *gluruľ* (глуный), *ruľuľks* вм. *ruľuľks* (мозоль), *šťaruľskadums* (обнажиться); 3) передъ губными и ц, когда въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ звуковъ о или е: *kandums* (нести), *saluľ* (солёный), *ľazuľks* (трещина), *jaľuľka* (яловка, яловица), *argumuľa* (ласточка), *ťuľzuľ* (хитрый); *jaťmaktuma* (безъ денегъ); 4) въ срединномъ слогѣ между двумя слогами съ гласными и: *čuduľuľ* (осотъ), *kuľcunums* (слушать), *kuľrudums* (загнать); *ukšťaruľ* (въ кленовникъ), *čurumums* (рѣдѣть); 5) въ нѣсколькихъ заимствованныхъ съ русскаго и татарскаго.

словахъ: *pastuχ* (пастухъ), *kartuχa* (картофель), *vatula* (дерюга, вотола), *mantuz* (налимъ), *balduz* (свояченица), *davul* (вихрь), *jarunži* (ярость); 6) въ словахъ *šełmukšt* (очки), *řeštuf* (сковородникъ), несмотря на е въ предшествующемъ слогѣ, также въ *gorbul* (горбыль), несмотря на предшествующее о.

Примѣчаніе. Въ Оркинскомъ говорѣ и гораздо ограниченнѣе въ своемъ употребленіи; вмѣсто и находимъ у, напр. въ *parmuŋ* (птица, Сухокарб. устар. *parmuŋ*), *laryža*, *gubyr* (холмъ, Сухокарб. *gubur*), *salmyks*, *šukyr* (лепешка, Сухокарб. *šukur*), *škamyt* (ты одинъ, Сухокарб. *škamut*), *avyŋ* (не, нѣтъ, Сухокарб. *avyŋ*), *čumbylkskă* (ласочка, Сухокарб. *čumbulkske*), *numyl* (заяцъ, Сухокарб. *numul*), *kavyŋks* (кочка), *ruvyŋks* (мозоль), *šuravyŋ* (богатаго, Сухокарб. *šuravyŋ*), также *baldyz*. Но и въ *šalmukš*, также въ *amulďas*, *ruvyŋif* (мозоль), *čudužun*, *čukšturuŋ* (смородина). Кромѣ того и, не у по общему правилу передъ губными и ц (когда въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ е или о): *raduvaš* (обрадовался), *aluŋ* (внизъ), *kaladums* (разрушить), *rudazuft* (грязные), *alašaftuma* (безъ лошади), *ruvunif* (собираются); однако *sodamum* (мой зять), *muкугum* (мой задъ), и т. д. передъ m, что въ говорѣ нѣкоторыхъ лицъ является правиломъ.

§ 5. Гласная о (не напряженное) въ начальномъ слогѣ встрѣчается въ сосѣдствѣ со всякими звуками: *moda* (земля), *orta* (ворота), *rog* (мѣль), *tol* (огонь), *šogma* (письмо), *jožova* (около, близко), *roŋems* (грызть). Въ конечномъ открытомъ слогѣ о неизвѣстно, за исключеніемъ пѣсеннаго припѣва *do* (вмѣсто чего и *dy*; соответствуетъ русскому да) и междометія *po* (при понуканіи лошади); также въ *iščo* (еще), вмѣсто чего въ связной рѣчи также *išču* (*išči*). Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова о встрѣчается: 1) въ положеніи послѣ слога о въ своихъ словахъ: α) передъ губными и ц: *košom* (горбушка), *korнома* (храпъ), *rotomks* (затычка), *koŋoŋ* (бумага), *šokoŋde* (поетъ); β) передъ конечнымъ въ слогѣ l: *jondol* (молнія), *tonol* (головешка), *rokšolma* (величина); γ) послѣ губныхъ: *komola* (хмель); *komoga* (горсть), *kol-*

моѣ (третій), *šovoi* (глина); *δ*) послѣ задненѣбныхъ: *kotkodač* (муравей), *kočkoldyk* (перепелъ), *orgođems* (бѣжать), *čokoza* (его кисть); *ε*) послѣ палатальныхъ: *lomžor* (черемуха), *tođžora* (пшеница); 2) въ положеніи послѣ слога съ *e*, передъ губной: *koftńekšnoms* (говорить), *polńńekšnoms* (отпускать), *řeđđekšnoms* (улыбаться), *řezdoms* (набавить), *řezdouks* (прибавокъ), *řeuksoč* (суягная), *ke-vekstomoms* (каменѣть); 3) въ положеніи послѣ слога съ *o* въ заимствованныхъ изъ русскаго словахъ на мѣстѣ русскихъ звуковъ *о*, *и*, *у* и даже *е*: *molotka* (молотокъ), *kožol* (козѣлъ), *kořon* (корень), *χοřol* (хотѣлъ), *oboča* (характеръ, нравъ), *omot* (омуть), *podořova* (подошва), *sosolka* (сосулька), *okoń* (окунь), *posoda* (посуда), *kořox* (конюхъ), *oboška* (обухъ), *kořon* (кочанъ); 4) въ иномъ положеніи, въ словахъ, заимствованныхъ изъ русскаго, напр.: *α*) послѣ звука *v*: *křivoč* (кривой), *puřovoč* (пуховый), *řivoč* (сивой); *β*) послѣ палатальныхъ: *řirota* (сирота), *mařlonka* (масляникъ), *žavřonka* (жаворонокъ), *guřom* (гусемъ); *γ*) передъ *v*: *viřovams* (вышивать), *χαřčovńa* (харчевня). — Въ словахъ незаимствованныхъ *o* въ начальномъ слогѣ восходитъ къ первоначальному *o*, а въ слогахъ неначальныхъ къ общемордовскому *α*.

§ 6. Гласная *ô* (напряженное *o*) замѣняетъ *o* частью только въ индивидуальномъ произношеніи: *ôzé* (садится), *sôke* (пашетъ), *dôčam* (моя дочь). Обычно *ô* вмѣсто *o* передъ *v* или *w*: *kôvřor* (ковѣръ), *dôwa* (вдова), *dubřôwa* (имя собств.). Въ Оркинѣ я отмѣтилъ напр.: *dôska* (доска), *pôkř* (большой).

§ 7. Гласная *y* — частью верхняго образованія, тождественная или почти тождественная съ великорусскимъ *ы*, частью верхне-средняго образованія, звучащая между *ы* и польскимъ *e*; подъ удареніемъ произносится напряженно. Въ начальномъ слогѣ встрѣчается при ограниченныхъ условіяхъ: 1) въ своихъ словахъ только послѣ *s*, *d* и *t*: *syvřl* (мясо), *syře* (старый), *syń* (они), *tyń* (вы), *tyžnums* (шипѣть), *dyřnums* (дребезжать), *syrgams* (трогаться), *syrgyžims* (проснуться), *syřńe* (золото), *syjařtums* (нарывать); 2) въ словахъ заимствованныхъ также только послѣ *s*, *t* и *d*: *syřńa* (сыпь), *tyřića* (тысяча), *dykva* (тыква), *dynt* (тынъ), *dyna* (дыня),

dyšlat (дышло). Неясно происхождение у послѣ l въ lyđim̃s (качаться), lytkat-latkat (лохмотья), gynda (растрѣпа), орк. lunka (жолобъ, вм. lunka?); 3) въ положеніи послѣ k, если затѣмъ слѣдуетъ г — согласная: орк. kurga, kurgarađ, kurgvašims. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ у встрѣчается: 1) въ односложныхъ формахъ 3-го лица ед. числа настоящего времени: su (идеть), sty (шьетъ), štu (моетъ), špu (хвалитъ), ргу (падаетъ); 2) въ неодносложныхъ словахъ только въ связной рѣчи, не передъ абсолютной паузой: šaramu loſca (кислымъ молокомъ), kaſty bokava (по обѣимъ бокамъ), užydy ġigat (подождите, гуси), tašty jamdu aſca (накормлю старыми щами), paſmūñ bižu a teje (птица не вьетъ гнѣзда). Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова у является, не передъ губными: 1) послѣ переднеязычныхъ (въ широкомъ смыслѣ этого термина, обнимающаго и зубныя и альвеолярныя согласныя), если однако въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ звуковъ е, о: maſtyg (земля), řizuné (гнѣздушко), nduñ (я спала), kandylast (гробъ), sazugun (мои сестры), kulyſ (онъ умеръ), kušyž (они пошлютъ), vanuda (смотрите), paгуz (парусъ), vatugdums (квакать); 2) послѣ задненѣбныхъ, если въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ ни звуковъ е, о, ни звука u: aġyг (жеребецъ), ġarmaкyt (твои деньги), kušakunza (его кушакъ), kaгyскас (запачкалась), ġikyгduma (скрипъ); также и послѣ слога съ u, если онъ отдѣленъ группой согласныхъ: muškyг (молотокъ). — Въ словахъ заимствованныхъ у въ начальномъ слогѣ восходить къ первоначальному у, а въ слогахъ неначальныхъ къ общемордовскому α. Въ словѣ nuřtakšnyſ (нацѣдилъ) у замѣнило болѣе обычное u: nuřtams (цѣдить). — Какъ указано, извѣстно произношеніе у верхне-средняго образованія; очень часто я слышалъ его въ Оркинѣ: boġaryſ, Vėrepazyſ, ksnausyñt, ġuftyñt, kġjakstyñt и т. д. произносились почти какъ boġarés, Vėrepazés и т. д.; въ Сухомъ Карбулакѣ я слышалъ отъ старухъ почти inazėgėñt вм. inazygėñt. Особенно часто такое произношеніе имѣетъ конечное у въ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи, когда въ предыдущемъ слогѣ стоитъ е или о; напр. въ Оркинѣ: toſtė i mėrė, řesė ārama, koſėjak,

šestē Gibajiš, sonžē joftams, olgē plastyza, popón gectē idiñim; въ Сухомъ Карбулакѣ: oftē patkaĭ, kostē Litĭan zams, toĭat oftē kořonēnt, pondē grušā, pondē kumbra, vēĭksē prasy gujiñt.

Примѣчаніе. Согласно съ § 4 ждемъ произношенія *kulcunums* (слушать), но извѣстно и *kulcynums*. — Въмѣсто у послѣ задненѣбныхъ (однако не передъ личными и надежными окончаніями) находимъ *i* съ предшествующей палатальной средненѣбной согласной: *aĭgir*, *pačkidīñ* (я добѣхалъ), *vačkidīk* (ударъ); въ Оркинѣ держится у: *pačkydan*, *vačkydīñžā*. Чередованіе у и *i* замѣчается послѣ *k* и въ начальномъ слогѣ въ положеніи передъ г — согласная: *kirvaĭsyž* при *kyrvaĭsyž* (они зажгутъ), *kirga* (шея), *kirnums* (храпѣть), *ķirmalaц* (репей), ср. въ Оркинѣ *kyrga*, *kyrvašims*, *kyrma-тац*, *aĭgуг*. — О звукѣ у в м. *i* послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ скажемъ ниже.

§ 8. Гласная *ē*, не напряженное (Sievers: *ē²*), какъ и у, встрѣчается только послѣ непалатальныхъ согласныхъ. Въ начальномъ слогѣ только послѣ *s*, рѣже послѣ *z*; приведу всѣ извѣстныя мнѣ коренныя слова съ *ē*: *sēreĭ* (высокій), *sēga* (желудь), *sēreĭ* (горькій), *sētīne* (тихий), *sēd* (мостъ), *sēl* (длина извѣстнаго конца нитокъ при пряденіи), *sēñ* (синій), *sēvems* (сѣсть), *sēredems* (болѣть), *sēstams* (околѣть), *sēñams* (собираться), *sēñems* (трепать шерсть), *sēme* (чесалка изъ щетины для конопли), *sēks* (грязь, плоть); *zēfkstams* (крикнуть), *zēxelk. moĭems* (притихнуть, о ребенкѣ). Такъ произносятся эти слова въ Сухомъ Карбулакѣ, между тѣмъ въ Оркинѣ одни изъ нихъ произносятся такъ же, съ *ē* (*sēga*, *sēreĭ*, *sēredems*, *sēks*, *sētks*), а другія съ *ā* или *ä*: *sāvims*, *sāriĭ*, *sād* (*sādīs*), *sātñā*, *sāñ*, *sāmā*, *sāñams*; это зависитъ отъ того, что въ Сухомъ Карбулакѣ въ звукѣ *ē* совпали первоначально различавшіяся *ē* и *ā* (*ä*), между тѣмъ какъ въ Оркинѣ первоначальное *ā* (*ä*) перешло въ *ē*, а первоначальное *ē* въ *ā* (*ä*): ср. съ одной стороны, мокш. *sārā* (желчь), *sārādan* (я боленъ), а съ другой, мокш. *seri* (высокій), *sevan* (я ѣмъ), *setman* (я становлюсь тихимъ), *senem* (голубой), *sed* (мостъ). — Въ конечномъ открытомъ слогѣ

въ словахъ, взятыхъ отдѣльно, внѣ связной рѣчи, или иначе — передъ абсолютной паузой ё является: 1) послѣ переднеязычныхъ въ окончаніи 3-го л. ед. числа настоящаго времени: *ragè* (мычить), *kortè* (говорить), *mařasè* (слышитъ), *lopnè* (читаетъ), *lajšè* (вопить); 2) послѣ *n* съ предшествующими ему согласными *s*, *z*, *d*, *t* (*tt*), *rt*, *lt* въ окончаніяхъ имен. ед. уменьшительныхъ словъ и именительнаго множ. опредѣленнаго склоненія: *saraznè* (курочка), *godnè* (годокъ), *véřgesnè* (волки), *rotnè* (родные), *tarattnè* (сучья), *šukurtnè* (лепешки), *skaltnè* (коровы). Впрочемъ, такое произношеніе извѣстно преимущественно въ Сухомъ Карбулакѣ; рядомъ тамъ же, а также и въ Оркинѣ вмѣсто ё слышится *ä* (*ä*): орк. *kandä*, *maksä*, *vanä*, *ozä*, *kaladä*, *jutä*, *vandyldä*, *robötaftä*, *nurtnä*, *tatařnä*; сухокарб. *ozä*, *udä*, *stambarnä*, *meľaftä*. — Въ конечномъ закрытомъ слогѣ, а также въ серединѣ слова ё встрѣчается только послѣ слога съ *e* или съ *o*, и при томъ послѣ переднеязычной: *rodén* (*rod*: родъ), *morèt* (*mora*: пѣсня), *ofténf* (*ofta*: медвѣдь), *oz-nèda* (молитесь), *kotécè* (шестой), *kolénģemeń* (тридцать), *šoc-nèkšnést* (они бранили), *teřterńedénf* (*teřter*: дочь), *šezèj* (туда), *řezémada* (отъ чахлости), *véřgezénf* (*véřgez*: волкъ), *lofcéneń* (мое молочко); орк. *poděšněj* (подушное), *zolèta* (золото). — Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что ё въ начальномъ слогѣ восходитъ (въ Сухокарб. говорѣ) къ первоначальнымъ *ä* и *é*, а въ неначальныхъ слогахъ (въ Сухокарб. и Орк. говорахъ) къ общемордовскому *α*.

§ 9. Гласная *ä* средняго ряда нижняго образованія въ начальномъ слогѣ извѣстна только въ Оркинѣ; ср. приведенныя въ предшествующемъ §: *sävížä*, *sářiza*, *sätńińista*, *sářńan*, *säďińf*, *säńä*; она восходитъ къ общемордовскому *é*. Въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой *ä* встрѣчается и въ Сухомъ Карбулакѣ (рядомъ съ *é*) и въ Оркинѣ: примѣры см. въ предшествующемъ §. Необходимо отмѣтить, что въ индивидуальномъ произношеніи вмѣсто *é* слышится *ä* иногда и въ серединѣ слова въ Сухомъ Карбулакѣ: я отмѣтилъ, напр., *řeřksán* вм. *řeřksén*, *žeřezánza* вм. *žeřezénza*, *poläńenza* вм. *polénenza*, *kodäjš* вм. *kodějš*; въ Оркинѣ: *žeřezán* (въ мой карманъ), *kortät* (говорять).

§ 10. Гласная *и* среднего ряда верхняго образованія лабиализованная опредѣлялась мною тамъ, гдѣ я схватывалъ звукъ между *у* и *и*, причемъ записывалъ *у*, а при провѣркѣ по чужой записи находилъ *и*; такъ напр. въ словѣ *paŋgũm* (моя корзина) всего вѣроятнѣе для того или иного индивидуальнаго произношенія принимать звукъ *и*.

§ 11. Гласная *о* среднего ряда средняго образованія лабиализованная извѣстна только въ неначальномъ слогѣ. Въ Сухомъ Карбулакѣ встрѣчается, повидимому, преимущественно въ говорѣ старшаго поколѣнія на мѣстѣ болѣе обычнаго теперь звука *о* (см. § 5): *kozõma* (кашель), *loŋnõms* (читать), *tonõl* (головешка), *jondõl* (молнія), *kotkõdaŋ* (муравей), *molõtka* (молотокъ), *porõška* (порошокъ), *osrogõnt* (*osrog*: острогъ). Въ Оркинѣ этотъ звукъ обычнѣе; онъ является преимущественно послѣ губныхъ и задне-небныхъ (но передъ губными вмѣсто *о* слышится *о*); *šovõn* (глина), *komõla* (хмѣль), *korõlŋca* (галопомъ), *porõn* (пор: ношъ), *šorõc* (стемяло), *ombõcã* (другой), *rokõl* (глыба), *kol-mõška* (съ трое), *navõz* (навозъ), *rovõnza* (его пуговицы), *rovõc* (повѣсилъ), *õŋgõzeŋs* (залаялъ), *olgõza* (его солома), *šokõrdan* (я щебечу), *šokõza* (его кисть), *sokõr* (слѣпой), *ãž pongõna* (не попался), *porõda* (погода), *kotkõdaŋ* (муравей), *torgõžeŋs* (разбухъ), *loskõt* (лоскутъ), *oxõta* (охота), *dobõvama* (добывать); въ русскихъ словахъ также и въ другомъ положеніи: *porõgõn droks* (черезъ порогъ), *polõgõnt*, *polõg lanks* (*polõg*: пологъ), *borõzda*, *porõg*, *gorõd*, *potõlõk*, *osõdams* (осуждать), *prolõr* (прорубь), *bolõta*, *gorõbija* (коробья); также въ словѣ *torõx* (ничуть; съ татарскаго?).

§ 12. Гласная *ô* — напряженный отгѣнокъ *о* является въ Сухокарбулацкомъ говорѣ при слѣдующихъ условіяхъ на мѣстѣ *о*, притомъ только за задненѣбными: 1) послѣ слога съ *о*, и именно въ положеніи послѣ двухъ или нѣсколькихъ согласныхъ: *olgõza* (его солома), *olgõt* (твоя солома), *šolkõn* (*šolk*: шелкъ), *dolkõnza* (*dolk*: долгъ); 2) послѣ слога съ *е*: *mešëkõs* (этотъ мѣшокъ), *eskõn* (*eska*: гвоздь), *pegõd* (пѣгій). При тѣхъ же, кажется, условіяхъ *ô* является и въ Оркинѣ: *eskõnza* (его гвозди).

Вмѣсто *ô* я слышалъ иногда *ê*, но думаю, что это ошибка слуха. Отмѣчу *počkôks* при *počkoks* (цѣвочникъ).

§ 13. Гласная *i* (повидимому, вообще напряженное) въ первомъ слогѣ слова встрѣчается вообще при всякихъ условіяхъ: *irdiz* (ребро), *řiza* (гнѣздо), *řisma* (родникъ), *řidims* (сбѣять). Въ конечномъ открытомъ слогѣ *i* является: 1) въ словахъ односложныхъ: *ki* (дорога), *řsi* (жаръ), *kšni* (желѣзо), *šti* (встанетъ), *či* (солнце, день); 2) въ двусложныхъ и многосложныхъ словахъ на *či*: *vačuči* (голодь), *skuroži* (скупость), *pačuči* (честной); 3) въ связной рѣчи не передъ паузой: *syři alaša*, *řizimi ulä*, *jakširi šalca*, *karman pařeti efama*, орк. *sätmi vādñis*, *čudī vād*, и т. д. (передъ паузой находимъ *e* или *ä*). Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова *i* встрѣчается только при условіи отсутствія въ предшествующемъ слогѣ звуковъ *o* или *e*: *syvil* (мясо), *šišim* (семь), *ñilčisk* (они четверо), *vajgil* (голосъ), *ñilgidišims* (опротивѣтъ), *ñimilač* (бабочка), *targužims* (вспухнуть), *řimita* (примѣта), *užir* (топоръ), *kašamñis* (дымокъ), орк.: *tāχ tiriš* (дочь), *vāliwa* (по деревнѣ), *tāfdinžit* (позоветъ тебя), *řajilñ* (*řajil*: ножъ), *ārdikstan* (проклиная тебя), *sārij* (высокій), *sādīs* (мостъ), *řajit* (твои зубы), *řakiniñ* (мой животикъ); въ Сухокарб. говорѣ эти слова звучатъ *teχteřes* (*tejteřes*), *veleva*, *serej*, *pekeñem* и т. д. вслѣдствіе того, что въ начальномъ слогѣ не *ä* (*a*), а *e*. Гласная *i* вообще извѣстна только послѣ палатальныхъ согласныхъ; какъ увидимъ, *č* въ значительной части населенія, а *š* и *ž* всюду произносятся твердо; въ связи съ этимъ вмѣсто *či*, *ši*, *ži* слышится *ču*, *šu*, *žu*: *čuza* (солнце), *kšu* (хлѣбъ), *řižuñ* (*řiža* или *řiža*: мѣдь); но, кажется, возможно услышать и *či*, *ši*, *ži* съ твердыми *č*, *š*, *ž*.

§ 14. Гласныя *e* (не напряженное) и *ê* (напряженное) находятся между собою въ чередованіи въ зависимости отъ послѣдующей твердой или мягкой согласной; передъ твердой согласной и въ односложныхъ словахъ (въ концѣ ихъ) является *e*, а передъ мягкой согласной *ê*: *ve* (ночь), *kesak* (пятна), *mekš* (пчела), *fest* (имъ), *řesek* (песокъ), но *veñek* (отъ *ve*: ночь), *mekšt* (пчелы),

řěšt (орѣхи), kěmėn (десять), řėř (кровь), орк. ězems (на лавку). Неясно, почему слышится ě въ ězna (мужъ старшей сестры) при твердомъ z; быть можетъ, извѣстно и прозношеніе ězna.—Гласная е въ начальномъ слогѣ въ Сухокарб. и Оркинскомъ говорахъ имѣетъ различную судьбу; въ Сухокарб. въ гласной е совпали общемордовскіе звуки е и ä, напр., съ одной стороны: keď (рука, мокш. käd), keľ (языкъ, мокш. käl), keń (сапогъ, мокш. kāmā), keře (босой, мокш. kārā), kež (злой, мокш. kāži), ľembe (теплый, мокш. ľāmbā), eľde (кобыла, мокш. äldā), eľke (озеро, мокш. āřhkā), eska (гвоздь, мокш. āska), eźne (членъ, мокш. āzna), ezeń (лавка, мокш. āzim), ěeř (рыло, мокш. nār), řeľks (половина, мокш. pālks), řekstan (запирать, мокш. pākstan), řezgan (сорока, мокш. sāzgan), řeske (комаръ, мокш. sāsķā); съ другой: keď (шкура, мокш. ked), kěmėn (десять, мокш. kemen), keľme (морозъ, мокш. kelmā), ěmeńeľ (небо, мокш. menel), řeľan (боюсь, мокш. peľan), řeke (животъ, мокш. rekā), řete (пять, мокш. vetā), řeř (кровь, мокш. ver), řeď (вода, мокш. ved) и т. д. Въ Оркинѣ сохранилось различіе между е и ä, но при этомъ общемордовское (и мокшанское) е перешло здѣсь въ ä, а общемордовское (и мокшанское) ä въ е: käd (шкура), kāmėn (десять), kāmā (морозъ), vād (вода), vār (кровь), vāřik (сырой, мокш. verik), māmėľ (небо), řādľi (пшавка, мокш. pedli), řāĵ (зубъ, мокш. rei), řāņgā (полѣно, мокш. reņgā), řā (конецъ, мокш. re), řāřť (кругомъ, вокругъ, мокш. perť), ľām (имя, мокш. lem), ľäpšcams (жать, прижимать, мокш. lepštan), ľāņgā (лыко, мокш. lenġa), šāĵiľ (ежъ, мокш. seyel), nāžadėms (подпереть, мокш. nežedan), āčkā (толстый, мокш. ečkā), āřan (живу, мокш. eřan), āĵďiś (дитя, мокш. ed), āřva (каждый); напротивъ: keď (рука), řesķā (комаръ), řezgan (сорока), kežeĵ (злой, мокш. kāži), keľ (языкъ), ěelařtan (забочусь, мокш. mälāřtan), ěešcā (грудь, мокш. māštā), ěeř (рыло), ľeĵ (рѣка, мокш. ľāi), ľemhbā (теплый), řeľeĵ (вязъ, мокш. sāli), eĵ (ледъ, мокш. āi), ekšelan (моюсь, мокш. āšelān), eska (гвоздь), eľķā (озеро), eľdā (кобыла), ezeń (лавка), řeřā (верхний, мокш. vāři), и т. д. Странно оркинское kesak при мокш. kesak;

напротивъ, äžňä (членъ, суставъ) при мокш. äžňä¹⁾. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ е известно, какъ кажется, только въ произношеніи одной части населенія Сухого Карбулака (напр. въ говорѣ Р. Θ. Учаева), притомъ только передъ паузой: řile (ухо), meřeme (говорить), karime (начнетъ), vete (пять); болѣе обычно и въ Сухомъ Карбулакѣ произношеніе ä (напряженнаго) и ä̃ (ненапряженнаго) въ такомъ положеніи; между тѣмъ въ Оркинѣ господствуетъ ä̃ (ненапряженное). — Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова е известно только послѣ слога съ о или е (è): řejeř (ножъ), eřež (огородъ), meřeleň (я было сказалъ), oftenteň (медвѣдю), sokeř (пашутъ), kolmočeda (kolmoče: третій), odeřva (молодуха), oznéneř (мы молились), zořeňä (зорюшка), tolgeňeňk (ваши крылушки), koimeňem (мой кормилецъ), oimeza (его душа), šežneňä (рвать), ežeimeš (на лавочку), sokeša (пахарь), ožeim (озимь), řerešča (рѣпище), třešnek (трѣшникъ), řefelat (перила), řeřena (перина), ħomeňeđ nedľa (Θомина недѣля), eđteňä (бездѣтный), imeľeša (мельница), skotena (скотина), veřčena (вершина), орк. mokřeša (мокрица, сухокарб. mukřiša), и т. д. — Какъ указано, въ рядѣ случаевъ сухокарбулапкому е начального слога въ Оркинѣ соответствуетъ ä: соответственно этому въ слѣдующихъ слогахъ, согласно съ § 13, является i: орк. kăñiř (локоть), řăjil, äđinza, nălgimniza (nălgimä: отнимать), vălisynyk (въ нашемъ селѣ), šălmidimada (о сглазѣ), šărgidit (кричатъ) — сухокарб.: keňeř, řejeř, eđdenza, imeľemenza, veleşenek, šelmedemada, šerģedet, и т. п. Въ зависимости отъ отвердннн предшествующей согласной е переходитъ въ è, напр. ortne; то же имѣетъ мѣсто послѣ ģ (въ индив. произношеніи оно мягко), š, ž: šeffä (мягкій), šečena (щетина), mešek (мѣшокъ), ekšelams (мыться), neže (подпорка), řiže (мѣдь), kežej (злой). Возможно, что въ этихъ случаяхъ произносятся и е, несмотря на предшествующую твердую согласную.

1) Отмѣчу, что у Видемана въ описанномъ имъ эрзянскомъ говорѣ ä̃ соответствуетъ мокшанскому ä: kăd (рука), kăž (гнивъ), văge (верхній), lăi (рѣка), но рядомъ и kăre (босой), kămen (десять), mănel' (небо), măkš (пчела).

§ 15. Гласная *ä* въ начальномъ слогѣ неизвѣстна въ Сухокарбулацкомъ говорѣ; въ предыдущемъ § указаны условія ея появленія въ Оркинѣ. Въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой *ä* обычно въ Оркинѣ: *syä, meä, molä, kuñsä, řevä, telä, vätä, puříniä, väšniä, ombocä, mäzä, bidä, tečä* (сегодня), *sur říiniä, šimimä*, и т. д. Часть населенія Сухого Карбулака имѣетъ такое же произношеніе: *vešä, molä, kandynžä, avardä, keřä, telä, tekä, kečä*; я слышалъ даже: *ikila, kevēteja, minik řelda, řeña* съ *a* вмѣсто *ä*; въ говорѣ старушки Учаевой я отмѣтилъ: *neņezdä, neņezä, meřä, stasyňžä, mežä, međlä, molä, lišä, valckä* и т. д. Но рядомъ извѣстно и произношеніе съ *ä*, т. е. съ закрытымъ, напряженнымъ оттѣнкомъ звука *ä*, который является какъ бы переходною ступенью къ *e*: *molä, ki ulä* и т. д.—Кромѣ этого *ä*, восходящаго къ первоначальнымъ звукамъ *e* и *ä*, оба говора имѣютъ *ä* другого происхожденія — изъ *a* псдъ вліяніемъ сосѣднихъ палатальныхъ звуковъ. Въ Оркинѣ, какъ общее, повидимому, правило, можно признать переходъ *a* въ *ä* въ положеніи между двумя палатальными согласными: *aťan, řadäs, kāräs, guľajašť, řiřašť, beřansta, moñďan, šťäs, äřašť*; также въ концѣ словъ (слабодударяемыхъ?) послѣ палатальной согласной: *išťä, azä*. Такое же произношеніе приходилось слышать, но гораздо рѣже въ Сухомъ Карбулакѣ; въ говорѣ Р. Θ. Учаева я отмѣтилъ: *moñďan* и нѣк. др.; но въ говорѣ другихъ обитателей села это явленіе довольно обычно: *keřäñs, mořanť, řaťäs, řiřan, aľan* и т. д. (ср. ниже).

§ 16. Гласныя неполнаго образованія *α* и *ε* исчезли вообще изъ произношенія; но онѣ могутъ являться на мѣстѣ *y* (*u, o, e*) и *i* (*e*) при быстрой рѣчи. Опредѣлить условія ихъ появленія я не умѣю. Укажу напр. на произношеніе *jarcamα* (и даже *jarcam*) въ фразѣ *karmaš oftēs jarcamα řratñida* (сталъ медвѣдь ѣсть пироги), причемъ отсутствіе перехода *p* въ *b* въ *řratñida* доказываетъ, что послѣ *m* произносится гласный звукъ; то же въ фразѣ *ton von kodamα řačalksido jarcat* (ты вотъ какіе блины кушаешь); также *ločsα* *vm.* *ločsy* (передъ паузой было бы *ločsa*)

въ фразѣ: ombočesén ločex kandan (въ другой-несу молоко). И въ Сухомъ Карбулакѣ и въ Оркинѣ я слышалъ α вмѣсто у передъ г — согласная или конечнымъ г, напр. kərvaštík (зажги), kərksík (поскобли); орк.: šangarks, ajgar, zavutařna (заутренняя), kərma-гац; также передъ l въ jondal (молнія). Быть можетъ, г и l въ этихъ случаяхъ слоговые, а α звукъ неслоговой.

§ 16. Дифтонги съ неслоговою частью въ видѣ i, u, ü по общему правилу извѣстны только въ концѣ слова и передъ согласными; въ положеніи передъ гласными имъ соответствуютъ сочетанія гласная — j, v, v́: Raц (Волга), но Ravuñ (при Rañ), loц (снѣгъ), но lovoñ, keц (камень), но keveñ, тец (дѣло), но te-veñ, paц (доля, пай), но pañm (при pañm), роц (осина), но роjeñ, šeдец (сердце), но šeдеjeñ, mazyц (красивый), но mazyjan (я красивый) и т. п. Повидимому, вмѣсто v и v́ при этомъ обычно произношеніе w и ẃ (т. е. губногубныхъ звуковъ); появляющееся же вмѣсто w ü исчезаетъ изъ произношенія; поэтому принимаю, что между гласными произносится j, а не i, которое исчезло бы изъ произношенія: pañm вм. *pañm, а это вмѣсто pañm. — Неслоговое ü извѣстно только въ соединеніи съ предшествующими гласными передняго ряда: tombañü, víñü, keñksēzä, çeñksēñ laznuma, vasyly kiñü; но, кажется, ü можетъ переходить въ ü и подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной согласной: ulañne (им. мн. отъ ulaц: возъ). Вмѣсто iü обычно произношеніе iй: śinđiśс вм. śinđiüс (сломался), iñiñi, iñiñi (пруть) при iñiñi, орк. mākiñ (сухокарб. мекеñ). Равнымъ образомъ eй переходитъ въ eй, если ü не защищено формами съ ev: тец (сюда) вм. тец, ср. тоц, коц; keñeñ (широкій) вм. keñeñ. Послѣ e слышится, кажется, ü, а не ü: ila-mak señ (не ѣшь меня). — Особо должны быть разсмотрѣны дифтонги съ очень краткимъ i, являющіеся въ индивидуальномъ произношеніи вмѣсто монофтонговъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ палатальныхъ согласныхъ: сухокарб. pañla (рубашка), sañs (пришелъ), kañs (принесъ), suvañs (вошелъ), pañnan (гоню), añsñs (былъ), añdika (иди), pañan dolga (павлиное перо), kodañs (плетущій), polañne (муженекъ), goñsteñeñ (гостинецъ), koñrmanstyñ

(матери кормилицѣ). Кажется, можно отмѣтить и дифтонги ае такого же происхожденія: loška^{er}ník (лошкарникъ), boška^{er}ník (бочкарникъ). — Неслоговые u, ů, i передъ гласными (дифтонги да, ѡа, ја и т. п.) возникаютъ вслѣдствіе встрѣчи гласныхъ u, ů, i съ гласной а; напр. Litŭa (имя собств.) вм. Litŭva, kolja при и вмѣсто koleja, odeŭja при и вм. odeŭeja, kŭa jakі вм. kuva. jakі (куда идетъ, въ быстрой рѣчи).

§ 18. Долгія гласныя встрѣчаются въ индивидуальномъ произношеніи въ зависимости отъ эмфазы.

§ 19. Извѣстны случаи стяженія гласныхъ при встрѣчѣ конечной гласной одного слова съ начальной другого: kudaluц (за домомъ) вм. kudy aluц, kudazyг (хозяинъ дома) вм. kudy azyг, pandaluц (подъ горой) вм. pandy aluц, valmalga (по окнамъ) вм. valma alga; также valmaluц, řeckaluц, ortalga (подъ воротами); kudykilä (въ сѣняхъ) вм. kudy ikilä, parëidä (младшій деверь) вм. paru eidä. Кромѣ такихъ случаевъ, гдѣ составныя части тѣсно слились въ одно цѣлое, отмѣтимъ, что вообще въ связной рѣчи стяженіе гласныхъ при встрѣчѣ двухъ словъ — явленіе обыкновенное: ср. melñeśaś para jaž' ašy роѣт (хорошая мельница мелеть бѣлую муку), saś tag' oftëś (пришелъ опять медвѣдь, вм. tagy), kotova targaž banaryz' ulñiś (въ шесть нитокъ была его рубашка, вм. panaryzy), alaťneśt keñt (братья не повѣрили, вм. alaťni eśt), taťaz' aŭeċksë (отецъ его не любитъ, вм. taťazy), afkaz' a keñä (мать его не вѣритъ), syvılñiñ buty gauž' ugulja (мясе мое точно черные уголья, вм. gaužy), službas' ulñiñ (я былъ на службѣ, вм. službasy), veśelasty řši liċaza (весело его лицо, вм. ašši) и т. п. — Выпаденіе i въ сочетаніяхъ ia, iu сохраняетъ предшествующую согласную смягченною: řiřudalks (загуменье) вм. řiři udalks, řiřudaluц (за гумномъ), butapañat (если не прогонишь, вм. bufi); но губныя отвердѣваютъ: kelmojeś вм. kelmiojeś.

§ 20. Встрѣча гласныхъ не устраняется, когда она вызвана выпаденіемъ между ними звука v (w): paoz (навозъ) при pavóz, loaža (кость), ñeoľník (невольникъ, въ цѣснѣ), kilċ рооѣ (запрягъ), suaś (вошелъ), tua (свинья), роaŭä (подавится), řioċ (сивый), роo-

olok (провода), tuuks (по свински), stoloođ (столовый), časoođ (часовой), rooska (повозка), šraχoams (страховать), čaus (по пусту), jaums (разнимать, отдѣлять). Не устраняется она и тогда, когда гласныя встрѣтятся вслѣдствіе выпаденія между ними j: paiza (его пай), guín (змѣиный), čaguín (колѣсный), saimā (взять), nuims (жать), uif (плаваютъ) и т. п.; сочетание cy переходитъ въ ui: орк. tuín вм. tuyn, tūvyn (свинячій). Выпаденіе j въ сочетаніи еје ведетъ за собой переходъ ее въ ej: pejdems (смѣяться) при и вмѣсто pejedems. Не стягивается съ слѣдующею гласною гласная а въ отрицаніи и въ междометіи: а; напр. okoń, а okoń (окунь, а окунь; въ сказкѣ), aonkstaumška (безмѣрный). Сочетаніе aa такого происхождения переходитъ въ aja: afa, а jafa (старикъ, а старикъ), atakš, а jatakš (пѣтухъ, а пѣтухъ), а tatkaзы saś а jafkazy saś (ни отецъ ея не пришелъ, ни мать ея не пришла), а jасé (не лежить), а jandyf (не кормятъ), а javaś. ulńis kežeđ (а женщина была сердитая), орк. а jalftyf (не общаются). Сочетаніе ae переходитъ въ аје: ајегаvā (не надо) при а eгаvā. Рядомъ съ au является ави, ави: avuļ (не, нѣтъ). Неясно происхожденіе слова aira (пасмурный).

§ 21. Въ положеніи передъ согласными дифтонги uđ, ej, iđ измѣняются въ нѣкоторыхъ глагольныхъ корняхъ въ и, е, i: nuś, nuk, nutana, nutada (отъ nujims: жать); muś, mutana (отъ mujims: найти), tuś, tuk, tutada (отъ tujims: уйти); mńis (продать, отъ mńijims); pńis, pńist (сварилъ, сварили, отъ pńijims): ěešt, ěeś (увидѣли, увидѣлъ, отъ ěejems). Но также: čijś, čijšt (побѣжалъ, побѣжали, отъ čijims).

§ 22. Дифтонги uđ и iđ въ концѣ слова теряютъ свою неслоговую часть: mazy при и вмѣсто mazyđ (красивый); въ причастіяхъ: paly tolés (горящій огонь), kuly ormasa (смертною болязнью), pńidĩ alaša (лягающаяся лошадь), kičkirďĩ skal (бодаящаяся корова), peškedĩ kođnem (мое полное мѣсячко), liši čĩńis (восходящее солнышко), udy lomaiĩn (спящему чело́вѣку); въ дат. находимъ -ti вмѣсто и при -tiđ, и также -te вм. и при -teđ: čorańti, pačalgyńti, čoreńte. Рядомъ сохраняются въ причастіяхъ

формы на -yī, -iī (-ēī): šimīī gudys (въ кабакъ), meī vanyī (угрождающій), korc kīrdīī (то же), karavliī ata (караульщикъ), šfir-kaī deīnej, jāmūī bidīī, zolotaks keveřej, vašīī gulyī, pīzyūī burnyī, vēdeī gīrdīī. Въ Оркинѣ упорно держится форма 3 ед. опредѣленнаго спряженія на syī: šimsyī (онъ напоить), sajsyī (возьметъ), maksyī (дастъ), русyī (положить), kāpīfcsyī (подниметъ); въ Сухомъ Карбулакѣ: šimsē, sajsē, kepeťcē.

§ 23. Въмѣсто е въ положеніи передъ j весьма обыкновенно произношеніе i; такое i держится вопреки § 13, не допускающему звука i послѣ звуковъ o или e въ предшествующемъ слогѣ: koīija при koleja (коль), ogoīijama при ogožejaма (ворожить), kežijačs при kežejačs (разсердился), ţečšijakšnyť при ţečšejakšnyť (измочалились), ţerījams при ţerejams (задыхаться), loīijama (запачкаться въ снѣгу) вмѣсто ожидаемаго lovejaма, čovījaftums при čovejaftums (пѣнить, вспѣнить). Въ словѣ mījoksnēms (ржать) i, конечно, также на мѣстѣ e, ибо только въ mējoksnēms законно o во второмъ слогѣ (см. § 5). Кажется, и дифтонгъ ej въ неначальномъ слогѣ переходить по общему правилу въ iī: koīīka (копейка), keīīkīje (одиннадцать), ср. veīke (одинъ); сохраненіе ej напр. въ šedej, ředŕej, šelej и т. п. вызвано аналогіей формъ, какъ šedejeī, šelejeīť, гдѣ e передъ j въ свою очередь ограждено отъ перехода въ i вліяніемъ слѣдующаго e. Кажется, слѣдуетъ допустить перехода ē въ y передъ j: ср. ţečksyjams (ягниться) при ţečksējams, počtyjams (мучнѣть) при počtejams; законнымъ, согласно § 8, является въ такихъ случаяхъ именно ē.

§ 24. Приведу нѣсколько словъ, гдѣ замѣчается чередованіе звуковъ e и i. При eškelams извѣстно и iškīlams; при сухокарб. eīnaldums (молить) въ орк. īnaldā. Любопытно чередованіе e и i въ другомъ положеніи: kīvidīms (вывѣдывать) при kečkštēms.

§ 25. Чередованіе o и u находимъ въ орк. ugma при сухокарб. omma (болѣзнь), шurга (кухня; часть избы, гдѣ кухня) при morma. Въ čoveīe при čuviīe это чередованіе стоитъ въ зависимости отъ слѣдующаго v.

§ 26. Какъ указано въ § 7, звукъ у имѣть ограниченное употребленіе даже въ заимствованныхъ словахъ (въ начальномъ слогѣ). Въмѣсто у (въ положеніи не послѣ s) находимъ i: напр. řižuĭ, řícaga (жерздь), řidvan (рыдванъ), křilíc (крыльцо), kořita (копыто), kařil (ковылъ), křisa (крыса), křiša (крыша), gřiza (грыжа), řišovams (вышивать); при byďa (вм. буди) орк. biďa; řiřid (выходъ); řiřajak (мышьякъ), ubitka (убытокъ), řiška (пышка). Слова vustyřka, zapuřid, vykryřka, vuřiska являются новыми, быть можетъ, и не вошедшими въ общее употребленіе заимствованіями. Въ старыхъ заимствованіяхъ вмѣсто у послѣ k находимъ ц, напр. kuřlat (кисель), стар. кыслый, кысель; также послѣ b, p: buka (быкъ), puř (пыжъ). Отмѣтимъ у въ řtyk (штыкъ), řlyk.

§ 27. Чередованіе о и е находимъ въ moďeřams при řneďeřams (мять, сминать), ср. moďerdams (давить), въ mořkams при řneřkams (мять, раздавливать).

Согласныя.

§ 28. Въ сухокарбулацкомъ и оркинскомъ говорахъ имѣются слѣдующія согласныя: *Шумныя* губныя: p, b, w; губнозубныя: f, v; зубныя или точнѣе зазубныя: t, d, s, z; альвеолярныя: ř, ř; средненѣбныя: k, ř, ř, j; задненѣбныя: k, g, ř, ř. *Носовыя*: губная m, зубная n, средненѣбная ř, задненѣбная ř. *Плавныя*: r и l (т. е. ř, русск. л), безголосые отгѣнки которыхъ ř и ř надо признать шумными фрикативными согласными. *Аффрикаты* являются въ результатѣ соединенія мгновенныхъ зубныхъ и альвеолярныхъ съ соотвѣтствующими фрикативными: c (ts), ř (dz), ř (tř), ř (dř). Губныя, губнозубныя, альвеолярныя, какъ шумныя такъ и носовыя, а также плавныя и аффрикаты извѣстны также со смягченнымъ (палатализированнымъ) произношеніемъ: ř, ř, ř, ř, ř, ř, и т. д. О нѣкоторыхъ условіяхъ, вызывающихъ палатализацію, скажемъ ниже. О долгихъ согласныхъ скажемъ въ § 42.

§ 29. Губное w слышится довольно часто вмѣсто v между гласными: řawařti, řawa (пустой). Быть можетъ, вообще v склонно

къ переходу въ *w* передъ гласными задняго ряда. Дальнѣйшее измѣненіе *w* въ *ц* влечетъ за собой его исчезновеніе. Примѣры выпаденія *v* въ серединѣ слова приведены выше, въ § 20. Укажу здѣсь на отпаденіе его передъ пачальнымъ *o* въ заимствованныхъ изъ русскаго словахъ: сухокарб.: *or* (воръ), *oz*, *ojna*, *ozduх*, *ola*, *olnѣj*, *Olođa*, *ološnik*, *ološt*, *orožeja*, *ožnešenjaŋ žiine*, *ožžat* (возжи). Въ Оркинѣ, правда, также *orta*, но вообще *v* удерживается: *vozduх*, *voz*, *vorox*, ср. *voŋgedan* при сухокарб. *oŋgodan* (убѣгаю), *voŋtems* (скрыть), *vorkaftums* (уколоть). Передъ *u* выпаденіе *v* также обычно: *Daut* (Давыдъ). — Звукъ *f* въ своихъ словахъ имѣетъ ограниченное употребленіе и восходитъ къ болѣе древнему *χ* (см. ниже § 39); и въ заимствованныхъ словахъ *f* восходитъ къ *χ* передъ согласными: *dřaŋŋj* (дряхлый), *ŋofkeŋ* (лѣгкое); напротивъ, передъ гласными, какъ увидимъ, русское *ф* передается черезъ *χ* (§ 34); впрочемъ, находимъ и сохраненное *f*, напр.: *fata* (фата), *filun*, *ferčel*, *flak* и въ другихъ болѣе новыхъ заимствованияхъ.

§ 30. Мягкія губныя извѣстны только въ положеніи въ концѣ слова (послѣ гласныхъ передняго ряда), передъ согласными и передъ гласными передняго ряда; передъ гласными задняго ряда онѣ отвердѣваютъ: ср. *keŋmoŋ* (сало) вм. *keŋnioŋ*. Ср. русскія слова *plѣma*, *beŋema*. Передъ *o* въ русскихъ словахъ находимъ сочетанія мягкая губная — *j* вмѣсто мягкой губной: *orjorŋka* (опѣнки), *omjot* (омѣтъ), *zavjorŋka* (завѣртка), *Neŋjot* (Нефѣдъ), *kovjor* (ковѣръ); передъ *jo* *v* отпало въ *josna* (весна), *jorctak* (верстакъ); *v* выпало въ *šokla* (свѣкла). Въ *četvortak* видимъ отвердѣніе *v*. Ср. § 79. Въ Оркинѣ говорятъ *objazateŋna*. Въ Оркинѣ довольно послѣдовательно отвердѣваетъ конечное *n*: *bratkim*, *virim*, *taχtirim*, *prakim*, *rozem*.

§ 31. Звуки *š*, *ž* обыкновенно произносятся твердо, непалатально: *alaša*, *žalams* (жалѣть), *uštums* (затопить); вмѣсто *i* за *š*, *ž* слышится обыкновенно *y*: при *kši*, *ašilgadē*, *žilokoŋ* (прозваніе) — *kšy*, *ašylgadē*, *žyusta* (живѣмъ). Если не ошибаюсь, *š* и *ž* имѣютъ болѣе палатальное произношеніе послѣ гласныхъ перед-

няго ряда: eímež съ полумягкимъ ž; также полумягко š въ сочетаніи kš послѣ гласной передняго ряда: mēkš, vėdřekš (теленокъ); поэтому ařakš во мн. звучитъ ařakšt съ твердымъ š, а mēkš, vėdřekš — mēkšt, vėdřekšt съ мягкимъ š. Мягкое š извѣстно въ сочетаніи šť: kištīmā, řeštežā, āštā, kešt (злобствованія, отъ kež: гнѣвъ). Сочетаніе žd въ sožda, soždeñā. Вмѣсто šť я обыкновенно слышалъ šš и отождествлялъ напр. kešt съ русскимъ написаніемъ кещ. Вмѣсто žd — žž: čožža орк. Замѣчательна передача русскаго ж черезъ ž въ старомъ заимствованіи: rož (рожь). Въ началѣ слова š сохраняется только передъ согласными: šta (воскъ), štams (мыть), šlams (мыть), šnams (хвалить). Передъ гласными оно переходитъ въ ě: šačtuma (въ другихъ говорахъ šačomo), čožda, čargj. Ср. ě въ русскихъ словахъ: čарка, ěин (шина), čар, ěуба, ěиновамъ (шиновать), но šolk, šufin.

§ 32. Средненѣбныя извѣстны вообще только въ смягченномъ видѣ передъ гласными передняго ряда и передъ согласными: ki (дорога), ruigĩñā (громъ), vixid (выходъ). Возможно, что средненѣбное k несмягченное слышится въ сочетаніяхъ kš въ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда: mēkš. Въ концѣ слова k встрѣчается только послѣ гласныхъ передняго ряда: řek, minik, а также послѣ гласныхъ у, ё, когда онѣ восходятъ или къ дифтонгу aj: kadyk, řekstėk, или къ гласнымъ передняго ряда i, e: poņksnėk, krandazuņk. Неясно произношеніе k въ заимствованныхъ словахъ: šlyk (ермолка), štyk (штыкъ): быть можетъ, здѣсь вліяніе формъ мн. ч. русскихъ словъ шлыки, штыки.

§ 33. Звукъ j въ положеніи передъ начальными гласными и между гласными, быть можетъ, долженъ быть признаваемъ за j: орк. jurtava, joņks (сказка), joza (чувство, хитрость); сочетанія je, ji въ началѣ слова неизвѣстны. Ср. e вм. je въ русскихъ именахъ: Евсеj, Евѣj (Евтихій), Ехrem, Еroma. О выпаденіи j передъ i послѣ гласной мы говорили выше въ § 20: nuima, muizā, saims. Въ положеніи послѣ согласныхъ j слышится, во-первыхъ, въ заимствованныхъ изъ русскаго словахъ: čašja (счастье), šeñja (семья), Ėefjod (Нефѣдъ), ogožja (ворожея), при чемъ рядомъ

находимъ и *šeņēja*, *orožeja* (ср. *rijaņica*, *sudija*); во-вторыхъ, въ случаяхъ какъ *vazjaš* вм. *vazujaš*, *vašjaš* вм. *vašujaš* (въ пѣснѣ), *komoladjak soždeņa* (легче хмѣля), *mastyrdjak staka* (тяжелѣе земли), *varmadjak bojka* (быстрѣе вѣтра).

§ 34. Звукъ *χ* извѣстенъ только въ русскихъ словахъ: *χron*, *χvalba*, *χloročamut* (хлопоты), *χloradims* (хлопать), *dřeχnams* (дрыхнуть); *χ* передъ *г* замѣняетъ въ русскихъ словахъ *к*: *χraļa* (краля), *χrant* (кранъ), *χreslat* (кресло). Кромѣ того *χ* замѣняетъ русское *ф* передъ гласными; возможно, впрочемъ, что эта замѣна произошла на русской почвѣ: *χunt*, *χonač*, *χabrik*, *χoma*, *Oχoņa* (Афанасій), *Jaχiņ*, *Oχrač* (Ефросинья). Напротивъ, въ нѣкоторыхъ словахъ русское *χ* передается черезъ *к*: *kutyr* (хуторъ), *Kovra* (Хавронья), *kožaika*, *kovrač* при *χovrač* (февраль), *kokol*, *kokolka* (хохолъ, вихоръ); обратно: *osoχoč* вм. *осокорь*. — Звукъ *γ* извѣстенъ только какъ видоизмѣненіе звука *χ* въ началѣ слова послѣ звонкой согласной предшествующаго слова: *rižuņ γrost* (мѣдный крестъ).

§ 35. Передъ средненѣбными и задненѣбными носовая—средненѣбная и задненѣбная: *laņa* (поверхность), *ronkst* (штаны), *on-goms* (лаять), *reņķt* (дрова), *leģe* (лыко), *kadyņk* (оставьте его), *avaņk* (ваша мать). И въ русскихъ словахъ видимъ замѣну носового *п* задненѣбнымъ: *luņka* (лунка), *plaņka* (планка), орк. *kfe-sjaņka*. Возможно, что передъ *к* *п* не мягко, а только полумягко: *kadyņk*, *tyņk*, *keņģelat*. — Вмѣсто конечнаго *и* слышится нерѣдко *і* въ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда: *avaņtīj*, *kuņceņtej* вм. *avaņtiņ*, *čoraņtiņ*, *kuņceņteņ* (формы дат. пад.); также *avaņi*, *paņatīj*, *sazyrytīj*.

§ 36. Ниже укажемъ условія, при которыхъ *г*, *л* замѣняются безголосыми *г*, *л*. О томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ *г*, *л* могли быть слоговыми, см. § 16. Русское *завтракъ* передается черезъ *zaftyrk*.

§ 38. Аффрикаты *с* и *з* извѣстны какъ въ твердомъ, такъ и въ мягкомъ видѣ. Твердое *с* является въ результатѣ соединенія *t(d)* и *с*: *kesa* (въ рукѣ), *goroca* (въ городѣ) изъ *kedsa*, *gorodsa*;

а также въ результатѣ измѣненія s послѣ извѣстныхъ согласныхъ, при чемъ тѣ же согласныя измѣняютъ z въ ž: *rogca* (мѣломъ, отъ *rog*), *taŋaŋza* (его отецъ), *Ŕenŋa* (Пенза). Мягкое s замѣняетъ между прочимъ русскія ц и ч въ болѣе старыхъ заимствованіяхъ: *śad*, *śarka*, *śas*, *śićaŋića*, *śulka* (чулокъ), *śut* (чуть), *śuda*, *ŕeśa* (пятница), *liśića* (лисица), *ŕeśka* (печка), *ku-maś*, *graś*, *gŕeśa*, *śirij*, *śetŕerŕk*, *śej* (нарѣчіе, чай), *śotams* (считать), *plotŋeśe* (плотничаешь). Многие, въ особенности въ Оркинѣ, произносятъ ś близко къ ž: *śogaś*, *uśaskas*, *syŋćist*, *maśiċsa* почти какъ *žogaś* и т. д. Что до ž, ž, то въ положеніи въ началѣ слова оно является обычно замѣной глухого s, ś послѣ звонкой предшествующаго слова (см. § 65). Въ новыхъ заимствованіяхъ изъ русскаго находимъ s твердое: *saġ*, *saġovama*, *colkovoġ*, *colovaġŋiġk*. Въмѣсто s (ś) иногда, подѣ вліяніемъ той или иной аналогіи, замѣчается произношеніе *ts* (*tś*), напр. *vaġśa* (каль); далѣе вмѣсто s можетъ слышаться *tc*: *vetca*, *inetca*, *ketca* (въ шкурѣ) вм. *vesa* и т. д.

§ 38. Аффрикаты ś и ž въ говорѣ однихъ мягки, въ говорѣ другихъ тверды. Кажется, твердое произношеніе является вообще болѣе первоначальнымъ, напр. передъ гласными. Возможно, что ś обязано русскому вліянію. О ś вмѣсто š въ началѣ слова сказано выше въ § 31. Что до ž, то оно является или на мѣстѣ ś послѣ звонкой согласной предыдущаго слова, напр. *śiŋžagaŋa*, или на мѣстѣ ž послѣ извѣстныхъ согласныхъ, о чемъ см. § 65. Послѣ тѣхъ же согласныхъ š переходитъ въ ś. Кромѣ того ś и ž извѣстны въ сочетаніяхъ śč и žž, замѣняющихъ št и žd, какъ указано въ § 31. Русское щ произносится какъ śč или какъ šč въ зависимости отъ палатальнаго или непалатальнаго произношенія самаго č: *šćuka* или *šćuka*; въ болѣе старыхъ заимствованіяхъ въ началѣ слова щ замѣняется черезъ č: *śeśena* (щетина).

§ 39. Общемордовское χ, или звукъ близкій къ χ, перешелъ въ сухокарб. и оркинскомъ говорахъ въ f въ положеніи передъ t и послѣ гласной: *kafta* (два), *vaŋmaftuma*, *ŕiġfiġmā* (безъ ушей); въ другихъ говорахъ находимъ на мѣстѣ такого f — v или u: *kavto*, *ovto*; имѣя въ виду, что d передъ t переходитъ въ изслѣдуемыхъ

двухъ говорахъ въ f, можно принимать, что это f изъ χ произошло непосредственно изъ ц. Въ концѣ слова послѣ гласной общемордовскому χ соответствуетъ — въ сухокарбулацкомъ говорѣ ft (едва-ли не изъ цk), а въ оркинскомъ f: сухокарб. rovaft (удавленный), šuduft (проклятый), maksuft (отданный), sajíft (взятый), afaft (свекорь), avaft (свекровь); орк. rovař, maksuf, kalmař (погребенный), gařguř, řajíř. Въ положеніи послѣ согласныхъ l, n, на мѣстѣ χ находимъ въ Сухомъ Карбулакѣ st (ct), а въ Оркинѣ f: сухокарбул. pulct (снопъ), kańřt (конопель), řeńřt (метла), řańřřtĩk (ваша милость, стар.); орк. pulř, řeńř, řańř, řańřřĩk. Но на мѣстѣ Ĩχ находимъ Ĩt въ sulř (тѣнь) и въ Сухомъ Карбулакѣ. Послѣ другихъ согласныхъ χ и въ Сухомъ Карбулакѣ и въ Оркинѣ перешло въ st: mařt (погребъ, изъ matřt — mařχ), tańřřt (сладость, изъ tańřřχ, ср. tańřĩtĩ); řećećeńe и řećećeńe, kećećeńe и kećećeńe; сухокарб. řeįřćećeńe (и řeįřćećeńe), сухокарб. řaįřtuma, kost (холстъ, изъ kodχ), орк. tuńřřtĩmĩk (безъ васъ), mońřćećeńe (безъ меня). Группа řχt перешла въ řt: řĩřĩmĩs (выводить), ср. řĩřĩmĩs (выходить, Raasonen, § 32, 1). Группа χtn перешла въ χn и далѣе въ vn: орк. и сухокарб. kařńĩřt (они оба). Группа ěχ въ ět: roět (мука, Raasonen, § 54, 1). Что до řt въ alřtams (Оркино и Сухой Карб.), то оно явилось между гласными, ср. параллельную форму aluřtams. — Неясно χ въ орк. řaχũřams, řaχũřĩmĩs (махать); неясно, что такое орк. mĩř řăřăř (весь mĩřъ).

§ 40. Звукъ k (k) еще въ общемордовскомъ языкѣ перешелъ въ t (t) въ положеніи послѣ согласной въ концѣ слова; напр. въ формахъ 2 л. ед. пов.: tonařt, kuĉt, valř, mařřt, řařt, řaĉt, řařt, řeznařt, targařt (вынься), kađuft, vanta, pańĉt, uskt, oņkt, řormařt, pańt (изъ pańđ-k), art (изъ ard-k); ulř, mořřt, řĩmĩt, kĩřt (изъ kĩřđk), řařt (при řařĩk), uĉř, nuĉř, řĩĉř, řeřř, keřĩřt, řařĩkĩřř, řeĉĩřř. Въ pařĩmĩks (полюнь), ср. орк. pařĩkimĩks (и pařĩkamaz), видимъ переходъ k въ t послѣ ř; ср. Ařřĩř вм. Архипъ. Но k въ концѣ слова сохраняется послѣ ĩ, ĩ: avaĩk, řařĩĩk, řeřeřĩk; также послѣ s: kolmońesk, kotėńesk, ĩlĩĩĩsk, kařĩĩsk; ср. еще tořsk, řesk. Слова pařk (черезъ), řaĉk (пополамъ) едва ли не утратили

въ концѣ звукъ *α*. Неясна причина отпаденія *k* въ окончаніи 1-го л. мн. ч.: *-tana* при и *вм.* болѣе рѣдкаго *-tanak* (мы ожидали бы *-tanuk*): *jakatana*, *vantana* при *jakatanak*, *vantanak*, *ozatanak*, *eřatanak*.

§ 41. Звонкія шумныя согласныя (*b*, *d*, *g*, *z*, *ž*) въ началѣ словъ употребляются почти исключительно въ словахъ, заимствованныхъ изъ русскаго и татарскаго: *buka* (быкъ), *balduz* (свояченица), *durak* (дуракъ), *golod'* (голодь), *grač* (грачъ), *zalyk* (залогъ), *žepe* (карманъ, ср. мокш. *serä*), *žala* (жало), *žuga'v'la* (журавль). При этомъ звонкая согласная замѣняетъ иногда русскую глухую согласную: *dukva* (тыква), *bražnik* (праздникъ), *dynt* (тынъ).. Рѣдко встрѣтится звонкая согласная въ началѣ своего слова: *duga* (братецъ, сестрица), *goga* (жукъ), *guč* (змѣя), *zefkstams* (крикнуть). Какъ увидимъ ниже, глухія согласныя, всѣ вообще, переходятъ въ началѣ слова въ звонкія въ положеніи за звонкой согласной въ концѣ предшествующаго слова (§ 65). Въ концѣ слова звонкія шумныя согласныя по общему правилу переходятъ въ глухія: такъ во вносительномъ падежѣ *s* замѣнило конечное *z*: *kudys*, *tarkas*, *veles* (ср. въ соединеніи съ личными мѣстоименіями: *kudyzyn*, *tarkazyt*, *velezėnėk*); ср. весьма обычное произношеніе *Paš* (при *Pazyń*), ср. *Paščangyt* не *Paščangyt*, а также случайныя: *knaš* (при *knažin*), *saras* (при *sarazyń*), *uřaš* (но *uřažyn*: Оркино); вмѣсто болѣе древняго *vid* (*vid boka*: правая сторона) находимъ *vit* (правый), откуда и *vićin* (род. пад.). Нарѣчное *jutaš* съ *š*, ср. *jutaž* какъ причастіе: орк. *jutaš vāñā*. Но вообще, какъ въ именахъ, такъ и въ глаголахъ, та или иная аналогія способствуетъ поддержанію звонкости конечной согласной въ основѣ (формѣ им. ед.) и флексіяхъ: ср. произношеніе *saraz*, *sėd'*, *ved'*, *laz* при *sarazyń*, *sėdeń*, *vedėń*, *lazyń*. Поэтому же въ заимствованныхъ словахъ удерживается конечная звонкая согласная: *polog*, *obed*, *moroz*, *gorod*, *uřad*, *obod*, *osrog*, *povod*, *parařod*, *rož* (но *jařir*, *žemčuk*). Вытѣсненіе *polok*, *moros* черезъ *polog*, *moroz* (подъ влияніемъ *pologoń*, *morozėń*) и т. п. имѣеть слѣдствіемъ появленіе и *koloz*, *ruz*, *dogod'*, *brud'* (прудь), *pustyž*,

Bořez, Taraz, Děnez, otřed вм. kolos, rus и т. д. Неясна причина сохраненія конечнаго *ž* въ глагольныхъ формахъ, какъ sokež, šnasyž, šnatadyž, věčsěmēž, sokaž (прич.); въ Сухомъ Карбулакѣ я не разъ слышалъ произношеніе sokeže, sajiže съ весьма краткой редуцированной гласной.

§ 42. Согласныя *t, ṭ, k, ḳ, s, ś, l, ḷ, n, ṇ, š* могутъ быть долгими, какъ въ положеніи между гласными и въ концѣ словъ, такъ и послѣ согласныхъ. Долгія согласныя возникаютъ: 1) вслѣдствіе встрѣчи двухъ согласныхъ при постпозиціи: stolanks (stoḷanks), 2) вслѣдствіе встрѣчи конечной согласной основы съ согласною флексіи: brat (т. е. bratt: братья), kijaks (т. е. kijakss: на полъ), salmukša (salmukssa: иглой), časta (čassta: отъ часа), орк. ketā (т. е. kettā: за руку), lomāt (lomatt вм. lomañt: люди), maksymik (makssymik: меня отдали), maksyž (makssyž: дадутъ), beřeka (beřekka: по берегу), lomañiñ (lomañiñiñ: человѣку); 3) вслѣдствіе встрѣчи согласной основы со согласною суффикса: mēšekā (mēšekkā: мѣшечекъ); 4) вслѣдствіе встрѣчи согласной основы съ согласною флексіи или суффикса послѣ выпаденія между ними конечной гласной основы *a* или *e*: antana (вм. andatana: накормимъ), kaš (вм. kasas: ростъ), орк. věčekša (вм. věčekzaza: пусть любить его). — Долгія согласныя стремятся вообще къ сокращенію: brat поддерживается вліяніемъ конечнаго *t* въ alašat, sarast, věrgest и т. п.; sata подъ вліяніемъ sad въ окончанія da (ta) въ alašada, mēšekta, ošta. Стремленіе къ сокращенію доказывается произношеніемъ stolanks, stolanksta, также saldatnē, rotnē вм. saldatnē, rotnē, eḷt (кобылы, отъ elde); ср. еще сухокарб. gamasa вм. gamaša (пусть купить его), eše вм. eše. — Кромѣ долгихъ согласныхъ твердыхъ и мягкихъ (brat, gošt) въ положеніи между двумя слогами извѣстны такія сочетанія двухъ тождественныхъ согласныхъ, въ которыхъ первый элементъ относится къ первому слогу, а второй ко второму: bratta при и вмѣсто brata (о братѣ), при чемъ распаденіе долгой согласной на составныя части обязано, конечно, вліянію аналогіи (brat-ta); ср. произношеніе: mētta, ketta, vētta, гдѣ мягкость пер-

ваго элемента вызывается влияніемъ родственныхъ формъ, какъ *méd', ked', véď*.

§ 43. Долгія шумныя согласныя неизвѣстны въ языкѣ: *d, z, ġ* еще въ общемордовскомъ перешли въ соотвѣтствующія глухія *t, s, k*: *sata* вм. *sadda*, *véta* вм. *védda*, *keta* вм. *kedda*, *mēta* вм. *mēdda*. Равнымъ образомъ *gamazza* перешло въ *gamazza* и далѣе въ *gamaša*, откуда въ Сухомъ Карбулакѣ *gamasa*; *ežeže* въ *ežže*, *eše*, *eše*.

§ 44. *Встрѣчи согласныхъ*. Какъ въ серединѣ, такъ и въ началѣ словъ извѣстны довольно сложныя группы согласныхъ, возникшія частью вслѣдствіе выпаденія между ними гласной. Въ началѣ словъ, не заимствованныхъ изъ русскаго языка, находимъ напр. слѣдующія группы: *pr* — *praksta* (портянка), *pra* (голова), *tr* — *troks* (черезъ), *třams* (кормить), *kr* — *křandaz* (телѣга), *křanč* (ворона), *řl* — *řlams* (мыть), *řn* — *řnams* (хвастать, изъ *křnams*?), *ps* — *psaka* (кошка), *řsi* (горячій), *pst* — *řstítca* (лягну), *řstíziłkst* (рябина), *psk* — *řskižiš* (надристалъ), *řšk* — *řškadiš* (ублажать, утѣшать), *řšč* — *řšči* (острый), *sk* — *skal* (корова), *st* — *stams* (шить), *řtams* (встать), *řk* — *řka* (время), *řt* — *řtams* (мыть), *kř* — *kři* (хлѣбъ), *křumañ* (редька), *křn* — *křni* (железо), *křna* (ремень), *křnat* (корь), *křč* — *křčirä* (веретено), *křn* — *křnaц* (горохъ).

§ 45. Въ заимствованныхъ словахъ нѣкоторыя группы претерпѣваютъ различныя измѣненія. Въмѣсто *pr*, *fr* находимъ *tr* въ началѣ словъ: *trópka* (пробка), *truxta* (плодъ); *zn* переходитъ въ *n*: *pačít* (значить), *paма* (знамо), *vn* въ *n*: *nučka* (внучка), *pt* въ *t*: *tića* (птица), *ps* въ *s*: *solomščik* (псаломщикъ), *skl* въ *sl*: *řlanič* (стекло), *řladnuj řejeř* (складной ножъ), *skr* въ *sr*: *řriřka* (скрипка); *řr* въ *řr*: *řriřořeř*, *řp* въ *řm*: *řmiřka* (Спиридонъ), *řp* въ *řst*: *řstička* (спичка). — Особенно распространено измѣненіе *str* въ *sr*: *řriřan*, *řrařna*, *řrařuxa*, *řřela*, *řrořams*, *řřuna*, *řřup*, *řrař řařyřka* (страсть сколько), также въ серединѣ словъ: *jařřir*, *osřog*, *posřomkat*. Въ Оркинѣ обычно сохраненіе *str*: *řrařna*, также въ

нерусскомъ словѣ *straftums* (раскидывать, развѣшивать), вмѣсто чего въ Сухомъ Карбулакѣ *sraftums*.

§ 46. По общему правилу *t* выпадаетъ передъ *n* въ положеніи послѣ согласной (кроме *r*, *l*, *m*, а также *ц*, *й*). Ср. *sn* *вм.* *stn*: *vasnē*, *véigēsne*, *kandylasnyñ*, *rasnyñ*, *gošne*; *kšn* *вм.* *kštn*: *ačakšne*, *mečšne*, *kečšne*; *čn* *вм.* *čtn*: *penčne*; *fn* *вм.* *ftn*: *čufne*; *χn* *вм.* *χtn*: *pastuχne*; *kn* *вм.* *ktn*: *jarmakne*, *pejčkne*, *robotnikñida*, *pilknin*, *jamščikne*. Впрочемъ, рядомъ съ *ltn*, *rtn*, напр. въ *skaltnē*, *sazyrtne*, извѣстно и *ln*, *rn*: *kalnyč* (рыбки), *tejtečne*; въ Оркинѣ: *tatarnā*, *tāχtičnā*, *ačninā* (съ глухими *г*). — *t* выпадаетъ въ группѣ *ntl*: *kañlms* (носить).

§ 47. Въ концѣ слова послѣ *k* выпадаетъ *t*: *jarmak* (деньги) *вм.* *jarmakt*, *losk* (уфни) *вм.* *loskt*; но рядомъ и *jarmakt*, *olkt*; въ Оркинѣ я слышалъ: *olk*, *šajk* (вилы); 2. пов.: *usk* (вези), *večk*, *susk* (схвати зубами), орк. *račk* (зарѣжь), *valk* (слѣзь).

§ 48. Звукъ *χ*, о которомъ сказано выше, въ § 39, выпадаетъ въ положеніи между согласными: при *avaftuma*, *tikšiftime* — *jarmaktuma*, *saltumuñt*, *sazyrtumuñt*, *gorottoma*, *oštoma*, *kolostoma*; *nečtime*, *pačtime*, *šelntime*, *stolčtime*, *pižimtime*. Въ Оркинѣ упорно сохраняется *f* въ такомъ положеніи послѣ *г*, *l*: *panarftuma*, *skalftuma*, *bojarftuma*, *pačftime*, *tāčftime*, *virčftime*, *uzičftime*, *pačičftime*, но *kečtime*, *paččtime*, *koromtēma*, *jarmaktuma*; также *kačtime*.

§ 49. Звукъ *v* (*ц*) выпадаетъ передъ *l*: *kapšaliñ*, *mečeleñ*, *karmaliñ*, *targaksyliže*, *mečkalims* (хотѣть, думать, *вм.* *mečkauims*). Звукъ *j* выпадаетъ вообще послѣ согласныхъ: орк. *ášutkuvast* *вм.* *ášjutkuvast*.

§ 50. Звонкія шумныя согласныя переходятъ въ соотвѣтствующія глухія въ положеніи за другой звонкой въ предѣлахъ одного слога. Это имѣетъ мѣсто преимущественно въ сочетаніяхъ гласная — *г*, *l*, *n*, *m* — звонкая согласная, по выпаденіи за звонкой согласной гласныхъ *α* или *ε*. Поэтому *ačdñims* перешло въ *ačtñims* (скакать), *kañdlims* въ *kantlims* (носить), *pilgēda* въ *pilkta* (*pilge*: нога), *kečžeda* въ *keččta* (*kečže*: коготь); равнымъ

образомъ русскому слову скорбь — скорби соотвѣтствуетъ skoíř (орк. skoířenza).

§ 51. *Прогрессивная ассимиляция*. Шумныя звонкія d, g, z, ž, ž переходятъ въ соотвѣтствующія глухія передъ k, t, s: větt (воды), tarattné (сучья), mētteime (безъ меду), čarkitt (смекай), kīvittan (я спрашиваю тебя), šormatt (пиши), ketks (браслетъ, ср. ked'), vačkić (ср. vačkidims), orgoć (ср. orgođems: убѣжать), mēts (въ медъ, ср. mēd'), satcynt (ср. sad: садъ), kecta (ср. ked': рука), karaoctēnt (ср. karaod: хороводъ), osroks (въ острогъ), kurks (kurga: ротъ), osks (моленіе, ср. ozoms), ost (возы, ср. oz), vērgest (волки, ср. vērgēz), kaśś (подарилъ, ср. kažims), kuśś (влѣзь, ср. kužims), lassta (изъ досокъ, ср. laz), vassynt (въ телкѣ, ср. vaz), čuvašt (ср. čuvaž), matftimā (укладывать, ср. mađims: ложиться), орк. kārītcyđ (подниметь, ср. kārīdims); saraske (курочка, ср. saraz), kardaskit (дворочки, ср. kardaz), и т. п.

§ 52. Неслоговое ц (w) переходитъ въ f передъ t и k: им. mn. koft (коц: мѣсяцъ), karft (karva: муха), ulaft (ulaц: возъ), šupaft (богатые: šupaц), koñoft (коñоц: бумага), iľift (iľiц: прутъ), keft (keц: камень); 2 л. пов.: čaft (čaums), jaft (jaums); — afka, afkađ (ср. ава: мать), Usofka, Kumarofka, Andřofka, gońřipofka (gońřipoc).

Примѣчаніе. Передъ s нѣтъ перехода ц въ f: iľiца, čiцs (при čuft), štaцsak (разбудишь), suцśims (входитъ), роуца (роц: пуговица), kazna mujiцś (но ež mujift), арауcyž, лауs, neцśé. — Нѣтъ такого перехода и передъ ks: leуks, Uсоуskēj; нѣтъ его обычно и передъ c: řiцcyt, лауца, лау-ćiće, лоуца, лоуcēne (но встрѣчается и lofca). — Какъ мы видѣли въ § 39, общемордовское χ передъ t перешло въ f; но передъ ks является вмѣсто него ц: kafta (два), но kaуksa (восемь).

§ 53. Неслоговое i (j) въ говорѣ нѣкоторой части жителей Сухого Карбулака (преимущественно мужчинъ) сохраняется передъ t и k безъ измѣненія: teјteј, вејке. Но другая часть жителей этого села, а также Оркинцы измѣняютъ j (изъ i) въ џ въ

указанномъ положеніи: сухокарб. *teχteř, veχke, kedneχt, mazyχt,* *odžačuχt seũnan, tajnuχt, colkovoχt, saχt* (возьми), *veχki řilgin* (одну мою ногу), *veχkeška, keleχka* (келейка), *daχti* (дайте), *řeχte* (пейте); орк. *tāχtiř, āχniń, mačiχnā* (вм. *mačiχtnā*), *řāχniń, řāiřχniń, řeχnedā* (о рѣкахъ), *moń kudyn ploxoχt*. Въ Сухомъ Карбулакѣ извѣстно еще произношеніе съ *īχ*, представляющееся какъ бы комбинаціей произношеній съ *ī* и съ *χ*: *od deiχteř, teiχtanak*.

Примѣчаніе. Передъ *ɣ* не имѣетъ мѣста подобный переходъ: *ilįsa, meįs, saįsa*. Также передъ *ks*: *veįksa* (но *veχke*).

§ 54. Звуки *ɣ, ř, l, ĺ* въ Оркинѣ и у значительной части населенія Сухого Карбулака переходятъ въ глухіе звуки въ положеніи передъ *t, t—ɣ, ř, l, ĺ*; напр. *skalt, skaltne, karťne, ořta, panart, kořťneř, kuvalt, nuřtit, valt, ilā řeřt*; орк. *řāřtkast*, Глухія *ɣ, l* удерживаются и передъ *n* послѣ выпаденія слѣдовавшаго за нимъ *t*: орк. *tāχtiřnā, tatarnā, ařnińnā, atamařne, umařne, sazyrne, skalne*; также передъ *k*: *řāřkanza*; но чаще наблюдается переходъ ихъ въ такомъ положеніи въ *ɣχ, lχ, řχ, ĺχ*: *sazyɣne, skalɣne, valɣne, kalɣne, řisyřχnā, řejeřχnā, ařχnā*.

§ 55. Сочетаніе *nt* измѣняется въ *tt* (явленіе общемордовское): *lomatt, sažytt, otamatt, čatt, ott, vakatt, sumatt, dokumett, saraχatt, ċigatt, kařčagatt, řeratt, řovott, lomattne*. Формы *ont, vakant, pont, čant, χožaint, sažunt* объясняются влияніемъ формъ ед. числа; равнымъ образомъ грамматическая аналогія сохранила *nt* съ глагольных формъ: *vant, ež kant, pańt, dīlińt* (звони).

§ 56. Сочетаніе *mt* измѣняется въ *tt*, очевидно, черезъ посредство *nt*: *įřtatt* (отъ *įřtama*: такой), *końdatt*. Въ *suřčamt* (гребни) влияніе грамматической аналогіи.

§ 57. Сочетаніе *nb* переходитъ въ *mb*: *veńbėřt*, орк. *vāńbėřt* (всю ночь, изъ *veńpėřt*), *velembrumks, pačalksimbańima, mořem borońteń, mořem břeřsedatiřniń, ejem bary rakřat, sajim bolaza*; какъ видно изъ примѣровъ, *ń* передъ твердымъ *b* перешло въ твердое *m*.

§ 58. Мягкія переднеязычныя ассимилируютъ себѣ въ отношеніи палатальности предшествующія губныя и задненёбныя въ начальномъ слогѣ: *řáa, křiša*. Въ срединномъ слогѣ въ положеніи послѣ заднихъ гласныхъ такой ассимиляціи нѣтъ: *tonaffiine*, но послѣ переднихъ гласныхъ губныя и задненёбныя вообще смягчаются (ср. ниже).

§ 59. Мягкія переднеязычныя ассимилируютъ себѣ въ отношеніи палатальности предшествующія переднеязычныя. Поэтому и въ начальномъ слогѣ и въ срединныхъ, какъ послѣ переднихъ, такъ и послѣ заднихъ гласныхъ видимъ сочетанія двухъ мягкихъ переднеязычныхъ: *Mařtiin, Ořtom, Keřta* (Викентій), *Arceńtej* (Арсений), *Ožnešeńja, kuřnik, kužnića, rođna, pařće, kařćit, suřcam, ařćik* (желаѣ), *provořne, avarađime, muřnan, pupuřdan, kaňžiryt, tańtij, mańčims, ańćak, pańćims, styňže; kažne* (даръ), *vařna, lařte, vađra, čavuřniđa, napuřte, čoraťne, kudyťne, řpaťniin*.

§ 60. Твердыя переднеязычныя ассимилируютъ себѣ предшествующія мягкія переднеязычныя въ отношеніи твердости: *ved languц* вм. *veď languц*, *stollanķs* вм. *stollanķs*.

§ 61. Мягкія губныя ассимилируютъ себѣ предшествующія переднеязычныя въ отношеніи палатальности: *třvet, ořveče, Matřij, kuřmiř* (курмышъ), *řvetej, kořmeřeć*.

§ 62. Мягкія губныя ассимилируютъ себѣ предшествующія губныя: *tombeže, řemba*.

§ 63. Задненёбныя измѣняютъ предшествующія мягкія губныя въ твердыя: *ežemga* (ežem: скамейка), *čudřfka* (čudřf: текучій), *řićifka*.

Примѣчаніе. Мягкія передненёбныя сохраняютъ свою мягкость передъ твердыми губными и задненёбными: *viřks, řetks*, орк. *řavuřkřnyřť, kořmakaj, keřksams, puuřks* (мозоль), *řitiřfka* (пиголица), *řelmukřt*.

§ 64. Въмѣсто *sožđa, sožđeńe* (легкій), какъ говорятъ обыкновенно въ Сухомъ Карбулакѣ, я слышалъ тамъ же *řožđeńe*, а въ Оркинѣ даже *čožžeńa* съ ě вм. ř по § 31.

§ 65. *Регрессивная ассимиляция*. Глухая согласная и группа глухихъ согласныхъ въ началѣ слова переходить въ соотвѣтствующія звонкія въ положеніи за звонкой согласной и также за *ĭ* и *ц* предшествующаго слова (явленіе общемордовское): *tol-geĭ* вм. *tol keĭ* (пламя), *vírgaĭ* вм. *vír kaĭ* (ива), *od žora* вм. *odčora* (юноша), *obedbelks* (югъ), *čínžagama* (подсолнечникъ), *řeizyvĭĭ* (десна), *kasumbra* (затылокъ), *ńilíngeń* (сорокъ), *keńzišínge* (семнадцать), *mon žačyndańan mon gasyndańan*, *keńeń zolkovoĭ* (десять рублей), *čamam vatasa* (лицо мое въ фатѣ), *moń ýrosneĭ dańam* (мой крѣстный отецъ), *jarmakńiń žlapasy saida* (деньги берите шляпами), *mońań ýočica* (мнѣ хочется), *Ščerbatuĭ gńažiš*, *kilĭĭ daratt moń gedĕn*, *gilĭĭ žucuft moń zurnyn*; *moń žgiń afkam* (*škiń afka*: кормилица мать), *ton moń zduusamak* (*stuusamak*: ты меня забудешь), *řižyń bsaka* (*psaka*: кошка), *keveń ždena* (каменная стѣна), *numulyń zdada* (заячье стадо), *karman bžgadĩme* (начну приговаривать), *dĩkyĭ ždeps noldėmež* (меня пустили въ дикую степь). Но какъ только два подобныхъ слова раздѣлены паузой, глухая согласная второго слова вновь восстанавливается: *paškie ħeĕeń řes* (доѣхалъ до края села), *ħeĕeń kunčkasu ańat* (въ серединѣ села старики). Въ Оркинѣ мнѣ казалось, что дѣйствіе этого закона, въ особенности въ мужской рѣчи, стирается: я слышалъ и въ быстрой рѣчи *tuiń syvĭĭ*, *usksyĭ toĭ*, *mon synst mālga kulan*, *nu a możyš utum taimė*, *noldėmež pažalyĭsta*, *toń kudyt miif śinťrims*, *dĩkyĭ štepsa*, *ħalĭń starysta*, *ħargizyń tulup*, *ponań ćulkat* (но *olėon ġriša*, *mon žečas alašaftyma*).

Примѣчаніе. Въ *kodėmeń*, *vedėmeń* звонкія согласныя появились подъ вліяніемъ *ńilíngeń*, *kauxsyngeń*; можно бы ждать: *kotkeńeń*, *vetkeńeń*.

§ 66. Въ Оркинскомъ говорѣ, какъ и во многихъ другихъ эрзянскихъ говорахъ, окончанія *-tana* (*-ħana*), *-tada* (*-ħada*) въ 1-мъ и 2-мъ л. множ. ч. наст. вр., *-tan* (*-ħan*), *-tadyž* (*-ħadyž*), *-tanzat* (*-ħanzat*) въ опредѣленномъ спряженіи того же времени переходятъ въ *-dana* (*-ħana*), *-data* (*-ħata*), *-dan* (*-ħan*) и т. д. въ положеніи именно за звонкими согласными и за *ĭ*, *ц* окончанія основъ: *molđana*

(мы идемъ), ul'dana (мы есмы), ujd'da (вы плывете), lojd'dana (мы читаемъ), kadujd'dana (мы оставляемъ), amašt'ujd'da (вы не можете), poř'dana, poř'dada (pořems: грызть), mēř'dana, mēř'dada (mēřems: приказывать), řajdan (я тебя заколдую), sajd'dan (возьму тебя), poř'da-duž (онъ васъ загрызетъ), řauđanzat (онъ тебя побьётъ) и т. д. Въ Сухомъ Карбулакѣ t въ указанныхъ окончаніяхъ сохраняется: moř'tana, ul'tada, val'tada, řeř'tana, sař'tan, řim'tan, poř'tanzat, eř'tanzat (оглоушить тебя), řil'tanzat. — Но аналогичное этому измѣненіе t въ d въ склоненіи мѣстоименій имѣетъ мѣсто и въ Сухомъ Карбулакѣ: moň'daň, toň'dat, syň'dast, soň'danza.

Примѣчаніе. Въ Оркинѣ появленіе слоговой гласной (хотя бы и вмѣсто дифтонга) тотчасъ же ведетъ за собой возстановленіе t: řeř'tana при řeř'dada. Неясно, почему въ Оркинѣ держится t въ řeř'tana, řeř'tada (řeřems: падать).

§ 67. Въ Сухомъ Карбулакѣ мнѣ пришлось слышать (повторно) произношеніе dumař koř'tama (вм. dumař goř'tama): здѣсь видимъ переходъ звонкой согласной въ началѣ слова въ глухую подъ вліяніемъ конечной глухой предшествующаго слова.

§ 68. Глухая согласная въ концѣ основы ассимилируетъ себѣ шумныя согласныя падежныхъ окончаній въ отношеніи къ звонкости. Такъ окончаніе da (отлож. пад.) переходитъ въ ta послѣ глухой согласной основы: mēřek'ta, jarmak'ta, oř'ta, suk'ta, řeře-řeřk'ta, Klučtyňt (о селѣ Ключахъ), орк. pulfta (о снопѣ), орк. robotník'tä, орк. řeňftä. Окончаніе ga (пронос. падежъ) переходитъ въ ka: kruta řeřekka, kijak'ska, keňkš'ka, tuř řeřeň žudřfka, орк. son sodařü řeřkska (řeřks: мѣтка). Частица gak измѣняется въ kak: kitkak, kikskak, kiskak ср. kijak, kiňgak. Отмѣчу въ Оркинѣ: řaskanza, řaskan, řskat при řžganza, řžgan, řžgat.

§ 69. Твердая переднеязычная въ концѣ основы ассимилируетъ себѣ слѣдующее за нею мягкое n, превращая его въ твердое (а это влечетъ за собой переходъ ři, ře въ řu, ře). Такъ имѣемъ въ дат. окончаніе -řuň вм. řiň: sarazřuň, Pazřuň, bojar-řuň, kujarřuň, Ivannřuň, malavřksřuň, godněň, ořolněň, narodněň,

obedněn; -ně в м. -ně в им. мн.: kijaksně, vasně, azyrtně, rusně, ortně, vérgesně, osně, otamatně, орк. tatarnă; -nyн в род. мн.: rasnyн, pulcnyн, kandyłasnyн, kaltnyн, ortněн, kořotněн; -nyни в дат. мн.: kaltnyни, nurtnyни, vérgesněн, leuksněн, ortněн; -nyda в м. -nída в отлож. мн.: šukurtnyda, sazyrtnyda, kaltnyda; -ně в м. -ně в уменьшительных: tolně, godně, onně, sarazně, vakannyš, řísmarnyš, орк. šukyrnyт; -nyк в м. -ńik в совмѣстительномъ падежѣ: brusnyк, ranarnyк, pořksněк. Равнымъ образомъ находимъ при указанныхъ условияхъ -nyza в м. -ńiza в именахъ женскаго полу: Taraznyza, Obrannyza, Varlannyza, Víkilnyza, Ondronněza. Ср. sy godně (въ будущемъ году) при čokšňă, telňă.

Примѣчаніе. Здѣсь очевидно стремленіе сохранить характеръ согласной именно основы; сочетание: t окончанія им. мн. съ ѣ, признакомъ опред. склоненія, даетъ tѣ, а не tнѣ: alašatѣ. Твердые губные и задненѣбные имѣютъ за собой не отвердѣвшее ѣ: porѣ, čufniн, Ščerbatufniн, koňofněн, kudyňbráfiн, pastuѣ, tolknѣ (умы), suskumѣ (кусочекъ), očkňeн, olkňeн alda (ср. олтнэ в Калейк. говорѣ, Обр. морд. слов. II, 92). При сухокарб. čufniн в Оркинѣ: čufnyн, čuftnyн, čufnyни.

§ 70. Мягкая переднеязычная въ концѣ основы ассимилируетъ себя въ отношеніи палатальности t глагольныхъ окончаній -tana, -tada, -tan и т. д.: ср. véčkřtana, měřřtana, pařřtan, lukšřattān, sařřtan, ulřřada, šežeřřtana, skokattana, řimřřtan.

Примѣчаніе. Звуки š, č, ž не ведутъ къ отвердѣнію ѣ: leuđšně, uražně, řeňčněн (но однако Alekseičnyн).—Группа kš послѣ переднихъ гласныхъ не ведетъ къ отвердѣнію ѣ: měkšně, орк. mākšňă, keřkšně (плѣнки въ мясѣ), keřkšně; послѣ заднихъ гласныхъ наступаетъ отвердѣніе: atakšně, lukšně (корки), vatrakšnyн (vatrakš: лягушка).

§ 71. Мягкая согласная основы переднеязычная, губная и среднеязычная ассимилируетъ себя въ отношеніи мягкости согласную t окончанія: им. мн. kařřt, keřřt, keřřt, teřřt, 3 л. mšařřt,

2 пов. *šimít*; 1 л. мн. *mértana*, 2 л. мн. *mořtada*. Таково же дѣйствіе *j*: *řeřt* (зубы), *sařtan*, *uřt*, орк. *uřt* (плыви), орк. *šičt* (бѣги).

Примѣчаніе. Окончаніе 2 л. ед. и мн.—притяжательное *t* не подвергается смягченію: *pilit*, *keřet*, *keřnet*; орк. *šālmit*, орк. *čerdet* (сухокарб. *čerdet*), орк. *vādīt*. Изрѣдка въ Оркинѣ я слышалъ мягкое *t* въ этомъ окончаніи.

§ 72. Мягкая губная основы ассимилируетъ себѣ слѣдующее *g* (частицы *ga*) и смягчаетъ его; *ga* переходитъ въ *ge*: *šišimge*.

§ 73. Сочетаніе *nd* переходитъ въ *nn*, откуда *n*: *moňan*, *toňat*, *soňanza*, *miňanik* при и вмѣсто *moňdan*, *toňdat*, *soňdanza*, *miňdanik*; также въ дат. *niň* вм. *ndin*: *avanin*; также *keňet*, ср. *keňdír* другихъ говоровъ (Paasonen § 38, 2); орк. *kanutga* (глина въ печкѣ) при сухокарб. *kandyrzan* (уголь).

§ 74. Неполное приспособленіе звуковъ. Въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ сочетаніе *nk* переходитъ не въ *ŋk*, а въ *mk*: *ogomka* (воронка), орк. *šygmka* (ширинка); а также въ *ng*: *pangovonj* (нанковый).

§ 75. Звуки *t* и *d* въ положеніи за *š* и *ž* переходятъ вообще въ *č* и *ž*: *tešče* (звѣзда), *mešče* (грудь), *pšči* (острый).

§ 76. Звуки *s*, *z*, *š* и *ž* переходятъ послѣ *r*, *l*, *n* въ *s*, *ž*, *č* и *ž*: *parc* вм. *pars*, *kaldyrca* (съ грохотомъ), *užircynt*, *sazyrcynt*, *pařcynt*, *viřca*, *synct*; *keveřc* (кубаремъ); *barckuj*, *žverctva*, *polcapoškat*, *jorctak* (верстакъ), *vajgilca*, *peřca*, *Ařcaňtej* (Арсеній), *ařcinca*, *rañc*, *lomañcynt*, *vakancynt*, орк. *ugylc*; — *Borzoj* (прозваніе), *soñcenza* (Калейк. сонсэнзэ), *sonza*, *řenza*, *iřanza*, *palatanzat* (онъ тебя поцѣлуетъ), *kadyňže*, *neřža*, *iňžij*; — *mañčit* (Калейк. маньшить, Обр. II, 82), *peřařčinčka* (съ полъ аршина), *Jelčanka*, *starčina*, *veřčok*, *jorč* (ершъ); — *barža* баржа), *keňže* (коготь).

Примѣчаніе. Произношеніе съ *z* вмѣсто *ž* встрѣчается довольно часто и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ: *sonza*, *avanza* и т. д. Нерѣдко сохраняютъ свой звукъ *s* и *š* передъ *t* въ указанномъ выше положеніи: *varštaš* при *varčtaš*, *sa-*

zyrstyńt. Даже с иного происхожденія можетъ перейти передъ t въ s: karstyńt (изъ хлѣва).

§ 77. Подобный же переходъ имѣетъ мѣсто послѣ ц въ Оркинскомъ говорѣ, при чемъ ц переходитъ въ f: ozaſcyż, aſaſcyż, ſiſcyż, ſeſcèż, oſaſcy, kaſaſcy, pulſca, ср. въ Сухомъ Карбулакѣ: ozaſcyż, aſaſcyż (поставятъ), sèſcèż (сѣдятъ), ſaſcyż (выбьютъ), valuſcyż (выльютъ), połaſcyż (обмѣняють). Впрочемъ, я слышалъ въ Оркинѣ также и sſyſcyż, loſsa (лоц: снѣгъ). Въ Сухомъ Карбулакѣ laſca, ср. Калейк. лався, Обр. II, 86, loſca (молоко).

Примѣчаніе. Послѣ j такого перехода нѣтъ ни въ Оркинѣ, ни въ Сухомъ Карбулакѣ; произношеніе vjjsa (силкомъ, Сухокарб.) вмѣсто vjjsa заимствовано, очевидно, изъ такого говора, гдѣ s переходитъ въ c и послѣ j.

§ 78. Звукъ s переходитъ въ c послѣ s, ſ и ċ въ Оркинскомъ говорѣ: kijakscyńt, pikscyńt, kŕnkſcyńt, maksca вм. makssa, pańcyż, makscyż, oŕta vŕlks, son kasc, liſc, vakscynza, rybnyj labasc, rybnyj labasca; — kuċcyńġa, kurgvaſcyż, lokſca (кнупомъ), uſca, stolest ekſc; — maſc, ċaċc, vaċc, vŕſc. Въ Сухомъ Карбулакѣ: maksa, maksyż, kuċsyńġe, kirvajsyż, stolest ekſs.

§ 79. *Диссимиляция*. Сочетанія ss, śś, ſs, sſ, замѣнившія подъ вліяніемъ той или иной аналогіи s, ś, ſ, переходятъ въ Сухокарб. говорѣ по общему правилу послѣ согласной въ js, jſ: kardajs (kardazs), krandajsa (krandazsa), tarvajs, rudajs (въ грязь), sarajs (въ курицу), lajsta (отъ доски); řivijſ (въ лисицу), řivijstyńt; oĵet, oĵeſt; ejſen (во мнѣ), ejſten, mejs, mejsta, ſejſ (изъ ſeżſ: изорвался); lajſka (съ доску), sarajska (съ курицу), kardajſka. Въ Оркинѣ то же, но, кажется, рѣже: krandajs, kardajsa, tarvajs; ср. тамъ формы sagasc (въ курицу), vŕġiſc (въ волка), son goċeſe řivijſ (онъ попалъ въ лису), kurgvaſcyż (см. § 78).

Примѣчаніе. Въ Сухомъ Карбулакѣ говорятъ и lassta, krandassta, rudassta, kuſſt (ср. Калейк. куйсть).

§ 80. *Вставка гласныхъ*. Довольно часто находимъ ее въ начальномъ слогѣ заимствованныхъ словъ: kińiga вм. книга, řeſtol (престолъ), suvat, suvaġa (сватъ, сваха), kuvas (квасъ);

не въ начальномъ слогѣ: *goštova* (рождество). Произношеніе *kogom* (вм. *korm*) возникло едва ли не для избѣжанія встрѣчи въ одномъ слогѣ двухъ звонкихъ согласныхъ (ср. § 50). — При *alftams* находимъ *aluftams* (обѣщать), ср. въ другихъ говорахъ: *alvtams*, *alstams*, *altams* (Paasonen, § 54, 1).

Взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ.

§ 81. Заднія гласныя не терпятъ передъ собой мягкихъ губныхъ и средненѣбныхъ согласныхъ. Поэтому при *šihims*, *šezevems*, *večkems* 1-е л. наст. вр. *šiman*, *šezevan*, *večkan* (но при *panims* — *pañan*, *keḱkštems* — *keḱkštan*); при *oḱotñek* — *oḱotñekan* (я охотникъ), при *eḱdñeñ* — *eḱdñemat* (ты мое дитя); *keḱmoj* вм. *keḱmī oḱ*, *kevaluñ* (подъ камень) вм. *keḱ aluñ*; ср. также русскія слова: *vřema*, *řřema*, *beřema*, *znaма*. — Ср. § 30.

§ 82. Переднія гласныя имѣютъ передъ собой вообще только смягченныя согласныя: *mēre*, *tenza*, *kiḱdīms*. Отвердѣніе согласной ведетъ за собой переходъ передней гласной въ соотвѣтствующую среднюю (ср. §§ 13 и 14). Неясно, переходятъ ли всегда *i*, *e* въ *y*, *ē* послѣ отвердѣвшихъ *š*, *ž*, *č*; мнѣ казалось, что многіе произносятъ *šina*, *laišina* и т. п. съ твердымъ *š*, но съ *i*.

§ 83. Передъ средними гласными неизвѣстны вообще палатализованныя согласныя. Въ Сухомъ Карбулакѣ ограничено употребленіе передъ ними и задненѣбныхъ согласныхъ: мы находимъ ихъ тамъ, гдѣ онѣ поддержаны вліяніемъ аналогій: *jarmakyt*, *kušakunza* подъ вліяніемъ *jarmak*, *kušak*; *syrgyžin*, *targyžima* подъ вліяніемъ *syrgams*, *targams*; вообще же *ky*, *gy* замѣняются сочетаніями *ki*, *gi*: *vačkidin*, *čarkic*, *pačkidin* (Калейк. пачкодинъ), въ русскихъ словахъ: *jağida*, *viçid*, *Mikila*. Въ Оркинѣ *ky*, *gy*, *χy* удерживаются: *pačkydin*, *čarkydim*, *vojangylā* (евангеліе), *šalgynusyž*, *čangyđiza*. Равнымъ образомъ при сухокарб. *ağir*, *kirga*, *kirmalañ*, *kirvažims* находимъ въ Оркинѣ: *ağur*, *kyрмагаñ*, *kyrga*, *kyrvašcyž*, *kyrnym* (храпѣть), хотя, впрочемъ, *ky*, *gy* передъ *g* — согласная извѣстна и въ Сухомъ Карбулакѣ:

čikyrduma, aigyr, kurgajsyž (ср. § 7 прим. и § 16, гдѣ высказано предположеніе о томъ, что въ такихъ случаяхъ слышится сочетаніе *αr*). Въ положеніи передъ лабиализованными гласными среднего ряда употребленіе задненёбныхъ *k* и *g* довольно обычно: *ronǵoms*, *kotkódaɕ*, *olgót*, *měšekós*. — Въ Сухомъ Карбулакѣ совсѣмъ неизвѣстны сочетанія губной съ нелабиализованными средними гласными; неясно *ragmušča* (рѣдкое слово, означающее дощечку, которою закрывается улей и которая втыкается потомъ на шесть для привлеченія роевъ). Въ русскихъ словахъ сочетанія губная + *у* переходятъ или въ сочетанія губная + *и*, напр. *puł* (пыль), *puž* (пыжь), *buка* (быкъ), или въ сочетанія губная мягкая + *i*: *viχid* (выходъ), *Samila*, *Misej*, *kurmiš* (курмышъ, татарское слово). Въ Оркинѣ сочетанія губной съ *у* довольно обычны: *sodamum*, *asamum*, *laruža*. Въ Сухомъ Карбулакѣ вмѣсто этого находимъ сочетанія съ *и* или съ *о* (последнія въ слогѣ, слѣдующемъ за слогомъ съ *о* или *е*): *sodamuš*, *poroš*.

§ 84. Еще въ общемордовскую эпоху сочетанія губная + *αi* и задненёбная + *αi* перешли въ сочетанія мягкая губная + *ei* (откуда *ε* съ дальнѣйшими его измѣненіями) и мягкая средненёбная + *ei* (откуда *ε*). Такъ объясняется появленіе: *karmiŭ*, *kaduviŭ*, *ramiŭ*, *vatkiŭ*, *vatkiŭ*, *sokeŭ*, при *udyŭ*, *sodeŭ*, *kandyŭ*; равнымъ образомъ: *baŭiŭ*, *psakiŭ*, *lopeŭ* при *pulyŭ*, *kudyŭ*.

§ 85. Губныя и задненёбныя въ концѣ слога смягчаются въ положеніи послѣ переднихъ гласныхъ, задненёбныя переходятъ при этомъ въ средненёбныя: *udiŭ*, *užiŭ*, *ezeŭ*, *jašŭ*, *Aŭŭ*, *Oseŭ*, *oχotŭ*, *veleŭ*, *ramiŭ*, *šlabik*. Законъ о смягченіи дѣйствовалъ еще въ то время, когда дифтонгъ *αi* не измѣнился въ *у*; ср. *k* въ положеніи за *у* изъ дифтонга *αi* въ *putyk* (положи, въ опред. спряж.), *oznĕk*, *sodek*, *noldĕk* (а въ неопр. спряж.: *oznĕk*, *putyk*, *kulyk*). Этотъ законъ дѣйствовалъ также еще до отвердѣнія согласной *n* передъ *i* (*е*), о которомъ см. § 69: ср. *k* въ *krandaznyk*, *ronksnĕk*, *kijalnym*.

§ 86. Въ рядѣ случаевъ можно установить измѣненіе звука *t* (*d*) въ *t* (*d*) въ зависимости отъ предшествующей передней

гласной. Ср. чередование *t* и *ť* напр. въ окончаніи им. мн.: *avat*, *kudyt*, *morét*, но *řilit*, *velet*; или напр. въ 3 л. ед. при объектѣ во 2 л. ед.: *večkenžet*, *izniňžit*, *toimbeňžet* (прош. вр.) при *šnatanzat*, *makstanzat*, *večkřanzat*. Такой же переходъ *t* въ *ť* имѣетъ мѣсто и передъ гласной *a* въ глагольныхъ окончаніяхъ *-tana*, *-tada*, *-tan*, *-tadyž* и т. д., напр. *tejnetana*, *tejnetada*, *šeřnetana*, *viditada*, *maňčitada*, *ařtñitana*, *čijñitada*, *iditan*, *netanzat*, *vetanzat*, *kařčřanzat*, ср. *karmatana*, *gamatada*, *makstanzat*. Также смягчается, повидимому, *n*. Смягченіе *t*, *n* при указанныхъ условіяхъ имѣло мѣсто до перехода *a* въ *y*; такъ объясняется мягкость *t* и *n* въ формахъ прош. времени: *udyň*, *udyť*, *sodeň*, *karmiň*, *soket*.

Примѣчаніе. Личныя постпозитивныя окончанія *t* для 2-го л. ед., *n* для 1-го л. ед. и мн., *ňk* для 2-го л. мн. не смягчаются въ Сухокарб. и Оркинскомъ говорахъ въ противоположность многимъ другимъ говорамъ: *řilit* (твои уши), *velet* (твое село), *šeřmen* (мои глаза). Можно думать, что *t*, *n* смѣнили здѣсь *ť*, *ň* подъ вліяніемъ *t*, *n* послѣ гласныхъ заднихъ и среднихъ: *avat*, *kudyt*, *sazygyn*. Впрочемъ, въ Оркинѣ я слышалъ изрѣдка и *ň*, *ť*: *řiliň* (мои уши), *šaliňit* (твои глаза), *viřiňk* (ваши лѣса).

§ 87. Въ связи съ указаннымъ вліяніемъ переднихъ гласныхъ на слѣдующія согласныя стоитъ и то, что въ коренныхъ слогахъ мы почти не находимъ твердой переднеязычной послѣ переднихъ гласныхъ; могу указать только на заимствованное слово *mir*. Ср. въ своихъ словахъ: *viř*, *užiř*, *syvil*, *řiviž*, *veř*, *keř*, *keľ*, *čeř*, *ved*, *ked*, *neř*, *ned*, *tejteř*, *řejeľ*, *čejeř*; въ заимствованномъ словѣ: *med* вмѣсто *med* (мѣдъ).— Едва ли не въ зависимости отъ предшествующей передней согласной стоитъ появленіе смягченной переднеязычной въ положеніи передъ задненѣбной: *metkaz* (ящерица), *šežgan* (сорока), *ketks* (браслетъ), *netks* (стебель), *velks* (сливки), *višks* (стыдъ), *peľks* (половина), *meňks* (перемѣна), *čeřkams* (трястись), *keřksams* (нанизывать), *řeřgařtums* (отпрягать), *čeřkstaš* (черкнулъ). Ср. сохраненіе *ř* въ заимствованныхъ словахъ: *čeřkova*, *žeřkala*, *kočeřgan*.

§ 88. Послѣ коренного слога съ *i* сочетаніе *kš* измѣнилось въ *kš* въ глагольных образованіяхъ; такимъ образомъ находимъ *-kšnims*, напр. въ *mikšnims* (покупать), *vikšnims* (вышивать). Неясно однако, почему при *tuikšnyš*, *muikšnyš*, *merekšnēs*, *molekšnēs* найдемъ въ Оркинѣ и *tuikšnīšt*, *putnīkšnīšt*, *avarākšnīmā*.

§ 89. Какъ указано въ предыдущихъ §§, согласныя смягчаются передъ гласными передняго ряда. Во многихъ случаяхъ гласная *ε*, также смягчавшая согласныя, исчезла изъ произношенія, но предшествовавшія ей согласныя остались мягкими. Такъ, вѣроятно, объясняется мягкость многихъ согласныхъ, какъ въ концѣ, такъ и въ серединѣ слова. Ср. *kaļ*, *raļ* (кадушка), *sēd* (мостъ), *lomaņ* (человѣкъ), *kavū* (хрящъ), *umaļ* (яблоко), *muķū* (пенекъ), *sumaņ* (кафтанъ), *suļ* (тѣнь), *kaņšt* (конопель). Сюда же могутъ относиться многія изъ словъ, перечисленныхъ въ § 87. Также выпаденіемъ *ε* объясняется, вѣроятно, мягкость согласныхъ въ словахъ: *vaļma* (окно), *kaška* (подполье), *uļma* (удочка), *uļva* (невѣста), *uška* (пырей), *paļgams* (мучить), *kaļks* (бечевка), *puvūks* (мозоль), *kudykiļks* (сѣни), *škamut* (ты одинъ), *tuikšnums* (драться), *čaraška* (скисса); здѣсь всюду за мягкими передне-нёбными слѣдуютъ твердыя губныя и задне-нёбныя. — Возможно, что фонетически мягкія согласныя должны были отвердѣть передъ твердыми переднеязычными; мягкость въ сухокарб. *kaŗda*, *lomaŗda*, *umaŗdynt*, орк. и сухокарб. *brutsta*, *šovoŗsta*, *paŗca* (въ кадушкѣ) была поддержана или вызвана вновь вліяніемъ формъ *lomaņ*, *lomaņiņ*, *lomaņc*.

§ 90. Мягкія согласныя, появившись тѣмъ или инымъ образомъ въ словѣ, измѣняютъ заднюю гласную *α*, за ними слѣдующую, въ переднюю *ε* (отсюда *i*, *e*): *neŗteme*, *paŗtiņe* отъ *neŗ*, *paŗ*, ср. *saltuma*, *toltoma*. Возможно, что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ гласная *α* переходила въ *ε* подъ вліяніемъ самой передней гласной начального слога. Въ *šisiņge* видимъ переходъ *a* въ *e* подъ вліяніемъ предшествующаго *ģ*.

§ 91. Отмѣтимъ появленіе мягкихъ согласныхъ подъ вліяніемъ переднихъ гласныхъ въ русскихъ словахъ: *šidir*, *šifota*, *miŗroxa*.

§ 92. Гласная е звучитъ напряженно передъ слѣдующей палатальной согласной: *ńér, mēd'* при *tenza*. Гласныя а, о передъ слѣдующей палатальной согласной измѣняются въ индивидуальномъ произношеніи въ *ä, ö* и даже въ *aⁱ, oⁱ* (ср. § 17): *suvaⁱs, saⁱs, kaⁱńc, goⁱšteńec*.

§ 93. Гласная а между двумя палатальными согласными склонна къ переходу въ *ä*, что имѣетъ мѣсто особенно въ Оркинѣ: *сухокарб. mońďāń, paťāńť, paťāś, tĩťāń, alāń, moťāńť; орк. gulājaśť, śťāś, kĩťťāśť*. Въ Оркинѣ также измѣняется а въ концѣ слова послѣ мягкой согласной: *aźā, iśťā*. Отмѣчу еще *syńāśť, sońānza*. Любопытно, что въ Оркинѣ *ä* вм. а находимъ и послѣ *š, ž* и передъ *š, ž* при условіи, если другая согласная, слѣдующая за а или предшествующая ему, палатализована: *alaśāń, odeźāń, uťāźyś, kříśāńť, kaśāń*. Въ Сухомъ Карбулакѣ я слышалъ *paťāźā*.

§ 94. Въ §§ 4, 5, 11 указано на переходъ *α* въ *u* или *o* передъ губными и *ц* вмѣсто ожидаемыхъ *y* или *ё*, также на переходъ *α* въ *u* или *o* послѣ губныхъ, наконецъ, на переходъ *α* въ *u* или *o, ö* послѣ задненёбныхъ.

§ 95. Въ § 82 указано на то, что отвердѣніе палатальной согласной ведетъ за собой переходъ слѣдующей за нею гласной передняго ряда въ гласную средняго ряда. Это имѣетъ мѣсто послѣ отвердѣвшаго *n*, при чемъ вмѣсто *e* и *i* являются *ё* и *y* (ср. § 69). Довольно обычно такой же переходъ *i* въ *y* (и *e* въ *ё*?) наблюдается послѣ отвердѣвшихъ *š, ž*, а также и *č* (ср. § 82).

Удареніе.

§ 96. Къ сожалѣнію, несмотря на неоднократныя наблюденія, я не могу сказать чего-нибудь опредѣленнаго даже о мѣстѣ ударенія. Совершенно ясно, что между слогомъ ударяемымъ и неударяемымъ нѣтъ рѣзкаго отличія. Прислушиваясь къ фонографическимъ записямъ, я нерѣдко колебался относительно мѣста ударенія: передавая запись, я одинъ разъ отмѣчалъ ударяемымъ одинъ слогъ, а другой разъ—другой. Повидимому, колеблется не только

мѣсто ударенія, но и наличность музыкальнаго повышенія слога; одинъ разъ неударяемый слогъ произносится высоко, а другой разъ низко. Весьма важно утверждение Р. Θ. Учаева, вообще чуждаго какой бы то ни было теоретической подготовки, что удареніе каждаго слова въ Сухомъ Карбулакѣ падаетъ на первый слогъ; это проведено имъ и въ словарь. Многочисленные мои записи разсказовъ Учаева подтверждаютъ, что и въ связной рѣчи значительная часть словъ получаетъ въ его произношеніи удареніе на первомъ слогѣ. Но однако нѣкоторые слова и онъ ударялъ не на первомъ слогѣ: oza·ftyńńń, ku·čimńń gudu·ŭ, ka·vala·lynza, příkaľe·tkaš, teťť beľa·ťť, ortala·ŋks, tona·fńńń, íšťa·k, laďšńń·kiš, ulńń·ń, kemgo·lmova, sundu·kńńń (но su·nduk), ħoza·inyš, kanduma·nza, boja·ryš (но bo·jar), robota·ma, sa·š řařam ošo·ŭ (но a·řam u·skimńń o·šoŭ), loma·ťńń, řařa·m ejsě·n ež řařť, avařďĩ·me (но ava·řďńń). Не придавая значенія чего-либо непреложнаго дѣлаемымъ ниже наблюденіямъ, я всетаки изложу то, что могъ обобщить на основаніи моихъ записей, провѣренныхъ самимъ Учаевымъ специально со стороны ударенія.

§ 97. Въ говорѣ Учаева удареніе стоитъ на первомъ слогѣ при произнесеніи слова не въ связной рѣчи. Въ связной рѣчи (въ теченіи рѣчи) удареніе можетъ стоять на первомъ слогѣ, но передвигается и на другіе. Различаю двусложныя отъ трехсложныхъ и многосложныхъ словъ. Въ двусложныхъ удареніе переходитъ: а) на конечный слогъ, если онъ закрытый: ja·ki·ń, mo·ľe·ť, veľe·s, aľa·š, numu·l, beľa·ťť; řarki·ć řty te veľge·z, na·roděs tuš kudu·ŭ, kra·ndazyńť sai·ms mo·žna; б) на окончаніе 3 лица ед. ё (y), е (i), происшедшее изъ yđ, iđ: kundě·, řajsě·, eře·; в) на открытый конечный слогъ при утвержденіи: Oľa·, eľde·. Въ трехсложныхъ словахъ удареніе переходитъ: а) на срединный слогъ, когда конечный слогъ открытый: soda·sa, řurna·ma, řede·de, keže·řsta; б) на конечный слогъ, когда онъ закрытый и гласная въ немъ та же, что въ предшествующемъ срединномъ слогѣ: mńńiki·ńť, azdasa·k, koromo·ńť, veľeňe·k, řeveťňe·ń, kudy·ńť, uřĩđĩ·ŭ, teľeňbe·řť, ortala·ŋks, va·ľĩz berčatka·ńť; в) на

серединный слогъ, когда конечный слогъ закрытый, а гласная его не тождественна съ гласной серединнаго слога: *kuly·zan*, *ava·rdan*, *tona·fñan*, *míña·ník*, но также: *kartu·zum*, *kulcy·nyś*. Въ четырехсложныхъ словахъ удареніе переходить: а) на предпоследній слогъ: *odeřvé·hé*, *oxota·ma*, *mašynka·sy*, *koromo·zy*, *véšeñe·dy*, *kuštíma·va*, *kardazy·za*, *velafñi·mé*, *čauma·nza*, *mukury·nza*, *avaf·ty·za*, *kemgaftu·va*, *avatñi·ñiñ*, *tandady·kšnyñ*, *taťatñi·ñiñ*; б) на второй отъ начала слогъ, подъ вліяніемъ родственныхъ словъ: *tona·fñime* (ср. *tona·fñañ*), *mora·ftuma* (ср. *mora·ftan*), *otve·čamut* (ср. *otve·čam*), *pañi·ksylíñ* (ср. *pañi·ksyl*). Въ пятисложныхъ словахъ удареніе переносится: а) на серединный слогъ: *aťama·fínyk*, *urídí·víñtiñ*; б) на второй отъ начала слогъ, подъ вліяніемъ аналогіи: *pañi·ksylímiñ* (ср. *pañi·ksyl*) — Нерѣдко весьма отчетливо слышатся въ слогѣ два ударенія въ связной рѣчи: *lo·pafty·ž*, *ko·loda·ñt*, *ku·nčkaři·c*, *na·rodě·ś*, *ka·baksty·ñt*, *ve·šñema·st*, *me·řezě·nzy*. — Многія слова въ связной рѣчи произносятся энклитически; напр. теряютъ свое удареніе глагольные двусложныя формы послѣ отрицанія: *a·rñime*, *a·maksě*; ср. еще *mo·n meřan*, *sa·ś tatam*.

§ 98. Въ Оркинѣ удареніе еще менѣе прикрѣплено къ первому слогу. Но болѣе подробныя наблюденія надъ мѣстомъ ударенія я думаю изложить въ другомъ мѣстѣ.

Къ исторіи неударяемыхъ слоговъ. Первый экскурсъ.

§ 99. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ общемордовскомъ праязыкѣ удареніе падало на начальный слогъ; вѣроятно, что оно было экспираторнымъ и сопровождалось сильнымъ ослабленіемъ неударяемыхъ слоговъ. Подъ вліяніемъ этого ослабленія неударяемыя гласныя стали переходить въ гласныя неполнаго образованія. Но при этомъ оказывается, что такому измѣненію подверглись только узкія гласныя, т. е. лабиализованныя и палатализованныя; широкія гласныя — а, а также ѣ остались въ неударяемыхъ слогахъ безъ измѣненія.

Примѣчаніе. Въ общеэрзянскую эпоху *ä* перешло въ *e*, какъ въ начальныхъ, такъ и въ неначальныхъ слогахъ (ср. § 14); *e* въ неначальныхъ слогахъ подверглось общей судьбѣ узкихъ (палатальныхъ) гласныхъ и перешло въ *ε*: ср. *šeŋe-đan* (мокш. *säräđan*), *šejeŋ* (откуда *šeŋ*: волосъ, мокш. *šäyär*), *řejeŋan* (падаю, мокш. *räyāgan*). — Замѣчательно, однако, что во второй части сложеній *ä* перешло въ *a* со смягченіемъ предшествующей согласной (но губная передъ такимъ *a* отвердѣла): *tombale* (на той сторонѣ, изъ *tonα räŋe*), *tuŋaks* (поросенокъ, изъ *tu ŋaks*, ср. однако мокш. *lefsk*), *kođajne*, *kođajze*, *kođajk* или *kođajk* (изъ *kođ täjine*, *kođ täjize*, *kođ täjik*).

Лабіализованныя гласныя (въ положеніи за твердыми согласными) перешли въ гласную неполнаго образованія *α* (вѣроятно, средняго ряда), а палатализованныя гласныя (въ положеніи за мягкими согласными) перешли въ гласную неполнаго образованія *ε* (вѣроятно, передняго ряда). — Аналогичныя явленія извѣстны изъ исторіи и другихъ языковъ, между прочимъ славянскихъ: такъ въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ узкія гласныя (*i*, *u*, *ě*) сохранялись въ неударяемыхъ слогахъ безъ измѣненія, а широкія (*a*, *o*) перешли въ гласныя неполнаго образованія (*α* послѣ твердыхъ, *ε* послѣ мягкихъ согласныхъ); въ словенскомъ языкѣ широкія гласныя сохраняютъ свой звукъ въ краткихъ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ, между тѣмъ узкія (*u*, *i*, *ě* изъ *ŋ*, *â* изъ *ŋ*, *ь*) переходятъ въ гласныя неполнаго образованія въ краткихъ слогахъ ударяемыхъ и неударяемыхъ; въ болгарскихъ говорахъ, сходно съ указанными русскими, гласныя широкія (*a*, *o*, *e* и др.) въ неударяемыхъ слогахъ переходятъ въ гласныя неполнаго образованія, а узкія сохраняютъ свой звукъ. — Общемордовскія *α* и *ε* въ эрзянскихъ говорахъ вообще не сохранились въ видѣ гласныхъ неполнаго образованія; они замѣнились различными гласными полнаго образованія. Разсмотрю судьбу *α* и *ε* въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорахъ.

§ 100. Еще въ общеэрзянскую эпоху дифтонги *aj*, *äj*, *αj*, *ej* перешли черезъ посредство *uj*, *ij* въ монофтонги *ÿ*, *ï*, которые подверглись затѣмъ редукціи и замѣнѣ гласными неполнаго образованія — *ä* и *ê*; обозначаю такъ напряженные отгѣнки *α* и *ε*.

§ 101. Въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ *α* въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой перешло въ *a*, въ противоположность значительному числу другихъ говоровъ, имѣющимъ вмѣсто *α* въ такомъ положеніи *o*: *kuda*, *karda*, *kafta*, *kar-dajsa*, *vanuma*, *tosta*, *lofca*, *užyda*, *ofta*, *ošta*, *kudyza*, *jalganza*, *práftuma*, *ilaza*, орк. *äřada* и т. д. Ср. напр. въ Калейкинскомъ говорѣ Мензелинскаго уѣзда (ср. Образцы морд. нар. слов.): *саламо*, *вадо*, *овто*, *илядо*, *кудо*, *кудозо*, *тосто*; въ говорѣ села Кардавили Арзамасскаго уѣзда: *purname*, *toso*, *jomaftonzo*, *valgomo*; въ говорѣ села Новой Тепловки Бузулуцкаго уѣзда находимъ *a*: *avaza*, *morama*, *sonza*, *potmarca*, *tetaza*, *kosa*, *kandyda*; также въ говорѣ села Каляева Темниковскаго уѣзда (Paasonen, Proben der mordw. Volksliteratur): *kumčkasä*, *kořtama*, *pultatanza*. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой *α* вообще переходитъ въ *y*: *jalganzy marta*, *aščin ošsy kolmy čit*, *son vašin lacy karmaš pižnime*, *tagy tušt*, *nedľady melje*, *karmiň ta-taň marty robotama*, *karmaš syrgamy mušky vidime*, *a kožajkazy kudysy araš*, *orčas kalady panar*, *kuly řeve*, *muišs istamy lomaň*, *prazy golěj*, *čaramy lofca*. Но иногда въ положеніи послѣ слога съ *o* и е слышится не *y*, а *ê*: *сухокарб. oftë patkaj*, *pondë gruša*, *pondë kumbrä*, орк. *šestë vā ava-nfñit*, *kosë kiš jāvi i tej i toç*, *tesë vād'arašil*, орк. *sonzé ličanza*, *kosë kolmy kit*. Послѣ губной, если передъ ней слогъ съ *o*, иногда слышится *o*: *kolmo čyť*.

§ 102. Въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ *ε* въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой перешло вообще въ *ä*: *сухокарб. němežďä*, *kšynyk řesä*, *valčkä*, *karman avardimä*, *syři piňä*, орк.: *vātä*, *řevä*, *řisňä*, *tetedä*, *čoreňä*, *šimimä*, *sur priňidä*, *kudatňä*, *ombocä* и т. д. Въ Сухомъ Карбулакѣ это *ä* въ говорѣ значительной части населенія звучитъ какъ *ä* напряженное, а у нѣкоторыхъ оно перешло въ *e* (не напряженное). Такъ Учаевъ

произносить: *véle*, *píle*, *atíne*, *čudířske*, *véjke*, *šelińe*, *kadyže*, *kadyńe*, *ađńe* и т. д. — Такой же переходъ *ε* въ *e* находимъ во многихъ эрзянскихъ говорахъ, напр. въ Калейкинскомъ, Кардавильскомъ, Новотепловскомъ, Каляевскомъ. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой *ε* переходятъ въ *i*: *robotníkni šiniť*, *šedí bojkasta*, а *vérgézés kaukštedí pokš*, *koda kapudízi šabrań ġiskińińt*, *syť eńva čini*, *perť vélesty lomatt*, *noldězi tikšys jarcama*, *maksyhzi teń jarmakniń*, *řiviški molć*, *kojńi langa*, орк. *sätńi vādńiś*, орк. *vāχki latksa*, орк. *vāti celkovuχt* и т. д.

§ 103. Какъ указано въ §§ 14 и 69, звукъ *e* послѣ отвердѣвшей согласной перешелъ въ *ě*. Въ Оркинѣ и частью въ Сухомъ Карбулакѣ находимъ въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой *á*: *nurtná* (сани), *káčá*, *řiža*, *tečá* (вм. *teči*), *tatařná*, *godná*. Но въ Сухомъ Карбулакѣ это *á* перешло въ произношеніи многихъ въ *ě*: *vérgesně*, *uskučst věti osně*, *tolně*, *sarazně*, *kijalně*. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ не передъ паузой въ связной рѣчи такому *ě* соответствуетъ *y*: *ařakšny morasť*.

§ 104. Возникшій изъ дифтонга *aġ*, *aġ* звукъ неполнаго образования *ă* (§ 100) перешелъ въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ въ нена начальномъ открытомъ слогѣ передъ паузой въ звукъ *á* (Оркино и часть Сухого Карбулака) или *ě* (часть Сухого Карбулака): *jutá*, *kandá*, *maksá*, *vaná*, *ozá*; *vaně*, *kortě*, *vancě*, *ńesě*, *kortasě*. (Въ начальномъ слогѣ въ такомъ же положеніи находимъ *y*: *pry*, *sy*, *šty*, *sty*). — Ср. появленіе *ы* на мѣстѣ *α* въ Калейкинскомъ говорѣ, гдѣ *α* перешло въ *o*: *ваны*, *уды*. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ находимъ *y*: орк. *korťy řast*, сухокарб. *juty bojar*, *i omboči řalazy řšaža aluřty řenza*, *mařasy son*, *vany řivižińt*.

§ 105. Возникшій изъ дифтонговъ *aġ*, *aġ* звукъ неполнаго образования *ê* (§ 100) перешелъ въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ въ нена начальномъ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой въ звукъ *ă* (Оркино и часть Сухого Карбулака)

или е (часть Сухого Карбулака): *meřā, moľā, sokā, řinā*, орк. *āřāvā*; сухокарб. *meře, moľe, uľe, řaňe, veřke*. (Въ начальномъ слогѣ въ такомъ же положеніи находимъ *i: řti*). — Ср. появленіе *i* на мѣстѣ *ε* въ Калейкинскомъ говорѣ, гдѣ *ε* перешло въ *e*: ашти, мери, неи. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ находимъ *i*: *karīni kortama, eřavi moľems, meři vařin deřterneř, ařci koňelkava loř boca, kundasy řařkady, kiřdi ejsenřa, tagy ři-dizyst řii Matřvi, minik karčy eři ve lomaň, орк. iķili laca*.

§ 106. Судьба *α*, *ε* и *â*, *ê* въ конечныхъ открытыхъ слогахъ должна быть отдѣляема отъ судьбы тѣхъ же звуковъ въ слогахъ срединныхъ или конечныхъ закрытыхъ. Въ конечныхъ открытыхъ слогахъ измѣненіе редуцированныхъ гласныхъ не зависитъ отъ предшествующихъ или послѣдующихъ звуковъ (хотя и здѣсь возможны исключенія: ср. *oftē* вм. *ofty* въ связной рѣчи въ индивидуальномъ произношеніи). Напротивъ, во всѣхъ иныхъ положеніяхъ редуцированный звукъ принималъ ту или иную окраску въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ. Что до *â*, *ê*, то въ неконечныхъ открытыхъ слогахъ они совпали съ *α*, *ε* въ обоихъ изслѣдуемыхъ говорахъ, между тѣмъ какъ напр. Калейкинский и другіе, измѣняющіе *α*, *ε* вообще въ *o*, *e*, имѣютъ *ы*, и вмѣсто *â*, *ê*: *ваныть, штавтызе, штавтызь, кядынзе, аштитъ, вечкилизинзе, эринекъ, бабине, атине, кискинетне*. — То или иное измѣненіе *α*, *ε* въ обоихъ изслѣдуемыхъ говорахъ зависитъ прежде всего отъ гласной предшествующаго слога: гласныя *o* (*ô*) и *e* (*è*) вліяютъ на измѣненіе *α* и *ε* въ одномъ направленіи, а всѣ остальные гласныя — въ другомъ. Имѣя въ виду, что *α* и *ε* послѣ слога съ *o* (*ô*) или *e* (*è*) переходятъ сами въ *o*, *e* или 'близкіе къ нимъ звуки (*ô*, *è*), заключаемъ, что эти гласныя *o*, *e* вліяли на *α*, *ε* ассимилирующимъ образомъ; остальные гласныя не имѣли вообще такого ассимилирующаго вліянія, и измѣненія *α*, *ε* послѣ нихъ протекали болѣе самостоятельно. Разсмотримъ отдѣльно судьбу *α*, *ε* послѣ гласныхъ, не ассимилировавшихъ ихъ себѣ, и послѣ гласныхъ *o*, *e*.

§ 107. Гласныя α , ϵ въ положеніи за всѣми гласными кромѣ o , e ($\acute{o}$, $\acute{e}$) измѣнились въ y , i ; ср. переходъ α , ϵ въ y , i въ открытомъ конечномъ слогѣ не передъ паузой. Примѣры для перехода α въ y : *kardazyń*, *valys*, *kudys*, *mastyr*, *sazyr*, *šadyće*, *kudydyst*, *sudystyńt*, *šabranyk*, *řirinyk*, *kandylaz*, *ukštyr*, *vanyda*, орк.: *lapyža*, *numyl*, *šřavył*, *salmyks*, *kavyrřks* (кочка), *škamyt*, *kukyrdyt*, *izamyt*, *kuryk*, *čumbyłkskš*, *amyłdš*, *šukyr*; y изъ дифтонга: *palyt*, *naryń*, *vanyt*, *sajsyť*, *kandyńe*, *kundyže*, *putyže*, *kadyńimń*, *vanyk*, *andyca*; *kudyńe*, *panyńe*, *řizyńe*. Примѣры для перехода ϵ въ i : *mĩrdĩš*, *řivĩziš*, *řilĩť*, *avĩniza*, *arašĩł*, *užĩť*, *suffim*, *kaltńimě*, *viškižim* (лавка въ кухнѣ, т. е. *viška ežem*), *kuťmĩřinža*, *sazyryńťim*, *psakińiš*, *ulĩvil*, *šišim*, *kirińiks*, *atińe*, *bařimě*, *jalgińim*, *řiriš*; i изъ дифтонга: *mařĩť*, *aščĩť*, *jakiť*, *čavĩť*, *řidĩže*, *valĩńe*, *jakiđe*, *kaduvinĩk*, *navĩť*, *navĩk*, *mařĩže*, *sokařĩže*, *atińe*, *vařĩńe*, *tumĩńe*, *psakińe*. Какъ указано въ § 14, общемордовское e перешло въ Оркинскомъ говорѣ въ $ä$; это $ä$ не вліяло ассимилирующимъ образомъ на слѣдующія ϵ , α не измѣняло ихъ въ e , $\acute{e}$; поэтому находимъ i , напр. въ *käńĩř*, *mäńĩł*, *mžžim*, *väťiška*, *kämiška*, *käđinža* (*käđ*: шкура), *řäkijaza*, *äđinža*, *säřĩđ*, *řäjiliń*, *řajit* (твои зубы), *tšřĩťiriš*, *väľiva*, *väľisynyk*, *tšäřđinžĩť*, *šäľmidimada*, *řäđdižĩťĩk*, *ňäľgimĩnža*, *äřđikstan* и т. п. (въ Сухомъ Карбулакѣ, гдѣ e не измѣнилось въ $ä$, въ такихъ случаяхъ вмѣсто i (y) неначальныхъ слоговъ всюду e ($\acute{e}$): *keńeř*, *měnel*, *veľesěněk*, *eřđekstan* и т. д.).— Во многихъ говорахъ вмѣсто такихъ y , i Сухокарбулацкаго и Оркинского говора слышатся o , e , напр. въ Калейкинскомъ: *минек*, *варянтень*, *налксеме*, *симеме*, *сисемь*, *ривезнень*, *мпрьденень*, *лиснесь*, *низельгавтозь*, *ломанесь*, *аламодо*, *витеме*, *пурнакшнось*, *привтомо*, *крандазонзо*, *айгоронкь*, и т. д. (но вм. дифтонговъ: *ы*, *и*). Въ Каляевскомъ говорѣ вм. α , ϵ въ такомъ положеніи находимъ u , i : *inazurs*, *jutkuva*, *sodamut*, *tumuń*, *kudufes*, *sarazuń*, *vajakšnuš*, *kačamuš*, *kuduš*, *martunza*, *kudusa*, *masturs*, *karšuzuń*, *janđuluń vasula*; *šišim*, *iřić*, *řivĩš*, *kevin*, *měnilš*, *paruńik*, *ikile*, *previđ* (въ конечномъ открытомъ слогѣ не передъ паузой тоже u , i : *kodamu paruš*, *načku tumuń*, *řeľuńin uđalu kekšit*). Въ Новоте-

пловскомъ говорѣ: inazyr, stuftyže, pazyś, maksyže, keřasyńik, vinyńi kandyń, kudys, kardazynyk; ezińińm zoda, araśil, ulims, śelńinza, ikiliĭ, lańińit.

§ 108. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто у находимъ и и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ. Это имѣетъ именно мѣсто передъ губными неконечными и передъ ц. Сухокарб.: kaluц, saluц, rudazuц, lazuyks, ućuft, kaduviń, čačtums, ućums, jutkuva, kaftuva; орк.: kardazuц, kukuys, lazuyks, uduyksńyś, kuduц, śuruva, jutkuva, maštuvä, rudazuft, pańžumat, vanuma, kaladums, urvakstums, štaftuma, raduvaś, alaśaftuma, ućuńiź, kulums, utumt, mon kandufan, suskumsa, suskumyys, kāmgauyksuva, kaduvińik, kaduyst.

Примѣчаніе. Въ Оркинѣ очень распространено произношеніе -ума вмѣсто ожидаемого -uma: vanuma, kasymada, kandyuma, maštuma, kuluma, čavuma, ačačuma, čijaftuma, pićsuma; также -ums вм. -ums: arduys, kandyys, salaftums.

§ 109. Въ Сухомъ Карбулакѣ и вм. у гораздо распространѣе, чѣмъ въ Оркинѣ. Кромѣ указаннаго въ предыдущемъ § условія, и вызывается здѣсь: 1) положеніемъ передъ конечной губной: utum (амбаръ), kudum, skalum, sazyrum, bratum; 2) положеніемъ послѣ губной: tumuś, sodamuńt, salmuks, kavuř, čavums, lapuža, eřamuś, kortamus, tuvuks, tuvuiń, śuvurks (рубець), numul, ska-mun, alamus, kortamut, puvuřks, jamuks, kapuđiže, řapuřcě (тяп-нетъ), řupuřdan; 3) положеніемъ между двумя слогами съ и: kulcunums (при kulcynan), sudukstuma (насморкъ), čukšturuц (смородина), ukšturuц (въ кленовникъ, но ukštyr); 4) положеніемъ послѣ слога съ и и послѣ задненѣбной: śukur, mukur, mukuř, křukuś, kukuťne, kukurde, pastuħuś, sundukuńt; 5) рѣже простымъ сосѣдствомъ съ слогомъ съ и: kuruk (при kuryk), unduks-ke, masturuц (при mastyruц). — Въ Оркинѣ въ такихъ положеніяхъ находимъ вообще у; гораздо рѣже въ единичныхъ случаяхъ и: kauřist (при kavuřist), řuvuřiř (мозоль, при řuvuřks), kauńist при kavuńist, kauńik при kavuńik, amulďaś, čukšturuu, čudužuu (осоть), śal'mukš, masturuц, ařavul, dubuřkom; довольно обычно

и передъ конечнымъ f: tonaftuf, kanduf, kuluftuf, vajaftuf, putuf, vorkaftuf; рядомъ: vorkaftyf, polaftyf.

Примѣчаніе. Въ Сухомъ Карбулакѣ въ индивидуальномъ произношеніи я слышалъ: rargum, moń žaraksum. — Вопреки п. 4-му находимъ здѣсь kurguza, kučkyrduže, что объясняется отдѣленіемъ у отъ предшествующаго и группой согласныхъ. — При kulcunums извѣстно и kulcynums подѣ влияніемъ kulcynan.

§ 110. Послѣ слога съ о, е, какъ указано, редуцированныя гласныя α, ε, ассимилируясь гласной предшествующаго слога, переходятъ въ гласныя о (ё), е. Разсмотрю отдѣльно судьбу α и судьбу ε. Звукъ α, ассимилируясь предшествующимъ о, е, переходитъ вообще въ ё: oftés, tolés, pokšénť, lofcéda, loústénť, onctét, koléngémeń, kotéce, oznéda, noldézä, oznét, čoreńä, modeńä, sodeľek, loúsének; сухокарб.: vécténť, řejsénza, šelmsét, vélesénť, véřgezeńť, érkeńesénť, védeksénť; орк. и сухокарб.: kedézést, čoksnésténť, meščezešt, beřeksénť, nefcéž. Но послѣ губныхъ и задненёбныхъ вмѣсто ё находимъ въ Оркинѣ и одной части Сухого Карбулака ô (ô), между тѣмъ какъ въ другой части Сухого Карбулака слышится о; въ положеніи же передъ губными и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ находимъ о. Положеніе послѣ губныхъ и слога съ о: čoróda, kolmóška, ombóčä, povónza, kolmókšt, čoróč, орк. korór (спина), poróń, šovón, komóla, орк. koróľca (галопомъ), toróń brákińe, potmóza, kovóloц, koromós; въ говорѣ напр. Р. Θ. Учаева: čovón, šovón, końovónť, kolmoń beľeť, omboce, komora, komola, Arčilovoš, poroń, povodems и т. д. Положеніе послѣ задненёбныхъ и слога съ о: sokór, čokórdan, pokóľ, torgóžems (разбухнуть), kočkódyk (перепелъ), орк. až pongóna, pongónés, čokóza, olgóza; въ говорѣ Учаева: kotkodaц, čokordé, rokoľ, sokor, řongóneń (я попался). Въ положеніи послѣ слога съ е и послѣ задненёбной согласной въ Сухомъ Карбулакѣ и также въ Оркинѣ слышится ô (напряженное о): mešékôš, eskónza, eskón, орк. eskóda. Такое же ô слышится въ Сухомъ Карбулакѣ и, кажется, также въ Оркинѣ въ положеніи послѣ

слога съ о и послѣ задненѣбной, которой предшествуетъ другая согласная: *olgôza, olgôt, šolkôn, dolkônza, čockôn*, орк.: *kotkôdaft, oŋgôžeŋs, poŋgôna, olgôza, očkônŋt*. Звукъ ô удерживается и въ говорѣ Учаева. Въ положеніи передъ губной и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ находимъ о: *odoŋ, ošoŋ, loŋnoms, poŋgoms, kočkoms, kozoma, todoŋ, sornoftéze*; орк.: *kočomná, koŋoŋ, kožoft, obedoŋ, beŋekoŋ, šoŋnomsta, čokoŋks, kāmgoľmova, potomdézä, potomksén, oznoma, loŋnoma*; сухокарб.: *keŋšekšnoms, koftnékšnoms, nolftnékšnoms*. (Въ Оркинѣ передъ m, впрочемъ, и ô: *sornôma*, и даже è: *gorottéma, koromtéma, lofcéftéma, loŋftéma*). Кажется, и передъ l въ концѣ слова слышится о, не è: сухокарб. *pokšolma, jondol*; въ Оркинѣ, кажется, *jondol*.

§ 111. Отмѣтимъ въ индивидуальномъ произношеніи въ Сухомъ Карбулакѣ ô вмѣсто è въ слогѣ послѣ слова съ о и послѣ переднеязычной согласной: *ozônza, ozôt řešša šuryda, todovozônza*.

§ 112. Звукъ ε за слогомъ съ е, о, ё, ô переходитъ вообще въ е: сухокарб.: *šelmés, vétńeda, tefteme, vešńetana*; орк. и сухокарб. *keđen, čerenza, ežemńes, neŋgeńä, neježä, nesěnek, meŋekšněž, šežněńä; oďerńa, moľet, ojměza, soket, lopeńenza, ozněnek, povòdekšněžä, moľeda, čoreńeza, oftěńteń, sońceń, poŋńeń, ombòceš, moľenek, tombeze, pokščeđen* (дѣдъ и другіе семейные: *pok-ščaj* и *eiden*), *leťkeńe* (сырость), *řeńeńva* (младшая сноха), *vm. řeńińva*, ср. Калейк. пенурьва (Образцы, I). Оркинскому *točžera* соответствуетъ въ Сухомъ Карбулакѣ *točžora*, что очевидно указываетъ на позднѣйшій переходъ *točžura* въ *točžara*, а не *točžera* (подъ вліяніемъ *šura*); такое же о въ *lomžor* (черемуха).

§ 113. Изъ правила, по которому за слогомъ съ о, е слѣдуютъ звуки о, е, ё, ô, находимъ лишь очень немного исключеній: сухокарб. *šelmukšt* (ср. *šalmukšt* въ Оркинѣ) съ непонятнымъ и вмѣсто о; *řeščuft* подъ вліяніемъ *čufta*.

§ 114. Заимствованныя изъ русскаго слова во многихъ случаяхъ подверглись измѣненіямъ, аналогичнымъ съ тѣми, которыя испытали неначальные слоги мордовскихъ словъ. Отмѣчу рядъ

подобныхъ измѣненій. Разсмотрю отдѣльно слова съ гласными а, и, у, і въ началѣ и отдѣльно слова съ о; е въ началѣ. Слова съ гласными а, і, у, и въ начальномъ слогѣ имѣютъ въ слѣдующихъ слогахъ у, і вмѣсто различныхъ гласныхъ русскаго слова: *dĭjakyn, dĭkyĭ, mazyňka, garyz, jaryz, vystyfka, kutyr, puzyr, paryz, sundykyt* (твой сундукъ, при *sundukyt*), *starysta, radyšt, řisyř, pustyš, zalyk, mĭlyšťke, musyr*; орк.: *jagydat, supyň, glupyštiš, lukyška, kukuš, omyt, čugyn, subyta, skupyĭ, šĭvyčt, sačyr, zabyr, ugyľja, ugyľ*; — *jašřip, tyšića, trutiň, utižams* (утиожить), *bražňik, baďiĭka, pravidnyĭ, učitĭľ, řřimĭta, tabakirka, vyřvĭska, dušagućic*. — Но передъ в в. у находимъ и: *jalufka, kružuva, řřistuц* (приставъ), *řřiguur* (приговоръ), *ugur* (угорь), *pudučka, сухок. nakuvľina, орк. nakuľina* (наковальня). Въ Сухомъ Карбулакѣ и вмѣсто у является еще послѣ губныхъ и задненѣбныхъ: *kukuž, ugul, subuta, kumuħa, kukuľ, supyň, lukuška, gluruĭ, lakumka, kľaruć* (кляпышь), *garmuňat* (гармонія), *dĭjavuľ*; передъ губными: *darum, Staluřin*; рѣже послѣ слога съ и послѣ передненѣбныхъ: *brusuk, butulka, kukšun*. Послѣ в является не и, а о передъ ĭ: *šioĭ, křivoĭ*.

§ 115. Послѣ слога съ о въ заимствованныхъ словахъ является на мѣстѣ гласныхъ за твердыми согласными въ Оркинѣ вообще ъ въ положеніи не передъ ĭ и не передъ ц: *pokřřama, osřřdams, zolřřta, kolřřz, loskřřt, Okřřla, storřřška, storřřna, porřřg, gorřřd, polřřg, moklřřška, obřřz, potřřlřřk, gorřřbiĭa, oħřřta, morřřz, dobřřvama, borřřzda, prolřřp, bolřřta, pogřřda, podvřřlřřk* (подволока), *provřřlřřk* (провода). Передъ ĭ находимъ ě: *prostěĭ, volněĭ, borzěĭ, golěĭ, kosěĭ, rozověĭ*, но послѣ в—о: *puħovoĭ, jaroovoĭ*; передъ ц находимъ о: *morkoц, zdoroц, boroц, ostroц*; ě в. ожидаемаго о: *poděška, poděšněĭ* (подушное). — Въ Сухомъ Карбулакѣ, кажется, преобладаетъ о въ положеніи не передъ ĭ: *žolor, goloboĭ, okoň, omot, dovoľ* (вдоволь), *komnota, koloz, poloza* (полозь), *oromka* (воронка), *oboška* (обухъ), *proolok, posoda* (посуда), *sosolka* (со-сулька), *dobovams*; но также ě: *opostěl* (апостолъ), *rozěřams, kozěř* (козырь, козырѣкъ), *kosěřa* (косырь); передъ ĭ обыкновенно ě: *hezrodněĭ, Sporněĭ banda, gorněĭ* (конецъ свадьбы), *Solockěĭ banda*,

duhovněj, Pétrouskéj, olosněj, ozorněj, olněj, rozmoľněj bočť, oľotněj ġiska, prostěj, golěj, šoděj; но послѣ губныхъ находимъ о: руľовој, душовој, јаровој, goloboј, ѱомој. — Послѣ слога съ е находимъ ѣ, напр. belěj, ġřešněj, řesěk, ľekěr, řěrvěj (орк.), be-šněj, německěj, švetěj, ġněděj, ředěr, ředět.

§ 116. Послѣ слога съ о, е въ заимствованныхъ словахъ является на мѣстѣ гласныхъ, слѣдующихъ за мягкими согласными, е. Послѣ слога съ о: ožem, ofčena, plotněk, gošteńec, třešněk, Ofena, skotena, točela, ošena, gořněca, stolešněk, Troľem, Jogo-řeј, Dřigoreј, koleja (коль), орк. ġarmonějat (гармонія), орк. мо-krěca, орк. kořeјat, орк. gorobeјa, орк. koľešněk, орк. obežams (грабить); dolžněk, polena, polteńněk, rozboјněk, dovec, Bořez, Loģem, pońela, mošelněk, moľebena, pońenkat, podñez (передъ шлабика), robotněk, roјněca, końek, izvošček, kantořček, rošpetja (распятие), ološněk. Послѣ слога съ е: čeľněk, řeřena, Řepešča věd' (назв. урочища въ Сух. Карб.), věčeřenka, орк. šeńeјa; mēľněca, vеле-keј bost, vєrčena (вершина), šeńešněk, žeńeľeš, pleteń, ľebed, teteřa, pořeřešněk, řeřelat (перила), sočelněk, šřeteńja, deštена (десятина), řeklest, Deńez, čeřněla, čečena (щетина), čelekom.

§ 117. Отмѣчу, что рядомъ встрѣчается и произношеніе, нарушающее указанныя отношенія, и это прежде всего въ новѣйшихъ заимствованіяхъ: poltińník, třešník, robotník, izvoščik, stolešník, žeńiľis; орк. gorbyľ и сухокарб. gorbul' (горбыль), podošuva, točila. Далѣе находимъ отступленія иного рода: коľохъ вмѣсто ожидаемаго коńехъ (конюхъ); ср. oľol, kotol, kočon (качанъ), koľon. Любопытно адъ вмѣсто еј послѣ слога съ а: орк. samaј, krasnaј, dřaľlaј. Нерѣдко а вм. о, что едва ли не подъ вліяніемъ акающаго русскаго нарѣчія: polaga (пологій, при pologa); а вм. е: suľama, goľańišca. Непонятно е въ сухокарб. pońafeda, орк. kařeј (карій).

§ 118. Въ дополненіе къ сказанному относительно судьбы α, ε въ мордовскихъ говорахъ необходимо указать на стремленіе α, ε къ выпаденію, исчезновенію изъ произношенія. Слѣдуетъ, кажется, признать, что вообще они отпадали и выпадали: сохраненіе ихъ

въ серединѣ слова задерживалось стеченіемъ согласныхъ, а также, быть можетъ, и выпаденіемъ этихъ самыхъ звуковъ въ слѣдующемъ слогѣ; сохраненіе же въ конечномъ слогѣ едва ли не объяснено вліянію аналогіи: *čufta* при и *vm*. *čuft* подъ вліяніемъ *čuftyñ*; ср. *čad* при *čava*, *šokś* при *šokše* (осень). Ср. *užir* (топоръ) при *užere* другихъ говоровъ, *udim* (мозгъ) при *udime* у Видемана, *keñ* (сапогъ) при *keime* у Видемана; орк. *kodam' bydä*. Появленіе *panda*, *reñge*, *pilge*, *paŋga*, *šaŋga* и т. п. тѣмъ понятнѣе, что фонетически въ силу § 50 *pand*, *reñg*, *pilg*, *paŋg*, *šaŋg* обратились бы въ *pant*, *reñk*, *pilk*, *paŋk*, *šaŋk* и утратили бы связь съ падежами. — Приведу примѣры выпаденія *α*, *ε* въ серединѣ слова: *makstada* (при *maksums*), *šormattana* (при *šormadums*), *čaftana* (при *čavums*), *vantana* (при *vanums*), *valtana* (при *valums*), *puttana* (при *putums*), *antana* (при *andums*), *poŋks* (при *poŋgoms*), *kaśś* (при *kasums*), *čačś* (при *čačums*), *valks* (при *valgums*), *kané* (при *kandums*), *palé* (при *palums*), *vasšt* (при *vasums*), *arčt* (при *ardums*), *kaduųšt* (при *kaduvums*), *šupalgačt* (при *šupalgadums*), *oŋkt* (при *oŋgoms*), *vant* (при *vanyda*), *čauđa* и *čaft* (при *čavums*), *olkt* (при *olgoñ*), *paŋkt* (при *paŋgyñ*). — *šezeštana* (при *šezešems*), *veštada* (при *vešems*), *večkštana* (при *večkems*), *leštana* (при *lešems*), *skokaštana* (при *skokadims*), *pačkittana* (при *pačkidims*), *ulštada* (при *ulims*), *šimštana* (при *šimims*), *sajštana* (при *sajims*), *kaśś* (при *kazims*), *kilé* (при *kildims*), *pañé* (при *pañims*), *lišś* (при *lišims*), *kuśšt* (при *kuzims*), *leé* (при *lešems*), *čopoé* (при *čopodems*), *topočt* (при *topodems*), *véredeñšt* (при *véredeñems*), *tejš* (при *tejem*), *molt* (при *molems*), *meřt* (при *mešems*), *pilkšt* (при *pilgiñ*), *eřkt* (при *eřke*), *reñkt* (при *reñgeñ*).

Примѣчаніе. Въмѣсто *jarcatana*, *jarcatada* находимъ *jarc-tana*, *jarcatada* подъ вліяніемъ аналогіи образованій, какъ *antana*, *čaftana* и т. п.

§ 119. И въ заимствованныхъ словахъ замѣчается выпаденіе гласныхъ въ неначальныхъ слогахъ: *kapsta* (капуста), орк. *katfa* (картофель, изъ *kartŋa*, ср. сухокарб. *kartuŋa*), *deštana*, *uléa* (улица), *rukavśa* (рукавица), *paŋliŋka* (паголенокъ), *okoľca* (околица), *reśa* (изъ *reñśa*: пятница), *neďľa* (недѣля).

§ 120. Изъ сложныхъ словъ выпаденіе гласной переносится и въ простое слово; отсюда случаи выпущенія гласной въ начальномъ слогѣ; *ríŕa* вм. *ríŕa* (обычнаго въ пѣсняхъ), ср. *šaŭbŕa*, *ka-sumbŕa*; *pruŋit* при *pruŋit*, ср. *véleŋ brumks*.

Второй экскурсъ.

§ 121. Въ общемордовскомъ и общеэрзянскомъ праязыкахъ сохранялся старый общефинскій законъ о гармоніи гласныхъ. Согласно этому закону коренной слогъ съ гласной задняго ряда требовалъ за собой въ суффиксальныхъ слогахъ гласныя того же задняго ряда, а слогъ съ гласной передняго ряда имѣлъ за собой въ суффиксальныхъ слогахъ гласныя того же передняго ряда. Этотъ законъ не выдерживается въ первоначальной чистотѣ въ современныхъ эрзянскихъ говорахъ; причиной нарушенія его было, съ одной стороны, появленіе въ языкѣ гласныхъ средняго ряда (изъ *α*), а съ другой, появленіе смягченныхъ согласныхъ въ положеніи за гласными задняго ряда (вслѣдствіе вліянія выпавшаго за ними *ε*): ср. напр. въ Калейкинскомъ говорѣ, сохранившемъ старыя отношенія лучше говоровъ, здѣсь описываемыхъ, появленіе *kadyže*, *babiŋe*, *sazoryŋest*, *ŋesynk* (съ *у* и съ происшедшимъ изъ *у* послѣ губныхъ *і*, изъ дифтонга), а также формъ какъ авардеманзо, вечкема (любимый), лисема (восходъ), или видьга, вирьга и т. д. Но вообще законъ гармоніи гласныхъ выдержанъ въ этомъ говорѣ въ отношеніи именно къ обоимъ замѣстителямъ *α* и *ε*, т. е. о и е: о является только послѣ гласныхъ задняго ряда, замѣняясь черезъ е (вѣроятно, ё), несмягчающее предшествующей согласной, послѣ гласныхъ передняго ряда, если согласная, предшествующая этому о, не подлежитъ смягченію (таковы *s*, *st*, *z*); е (смягчающее согласную) находимъ послѣ согласныхъ, подлежащихъ смягченію (*t*, *d*, *n*, *m*), какъ за гласными передняго ряда, такъ и за смягченными согласными, хотя бы онѣ слѣдовали за гласными задняго ряда. Такъ напр. находимъ о изъ *α*: тятязо, кудозонзо, ялганзо, варштамо, човъ потсо, пазавадо,

ашкодо, пурнамо, уголсо, куломсто, алашадо, сонзо, сазорозо, илязо, пйадо (пива), озномо, ули-паросонокъ; э вмѣсто о: пей-еэнэ (зубами своими), тензэ, селымстэнэ, польдерсэ (градомъ), кедстэсть, вальгейсэ, черензэ, пезэсть, икелензэ, сестэ, седеезэ, вельксэзэсть (противъ нихъ), лемсэ, омбоцесэ, улезэ (да будетъ), чизэ (солнце), тевезэнэ, пилгсэ, чистэ; е находимъ: парьде, теде, седе, пансеме (загонять), пуредэ (меду), учнеме; чиде чисъ, недлядо недлясъ, іеде іесъ; весемедэ мазы, верьдентъ, мереме, молеме, кельмедэ, кудо-чисэнекъ, сельменекъ, кеженекъ. Но первоначальное чередованіе гласныхъ а — ѧ въ окончаніи проноси-тельного падежа нарушено: извѣстно только одно окончаніе -ga (ср. мокш. ва, га при гä: авава, kudga, loḡga при virgä, pirkä); ср. Калейк.: вирьга, кутьмерьга; то же находимъ и въ другихъ эрзянскихъ говорахъ (ге вм. гä сохранилось въ нарѣчномъ: šišimge).

§ 122. Какъ въ Сухокарбулацкомъ, такъ и въ Оркинскомъ говорѣ на мѣстѣ о — э Калейкинскаго говора находимъ въ концѣ слова а, а въ серединѣ у или, при предшествующихъ о, е — ё; такимъ образомъ законъ о гармоніи гласныхъ послѣ твердыхъ согласныхъ нарушенъ окончательно. Ср. kecta, žepsta, tikšista, valgijsa, šovońca, vírca, vírcyńt, teńfstéńt, válišyńt, vírcyńt, tenza, néreza, řeveza, užífiza, vířizyt, řejedeza, lišiza, tuřiza, pírisa. Въ силу того же, вмѣсто řiže (мѣдь, зеленый) находимъ въ Сухомъ Карбулакѣ řiža; рядомъ извѣстно и řiže, вѣроятно, съ е передняго ряда.

§ 123. Законъ о гармоніи гласныхъ послѣ мягкихъ согласныхъ въ Оркинѣ сохраняется въ большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ въ Сухомъ Карбулакѣ. Такъ при -da послѣ твердыхъ согласныхъ и заднихъ (среднихъ) гласныхъ находимъ въ Оркинѣ -ďä послѣ мягкихъ согласныхъ и переднихъ гласныхъ въ отложительномъ падежѣ: sarazda, pulyda, kalda, loḡcěda, vínada, panarda, atafta, но umaďdä, vättä, keftä, čerďä, kaďdä, guďdä, vířďä, čajďä (čaj: чай), robotníkďä; также kudydyńt, toužerėdėńt, sarazdyńt, kardyyńt, pälimadyńt, sońdedėnzy mäjľä, но řisyřďińt, vířďińt, pírĩdĩńt, roźdėńt, vättĩńt, pilgĩdĩńt, umařďĩnza, syvĩľďĩnza, pilktĩst (объ ихъ ногахъ). Въ Сухомъ Карбулакѣ имѣемъ umařda, řetta, čerďa, kařda, pařdy

baška, vírda, robotníkta, načalníkta, ombočeda, véšemeda, vírdyút, píridyút, rozděút, větēút, pílgidyút. Исключенія очень рѣдки: kelní větā šimīnā, or rozbojnekā; но даже у Р. Θ. Учаева: keždēnza при keždēnza, mēldēnza при mēldēnza; чаще nēmeždā при nēmežda, а также въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: bojaryút vėlde, tynk pėlde, varčtas vērde, vērde pížimks pížiza, šedī parčte, kačkštede (вдвое), vepėlde (однажды), ikilde (спереди). Но Оркинскій говоръ согласно съ Сухокарбулацкимъ устранилъ окончаніе -dā во 2 л. мн. повел. наклоненія, ср. въ Калейк. говорѣ: моледе, лиседе, саеде при ванодо, зрядо, пекстадо. Въ Оркинѣ находимъ: kuryvāštida, tārđida, kužida, lišida, mēreda, lededa, въ Сухомъ Карбулакѣ: moleda, šimđida, kēpededa, lemđeda, šinťrida. Также притяж. окончаніе 1-го лица множ. въ Оркинѣ и Сухомъ Карбулакѣ звучитъ только нук (nēk); оно вытѣснило нѣк (nīk) послѣ переднихъ гласныхъ; орк.: pířinyk, suřinyk, pílginyk, vířinyk, vālīnyk, šālmīnyk, kēdenēk (наши шкуры), сухокарб.: pēkenēk, ođmenēk, šelmenēk, vēdenēk, kńažinyk, užirinyk, suřinyk. Указанныя нарушенія закона о гармоніи гласныхъ вызваны несомнѣнно вліяніемъ аналогіи: moleda подъ вліяніемъ suvada, vanyda; umārda подъ вліяніемъ ranarda, sarazda и т. п. — Напротивъ, въ совмѣстительномъ падежѣ находимъ распространеніе окончанія nīk (nēk) и послѣ основъ на твердую согласную и заднія гласныя: итакъ, не только vėlēnēk, pířinīk, но и kudyńīk, modanīk, орк. polōgūnēk, kiskānīk, skotenānīk (въ krandaznyk, skalnyk, sadnyk и т. п. у явилось слѣдствіемъ отвердѣнія п послѣ твердой согласной основы). Въ Калейк. говорѣ -нѣк находимъ также при всякихъ основахъ: утомонекъ отъ утомо (амбаръ).

§ 124. Во многихъ случаяхъ и Оркинскій и Сухокарбулацкій говоры соблюдаютъ до сихъ поръ гармонію гласныхъ. Напр. въ окончаніи 2 л. мн. прош. вр. находимъ -dē: stydē, pańidē, mēredē, šimīdē, ulńidē, ср. -da въ окончаніи 2 л. мн. наст. вр.: jakatada, loqnētada; въ окончаніи 1 л. мн. прош. вр. находимъ -nīk (nēk): syńīk, gamīnīk, sokeńēk, ср. -nak (которое вмѣсто нук, подъ вліяніемъ -па) въ 1 л. мн. наст. вр.: jakatanak, ozatanak, vantanak. Болѣе

интересно чередованіе гласныхъ въ окончаніи изъятельнаго падежа, вызванное старымъ закономъ о гармоніи: рядомъ съ -ftuma, -ftuma (-ftoma) послѣ твердыхъ согласныхъ и заднихъ гласныхъ, находимъ -f'time (-f'teime) послѣ мягкихъ согласныхъ и переднихъ гласныхъ; сухокарб.: *práftuma, alašaftuma, kuduftuma, joroktoma, oštoma*, но *véleſtème, vétetème, píliſtíme, mĩrdĩftíme, píziĩmĩftíme, píjstème*, орк. *skalftyma, lofcéftéma, sudyftyma, gorottéma, raparftyma*, но *vírf'tíme, tájftíme, váliſtíme, kaſtíme, kemtème*. Въ окончаніи супина находимъ -ma послѣ гласныхъ заднихъ, -íme послѣ переднихъ: сухокарб.: *eřama, vanuma, loɯnoma, kuluma, gamama*, но *kĩrdĩme, čijĩme, šimĩme, líšime, kužime, večkeime, kepeđeime, píjeđeime*; орк.: *avarkšnĩmā, vāšnĩmā, morcēmā, ař'χ-nĩmā, šukynāf'nĩme*.

§ 125. Особого разсмотрѣнія заслуживаютъ отглагольные существительныя. Въ сухокарб. и оркинскомъ говорахъ глагольныя основы на а имѣютъ для нихъ окончанія -ma (изъ -ma), -muń (muń, изъ mań), mada (myda, изъ mađa) и т. д.; между тѣмъ какъ глагольныя основы на и, i, e, o имѣютъ окончаніе -ma (съ первонач. а), mań, mada. Ср., съ одной стороны, сухокарб.: *sodamuš, činža-ramut, jakšamuš, jarcamuńt, čuramum, šukuńamuda, mařamuda, kortamut, lapaksamut* (враки), *ořmamut, keřamunža, meľaftumada*; съ другой: *andumat, ućumada, uřvakstumada, kulumadynga, maks-umada, čavumast, kandumast, kozomada, řezemada* (отъ чахотки), *šimĩmam, targyžimada, avard'imada, aščimat, pandalimada* (отъ испуга), *šefněmam, ekšeleimada, meřemat, píjeđemaza*. Здѣсь видимъ какъ будто диссимиляцію; за слогомъ съ а слѣдуетъ узкое α, а за слогомъ съ узкими гласными широкое а. Ср. то же въ Калейк.: *ярсамоть, но симеметь; зрямоть, но аштимамъ* (стр. 108 и 110 Обр. нар. сл. II, гдѣ опечатка аштомамъ?), *содамоть* (120). Калейкинскому чіемеде лоткинъ (с. 90) соотвѣтствовало бы въ Сухомъ Карбулакѣ *lotkeń žijimada* (я пересталъ бѣжать); но здѣсь различіе синтактическое: въ Калейкинѣ употреблена глагольная склоняемая форма, а въ Сухомъ Карбулакѣ—отглагольное существительное.

Краткій очеркъ морфологiи.

А. Склоненiе существительныхъ и мѣстоименiй.

§ 126. Въ эрзянскомъ нарѣчiи различаются два склоненiя: неопредѣленное и опредѣленное; окончанiя второго изъ этихъ склоненiй принимаютъ слова, получившiя въ рѣчи значенiе опредѣленныхъ, уже извѣстныхъ слушателю лицъ или предметовъ. Остановлюсь сначала на неопредѣленномъ склоненiи.

§ 127. *Признакъ множественнаго числа.* Именительная форма множественнаго числа отличается отъ соотвѣтствующей формы едественнаго числа неопредѣленного склоненiя особымъ признакомъ, а именно согласною *t* (съ фонетическимъ ея измѣненiемъ въ *tʹ*), приставляемою къ основѣ: *ava* (женщина, мать) — *avat*, *véle* (село) — *vélet*. Для образованiя падежей множ. числа къ окончанiю *t* можетъ присоединяться еще другое окончанiе *ne* (*nè*, *ni*, *ny*), которое само по себѣ вноситъ значенiе опредѣленности: *ava-n* (матери, род.) — *avat-ni-n* (матерей), *véle-n* (селà) — *vélet-ne-n* (сель).

§ 128. *Падежныя окончанiя неопредѣленного склоненiя.* Окончанiя падежей множественнаго и единственнаго тождественны. Значенiе падежей можетъ быть выяснено только въ отдѣлѣ синтаксиса. Приблизительное представление о значенiи падежей дается ихъ названiями. Перечислю здѣсь падежныя окончанiя.

n для родительнаго падежа (genitivus): *avana*, *víriń* (*vír*: лѣсъ), орк. *váliń* (*vála*: село), *sarazun* (*saraz*: курица). — Множ.: *tńi-n*: *avatńiń*, *valtnun* (*val*: слово).

niń (*neń*, *nén*, *nyń* изъ *neń*) для дательнаго падежа (dativus): *avanańiń*, *vírińiń*, *veleńeń*, *ataksnun* (*ataks*: пѣтухъ). — Множ.: *tńi-ńiń*: *avatńińiń*, орк. *táχtírʹtńińiń* (*táχtír*: дочь), *kaltnyńiń* (*kal*: рыба).

Примѣчаніе. Кажется нѣтъ явилось вмѣсто нѣтъ, при чемъ къ формѣ род. на ѣ присоединено окончаніе дат. *tī* (ср. мокш. *avañdī*).

da (дѣ, изъ *dα*, дѣ) для отложительнаго (ablativus): *avada*, *sy-
vīlda* (*syvīl*: мясо), *kařda* (*kař*: лапоть); въ Оркинѣ является *dā*,
мало извѣстное вообще въ Сухомъ Карбулакѣ, послѣ переднихъ
гласныхъ и мягкихъ согласныхъ: *šivīdā* (*šive*: воротъ), *vīrdā*,
kařdā. — Множ.: *tñi-da*: *kiskatñida* (*kiska*: собака), орк. *vīrñidā*,
bratnydā (*brat*: братъ), *řepsnēdā* (*řeps*: рѣпа).

Примѣчаніе. Ср. *da* въ нарѣчныхъ образованіяхъ: *alda*
(исподъ), *udalda* (сзади), *vasylda* (издали); *dā* (дѣ): *véřde*
(сверху), *ikilde* (спереди), *řelde* (со стороны), *velde* (черезъ,
за), *kaukštede* (вдвое).

sa (изъ *sα*) для вѣстительнаго (inessivus): *avasa*, *pakšasa*
(*pakša*: поле), *utumsa* (*utum*: амбаръ), *tarvařsa* (*tarvaz*: серпъ),
орк. *řālca* (*řāl*: облако).

Примѣчаніе. Ср. *sa* въ нарѣчныхъ образованіяхъ: *řesa*
(въ концѣ), *kisa* (изъ за), *vakssa* (близъ), *vīdřsa* (благодаря),
malasa (вблизи), *jutksa* (между), *eřsa* (изъ *eřsa*: посредствомъ),
роса (изъ *potca*: подъ), *kunčksa* (посреди), *řřasa* (на), *ekřsa*
(у, за), *velkssa* (надъ), *lařksa* (у, около), *keca* (изъ *kedřsa*: у).
sta (изъ *sα*) для выносительнаго (elativus): *alařasta* (*alařa*:
лошадь), *řilřista* (*řilře*: ухо), *jarmaksta* (*jarmak*: деньги).

Примѣчаніе. Ср. *sta* въ нарѣчныхъ образованіяхъ: *jutksta*
(во время, въ серединѣ), *lařksta* (съ, сверху), *kunčkasta*
(изъ середины), *kesta* (отъ), *eřsta* (отъ, изъ), *řřasta* (сверху).
s (изъ *z*) для вносительнаго (illativus): *modas* (*moda*: земля),
utums, *vīrñis* (*vīrñe*: лѣсокъ).

Примѣчаніе. Ср. *s* въ нарѣчныхъ образованіяхъ: *troks*
(черезъ), *kis* (для), *vakss* (объ, къ), *čirřis* (на край), *vīdřs*
(прямо въ), *kunčkas* (на середку), *kec* (въ), *vīc* (до), *řřas*
(на, поверхъ), *potmakss* (на дно), *řes* (къ, надо что-нибудь),
рос (въ, подъ), *lařks* (на), *velkss* (надо что-нибудь), *ekřs* (за
кого-нибудь).

va, послѣ согласныхъ *ga*, для проносительнаго (prolatus): *valmava* (*valma*: окно), *veleva*, *karduva* (*karda*: хлѣвъ), *virga*, *ežemga* (*ežem*: лавка).

Примѣчаніе. Ср. *va*, *ga* въ нарѣчныхъ образованіяхъ: *peva* (по), *kunčkava* (посреди), *alga* (подъ), *udalga* (позади), *vidga* (до), *verga* (выше, повыше), *inelga* (за), *relga* (по), *velkska* (черезъ), *vakska* (по близости), *jutkuva* (между), *langa* (по).

ks для переносительнаго (translatus): *avaks*, *kudyks* (на домъ), *eldeks* (*elde*: кобыла), *virks*, *vergezeks* (волкомъ, отъ *vergez*).

Примѣчаніе. Ср. *ks* въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: *meks* (почему), *šeks* (оттого).

v (ц, ѣ послѣ гласныхъ, оц, иц, ец, іц послѣ согласныхъ) для приносительнаго (latus): *pakšac* (въ поле), *veleč*, *virič*, *kuduč*, *ošoc* (*oš*: городъ), *mastyuč* (*mastyr*: земля).

Примѣчаніе. Ср. *v* въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: *aluč* (подъ), *reč* (на конецъ), *udaluč* (назадъ), *turtuč* (къ), *malač* (близъ), *releč* (на сторону), *prač* (по), *kovoloč* (на какую сторону), *vasuč* (далеко), *turtuč* (къ).

ftuma (*ftoma*, *ftime*, *fteime*, послѣ согласныхъ обыкновенно *tuma*, *time*, *toma*, *teime*, изъ *ftama*, *fteime*) для изыательнаго (caritativus): *alašaftuma*, *praftuma* (*pra*: голова), *saltuma* (*sal*: соль), *rižimiftime* (*rižime*: дождь), *joroktoma* (*jorok*: толкъ).

ška для сравнительнаго (comparativus): *pakšaška*, *kudyška*, *saldyrksyška* (*saldyrks*: солонка), *kulakška* (*kulak*: кулакъ), *lomaňška* (*lomaň*: человекъ).

nik (*nek*, *nyk*, *nek*, изъ *nek*) для совмѣстительнаго (comitativus): *kednek pilginič* (*ked*: рука, *pilge*: нога), *kudynik* (со всѣмъ домомъ), *aškučnik* (*aška*: хомутъ).

Укажу здѣсь на нѣсколько окончаній, имѣющихъ также падежное значеніе, но сохранившихся только въ нарѣчныхъ образованіяхъ: *a* (послѣ твердыхъ согласныхъ), *e* (послѣ мягкихъ) для обозначенія мѣста: *udala* (сзади), *rele* (на, въ сторонѣ, напр. *obedbele*: на югъ), *ikile* (передъ); — *t* для обозначенія продолжи-

тельности во времени: *kuvat* (долго), *vet* (ночью), *čit* (днемъ), *vandyi čit* (завтра днёмъ); — *t* (а послѣ мягкихъ согласныхъ *t*) означаетъ движение съ мѣста: *veři mastyrt* (высоко надъ землею), *mei geñeft* (наотмашь, *keñer:* локоть); — *ña* означаетъ время: *teľña* (зимой), *šoksña* (осенью), *vašña* (сначала); — *ne* (послѣ твердыхъ согласныхъ) означаетъ время: *veškañe* (однажды), *psiškañe* (въ жаркое время), орк. *obetškañä* (въ обѣдъ), *čokšñä* (вечеромъ), *kažnyđ čine* (каждый день), *teľi kunčkañe* (среди зимы), *kažnyđ buğañe* (въ каждую бурю), *mazyđ bogañe* (въ хорошее время), *eľva veñe* (каждую ночь), *su godnë* (на будущій годъ).

§ 129. О звуковой сторонѣ надежныхъ окончаній. Окончаніе множ. числа *t* переходитъ въ *ť*, во-первыхъ, послѣ переднихъ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ: *alašat*, *veřgest*, *alt* (al: яйцо), но *pilít*, *veľet*, *vet* (*ve:* ночь), *stoľt* (*stol:* столъ), *vířt*, орк. *guřt* (*guj:* змѣя); во-вторыхъ, передъ мягкимъ *ň* въ окончаніи множ. числа *ne* (*ni*): *avatñiň*, *alašatñiňiň*, ср. *avat*, *alašat*.

Примѣчаніе. Въ *valnyť* (*valnë:* словечко), *godněť* (*godnë:* годокъ) и т. п. *ť* явилось еще до отвердѣнія *ni*, *ne* въ *ny*, *në*.

Окончанія *niň* (*nen*) дат. ед., *tniň* (*tneň*) род. мн., *tniňiň* (*tneňeň*) дат. мн., *tnida* (*tneda*) отлож. мн., *nik* (*nek*) совмѣст. переходятъ въ *nyň* (*nëň*), *tnyň* (*tnëň*), *tnyňiň* (*tnëňeň*), *tnyda* (*tnëda*) послѣ твердыхъ переднеязычныхъ согласныхъ (ср. § 69): *kujarnyň* дат. ед. (*kujar:* огурецъ), *afakšnyň* дат. ед. (*afakš:* пѣтухъ), *valtnyň* род. мн., *sazyrtnyň* род. мн. (*sazyr:* сестры), *ľećksněeň* дат. мн. (*ľećks:* дитя), *šukurtnyda* (*šukur:* лепешка), *brusnyk* совмѣст. (*brus:* брусъ), *krandaznyk* (*krandaz:* телѣга).

Чередованіе гласныхъ *i* и *e* въ окончаніяхъ *niň* — *neň*, *tniň* — *tneň*, *tniňiň* — *tneňeň*, *tnida* — *tneda*, *nik* — *nek*, *ftime* — *fteime* зависитъ отъ гласной предшествующаго слога; если онъ содержитъ *e* или *o*, то является звукъ *e*, а если другую гласную, то звукъ *i* (§§ 107 и 110): съ одной стороны — *řevetneň* (*řeve:* овца), *gošneň* (*gošt:* гость), *očkneňeň* (*očka:* корыто), *stoľfeme*, *veľefeme*, *čejertneňeň* (*čejer:* мышь), съ другой — *avatniň*, *kudnyň*, *pilgiftime*, *řiviziň*, орк. *vāliňiň*.

Чередованіе гласныхъ и и о въ окончаніи ftoma — ftoma зависитъ отъ того же; послѣ слога съ о является ftoma, а послѣ слога съ иною гласною и: oštoma, kolostoma (koloz: колось), no avaftuma, kuduftuma.

О чередованіи окончаній da — dā (dē) сказано выше; оно обычно въ Оркинѣ и почти исчезло въ Сухомъ Карбулакѣ; примѣры dē для Сухого Карбулака указаны въ § 123.

Звонкія согласныя окончаній da и ga переходятъ въ глухія (ta, ka) въ положеніи послѣ глухой согласной въ окончаніи основы (ср. § 68): mēšekta, řevēřeksta, počta (вм. počtta), suksta, brusta, řícífta (отъ ожога), čudífta (о текучемъ), pancta (вм. panctta; panct: узда); — čudíftka (по текучему), řevēřekka, kijakska, keŋkška, řevēřekkska (řevēřeks: мѣтка; по мѣткѣ).

Согласная s въ окончаніяхъ s, sa, sta переходитъ въ с послѣ r, l, n (ср. § 76): čotmarca (čotmar: палка съ круглымъ наконечникомъ), bazarsa (bazar: базаръ), řířsa, salca (sal: соль), орк. řālca, onca (во снѣ), podvalcta (podval: подвалъ), ukštyrcta (ukštyr: клѣнь), tolс (въ огнѣ), řídvanc (въ рыдванѣ), mastyrс, ařamarc, řevēřganc, skalс.

Въ Оркинѣ такой же переходъ s въ с наблюдается послѣ окончаній основы s, ř (§ 78): sarasc (въ курицу), řávřisc (въ волка), řívřisc (въ лису), lokřsa (кнутомъ). — Въ Сухомъ Карбулакѣ слышится долгое s или ss: salmukssa, řevsa (řev: вѣсы) řířaukssa (řířauks: ограда), řevřkssa (řevřks: стебель), rudassta, krandassta.

Согласная ř въ окончаніи řka переходитъ въ ř послѣ r, l, n (§ 76): alčka, skalčka, barabančka. Впрочемъ, въ Оркинѣ и lomanřka.

Въ окончаніяхъ řníń, řníńń, řnída согласная ř выпадаетъ послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ r, l, ř (§ 46): malauksnyń (malauks: ближній), rasnyń (raz: разъ), vatrakřnyń (vatrakř: лягушка), řevksněń, kandyłasnyńń (kandylast: гробъ), rotněń, nurtnyńń (nurt: сани), taratnyń (tarad: сучокъ, вѣтка), robořníkńda, pastuřńńń, pořńń, keŋkřńń, čufńń, kńařńń, eřkńń, řířkńń, jarmakńń, očkńń (očka: корыто), řívřńń. — Въ

Оркинѣ *t* можетъ выпадать и послѣ *g*, *l*, *χ* (изъ *l*), которыя при этомъ не измѣняются: *skalnyń*, *páχńńń* (*päχ*: зубъ), *čäjińńńńń*, *užińńńńń*, *sazygnyde*, *kałnyde*, *stołńede*, *leχńede*, *äχńide*, *virńide*.

Въ окончаніи *ftuma* — *ftoma* согласная *f* выпадаетъ послѣ всѣхъ согласныхъ (§ 48): орк. *vakantyma*, *keńteńä*, *jarmaktyma*, сухокарб.: *saltuma*, *salmukstuma* (*salmuks*: игла), *jurtuma* (*jur*: корень, домъ), *panartuma*. Но въ Оркинѣ *f* удерживается послѣ *g*, *l*, *ц*, *і*: *virřftimä*, *bojarftyma*, *päjřftimä*, *päjftimä*, *panarftyma*, *końouřftoma*. Въ Сухомъ Карбулакѣ при *rajtuma* является и *rajstuma*, при *pejteme* — *pejřteme* (§ 39).

§ 130. *Замѣчанія о склоненіи нѣкоторыхъ падежныхъ формъ.* Нѣкоторыя падежныя формы могутъ подлежать измѣненію по числамъ и даже падежамъ, получивъ значеніе какъ бы именъ прилагательныхъ: такъ *kuduftuma* (безъ дома) можетъ имѣть значеніе и бездомный; отсюда возможность образовать падежи: *kuduftumuń* (бездомнаго), *kuduftumut* (бездомные); ср. *karist puluftumut* (ихъ лапти безхвостые), *jurtumuks* (бездомнымъ), *syń aščit čapkaftumut* (они сидятъ безъ шапокъ; возможно и *čapkaftuma*). — Равнымъ образомъ отъ *kabaksa*, *ketkskësa*, *kësa*, *ponasa* и т. д. возможно образовать формы множ. числа: *kabaksyt* (а *pastuχńi kabaksyt*, т.-е. въ кабакахъ или въ кабакѣ), *ketkskesët* (въ браслеткахъ), *këcët* (*jarmakńi porońt këcët*: въ рукахъ; впрочемъ, *kësa* получило значеніе предлога *y*), *keńnesët* (въ камушкахъ), *keńnesët* (въ сапожкахъ), *čubińisyt* (въ шубкахъ), *kudųńisyt* (въ домочкахъ). — *Kudystyń korom* (кормъ изъ дому привезенный или принесенный). — Образованія на *-ks* обозначаютъ матеріаль, изъ котораго что-нибудь сдѣлано или дѣлается: *kudyks* не только переносительный падежъ отъ *kuda*, но и самостоятельное слово (матеріаль для постройки дома) и образуетъ формы: *kudykst* и т. п.; ср. *te utumuńńtń vačksařt piksykst* (въ этотъ амбаръ сложили матеріаль для изготовленія веревокъ; *piks*: веревка).

§ 131. *Объ окончаніяхъ опредѣленного склоненія.* По происхожденію своему окончанія опредѣленного склоненія представляются указательными мѣстоименіями: *-š*, ср. *še* (тотъ), *-t*, ср. *te*

(этотъ), -*ñe*, ср. *ñe* (эти). Повидимому, первоначально эти окончанія приставлялись только къ формамъ имен. ед. и имен. мн., а также къ формѣ родит. падежа, падежа прямого дополненія: *ava-ś*, *avat-ñe*, *avañ-t*; въ послѣдствіи *avañt* (р. опр.) при *avañ* (р. неопр.) вызвало при *avañ-in* (д. неопр.) — *avañt-in* (д. опр.); а затѣмъ окончаніе -*ñt* (р. опр.) приставлялось къ окончаніямъ другихъ падежей ед. числа, кромѣ, однако, вносительнаго и переносительнаго, не вошедшихъ въ систему опредѣленнаго склоненія. Перечислю окончанія опредѣленнаго склоненія и звуковыя ихъ измѣненія:

ś для имен. ед.: *avaś*, *kudyś*, *veśeś*, *vazyś* (*vaz*: теленокъ), *tolneś* (*tolne*: огонѣкъ). — Въмѣсто -*ś* находимъ -*ć* послѣ согласныхъ *g*, *l*, *n* основы: *kijalć* (*kijal*: золовка), *śagaħmanć* (*śagaħman*: градъ), *raparć* (*rapar*: рубашка), *mastygć*, *numulć*.

-*ñt'* для родит. ед.: *lapanť* (*lapa*: крыло), *pakśañt* (*pakśa*: ребенокъ), *skalyñt*, *oftěñt* (*ofta*: медвѣдь), *eļdeñt* (*eļde*: кобыла), *užirĩñt*, *kižyñt* (*kiza*: лѣто). Замѣчу, что во многихъ другихъ говорахъ соотвѣтствующимъ окончаніемъ является -*šť*.

-*ñtiñ* (*ñteñ*) для дательнаго ед.: *atañtiñ* (*ata*: старикъ), *tarkañtiñ* (*tarka*: мѣсто), *iñižĩñtiñ*, *oftěñteñ*, *veŗegežěñteñ*, *veļeñteñ*. Какъ видно изъ примѣровъ, -*ñteñ* вмѣсто -*ñtiñ* является послѣ слога съ *e*, *o*. Въмѣсто *ñtiñ* (*ñteñ*) извѣстно произношеніе *ñtiĭ* (*ñtei*) и *ñti* (*ñte*): послѣднее особенно распространено въ Оркинѣ: *viñĩnti*, *vāliñti*, *goroděñtā*, *reñeñte*.

dyñt' (*děnt*) для отложительнаго ед.: *pradyñt*, *kudydyñt*, *veděñt* (*ve*: ночь), *sazyrdyñt*, *veleděñt*. Въ Оркинѣ, гораздо рѣже въ Сухомъ Карбулакѣ, послѣ гласныхъ переднихъ и согласныхъ мягкихъ является -*dĩnt* (*děnt*): *rožděnt*, *pižimidiñt*, *vālidĩnt*, *oĭmeděnt*, *lomañdĩnt*. Чередованіе *dyñt* (*dĩnt*) и *děnt* (*děnt*) зависитъ отъ предшествующей согласной: формы съ *ě*, *e* являются послѣ слога съ *o*, *e*. Въмѣсто *dyñt* и т. д. является *tyñt* и т. д. послѣ глухихъ согласныхъ основы: *kijakstyñt*, *mešěkteñt*, орк. *načal-niĭktĩnt*.

syñt' (*sěnt*) для вмѣстительнаго ед.: *goñećasyñt* (*goñeća*: горница), *piłksyñt*, *morěsěnt* (*mora*: пѣсня), *oĭsěnt* (*oĭ*: масло), *utum-*

syńt. Окончаніе sěńt замѣняетъ syńt послѣ слога съ о, е. Въмѣсто syńt (sěńt) является суńt (cěńt) въ Сухомъ Карбулакѣ послѣ г, l, n, а въ Оркинѣ и послѣ s, š основы: užır̄syńt, umaı̄syńt, lomaı̄syńt, орк. řajıl̄cyńt (řajıl̄: ножъ), орк. kijak̄syńt, řik̄syńt, kaŋk̄syńt.

styńt' (stěńt) для выносительнаго ед.: turvastyńt (turva: губа), kilijstyńt (kilij: береза), sazyrtstyńt, teı̄teı̄nestěńt (teı̄teı̄ne: дочка), sudastyńt (suda: носъ). Окончаніе stěńt замѣняетъ styńt послѣ слога съ о, е. Въмѣсто styńt (stěńt) является, но далеко не постоянно, ctyńt (ctěńt) послѣ г, l, n: vır̄ctyńt, numulctyńt, sovońctěńt.

van̄t' (gańt) для проносительнаго ед.: valmavańt, pak̄saı̄vańt, tropeı̄evańt (tropeı̄e: тропинка), meš̄cevańt (meš̄ce: грудь), kardazgańt, kalgańt, vır̄gańt, sadgańt. Послѣ глухой согласной основы вмѣсто gańt находимъ kańt: kijak̄skańt, keŋk̄škańt.

ksyńt' (ksěńt) для переносительнаго ед.; примѣры недостовѣрны; сухокарб. veđeksěńt.

ftumunt' (ftomońt) и ftiimińt' (fteı̄meńt) для изъятельнаго ед.: kiskaftumun̄t, kuduftumun̄t, řisyřftiimińt, tik̄šifftiimińt, ođfteı̄meńt. Въ Оркинѣ вмѣсто ftumun̄t находимъ ftymyńt: sodamyftymyńt, matkaftymyńt. Окончанія ftomońt, fteı̄meńt имѣютъ мѣсто послѣ слога съ о, е. Окончанія ftiimińt (fteı̄meńt) употребляются послѣ переднихъ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ. Послѣ согласныхъ употребляются окончанія tumun̄t и т. д., но въ Оркинѣ послѣ г, l также ftymyńt: sazyrtumun̄t, saltumun̄t, орк. sazyřftymyńt.

škańt' для сравнительнаго ед.: Vaı̄naškańt (съ этого Ивана).

-t̄ne (tně) для именительнаго мн.: soı̄at̄ne, loı̄at̄ne (loı̄a: листь), tulyt̄ne (tula: гвоздь), numult̄ne, skalt̄ne, morět̄ne. Окончаніе tně находимъ послѣ твердой передненёбной согласной основы. Звукъ t̄ (t) въ окончаніяхъ t̄ne (tně) между согласными выпадаетъ: pastuı̄t̄ne, řeŋk̄t̄ne, teı̄t̄ne, goš̄t̄ne, vas̄t̄ne, veı̄ges̄t̄ne, tuı̄auks̄t̄ne (tuı̄auks: поросенокъ), brat̄ne, rus̄t̄ne (русские). Въ Сухомъ Карбулакѣ t̄ удерживается послѣ г, l: sazyrt̄ne, skalt̄ne, ort̄ne, въ Оркинѣ оно выпадаетъ, но г, l удерживаются глухими: skaı̄ne, sazyı̄ne, umaı̄ne, рядомъ и skaı̄ne; въ Оркинѣ при аı̄t̄nā (дѣти) также аı̄nā.

Определенное склонение не имѣть особыхъ формъ для другихъ падежей множ. числа; формы на -tñín, -tñínín, -tñída въ род., дат., отлож. множ. числа относятся, какъ мы видѣли, къ склоненію неопределенному, хотя онѣ и образованы отъ основы на -tñe, являющейся въ имен. падежѣ множ. числа склоненія определеннаго. — Въмѣсто падежей ед. числа вносительнаго и приносительнаго въ определенномъ склоненіи употребляется дательный.

§ 132. *О формѣ звательнаго падежа.* Имена, обозначающія лица, могутъ образовывать особую звательную форму на -aĭ и -kaĭ. Такъ находимъ: dugaĭ (duga: сестра), pataĭ (pata: старшая сестра), tataĭ (tata: отецъ), jalgaĭ (jalga: другъ), suvaĥaĭ (suvaĥa: сваха), rodñaĭ (rodña: родственникъ), pokščaĭ (pokšča: дѣдъ), ratušaĭ (ratuša: старшая сестрица), Kuĭaĭ (Kuĭa: Акулина), uraĭ (urē: братнина жена), afkaĭ (afka: матушка), avaĭ, babaĭ, patkaĭ, tatkaĭ, eĭkaĭ (eĭde: дитя), avakaĭ, odavakaĭ (odava: мачеха), tatakaĭ, dočakaĭ, tĭřakaĭ (кормилецъ), eĭđakaĭ, pokščakaĭ, řařakaĭ (řařa: старшій братъ), kořmakaĭ (кормилецъ), jalgakaĭ, oĭakaĭ (oĭa: душа).

§ 133. *О звуковой формѣ основы существительныхъ.* Основы именъ существительныхъ различаются по своему окончанію: 1) основы на а (не измѣняющееся и въ косвенныхъ падежахъ): ава, аѣа, мода (земля), коѣа (лобъ), řĕа, кšпа (ремень); 2) односложныя основы на е (орк. е и ѣ) и на і: ѳе, řе, орк. řă (конецъ), ĭi, ki (дорога), kšĭ (хлѣбъ), kšĭi (железо), řšĭ (жаръ); 3) основы на согласную, на ĭ, ĭ, ĭ, и на гласныя α, ε. Эти послѣднія основы въ свою очередь дѣлятся: а) на основы, оканчивающіяся въ имен. падежѣ на неслоговые звуки — твердые или мягкіе: аѣакš (пѣтухъ), оš (городъ), kock (полотно), řĕrost (кресть), saraz (курица), loĭ (снѣгъ), kšпац (горохъ) — laĭć (зыбка), tĭřušník (копейка), řĭř (лѣсъ), su řil' (мясо), řed' (вода), орк. řeĭ (рѣка); б) на основы, оканчивающіяся въ имен. падежѣ на -а послѣ твердой согласной и на -е (-ă) послѣ мягкой, причемъ эти а, е восходятъ къ звукамъ редуцированнымъ, α, ε: kuva, tuva (свинья), ĭufta (дерево), olga (солома), řura (хлѣбъ) — eĭde, oĭme, aĭne (золовка), řĭře (гумно); eĭde, řĭvĭřne

(листочка), atakške (пѣтушокъ); вм. -не послѣ твердой передне-небной согласной основы находимъ -нѣ: tolnѣ, saraznѣ (курочка), barannѣ (барашекъ).

Основы на гласныя полного образованія во всемъ склоненіи не измѣняютъ гласной основы: moda, modan, modas, modada, modastynt, modatne; kin, kit; pe, peen, peda, орк. pã, pãin, pãdã. Къ основамъ на i относится нѣсколько многосложныхъ словъ, а именно сложенные съ či: bednojži (бѣдность), skupojži (скупость), agašči (бѣдность). — Что касается основъ на гласныя неполнаго образованія и на неслоговые звуки, то нѣкогда тѣ и другія основы различались рѣзче, чѣмъ въ позднѣйшую эпоху жизни языка, когда гласныя неполнаго образованія исчезали изъ произношенія при стеченіи благопріятныхъ условій; особенно благопріятствовало исчезновенію гласной неполнаго образованія положеніе въ концѣ слова; поэтому рядъ словъ, оканчивающихся на согласную въ имен. ед., можетъ быть отнесенъ по происхожденію къ основамъ на гласную неполнаго образованія. Иногда находимъ параллельныя образованія и въ современномъ языкѣ: pumyl орк. (заяцъ), при pumyla (въ Сухомъ Карбулакѣ только pumul). Во многихъ косвенныхъ падежахъ видимъ выпаденіе гласной, являющейся въ имен. пад. въ видѣ a или e: tuntiin-при tunda, olkne при olga, pakt при panga. Основы на неслоговые звуки и на гласныя неполнаго образованія имѣютъ то общее между собою, что представляютъ одинаковыя гласныя передъ падежными окончаніями: въ основахъ на согласную эти гласныя, восходящія къ гласнымъ неполнаго образованія a и e, представляются вставными гласными, явившимися для устраненія тѣхъ или иныхъ неудобо-произносимыхъ группъ согласныхъ; въ основахъ на гласныя неполнаго образованія эти гласныя оказываются старыми гласными, сохранившимися благодаря частью неудобо-произносимымъ группамъ согласныхъ, а частью благодаря разнымъ другимъ условіямъ. Разсмотримъ ближе эти «бѣглыя» въ однѣхъ, устойчивыя въ другихъ основахъ гласныя. — Названныя основы имѣютъ всегда подобную гласную, во-первыхъ, передъ оконча-

ніемъ ѣ въ род. ед., ѣтъ въ род. опред., ѣтіи въ дат. опред.: jarmak — jarmakyń, jarmakyńt, jarmakyńtiń; mešek — mešekėń, mešekėńt, mešekėńteń; sazyr — sazyryń, sazyryńt, al — alyń, sur (палець) — suryń, mact — mactyńtiń, ksnaŋ — ksnavuń, šupaŋ — šupavuńt, narod — narodėń, loŋ — lovoń, porog — porogońt, počt — počteń, řiviz — řiviziń, šežgan — šežganyń, орк. vāřgiz — vāřgizyń, vīř — vīřiń, kardaz — kardazyń, kuda — kudyń, čufta — čuftyń, teŋe — teŋeń, utum — utumyń, и т. д.; во-вторыхъ, передъ окончаніемъ ц (ű) въ приносительномъ падежѣ: jarmakuŋ, mešekoŋ, beřekeŋ, Kuźneckejeŋ, орк. vāřiŋ, vėreŋ, keŋkšeŋ (къ двери), gorodoŋ, mastyrŋ, ošoŋ, kaluŋ. Передъ окончаніемъ ś въ им. ед. опред. склоненія наличность соединительной гласной въ Оркинскомъ нарѣчїи обязательна, а въ Сухокарбулацкомъ эта гласная иногда опускается: koteś, oreś, toleś, jamuś, šupavuś, ksnavuś, oroŋoś, klokoś, popoś, vėreś, užiřiś, syviliś; сухокарб.: šupaŋś, ksnaŋś, Ščerbatuŋś, teŋś, bednějś, mačiŋś, uřidiŋś, šepejś, portnojś, tejŋejś, tatarć, Oprakśinc, ośolć, aġyrc, bojarć, stulć, numulć, panarć, čaraŋmanć, mastyrć, lagunć, čugunć, koromś, syvilć (итакъ послѣ ц, r, l, n, m, но также: đurakś); въ переносительномъ сухокарб. и орк.: jarmakyks, mešekėks, čeŋ (лучина) — čėveks, gośt — gośteks, pop — popoks, krandazyks, vėřgezeċks, сухокарб. jondolks (при jondolòks), aġirks (при aġyryks), křeśjankś, panarkś, rusks (отъ ruз: русскїй), gubernatyrks; въ орк.: lomańks (сухокарб. lomańks и lomańiks), bojarkś, řisyřks, učitiřks. Передъ окончаніемъ сравнит. падежа -ška соединительная гласная обязательна только послѣ согласныхъ s, z: kardazyška, saldyrksyška, časyška; но въ Сухомъ Карбулакѣ извѣстны и образованія: kardajška, sarajška, восходящія непосредственно къ kardazška, sarazška, ср. kulakška, čapka krukška, lomańška, jarmakška.

Всѣ остальные окончанія приставляются къ основѣ безъ соединительной гласной. Если тѣмъ не менѣе мы находимъ передъ ними соединительныя гласныя, то, кажется, только отъ основъ, оканчивающихъ на а, е въ именительномъ, почему можно

думать, что гласная эта перенесена изъ имен. падежа. Какъ общее правило можно выставить, что гласная, появившись въ имен. падежѣ ед., удерживается и въ прочихъ падежахъ: *pula* — *pulyša, pulyda*; *ura* (шило) — *uryša, uryda, mora* (пѣсня) — *morèt, morèda*; *tele* — *teleñeñ*; *morama* — *moramuda, vírne* — *vírniš, píle* — *pílista, píliša, píliða*, орк. *vāle* — *vālis, vālidā, vāliða, vāliñiñ*; *vaša* — *vašyt, vašyda*, и т. п. Напротивъ, слова, оканчивающіяся въ имен. на согласную, образуютъ всѣ падежи, кромѣ отмѣченныхъ выше, безъ соединительной гласной: *vír* — *vírša, vírða*, орк. *vírdā*; орк. *vād'* — *vāša, vāttā*; *řiviz* — *řivijš* (въ лису), *rudaz* — *rudajš* (въ грязь), *morož* — *morožsta* (въ морозъ), *utum* — *utumsta, ukštyr* — *ukštyrcta, stol* — *stolšeme, oš* — *oška, oštoma, ošta*; *vajgil* — *vajgilša, sažyr* — *sazyrda, sažyrga, sažyrgnyñ*, и т. д. — Но рядомъ находимъ и много исключеній, а именно видимъ опущеніе гласной, являющейся въ окончаніи именительнаго ед.: *pilge* — *pilks, pilksa, pilkta* (и *pilgida*), *lokša* — *lokšša* (и *lokšesa*), *para* — *parša, pare* (но *paryda*), *karda* (хлѣвъ) — *karša* (и *kardysa*), орк. *kařt* (хлѣва), *šelme* — *šelmsa, šelmt* (орк. *šālmit*), *kuda* — *kuša* (и *kudysa*), *kudga* (при *kuduva*), *leñge* — *leñksa* (лыкомъ), *čoка* — *čoкаsa* (и *čokosa*), *tešče* — *tešča* (звѣздами), *tombalaŋga* — *tombalaŋksa, čufta* — *čufsta, čuša, čušs, žepe* — *žepsta, žeps, kurga* — *kurks, paŋga* — *paŋks, eřke* — *eřks, řešče* — *řeščs* (за орѣхами), *aška* (хомутъ) — *aška* (и *aškyda*), *komora* — *komorša* (горстями, и *komorėsa*), *parga* (кузовъ) — *parks, kalma* (могила) — *kalms, elde* — *eřsa, eřs; eska* (гвоздь) — *esksta, eskša, ejde* (дѣтя) — *eřř, řiziime* (дождь) — *řiziimšime* (при *řiziimšime*), *latka* (оврагъ) — *latkt*. Особенно послѣдовательно опущеніе гласной въ отглагольныхъ существительныхъ на *ma*: *suskumda, kortamsa, řelikulums, orožjams, putumsta, ařtnimsta, čavumsta, mořemsta, suñdirgadumsta* (въ сумеркахъ), *kalmamga, jumamga, agramga, vedeñbřams*.

§ 134. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно измѣненія конечныхъ согласныхъ основъ передъ падежными окончаниями. Согласныя *z, ž* передъ *t* переходятъ въ *s, š*: *ost, řeřgest,*

kolost, sarast, čuvašt, kukušt, vasně; dt переходитъ въ tt: keřt, gorott, rott, gott; nt переходитъ въ tt: sažytt, atamatt, dokumett, čigatt, vakatt, karčagatt, tarakatt, saražatt, křešjatt, studettne, vagott, lomatnie; но рядомъ и vakant, čožaint, sažynt, а также въ односложныхъ: ont, čant (но въ Оркинѣ: ott, čatt); въ pant, pont nt удерживается, ибо t замѣнило dt; gt переходитъ въ kt: olkt, орк. řanjkt, řilkt; ц передъ t переходитъ въ f: loft (снѣга), čuft, karft, teřt, keřt, šupaft, ulaft; д въ Оркинѣ передъ t переходитъ въ ч: řačt, suľičt, vaľgičt. Сочетанія zs, ss, zř, řř переходятъ въ řs, řř: tarvařsa, krandařsa, kardařs, lařsta, rudařstyňt, morořsta, řivřjs (рядомъ krandassta, rudassta, lassta), lařřka, sarařřka, kardařřka. Въмѣсто gs находимъ ks: ostroks, pařks. Звукъ f слова čufta является въ видѣ ц передъ s въ вмѣстительномъ и вноси-тельномъ падежахъ: čuřsa, čuřs. Мягкія губныя и средненѣбныя отвердѣваютъ передъ твердыми окончаніями: ežemga, beřeksa, rozbořnikta. Сочетанія ds, ts переходятъ въ с: кеса, řеса, řес, řес (къ черенку); вмѣсто с подъ вліяніемъ аналогіи tc: keřca (шкурой), но кеса (рукой). Въмѣсто řř находимъ řt: řeřt (вещи), řeřt (орѣхи). Сочетаніе řř замѣняется сочетаніемъ čt: keřčeme (безъ рукъ; но keřčeme: безъ шкуръ, подъ вліяніемъ keř).

§ 135. Образцы склоненія неопредѣленнаго и опредѣленнаго.

Неопредѣленное склоненіе.

Единств. число.

Им.	moda	řile	keř
Род.	modaň	řilň	keřen
Дат.	modaňiň	řilňiň	keřenen
Отлож.	modada	řilida ¹⁾	keřda ²⁾
Вмѣст.	modasa	řilisa	kemsa
Вынос.	modasta	řilista	kemsta
Внос.	modas	řilis	kems

1) Орк. řilida. 2) Орк. keřida.

Прѣнос.	modava	řiliva	kemga
Перенос.	modaks	řiliks	kemks
Изъят.	modaftuma	řiliftiŋe	kemteŋe
Принос.	modaŋ	řiliŋ	kemeŋ
Сравнит.	modařka	řiliřka	kemeřka
Совмѣст.	modaŋik	řiliŋik	kemŋek

Опредѣленное склоненіе.

Единств. число.

Им.	modař	řiliř	kemeř
Род.	modaŋt	řiliŋt	kemeŋt
Дат.	modaŋtiŋ	řiliŋtiŋ	kemeŋteŋ
Отлож.	modadyŋt	řilidyŋt ¹⁾	kemďeŋt ²⁾
Вмѣст.	modasyŋt	řilisyŋt	kemsēŋt
Вынос.	modastyŋt	řilistyŋt	kemstēŋt
Прѣнос.	modavaŋt	řilivaŋt	kemgaŋt
Изъят.	modaftumuŋt	řiliftiŋiŋt	kemteŋeŋt
Сравнит.	modařkaŋt	řiliřkaŋt	kemeřkaŋt

Неопредѣленное.

Опредѣленное.

Множ. число.

Им.	modat	řilit	kemt	modatŋe	řilitŋe	kemtŋe
Род.		modatŋiŋ	řilitŋiŋ	kemtŋeŋ		
Дат.		modatŋiŋiŋ	řilitŋiŋiŋ	kemtŋeŋeŋ		
Отл.		modatŋida	řilitŋida ³⁾	kemtŋeda ⁴⁾		
Прѣнос.		modatŋiva	řilitŋiva	kemtŋeva		

1) Орк. řilidyŋt. 2) Орк. kemďeŋt. 3) Орк. řilitŋida. 4) Орк. kemtŋeda.

Склоненіе прилагательныхъ, причастій и числительныхъ.

§ 136. Имена прилагательныя, когда употребляются не въ качествѣ атрибута, склоняются какъ существительныя. Напр. *štapra* (голый): *štapuñ*, *štapuñiñ*, *štapuda*, *štapusta*, *štapuva*, *štapuška*, *štapuks*, *štapuftuma*, множ. *štaput*, *štapuťniñ*, *štapuťniñiñ*, *štapuťniđa*; *para* (хорошій) — *paruñ*, *paruñiñ*, *paruda*, *parysta* (или *parcta*), *parys* (или *parc*), *paruva*, *paruška* (или *parčka*), *paruks* (или *parcs*), *partuma*, *part*, *partnyñ*, *partnyñiñ*, *partnyđa*.

Такъ же склоняются причастія на *yì* (èì) и *iì* (eì): *kulyì*, (умирающій), *molej* (входящій), *kortèj* (говорящій), *kirđiì* (держашій): *kulyiñ*, *mojeñ*, *kortèjeñ*, *kirđijiñ* и т. д. Также причастія на *-ft*, когда имѣютъ значеніе существительныхъ: *tuš vedeñ žudifka* (пошелъ по теченію воды), *daì mekeñ maksufiñiñ* (дай назадъ отданныя).

Такъ же склоняются числительныя: *vejke* (одинъ), *vejkeđa*, *vejkešta*, *vejkes*, *vejkeška*, *vejkešteñe*; *kolma* (три) — *kolmoñ*, *kolmoñeñ*, *kolmoftoma* и т. д.; *kafta* (два) — *kaftyñ*, *kaftyftuma* и т. д.; *keñeñ* — *keñeñeñ*, *keñeñiñeñ*, *keñeñđa*, *keñeñca*, *keñeñšta*, *keñeñc*, *keñeñčka*, *keñeñšteñe*; *komś* — *komśeñ*, *komśiñeñ*, *komśša*, отл. *komśta*, вынос. *komśšta*, пронос. *komśka*, сравн. *komśška*, изъят. *komśšteñe*; формы *vejkeñ-vejkeñ*, *kaftyñ-gaftyñ* имѣютъ значеніе: по одному, по два; *vejkeñ* значитъ сразу, *kaftuñ* — надвое.

Порядковыя числительныя, какъ *vašiñ*, *vašiñce*, *omboce*, *kolmoce*, *šišiñce*, *keñeñce*, *komśece* и т. д., также подвергаются склоненію: *vašiñ* (*vašiñce*) образуетъ: *vašiñciñ*, *vašiñciñiñ*, *vašiñđa* (*vašiñciđa*), *vašiñca* (*vašiñciša*), *vašiñcta* (*vašiñcišta*), *vašiñčka* (*vašiñciška*), *vašiñga* (*vašiñciğa*), *vašiñćiñe*.

Отмѣчу соединеніе числительныхъ съ личными мѣстоименіями: *vejkeñek* (мы одни), *kañiñik* (мы оба), *kañiñiñk* (вы оба), *kolmoñek* (мы трое), *kolmoñeñk* (вы трое). Въмѣсто *-st* въ 3 л. мн. находимъ *sk*: *kañiñisk* (они оба), *kolmoñesk*, *niñiñisk*, *vejksèñesk*.

Склоненіе именъ, соединенныхъ съ притяжательными мѣстоименіями.

§ 137. Для опредѣленія отношенія того или другого предмета или дѣйствія къ лицу, названіе предмета или дѣйствія можетъ принимать за собой сокращенныя формы личныхъ мѣстоименій. А именно для опредѣленія принадлежности или ближайшаго отношенія къ 1-му лицу ед. присоединяется окончаніе -m (ср. moŋ мой) въ имен. пад. ед., окончаніе -n въ прочихъ падежахъ ед. и мн. ч.; ближайшее отношеніе къ 1-му лицу множ. выражается окончаніемъ nyk (ср. mi-ník: мы); ближайшее отношеніе ко 2-му лицу ед. — окончаніемъ t (ср. toŋ: твой); ближайшее отношеніе ко 2-му лицу множ. — окончаніемъ nk (ср. tynk: вы); ближайшее отношеніе къ 3-му лицу ед. — окончаніемъ -za для имен. падежа и -nza для прочихъ падежей (ср. sonza, sonza: его); ближайшее отношеніе къ 3-му лицу множ. ч. — окончаніемъ -st (ср. synst изъ synst: ихъ). Отмѣчу, что -za (-nza) въ нѣкоторыхъ словахъ не вноситъ значенія притяж. мѣстоименія 3-го лица: čiza значить солнце, véza — ночь; въ Оркинѣ: koč išta vānzylanks (ночью) tutada? Ср. еще vésemeza въ значеніи всего: vésemezy šisiŋ ulniŋik (насъ было всего семеро).

§ 138. Названныя окончанія подвергаются слѣдующимъ измѣненіямъ. Окончаніе -m смягчается, переходитъ въ m̄, подъ вліяніемъ предшествующей гласной передняго ряда: avam, no řiřim, vélem̄, kijalnym̄ (непосредственно изъ kijalniŋ); другія окончанія не подвергаются подобному смягченію: avat и řiřit, vélet, kijalnyt, řiřink, vélenk. Впрочемъ, въ индивидуальномъ произношеніи употребляются и смягченныя окончанія t̄, nk̄ при указанныхъ условіяхъ: řiřink̄ (Оркино); такія смягченныя окончанія свойственны многимъ эрзянскимъ говорамъ. Въ Оркинѣ весьма обычно произношеніе съ m̄ вм. m̄: šuriŋim̄, ādīm̄, alīm̄. Чередованіе nyk съ nek̄ зависитъ отъ предшествующей гласной; о и е въ предыдущемъ слогѣ обуславливаютъ появленіе nek̄: avanuk, řiřinuk, но vélenek̄, koromonek̄; вмѣсто nyk (nek̄) неиз-

вѣстно *ńik* (*ńek*) въ положеніи за гласными передняго ряда, ср. такое *ńek* во многихъ другихъ эрзянскихъ говорахъ. — При-
-пза извѣстно и произношеніе -пза.

§ 139. Названныя окончанія присоединяются къ основамъ на гласныя полного и неполнаго образованія непосредственно; послѣднія подвергаются измѣненіямъ подъ вліяніемъ какъ гласныхъ предшествующаго слога, такъ и сосѣднихъ согласныхъ; α переходитъ въ у, и, ё, о, ѳ: *skalyn, kudum, ćokot, olgõt, ofteza*; ϵ переходитъ въ і, е: *řiriń, řeřest, ojest* (ср. §§ 107 и 110). Къ основамъ на согласныя названныя окончанія присоединяются при помощи соединительной гласной α или ϵ , подвергающейся соотвѣтственнымъ измѣненіямъ: *bratum, sazyryt, valynza, kařist*. Соединительная гласная не можетъ быть выпущена: формы какъ *kedza* (*kedzè*), *sazyrza* (*sazyrzo*) въ изслѣдуемыхъ говорахъ неизвѣстны. Ср. *jarmakyt*: твои деньги, *jarmakt*: деньги. Вставка гласной послѣ окончанія вносительнаго падежа дѣлаетъ возможнымъ отличить его отъ вмѣстительнаго, въ виду того что окончаніе *s* вносит. падежа переходитъ въ *z*: *kudyzynza, kedežènzà*; отъ краткихъ формъ того же падежа, какъ *kuc, kes*, поэтому не образуется форма съ мѣстоименнымъ окончаніемъ.

§ 140. Впрочемъ, присоединеніе указанныхъ окончаній къ согласнымъ можетъ имѣть мѣсто вообще только въ формѣ именительнаго единственнаго; падежи, оканчивающіеся на согласную, не принимаютъ этихъ окончаній: поэтому, напр., отлож. *kudydyn*, вмѣст. *kudysyn*, выносит. *kudystyn*, внос. *kudyzyn*, пронос. *kuduvan*, сравн. *kudyřkat*, но отъ род. *kudyń*, дат. *kudyńiń* формъ съ мѣстоименіями притяжательными не образуется. Им. мн. образуется путемъ присоединенія окончаній *n, t, nyk, ŋk, nza, st* къ основѣ: *kudyn* (мои дома), *kudyt* (твои дома), *kudynyk* (наши дома), *kudynk* (ваши дома), *kudynza* (его дома), *kudyst* (ихъ дома). Только окончанія *nza* и *st* присоединяются и къ согласнымъ падежнымъ окончаніямъ: *alařań-nza* даетъ *alařanza* въ род.; отсюда образуется форма дат. падежа съ присоединеніемъ окончанія *-tiń*: *alařanzatiń* даетъ *alařanctyń*

или alašanstyń; alašan-st даетъ alašast; отсюда образуется форма дат. пад. съ присоединеніемъ окончанія -tiń: alašast-tiń даетъ alašastyń. Отмѣтимъ, что всѣ формы, образованныя посредствомъ указанныхъ окончаній (кромѣ однако формъ на -m), имѣютъ значеніе не только единств., но и множ. числа.

§ 141. Приведу примѣры для существительныхъ съ притяжательными мѣстоименіями.

Первое лицо единств. числа (мой, моя).

Имен.: modam, d'edam, čoram; сухокарб.: skalum, uražum, lazum, afařtum; орк.: skalym, sudym, utymym, kardazym; сухокарб.: ozom, pondom, koňovom; орк.: koňovom; сухокарб.: kelem, pekem, tejteřem, kutmirim, avirim; орк.: uzirim, rožem, řevem, teńfem, tařtirim, kšim.

Слова на -ma образуютъ форму косв. падежа (родительнаго) на -man или -mun: syř moń gundamun (идутъ, чтобы взять меня); karmit keřksneman (начнутъ спрашивать меня).

Отлож.: avadyń, vazdyn, krandaždyn, brattyń; сухокарб.: vednedn, pilidyń, piridyń; орк.: uzirdin, piridin.

Вмѣст.: pulysyn, alašasyn, šedejsn, kecń, panarcyn, mešcń (на моей груди), pirisyn, kucyn.

Вынос.: skalstyn, čamastyn, pilistyn, oncťn, krandažstyn, sactyn, žepstń.

Вносит.: řrazyń, kurgyzyn, mukuryzyn, nořtazyń, keřezń, peřezń, elezń, kutmirizyn, virizyn, орк.: šalmizyn, žepazan.

Пронос.: pakšavan, pilgivan, kurguvan, řelavan, kardazgan, sadgan, kudgan, kijakskan.

Имен. множ.: bratyn, utumun, prakstan, jalgan, urvan, čoran, sazyryn, šulyń beken (мои внутренности), godń, orčamun, tejteřen, peřgen, umarin, uzirin.

§ 142. Второе лицо единств. числа (твой, твоя).

Имен.: alařat, řrat, pakřat, valyt, sadyt, kudyt, bratyt; čokot, potmot, olgť; řevet, pirit, kemet, kojmet, ojet, орк.: vadiť, орк.: adiť, орк.: valgiit.

Косв. падежъ (родительный): karman véčkemat, tonaftumat, andumat, karmé nařgamut, syń varčamut.

Отлож.: skaldyt, vašydyt, paksadyt, sattyst, čudīkīlkstyt, kījakstyt; опк.: vīrdīt, mīrdīdīt, čerdet, pīrdīt; сухокарб.: pīřdyt, keřtet.

Вмѣст.: kudysyt, palkasyt, vīřcyt, surcyt, čovońcèt, šelmsèt, kecèt, šukurcyt, pīřisyt, pīłksyt, опк. kījakscyt.

Вынос.: kudystyt, vědńestèt, pīřīnistyt, onctèt, pīrastyt, опк. kyrgastyt, mactyt (изъ твоего выхода), krandařstyt.

Вносит.: krandažyt, tarkažyt, řicažyt, šuryžyt, andumažyt, eřdezèt, meležèt, žepežèt.

Пронос.: kurguvat, telavat, pīłřivat.

Сравни́т.: kudyřkat, pīłřisurčkat.

Имен. множ.: ažyryt, bratyt, šulyt peket, keřet, опк. pologòt, опк. šālmit.

§ 143. Третье лицо единств. числа (его, ея).

Имен.: avaza, sažyryza, skalyza, опк. řāřřīřiza; сухокарб.: čokoza, obrokoza, koromoza; kījalyza, pulyza, sarazyza, kardazyza, řřostěza, počtěza; vījiza, pīřīřiza, сухокарб. vajřilīřiza; lemeza, neřeza, seřeza, ležeza (облегчение, польза), songy sařimazy možna.

Родит.: avanza, šabranza, řenza, řafanzy avanza, brovanza; pīřīřiza, sažyrynza, roděňa, komorěňzy poc, kundamunza, řtamunza, řelenza.

Дат.: řalganctyń, ojanctyń, babanctyń, avanctyř, nučkanctyń, řeřřeńenctěń, mīrdīnctyń; опк.: řalgansty, sodamunsty, řāřřīřīnsty, řafansty, čoreńenstè. Образуется, кажется, только отъ одушевленныхъ.

Отлож.: gořadynza, afkadynza, kulumadynza, сухокарб.: řeřdēňa, bedneřřīdīnza, опк.: bednyřřīdīnza, umařdīnza, syvīřdīnza.

Вмѣст.: řřasynza, lopasynza, vīřsynza, pulyńīsynza, kenčšēňa, řeřšēňa, řeksēňa, panarcynza, kurksynza, опк. lokšcēňa.

Вынос.: kīrgastynza, uđīmstynza, lovažastynza, tuīmstynza, kuctynza, kectēňa, očkstēňa, krandařstynza.

Вносит.: tarkazynga, pooskazynga, prázynga, pílgizynga, samuzynga, kudyzynga, ełezenga, kořonézenga, žepezenga, орк. šálmizynga, kedézenga.

Пронос.: kijavanza, lugavanza, vírganza, орк. lejganza, сухокарб. kirgavanza.

Сравнит.: kudyškanza.

Имен. мн.: alašanza; орк.: páňgínza, páinza; sazyrynga, šabranza, sakalynga, keřenza, орк. pológónza.

§ 144. Первое лицо множ. числа (нашъ, наша).

Имен.: luganyk, turbanyk, psakanyk, šabranýk, vínanyk, šurynyk, kudynyk, pílinyk, орк. válinyk, vírinýk, ojménék, poponék, koromonék, solodénék (солодъ).

Косв. падежъ (родительный): andumanyk, suvaftymanyk.

Отлож.: kudydynyk, орк. kšidinyk, орк. ksnaudénék, šukurdyk, jamdynyk.

Вмѣст.: kudysynyk, орк. válisynyk, орк. prádsynyk (въ нашихъ умахъ), sacynyk.

Вынос.: kudystynyk, oncténék, орк. kuctynyk, vírctynyk.

Вносит.: kořazynek, kudyzynek, sadyzynek, žepezénék, орк. válizynyk.

Пронос.: kuduvenyk, paksavenyk, právenyk, pílgivenyk, sadganyk, krandazganyk.

Сравнит.: kudyškanýk.

Изъят.: sodamuftumunyk, kuduftumunyk.

Имен. мн.: ortanyk, jarmakunyk, kiskanyk, ačamařinyk, kedénék, pílginyk, орк. šádiinyk, орк. šálminyk.

§ 145. Второе лицо множ. числа (вашъ, ваша).

Имен.: paksanjk, modanj, řatanjk, ojménjk, sodamunjk, moxonjk, kiňiganjk.

Косв. падежъ (родительный): andumanjk.

Отлож.: kudydynjk, skaldynjk, alašadyjk, орк.: ačamařđinjk, kojmédejk, řévedejk, vírđinjk.

Вмѣст.: prácsénjk (на умѣ у васъ), kudysunjk.

Вынос.: kudystynjk, kardajstynjk, орк. kuctynjk, oncténjk.

Вносит.: lugazyŋk, kardyzyŋk, опк. utymyzyŋk, mešékézēŋk, zepézēŋk, bočkazyŋk, prázyŋk, ved'nezēŋk, berekezēŋk.

Пронос.: kuduvaŋk, krandyzgaŋk.

Сравни.: kudyškaŋk.

Изъят.: sodamuftymuŋk, tikšyftimūŋk, опк.: bojarftymuŋk, kudyftymuŋk, stražniktimūŋk.

Имен. мн.: sazyryŋk, kudyŋk, опк. šalminŋk, jarmakyŋk, piriŋk.

§ 146. Третье лицо множ. числа (ихъ).

Имен.: modast, tatast, ružyast, dedast, опк. taχtirist, опк. valist, rodēst, tevest, ejdest, sazyryst, melest.

Косвенный падежъ (родительный): udumast, palcimast, teŋdemast, sasamust, vačkamust.

Дательный: sazyrystyi, опк.: tatasty, ajdisty, corasty, corēnestē, starystasty, uradnikisty. Образуется, кажется, только отъ одушевленныхъ.

Отлож.: kudydyst, sajimadyst, pandydyst и опк. pantyst, опк. pulftyst, опк.: ketfest, pilktist, roždest, řevēdest.

Вмѣст.: kudyst, melcest.

Вынос.: kudystyst, čistyst, опк. valistyst, опк. utymstyst, ploščecstēst, mešekstēst.

Вносит.: prázyst, melezešt, kedezešt, pilgizyst, čotnazyst (въ ихъ контору), virizyst, brudizyst, опк. valizyst.

Пронос.: telavast, pilgivast, krاندazgast, vedgast, zepēvast, virgast.

Сравн.: kudyškast.

Изъят.: kuduftumust, опк.: alašaftymyst, sodamyftymyst.

Имен. мн.: valmast, nurdyst, jarmakyst, karist, skalnyst, odežast, skalyst, řevēst, kotast.

Склонение нѣкоторыхъ именъ личныхъ.

§ 147. Нѣкоторыя имена преимущественно родства сохранили въ отдѣльныхъ падежахъ особыя окончанія, неизвѣстныя въ

склоненіи другихъ именъ. Такъ имена родства *avat* (твоя мать), *tatat* (твой отецъ), *ratat* (твоя старшая сестра) и т. п. образуютъ въ род. (косв.) падежѣ: *avat*, *tatat*, *ratat*, *suvaχat*, *sazyryt*, *sazyryt*, *lałat*, *mačkat*, *batkat*; въ Оркинѣ *mon večksa avat* значить я люблю твою бабу, а *mon večksa avat* — я люблю твою мать; ср. тамъ же *avat kecta* (у твоей матери), *sodamyt kecta*, *ałnit kecta*, *bratyt kecta*, *toń žorat čaviž* (твоего сына убили), *toń zodamyt večkséz* (твоего зятя любятъ), *toń tatat šounéz* (твоего отца бранили), *rokš lałat skalys* (корова старшаго брата). Въ дат. падежѣ тѣ же имена имѣють окончаніе *tij*: *tatatij* (твоему отцу), *avatij*, *suvaχatij*, *sazyrytij*. Относительно такихъ именъ родства, какъ *avam* (моя мать), *tatam*, *rokščam*, отмѣтимъ, что род. и дат. неопредѣленнаго склоненія: *avań*, *afkań*, *tatań*, *rokščañ*, *lałań*, *avańiń*, *ratańiń*, *afkańiń*, *tatkańiń* относятся преимущественно къ нимъ: *avań* и *avańiń* означаютъ моей матери (род.) и моей матери (дат.); *mon čavińe tatań* (я ударилъ своего отца), *mon večksa* (я люблю) *tatań*, *avań*, *ratań*, *babań*, *lałań*, но *mon večksa sazyrym*, а не *sazyryń*, *bratym*, *kožajkam*, орк.: *ajdīm*, *sodamym*. Замѣчательно, что при постпозиціи отъ именъ какъ *avat* (твоя мать), *tatat* употребляются формы *tatat*, *avat*, напр. *tatat turtuц*, между тѣмъ какъ *ratkań*, *afkań*, *avań* и т. п. замѣняются, какъ кажется, обыкновенно формами *ratkam*, *afkam*, *avam*: *ratkam turtuц*.

Склоненіе мѣстоименій.

§ 148. Указательныя мѣстоименія: *te* этотъ, *še* тотъ, *tona* тотъ, *ištama* такой, *teke* этотъ же, *šeke* тотъ же. Отмѣтимъ еще основу *ńe*, означающую эти.

§ 149. Склоненіе *te* и *teke*.

Ед. число.

Мн. число.

Имен.	<i>te</i>	<i>teke</i>	<i>ńe (ńet)</i>	<i>ńeke</i>
Родит.	<i>teń</i>	<i>tekeń</i>	<i>ńeń (ńetńeń)</i>	<i>ńekeń</i>

Дател.	teñeñ	tekeñeñ	ñeñeñ (ñetñeñeñ)	ñekeñeñ
Отлож.	teda ¹⁾	tekeda ¹⁾	ñeda (ñetñeda) ²⁾	ñekeda ²⁾
Вмѣст.	tesa	tekesa	ñesa	ñekesa
Вынос.	testa	tekesta	ñesta	ñekesta
Внос.	tes	tekes	ñes	ñekes
Пронос.	teva	tekeva	ñeva	ñekeva
Перенос.	teks	tekeks		ñekeks
Изъят.	teñteñe	tekeñteñe	ñeñteñe (ñetñeñteñe)	ñekeñteñe
Сравн.	teška	tekeška	ñeška	ñekeška

Отъ основы te образуется рядъ нарѣчій, которыя можно разсматривать какъ падежныя формы этого мѣстоименія: tesa (здѣсь), teda (отъ этого), testa (отсюда), tesk (тутъ), tezeñ и tezeñ (сюда), teñ (сюда, изъ теñ); ti вмѣсто te передъ j въ нарѣчїяхъ: tija (по этому мѣсту), tijañ, tijaña (то же).

§ 150. Склоненіе še и šeke.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им.	še	šeke	šet (šetñe)	šekeñ
Род.	šeñ	šekeñ	šetñeñ	šekeñeñ
Дат.	šeñeñ	šekeñeñ	šetñeñeñ	šekeñeñeñ
Отлож.	šeda ³⁾	šekeda ³⁾	šetñeda ⁴⁾	šekeñeda ⁴⁾
Вмѣст.	šesa	šekesa		
Вынос.	šesta	šekesta		
Внос.	šes	šekes		
Пронос.	ševa	šekeva		
Изъят.	šeñteñe	šekeñteñe		
Сравн.	šeška	šekeška		

Къ этой основѣ возводится рядъ нарѣчныхъ образованій: šesa (тамъ, потому), šesta (оттуда, тогда), šeks (оттого, потому), šezeñ и šezeñ (туда, въ извѣстное мѣсто), šesk (тотчасъ же, тутъ)

1) Въ Оркинѣ teda, tekeda. 2) Въ Оркинѣ ñeda, ñetñeda, ñekeda. 3) Въ Оркинѣ šeda, šekeda. 4) Въ Оркинѣ šetñeda, šekeñeda.

же). Передъ j вм. še является śi: śija (по тому мѣсту), śijak, śi-jaña (тамъ же, по тому же мѣсту).

§ 151. Мѣстоименіе тона образуетъ, кажется, только падежи ед. числа: mon saïne tonañ kecta; mon tonañiñ gortēñ; mon tonada kortēñ; орк. tonaftuma tāvís ploxođ (безъ него дѣло плохо). Отъ основы то образуются нарѣчныя выраженія: тоц (туда), tozēñ и tozēđ (туда, тамъ), tosta (оттуда), tostēñ (тамошній), tosk (тамъ).

§ 152. Склоненіе мѣстоименія iśtama.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	iśtama	iśtamut iśtatt
Род.	iśtamuñ	iśtattnyñ
Дат.	iśtamuñiñ, iśtamñiñ	iśtattnyñiñ
Отлож.	iśtam(u)da	iśtattnyda
Вмѣст.	iśtam(u)sa	
Выносит.	iśtam(u)sta	
Вносит.	iśtam(u)s	
Пренос.	iśtamuva iśtamga	
Перенос.	iśtam(u)ks	
Изъят.	iśtamuftuma iśtamtuma	[(iśtaškat)
Сравн.	iśtamuška iśtamška (iśtaška)	iśtamuškat iśtamškat

Это мѣстоименіе можетъ принимать и окончанія опредѣленнаго склоненія: iśtamuś, iśtamuñt.

§ 153. Относительныя и вопросительныя мѣстоименія: ki (кто), kopa (который), kodama (какой), koñđama (какой, подобный), meze (что).

§ 154. Склоненіе ki.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	ki или kije	kit и kitñe
Род.	kiñ	kitñiñ
Дат.	kiñiñ	kitñiñiñ
Отлож.	kida ¹⁾	kitñida ²⁾

1) Въ Оркинѣ kiđā. 2) Въ Оркинѣ kitñiđā.

Вмѣст.	kisa
Вынос.	kista
Внос.	kis
Пронос.	kiva
Перенос.	kiks
Изъят.	kiftine

§ 155. Мѣстоименіе kopa склоняется какъ tona; во множ. konat и konatne, konatnin, konatninin, konatnida, konatniftine. Отъ основы ko образуются нарѣчныя выраженія: kozed и kosed (куда), kosta (откуда), kosa (гдѣ), koda (какъ); ko передъ v переходитъ въ ku: kuva (гдѣ, по какому мѣсту). Мѣстоименія kodama и kon'dama склоняются какъ istama: kodamunin и kodamnin, kodamuvu и kodamga, kodamuška и kodamška (kodaška), kodamutt и kodatt, kodamutnin и kodattnyn.

§ 156. Склоненіе meze (орк. mǎžǎ).

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	meze	mešt, mešne
Род.	mežen, meń	mešnen
Дат.	meženeń, mežnen	mešneneń
Отлож.	mežda ¹⁾	mešneda ²⁾
Вмѣст.	mejsa	
Вынос.	mejsta	
Внос.	mejs, mejš	
Пронос.	mežga	
Перенос.	mežeks	
Изъят.	mežefteme, mešteme	
Сравн.	mežeška, mejška	

Meštejnat, meštejne вмѣсто mešt tejnat, mešt tejne. Отъ основы me образуются нарѣчія: meks (почему), nemezda и nemezde (нечего), mejžbui (зачѣмъ то), mežen (отчего), meń (что за).

1) Въ Оркинѣ mǎžǎ и также частью и въ Сухомѣ Карбулакѣ: mežde.

2) Въ Оркинѣ mešnedǎ.

§ 157. Отрицательное *kijak* (никто) склоняется какъ *ki* съ присоединеніемъ частицы *gak* (*jak*): *kińgak*, *kińĩgak*, *kidyjak*, *kikskak*, *kivajak*, *kitkak* и т. д.

§ 158. Склоненіе *veše* (всѣ).

Им.	<i>veše, vešeime</i>
Род.	<i>vešeń, vešeimeń</i>
Дат.	<i>vešeimeń, vešeimeńeń</i>
Отлож.	<i>vešeda, vešeimeđa¹⁾</i>
Вмѣст.	
Вынос.	<i>vešesta, vešeimešta</i>
Внос.	<i>vešes, vešeimes</i>
Пронос.	<i>vešeŋa, vešeimeŋa</i>
Изъят.	<i>vešeŋteime, vešeimeŋteime</i>
Сравн.	<i>vešeška, vešeimeška</i>

§ 159. Слово *minićuna* означаетъ всякую всячину, всякое; ср. *miniđu ćunyda kandyt*, *miniķs ćunyks* (всячески); *miniń žunyń* имѣетъ значеніе прилагательнаго: *miniń žunyń žgarńat* (всяческія кушанья), *miniń žunyń vajgilca*, *suvašt minińžunyń lomatt*; въ дат. *miniń žunyńiń*, во множ. *miniń žunyť*.

§ 160. Личныя мѣстоименія: *mon* (я), *ton* (ты), *son* (онъ), *miń* (мы), *tyń* (вы), *syń* (они). Формы, сложенныя съ мѣстоименіемъ *eś* (самъ) — *mońć, tońć, sońć, mińć, tyńć, syńć* означаютъ я самъ, ты самъ, они сами и т. д. Род. *mońćeń* вм. *moń ešeń*, дат. *mońćtań* вм. *moń eštań*, отлож. *mońćteden* вм. *moń ešteden* и т. д. Гласная *e* вмѣсто *i* въ сухокарб.: *mińćdedeněk, mińćteime-něk, tyńćdedeněk, tyńćteimeńk, syńćdedest, syńćteimeš* являются подъ вліяніемъ *mońćdeden, mońćteden, tońćteimeť, sońćteimeŋa*; въ Оркинѣ удерживается *i*: *mińćdińińk, tyńćdińińk, syńćtińišt* и т. д. Замѣчательно, что въ Оркинѣ вмѣсто *-něk, -ńk* въ склоненіи *miń* и *tyń* являются *-ińk, -ińk*: *mińćdińińk, tyńćdińińk*. Въ дат. ед. вмѣсто *mońań, tońať, sońaŋa* употребляются и формы *teń, teť, teŋa* (орк.: *tāń, tāt, tāŋa*), а вмѣсто *mińańiķ, tyńańk, syńašt* —

1) Въ Оркинѣ: *vešedā, vešeimeđā*.

teńek, teńk, tect (орк. tǎnik, tǎjk, tǎst). Въѣсто мо́нѣ, мѣ́нѣ, ты́нѣ, су́нѣ говорятъ и мон мо́нѣ, мѣ́н мѣ́нѣ, ты́н ды́нѣ, су́н зу́нѣ и т. д.

§ 161. Склонение мон, мо́нѣ и мѣ́н, мѣ́нѣ.

Им. ед.	мон	мо́нѣ
Род.	мо́н	мо́нѣн
Дат.	мо́наѣ, мо́ндаѣ (те́н)	мо́нѣтаѣ
Отлож.	мо́ндѣден ¹⁾	мо́нѣтѣден ¹⁾
Изъят.		мо́нѣте́мен

Им. мн.	мѣ́н	мѣ́нѣ
Род.	мѣ́ниѣ	мѣ́ниѣиѣ
Дат.	мѣ́наѣиѣ, мѣ́ндаѣиѣ (те́неѣ)	мѣ́нѣтаѣиѣ
Отлож.	мѣ́ндѣде́неѣ ²⁾	мѣ́нѣтѣде́неѣ ²⁾
Изъят.		мѣ́нѣте́менеѣ

§ 162. Склонение тон, то́нѣ и ты́н, ты́нѣ.

Им.	тон	то́нѣ
Род.	то́н	то́нѣт
Дат.	то́наѣ, то́ндаѣ (те́т)	то́нѣтаѣ
Отлож.	то́ндѣде́т ³⁾	то́нѣтѣде́т ³⁾
Изъят.		то́нѣте́мет
Им.	ты́н	ты́нѣ
Род.	ты́нѣ	ты́нѣиѣ
Дат.	ты́наѣиѣ, ты́ндаѣиѣ (те́нѣ)	ты́нѣтаѣиѣ
Отлож.	ты́ндѣде́нѣ ⁴⁾	ты́нѣтѣде́нѣ ⁴⁾
Изъят.		ты́нѣте́менѣ

§ 163. Склонение сон, со́нѣ и су́н, су́нѣ.

Им.	сон	со́нѣ
Род.	со́нѣ	со́нѣнѣ
Дат.	со́наѣиѣ, со́ндаѣиѣ (те́нѣ)	со́нѣтаѣиѣ
Отлож.	со́ндѣде́нѣ ⁵⁾	со́нѣтѣде́нѣ ⁵⁾
Изъят.		со́нѣте́менѣ

1) Въ Оркинѣ mondeden, moncteden. 2) Въ Оркинѣ mindidinik, minctidinik.

3) Въ Оркинѣ tondedet, tonctedet. 4) Въ Оркинѣ tyndidinik, tynctidinik. 5) Въ Оркинѣ sondedenza, sonctedenza.

Им.	syń	syńc
Род.	synct	syńcist
Дат.	syńast, syńdast (fest)	syńctast
Отлож.	syńdedest ¹⁾	syńctedest ¹⁾
Изъят.		syńctemest

§ 164. Недостающие падежи отъ мѣстоименій личныхъ образуются посредствомъ постпозиции съ нарѣчiami ejsa (вмѣст. пад.), ejsta (вынос.), ejs (внос.), ezga (пронос.); итакъ: moń ejsa, toń ejsta, sonza ejs; minińk, tynk, synct ezga.

§ 166. Возвратное мѣстоименіе образуется отъ основы ес (орк. а́с), чередующейся съ еjs (которое явилось вмѣсто ес въ падежахъ съ окончаніемъ на s). Приведу формы склоненія возвратнаго мѣстоименія.

1-е л. ед.

Род.	esèn, ejśèn
Дат.	eśtań
Отлож.	estèn, ejstèn; eśtedèn, ejstèdèn
Вмѣст.	ejśèn, esèn
Вынос.	estèn, ejstèn
Внос.	ezèn
Пронос.	ezgan
Изъят.	eśtemen

2-е л. ед.

Род.	esèt, ejśèt
Дат.	eśtat
Отлож.	estèt, ejstèt; eśtedèt, ejstèdèt
Вмѣст.	ejśèt, esèt
Вынос.	estèt, ejstèt
Внос.	ezèt
Пронос.	ezgat
Изъят.	eśtemet

1) Въ Оркинѣ syndidist, synctidist.

3-е л. ед.

Род.	eś, esənza, ejsənza
Дат.	eśanza
Отлож.	estənza, ejsənza; eśedənza, ejsədənza
Вмѣст.	ejsənza, esənza
Вынос.	estənza, ejsənza
Внос.	ezənza
Пронос.	ezganza
Изъят.	eśtemənza

1-е л. мн.

Род.	esènek, ejsènek
Дат.	eśańik
Отлож.	estènek, ejsènek; eśedènek, ejsədènek
Вмѣст.	ejsènek, esènek
Вынос.	ejsènek, estènek
Внос.	ezènek
Пронос.	ezganyk
Изъят.	eśtemènek

2-е л. мн.

Род.	esəńk, ejsəńk
Дат.	eśańk
Отлож.	estəńk, ejsəńk; eśedəńk, ejsədəńk
Вмѣст.	ejsəńk, esəńk
Вынос.	ejsəńk, estəńk
Внос.	ezəńk
Пронос.	ezgańk
Изъят.	eśteməńk

3-е л. мн.

Род.	esèst, ejsèst
Дат.	eštast
Отлож.	estèst, ejstèst; eštèdèst, ejstèdèst
Вмѣст.	ejsèst, esèst
Вынос.	ejtèst, estèst
Внос.	ezèst
Пронос.	ezgast
Изъят.	eštemest

Въ Оркинѣ: *ajsyn*, *ajštań*, *ajstyn* (отлож.), *ajsyn* (вмѣст.), *ajžgan* и *ajškan* (пронос.); *ajzyt* (внос.), *ajžgat* и *ajškat* (пронос.); *ajsynza* (вмѣст.), *ajzynza* (внос.), *ajžganza* и *ajškanza* (пронос.); *ajstynuk* (отлож.), *ajzynuk* (внос.), *ajsynuk* (родит.), *ajsyyst* (родит.), *ajzyst* (внос.).

§ 166. Въ соединеніи съ предлогами и нарѣчіями личныя мѣстоименія подвергаются постпозиціи. При этомъ 1-е лицо ед. опредѣляется въ разныхъ падежахъ окончаніями -н, -syn, -styn -zyn, -gan (-kan): *martyn* (со мной), *ikilín* (передъ меня), *lanksyn* (надо мной), *karčyn* (противъ меня), *kuvalman* (мимо меня), *lankstyn* (съ меня), *langyzyn* (на меня), *vaksyzyn* (около меня), *mala-zyn* (близко ко мнѣ), *mełgan* (за мной), *krugomgan* (вокругъ меня), *vakskan* (около меня). 2-е лицо опредѣляется окончаніями -t, -syт, -styt, -zyт, -gat (-kat): *martyt*, *alyt* (подъ тебя), *kuvalmut* (вдоль тебя), *lanksyt*, *lankstyt*, *vakzyzyt*, *mełgat*, *prazyt* (тебѣ на голову), *pačkat* (сквозь тебя), *peřkat* (вокругъ тебя), *vakskat* (около тебя). 3-е лицо опредѣляется окончаніями -нза, -dynza, -synza, -stynza, -zynza, -ganza (-kanza): *peřdenza* (съ него), *kisynza* (у него), *kecèenza* (у него), *lanksynza*, *vidizynza* (до него), *malazynza*, *langanza*, *pačkanza*. 1-е л. мн. ч. опредѣляется окончаніями -nyk, -dynyk, -synyk, -stynyk, -zynyk, -ganyk: *aldynyk* (изъ подъ насъ), *martynyk*, *vaksyzynyk*. 2-е л. мн. опредѣляется окончаніями -нѣ, -dynѣ, -synѣ, -stynѣ, -zynѣ, -ganѣ:

martynk, jutkstynk (между вами). 3-е л. мн. ч. опредѣляется окончаніями -st, -dyst, -syst, -styst, -zyst, -gast: martyst, karčyst, kectèst (отъ нихъ), langyzyst (на нихъ), keďezèst (имъ въ руки), vídizyst (до нихъ), veľkskast (черезъ нихъ), langast (по нихъ), vakskast (рядомъ съ ними), vaksyzyst.

Передъ такими нарѣчными выраженіями употребляется ес, вносящее возвратное значеніе: ес langyzyn (на меня), ес kisyn (для меня), ес mēlganza (за нимъ), ес pránza (самого себя), ес lanġkstyst (съ себя), ес jutkuvast (между собой), ес pačkanza (про себя), ес ekšezèn (за себя), орк. mon ás prám šlása, mon ás ājstyn duman, ás kecèn (у меня въ рукахъ).

§ 167. Притяжательныя личныя мѣстоименія могутъ склоняться въ опредѣленной формѣ, образуясь частью отъ основы, тождественной съ формой род. пад. личныхъ мѣстоименій: sonzèś (его), и далѣ: sonzènt, sonzènteñ, sonzévañt и т. д., во мн.: sonzètne, sonzètnéda; synctyś (ихъ), и далѣ: synctyñt, synctyñtñ, synctyñt (вынос.), synctyñt (отлож.), syncsyñt (вмѣст.), śyncťimĩñt (изъят.), synčkanť (сравн.), множ.: syncnè, syncnyñ, syncnyññ, syncnyda; mĩnikĩś (нашъ), и далѣ: mĩnikĩñt, mĩnikstyñt, mĩniksyñt, mĩnikťimĩñt, во множ.: mĩnikñe, mĩnikñĩñ, mĩnikñida; mĩncĩnikĩś, и далѣ: mĩncĩnikñe (множ.); tyñkĩś (вашъ), и далѣ: tyñkĩñt, tyñkstyñt, tyñksyñt, tyñkťimĩñt, tyñkškañt. Кромѣ этихъ образованій извѣстны и другія. Отъ mon — moñekeś и moñekś, и далѣ: moñekeñt, moñektènt, moñekstènt, moñekťemeñt, moñekkanť, moñekškañt, во множ. moñekñe; также еще: moñceś и далѣ: moñceñt, moñceñteñ; еще moñceteś, и далѣ: moñceteñt, moñceteñteñ. Отъ ton — toñekeś и toñekś, и далѣ: toñekeñt, во мн. toñekñe, еще toñceś и toñceteś, и далѣ toñceñt и toñceteñt. Отъ tyñ образуется еще tyñikĩś, и далѣ tyñikĩñt, tyñikstyñt, tyñiksyñt, tyñikťimĩñt, tyñikškañt.

§ 168. Въ соединеніи съ опредѣленными существительными и частью съ личными мѣстоименіями предлоги подвергаются постпозиціи. Сами предлоги получаютъ тѣ или иныя падежныя окончанія. Обороты съ предлогами замѣняютъ во многихъ случаяхъ

падежныя формы. Назову наиболѣе употребительныя предлоги, отмѣтивъ, что предшествующія имъ существительныя употребляются какъ въ формѣ имен., такъ и родительнаго падежа; послѣдній, кажется, обязателенъ въ опредѣленномъ склоненіи.

ala, *alda*, *aluц*, *alga* (подъ, исподъ, внизъ, по): *šadyška dešatīna vēlēnt ala* (около ста десятинъ подъ деревней), *mon līšīn olkneīn alda* (я вылезъ изъ подъ соломѣ), *mađīn grandaz aluц* (я легъ подъ телѣгу), *utkaš jakī ežem alga* (утка ходитъ подъ скамейкой).

boka, *bokas* (у, при): *kī bokas elđī vašujaš* (у дороги ожеребилась кобыла).

baška (за, сзади): *kudydynt baška ašči vīška kardynē* (за домомъ находится небольшой дворикъ).

čirisa, *čiris*, *čiriva* (на берегу, на край, по краю): *kīftaš latkuynt čiris* (онъ полетѣлъ на край оврага), *molē-molē vīvīnt čiriva* (шелъ-шелъ по краю лѣса), *ved žirisa rīva rīdīt* (на берегу рѣки варятъ пиво).

eīsa (при помощи, съ), *eīsta* (изъ, отъ): *pščidīz alašatnīn eīsa* (сжали народъ лошадыми), *čerkovañt eīsta* (изъ церкви).

ekšsa, *ekšs* (за): *aščit stolekšsa* (сидятъ за столомъ), *oīšešt stolekšs obedama* (сѣли за столъ обѣдать).

ikīle, *ikīliñ*, *ikilde* (спереди, наперед): *uprava ikīliñ targašt pokš skamja* (передъ управу вытащили большую скамейку), *kīś vēsemedy ikīlī* (вышелъ раньше всѣхъ).

jutksa, *jutksta*, *jutkuva* (между): *atañnīn jutksa ulñis* (былъ между стариками), *varče eš narodēnza jutksta* (онъ наблюдаетъ свой народъ), *javiže vēše modanža... kafta sodamunza jutkuva* (онъ раздѣлилъ всю землю между двумя своими зятьями).

karča (противъ): *od godēn garča* (наканувъ новаго года). Кажется, всегда съ родительнымъ.

kisa, *kis* (ради): *tošna saiži kožajkanzu kisa* (скучно стало ему по женѣ), *pravdañt kis soslaļi* (сослали за правду).

keca, *kecta* (у, отъ): *moñ ġeca* (у меня), *pastuχuñ kecta* (отъ пастуха). Кажется, всегда съ родительнымъ.

kuvalt, *kuvalma* (вдоль, по): *ardan ul'cañ guvalt* (скачу вдоль улицы), *vedeñ guvalma* (вдоль рѣки).

kunčkasa, *kunčkas*, *kunčkasta*, *kunčkava* (въ серединѣ, въ середину, изъ середины, посреди): *řurnyž ul'ca kunčkas* (собрали на середину улицы), *keď gunčkasa čoušeñže* (потерла на ладони), *vastyže kñažiñt ul'ca kunčkasta* (встрѣтилъ князя посреди улицы), *veñ gunčkava* (среди ночи).

laŋga, *laŋksa*, *laŋksta*, *laŋks* (на, по, съ, за): *jakiñ oħotama mořa beřek laŋga* (я ходилъ охотиться на берегу моря), *panda laŋksa* (подъ горой), *valks řečka laŋksta* (слѣзь съ печки), *išit orta laŋks* (выйдутъ за ворота).

laca (какъ, наподобіе): *kuku lacy kukyrdě* (кукуетъ какъ кукушка).

malasa, *malas*, *malaц* (близъ): *veleñt malasa* (близъ села), а *ñeř peleve malaц* (а теперь близъ полночи).

meřga (за): *tuš moñ meřga* (онъ пошелъ за мной).

marta (съ): *sunduk jarmak marta* (сундукъ съ деньгами).

řesa, *řesta*, *řes*, *řeц*, *řeva* (въ концѣ, въ конецъ): *sed řesa* (въ концѣ моста), *veře řesta ala řeц* (съ верхняго конца на нижній), *veleñt řeva čuďi vedñe* (по концу села течетъ рѣчка).

rosa, *рос* (подъ): *olgy rosa* (въ соломѣ), *kekšt polog boc* (спрячься подъ пологъ).

řeře, *řeřde*, *řeřga*, *řeřeц* (сзади, въ сторонѣ, въ сторону): *šukuñit kudy řeřeц* (кланяются въ сторону дома), *sařsyž kařty řeřde* (его взяли съ двухъ сторонъ), *rařamak koñeř řeřde* (вспарь меня комлемъ), *Alatyg beřeц* (въ сторону Алатыря).

pačk (сквозь): *řejeñ bačk otveče* (отвѣчаетъ сквозь зубы).

řra, *řras*, *řrasa*, *řraц* (на, у): *ve keďezy ežeñ břasa* (одна рука его на скамейкѣ), *valgan mon okoľca řras* (я слѣзу у околицы), *jutaš ežeñ břaц*.

potmakss (внизъ, внутрь): *krandaz botmakss kaiŋk* (бросьте въ телѣгу).

řeřt, *řeřka* (со всѣхъ сторонъ): *ñed'lañ beřt* (всю недѣлю), *še*

karksys véši eřzań mastyryńt pērka satyc (эта бечевка охватила всю вокругъ мордовскую землю),

troks (черезъ): *pokš pakšań droks* (черезъ большое поле).

tarka, tarkasa, tarkas (въ разстояніи, вмѣсто): *kevēteje vaj-
gilbeń darkasa Arčiloūdēnt ašči vēle* (въ разстояніи 25 верстъ
отъ Арчилова находится село), *kopnańt tarkas purnyt moda ku-
cīne* (вмѣсто копны собираютъ кучу земли).

turtuu (къ): *mēfet tatast turtuu* (говорятъ ихъ отцу), *sašt
rodēst turtuu* (пришли къ родственникамъ).

udala, udaluu (за): *ašči kēpkš udala* (стоитъ за дверью), *mołc
atańt udaluu* (пошелъ за старикомъ).

vére, vérga (выше): *karksamdy vérga ušys kadumak* (оставь
меня наружу повыше пояса).

velde (черезъ): *pīksyńt vēlde valgiń* (я влѣзъ по веревкѣ).

vakssa, vakss, vakska (близъ, около, обѣ): *mastyr vakss vački-
dīt* (ударъ ихъ о землю), *mīńik mastyryńt vakssa ulńis ruzyń
mastyr* (близъ нашей земли была русская земля), *mołe durakys
vīr vakska* (идетъ дуракъ близъ лѣса).

vidisa, vīdis, vīdga, vīc (до, черезъ, по): *karksam vīdis šuku-
ńaš* (поклонился по поясъ), *karksamńi vīdga šukuńaš* (поклонился
по самый поясокъ), *lomań vīdisa prást třit* (они кормятъ себя
благодаря людямъ).

Спряжение глагола.

Спряжение неопредѣленное (безъ опредѣленнаго
объекта).

§ 169. *Личныя окончанія неопредѣленного спряженія.* Вре-
мена настоящее и прошедшее имѣютъ какъ будто разныя окон-
чанія, возводящіяся однако къ слѣдующимъ:

1-е лицо ед. оканчивается на -н, которое въ прошедшемъ
времени, подъ вліяніемъ предшествующаго *і* (въ дифтонгѣ *aj, əj,
ej*), переходитъ въ -ń: наст. вр. *stan, karman, ledan*; прош. *styń,
karmīń, ledēń*.

1-е лицо мн. оканчивается на -nək, а въ прошедшемъ, подѣ вліяніемъ предшествующаго ĭ, -nək перешло въ -nək. Въ сухокарб. говорѣ -nək измѣнялось при извѣстныхъ условіяхъ въ -nə, откуда, согласно § 101, -na. Чередованіе -na и -nyk (изъ -nək) вызывало -nak вм. -nyk. Наст. вр. stata-nak, stata-na; karmata-nak, karmatana; leŧfanak, leŧfana; прош. вр. styńik, karńińik, ledeńek.

2-е лицо ед. оканчивается на -t, которое въ прошедшемъ времени, подѣ вліяніемъ предшествующаго ĭ, переходитъ въ t̃: наст. вр. stat, karmat, ledat; прош. styť, karńit, ledeť.

2-е лицо мн. оканчивается на -da, которое въ прошедшемъ времени, подѣ вліяніемъ предшествующаго ĭ, переходитъ въ d̃e: наст. stata-da, karmata-da, leŧta-da; прош. styd̃e, karńid̃e, led̃ed̃e.

3-е лицо ед. ни въ настоящемъ вр., ни въ прошедшемъ не имѣетъ окончанія: въ настоящемъ оно оканчивается на дифтонгъ ai, ai, ei, откуда yi, ii (y, i, e), а въ прошедшемъ на s̃. Наст. sty, karńe, lede; прош. staś, karmaś, leś.

3-е лицо мн. образуется изъ формы 3 л. ед. посредствомъ прибавленія t (ť), т. е. окончанія мн. числа: наст. вр. styť, karńit, ledeť; прош. stašť, karmašť, lešť.

Окончанія наст. вр. изъявительнаго наклоненія -n, -na, -t, -da находимъ и въ желательномъ наклоненіи наст. вр.: gamaza-n, gamasta-na; gamaza-t, gamasta-da—и въ условномъ наклоненіи наст. вр.: gamańdaŋa-n, gamańdaŋa-t, gamańdaŋata-na, gamańdaŋata-da; 3-е л. ед. представляетъ основу, а 3-е л. мн. основу + окончаніе t (ť): gamaza (вм. gamaza), gamast (изъ gamazt); gamańdaŋaj, gamańdaŋajt. Также находимъ окончаніе -da въ повелит. накл.; 2 л. мн.: sa-da, korta-da, mole-da, lede-da.

Примѣчаніе. -da во 2 л. мн. повел. отъ основъ на переднюю гласную въ сухокарб. и оркинскомъ говорахъ замѣнило -d̃e другихъ говоровъ, подѣ вліяніемъ -da въ основахъ на гласную задняго ряда.

Окончания изъяв. прош. вр. -ń, -ńik (-ńek), -t, -d'e находимъ въ желат. прош. вр.: kapšaksyli-ń, kapšaksyli-ńik, kapšaksyli-t, kapšaksyli-d'e; и въ сосл. прош. вр. kapšali-ń (орк. kapšaułiń), kapšali-t, kapšali-ńik, kapšali-d'e. 3-е л. ед. представляетъ основу, а 3-е л. мн. основу + окончание t: kapšaksył, kapšaksyłt; kapšal' (орк. kapšauył), kapšalt'.

Къ личнымъ окончаниямъ неопредѣленного спряженія принадлежитъ еще окончание 2 л. ед. пов. k (k), которое послѣ согласныхъ переходитъ въ t (t): sak, kortak, pidik; vant, meřt, mołt.

§ 170. *Основа изъявительнаго наклоненія наст. времени и спряженіе ея.* Основа наст. времени является производной по отношенію къ основѣ другихъ глагольныхъ формъ. Въ спряженіи настоящаго времени различаются три основы: 1) основа на -a для образованія 1-го и 2-го л. ед.; передъ этимъ а исчезаютъ гласныя окончания глагольной основы; мягкость предшествующей окончанію язычной согласной сохраняется (кромѣ однако отвердѣвшихъ š, ž), мягкость предшествующей губной и средненѣбной исчезаетъ, при чемъ средненѣбныя переходятъ въ задненѣбныя: korta, korta-a-n, kortan; suskα (suskums), suskα-a-n, suskan; led'e (led'ems), led'e-a-n, led'an; šim'e (šim'ims), šim'e-a-n, šiman.

2) Основа на -ta для образованія 1 и 2 л. мн.; та приставляется къ глагольной основѣ, которая при благопріятныхъ условіяхъ (отсутствіи сложной группы согласныхъ) утрачиваетъ свое окончание, если оно восходитъ къ α, ε, а иначе сохраняетъ его: korta-, korta-ta-na; suskα-, suskα-ta-na, susktana; kraša-, krašatana; vanα vantana; loɯnα-, lounétada; tukšnα-, tukšnytana. Въ положеніи за окончаніемъ ε (e, i) основы, ta переходитъ въ řa: teje, teje-řa-na, tejtana; led'e, led'etana, leřtana; kanli- kanliřtana.

Примѣчаніе. Въ сухокарбулацкомъ говорѣ ta (řa) удерживается и послѣ r, l, m, n, ɟ, j, тогда какъ во многихъ говорахъ вмѣсто ta (řa) въ такомъ положеніи является da (dā): сухокарб. valtana, орк. valdana; сухокарб. řaftada, орк. řauřada; сухокарб. tejtana, орк. řajtana; сухокарб.

śimtana, орк. śimđana. Неясно, почему въ Оркинѣ иногда удерживается t, напр. въ vantana, kām̄tada, pañtana.

3) Основа на ĩ для 3 л. ед. и мн. Въ соединеніи съ предше-
ствующими a, α, ε ĩ образуетъ дифтонги αĩ, εĩ, при чемъ
губныя и задненёбныя передъ α переходятъ въ мягкія губныя и
мягкія средненёбныя. Не въ концѣ слова (въ 3 л. мн. передъ окон-
чаніемъ t) αĩ, εĩ стянулись въ α, ε (съ дальнѣйшими ихъ измѣне-
ніями), а въ концѣ слова они перешли въ ŷĩ, ĩĩ, откуда у, і (а
передъ паузой é, е): korta-ĩ, korta-ĩ-t—kortαĩ, kortαĩt—kortŷĩ,
kortαt — kortè, kortèt; palaĩ — palè, sokaĩ — soke, ramaĩt —
raññit.

§ 171. Образцы спряженія настоящаго времени изъявитель-
наго наклоненія.

ОСНОВЫ НА a.

palan	kortan	raman	sokan
palat	kortat	ramat	sokat
palè	kortè	rañe	soke
palatana(k)	kortatana(k)	ramatana(k)	sokatana(k)
palatada	kortatada	ramatada	sokatada
palyt	kortèt	rañit	soket

ОСНОВЫ НА α.

maksan	loṅnan	suskan	čavan
maksat	loṅnat	suskat	čavat
maksè	loṅnè	suske	čave
makstana(k)	loṅnètana(k)	susktana(k)	čaftana(k)
makstada	loṅnètada	susktada	čaftada
maksyt	loṅnèt	suskit	čavít

ОСНОВЫ НА ε.

kaiśan	teḷñan	véčkan	śiman
kaiśat	teḷñat	véčkat	śimat
kaiśe	teḷñe	véčke	śime

kajšítana(k)	teĵńetana(k)	večktana(k)	šimťana(k)
kajšítada	teĵńetada	večktada	šimťada
kajšít	teĵńet	večket	šimít

Замъчанія къ 1-му образу. Такъ же спрягаются основы на а съ предшествующею мягкою согласною: krašan, krašatada, kraše, krašít; otvécan; srojan.

Изъ основы на а только jarca можетъ опускаться а передъ окончаніями tada, tana: jarctana при jarcatana.

Замъчанія ко 2-му образу. Не выпускаютъ гласной α въ окончаніи основы только основы на пα, если этому п предшествуетъ другая согласная, иногда также если ему предшествуетъ гласная: tukšnytana, kuńčíkšnytada, kulcynytda (но vantana). Также udytana, kulytana, šudytda (клянемъ). Ср. kandα: kantana; eńaldz: eńaltada (вы выспрашиваете); ongα: onktada (вы лаете).

Замъчанія къ 3-му образу. Не выпускаютъ гласной ε въ окончаніи основы основы на ѱε, если согласной ѱ предшествуетъ другая согласная: teĵńetana, vešńetana, šežńetana, ařtńítada, čijńítada. Также основы на še съ предшествующей согласной: jumšítada, uskšítada,—основы на сε, чε съ предшествующею согласной: kuńčítda, mańčítda, aščítda. Также vídítana. Ср. орк. řájdě: řájtťana (мы смѣемся), сухокарб. maďe: maťťana (мы ложимся), řeĵeře: řeĵeřťana (мы попадаемъ); séředě: séřeťťana (мы хвораемъ). Въ § 21 было указано на выпаденіе ĵ въ положеніи послѣ u, послѣ чего ta переходитъ въ ta: putana, putada. Вм. аĵе является аĵ (saĵťana) и аĵи или аi (skokaĩťana). Въ орк. при ѱeĵďada, ѱeĵďana отъ ѱeĵems (смотримъ) употребляется и ѱetana, ѱetada.

Замъчанія ко всемъ тремъ образцамъ. Чередованіе гласныхъ у, ё съ гласными і, е въ 3 л. ед. и мн. зависитъ отъ того, предшествуетъ ли имъ твердая язычная или задненёбная, губная, мягкая язычная: valyt, ardyt, purnyt, ozet, joftě, jutě, но lake, targe, puve, tapít, navít, šalgit, nuřgit, javít, purnavít, keředet, ulít. Чередованіе у, і съ гласными ё, е въ 3 л. мн. зависитъ отъ гласной предшествующаго слога: если гласная эта а, і, u, у, въ

Оркинѣ еще ѧ, то окончаніе является въ видѣ *yt, it*, если же гласная *e, o*, то — *ét, et*: *kundyť, salyť, prášnyť, šulmít, kučít, řícnyť, řísít, řídít*, но *koďet, morět, orčět, obedět, provožět, šodněť, toň-
get, ějet, šérgeďet, věřeďemet, kašmolet*; оркинск. *āřít, kārít*.

§ 172. *Желательное наклонение настоящего времени.* Формы спряженія принадлежать къ тремъ основамъ: 1) основа для 3 л. ед. на *-za* (въ концѣ слова *za*), которое присоединяется къ глагольной основѣ: *ramaza, uliza, věčkeza, šupalgadyza, loďněza, čangyďiza*, орк. *mon karman Věřepazyňť prošít, štoby ranaryš stavuza* (я начну просить Всевышняго, чтобы рубашка сшилась); 3 л. мн. образуется посредствомъ присоединенія *t* къ формѣ 3 л. ед.: *zāt* переходить вслѣдствіе выпаденія *α* въ *zt* — *st*: *ramast, vīďist, řísist, morast, kasyst, čačist, louněst*; орк. *mon χoču, štoby šyň udyst* (я хочу, чтобы они спали).

2) основа на *-za* для 1-го и 2 л. ед., которая образуется черезъ присоединеніе основы на *-a-* (ср. эту основу въ наст. вр. изъясн.) къ основѣ на *za* (3 л. ед.): *ramazan, kandyzan, tejezat, tujizat*.

3) основа на *-sta* для 1-го и 2 л. мн., которая образовалась черезъ присоединеніе основы на *-ta-* (ср. эту основу въ наст. вр.) къ основѣ на *za* (3 л. ед.): *zāta* перешло въ *sta* послѣ выпаденія *α*: *tuřistata, morastada, karmastana*, орк. *mon oznan, štoby tyň uistada tona bokač* (я прошу, чтобы вы переплыли на тотъ бокъ); *saistana*.

ramazan	ulīzan	molezan	kandyzan
ramazat	ulīzat	molezāt	kandyzat
ramaza	ulīza	moleza	kandyza
ramastana	ulīstana	molestana	kandystana
ramastada	ulīstada	molestada	kandystada
ramast	ulīst	molest	kandyst

§ 173. *Условное наклонение настоящего времени* образуется посредствомъ присоединенія слоговъ *ďařa* къ глагольной основѣ, обособленной окончаніемъ *-ň* (вѣроятно, къ причастию наст. вр.).

Въ спряженіи тѣ же три основы, что въ спряженіи изъяв. наклоненія: 1) основа на -а- для 1 и 2 л. ед.: *ramańdāran*, *kulyńdārat*; 2) основа на -та- для 1 и 2 л. мн.: *sańdāratana*, *ramańdāratada*; 3) основа на ĭ для 3 л. ед., отъ которой образуется и 3 л. мн. посредствомъ окончанія *t*: *sańdāraj*, *kasyńdārajt*, *keřavĩndārajt* (неясно, почему *aĭ* не стянулось въ *ε*).

<i>ramańdāran</i>	<i>kulyńdāran</i>	<i>śimĩndāran</i>
<i>ramańdārat</i>	<i>kulyńdārat</i>	<i>śimĩndārat</i>
<i>ramańdāraj</i>	<i>kulyńdāraj</i>	<i>śimĩndāraj</i>
<i>ramańdāratana</i>	<i>kulyńdāratana</i>	<i>śimĩndāratana</i>
<i>ramańdāratada</i>	<i>kulyńdāratada</i>	<i>śimĩndāratada</i>
<i>ramańdārajt</i>	<i>kulyńdārajt</i>	<i>śimĩndārajt</i>

Замѣчаніе. Основы на *a*, очевидно, подѣ вліяніемъ прочихъ основъ, образуютъ условное наклоненіе въ Сухокарб. говорѣ не только отъ глагольной основы съ окончаніемъ -а^н, но также съ окончаніемъ -у^н (послѣ мягкихъ согласныхъ, губныхъ и задне-нёбныхъ -і^н): *palyńdāraj*, *gaĩmĩndāran*, *salyńdāran* и *salańdāran*.

Образованія какъ *gamandařaj*, *gamatdāřaj*, извѣстныя въ другихъ говорахъ, въ Сухокарб. и Орк. не встрѣчаются.

Въ Оркинѣ вмѣсто *aĭt* является *aĥt*: *syń ramańdāřaĥt vĩr*, *karmĩt uguljat pul̥tama* (если они купятъ лѣсъ, то станутъ жечь угля); *jesĩ ućitĩl̥tñā karmāńdāřaĥt tonařtyma*, *to ućĩnikñā karmĩt sodařa* (если учителя станутъ учить, ученики будутъ знать).

§ 174. *Повелительное наклоненіе.* Окончанія -*k* (2 ед.), -*da* (2 мн.) присоединяются прямо къ глагольной основѣ. При этомъ конечная гласная основы передъ -*k* выпадаетъ при благопріятномъ стеченіи согласныхъ, а передъ -*da* всегда сохраняется; но сухокарб. *saĭda*, *ĉaĭda*, ср. *purnavuda*, *pańžuřvuda*. Послѣ гласныхъ передняго ряда *k* измѣняется въ *k*: *śulm̥sik*, *kuńćik*, *veř-ńek*, *ařćik*, *śeřńek*, *ařćik*, оркинск. *tārdik* (позови), *vāřńik* (ищи). Послѣ согласныхъ *k* измѣняется въ *t*, которое послѣ мягкихъ согласныхъ звучитъ какъ *t*: *oŋkt* (лай), *ĉařt*, *peřnařt* (воткни), *ĉařt*, *vant*, *kućt*, *tonařt*, *kaduřt*, *jařt*, *uskt*, орк. *susk* (вм. *suskt*),

usk (вм. uskt), pančt, ant, art (скачи), орк. vałt, ulť, mołť, lišť, šimť, měřť, věčkť (орк. věčk), tejeřť, kełķť (полѣзай), čangyt, vēšť, kekšť, pańiřť, орк. vāšť, орк. pāčk (зарѣжь), leřť, kiřť, startařť (попробуй), kušť, pańť, saįť, nuįť, čiįť (орк. saųť, čiųť, uųť).

Примѣчаніе. При nuįť извѣстно и nuk.

kortak	vant	loṇnēk	aščik	šimť
kortada	vanyda	loṇnēda	aščida	šimida

vēšnēk	terťť	teįť
vēšnēda	terďēda	teįēda

Для усиленія 2 л. ед. употребляется частица а, передъ которой вм. к является k: sodaka, varčtaka, vanyka, keřaka, poṇgařtyka, vačkidika, loṇnēka, putta, pańta, saįta, teįta, орк. čiųta, орк. leřta. При а извѣстно и aja: keřakaja; ajař: vanykajař, nuřčikajař, uřtykajař, gamařkajař, liřtař. Кажется, кромѣ того извѣстно окончаніе -ka (съ русскаго): uřťka bańa (вытопи-ка баню), teįťka, mołťka, vantka, орк. leřťka. Отмѣтимъ заимствованное изъ татарскаго: aďa (иди, подойди), aďi, aď, aďka, aďida; aza (ступай), aži, ařaka, ařika, орк. ařida. Неясно: pańda (довольно); ařka и uřka (погоди-ка). Изъ русскаго: dař, davař, dařka, dařti, prořčaj, na, nařa. Обратилось въ нарѣчіе: vařak (вѣроятно).

§ 175. Прошедшее время изъявительнаго наклоненія имѣетъ: 1) для 1 и 2 л. ед. и мн. окончанія -ń, -ť, -ńik (ńek), -ďe, присоединяемые къ глагольной основѣ, осложненной примѣтою ĭ, при чемъ aĭ, αĭ и εĭ измѣнились въ α и ε (α переходитъ въ ε послѣ губныхъ и задненѣбныхъ); 2) для 3 л. ед. окончаніе ř, присоединяемое къ основѣ, при чемъ 3 л. мн. образуется посредствомъ прибавленія еще ř (признака множ. числа).

Основы на а.

purnyń	ozėń	ulmiń	lotkeń
purnyť	ozėť	ulmiť	lotkeť
purnař	ozař	ulmař	lotkař

purnyńik	ozěnek	ulmńinik	lotkeńek
purnyde	ozěde	ulmide	lotkede
purnašť	ozašť	ulmašť	lotkašť

ОСНОВЫ НА *α*.

kadyń	jorděń	kaduvin	uskiń
kadyť	jorděs	kaduviť	uskiť
kać	jorć	kaduś	uskś
kadyńik	jorděnek	kaduvinik	uskińik
kadyde	jorděde	kaduvide	uskide
kaćť	jorćť	kaduśť	uskśť

ОСНОВЫ НА *ε*.

śimín	moleń	tejeń	avardín
śimít	molet	tejet	avardít
śimś	mołć	tejs	avarc
śimínik	moleńek	tejeńek	avardínik
śimide	moledě	tejede	avardide
śimśť	mołćť	tejsť	avarcť

Замѣчанія къ 1-му образцу. Такъ же спрягаются основы на -а съ предшествующею мягкой согласной: eřen, eraš, kajinik, kajašť, орк. čekeń (я молился), ařin, ařašť.

Замѣчанія ко 2-му образцу. Не выпускаютъ гласной *α* въ 3 л. ед. и мн. тѣ основы, въ концѣ которыхъ значительное стечение согласныхъ: такъ послѣ kśn: molekśněs, ežekśněs (согрѣлся), lotksekśněs, loṇekśněs, tejnekśněst, soṇekśněst; такъ же, напр. loṇes, kulyś, udyś, řifcyś. Ср. maksć, vėlafć, šupalgać, šormac, orčafć, puć, suskś, орк. sąś.

Замѣчанія къ 3-му образцу. Выпаденіе гласной *ε* въ 3 л. ед. и мн. задерживается группою согласныхъ: vidiś, ulniś, muřniś, nalksiś, šulmsiś, laksis (натесалъ), kajsiś, sižiś, čudiś, čijniś, řifniś, řižniś, ařciś (разсудилъ), ičiś (мѣсилъ), nuřciś, ašciś, ašciśť, draž-

níšť, úrvaksníšť, uskšíšť, orgoleś, kelmeś, ećeś, teťtneś, jofneś, veśneśť.

Отмѣтимъ выпаденіе j: píś, píšť, muś, tuś, nuś, míś (продаль), neś, но uǰś, čijś, tuǰś, muǰś, mǰjś, teǰś, néjś. Звуки ś, śť послѣ r, l, n переходятъ въ ċ, čť: kšćirčť, rańć, meńć, pełć.

Сочетаніе źś, śś извѣстны въ Сухомъ Карбулакѣ, вмѣсто чего также jś: syrgyjś (проснулся), kirvajś, ĳijś, но также kuśś, kaśś (kazims), liśś, kuśśť, ĳiśśť. Въ Оркинѣ вмѣсто этого ść, а вмѣсто śś — šć: ĳiść, vāść, kekść.

Замѣчанія ко всемъ тремъ образцамъ. Чередованіе гласныхъ основы у, ё, съ одной стороны, і, е, съ другой, стоитъ въ зависимости отъ предшествующей согласной: послѣ твердой язычной является у, ё, послѣ мягкой язычной, а также губной и средне-нёбной (вм. задненёбной) і, е. — Чередованіе же въ окончаніи основы, съ одной стороны, звуковъ у, і, съ другой, ё, е зависитъ отъ гласной предшествующаго слога; послѣ гласныхъ а, і, u, y, а въ Оркинѣ и послѣ ä, являются у, і, а послѣ гласныхъ е, о являются ё, е: karńiń, naryń, varštyń, aryń, sajiń, syrgyziń, stukadiń, pačkidĩń, kuziń, śiziń, kadyť, satyńik (достались), kulyšť, орк. äriń, ärińik, sāviń, kǰukšniń, šǰrgidĩť; но joťteń, moreń, ozeń, lotkeńek, nejekšneń, loɳnekšneń, ećeś (полѣзь), сухокарб. eřeń, kelmeś (примерзь), peleń, pońeń.

§ 176. *Сослагательное наклоненіе со значеніемъ прошедшаго и настоящаго времени* образуется отъ глагольной основы посредствомъ присоединенія -ule (первоначально глагольной основы, ср. ulims: быть). Къ этому суффиксу присоединяются въ 1 и 2 л. ед. и мн. окончанія прошедшаго времени при посредствѣ суффикса прошедшаго времени ĳ (ĳĳ переходитъ въ ċ). Въ 3 л. ед. и мн. является основа безъ окончаній, при чемъ 3 л. мн. образуется изъ 3-го л. ед. посредствомъ окончанія мн. числа t. Гласная u суффикса ule въ соединеніи съ окончаніемъ основы образуетъ дифтонги: aĳ, uĳ, oĳ, eĳ, iĳ. Эти дифтонги сохраняются въ Оркинѣ, но въ Сухомъ Карбулакѣ вмѣсто нихъ: а, у, о, е, і: орк. karšauĳiń, meřeuleńek, šormadyulit, сухокарб. čauĳiń вм. čauuĳiń, čavuĳiń.

Употребляется обыкновенно съ русской частицей *by* (*bu*). Въ сухокарбулацкомъ говорѣ:

kapšaliń	udyliń	pańiliń	meřeleń
kapšalit	udyliť	pańilit	meřelet
kapšaľ	udyľ	pańil	meřeľ
kapšalińnik	udylińnik	pańilińnik	meřeleńek
kapšaliďe	udyliďe	pańiliďe	meřeleďe
kapšaľt	udyľt	pańilt	meřeľt

Замѣчанія. Въ сухокарб. выраженіяхъ *prazu pravuľ, savuľ* (при *praľ*), *tujiviľ* (при *tujil*), *uliľil* сохранились старыя формы 3 л. ед. Ср. орк. *son by udyvyľ, da psi* (онъ бы заснулъ, да жарко), *pidiviľ, moľeľeľ; son by jarcavyľ, da kšiza araś* (онъ бы поѣлъ, да нѣтъ у него хлѣба); *loġnovôľ, valuvyľ, oġgovôľ, putyvvyľ, vořgeďeľeľ*. Другія орк. формы: *meřeľleńek, paraľliďa, ekšelaľvyľt, šormadyuľit, čauľiń, čaľkyďiľit*.

§ 177. Та же форма желат. наклоненія употребляется и въ значеніи прошедшаго вр. изъявительнаго наклоненія, но рѣдко; съ такимъ значеніемъ она выходитъ изъ употребленія. Такъ *son zokaľ* значить онъ пахалъ; орк. *šedikiľi mon jaly kapšaliń* (въ старину я все торопился) (Р. Θ. Учаевъ скажетъ: *karšun*); орк. *šedikiľi miń jaly šedi eľalińnik* (въ старину мы жили лучше); орк. *son sakšnyľ* (онъ приходилъ), *šun sakšnyľt, son ěekšneľ* (онъ видѣлъ), *šun ěekšneľt*.

§ 178. Желательное наклоненіе прошедшаго времени образуется черезъ присоединеніе къ основѣ суффикса *-ks-* и глагольных формъ *uliń, uľit* и т. д., при чемъ *u* переходитъ въ *α* (откуда *y, e*).

kapšaksyľiń	udyksyľiń	meřeksêleń
kapšaksyľit	udyksyľit	meřeksêlet
kapšaksyľ	udyksyľ	meřeksêľ
kapšaksyľińnik	udyksyľińnik	meřeksêleńek
kapšaksyľiďe	udyksyľiďe	meřeksêleďe
kapšaksyľt	udyksyľt	meřeksêľt

Отмѣтимъ нѣсколько примѣровъ: loṇṇékséleñ, putyksyliñ, vanyksyliñ, uṭvakstyksyl (онъ хотѣлъ жениться), varštaksyliñ, čaviṭksyliñ, meṛekšneṭ (онъ сталъ было говорить), eṛāksyliñ, štaksyliñ (я всталъ было), karmaksyl (началъ было); орк. ton udyksyliṭ, ṭḍa āzidiṭ katt (ты хотѣлъ спать, да тебѣ не дали). Употребляется и съ частицей by: орк. tyñ by ekšeṭaksyliṭḍā, ḍa vāḍiṣ kālmā (вы хотѣли бы выкупаться, да вода холодна). Чередованіе е и і въ глагольной флексіи обуславливается вліяніемъ предшествующей гласной: послѣ у — і, послѣ ё — е.

§ 179. *Условное наклоненіе прошедшаго времени* образуется изъ соединенія формъ сослагательнаго наклоненія прош. вр. съ частицей ḍāra (ḍāṛak): uliñ ḍāra, uliṭ ḍāra, uliṭ ḍāra; meṛeleñ ḍāra, uliñ ḍāra ṇeṭgak oḍḍora; орк. mon loṇṇoleñ ḍāra, to sodaṭliñ ḍāra (если бы я читалъ, то узналъ бы); syñ tonastyvīṭ ḍāra, čoreṇetñā čāṛkydīvīṭ ḍāra (если бы вы учили, мальчики бы понимали); tyñ oznovleḍe ḍāra, moḍet byṭ i piṛiṇe tuiṭiṭ (если бы вы помолились, то, быть можетъ, пошелъ бы дождь).

§ 180. *Спряженіе съ отрицаніемъ*. Въ соединеніи съ отрицаніемъ формы наст. вр. изъяв. наклоненія спрягаются такъ же, какъ безъ отрицанія: asodaṇ (или azdaṇ), amaṛat, aṣiṇe, aṇandaṇ (вм. а andaṇ, не кормлю), aṇardaṇ (вм. а ardaṇ, не скачу) и т. д. Кромѣ того съ отрицаніемъ соединяются формы сослагательнаго наклоненія наст. времени: орк. syñ akoṣkāṇḍāraḥṭt uṇaṭṭ, to baḍaṇ amoleṭ (если они не станутъ собирать яблоки, то не поѣдутъ на базаръ); son aṇaṛsaṇḍāraṇ, ṛāḱiṛa vaṣā (если онъ не поѣстъ, то будетъ голоденъ). Равнымъ образомъ и формы прош. вр. желательнаго наклоненія, напр. mon aṇeṛekseṇeñ (я бы не совѣтовалъ), mon a teṇekseṇeñ (я желалъ бы не дѣлать), a molekseṇeñ (я было не хотѣлъ идти). Всѣ остальные наклоненія и времена образуются посредствомъ соединенія глагольной основы (при извѣстныхъ условіяхъ обособленной окончаніемъ -k) съ формами вспомогательныхъ глаголовъ, содержащими въ себѣ и отрицаніе (iṭa-, eṛe-, auṭe-). Простую основу находимъ отъ тѣхъ глаголовъ, которые въ спряженіи не выпускаютъ конечной гласной (это

прежде всего основы на -а, затѣмъ основы на е, а съ предше-
ствующею сложною группою согласныхъ): soda, juta, karma,
ekšela, madne, ulne, vetne, ašče, ramše, piče, lišne, ozna, mukšna,
šopna, sata, tarna. Также на неслоговой звукъ: vitiđ, sajiđ, kirdiđ.
Основу, обособленную окончаніемъ -k, имѣютъ тѣ глаголы, ко-
торые выпускаютъ конечную гласную основы. При этомъ к послѣ
согласныхъ переходить въ t: tuk, nek, muk; mašt (вм. maštt),
kant (вм. kandt), palt, čaft, tonatt, tonaft, vanuft, katt, onkt, lo-
voft, targaft, putt, uskt, učuft, ant, pančt, melaft; tejt, vitiťt,
molť, lišť, čarkitt, sajitt, mujitt; pońeťt, keńeťt, avaft. — Рѣже
является -k въ основахъ на гласную: šak, jakak, sokak, kuńčik,
žuvijak. — Въ Оркинѣ извѣстны и формы какъ čađ, pal, van,
kaduđ, moľ, saj, kām, tuť, poť (безъ окончанія t изъ k).

1) Сослагательное наклоненіе прошедшаго времени образуется
черезъ соединеніе желательнаго наклоненія прош. вр. глагола
auľe — съ указанными выше формами на гласную или k (k, t, f),
къ которымъ присоединена частица đafa: avuľ ul đafa; avuľit
meťt đafa; avuľin meťt đafa; avuľinik, avuľidī, avuľt meťt đafa;
орк. ješliby miń avuľinik jarca, to šupaft ulinik (еслибы мы не
ѣли, то были бы богаты).

2) Желательное наклоненіе настоящаго времени образуется
посредствомъ соединенія указанныхъ выше формъ съ глаголь-
ными формами:

ilazan
ilazat
ilaza
ilastana
ilastada
ilast

Напр. ilaza keńeťt; ilast ulť, meťt; ton joftak teťt, štobu syń
ilast meť; орк. koda mon ilazan moľ, šorođno apačkydan (какъ бы
я ни шелъ, все равно не дойду); koda miń ilastana kapša, šorođno
akańirdana (какъ бы ни спѣшили, все равно не успѣемъ).

3) Повелительное наклонение образуется посредствомъ соединенія указанныхъ выше формъ съ глагольными формами:

ila, ilak, ilaka
ilada.

Напр. *ila jaka* (не ходи), *kapša, soka, kula, šukyňa, řizna, ant, molť, řejest, kuńčik, boroća; ilaka řizna, melaft, putt; ilak tokše, ilak vant* (не смотри); орк. *ila mol, ila saj; ilady jaka* (не ходите), *šouna, jakak, sokak, pančť, molť; орк. ilady van.*

4) Прошедшее время изъявительнаго наклоненія образуется посредствомъ соединенія указанныхъ выше формъ съ глагольными формами:

ežen
ežet
ež
eženek
ežede
ešť

Напр. *ežen vaja, ež věťne, ešť karma, ežet madňe, ež kirt, ešť korta, ež za, ešť řice, ežet mašť, ežet čikyř* (ты не скрипѣлъ), *ež molť; орк. ažiň, ažit, až, ažiňik, aždä, ašť, напр. korta, velaft, čačť, řizakatt* (закричалъ), *jumša* (пропалъ), *päl* (сгорѣлъ), *čau* (билъ) и т. д.

§ 181. *Причастія.* Извѣстны четыре образованія:

1) Причастія настоящаго времени съ окончаніемъ *i*, которое сливается съ окончаніями основы *a, α, ε* въ дифтонги *yi, ii*, откуда въ концѣ слова и фразы *ě, e, а* иначе—*y, i* (ср. форму 3 л. ед.); рядомъ — и окончанія *yi, ii*, восходящія, очевидно, къ тѣмъ же дифтонгамъ. Эти причастія употребляются и какъ существительныя и какъ прилагательныя. Значеніе дѣйствительное и среднее; *χrostěn gaňlij ataňť; šijaks čudij vědňestět, jarcyj gudysta* (изъ дома гдѣ ѣдятъ; изъ трактира), *zolotaks kevěřej gevěňestět, šijaks*

líšij lísmáprínistyt, šimij gudysta, kudy varčij numulyś, karavlij ata (караулящій старикъ), mel vanyj (угрождающій), kore kirdij, paly toles (горящій огонь), líši činiń (восходящее солнышко), řeš-keđe kocuńeń (наполняющееся мѣсячко), kičkirde skalyń, pśtidī alašań, čama nardyj fejtefeńt, řizyń burnyj.

Формы склоненія: řeńčeń ġirdijška; šejecta kortejś; čavus onġejś (лающій попусту); karksyń godejś; čačtajińt; kudyń ġirdijś; kulyjt; juńijt. Въ соединеніи съ личными мѣстоименіями: líšijza, vastyja, duńijza, kortejza, purnyja.

Тожественны по значенію существительныя на -ća, образованныя посредствомъ присоединенія этого окончанія къ сокращенной формѣ причастія настоящего времени: korteća, andyća, kulyća, čarkidīća, orčeća, séredeća, syća, čačtyća, koštećaś, salyćaś, čačića (родившійся), kiskaś onġeća, орк. mon ġejeń kārīća (я видѣлъ рубящаго), tājīća.

2) Причастіе прошедшаго времени на -ń, присоединяемое къ глагольной основѣ (значеніе страдательное): noldań galtnyń, andyń boroц (откормленный боровъ), kildīń alašaza, kildīń alaša melga, kirvaštiń xonař (зажженный фонарь), kekšeń zuskumnińt, purnyńġe kajśiń jarmakniń (онъ собралъ разсыпанныя деньги), čijań bata, śiśiń mon bovoden lauśiń (у меня семь подвѣшенныхъ зыбокъ), anykstań prákińe, vefesa kodań bulysa, putyń gudysa, keřań víř (срубленный лѣсъ), śulmań źelńt, srojań gardazum, vačkań ġopnada. Отмѣтимъ tířiń tafa, škiń auka (кормилецъ отецъ, кормилица мать), ср. třams (кормить).

3) Причастіе прошедшаго времени на -ź, присоединяемое къ глагольной основѣ (значеніе и страдательное и среднее). При среднемъ значеніи эти причастія можно признать дѣепричастіями: čijiz (бѣжа), mađiz (лежа), avařdiz (плача, рыдая), řiznaź, jakaź, toškaź (шепотомъ), mogaź (поя), aščiź (погода), uńiź (вопя), vačkidiz (ударивши), ozneź (помолившись), ardyź (вскачъ), řejdeź (смѣясь), raduvaź (радостно); nađjaź (надѣясь), jutaź (проходя), varčniź (ощупью), kulakyń ġepedeź; či jutaź gak velen brumks; mon dońaviń ekšelaź (я усталъ купаясь), miń tuńiķ jarcaź (мы пошли поѣвши), —

страд. sokaž moda, šulmaž, kundaž, anykstaž, kolaž (испорченъ), gamaž (купленный), ŗekstaž (запертый), gaŋaž (раненый), tapaž (затоптанный), keŋaž, salaž (украденный), veltaž, paŋažaž, šlaž, štaž, ūradaž, meŋdež (согнутая), oŋkstaž (взвѣшена), oŋčaž (одѣта), ecež (наполненный), kodaž (сплетенный), kalaftyž (разоренъ), kandyž (занесенъ); putyž (положенъ), komaftyž (опрокинуть), šividiž ģiskafne, pilciž (напиленъ), nujiž (сжать), mujiž (найденъ), lekež (вылаканъ), putyž kudysa, kirvaštiž ģonaŋ, kilđiž alašasa.

Формы склоненія: veltažiŋ (покрытого), kundažiŋ (пойманного, напр. čubaš kundažiŋ: шуба пойманного), veši latytiŋi veltašt, veši kudytiŋi krašašt, veši lomatne tonaftyšt, skotinafne andyšt, štažga, nardažga, veši čavušniđa žiusta kadušt niŋi eŋ vete (изъ всѣхъ побитыхъ остались въ живыхъ четверо или пятеро), р. мн. kundašniŋ, дат. мн. kundašniŋiŋ.

4) Причастіе прошедшаго времени на ft (ft), присоединяемое къ глагольной основѣ. Имѣеть страдательное значеніе. — Напр. ūrađaft, štaft, uskaft, laznuft, šduft, vadniift, sajiift, tejeift.

Формы склоненія: ticaš valks štaftyŋ (раскрытый) utum laŋks; te paŋaryš štafiŋiŋ nardafiŋiŋ (это полотенце для вымытаго и вытертаго), štafka nardaŋka jak šiift jakit (вши ходять и по вымытому и вытертому); veši pakšafni štaft nardaft (всѣ ребята вымыты и вытерты).

Въ Оркинѣ причастіе это оканчивается не на -ft, а на -f: šormaš šormaduf (письмо это написано), son kuluftuf (онъ умерщвленъ), paŋaf, tšif, miif, vidiŋ, kundaf, šulmaf, sokaŋ, и т. д. Во мн. ч. kučuft, sokaft, ledeift, čauft, и т. д.

§ 182. Дѣепричастіе съ отрицаніемъ образуется посредствомъ соединенія отрицанія aŋak съ указанными въ § 180 глагольными формами: aŋak duma (не думая), žala, loŋna; oŋmeŋ aŋak targa (не переводя духъ), aŋak kapša (не спѣша), aŋak fata, soborja, soda, oŋča, kaŋce, орк. aŋak koŋta, aŋak šiŋ duš (пошелъ не напившись), aŋak gama kadušt (осталось не купленнымъ), aŋak čaŋtuš (ушелъ не битый), сухокарбул. aŋak lemt, šiŋt, muškt, keŋkšt, piŋgiŋt, ūvakst.

выпускается. Формы эти подлежат измененію по падежамъ: *suwama, moľeme, avarďime, oznoma, kortama, uduma; suwams, moľems, suvamsta, moľemsta, suvamda, moľemda, suvamga, moľemga, suvamsa; mon ějeń moľemda* или *moľemada* (я видѣлъ, какъ онъ шелъ), *ve suamsa tejs atejeve* (однимъ входомъ это дѣло не дѣлается), *ve jakamsa tei atejat* (однимъ приходомъ дѣло не дѣлается).

Замѣчаніе. Основы на -а имѣютъ непременно -ама. Въ прочихъ основахъ чередованіе -ома, -ума, съ одной стороны, и -еме, -іме, съ другой, зависитъ отъ предшествующей согласной. Послѣ мягкой язычной является -іме, -еме, послѣ твердой язычной, губной и задненѣбной -ома, -ума. Чередованіе -ома, -еме, съ одной стороны, -ума, -іме, съ другой, зависитъ отъ гласной предшествующаго слога; въ положеніи за слогомъ съ о, е является -ома, -еме, въ положеніи же за другой гласной -ума, -іме: *čavuma, uduma, kšciďime, pškadime, kańlime, teťtńeme, loɯnoma, soɯnoma, tujiń moľeme, lišiniń moľeme.*

Отдѣльно стоитъ отглагольное существительное на -та (между тѣмъ какъ инфинитивъ и супинъ оканчиваются на -та, -те): *moľema, udumam, avarďima* (склоненіе: *avarďimada* и т. п.), *meľezen duš moľemaš* (мнѣ захотѣлось пойти).

§ 187. Отмѣтимъ нѣсколько заимствованій изъ русскаго языка въ области глагольныхъ образованій. Частица *bu (by)* отмѣчена выше.

mon byl (я было): *a mon byl sońanza śijan vĺkińe kandykš-nyń; a mon byl zyrgakšnyń* (а я было собрался).

Также формы прошедшаго времени на *l: egzańen zdal, zdaľi; ɤotol son* въ значеніи *dumaš son* (онъ захотѣлъ, хотѣлъ).

Также прошедшее время на *la, li: mon, ton, son žala* (я думалъ, чаялъ), *miń, tyń, syń žaľi* (чаяли), *riɯsɯɤatńi čaľi* (молотильщики думали). Орк. *mon ɤoɯ* (я хочу).

Спряженіе опредѣленное (съ опредѣленнымъ объектомъ).

§ 188. Формы этого спряженія употребляются при опредѣленномъ объектѣ, выраженномъ или личнымъ мѣстоименіемъ или существительнымъ. Въ зависимости отъ объекта измѣняются и самыя формы спряженія. Такимъ образомъ получается шесть разрядовъ глагольных формъ въ зависимости отъ шести возможныхъ объектовъ: 1) объекта въ 1 л. ед., 2) объекта во 2 л. ед., 3) объекта въ 3 л. ед. или въ формѣ того или иного существительнаго въ ед. ч. въ формѣ опредѣленнаго склоненія, 4) объекта въ 1 л. мн., 5) объекта во 2 л. мн., 6) объекта въ 3-мъ лицѣ мн. или въ формѣ того или иного существительнаго во мн. ч. въ формѣ опредѣленнаго склоненія.

§ 189. Формы опредѣленнаго спряженія въ прошедшемъ времени образуются отъ глагольной основы, обособленной суффиксомъ *ĭ*. Напротивъ, формы опредѣленнаго спряженія настоящаго времени образуются при помощи особыхъ суффиксовъ, а именно: 1) суффикса *-sa* для формъ съ объектомъ въ 1 л. ед. и мн. и 3 л. ед. и мн.: *šnasa-*, *noldasa-*, *ńesa-*, *vanca-*, *sajsa-*, *većksa-*, и 2) суффикса *-ta* (*ta*) для формъ съ объектомъ 2 л. ед. и мн. *šnata-*, *noldata-*, *ńeta-*, *vanta-*, *sajta-*, *većkta-*.

§ 190. Бóльшая часть личныхъ окончаній настоящаго и прошедшаго времени—одной формы, одного происхожденія. Общими окончаніями являются: *при объектѣ въ 1 л. ед.*: *ńiž* для 2 и 3 мн.; *при объектѣ въ 1 л. мн.*: *ńiž* для 2 и 3 ед. и мн.; *при объектѣ въ 3 л. ед.*: *ńik* для 1 мн., *ŋk* для 2 мн., *ž* для 3 мн.; *при объектѣ въ 3 л. мн.*: *ń* для 1 ед., *ť* для 2 ед.; *ńže* для 3 ед., *ńik* для 1 мн., *ŋk* для 2 мн., *ž* для 3 мн.

Нѣкоторыя отличія зависятъ отъ той формы, которую эти окончанія получили, благодаря соединенію съ *ĭ* — примѣтою прошедшаго времени. *При объектѣ въ 1 л. ед.* находимъ для 2 ед. въ настоящемъ такъ, а въ прошедшемъ *ńek*; это *ńek* восходитъ къ *taĭk*; въ 3 л. ед. въ настоящемъ *taŋ*, а въ прошедшемъ

тѣмъ изъ тајм. При объектѣ во 2 л. ед. находимъ для 1 ед. въ настоящемъ тап, а въ прошедшемъ тѣп: это тѣп восходитъ къ тапн; для 3 ед. въ настоящемъ пзат, въ прошедшемъ ѣзѣ изъ пзат; для 1 и 3 мн. въ настоящемъ дуѣ (изъ даѣ), а въ прошедшемъ дѣз изъ даѣз. При объектѣ во 2 л. мн. находимъ въ настоящемъ для 1 и 3 ед. и мн. дуѣ, а въ прошедшемъ дѣз. При объектѣ во 2 л. ед. для 1 и 3 мн. находимъ въ настоящемъ дуѣ, а въ прошедшемъ дѣз. При объектѣ въ 3 л. ед. находимъ для 2 ед. въ настоящемъ к (šnasak), а въ прошедшемъ к подь вліяніемъ предшествующаго і (šnyk изъ šnaik).

Несходными оказываются окончанія для 1 л. ед. при объектѣ въ 3 л. ед.: въ настоящемъ находимъ -а (šnasa), восходящее, быть можетъ, къ аја (šnasa-ja), а въ прошедшемъ -іе (šne), вмѣсто чего въ другихъ говорахъ -ја (сухокарб. и орк. štyne, а въ другихъ говорахъ štyja). Далѣе несходны окончанія для 3 л. ед. при объектѣ въ 3 л. ед.: въ настоящемъ находимъ е (y) неяснаго происхожденія, напр. šnasē (šnasu), а въ прошедшемъ же (šnyže изъ šnaže, šnaiz).

§ 191. Настоящее время изъявительнаго склоненія.

Объектъ въ 1 л. ед.

ед. 2	šnasamak	večksamak	kacamak	idimak
3	šnasamam	večksamam	kacamam	idimam
мн. 2	šnasamiž	večksamiž	kacamiž	idimiž
3	šnasamiž	večksamiž	kacamiž	idimiž

2 ед. ancamak, kacamak (ты меня оставишь), stuusamak, palasamak (ты меня поцѣлуешь), орк. säusamak (ты меня съѣшь), udufcamak (ты даешь мнѣ спать), šimsamak.

3 ед. gamamam (онъ меня купитъ), starcamam (онъ меня настигнетъ), noldasamam, arafcamam (онъ меня поставитъ).

2 мн. mañasamiž, mañčisamiž, noldasamiž (вы меня пустите).

3 мн. noldasamiž (они меня пустятъ), loysamiž, kundasamiž, šežne-samiž, prímasamiž, čausamiž, ozafcamiz (они меня посадятъ).

Объектъ въ 1 л. мн.

ед.	2	}	šnasamiz, večksamiz (ты насъ любишь), орк. ton tarcamiz
	3		
мн.	2	}	mimik (ты насъ позовешь), čačsamiz (вы насъ побьете), pačsamiz (они насъ погоняютъ), šimsamiz.
	3		

Объектъ во 2 л. ед.

ед.	1	šnatan	večktan
	3	šnatanzat	večktanzat
мн.	1	šnatadyž	večktadyž
	3	šnatadyž	večktadyž

1 ед. palatan (я тебя подѣлю), usktan, lastan, antan, ramatan, povatan, baslavatan, kučtan, arduftan, noldatan; орк. čačdan, sajtan, iditan, šimtan, kivittan, lukščattan, pačtan, pejettan; орк. sajčdan, tājčdan (я тебя заколдую).

3 ед. tonaftanzat, makstanzat (онъ тебя отдастъ), iznatanzat, vetaftanzat, sasatanzat, kundatanzat, nilftanzat, proštatanzat, porftanzat, velaftanzat, nefanzat, erfanzat (оглоушить), орк. son toč čačdanzat (онъ тебя побьетъ), son toč karčifanzat od garčisa (онъ тебя обуесть въ новыя лапотки).

1 и 3 мн. ukstadyž (мы тебя отведемъ), noldatadyž, učtadyž, veščadyž, venčatadyž, орк. mim pačktadyž toč (мы тебя зарѣжемъ), syč toč tājčadyž (они тебя сдѣлаютъ).

Объектъ во 2 л. мн.

ед.	1	{	šnatadyž, večktadyž, mitadyž, iznatadyž, tejtadyž, muta-
	3		dyž, salčitadyž, pultatadyž, sajčadyž, kilftadyž, pačtadyž,
мн.	1		орк. mím tyňk robotaftadyž (мы васъ заставимъ работать),
	3		mím tyňk šormattadyž (мы васъ запишемъ), son dyňk mí-
			tadyž (онъ васъ продастъ), орк. mon sajčadyž tyňk (я
			васъ возьмѹ), targaftadyž (я дамъ вамъ покурить), syň
			tyňk jumaftadyž (они васъ погубятъ).

Объектъ въ 3 л. ед.

ед. 1	šnasa	véčksa
2	šnasak	véčksak
3	šnasè	véčksè
мн. 1	šnasyńik	véčksènek
2	šnasyńk	véčksèńk
3	šnasyž	véčksèž

1 ед. čausa, sajsa, mīsa, tejsa, stuysa, nusa, ŋeysa, орк. ŋefca, praɥsa, jumaɥsa, musa, maɣasa (valgiińt), vídiša, jovarca, kanca, kičkirca, valca, šimsa te čaškańt (выпью эту чашку), kadca, makssa, vačkitca, keŋkksa, pańčsa, pśtitca, pačsa (доставлю его или это).

2 ед. vancak, šopsak, musak, ŋesak, mušksak, sodasak, jumaɥsak, tusak, pēčksak, štaɥsak, ton sokasak umat (ты вспашешь свое поле), ton ŋefcak umańt (ты покажешь поле).

3 ед. kortasè, proštasè, azdasè, izńasè, palasè, idīsè, ŋesè, kirkšisè, pongaɥsè, ozaɥsè, kortaɥsè, čaɥsè, jumaɥsè, tokaɥsè, sèɥsè, sajsè; šimsè, vancè, kancè, valcsè (сниметъ), роčotcè (обсыплетъ); stukatcè, kelksè, kepetcè, keŋkksè, taputcè, vēhcsè (протянетъ), pańčsè (откроетъ), рucè (поставитъ). Въ Оркинѣ: čaɥsi, tonafci, kšnasī, no šejsè, ŋesè, ŋefcè, šouɥnèsè.

1 мн. mīń sonzy palasyńik (мы его поцѣлуемъ), kavańasyńik (угостимъ).

2 мн. туń šormacyńk sonza (вы его запишете), орк. pāčksyńk (вы его зарѣжете).

3 мн. syń zonzа ancyž (они его накормятъ), ozaɥcyš (посадятъ), орк. vārijafcyž (окровянятъ).

Объектъ въ 3 л. мн.

ед. 1	šnasyń	véčksèń
2	šnasyt	véčksèt
3	šnasyńže	véčksèńže

- мн. 1 šnasyńik večksėnek
 2 šnasyŋk večksėŋk
 3 šnasyž večksėž

- 1 ед. keřasyń, sodasyń, šulmasyń (я ихъ свяжу), kičkirisyń, jovřesėń, tarksisyń, usksisyń, sajsyń, tejsėń, řečksėń, keŋksėń, makssyń, орк. ěe čaškaťńńń vāši šimsyń (я вымою всѣ эти чашки).
 2 ед. sajsyť, орк. ton kšnasyť synct (ты ихъ хвалишь), ton vāšńisyť synct (ты ихъ разыщешь), ton čaŋsyť řicatńńń (ты убьешь этихъ птицъ).
 3 ед. sodasyŋže (онъ ихъ узнаеть), izńasyŋže, tokaŋsyŋže, lazny-syŋže, stakšnysyŋže, kašsyŋže, kortaŋsyŋže, arťńiŋsyŋže, kan-cyŋže, орк. son kacynžā synst (онъ ихъ оставить), keřcesėŋže, lousėŋže, čotcėŋže, орк. son ěesėŋžā synct (онъ ихъ видитъ).
 1 мн. mńń mńńc mańasyńik synct (мы сами ихъ обманываемъ), mńń mńńc modatńńń sokasyńik (мы сами вспашемъ эти земли).
 2 мн. tyń řřasyŋk synct (вы пропитаете ихъ), tyń šormasyŋk synct (вы ихъ запишете).
 3 мн. syń synct mańčisyž (они ихъ обманутъ), орк. syń synct vāľ'-fasyž (они ихъ покроютъ), rozėřasyž (срамятъ).

§ 192. Повелительное наклоненіе.

Объектъ въ 1 л. ед.

Объектъ въ 1 л. мн.

ед. 2 noldamak

noldamiz

мн. 2 noldamiz

noldamiz

ед. kandumak, kušćimak, kadumak (оставь меня), pařamak, usku-mak, sodamak, sajimak (возьми меня), nuřćimak, ozařtumak, štařtumak, mijimak, kundamak, putumak (поставь меня), toŋ-gomak (всунь меня)

мн. mařamiz, kekšėmez, sajimiz, ěelģėmez, palamiz, kandyviz, toŋģėmez (всунь насъ).

Объектъ въ 3 л. ед.

Объектъ въ 3 л. мн.

2 noldék putyk sajik

noldet putyt sajif

2 noldějk putyĭk sajiĭk

noldějk putyĭk sajiĭk

- 1 palyk (поцѣлуй его), učyk, varčyk, vanyk, kundyk, vanctyk, prošteĭk, ozněĭk, karavlik, varčik, tonaftyk, sokek, jokstěk.
- 2 putyt (поставь ихъ), loĭnět, keĭksět, vanyt, otorftět (дерни ихъ), artyt (покрой ихъ дымомъ), šormadyt, purnyt, naŭit, kajit, palcīt (поцѣлуй ихъ), vačkidiĭt, šérġedet, vétet, tejet, koĭet, teŭdet, orčet.
- 3 tonaftyĭk, maksyĭk, kadyĭk, uskiĭk, sajiĭk, jaŭiĭk, šimďiĭk, liŭtiĭk, vétetiĭk, keŭetiĭk, vešněĭk, keŭedeĭk, tejeĭk.

Какъ и въ неопредѣленномъ спряженіи, къ формамъ 2 л. ед. и мн. можетъ присоединяться -а, передъ которымъ к отвердѣваетъ.

2 ед. noldamaka (пусти-ка меня), sajimaka, targamaka, šimďimaka, maŭamaka, uŭadamaka, vadnimaka (вычисти-ка меня).

2 ед. varčifa (пусти-ка ихъ), pulyta.

2 мн. uskiĭka (везите его или ихъ), víjiĭka.

§ 193. Сослагательное наклонение. Окончанія тѣ же, что въ изъявительномъ. Но между глагольной основой и примѣтами -sa, -ta вставлена частица đafa.

Объектъ въ 1 л. ед.: 2 ед. palańďaŭasamak (если ты меня поцѣлуешь), veĭkeńďaŭasamak; 3 ед. čaŭińďaŭasamam, veĭkeńďaŭasamam, stuŭtyńďaŭasamam (если онъ меня забудетъ). — Объектъ въ 1 л. мн.: 2, 3 ед. и мн. ĭejeńďaŭasaĭiŭ (если ты насъ увидишь); 3 мн. ĭejeńďaŭasaĭiŭ (если они насъ увидятъ). — Объектъ во 2 л. ед.: 1 ед. palańďaŭatan (если я тебя поцѣлую), veĭkeńďaŭatan; 1 мн. kundańďaŭatadyŭ (если мы тебя схватимъ); 3 мн. keĭkšteńďaŭatadyŭ (если они тебя спросятъ). — Объектъ во 2 л. мн.: 1, 2, 3 ед. и мн. teŭdeńďaŭatadyŭ, palańďaŭatadyŭ (если я васъ поцѣлую). — Объектъ въ 3 л. ед.: 1 ед. palańďaŭasa, ramańďaŭasa (если я его куплю), орк. mon orčańďaŭasa odežam, to tujan ulčańgualt (если я надѣну свое платье, то пойду вдоль улицы); 2 ед.

palańdařasak (если ты его подѣлываешь); 3 ед. čaŋińdařasě (если онъ его убьетъ), орк. ramańdařasy, věčekńdařasy: son řačkńńdařasy łomańńt, to son dolžen tuims Čibiriŋ (если онъ убьетъ чело-вѣка, то долженъ идти въ Сибирь); 1 мн. mujińdařasyńik (если мы его найдемъ); 3 мн. ramańdařasyž (если они его купятъ). — Объектъ въ 3 л. мн.: 1 ед. ramańdařasyń (если я ихъ куплю), věčekńdařasyń, 2 ед. ŋejeńdařasyt (если ты ихъ увидишь), 3 ед. purnańdařasyńže (если онъ ихъ соберетъ), 1 мн. keŋkšteńdařasy-ńik (если мы ихъ спросимъ), 2 мн. tandaftyńdařasyńk (если вы ихъ напугаете), 3 мн. mujińdařasyž (если они ихъ найдутъ).

§ 194. *Желательное наклоніе.* — Объектъ въ 1 л. ед.: 2 ramamak, purnamak, sajimak, ŋejemak, 3 ramamam, purnamam, ředemam, 2 мн. ramańiž, purnańiž, ŋejemež, 3 мн. ŋejemež. — Объектъ въ 1 л. мн.: 2 purnańiž, ŋejemež, sajimiž, 3 sajimiž, 2 мн. purnańiž, sajimiž, 3 мн. ŋejemež. — Объектъ во 2 л. ед.: 1 ramatan, purnatan, ŋejetan, 3 ramanzat, purnanzat, ředenzat, ŋejenzat, sajinzat, lazynzat, řejenzat, šeženzat, 1 мн. ramadiž, sajidiž, ŋejedež, ramadiž, purnadiž, paladiž, 3 мн. ŋejedež. — Объектъ во 2 л. мн.: 1 ramadiž, ŋejedež, 3 purnadiž ŋejedež, 1 мн. ŋejedež, 3 мн. ŋejedež. — Объектъ въ 3 л. ед.: 1 ramasa, sasasa, ŋejesa, sajisa, řejesa, kundasa, targasa, maksysa, 2 purnyk, ŋejek, ramik, 3 řurnasa, kundasa, ŋejesa, kandysa, sajisa (чтобы онъ его взялъ), 1 мн. ŋejeseńek, purnasyńik, 2 мн. ŋejeseńk, purnasyńk, 3 мн. ŋejež, kundyž, sajiž, řejež; также: sasasyž (sasyž), keřasyž (keřež), tongasyž (tongež). — Объектъ въ 3 л. мн.: 1 ramasyń, ŋejeseń, 2 ramasyt, purnasyt, ŋejeseť, 3 sasanza, ŋejenza, řejenza, sajinza, kundanza, čaŋinza, purnanza, pultanza, ředenza, 1 мн.: ŋejeseńek, 2 мн. ŋejeseńk, 3 мн.: ŋejež, kundyž; также: pultasyž.

§ 195. *Прошедшее время.*

Объектъ въ 1 л. ед.

ед. 2 štyńik věčekemek

3 štyńim věčekemem

мн. 2 štyńiž věčkemež

3 štyńiž věčkemež

2 šimďimik, kirdimik, mańimik, kadyńik (ты меня оставилъ),
ton moń palymik (ты меня поцѣловалъ), vačkyďimik (ударилъ).

3 kadyńim, putymim, alftyńim, vanctymim, kučymim, jakimim,
uskimim, čavimim, nejemeń, keŭksteń, pońneń, řecke-
neń, mořeneń, son moń jofteneń (онъ про меня сказалъ),
pidimim, kajimim, pańimim, mačtimim.

3 мн. kadyńiž, vēčemež, sajimž, jovřemež, sēveńež, čavimž,
karmaftyńiž, štaftyńiž, syń moń čavimž (они меня побили).

Объектъ въ 1 л. мн.

ед. 2	}	kadyńiž, štyńiž, věčkemež, son
3		
мн. 2	}	rańimž mĩnik (онъ насъ купилъ).
3		

Объектъ во 2 л. ед.

ед. 1	štyń	věckteń
3	štyńžit	věcknežet
мн. 1	štyďiž	věckedež
3	štyďiž	věckedež

1 pokordeteń, kandyń, mon rańitiń toń (я тебя купилъ).

3 iźnińžit, tombeńžet, čijińžit, jakińžit, čavimž, pańžimž, son
toń moreńžet (онъ про тебя пѣлъ).

3 мн. andyďiž, syń toń tombedež (они тебя ушибли).

Объектъ во 2 л. мн.

ед. 1	}	štyďiž, věckedež, syń tyńk šeškedež (они ихъ мяли), son
3		
мн. 1	}	tyńk kyrvaštiftyďiž (онъ заставилъ васъ зажечь), mon tyńk uduftyďiž (я далъ вамъ спать).
3		

Объектъ въ 3 л. ед.

ед. 1	štyńe	večkeńe
2	štyk	večkek
3	štyže	večkeže
мн. 1	štyńik	večkeńek
2	štyńk	večkeńk
3	štyž	večkež

- 1 kandyńe (я его принесъ), kadyńe, peřgaftyńe, maksyńe, šorma-dyńe, otkazyńe, peksteńe, noldeńe, kerčestekšneńe, sokeńe, šul-mińe, tejeńe, sajińe, kildĩńe.
- 2 kadyk, kandyk, kalmaftyk, čavik, tangik, valik, uskik, pońnek, sevek, teškeke (ты слопалъ его).
- 3 palyže (онъ поцѣловалъ его), uštyže, andyže, putyže (онъ по-ставилъ его), rańiže, vatkiže, kapudĩže, pańiže, noldeže, jor-děže (онъ его вытряхнулъ), teježe, keũkšteže, орк. kũkšńižä, sävižä.

Объектъ въ 3 л. мн.

ед. 1	štyń	večkeń
2	štyt	večkeť
3	štyńže	večkeńže
мн. 1	štyńik	večkeńek
2	štyńk	večkeńk
3	štyž	večkež

- 1 л. peksteń, valĩń, mijiń, sodeń, mon synct maćtiń (я ихъ уложилъ).
- 2 л. pekstet, šežet, orčet, орк. ton synct kãrit (ты срубилъ ихъ)
- 3 л. kandyńže, pultyńže, lopaftyńže (намочила), maksyńže, kor-taftyńže, lakaftyńže (вскипятилъ), sasyńže, šulmińže, čavińže, pupsĩńže (тыкалъ), mińže (продалъ), peksteńže, son synct po-řeńže (онъ ихъ загрызъ), орк. son synct tãrdĩńžä (онъ ихъ позвалъ).

§ 196. *Сослагательное наклонение прошедшего времени.* Въ Оркинѣ основы: *gamauli, veckeule, sokauli, pačkiuli* и т. д., а въ Сухомъ Карбулакѣ: *gamaŭi, veckeŭe, sokaŭi, peckeŭe*.

Объектъ въ 1 л. ед.: ед. 2 *pañilimik, simdivlimik*, орк. *veckevlemek*, 3 *pañilimim, anduvlimim*, орк. *sonovlemež, simdivlimiz, pañilimiz, sukuvlimiz*. — Объектъ въ 1 л. мн.: ед. 2, 3, мн. 2, 3: *pañilimiz, tyñ by minik ramavlimiz, ton minik veckevlemež, son by minik palcivlimiz, syñ by minik stukadivlimiz*. — Объектъ во 2 л. ед.: ед. 1 *noldalitin, pañilitin, sezeleten, nililitin*, орк. *palaulitin, pañilinzit, žaŭalinzit, zдохaninzit*, орк. *son by ton veckevlenžet, ramavlinžit*, мн. 1 *pañilidiz, min by ton kekševledež, pañilidiz, syñ by ton muivlidiz*. — Объектъ во 2 л. мн.: ед. 1, 3, мн. 1, 3: *pañilidiz, mon tyñk kaminvidiz* (я повѣрилъ бы вамъ), *son by tyñk šornadyvidiz* (онъ бы васъ записалъ). — Объектъ въ 3 л. ед.: ед. 1 *pañiline, čaviline*, орк. *mon sonza ramauline, tärdivline*, 2 *pañilik, ton sonza veckevlek, pañilize, son sonza jakaulize* (выѣздилъ бы его), мн. 1 *pañilimik, 2 pañilijk, 3 pañiliz*. — Объектъ въ 3 л. мн.: ед. 1 *pañilin, mon synct kalmaulin, 2 pañilit, ton synct veckevlet, pañilinge, son by synct sokaulinža, pañilimik, min by synct sonovlemež, 2 pañilijk, tyñ by synct kočkaulijk, 3 pañiliz, syñ by synct maŭauliz*.

§ 197. *Желательное наклонение прошедшего времени.*

Объектъ въ 1 л. ед.: ед. 2 *ramaksylimik, 3 ramaksylimim, мн. 2 ramaksylimiz, 3 ramaksylimiz*. — Объектъ въ 1 л. мн.: ед. 2, 3, мн. 2, 3: *ramaksylimiz, pañiksyylimiz*. — Объектъ во 2 л. ед.: ед. 1 *ramaksylitin, 3 ramaksylinzit, мн. 1 ramaksylidiz, 3 ramaksylidiz*. — Объектъ во 2 л. мн.: ед. 1, 3, мн. 1, 3: *ramaksylidiz*. — Объектъ въ 3 л. ед.: ед. 1 *ramaksyline, 2 ramaksylik, 3 ramaksylice, мн. 1 ramaksylimik, 2 ramaksylijk, 3 ramaksyliz*. — Объектъ въ 3 л. мн.: ед. 1 *ramaksylin, 2 ramaksylit, 3 ramaksylinge, мн. 1 ramaksylimik, 2 ramaksylijk, 3 ramaksyliz*.

§ 198. *Условное наклонение прошедшаго времени* образуется изъ соединенія формъ сослагательнаго наклоненія прошедшаго времени съ частицей *daša* (*dašak*): орк. *mon miiŋŋine daša alašaŋt*, *gamavŋin by skal* (если бы я продалъ лошадь, я купилъ бы корову); *ton tapavŋik daša valmaŋt*, *to panduŋŋik* (если бы ты разбилъ окошко, то заплатилъ бы), *ješŋi by mon toŋ večkeŋŋeteŋ daša*, *to ton avuŋŋimik maŋa moŋ* (если бы я тебя полюбилъ, ты бы не обманывалъ меня); *ješŋi by syŋ aŋŋaŋŋimiz daša*, *to by min auŋŋimik prostudaŋ* (если бы они согрѣли насъ, то мы бы не простудились); *son miiŋŋize daša alašaŋt*, *to savuŋ by jalga* (если бы онъ продалъ лошадь, то пришелъ бы пѣшкомъ).

§ 199. *Опредѣленное спряженіе въ соединеніи съ отрицаніемъ.* Къ формамъ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, настоящаго времени условнаго наклоненія, а также сослагательнаго наклоненія присоединяется отрицаніе *a*: *avečksa* (я его не люблю), *azdasə* (онъ этого не знаетъ), *agamandašatan* (если я тебя не куплю), *mon doŋ agamaksyŋŋim* (я бы желалъ тебя не купить), *mon asasaksyŋŋim* (я желалъ бы тебя не догнать).

Всѣ остальные наклоненія настоящаго времени, а также прошедшее время во всѣхъ его наклоненіяхъ образуются посредствомъ соединенія вспомогательныхъ глаголовъ, слитыхъ съ отрицаніемъ, и глагольных формъ указанныхъ выше, въ § 180.

§ 200. *Желательное наклонение съ отрицаніемъ.* Спряженіе вспомогательнаго глагола.

Объектъ въ 1 л. ед.

Объектъ въ 1 л. мн.

ед. 2 *iŋamak*

3 *iŋamam*

мн. 2 *iŋamiz (iŋimiz)*

3 *iŋamiz (iŋimiz)*

iŋamiz (iŋimiz)

Объектъ во 2 л. ед.

- ед. 1 ilatan (ilazatan)
 3 ilanzat
 мн. 1 iladyž (ilīdīž)
 3 iladyž (ilīdīž)

Объектъ во 2 л. мн.

} iladyž (ilīdīž)

Объектъ въ 3 л. ед.

- ед. 1 ilasa
 2 ilak, ilasak
 3 ilasè, ilasy (ilassa)
 мн. 1 ilasyńik (ilīńik)
 2 ilasyńk (ilīńk)
 3 ilaž, ilasyž (ilīž)

Объектъ въ 3 л. мн.

- ilasyń (ilīń)
 ilasyt (ilīt)
 ilanza, ilasyńže (ilīńže)
 ilasyńik (ilīńik)
 ilasyńk (ilīńk)
 ilaž, ilasyž (ilīž)

Примѣры: ilasa tejť kudyńť (чтобы я не сдѣлалъ дома), son nakazaš, ilasak čaft alašańť (онъ наказывалъ, чтобы ты не билъ лошади), ilasy čaft (чтобы онъ не билъ), ilasyń žaft sonzy alašanza (чтобы я не билъ его лошадей), ilasyt čaft — (чтобы ты не билъ его лошадей), ilanza čaft — (чтобы онъ не билъ его лошадей), ilasy-ńik čaft; ilaž žaft; ilaž gundak или gunda (какъ бы его не поймали), ilasyž gunda (то же); ilanza или ilasyńže čaft (какъ бы онъ ихъ не побилъ); ilamak stuť (какъ бы ты забылъ меня); орк. príkazak tanza, što by son bojkasta pańiza, ilassa sasa lomań (прикажи ему, чтобы онъ погонялъ скорѣй, какъ бы его не догналъ человекъ), ton mālǵan vant, son ilamam čađ (ты смотри вокругъ меня, чтобы онъ меня не побилъ). — Заключенныя въ скобки формы употребляются въ Оркинѣ: ton molat maryst, da vanyk ilīdīž čađ (ты пойдешь съ ними, да смотри, чтобы они тебя не побили); vanyk, ilīž kunda alašańť (смотри, чтобы они не взяли лошадь).

§ 201. *Повелительное наклоненіе съ отрицаніемъ.* Спряженіе вспомогательнаго глагола.

Объектъ въ 1 л. ед.

ед. 2 iłamak

мн. 2 iłamiz (iłimiz)

Объектъ въ 1 л. мн.

} iłamiz (iłimiz)

Объектъ въ 3 л. ед.

ед. 2 iłak

мн. 2 iłank (iłiŋk)

Объектъ въ 3 л. мн.

iłat (iłit)

iłank (iłiŋk)

Примѣры: iłak čaft (не бей его), iłat čaft (не бей ихъ), iłamak kelmešt (не заморозь меня), iłamak ġama, iłank kaġa (не накидывайте на нихъ), iłat kaġse sortnen (не выбрасывай моихъ соринокъ). Съ усиливающей частицей -а: iłanka poldak (не пускайте его). Формы, заключенныя въ скобки, употребляются въ Оркинѣ.

§ 202. Прошедшее время изъяснительнаго наклоненія съ отрицаніемъ. Спряженіе вспомогательнаго глагола.

Объектъ въ 1 л. ед.

ед. 2 ezeńek

3 ezeńeń

мн. 2 ezeńež

3 ezeńež

Объектъ въ 1 л. мн.

} ezeńež

Объектъ во 2 л. ед.

ед. 1 ezeńeń

3 ezeńžet

мн. 1 ezeńež

3 ezeńež

Объектъ во 2 л. мн.

} ezeńež

Объектъ въ 3 л. ед.

ед. 1 ezeńe

2 ežek

3 ezeže (eše)

Объектъ въ 3 л. мн.

ezeń

ežet

ezeńže

мн. 1 ežeńek

ežeńek

2 ežeŋk

ežeŋk

3 ežež

ežež

Въ Оркинѣ: āzīmīk, āzīmīm, āzīmīž, āzītīn, āzīnžīt, āzīdīž, āzīnā, āzik, āzizā (āssā), āzīnīk, āzīŋk, āzīž, āzīn, āzīt, āzīnžā, и т. д.

Примѣры: ežeńeń bīma (онъ меня не принялъ), ežeńek vadīe (ты меня не вычистилъ), ežek puŋīi (ты его не клалъ), ežedež žija (они не просватали тебя), ežeŋže sasa (онъ не догналъ ихъ).

§ 203. *Прошедшее время сослагательнаго наклоненія съ отрицаниємъ.* Спряжение вспомогательнаго глагола.

Объектъ въ 1 л. ед.

Объектъ въ 1 л. мн.

ед. 2 aulīmīk

3 aulīmīm

мн. 2 aulīmīž

3 aulīmīž

} aulīmīž

Объектъ во 2 л. ед.

Объектъ во 2 л. мн.

ед. 1 aulītīn

3 aulīnžīt

мн. 1 aulīdīž

3 aulīdīž

} aulīdīž

Объектъ въ 3 л. ед.

Объектъ въ 1 л. мн.

ед. 1 aulīne

2 aulīk

3 aulīze

мн. 1 aulīmīk

2 aulīŋk

3 aulīž

aulīn

aulīt

aulīnže

aulīmīk

aulīŋk

aulīž

Въ Оркинѣ: avyliník, avyliním, avyliníz, avylinízit, avylíz и т. д.

Примѣры: aulíz zala или zalak (какъ бы не украли его, ихъ), pelen kabu avyliníz gunda (боюсь, какъ бы меня не поймали), aulidíz žaft (какъ бы они тебя или васъ не побили), auliné jumaft (какъ бы я не потерялъ), aulini tara butulkañt (какъ бы я не разбилъ бутылку), kudytnín aulinže pulta (какъ бы онъ не сжегъ эти дома); орк. min toñ avyldíz saí, ješliby avylit efaд (мы бы тебя не взяли, если бы ты не былъ нуженъ), tuñ avylinjk šesta řett pmañt (вы бы не скосили тогда загона), kabu mon avyliniñ tandaf (какъ бы я тебя не напугалъ), kabu mon avyliniñ gama, to jarmakyn eščo kaduvyl't (еслибы я тебя не купилъ, то у меня остались бы еще деньги).

§ 204. *Прошедшее время условнаго наклоненія съ отрицаніемъ.* Образуется посредствомъ присоединенія частицы *ďařa* (*ďařak*) къ формамъ прошедшаго времени сослагательнаго наклоненія: aulíz makst *ďařa* (если бы онъ или они не дали его или ихъ); kiskañt aulini *čaft* *ďařa* (если бы я не убилъ собаку).

Оглавление.

СТРАНИЦА.

Предисловіе 1—IX

Отдѣлъ I. Преданія 1—56

А. Оркино. (Начало Оркина: первые поселенцы — 1; Старинныя преданія: Петровский погъ, Пугачевцы, происхождение нѣкоторыхъ семействъ — 6; Пожаръ, падежъ скота, людской моръ — 15; Умный старшина — 17; Устройство садовъ — 18; Преданія о крещеніи — 19; Воспоминанія о морѣ и голодѣ — 22).

Б. Сухой Карбулакъ. (Начало Сухого Карбулака: старикъ Павелъ; помѣщикъ Апраксинъ, его наслѣдники — 25; Герасимъ «первоумершій» — 34; Грузинскій царевичъ и крещеніе мордвы — 35; Какъ въ прежнее время заключались браки — 36; Женихъ-ребенокъ — 37; То же — 38; Наказаніе вдовы за ослуживаніе — 38; Жестокіе нравы — 39; Расположеніе селенія — 40; Силачъ старикъ Одай — 41; Отъѣзжее гумно — 42; Кабакъ — 43; Барскій дворъ — 44; О томъ, какъ прудили воду «Верхней мельницы» — 45; Какъ перешла мордовская земля къ русскому князю — 46; Преданіе о выборѣ мѣста подъ поселеніе — 48; Жестокіе нравы — 49; Воспоминанія старушки о крѣпостномъ времени — 50; Барщина — 54; Пугачевцы — 55).

Отдѣлъ II. Обычай 57—186

А. Оркино. (Старинныя моленія — 57; То же — 58; Современные поминки — 61; Косточка-невидимка — 71; Семиверстные сапоги — 72; Кладъ Стеньки Разина — 73; Старинный бытъ — 74; Гаданія — 81; Ворожба противъ безплодія — 82; Старинныя забавы — 83; Ранніе

браки—85; Ручные жернова—86; Женскія заботы—86; Ругательства—88; Заговоры—89; Моленіе на могиллах—89; Молитвенное приговариваніе—91; Отговоръ—92; Заговоръ отъ болѣзни—93; Заговоръ на счетъ двора—93; Молитва и жертва Юртавъ—94; Заговоръ при паденіи ребенка—95; Молитва тремъ богамъ, когда человѣку попритчится—96; То же при болѣзни—97; Жертвоприношенія во время рождества—98; Молитва Юртавъ о благополучіи—99; Мѣрваніе стана—99; Ворожба надъ дѣтьми—100; Ворожба при болѣзни отъ глазу—101; Заговоръ надъ рубашкой—103; Молитва передъ пашней—103; Другія молитвы—104; Обнаруженіе укравшаго при помощи сухой лутошки—104; Игры—105; Наряды—126; Чертогонъ—126).

Б. Сухой Карбулакъ. (Гаданія наканунѣ новаго года—127; Гаданія и обычаи въ другіе дни—131; Примѣты—138; Какъ ежъ самого себя проклялъ—141; Разсказъ старушки о старинныхъ обычаяхъ—142; Молитвы и приговариванія по разнымъ случаямъ—145; Какъ поютъ мордовскія пѣсни—148; Изъ стариннаго житія—148; Какъ давались личныя имена—149; Богъ-Чуръ—150; Медвѣдь—это проклятый человѣкъ—150; Антихристъ—151; Юртавы—151; Изъ старины—154; Болѣзни, заговоры отъ нихъ—155; Уходъ за ребенкомъ, заговоры—157; Цѣлебныя травы—160; Цѣлебныя приемы—162; Цѣченіе жабы—167; Цѣченіе грыжи—168; Заговоры отъ зубной боли—168; Заговоръ отъ обжога—169; Какъ лѣчатъ ячмень на глазу—169; Какъ лѣчатъ отъ паденія въ воду—170; Какъ удаляютъ воду, попавшую въ уши при купаніи—171; Какъ мордвинъ заговорилъ чирій у русскаго—172; Неумѣлая колдунья—173; Цѣченіе отъ изжоги, отъ удушья, отъ глазного ячменя—174; Ворожба: «бросаніе ногтями»—175; О складахъ—175; Объ одеждѣ—179).

Отдѣлъ III. Свадьба 187—250

А. Оркино (187).

Б. Сухой Карбулакъ (213).

Отдѣлъ IV. Сказки 251—395

А. Оркино. (Коза и козлята—251; Старикъ, медвѣдь и лисичка—253; Медвѣдь, лисичка и кадушечка меду—255; Старикъ, старуха и медвѣдь—258; Мальчикъ и дѣвочка, попавшіе къ бабѣ-ягѣ и освободившіеся отъ нея, при чемъ мальчикъ былъ превращенъ затѣмъ въ козленка—262; Брошенные въ воду царица и царевичъ, чудесное ихъ освобожденіе и прославленіе—267; Обреченный нечистому юноша—275; Емеля-дурачекъ и отпущенная имъ на свободу рыба — 288; Мальчикъ съ пальчикъ—303; О томъ, какъ женился Гриша Трофимовъ—305).

Б. Сухой Карбулакъ. (Козочка и козлята—309; Пѣтушокъ и кошечка—313; Старикъ и медвѣдь—320; Сестрица-лелѣшка—322; Старикъ съ пудовой бородой, старушка съ войлочнымъ брюхомъ и проч.—327; Дѣвушка и разбойники—328; Дуракъ и теленокъ — 330; Старуха и рѣпное зерно — 331; Какъ сестра погубила сестру—334; Превращенная въ голубку дѣвочка — 337; Снѣгурочка — 340; Злая мачеха и медвѣдь—345; Злая мачеха и баба-яга—350; Обреченный нечистому юноша — 350; Мужъ и жена, колдунъ и колдунья — 370; Мальчикъ съ пальчикъ — 375; Какъ похоронили собачку — 378; Злая дѣвушка — 383; Дуракъ, выручившій братьевъ—386; Кадушечка меду—389; Какъ сынъ хоронилъ отца—391; Какъ старуха поминала своего покойнаго мужа — 392; Унесенный ворономъ ребенокъ—394).

Отдѣлъ V. Загадки, пословицы, поговорки 396—408

А. Оркино (396).

Б. Сухой Карбулакъ (399).

Отдѣлъ VI. Пѣсни 409—620

А. Оркино. (Маша и извозчикъ — 409; Вдова солдатка и нелюбимый ея сынъ — 411; Проклятый женою мужъ — 413; Зловѣщій сонъ дѣвушки — 416; Видѣли ли вы красиваго Семушку?—418; Гибая, жена пастуха — 420; Жена узнаетъ отъ пролетающихъ птицъ о судьбѣ своего мужа — 422; Катя, Катюша,

Катеринуша—424; Какъ прудили рѣчку Симбирку—425; Конецъ той же пѣсни въ прозаическомъ вариантѣ—427; По лугу ходить старая лошадь—429, 430, 431; Луша, проклятая во чревѣ матери—434; Жена разбойника—436; Горе солдата—438; Андымъ, пахавшій землю на своихъ родителяхъ—440, 444; Пелагея ищетъ смерти и похоронена живою—446; Изгнанный изъ родительскаго дома—449; Ирина Силантьева и Семень извозчикъ—452; Шаткинское поле—453; Солдатъ узнаетъ отъ пролетающихъ птицъ о бѣдствіи семьи—455; Солдатъ черезъ пролетающихъ птицъ передаетъ о своихъ нуждахъ—458; Проклятый сынъ—459; Дарюша спасаетъ дитя своей мачехи—461; Какъ Маша зарѣзала мужа—464, 465; Акулина, взятая замужъ на небо—466; Оленушка, бѣжавшая съ татарами—469; То же въ прозаическомъ вариантѣ—472; Акулина Дмитріева семь лѣтъ не хочетъ знать мужа—473, 475, 477; Мордовка—татарская полонянка—478; Контора или нечаянная встрѣча помолвленныхъ—480; Прозаическій пересказъ пѣсни объ охотникѣ и змѣѣ—483; То же въ неточной передачѣ—484; Охотникъ и лѣсная утка—486; Мордвинъ (мокша)—татарскій полоняникъ, въ прозаическомъ пересказѣ—488, 489; Причитанія—493; Колыбельныя пѣсни—501; Нѣкоторые старинныя пѣсенки—503; Скоморошныя—512; Колядованья—517).

Б. Сухой Карбулакъ. (Литюва—521; Вдова солдатка и нелюбимый ею сынъ—527; Какъ молодая жена убила своего мужа-ребенка—529; Пчелиная матка—531; Агута—533; Несчастный Тюгай, погубившій свою мать—535; Опыняѣла я, сноха, опыняѣла—539; Проклятый женою мужъ—511; Паксяльтъ и его лошадь Саврасый—513; Мокша, отбившійся отъ разбойниковъ—516; Быть можетъ, мы увидимъ бурлака Семена—519; Изгнанный изъ родительскаго дома—550; Дарюша, любимая дочь отца—553; По лугу ходить старая лошадь—555; Луша, проклятая во чревѣ матери—556; Царь Павелъ Петровичъ—558, 559; Горе солдата—560; Кемельте, похороненная живою—562; Старуха Сюмурга сватаетъ въ Пензѣ невѣсту своему сыну—561; Старикъ морозъ—568; Арчиловъ (Сухой Карбулакъ)—570; Мордвинъ—татарскій полоняникъ—573; Просьба къ деверю купить колоколь—576; Какъ попалась въ кражѣ Матрена Иванова—578; Несправедливая отдача въ рекруты—

580; Контора или нечаянная встрѣча помолвленныхъ—
581; Акамка, принесенная въ жертву мельницѣ—581;
Колыбельныя пѣсни—586; Колядки—593; Святочные
пѣсни—601; Весеннія пѣсни—603; Заплачки—611;
Прчитаніе въ бѣдности—620).

Отдѣлъ VII. Разказы, письма и прочее 621—666

А. Оркино. (Жизнеописаніе В. С. Саюшкина—
621; Письмо І. А. Цыбина—630).

Б. Сухой Карбулакъ. (Жизнеописаніе Р. Ѳ.
Учаева — 636; Разказъ Р. Ѳ. Учаева о старикѣ Ѳе-
дорѣ — 642; Воспоминанія старушки Учаевой — 646;
То же—649; Воспоминанія Р. Ѳ. Учаева—650; Разго-
воръ двухъ крестьянъ—653; Недоразумѣніе по поводу
Портъ-Артура—654; Разговоръ женщины съ гостемъ
—655; Разговоръ двухъ сосѣдей—659; То же—660;
Разказъ о разсѣянномъ мордвинѣ — 662; Разказъ
сосѣда сосѣду о произведенной у него кражѣ — 664;
Разказъ о колдунѣ—666).

Приложенія.

I. Пѣсни, записанныя І. А. Цыбинымъ отъ не- оркинской мордвы, а также записи учителя Леонтьева и другія 667—680

(Анюта избавляется отъ мужа-ребенка—667; Ва-
нюша губить нелюбимую свою жену—668; Несчаст-
ный Дементій, погубившій свою мать—670; Какъ
погубили снохи Анюту — 673; Уляша, бѣжавшая съ
татарами—674; Какъ Машуня зарѣзала своего мужа—
677; Душа, проклятая во чревѣ матери—679).

II. Извлеченіе изъ историко-географическаго описанія Озерской волости Саратовскаго уѣзда, составленнаго А. Н. Минхомъ . . . 681—720

III. Очеркъ звуковыхъ особенностей и краткая морфологія Сухокарбуладкаго и Оркинскаго говоровъ 721—842

(Звуковой составъ. Гласныя—721; Согласныя—737; Взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ—755; Удареніе — 759; Къ исторіи неударяемыхъ слоговъ. Первый экскурсъ — 761; Къ исторіи неударяемыхъ слоговъ. Второй экскурсъ — 773; Краткій очеркъ морфологіи. Склоненіе существительныхъ и мѣстоименій — 777; Спряженіе глагола — 810).

Опечатки.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
6	5 снизу	съ	ея
26	12 снизу	господское	мѣсто господское
171	2 снизу	которыя	который
189	2 сверху	ѳаѳа	ѳаѳа»
251	1 сверху	Отдѣлъ III	Отдѣлъ IV
259	9 сверху	ma-scuyiik	ma-kscuyiik
413	16 сверху	Стихъ испорченъ	Стихъ испорченъ. Варіантъ (Оркин-скій): Верѣ ортава лиѳтизя.
435	12 сверху	Сарам'	Ѕарам'
439	4 сверху	soñ	son
525	12 сверху	ѳотака	ѳотака: